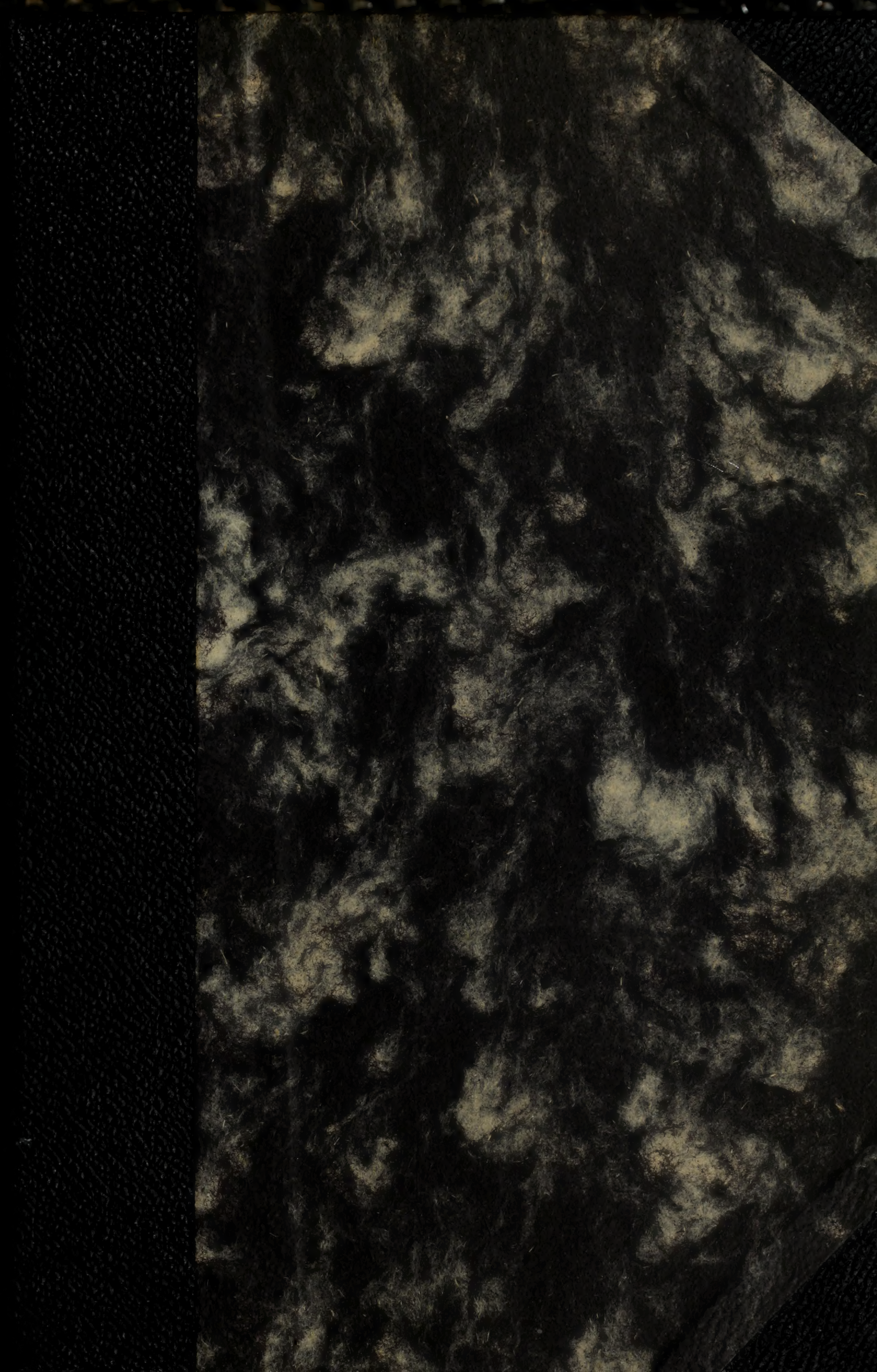
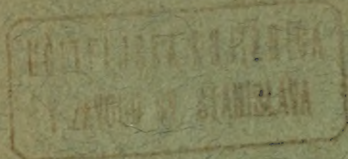




SLAVIA

ČASOPIS PRO SLOVANSKOU FILOLOGII

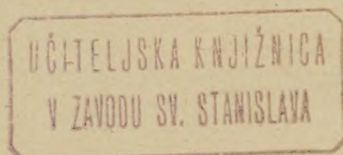
S podporou

ministerstva školství a národní osvěty

vydávají

O. HUJER a M. MURKO

Ročník I.

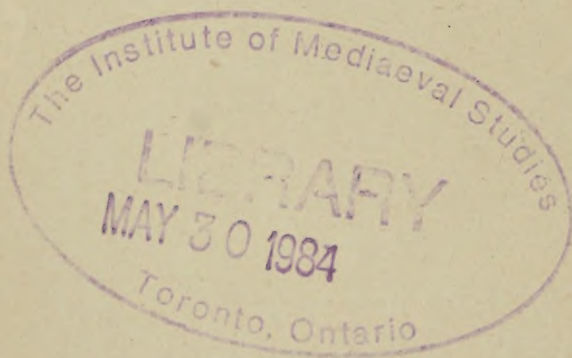




TISKEM A NÁKLADEM

ČESKÉ GRAFICKÉ UNIE A. S. V PRAZE

1922 — 1923



Úvodem.

Když bylo roku 1920 zastaveno vydávání Archivu für slavische Philologie a slovanská filologie pozbyla tak ústředního orgánu, jenž sdružoval k společné práci pěstitele slovanských studií z různých zemí slovanských i slavisty neslovanské a v němž se tak soustřeďovalo úsilí o poznání duševního vývoje Slovanstva, bylo jasno, že slovanská filologie, utěšeně se rozvíjející v jednotlivých kulturních střediscích slovanských a v časopisech tam vycházejících, bez takového jednotícího střediska býti nemůže a že bude nutno založiti časopis, jenž by převzal úkol, Jagićovým Archivem tak zdárně plněný a jeho zánikem nyní opuštěný.

Po delších úvahách a poradách rozhodli se slavisté university pražské vydávati takový časopis. Domnívali se, že nyní přišla doba, kdy třeba přihlásiti se k odkazu zakladatelů slavistiky Durycha a Dobrovského. Nalezše plné porozumění pro tuto myšlenku u ministerstva školství a národní osvěty, jež svou podporou hmotně zabezpečilo nový podnik, jednali se slavisty ostatních národů slovanských o tomto plánu, jenž všude přijímán a posuzován příznivě. Ujistivše se takto souhlasem a podporou všeho vědeckého světa slovanského přistupují k vydávání časopisu, jehož úkolem je studium Slovanstva po těch stránkách, jež jsou předmětem věd filologických v širokém smyslu tohoto slova, t. j. slovanská linguistika, literární historie, starožitnosti a národopis, starší a kulturní dějiny, pokud souvisí s disciplinami filologickými.

Slovanský má býti časopis ten nejen obsahem, ale i formou: je zajisté požadavek zcela přirozený, aby věda o Slovanstvu, od Slovanů především pěstovaná, mohla býti v ústředním svém orgáně pěstována jazyky slovanskými, aby Slované mohli o výsledcích svého studia vykládati jazykem mateřským; při tom není bez významu i ta okolnost, že takovým způsobem vedeni jsou pěstitelé slovanských studií k tomu, aby se více seznamovali s jednotlivými jazyky slovanskými. Ale jest ovšem spolupracovníkům ponecháno na vůli psáti i jedním z jazyků světových (angl., franc., ital., něm.). Očekáváme ovšem, že vedle »Revue des études slaves« budou vycházeti

orgány, věnované slovanským studiím, také v anglické a německé řeči. Vítáme tento pokrok v slavistice a doufáme, že časopisy ty budou podávati mimoslovanskému světu zprávy o důležitějších zjevech slovanské filologie a nám tak usnadňovat naše úkoly.

Právě tak se chceme vzájemně podporovati a o práci děliti s odbornými časopisy slovanskými. Naše články, recense, referáty a zprávy budou co možná věnovány všeobecným slovanským a mezislovanským otázkám, Slovanstvu jako celku a významným zjevům u jednotlivých slovanských národů. Vědecké výtěžky speciálnějších badání musí se stávati známými širším slovanským kruhům a z jednotlivostí mají se vyvozovati důsledky pro poznání celku. Budeme se snažiti co nejrychleji informovati o důležitějších pracích a o organisaci vědecké práce slavistické, o učených společnostech, o sjezdech, o chystaných nebo prováděných podnicích a o personáliích. Zvláštní pozornost budeme obraceti k přehledům z toho neb onoho oboru, ale soustavné bibliografie nebudeme přinášeti, poněvadž pro lingvistiku ji pořizuje vzorně krakovský »Rocznik slawistyczny«; pro literární historii, starožitnosti a národopis už takovou práci konají anebo ji mají konati časopisy u jednotlivých slovanských národů.

Časopisu dali jsme význačné, pro citování snadné a pro bibliotekáře vhodné jméno. Naše »Slavia« přichází sice pozdě po Anglii, Germanii a Romanii, ale její myšlenka je stará: již roku 1789 navrhoval lužický Němec Anton Dobrovskému vydávání časopisu »Slavia« pro všeobecné slavistické otázky a sám chtěl s ním roku 1790 začíti, ale nenašel nakladatele. Dobrovský sice návrhu Antonova také neprovedl, ale myšlenka a jméno byly mu vzorem při vydávání »Slavína« a »Slovanky«.

V památném roce začíná Slavia vycházeti. Uplynulo právě sto let od vydání Dobrovského »Institutiones linguae slavicae dialecti veteris«, jež byly dlouho základem a východiskem všech studií o slovanských jazycích. Dílo vzniklo na podnět a za živé účasti Slovince Kopitara ve Vídni, ale po leckteré stránce předešel Dobrovského již Vostokov v Petrohradě znamenitým »Razsuždeniem«. Jaký pokrok učinila slavistika od této doby u všech slovanských a jiných národů! Vděčni svým předchůdcům chceme pokračovati společnou prací v jejich duchu. Proto také máme naději, že časopis náš bude všude přijímán se stejnými city, s jakými Kopitar vítal v Dobrovského Slavíně »frohe Botschaft aus Böhmen«. Budiž »Slavia« opravdu dobrým poselstvím z Prahy a krajů, které byly kolébkou slovanské filologie!

Vzpomínka.

Z let svých literárních počátků — prožil jsem je od r. 1860 až do r. 1871 v Záhřebě — nejraději vzpomínám na dobu, kdy jsem se účastnil redakce časopisu Književnik (1864—66). Tehdy jsem po prvé poznal na sobě, jaké kouzlo skýtá literární orgán tím, že duševně spojuje se známými a neznámými čtenáři, s lidmi stejných názorů i s lidmi názorů opačných. Naši tehdejší radostnou chuť k práci povznášelo pomyšlení a naděje, že tímto prvním jen vědeckým časopisem chorvatským, umožněným podporou Strossmayerovou, dokážeme, že jsme dospělí pro toužebně očekávanou jihoslovanskou akademii věd. Mně pak samému pomohl Književnik navázati hojné styky se zástupci slovanské filologie, které velmi přispívaly k mému rozvoji; především jest jmenovati z Bělehradu Daničiće a jeho nadaného žáka St. Novakoviće, který se brzy připojil, z Vídně bratry Jirečky a Bogišiće a z Petrohradu I. I. Sreznevského, člena petrohradské akademie věd. Již tehdy se začalo naše stálé dopisování, a nejen s nimi, ale také ještě s mnoha jinými. Časopisu se dařilo tak dobře, že umlkly námitky proti ustavení jihoslovanské akademie, třebaže skrytě žila dále nevraživost starých na mladé.

Léta míjela, osud zanesl mne r. 1871 do Oděsy a odtud r. 1874 do Berlína. Tam na nově založené stolici slovanské filologie seznal jsem brzy, že moje učitelská činnost mne samého nemůže uspokojiti. Mohl jsem čísti jen o jazyku ruském privatissime et gratis, jak se tehdy říkalo. A bylo nasnadě, že jsem — abych si nahradil tak malý úspěch na universitě — pomýšlel na to založiti časopis pro slovanskou filologii. Rychle rozhodnuto, šlo jen o to, provésti záměr. Napřed bylo třeba nalézti nakladatele. Za svých studií klasické filologie na universitě obeznámil jsem se s rozličnými vydáními Weidmannova nakladatelství. Proto jsem se rozhodl, tam zaklepati nejdříve, třebaže jsem tam sám nikoho neznal. Písemně vyložil jsem stručně a jadrně plán své myšlenky. Několik neděl čekal jsem marně na odpověď a pokládal jsem tu věc již za ztracenou. Tu jeden čtvrtek, kdy bývalo sedění berlínské filosofické fakulty, požádal mne

1*

kolega Mommsen o výklad pro svého švagra, jaký to časopis mám na mysli. Velmi překvapen — nedal jsem to však znáti — dověděl jsem se teprve nyní, že jest H. Reimer, majetník Weidmannova nakladatelství, švagr Mommsenův. Mommsen zajisté myslil, že vím o tom příbuzenství a proto že jsem se obrátil k tomuto nakladatelství. Jistě však mně tato věc připravila cestu, a když jsem Mommsenovi znovu dopodrobna vyložil svůj plán a zvláště když jsem zdůraznil, že jde o mezinárodní vědecký podnik psaný německým jazykem, slíbil mi souhlas Reimerův a vyzval mne, abych dále jednal sám o jednotlivostech s Reimerem. Měl jsem za to, že časopis má doplňovati mou neúplnou činnost na universitě, a nežádal jsem tedy na nakladatelství žádných výhod pro sebe. Proto jsme se brzy dohodli. Mommsen vymohl dokonce i podporu ministerstva, ta umožnila, že nakladatelství mohlo platiti mírné honoráře.

Nyní bylo poohlédnouti se po spolupracovnících. Především to byli oba zástupci slovanských studií v Německu (Leskien v Lipsku a Nehring ve Vratislavi), které jsem získával k spolupráci — oba mi slíbili velmi ochotně. A skutečně na prvních pěti svazcích byli jmenováni na titulním listě jako spolupracovníci jen Leskien a Nehring, od šestého svazku do desátého přistoupil ještě Brückner, můj nástupce na berlínské stolici. Od jedenáctého svazku, to jsem již byl ve Vídni, rozšířil se kruh spolupracovníků tak, že mezi nimi byli jmenováni i Gebauer, Jireček, Miklosich, Novaković a Veselovskij. Od třináctého svazku vypadlo jméno Miklosichovo, poněvadž zemřel r. 1891, zato přibylo na titulním listě šestnáctého svazku jméno Oblaka, mého nezapomenutelného, milovaného žáka vídeňského; to však musil jsem škrtnouti již na svazku osmnáctém, poněvadž jej r. 1896 v mladých letech odňala smrt slovanské vědě. Další změna se stala při dvacátém osmém svazku, zemřel r. 1906 můj věrný přítel A. Veselovskij a na jeho místo přijal jsem mezi spolupracovníky F. Fortunatova a A. Sobolevského. Nová změna nastala při třicátém svazku, neboť r. 1907 zemřel věrný spolupracovník Nehring, druhý nejstarší spolupracovník Leskien současně s Brücknerem vystoupili z jiných příčin a Gebauer také zemřel již r. 1907. Musil jsem počet spolupracovníků nově doplniti, na titulním listě byla nyní jména: Dielsovo, Fortunatova, Jirečkovo, Miletičovo, Novakovićovo, Polívkovo, Rešetarovo, Sobolevského a Štrekeljovo. Brzy ztratil časopis i Štrekelja a Fortunatova, již zemřeli, a také dávného věrného přítele Novakovića a Jirečka; za ně nastoupil Broch. Válečná léta přerušila také styky s Ruskem a Bul-

harskem, takže na posledním, sedmatřicátém svazku byla na titulním listě již jen jména: Brochovo, Dielsovo, Polívkovo, Rešetarovo a W. Schulzeho. Prof. W. Schulze zastupoval po odstoupení Brücknerově přátelsky a ochotně zájmy časopisu u místních úřadů berlínských.

Tímto výčtem vnějších osudů časopisu předstihl jsem běh událostí a za jmény prostě skryl celé vnitřní dějiny časopisu; stálo mne to mnohdy dosti námahy, abych obeplul rozmanitá úskalí. Tehdy r. 1875 šlo nejdříve o to, seznámiti se snahami časopisu široké kruhy badatelů, na jejichž účast bylo lze pomýšleti. To jsem učinil »oznámením«, tištěným v říjnu r. 1875 a podepsaným mnou a nakladatelstvím; bylo tam mezi jiným: »Auf dem speziellen Gebiet der slavischen Philologie habe ich das Bedürfnis eines wissenschaftlichen Organes sehr oft und lebhaft gefühlt und im mündlichen und schriftlichen Verkehr mit vielen hervorragenden Vertretern dieser Wissenschaft bin ich häufig demselben Wunsche begegnet. Diese stille Übereinstimmung vieler, so wie die Verhältnisse meiner jetzigen Stellung brachten endlich in mir den Entschluss zur Reife den Versuch zu wagen ein solches Organ für slavische Philologie zu gründen...«

Toto oznámení, provázené četnými mými dopisy, mělo dobrý výsledek, hlásilo se z rozličných krajin slovanských neočekávaně mnoho přátel a slibovali svou účast. Napřed musil jsem ovšem já sám napínati své síly a nemusím se snad báti výčitek, že se přeceňuji, a mohu se dovolávati rozličných projevů, v nichž byla uznána moje usilovná práce. To se týká zejména prvních svazků Archivu, když jsem byl ještě v Berlíně. Dovolím si uvésti jen jeden doklad. Neuspokojen tím, že se studenti nezajímali o slovanské jazyky, váhal jsem nějaký čas, nemám-li se vrátiti do Oděsy na stolici slovanské filologie, jež byla uprázdněna odchodem Grigoroviče — zvolili mne na ni. Dozvěděl se o tom tehdejší ministr dr. Falk a v dopise poslaném mně osobně projevil naléhavé přání, abych zůstal v Berlíně. Napsal: »Est ist mir wohl bekannt, dass Sie mit dem Erfolge unzufrieden sind, den sie speziell als Lehrer mit den Vorlesungen bisher hier erzielt haben... Sie dürfen sich versichert halten, dass ich in vollem Masse würdige, wie es Ihnen gelungen ist die literarische Bedeutung Berlins durch Ihre allseitig rühmlich anerkannte Vertretung der slavischen Sprachwissenschaft zu erheben, die früher hier ohne Pflege war. Es muss mir in aller Weise daran gelegen sein, dass der hiesigen Universität der beson-

dere Vorzug erhalten bleibe für diesen Zweig der Sprachwissenschaft ein literarisches Zentrum zu sein, wie sie es durch Ihre Tätigkeit geworden ist. Falk.« Vzal jsem toto uznání s díky na vědomí, ale k ničemu jsem se napříště nezavázal a přijal jsem přece r. 1880 povolání do Petrohradu na universitu a akademii. Avšak nyní nastala otázka, co dále s časopisem v Berlíně; mnozí (na př. Novaković z Bělehradu a Gebauer z Prahy) vyslovili srdečné politování nad tím, že by měl zajíti pro můj odchod do Petrohradu. Oznámil jsem jim, že snad budu moci s podporou petrohradské akademie založiti nový podnik na způsob Miklosichovy Slavische Bibliothek. Skutečně brzy potom, co jsem přišel do Petrohradu, probrali jsme důkladně věc s akademikem J. K. Grotem. Výsledek byl, že bude lépe, když bude vycházeti Archiv v Berlíně tak jako dosud. Neboť když jsem řekl, že bych musil a chtěl do nového mezinárodního slovanského časopisu přijímati příspěvky ve všech slovanských jazycích, tedy také polské a maloruské (ukrajinské), měl Grot velké pochybnosti o tom, zda bude lze provésti takovou věc při úzkoprsém názoru tehdejší vlády na jazykovou otázku, zda to akademický secretaire perpétuel může udělat, aby censuroval nebo aproboval články tištěné v řeči, které nerozumí. Proto tedy jsem se rozhodl vydávati časopis dále tak jako dosud, třebaže to bude spojeno s mnohými obtížemi.

Nenadálá pohroma přišla na časopis r. 1885, když náhle zemřel jeho dosavadní nakladatel H. Reimer. Poručník dětí dělal v jejich prospěch revisi celého skladu, aby zjistil podniky pasivní. Po Mommsenovi dal mně věděti, že také náš časopis je na proskripční listině. Zprostil mne závazků k dosavadnímu nakladatelství, kdybych mohl časopis jinde vydávati. V rozpacích vyptával jsem se Miklosiche, nemohl-li bych najíti nakladatele ve Vídni. Odpověděl, že naprosto ne. Když jsem to napsal Mommsenovi, podařilo se mu odvrátiti nebezpečí tím, že ukazoval na aktiva, na něž může nakladatelství spoléhati ve zbylých exemplářích, a tak získal poručníka pro to, aby časopis dále vydával.

Od té doby žil časopis skromně a nerušeně, až jej zastavilo nakladatelství v druhém roce po převratu (r. 1920).

Tyto vnější dějiny provázejí vnitřní dějiny časopisu. O těch jen několik slov, poněvadž nepokládám za vhodné mluviti o všech těch slastech a strastech, které mi Archiv za těch čtyřicet pět let působil. Stačí říci, že byl po ten dlouhý čas Archiv für slavische Philologie první starostí v mé vědecké práci. Teprve až ke konci,

když mně svěřilo oddělení pro jazyk ruský petrohradské akademie redakci Encyklopedie slovanské filologie, závodily spolu oba tyto úkoly. Také dopisování se spolupracovníky, které mi v prvních dvou desetiletích zabralo plno času, ustávalo pomalu, když mnoho mých osobních přátel jeden za druhým odcházeli ze života. Byli mi všichni drazí, želel jsem těžce těch ztrát, činily mne rok od roku osamělejším. Sta dopisů, které se ještě z valné části u mne zachovaly, mluví ke mně ještě dnes výmluvně o našem přátelství, o našem duševním příbuzenství. Přijímal jsem od nich velmi často důležité podněty a povzbuzení, ale mohu snad — aspoň o některých z nich — předpokládati, že i oni přijímali ode mne. Tyto řádky posvěcuji jejich památce, jež jest tak úzce spojena s Archivem.*)

Vídeň.

V. Jagić.

*) Nestor slovanské filologie si přál, aby tento článek byl tištěn česky: Držim da je pristojno, da se u organu, koji izlazi u svijet s velikim žrtvama češke vlade, progovori jezikom češkim, jezikom naroda, iz čije je sredine potekla prva misao i prva djela naše nauke. *Red.*

О прасловенском језику.

Нема сумње да је за разумевање развитка свих словенских језика врло важно да се одреде све појединости о прасловенском језику или о прасловенској епоси коју у себи носи сваки словенски језик. Пре свега, — њена хронологија. Како је пре краткога времена проф. A. Meillet у два маха (Revue des études slaves I, 8—9, 190—191) говорио врло одређено о њој, задржаћу се на њој и ја, да бих нарочито истакао значај извесних момената у расуђивању о овом значајном питању.

Г. Meillet сматра да је та епоха трајала још и у IX. веку. „Il subsistait encore au IX[e] siècle une communication linguistique entre les Slaves, et il y avait, dans chaque dialecte, adaptation des formes qui se transmettaient“ (op. cit. 191). Ово је речено нешто опште, и могло би се мислити да су само тенденције прасловенске у измени неких гласова остајале живе или у појединим језичким словенским групама или у појединим засебним језицима словенским; али његове речи које претходе горњем цитату показују да он не мисли на те појединачне тенденције, које су се могле у различној мери продужавати у различним словенским језицима, већ заиста на прасловенску језичку заједницу. Он вели: „la rupture définitive de l'unité linguistique slave est donc postérieure de plusieurs siècles à la dispersion des tribus slaves“ (ib.). Дакле, она се чувала тако до краја VIII. века или почетка IX.

Као доказ за своју тезу г. Meillet износи име Карла Великог — *Karl,* које је код већине словенских народа дало **korl'* и даље све оне промене које даје *-or-* прасловенско. Иако г. Meillet не говори потпуно одређено, изгледа да он види баш у томе прелазу *-ar-* у *-or-* онога карактера којега је било и *-or* прасловенско поуздан знак да тај прелаз припада прасловенском језику.

Ја мислим да то ипак није за то довољан разлог, и да су се у свима словенским језицима још доста времена после развијања несумњивих црта њихова засебнога живота продужавали процеси или идентични или врло слични онима који су се из-

вршили у прасловенском језику; али то не значи да се још много векова продужила прасловенска епоха у њима, него да су се још дуго времена продужили у њима процеси сличне врсте. На пр. у српскохрватском језику на далматинској обали романско *san- sant-* давало је преко сж, сжт : су, сут (*Супетар, Сушћепан, Сукошан* S. Cassianus и т. д.); или опет у српскохрватском *-ar-* романско давало је на многим местима још дуго *-ра-* (исп. *Мрата* — *Martinus*, *Скрадин* — *Scardona* и сл.). За мене ни једно ни друго не показује да их треба приписивати прасловенском језику, већ једино да је у то време још владала особина у српскохрватском језику, да страно *-an-* или *-ant-* даје *-on-*, *-ont-* и даље *ǫ*, *ǫt*, исто онако као што је страно *-ar-* давало *-or-* и даље *-rā-* у њему као и некадашње прасловенско *-or-*. Таквих појава има у свима словенским језицима: да они примајући већ на своме терену стране групе гласова мењају их слично тим групама добивеним из прасловенског, исп. на пр. у руском *варягъ* од староскaнд. *varingr* и сл. или на пр. за пољски језик тврди проф. Łoś, истина на једном примеру, „że poczucie wymiany *tort* na *trot*... było żywe bardzo długo, skoro w w. XV“ ... (Gramatyka polska, Kraków, 1922, стр. 77); испор. такође у српскохрватском *пландовати* = *пладьн-*, „*полдьн-*“, које је дало далеко пре прелаза *л* у *о* на крају слога (крајем XIV в.) *пладьн-*, иако је у другим диалектима или у истим поновно начињено *полдьн-* дало *пōдьн-* (*пóдне* и сл.).

Могло би се и за ово и за сличне случајеве навести још доста примера. Сви они сведоче исто (испор. продужавање замене странога *ă* вокалом *о* врло дуго у свима словенским језицима), а то је: да су се извесни процеси, који су се вршили у прасловенском језику, могли вршити још дуго времена, и то у различним словенским језицима различно време, не значећи да се епоха прасловенског језика још није завршила, већ да се само правац мењања тих гласова није још изменио. Друго је питање, какве је природе то продужење: да ли чисто гласовне, физиолошко-фонетске или какве друкчије. То треба у сваком посебном случају утврдити.

Тако је и *korl'* дало сасвим природно, и у чешком, пољском, руском, српскохрватском и словеначком, које је у свима њима почело да значи „цара“ (онога који их је ослободио од Авара, а после и сваког другог цара) ону гласовну измену коју је свако *-or-* прасловенско у њима давало. То што је сваки од

тих језика дао консеквентно оне гласове који њему одговарају долази отуда што су сви они добили то име у облику *korl'* непосредно од *Karl*, не позајмљујући га један од другог.

Овај назив, као што је тачно приметио покојни Шахматов (Древнѣйшія судьбы русскаго племени, Петроградъ 1919, стр. 26—27), имају само они Словени који су се находили под аварском влашћу и које је од аварскога ропства Карло Велики ослободио. Ни Бугари, који нису били под њим, ни Лужички Срби и Полапски Словени, који су од Авара били далеко, немају у свом гласовном облику речи *korl'*; дакле, само они словенски народи који су непосредно били заинтересовани ослобођењем од Авара или који су били у непосредној њиховој близини — имају га.

И други тако исто важни разлози не дају нам могућности да претпоставимо да је прасловенска епоха трајала до почетка IX. века. У IX. веку имамо већ велики број старословенских споменика, у II. половини. Иако су облици старословенског језика врло стари, те неке од њих можемо узети за представнике гласова прасловенског језика, нико не може тврдити да старословенски језик није већ био и у I. половини IX. в. исти онакав какав је био и у II. половини. А несумњиво је да се старословенски језик знатно разликује од прасловенског: сетимо се прасловенских група *-ор-, -ол-, -ър-, -ъл-* и сл. у старословенском, *жд, шт* старословенског и сл. место *d'* и *t'* прасловенских и т. д. па ћемо допустити да је тешко претпоставити да се све то извршило за 50 година. Али то још мање допуштају језички односи великих диалектских група на Балк. Полуострву: јасно је да су бугарски Словени и представници старословенског језика морали своје *шт* и *жд* донети из раније постојбине где су живели у много ближим и ужим везама, јер је тешко претпоставити да би *t'* и *d'* на великом простору њихова пружања дало свугде подједнако тако необичне гласовне групе као што су *шт* и *жд*. В. Н. Шчепкин је имао право (в. Разсужденіе о Саввиной книгѣ, 1899, стр. XIII—XIV) када је претпоставио да је „општебугарско“ јединство постојало већ у VII. веку; само бих ја додао: и још раније.

Тако исто, ако се сложимо да у српскохрватском и словеначком има заједничких црта које су претходиле њиховим доцнијим разликама, ја мислим да се развитак њихових позитивних заједничких црта мора ставити у време пре доласка на Балканско Полуострво у VII. веку, т. ј. онда када су они били у ближим заједничким везама.

Али и „општебугарско“ језичко јединство и језичка заједница српско-хрватско-словеначка не представљају још све што се може рећи против онако позног датума језичке заједнице прасловенске као што је почетак IX. в. Између њих и прасловенскога језика било је још језичких епоха које показују да је словенска језичка заједница још знатно, у хронолошком реду, испред VII. в. Ја се слажем са проф. Meillet да прасловенски језик који представља врло дугу епоху, у смислу језичкога развитка, не треба замишљати као нешто апстрактно и апсолутно једно, већ да се и у њему морају претпоставити диалекти који се не слажу са доцнијим цепањем на три групе словенских језика; али тако исто ја сматрам као поуздано, о чему ћу имати ускоро прилике засебно да говорим, да је на пр. онај део Прасловена, који је доцније образовао Јужне Словене, живео у блиским узајамним везама које су учиниле да се међу њима не само уједначе разлике које су они могли понети из прасловенског него да се да̑ заједнички правац развитка многим особинама.

Ја сам узео да говорим само о томе, у коликој мери односи међу словенским језицима на Балк. Полуострву не допуштају да се прасловенско језичко јединство продужи до краја VIII. или почетка IX. века. То исто, mutatis mutandis, вреди и за западнословенске и источнословенске диалекте.

И тако, хронолошки, ја сматрам да између словенских језика на Балканском Полуострву и прасловенског језика лежи и епоха њихова узајамног развитка изван Балк. Полуострва. За време те епохе они већ не представљају прасловенско јединство.

По језичким цртама, међутим, у колико је која епоха развитка и тих и других словенских језика ближа прасловенском језику, у толико је у њој више језичких процеса који су продужавали да се развијају у д у х у прасловенског језика. Према томе, у колико г. Meillet говори у доцнијим епохама о продужавању прасловенског начина развитка које црте, он има право; могло би се говорити чак о п р а с л о в е н с к о ј е п о с и, ако се хоће, и з в е с н е ц р т е. Али мислим да није оправдано преносити то на ц е л о к у п н о с т ј е з и ч к и х ц р т а прасловенског језика — на трајање п о т п у н е ј е з и ч к е з а ј е д н и ц е прасловенске до тако позног времена.

Београд, фебруара, 1922.

А. Белић.

О нѣкоторыхъ остаткахъ исчезнувшихъ грамматическихъ категорій въ общеславянскомъ праязыкѣ.

1. Слав. *nevěsta*.

Слово *nevěsta* существуетъ во всѣхъ почти славянскихъ языкахъ и обозначаетъ: 1. дѣвушку помолвленную уже съ мужчиной, но еще не вышедшую за него замужъ или 2. незамужнюю дѣвушку, вступившую въ тотъ возрастъ, когда обыкновенно выходятъ замужъ.

Удовлетворительной этимологіи для этого слова до сихъ поръ еще предложено не было. Его пробовали толковать какъ сложеніе отрицанія *ne* съ какой-то формой отъ корня *věd- (vě-děti)*.[1]) Не подлежитъ сомнѣнію, что въ сознаніи говорящихъ теперь на славянскихъ языкахъ слово невѣста дѣйствительно ассоціируется съ не вѣдѣти. Но это есть не болѣе какъ осмысленіе, народная этимологія. Нельзя думать, чтобы такое положеніе было исконно, ибо во первыхъ нельзя указать, какая же именно форма отъ корня *věd-* легла въ основу этого образованія, а во вторыхъ и самое значеніе, которое получаетъ слово невѣста, при такомъ толкованіи слишкомъ искуственно. Другіе пробовали искать въ невѣста корень *ved- (vedǫ, vesti)*,[2]) предполагая, что первоначально было **nevesta*, передѣланное затѣмъ въ *nevěsta* подъ вліяніемъ народной этимологіи. Нѐвѣста при такомъ толкованіи означало бы „еще не уведенная“, „еще не похищенная женихомъ“ (бракъ предполагается въ формѣ умыканія). Но и такое значеніе стояло бы слишкомъ одиноко, и трудно было бы связать его съ невѣстъка „жена брата“. Еще менѣе вѣроятно предполагать въ *ne-* не отрицаніе, а какой то предлогъ или приставку (гот. *ana*), при чемъ невѣста означало бы „приведенная“, „похищенная“.[3])

---

[1]) Погодинъ РФВ. 30, 335, Брандтъ Доп. Зам. 109, Zubatý AslPh. 16, 404 и сл., Jagić ib. 24, 229.

[2]) Miklosich Et. Wb. 214; Prusík KZ. 33, 160 и сл. объясняетъ *nevěsta* изъ **nevo-věsta* 'нововеденная, новоприведенная'.

[3]) Иначе еще Ильинскій Научно-литературный Сборникъ 1 (1901), кн. 4 и AslPh. 24, 227 п. (*nevě-sta* 'находящаяся въ новомъ состояніи'), Berneker IF. 10, 160, Wiedemann BB. 26, 216 и сл.

Намъ кажется, что вообще надо отказаться отъ взгляда на слав. невѣста какъ на compositum. Лучше попытаться разсматривать его какъ самостоятельное, несложное слово. Въ томъ видѣ, въ которомъ оно засвидѣтельствовано, слав. *nevěsta*, несомнѣнно есть продуктъ народной этимологіи, ибо суффикса *-ěsta* вообще несуществуетъ. Значить, надо предположить, что первоначально окончаніе этого слова было другое. Какъ наидревнѣйшій прототипъ слав. невѣста мы предполагаемъ индоевроп. **neu̯isthā* — первичный superlativus отъ прилагательнаго **neu̯os* „новый, молодой". Засвидѣтельствованные славянскіе и балтійскіе языки, правда, не сохранили особаго суффикса превосходной степени и выражаютъ это понятіе при помощи описанія. Но, что въ индоевропейскихъ діалектахъ, давшихъ начало славянскимъ и балтійскимъ языкамъ, первичный суффиксъ превосходной степени **-istho-* когда то существовалъ, это не подлежитъ сомнѣнію, ибо названные діалекты въ географическомъ отношеніи занимали несомнѣнно среднее мѣсто между прагерманскими съ одной и праиндоиранскими съ другой стороны, а въ обѣихъ этихъ группахъ индоевропейскихъ діалектовъ этотъ суффиксъ имѣется (др. инд. *naviṣṭhaḥ*, авест. *spəništa-*, гот. *hauhists*). Слово **neu̯isthā* первоначально значило „самая молоденькая"; оно примѣнялось къ дѣвушкѣ, вступившей въ брачный возрастъ, метафорически къ „невѣстѣ" обѣщанной жениху (ср. литовск. *jaunikas* „женихъ", собств. „молодой человѣкъ" = слав. *junьcь*); въ примѣненіи къ женѣ брата то же слово могло указывать на то, что это есть самый новый, позднѣе всѣхъ вступившій въ семью членъ родовой общины, или же имѣло значеніе лестнаго эпитета (ср. франц. *belle-soeur*).

На славянской почвѣ судьба этого **neu̯isthā* была слѣдующая. Превосходная степень какъ особая категорія перестала существовать, суффиксъ *-istho-* (слав. **-ьsto-*) утратилъ свое морфологическое значеніе. Къ тому же связь съ положительной степенью прилагательнаго **neu̯os* утратилась: **neu̯os* фонетически дало **nou̯os* (ст. сл. новъ), тогда какъ въ **neu̯ьstā* **e* передъ *u̯*, за которымъ слѣдовало *ь*, фонетически сохранилось.[1]) Тогда слово **nevьstā* подверглось осмысленію и перетолкованію. Корень **u̯eid* — **u̯oid* — **u̯id* въ то время вѣроятно еще имѣлъ

---

[1]) Послѣ исчерпывающаго изслѣдованія Эндзелина (Слав.-балт. этюды 84 слл.) почти невозможно сомнѣваться въ томъ, что *eu* переходило въ *ou* только передъ гласными задняго ряда.

страдательное причастіе прошедшаго времени *_u̯istos_ (др. инд. _vittáḥ_, авест. _visto_, староисланд. _viss_, лат. _uisus_, греч. _ϝιστός_ и т. д.). И вотъ, *_nevьsta_ стало сознаваться какъ _ne-vьstā_ т. е. „не извѣданная, не познанная еще мужчиной“, конечио въ специфическомъ смыслѣ (какъ _οὐκ ἐγίνωσκεν αὐτὴν_ Матѳ. I 25), а по отношенію къ женѣ брата, — „та, которую я не долженъ знать, не познанная мной“ (конечно тоже въ этомъ смыслѣ). Эта связь съ корнемъ _u̯eid_ — _u̯oid_ — _u̯id_ продолжала существовать и тогда, когда *_vistos_ въ самостоятельномъ употребленіи стало исчезать. Дѣло въ томъ, что въ корнѣ _u̯eid_ — _u̯oid_ — _u̯id_ произошли перемѣны: звуковой видъ _e_ (_u̯eid_) получилъ спеціальное значеніе „видѣть“, а звуковой видъ _o_ (_u̯oid_) — значеніе „знать“. Ступень _oi_ проникла во всѣ формы съ _i_, если эти формы представляли корень _u̯id_ во второмъ значеніи: ср. множ. ч. наст. времени _vě̆ste, vědętь_ т. е. *_u̯oiste_, *_u̯oidenti_ вм. *_u̯iste_, *_u̯identi_ (греч. _ϝίστε_, гот. _witun_), далѣе _věstь_ т. е. *_u̯oistis_ вм. *_u̯istis_ (др.-инд. _víttiḥ_). Т. о. и participium perfecti passivi *_u̯istós_ должно было обратиться въ *_u̯oistós_. Но т. к. *_nevьsta_ въ эту эпоху сознавалось какъ _ne_ + part. perf. pass. отъ *_u̯oidmi_ (вѣмь), то и оно было передѣлано въ *_nevoistā_.

На этомъ, однако, живая связь съ *_u̯oidmi_ и прекратилась. Позднѣе, когда причастіе отъ _věть_ стало уже _věděnъ_, а старое *_u̯oistos_ исчезло, это _věděnъ_ уже не проникло въ _nevěsta_. Связь съ вѣдѣти продолжаетъ чувствоваться и по сіе время, но связь эта и въ формальномъ и въ семасіологическомъ отношеніи уже не ясна и не опредѣленна. И съ внѣшней и съ внутренный стороны остались лишь слѣды осмысленія, но самаго осмысленія уже больше нѣтъ.

2. Слав. _mogǫ́_, _mòžešь_.

Среди славянскихъ глаголовъ 1-го спряженія (съ тематическимъ настоящимъ временемъ) вниманіе привлекаетъ на себя глаголъ _mogǫ_. Въ то время, какъ всѣ другіе глаголы этого типа, имѣющіе въ корнѣ _e_ или _o_, представляютъ во всемъ парадигмѣ настоящаго времени удареніе на тематической гласной (русское ведéшь, ведýтъ, сербо-хорв. вѐдеш, вѐду), глаголъ _mogǫ_ во всѣхъ формахъ, кромѣ 1-го лица ед. числа, имѣетъ удареніе на корнѣ (русс. мóжешь, мóгутъ, сербо-хорв. мȍжеш, мȍгу). Какъ извѣстно, удареніе на тематической гласной глаголовъ типа _vedǫ, vedešь_ объясняется вліяніемъ аналогіи глаголовъ типа _čьtǫ_,

čьtešь, гдѣ такое удареніе было исконнымъ (ср. др.-инд. *giráti*). Спрашивается, почему одинъ только глаголъ *mogǫ́* избѣжалъ вліянія этой аналогіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть только одинъ: въ ту эпоху, когда отношеніе *vezǫ́* : *vȅzešь* (ср. др.-инд. *váhati*) было передѣлано въ *vezǫ́* : *vezȅšь* подъ вліяніемъ *čьtǫ* : *čьtȅšь*, въ эту эпоху тематическій praesens отъ корня *mog* еще не существовалъ. Этотъ praesens появился въ языкѣ уже въ такую эпоху, когда перенесеніе ударенія въ глаголахъ типа *vezȅšь* уже закончилось. Акцентуація м ӧ ж е ш соотвѣтствуетъ тому положенію дѣла, которое находимъ въ несигматическомъ аористѣ: ср. сербо-хорв. аористъ в ȅ д е при praes. в ѐ д е. Мы знаемъ, что корень *mog* дѣйствительно образуетъ несигматическій аористъ (*mogъ*, *može*, *mogomъ*, *mogǫ*) въ древнѣйшихъ памятникахъ старо-болгарскаго языка. Надо думать, что первоначально, еще въ обще-славянскомъ праязыкѣ, отъ корня *mog* только этотъ „несигматическій“ аористъ и существовалъ, притомъ въ значеніи и прошедшаго, и настоящаго времени. Удареніе въ этомъ „аористѣ“, какъ и во всѣхъ подобныхъ ему, лежало на корнѣ. Въ эпоху перехода *vȅdešь* въ *vedȅšь*, акцентуація „несигматическихъ аористовъ“ (въ томъ числѣ и м о г ъ) оставалась неизмѣненной. Позднѣе, къ формамъ множественнаго и двойственнаго числа *mȍgomъ, mȍžete, mȍgově, mȍžeta*, которыя и по окончанію, и по значенію, могли разсматриваться не только какъ аористы, но и какъ praesens, были образованы формы единственнаго числа *mȍžešь, mȍžetь* и 3. л. мн. ч. *mȍgǫtь*. Такимъ образомъ, получался полный парадигмъ настоящаго времени, рядомъ съ которымъ продолжалъ существовать старый парадигмъ аориста, но уже исключительно въ значеніи прошедшаго времени: оба значенія стараго praeterito-praesens'а *mogъ* дифференцировались морфологически.

Итакъ, объяснить акцентуацію *mȍžešь* можно только допустивъ, что старый „несигматическій аористъ“ *mogъ* первоначально имѣлъ значеніе не только прошедшаго, но и настоящаго времени, т. е. что это былъ „praeterito-praesens“. Какъ же объяснить флексію этого *mogъ*? Матеріалъ для отвѣта на этотъ вопросъ далъ A. Meillet. Въ своихъ „Etudes sur l' étymologie et le vocabulaire du vieux-slave“ (I, p. 140 sq.), обсуждая происхожденіе общеславянскаго имперфекта, A. Meillet предположилъ, что старый перфектъ отъ корня **es* (**ēsa* : ср. др.-инд. *āsa*), получилъ въ 1-мъ л. ед. ч. *-n* и въ 3-мъ л. ед. ч. *-t* по аналогіи

другихъ формъ „прошедшаго времени“: вм. **esa*, **ēse* получилось **ēsan*, **ēset*. Со временемъ, когда **a* и **o* по славянски совпали въ одномъ звукѣ, **ēson*, **ēset* стали производить впечатлѣніе формъ тематическаго имперфекта,[1]) и къ нимъ были образованы всѣ другія формы (2. л. ед. ч. **ēses*, 1. л. мн. **ēsomos* и т. д.). Эта гипотеза французскаго ученаго является чрезвычайно правдоподобной, и намъ кажется, что ее необходимо принять. Но, если такое превращеніе окончаній перфекта въ окончанія тематическаго имперфекта принимается для перфекта отъ корня **es*, то весьма вѣроятно, что такое же превращеніе имѣло мѣсто и у нѣкоторыхъ другихъ перфектовъ. Въ такомъ случаѣ, мы получаемъ прекрасное объясненіе для предполагаемаго двойного значенія „аориста“-praeteritopraesens'а *mogъ*. Первоначально, это былъ очевидно индоевропейскій перфектъ **magha* (**maktha*, **maghe* и т. д.), перешедшій въ спряженіе тематическаго имперфекта совершенно такъ же, какъ старый перфектъ отъ корня **es*. Старое значеніе перфекта („полнота проявленія глагольнаго признака во времени“) допускало два оттѣнка: 1. настоящее, какъ результатъ прошедшаго дѣйствія и 2. прошедшее, какъ источникъ (исходный пунктъ) состоянія, длящагося въ настоящемъ. При утратѣ перфекта какъ самостоятельной семасіологической (синтаксической) категоріи, это старое значеніе должно было распасться на два самостоятельныя временныя значенія — настоящаго и прошедшаго. А это повлекло за собой и морфологическую дифференціацію обоихъ значеній, о которой мы говорили выше.

Наше предположеніе подтверждается тѣмъ, что въ германскихъ языкахъ praeterito-praesens (отложительный перфектъ) отъ корня **magh* прямо засвидѣтельствованъ: гот. *mag*, староисланд. *má*, англосакс. *mæȝ*, др.-верхн.-нѣм. *mag*.[2]) Отличіе обще-

---

[1]) М. б. и 3. plur. перфекта совпало съ 3. plur. тематическаго имперфекта: германскіе языки въ этомъ лицѣ перфекта представляютъ отраженія индоевроп. **n̥t* (гот. *gēbun* „они дали“), славянское же *ǫ* въ концѣ слова можетъ отражать и **ont* и **n̥t*.

[2]) Trautmann KZ. 46, 180 и сл. не обратилъ вниманія на акцентуацію слав. *mòžetь* и, отвергнувъ a priori толкованіе *mogǫ* какъ перфекта (Im slav. *mogǫ* darf man kein altes Perfekt sehn, da ein solcher Übergang ganz isoliert stände. Aber auch das germ. Präteritopräsens *mag* — *magam* protestiert gegenüber *fōr* — *fōrum*: *faran* lebhaft dagegen, für ein altes Perfektum gehalten zu werden), тѣмъ самымъ закрылъ для себя единственную возможность объясненія этой формы, почему въ концѣ своей статьи (стр. 183) вынужденъ былъ признать, что „da bleibt also noch eine Lücke offen.“ Сопоставленіе гот. *mag* и слав. *mogǫ* съ греч. *μῆχος* вовсе ужъ не такъ безспорно, чтобы изъ него можно было исходить. Исходить можно только

слав. праязыка отъ общегерманскаго въ данномъ случаѣ состояло лишь въ томъ, что по славянски praeterito-praesens **magha* имѣлъ значеніе какъ прошедшаго, такъ и настоящаго времени, тогда какъ на германской почвѣ то же **magha*, сохраняя свои перфективныя окончанія, получило исключительно значеніе настоящаго времени, и къ нему былъ образованъ новый praeteritum (гот. *mahta* и т. д.).

K. Brugmann (Grundriss[1] II 1255) предположилъ, что герман. *mag* есть новообразованіе, что первоначально корень **magh* образовывалъ по германски нормальный тематическій praesens, который позднѣе получилъ флексію перфекта подъ вліяніемъ praetorito-praesens'овъ со сходнымъ значеніемъ. При этомъ онъ опирался почти исключительно на славянское *mogǫ*.[1]) Теперь мы видимъ, что Бругманнъ былъ неправъ, что слав. *mogǫ* са̂мо нуждается въ объясненіи и получаетъ таковое лишь при свѣтѣ германскаго praeterito-praesens'а *mag*. Въ тѣхъ индоевропейскихъ діалектахъ, которые дали начало славянскимъ и германскимъ языкамъ, корень **magh*, повидимому, не образовывалъ ни praesens'а, ни аориста, а исключительно только перфектъ со значеніемъ praetorito-praesens'а.

Среди славянскихъ „несигматическихъ аористовъ" есть еще нѣсколько такихъ, которые, какъ и *mogъ*, восходятъ къ индоевропейскому перфекту. Есть и среди славянскихъ praesens'овъ непосредственные потомки старыхъ praeterito-praesentia. О всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы оставляемъ за собой право поговорить въ другомъ мѣстѣ и въ другой связи.

3. Русск. *хочешь, хотите.*

Глаголъ *xotěti* или *xъtěti* представляетъ въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ необычное образованіе praesens'а. Въ староболгарскомъ языкѣ 3. plur. образовано по образцу трьпѣти (ст. болг. **хотѧтъ**), а прочія лица — по образцу пьсати (ст. болг. **хощеши, хощете**). Такое же положеніе мы находимъ и въ словенскомъ *hǫ́češ, hǫ́čete — hotę́)* и въ старо-чешскомъ (*chóceš,*

изъ фактическаго положенія дѣла, которое сводится къ слѣдующему: 1. слав. *mòžetь* имѣетъ акцентуацію необычную для praesens'а, но обычную для славянскаго „praeteritum"'а; 2. въ германскихъ языкахъ корень *magh* не образуетъ praesens'а; 3. въ германскихъ языкахъ этотъ корень образуетъ лишь perfectum. На этихъ фактахъ и построено все наше объясненіе. *Корректурное примѣчаніе.*

[1]) Въ Grundr.[2] 2, 3, 485 считаетъ Brugmann слав. *mogǫ* заимствованнымъ изъ герм. *О. Н.*

chcete — chtie, chtí). Въ великорусскомъ языкѣ все единственное число образовано по образцу писать (хочу, хочешь, хочетъ), а множественное — по образцу терпѣть (хотимъ, хотите, хотятъ.[1]) Остальные языки имѣютъ praesens indicativi по образцу *pьsati*, а остальныя формы по образцу *tьrpěti*.

Противупоставленіе 3. plur. всѣмъ остальнымъ формамъ, наблюдаемое въ староболгарскомъ, словенскомъ и чешскомъ, не производитъ впечатлѣнія чего то исконнаго. Наоборотъ, въ русскомъ противупоставленіи всего множественнаго числа всему единственному чувствуется отголосокъ глубокой индоевропейской древности, слѣды различенія „сильной“ основы единственнаго и „слабой“ основы двойственнаго и множественнаго числа, какъ оно выступаетъ напр. въ др. инд. *as-mi, as-(s)i, as-ti* при *s-vaḥ, s-thaḥ, s-taḥ, s-maḥ, s-tha, s-anti.* Гласная **ī* въ русс. хотимъ, хотите не можетъ быть слабымъ звуковымъ видомъ сочетанія **je* въ русск. хочешь, хочетъ (гдѣ *č* изъ **tj*). Нормальнымъ звуковымъ видомъ здѣсь могло бы быть только **i̯e̯*. Поэтому, надо предполагать, что *e* въ единственномъ числѣ настоящаго времени славянскаго *xotěti* замѣнило собою болѣе древнее **ẹ* подъ вліяніемъ аналогіи настоящаго времени глаголовъ типа *pьsati.* Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ предположенію парадигма, въ которомъ личныя окончанія присоединялись въ единственномъ числѣ къ суффиксу *-jē-*, а во множественномъ (и двойственномъ?) — къ суффиксу *-ī-*. Но такое чередованіе суффиксовъ *-jē-* въ единственномъ и *-ī-* во множественномъ и двойственномъ наблюдалось въ индоевропейскомъ оптативѣ (при нетематическомъ изъявительномъ наклоненіи). Нельзя ли предположить, что славянское **xotješь — *xotīte* восходитъ къ какому то индоевропейскому оптативу? Со стороны значенія это предположеніе весьма правдоподобно. Какъ на параллель можно сослаться на готское *wiljau* „хочу“, которое по формѣ своей является оптативомъ къ нетематическому индикативу **u̯elmi* (ср. лит. *pavelmi*, латин. *vult*). Со стороны морфологической главное затрудненіе представляетъ то обстоятельство, что индоевропейскій оптативъ имѣлъ вторичныя личныя окончанія, а славянское **xotjǫ* представляетъ окончанія первичныя. Но это затрудненіе не является непреодолимымъ. Мы знаемъ, что въ 1. и 2. plur. и во всемъ двойственномъ числѣ общесла-

---

[1]) Въ древне-русскомъ встрѣчается также *хочемъ* и *хочете*; также и въ нарѣчіяхъ.

вянскій праязыкъ не различалъ первичныхъ и вторичныхъ личныхъ окончаній. Когда исконное модальное значеніе оптатива начало блекнуть, формы въ родѣ **xotīte* стали сознаваться какъ формы indic. praes. При такихъ условіяхъ было весьма естественно, что 3. plur. **xotīnt* было передѣлано въ **xotīntĭ* (> **xotętь*), а 1. sing. **xotjen* — въ **xotjōn* (> **xotjǫ*). Къ этому **xotjon* и были образованы **xotješĭ*, **xotjetĭ*, замѣнившія собою исконныя **xotjēs*, **xotjēt*, при чемъ на сокращеніе **e* вліяли глаголы на *je* (напр. **želāješь*) и *e* (напр. **iščešь*). — Такимъ образомъ выведеніе praes. ind. **xotjǫ*, **xotješь*, **xotīte* изъ стараго оптатива вполнѣ возможно и даже довольно вѣроятно.[1]) Во всякомъ случаѣ, мы не видимъ другого способа объяснить ненормальность этого славянскаго парадигма.[2])

Мы считаемъ также весьма вѣроятнымъ, что слав. **xotjǫ* не есть единственный примѣръ оптатива, передѣланнаго въ praesens indicativi на славянской почвѣ. Brugmann (Grundr.[1] 2, 903 sq., cf. IF. 1, 81) и Hirt (Paul-Braunes Beitr. 18, 282) уже указали на то, что славянск. *veľǫ, veliši, velitь, veletь* нельзя отдѣлять отъ гот. *wiljau (wileis, wili, wileima).* Но они были неправы въ томъ, что считали славянскій парадигмъ исконнымъ и выводили изъ него германскія формы въ качествѣ передѣлокъ. На это указалъ уже Solmsen (Stud. zur lat. Lautgesch. 7 sqq.), съ которымъ согласился и Streitberg (Urgerm. Gramm. 345): корень **uel* ни въ какомъ другомъ языкѣ не образуетъ основы настоящаго времени на *-ī-* (какъ по славянски), а въ литовскомъ и латинскомъ языкахъ имѣетъ нетематическій praesens (лит. *pavelmi*, лат. *vult)*, который вполнѣ вяжется съ готскимъ оптативомъ *wiljau*. Прибавимъ къ этому, что еслибы славянское образованіе было исконно, то мы ожидали бы слабаго звукового вида корня, ибо при суффиксѣ *ī* въ praes. этотъ звуковой видъ почти обязателенъ. При выведеніи же слав. *veľǫ* изъ стараго оптатива вокализмъ оказывается въ порядкѣ, ибо

---

[1]) Самый корень, котораго оптативъ получилъ по славянски значеніе „хотѣть“, могъ въ индикативѣ имѣть совершенно иное значеніе. Какъ извѣстно, до сихъ поръ паралелли къ слав. хотѣть въ другихъ языкахъ найти не удалось. М. б. съ славянскимъ *chotěti* родственно др. инд. *kšat-ram*, авест. *xšaϑ-rəm* „власть“?

[2]) Надо еще объяснить съ этой точки зрѣнія формы др.-слав. **хоштн** и прасл. **xotjь* (в.-рус. хочь, ст.-срб. хоћ и т. д.). — Иначе объясняетъ спряженіе глагола *xotěti* F. Ramovš Časopis za slovenski jezik 2 (1920) 129 п.; замѣчанія къ этому объясненію сдѣлалъ v. Wijk Neophilologus 6 (1920) 116. *О. Н.*

гот. *wiljau* и лат. *velim* указываютъ на то, что вопреки общему правилу корень **uel* въ оптативѣ имѣлъ нормальный, а не слабый звуковой видъ.

Можетъ быть изъ стараго оптатива развился и praesens ст. болг. **довьлѭ**. Во всякомъ случаѣ, въ староболгарскомъ языкѣ онъ имѣетъ парадигмъ вполнѣ сходный съ **хоштѫ** (**довьлѭ, довьлѥтъ, довьлѥте, довьлѩтъ**).

Мы соединили три вышеизложенныя разсужденія (невѣста, могѫ, хоштѫ) въ одну статью, ибо всѣ они имѣютъ своимъ предметомъ различные случаи сохраненія въ общеславянскомъ праязыкѣ отдѣльныхъ обломковъ грамматическихъ категорій, которыя какъ таковыя полностью утрачены: въ первомъ случаѣ — индоевропейскій суперлативъ, во второмъ — перфектъ, въ третьемъ — оптативъ. Во всѣхъ трехъ случаяхъ причиной сохраненія единичной формы, входившей первоначально въ составъ цѣлой, позднѣе утраченной, грамматической категоріи, является изоляція, т. е. тотъ фактъ что въ силу своего особаго матеріальнаго значенія данная форма перестала сознаваться какъ принадлежащая къ данной категоріи. **Nevьstā* перестало быть эпитетомъ, а стало именемъ нарицательнымъ; **mogon*, **mogomos* перестало быть перфектомъ, а стало двусмысленной формой употребляемой то въ смыслѣ настоящаго, то въ смыслѣ прошедшаго времени: **xotjēn*, **xotīmos* перестало быть условнымъ, нерѣшительнымъ утвержденіемъ, а стало простымъ констатированіемъ факта. Вслѣдъ за этимъ идетъ процессъ осмысленія, т. е. начинаютъ стремиться къ тому, чтобы вложить въ данную форму опредѣленное формальное содержаніе, связать ее съ другими семасіологическими или морфологическими категоріями, существующими въ языкѣ и имѣющими съ данной формой частичное сходство. **Nevьstā* въ сознаніи разлагается на **ne*+**vьstā*, т. е. на отрицаніе + причастіе страдательное отъ глагола **voidmi*; **mogomos* (**možete*, **mogovē*, **možetā*, **možetes*), когда оно употреблялось въ значеніи настоящаго времени, стало сознаваться какъ обыкновенная форма настоящаго времени и отдѣляться въ сознаніи говорящаго отъ того же **mogomos* (**možete* и т. д.), употребляемаго въ смыслѣ прошедшаго времени; точно также и **xotīmos* стало сознаваться какъ нормальная форма indicativi praesentis. Наконецъ, наступаетъ третій фазисъ, когда та часть данной формы, которая формально не

входитъ въ привычную схему той категоріи, съ которой успѣла она вступить въ внутреннюю связь, преобразуется, и процессъ осмысленія находить себѣ внѣшнее выраженіе. Такъ, **nevistā* преобразовалось въ **nevoistā*, когда part. perf. pass. отъ **voidmi* стало звучать **voistos;* къ **mogomos* (**možete* и т. д.) въ значеніи настоящаго времени образовались новыя формы един. ч. **mogōn, *možešĭ, *možetĭ* и 3. plur. **mogonti*, въ замѣнъ старыхъ **mogon, *možes, *možet*, сохранившихся только въ значеніи прошедшаго времени; **xotjēn* преобразовалось въ **xotjon*, **xotĭnt* — въ **xotĭntĭ*, а вмѣсто **xotjes, *xotjet* появились **xotješĭ, *xotjetĭ*.

Во всѣхъ трехъ разобранныхъ случаяхъ процессъ преобразованія, внѣдренія изолированной формы въ схему привычной морфологической категоріи оказался доведеннымъ не до конца, такъ что въ каждомъ изъ этихъ случаевъ нѣкоторое уклоненіе отъ нормы ясно указываетъ на то, что данное слово не всегда принадлежало къ той категоріи, къ которои оно теперь относится. Такъ, въ русскомъ языкѣ мо̀жешь, мо̀жетъ по ударенію отличается отъ везёшь, везётъ, а парадигмъ хочу, хочешь, хотите не совпадаетъ ни съ парадигмомъ плачешь, плачете ни съ летишь, летите. Въ словѣ невѣста, кромѣ слишкомъ искуственнаго этимологическаго значенія, въ глаза бросается еще и необычная форма страдательнаго причастія (вѣстъ вм. вѣдѣнъ или вѣданъ). Все это — слѣдствіе неполноты преобразованія разобранныхъ формъ. Но эта неполнота — дѣло случая. Иногда преобразованіе бываетъ полнымъ, и тогда неисконность данной формы перестаетъ быть очевидной. Такъ, особое происхожденіе слав. *velišь, velitь* можетъ быть обнаружено лишь при помощи сравненія съ другими индоевропейскими языками. И такихъ случаевъ, конечно, очень много.

Изученіе постепеннаго измѣненія и приспособленія изолированныхъ остатковъ давно исчезнувшихъ грамматическихъ категорій чрезвычайно поучительно, такъ какъ оно позволяетъ намъ проникнуть въ самую сущность созданія общеславянской морфологіи изъ элементовъ морфологіи индоевропейской.

Софія, январь 1921 г.

Князь Н. Трубецкой.

К исторіи звуков русскаго языка.

1. Сочетаніе *ки* из общеславянскаго *кы* в Галицком Четвероевангеліи 1144 года.[1])

Галицкое Четвероевангеліе — древнѣйшій памятник русскаго письма с достовѣрными примѣрами, указывающими на измѣненіе общеславянскаго *кы* в *ки* в славянских словах. Именно, в нём рядом с обычным написаніем **кы** мы встрѣчаем нѣсколько случаев, в которых написано **ки**. Можно замѣтить, что послѣднее написаніе является только в формах от двух прилагательных: **небесьскын** и **улокѹьскын**. Примѣры:[2]) **нбсьскиꙗ** Мф. 6. 26, **нбсьскии** Мф. 6. 26. 32, Мрк. 11. 25, **нбскии** Мф. 18. 35, **нбскимь** Мф. 18. 14, **нбсьскїхъ** Мф. 24. 30, **небесьскїмъ** Мрк. 4. 22, **улускии** Мф. 16. 27, Лк. 9. 44. 56, **улѹьскїи** Лк. 9. 26.

В тѣх же словах значительно чаще пишется **кы**: **нбсьскыи** Мф. 5. 48, 6. 14, **нбсьскыꙗ** Мф. 8. 20, 24. 29, **нбсьскыꙗ** Лк. 8. 5, 9. 58, **нбскыꙗ** Лк. 13. 19, **нбскыꙗ** Лк. 21. 26, **нбсьскыхъ** Мф. 26. 64, **небесьскыми** Мрк. 14. 62, **подънбскыꙗ** Лк. 17. 24; **улускыи** Мф. 9. 6, 13. 37, 25. 13, Мрк. 2. 28, Лк. 7. 34, 11. 30, 12, 8, 17. 24. 30, 18. 8, 22. 32. 69, Іо. 3. 13, 6. 27, 12. 21. 34, **улѹьскыи** Лк. 12. 40, **улускымь** Лк. 21. 36.

Отсюда можно бы сдѣлать вывод, что у писца Галицкаго Четвероевангелія орфографическая традиція значительно преобладала перед соблазном передать на письмѣ собственное произношеніе, и что именно потому во всѣх остальных случаях он пишет **кы**. Но я думаю, что при несомнѣнно сильно выра-

---

[1]) Живя в Саратовѣ, я не мог для своей статьи обратиться непосредственно к подлиннику, хранящемуся в Москвѣ, и должен был пользоваться изданіем еп. Амфилохія „Четвероевангеліе Галичское 1144 года" и пр. М. 1882 (два тома) и потому ссылки дѣлаю на главы и стихи евангелій, а не на листы рукописи. Изданіе еп. Амфилохія не вполнѣ безупречно, но для выясненія вопроса, поставленнаго в настоящей статьѣ, им пользоваться можно.

[2]) В примѣрах не отмѣчаются такіе варіанты правописанія, как употребленіе букв *и* и *ї*, присутствіе и отсутствіе надстрочных значков. Если примѣр встрѣчается нѣсколько раз, он выписывается с тѣм правописаніем, с каким он является в первый раз.

женной орфографической традиціи вряд ли можно считать случайным, что **кн** пишется только в двух словах и в обоих по нѣскольку раз. Многія слова с сочетаніями **кы**, **гы**, **хы** встрѣчаются в этой рукописи нисколько не рѣже, иногда даже чаще и притом в тѣх же частях евангелія, гдѣ попадаются написанія **небесьскии**, **уловѣуьскии** и т. п. **ски**, и однако всегда пишутся только с **ы**. В виду этого я полагаю, что слова **небесьскыи** и **уловѣуьскыи** представляли особыя условія, благопріятствовавшія измѣненію **кы** в **ки**. Так как я не могу представить себѣ никакой аналогіи, которая могла бы вызвать подобное измѣненіе именно в этих словах, то я допускаю для него только фонетическое объясненіе. Измѣненіе **кы** в **ки** по моему мнѣнію здѣсь могло быть вызвано только вліяніем предшествующих звуков. В тѣх примѣрах, в которых мы находим **ки** вмѣсто **кы**, это сочетаніе стоит послѣ *с* и послѣ мягких звуков. Очевидно, на измѣненіе **кы** в **ки** вліяло именно или положеніе послѣ *с* или положеніе послѣ мягких звуков или и то и другое вмѣстѣ. Поэтому я разсмотрю случаи написанія **кы** в этих положеніях. Примѣров же, в которых сочетанія **кы**, **гы**, **хы** пишутся послѣ *а*, *о*, *у*, *ы*, *ъ*, *р* — а таких случаев в Гадицком Четвероевангеліи довольно много — не выписываю.

Послѣ *с* с предшествующими немягкими гласными сочетанія **кы**, **гы**, **хы** встрѣчаются в слѣдующих примѣрах: **дъскы** Мф. 21. 12, Мрк. 11. 15, Іо. 2. 15, **въскысе** Лк. 13. 21, **изгыблъ** Лк. 15. 24. 31, **въсхыщають** Мф. 11. 12, **въсхыщаєть** Мф. 13. 19, **въсхыщаше** Лк. 8. 29, **въсхытать** Іо. 6. 15, **расхытить** Іо. 10. 12, **въсхытить** Іо. 10. 28, **въсхытіті** Іо. 10. 29, **пасхы** Іо. 11. 55, 12. 1.

Послѣ мягких слоговых гласных примѣров с **кы**, **гы**, **хы** много:

послѣ *е*: **секыра** Мф. 3. 10, Лк. 3. 9, **пекыи са** Мф. 6. 27, Лк. 12. 25, **рекыи** Іо. 5. 12;

послѣ *ѣ*: **грѣхы** Мф. 3. 6, 9. 6, Мрк. 1. 5, 2. 7. 10, Лк. 5. 24, 7. 49, 11. 4, **мѣхы** Мф. 9. 17 bis, Мрк. 2. 22 bis, Лк. 5. 37 bis, 38, **на лѣхы** Мрк. 6. 40 bis, **ѡлкы** Мф. 5. 19, 6. 1, 10. 32. 33, 23. 14, Лк. 7. 31, 12. 8. 9, 16. 15, **вѣкы** Мф. 6. 13, 21. 19, Мрк. 3. 29, Іо. 4. 14, 6. 58, 8. 35. 51. 52, 10. 28, 11. 26, 13. 8, 14. 16, **рѣкы** Мф. 7. 25. 27, **нѣкыи** Мф. 21. 28, Лк. 9. 8. 19. 56, 10. 25. 30. 33, 11. 37. 45, 12. 13, 13. 6. 23, 14. 2. 15. 16, 16. 1. 19. 20, 18. 2. 18. 35, 19. 12, Іо. 4. 46, 9. 11, **нѣкыꙗ** Мрк. 7. 2, **нѣкыꙗ** Лк. 11. 36, 24. 22, **ѿ нѣкыхъ** Лк. 9. 7, **нѣкымъ** Лк. 18. 9, 21. 5, **нѣкы** Іо. 11, 1, **прѣгыблющіє** Мрк. 15. 19;

послѣ *и*: **книжникы** Мф. 2. 4, 23. 34, 27. 41, Мрк. 9. 14. 16, 15. 1, **никын** Мф. 6. 24, Лк. 16. 13, **оученикы** Мф. 9. 10, 12. 49, 14. 22, 15. 12, Мрк. 2. 15, 3. 7, 6. 45, 8. 1. 10. 33. 34, 9. 31, 12. 43, 14. 14, Лк. 6. 13. 20, 11. 1, 22. 11, Іо. 4. 1, 6. 3. 22, 11. 54, 18. 1. 2, **грѣшникы** Мф. 9. 11. 13, Мрк. 2. 16 bis, 17, Лк. 5. 30. 32, 15. 2, **оубоїникы** Мф. 22. 7, **свѣтілникы** Мф. 25. 1. 3. 7, **наимникы** Мрк. 1. 20, **сребрьникы** Мрк. 14. 11, **ковьникы** Мрк. 15. 7, **разбойникы** Лк. 10. 30. 36, **лікы** Лк. 15. 25, **праздьникы** Лк. 23. 17, **великын** Іо. 7. 37, **веліkыхъ** Іо. 21. 11, **беззаконникы** Лк. 22. 37, **пѣнажникы** Іо. 2. 14, **кънигы** Мф. 1. 1, 5. 31, 26. 56, Мрк. 10. 2, 14. 49, Лк. 4. 18, 24. 32. 45, Іо. 5. 39, 7. 15. 38. 42, 10. 35, 19. 36. 37.

Как видим, многіе случаи написанія **кы**, **гы**, **хы** послѣ *е*, *ѣ*, *и* попадаются на тѣх же листах, на которых встрѣчается написаніе **ки** в словах **небесьскии** и **члов҄ѣчьскии**.

Послѣ старых **ь** и **и** неслогового примѣров с сочетаніем **кы** нѣт.

Сочетаніе **скы** послѣ **и** неслогового пишется в слѣдующих примѣрах: **июдеїскыя** Мф. 2. 4, **июденскы** Мрк. 10. 1, Лк. 5. 17, Іо. 18. 12, **июдѣскы** Мф. 19. 1, **кананенскын** Мф. 10. 4, **галіленскимь** Мф. 26. 69, **галилеискыхъ** Лк. 4. 44, **галилеискы** Лк. 5. 17, **галіленскыя** Іо. 12. 21, **жітіискымї** Лк. 8. 14, 21. 34, **евреискы** Іо. 5. 2, 19. 13. 20, 20. 16.

Послѣ стараго **ь** (слабаго) сочетаніе **скы** пишется в слѣдующих примѣрах:

1. перед **ьск** — согласныя мгновенныя или сонорныя: **псалъмьскыхъ** Лк. 20. 42, **искариотьскын** Мф. 10. 4, Мрк. 14. 43, Іо. 12. 4, 14. 22, **людьскыхъ** Мф. 26, 47, **плътьскы** Іо. 1. 13, **магдаліньскы** Мф. 15. 39, **сідоньскы** Мрк. 7. 24, **далманоуѳаньскы** Мрк. 8. 10, **латіньскы** Іо. 19. 20, **тюрьскы** Мрк. 7. 24, **декапольскы** Мрк. 7. 31;

2. перед **ьск** — согласныя шипящія или **с**: **пррускыя** Мф. 26. 56, **пррчьскы** Мрк. 14. 49, **бжьскыхъ** Мрк. 2. 7, **бжскыхъ** Мрк. 3. 29, 7. 22, **моужскы** Іо. 1. 13, **грьчьскы** Іо. 19. 20. Примѣры на **кы** в прилагательных **чловѣчьскын** и **небесьскын** приведены выше. Можно замѣтить, что примѣров написанія **скы** послѣ шипящих не в словѣ **чловѣчьскын** очень немного (всего 7; из них 2—в евангеліи от Іоанна, в котором вовсе не встрѣчается написаніе **ки**), немного больше, чѣм примѣров с **ки** в словѣ **чловѣчьскии** (таких примѣров всего 4), и меньше, чѣм примѣров написанія **кы** в том же словѣ. Поэтому возможно, что отсутствіе написаній с **ки** в формах прилагательных **пророчьскын** и **божьскын** (слова **моужскы** и **грьчьскы** —

в евангеліи от Іоанна, гдѣ вообще нѣт примѣров с ки) — случайно, что трудно предположить относительно отсутствія написанія ки не в словах с суффиксом ьск и в словах с суффиксом ьск не послѣ шипящих и с.

Вывод, какой можно сдѣлать из анализа правописанія Галицкаго Четвероевангелія, такой. В том говорѣ, который отразился на правописаніи стараго сочетанія кы в этом памятникѣ (не рѣшаю вопроса, был ли это говор самого писца или одного из его предшественников), это сочетаніе, как и сочетанія *гы* и *хы*, не измѣнялось в *ки* ни послѣ гласных *а*, *о*, *у*, *ы*, *ъ*, ни послѣ *с* твердаго, ни послѣ слоговых *е*, *ѣ*, *и*; сочетаніе *скы* измѣнялось в *ски* послѣ шипящих и *с* мягкаго и не измѣнялось послѣ *и* неслогового и послѣ остальных мягких согласных (можно думать, что *ь*, которое раньше стояло послѣ этих согласных или послѣ шипящих и *с* перед *ск*, к тому времени уже выпало). Вопрос, почему *скы* измѣнялось в *ски* послѣ мягкаго *с* и послѣ шипящих и не измѣнялось послѣ остальных мягких неслоговых звуков, мнѣ кажется, можно рѣшать так. Звук *с* послѣ *и* неслогового, послѣ мягких согласных другого мѣста образованія и послѣ зубных взрывных и сонорных не смягчался, а потому и *кы*, слѣдовавшее за этим *с*, оставалось без измѣненія; от соединенія же *с* в сочетаніи *скы* с предшествовавшими шипящими и *с* мягким получалось *с* мягкое (из сочетаній: „*с* мягкое + *с*“, „*ш* + *с*“, „*ж* + *с*) и *ц* мягкое (из *ч* + *с*), которое затѣм и вызывало измѣненіе слѣдующаго за ним сочетанія *кы* в *ки*. Галицкое Четвероевангеліе 1144 года не даёт указаній на то, измѣнялось ли *кы* в *ки* только послѣ мягкаго *с* или также и послѣ других мягких неслоговых звуков (примѣров на положеніе *кы* послѣ других мягких неслоговых звуков, т. е. послѣ стараго *ь* и *и* неслогового непосредственно перед *к* в Галицком Четвероевангеліи вовсе нѣт), а также и на то, распространялось ли подобное измѣненіе на сочетанія *гы*, *хы*. Поэтому ничто не мѣшает предполагать, что в говорѣ, отразившемся на правописаніи Галицкаго Четвероевангелія, *кы* измѣнялось в *ки* вообще послѣ мягких неслогових звуков, и только случайно в памятникѣ нѣт примѣров на положеніе *кы* не послѣ мягкаго *с*. Точно также возможно, что такому же измѣненію послѣ мягких неслоговых звуков подверглись в этом говорѣ и сочетанія *гы*, *хы*, но утверждать это с достаточной увѣренностью мы не можем: длительный задненёбный звук, являвшійся в разсматриваемом говорѣ в этих со-

четаніях,[1]) мог быть болѣе задняго образованія, чѣм *k*, и потому мог имѣть другую судьбу. Для исторіи измѣненія *кы*, *гы*,*хы* в *ки*, *ги*, *хи* в южнорусском важно отмѣтить, что уже в языкѣ писца Добрилова Евангелія, писаннаго всего на 20 лѣт позже Галицкаго, сочетаніе *кы* измѣнилось в *ки* повидимому при всяком фонетическом положеніи. Другіе южнорусскіе памятники 2-й половины XII. в. указывают на то, что подобному измѣненію к этому времени подверглись и сочетанія *гы*, *хы*.[2])

Саратов, 30. апр. 1921 г.

Николай Дурново.

[1]) Надо думать, что общеславянское *g* в южнорусском измѣнялось в длительный звук еще до начала XII в.

[2]) При обсужденіи моего доклада в Московской Діалектологической комиссіи 10. іюня проф. С. П. Обнорскій не соглашался с моим обьясненіем, предполагая, что *-ски-* вмѣсто *-скы-* у прилагательных явилось по аналогіи со *-ски-* в окончаніи имен. множ., возникавшим нефонетически вмѣсто *-сти-* или *-сци-*. Но мнѣ предположеніе С. П. Обнорскаго представляется менѣе вѣроятным, чѣм моё, п. ч. в южнорусских памятниках, к каким принадлежит и Галицкое Четвероевангеліе, *-ски-* такого происхожденія, т. е. именно в имен. множ. на мѣстѣ старых *-сци-* или *-сти-* встрѣчается рѣдко и, между прочим, вовсе отсутствует в Галицком Четвероевангеліи, Добриловом евангеліи и большинствѣ других южнорусских памятников XI—XIII вв. С другой стороны, не знаю, насколько легко могла бы дѣйствовать аналогія со стороны *-ски-* в имен. множ. на появленіе *-ски-* на мѣстѣ *-скы-*. В сѣвернорусских памятниках, гдѣ *-ск-* вмѣсто *-ст-* или *-сц-* появляетса уже в XI в., написанія *-ски-* вмѣсто *-скы-* до XIV. в. не встрѣчаются.

Drobnosti iz slovenske gramatike.

1. Opazke k *y*-ju.

Prvotna slovenščina je podedovala splošno-slovanski *y* v neizpremenjeni vrednosti, za kar imamo trojen dokaz: 1. sekundarni *y* nastane iz različnih kvalitativno mu blizkih tujih dolgih vokalov; 2. prvotni *y* nam je ohranjen v zapiskih iz dobe od VII. do X. stoletja; 3. če je bil slovenski *y* izposojen, tedaj ima v tujem jeziku tak nadaljnji razvoj, ki je možen le, če vzamemo za izhodno točko vokal s fonetično vrednostjo *y*-ja. V teh treh smereh hočemo v sledečem naš glas zasledovati.

1. V drugi polovici VI. in v prvi VII. stoletja (doba priselitve in naseljevanja Slovencev v Alpah) je nastal sekundarni *y* — t. j. oni vokal, ki se je razvil že v špecijalnem življenju slovenskega jezika iz gotovih tujih izposojenih vokalov in ki je bil v kvalitativnem in kvantitativnem oziru enak istodobnemu refleksu psl. *y* — iz iliroromanskega *ū* in *ọ̄*, gl. Bartoli, Jag. Zbor. 42, in prim.: *Milje* (mesto na jugu Trsta) < **myl'-e*, **mūl'-* gl. *Mugla* v letih 931 in 933 (Kos, Grad. II. št. 379, 381) in današnje ital. *Muggia*; neutrizacija je slovenskega, analogičnega izvora, gl. podobne slučaje pri Skoku, Nast. Vjes. 29, 326. — *Mirje* (ledina pred rimskim obzidjem Emone v Ljubljani) < **myr-ьje* na podstavi lat. *mūrum*. — *Videm* (mesto v beneški dolini; ital. furl. *Udine*) < retorom. (furl.) **ūdin-*, lat.-rim. **ūtin-*, prim. v l. 803 in 996: *Utinensem* (Kos l. c. II. št. 16, 523) in v l. 983: *Vdene* ibid. II. št. 478; **ūdin-* je dalo v slovenskih ustih **ydъnъ*, kasneje **ídən* in s protetičnim *j-* imamo *Jídən* še danes pri beneških in rezijskih Slovencih. Iz padežev s predlogom *vъ̀* (acc. loc.) je dobila oblika **idən* še začetni *v-*: *Vídən*, prim. rez. loc. *tùu̯ Wýdne* »in Udine«, gl. Baudouin de Court. Mat. št. 1345. Lahko pa je *v-* v *Videm* smatrati za istovrstni protetični konzonant kakor v prasl. *vydra*, a potem bi oblika *Jiden* bila dekomponirana iz acc. loc. sing. s predlogom *v*. Književno slovenska oblika *Vídəm* je nastala na ta način, da se je končni *-n* napačno smatral za nastal iz *-m*, ki preide v zapadnih slovenskih narečjih

(Goriško, Beneško, Rezija) vedno v *-n*. Obenem se je naše mestno ime še naslonilo na tako pogostno in znano krajevno ime *Vídem*, ki je sicer tudi izposojeno, a iz nemščine, prim. bavarska krajevna imena *Widem*, *Wydem* itd., gl. Zahn, ONB. St. 496 sl. in bav. občno ime *Widem*, srdvn. *widen*, *wideme*, stvn. *widamo*, ags. *weotuma* in nvn. *Wittum* »Brautgabe«, ki je nekoč pomenilo tudi zemljišče, ki ga je kdo zapustil cerkvi, prim. Adelungov slovar. V. 265 s. v. *Witthum* 3.: »Das einer Kirche oder andern kirchlichen und andächtigen Anstalt bey der Stiftung vermachte Grundstück, und in weiterer Bedeutung ein jedes einer solchen Anstalt gehöriges Grundstück«; nem. beseda spada k glagolu *widmen* Kluge, EW.[8] 493. Pleteršnikov Slovar II. 767 izkazuje tudi slov. občno ime *vídəm* »Pfarrpfründengrund«. — Najbrž ima *y* < *ū* tudi ime *Zilja*, *Ziljica*, *Ziljska dolina* na Koroškem (nem. *Gailtal*), kjer je razlaganje slovenske oblike nekoliko otežkočeno vsled začetnega *z-* v primeri z nemškim *g-*. Znano je, da so lat. *j*, *di (di̯)*, *gi (gi̯)* prešli v vulgarno latinski spirantični *j*, ki se je mogel dialektično še dalje razviti v sičnik, kakor nam pričajo pozne latinske pisave ZANVARIO, OZE (Jānuāriō, hodiē) itd., gl. Sommer, Handb.[2] 156, 219, 220; Meyer-Lübke, Gram. der rom. Spr. I. 328, 427. Enako se je asibiliralo *ti (ti̯)*: TERSIO (prvi pojavi so že iz II. stol. po Kr.). Slovenska imena z vulg.-lat. *ti̯*, *di̯-gi̯* kažejo, da v naših krajih v VI.-VII. stol. še ni bilo asibilacije, kajti *Sontius* (v l. 510.; Kos l. c. I. št. 4.) bi sicer moralo dati slov. **Sǫca*, **Karantia* < *Carantanum* + *Carintia* pa **Korǫcь* in današnje podeželno ime bi potem slovelo **Korosko* in ne *Koroško* < **Korǫčьsko*; tako nam je *Sǫ́ča* (gor.-kraško *Súća*) izvajati iz **sǫťa* ter zahtevati za prvotno slovenščino tudi **korǫťь* in **durďь* < lat. *Georgius* za slov. *Jurij* — *Jurja*, čak. *Jȕraj* (s sekundarnim *-ə-* v nom. sg.) — *Jȕrja*, štok. *Đȕrađ*, *Đȗrđa*. Proti tej konštataciji pa, se zdi, govori ime *Zilja* s svojim *z-* < lat. *j-*, če smatramo sovpadanje lat. *j* in *di-gi* za dognano; ne preostane nič drugega kot reči, da je v teh retoromanskih predelih (Karnijskih Alpah) že v VI. stol. *j* prešel v afrikato *dz*. Ime *Zilja* moremo namreč izvajati le iz rim.-lat. *Julia (vallis)*; tako imenuje našo dolino Pavel Diakon (gl. Pichler, Austria Romana pri Sieglinu, Quell. u. Forsch. z. alt. Gesch. u. Geogr., str. 156) in dalje je opozoriti še na to, da so v bližini *Alpes Juliae*, *Forum Julii* in *Julium Carnicum*, ki je današnji furlanski *Zuglio*. Nastane pa nadalje še težko vprašanje, v kakšnem razmerju je nem. *Gail* k slov. *Zilja* in rim. *Julia*. Starejši nemški zaznamki nam podajajo

sledeče oblike: *Gil* (l. 1118, 1136 in 1149; Kos IV. št. 56, 129, 258), *Ghil* (l. 1147; ib. št. 234), *apud Gile* (ca. l. 1150; ib. št. 281), *prope Gylam* (l. 1167; ib. št. 492), *iuxta aquam Gîlam* (l. 1169; ib. št. 504), *Kil* (l. 1184, ib. št. 680); pri Jakschu, Mon. Car. IV. beremo še: *Kal* (l. 1228), *apud Kylam* (l. 1238—61), *iuxta Gylam* (l. 1251), *iuxta Gilam* (l. 1167, 1255, 1261). Če sprejmemo za podlago slovenskega in nemškega imena prvotno *Julia* — in ne najdem razloga, ki bi to izvajanje zabranjeval — tedaj sta slov. in nem. oblika razložljivi le pri sledečem tolmačenju. Slovenci so sprejeli prafurlansko obliko **ďzūli̯a*, ki je dala v slov. praviloma **dzyľa* > *ziľa*; *y* je prešel v *i* ali istočasno s splošnim slovenskim prehodom *y* > *i* ali pa že tudi prej kakor v **kŕyžь*, **Ŕymь*, **žydъ*, po pritegnitvi *y*-jeve artikulacije v artikulacijsko lego predhodnega palataliziranega konzonanta. Nemci pa imena niso sprejeli ne od Slovencev in ne od Furlanov t. j. nemško ime ni nastalo pri kolonizacijskem toku iz celovške doline proti Beljaku v spodnjem delu ziljske doline, ker je nem. *g*- iz slov. ali furl. *z*- nemogoč. Nemci pa so na drugem geografskem ozemlju tudi mnogo prej zaznali za ziljsko dolino in sicer za njen gornji del, namreč v pustriški dolini na Tirolskem, kjer je že l. 770 Tasilo ustanovil samostan Innichen in ko se kolonizacija na Koroškem še niti pričela ni. Tako je verjetno, da so dobili Nemci ime *Julia* v taki obliki, kakršno so govorili tirolski Retoromani (Ladinci) v VIII. stoletju. Kakšna je bila takratna ladinska oblika, nam ni težko reči; glasila se je ali **ďīl*- ali pa še **jīl*-; v prvem slučaju je pomniti, da je *ju*- v nekih retoromanskih dialektih podobno kakor v španščini, rumunščini in toskanščini prešel v *di̯u*-, gl. Meyer-Lübke l. c. § 407 b, in potem bi *ď* napravil na nemško uho vtis *ǵ* (**ǵīl*- > nem. **gīl*), v drugem pa so mogli Nemci po lastnih glasoslovnih zakonih sprejeto **jīl* premeniti v **gīl* prim. *Gicht* < *jiht* k stvn. *jehan* (gl. Lessiak, Ztschr. f. d. Alt. 53, 112 sl.) ter še nvn. *jäten-gäten*, srdvn. *jesen*- nvn. *gähren* itd.; **gīl* je po diftongizaciji *ī* > *ei*, *ai* dalo *Gail* in koroško dialektično je *ai* > *a*: gl. gori *Kal* iz l. 1228. Važno je, da so Nemci v svoji obliki sprejeli *ī*, kar tudi kaže na posredovanje ladinskih narečij, ki so v okolici Bozna in Merana vseskozi lat. *ū* premenila v *ī* (preko *ü*), prim. *chíra* < *cūra*, *dír* < *dūrus* itd., gl. Meyer-Lübke l. c. I. 68, 72; Schneller, Rom. Volksmd. in Südtirol 33.

y iz prvotnega iliroromanskega *ọ̄* nam kažejo: *Brgîn* < **bĕrgọ̄nă* (furl. ben. danes *Bergọ̄na*) preko prvotnega slov. **br̥gynъ*. — *Gumîn* (rezijsko: *Hümýn*, gl. Mat. št. 1169) < **glĕmọ̄nă* (furl. danes *Glemone*,

ben. *Gemōna*, nem. *Glemaun* < **glemūn*; v l. 610 beremo *Glemona*, gl. Kos l. c. I. št. 145) preko prv. slov. **glmynъ* (o slov. prehodu l̥ > *u* prim. Ramovš, Prace ling. of. Baud. d. C. 57). — *Krmîn* < **kr̥mynъ* (furl. ben. *Cormōns;* v l. 610 in 628: *Cormones*, Kos l. c. 145, 156). — Najbrž spada semkaj tudi krajevno ime *Bríšče* < **bryšk'e* (naslonitev na slov. sufiks *-išče*) — **brōskia* in to metatezirano iz **brōksia*, prim. v l. 888: *in fines Broxias; in Broxianis montibus* (Kos. II. št. 289); *Broxas* pri Pavlu Diakonu, Hist. Langob. V, 23. — Vondrák Aksl. Gram.[2] 640 izvaja tudi *i* v slov. dial. (prekmursko) *risâle* »binkošti«, *risâlski*, *risâlščak* »mesec maj = binkoštni mesec« iz prvotnega *y* < rom. *ō* (kakor v *križ*, *Rim*); to pa ni prav, kajti *risâle* je nastalo iz prvotnega prekmurskega *rusâle* (lat. *rosaria*, srdgrš. *ῥουσάλια*); v prekmurščini (in le tu imamo ta izraz) je namreč vsak nenaglašeni *u* prešel v *ü*, ki je nato deloma po razokroženju prešel v *i*, prim. *literàn* (luteran), *vànkıš* (iz stvn. *wancussî*), *vińák* < *v-uljnják*, *lidďé* < *ljudjê* itd.; tako tudi *na risálovo*, *do risálov*, *po risálai* (= rusalah), *risàoščеk*, *risálska nedèla*, gl. Pável, A vashidegkuti szlov. nyelvj. hangt. 50, 55 in o rusalah vobče še Bartoli, Jag. Zbor. 36, 48, Murko WuS. II. 142 sl.

Iz stvn. *û* imamo *y* v *mísati se*, *mísiti se*, »sich mausen, sich haaren« < stvn. *mûzzôn*, ki je zopet iz lat. *mūtārē*; v poznejši dobi je bila nemška beseda ponovno prevzeta: slov. *músati se* < srdvn. *mûzen* in pa še *mâvsati se* < bav. *maußen*; iz istega vira je slov. dial. *mâvžati* »prašičevo kožo otreti ščetin« < nem. *mausen;* gl. še Kluge EW.[8] 303. — Beseda *híža-híša* je izposojena že v predslovenski dobi, je pa na slovenskih tleh doživela najbrž neko premembo, ki se pa ne tiče *y* < *ū* gl. Berneker, EW. s. v.

2. Eksistenco *y*-ja v prvotni slovenščini nam nadalje dokazujejo zapiski slovenskih osebnih imen iz dobe VII.—X. stol. Če bi namreč že v tej dobi slovenščina imela *i* < *y*, tedaj ne bi zanj mogli pričakovati drugega znaka kot *i;* znak *u*, pisan od tujcev, pa jasno govori za *y:* prim. v čedadskem evangeliju iz IX.—X. stol. (Kos II. št. 328): *Sobemuscla*, *Miramuscle*, *Citamuscle*, *Musclonna*, *Dabramusclo*, *Primusl*, *Musclus*, *Seuemuscle*, *Oimuscle*, *Semmemuscle*, *Musclasete*, *Uisegneo*, *Uuisseoi* (t. j. Soběmysła, Miromysł, Žitomysł, Mysłońa . . . Vyšegněv, Vyšegoj; čeprav vsa ta imena niso slovenska, so pa južnoslovanska in je itak verjetno, da je *y* > *i* v celi južni slovanščini nekako istočasno); dalje v Liber confrater. vet. iz l. 784—907 (Kos II. 329): *Dabramuzli*, *Vvizzemir*; v l. 864 (Kos II. št. 191) se omenjajo na Krki v Karantaniji slovenski podložniki: *Nasmus* (Naše-

mysḽ), *Domemus*, *Godemus*, *Razemuzza*, gl. ČJKZ. III. 47; l. 888 (Kos II. 292) živi na Krnskem gradu podložnik *Sitimuzil* (Žitomysł). Po vsem tem bi pričakovali tudi v listini iz l. 827 (Kos II. št. 94) ne *Dabramis* (Slovan na gornjem Avstrijskem pri Buchenau), marveč *-mus;* brati pa moramo vendarle *Dobromysḽ*. — Enako beremo *y* še v brižinskem spomeniku II., o čemer gl. doli.

3. Tujci (v poštev pridejo predvsem Nemci) so slišali slov. *y* kot nekak diftong (prim. k temu pri bizantinskih zgodovinopiscih *Βοισέσθλαβος* = *Vyšeslavъ*, dalje v Annal. Fuld. *spoitimar* = *spytimêrъ*, češka imena *Lutomuzle* poleg *Buitfow* = *Bydžov* itd., gl. še Gebauer, HM. I. 278 in Broch, Sl. Ph. § 147, 193) in če so si ga izposodili, so ga substituirali s kvalitativno najbližjim glasom svojega jezika in to je bil v bavarskem narečju diftong *iu*; tako je slov. *bystrica* > bav. nem. **fiustritz*. Ta *iu* < *y* se je potem razvijal ravno tako kot starobav. *iu* < germ. *eu* (v naši besedi torej kot germ. *eu* v zlogu pred *i, j, u* ali pred labiali in velari). Prešel je pozneje po preglasu v *iü* in slednjič v *ǖ* in zanj se pišejo isti znaki kot za prvotni *ǖ*, ki je nastal po preglasu iz germ. *ū*; pripomniti pa je, da datira grafična označba za preglašeni vokal šele od XII. stol. dalje bolj pogosto, prej je vsekakor redka. Za *ǖ* iz *ū* in *iu* pišejo *iu, u* (t. j. preglas še ni označen), *ui, ugi*. Glas *ǖ* < *ū, iu* se je koncem starobavarske dobe diftongiral v *oü* (dial. še ohranjeno kot *oį*), ki je pozneje preko *öü* se razokrožil v *ei* in sovpadel končno z *ai* < *ei* = prvotni *ī*, gl. Schatz, Altbair. Gram. § 10, 16, 18, 30. Diftongizacija se je vršila po Schatzu l. c. okrog l. 1050, po Wilmannsu, Deut. Gram.[2] I. § 215 v XII. stol.; po Paulu, Mhd. Gram.[6] § 110, je bila v bavarščini z začetkom XIII. stol. že zaključena.

Na podlagi tega sprejmemo na pr. za *bystrica* v nemških ustih tale razvoj: *fiustritz* — *fiüstritz* — *fǖstritz* — *foüstritz* — *föüstritz* — *feistritz* — *faistritz*. Tako nam postanejo jasne in umljive mnogolične pisave prim. *fǖstritz: Vustrice* l. 1120; *Fustrize* l. 1149; *Wstritz* ca. l. 1080; *Fiustrize* l. 1075; *Viustriz* ca. l. 1130; *Fivstriz* l. 1207 (*Vistriz* l. 1232, *Fistriz* l. 1173, *Fystriz* l. 1245 so pisane na podlagi mladega slovenskega *bistrica*) itd.; obliko *foüstritz* moremo videti v zapiskih: *Vuostriz* l. 1093; *Fůstriza* l. 1146; *Foustrize* l. 1171; *Fostriz* l. 1143; *Feustrice* l. 1147; *Vevstricz* l. 1298; *Feustricz* l. 1285; *Fawstritz* l. 1434; *Fawstritz* l. 1430; *Vaeustriz* l. 1174 itd. Pripomniti je seveda, da je marsikatera teh pisav tradicionalna: v XV. stol. se je gotovo že govorilo *faistritz*, pisalo pa se je še po starem *Fewstricz* l. 1425; v XIII. stol. se

govorilo *foüstritz*, pisalo pa še *Fustrize* in pod. Prve slučaje z *ei-ai* imamo v *Veistriczgraben* l. 1293, *Feistritz* l. 1387, *Faistritz* l. 1410 itd.; tudi za *ei* < *ī* beremo šele od XIII. stol. dalje *ei*, prim. l. 1155 *Wizen-*, *Wizzinchirchen* proti *Weizenchirchen* v l. 1295. Nadaljne primere gl. pri Zahnu l. c. 176, 387.

Ta razvoj *y* > *iu-ü-ai* velja le za one besede, ki so jih Bavarci sprejeli od Slovencev v dobi, ko je imela slovenščina še *y*; semkaj spada tedaj še *chyša* > bav. **kχiuša* — **koüše* — današnje bav. *Keusche, Keuschler* (*eu* = *oi̯*; Unger-Khull 385); *Gaischen, Gaischler* (Schmeller I. 952) poleg *Geuschen*, gl. še Štrekelj ČZN. VI. 25.

Ko je pozneje *y* > *i*, so Bavarci v sedaj izposojenih besedah ta *i* substituirali s svojim *î* in ga kot tega kasneje razvili v *ei-ai*, ker je ta bavarska diftongizacija mlajša kot slovenski prehod *y* > *i*. Po končnih bavarskih rezultatih bi torej ne mogli določiti, ali je *ai* iz *y* ali pa že iz *i*. Ta določitev pa nam je vseeno (deloma) možna, ako nam pomagajo stari zapiski; obenem nam pride na pomoč tudi dejstvo, da je *oü* < *ü* v nekaterih alpskih govorih ostal na stopnji *oi̯* na pr. v Lungauu. Tako moremo določiti, da je v sledečih primerih že proizveden prehod *y* > *i*: *Weisberg* (ob Krki na Koroškem) je že iz **visprijah* (k adv. *vysprь* gl. Miklošič, Vgl. Gram. I.[2] 162), ker beremo v l. 1124 *Wizpriah*, v l. 1072 *Wizpriach*, v l. 1231 *Wîzpriak* (Jaksch, Mon. Car. I. 91, 74, 414); *Reifnitz* (ob Vrbskem jezeru) je iz *ribnica*, ker že l. 977 *Ribniza*, l. 1195 *Riuiniz*, *Riuinze* (Jaksch l. c. III. 59, 567); *Waissach* (v šenčurski fari pri Kranju) za slov. *Visoko*; *Geyss, Keys, Kheis, Gheis* (l. 1453) in *Keissach* (l. 1370) za slov. *Šiška* < **hiška* pri Ljubljani, gl. Štrekelj ČZN. VI. 26; *Weistrach* (pri Seitenstettenu na nižjem Avstrijskem), prim. l. 1110 *Wiztrah*, l. 1120 *Wiztrahe*, l. 1150 *Wiztraha*, l. 1170, 1186 *Wiztra* (UoE I. 134, 143, 478, 179; II. 27, 402). — Če je bila taka beseda sprejeta po dobi bav. *î* > *ei*, tedaj je slov. *i* < *y* ostal tudi v nemščini neizpremenjen prim. *Wissokim* za *Visoko* v Poljanski dolini; *Wissok* l. 1424 (pri Gornjem gradu); *Wizzoc* l. 1239 (*Visoko* pri Kranju) pa ima ali staro tradicionalno pisavo ali pa je mlad zapisek na podstavi slov. *Visoko*; tako mešanje vidimo najlepše v listini iz l. 1262 za *Visoko* v ljubljanski okolici (fara Ig), kjer beremo *villa que dicitur Wissoch* in v listini iz istega leta še *villa que dicitur Weyzzoch* (Schumi, URBKr. II. 80 ozir. 246, 247).

Naj omenim na tem mestu še krajevno ime *Vojsko* (pri Vodicah na Gorenjskem; pri Idriji; v občini Gorjane v kozjanskem okraju na Štajerskem, sporočeno v l. 1500 kot *Woyska*, gl. Zahn l. c. 506;

dalje imamo še l. 1289: *in dem Wiczken*, l. 1372 *im Woysken* za vas pri sv. Lovrencu v Puščavi na jugozahodu od Maribora, gl. Zahn l. c.). Pintar, Ljub. Zvon 1913, 545 izvaja *Vojsko* < *Vysoko* in opozarja glede prehoda *y* > *aj* na Vondráka, Vgl. sl. Gram. I. 113. Za to razlago bi govoril gori navedeni zapisek *Wiczken*, ki ga pa smatram za pismeno pomoto; kajti nikjer in nikdar ni v slovenščini *y* > *oj* in vendar bi, če bi bilo *Vojsko* < *Vysoko*, morali imeti ta prehod na dokaj razsežnem slovenskem ozemlju. Češki dial. pojav *ý* > *ej, aj,* o katerem govori Vondrák na navedenem mestu, nas pa še ne upravičuje, da bi tudi za slov. *y* mogli sprejeti iz njega razviti *oj* in še to le v eni sami besedi. Tudi je nemogoče misliti na to, da bi na pr. acc. sing. *vъ-vysoko* prešel po metatezi, slični oni v *bui̯ti, mui̯ti* < *ubiti, umiti, vùi̯škar* (v Prekmurju) < *v-viškar* itd., v obliko **vùi̯sko*, iz česar bi nastalo *Vojsko*; pri tem nam še vedno ostane nepojasnjen *o* in pa onemitev *o*-ja v drugem zlogu v tako zgodnji dobi (l. 1289). Bo pač radi tega najbolje, da smatramo *vojsko* za nom. sing. neutr. adjektiva *vojskъ*, prvotno tedaj *vojsko selo, mesto, gradišče* ali podobno. Enako je *Vojščica* (vas zahodno od Komna na Goriškem; v l. 1086: *Vosiza, Vosizae* (Kos III. št. 385), v l. 1123: *Wasgicza* (Kos IV. št. 72) pomanjševalna tvorba k *vojska (vas)*. [Za razlago imena *Vojsko* ne more priti v poštev krajevno ime *Kojsko* (na zahodu od Gorice), ki je po vsi priliki iz **kl̥̄sko*, kakor nam je brati starejše zapiske: *Culsca, Culschae* (v l. 1086, Kos III. št. 385) in *Cluschae* (v l. 1131—1161; Kos IV. št. 103); **kl̥̄sko* bo izvajati najbrž iz **kъlčьsko*, ki bi spadalo k glagolu *kъlčiti* »reuten, roden« ali k samostalniku **kъlkъ* »Neubruch, Gereut«, ki bi živel v gorskih imenih *Kolk* na sev. Goriškem. Iz **kl̥̄sko* je nastalo **kolsko*, **kosko*, kjer se razvil sekundarni *i̯*: *Koi̯sko*, prim. ČJKZ. III. 50.]

Na podlagi doslej navedenega moremo vobče tudi zaključiti (gl. predvsem primere za *Weistrah, Reifnitz* in *Weisberg*), da se je koncem X. in v začetku XI. stol. v slovenščini že govoril *i* < *y*, gl. še Jagić, Arch. f. sl. Ph. 4, 406. Tako pričakujemo v brižinskih spomenikih za *y* že *i* in to tudi imamo v 53 primerih. Če pa je bil pred *y* labialni zapornik, tedaj se je ta zapornik tvoril z *y*-jevo artikulacijsko lego jezika t. j. v *byti* ima *b* jezikovo konico bolj zadaj kot b^i in bolj spredaj kot b^u in jezikova ploskev je dvignjena proti meji med trdim in mehkim nebom; o teh vplivih vokala na artikulacijo pred njim stoječega konzonanta gl. Jespersen, Lehrbuch der Phonetik[2] 16. Ta po asimilaciji nastala artikulacija labiala je

vdobi prehoda *y* > *i* zadrževala razvoj *y* > *i* za labiali; možno pa je tudi, kakor meni Nahtigal ČZN. XII. 119, da je *by* > *b^u^y* ali *b^u^i*, gl. še Broch l. c. Na vsak način pa priča dejstvo, da je *y* ohranjen v popolnoma določenem in fiziološko lahko pojasnljivem milieuju, za to, da so primeri v II. briž. spom. (*buiti* 42, *bui* 8, *mui* 32, 41, 104, *muzlite* 84, *imugi* 5) odsev žive slovenske govorice, kakor dobro poudari Nahtigal, in ne le vpliv neke glagolske predloge, kakor je menil Vondrák, Stud. z oboru csl. pís. 63.

Dalje imamo *i* < *y* v adverbialno rabljenem instr. sing. neutr. *nikĩſe* = *nikim-že* (v II. spom., 69) »nullo modo«, kakor je bral Miklošič Vgl. Gram. III² 150 in čemur pritrjuje Nahtigal l. c. 118, opom. 1. Vondrák, Fris. pám. 20, 44 je menil, da nadomestuje kratica ~ v naši besedi *er* (tako kratico za *er* in *re* pozna latinska pisava od XI. stol. dalje) in je bral *nikjer(se)* ter smatra obliko *nikjer* za starejšo kot *nikir*. Tako branje pa je gotovo napačno; prvič nas dvakratni *tere* II. 32, 110 s svojim *r* < *ž*, dočim imamo povsod drugod še *-že*, še ne more upravičevati, da bi za to dobo tudi za *nikъdeže* že sprejeli *nikjer(e)*, drugič pa je treba poudariti, da *kъde* v slovenščini ni dalo *kje*, ki je le književna oblika, na kar sem opozoril že v Arch. f. sl. Ph. 37, 190 in v Ljub. Zv. 1919, 250, tu proti Škrabcu JS. I. 386, ki je *j* v *kje* izvajal iz *d* v **kde*. Prvotno *kъde* je po onemitvi reduciranega vokala dalo v slovenščini praviloma **kde-gde*, kar imamo na pr. v Središču na Štajerskem, ozir. *dę̀* < *gde* v Prekmurju. Zvečine pa je jezik hotel ohraniti začetni *k-* vsled zveze z vsemi vprašalnimi zaimki in prislovi in tako se je moral *d* totalno asimilirati *k*-ju: **kde* > *ke*, prim. *ke* Stapleton 15, 18, 44, 66; Skalar 124b in dial. *kę́* (Belakrajina, Guštajn, Središče, Tacen), *čę́* < *kę́* kakor *u̯otrǫ́če* < *otroke* na Gorenjskem in istotam še *nę̂čę* in *nę̂č* < **neke*, *nêkъde*, v Borovnici: *nê̯ik*, ki pa je iz **nêki* prim. *nejki* v Dalm. Bibl. I. 148a in pri Megiserju s. v. Irgends: *nejkj*, gl. doli. Dialektično je *ke* dobilo še partikulo *-i̯* < *-i*, gl. Berneker EW. 416: *kę́i̯*, prim. *kei* pri Trubarju CO: 38a, 71b, 83b, 84b, 109a; T_{81}: 17, 27, 61, 69, 105, 115, 142 . . .; *kej* Dalm. Bibl. I. 24a, 27b, 28a . . .; Znojilšek 47, 49, 50 . . .; Megiser; Jan Svkr. SP. III. 66, 391, 366, 370; Basar: *kèj* 186 (2 ×); Rogerij PE II.: *khej* 43, 49 (7 ×), 89 (3 ×); Japelj NT. II. (1786. l.): *kęj* 170, 221 (3 ×), 329 itd.; dial. imamo *kę́i̯* na Dolenjskem (Borovnica, Raščica, Ribnica), v Rožu *čǫ́i̯* < *kei̯*. Enako je *kъde-že* > *kèr*, *kę́r*, prim. *kèr*, Hren I. 135a; Schönl. 41, 75 (2 ×), 76 (3 ×); *ker* Dalm. Bibl. II. 141b; Pass. 14b; *kérkuli* Schönl. 305 (2 ×). V *nikъdeže* je *-gd-* laže ostalo ohranjeno, ker

se je *g* naslonil na predidoči vokal: *nigder* Bibl. II. 102b, 197b; Megiser; *niγdiẹ́r* (gor. Kras), tako da smatram *nikệr* že za nastalo na osnovi oblike *kệr* (prim. še prekmursko *dà* < *kъda* proti *malogda*), prim. *niker* Dalm. Bibl. II. 16b, 206a; Skalar 96b, 228b itd. Ko je od XVI. stol. dalje *ẹ̄r* > *īr* (*večêr* > *večîr*) na Kranjskem, je tudi *kệr* > *kîr*, prim. Basar: *kir* 180. — V nekaterih narečjih pa je *kъde* sploh (po nekod pa samo v gotovi funkciji na pr. v relativnem pomenu) dobilo končnico *-i* (prvotno morda **kъdy*, gl. Zubatý Arch. f. sl. Ph. 15, 505 ali pa tudi **kъdê* po suf. *-ǫdê* in prim. shrv. *kdi* in *gdje*, rus. *gdê*), prim. pri Trubarju relativni *gdi* (k relativni rabi gl. Vondrák, Vgl. Gram. II. 470): *Gdi kuli dua oli trye vnega Jmèni bodo vkupe - - - vundukai vmei nimi on hozhe tudi biti*, CO: 89a; enako še *gdi* CO: 70b, 117b; K_{II}: 108, 108s, 163; T^{81}: 34, 118 ter *nigdir* K_{II}: 59, 92, 94, 124. Oblika **kdi* je mogla dati tudi *ki* (kakor *ke* < **kde*), prim. *ky* Krelj 52b, 53b, 54b . . .; Kastelec BR. 221, 268, 321 (poleg *kei* 138, 154, 189); *ki* Skalar 7a, 8b, 10a, 15a, 18b, 62a, 63b (3 ×) . . .; Pohlin Opr. 10, 28, 51, 273; prim. še *nikir* Trubar T_{82}: 156 in tudi pri Jan. Svkr. SP. III. *kir* 283, *nikir* 169 bo bržkone iz *kъdiže* in ne iz *ker*. Dialektično imamo *kí* na Notranjskem in na Krasu je *ki* > *čí*. — Nedoločno rabljeni *khi* pri Rogeriju PE. II. 28, 29, 33, 35, 37 itd. ni iz **kdi*, marveč iz *kei̯* v nenaglašeni pozíciji po asimilaciji *ei̯* > *ii̯* > *i* prim. današnje *tûki* < *tûkei̯*, *tûkai̯*. — Dalje je še navesti, da ima narečje Slovenskih goriç poleg *kéi̯* še obliko *géi̯* < *gé*, ki je nastala ali v križanju *gde* × *ke* (v sosednjem Središču sta obe ti dve obliki še v rabi) ali pa iz *gdé* po asimilaciji. — Vse te sporočene in govorjene oblike govore proti nedokazljivemu prehodu **kde* > *kje*. Na razlago Baudouina de Court., Otčëty (Boh.-pos. gov.) str. 86., da je *kje* iz prv. slovanskega **kъdi̯e* (stcsl. **kъžde*), mi ni treba odgovarjati, ker slovanščina nima lokalnega sufiksa *-d'e* in **kъžde* je lahko samo »quisque«, nikdar pa ne »ubi«; gl. še Berneker EW. s. v. *-d'e* str. 258.

Oblika *kje* nastopi v slov. knjigi bolj pozno in spočetka tudi zelo redko. Prvič jo berem poleg običajnega *ki* pri Skalarju: *kie* 192a, 286b, potem pri Basarju (1734 l.) *kje* 78, *kjè* 13, 17, Cusaniju (1749 l.): *kie* 146, Gorjupu ZL. (1770): *kie* 27, 59 (4 ×), torej pri pisateljih gorenjskega in goriškega narečja, kjer se je naglašeni dolgi *e* sporadično razvil v *iē*, *ⁱẹ*; njihov *kie* je torej *kⁱẹ́* = *kẹ́*. Pri Pohlinu pa, ki piše poleg *ki* tudi *kje* Opr. 207, *kjer* 42, 83, moremo reči, da je njegov *kje* učeno pisan, ker ga je naslonil na adv. *tjà* (govorjeno *kẹ̀*, pisano po tradiciji *kie* < *ti̯a* × *ke*), ki ga piše

3*

kjé 7, *kje* 36, 86, *kjê* 84 (gl. še *kjekej* 15, pri Japlju Prid I. *kjękaj* 6). Japelj NT. II. rabi poleg vprašalnega *kęj* in relativnega *kęr* 61 nedoločni *kjè* 328, enako Traun Ps. *kjè* 12, 61, 143. Slovenske slovnice iz začetka XIX. stol. predpisujejo: *kjé, kjér* Vodnik, Pism. 63; *kjé* Kopitar, Gram. 366 poleg *nikír* 367; Franul: *kjerkòl, néki, nikir* 184 in Metelko, Lgb. *nekjé* in k *nəkjer* pristavi kot »verkürzt« še *nəkír* 157 in za *kje* 156 podaja že isto razlago kot Škrabec, ko pravi, da je *kje* nastalo »aus dem im tiefen Unterkrain noch gebräuchlichen *kde* durch Verwandlung des *d* in *j*.« Od Prešerna in noviških pisateljev dalje je *kje* že v splošni rabi.

Po vsem tem je jasno, da so vse slovenske oblike našega prislova razložene iz *ke — ge* < **kde — gde* in da je *kje* le učena tvorba, nastala pač predvsem v zvezi *„tja, kjer“*, kar se je govorilo *„k'ę, kȩ̂r“* in bi se imelo pisati *„kje, ker“*. Radi tega *nikĩ* ni mogoče brati *nikjer*, kvečjemu še **nikir(e)*; nimamo pa nobenega znamenja, ki bi nam kazalo, da je v jeziku briž. spom. *kъde* prešlo v **ki* in ker je kratica ~ itak običajni znak za *m*, moremo s polno gotovostjo reči, da je *nikĩſe = nikim-že*.

Omeniti hočem na tem mestu še briž.-slov. *cruz* II. 89, kar ima Miklošič EW. 144 za pismeno napako namestu *Criſtuz*. Vondrák, Fris. pam. 30. pravi, da moremo v *cruz* videti le stvn. *criuz* »križ« ali pa vpliv te besede, ter da se mogoče v *cruz* skriva današnji slov. *križ*. Vpraša pa se, kako pride na to mesto beseda *križ*, ko pričakujemo *Kristus;* zato misli, da je pisec slabo razumel kratico svoje glagolske predloge (*chъ*) in mislil na kratice *krstъ, kstъ;* s tem bi bil razložen začetni *c-*, ki ga spričo voc. *Crifte* III. 67 ni niti treba razlagati, ne pa zagonetni *u*. Nahtigal l. c. 117, opom. 2. pravi, da je *cruz* ali *kruc*, kar spominja na stvn. *krûzi*, ali pa *kruž*, kar spominja na staroladinsko *krüže*; pravi pa, da v *cruz* ne gre iskati *y*-ja, vendar — dasi nejasno — radi današnjega *križ* misli, da je slovensko narečje briž. spomenikov govorilo pod severnoromanskim vplivom *krüž = cruz*. Vondrák, Stud. z oboru csl. pís. 65 popravlja svoje gori navedeno mnenje, trdeč, da je beseda *križ* bila že v glagolski predlogi ter izvaja: »Přívlastek *zueti* by se jinak docela nehodil. Viděli jsme, jak se právě v této památce jeví značně vliv staroněmecké výslovnosti a grafiky, poněvadž nebyla památka ta psána přímo z předlohy. Staroněmecké *criuz*, kříž, psalo se též *cruz* (viz v mém vydání str. 30, ku př. *crûze* Denkmäler I³, str. 307), pak *cruci* ku př. *heilaga crûci* v loršské formuli l. c. str. 239, ř. 29, a tak je i na našem místě

bezpochyby německým spůsobem psáno slovanské *križ* (*krjuž*?), k čemuž se ovšem hodí přívlastek »zueti«. Původní slovosled je zde asi částečně porušen, což se snáze mohlo státi, psalo-li se dle slechu (srovn. též na začátku dvakrát: *v ueki gemu be ſiti* ř. 2 a *nu u vueki gemu be ſiti* ř. 6). Má se zde tedy bezpochyby čísti: Naſ gozbod, iſe geſt bali telez naſſich i zpaſitel duſ naſſih, ton zueti cruz bozzledine balouvanige pozledge pozſtavv i ucazal ge imſe ze nam . . . postavil tedy kříž jakožto poslední lék atd.« Faktično je povsem neobičajno, da bi *Kristus* imel pridevek »sveti«, dočim je izraz »sveti križ« nekaj navadnega. Vendar si ne morem predstaviti, kako bi pri narekovanju nastala taka napaka, kakršno zahteva Vondrák. Tudi na začetku II. spom. nimamo nikakršne pomote, kar je dovolj jasno z ozirom na besedici, ki sta pred istim stavkom: **te** *v ueki gemu be ſiti* 2 proti: **nú** *u vuęki gemu be ſiti* 6. Dalje moram še pripomniti, da je iz celega smisla II. spomenika jasno, da »bozzledine balouvanige« ni **križ**, marveč **spoved**. Obliko *krjuž* pojasni Vondrák v Aksl. Gram.[2] 640, ko sklepa z briž. *cruz* na neko severnoromansko *cruže* in gl. še ibid. 80—81, opom. 1.: »Bei *križь* komme vor allem das einstige Rhaetoromanische in Betracht: aus **krọce* wurde hier **krọ̄že* ... woraus im Slav. **kŕūžь*« in v opombi k tej slednji besedi pravi: »Es hat Dialekte gegeben, die bei *kŕužь* blieben. So haben wir in Freis. Denk. *cruz* II. 89, eine analoge Form zu *rumьskъ*.« Malo prej pa pravi, kar odgovarja resnici, da je *rumьskъ* poznejša nova izposojenka kakor na pr. starosrb. *žudij*. Vondrák bere torej *cruz* = *kŕuž;* z njegovim mnenjem, kakor ga je podal v Stud. z ob. csl. pís. se strinja tudi Jagić, Entstehungsgesch.[2] 356. Ker za neko slov. dial. **kŕuž* nimamo nikake opore in ker besedosledje v našem stavku ni porušeno, saj je take vrste pomota nemogoča, zato menim, da je *cruz* = *Kristus*; pisec je hotel napisati *criſtuz* je pa pri črti *ı* (= črka *i*) mislil, da piše že prvo črto črke *u*, zašel je torej že v drugi zlog, ki ga je tudi izpisal; *cruz* nam je tedaj popraviti *crıſ|tı|ız*. Kljub temu pa »zueti« ne spada k »cruz«, marveč k predidočemu »gozbod«, torej: »Noster dominus sanctus, Christus, qui est . . .«

Od konca I. tisočletja po Kr. je *y* > *i* in deli odtlej v vseh slovenskih narečjih v vsakem oziru isto usodo kot etimološki *i*.

Ljubljana.

Fr. Ramovš.

Dosad nepoznati hrvatski glagolski prijevodi iz staročeškoga jezika.

Stručńacima je poznato, da je u hrv. glagolskoj kńiževnosti prevedeno staročeško djelo »Lucidář«, kojega je glagolski tekst objelodanio prof. Milčetić (v. Starine *30*, 257—334), a staročeški prof. Zíbrt (v. Sbírka pramenův I, II, 5). Taj prijevod ističe prof. Milčetić kao »prvi pojav u istoriji hrv. kńiževnosti, da Hrvat ńešto prevodi s češkoga« (v. Starine *30*, 287). Između nagađańā prof. Milčetića, kako je postao taj hrv. prijevod, držim, da je najbliže istini ono, po kojem je taj prijevod načinio neki Hrvat, koji je dospio u *Emauski* manastir (na Slovanech) u Pragu i ondje naučio češki, pa se pod kraj 14. vijeka ili na početku 15. vijeka povratio kući ili s gotovim prijevodom ili s češkim tekstom, koji je kod kuće preveo (v. Starine *30*, 288). S time možemo isporediti i ono, što je prof. Milčetić poslije u svojoj »Hrv. glagoļskoj bibliografiji« spomińući čehizme u jednom fragmentarnom glagolskom dvolistu u arhivu Jugoslav. Akademije sa sign. IV. d. 55 i hoteći protumačiti postańe toga spomenika rekao: »Pisao ga je Čeh, koji je naučio dosta dobro glagoļicu i hrvatski jezik, ili Hrvat, koji je u Češkoj živio pa unosio u svoj jezik mnoštvo čeških riječi. *I jedno i drugo*[1]) mogaše se desiti u XIV. vijeku u *emauskom*[1]) samostanu u Pragu« (v. Starine *33*, 193).[2]) Govoreći pak Milčetić o vatikanskom glagolskom »Zrcalu«, za

---

[1]) Ovdje istaknuto.

[2]) Kako će se iz daļegā vidjeti, ja dokazujem, da su hrv. glagolski prijevodi iz staročeš. jezika, o kojima ću daļe govoriti, rađeni od Hrvatā, a ne od Čehā. To mislim i za taj fragmenat, koji govori o svetkovańu nedjeļe i koji je *prijevod* iz staročeš. jezika, ako mu i ne znam dosad staročeš. originala. Milčetić nam ne kazuje, *čemu* bi Čeh u *Emauskom* manastiru pisao hrvatski i gdje bi se naučio hrvatski.

Da bih omogućio i drugomu komu tražeńe staročeškoga originala rečenoga glagolskog fragmenta, priopćit ću ovdje prvu stranu toga fragmenta, koja glasi: h(rst)ьěnska n[(e)d(ě)la] [s]|hranena. viimo k|adě v n(e)d(ě)l*ju* ničto|že mirskago ne čin|iš'. I d(u)h(o)vnimi rěč'|mi se zaneprazdni|š'. do cr(i)kve priša|dь slovu b<o>žiemu e|go pričiniš'. o n(e)b(e)ski|h' rěčeh' misliš'. | O věčnom' bl(agosla)ven'sь|tvi mišlen'e imaš'. | budući sudь vě|[č]ni pred' oči kla|deš'. i tot' e(st'). s'hra|nen'e n(e)d(ě)le h(rst)ьěnov' | Proto kto bi v těh' | rěčeh' ne tuhalь | dělom' gleda*juć*' | dobrotivo kь uži|t'ku věčnomu. k' potr|ěbi k pomoći bližn|ago. dělae v n(e)d(ě)l*ju* teles'ně dělo d|obro bi s(ve)tilь. I t(a)ko || *(konac prvoga stupca)*

koje misli da je prijevod Antoninova djela »Specchio di coscienza«, i hoteći protumačiti neke čehizme u tome spomeniku veli: »Sva je prilika, da je neki Hrvat preveo ovo djelo, znajući češki. Može biti i to, da je Čeh pisao hrvatski, zadržavši mnogo čeških riječi. Najnaravnije je, da ovo utjecańe češkoga jezika dovedemo u savez sa kńiževnim radom praškoga samostana u Emausu (na Slovanech)« (v. Starine *33*, 203). Postańe spomenutoga glagol. »Zrcala« dovodi, zbog ńegovih čehizama, u svezu s Emauskim manastirom i prof. Jagić, koji prema prof. Milčetiću spomińe, da bi naše »Zrcalo« moglo biti prijevod spomenutoga talijanskog djela (v. Vodnik, Povijest hrv. knjiž. I, 30).

Ja ću se još poslije obazreti na nagađańe, da bi se čehizmi u hrv. glagol. spomenicima mogli tumačiti tako, što su ih radili Česi, i pokazati, kako u samim spomenicima ima mjesta, koja se protive takome tumačeńu, no ovdje ću istaći, da i ja, prema dosadašńem svome proučavańu hrv. glagol. kńige, držim, da je utjecaj staročeške kńige na hrv. glagol. kńigu baš preko hrv. glagoḷašā u Emausu bio kud i kamo veći, nego što smo dosad mogli i misliti. Dosad samo od česti objelodańeni hrv. glagol. spomenik »Petrisov zbornik« iz god. 1468., što ga je prof. Milčetić iz poznatih uzroka samo letimice opisao ne mogući pravo ni sadržaja kazati (v. Starine *33*, 271/2), utvrdio me je u uvjereńu, da su čehizmi u nekim hrv. glagol. spomenicima došli putem, koji vodi u praški Emaus.[1])

.... | .... | aem' něčь časom' dě|lati. Začь umě v | n(e)d(ě)l*ju* · nab(o)ž(a)n'stvo | ostrigati · i o b(o)zi | misliti. Ali spro|st'ni ima se o^{t} děl|a ustaviti · pro ne|dostatakь · te · mu|drosti. I to dobro | e(st') · ukazano v sta|rom' zakoně · zane | iozue · ž̄ · (7) d̄ni oko|lo zidi · eriha · ho|dilь e(st') · ugod'no · ta|ka děla starog|a zakona · činili su | ěko su t(a)koe · dit'cu | obrězovali · v' s(ve)ta|kь. Proto g(ospodin)ь is(u)h(rist)ь · uzd|ravovalь v' s(ve)tьki · | bez' grěha dovel' | e(st') · židom' reki · Edino | delo učinil' sam' | i vsi divite se. ||

Za transkripciju u ovom ulomku i u ulomcima, što ću ih daḷe navoditi, treba da kažem ovo: 1. glagol. ⱓ transkribiram kursivnim *ju*, 2. glagol. ⱋ transkribiram: *a)* kao *ć*, *b)* kursivnim *šć*, 3. glagol. ⰼ transkribiram kao *j*, 4. pokraćeńa, koja su naznačena titlom, razdrešujem u oble zagrade ( ), a u zagrade ⟨ ⟩ mećem pokraćeńa bez title; u zagrade [ ] mećem propala slova.

[1]) Povijesti se Emauskoga manastira, koji je, kako je poznato, osnovao god. 1347. Karlo IV. i u ń pozvao hrv. glagoḷaše, dotakao i Syrku u članku »Zur Geschichte des Glagolismus in Böhmen« (v. Jagićev Arch. slav. Philol. *21*, 169—197) sumńajući nekako o spomenutom utjecaju toga manastira. Spomińući Syrku mišļeńe prof. Milčetića, da je hrv. prijevod staročeš. »Lucidara« djelo hrv. glagoḷaša, pripomińe: »Das ist wohl richtig, ob aber und inwiefern gerade das Emmaus-Kloster dabei betheiligt war — das lässt sich nicht mit Bestimmtheit sagen« (v. J. Arch. *21*, 176, biḷ. 3). Ja nijesam našao ništa, što bi me odvratilo od mišļeńa, da su hrv. glagol. »Lucidar« i ostali prijevodi iz staročeš. jezika, o kojima govorim u ovom članku, koji po vremenu postańa mogu svi ići u 2. polu 14. vijeka, došli baš preko hrv. glagoḷašā u Emausu.

Ļubaznošću sadašńega vrbanskog župnika g. Jakova Maračića mogao sam ja boraveći o prošlim ļetnim praznicima (1921.) u Vrbniku, gdje se danas čuva rečeni glagol. zbornik, taj zbornik po voļi prepisivati, šta više i sa sobom ga u Zagreb ponijeti, da ga do kraja prepišem i proučim.[1])

Prepisujući spomenuti zbornik, u kojem se, kako je poznato, nalazi i prijevod staročeš. »Lucidara«, u narodnijem jeziku, nego što je tekst, koji je Milčetić objelodanio, iznenadio sam se, kad sam u tome zborniku počeo nailaziti na mnogobrojne čehizme, za koje sam odmah pomislio da su došli u hrv. tekst prevođeńem iz češkoga jezika. Moje je nagađańe potvrdio ubrzo sâm rukopis, jer sam na l. 265^b našao ovo: »... kada e bilo na za*ju*trie kotero|mu godu biti tada l*ju*di sa svoimi čelaď|mi v crekav' šadše vsu noć' su bděli i to se zov|e vijiliě *arь latin'ski vijiliě a češ'ki* | *bděnie r(e)čeno es(ť)*«. To sam mjesto držao da se može razumjeti samo tako, ako se uzme, da je hrv. prevodilac, prevodeći češki original riječ po riječ, preveo i ono, što u češkom tekstu ima smisla, ali ne pristaje u hrv. prijevod.[2]) Kako je moje mišļeńe bilo potpuno opravdano, može svatko vidjeti, kad spomenutim riječma navedem staročeš. original: »... kdizz | bylo na zaytrzie kteremu | hodu byty. tehda lidye s | ſwymi czeledmi do koſ|tela ſſedſſe wſſiczku nocz | bdyeli. a to ſlula wigil|gye. *neb latynye wigilia* | *bdyenye czeſki rzeczeno* | *yeſt*«.[3])

Čehizama sam našao osobito u ovim dijelovima »Petrisova zbornika«: 1. u članku o Glavosječeńu Ivana Krstiteļa (l. 183^a—184^b), 2. u Životu sv. Jeronima (l. 210^b—213^b), 3. u članku o Sv. Trojici (l. 247^b—250^b), 4. u tumačeńu evanđeļa na

---

[1]) Rečeni ću zbornik drugdje potańe opisati, no za pravo razumijevańe treba da i ovdje istaknem, da je taj zbornik sastavļen od dijelova, koji su postali u različno doba i koji su god. 1468. u tome zborniku prepisani. Tako su i sadašńi ńegovi hrv. prijevodi iz staročeš. jezika, o kojima ću daļe govoriti, prijepisi iz starijih rukopisa; originalni su prijevodi mogli dakle postati u 2. poli 14. vijeka ili odmah u početku 15. vijeka, t. j. u ono vrijeme, dok su hrv. glagoļaši imali tješńih sveza sa Češkom.

[2]) Odmah mi je pao na pamet takav način prevođeńa u hrv. protestanata u 16. vijeku, koji su prevodeći stvari namijeńene Nijemcima ostavļali i ime Nijemci i ondje, gdje bi trebalo da uzmu ime svoga naroda. Tako na pr. u »Vsih prorokov stumačenju hrvatskom« u izdańu Jagićevu (god. 1897.) čitamo na 6. str.: »K tomu bilo bi takoje dobro znati, kako su orsagi i zemlie meju sobom ležale, da tuje neznane riči i imena neželna človika u čtanju ne učine ili da mu v razumu ne pače. I da ja *moim priprostim Nimcem* na to poslužim, hoću ja na kratko prebroiti zemlie okol Jerusolima i Judeje ležeće ...«

[3]) To je iz staročeš. »Pasionala«, o kojem ću malo daļe govoriti, iz najstarijega rukopisa sa str. 434$^\beta$ (grčkim slovima naznačujem stupce).

Uskrs (l. 250^{b}—254^{b}), 5. u Životu sv. Jakova Starijega (l. 256^{a}—258^{b}), 6. u Životu sv. Lovre (l. 261^{a}—266^{a}), 7. u Životu sv. Bernarda (l. 266^{a}—269^{b}), 8. u Životu sv. Bartolomeja (l. 269^{b}—272^{b}), 9. u Životu sv. Mateja (l. 275^{a}—275^{b}), 10. u Porođeńu Ivana Krstiteļa (l. 275^{b}—279^{b}), 11. u Životu sv. Avgustina (l. 279^{b}—284^{b}), 12. u Životu sv. Marka (l. 285^{a} do 286^{a}), 13. u Životu sv. Blaža (l. 286^{a}—288^{b}), 14. u Životu sv. tri kraļa (l. 288^{b}—292^{b}), 15. u Uzvišeńu sv. križa (l. 292^{b} do 296^{a}), 16. u članku »O svršenoj ļubvi i o svršenom ubožastvi« (l. 298^{a}—301^{b}), 17. u članku »O mlčaniju« (l. 301^{b} do 304^{a}). Životi spomenutih svetaca naputiše me na »Zlatnu Legendu« Jakova de Voragine. Uzevši porediti hrv. tekst s lat. tekstom ubrzo sam se uvjerio, da je »Zlatna Legenda« izvor većini spomenutih članaka, premda sam vidio, da lat. tekst nije bio podloga našemu prijevodu. Pošto sam utvrdio taj izvor, bio sam na po puta do pravoga rješeńa; trebalo mi je naći staročeš. prijevod »Zlatne Legende«. Za to mi nije trebalo osobita truda, jer se gotovo u svakoj češkoj literarnoj historiji spomińe vrlo ukusna sredovječna češka prerada »Zlatne Legende«, postala za Karla IV., pod imenom »Pasional«.[1]) Nažalost to staročeš. djelo, koje se broji među najznatnije češke jezične spomenike, nije jošte ni cijelo ni kritički izdano. Ja sam ipak, na osnovi izdanih dijelova,[2]) mogao sasvim pouzdano utvrditi, da je hrv. tekst u nekim dijelovima »Petrisova zbornika« vjeran prijevod iz staročeš. »Pasionala«. Kad sam to utvrdio, želio sam da ogledam pobliže same rukopise, i zato sam o prošlim Božićnim praznicima krenuo u Prag.[3]) U Pragu sam radio od 19. XII. 1921. do 17. I. 1922., ponajviše u biblioteci Češkog Muzeja, gdje me je primio s poznatom svojom ļubaznošću direktor g. Zíbrt dopustivši mi neograničenu porabu rukopisa.[4])

Kako je poznato, sačuvan je staročeš. »Pasional« u glavnom u 3 rukopisa: u 2 u Češ. Muzeju, i to u jednom, koji se obično zove stariji, sa sign. III. D. 44 (u mene daļe *PasMA*) i u drugom iz god. 1379. sa sign. III. D. 45. (u mene daļe *PasMB*) i u rukopisu praške universitetske (Klementinske) biblioteke iz god. 1395.

[1]) Za karakteristiku staročeš. »Pasionala« ispor. na pr. ono, što o ńemu piše J. Jakubec (v. Dějiny literatury české I (1910), 49/50).

[2]) Izdani su dijelovi iz najstarijega rukopisa str. 275—436 i str. 451—490. Pregled, gdje je što izdano, nalazi se u LF. *14* (1887), 261 bil 1).

[3]) Na put sam krenuo s novčanom pomoći od Jugoslav. Akademije, kojoj na tome i ovdje najtoplije zahvaļujem.

[4]) Osjećam svojom dužnošću, da i g. Zíbrtu izrečem u ovome članku svoju toplu zahvalu.

sa sign. XVII. C. 52 (u mene dale *PasKl*),[1]) pa pored toga u 2 stara izdańa (inkunabule), i to u starijem oko god. 1480. (u mene dale *PasIA*) i u mlađem iz god. 1495. (u mene dale *PasIB*).[2]) Ja sam ògledao sva tri glavna rukopisa i oba izdańa isporedivši ih u onim dijelovima, koji su prevedeni na hrvatski jezik. Rkp. *PasMA* je najpotpuniji, ako je i sastavlen od dijelova, koji su pisani u različno vrijeme,[3]) jer se rkp. *PasMB* iz god. 1379. počińe istom glavom 58.[4]), koja govori o sv. Marku, koja dolazi u *PasMA* kao 56. glava, a *PasKl* se počińe glavom o »Obrezańu Hristovu«, koja u *PasMA* dolazi kao 15. glava.[5]) Red je glava u staročeš. »Pasionalu« udešen u glavnom prema redu u »Zlatnoj Legendi«. O odnosu se između spomenutih rukopisa i o odnosu između rukopisa i starih izdańa može reći, da i rukopisi i oba stara izdańa upućuju na isti zajednički prijevod, koji se prepisivańem u rukopisima (osobito u *PasKl*) gdješto promijenio, a u izdańima je, osobito u mlađem, jezik znatno moderniziran i u gramatičkom i u leksičkom pogledu. Za rkp. *PasKl* spomińem napose da ima tekst lošiji, nego što je u rkp. *PasMB* iz god. 1379. ili u mlađim dijelovima rukopisa *PasMA*. Prepisivač[6]) je vrlo nehatno prepisivao, tako, da ima dosta izostavlańa, koja treba odbiti ne na redaktorsku težńu nego na pisarsku nepažlivost. Ja ću za to spomenuti samo dva primjera ovdje, jer će se ta razlika između *PasKl* i *PasMA* i *PasMB* vidjeti i iz biležaka uz tekst čeških ulomaka, što ću ih priopćiti u ovom članku. Hrv. je prevodilac imao pred sobom staročeš. tekst, koji je u glav-

---

[1]) O rkp. *PasKl* ispor. napose članak J. Truhláła u LF. *15* (1888), 242—259.

[2]) U biblioteci Češ. Muzeja dolazi *PasIA* pod sign. XXV. C. 1, a *PasIB* pod sign. XXV. C. 3, i to *PasIA* u 2 krńa eksemplara, a *PasIB* u 5 krńih eksemplara, koje sam morao među sobom popuńati.

[3]) Prema Gebauerovu bi mišleńu vrijeme postańa bilo ovako: a) str. 1. pripisana iz 15. v., b) str. 2—274. iz 2. pole 14. v., c) str. 275—436. starije od *b)* iz 14. v., d) str. 437—450. iz kasnijega vremena 14. v., e) str. 451—490. kao *c)*, f) str. 491—629. kao *b)* i g) str. 630—640. iz kraja 14. v. Dijelovi *c)* i *e)* ulomci su nekoga starog »Pasionala« (v. LF. *11* (1884), 256).

[4]) To je istakao i A. Patera, koji je u ČČM. 57 (1883), 110—115 objelodanio ulomke nekog staročeš. »Pasionala«, koji su po ńegovu mišleńu propala 9., 10., 15. i 16. glava iz *PasMB*.

[5]) To je trebalo da napose istaknem, jer se o potpunosti spomenutih rukopisa može i krivo čitati, kao na pr. u Jakubca, koji piše: »'Passionalu' dochovaly se dva rukopisy celé, pozdější, musejní z r. 1379, klementinský z r. 1395 a větší počet zlomků . . , Nejstarší takový zlomek, musejní z polovice XIV. století, asi po 50 letech byl doplněn z jiného rukopisu jazykem pozdějším . . .« (v. Dějiny literatury české I, 50, bil. 1). Prof. Jakubec nije zacijelo sam oglédao rukopisā, jer bi inače vidio, da je baš *PasMB* iz g. 1379 krń, i da se danas počińe istom 58. glavom (to se odmah vidi, jer je pisar metao broj uza svaku glavu).

[6]) Mislim glavni prepisivač, jer se u tome rkp. raspoznaju 3 prepisivača, između kojih je od prvoga i trećega samo neznatan dio (v. LF. *15* (1888), 243).

nom bio mnogo boļi, nego što je u *PasKl*. U hrv. prijevodu »Života sv. Marka« čitamo na pr.: »Potom' s(ve)ti mar'ko ednogo ak'vil| čis'kago měšćanina komu b(ě)še ime ermarkoras'(!)[1]) *na | věru obrativ' v rim' k svetomu petru povědě | da bi ego akviliis'kim'(!) bisk<u-p>om' posvětil' | Tada s(ve)ti er'markoras'* to posvěćenie priěm'...« (v. *PZ* l. 285ª)[2]) prema staročeš. originalu u *PasMA*: »Potom »ſwati marek gie|dnoho aquileyſkeho mye|ſczenyna. gemuzto gmye | bilo ermokoraſſ[3]) *na wieru || obratyw do rzyma k ſwate|mu petru wedl abi geho a|quileyſkym biſkupem | poſwietil. Tehda ſwa|ti ermokras*[4]) ot[5]) ſwateho pe|tra ten urzad przygem...« (v. str. 230ᵝ/231ᵅ). U *PasKl* je izostavļeno sve u tome ulomku kursivom štampano, t. j. prepisivač je preskočio sve ono, što je stajalo između riječi *Ermokoras*, pa nastavio onim, što je dolazilo iza drugi put napisane riječi *Ermokoras*.[6]) — U hrv. prijevodu »Porođeńa Ivana Krstiteļa« čitamo: »I tako narědi da oᵗ edno|go roda ki oᵗ' eliazara pošli běhu postavi · eï · (16) | erěi *oᵗ roda ki běše oᵗ tamari postavi · ÷ · (8) erěi* | I postavi meju nimi da vsaki svoju črědu svoee | n(e)d(ě)le držit'« (v. *PZ* 275ᵇ) prema staročeš. originalu u *PasMA*: »y zrziedyl tak gez z ge|dnoho rodda · geſto od Eleaſar | poſſly · wydal ſeſtnadzte[7]) knyezi | *A z toho rodda geſto ſlove Tha|mar · wydal ofm knyezy* · I zpo|ſobil mezy nimi · aby kazdi ſwu | trziedu ſweho tehodne dyrzal[8])« (v. str. 275ᵅ) · U *PasKl* je prepisivač izostavio sve, što je ovdje u kursivi, nastavivši tekst iza prvoga *knyezi* onim, što je dolazilo iza drugoga. — Evo još drukčija dva primjera. U hrv. prijevodu »Porođeńa Ivana Krstiteļa« čitamo: »I v tom' ev(an)j(e)l(i) zna|imo *prepovišenu s(ve)t(i)nju* s(veta)go iv(a)na krst(ite)la b(o)ž'ě« (v. *PZ* 276ᵇ) prema staroč. originalu u *PasMA*: »W nemz|to czteny znamenaymy · *przie|powyſſene mnozſtwie ſwatoſty.* | swateho yana · Krſtytele bozie|ho« (v. 277ᵅ). Hrv. prijevod, kako vidimo, ne odgovara sasvim staročeš. originalu u *PasMA*, ali

---

[1]) To je *Hermagoras* (ispor. u češkom tekstu *Ermakoras*), slovenački i hrvatski *Mohor*.

[2]) Spomenuti ću hrv. glagol. zbornik citirati daļe samo *PZ* (= »Petrisov zbornik«).

[3]) Ermakoras *PasBM*, Ermokoras *PasKl*.

[4]) Ermakoras *PasMB*.

[5]) od *PasKl*.

[6]) Tekst se u *PasMA* slaže s lat. tekstom u *ZL* (tako ću daļe pokraćivati mjesto da ispisujem »Zlatna Legenda«); ispor. na pr. Grässe, Jacobi de Voragine Legenda Aurea³ 1890, 265 (to ću izdańe daļe citirati samo Grässe³ s dotičnom stranom).

[7]) ſſeſtnadczyete *PasKl*.

[8]) drzal *PasMB* i *PasKl*.

ga možemo razumjeti; prema *PasKl* 109^{β}, gdje čitamo *prwe powyſſenye* (mjesto *prziepowyſſene* u *PasMA*, s kojim se slaže i *PasMB* 21^{β}), ne bismo ga mogli razumjeti. — U hrv. prijevodu u istoj glavi čitamo: »I v tom' daet' razuměti da s|⟨ve⟩ti iv(a)n' e(van)j(e)l(i)st' *ne svršiv'* o sinu b(o)žii i vmes|i *pisanie* o s(ve)tom iv(a)ne...« (v. *PZ* 279^{α}) prema staročeš. originalu u *PasMA*: »W nemzto[1]) ſie dawa rozumyety | gez ſwati Jan ewangeliſta[2]) · *ne|dokonaw* o ſynu boziem · vmye|ſil *pſanye* o ſwatem Janu...« (v. 280^{β}). U *PasKl* 111^{α} čitamo griješkom *nedorownaw* mjesto *nedokonaw* i *ſpanye* mjesto *pſanye*, prema čemu ne bismo mogli shvatiti u hrv. prijevodu *ne svršiv'*.[3])

Kako je *PasKl* inače zbog svoje grafike u velikoj cijeni, istakao sam navlaš površnost ńegova prepisivača, da se vidi, kako hrv. prijevod može i drugdje biti vrijedan za kritiku teksta staročeš. prijevoda.[4]) Ja ću za to spomenuti samo jedan primjer. »Život sv. Avgustina« nije sačuvan potpuno ni u *PasMA* ni u *PasMB*. U *PasMA* dolazi taj život na str. 461^{β}—468^{α}, ali se tekst na kraju str. 464^{β} ne nastavļa na str. 465^{α}, dakle se današńa paginacija ne slaže s nekadašńom. Između današńe 464. i 465. strane izrezana su dva lista. U *PasMB* se počińe taj život na l. 116^{β}, a završuje na l. 119^{δ}. Tekst u *PasMA* 461^{β}—464^{β} dolazi u *PasMB* na l. 116^{β}—$117^{\delta}{}_{22}$, a do kraja l. 117^{δ} ima 9 redaka teksta, koji je u *PasMA* propao. Slučaj je htio, da je i u *PasMB* propao jedan list iza sadašńega 117.; prema tome sadašńi 118. list nije nekad dolazio iza sadašńega 117. lista. Propali se tekst u *PasMA* i u *PasMB* iza l. 117. u *PasMB* može popuniti tekstom u *PasKl* $186^{\delta}{}_{26}$—$187^{\alpha}{}_{36}$, otkud se tekst nastavļa i u *PasMB* na l. 118^{α} i ide do l. $118^{\beta 6}$, otkud se tekst nalazi i u *PasMA* na str. 465^{α}. Kako se iz toga vidi, stari je tekst u jednom dijelu, t. j. onoliko, koliko je sadržavao izgubļeni list iza sadašńega 117. lista u *PasMB*, sačuvan samo u *PasKl* $186^{\delta}{}_{26}$—$187^{\alpha}{}_{36}$. No tekst, kako je sačuvan u *PasKl* $186^{\delta}{}_{26}$—$187^{\alpha}{}_{36}$, nije dovoļan da ispuni jedan list u *PasMB*, pa se zato može misliti, da je u *PasKl* i na tome mjestu iskonski tekst krń. Da je takvo mišļeńe opravdano, kad treba da se oslonimo na *PasKl*, dokazuju i stara izdańa,

---

[1]) nenzto *PasKl*.
[2]) euwangelyſta *PasKl*.
[3]) Glagola *dorovnati*, koji bi izilazio iz »*nedorownaw*« u *PasKl*, nema uopće Gebauer u Slov. staroč.
[4]) I J. Truhlář pišući o *PasKl* spomińe, da taj rukopis prema *PasMA* izostavļa »kusy a kousky«, ali ne kazuje, da se izostavļańa moraju često odbiti samo na prepisivačku površnost (v. LF. *15* (1888), 243).

koja prema tekstu na pomenutom mjestu na l. 187[a] u *PasKl* imaju preko 20 redaka više, a s ńima se slaže i hrv. prijevod, koji sadržava ulomke, koji su u *PasKl* izostavļeni; tako se u hrv. prijevodu iskonski staročeš. tekst ogleda vjernije nego u *PasKl*. Da bi se o tom mogao svatko uvjeriti, ja ću priopćiti dotični ulomak iz hrv. prijevoda uporedo s češkim tekstom iz *PasKl* (s razlikama u starim izdańima) i s lat. tekstom iz *ZL*. Da razlike između *PZ* i *PasKl* budu očiglednije, štampat ću ih u kursivi; tako ću štampati i tekst iz *ZL* ondje, gdje se slaže samo sa *PZ* ili samo sa *PasKl*.

Hrv. glagol. tekst.	**Staročeš. tekst.**	**Lat. tekst iz ZL.**
(*PZ* l. 281[b]26—282[b].)	(*PasKl* l. 186[δ]26-187[a]36.)	(Grässe[3] 552/3.)
... gorě] | mne mili g(ospo)d(i)ne kako si visoki v s||voei (*od* || *l. 282*[a]) visokos'ti . i tako si gluboki *v svoei glubokos'ti* | nikoli se o[t] nas' ne o[t]lučueš' a mi se pak' edva k tebě | obraćuemo Potom' mili g(ospo)d(i)ne rači *nas'* k sebě zva|ti i srce n(a)še k tebě vznetiti i naše tam'ne | mis'li osvetliti. — *Pokle*[1]) sam' tě počel' l*jubi*|ti sa mno*ju* si vsagda bil' A ě ne s tobo*ju* zovuć' | ka m'ne zval si me k sebě *i jure si porazil' gluhotu* | *moju bliskal' si i različ'no*	... byeda][1]) mnye | myly hoſpodyne kak gſy wy|ſoky w ſwey wyſoſty A tak | gſy hluboky — — — ez od naſ nykda | ſye neodluczygeſſ A my pak | ledwa ſye k tobye nawraczy|gemy protoz myly hoſpody|ne racz — k ſobye otezwaty A ſ|rdcze naſſe k ſobye znyetyty[2]) | A naſſye temne myſly poſwyetyty[3]) || (l. 187[a]) *puozdyet ſem tye poczal my|lovaty Myly hoſpodyne kra|ſa*[4]) *ma tak dawna tak no|wa puozdye* ſem tye puoczal m|ylowaty wzdyſ ſe mnu byl | A ya ne ſ tobu wolaſ na mye | wolalſ mye k ſobye[5]) — — — — — — — — — — — — — — — — — —	... heu] mihi, quoniam excelsus es in excelsis et quoniam profundus *in profundis* et nusquam recedis et vix redimus ad te. Age, domine, et fac et excita et revoca nos. Accede et rape et fragra et dulcesce. Impedimentis omnibus sic timebam expediri, quem admodum impediri timendum est. *Sero te amavi, pulchritudo tam antiqua et tam nova, sero* te amavi, intus eras et ego foras et ibi te quaerebam et in ista formosa, quae fecisti, deformis irruebam. Mecum eras et tecum non eram, vocasti et clamasti *et rupisti surditatem meam, coruscasti, splen-*

[1]) Zacijelo mjesto *pozde (pozdě)* griješkom prepisivača, koji je krivo nastavio iza drugi put napisane iste riječi.

[1]) Tom se riječju svršuje *PasMB* 117[δ]. — [2]) a przywinuti *PasIA*. — [3]) ofwietiti *PasIA*. — [4]) krafo *PasIA*. — [5]) Iza toga kao i u hrv. prijevodu u *PasIA* i *PasIB* još: A giž fy prorazyl (porazyl *PasIB*) hluchotu mu blyfkal fy y rozlicznie ofwieczowal y zahnal fy flepotu mu.

osvětlěval' iz|agnal' si slepotu moju.	— — — — — — — — — — — —	*duisti et fugasti caecitatem meam,* fragrasti
Okusil sam' t(e)bě i se *jure* | k t(e)bě žedam' i gl(a)s'[1]) imam' Dotak'nul si se mene | i *jure* sam' se vas' zaž'gal v tebě	Okuſyl ſem tebe A gyz k tobye zyez|ny(!) hlad[1]) gmam dotekl gſy ſye | mne a gyz ſem ſye weſſken | zazehl w tobye	et duxisti spiritum et anhelo tibi gustavi et esurio et sitio te, tetigisti me et exarsi in pacem tuam.
I kada tako s(ve)ti | avgus'tin' pod drěvom' lěže s velikim' plačem' | ošće tě rěči ksebě govoraše Pridě gl(a)s' k nemu s n(e)b(e)|se rěki primi i čti.| To usl<i>š[av'][2]) s(ve)ti agustin' (!) o^{t}voriv' kn|igi o^t deěni ap<osto>lskih' i poče čis'ti i tuď'e se emu | v početcě prigodi čis'ti ko es(t') tako pisano Oblě|citě se vsagda va is(u)h(rist)a i kako brzo to proč'tě | tako vse bludne věri prokaženie o^{t}stupi o^t nego |	— —[2])	*Cum autem amarissime fleret, audivit vocem dicentem sibi: tolle lege, tolle lege. Aperuitque statim codicem apostolicum et conjectis oculis ad primum capitulum legit: induimini dominum Jesum Christum et statim omnes ab eo dubietatis tenebrae diffugerunt.*[1])
I kada b(ě)še s(ve)ti avgustin' · j̃ · (30) lět' starь i sa | svoim' sinom' koga z mlada po-	A kdyz byl ſwaty auguſtyn trzydczyety let | w starz ſ ſwym ſynem gehoz|to z mlady	Adveniente vero paschali tempore Augustinus, cum esset annorum XXX, cum filio

[1]) Zacijelo prepisivačevom griješkom mjesto *gl(a)d'*, ako istu pogrješku nije imao već hrv. prevodilac u svojem češkom originalu, jer i u *PasIB* čitamo griješkom: žieznim y *hlas* ... — [2]) Ta je riječ pripisana na desnoj okrajini, gdje *-av'* nije stalo.

[1]) Mjesto: zyezn *y* hlad; žiežni y hlad *PasIA*, žieznim y hlas(!) *PasIB*. — [2]) U oba stara izdańa dolazi iza *tobye* još ovo (prema hrv. prijevodu): A kd<y>ž (když tak *PasIB*) ſwaty Auguſtyn \| pod drzewem leže (ležel *PasIB*) welikym \| placžem giecžie tyto rzecžy \| ſam k ſobie mluwieſſe (a geſſtie ſam k ſobie tyto rzecži mluwil *PasIB*) Przy\|gide hlas z nebes a rzka k \| niemu Wezma cžtiž wezma \| cžtyž: To : s : Auguſtyn v\|ſlyſſew / kniehy o ſkutcziech \| apoſſtolſkych otewrzew czetl / \| a ynhed ſie gemu na poczatcze \| nahodilo cžisti geſſto geſt tã \| pſano: Obleczte ſe w hoſpodina \| Jhezukryſta. A iakžto brzo \| przečyte (przečžetl *PasIB*) / tak wſſeczko bludne \| wiery (wiery przykazanie *PasIB*) od nieho odſtupilo.

[1]) Iza toga se u *ZL* pripovijeda, kako je sv. Avgustin izliječen jedamput od zuboboļe, i kako mu je sv. Ambrozije preporučio da čita proroka Isaiju (taj izostavļeni ulomak ima u Grässea[3] 552 nešto preko 14 redaka).

ganom' buduć' běše | imel' I sa svoim' priětelem' komu ime běše *pon'ciěn'*[1]) | Kako es(t') mati ego bila na bozě isprosila. s(ve)ti | h(rst)ь o^t s(veta)go ambroziě v milane priě I na tom' kršćen'i | s(ve)ti ambrozii sa světim' avgus'tinom' to | s(ve)to vspěvanie ko na *jutrni* s(ve)ta crěkav' vs'pě|va ⁅ *Tebě b(ož)e hvalim'*[2]) *Do kon'ca*[3]) esta složila ||

byl gmel puoha|nem gſa[1]) A ſ ſwym przytelē | gemuzto *alpyus* rzekly yakz | byla matka geho na buozye | uproſyla ſwaty krzeſt | o⟨d⟩ ſwa|teho ambrozye u medyolanye przygal A na tom krztu ſwa|ty ambroz ſ ſwatym Augu|ſtynem toto ſwate zpyewanye | Geſſto na gytrzny ſwata czye|rkew zpyewa — — — gſta[2]) ſlozyla | *Te deum laudamus: toczyſſ* tye | buoze chwalymy[3])

suo Adeodato puero valde ingenioso, quem Augustinus in sua adolescentia, dum adhuc gentilis et philosophus esset, genuerat, necnon et cum *Alipio* amico suo meritis matris et praedicatione Ambrosii sacrum baptisma suscepit. Tunc, sicut fertur, Ambrosius: te Deum laudamus, inquit, et Augustinus: te dominum confitemur, respondit et sic tunc ipsi duo hunc hymnum alternatim composuerunt et *usque in finem* decantaverunt . . .[1])

(L. 282^b) Potom' s(ve)ti avgustin' *kako iměl' es(t') srce k b(og)u v sv|etoi věrě zažženo Ob tom'*[4]) sam' v *knigah'*[5]) — piše | i de ustrelil' si bil srce moe m⟨i⟩l⟨o⟩srdiem' svoi|m' moi mili g(ospo)d(i)ne i nošah' slověsa tvoě vgru|žena v črěvěh' *moih'*[6]) *i ne možah' se nasititi*[7]) | tvoe n(e)-

potom ſwa|ty augu-ſtyn[4]) — — — — — — — — — — — — — — — — ſam w *knyhach* | *zpowyednych*[5]) pyſſe a rzka za|ſtrzyelyſ byl ſrdcze me mylo|ſrdym[6]) ſwym moy myly hoſ|podyne y noſyech ſlowa twa | whruzena[7]) w trzyewych *ſebe*[8]) | *chtye ſye*[9]) *naſytyty* Twe[10])

Quanta autem dulcedine divini amoris extunc frueretur, ipse in hoc *libro confessionum* aperit dicens: sagittaveras tu cor meum caritate tua et gestabam verba tua transfixa in visceribus . . .[2]) *nec satiabar* in illis diebus dulcedine mirabili considerare altitudinem consilii divini

---

[1]) Nekakom grieškom mjesto *„al'pius'"*, kako je na l. 281^b; na l. 281^b spomińe se Avgustinov prijateļ *„ponciěn'"*, koji je grieškom dospio i ovamo. — [2]) Kao u *PasIA*. — [3]) Kao u *PasIA*: až do koncze. — [4]) Kao u *PasIA* i *PasIB* — [5]) Kao u *PasIB*. — [6]) Kao u *PasIB*. — [7]) Kao u *PasIB*.

[1]) pohanem gſa byl gmiel *PasIA* (kao u hrv. prijevodu), gſa pohanem miel *PasIB*. — [2]) Ispred te riječi: až do koncze *PasIA* (kao u hrv. prijevodu). — [3]) U *PasIA* i *PasIB* dolazi naziv pjesme odmah iza riječi *zpyewa*, i to u *PasIA* samo: tie bože chwalime (bez lat. riječi kao u hrv. prijevodu), a u *PasIB* samo: totiž Te deū laudamus (bez češ. riječi). — [4]) U starim izdańima dolazi iza te riječi (kao i u hrv. pr.) još: kterak geſt miel ſrdcze k bohu w ſwate wierzie zazzene (u *PasIB* bez *zazzene*) o tom . . . — [5]) Te riječi nema u *PasIB*. — [6]) miloſtmi a miloſrdenſtwim *PasIB*. — [7]) ruožena(!) *PasIA*, pohřyžena *PasIB*. — [8]) mych *PasIB*. — [9]) Riječi: chtye ſye nema *PasIA*, a u *PasIB* (kao u hrv. prijevodu): Nemohl ſem ſe naſytiti. — [10]) Ispred te riječi još *w* u *PasIA*.

[1]) Izostavļeno prema Grässeu[3] 5 neprevedenih redaka. — [2]) Izostavļeno prema Grässeu[3] 4 neprevedena retka.

b(e)ske slat'kos'ti znamenue tvoi prepovišeni | s(vě)tь nad [ljud-skim' narodom'...	nebe|ſke[1]) ſladkoſty znamenagye | twu przyepowyſſenu radu | Nad [lidſkym[2]) narodem...	super salutem generis humani.

Navedeni ulomak dokazuje jasno, da hrv. glagol. tekst nije postao prema lat. tekstu nego prema staročeš. prijevodu. To će se vidjeti i iz ulomka, što ću ga sad navesti, kojim hoću da pokažem, da je prevodilac hrv. teksta bio Hrvat, a ne Čeh, koji nije potpuno naučio srpskohrvatski. Ulomak je iz »Života sv. Avgustina«.

Hrv. glagol. tekst.	**Staročeš. tekst.**	**Lat. tekst iz ZL.**
(*PZ* l. 279^{b}—280^{a}.)	(*PasMA* 461^{β}—462^{β}.)	(Grässe[3] 549/50.)
S(ve)ti avgustin' s(ve)te crěkve meštarь pot|vreni b(ě)še rodom' is'-tě vlas'ti ka imenu|et' se Afrika iz' mes'ta ko se zove kartari|ě (!)[1]) koga ocu ime běše patricius' a materi | m'niha[2])	Swati auguſtinus | ſwate cierekwe miſtr | potwrzeni · byl rodem ze[3]) | wlaſty gyeyzto afryca[4]) die|gy · z mieſta yemuzto Kar|tago rzekli · Yehozto[5]) otci | patricius · a materzy Mo|nitha[6]) gmeno[7]) bylo[8])	Augustinus doctor egregius in provincia Africana civitate Carthaginiensi ortus ex honestis valde parentibus, scilicet patre Patricio, matre Moniacha[1]) genitus, in liberalibus artibus sufficienter edoctus fuit, adeo ut summus philosophus et rhetor luculentissimus haberetur. Nam libros Aristotelis et omnes libros liberalium artium, quoscunque legere potuit, per se didicit et intellexit,
O tom' se tako slovuć'no piše da s(ve)ti | avgus'tin' · tako imel' misal' mudros'tiju | ograenu da ča e gdě kakovih' koli preglubokih' | čtal' sam o^{t} sebě nikim'že nenaučen' vsě	O tom | ſie tak slowutnye piſſe | ez ſwati auguſtin[9]) tak | miel[10]) ſmyſl rozumem | obhrazeni.[11]) ez czos[12]) kdy | kakich koliwiek[13]) neſnad|nich knyh czetl ſam od | ſebe nykym	

[1]) Nekakom griješkom; prema tal. *Cartagine* moglo bi u čakavaca biti *Kartajina*, pa je možda bilo u ovom prijevodu *„kartaina"*. Vrijedno je spomenuti, da se taj grad zowe *Kartarija* ili *Kartalija* i u hrv. prijevodu staroč. »Lucidara«; ispor.: »... Potom' lěži \| kavlis' a *(! čehizam) kartariě*« (v. *PZ* 203^{b}) pored: »Po tom' leži kavlis' i *kartaliě*« (v. Starine *30*, 312) prema češ.: »Potom leži Gausis A *Kartago*« (u inkun. iz god. 1498.; v. Zíbrt, Staroč. Luc. 55). — [2]) Hrv. je prevodilac imao u staročeš. tekstu *monicha* (ispor. *PasKl*), za koje ispor. bilj. 1) uz lat. tekst.

[1]) welike *PasIA*. — [2]) Tu se nastavlja tekst u *PasMB* 118^{α}. — [3]) z *PasMB* i *PasKl*, z te *PasIA* i *PasIB* (kao u hrv. pr.). — [4]) affryka *PasKl*. — [5]) Gehoz *PasKl*. — [6]) monicha *PasKl*, Monyka *PasIA* (v. bilj. 1) ispod lat. teksta). — [7]) gmye *PasKl*. — [8]) bilo gmeno *PasMB*. — [9]) auguſtynus *PasKl*. — [10]) gmyel *PasMB*. — [11]) ohrazeny *PasMB*. — [12]) czoz *PasKl*. — [13]) kakly kolywywyek *PasKl*.

[1]) Grässe spomiňe, da mlađi rukopisi imaju *Monica*. Tako sam i ja u sredovječnom lat. rkp. Češ. Muzeja sa sign. XII. B. 10 našao *monica*, a u rkp. sa sign. XIII. F. 13 *monita*.

e || (l. 280ᵃ) razuměl kako sam' oᵗ sebě v' ednih'[1]) knigah' svědokue | alě da vsako uměnie pri kom' vlašće vdah'nenie m(i)l(o)|sti d(u)ha s(veta)go ně več́e stoi v nad'menie sr(d')ca č(lově)č(a)|skago nerě v l*jud*'sko[2]) pobolšanie / Skozě to s(ve)ti avgu|stin' v svoei mlados'ti za svoe veliko umě|nie va věliko *gorěnie*[3]) vpal' b(ě)še i v tom' lět' · z̃ · (9) | *gorě*[4])

nenauczen | wſſeczko[1]) rozumiel · yakz|to ſam o ſobie w zpowie|dnich[2]) knyhach ſwiedczy · | ale[3]) ez wſſelike vmienye | przy nemzto wlaſczieho | miloſty ducha ſwateho | wdeſſenye nenye · wiecze || (str. 462ᵃ) w nadutie[4]) pychy ſrdcze | czlowieczie neſe · nez w lid|ſke polepſſenye. Proto[5]) | ſwati auguſtin w ſwey mla|doſty pro ſwe welike vmie|nye u welike *hirzenye*[6]) v|padl byl[7]) · a w tom dewiet let | *hirzil.*[8])

sicut in libro confessionum testatur dicens: omnes libros, quos liberales vocant, tunc nequissimus malarum cupiditatum servus per me ipsum legi et intellexi, quoscunque legere potui . . .[1]) Scis, tu domine Deus meus, quia celeritas intelligendi et discendi acumen donum tuum est, sed non inde sacrificabam tibi, verum quia scientia sine caritate non aedificat, sed inflat. In *errorem* Manichaeorum, qui Christum phantasticum fuisse affirmant et carnis resurrectionem negant, incidit et *in eo* per annos IX, dum adhuc adolescens esset, *permansit.*

V to vr(ě)mě mati ego vel'mi bogoboina vs(a)g|da s plačem' g(ospo)d(i)na b(og)a prošaše da bi ego b(og)ь k s(ve)te | rim'ske crěkvě verě obratil' / Tada *emu*[5]) kako sam'|s(ve)ti

Tyech czaſow[9]) mat|ka yeho welmi bohoboy|na[10]) wezdi[11]) placzicz hoſpo|dyna proſſieſſe[12]) · aby yeho | buoh k ſwate cierekwe[13]) wierzie[14]) obratyl · Tehda | *yednu*[15])

. . .[2]) mater vero ejus plurimum flebat et ipsum ad veritatem fidei reducere satagebat. *Quadam* igitur *vice,* ut legitur in libro III. confessionum, vidit se stare in quadam li-

---

[1]) Možda prepisivačevom griješkom mjesto „*ispovednih'*". — [2]) U rkp. je napisano najprije „*lad'sko*", koje je okrenuto u „*ljud'sko*". — [3]) O tom krivom prijevodu v. dale. — [4]) O tom krivom prijevodu v. dale. — [5]) Prepisivačevom griješkom mjesto *ednu*.

[1]) Te riječi nema u *PasKl.* — [2]) zpuowyednych *PasKl*, w knyhach w zpowyednych *PasMB.* — [3]) u *PasKl* izostavljeno preko 6 redaka od *ale* do *polepſſenye.* — [4]) U LF. *13*, 437 štampano krivo *wnadutie*; u *PasMB* i *PasIA* „wnaduczie". — [5]) Tak *PasKl.* — [6]) kaczierzſtwie *PasIA*, bludy *PasIB.* — [7]) Bez te riječi *PasKl.* — [8]) hrzyeſſyl *PasKl*, zhrzel(!) *PasIA*, bludil *PasIB.* — [9]) czaſuow *PasKl.* — [10]) buohoboyna *PasKl.* — [11]) wzdy *PasMB* i *PasKl.* — [12]) chodyeſſe placzycz a hoſpodyna profyecz *PasKl.* — [13]) cierkwe *PasMB.* — [14]) Red riječi: wyerzye ſwate cyerekwe *PasKl.* — [15]) Te riječi nema *PasKl.*

[1]) Izostavio sam po prilici 3 retka prema Grässeu³ 549, koji nijesu ni prevedeni ni parafrazirani. — [2]) Izostavio sam prema Grässeu³ 550 šest neprevedenih redaka.

avgustin' piše v knigah' ispovědnih' | viděše se matěri ego kako da bi stala na ednoi | vagě vel'mi žalos'těć' se V ta čas' pristu|piv' k nei edan' nabož'ni mladěnac' i uprosi e za|č bi se tako mutila žalosti*ju* I tada ona k nemu | r(e)če z'gubleniě moego avgustina plaču. K tomu ei | ta mladěnac' r(e)če Budi běspěčal'na gospoe | mila zač' kadě si ti tu i on' budě I kako to ta m|laděnac' r(e)če. Tako ona ozrěvši se uzrě sina svo|ego avgustina poli sebě na toiždě vazě | stoeća I kada to viděnie na za*ju*trie sinu svoemu | avgus'tinu poče praviti k tomu ei sin' avgus|tin' r(e)če. *Govoriš'*[1]) maiko ne tako ti e r(e)čeno na gdě sa|m' ě tu ti imaš' biti.[2]) — To es(t') tu gdě sam'

iakzto[1]) piſſe ſam[2]) | swati auguſtin w knyhach | zpowiednich · widyeſſe ſie | matcie yeho by ſtala na ye|dnom prawidle welmi za|loſtyecz · W tu dobu prziſtu|piw k nyey yeden nadobni[3]) | mladecz otaza gye procz | by ſie tak mutyla · K nemu|zto kdiz ona wecie[4]) Ztrace|nye meho auguſtina pla|czy · K tomu gyey ten mla|decz wecie · Bud bezpeczna | pany mila · neb kdestos ti | tu on bude · A iakzto ten mla|decz wecie tak ona wezrzie|wſſy[5]) · vzrzie ſina ſweho au|guſtina podle ſebe na tẽz || (str. 462$^{\beta}$) prawidle ſtogyece[6]) · A kdiz | to widyenye na zaytrzie ſi|nu ſwemu matka[7]) poczye | prawity · K tomu gyey syn[8]) | auguſtin wecie · *Hirzis*[9]) mat|ko ne takt ye[10]) rzeczeno · ale | kde[11]) ſem[12]) ya tu ti maſſ byty[13]) | *k tomu ona · Ne ſinu · ale* | *kde*[14]) *ſem*[12]) *ya tu ti maſſ byty*; | Toczys tu kde[14])

nea lignea licet tristem et quidam ei juvenis adstitit et causam tantae tristitiae requisivit. Quae cum diceret: perditionem mei filii deploro, ille respondit: esto secura, quia ubi tu, ibi ille. Et ecce continuo filium suum juxta se stare vidit. Hoc cum Augustino retulisset, ille ait: *falleris*, mater, *falleris* nec sic tibi dictum est, sed ubi ego, ibi tu. *Econtra illa dicebat: non, fili; mihi dictum est: ubi ille, ibi tu, sed non: ubi tu, ibi ille.*[1])

---

[1]) O toj ću pogrješki govoriti dale. — [2]) Ono, što je u hrv. tekstu izostavleno, preskočio je prepisivač nastavivši iza idućega *biti*.

[1]) yakz *PasMB.* — [2]) Red riječi: ſam pyſſe *PasKl.* — [3]) nabuozny *PasKl.* — [4]) ona kdyz odpowyedye *PasKl.* — [5]) wzezrzyewſſy *PasKl.* — [6]) ſtogyecz *PasKl.* — [7]) Red riječi: A kdyz na zaytrzye matka to ſwemu ſynu *PasKl.* — [8]) ſyn gegy *PasKl.* — [9]) hrzyeſſyſſ *PasKl.* — [10]) geſt *PasKl.* — [11]) kdezt *PasKl.* — [12]) gſem *PasKl.* — [13]) take byty *PasKl.* [14]) kdez *PasKl.*

[1]) Gorńi odgovor (u Grässea[3] 550) Avgustinove matere nema smisla, jer se protivi onome, što je materi prije rečeno: esto secura, quia *ubi tu, ibi ille*. Pogrješka je u Grässea postala tako, što je iza *fili* metnuta interpunkcija ;. Negacija *non* ispred *fili* pripada glagolu *dictum est*, a *non* iza *sed* treba da se izbaci (tako je na pr. u izdańu iz g. 1516).

ě v | pravoi věrě tu ti o^{t}'stupeć' o^{t} svoih' bludov' | sa m'no*ju* imaš' biti v pravoi věrě.	ſem[1]) ya u[2]) pra|wey wierzie tu ti · odstupie | od ſwych bludow ſe mnu by|ty maſſ[3]) · u[2]) prawey wierzie · |

Iz poređeńa se hrv. teksta sa češkim i latinskim vidi jasno, da je hrv. tekst prijevod iz staročeškoga originala, otkud su dospjeli i čehizmi: *vlast* ‚provincia', *mesto* ‚civitas', *alě* (čitaj: ale), *nabožni* i dr. Nego ja mislim, da se iz navedenog ulomka može izvesti i to, da je prevodilac hrv. teksta bio H r v a t, jer se vidi, da prevodilac nije razumio svagdje češki tekst. Tko bi isporedio hrv. tekst: »Skozě to s(ve)ti avgustin' v svoei mlados'ti za svoe veliko uměnie va věliko *gorěnie* vpal' b(ě)še i v tom' lět' · z͡ · (9) *gorě*« samo s lat.: »In *errorem* . . . incidit et *in eo* per annos IX . . . *permansit*«, ne bi mogao nikako dokučiti, kako je hrv. prevodilac uzeo riječ *gorěnie* prema lat. *error*. No kad spomenuti hrv. tekst isporedimo sa staročeškim: »Proto ſwati auguſtin . . . u welike *hirzenye* vpadl byl. a w tom dewiet let *hirzil*«, postaje nam to jasno, po ovome, što ću sad reći. Hrv. prevodilac nije razumio riječi *hirzenye* i *hirzil*, zamijenivši ih češkima »*horzenye*« (»horzienie«) i »*horziel*«. Što hrv. prevodilac nije razumio tih riječi, može se lako dokučiti. Te su riječi pod kraj 14. vijeka smetale već samim Česima, jer je prepisivač *PasKl-a* (iz god. 1395.) riječ *hirzil*, koja je bila zacijelo u iskonskom staročeš. prijevodu *ZL-e* zamijenio običnijom riječju *hrzyeſſyl*. To potvrđuju i oba stara izdańa, kojih je priređivačima smetala i riječ *hirzenie*, jer mjesto ńe nalazimo *kaczierzſtwie* u *PasIA*, a *bludy* u *PasIB*. Sad će nam biti jasno i to, kako je u hrv. tekstu: »*Govoriš*' maiko ne tako ti e rečeno . . .«. prema lat.: »*falleris*, mater, nec sic tibi dictum est . . .«. Prema staročeš. tekstu: »*Hirzis* matko ne takt ye rzeczeno . . .« smijemo sasvim pouzdano reći, da je *govoriš*', koje nikako ne pristaje, prepisivačeva grijeśka mjesto originalnoga *goriš*', a za *goriš*' prema češ. *hirzis* vrijedi ono, što sam rekao za *gorěnie* prema *hirzenye*. U *PasKl* je na tome mjestu *hrzyeſſyſſ*. To svoje tumačeńe mogu potvrditi još jednim primjerom. U »Životu sv. Bernarda« u *PZ* 266^{b} veli sv. Bernardu ńegov brat Gerárdo, koji se otima manastirskom životu, na koji ga nagovara sv. Bernardo, ove riječi: »Brate \| mili vel'mi *na tom*' *goriš*' da nas' o^{t} našego poroena\|go stanię izvěděš'«, koje ćemo opet razumjeti samo

[1]) gſem *PasKl.* — [2]) na *PasKl.* — [3]) Red riječi: gmaſſ byty odſtupye (*bez* od) ſwych bludow *PasKl.*

prema staročeš. originalu: »Bratrze myly welmy *na* | *tom hyrziff* ez nas od naſſeho | vrozeneho ſtawu wedeſſ« (v. *PasMB* 111ᵃ).[1]) Hrv. je prevodilac i ovdje staročeš. *hyrziff*, koje je u ńegovu originalu moglo biti pisano i *hirziff*, preveo *goriš'*. I pri ovom primjeru mogu potvrditi ono, što sam malo prije rekao o glagolu *hýřiti* u češ. jeziku u vrijeme, kad je postao hrv. prijevod, jer u *PasKl* 181ᵃ na tome mjestu čitamo *bludyff*, a u *PasIA hyzdifs(!)*, a u *PasIB zle cžinifs*. Kad bi dakle hrv. prijevod bio posao kojega Čeha, ne bi se u ńemu mogla desiti zamjena glagola *hořeti* i *hýřiti*.

Moje mišlеńe, da hrv. prijevod staročeš. »Pasionala« nije radio Čeh, podupire pored drugoga i zamjena češ. glagola *tupiti* ,grditi, prezirati; proklińati' hrvatskim *topiti*. U *PZ* 280ᵇ/81ᵃ čitamo: »I kada ednu s(ve)ti ambro|zii protivu tem' bludom' dlgo proděkova i raz|lič'nago pis'ma razumom' *togo dovleći* da ta | vera maniceě kriva i bludna es(t'). / To s(ve)ti avgus'tin' razuměv' poče *v svoem' srce tu zlu ve*||*ru topiti* a pravě verě snažno gledati...« prema lat.: »Quadam enim vice contra illum errorem Ambrosius diutius disputavit et ipsum apertis rationibus et auctoritatibus confutavit, ita ut *error* ille *a corde* Augustini *penitus pelleretur*« (v. Grässe³ 550/51). Hrv. prijevod ne možemo razumjeti prema lat. tekstu. Da ga razumijemo, treba da ga isporedimo sa češkim originalom, koji glasi: »A kdiz yednu | swati ambroz proty tyem | bludom dluho kazal a roz|liczneho piſma rozumem | *toho doliczyl* · ez ta wiera | manicea[2]) kacierzie bludna | yeſt. To ſwati auguſtin zna|menaw poczie *w ſwem ſird*|*ci*[3]) *tu zlu wieru*[4]) *tupity*. a pra|we wieri ſnaznye hledaty« || (v. *PasMA* 463ᵃ). Vidimo dakle, da je prevodilac češko *tupiti* shvatio kao *topiti*. U tome je ulomku nejasno još i *togo dovleći* prema češ. *toho doliczyl*. I u tome je isti dokaz, jer *togo dovleći* stoji zacijelo prepisivačkom pogrješkom mjesto *togo d o-luči*, koje je opet prevodiočeva pogrješka prema češkom *toho do-liczyl*. Ja ću poslije i iz drugoga članka pokazati, kako se u ńemu češko *dolíčiti* ,dokazati' brka s hrv. *dolučiti*. — Češ. glagol *tupiti* nije samo tu tako pogrješno preveden, jer u istoj glavi u *PZ* 284ᵃ čitamo: »Alě navla*šć*'no to|go s(vě)ta l*ju*di ki těh' rěči žel*ěju* to es(t') boga|tastvič čas'ti i raskoši / To e vse s(ve)ti avgu|stin' *po-*

---

[1]) U *PasMA* nema prve polovine »Života sv. Bernarda«.
[2]) manychea *PasKl*.
[3]) frdczy *PasMB*, w frdczy *iza* wieru u *PasKl*.
[4]) tu wieru zlu *PasMB*.

topil'« prema lat. tekstu: »... quod ipse divitias *contemsit*, honores *respuit*, voluptates *abhorruit*« (v. Grässe³ 565/6). Hrv. prijevod razumijemo prema staročeš. originalu: »Ale ez obecznie toho|to ſwieta lidye tyechto vie|ci zadagy. toczyſ bohatſtwie · | czty a rozkoſſy · to ye wſſe | ſwati augustin *potupil*« | (v. *PasMA* 467ᵃ).[1]) — Češki se glagol *tupiti* prevodi pogrješno i u »Životu sv. Bernarda«. U tome se životu pripovijeda i to, kako je jedamput sestra sv. Bernarda, obukavši se u skupocjene haļine i povedavši sa sobom veliku pratńu, htjela da pohodi svoju braću u manastiru, ali je sv. Bernardo ne htjede odmah primiti. To se u *PZ* 268ᵃ kazuje ovako: »Sestra takoi ego edna ka za mužem' | va v(e)licě raskoši superbivo prebivaše ednu kra|t' se pripraviv'ši da bi svoe brati pohodila | s' množastvom' ļ*ju*di v klošt⟨a⟩r' šla / Tu s(ve)ti brna|rdь izvěděv' kako d'ěvlu[2]) set' karě d(u)še popada | *potopil'*. iziti k nei nikogarь(!) ne hotě / To ona uzre|v'ši da k nei ani s(ve)ti brnardь ni koteri ee brat' iz|iti ne hoće V gorkom' plači se razžalostiv'ši | r(e)če o mili gospodine ako sam' greš'na zato to ve|m' da e za vse grešnike sp⟨a⟩sit⟨e⟩l' na križi umrl' | A zato da sam' grešna prišla sam' mudrago i s|vetago sveta gleda*ju*ći *ustupi* me brat' moi na ne | sliši sluga b(o)ži da bi mo*ju* grešnu d⟨u⟩šu *poukrepil'*«. | U kursivi štampani glagoli stoje prema lat. *abhorruit, despicit* i *ne despiciat* (v. Grässe³ 532). Zbog nerazumijevańa češ. glagola *(po)tupiti* hrv. je tekst upravo besmislen, kad ga isporedimo sa staročeš. originalom: »Seſtra take | yedyna yeho yeſto za muzě | u weliciey[3]) rozkoſſy pyſnye | bydleſſe yednu hrdye ſie | prziprawiwſſy aby ſwe bra|trzie nawſſcziewila ſ mnoz|twim[4]) lida do claſtera giela. || To ſwati Bernart zwiediew[5]) | iakzto dyablowu ſiet yeſto | ſire[6]) duſſye lapa *potupil*. wy|nyty k nyey nykakz nech|tyel. To ona vzrziewſſy ez | k nyey any ſwati bernart a|ny kteri gegye[7]) bratr wyny|ty chce[8]). w horkem placzy ſie | rozzaloſtywſſy[9]) wecie. O mily | hoſpodyne · acz ſem[10]) hrzieſ|na wſſak to wiedye ez yeſt | pro wſſie hrzieſſne ſpaſitel | na krzyzy

---

[1]) U *PasKl* nema toga, jer je na tome mjestu (l. 188ᵃ) izostavļen oveći odjeļak (po prilici 40 redaka prema *PasMA*).
[2]) = djavļu ,đavaosku'.
[3]) welykey *PasKl.*
[4]) mnozſtwym *PasMB.*
[5]) wzwyedyew *PasMB* i *PasKl.*
[6]) Precrtano u *PasMB.*
[7]) gegy *PasKl.*
[8]) nechcze *PasMB.*
[9]) rozzaloſtywſſy ſie *PasMB*, rozzaloſtywywſſy (!) ſye *PasKl.*
[10]) gſem *PasKl.*

vmrziel.[1]) a proto[2]) ez | ſie hrzieſna pobzy[3]) przifſla ſê[4]) | mudre a ſwate radi hledagicz[5]). | *Tupi-li* mie bratr moy.[6]) ale | neſluſſye sluzie boziemu[7]) by muu hrzieſnu[8]) duſſy *potupil*« (v. *PasMA* 451$^{\alpha/\beta}$). Ako je u iskonskom hrv. prijevodu bilo doista *ustupi*, onda je prevodilac pomiješao češko *tupiti* s hrv. *ustupiti*, pri čemu tekst ostaje ipak nejasan, jer je zadržan objekat *me* prema češ. *tupi-li mie*. Kako je u hrv. tekst dospjelo *poukrepil'*, ne mogu dokučiti, jer može biti kakva prepisivačka pogrješka, kojih ima mnogo u *PZ*.[9]) — U istom »Životu sv. Bernarda« čitamo, kako sv. Bernardo veli jednomu vojvodi: »Prosil|i smo tě da bi se smiril' sa svetu crekvu a t|i si našu *prošnu potopil'*« (v. *PZ* 269ª) prema staročeš. originalu: »proſili ſmy tebe[10]) aby ſie ſmi|rzil s ſwatu cierekwi[11]) a tis | naſſy[12]) *proſbu potupil*« (v. *PasMA* 453$^{\beta}$).

Treba da spomenem i to, da se neke pogrješke u hrv. prijevodu moraju odbiti na r đ a v č e š k i o r i g i n a l. Ako isporedimo na pr. tekst u hrv. prijevodu »Života sv. Avgustina«: »Tako pravi s(ve)ti Eronim' / S(ve)ti avgus'|tin *e* s(vě)tlost' prosvěća*jućiě obrětatěl'* pravdi | *ogradě* s(ve)te věri vse meštrě s(ve)te crěkvě *v skro višćě vseh' dobrot' v zbornosti učeniě* v razum ě i va uměn'i *slav'ne povisil'* es(t') . . .« *PZ* 284ª sa češkim: »Tak pravi | ſwati Jeronimus.[13]) Swati |

[1]) pnyel *PasMB*.
[2]) protoz *PasMB*.
[3]) czigicz *PasMB*, czygy *PasKl*.
[4]) gſem *PasKl*.
[5]) hledagyczy *PasKl*.
[6]) muoy *PasMB*.
[7]) buozyemu *PasKl*.
[8]) Te riječi nema *PasKl*.
[9]) Pomenuti glagol *poukrepil'* nije zacijelo stajao u iskonskom hrv. prijevodu, jer ne pristaje u tekst, gdje sestra kori brata, što je odbija od sebe. Možda je bilo i tu *potopil'*, koje je prepisivač okrenuo u *poukrepil'*. Ja ću ovdje spomenuti sličan primjer iz »Života sv. Lovre«, gdje je prevodilac zadržao češke riječi *hodovánie* 'gozba, čast' i *hodovati* 'gostiti se, častiti se', davši im dakako hrv. lik, a prepisivač je poslije načinio od toga *gospodovanje* i *gospodovati* ostavivši jedan put i *godovanje;* ispor.: »Něčast'ni č(lově)če ě sam' togo *gospodovaniě* vsa|gda želěl' Decii k nemu r(e)če Imaš li te muki | za *godovan'e* sebě · ěvi mi kadě es(t') tvoe tovar|iššvo da s tobo*ju* tu *gospodu*ju« (v. *PZ* 263ª) prema staročeš. originalu: »Neſczaſtni (= *infelix; hrv. pogrješno* nečast'ni) czlowie|cze ya yſem tohoto *hodo|wanye* (tyechto krmy *PasKl* i *PasIA*) wzdi (dawno wzdy *PasKl*) zadal (hodowaty zadal *PasKl*, dawno žadal hodowati a wždy žadal *PasIA*) · Deci[9] | k nemu (K nemuzto decyus *PasKl*) wecye. Maſſ (gmaſſ *PasKl*)-li tito (ty *PasKl*) | muki ſobie (te riječi nema *PasKl*) za *hodowanye* | zgiew mi kde yeſt twe (mjesto: kde yest twe *samo* ſwe *PasKl*) to|warziftwo at ſ tobu (tebu *PasMB*) tuto (red riječi: tuto ſ tobu *PasKl*) | *hodugy* (: lat. epulentur) (v. *PasMA* 430$^{\alpha}$).
[10]) U *PasMB* u popravku mjesto: te.
[11]) czierkwy *PasMB*.
[12]) Iza *y* istrto *u;* u *PasMB* i *PasKl* naſſy.
[13]) U *PasKl* izostavljena ta riječ i pred ńom tri.

auguftin fwietloft przie|ftwucye[1]) · *obrancie* fprawe|dlnofty · *ohrada*[2]) vie|ri[3]) · wffieczkni[4]) miftri fwa|te cierkwe[5]) *u przikladye* | *wffyech*[6]) *slechetnofty w zf|porofty*[7]) *vczenye.* w rozumv | y w umieny · *flawnye przie|wyfil ieft*[8]) ...« *PasMA* 466$^{\beta}$, možemo reći: *e* je griješkom, jer prevodilac ili prepisivač nije shvatio, da iza imena Avgustin dolazi apozicija; *obrětatel'* je možda prepisivačevom griješkom mjesto »*obranitel'*«; *ogradě* je prepisivačevom griješkom mjesto *ograda*; *slav'ne* je čehizam mjesto *slav'no*; *povisil'* je prepisivačevom griješkom mjesto *prěvisil'*, no kako je u hrv. prijevodu *v skrovišćě* prema češ. *u przikladye* i *v zbornosti* prema češ. *w fporofty*, to ne možemo odmah vidjeti. To će se vidjeti iz ovoga, što ću sad reći. Protumačit ću najprije riječi *v zbornosti*, koje opet dokazuju, da hrv. prijevod nije radio Čeh. Prevodilac nije razumio češke riječi *sporost* ‚obiļe' (ispor. u lat. tekstu affluentia doctrinarum u Grässea[3] 560), pa je za ńu uzeo *zbornost.* Da naš prevodilac nije razumio češke riječi *sporost*, mogu posvjedočiti drugim primjerom. U »Životu sv. Jeronima« čitamo za sv. Jeronima: »... i o^{t} nega se s(ve)tomu pis'mu *skoro* nauči« *PZ* 211^{b} prema staročeš. originalu: »... a od (u *PasKl*) nyeho fie fwatemu pif|mu *fporzie* nauczyw« *PasMB* 150$^{\alpha}$.— Za hrv. *v skrovišćě vseh' dobrot'* prema češ. *u przikladye wffyech slechetnofty* (: lat. florens *exemplis* virtutum) smijemo reći da stoji prema r đ a v u č e š k o m o r i g i n a l u, u kojem je bilo *u pokladye* (mjesto *u przikladye*), koje je naš prevodilac dobro preveo *v* »*skrovišćě*« (očekivali bismo prije *skrovišći*). To moje mišļeńe nije puko nagađańe, jer u *PasIB* čitamo na tome mjestu *w pokladie wffech fflechetnoftij*, iz čega vidimo, da su neki staročeš. rukopisi imali na tome mjestu griješkom *pokladě* (mjesto *příkladě*), a takav je rukopis imao i naš glagoļaš.[9]) — Evo još jedan primjer, o kojem ne može biti ni najmańe sumńe da je postao prema lošem češkom originalu. U *PZ* 284^{b} (u »Životu sv. Avgustina«) čitamo: »Potom' egda | trětič' razum' upraša i dě čto děš' k tomu kras'na | gospodina[10]) sramež'liva naravita bogata | giždava imaš li k tomu l*ju*bost' O^{t}govori

[1]) przieftkwuczie *PasMB* i *PasKl.*
[2]) obhrada *PasKl.*
[3]) fwate wyery *PasMB* i *PasKl* (hrv. se prijevod slaže sa *PasMA*).
[4]) wffieczky *PasMB.*
[5]) wyery *PasKl.*
[6]) fwych (!) *PasKl.*
[7]) U LF. *13,* 439 griješkom: wzfporofty; u *PasMB* i *PasKl* pisano: fporosty.
[8]) gefty *PasKl;* u *PasMB* red riječi: geft prziewyfil.
[9]) Mańe mi se čini vjerojatnim, da je tu pogrješku učinio sâm prevodilac, t. j. da je on *příklad* u svome originalu čitao *poklad.*
[10]) = gospodińa ‚uxor'.

k tomu | s(ve)ti avgustin' i dě Okrasui *ju* kako hoćeš' ogradi | *ju* vsem' dobrim' kako' morěš' *prěd nju čini vsu mis'|liju ne běgai. I takoi o^t togo* ...« prema lat.: »... interrogat eum ratio dicens ...: quid uxor? Nonne te delectat pulchra, pudica, morigerata, dives ...? Et respondet Augustinus: quantumlibet velis eam depingere atque cumulare bonis omnibus, *nil mihi tam fugiendum quam concubitum esse decrevi*« (v. Grässe[3] 566) i prema češ.: »Potom yeho trzetye ro|zum tyeze a rzka. Czo dy|es k tomu krafna hofpodi|ny ftidliwa nrawita boha|ta slechetna maff-li k tomu liboft. Odpowieda[1]) | swati auguftin a rzka; | Okrafny gy yakz chczeff · | ohrad yu[2]) wffym dobrim | yakz mozes[3]) *przied nyczy|mz wffy myfli nebieha|yu*[4]) *yako od toho*« *PasMA* 467$^{\beta}$.[5]) Da je besmisleni konac u hrv. prijevodu nastao samo prema lošem češkom originalu, dokazuje očevidno *PasIA*, gdje nalazimo istu pogrješku, jer na tome mjestu čitamo: »... Okrafuy gi iakž chczefs *možefs*[6]) *przied-ni cziniti wffy myfly / nebiehy(!) iako od toho*«.[7]) Prema tome vidimo, da je u nekim rukopisima iskonsko *przied nyczym(z)* iskvareno u »*przied ny czyni*«, kako je bilo i originalu hrv. prevodioca, koji je to preveo: *prěd nju čini.* (Svršit će se.)

Zagreb.

S. Ivšić.

[1]) odpowiedie *PasMB.*
[2]) gy *PasMB.*
[3]) muozeff *PasMB.*
[4]) nebiehagy *PasMB.*
[5]) U *PasKl* je izostavljen čitav pasus.
[6]) Prema *PasMA* izostavljeno griješkom: ohrad yu wffym dobrim yakz.
[7]) U *PasIB* čitamo kako treba: »... Okrafflug gi yakž chczefs ohrad gi wffim dobrym iakž muožeš *przed ničymž wffy myfli nebieham yako od toho.*«

Гончаровъ въ кругосвѣтномъ плаваніи.

(Историко-біографическій очеркъ, въ связи съ новыми матеріалами.)

Настоящій очеркъ извлеченъ изъ моей новой работы о Гончаровѣ, имѣющей цѣлью дать болѣе или менѣе полное и подробное изображеніе жизни писателя, въ связи съ анализомъ тѣхъ особенностей его ума и характера, изъ которыхъ развилась его творческая индивидуальность. Въ этомъ изображеніи періодъ, посвященный кругосвѣтному плаванію на фрегатѣ „Паллада“, долженъ былъ по праву занять очень видное мѣсто, такъ какъ именно въ годы этого плаванія наступилъ рѣшительный переломъ въ художественномъ развитіи Гончарова: путемъ сравненій и сопоставленій съ иноземнымъ, его творческое влеченіе углубилось и оформилось на почвѣ національнаго и культурно-бытового сознанія.

Если историки литературы и критики сравнительно мало останавливались на указанномъ періодѣ, это можно было объяснить двумя обстоятельствами: личность Гончарова представлялась недостаточно уясненной, а съ другой стороны чувствовался недостатокъ біографическихъ матеріаловъ. И надо замѣтить: „путевыя записки“ могутъ въ общемъ, особенно теперь, казаться однообразными и подчасъ даже блѣдными, если читатель не видитъ за ними, не чувствуетъ яркой индивидуальности ихъ творца. Вотъ почему мнѣ казалось необходимымъ приблизить, если можно такъ выразиться — придвинуть разсказъ о путешествіи къ личнымъ, творчески-интимнымъ переживаніямъ автора. При этомъ значительную услугу оказали мнѣ драгоцѣнные и донынѣ неизвѣстные въ печати рукописные матеріалы: часть — изъ собранныхъ мною, часть — изъ рукописнаго отдѣленія Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Они проливаютъ свѣтъ на затушованную въ печатномъ текстѣ „записокъ“ и наиболѣе для насъ интересную сторону — личныхъ отраженій и переживаній художника.

Въ настоящемъ журналѣ я помѣщаю лишь первую половину записокъ — путешествіе по морю. Начальныя главы (I—III), въ первой редакціи, были напечатаны въ историко-литературномъ сборникѣ „Огни“ (СПб. 1916). Мнѣ казалось необходимымъ привести ихъ въ печатаемомъ очеркѣ для сохраненія внутренней связи.

Неизданныя письма, служившія мнѣ матеріаломъ въ настоящей работѣ, я предполагаю помѣстить полностью въ приложеніи къ книгѣ, куда войдутъ и предлагаемыя ниже главы.

I.

Осенью 1852 г. среди друзей Гончарова распространилось изумительное извѣстіе: Иванъ Александровичъ собрался въ кругосвѣтное плаваніе.

Мечта о далекомъ путешествіи издавна „какъ хмель“ туманила его голову, и путешествіе это рисовалось ему именно такъ, какъ разсказывалъ когда-то „крестный“: тропическія страны,

необыкновенныя красоты неба и моря, иные люди, иные нравы... Когда прежде Аполлонъ Николаевичъ Майковъ соблазнялъ его поѣздкой въ Италію или въ Парижъ и Лондонъ, Гончаровъ патетически восклицалъ: — „Хочу въ Бразилію, хочу туда, гдѣ солнце изъ камня высѣкаетъ жизнь . . . гдѣ рыщетъ левъ, пресмыкается змѣй . . . гдѣ природа, какъ баядерка, дышитъ сладострастіемъ, гдѣ душно, страшно и обаятельно жить, гдѣ обезсиленная фантазія нѣмѣетъ передъ готовымъ созданіемъ, гдѣ глаза не устанутъ смотрѣть, а сердце биться . . .“ [1])

И вотъ „свѣтлые чертоги Божьяго міра“ [2]) открылись передъ Гончаровымъ. Случилось это необычайное происшествіе послѣ того, какъ Иванъ Александровичъ узналъ отъ Евгеніи Петровны Майковой, что товарищъ министра народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ озабоченъ пріисканіемъ для вице-адмирала Е. В. Путятина,[3]) секретаря, который могъ бы описать путешествіе къ берегамъ Японіи и Америки, куда должна была направиться экспедиція изъ нѣсколькихъ кораблей подъ начальствомъ того же адмирала. По дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ оказалось, что адмиралъ Путятинъ имѣлъ порученіе отъ правительства заключить съ Японіей договоръ, который открылъ бы доступъ русской промышленности въ эту страну, тогда еще ревниво оберегавшую свои предѣлы отъ иностранныхъ вліяній.

— Вотъ вамъ бы предложить, — сказала Евгенія Петровна, со смѣхомъ обращаясь къ Гончарову.

— Я бы принялъ это предложеніе, не задумываясь отвѣтилъ Иванъ Александровичъ.

Онъ никакъ не предполагалъ въ ту минуту, какое слѣдствіе будутъ имѣтъ его слова. Друзья („охъ, ужъ эти мнѣ друзья!“ — вздыхалъ Иванъ Александровичъ) быстро принялись за дѣло. Поручили Аполлону Николаевичу Майкову переговорить, съ кѣмъ слѣдуетъ, и не успѣлъ Гончаровъ притти въ себя отъ своей рѣшимости, какъ дѣло было сдѣлано. Независимо отъ дружескихъ вліяній, кандидатура Гончарова могла имѣть всѣ шансы на блестящій пріемъ: продолжительная служба въ департаментѣ внѣш-

[1]) „Фрегатъ Паллада“, т. I и II, СПб. 1912 („Полное собр. соч. И. А. Г-ва,“ тт. 6 и 7), — „Хочу въ Бразилію“ и пр. — т. I, стр. 4.

[2]) Ibid., стр. 4.

[3]) Евфимій Васильевичъ Путятинъ, впослѣдствіи графъ (1803—1883). Имъ представленъ „Всеподданнѣйшій отчетъ о плаваніи отряда военныхъ нашихъ судовъ въ Японію и Китай, за 1852—1855 г.“, напечатанный въ „Морскомъ Сборникѣ“, 1856, т. XXIV, кн. 10; отдѣльно: СПб., 1857. См. Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ“, вып. III.

ней торговли пріучила его дѣловую мысль вращаться въ кругу вопросовъ, близко подходившихъ къ задачамъ экспедиціи; основательное знаніе языковъ также могло оказаться въ высшей степени полезнымъ; наконецъ, его блестящій литературный стиль получилъ къ тому времени широкое всеобщее признаніе. Наряду съ этими качествами, столь счастливо сочетавшимися въ умномъ и образованномъ человѣкѣ, постороннія рекомендаціи могли оказаться излишними. Достаточно было заявить желаніе, что и было сдѣлано друзьями Гончарова отъ его имени. Адмиралъ выразилъ согласіе, департаментъ не только далъ командировку, но и отпустилъ тысячу рублей въ видѣ пособія, [1]) и Гончарову не оставалось ничего другого, какъ подчиниться капризной судьбѣ и постараться войти въ роль новаго „аргонавта“. Когда, такимъ образомъ, попытка взять свое согласіе обратно оказалась невозможной, въ душѣ Гончарова поднялась новая мучительная борьба колебаній и сомнѣній. „Я просто пошутилъ, — писалъ онъ потомъ Е. П. Майковой 20-го ноября изъ Портсмута. — Уѣхать въ самомъ дѣлѣ: да ни за какіе бы милліоны, у меня этого и въ головѣ никогда не было!... Я пошутилъ, говоря вамъ, вонъ спросите Льховскаго: [2]) я ему тогда же сказалъ, а между тѣмъ судьба ухватила меня въ когти, и вотъ я — жертва своей шутки...“

Разговоръ у Майковыхъ, о которомъ здѣсь шла рѣчь, происходилъ, вѣроятно, въ началѣ августа. До отъѣзда, который состоялся 7-го октября, времени было достаточно, чтобы Гончаровъ измучилъ себя внутренней борьбой, тысячи разъ проклиная себя за свою „шутку“. У него даже складывался въ головѣ такой планъ: онъ доплыветъ до Англіи, а тамъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ спишется съ корабля и вернется обратно. Но, такъ или иначе, необходимо было готовиться къ отъѣзду: сдавать квартиру, пристраивать обстановку, покупать дорожныя вещи, запасаться деньгами. Онъ написалъ брату [3]) по

---

[1]) Формулярный списокъ о службѣ Г-ва (Дѣло N. 5099 Архива Д-та Внѣшней Торговли М-ва Финансовъ). По копіи, снятой мною.

Событія, излагаемыя мною въ этой и послѣдующихъ главахъ, кончая выѣздомъ изъ Англіи, въ особенности не находящія себѣ параллели въ печатномъ текстѣ, взяты мною изъ бывшаго въ моемъ распоряженіи письма Г-ва къ Н. А. и Е. П. Майковымъ отъ 20 ноября 1852 г. изъ Портсмута. Письмо это заключаетъ въ себѣ много подробностей, какихъ мы не находимъ въ письмахъ изъ Англіи, вошедшихъ въ печатный текстъ.

[2]) Льховскій, И. И., одинъ изъ ближайшихъ друзей семьи Майковыхъ.

[3]) Николай Александровичъ, учитель въ Симбирскѣ.

этому поводу, и тотъ устроилъ ему заемъ въ 2000 рублей.[1]) Всѣ эти хлопоты неизмѣнно сопровождались раздирающими душу сомнѣніями: ѣхать? не ѣхать? зачѣмъ пускаться въ такой далекій путь? Не лучше ли какъ-нибудь остаться? Но остаться не было никакой возможности: на покупку вещей было потрачено много денегъ, друзья увѣрились, что онъ не на шутку отправится вокругъ свѣта, а поэтъ В. Г. Бенедиктовъ даже написалъ напутственное стихотвореніе:

И оснащенъ, и замыслами полный,
Уже готовъ фрегатъ твой растолкнуть
Сѣдыхъ морей дымящіяся волны
И шаръ земной теченьемъ обогнуть.

Подъ бурями возмужествуй упрямо.
Пусть валъ визжитъ у мощнаго руля.
Вотъ Азія — міръ праотца Адама.
Вотъ юная Колумбова земля.

И ты свершишь плавучіе наѣзды
Въ тѣ древнія и новыя мѣста,
Гдѣ въ небесахъ другія блещутъ звѣзды,
Гдѣ свѣтъ ліетъ созвѣздіе Креста.

Поклонъ ему. Взгляни, какъ Тріумфаторъ,
На сей трофей въ хоругвяхъ облаковъ,
Пересѣки и тропикъ и экваторъ —
И отпируй сей праздникъ моряковъ.

И если бы тебѣ подъ небесами
Невѣдомыхъ антиподовъ пришлось
Переверстаться съ здѣшними друзьями
Ногами въ ноги, головами врозь, —

То не роняй отрады помышленья,
Что и въ дали сердечный слышенъ гласъ,
Что не однѣ лишь узы тяготѣнья
Всемірнаго соединяютъ насъ.

Лети! — И что внушитъ тебѣ природа
Тѣхъ чудныхъ странъ, — на пользу и добро
Пусть передастъ въ честь русскаго народа,
Намъ твой разсказъ и славное перо.

Прости. — Вернись и живо и здорово
Въ суровые при-невскіе края,
И радостно обнимутъ Гончарова
И Майковы, и всѣ его друзья.[2])

Но съ другой стороны, еслибы Гончаровъ и имѣлъ возможность отказаться, онъ едва ли легко рѣшился бы на такой

[1]) М. Ѳ. Суперанскій, „Матеріалы для біографіи И. А. Гончарова“, „Вѣст. Евр.“, 1908, кн. 11.

[2]) Сочиненія В. Г. Бенедиктова, ред. Я. П. Полонскаго, второе посмертное изданіе, т. I, 1902, стр. 302. Стихотвореніе озаглавлено: И. А. Гончарову (передъ кругосвѣтнымъ его путешествіемъ) и помѣчено 1852 годомъ.

отказъ безъ опыта. Вѣчныя „pour et contre“ его натуры сказались здѣсь въ первый разъ съ необыкновенной ясностью. Вѣдь ему такъ хотѣлось измѣнить свою жизнь, такъ хотѣлось увидѣть тропическія страны! Когда въ свѣтлыя минуты, свободныя отъ страховъ и мрачныхъ предчувствій, онъ обдумывалъ неожиданную возможность осуществить давнишнюю мечту, его охватывала безумная, обновляющая радость. „Всѣ мечты и надежды юности, сама юность воротилась ко мнѣ. Скорѣй, скорѣй въ путь . . .“ [1]) Онъ ощущалъ въ себѣ другую жизнь — она перевоплощала его въ морехода и дѣлала гражданиномъ другого міра. Но близился день отъѣзда и возвращались прежнія опасенія. Радужныя мечты блѣднѣли; путешествіе казалось подвигомъ, для котораго не хватитъ силъ. „Дѣйствительность, какъ туча, приближалась все грознѣй и грознѣй; душу посѣщалъ и мелочной страхъ, когда я углубился въ подробный анализъ предстоящаго вояжа. Морская болѣзнь, перемѣны климата, тропическій зной, злокачественныя лихорадки, звѣри, дикари, бури — все приходило на умъ, особенно бури.“ [2])

Пережитые страхи, заставлявшіе Ивана Александровича тревожно просыпаться „съ трепетомъ, съ каплями пота на лбу“ [3]) имѣли, впрочемъ, ту хорошую сторону, что накапливали въ его художественной сокровищницѣ матеріалъ для изображенія сомнѣній Обломова, охватившихъ Илью Ильича, когда Штольцъ предложилъ ему проѣхаться за границу.

Друзья и знакомые не содѣйствовали успокоенію Гончарова. Они сѣтовали, предостерегали, давали совѣты. Гончаровъ выслушивалъ ихъ съ наружнымъ спокойствіемъ, отвѣчалъ безпечно и шутливо, но въ душѣ его росла и росла тревога.

— Да какъ вы тамъ будете ходить — качаетъ? . . . Какъ ляжете спать, что будете ѣсть? . . .

— Тамъ васъ капитанъ на самый верхъ посадитъ, ѣсть не велитъ давать, на пустынный берегъ высадитъ . . .

— За что? — спрашивалъ Гончаровъ.

— Чуть не такъ сядете, не такъ пойдете, закурите сигару, гдѣ не велѣно.

— Я все буду дѣлать, какъ дѣлаютъ тамъ . . .

— Вотъ вы привыкли по ночамъ сидѣть, а тамъ, какъ солнце сѣло, такъ затушатъ всѣ огни . . . а шумъ, стукотня какая, запахъ, крикъ!

[1]) „Фрегатъ Паллада“, т. I, стр. 5. — [2]) Ibid., стр. 7. — [3]) Ibid., стр. 7.

— Сопьетесь вы тамъ съ кругу: прѣсная вода тамъ въ рѣдкость, все больше ромъ пьютъ . . .[1])

Какая-то старушка упрашивала Гончарова ѣхать „лучше сухимъ путемъ кругомъ свѣта“. Одна барыня, „умная, милая“, заплакала и пожалѣла Ивана Александровича. „Жаль потому, — замѣтилъ Гончаровъ, — что лишній человѣкъ все-таки развлеченіе.“ Въ дальнѣйшихъ словахъ „милой“ барыни проскользнула черточка, которую слѣдуетъ отмѣтить. „Мнѣ жаль васъ, вашей участи, оттого я и плачу. Впрочемъ, вы не вѣрите слезамъ, — прибавила она, — но я плачу не для васъ: мнѣ просто плачется.“ [2])

Наконецъ наступилъ день отъѣзда — проводы кончились, и Гончаровъ водворился на кораблѣ. Онъ встрѣтилъ здѣсь самый радушный пріемъ, уютно расположился въ каютѣ и, распростившись со своимъ слугой Филиппомъ, поступилъ въ распоряженіе вѣстового Ѳаддеева, портретъ котораго тотчасъ же запросился у него на бумагу.

Фрегатъ „Паллада“ снялся съ якоря, и для Гончарова въявь началась „другая жизнь“, во многомъ не похожая на ту, какая рисовалась его мечтамъ, во многомъ превзошедшая самыя смѣлыя ожиданія.

II.

Мы знаемъ эту жизнь по письмамъ Ивана Александровича къ его многочисленнымъ друзьямъ Н. А. и Е. П. Майковымъ, М. А. Языкову, Ю. Д. Ефремовой, В. Г. Бенедиктову, И. И. Льховскому, А. П. Кореневу, роднымъ — и по его путевымъ замѣткамъ. Письма, терявшіяся въ пути, Гончаровъ старательно возстанавливалъ впослѣдствіи.[3]) Онъ просилъ не разъ своихъ корреспондентовъ сохранять его письма, чтобы вернуть по возвращеніи — „на что-нибудь пригодятся“ — писалъ онъ, намекая на возможность использованія ихъ въ печати.[4]) Дѣйствительно, подлинники его писемъ, бывшіе въ нашемъ распоряженіи свидѣтельствуютъ, что Гончаровъ подвергалъ ихъ значительной пе-

---

[1]) Ibid., стр. 3. — [2]) Ibid., стр. 3.

[3]) Письма съ пути писались, главнымъ образомъ, Майковымъ, Языкову, Бенедиктову, затѣмъ — Ефремовой, Льховскому, Кореневу и роднымъ — въ Симбирскъ. Ихъ отношенія къ Г-ву разсмотрѣны въ разныхъ главахъ моей работы. — Повидимому, не всѣ письма доходили по назначенію. Такъ, письмо, посланное 2. ноября 1852 г. („отъ Кронштадта до мыса Лизарда“) и не полученное Майковыми, было возстановлено Г-вымъ въ 1854 г.

[4]) См. неизданное письмо 20 ноября 1852 г. — въ рук. отд. Академіи Наукъ.

работкѣ для печати, въ особенности опуская мѣста имѣвшія узко-личный характеръ.[1]) Въ своихъ письмахъ, Гончаровъ считалъ себя въ правѣ изображать только то, что ему хотѣлось и что могло показаться интереснымъ его друзьямъ. Здѣсь онъ, какъ въ собственной квартирѣ, обставлялъ себя такими предметами и картинами, какіе нравились прежде всего ему самому, и какіе — онъ это зналъ — не могли не понравиться тѣмъ, кому онъ писалъ. Поэтому письма его, при всей расчитанности ихъ на художественный эффектъ по самому характеру своему, ограничивали свободу обобщающей фантазіи Гончарова, и онъ не могъ не отразить въ нихъ своей личности съ такимъ реализмомъ, какого никогда не допустилъ бы въ романѣ. Здѣсь, въ этихъ письмахъ, Гончаровъ не могъ рисовать себя инымъ, чѣмъ его знали близкія къ нему лица, не могъ говорить о своемъ характерѣ и жизни иначе, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Вглядываясь въ тотъ образъ Ивана Александровича, какъ онъ передается нашему воспріятію со страницъ „Фрегата Паллады", мы, дѣйствительно, находимъ въ немъ много такого, что значительно расширяетъ нашъ біографическій опытъ драгоцѣнными подлинными чертами, рисующими духовный обликъ писателя. Съ этой стороны по преимуществу мы и подойдемъ къ письмамъ съ „Фрегата Паллады" и постараемся вкратцѣ пересмотрѣть тѣ автопортреты и наброски, въ которыхъ Иванъ Александровичъ изобразилъ себя съ наибольшей непосредственностью и жизненностью.[2])

Но возвратимся къ нашему разсказу, прерванному въ тотъ моментъ, когда фрегатъ снялся съ якоря и направился въ открытое море.

На кораблѣ Гончарову прежде всего предложили закусить. За ѣдой между нимъ и однимъ изъ офицеровъ произошелъ слѣдующій діалогъ:

— Извините, горячаго у насъ ничего нѣтъ, — сказалъ офицеръ. Всѣ огни потушены. Порохъ принимаемъ.

— Порохъ? а много его здѣсь? — освѣдомился Гончаровъ съ большимъ участіемъ.

[1]) Эти-то мѣста и составляютъ наиболѣе важную въ біографическомъ отношеніи часть матеріаловъ.

[2]) Не слѣдуетъ забывать, что, подбирая матеріалъ для перваго печатнаго изданія своихъ путевыхъ записокъ, Г-въ не могъ не считаться съ полуофиціальнымъ характеромъ этого изданія. Не этимъ ли объясняется, что онъ не ввелъ въ печатный текстъ многихъ весьма интересныхъ и художественно-цѣнныхъ, но субъективныхъ по тону страницъ?

— Пудовъ пятьсотъ приняли: остается еще принять пудовъ триста.

— А гдѣ онъ у васъ лежитъ? — еще съ бо́льшимъ участіемъ спросилъ Гончаровъ.

— Да вотъ здѣсь, — сказалъ офицеръ, указывая на полъ: подъ вами.

Гончаровъ — „пріостановился жевать . . .“

— Это хорошо, что огни потушены, — похвалилъ онъ за предусмотрительность.[1])

Услышавъ черезъ нѣкоторое время свистки, суматоху и бѣготню на палубѣ, Гончаровъ обратился съ вопросомъ къ одному изъ мичмановъ:

— Зачѣмъ это зовутъ всѣхъ наверхъ?

— Свистятъ всѣхъ наверхъ, когда есть авральная работа, — сказалъ мичманъ второпяхъ и исчезъ.

Гончаровъ выбрался на палубу. Все суетилось.

— Что это такое „авральная работа“? — спросилъ онъ другого офицера.

— Это когда свистятъ всѣхъ наверхъ, — отвѣчалъ спрошенный и занялся авральною работой.[2])

Такъ начиналось знакомство Гончарова съ морскими обычаями и порядками. Онъ впослѣдствіи освоился съ ними, и разстался со многими невѣрными представленіями, которыя существовали о морякахъ. Такъ, въ первый же день перезнакомившись со всѣми за вечернимъ чаемъ въ каютъ-компаніи, онъ ожидалъ, какъ увѣряли его знакомые, что вмѣсто чаю подадутъ пуншъ, и обдумывалъ уже способы, какъ ему отдѣлаться отъ „авральной работы за пуншемъ“.[3]) Но, къ своему удовольствію, онъ увидѣлъ на столѣ лишь одинъ графинъ хереса, на который моряки не обратили вниманіе. Впослѣдствіи они вовсе отказались отъ вина за ужиномъ, рѣшивъ обратить экономію на образованіе библіотеки — черта, любопытная для просвѣтительныхъ вѣяній въ тогдашнемъ флотѣ.

До береговъ Англіи путешествіе сложилось неудачно, — дождь, холодъ, противные вѣтры, туманы. У Гончарова разболѣлись зубы. Онъ не выходилъ изъ каюты и лишь переносилъ всѣ неудобства морского путешествія, не находя для себя ничего привлекательнаго.

---

[1]) „Фрегатъ Паллада“, т. I., стр. 19. — [2]) Ibid., стр. 14. — [3]) Ibid., стр. 20.

Свои впечатлѣнія онъ разсказалъ 20. ноября въ одномъ изъ писемъ, въ свое время не включенномъ въ печатный текстъ. „Уѣзжая, — писалъ онъ въ этомъ письмѣ, — я кое-кому шепнулъ, что вернусь изъ Англіи и началъ такъ вести дѣло на кораблѣ, чтобы улизнуть. Я сильно надѣялся на качку: скажу молъ, что не переношу моря, буду безполезенъ и только.

„На другой же день по выходѣ — буря. Просыпаюсь — меня бьетъ о стѣну, то головой, то ногами, то другой, болѣе мягкой частью, книги мои всѣ на полу, шинель, пальто качаются, въ окнѣ то небо появится, то море. Не тошнитъ ли? думаю: нѣтъ, хочется чаю, хочется курить — все ничего. Пошелъ вверхъ — суматоха, бѣготня, а море вдругъ очутится надъ головой, а потомъ исчезнетъ. Стою, смотрю, только крѣпко держусь за веревку, ничего, любопытно — и только.

— Э, да вы молодецъ, — говорятъ мнѣ со всѣхъ сторонъ: поздравляемъ, въ первый разъ въ морѣ и ничего. Каковъ!...

„А кругомъ — кого тошнитъ, кто валяется. Такъ на качку вся надежда пропала. Думалъ было я притвориться, сказать, что меня тошнило, и даже лечь на койку, это мнѣ ни почемъ. Но морская болѣзнь лишаетъ аппетита, а я жду не дождусь перваго часа, у капитана поваръ отличный, ѣмъ ужасно, потому что морской воздухъ даетъ аппетитъ.

„Другая хитрость: я сталъ жаловаться на вѣчный шумъ, на бѣготню и суматоху, что вотъ-де я ни уснуть, ни заняться не могу. Этому помогала моя хандра, о которой не знали на фрегатѣ. Я говорилъ, что меня тревожитъ и топотъ людей, и стукъ упавшаго каната, и барабанъ. Обо мнѣ стали жалѣть серьезно, поговаривали, что лучше, конечно, воротиться, чѣмъ такъ мучиться. Но и это вскорѣ рушилось. Я сошелъ какъ-то во время чая вечеромъ въ каютъ-компанію: кто-то спросилъ, зачѣмъ часовъ въ 5 палили изъ пушки?

— Да развѣ палили? — сорвалось у меня съ языка. Я опомнился, но поздно.

„Всѣ расхохотались, и ужъ я съ ними; а пушка-то стоитъ почти рядомъ съ моей каютой, да вѣдь какая: въ 4 аршина!

„Сказать развѣ, что, молъ, боюсь опасностей?... Но этого даже и своей маменькѣ нельзя сказать. Наконецъ, я сознался капитану, что мнѣ просто ужасно не хочется, что Китай и Бразилія и занимаютъ-то меня, какъ я теперь вижу, не слишкомъ

много, что я ужъ и не молодъ, а здѣсь безпокойно, на вытяжкѣ, и нравы, и привычки, и обычаи не по мнѣ.

— Ну, хотите, я вамъ устрою возвращеніе? — сказалъ онъ.

О, благодѣтель!...“[1])

У береговъ Даніи, около Копенгагена, сѣли на мель. Фрегатъ съ грузомъ не въ одну сотню тысячъ пудовъ — „точно обрадовался случаю и легъ прочно на песокъ, какъ иногда добрый пьяница, тоже „нагрузившись“ и долго шлепая невѣрными стопами по грязи, вдругъ возьметъ да и ляжетъ средь дороги.“[2])

Наступила „страшная минута“, длившаяся цѣлую ночь для моряковъ, испытывавшихъ сильную тревогу. А Гончаровъ былъ очень доволенъ: онъ ощущалъ подъ собою твердую почву, пилъ чай, ужиналъ, и какъ у себя дома легъ спать.

— Какая благодать... твердилъ онъ, ложась, какъ на берегу, дома, на неподвижную постель. — Завозите себѣ „верпы“ (якоря), а я усну, какъ давно не спалъ.“

Онъ видѣлъ во снѣ, что фрегатъ продолжалъ благополучно стоять „приткнувшись“ къ мели, а начальство, наскучивъ ждать, отложило экспедицію, и вотъ всѣ они вернулись домой „спать на незыблемыхъ ложахъ“.[3])

Сонъ не сбылся: на утро „городовой“ пароходъ стащилъ фрегатъ съ мели, и онъ пошелъ дальше въ Англію.

III.

Прибыли въ Портсмутъ 31 октября и стояли долго. Готовились къ дальнѣйшему путешествію, чинили фрегатъ — послѣ мели, оснащали купленную здѣсь, для совмѣстнаго путешествія шкуну „Востокъ“. Гончаровъ только здѣсь имѣлъ случай представиться адмиралу Путятину, который уѣхалъ въ Англію раньше для необходимыхъ закупокъ и подготовки къ дальнему плаванію. Несмотря на то, что и зубная и головная боль прошли у Ивана Александровича, онъ былъ твердо настроенъ къ отъ-

---

[1]) Письмо 20 ноября Майковымъ; см. выше. — Ср. ретроспективный взглядъ Г-ва на свои сомнѣнія — „Фрегатъ Паллада“, стр. 38. Тамъ же: „Развѣ я не вѣчный путешественникъ, какъ и всякій, у кого нѣтъ семьи и постояннаго угла?“ — „Капитанъ“ — капитанъ-лейтенантъ И. С. Уньковскій. Во второмъ изданіи моей книги о Г-вѣ (СПб., 1912) я привелъ, въ примѣчаніяхъ, списокъ личнаго состава офицеровъ „Паллады“. Жаль, если издатели сочиненій Г-ва не воспользуются имъ и оставятъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ, попрежнему, иниціалы.

[2]) „Черезъ 20 лѣтъ“, „Фрегатъ Паллада“, т. II, стр. 531.

[3]) Ibid., стр. 532.

ѣзду и крѣпко надѣялся въ этомъ отношеніи на обѣщаніе капитана. Капитанъ „въ самомъ дѣлѣ устроилъ, — какъ писалъ Гончаровъ въ томъ же письмѣ отъ 20 ноября, — наговорилъ адмиралу, что я ужасно страдаю, скучаю и мало сплю (не ѣмъ — онъ не говорилъ, языкъ не поворотился, я, вѣдь, у него ѣлъ, такъ онъ видѣлъ, а спать, когда-жъ я много спалъ?).“ [1])

Капитанъ подготовилъ адмирала. Просить же отставки Гончаровъ долженъ былъ лично и для этого поѣхалъ въ Лондонъ. Адмиралъ „выслушавъ съ участіемъ . . . сказалъ, что онъ очень жалѣетъ, что удерживать не станетъ, что лучше, конечно, воротиться теперь, чѣмъ заѣхать подальше и мучиться.

— Только жаль, — прибавилъ онъ, — что вы не предвидѣли этого въ Петербургѣ: теперь некого взять на ваше мѣсто.“

„Онъ выхлопоталъ мнѣ даже у посланника порученіе въ Берлинъ и Варшаву, чтобы я могъ воротиться на казенный счетъ. И я нѣсколько дней прожилъ въ Лондонѣ . . . Посланникъ сказалъ, чтобъ я съѣздилъ скорѣй въ Портсмутъ за своими вещами и явился опять къ нему за бумагами . . .“ [2])

Вернувшись на фрегатъ, Гончаровъ сообщилъ офицерамъ о полученномъ разрѣшеніи списаться съ корабля. Но сообщеніе это вызвало совершенно неожиданный эффектъ, который обнаружилъ, однако, что офицеры успѣли расположиться къ своему штатскому товарищу. „Когда офицеры узнали, что я хочу воротиться, они — странно — опечалились, стали упрашивать, чтобы я остался.“ [3]) Не желая ихъ огорчать прямымъ отказомъ, Иванъ Александровичъ уклончиво отвѣтилъ, что онъ предоставилъ капитану передѣлать дѣло, какъ онъ хочетъ. „Если передѣлаетъ опять, я останусь и буду молчать, если нѣтъ, тоже молча уѣду.“ [4]) Нѣкоторые тотчась же отправились къ капитану и просили его переговорить съ адмираломъ. „И что я имъ сдѣлалъ, что имъ во мнѣ? Дуюсь, хандрю, молчу — а они! . . . чудаки!“ [5]) Упрашиванья офицеровъ не поколебали намѣренія Гончарова, желаніе его покинуть корабль казалось непреклоннымъ. Онъ даже испытывалъ удовольствіе, что, наконецъ, обратный путь на Петербургъ былъ открытъ. Но когда онъ спустился въ каюту за своими вещами, удовольствіе смѣнилось ужасомъ. Видъ раскрытыхъ чемодановъ сразу повернулъ его мысли въ обратную сторону. Это значило: надо было снова укладывать

[1]) То же письмо; см. выше. — [2]) То же письмо. — [3]) То же письмо. — [4]) То же письмо. — [5]) То же письмо.

ихъ, тащиться съ ними и возиться „самому“. Онъ рѣшилъ не возвращаться и продолжать путь на фрегатѣ. Сообщая объ этомъ друзьямъ, онъ живо представлялъ себѣ ихъ изумленіе и вопросы: какъ? почему? что случилось? — „Ужъ такъ и быть скажу,“ — писалъ онъ имъ, посвящая ихъ во всѣ перемѣны своего настроенія. — Когда я увидѣлъ свои чемоданы, вещи, бѣлье, представилъ, какъ я съ этимъ грузомъ, одинъ-одинехонекъ, буду странствовать по Германіи, крехтя и охая, отпирать и запирать чемоданы, доставать бѣлье, самъ одѣваться, да въ каждомъ городѣ перетаскиваться, сторожить, когда приходитъ и уходитъ машина и т. п., на меня напала ужасная лѣнь. Нѣтъ, ужъ дай лучше поѣду по слѣдамъ Васко-де-Гамы, Ванкуверовъ, Крузенштерновъ и др., чѣмъ по слѣдамъ французскихъ и нѣмецкихъ цирюльниковъ, портныхъ и сапожниковъ . . .“

Опять — тотъ же капитанъ устроилъ дальнѣйшее путешествіе, Гончаровъ сказалъ адмиралу, что онъ не прочь и дальше ѣхать, что надѣется привыкнуть . . .

Дальнѣйшія колебанія были невозможны. Адмиралъ тутъ же далъ первое порученіе Гончарову изложить кратко исторію плаванія фрегата до Англіи, съ упоминаніемъ неудачи у береговъ Даніи, повлекшей необходимость продолжительной починки корабля въ Портсмутскомъ докѣ. Адмиралъ тутъ же опредѣлилъ и главную обязанность Гончарова: „записывать все, что мы увидимъ, услышимъ, встрѣтимъ . . . Ужъ не хотятъ ли они сдѣлать меня Гомеромъ своего похода?“ — съ нѣкоторымъ страхомъ спрашивалъ Гончаровъ самого себя послѣ этого разговора. — „Охъ, ошибутся: ничего не выйдетъ, ни изъ меня Гомера, ни изъ нихъ — аргивянъ. Но что бы ни вышло — а имъ надо управлять судномъ, а мнѣ писать. Что выйдетъ изъ этого, Богъ вѣдаетъ.“ [1])

Для образца перваго донесенія адмиралъ передалъ Гончарову черновыя тѣхъ бумагъ, которыя онъ самъ составлялъ безъ помощи секретаря. Гончаровъ прочиталъ и увидѣлъ, что они были написаны неподражаемо строгимъ „морскимъ“, точнымъ и сжатымъ, стилемъ. „Зачѣмъ ему секретарь? — въ страхѣ думалъ Гончаровъ: онъ пишетъ лучше всякихъ секретарей: зачѣмъ я здѣсь? Я — лишній.“ Гончарову — „стало жутко“.[2])

Онъ спѣшно сѣлъ за работу, и тутъ начались для него поистинѣ „страшныя минуты“: не зналъ, какъ приняться. Онъ на-

---

[1]) То же письмо. — [2]) „Черезъ 20 лѣтъ“, – „Фрегатъ Паллада“, т. II, стр. 535.

чалъ было набрасывать привычной рукой: „было, молъ, холодно, вѣтеръ дулъ, качало ...“ но самъ почувствовалъ, что такъ писать было нельзя.

— А вы возьмите, — посовѣтовали ему — шканечный журналъ, гдѣ шагъ за шагомъ описывается все плаваніе.[1])

Иванъ Александровичъ взялъ и журналъ, и другія книги и бумаги того же содержанія, поглядѣлъ въ нихъ, потомъ снова взялъ шканечный журналъ и сталъ читать: „положили марсель на стенгу“, „взяли гротъ на гитовы“, „ворочали оверштагъ“, „привели фрегатъ къ вѣтру“, „легли на правый галсъ“, „шли на фордевиндъ“, „обрасопили реи“, потомъ слѣдовали „утлегарь“, „ахтеръ-штевенъ“, „шкоты“, „брассы“, „фали“ ...

„Боже мой, да я ничего не понимаю, — думалъ Гончаровъ въ ужасѣ, царапая сухимъ перомъ по бумагѣ: зачѣмъ я поѣхалъ?“ [2]) Однако послѣ цѣлаго ряда попытокъ, справокъ съ журналами и бумагами и поправокъ самого адмирала, донесеніе было написано и отправлено по назначенію. Гончаровъ вздохнулъ свободно и поѣхалъ въ Лондонъ, уже безъ заботъ и сомнѣній.

Въ Лондонѣ Гончаровъ показалъ себя большимъ поклонникомъ европейской культуры, но культуры бытовой, дѣловитой, практичной, вносящей въ жизнь начала цѣлесообразности и комфорта. Дань удивленія онъ отдалъ, хотя и не сразу, и величайшимъ сокровищницамъ науки, искусства и историческимъ памятникамъ, но сердце оставалось къ нимъ холодно: его болѣе занимало то, что являлось выраженіемъ національнаго характера въ движеніи, въ толпѣ, въ непосредственной жизни. Здѣсь, въ эти дни, онъ впервые почувствовалъ себя совершенно свободнымъ. Душа какъ бы отрѣшилась отъ всѣхъ стѣснявшихъ ее прежде условій служебнаго и общественнаго быта. Она радостно отдавалась настроеніямъ независимости и своеволія, и всѣ вещи въ мірѣ, казалось, потеряли для нея объективную цѣну. Гончаровъ, какъ школьникъ, дождавшійся лѣта, радовался всему, что его тогда тѣшило, баловало, грѣло. Онъ отражалъ свои впечатлѣнія съ исключительной непосредственностью, отказался отъ всякой ложной скромности, не стыдился банальныхъ мыслей, когда онѣ приходили въ голову, не боялся раскрывать даже мелочныя чувства и побужденія. Все здѣсь пріобрѣтало значеніе отъ того, въ какомъ расположеніи духа вглядывался онъ

---

[1]) Ibid., стр. 535. — [2]) Ibid., стр. 535.

въ предметы. Британскій музей, эта величайшая гордость міровой культуры, провинилась передъ Гончаровымъ — онъ отнялъ у него нѣсколько часовъ, которые можно было бы посвятить созерцанію толпы. Гончаровъ отозвался о немъ неодобрительно. Однако на слѣдующій день, уже въ иномъ настроеніи, онъ не находилъ словъ, чтобы выразить свое восхищеніе имъ. Но вообще художественныя галлереи и всякаго рода достопримѣчательности, какъ было уже сказано, не привлекали пристальнаго вниманія Гончарова; то, что раскрывалось за стѣнами музеевъ, было для него гораздо интереснѣе. Жадно наблюдая толпу, которая его не замѣчала, онъ схватывалъ всѣ оттѣнки ея движенія, ея ритма, постигалъ красоту ея переливчатой измѣнчивости и полной рукой черпалъ изъ нея контрасты къ образамъ русской жизни. Обломовка не выходила изъ головы. Здѣсь она впервые должна была показаться Гончарову въ новомъ освѣщеніи. Здѣсь должно было проснуться въ писателѣ сознательное отношеніе къ общей идеѣ носившихся передъ нимъ разрозненныхъ картинъ. Тайный голосъ словно велъ его по межѣ двухъ міровъ, взаимно оттѣненныхъ и непримиримыхъ — одного — дѣятельнаго, размѣренно-цѣлесообразнаго, зоркаго, и другого — лѣниво перебирающаго сонные дни, бездѣятельнаго, безполезнаго и для себя и для другихъ, ничего впереди себя не видящаго слѣпо раскрытыми, не проснувшимися очами. Духъ англійской націи, повелѣвающій морями и землями, схематизировался у Гончарова въ типичномъ образѣ, который затмилъ собою русскаго нѣмца Штольца. „Новѣйшій англичанинъ... просыпается по будильнику. Умывшись посредствомъ машинки и надѣвъ вымытое паромъ бѣлье, онъ садится къ столу, кладетъ ноги въ назначенный для того ящикъ, обитый мѣхомъ, и готовитъ себѣ, съ помощью пара же, въ три секунды бифштексъ или котлету, и запиваетъ чаемъ, потомъ принимается за газету. Это тоже удобство — одолѣть листъ „Times“ или „Herald“: иначе онъ будетъ глухъ и нѣмъ цѣлый день. Кончивъ завтракъ, онъ по одной таблицѣ припоминаетъ, какое число и какой день сегодня, справляется, что дѣлать, беретъ машинку, которая сама дѣлаетъ выкладки: припоминать и считать въ головѣ неудобно. Потомъ идетъ со двора . . .“ [1])

Припомнимъ, какъ рисовалъ Гончаровъ день русскаго помѣщика въ своемъ заграничномъ письмѣ. Утро въ усадьбѣ про-

[1]) „Фрегатъ Паллада“, т. I, стр. 70.

ходитъ безъ торопливости. Проснется, и то еще долго будетъ сидѣть на постели, протирая глаза и отыскивая сапоги и платье. Только напьется чаю, какъ на столѣ появляется завтракъ: „подадутъ битаго мяса со сметаной, сковородку грибовъ, или каши, разогрѣютъ вчерашнее жаркое, дѣтямъ изготовятъ манный супъ — всякому найдутъ что-нибудь по вкусу. Наступаетъ время дѣятельности . . . онъ беретъ календарь, справляется, какого святого въ тотъ день: нѣтъ ли именинниковъ, не надо ли послать поздравить? Отъ сосѣда за прошлый мѣсяцъ пришлютъ всѣ газеты разомъ, и цѣлый домъ запасается новостями надолго. Пора по работамъ; пришелъ приказчикъ въ третій разъ.“ [1])

Въ краткой бесѣдѣ съ нимъ баринъ неожиданно обнаруживаетъ сметку — чисто купеческую, которая была, замѣтимъ, невѣдома ни Тентетникову, ни Манилову: онъ держитъ ухо востро, чтобы плутоватый приказчикъ не обманулъ его, не умалилъ его барскихъ доходовъ. Но и эти занятія быстро прерываются: пріѣхалъ Иванъ Петровичъ — въ двухъ колякахъ... Не до дѣлъ!

Англичанина отъ дѣла не оторвешь. „Ему надо побывать въ банкѣ, потомъ въ трехъ городахъ, поспѣть на биржу, не опоздать въ засѣданіе парламента. Онъ все сдѣлалъ, благодаря удобствамъ. Вотъ онъ, поэтическій образъ, въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ, обритый, остриженный, съ „удобствомъ“, то есть зонтикомъ подъ мышкой, выглядываетъ изъ вагона, изъ кеба, мелькаетъ на пароходахъ, сидитъ въ тавернѣ, плыветъ по Темзѣ, бродитъ по музеуму, скачетъ въ паркѣ. Въ промежуткахъ онъ успѣлъ посмотрѣть травлю крысъ, какіе-нибудь мостки, купилъ колодки отъ сапогъ дюка. Мимоходомъ съѣлъ высиженнаго паромъ цыпленка, внесъ фунтъ стерлинговъ въ пользу бѣдныхъ. Послѣ того, покойный сознаніемъ, что онъ прожилъ день по всѣмъ удобствамъ, что видѣлъ много замѣчательнаго, что у него есть дюкъ и паровые цыплята, что онъ выгодно продалъ на биржѣ партію бумажныхъ одѣялъ, а въ парламентѣ свой голосъ, онъ садится обѣдать, и, вставъ изъ-за стола не совсѣмъ твердо, вѣшаетъ къ шкафу и бюро неотпираемые замки, снимаетъ съ себя машинкой сапоги, заводитъ будильникъ и ложится спать. Вся машина засыпаетъ.“ [2])

Чтобы нарисовать эту картину, Гончарову нужно было самому, не жалѣя ногъ, поспѣть за своимъ англичаниномъ, нужно

---

[1]) Ibid., стр. 73. — [2]) Ibid., стр. 71.

было самому сбросить съ себя частицу присущей ему обломовщины, стать подвижнымъ, дѣятельнымъ, умѣющимъ смотрѣть проницательно и практично. И, дѣйствительно, Гончаровъ неузнаваемъ въ Лондонѣ. Онъ съ ранняго утра на ногахъ, проходитъ пѣшкомъ большія разстоянія, останавливается на площадяхъ и рынкахъ и любуется архитектурой, прислушивается къ толкамъ снующей толпы, посѣщаетъ храмы, ловитъ уличныя сцены, заглядываетъ въ дома, изучаетъ витрины магазиновъ, прицѣнивается и покупаетъ то, что ненужно, да дешево. Сначала всѣ эти наблюденія ложатся освѣжающей стихіей на его душу, вводя во вкусъ и англійской учтивости и высокой европейской культуры; потомъ, къ концу второго мѣсяца, Гончаровъ начинаетъ утомляться положеніемъ иностранца, которому доступна лишь наружная сторона англійской жизни. Къ тому же въ характерѣ англичанъ и во всемъ складѣ ихъ дѣятельности и культуры обнаружилось для Гончарова какое-то начало, чуждое его темпераменту: не было поэзіи, свободно рожденной на лонѣ дремотной природы, не было сонной, грезящей сказками жизни. Утилитарный характеръ англичанъ, не дававшій даже деревьямъ и лугамъ рости, какъ имъ вздумается, превращалъ, казалось, всю страну въ одинъ промышленный рынокъ, гдѣ, помимо торговли и выгоды, не было простора ни уму, ни фантазіи. И онъ съ большой отрадой снова переносился мечтой въ Обломовку и слушалъ, о чемъ шли безконечныя бесѣды одного „барина“ съ другимъ такимъ же „бариномъ“, также проживавшимъ въ сонномъ бездѣйствіи, на своей волѣ.“

Послѣ завтрака, — грезится Гончарову, — прогулка по гумнамъ, по полямъ, потомъ наступаетъ время обѣда. „Обѣдъ гомерическій, ужинъ такой же. Потомъ . . . стелютъ пуховики, которыхъ достанетъ всѣмъ, сколько бы гостей ни пріѣхало . . . живая машина стаскиваетъ съ барина сапоги . . .“ [1]) Однако наблюденія англійской жизни внушили Гончарову, рядомъ съ этой, и другую картину — картину мужицкой, нищенской доли, крайне осторожно введенной въ картину широкой помѣщичьей жизни. „Мнѣ видится длинный рядъ бѣдныхъ избъ до половины занесенныхъ снѣгомъ. По тропинкѣ съ трудомъ пробирается мужичекъ въ заплатахъ. У него виситъ холстинная сума черезъ плечо, въ рукахъ длинный посохъ, какой носили древніе . . .“ [2])

---

[1]) Ibid., стр. 75. — [2]) Ibid., стр. 76. Такія черты рѣдки у Г-ва; тѣмъ онѣ примѣчательнѣе.

Нѣтъ, Гончаровъ не могъ бы остаться въ Англіи, не могъ бы ни за какія блага слиться съ жизнью бритыхъ джентельменовъ во фракѣ, носиться по росписанію, цѣлый день затѣмъ только, чтобы, ложась спать, быть увѣреннымъ, что и завтра наступитъ такой же размѣренный, разграфленный по записной книжкѣ день, день безъ пріятныхъ неожиданностей, безъ добровольныхъ нарушеній, безъ тревогъ и грезъ, безъ сновъ, сказокъ, поэзіи... Нѣтъ, дома лучше: „передъ глазами все еще мелькаютъ родныя и знакомыя крыши, окна, лица, обычаи ... Мы такъ глубоко вросли корнями у себя дома, что куда и какъ надолго бы я ни заѣхалъ, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногахъ, и никакіе океаны не смоютъ ея!“ [1])

Гончаровъ разставался съ Англіей безъ особеннаго сожалѣнія: для того, чтобы составить себѣ общее понятіе, онъ видѣлъ достаточно. Надо было беречь душу для всего новаго неизвѣданнаго, чудеснаго, что ожидало его впереди и что должно было составить книгу, которой онъ уже придумалъ хотя и шутливое, но въ высшей степени характерное заглавіе: „Путешествіе вокругъ свѣта, въ 12 томахъ, съ планами, чертежами, картой японскихъ береговъ, съ изображеніемъ порта Джаксена, костюмовъ и портретовъ жителей Океаніи. И. Обломова.“ [2]) Онъ тогда уже связывалъ себя въ одномъ представленіи съ героемъ, который еще росъ въ его душѣ и проникался всѣми настроеніями, всѣми лучами и тѣнями своего создателя.

Фрегатъ былъ уже давно исправленъ и ожидалъ на рейдѣ попутнаго вѣтра. Гончаровъ то съѣзжалъ на берегъ, въ Портсмутъ, то возвращался на корабль и скучалъ. Наконецъ, задулъ вѣтеръ съ которымъ можно было уже тронуться, и 6-го января новаго 1853 г., „Паллада“, послѣ напутственнаго молебна, снялась съ якоря.

На пятый день, обогнувъ Эддистонскій маякъ, фрегатъ вошелъ въ Атлантическій океанъ. На „Палладѣ“ это событіе было принято радостно, и члены дружеской морской семьи въ каютъ-компаніи выпили за счастливое плаваніе по рюмкѣ вина. Гончаровъ вздохнулъ, въ послѣдній разъ посылая привѣтъ родной землѣ, и съ покорной рѣшимостью отдалъ себя во власть стихіямъ океана.

---

[1]) Ibid., стр. 79. Эти слова очень важны для опредѣленія органической связи „Обломовки“ съ ея творцомъ. См. многія параллельныя мѣста въ “Воспоминаніяхъ“, „Обломовкѣ“ и пр.

[2]) То же письмо, въ концѣ. „Да развѣ это письмо? опять не поняли? Это вступленіе (даже не предисловіе, то еще впереди) къ „Путешествію вокругъ свѣта...“

„Я уже отъ поэтовъ зналъ, писалъ Иванъ Александровичъ, — что онъ (океанъ) — безбреженъ, мраченъ, угрюмъ, безпредѣленъ, неизмѣримъ и неукротимъ, а учитель географіи сказалъ нѣкогда, что онъ просто — Атлантическій. Теперь я жадно вглядывался въ его физіономію, какъ вглядываются въ человѣка, котораго знали по портрету. Мнѣ хотѣлось провѣрить портретъ съ подлинными чертами лежавшаго передо мной великана…“ [1]) Съ этого момента для Гончарова начался рядъ новыхъ, волнующихъ, глубоко поэтическихъ переживаній. Въ его языкѣ съ изумительнымъ блескомъ и гибкостью отразились всѣ переливы пережитыхъ испытанныхъ настроеній — отъ застѣнчивой нѣжности, помимо воли пробивавшейся наружу, отъ тихой грусти воспоминаній о родинѣ до бурныхъ восторговъ и беззаботнаго смѣха. Уже въ первый день, когда еще было пасмурно и холодно, океанъ разбудилъ въ немъ ту, какъ онъ любилъ говорить, „музыку нервовъ“, которая заставляла его, по временамъ, забывать весь міръ.

Уже нѣсколько часовъ сидѣлъ онъ „на ютѣ“ въ нѣмомъ оцѣпенѣніи… Нѣмой восторгъ чувствовался даже въ тѣхъ капризныхъ изгибахъ его пера, когда онъ, боясь показаться смѣшнымъ, намѣренными прозаизмами затушовывалъ владѣвшее имъ чувство. „Могучъ, мраченъ — гм… посмотримъ, — писалъ Гончаровъ и, предваряя впечатлѣніе, продолжалъ: „оглядѣвъ море справа, я оборотился налѣво и устремилъ взглядъ прямо въ физіономію Ѳаддеева…

— Что ты?

— Поди, ваше высокоблагородіе, обѣдать, я давно зову тебя, да не слышишь.“ [2])

Океанъ покорилъ Гончарова одной своей спокойной величавой мощью.

„Онъ былъ покоенъ: по немъ едва шевелились легкими рядами волны, какъ будто ряды тихихъ мыслей, пробѣгающихъ по лицу; страсти и порывы молчали.“ [3])

Однако на другой день началась качка. Поднялся „свѣжій вѣтеръ“, по выраженію моряковъ, принятый Гончаровымъ за настоящую бурю. Иванъ Александровичъ нашелъ себѣ мѣсто въ капитанской каютѣ, на мягкой софѣ, и безвыходно сидѣлъ на ней, стараясь удержать равновѣсіе.

---

[1]) Ibid., стр. 83. — [2]) Ibid., стр. 83. — [3]) Ibid., стр. 83.

— Крѣпкій вѣтеръ, жестокій вѣтеръ, говорилъ капитанъ, входя въ каюту и танцуя въ ней. — И вы это все сидите? Еще не пріобрѣли *морскихъ ногъ?*

— Я и свои потерялъ, — отвѣчалъ Гончаровъ.

„Но ему не вѣрилось, какъ это человѣкъ можетъ не ходить, когда ноги есть.“

— Да вы встаньте, ну, попробуйте, — уговаривалъ онъ...

— Пробовалъ . . . да безъ пользы, даже съ вредомъ и для себя, и для мебели. Вотъ пожалуй ...

Онъ всталъ, но его „потянуло по совершенно-отвѣсной покатости пола“, и онъ „побѣжалъ въ уголъ, какъ давно не бѣгалъ“. Тамъ онъ „кулакомъ попалъ въ зеркало, а другой рукой въ стѣну. Капитану было смѣшно.“

— Что же вы чай нейдете пить? — спросилъ онъ Гончарова.

— Не хочу . . .

— Ну, я велю вамъ сдѣлать здѣсь.

— Не хочу, — повторилъ Гончаровъ.

Онъ былъ „очень золъ“.[1])

Но „злость“ Гончарова была столь добродушна и наивна, что никого не задѣвала. Напротивъ, открытымъ признаніемъ своихъ слабостей, особенно лѣни и измѣнчивости настроенія, онъ создалъ себѣ привилегію всеобщаго баловня, которая искупалась неистощимымъ остроуміемъ и веселостью въ другія минуты, когда Иванъ Александровичъ чувствовалъ себя въ ударѣ.

Еще такъ недавно срывались съ его устъ сѣтованія — зачѣмъ, дескать, онъ поѣхалъ, но стоило только поставить ногу на благословенную почву острова Мадеры, чтобы сдѣлать обратное признаніе: „Какъ прекрасна жизнь, между прочимъ, и потому, что человѣкъ можетъ путешествовать!“[2]) Ему показалось даже, что только съ этого утра и началось путешествіе, что судьба нарочно послала и бурю и вѣтеръ пережитыхъ дней, „чтобы живѣе тронуть мягкостью воздуха, теплымъ блескомъ солнца, нѣжнымъ колоритомъ красокъ, и всей этой гармоніей волшебнаго острова . . .“[3])

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ дня, проведеннаго на этомъ благословенномъ островѣ, онъ написалъ письмо М. А. Языкову, предназначая его, по обыкновенію, для всей дружеской семьи,

---

[1]) Ibid., стр. 91. — [2]) Ibid., стр. 102. — [3]) Ibid., стр. 102.

слѣдившей съ понятнымъ интересомъ за путешествіемъ Ивана Александровича. Это письмо, еще не появлявшееся въ печати, по новому воспроизводитъ вкратцѣ извѣстное читателямъ „Фрегата Паллады“ описаніе посѣщенія острова Мадеры, которое Ивану Александровичу хотѣлось бы „врѣзать“ въ свою память. Но письмо къ Языкову дышитъ такою свѣжестью впечатлѣнія, такимъ непосредственнымъ настроеніемъ только что видѣннаго и слышаннаго, что было бы жаль не сообщить его читателю, тѣмъ болѣе, что оно заключаетъ въ себѣ нѣсколько фактическихъ подробностей, опущенныхъ Гончаровымъ въ печати.

„Недѣлю тому назадъ я писалъ къ вамъ, Михаилъ Александровичъ, послѣднее письмо, и большое изъ Портсмута, а теперь вотъ ужъ гдѣ я: на Мадерѣ.

„Отъ Англіи до этого острова считается 1200 итальянскихъ миль (около 2000 верстъ): мы пробѣжали ихъ въ пятеро сутокъ съ небольшимъ, случай рѣдкій, но насъ гналъ штормовой вѣтеръ, и мы плыли буквально между двумя рядами холмовъ, изъ которыхъ каждый величиной по крайней мѣрѣ съ парголовскій парнассъ. Не стану описывать, чего натерпишься въ этомъ плаваніи, когда фрегатъ кладетъ то на одинъ, то на другой бокъ, когда все на немъ такъ и ходитъ взадъ и впередъ, все скрипитъ, трещитъ, и вотъ, того и гляди, развалится. И это пятеро сутокъ, не переставая. Я и трусилъ жестоко, и каялся, что, впрочемъ, предвидѣлъ до начала путешествія, и даже не разъ падалъ духомъ. А мы пробѣжали всего пятую часть одного океана, а ихъ надо переплыть три или четыре. По временамъ находитъ сомнѣніе, выдержу ли я. По ночамъ я валюсь потный, кое-какъ и гдѣ ни попало, днемъ тоже ищу покойнаго угла и не нахожу. Но подивитесь: еслибъ мнѣ теперь предложили воротиться, я едва ли бы согласился.

„За пятидневныя страданія я чувствую себя вполнѣ вознагражденнымъ. До сихъ поръ все еще было холодно, даже тогда, когда мы были на параллели Португаліи и Италіи, но едва только сегодня подошли къ Мадерѣ, какъ солнце начало печь, какъ едва ли печетъ у насъ въ Іюлѣ. Мы всѣ высыпали на палубу: чудный островъ, какъ колоссальная декорація, росъ въ нашихъ глазахъ — и вотъ оно передо мной, все то, что я до сихъ поръ видѣлъ только на картинкахъ, видѣлъ и сомнѣвался. Я чуть не заплакалъ, когда на меня дохнуло воздухомъ, какого легкія мои не вкушали никогда. Я, разумѣется, сейчасъ же бро-

сился на берегъ и, по мѣрѣ того, какъ шлюпка подвигалась къ землѣ, ароматическiй запахъ травъ и цвѣтовъ становился сильнѣе. Адмиралъ, я, старшiй лейтенантъ и маленькiй Лазаревъ обѣдали у консула, который не зналъ, чѣмъ и какъ насъ угостить. Само собою разумѣется, что Мадера всѣхъ сортовъ и цвѣтовъ играла не послѣднюю роль за обѣдомъ и послѣ обѣда; за десертомъ столъ покрылся всевозможными фруктами и цвѣтами: бананы, апельсины и еще какiе-то невиданные и неслыханные плоды красовались вмѣстѣ. Мадера имѣетъ, между прочимъ, ту особенность, что на ней ростутъ и тропическiя и наши сѣверныя растенiя. Я взялъ одинъ цвѣтокъ и сказалъ хозяйкѣ, что вложу въ письмо къ моимъ соотечественницамъ нѣсколько листковъ съ этого цвѣтка. Вдругъ моя португалка (консулъ португалецъ) прыгъ въ садъ и нанесла кучу цвѣтовъ, прося послать нѣсколько листовъ и отъ нея. Я этого не сдѣлалъ, разумѣется, а сказалъ такъ только, чтобъ какъ-нибудь ее поблагодарить за гостепрiимство (она молодая, хорошенькая, блѣдная съ черными глазами и чудесно сложена), но теперь вотъ посылаю вамъ. Но главная часть пребыванiя моего на Мадерѣ ознаменовалась преоригинальной поѣздкой въ горы: консулъ и товарищи мои пустились верхомъ. Я тоже подумывалъ было занести ногу на сѣраго коня, но вспомнивъ, какъ дорого обходились мнѣ такiя поѣздки болью въ ногахъ, остановился въ раздумьѣ, какъ вдругъ хозяинъ предложилъ, не угодно ли мнѣ ѣхать въ паланкинѣ. Весьма угодно — и вотъ явилось двое португальцевъ съ носилками: это нѣчто въ родѣ дѣтской колясочки, и помчались въ горы, между виноградниками, а двое мальчишекъ, изъ которыхъ одинъ болталъ по-французски, а другой по-англiйски, шли по бокамъ. Надо было лечь въ колясочкѣ, и я, воображая всѣхъ васъ около себя, помиралъ со смѣху, а потомъ привыкъ, какъ будто это всегда должно быть такъ. По какимъ мѣстамъ они несли меня, гдѣ я останавливался, что видѣлъ, — всего не опишешь. Скажу только, что еслибъ я больше ничего не увидѣлъ, то было бы и этого помнить всю жизнь. А они говорятъ, что еще у нихъ зима, природа, слышь, мертва и т. п. Что же лѣтомъ, когда я не зналъ, что мнѣ дѣлать въ моемъ суконномъ пальто? Прогулка моя продолжалась пять часовъ, я въѣхалъ съ одной стороны, горы, а воротился по другой.“ [1])

---

[1]) Ср. соотвѣтствующее описанiе въ письмѣ къ Бенедиктову („Фрегатъ Паллада“, т. I, гл. III).

Въ своемъ сжатомъ, но мѣткомъ описаніи острова и его жителей Гончаровъ обнаружилъ обычную способность бѣгло схватывать и крупными, рельефными штрихами очерчивать видѣнное, оттѣняя наиболѣе характерное и въ то же время наиболѣе жизненное. Предметы рисуются такъ ясно и выпукло, такъ рѣзко бьетъ въ глаза солнце и падаютъ тѣни, такъ жизненно набросаны контуры португальцевъ, носильщиковъ, горъ играющихъ съ тучами, растеній и самого Гончарова, совершающаго свой объѣздъ острова въ паланкинѣ, что трудно отдѣлаться отъ впечатлѣнія, будто вся эта картина только разсказана художникомъ, будто читатель не видалъ всего этого самъ, самъ не пережилъ очарованія маленькаго благодатнаго острова. Видимо, душа Гончарова начинала оттаивать отъ холодной скуки его сѣверной родины, начинала забывать пережитыя страданія и вѣчную неудовлетворенность и широко открывалась ожиданіямъ предстоящихъ волненій и радостей.

Пребываніе на Мадерѣ длилось всего лишь одинъ день. Вечеромъ 18-го января отплыли дальше. „Переходъ отъ качки и холода къ покою и теплу былъ такъ ощутителенъ, — писалъ Гончаровъ въ томъ же письмѣ, — что я съ радости не читалъ и не писалъ, позволялъ себѣ только мечтать . . . Мечты опережали корабль. Индія, Манилла, Сандвичевы острова — все это вертѣлось у меня въ головѣ, какъ у пьянаго неясныя лица его собесѣдниковъ.“ [1])

IV.

— Дѣдъ, гдѣ мы теперь? приставалъ Гончаровъ къ штурманскому капитану Александру Александровичу Халезову, общему любимцу фрегата. „Дѣдомъ“ его прозвали потому, что онъ совершалъ уже четвертое кругосвѣтное плаваніе и являлся живымъ справочникомъ всѣхъ морскихъ свѣдѣній и традицій.

— Я ужъ вамъ три раза сегодня говорилъ; не стану повторять, — ворчитъ онъ; потомъ, по обыкновенію, скажетъ.

— Пойдемте, — говоритъ... Вонъ это что? глядите...

— Облако...

— Какъ облако! посмотрите хорошенько: ну, что?

— Туча...

— Эхъ, вы, туча! какая туча? островъ Пальма...

---

[1]) Письмо къ Языкову — см. выше.

— Что вы! Канарскіе острова?

— Какъ же вы не видите?

— Что-жъ дѣлать, если здѣсь облака похожи на берега, а берега на облака! Гдѣ же Тенерифъ? — спрашиваетъ Гончаровъ, „пронзая взглядомъ золотой туманъ и видя только блѣдносиній очеркъ „облака“.

— Не увидимъ, — говоритъ дѣдъ: мы у него на параллели, только далеко...“ [1])

На душѣ у Гончарова было весело и тихо. Океанъ былъ не только спокоенъ, но прекрасенъ. Тропическая зима дарила путниковъ температурой нашего лѣта — въ тѣ дни, когда не слишкомъ жарко, но и не холодно. 22 января пересѣкли сѣверный тропикъ. Гончаровъ отдыхалъ, т. е. лѣнился, шутилъ, описывалъ свои впечатлѣнія отъ береговъ Англіи до Мадеры и снова шелъ на палубу „приставать“ къ кому-нибудь изъ офицеровъ и любоваться моремъ. Онъ только здѣсь начиналъ понимать, что такое „синее море“. „Это не слегка сверху окрашенная вода, а густая яхонтовая масса, одинаково синяя на солнцѣ и въ тѣни.“ Дня черезъ два вдали показались на горизонтѣ острова Зеленаго Мыса, у которыхъ, въ Порто-Прайя на островѣ Сантъ-Яго, рѣшено было сдѣлать кратковременную остановку. Здѣсь въ первый разъ Гончаровъ увидалъ негровъ; въ гавани, между прочимъ, стояли два американскія судна, назначенныя для преслѣдованія торга неграми. Любопытно, что, отмѣчая это обстоятельство въ офиціальномъ журналѣ путешествія,[2]) Иванъ Александровичъ опустилъ строки о борьбѣ съ торгомъ невольниками — въ своемъ дружескомъ письмѣ,[3]) отправленномъ непосредственно послѣ этого: очевидно, цензурная атмосфера крѣпостной Россіи была хорошо знакома ему уже тогда. Острова Зеленаго Мыса произвели на Гончарова впечатлѣніе соннаго царства. „Пріѣзжайте черезъ годъ, вы, конечно, увидите тотъ же песокъ, тѣ же пальмы счетомъ, валяющихся на пескѣ негровъ и негритянокъ, тѣ же шалаши, то же голубое небо съ бѣлымъ отблескомъ пламени, которое — мертвитъ и жжетъ все... А какія картины неба, моря! какія ночи! Пропадаютъ эти втунѣ истраченныя краски, это пролитое на голыя

---

[1]) „Фрегатъ Паллада“, стр. 124. Въ печатномъ спискѣ — „Ализовъ“, но въ оригиналѣ Г-ва ясно — „Халезовъ“.

[2]) Упомянутый выше всеподданнѣйшій отчетъ о путешествіи. „Морской Сборникъ“, 1856.

[3]) Письмо къ Бенедиктову; см. выше.

скалы безконечное тепло! Человѣкъ бѣжитъ изъ этого царства дремоты, которая сковываетъ энергію, умъ, чувство, и обращаетъ все живое въ подобіе камня...“[1]) Несмотря на жару Гончаровъ совершилъ прогулку по острову, подмѣтилъ нѣсколько бытовыхъ черточекъ у негровъ и не безъ внутренняго удовольствія увидалъ, что негры совсѣмъ такъ же, какъ въ нашей провинціальной лакейской, играли въ свои козыри, а негритянки такъ же мало стѣснялись иностранцевъ, какъ наши деревенскія красавицы при появленіи чужого экипажа на улицахъ какого-нибудь села. „То же и здѣсь, — восклицалъ Иванъ Александровичъ, — да и вездѣ, какъ кажется...“[2])

Фрегатъ покинулъ Порто-Прайя на другой день, а три дня спустя, 29 января, онъ вошелъ въ штилевую полосу, охватывающую пространство въ нѣсколькихъ градусахъ отъ экватора. Штили страшнѣе бурь для парусныхъ судовъ, потому что они создаютъ для нихъ томительную неопредѣленность бездѣйствія и грозятъ смертью отъ жажды и голода. Но то, что вызывало у моряковъ досаду и тревогу, для Гончарова являлось источникомъ блаженства и вдохновенія. Самыя лучезарныя, самыя вдохновенныя строки своихъ описаній, равныхъ которымъ, по глубинѣ, нѣжной прозрачности и легкости, по блеску творческаго ясновидѣнія, нѣтъ не только въ его путевыхъ запискахъ но и въ романахъ. Это истинный гимнъ, молитвенная пѣснь океану, солнцу, звѣздамъ, облакамъ и счастью души, ощутившей свою гармоническую связь съ ними въ высшемъ постиженіи красоты. Очарованіе овладѣло имъ такъ сильно, что онъ не могъ удержаться, чтобы не скрасить даже сухого офиціальнаго отчета нѣсколькими не офиціально „теплыми“ строками „Прекрасный колоритъ неба и воды, свѣжій воздухъ и ясные, тихіе, одинъ на другой похожіе дни и великолѣпныя ночи, — все это поддерживало въ офицерахъ и нижнихъ чинахъ бодрость, веселое состояніе духа и охоту къ дальнѣйшему пути.“[3])

Не будь Гончаровъ поэтомъ, врядъ ли въ офиціальномъ отчетѣ могли бы появиться эти скромныя, не дѣловыя строки. Но то, что пережилъ Гончаровъ здѣсь, подъ экваторомъ, въ „штилевые“ дни и ночи, ждало иныхъ описаній, иныхъ красокъ, которыя были доступны только истинному и великому поэту.

---

[1]) „Фрегатъ Паллада“, т. I, стр. 130. — [2]) Ibid., стр. 137. — [3]) Офиціальный отчетъ, „Морской сборникъ“, 1856.

Въ нѣжной задумчивости, въ размягченіи всѣхъ чувствъ и настроеній, повторялъ онъ стихи Бенедиктова:

Пересѣки и тропикъ, и экваторъ,
И отпируй сей праздникъ моряковъ . . . [1])

Экваторъ былъ пересѣченъ 3 февраля, но обычная морская пирушка по этому поводу не состоялась, къ удовольствію Гончарова: она могла бы смутить его настроеніе. Скромно выпили только по бокалу „теплаго“ шампанскаго за здоровье „дѣда“, ветерана южныхъ морей. [2])

За экваторомъ, съ половины февраля, штилевая поэтическая греза Гончарова развернулась длительной, на-яву совершавшейся сказкой. Было тихо и пріятно знойно, такъ легко и беззаботно на душѣ у Гончарова, что порой воспоминаніемъ онъ переносился въ отдаленную русскую деревню. „Встанешь утромъ, никуда не спѣша, съ полнымъ равновѣсіемъ въ силахъ души, съ отличнымъ здоровьемъ, съ свѣжей головой и аппетитомъ, выльешь на себя нѣсколько ведеръ воды прямо изъ океана и гуляешь, пьешь чай, потомъ сядешь за работу. Солнце уже высоко; жара палитъ: въ деревнѣ вы не пойдете въ этотъ часъ ни рожь посмотрѣть, ни на гумно. Вы сидите подъ защитой маркизы на балконѣ, и все прячется подъ кровъ, даже птицы, только стрекозы отважно рѣютъ надъ колосьями . . .“ [3])

Главное для Гончарова — плаваніе совершалось спокойно, въ уединеніи отъ цѣлаго міра, въ теплѣ и въ сіяніи солнца. Чернильница и бумага оставались неподвижны на столѣ, какъ на сушѣ. Никуда не надо было торопиться, ни о чемъ заботиться. Можно было безконечно длить очарованіе дремоты и грезъ, можно было жадно впивать въ себя наслажденіе покоемъ. Можно было окутывать воспоминанія такой сказочной поэзіей и теплотой, какая бываетъ возможна только въ минуты высочайшаго поэтическаго экстаза. Въ этомъ состояніи духа — оно, кажется, никогда и нигдѣ не повторялось у Гончарова, — ему захотѣлось излить накипѣвшее образами сердце въ письмѣ человѣку, который былъ бы не только другомъ, но и поэтомъ, способнымъ раздѣлить всю мощь и глубину творческаго восторга. И онъ обратилъ свои поистинѣ вдохновенныя строки къ В. Г. Бенедиктову, котораго любилъ и какъ человѣка и какъ поэта.

[1]) См. выше. — [2]) „Фрегатъ Паллада“, т. I, стр. 140—141. — [3]) Ibid., т. I, стр. 144.

„Гдѣ вы, гдѣ вы, Владиміръ Григорьевичъ? Плывите скорѣй сюда и скажите, какъ назвать этотъ нѣжный воздухъ, который, какъ теплыя волны, омываетъ, нѣжитъ и лелѣетъ васъ, этотъ блескъ неба въ его фантастическомъ неописанномъ уборѣ, эти цвѣта, среди которыхъ утопаетъ вечернее солнце? Океанъ въ золотѣ или золото въ океанѣ, багровый пламень, чистый, ясный, прозрачный, вѣчный, непрерываемый пожаръ безъ дыма, безъ малѣйшей былинки, напоминающей землю. Покой неба и моря — не мертвый и сонный покой: это покой какъ будто удовлетворенной страсти, въ которомъ небо и море, отдыхая отъ ея сладостныхъ мученій, любуются взаимно въ объятіяхъ другъ друга. Солнце уходитъ, какъ осчастливленный любовникъ, оставившій долгій, задумчивый слѣдъ счастья на любимомъ лицѣ.“ [1])

За неподражаемымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ описаніемъ облаковъ слѣдовала другая, столь же вдохновенная, столь же незабываемая картина тропической ночи и Южнаго Креста. Чувствуется, что въ тѣ творческія минуты, когда Гончаровъ горѣлъ поэтическими образами своего письма, вокругъ царило ночное безмолвіе, и ничто не стояло между нимъ и его душой, опьяненной красотой и вдохновеніемъ. Никакая житейская суета не вторгалась, и даже изъ воспоминаній выплывали немногія, но самыя яркія, тихія картины покоя послѣ пережитой страсти, не бурной, но вѣющей на душу тепломъ и нѣгой.

„Солнце не успѣло еще догорѣть, вы не успѣли еще додумать вашей думы, а оглянитесь назадъ: на западѣ еще золото и пурпуръ, а на востокѣ сверкаютъ и блещутъ уже милліоны глазъ: звѣзды и звѣзды, и между ними скромно и ровно сіяетъ Южный Крестъ. Темнота, какъ шапка, накрыла васъ, острова, башни, чудовища — все пропало. Звѣзды искрятся сильно, дерзко, и какъ будто спѣшатъ пользоваться промежуткомъ отъ солнца до луны, ихъ прибываетъ все больше и больше, онѣ проступаютъ сквозь небо. Та же невидимая рука, которая чертила воздушныя картины, поспѣшно зажигаетъ огни во всѣхъ углахъ тверди и — засіялъ вечерній пиръ. Новыя силы, новыя думы и новая нѣга проснулись въ душѣ. Опять, какъ вчера, она ищетъ въ огняхъ — разума, жадно читаетъ огненныя буквы и порывается туда . . .

---

[1]) Ibid., т. I, стр. 149.

„Южный Крестъ... Случалось ли вамъ (да какъ не случалось поэту!) вдругъ увидѣть женщину, о красотѣ, граціи которой долго жужжали вамъ въ уши, и не найти въ ней ничего поражающаго? — „Что же въ ней особеннаго?“ — говорите вы, съ удивленіемъ всматриваясь въ женщину: — „она проста, скромна, ничѣмъ не отличается...“ Всматриваетесь долго, долго, и вдругъ чувствуете, что любите уже ее страстно. И про Южный Крестъ, увидя его въ первый, второй и третій разъ, вы спросите, что въ немъ особеннаго? Долго станете вглядываться и кончите тѣмъ, что съ наступленіемъ вечера, взглядъ вашъ будетъ искать его перваго, потомъ, обозрѣвъ всѣ появившіяся звѣзды, вы опять обратитесь къ нему и будете почасту и подолгу покоить на немъ ваши глаза.

„Наступаетъ, за знойнымъ днемъ, душно-сладкая, долгая ночь, съ мерцаньемъ въ небесахъ, съ огненнымъ потокомъ подъ ногами, съ трепетомъ нѣги въ воздухѣ. Боже мой! Даромъ пропадаютъ здѣсь эти ночи: ни серенадъ, ни вздоховъ, ни шопота любви, ни пѣнья соловьевъ! Только фрегатъ напряженно движется и изрѣдка простонетъ, да хлопнетъ обезсиленный парусъ или подъ кормой плеснетъ волна — и опять все торжественно и прекрасно = тихо.“ [1])

Да, Гончарову не могли разсказать всего этого ни карты, ни англичане, ни его учителя: говорило, но и то, какъ скромно замѣчалъ онъ, „блѣдно и смутно“, только одно нѣжное поэтическое чувство, еще ребенкомъ манившее его къ этимъ волнамъ и звѣздамъ. Но какъ терялись передъ этой „блѣдностью“ и „смутностью“ холодныя, прозаическія строки дружескаго посвященія Бенедиктова, которымъ Гончаровъ заключалъ свое письмо:

И ты свершишь плавучіе наѣзды
Въ тѣ древнія и новыя мѣста,
Гдѣ въ небесахъ другія блещутъ звѣзды,
Гдѣ свѣтъ ліетъ созвѣздіе Креста...[3])

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Евг. Ляцкій.

[1]) Ibid., т. I, стр. 152, 3. — [2]) См. выше.

Masaryk a česká literatura.

Chci touto statí oživiti Masarykovy zásluhy o českou literaturu. Masaryk filosof a v posledních desítiletích zejména politik zatlačil do pozadí své snahy o povznesení české literatury z prvních let svého působení u nás. Mladší generace zná ještě Masarykovy práce, v nichž sleduje ideový vývoj české literatury. Ale jistě málo je těch, kteří poznali Masaryka jako kritika současné české poesie. Kdo ji může dnes stopovati po časopisech od let osmdesátých minulého století! Až vyjde v souborném vydání — jednou snad k tomu přece dojde —, překvapí svým rozsahem, plodnými podněty a svou životností i ty, kdo ji v mladších letech zažívali v tehdejším našem životě duchovním. Zatím má s touto Masarykovou činností seznámiti tento článek.

I.

Masaryk organisátorem vědecké práce a mravním obroditelem.

Jsem z první čety Masarykových žáků. Studie universitní jsem ukončil r. 1887. Tehdy právě Masaryk rozvíjel horlivou činnost nejen na universitě, ale i v širší vědecké veřejnosti. Již tehdy i naše noviny často uvádějí jméno Masarykovo, důkaz to vzrůstajícího významu jeho. Bylo za tehdejší doby štěstí, že k nám Masaryk přicházel z cizího prostředí. Tam mohl snáze nabýti světového rozhledu — zejména pobyt v Lipsku byl pro něho důležitý; odtud se také jeho bystrému postřehování zjevněji objevovaly naše nedostatky a potřeby. Roku 1882 byl Masaryk z Vídně jmenován profesorem české university, toho roku obnovené.

Masaryk na nás působil svou světovostí. Jeho světovost se projevovala v jeho ohromujícím vědění, v jeho názorech i ve vědných oborech, které rozvíjel před svými posluchači. K předmětu uváděl literaturu nejen českou a německou, nýbrž také spisy anglické, francouzské, ruské, věci za tehdejších dob hodně nezvyklé.

Masarykovy přednášky se lišily i v těch předmětech, které přejímal jako ustálené. Jaký to byl rozdíl choditi na praktickou

filosofii k Durdíkovi a k Masarykovi! Na jeho praktické filosofii nebylo nic tradičního, on pojal svůj předmět úplně originálně a zajímavě. Nevyhýbal se otázkám nejaktuálnějším, čerpal ze skutečného života a dával nám vědění pro skutečný život.

Masaryk dovedl posluchače pro svou vědu zaujmouti. Horovali jsme na př. my filologové pro sociologii v nejširším jejím rozsahu, protože nám tu vědu přednášel a psal o ní Masaryk. Kdo jsme s ním přišli do osobního styku, působil na nás individuálně v oboru, jejž jsme chtěli právě studovati. Mně na př. Masaryk otvíral cestu k cizím literaturám a novým methodám literárně-historickým, poukázal mi k Tainovi, k Sainte-Beuvovi, k anglickým literárním historikům, kterých jsem bohužel, neznaje anglicky, nemohl studovati. Jako mně, dařilo se zajisté také jiným studentům z jiných oborů. Další cestu jsme si hledali již sami. Nezameškal žádné vhodné příležitosti, aby nás povzbuzoval ku práci. Nejúčinnější pobídku jsme měli v jeho vlastním příkladě.

Širšímu vzdělanstvu neuniversitnímu se vědecké působení Masarykovo objevilo jednak v jeho spisech, zejména uveřejňoval kratší studie v Gollově a Hostinského »Sbírce přednášek«, jednak v odborném kritickém časopise vědeckém »Athenaeum«, založeném a vedeném Masarykem. Vycházelo od podzimu 1883; časopis, jakého jsme do té doby neměli. Český čtenář měl jím dostati co nejúplnější obraz vědeckého vývoje u nás i v cizině. Nechci oceňovati význam tohoto časopisu, zasloužil by jistě zvláštního článku. Zmiňuji se jen o tom, čeho mi třeba k dalším vývodům.

Novost podniku, otevřenost a odvaha v kritikách, rozumí se, tehdy narazily na odpor u většiny posavadních časopisů. Redaktor byl nucen hájiti svého postupu; »veřejné i privátní projevy literární surovosti«, jak je charakterisoval v jedné polemice, odbýval mlčením. Ukazoval zejména také na to, že jeho časopis nejen podává poučení, nýbrž »i nabádati chce k práci vědecké a buditi v širších kruzích onen interes pro vědu, bez kterého práce vědecká stává se nemožnou« (str. 121.).

»Athenaeum« podává především obraz o všestrannosti a obrovské pracovitosti Masarykově. Do dvou prvních ročníků redaktor uložil více než šedesát kritik a referátů o knihách českých, německých, francouzských, anglických, italských, polských a ruských. A k tomu sestavoval ještě bohaté rozhledy po časopisech, vydávaných v týchž jazycích. Od druhého ročníku místo toho »Athenaeum« podávalo články. Psal o spisech filosofických v nejširším rozsahu: o dějinách

filosofie, o psychologii, o logice, o metafysice, ethice, esthetice, hlavně však o sociologii theoretické i praktické — všímal si na př. již dělnické otázky, hygieny a p. — o paedagogice, ethnografii a anthropologii, o politice, o dějinách vzdělanosti; po sociologii rozbírá nejvíce spisů, které se obírají filosofií náboženskou v nejširším smyslu. Budoucí činnost Masarykova jeví se tu v neúmorné přípravě. Soustavný obraz Masarykovy vědecké všestrannosti podávali nám jeho »Základové konkretné logiky«, 1885.

*

Masaryk neustává přemýšleti o našich nezbytných potřebách osvětných. Jeho životní a pracovní energie pudí ho vždy k tomu, aby své návrhy sám také uváděl v činy.

Vhodné příležitosti užívá k tomu, aby sloužila jeho ideálním záměrům. Počátkem r. 1885 se chopil tisíciletého jubilea slovanských věrozvěstů Cyrilla a Methoděje, aby uskutečnil svou myšlenku o vydávání starých českých spisů náboženských. Tuto potřebu si uvědomoval již také Palacký a učinil k tomu důležitý krok vydáním Husových Dokumentů. Masaryk navrhl, aby byl zaražen »Spolek pro vydávání písemných památek náboženského a církevního vývoje národa českého«. Že Masaryk o tomto záměru již dříve přemýšlel, můžeme doložiti z jeho prací. Uvádím význačné místo z jeho prvního českého spisku, uveřejněného v Praze, »Blaise Pascal« (ve »Sbírce přednášek«, 1882, str. 34.): »Na Pascalu lépe než na kom jiném studovati můžeme vyprošťování ducha nového z auktority a konkretněji řečeno, vývoj protestantismu z katolicismu. Co krok ten u vývoji ducha lidského znamená, my Čechové, učinivše ho dříve jiných, nejlépe měli bychom rozuměti; my měli bychom ve vzpomínce na hranice kostnické, na boje naše s Římem a na úpadek svůj nejlépe rozuměti, jak závažný ten krok byl a nesnadný. Z Pascala zajisté vidíme, jak duch lidský jen s tíží vymanil se z řádu zvykem odvěkým posvěceného a jak trudno je budovati jednotný názor o světě důsledný, který co do soustavnosti, byť umělé, rovnal se, najmě praktickými důsledy, názoru katolickému. Toho všeho pokolení naše snadno zapomíná — nerozumíme svým: Husovi, Chelčickému — tím méně ovšem Pascalovi.«

Vydáním náboženských českých spisů Tomáše ze Štítného, Matěje z Janova, spisů Husových, Chelčického, Rokycanových a j. měli jsme, jak míní navrhovatel, »odčiniti konečně, co zameškali jsme, a vydáním všech těch památek dokázati jiným i — samým

sobě, že národ český vezdy veliké měl ideály a šlechetné tužby, dokázati světu, že místa, které míti chceme v řadě národův osvícených, dávno a dávno sobě jsme zasloužili. Národové větší váhu mají tím, co byli, než co jsou, neboť jsou a býti mohou jen tím, co byli.« Čeští čtenáři takto mají nabýti poučení, pověděl náš spisovatel jinde (Athen. II, 1885, str. 155.), že »nebyla historie otců našich pouhým bojem fysickým, jak zdá se posud tak mnohým, kteří pro hmotu s to nejsou vniknouti v onen mravní a myšlenkový svět, jehož, abychom tak řekli, nejpádnějším symptomem byli onino bojové, kterých posud k nevelikému prospěchu národa sobě výlučně vzpomínáme.«

Masaryk svou myšlenku hned také podepřel činem: věnoval k tomu účelu 1000 zl., peníz, pro jaký se tehdy jiní již dávali vyhlašovati za mecenáše národa. A ještě účinnějším prostředkem byla jeho práce, kterou chtěl zamýšlenému spolku věnovati; stalť se jeho jednatelem, jeho duší. Ohlášení o tom přineslo »Athenaeum« II (v dubnu, str. 223 n.) a »Provolání spolku« (v červenci 1885, str. 319 n.). Třeba že stáli v čele spolku mužové, jako Goll (předseda), Gebauer, Emler, Kalousek, Rezek, Kaizl, V. Vlček a j., myšlenka nedošla dosti pochopení. Husův národ zůstal ku »Provolání spolku« hluchý. Nesebrala se ani polovice sumy, kterou věnoval tomuto účelu zakladatel spolku sám. Nastalé boje rukopisné učinily další trvání spolku nemožným.[1]) A ještě po deseti letech uznává Masaryk pořád ještě potřebu vydávati spisy Husovy, Chelčického, Komenského, Matěje z Janova a j. za naléhavou (v České otázce, str. 175.). Od té doby k tomu také již došlo.

Od počátku své působnosti v českém národě Masaryk kladl důraz na to, abychom věnovali více pozornosti aktuální přítomnosti a potřebám literatury současné, nežli posud. Činil tak ve svých statích, v přednáškách i v ústních rozhovorech. Soustavně své myšlenky o tom vyložil v návrhu, který vzbudil u českých vzdělanců veliký zájem a souhlas, »Jak zvelebovati naši literaturu náukovou?« (Athenaeum II, 1885, str. 270 n. a III, 76 n.) Na tu práci se skoro již zapomnělo. Proto při ní meškám poněkud déle.

Plasticky vyčítá Masaryk nedostatky naší literatury vědecké. Student na vysokých školách, právě tak jako odborník kteréhokoli vědeckého odvětví se neobejde bez cizí literatury, u nás hlavně německé. »Ze všech věd u nás jediná, abych tak řekl, znárodněla,

---

[1]) Podrobněji psal o »Masarykovu podnětu k vydávání památek náboženského vývoje« dr. Josef Pešek ve sborníku »T. G. Masarykovi k šedesátým narozeninám«, 1910, str. 112 n.

totiž dějiny, jak z politických příčin ani jinak býti nemohlo. Avšak toliko dějiny české . . .«

Aby nedostatky naší vědecké literatury byly odstraněny, Masaryk žádá, »abychom na celé čáře počali pracovati soustavně a promyšleně«. Organisace české vědecké práce, odůvodňuje navrhovatel v dodatku (Athen. III, 76.), má nám nahrazovati nedostatek českého ministerstva osvěty.

Té doby bylo čítati jak po básnících, tak i po vědeckých spisovatelích častý požadavek poesie i vědy národní. »A co je po vědě, nesloužící národu?« opětuje náš auktor běžnou otázku současných novinářských i časopiseckých kritik. Masaryk přiznává povinnost českého vědce jako každého Čecha, starati se o národ, »jen že smí vědec ten o prostředku, který národu má prospívati, míti své náhledy, snad odchylné od toho, co obyčejně od neznalců se vyžaduje.« A docela havlíčkovsky odůvodňuje své mínění: »Obohatí-li český vědec vědu skutečně a vydatně, domácí literatuře prospívá právě v tom speciálném oboru a uznáním celého světa vzdělaného i politicky pro národ více učiní, než tisíce jiných, kteří pro národ jen — mluví.«[1])

Není-li možná brzy čekati dobré knihy původní, nutno sahati ku překladům a zpracováním dobrých knih příručních cizích, jak to dělají Francouzové, Angličané, Němci a Rusové. »Bolno je viděti, že z těch nejslavnějších děl všech dob a národů skoro nic nemáme přeloženo: jak mají veliké myšlenky vnikati v národ, jak jinak máme zabrániti, abychom nestali se malichernými a všedními?« Překlady by prospěly zejména také odborným spisovatelům, kteří by ve vlastním oboru mohli čísti po česku; stali by se češtějšími. Masaryk jako příchozí z cizího prostředí, ve kterém jeho myšlenkový obzor tkvěl po mnoho let, poznával sám na sobě, jak nesnadno mu bylo psáti o věcech, ke kterým měl literaturu pouze v jazycích cizích.

Vedle překládání a vzdělávání vynikajících spisů cizích Masaryk navrhuje ještě deset jiných prostředků na zvelebování naší literatury naukové. Z nich nyní zajímá požadavek české akademie věd a umění. Navrhovatel pojal moderně, oč se pokoušeli naši buditelé Maticí Českou, co před ním navrhoval již Purkyně. Masaryk měl na

---

[1]) Při zpracovávání látky se mi dařilo jako Masarykovi, když psal spis o Havlíčkovi: hodně se dokládám jeho vlastními slovy. Mnohé výroky Masarykovy mají tak živý vztah k dnešní době, že je radno podávati je doslovně; mohloť by vzniknouti domnění, že jsem příliš modernisoval podle nynějšího stavu. Hojnějších citátů bylo třeba také proto, že práce, jež rozbírám, jsou většinou posud roztroušeny jen po časopisech; některé z nich jsou přístupny již jen ve veřejných knihovnách. Nad to je papír »Athenaea« i »Času« tak chatrný, že se listy někdy rozpadávají v ruce.

mysli ústav, který by spojoval vědce i umělce, »aby tak všecek náš život duchový v akademii nalézal svého orgánu« (Athen. III, 78.). Týž důvod rozhodl také při nynější reorganisaci České akademie, že zůstaly vědy i umění pohromadě jako celek. Zejména pro vědeckého pracovníka jeví se nezbytným, aby v akademii našel oporu pro své snahy vědecké. Plasticky vypisuje Masaryk žalostné poměry pro odborného spisovatele uprostřed let osmdesátých — zřejmo z vylíčení, že je auktor zakusil sám na sobě. Naši odborníci svých spisů nemohou tisknouti, nepíší-li pro potřeby školské. »Vědec náš takto žíti musí mimo národ svůj, smí si, je-li profesorem, odbaviti své přednášky, může se kochati v cizím světě myšlenkovém, — ale národ o jeho myšlenky nestojí.« Učenec po dlouhém marném usilovném hledání, jak by mohl svou knihu vydati v mateřském jazyce, je nucen uchýliti se s ní k národu cizímu. »Za to učenec náš zítra v našich novinách uvidí se na proskripční listině... Máš to, »národe«, mezi svými učenci nezdárné syny! Ale je pravda: uzná-li svět nějakou práci českou, v témž listě pozejtří o uznání tom také se dovíme a »národ« smí se z toho těšiti.« —

Masarykův názor, jaký má o úkolech budoucí České akademie, je ještě po třiceti pěti letech životný: Akademie musila by býti skutečně česká, »orgánem našich vědeckých tužeb«. Taková akademie by se nestarala jen o spisy odborné, hlavně monografie, ale zejména také, aby české obecenstvo, především studentstvo, dostalo co nejdříve do rukou potřebné knihy učebné. »Nemysliž nikdo, že akademie nad takovou starost je povýšena! My máme zvláštní potřeby.« Zejména jsou to potřeby vyšší školy. »Nemylme se: české vysoké školy bez České akademie jsou nemožny.« K České akademii »není však pouze peněz potřebí, ale hlavně obezřelého vedení a hledání toho, co národ potřebuje.«

Mezi deseti návrhy Masarykovými návrh české akademie vzbudil nejsilnější ohlas; psalo se o něm v časopisech i v novinách. »Athenaeum« (v III. ročníku; s obměnou v roč. V.) samo uveřejnilo o tom diskusi, které se zvláštními články účastnili Ant. Rezek a Aug. Seydler. Redaktor sám se k svému návrhu vrátil a propracoval bod o české akademii v novém samostatném článku, kde podal konkretní požadavky, podle nichž by nový ústav vědecký měl býti řešen. Po pěti letech byla myšlenka, důrazně a přesvědčivě odůvodněná Masarykem, mecenášským činem Hlávkovým uvedena v život. Ovšem navrhovatel a důmyslný obhájce její se členem nově založené české akademie nestal; nebyl do ní volán ani za dalších skoro třicet let.

Za třetí naléhavý požadavek české literatury odborné Masaryk pronáší nový naučný slovník, u nás potřebnější nežli v literaturách světových.

V šesti bodech se navrhovatel rozpisuje o potřebě odborných časopisů vědeckých, na něž by bylo třeba klásti požadavky vyšší, a to časopisů, jež by byly věnovány všeobecným potřebám osvětovým, jeden o našich věcech domácích, jiný o tom, co se děje ve vědeckém světě. Bylo by třeba zvýšiti úroveň také listů politických: »V literatuře tak skrovné, jako v naší, každý kousek papíru popsati a potisknouti se má v upřímné snaze, čtenáře povznésti a vzdělati . . . Právě denní listy buditi mají ve velikém množství interes živý pro skutečné poučení a vzdělání a rozumně připravovati národ pro politickou činnost. Dá se arciť politisovati i beze vzdělání, ale nezdárně.« Kromě toho Masaryk za nezbytnou potřebu pokládal vědeckou revui v světové řeči o českém životě, nějakou »Böhmische Revue«. Jí bychom měli »hájiti před světem práva svá jazykem cizím. Naše vědecká práce jako všecko, co děláme, je z velké části, byť i nepřímo, prací politickou.« V časopisech i v novinách bylo by nutno pěstovati přísnou kritiku jak vědy, tak i české beletrie, jejíž význam navrhovatel pro náš národní život hluboce chápe.

Tuto činnost literární by ještě měla doplňovati činnost živým slovem. Odborné přednášky měly by se pořádati v cyklech po větších městech venkovských. Osvětovou činnost by doplňovalo usilovné zakládání knihoven.

Mládeži spisovatel klade na srdce, aby se všestranněji vzdělávala v řečech světových, kterými se lze státi účastníkem velikých literatur světových.

Okřídleným slovem stal se Masarykův duchaplný výrok, kterým v tomto článku odůvodňoval požadavek druhé university české. »Kdo zná život vysokých škol, dá mně (za pravdu), že máme-li míti jednu universitu, potřebujeme dvě.«

Z posledního odstavce památného článku zasluhují zmínky některé myšlenky, které posud neztrácejí životnosti a pro smýšlení Masarykovo jsou význačné: »Nebojím se toho, že národ náš jest malý... Jen větší interes pro vědeckou práci!« Na vědecké potřeby národa mají pamatovati zejména jeho vedoucí činitelé; představiteli národa měli by býti lidé, kteří rozumějí věci... »a právě ten politický stav na vědu naši vliv má veliký.« Potřeby naše osvětné mají býti dobře hájeny na místech rozhodujících (ve Vídni).

»K tomu konci potřebujeme poslance vzdělané, kteří by potřeby naše vědecké a školské zvláště měli na starosti. To však nestane se, pokud poslanectvo neuzná potřebu dělby a organisace práce, pokud nebudou zasedati v politických poradách znalci vzdělaní a celá akce politická řízena nebude vyšším a celkovým plánem, jehož přirozenou jednou částí bude starost o vznešené cíle školství a literatury náukové.«

Masarykův reální smysl můžeme posouditi z toho, že všecky jeho návrhy z r. 1885 skutečně byly provedeny. Pokud byly některé z nich pronášeny u nás již před tím, zůstávaly pouhými tužbami. Masaryk jim dodal životnosti, že se o jejich uskutečnění také sám zasazoval se vší svou energií. To už byl jeho způsob, že za myšlenkou, kterou uznal za dobrou, ihned u něho následoval také skutek. Takto se celý jeho život stává činem, činem krásným, protože je budován na ušlechtilých zásadách a velkých ideálech.

Tak hned v prvním bodu svého programu o překládání důležitých a pro náš osvětný život potřebných spisů navrhovatel ohlašoval sám v poznámce (str. 273): »Co překladů se týká, mohu ohlásiti, že o věci té se již vyjednává a pracuje. Redaktor těchto listův ochoten je prostředkovati v té příčině, aby snad neudělaly se dva překlady téhož spisu a pod.« Svým žákům, znalým cizích řečí (Rud. Brejchovi, Fr. Reichlovi, později zejména Bř. Foustkovi a j.) rozděloval Masaryk úkoly, byl jim při práci rádcem i pomocníkem, na konec vykonané dílo sám revidovával. Takové překlady přinášelo »Athenaeum« (redaktor se tu řídil příkladem hlavně ruských časopisů odborných). Později (od r. 1895) myšlenku Masarykovu uvedl v plném rozsahu v život nakladatel Jan Laichter »Výborem z nejlepších spisů poučných«. V Masarykovi měl účinného organisátora, rádce a vlastně s počátku i duši svého podniku. Podnětu Masarykova uchopil se také redaktor Josef Pelcl v »Knihovně Rozhledů«.

Nakladatel J. Otto jal se uskutečňovati myšlenku nového naučného slovníku; navrhovatele získal za hlavního redaktora. Kdo mohl vésti úspěšněji tento rozsáhlý podnik, nežli budovatel soustavy všech věd, odborný znatel tolika oborů vědeckých, duch, který se tak snadno vpravoval do každé i vzdálenější mu vědy! On hned práci zorganisoval: maje zkušenosti a znalosti osob již z redigování »Athenæa«, vyhledal si a přijímal stálé členy redakce, připoutal k velikému podniku přední spisovatele ze všech oborů, sám sobě ponechal řízení a revisi vší práce. Nastalé boje rukopisné s tohoto důležitého místa Masaryka vypudily, jistě na újmu podniku samého.

S odbornými časopisy se Masarykova myšlenka v té podobě, jak si ji představoval, neuskutečnila. Zatím však obojí úkol, revui našeho osvětného snažení aspoň v oborech vědeckých a seznamování s tím, co se dálo ve světě, převzal redaktor »Athenaea« sám. Později pokusil se o takový přehledný časopis Jos. Pelcl v Chrudimi; vydával »Rozhledy«. Když »Athenaeum« zaniklo, bylo ponecháno navrhovateli samému, aby svůj plán uvedl v život v kritické revui »Naše doba«. Také pokus o kritický list rázu novinářského, který by se vyšvihl na vyšší úroveň kulturní, vyšel od Masaryka a od jeho přivrženců. Byl to proslulý »Čas«, jehož vznik urychlily boje rukopisné. Čtrnáctideník po dvou letech vzrostl v týdeník a stal se orgánem politickým. Jeho síla byla v neúprosné kritice a potom v tom, že obraz českého života kulturního převažoval i při obsahu politickém. Jest odleskem ducha Masarykova; kolik je osobní práce Masarykovy a práce jím podnícené v těch 28 ročnících, mohl by vyložiti jen stálý redaktor jeho, Dr. Jan Herben. O vědeckou revui v cizí řeči, německé, pokusil se horlivý stoupenec Masarykův, prof. Arn. Kraus, svou »Čechische Revue« až r. 1906. I přednášky také po českých městech venkovských vzkvetly; zakládání pak knihoven, jak asi tanulo na mysli navrhovateli, plnou měrou provádět bere si za krásný úkol náš mladý stát.

Masaryk sám také nejvyšší měrou uskutečnil svůj požadavek z r. 1885 »poslanců vzdělaných, kteří by poměry naše vědecké a školské měli zvláště na paměti«, když sám po šesti letech vstoupil na říšskou radu. Památné jsou jeho řeči o českých věcech kulturních, zejména také obhájení požadavku druhé university, který on první pronesl prozíravě již r. 1885. Podrobněji rozvedl své myšlenky o tomto thematě také v samostatném článku »Druhá universita« (v N. Době I, 1894, str. 672 n.). Pronáší tu zároveň požadavek druhé techniky české i vysokého učení zemědělského.

Masaryk však se pokusil také o kritiku české beletrie, kterou stanovil jako jeden ze svých požadavků ke zvelebování naší literatury. Této činnosti věnuji dále zvláštní odstavec. On již r. 1887 myslí na budoucí naši národní obrazárnu (Čas I, 51.).

Myšlenka organisovat naše osvětné potřeby Masaryka provází celým jeho životem. Je to význačný rys jeho reformátorské bytosti. Českému studentstvu vytkl práce a úkoly r. 1889 ve vřelém a nabádavém článku: »Několik myšlenek o úkolu českého studentstva« (v »Časopise českého studentstva« 1889). Rozvádí tu některé podněty, které přednášíval ústně a o kterých činil zmínky

také ve svých článcích. Organisaci naší duchovní práce, zejména také činnosti politické, nastínil ve význačných rysech v »České otázce« (str. 175 n.) a vlastně se nemůže říci skoro o žádné jeho práci, že by nenabádala k nějakému podstatnému úkolu životnímu; odtud ta aktuálnost jeho spisů a statí. Čteme-li je v souvislosti, podivujeme se v nich Masarykovu vyvinutému smyslu politickému již od prvních jeho prací. On ze sebe sám tvoří politika. Vyvíjel se tu znenáhla a tuhou prací. Pamatuji se na př., že na podzim r. 1898 se účastnil národohospodářského kursu, pořádaného na české technice a byl účastníkem nad míru pozorným a horlivým. A to byl již slavený muž, skoro padesátiletý, universitní profesor a politik! Nevím, našel-li by se v českém národě druhý muž, veřejně činný, který by v tom chtěl Masaryka následovat.

*

Masaryk se rychlými kroky dostával v čelo našeho života kulturního. Vedení jeho mu zajišťovaly podivuhodný rozhled a všestranná činnost vědecká, bystrost, síla morální, energie a neohroženost v posavadních bojích a pevnost v provádění promyšlených plánů.

Nechci rozváděť myšlenku, jak by se byl býval vyvinul kulturní stav, kdyby byly Masarykovi poměry u nás dovolily klidný vývoj v posavadním postupu — byly by to úvahy neplodné. S bezpečností lze však tvrdit, že by byl Masaryk jistě za krátko stál v čele našeho osvětného života jako jeho organisátor, kdyby bylo nedošlo k bojům rukopisným. Bez bojů by se bylo jeho působení neobešlo; stályť proti sobě dva světy: ustálené názory pohodlných učenců a vzdělanců »starovlasteneckých« — tím výrazem jsme v osmdesátých letech označovali vlastenecké reakcionáře — a nejmodernější názory pokrokové. Takové boje byly by se dostavily tak nezbytně, jako se Masaryk později musel rozejít s politickým vedením mladočeským, jako se musel postavit proti veřejnému mínění pro Hilsnerův proces.

Spory rukopisné Masarykovu vůdčí úlohu zúžily na stranu výboje, na stranu kacířů, a právě tím se na budoucnost utvrzoval jeho význam. Po všech těch bojích se vedoucí činitelé českého národa poměrně brzy zase s Masarykem smiřovali, protože bývali přemáháni jeho silou kulturní, jeho činorodými snahami, pevností přesvědčení a povahy. I oni poznávali, že by bez něho náš osvětový život byl ochuzen. Již od let studentských mu jeho svědomí kázalo stavět se proti moci, byla-li proti pravdě a spravedlnosti: již na gymnasiu bojoval proti neomylnosti papežské, jako stařec proti násilné moci celého mocnářství.

Historie rukopisného sporu je v celku v živé paměti, nebudu ji zde rozváděti.[1]) Jde mi jen o to, vytknouti účast Masarykovu a jeho pojetí otázky rukopisné, pokud souvisí s celým vývojem jeho osobnosti.

Byla to jistě hlavně Masarykova nebojácnost a neohrožená pevnost, pro kterou prohnaný, pletichářský profesor Kvíčala, tehdy nejvlivnější činitel na celé universitě, přál si míti otázku rukopisnou probojovánu v »Athenaeu«, ačkoli sám byl redaktorem »Listů filologických«, kam by články proti Rukopisům svým hlavním obsahem byly náležely.

Své důvody, zejména své stanovisko mravní Masaryk vytkl důrazně ve svém listu prof. Gebauerovi, datovaném 18. ledna 1885. (Jest uveřejněn v »Athenaeu« III, str. 164 n. Srovn. i »Doslov« str. 448—9.) Bylo to po tom, když Gebauer vyložil své pochybnosti o pravosti domnělých staročeských básnických památek v článku o Rukopise Královédvorském v německé Ersch-Gruberově »Všeobecné encyklopaedii.« Byl za to neurvale napaden M. Hattalou v »Národních listech« ze dne 16. ledna 1886. Uvedu některé z Masarykových argumentací, proč si přeje míti důkladně a definitivně prozkoumány oba Rukopisy, Královédvorský a Zelenohorský. Objevuje se v nich plně povaha Masarykova a jeho názory vědecké. Vyšetření jejich »v zájmu pravdy dávno očekávám . . . I pravím tedy, že nynější stav kontroverse nesrovnává se se ctí naší ani s pravdou a že doma i v cizině velmi si škodíme« . . . »Kde to žijeme, že lidé, kteří surovost a nevědomost svou skrývají za praporem národnosti, veřejně mohou vynadati každému, kdo přede vším a ve všem o pravdu stojí z nejlepšího zajisté vlastenectví? . . . Pochybnost a nejistota nedá se dle nynějšího stavu věci zaplašiti ani komandem, ani kaceřováním a nejméně nadávkami! . . . Pochybnosti však, pravím, jsou veřejným tajemstvím, a v tom tkví to nešťastné augurství!« Po té pisatel uvádí své důvody proti pravosti obou památek. Dotýká se také námitek proti některým cizincům (na př. palaeografu Wattenbachovi, ba i proti slavnému slavistovi Miklosichovi a j.), že prý ze zaujatosti nebo bez důvodu zamítají naše památky. To právě dokazuje, že u nás není soudcem věda, nýbrž něco jiného. »Stíhejme všelikou lež my, pak nebudeme potřebovati pomoci Němců — posud, bohužel, jí potřebujeme« . . .

[1]) O stavu otázky rukopisné v letech osmdesátých, o vzniku rukopisného boje za vedení Masarykova psal Josef Hanuš v památníku »T. G. Masarykovi« k šedesátým jeho narozeninám 169 n., dále J. Vančura, tamže, 117 n., a opět Hanuš, »Poslední boj o Rukopisy.« (K Masarykovým sedmdesátinám) v Nov. Athenaeu II., str. 1 nsl.

»Nepochopuji, jak někdo tvrditi může, že čest národa vyžaduje obhájení Rukopisů! Čest národa vyžaduje obhájení, resp. poznání pravdy, nic více, a větší je mravnost a zmužilost uznávající omyl, nežli obhajování omylu, jež třeba celý národ sdílí.«

Přesvědčiv pak se, že oba Rukopisy jsou podvrženy, »jsem poznal, že v českém národě nebude pravé vědy a kritiky, pokud falsa nebudou odstraněna; i umínil jsem si, seč jsem, k úkolu tomu přispěti« (III, 448.).

Rukopisný boj vedl od začátku Masaryk, i když rozhodující slovo v něm připadlo Gebauerovi, ježto jeho věda, český a slovanský jazykozpyt, mohla nejzřejměji dokázati, že obě památky nejsou pravé. Masaryk po Gebauerovi přispěl nejvíce pracemi k řešení sporu rukopisného. Vedle uvedeného kritického listu, jejž Gebauer připojil k svému památnému článku »Potřeba dalších zkoušek rukopisu Královédvorského a Zelenohorského« v únorovém sešitě »Athenaea« III, 1886, (str. 152 n.) Masaryk hned v příštím sešitu (březnovém) uveřejnil »Všeobecná pravidla, dle nichž veřejná kritika literární má posuzovati zkoumání rukopisů K. i Z.«, vytkl tu »Některé pochybnosti palaeografické a pod.«, podnítil srovnání básní RKho a Zho se spisy novočeskými a slovanskými, které vyšly před »objevením« obou fals. Sám přispěl rozborem »Lyrických básní RKho«, spolu s jinými (J. Truhlářem, J. Vančurou, Jar. Vlčkem, K. Černým) snášel parallely »Srovnání epických básní RK. a RZ. s novějšími díly literárními« (str. 205 n., 265 n. a d.) a provedl z dokladů literární synthesi. Po měsíci pak byl hotov s rozsáhlou statí »Příspěvky k aesthetickému rozboru RKho a RZho« (275—298) a v sešitě červencovém (str. 406—422) objevil se bystrý »Náčrt sociologického rozboru RZho a RKho«, stránka to, která v posavadních sporech zůstala nedotčena. Znovu tento předmět osvětlil v německé rozpravě, uveřejněné v Jagićově »Archiv f. slav. Philol.« X, 54 n.

Celý vědecký útok soustřeďoval se v rukách Masarykových: kde nestačili jednotlivci, hlavně Gebauer, Goll a on, redaktor rozděloval práce jiným, vyvracel a odrážel námitky obránců, prostudoval a promyslil předmět až do všech důsledků; na nic podstatného nezapomněl. Byl skutečně »nejsoustavnějším« odpůrcem podvrhův, jak o něm jeho protivníci prohlašovali. Gebauerovou a Masarykovou nespornou zásluhou bylo, že veliký spor literární byl ukončen v době poměrně krátké a rozhodnut navždy, ne na krátké období, jako se stávalo v dobách předcházejících. Za Masarykova vedení bylo asi

za půl roku sneseno tolik materiálu, usvědčujícího obě památky jako podvrhy, že každý, u něhož kritický duch zůstal jinými motivy nezkalen, musel nabýti pevného přesvědčení o těchto posvátných falsech. Boj dozníval sice ještě v letech následujících, ale Masaryk se ho účastnil již menší měrou. Byl se svým soudem o novočeských podvrzích hotov, pokládal spor za vyřízený a šel dále za jinou prací, které bylo v zájmu českého duchovního života tolik třeba.[1])

Masaryk sám později význam rukopisných bojů vystihl v »České otázce« (163 n.): v nich se projevily osvícenské a obrodné snahy vysokého učení českého. »Byl to čestný úkol nové university a úkol národní. Obsahem podvržených rukopisů konstruována byla domnělá minulost slovanská a česká — obraz minulosti té musel býti opraven. Byl požadavek netoliko národní mravnosti, nýbrž i prospěchu, odstraniti pozlátko a ukázati minulost pravou a takto odčiniti poblouzení některých křisitelů, kteří v závodě s kulturní prací ostatních národů spokojovali se zdáním. Význam rukopisného sporu a vížících se k němu bojů dalších leží pro mne v tomto mravním momentu.« Česká universita také opravila skvěle obraz české minulosti právě v těch oborech, kde ono pozlátko nejvíce překáželo: v české filologii, v jazyce i v literatuře, v starožitnostech slovanských i v počátcích českých dějin. Zasažení university mělo ten účinek, že se o falsech mohla přesvědčiti mladá generace universitní a ta roznášela pravé poznání po vlastech. Mravní účinek zakoušeli jsme na sobě.

My, mladší generace — ovšem tehdy mladší, kteří jsme se seskupili kolem Masaryka a Gebauera, odnášeli jsme z rukopisných bojů zejména posílení povah. Naši vůdcové vedli tento boj s otevřeností, mužností a pravdivostí, která za sebou strhovala. Nikdy se neuchýlili ke zbraním nedůstojným, prostředkům postranním a záludným. Boj nečestný, obelhávání jiných i sebe, právě za sporů rukopisných byl přibíjen a uváděn v opovržení. Počínali si tak přes to, že sami od protivné strany zakoušeli potupných a ponižujících slov, zrádcování, v českém tisku snad nikdy do té doby nečítaných.

---

[1]) Mohu jako zajímavou zkušenost uvésti, že sám původce boje rukopisného, Gebauer, schvaloval, že se Masaryk pozdějšího doznívání sporů rukopisných neúčastnil činně. Mluvili jsme jednou v oblíbeném letním sídle Gebauerově, v Železnici, o této věci. Vykládal jsem, že se Masaryk nyní zabývá otázkou sociální a v tom že nám bude moci prospět mnohem účinněji, nežli kdyby ještě pracoval o důkazech proti Rukopisům. »To se rozumí,« souhlasil Gebauer, »otázka sociální je pro nás stokrát důležitější nežli Rukopisy.« Byl jsem skutečně velmi překvapen tímto vzácným pochopením u odborníka, který většinu svého života věnoval neúmorné práci o »Historické mluvnici« a o »Staročeském slovníku«.

V rukopisném boji dostávali jsme od našich vůdců příklad nejen boje čestného, přímého, nýbrž i boje neohroženého, jaký se před ním zřídka kdy odehrával v české literatuře: u Dobrovského, u Havlíčka, u Nerudy.

Znali jsme z přednášek svého učitele, jak dovedl hájiti svého přesvědčení vědeckého. Vystoupil hned po svém příchodu do Prahy proti vyvyšování německé filosofie u nás, proti slepému následování, ba zbožňování německých filosofů Kanta a zejména Herbarta; pro naše české filosofy, hlavně Durdíka a značně i Lindnera, byly to autority, nad které filosofie nešla výše. A zatím jsme od Masaryka slyšeli a čtli, že jest odpůrcem Kantovy filosofie, třeba že si Kanta jinak jako myslitele vážil a jemu se podivoval; »ovšem nás toto uznání a úcta před Kantem nesvádí k nekritickému jeho učení přijetí« (Ath. III, str. 92). Herbart se tomuto uznání a úctě Masarykově netěšil. Nepokrytě odhaloval slabosti Durdíkových »Dějin filosofie«, a jaká byl tehdy Durdík u nás autorita a nad to ve sboru odborník, kterému by bylo vyhrazeno v budoucnosti podati návrh na jmenování mladšího kolegy řádným — Masaryk byl na českou universitu ustanoven mimořádným. Znali jsme Masarykovu kritiku a polemiku s kanovníkem Lenzem, činitelem v tehdejším českém učeném světě velmi ceněným a ve veřejném životě mocným. Redaktor Athenaea potíral zejména jeho zaujatý spis o Chelčickém, ze kterého Lenz chtěl udělat vědomého falšovatele Písma a lháře a z Bratří nepoctivce. Masaryk odsoudil toto počínání (Ath. II., 153 n.) beze všeho zahalování. A ještě rázněji a bezohledněji vystoupil proti němu v polemice (Ath. III, 1886, str. 131). Charakterisuje P. Lenze: »aby svět neviděl jeho salto mortale logické, dělá nyní: 3. mravní, t. j. denuncuje mne, filosofii, universitu, svobodu učení atd., jakobych se byl náboženství a církve dotekl, pokárav p. Lenze! Ten prostředek probatný známe!... Mne výhrůžky p. Lenze nelekají: čekal jsem věcné vyvrácení svých výtek, nikoli zlostné a nedůstojné napadání svých názorů filosofických, které mu, jak vidím, jsou nepohodlny.« Neúprosně a neohroženě odkrýval dvojakost, úskočnost a zbabělé lhaní všemocného tehdy Kvíčaly (zejména ve veřejném Listu z 19. července 1886) a ještě důraznější odpověď na Kvíčalovo »Osvědčení v příčině rukopisu Královédvorského«. O Masarykově »Athenaeu« byly i debaty na sněmu zemském. Věděli jsme i my posluchači (bylo o tom i v novinách), že M. Hattala (a snad i jiní členové filosofické fakulty) podali žalobu proti Masarykovi, Gebauerovi a Královi, aby s nimi bylo zavedeno vyšetřování, a senát

vyhověl! Masaryk a Král své vědecké přesvědčení zaplatili hmotně: fakultou nebyli navrženi za řádné. Vídeňská vláda se chopila tohoto vyšetřování a odůvodňovala jím to, že oba nepoddajné profesory nechávala déle — snad o celé desítiletí — mimořádnými. (Masaryk byl jmenován řádným až r. 1896; při jeho ustanovení do Prahy 1882 bylo mu slíbeno, že bude řádným tuším do čtyř let.) Masaryka nezarazilo také, když opatrný vydavatel »Athanaea«, nakladatel J. Otto, ohlížející se tolik na převládající proud ve veřejném mínění, se najednou při 8. čísle III. ročníku vydávání »Athenaea« vzdal. Masaryk je převzal ve svůj náklad, později (od 1889) je vydával po dvě léta Kaizl. Rozumí se, že se oba soukromí vydavatelé nakladatelských úspěchů nedodělali.

To byly příklady povznášející a působivé. V mladší generaci způsobily tříbení duchů nejen podle vědeckého nazírání, ale hlavně podle síly morální. Příklady vůdců utužovaly v jedné části studentstva pevnost povah. A věru přicházeli jsme tehdy nejeden jako mezi žernovy, zejména když jsme některý z nás odpůrců Rukopisů dostali za zkušebního komisaře Hattalu. Byla již tradice mezi kandidáty filosofie, jak se u Hattaly dělají zkoušky: domácí písemnou práci složit z citátů vybraných z prací Hattalových, ztrhat jeho odpůrce Miklosiche, Schleichera, Jirečka; Erbenovi vytknout, že ohřívá ve svých básních staré pověry, že špatně překládal z ruštiny. — Se všemi těmi muži se Hattala utkal v polemikách a dělalo mu potěšení, čísti své duchaplnosti také v písemných pracích svých kandidátů. A ti většinou ochotně vyhovovali. Byla by to smutná kapitola o slabosti mravní, kdyby se tak ty práce tehdejších studentů prozkoumaly! My Masarykovci jsme se této demoralisační methodě nepodrobovali. Zakusil jsem to sám jako kandidát Hattalův a později ještě jako učitel na městské vyšší dívčí škole, když mi starosta Podlipný chtěl nadiktovat, že musím přednášet o Rukopisech, jako drahocenné památce české literatury; jsou prý v osnově vyučovací a sílí se jimi vlastenecké vědomí našich dívek; jinak abych opustil ústav. Prohlásil jsem, že budu o nich přednášet, ale jen jako o památkách nepravých, a to jsem také dodržoval. Bylo nás ovšem tehdy ještě málo, kdo jsme si nedali vědecké přesvědčení spoutat násilnickým terrorem, ale stačili jsme, abychom takové nemravné nátlaky udělali nemožnými. To byla síla Masarykovy mravní výchovy.

Jan Jakubec.

Буенецъ.

Изъ историята на пролѣтнитѣ обичаи и пѣсни въ България.

Съ двѣ картини.

I. Свидѣтелства на П. Р. Славейковъ, А. Илиевъ, Л. Милетичъ, Д. Мариновъ и др. за играта Буенецъ прѣзъ Велики пости. — II. Митология и етимология при обяснение на обичая; връзка на Буенецъ съ Лазарки, по силата на еднаква календарна локализация. — III. Мимическо-драматическо прѣдставяне на възкръсналия Лазаръ чрѣзъ сватбенъ обредъ; успоредици въ сръбския лѣтенъ обичай Кралици. — IV. Драгайка у ромънитѣ на 24. юний, и смисълъ на празничнитѣ забави отъ този кржгъ.

I.

Въ томъ II на своитѣ Български притчи или пословици стариятъ Славейковъ навежда израза: „Сѣки день Боянъ не пѣятъ, ами прѣзъ Велики пости“, и добавя обяснението: „Боянъ, игра нѣкаква, която се пѣе въ кърклиселийско.“ [1]) Смисълътъ на израза очевидно напомня пословици като „Сѣки день не е Великъ-день“ и „Сѣки день не бива Коледа“ (срв. турското „Херъ гюнъ байрамъ олмасъ“); но какво прѣдставя тази игра въ Лозенградско, наречена Боянъ? А. Илиевъ помѣстя въ сборника си обредни пѣсни, излѣзълъ въ 1889 г., една лазарска пѣсень отъ Старо-Загорско, гдѣто майка буди сина си Куцара да стане по-скоро, че дружината му вече отивала на пжть, а синътъ моли майка си, да му дадѣла гривнитѣ си, за да излѣялъ на своитѣ биволи „ситни синджири, жигли сребърни“ —

Чи щим дж миним прис Кърa-урман,[2])
Кърa-урманки буян играіет,
Зам дж ричѐт кърa-урманкити:
Бре блъдзя, блъдзя, нж тъзи мамж,
Дету й хранилж синкж Куцаржь,
И по-блъдзя ѝ коя гу земи![3])

Poznámka. Jak Rusům, tak i Bulharům necháváme na vůli užívati starého nebo nového pravopisu.

[1]) П. Р. Славейковъ, Български притчи или пословици, ч. II София 1897, 149.

[2]) с. Кара-орманъ е въ Чирпанска околия.

[3]) А. Илиевъ, Сборникъ отъ нар. умотворения, кн. I, No. 214. Срв. още No. 158, и Върбански, Пѣснитѣ на Берд. българи, No. 16.

Илиевъ добавя къмъ пѣсеньта забѣлѣжка: „Буянъ се зове една игра — бързо хоро, което се играе прѣзъ Великитѣ пости.“ А събирачътъ на фолклорно-етнографски материали отъ Старо-Загорско Г. П. Русесски, въ единъ приносъ къмъ българскитѣ юридически обичаи, бѣлѣжеше пѫтемъ въ 1902 г., че „и до сега“ имало въ оня край обичай да играятъ момитѣ прѣзъ Велики пости на Боянъ, при което избраната тогава кума давала на другаркитѣ си моми, както и на всички жени отъ село, та дори и на бабичкитѣ, угощение, на което се ядѣло, пияло и взимало въ глинени блюда по малко булгуръ.[1])

Нѣщо по-опрѣдѣлено за тази игра прѣзъ Велики пости, извѣстна въ Лозенградско и Старо-Загорско, ни съобщи въ сѫщата 1902 г. г-нъ проф. Милетичъ. Изучвайки населението въ сѣверо-източна България, тъй разнородно откъмъ потекло и старина, той спира внимание на нѣкои езикови и битови черти у т. н. гребенци отъ Силистренско, въ които гребенци той вижда прастари мѣстни жители, непрѣселени отъ другадѣ, когато азъ пъкъ съмъ наклоненъ да вѣрвамъ, че се касае тукъ за пришелци отъ южна България, макаръ и доста стари, може-би дори за павликяни, напустнали по тази или онази причина източно-родопскитѣ краища и отишли на сѣверъ, подобно на павликянитѣ въ Свищовско.[2]) „У гребенцитѣ, пише г. Милетичъ,[3]) и до днесь се спазили много особености въ тѣхния животъ, повѣрия и обичаи. Така ми разказаха за обичая имъ буѐнец — обичай да играятъ ‚съ саби‘ на Лазаровъ день. Именно съставятъ се momински чети; една мома ще има свои 10—15 дружки. Прѣдводителката имъ носи на глава си калпакъ (въ с. Калипетрово), даже се облича въ мѫжски дрехи (както е въ с. Попина). Тя носи ножъ или сѣкира. Такива чети ще се образуватъ 4—5 и тѣ ще се срещнатъ на селския мегданъ и ужъ ще се удрятъ ‚съ саби‘ (‚то безбиле нѣкога имало и саби‘ — казваше една баба) и тамъ ще изберать измежду прѣдводителкитѣ ‚едного‘, сир. една, за войвода и ще му правятъ сетнѣ по цѣло село разни почести.“

Г-нъ Милетичъ напомня по този случай за русалиитѣ въ юго-западна България, ала тѣ сѫ мѫжки игри съ другъ характеръ и друго потекло и не могатъ да се съпоставятъ прѣко съ оная

---

[1]) С. С. Бобчевъ, Сборникъ на българскитѣ юридически обичаи. ч. I: Гражданско право, т. II. София 1902, 280.

[2]) Вж. за това моитѣ „Кукери и Русалии“, СбНУ. XXXIV, 27, 75.

[3]) Старото бълг. население въ сѣвероизточна България. София 1902, 160.

пролѣтна забава на момичетата въ източнитѣ краища. По-правъ е той като подсѣща за „боянеца“ въ Прѣславско, както е съобщено за него на кѫсо отъ Сп. Гълѫбовъ въ министерския Сборникъ, 1895 г.: „Отъ Сирни заговѣзни до Лазаровъ-день изъ Прѣславско не играятъ на закрѫглено (схванато) хоро, а играятъ на тъй наречения боянецъ (хоро не схванато, права линия). Всички моми и момци строго се пазятъ, да не би сключили хорото, защото споредъ тѣхъ това е голѣмо прѣстѫпление; а на Връбница, като се вече лазарува, сключватъ го.“ На самия Лазаровъ-день момичетата се обличатъ празднично, нѣкои като булки съ тюлена прѣкривка на очи, и тръгватъ по кѫщята да играятъ боянецъ и да пѣятъ пѣсни. Сѫщитѣ тѣ на слѣдния день отъ лазаруването, на Връбница, плетатъ вѣнци отъ върбови вѣйки, осветени въ черковата, и ги пускатъ по рѣката.[1])

Нѣщо за този „боянецъ“ или „буенецъ“ отбѣлѣзватъ Янковъ и Державинъ, говорейки за пѣсни и обичаи на бесарабскитѣ българи. Когато, именно, момитѣ въ с. Карапча (жителитѣ на което сѫ бѣжанци отъ Ямболско) ходѣли на Лазаровъ-день и на Връбница да пѣятъ отъ кѫща на кѫща, играяли въ сѫщото врѣме „буéница въ редица, а не хоро“.[2]) Въ с. Чешма-Варуита (колонисти отъ Шумéнско) на Лазаръ, сѫботата прѣдъ Връбница, „дѣвочки 8—12 лѣтъ собираются группами душъ по 6—7, одѣваются по праздничному, выбираютъ изъ своей среды прѣдводителя — буя́нец, дѣвочку наиболѣе бойкую и знающую больше другихъ пѣсенъ; ея помощница называется — бу́лка, остальныя дѣвочки — кури́чки, дословно — объѣдки. Эти дѣвочки ходятъ по домамъ, поютъ пясни на Ла́зара, имъ даютъ за это муки, яицъ, денегъ, калачи . . . Буянецъ — получаетъ на свою долю большую часть собраннаго.“ [3]) Моятъ колега, проф. А. Теодоровъ-Баланъ, си спомня отъ дѣтинство (1873 г.), че въ Болградъ, гдѣто има настанени сливенци и ямболци, въ понедѣлникъ слѣдъ сватбата момичета играяли буéнек и едно водѣло редицата.

Както въ Бесарабия, се прави буянецъ и между българитѣ въ най-сѣверна Добруджа.[4]) Така, пѫтувайки прѣзъ 1917 г. по тия мѣста, азъ научихъ въ с. Черна (жителитѣ на което сѫ се вдигналй къмъ 1810 г. отъ Провадийско-Шуменско и Ямболско-

[1]) С. Гълѫбовъ, СбНУ. XII, 14.
[2]) Полк. Г. Янковъ, Бълг. нар. пѣсни. Пловдивъ 1908, 245, заб.
[3]) И. Державинъ, Болгарскія колоніи въ Россіи. СбНУ. XXIX (1914), 162; срв. и стр. 49.
[4]) Вж. моитѣ Народни пѣсни отъ Добруджа.

Чирпанско), че на „Ла́зара“, т. е. Лазаровъ-день, момичетата до 14—15 г. играяли „буя́ницу“. Отъ всички момичета седемь-осемь се обличали съ женски фистани, окичвали се съ алтъни и други женски накити, и приготвената така „ча́та“ (чета) тръгвала отъ кѫща на кѫща. Имало въ село два-три такива „буя́неца“ на тоя день. Като влѣзѣли въ кѫщи, пѣяли специалнитѣ за мома, ергенинъ, млада булка и други лица пѣсни, като играяли въ единъ редъ, на чело на който стояло, за водачка, най-голѣмото момиче, а на края най-малкото. Водачката не пѣяла, а само хвърляла въ края на пѣснитѣ кърпата си върху домакина, за да вържe тоя въ нея пари. Давали на момичетата по едно яйце и по едно сито брашно, при което ситото послѣ бивало търкулвано, за да се види какъ ще падне и дали ще има пъленъ хамбаръ (— ако е дъното на горѣ).

Най-подробно е описалъ обичая познатиятъ етнографъ Д. Мариновъ, въ статията си „Боенецъ“ отъ 1907 г.[1]) която съ извѣстни измѣнения е прѣпечатана като особена глава въ кн. VII на неговата Жива Старина.[2])

Споредъ Маринова „боенецътъ“ се знае въ Бургазко, Прѣславско и Русенско; въ западна България, било въ Видинско, било въ Софийско и Кюстендилско, такъвъ обичай не сѫществува. Нѣма го въ Пловдивско, както го нѣма и въ Плѣвенско; имало го е нѣкога, а сега е изчезналъ въ Търновско. Той става прѣзъ Велики пости, въ недѣлитѣ и праздницитѣ, когато обикновеното хоро не се играе; захваща отъ Срѣдопостница (Русенско) или отъ Св. Четирси (Бургазко) и трае до петъка прѣдъ Лазаръ. Вечерьта срѣщу Лазаровъ-день се изиграва послѣдниятъ боенецъ и се раздѣлятъ събранитѣ пари. Взиматъ участие само моми, и тѣ избиратъ помежду си една по-отворена, мѫжкарица, боенецътъ, която въ Бургазко носи на глава мѫжки калпакъ, окиченъ съ булчински накити, а въ десна рѫка държи брадва (балтийка), и въ лѣва — голѣма кърпа. Въ Русенско (с. Старъ-Смилъ, до Тутраканъ) боенецътъ е облеченъ въ бѣла рокля и съ мѫжка риза, на глава туря калпакъ, окиченъ съ пешкиръ или вѣнецъ и съ пари, на рамо носи по-дълга тояга, цѣла желѣзна (харбуя) или обкована само на края съ желѣзно острило и съ завързанъ на нея дълъгъ платъ (пешкиръ или вѣзани гащници): тя напомня клюнка на кукеритѣ; прѣзъ гърдитѣ има кръстосани два коланя

[1]) Извѣстия на Етнограф. музей въ София, кн. I (1907), 6 нт.
[2]) СбНУ. XXVIII (1914), 403 нт., 155, 436.

съ голѣми пафти, о които се удрятъ и дрънкатъ герданитѣ отъ бѣли пари, вързани на гушата; а прѣзъ кръста е опасанъ съ коланъ, за който сѫ накачени различни кърпи (тестемели). Косата му е разплетена и разпусната, да се вѣе на вѣтъра, кога танцува. Освѣнъ боенеца, мисленъ като младоженикъ или зеть, избиратъ една булка. Това е 9—10 годишно момиче, което трѣбва да бѫде майчино и бащино (т. е. съ живи първи родители); то бива прѣбулено съ тънка бѣла или цвѣтна забрадка.

Готови момичетата, тръгватъ съ пѣсни (пѣятъ по нѣкога само четири моми, отпѣвайки двѣ слѣдъ двѣ) и отиватъ на хорището, гдѣто сѫ сбрани всички селяни. Боенецътъ и булката играятъ тукъ, като се разминаватъ, а другаркитѣ имъ пѣятъ пѣсни за всѣкого, на когото боенецътъ хвърли една отъ набоденитѣ си кърпи. Момъкъ, мѫжъ, жена, мома, на която е хвърлена кърпа, я хваща и вързва въ нея колкото пари иска (обикновено грошове), послѣ я повръща на боенеца; а боенецътъ я развързва и взима паритѣ. Пѣснитѣ и припѣвкитѣ сѫ нагодени, както и лазарскитѣ пѣсни, споредъ общественото положение, възрастьта и интереситѣ или чувствата на лицата; танецътъ пъкъ, съобразно съ мелодиитѣ, бързи и игриви, напомня сватбарскитѣ рѫченици, съ тѣхното ускорено темпо и ситнитѣ имъ стѫпки. „Игритѣ и пѣснитѣ, земени заедно, се казватъ Боенецътъ или Боя́никъ.“ Боенецъ наричатъ и несклопеното, несхванато хоро прѣзъ Велики пости; „това хоро има танчарка — мома, която води танеца или хорото, и пашкарка, т. е. опашкарка, мома, която завършва хорото.“

II.

Какъ се е дошло до тази игра и отъ гдѣ е получила тя името си?

Обръщайки се за отговоръ върху потекло на обичая къмъ нѣкоя си баба Драгана отъ с. Маренъ (Еленска околия), която била прѣселена отъ Загорето (Тракия), Д. Мариновъ чулъ такава легенда. „Моята баба ми разказваше, че нѣкога имало царски синъ на име Боенъ; тоя Боенъ билъ толкова хубавецъ, щото нѣмало не момъкъ, не мома да го надмине. Той знаялъ още да свири толкова омайно и да пѣе, щото когато засвирялъ или запѣйвалъ, птицитѣ, дивячьта, дори и листето на гората спирали да го слушатъ. Той разбиралъ още языка на птицитѣ и животнитѣ, защото ходилъ при змийския царь; той ималъ и пръстена

на тоя царь, та правялъ съ него магии. Тоя царски синъ най-послѣ билъ залибенъ отъ самовилитѣ, та го грабнали и отнесли въ своето царство, кждѣто го оженили за най-младата и най-хубавата самовила. Момитѣ се разтжжили за него, и да се не забрави тоя царски синъ, почнали всѣка година прѣзъ това врѣме — пролѣтьта, когато самовилитѣ го отнесли въ царството си, да играятъ Боенецъ." Мариновъ добавя: „Тоя разказъ на баба Драгана се подкрѣпя въ нѣкои работи (!) и отъ баба Велика с. Русокастро, но другитѣ бабички ми казаха, че непомнятъ такова нѣщо да сж слушали отъ своитѣ баби. ‚Знаеме само че се играе за младость, па друго незнаеме', отговориха на моето питане. Въ Ришъ (Прѣславска околия), прѣселени изъ Одринско, баба Жека Байова и баба Муша Жельова сж наклонни (!) да утвърдятъ казването на баба Драгана, но съ отговорката: ‚Кой знае; така сме чули, така казваме.'"

Кой какъ чулъ, кой какъ казалъ — това не може да се провѣри навредъ, гдѣто Д. Мариновъ създава съврѣменни мити, въ своитѣ етнографски сбирки. Не подлежи обаче на съмнѣние, че и тукъ имаме работа съ прѣсни измислици на книжовникъ, вложени въ устата на баби, които сж доста далечъ или измрѣли вече, за да нѣмаме възможность да ги разпитваме, кога стане нужда. Изобщо нашиятъ инакъ заслужилъ етнографъ има тая непростителна слабость, да примѣсва къмъ своитѣ фолклорни записи произволни лични тълкувания, които, разбира се, могатъ да заблудятъ само невѣжитѣ. Било че трѣбва да очертае живота и личностьта на Паисия, биографията на когото се губи въ тъмнина,[1]) било че му се вижда интересно да открие митоложкото значение на нѣкой обичай съ странни и тъмни подробности,[2]) Д. Мариновъ се проявява като майсторъ на легендитѣ и крои лесно и безъ всѣкакви скрупули псевдонародни прѣдания, запазени ужъ тукъ и тамъ. Така и въ случая той създава една басня, чута отъ нѣкаква глуха бабичка и потвърдена ужъ отъ други бабички, изворътъ на която лежи твърдѣ плитко, издавайки досѣтливото въображение на самия записвачъ. Подведенъ отъ етимоложкото си чувство, Мариновъ сближава именно боенеца съ Бояна, братъ на царь Симеона, и разгърналъ историята на Ире-

[1]) Срв. Й. Ивановъ, История славѣноболгарская. София 1914, стр. XIX.

[2]) Срв. моята критика на кн. VII отъ Жива Старина въ Училищенъ Прѣгледъ XIX (1915), кн. IX—X, 479.



Буенецътъ съ булката играятъ, а пѣснопѣйкитѣ пѣятъ, Тутраканско.

чека той открива бързо, отъ гдѣ трѣбва да е останала особената оная игра на пролѣть. Стилизирайки и попълняйки разказа на Лиутпранда отъ X вѣкъ,[1]) той вижда въ нашия буенецъ споменъ за вълшебника, който умѣялъ да се прѣвръща внезапно на вълкъ или на другъ хищенъ звѣръ.[2]) Но абсолютно нищо не ни дава право да повѣрваме това, и научната критика трѣбва веднажъ за винаги да осѫди опасния пѫть, въ който тика фолклора ни най-новиятъ поклонникъ на Верковича.[3])

Г-нъ Мариновъ грѣши не само при историческото обяснение на обичая, но и при неговото описание. Той иска, именно, да отдѣли съвсѣмъ буенеца отъ лазаркитѣ, както тѣ се правятъ на

---

[1]) К. Иречекъ, История Болгаръ. Одесса 1878, 220. — Нека забѣлѣжимъ още, че и Раковски прави много шумъ около личностьта на Бояна, вмъквайки го често въ своитѣ псевдоисторически догаждания. Въ Дунавски Лебедъ (1857) и въ Нѣколико рѣчи о Асѣню първому... Бѣлградъ 1860, 68 нт., 121 нт. той помѣства народни пѣсни, мистификация, гдѣто се поменува и „Бъіанъ", като участникъ въ похода на Симеона срѣщу Цариградъ: този Бъянъ ще е билъ сѫщиятъ оня „Баіанъ", който е владѣялъ надъ българското воеводство около Адриатическо море, слѣдъ завладѣването на България отъ Цимисхия. И въ Горски Пѫтникъ (1857, стр. 177) той говори за Бояна като за „чютьнъ български стихотворецъ", когото недоволниятъ народъ искалъ да постави на прѣстола като свали негодкия му братъ Петъръ. Въ рѫкописното си Житие отъ 1866 г. Раковски смѣта за родина на Бояна градъ Раково до Котелъ и повтаря легендата за участие на Бояна въ походитѣ срѣщу гърцитѣ и срѣщу маджаритѣ, при което Боянъ билъ стигналъ дори до Чехия.

[2]) Въ свръзка съ псевдопрѣданието, записано отъ Маринова, какво Боянъ ималъ пръстена на змийския царь, та правѣлъ съ него магии, ще припомня, че още прѣди Маринова и прѣди Освобождението Боянъ се смѣта отъ нѣкои наши книжовници за прѣдставитель на научната магия, астрологията и алхимията. Както ме подсѣща моятъ колега, г. З. Карагълановъ, въ първия учебникъ по химия, излѣзълъ на български, тоя на Д. Енчевъ (Селско-ступанска неорганическа и орг. химия... отъ А. Бернштайна. Руссе 1871, стр. 149), се бѣлѣжи, че въ съврѣменно освѣтление „магыя та и врачувание то ся преобрѫщатъ просто въ химическы опыты, таинственный миръ на чародейство то излязва на голо..., а чародеи тѣ и магесници тѣ — на хора запознаты съ химия та. Кой не е чувалъ имена та на Брюсса и на Българскый Бояна, кои то сѫ быле ни по-вече ни по-малко, освѣнъ любителы на химыя тѫ и астрономия тѫ, а въ очи тѣ на народътъ чернокнижници?" Компилаторътъ Енчевъ добавя съ тия думи въ прѣведения учебникъ още една нова черта къмъ митическия образъ на Бояна, запомненъ отъ по-старитѣ ни книжовници.

[3]) Нека добавимъ, че за измислянето на съврѣменния митъ за оня Боянъ, що омайвалъ съ пѣснитѣ си птици, дивечъ и листи на гората, наивно-хитриятъ мистификаторъ (който и да бѫде той) е могъгъ да се ползува и отъ руското Слово о пълку Игоревѣ, никнало въ XII в., гдѣто тъй сѫщо се поменава за нѣкакъвъ приказниченъ поетъ Боянъ, „соловей стараго врѣмени", който, „аще кому хотяше пѣснь... творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымь вълкомъ по земли, шизымь орьломь подъ облакы". Метафоритѣ на стария дружиненъ пѣвецъ, създалъ оново Слово и възхвалилъ прѣдходника си Бояна като личность съ смѣло въображение, трѣбва само да се схванатъ по-материално, за да се получи една легенда, близка до тая за фиктивния Боянъ на Маринова.



Буенецътъ съ булката въ с. Юперъ, Тутраканско.

Лазаровъ-день, и смѣта, че тукъ има двѣ „съвършенно отлични“ една отъ друга игри. Право е само толкова, че лазарница съ лазарки се знае навсѣкждѣ въ България, когато „боенецътъ е обичай, познатъ само въ нѣкои краища“. Да се мисли обаче, какво „ако се срѣща нѣкждѣ боенеца и при лазаркитѣ безъ булката, то е едно смѣшение . . ., произлѣзло отъ незнание“, значи да се отрича и фактическо състояние и вѣроятно потекло на порѣдкия обичай. Защото, както личи отъ горнитѣ съобщения, на по-вечето мѣста буенецътъ се явява свързанъ съ самитѣ лазарски игри и съ кумичането на Връбница, а освѣнъ това пѣснитѣ на буенеца не се отличаватъ на най-малко отъ обикновенитѣ лазарски пѣсни или отъ припѣвкитѣ при кумичане, както самъ Мариновъ забѣлѣзва.

Истината тукъ ни се прѣдставя така.

Най-напрѣдъ, колкото се отнася до името на играта, несъмнѣно е, че то трѣбва да произтича отъ нейния по-особенъ характеръ. Тукъ имаме работа не съ обикновеното свързано, сключено хоро, а съ права редица, която се движи свободно и която танцува нѣкаква буйна ржченица. Въ една сбирка народни пѣсни изъ Шуменско, доставена менъ отъ г. Жечо Бакаловъ, обичаятъ на Лазаровъ-денъ е описанъ така: „Въ Шуменъ и въ околиитѣ Прѣславска, Новопазарска и Провадийска прѣзъ Великитѣ пости, на мѣсто обикновеното хоро, въ празднични или недѣлни дни играятъ лазарки. Тази игра е почти сжщо хоро, само че играчитѣ не се залавятъ въ кржгъ а надлъжъ, въ единъ редъ; освѣнъ това, не се свири съ нѣкакъвъ инструментъ, както при обикновеното хоро, а четири моми (двѣ по двѣ) пѣятъ лазарски пѣсни. „Лазарата“ се води отъ една мома, обикновено най-едрата или най-хубавата. Щомъ започне да се пѣе, отъ врѣме на врѣме водачката поведе лазарката, и цѣлиятъ редъ потегли на кривулици въ разни посоки. Играчитѣ се държатъ здраво за ржцѣ, защото при кривулицитѣ захвичането бива толкова силно, щото която мома се държи слабо може да бжде тласната на земята и стжпкана отъ подирнитѣ й. Въ турско врѣме (до Освобождението) на тази игра се залавяха само моми. Момъкъ не можеше да се лови при момитѣ; допущаше се само, да води единъ лазарата... Лазарата започва да се играе отъ Тодоровъ-день и трае до Връбница . . . на Връбница сключватъ лазарата и изиграватъ хоро.“ [1])

[1]) Вж. моитѣ Народни пѣсни отъ Добруджа (ржкописъ).

Както се вижда отъ това описание (1891 г.), въ Шуменско не знаятъ името Буенецъ, но знаятъ самата игра, като съставна часть отъ лазарския обичай. Танецътъ е твърдѣ особенъ, съ своитѣ силни „захвичвания“, които повличатъ играчитѣ, и изисква внимание и здрави ржцѣ. Въ освѣтлението на тоя фактъ, както и на изнесенитѣ сродни показания за характера на играта, не остава никакво съмнѣние, че буенецътъ е чисто и просто „буенъ“ танецъ, и всѣка историко-митоложка хипотеза блѣднѣе прѣдъ една етимология, която обяснява съвсѣмъ непринудено, съ безспорна убѣдителность, произхода на названието отъ даденето въ дѣйствителность.

„Буенъ“, „буйно“ значи, по опрѣдѣлението на Н. Геровъ, „врьлый, силный, чеврьстый, что става скоро и съ голѣмж силж“: така буенъ вѣтъръ, буйна вода, буенъ огънь, буенъ дъждъ, и т. н.[1]) Отъ тамъ и глаголътъ „буе́я“ или „буя́я“ — „врьвіж, растж буйно“ (за растение и животно), „буйствувамъ, вилнѣя“; казва се: „Остави го да побуе, па ще си миряса“.[2]) Буя́нъ, слѣдов., като „бръзо, тропляшко хоро, което ся играе прѣзъ великы пости“,[3]) носи името си твърдѣ основателно, въ прѣка зависимость отъ най-сжществения свой бѣлѣгъ. Колкото пъкъ се отнася до разнитѣ редакции на думата, тѣ трѣбва да се тълкуватъ ту като фонетични промѣни, настжпили подъ влияние на ударението (при което не сж изключени — за писането съ *о* и *я* — фалшиви етимоложки схващания на самитѣ записвачи), ту като морфологични развития чрѣзъ суфикса -ецъ (или -икъ), познатъ като твърдѣ продуктивенъ при подобни образувания. Така въ обсѣга на източно-българскитѣ говори прѣходътъ бу́ен — бу́іън — буя́н — боя́н; буе́нец — буе́нец — бое́нец; буе́нек — боя́ник, се явява твърдѣ естественъ; филологически обяснението не срѣща никакво затруднение.

Взета откъмъ битово-обредна страна, играта трѣбва да се вреди между пролѣтнитѣ момински забави, групирани около Лазаровъ-день, съ които тя подѣля нѣколко вжтрѣшни и външни моменти.

Общо за буенеца и лазаркитѣ е, гдѣто тѣ сж днесь обичаи, прикрѣпени къмъ Лазарската сжбота въ края на Велики пости.

---

[1]) Н. Геровъ, Рѣчникъ I, 82.
[2]) Н. Геровъ, Рѣчникъ I, 89; К. Стойковъ, „Тетевенски говоръ“, СбНУ. XXXI, 243.
[3]) Н. Геровъ, Рѣчникъ I, 89.

Движението на буенеца къмъ срѣдопостната недѣля или къмъ Св. Четирси изглежда да бѫде по-нова календарна локализация, която не отнима обаче лазарския характеръ на играта. Единиятъ, както и другиятъ обичай носятъ явно печата на годишното врѣме, характеризувано съ възраждане на природата и грижи за посѣви и домашенъ добитъкъ, които сега стоятъ на првъв планъ въ стопанския животъ на селото. Вънъ отъ това, слѣдъ завършения зименъ цикълъ праздници, свързани съ чести сватби, и слѣдъ затишието въ забавитѣ прѣзъ Велики пости, това сѫ първитѣ случаи, гдѣто младитѣ се виждатъ отново сбрани за хорá, смѣхъ и любовни срѣщи, отъ които ще изникнатъ ония трайни сърдечни връзки, чиято реална послѣдица сѫ сватбитѣ прѣзъ слѣдващата зима. Обяснява ли християнскиятъ календарь дългата межда въ праздницитѣ отъ Сирница — съ нейнитѣ кукери, единъ мѫжки карнавалъ — до Лазарница, съ нейния буенецъ, единъ женски „костюмиранъ балетъ“, пролѣтното врѣме ни дава възможность да схванемъ достатъчно ясно, отгдѣ сѫ тия икономически и битови мотиви въ поезията на младитѣ. Сѣмето, що никне, навежда мисъльта къмъ бѫдащата жетва — основа на цѣлото благосъстояние —, а чувствата на младитѣ, почнали да ергенуватъ или момуватъ, намиратъ своя естественъ край въ брака, чието сериозно значение лежи близо до разбирането на всички. Така пѣснитѣ за нови стопански усилия и надежди и за любовенъ копнежъ и любовни истории стоятъ на прѣвъ планъ въ богатия репертоаръ на лазаркитѣ,. и само вторично, като влияние на черковната легенда или на коледния цикълъ пѣсни, тукъ се вмъкватъ нѣкои религиозно-обредни мотиви отъ другъ типъ.

III.

Върху почвата на лазарскитѣ игри буенецътъ, съ мѫжката роля на младоженикъ, се възѝема като по-особена форма само въ извѣстни краища, а не на всѣкѫдѣ. Очевидно той означава частично-мѣстна еволюция на танецъ и забава, както ги знае инакъ цѣла България. Отправна точка е дадена въ прѣдставата за възкръсналия Лазаръ. Този Лазаръ се мисли — съвсѣмъ не по евангелски — като младъ момъкъ, съ всичкитѣ качества на пъргавъ селски юнакъ, като воинъ съ своитѣ добрѣ извѣстни отъ епоса доспѣхи: само така стилизиранъ и идеализиранъ той говори на въображението на момата, когато тя изпитва първия

приливъ на любовното чувство. Въ една пѣсень отъ Русокастро (Бургазко), записана у Маринова, се казва:

Сбирайте се, сбирайте
Сички моми селянки,
Боянчуви кехаи,
Че Лазару оживя,
Та поиска цярове.
Що му бяа цярове?
Десна ржка балтия
Я въвъ лева иглъчка (кърпа).

Тая пѣсень, съ образа на Лазара отъ обичая, прѣдполага неизвѣстни по-стари редакции, приблизителна идея за които ни дава една пѣсень отъ сѣверно-македонскитѣ краища (записана въ Шаръ-пл., община Средска):

Радост, радост, Лазаре!
Војска ти се прибира,
Много ти се надбира,
Седамдесет и седам,
Осамдесет и осам,
Деведесет и девет . . .[1])

Въ други варианти на тая пѣсень се говори за юнака Лазарь, повелъ войска, съ свѣтло оржже и съ врани коне,[2]) отъ което слѣдва, че героятъ излиза съвсѣмъ отъ рамкитѣ на агиографията, за да се приравни съ образа на лудо-младо или войно, както го рисуватъ безброй обредни пѣсни съ любовенъ мотивъ. Въ лазарска припѣвка отъ Струга[3]) имаме началото:

Ой Лазаре войниче!
Дека ми се войнувалъ?
Войнувалъ сумь войнувалъ
До цареви дворове . . .

Въ западно-българска пѣсень, която се пѣе при кумичане на Връбница, се казва:

Войнова мале, та чула ли си,
Че войно иде отъ далечна пжтя?
И кара войно до три кочии:
Една кочия — войно съ невѣста,
Друга кочия — бѣла прѣмѣна,
Трета кочия — тежко имане.[4])

---

[1]) И. С. Ястребовъ, Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ. Спбгъ 1886, 102.
[2]) И. С. Ястребовъ, ц. с. 97.
[3]) Бр. Миладиновци, Бжлг. нар. пѣсни, No. 609.
[4]) Д. Мариновъ, СбНУ. XXVIII, 400.

Въ пѣсень (пакъ отъ западна България) на подѣвкитѣ, що играятъ прѣзъ Сирница на сватуване, се казва: „Моята девокіа сака златен войно ... сас златна кочия“.[1]) Въ пѣсень на лазаркитѣ, все отъ западна България, имаме началото:[2])

Уруглица трепере, Лазаре,
Среди двори войнови, Лазаре,
Под ніу войно седеше, Лазаре.

А въ трета отъ Тетевенъ, „Лазаръ войникъ“,[3]) се пита, както въ оная пѣсень на Връбница:

Че чула ли си, Лазаре, войново мале!
Че иде войно, Лазаре, отъ Гелиполе . . .

Така концепиранъ виновникътъ на праздника, евангелскиятъ приятель на Исуса (срв. Иоанъ, гл. XI), прави се още една стжпка по-нататъкъ, за да се изобрази и мимически доловеното съ наивно въображение. Лазаръ не само се мисли като момъкъ и воинъ, но се и прѣдставя нагледно наистина като такъвъ, така че хореография и мѣстно християнско прѣдание се допълнятъ взаимно за единъ новъ обредъ, гдѣто се повтаря при съвсѣмъ особени условия типичното праначало на древната и срѣдновѣковната литургическа драма. Не сж ли никнали всички ония свещени дѣйствия, т. н. *δρώμενα*, всички религиозно-мистически обреди на класическитѣ и западнитѣ народи, гдѣто се корени отчасть тѣхниятъ театъръ, тъкмо отъ дълбоката нужда на широкитѣ маси за живо, картино изображение на това, що се вѣрва искрено? Почти успоредно съ разказъ или пѣсень, съ езически митъ или християнска легенда, върви подражание и обичай, полунесъзнателното прѣвръщане на доловеното вжтрѣшно въ видима церемония, която, безъ да накърнява вѣрата, само приобщава по-непосрѣдствено къмъ култа. Такъвъ е изворътъ на много праздници, на много религиозно-магически игри-прѣдставления въ най-старо и въ по-късно врѣме,[4]) които отъ своя страна да-

[1]) Д. Мариновъ, Жива Старина I, 117.
[2]) Д. Мариновъ, ц. с., 131.
[3]) А. Илиевъ, Сборникъ, No. 225.
[4]) Ако нѣкому се види чудна „профанацията“ на свещения обредъ чрѣзъ игри и танци, както е случай у народа ни при Буенеца, тоя споменъ отъ Възкресение Лазарово, посочилъ бихъ на аналогията въ съврѣменната католишка литургия у испанцитѣ. Въ катедралата на Севила и днесь танцуватъ дѣца въ врѣме на голѣми праздници, въ присжствието на богомолци и духовници (срв. картината на G. Bilbao), което потвърждава отново, какъ дори при високитѣ форми на християнската религия балетътъ-драма не е загубилъ значението си на религиозенъ катарзисъ, подхраняйки сжщеврѣменно и въображението на вѣрващитѣ.

вать често опора на ново митическо творчество. Доколко при възникване на Боенеца-Лазаръ е могълъ да дѣйствува споменътъ отъ кукеритѣ, карнавалната игра прѣзъ Велики пости, тъй близка по дата, мжчно е да се опрѣдѣли положително. Интересно е, че както кукеритѣ прѣдставятъ прѣживѣлица отъ тържества и игри въ честь на Диониса, гдѣто се излага мимически историята на нѣкогашния тракийски богъ, така Боенецътъ-Лазаръ се явява въплощение на една псевдохристианска легенда отъ подобенъ родъ, никнала сравнително късно у насъ, — съ разликата, че въ първия случай участвуватъ само мжже, нѣкои въ женска роля, а въ втория само моми, нѣкои (една) въ мжжка роля. Творческиятъ процесъ е досущъ еднаквъ, макаръ елементитѣ да сж съвсѣмъ разнородни. Еднакво е сжщо израждането на свещенното или на вѣрското нѣкога дѣйствие въ една профанна забава, която не се разбира откъмъ първоначално значение и се подържа още тъмно поради обредно-магическото си приложение или поради популярно-естетическата си стойность. И не е невѣроятно, да се е ослонилъ новиятъ праздникъ, по силата на вжтрѣшно родство и на смѣжность въ календаря, на по-стария и по-обикнатия.

Всѣкакъ, сигурно е нѣщо друго: като развитие на идеята за браченъ праздникъ, загатната чрѣзъ правенето „булка“ отъ лазаркитѣ (булката е прѣбулена съ червено було и играе, съ кърпа въ ржцѣ, насамъ и нататъкъ), — която идея се срѣща и при другъ единъ momински обичай, Ладуването на Еньовдень, съ неговата сходна сватбена симулация (чрѣзъ момичето-„булка“, що вади пръстенитѣ за налѣване), — сега възниква двойката отъ младоженикъ-Лазарь и невѣста, при което първиятъ се прѣдставя отъ мома съ калпакъ и сабя, а втората отъ малко момиче, прѣбулено. И понеже играта на лазаркитѣ е спрѣгната по нѣкждѣ отъ особения буенъ танецъ, постепенно тоя „буенецъ“ или „буянъ“ се олицетворява и прѣвръща въ Лазаръ, или, поправо, момата-танчовода се мисли като „Буенецъ“ и поема напълно атрибутитѣ на младоженика-Лазаръ. Както въ Шуменско се допуска (по изключение) да води чисто моминския танецъ единъ момъкъ, вѣщъ въ играта, — и този момъкъ може да се мисли като застжпникъ на Лазара отъ легендата, ала по-вѣроятно отмѣня момата-танчовода съ мжжкитѣ доспѣхи, по едно врѣме, когато е забравенъ легендарниятъ ѝ прототипъ и се чувствува само ржководната ѝ роля, — така и момата, що го увежда

8

въ тая игра, се дегизира като младоженикъ. Буенецътъ-танчовода вмѣсто легендарния Лазаръ отговаря на корифея, що води хорътъ около жертвеника на Диониса и говори отъ името на страдалия и възкръсналъ богъ, като че е самиятъ богъ. По тоя начинъ, въ края на краищата, Буенецътъ се обособява като особенъ обредно-забавителенъ балетъ, който сѣкашъ прѣстава да зависи отъ общата Лазарница.

Обичаятъ на прѣдрешването не е изключително източно-български. Той е билъ познатъ до скоро и на западъ, именно въ сѣверна Македония (Дебърско, Тетовско, Гилянско). Макаръ да липсува тукъ означението на момата-танчовода като „буенецъ", тоя се прави както буенеца на изтокъ. „Одна изъ нихъ," пише Ястребовъ[1]) за момитѣ-лазарки, събрани на Лазаровъ-день, „одѣвается въ мужской костюмъ, обвязываетъ около фески на головѣ платокъ или шаль, убираетъ себя цвѣтками, а въ руки беретъ булаву, которую держитъ на правомъ плечѣ. Эта дѣвочка и изображаетъ изъ себя Л а з а р я. Другая одѣвается въ праздничное платье, но на голову набрасываетъ д у в а к,[2]) который спускается до пояса и совершенно закрываетъ лицо дѣвочки, которая представляетъ Л а з а р и ц у. Остальныя двѣ-три дѣвочки слѣдуютъ за наряженными — въ своихъ обыкновенныхъ костюмахъ — съ лукошками въ рукахъ для складыванія подарковъ, которыя даются этой бродячей труппѣ актеровъ-пѣвцовъ. Лазарь и Лазарица при посѣщеніи домовъ танцуютъ подъ пѣсни своихъ провожатыхъ." — Така на западъ още се чувствува живо драматическото изображение на Лазаря, прототипътъ на Буенеца, и отдѣлянето на тогова по нѣкои краища не говори нищо въ полза на нѣкакво първоначално различие.

И въ сѣверна България Лазаръ се мисли и изобразява като войно съ балтия или кривакъ. Нѣкога една мома е носила балтия, а друга кривакъ, а днесь двѣ моми носятъ само криваци. „Като влѣзатъ въ двора на нѣкоя кѫща, двѣтѣ моми съ кривацитѣ застанатъ и издигнатъ кривацитѣ; другитѣ лазарки ги заобикалятъ въ крѫгъ. Въ тоя крѫгъ други лазарки, на брой четири, забулени съ прѣвѣсъ надъ очитѣ, играятъ около двѣтѣ лазарки съ издигнатитѣ криваци. Тѣ играятъ безъ да се уловятъ за рѫцѣтѣ, а всѣка за себе си, обаче една слѣдъ друга." Така описва

[1]) И. С. Ястребовъ, ц. с. 96.
[2]) Въ Тетово вм. дувакъ турятъ на лицето прозраченъ вуалъ.

Мариновъ.[1]) Но не е ли това вече истински буенецъ въ обичая Лазарь, гдѣто Мариновъ не вижда никаква слѣда отъ него? Разликата е само, че вмѣсто една двойка отъ зеть и булка имаме двѣ такива двойки; инакъ танецътъ (не хоро) и фигурантитѣ сѫ съвсѣмъ като при буенеца. Въ Търновско, Орханийско и другадѣ стари хора казвали Маринову, „че Лазарь е заповѣдникъ на горитѣ, шумацитѣ, и той чисти, трѣби горитѣ, да правятъ хората ниви. Лазарь има въ рѫцѣтѣ си балтия, съ която сѣче горката, шумата и право орници.“ [2]) Отъ тази прѣдстава, съ нейния новъ патронажъ на светеца (въ зависимость отъ сезона), до изображението на буенеца има само една стѫпка. Не е правъ, слѣдователно, Мариновъ, когато забѣлѣзва: „Дѣто боенецътъ въ Бургазко и днеска се прѣдставлява съ балтия и досущъ такава, съ каквато нашитѣ селяни трѣбятъ (изкореняватъ) шумацитѣ и ги прѣвръщатъ въ ниви — говори, че боенецътъ е едно смѣшение съ Лазаря, създадено въ юго-източна България въ по-ново врѣме.“ [3]) Не нововрѣмско смѣшение, а старо единство и послѣшно диференциране имаме въ сѫщность, както личи отъ всичко по-горѣ.

Схванатъ като вариететъ на лазаркитѣ, буенецътъ може да бѫде доведенъ въ свръзка и съ сръбскитѣ „Кралици“, както тѣ се правятъ на Св. Троица, прѣзъ лѣтото. Въ Сърбия сѫ ходили лазарки като нашитѣ; Вукъ Караджичъ бѣлѣжи: „До скора је био обичај у Србији (а може бити до гдјешто и сад) да неколико дјевојака у очи Лазареве суботе иду од куће до куће те играју и пјевају пјесме од Лазара онога што га је Христос васкрсао.“ [4]) Пѣяли сѫ се и пѣсни, подобни на нашитѣ лазарски пѣсни. Въ една отъ тѣхъ, съ еротическо настроение, се говори за лудо-младо неженено, което носи „десна рука оштра сабља“ и което ще се жени —

Или краљем, ил' краљицом,
Или самим барјактаром.[5])

Когато този обичай, съ пѣснитѣ му, почва да се забравя, възниква на негова смѣна другъ единъ, който възпроизвежда само главнитѣ му елементи и който, примѣсенъ вторично съ

[1]) Д. Мариновъ, СбНУ, XXVIII, 390. Кои мѣста по-точно има прѣдвидъ, Мариновъ не съобщава.
[2]) Д. Мариновъ, ц. с. 390.
[3]) Д. Мариновъ, ц. с. 412.
[4]) В. Караџић, Живот и обичаји нар. српскога. У Бечу 1867, 25.
[5]) М. Милићевић, Живот срба сељака², 101.

русалиитѣ, се локализува къмъ Троицинъ-день. Тогава именно се правятъ т. н. „Кралици“, при което една мома се прѣоблича като краль: той има на глава „клобук искићен цвијећем и у руци мач“, друга като кралица: тя „се покрије бијелим пешкиром по глави и по лицу“, третя става байрактарь: той „носи на копљу барјачић бијел и црвен“, и т. н. Дружината ходи отъ кѫща на кѫща, играе, пѣе на всѣкого подходна пѣсень и събира подаръци. Характерно е тукъ, както и при нашия буенецъ, че хорото не е свързано, а има видъ на сръпъ, така че на лѣвия край стои кральтъ, а на десния байрактарьтъ; въ срѣдата пъкъ, на малъкъ столъ, е седнала кралицата. Краль и байрактаръ не се хващатъ единъ съ другъ, и кральтъ играе самъ, размахвайки съ меча.[1]) Т. н. „краљичке пјесме“ носятъ изцѣло характера на лазарскитѣ, съ прѣобладаващъ мотивъ либене-женене. Костюмировката пъкъ сближава сръбския обичай, отмѣстенъ напрѣдъ по дата, съ българския Лазаръ-Буенецъ. Отъ тукъ може да се заключи за извѣстна обща основа на обреди и поезия у южнитѣ славяни, като резултатъ отъ еднаквитѣ народнопсихологически разположения и еднаквитѣ културни въздѣйствия.

У насъ буенецътъ е познатъ, както се вижда, на много мѣста въ сѣверна, южна и югозападна България и не се ограничава само съ източнитѣ краища, както иска да вѣрва Мариновъ. Само за изтокъ е засвидѣтелствувана специалната форма на лазарския обичай: да се танцува „буенецъ“, при което найрано сочи да се е явило това название въ югоизточна България, въ Ямболско-Одринско, отъ гдѣто то се е ширило послѣ, съ прѣселванията на сѣверъ, и къмъ Русенско-Прѣславско, Добруджа и Бесарабия. Колкото пъкъ до пѣснитѣ на буенеца, тѣ прѣдставятъ дѣлъ отъ обширната група лазарски пѣсни, и би трѣбвало да се изучатъ затова въ свръзка съ тѣхъ.

IV.

Нека накрай изтъкнемъ интересното сходство на нашия буенецъ съ ромънската игра Драгайка.

Чолаковъ съобщава за такъвъ обичай въ гр. Свищовъ: „На 24 юний — Рождество Прѣдтечово, три дни прѣдъ тоя день,

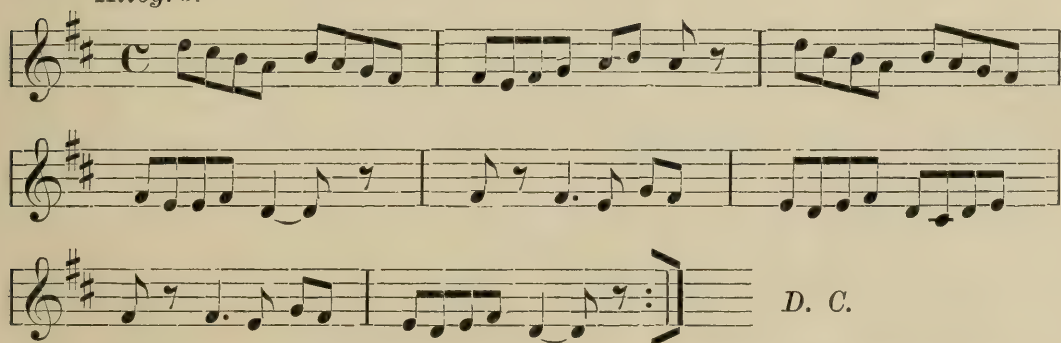
---

[1]) Срв. В. Караџић, ц. с. 35, Српски рјечник[3] (1898), 309 и Српске нар. пјесме, кн. I (1891), 99. Вж. моитѣ „Кукери и русалии“ СбНУ. XXXIV, 172 нт.

Sr. ještě Srpski etnografski zbornik, XIV. 47—48; XVI. 154—155, 158—160, 298—302, 303—307; XIX. 39—40. М. М.

шесть моми влашки (понеже въ Свищовъ има една махала власи) съдружаватъ се, прѣмѣняватъ се, взиматъ свирджии: една отъ момитѣ туря на главата си мѫжки калпакъ, взима въ рѫка голъ ножъ — дългъ ятаганъ, и ходятъ по кѫщята та играятъ, а тя върти ножа въ рѫката си, — въ знакъ какъ е закланъ Св. Иванъ Прѣдтеча, и имъ даватъ пари, които си дѣлятъ съ свирджиитѣ; — и това казватъ: „драгайката ходи да играе.“ [1])

Г-нъ Л. Поповъ, свищовецъ,[2]) ми съобщава по добра паметь, че още прѣди 50 г. обичаятъ ставалъ въ родния му градъ, а помнѣлъ се той и прѣди 20 г., ако не и по-късно. Драгайката се играела на Еньовдень, 24 юни. Сбирали се тогава три двойки (шесть) моми отъ „Влашката махала“, влахинки, всички облечени въ бѣли дрехи, прѣпасани съ черъ коланъ и накичени съ Еньово цвѣте, и боси тръгвали да играятъ. Една отъ тѣхъ била невѣста. Водѣла ги седма мома, съ калпакъ на глава, голъ ятаганъ въ рѫка и прѣпасана съ ивица прѣзъ рамо. За тая мѫжка роля се избирала най грозната мома; другитѣ били хубави. Всички излизали прѣди изгрѣвъ-слънце отвънъ града (вѣрва се, че „на този день слънцето играело“), послѣ се връщали и тръгвали отъ кѫща на кѫща. Свирѣлъ имъ цигуларь, сами тѣ не пѣяли. Хванати за рѫцѣ, играяли хоро лице съ лице, послѣ гърбомъ; хорото водѣла мѫжкаранката. Драгайката ходѣла „за здраве“. Ако имало нѣкой боленъ отъ трѣска, хващалъ се на хорото между момитѣ, и въ нѣкои случаи той оздравѣвалъ, слѣдъ като не сѫ помагали други лѣкувания. Ето мелодията, вѣрно нотирана отъ г. Поповъ, по която танцува драгайката, подъ звуцитѣ на цигулката:



Въ Ромъния на 24 юни казватъ Drăgaica. „На тоя день селскитѣ моми играятъ единъ дивъ танецъ, нареченъ „Drăgaĭcă“.

[1]) В. Чолаковъ, Бълг. нар. сборникъ, 56.
[2]) Прѣводачътъ на Тасо и Ифигения отъ Гьоте.

Отъ тамъ изразътъ: „a juca Dragaïca“, въ знач. на нѣмското toll herumspringen, лудо подскачане.“[1]) Все на тоя день, който въ Молдавия се нар. Sînziene, ходятъ да бератъ по полето лѣковити билки, както и у насъ, и тѣзи билки, нар. sânzeniile, помагали много противъ самодивитѣ (iele) и тѣхнитѣ болести.[2]) На тоя день не е добрѣ да се кѫпи човѣкъ, защото може лесно да се удави:[3]) у насъ се вѣрва обратното, да е добро и лѣковито всѣко кѫпане на Еньовъ-день. Ромънитѣ, освѣнъ това, вѣрватъ, че срѣщу деня на Св. Андрея (30 ноември) вампиритѣ (strigoii și strigoaicele) се сбирали да играятъ по кръстопѫтищата на „Drăgaica“, като се разотивали при първи пѣтли.[4])

Драгайката е, значи, танецъ, който се схваща като нѣщо профанно.[5]) Той напомня, откъмъ връзката си съ вампири и самодиви, играта на калушаритѣ, които сѫщо сѫ осѫдени отъ черковата, макаръ и да се сматрятъ лѣкари противъ разни болести, особено самодивскитѣ.[6]) Дали дегизацията на момитѣ, съ тѣхнитѣ калпаци и голи саби, трѣбва да се довежда въ свръзка съ костюма и атрибутитѣ на калушаритѣ-русалии, — и интересно е, че като тѣхъ, драгайкикѣ сѫ 7 на брой и лѣкуватъ болни чрѣзъ танеца си — или пъкъ тя никне самостойно, изъ драматическото изображение на обезглавения Иванъ Кръстителъ (навѣрно сетнѣшно осмисляне), не може да се каже положително. Възможно е още, щото ромънската драгайка да се осланя на нашитѣ лазарки — на това ни навежда ролята на невѣстата — при което празнуването да е отмѣстено така напрѣдъ по дата, както е танецътъ на сръбскитѣ кралици, тъй сѫщо споменъ отъ лазаркитѣ, съчетанъ отсетнѣ съ разнороднитѣ русалски игри.

---

[1]) H. Tiktin, Rumänisch-deutsches Wörterbuch, Buc. 1895, 570. — A. de Cihac, Dictionnaire d'étymologie daco-romane. Francfort 1879, 100 дава слѣдното опрѣдѣление: „Dragáică, s., nom donné à la plus belle fille choisie à une certaine fête champêtre et nom d'une danse, que ces filles dansent.“ Cihac съпоставя името съ ромън.-бълг. драгъ, cher, chéri.

[2]) C. R.-Codin și D. Mihalache, Sărbătorile poporului. București 1909, 73—74.

[3]) A. Gorovei, Credinți și superstiții. Buc. 1915, 10.

[4]) T. Pamfile, Sărbătorile de Toamnă. Buc. 1914, 128.

[5]) Названието споредъ Tiktin, ц. с., има неизвѣстна етимология. Навѣрно то стои въ свръзка съ ромън. drag (= бълг. драгъ, милъ), отъ което има много производни, каквото drăgulean (обиченъ), drăgălaș (наймилъ), drăguliță (миличка), drăguță (либе), и др. Названието за 24 юни у ромънитѣ е взето отъ обичая да се прави тогава драгайка, т. е. мома или булка; и у насъ на Връбница думатъ „куклинъ-день“, на Сирния понедѣлникъ „кукеровъ-день“, и т. н., спор. обичая да се правятъ тогава кукли или кукери.

[6]) Вж. моитѣ „Кукери и Русалии“, СбНУ. XXXIV, 171 нт., 222 нт.

Възможно е и да дѣйствуватъ едноврѣменно нѣколко аналогии, по силата на оня обреденъ синкретизъмъ, що характеризира изобщо творчеството въ тая область.

Тъй или инакъ, драгайката се явява като прѣдпролѣтенъ праздникъ на момитѣ, свързанъ съ благопожелания, и той се врежда между всички ония пролѣтни и лѣтни обичаи, назначението на които е да служитъ като психологически катарзисъ и като практическа магия. Освобождаватъ ли тѣ, отъ една страна, скрити вжтрѣшни сили, изказватъ ли копнежа къмъ щастие и радость, бликналъ въ младитѣ сърдца, тѣ цѣлятъ, отъ друга страна, съ думи и дѣйствия-танци къмъ симпатическо въздѣйствие върху природата, каквото да настжпи желаното отъ всички и насжщното за земледѣлеца обилие, здраве и плодородие. Буенецъ, лазарки и драгайка сж за насъ толкова отживѣла обредна поезия на селския животъ, колкото и свидѣтелство за най-съкровенитѣ икономически грижи на простия народъ. Къмъ извѣстнитѣ огнени забави срѣщу Велики-пости на момцитѣ, съ тѣхното надскачване и хвърляне запалени стрѣли,[1]) тукъ имаме танецъ и пантомима на момитѣ все прѣзъ това годишно врѣме, — танецъ и пантомима, вдъхновявани отъ сжщитѣ човѣшки чувства и основани на сжщитѣ религиозно-магически прѣдстави.

София.

М. Арнаудовъ.

[1]) Срв. моя „Праздниченъ огънъ“, XV Годишникъ на Соф. университетъ (1921).

Kritiky a referáty.

Nový pokus o klasifikaci slovanských jazyků.

Do svých dějin bulharského jazyka[1]) zařadil prof. B. Conev úvodní stať »Bulharský jazyk v poměru k ostatním slovanským jazykům« (str. 16 až 62). V ní neobmezil se jen na řešení otázky nadpisem naznačené, než pokusil se ještě řešiti jiné složité problémy jak o vzájemných poměrech jednotlivých slovanských jazyků, tak i o rozložení těchto jazyků v pradávných, předhistorických dobách. Jeho pokus, a to budiž předem poznamenáno, narazí nepochybně na silný odpor, a tomu buď dán výraz v naší kritické poznámce.

B. Conev přiznává, že celkem uznává teorii Joh. Schmidta, uznává t. ř. přechodní nářečí, ba i nářečí smíšená, pokládá za pravdu, že sousední slovanské jazyky mívají tolik společných rysů, že jest někdy těžko jeden od druhého oddělovati, chtěl by, maje na paměti ohromné rozdíly na př. mezi nářečími německými nebo francouzskými, raději mluviti o slovanských nářečích a ne jazycích; jen samostatný vývoj slovanských kmenů ospravedlňuje pojmenování slovanských národů a jazyků (str. 17). Nicméně kloní se k jakémusi seskupování slovanských jazyků; přehlížeje různé pokusy uznává celkem pokus Daničićův, ale modifikuje jej dosti značnou měrou a konečně přijímá, že nejlépe je děliti slovanské jazyky ve dvě skupiny: severozápadní a jihovýchodní. Hlavní odchylky mezi nimi jsou: 1. různý vývoj pův. *dj, tj*; v první skupině jsou za to »съskavi zvukove«, v druhé »šuškavi zvukove«, k nimž počítá též srb. *ć, đ*; 2. epentetické *l*; 3. *ř* ve skupině jedné proti *ŕ* nebo *rj* ve skupině druhé; 4. palatalisace *kv, gv*; 5—6. zubnice *d, t* před *l, n*; 7. znění pův. ѣ: kdežto v severozápadní skupině jest za ně *e*, v jihovýchodní zní jako ѣ, *o* nebo *a*; 8. přízvuk v severozápadní skupině bývá na určité slabice, v druhé bývá volný. Jest patrno, kterak jsou tu pomíchány velmi staré jevy fonetické s jevy nesporně mladšími, jevy sáhající do doby předhistorické s jevy provedenými v dobách historických. Více než všecky dosavadní pokusy o třídění slovanských jazyků selhává právě tento pokus nejnovější; v žádném ještě nebyly jevy starobylé, podstatné tou měrou stavěny do jedné řady s jevy nedávnými a vnějškovými, jak to učinil B. Conev. Dnes můžeme přece dosti přesně stanoviti dobu, kdy některé jevy byly provedeny, a zvláště víme, které jevy máme klásti do doby předhistorické a které do samostatného života jednotlivých jazyků, a ty můžeme částečně aspoň chronologicky určiti. K určení příbuzenských poměrů mezi slovanskými jazyky, ke stanovení jistých bližších

[1]) История на българский езикъ I. V Sofii 1919.

skupin jazykových můžeme, ba smíme používati jen oněch jevů, které nesporně spadají do nejstarších dob, tedy palatalisace zubnic, skupin *kt* atd., *kv, gv*, osudů zubnic před *l, n,* ale nikoliv takových, jež uvádí B. Conev. Než i tak bývají místy stejné hláskoslovné změny v jazycích severozáp. a částečné též v jihových. B. Conev opětně připomíná, že v některých nářečích slovinských bývá zubnice zachovávána před *l, n,* ale vykládá to sousedstvím se slovenštinou (str. 27)! Neuvedl si na pamět, že to bývá hlavně v nářečích korutanských, nikoli v uhersko-slovinských, v krajích, kde se Slovinci mohli kdysi úže stýkati se Slováky. Ale zapomněl, že obdobný jev jest ještě na severovýchodě v nářečí pskovském (ovšem se změnou *dl, tl* v *gl, kl,* častou v různých slovanských nářečích) zvláště v part. *l*-ovém, v tekstech XV.—XVI. stol. i ještě podnes, po různu i v jiných severních nářečích, mimo to ještě v slově *žeregło* místo obyčejného ruského *żereło* z psl.* *žerdło*, č. *zřídlo,* pol. *żrzódło*. Šachmatov spatřoval v tom vliv lašsko-polský, vysvětloval to tím, že na ruském severozápadě se smísili živlové ruští a lašští (РФВ. 69, str. 1 sl.). To by bylo ovšem muselo nastati dříve, než byla provedena metatese likvid v polštině; nynější, historický polský tvar *żrzódło* nemohl míti vlivu, gramaticky nevycvičené ucho sotva by úže spojovalo tyto dva tvary. Proto bychom se sami klonili k mínění A. I. Sobolevského, že třeba tu shledávati spíše jakýsi pozůstatek z doby praslovanské. Též estonské *mogel, mugel* »Seifenlauge«, citované od Šachmatova, předpokládá psl. *mydło* aneb pskovské *mygło,* a může sáhati svým původem do dob praslovanských, než došlo k asimilaci zubnice s *l* ve východních skupinách, a nemusí býti svědectvím hypotese předčasně zesnulého znamenitého učence, že se finští kmenové kdysi přímo stýkali s kmeny lašsko-polskými. Slovanská slova zachovalá v západofinských nářečích s nosovkami (*kuontalo, suntia* a j.) byla nejspíše, jak to své doby vykládal Mikkola, přejata za dávných dob z ruského nářečí, kdy v něm ještě zněly nosovky, stejně jako slova *palttina* a pod. z psl. **połtьno* přejato v době, kdy nebylo ještě provedeno plnohlasí. Jiné výklady zdají se nám býti příliš vynucenými, jakož zvláště vývody Šachmatovovy o někdejší rozloze slovanských a finských kmenů nelze přijímati. Sluší ještě podotknouti, že v ruských nářečích až do samého ruského centra (do gub. Tverské, Tulské a j.) se zachovalo *kv* jako v západních jazycích slovanských.

Některé hláskoslovné závažné změny byly nepochybně provedeny již po rozloučení slovanských kmenů, ne jenom různé záměny psl. nosovek, zánik, po případě vokalisace psl. polosamohlásek, než zvláště metatese likvid, a tyto hláskoslovné procesy můžeme dosti přibližně chronologicky stanoviti. Při tom zároveň dlužno si připomenouti, že metatese likvid byla různá na počátku slov a uprostřed slov, a že právě různé slovanské jazyky jinak se srovnávají ve vývoji skupin *ort-, olt-*, jinak ve vývoji skupin *tort, tolt, tert, telt.* V prvním případě došlo všude k metatesi (mimo stcsl. přežitek z psl. *alkati*) a to jiné v nářečích východních a západních (mimo střední slovenštinu!) a jiné v nářečích jihoslovanských, se kterými se srovnává střední slovenština; v oněch jest podle různé psl. intonace jednak *loni, loket*, po případě *łokoť, roz, rokyta* a j., jednak *laň, lakom, ráz, rámě* a j., v druhé skupině jest bez ohledu na psl.

intonaci vesměs *ra, la* (některé drobnější odchylky v střední slovenštině se vysvětlují jako pozdější vlivy jinorodé). Podle zastoupení těchto skupin uvnitř slova se, jak známo, slovanské jazyky seskupují jinak; celá československá skupina se úže přimýká k skupině jihoslovanské, nehledě na různosti v kvantitě. B. Conev neobracel na tyto zajisté závažné jevy fonetické náležitého zřetele.

V další části své knihy snaží se historik bulharského jazyka dovozovati, že bulharština zaujímala kdysi uherskou rovinu i Sedmihradsko, jakýsi střed mezi slovanskými jazyky a že má mnohé jevy společné brzy s jedním, brzy s druhým jazykem. Vytýká se zvláštním důrazem, že polština má tutéž střídnici za psl. *ě* jak bulharština, a že tato shoda nemůže býti nahodilá; chtěl by v tom spatřovati svědectví, že oba tyto jazyky, po případě národové, kdysi sousedili (str. 30, 46). Rozbíraje podrobněji hláskoslovné zvláštnosti polské přišel ještě na stálý polský přízvuk na předposlední slabice, a ten srovnává s přízvukem nářečí kosturského, ač jej ovšem nemůže pokládati za tak starobylý jako jiné jevy fonetické. Klade jen otázku, není-li přec jistá souvislost mezi těmi dialekty. Uvádí si na pamět, že v nejstarších památkách starobulharských není přízvuk označen, a táže se, nenasvědčuje-li to, že toto nářečí, které bylo podkladem spisovného jazyka církevního, vůbec nepotřebovalo označovati přízvuk, jelikož byl stálý na předposlední slabice! Další shodu s polštinou vidí v střídnici nosovky na počátku slov, stejně jest tu labialisace, *wąs, węzel, więch, wąchać* a j., jako ve východních bulharských nářečích i v kosturském předraženo *v*, kdežto v stblh. a v jihozápadních bulh. bývá předraženo *j* (str. 46—47).

B. Conev srovnává všecky slovanské jazyky a snaží se stanoviti, kde, v čem a do které míry se který jazyk shoduje s bulh., i činí z toho další vývody o jejich příbuznosti a o někdejších etnických poměrech slovanských. Nejdříve srovnává bulharštinu se srbštinou, odlišuje přesně různá nářečí, kajkavské, čakavské (obě jaksi příliš úzce slučuje), a ještě slovinštinu. Mezi oběma skupinami, bulharskou a srbskou, shledává řadu smíšených nářečí: nářečí moravské není čistě srbské, ani západní nářečí bulharská, ve kterých bývá *č, dž* nebo *ḱ, ǵ* proti bulh. *šť, žď*, nejsou čistě bulharská. V těchto nářečích se projevuje vliv srbský hlavně hláskoslovně a bulharský tvaroslovně. Mohli bychom, považujíce hláskoslovné jevy za starší a původnější, takové dialekty prohlásiti za dialekty co do podstaty a původu za srbské a později pobulharštěné. Bulharský učenec klade všecky tyto jevy jako rovnocenné vedle sebe a soudí, že Bulhaři mohou právem tvrditi, že jejich jazyk sáhá tak daleko, až kam dosahuje rozklad starých tvarů a jejich nahrazování jiným způsobem, ztráta infinitivu, postpositivní člen. Jazykovou hranici bulharštiny proti srbštině klade takto do krajů nad stokem obou Morav (u Stalaće) a odtamtud na jih přes Prokuplje do Prištiny. Srovnávaje blíže bulh. se srb. nalézá velmi málo společných znaků, a u těch (a to u změn *y* v *i*, *ę* v *e*, *ě* v *e* v západ. nářečích) dovozuje, že se šířily od západu (srbského) na východ bulharský; naopak o synktaktických jevech (o perifrastickém výrazu futura pomocí slovesa *chošta*, o zanikání infinitivu) míní — pokazuje na to, že to jsou jevy celkem cizí nářečím západnějším, chrvatským a slovinským, — že se

tu projevil vliv bulharský. V tom sotva bude možno s ním souhlasiti, spíše dlužno míti za to, že se projevil stejnoměrně v obou skupinách týž vliv cizích, neslovanských živlů etnických. Dále ještě vykládá bulharský učenec, jak silně se shodují bulh. a srb. v slovníce a kmenosloví, tvrdí dokonce, že tato leksikální shoda velice by usnadňovala zavedení společného spisovného jazyka, kdyby politické soupeření mezi oběma národy nezapuzovalo každé pomyšlení o tom. Ale nicméně přichází k přesvědčení, že bulharština neměla prvotně sousedem srbštinu, ukazuje, že má naopak některé rysy, od srbštiny odchylné, společné se skupinou »chrvatsko-slovinskou«. Uvádí tu, že v některých (čakavských) nářečích bývá po palatálních hláskách namnoze *a* za *ę*: *jazik, prijati, žatva* a j., jako prý podobně místy v bulh.; na počátku slabik v slovin., kajkav. je *vo* za *ą*: *vos* a j. jako bulh. *vъsi, vъže* a j.; je zachováváno *čr*, kde srb. má *cr*: *črv* — *crv* a j.; koncové *l* se v srb. mění v *o*, ale v chrvat. a slovin. se zachovává stejně jako v bulh.; epentetické *l'* v »chrvat.-slovin.« skupině namnoze prý není tak jako v bulh.; *lj, nj* nesplynuly v čakav. a v bulh. v *l', ń* jako v srb.; též přízvuk bývá prý v bulh. a v chrvat.-slovin. stejný; za *ą* bývá v některých bulh. nářečích (v debrském a v nářečích rodopských) *o* shodně se slovin.; v chrvat.-slovin. bývá stejně jako v bulh. *šč*, ale v srb. *št* za staré *stj*. Conev počítá jevy, které má bulh. společné se srbštinou, a které s »chrvat.-slovin.« skupinou; ony jsou prý jen dva až tři, těchto však devět. Ony jsou prý data novějšího, ale tyto svědčí pro starší příbuzenský svazek. Bližší rozbor různých těchto jevů ukázal by jednak, že se namnoze vyskýtají též v nářečích nesporně srbských, jednak že jsou novějšího původu (jako na př. změna *l* v *o*, zanikání epent. *l'* v západnějších nářečích a v bulh. a j.) a mají různé příčiny. Nepochybno jest, že všechny tyto vývody prof. B. Coneva jsou nesmírně vratké. A tak se rozpadají v niveč též další jeho vývody o dávné rozloze těchto dialektů, resp. národů, jako že se slověno-bulharský jazyk kdysi v panonské rovině přímo stýkal se skupinou chrvatsko-slovinskou a kontinuita těchto jihoslovanských jazyků že byla přerušena srbštinou (str. 41). Docela není si však přece jist, neboť vyslovuje myšlenku, že bulharští Slověné byli ve své někdejší domovině blízkými sousedy Slovinců (a možná též Chrvatů — tak dodává v závorce na téže straně 41), Slováků, Poláků a Rusů, kdežto s Čechy a se Srby nebylo přímého styku, proto není mezi nimi starobylých společných rysů. Ovšem nemůže říci, kde by byli tehdy bývali Srbové, ale jest prý velmi pravdě podobno, že byli kdesi za Karpaty, a stěhovali se prý na Balkán, když Slověné (bulharští a Slovinci) a Chrvaté osídlili své nynější země. Miklosichovo mínění o příbuzenství Bulharů a Slovinců přijímá natolik, že v IX. stol. byla to dvě nářečí asi tak, jako dnes jsou vedle sebe obecně-bulharské nářečí charakterisované skupinami *št, žd* a makedonské nářečí s *ḱ ǵ* na jejich místě, totiž jen tento různý jev je rozlišoval.

Conev srovnává dále podrobněji bulh. s ruštinou (nečiní tu rozdílu mezi jejími oběma hlavními nářečními skupinami), vypočítává shody jazykové — mimo jiné zvláště *čr (čer)*, kde jen v srb. jest *cr*, též postpositivní člen v některých nářečích, ačkoliv nesouhlasí s míněním Miletičovým o jakémsi organickém spojení těch jevů v bulh. a v rušt., a konečně to, že v 3. sg. a pl. se zachovala stará koncovka *-t*, třeba s jistými obmezeními. Z toho

soudí, že mezi oběma jazyky byl kdysi užší styk, jistě když bulh. Slověné sídlili v Multánsku a v Sedmihradsku. Čeština jest podle jeho mínění nejvíce vzdálena od bulh., ale za to shledává značné množství společných rysů slovenštiny s bulharštinou (str. 49 a d.): jsou to střídnice psl. jerů (že jsou v slov. za ně ještě jiné hlásky *a* i *e*, ukazuje prý, že *ъ* prvotně byla hláska temná, neurčitá, jako tomu jest v bulh. a v slovinštině), střídnice *ä* za nosovku *ę*, táž jako v některých jihovýchodních nářečích bulh. (rodopských a u Pavlikiánů), ač bývá to v různých případech, u Slováků po retnicích a jen v krátkých slabikách, v bulh. po palatálních *č, š, ž, j*. Krásnou shodu spatřuje dále v tom, že jest v slovenštině a bulh. vesměs sonantické *r, l*, kdežto v češtině jest ještě též *červ, černý, blecha, kluk, žluč* a j. Bulharský filolog jednak tu smísil jevy nestejné, v starém jazyce jistě jinak se vyslovovalo *blъcha, slъza, krъv*, než slova, kde bývalo sonantické *r, l*, jednak si nepovšiml, že tu bývalo v stč. namnoze jinak než jest v češtině nové. Zvláštní váhu připisuje tomu, že jest v slov. dosti hojně *'a, ia* za psl. *ě*, na první pohled stejně jak v pol. a v bulh. Conev právem zamítá myšlenku, že by se v tom mohl shledávati vliv polský, neboť bývá to též před retnicemi a hrdelnicemi, kde v pol. nebývá *'a*. Myslí, že jest to zbytek starého znění psl. *ě* (jako *ja*). Uvádí ještě ojedinělé případy sekundárního plnohlasí (*čerešňa, čerevo* a j.) v slovenštině a v bulh., jevy rozhodně mladší. Konečně ukazuje na to, že slovesná koncovka *-ovati* bývá v slov. změněna v *-uvať*, což bývá také v bulh., ale též v jiných jazycích; tato shoda není prý asi »náhodná«. Mimo to uvádí velký počet starobylých slov (str. 51—57), jež se vyskytují v obou jazycích, a pak společné prý výrazy a též říkadla a přísloví na důkaz toho, že slovenština byla velmi blízká skupině jihoslovanské a zvláště bulharštině, ba že to byl v IX. stol. více jazyk jihoslovanský než západoslovanský. Ale nedal si ani práci, aby pátral po tom, nejsou-li tato slova běžná ještě v jiných slovanských jazycích. Kromě obecně slovanských slov jako *babka* ‚stará baba', *bachor, bezcenný, brav, dobytče, dochnúť, lemeš, mzda, neduh* (v č. prý archaism), *ornica, osika, žasnuť sa, plešivec* »holá hora«, *prikmotriť sa, samotok, mačkať, stud, škvrna, veno, velmož, svak* a j. v. uvádí slova cizí: *buzogáň*, které proniklo prostřednictvím maďarským, *pohár, koleda, lichva*. Bohužel jsou všechny tyto dalekosáhlé vývody velmi, velmi slabě, až nedostatečně odůvodňovány. A bulharský učenec se nikterak neliší od jiných starších spisovatelů, kteří podobně zcela povrchně sestavovali rozmanité shody, aniž si dali práci blíže rozbírati různé ty jevy, nejsou-li spíše mladšího původu, čistě nahodilé a vnějškové. Nestačí přece nijak pouze sčítati rozmanité, různorodé jevy bez podrobnějšího jejich rozboru a ocenění co do závažnosti.

Jozef Škultéty dotkl se ve své pozoruhodné recensi Niederlových Starožitností sv. III (Letopis Matice slov. XIII, 75) stručně těchto výsledků Conevových; nerozebral jich podrobněji, zastavil se jen u střídnice psl. *ě*, a tu poznamenal, že *ia* bývá v slov. za *ě* jen v dlouhých slabikách před t. ř. tvrdými souhláskami, a to pouze v nářečí gemerském, nikoliv v nářečích jiných, ani v sousedním novohradském ani zvolenském. Plným právem vylučuje tu slovenský učenec *a* v takých případech jako *bľadý, ľavý* a p., jež nutno vysvětlovati jinak, asi podobně jako *ľan*. Též v českém jazyce,

starém i v nynějších nářečích, bývá dosti často *a* v krátké slabice a také v dlouhé (srv. Gebauer, Hist. mluv. I, 147). Ostatně mohou příčiny různých střídnic praslovanských polosamohlásek býti rozmanité, ne vždycky čistě fonetické. Souditi na tomto základě na jakousi užší souvislost slovenštiny se skupinou jihoslovanskou, srbsko-chrvatskou, jako na základě gemerského *ia* za psl. *ě* na souvislost s bulharštinou, bylo by unáhleno. Joz. Škultéty promluvil o tom stručně ještě ve své nástupní přednášce na universitě bratislavské (nyní otištěné ve Slovenských Pohľadech roč. 38. str. 65 a d.). Srovnává se úplně s míněním, že v Gemeru sousedili Slováci s Bulhary, hranicí obou národů byla kdysi Matra, a v jazyce gemerských Slováků nalézá »bulharské elementy«; vypočítává tu opět charakteristické pro toto nářečí *ia*: *chliab, triam,* 1. sg. *jam* (od *jesť), driamať, diavka, ziavať, mliako, hriach, smiach, viara, viatr, drian, drianka.* Tato hláska vázána jest na podmínky namnoze jiné než v bulh. a pol., i netřeba je blíže spojovati, aniž máme určitější svědectví o jeho starobylosti. Škultéty uvádí dále *edon, ednaký, ednooký,* ale v tom není nic takového, co by nebylo neznámo mimo slovenštinu a bulhar. »Gemerská slovenčina i okrem takýchto fonetických zvláštností i svojím slovníkom a frazeologicky má hodne spoločného s rečou bulharskou« (tamže str. 70), bohužel se společné tyto věci neuvádějí. Nicméně není to vše ani pro slovenského učence zcela dostatečné, neboť dodává: »Profesor B. Conev . . . robí z toho až priďaleko idúce vývody.« Škultéty shledává ještě fonetické zvláštnosti společné s jazykem srbsko-chrvatským jmenovitě v okolí kameňanském, »kde jazyk slovenský má v sobě hodně živlů jazyka ruského«. Ale co se tu uvádí, naprosto nedokazuje souvislost se Srby a Chrvaty; jmenuje-li se zrcadlo *ohledžidlo* podobně jako v srb. *ogledalo,* nemůže to býti náležitým důkazem souvislosti, též hornolužicky se zrcadlo jmenuje *hladadlo* a již v pol. XVI. stol. se jmenovalo *gludadlo* ve vymřelém nářečí žoravském. Svědectví bývalého sousedství gemerských Slováků s Bulhary nalézá Škultéty v místních jménech na západní a severovýchodní straně Matry, ale blíže to bohužel nerozvedl. Podobného svědectví o přímém sousedství Slováků se Srbo-Chrvaty dosud nezná, ale gemerská slovenština mu nezvratně svědčí, že Slováci až do příchodu Maďarů na konci IX. stol. mezi Dunaj a Tisu svými sídly museli s nimi souviseti. Při tom dlužno především míti na paměti výsledky historické gramatiky, že do této doby, než byla souvislost slovenštiny s jihoslovanskými skupinami dialektickými přerušena invasí maďarskou, nebyly ještě provedeny ony fonetické i tvaroslovné jevy, v nichž se na první pohled slovenština shoduje se srb.-chrvat. (jako vokalisace polosamohlásek v zavřených slabikách a j.)

Joz. Škultéty ukazuje ve své recensi i ve své nástupní přednášce (l. c. str. 71), že Maďaři za slov. *dz* v místních jménech mají *gy,* t. j. *ď*: *Palugya, Privigye, Pokoragy,* nynější slov. *Paludza, Prievidza, Pokoradz,* že tedy Slováci v dobách, kdy Maďaři tato jména slyšeli a přejali, v různých krajích, na Liptově, v Nitře a v Gemeru vyslovovali ještě *ď*, nikoliv *dz.* Odvolává se ještě na diplom zoborského opatství z r. 1113, v němž označováno palatalisované *d* ve slově *Prievidza* písmenem *g,* jež tehdy již znamenalo v uherských listinách *ď.* Na začátku XII. stol., soudí z toho, žilo ještě původní *ď*, ještě nebylo přešlo v *dz.* Odvolává

se na J. Rozwadowského, jenž na základě psaní polských slov v bulle papežské z r. 1136 s pouhým *d* za *dź* míní, že se tehdy ještě vyslovovalo *ď* (Encyklopedya polska II, 402—3). Tu jde ovšem o afrikatu *dź*, nikoliv o *dz* z *dj*. Zajisté ještě potom dlouho psalo se takto, ještě písaři Kázání kláštera sv. Kříže v 3. čtvrti XIV. stol., ba ještě v kázáních Hnězdenských neuměli patrně náležitě označovati polskou souhlásku. Staropolští písaři označovali *dz* velmi nedostatečně literami *c, ch* a též *d*, na př. v kázán. sv. Kříže: *narodene, pobuda* a j. místo *narodzenie, pobudza*. To nemůže přece znamenati, že tito písaři vyslovovali ještě jakési změkčené *d* místo *dz*, než svědčí jen o tom, že neuměli náležitě označovati zvláštní polskou hlásku. Totéž lze říci také o psaní slovenských místních jmen i o tom, jak přejali Maďaři slovenské *dz*. Nanejvýše mohli bychom se domnívati, že tato hláska zněla kdysi palatalněji než nyní. Ale nelze souhlasiti s domněnkou, že by se bylo *dz* vyvinulo teprve okolo počátku XII. stol., než musíme se pevně držeti mínění, které vyslovil Jagić, jež též Škultéty cituje, že náleží *dz* jako *c* mezi původní znaky západoslovanských jazyků, a že západní Slované přinesli je do nových svých domovů ze svých někdejších sídel. Sám ostatně Š. nechce použíti domnělého staršího znění nynějšího *dz* pro rozhodnutí otázky o souvislosti Slováků se skupinou jihoslovanskou. Š. dovozuje dále ve své přednášce, že byly v slovenštině ještě v XI. stol. nosovky; dovozuje to opět na základě maďarského znění místních jmen *Korompa* v (bratislav. župě), *Dombó, Dombóc* (tamže a v tekov. st.) za sloven. *Krupá, Dubová, Dubovec*. Neboť Maďaři začali pronikati za levý břeh Dunaje až v posledních letech života sv. Štěpána.[1])

Prof. B. Conev shrnuje na konci této kapitoly výsledky svého výkladu v ten smysl, že bulharští Slověné se stýkali v původních svých sídlech se »Slověno-Chrvaty«, se Slováky, Poláky a Rusy, ale nikoliv s Čechy a se Srby. Záhadné jest, kde by se byli mohli stýkati s Poláky, přece ne na jihu Karpat? Přijatelno jest pouze, že se nestýkali s Čechy, ale otázka o styku se Srby jest velmi zbytečná, ba marná. Jest to nešťastná obměna hypotesy Miklosichovy, že Slověné panonští, nynější, dáčtí a předkové Bulharů činili kdysi etnografický celek, který byl prý potom (v VII. stol.) rozražen Chrvaty a Srby. Veliký slavista spojoval právem oba tyto kmeny úže, a bulharský filolog je zajisté neprávem rozlučuje a Chrvaty úže spojuje se Slovinci. B. Conev pokouší se blíže stanoviti hlavní fonetické znaky bulharštiny v oné staré době, ba jde ještě dále a míní, že tehdy již byly přesně odlišeny obě hlavní dialektické skupiny bulharské, jihozápadní a východní, a to různými střídnicemi za pův. *tj, dj, kt* a j., za nosovku *ą* na počátku slova, za nosovku *ę*, a za obě polosamohlásky. Ale připouští, že bylo snad růzností i více.

Vzájemný poměr slovanských jazyků představoval by si Conev jako řetěz ze šesti kruhů, proplétaných kolem centrálního sedmého kruhu; ten představoval by staré místo slověno-bulharského jazyka, a šest kruhů

[1]) V poznámce se dotýká Š. mého mínění o maďarském jménu obce *Ordzoviany*: *Ragyoc, Ragyolc*. I když bychom připustili, že maďarské jméno vzniklo snad z loc. *Rdzovách* nebo *Rdzovás*, těžko vykládati, že se tak mohlo změniti v maďarských ústech.

kolem něho představuje hlavní slovanské jazyky, jež mezi sebou způsobily (произвождатъ) jazyky smíšené: mezi č. a pol. jazyk lužicko-srbský, mezi pol. a rus. běloruský, mezi rus. a bulh. maloruský, mezi bulh. a srb. kosovsko-moravský, mezi srb. a slovin. chrvatský, mezi slovin. a češtinou slovenský. Ale slovenský jazyk, dodává, zaujímá i dnes centrální polohu, neboť se stýká se všemi slovanskými jazyky jako dříve, jen s bulharským již ne. Otázka o původu a jménu jazyka Kyrilo-Metodějského jest takto zcela jasná, kmen, jenž jím hovořil, zaujímal tehdy i Panonii i Balkánský poloostrov. Jen chceme-li určiti místo, kde bylo založeno prvotně slovanské písemnictví, může se pojmenovati panonsko-slověnským nebo balkánsko-slověnským. Jedno i druhé jméno vztahuje se na týž národ, ze kterého pocházejí dnešní Bulhaři. Těmi slovy se končí kapitola knihy Conevovy, již jsme tuto rozebrali. Její výsledky nemůžeme nazvati šťastnými, přemnohé narazí na ostrý odpor, nejeden bychom raději vůbec neviděli vytištěným.

Praha.

Jiří Polívka.

Karl H. Meyer: **Der Untergang der Deklination im Bulgarischen.** (Slavica. Herausgegeben von M. Murko. 3.) Heidelberg 1920. C. Winter. 75 c.

Новая попытка рѣшить темный вопросъ, который доселѣ остается спорнымъ, несмотря на то, что цѣлый рядъ изслѣдователей и между ними такихъ крупныхъ, какъ Миклошичъ и Ягичъ, посвящали ему свое вниманіе . . .

Мнѣ представляется заслуживающимъ вниманія замѣчаніе А. Белича, что вопросъ этотъ есть общій вопросъ всей группы балканскихъ языковъ, которые утратили склоненіе (алб., греч., рум., болгар., македонскіе и нѣкоторые сербскіе діалекты), и что рѣшить этотъ вопросъ можно лишь на основѣ детальнаго изученія особенностей всѣхъ этихъ языковъ и діалектовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ.[1]) K. H. Meyer смотритъ на этотъ вопросъ много проще. Онъ нетолько ограничивается изученіемъ данныхъ старо-церк.-словянскихъ и среднеболгарскихъ, но и въ этой области суживаетъ кругъ своихъ интересовъ небольшимъ числомъ памятниковъ: изъ церк.-славянскихъ памятниковъ онъ беретъ во вниманіе лишь евангельскіе тексты и Синайскую Псалтырь, а изъ среднеболгарской письменности нѣсколько (6)[2]) евангельскихъ текстовъ. Что касается текста псалтыри, то автору не пришлось много трудиться, имѣя подъ руками „Psalterium Bononiense“ Ягича. Относительно среднеболгарскихъ евангельскихъ текстовъ онъ пользуется готовыми описаніями, извлекая изъ нихъ примѣры, которые ему кажутся интересными. Между тѣмъ число средне-болгарскихъ памятниковъ неизданныхъ, изданныхъ и описанныхъ, какъ извѣстно, во много разъ больше того количества памятниковъ, которое авторъ принялъ во вниманіе. Съ такимъ незначительнымъ и легко пріобрѣтеннымъ матеріаломъ г. Meyer пытается разрѣшить трудный вопросъ. Онъ отвергаетъ мысль о чуждомъ вліяніи, какъ и мысль о фонетическихъ совпа-

[1]) А. Белић „Дијалекти источне и јужне Србије“ 1905 г., 296 с.
[2]) Ев. Іоа.-Алекс. 1356 г. онъ лишь называетъ.

деніяхъ во флексіяхъ, какъ причинѣ потери склоненія, и ищетъ этой причины въ явленіяхъ синтактическаго характера. Собственно, мысль эта не нова: и Милетичъ указывалъ на выступленіе предлога вмѣсто простого дательнаго; и Ягичъ отмѣтилъ рядъ синтактическихъ моментовъ, которые авторъ использовалъ.[1]) K. H. Meyer, приводя указаніе Бругманна-Тумба[2]) на связь падежнаго синкретизма съ усиленіемъ употребленія предлоговъ, примѣняетъ эту мысль къ вопросу объ утратѣ склоненія въ болгарскомъ, силясь доказать, что главный виновникъ этой утраты — предлоги (ср. 28 и сл.). Детальный путь отъ живого употребленія падежей къ потерѣ падежныхъ различій, въ связи съ развитіемъ употребленія предлоговъ, онъ слѣдитъ въ 4 главкахъ своей брошюры: 1. потеря локатива, 2. потеря твор. падежа, 3. потеря родит. пад. и 4. потеря дат. падежа. Въ этихъ 4 главкахъ приводятся примѣры изъ среднеболгарскихъ памятниковъ въ сопоставленіи съ соотвѣтствующими мѣстами изъ старословянскихъ текстовъ. Если провѣрить разсужденія автора по приводимому имъ же матеріалу шагъ за шагомъ, то можно придти лишь къ одному выводу, что авторъ ничего не доказалъ изъ того, что хотѣлъ доказать, и что предлоги должны быть признаны оправданными по суду послѣ обвинительной рѣчи г. Майера. Собственно, нельзя не согласиться съ A. Meillet, когда онъ говоритъ о брошюрѣ г. Майера: „les observations de l'auteur sont si banales, il analyse si peu les textes utilisés, et il ignore tellement de parti pris le développement des parlers slaves de Macédoine et de Serbie proprement dite, essentiels à considérer en l'espece, que ce serait perdre le temps de la discuter.“ [3]) Положеніе критика затрудняется еще и тѣмъ, что подробный разборъ брошюры требовалъ бы чуть что не новой брошюры: столько матеріала для критики и замѣчаній. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ отмѣтить хотя бы въ общихъ чертахъ ошибки изслѣдованія, имѣя въ виду если не пользу науки, то пользу автора, какъ начинающаго ученаго. Для этого нѣтъ надобности расширять рамки его матеріала, можно ограничиться и тѣми данными, которыя приведены въ брошюрѣ. Г. Meyer отмѣчаетъ слѣдующіе моменты въ своемъ изслѣдованіи: исчезновеніе чистаго локатива и замѣну его локативомъ съ предлогомъ; появленіе дательнаго вмѣсто локатива при нѣкоторыхъ предлогахъ; утрату различія между обозначеніемъ мѣста и направленія; тенденцію расширить сферу употребленія предлога *съ* съ твор. падежомъ; вытѣсненіе твор. падежа при страдательномъ залогѣ конструкціей съ предлогомъ *отъ*; замѣну творительнаго винительнымъ при *съ*; замѣну родительнаго принадлежности дательнымъ; замѣну родительнаго винительнымъ въ отрицательныхъ конструкціяхъ; употребленіе родительнаго вмѣсто винительнаго отъ именъ неодушевленныхъ; употребленіе винительнаго вмѣсто родит. старыхъ текстовъ; замѣну родит. раздѣлительнаго винительнымъ; замѣну родительнаго аблативнаго и раздѣлительнаго конструкціей съ предлогомъ; употребленіе *отъ* съ винительнымъ; предлогъ *за* съ вин. вмѣсто родит. для обозначенія причины; замѣну адвербіальнаго датива конструкціей съ предлогомъ; тоже при адноминальномъ дательномъ.

---

[1]) Jagić, Bericht über einen mittelbulg. Zlatoust, 70—72 сл.
[2]) Griechische Gramm.⁴ 430 c.
[3]) Bulletin de la Société de linguistique 1921, XXII (Nro 69), 256 c.

Разсматривая матеріалъ, на которомъ основаны наблюденія и выводы автора, видимъ цѣлый рядъ методологическихъ ошибокъ.

Во-первыхъ видимъ, что авторъ не всегда принимаетъ во вниманіе возможность вліянія греческаго текста: ср. Пс. 67, 8 **въ поустыня** — *τὸν ἔρημον* (42 с.), **оумжчи люди подъ мя** — *ὑπ'ἐμέ* (51 с.); **своѭ дшѫ** — *τὴν ἑαυτοῦ ψυχήν* и другіе подобные примѣры на 56—57 с.; **съ льстьѭ** — *μετὰ δόλου* и другіе примѣры на 47 с., **отъ тебе** — *ὑπὸ σοῦ* и подобные примѣры на 49 с., 61 с., 64 с. и т. д. Если исключить всѣ такіе примѣры, въ которыхъ возможно вліяніе греческаго текста на поздній варіантъ, то матеріалъ Meyer'а вообще сильно сократится, а для твердости выводовъ это было необходимо сдѣлать. Во-вторыхъ, приводимыя авторомъ отношенія нерѣдко не подходятъ подъ его формулу отношенія старшихъ и младшихъ текстовъ. Ср. напр. его сопоставленіе на 39 с. Зогр. **въ трьнне**: Мар. Сав. (и Пражск. 15. века) **въ трьнии** и Ассем. **вьтрьни**, — ясно что не 1-е чтеніе древнѣе, а второе. Такъ же на 37 с. въ отношеніи „старшіе: младшіе" оказываются Мар.: Зогр. вмѣстѣ съ Пражскимъ XV. в. (**на пѫть : на пѫти**); на 40 с. Зогр.: Мар. (**възньзъ на трьсти : въздоживъ на трѫсть**), на тойже стр. Зогр. Асс. Сав.: Мар. съ Врач. (**подъ одромь : подъ одръ**), на 64 с. Зогр.: Мар. Добрѣйш. и т. д. Въ третьихъ, многія явленія, которыя авторъ ставитъ въ связь съ утратой склоненія, наблюдаются уже въ старословянскихъ памятникахъ XI. вѣка, слѣдовательно существуютъ при полной сохранности склоненія. Такъ напримѣръ, дательный вмѣсто мѣстнаго п. является въ средне-болг. текстахъ, говоритъ авторъ (35 с.) и приводитъ примѣры, относящіеся къ глаголамъ **приложити, прикоснѫти са, прилѣпити**. Но уже въ древнѣйшихъ текстахъ (ср. Маріин.) **приложити** употребляется и съ мѣстн. и съ дат. п., а **прилѣпити** съ мѣстнымъ и съ предлогомъ **къ** (Марк. X 7 **прилѣпитъ са къ женѣ**).

Колебаніе между gen. и acc. — обычное явленіе въ ст.-слов. текстахъ: Л. X 30 Мар. **оставльше елѣ живѣ сѫштъ**, — **жива сѫща** Остр., **живого сѫща** Сав.; Л. X 25 Мар. **живот вѣчьныи наслѣдоуѭ**, — **живота вѣчнаго** Асс. Къ замѣнѣ твор. п. конструкціей съ предлогомъ *съ* (47 с.): уже въ Маріин. имѣемъ **съ свѣтильникы** (Мат. XXV 4); къ примѣру изъ Пражск. Ев. XV. в. **вь притчахь** (48 с.): вм. **притьчами** (*ἐν παραβολαῖς*) — уже въ Мар. **въ притъчахъ** (Мат. XXII 1, Марк. III 23, Io. XVI 25 bis). Къ примѣру **въ макъкы ризы одѣна** Праж. Ев. (XV. в.): Мар. Зогр. **ризами**: — уже въ Мар. **одѣнъ въ плаштаницѫ** (Мар. XIV 51). Къ примѣру Трновскаго Ев. **не пьцѣте са о доуши своеи** (Мар. **доушеѭ вашеѭ** — *τῇ ψυχῇ*) — ср. уже въ Маріин. **и о одежди что са печете** (Мат. VI 28). Къ примѣру изъ Трнов. Ев. (на 51 с.) **иди за ма** (**за мъноѭ** Мар. Зогр.) — ср. **иди за ма** Сав. Остр. (Мат. IV 10). Также предлогъ **прѣдъ** употребляется въ древнѣйшихъ текстахъ и съ твор., и съ вин. (къ 51 с.); къ примѣру **законъ положи** (на 61 стр.) — ср. въ Мар. **положѫ дхъ мои** (Мат. XII 18) и т. п. Къ примѣру вин. п. при **славити** ср. Мар. **славаи ма** (Io. VIII 54) и т. п. Къ вин. при глаголѣ **зьрѣти** — ср. Мар. **зьрѭ чловѣкы . . . ходашта** (Мар. VIII 24). То, что г. Meyer говоритъ о новой тенденціи замѣнять родит. п. аблативный и раздѣлительный предлогомъ на 64—66 с. — ср. съ такими примѣрами изъ Маріин. Ев., какъ: **егда разлѫчаашете са отъ него** (Л. IX 33), — ср. то же Мат. XXV 32 (. . . **отъ козьлиштъ**),

отъстѫпите отъ мене (Л. XIII 27), **отъ ꙁемлꙗ отъстѫпити** (Л. V 3), **иꙁбави ны отъ непριꙗꙁни** (Мат. VI 13), **отъиметъ сꙙ отъ него** (Марк. IV 25), **юдинъ отъ сихъ** (Марк. VI 28), **юдинъ отъ малыхъ сихъ** (Мат. XVIII 14), **котераго же отъ васъ** (Л. XI 11), **котораго отъ седми** (Мат. XXII 28), **никтоже отъ ꙋ҇лкъ вьсѣлъ** (Мар. X 2), **никтоже отъ васъ** (Io. VII 19) и т. п.

Къ примѣрамъ на 70 с. **надѣахъ сꙙ на милость твоѭ и наставитъ на пѫти своѩ**, какъ позднимъ явленіямъ: ср. въ Мар. **надѣѭщемъ сꙙ на сꙙ** (Л. XVIII 9); **наставитъ вы на вьсѣкѫ истинѫ** (Мар. XVI 13).

Къ замѣнѣ дательнаго конструкціей съ предлогомъ при глаголахъ **обратитисꙙ, посълати, приступити, приближитисꙙ, решти, глаголати** (68 с.) — ср. въ Мар. Ев. **рече къ немоу** Мат. III 15, XII 47, **гл҇ати къ тебѣ** Марк. XII 47 и т. п., **приближисꙙ къ братомъ** Л. VII 12; **обраштьсꙙ къ оученикомъ** Л. X 22 и т. п., **посълѫ и къ вамъ** Л. VII 6 и т. п., **пристѫпи къ немоу** Мат. VIII 5.

На 63 с. авторъ приводитъ **колькраты**, какъ замѣну стараго **колькратъ** (вин. вм. род.), между тѣмъ такой архаическій текстъ, какъ Маріин., употребляетъ исключительно **колькраты** и ни разу **колькратъ**. И въ выраженіи **седмь краты** вторая часть врядъ ли ощущалась, какъ падежная форма. И употребленіе предлога *за* съ вин. п. для обозначенія причины, которое г. Meyer разсматриваетъ, какъ новшество (66—67 с.), опять таки старая черта: ср. въ Мар. и другихъ старыхъ текстахъ **ꙁа иꙁбъраныѩ прѣкратѧтъ сꙙ дьние ти** (Мат. XXIV, 22) и т. п.[1])

Авторъ долженъ былъ предварительно изучить систематически синтаксисъ др.-церк.-словянскій, сравнительно съ синтаксисомъ живыхъ словянскихъ языковъ, и выяснить, что въ древнѣйшихъ церк.-слов. памятникахъ объясняется вліяніемъ греч. текста и что-живая черта, а тогда уже рѣшаться на выводы изъ отношеній между чтеніями, случайно попавшимися на глаза. Одно изъ двухъ: или **съ свѣтильникы** въ Мар. Ев. Мат. XXV 4 — живая черта, илиже результатъ вліянія греч. текста. И въ томъ, и другомъ случаѣ приводимое авторомъ **съ свѣтильникы** поздняго текста ничего не доказываетъ. Однако и это еще не все.

Случайнаго происхожденія примѣры авторъ иногда неправильно истолковываетъ въ пользу своихъ предположеній. Такъ положеніе о вытѣсненіи адноминальнаго дательнаго подтверждается всего двумя примѣрами (71 с.): **гд҇и нбс҇и и на ꙁемли** и **вьмѣниша ны ꙗко овьцꙙ на ꙁаколение**; между тѣмъ въ первомъ случаѣ возможна просто реминисценція: **ꙗко на нбс҇и тако и на ꙁемли** (Л. XI 2). Примѣръ изъ Пражск. Ев. XV. в. **къ поустынѣ** (Мар. Ев. **къ поустынѭ**) авторъ толкуетъ, какъ мѣстный падежъ (38—39 с.), между тѣмъ мѣстн. п. былъ бы: **къ поустыни**, а въ этомъ памятникѣ **ѫ** послѣ **н'** замѣняется чрезъ **ꙙ**, а вм. **ꙙ** нерѣдко находимъ **ѣ**, слѣд. **поустынѣ** — скорѣе acc. sing. Марк. V 12 (**вънидемъ**) **къ нихъ** (вм. **къ н҇ꙙ**) можетъ быть род.-вин., а не мѣстн.; Мат. XIII 19 **всѣаное въ срьдьцѣ его** (Праж.), въ которомъ авторъ видитъ замѣну мѣстнаго винительнымъ, объясняется предлогомъ *въ* въ глаголѣ **въсѣꙗти**

[1]) Невѣрно утвержденіе автора: „nach *za* folgt im Abg. zur Angabe . . . des Grundes gewöhnlich der Genitiv“ (66 с.): обыченъ accus. a gen. крайне рѣдокъ.

и является вполнѣ нормальной конструкціей (Мар. Зогр. **сѣмоє къ срьдьци**). На 38 с. авторъ невѣрно понялъ **на рамѣ** Мар. Евангелія какъ loc. sg. (на самомъ дѣлѣ = acc. dual.). Такъ же неправильно толкованіе примѣровъ, которые приводятся на 66—67 с., какъ замѣна род. падежа винительнымъ при предлогѣ *за* (тутъ нѣтъ стараго родительнаго, а лишь вин. или род.-вин.) и т. д. Если отбросить всѣ тѣ примѣры, которые могутъ объясняться вліяніемъ греч. текста, и тѣ, которые неправильно разсматриваются, какъ нѣчто новое, а также и тѣ, которые авторъ неправильно толкуетъ, то останется сравнительно небольшой матеріалъ, и все еще не вполнѣ очищенный критикой.

Порой возможна описка или случайная ошибка писца, какъ напр. Лук. VII 32 **приглашающемъ дроугъ къ дроуга** въ Пражск. Ев. или Л. XII 5 **къ оухо** во Врачан. Ев.; иногда возможно иное пониманіе писцомъ текста, какъ Мат. XIII 52 **наоучьса въ цр҃ствии небесьнѣемь** (Мар. **цр҃ствию нбс҃коумоу**), иногда даже непониманіе писцомъ текста, какъ во Врач. **възведъ скои къ адъ** (Лук. XVI 23), или какъ въ Погод. и Бух. Пс. **приуастиша оуи са въ елъфегорѣ**.

Возможны и всякія другія объясненія въ отдѣльныхъ случаяхъ, болѣе правдоподобныя, чѣмъ толкованія автора. Такъ, **прогнѣваша доуха** Бол. Пс. 105, 33 (60 с.) — можетъ быть персонификація; **съ дръколы** въ Тріов. Ев. можетъ быть не acc. pl. какъ думаетъ авторъ (вм. **дръкольми**), а другое образованіе или смѣшеніе основъ. Въ случаяхъ, какъ **надъ снономъ горѫ** или **подъ трапеꙁѫ** можетъ быть твор. п. на -ѫ, который встрѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, и т. д. О такихъ случаяхъ, какъ **родиса въ миръ** и **родиса въ мирѣ** и говорить не стоитъ. Тутъ нѣтъ никакой потери различія между мѣстомъ и направленіемъ, какъ думаетъ г. М. Если отбросить всѣ такіе почему либо сомнительные примѣры, то останется нѣкоторое количество фактовъ двоякаго характера. Во первыхъ, останется небольшое количество примѣровъ дѣйствительной утраты различія падежей, а во вторыхъ останутся факты, доказывающіе нѣкоторыя синтактическія явленія, о которыхъ мы знали и раньше, какъ замѣна родительнаго принадлежности дательнымъ, исчезновеніе изъ употребленія мѣстнаго падежа безъ предлога, т. е. замѣна его мѣстнымъ падежомъ съ предлогомъ и вообще расширеніе сферы употребленія предлоговъ, т. е. замѣна конструкцій падежа безъ предлога конструкціей падежа съ предлогомъ, наконецъ и нѣкоторыя другія передвиженія въ области падежныхъ конструкцій.

Доказать, что первыя явленія, т. е. утрата различія падежныхъ окончаній находится во внутренней связи съ явленіями второго ряда, — совершенно невозможно. Невозможно это по той простой причинѣ, что и въ живыхъ словянскихъ языкахъ, не потерявшихъ склоненія, какъ напр. русскій или сербскій, находимъ тѣже явленія, въ которыхъ г. Meyer видитъ причину утраты въ болгарскомъ склоненія.

Замѣну родительнаго принадлежности дательнымъ наблюдаемъ, напр., и въ сербскомъ. Исчезновеніе чистаго локатива, т. е. замѣна его конструкціей съ предлогомъ — общая черта всѣхъ словянскихъ языковъ. Вообще расширеніе сферы употребленія предлоговъ сравнительно съ первоначальнымъ состояніемъ наблюдаемъ во всѣхъ живыхъ словянскихъ язы-

кахъ въ большей или въ меньшей мѣрѣ. Напримѣръ глаголы *прилѣпиться, приложить, прикоснуться* въ русскомъ употребляются только съ предлогомъ *къ*. Примѣры, приводимые авторомъ для иллюстраціи замѣны твор. падежа конструкціей съ предлогомъ *съ*: **съ свѣтильники** (Мат. XXV 4), **съ слъзами** (Пс. 125, 5) ср. съ сербскимъ переводомъ Даничича: са жишцима, са сузама (сијали).

Старослов. **члов҄ѣкъ д҄хомь нечистомь** переводится у Даничича: *с духом нечистијем* (ср. Даничичъ, Срб. синт. 599 и сл.). По русски нельзя сказать *исчезли стыдомъ,* а лишь *со стыдомъ,* такъ же: *собрались со страхомъ, идетъ съ копьемъ* и т. д. (къ 47—48 с. Мейера). Мат. XIII 13 **притъчами глаголѭ имъ** Даничичъ переводитъ: *за то им говорим у причама.*

Л. VII 25 **одѣнъ ризами**: по русски *одѣтъ въ платье,* по сербски *обучен у хаљине.* Рядомъ съ *ночью* которое стало нарѣчіемъ, по русски можно сказать *въ ночи.*

Мат. VI 28 **пьцѣте се д҄шеѭ**: по русски — *печься, заботиться о чемъ,* по сербски *бринути се за што*; Л. XIX 3 **не можааше видѣти народомь** Даничичъ переводитъ: *и не могаше од народа . . .*

Относительно вытѣсненія инструментала при страд. залогѣ конструкціей съ предлогомъ *отъ* самъ авторъ признаетъ, что уже въ др.-ц.-словянскомъ рядомъ съ твор. п. употребляется конструкція *отъ.* Въ сербскомъ употребленіе *од* при страдат. залогѣ — обычное явленіе (Срб. Синт. Даничича, 226—227). Въ частности, примѣръ, которому г. Meyer придаетъ особое значеніе, — **како позна҄ть бꙑстъ одъ нею** *(αὐτοῖς)* ср. съ примѣромъ Даничича: *и још познати бивши од Бога.* Глаголы *отступить, избавить, отнять* (ср. 64 с.) требуютъ въ русскомъ предлога *отъ,* какъ и въ сербскомъ *одвојити* (которымъ Даничичъ переводитъ **разлѫчити**), *избавити, одступити, узети* (**отъꙗти**). Мат. V 29 **єдинъ оудъ твоихъ** = серб. *један од удова твојијех* (Данич. Нов. Зав.); Io. XIII 28 **никъто же възлежѧщтиихъ** = *нико од онијех што сјеђаху* (Данич.); и по русски *одинъ изъ . . ., никто изъ . . .*; Лук. XIX 12 **чловѣкъ добра рода** = серб. *човјек од добра рода;* Мат. XXIII 11 **болеи васъ** = серб. *највећи између вас,* русс. *лучшій изъ васъ.*

Примѣръ на 65 с. **по вꙑсотѣ небесьнѣи земла**, но „cett. **отъ землѩ**“, въ которомъ г. М. видитъ замѣну родительнаго предлогомъ, ср. съ переводомъ этого мѣста у Даничича *колико је небо високо од земље.*

Глаголы *приближити се, прилепити се, доћи, окренути се* (= **обратити сѧ**), *послати, приступити, припасти* (ср. т. М. 68—69 с.) употребительны въ сербскомъ съ предлогомъ *k.* И по русски *приближаться, прилѣпиться, идти-придти, приступить, припасть — къ кому.*

Примѣръ (68 с.) **припаде на храминѫ** Трн. = серб. *навали на кућу;* глаголъ *надѣяться* требуетъ по русски предлога *на* и т. д. Точно такъ же нѣкоторыя передвиженія конструкцій, которыя наблюдаетъ авторъ и которыя ему представляются симптомами разстройства склоненія, наблюдаются въ словянскихъ языкахъ, сохраняющихъ склоненія, и не представляютъ вовсе ничего ненормальнаго. Порой имѣемъ колебаніе между двумя конструкціями, которое также не имѣетъ никакой связи съ утратой склоненія.

По русски напримѣръ можно сказать: *я еще не видѣлъ твоей дочери* и *я еще не видѣлъ твою дочь*; говорятъ *ненавидитъ свою душу, не оставлю дочь, не разоряй гнѣздо, не удаляй дитя;* между тѣмъ г. Meyer въ употребленіи винительнаго въ такихъ случаяхъ видитъ одну изъ причинъ утраты склоненія въ болгарскомъ или одинъ изъ симптомовъ такой утраты.

Предлогъ **прѣдъ** употребляется въ древнѣйшихъ текстахъ и съ твор., и съ винит., и примѣрамъ изъ Трновскаго Ев. **идосте прѣдьнь** или изъ Соф. Пс. **прѣдь нь припадѫтъ вьси**, которые приводить авторъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ сербскіе вродѣ *који на друм иде пред сватове, пак пред цара клече на колена* (Даничић Срб. Синт. 528 с.). Точно такъ же когда г. Майеръ сопоставляетъ два чтенія **роди къ прѣселение** и **роди къ прѣселении** (40 с.), мы не видимъ тутъ никакой утраты различія между обозначеніемъ направленія и мѣста. Такое колебаніе понятно, такъ какъ для обозначенія времени употреблялся изстари какъ мѣстный, такъ и вин. п. Ср. Мат. XVII 23 **трети д҃нь** *τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ* и **томь часѣ** *τῇ ὥρᾳ*; ср. русс. *въ пятницу* и *въ мартѣ*. Всѣ зависѣло отъ формы представленія говорящаго.

Если глаголъ *искать* первоначально требовалъ род. падежа, то теперь въ русскомъ вполнѣ обычна конструкція: *ищу свою шляпу* и т. п., ср. въ сербскомъ *шта тражиш?* и т. п.

Можно было бы сдѣлать еще не мало замѣчаній по поводу выводовъ г. Майера и его пониманія фактовъ, но и сказаннаго, думается, достаточно, чтобы дать понятіе о методѣ автора и о степени цѣнности его наблюденій.

Скопље. *С. Кульбакинъ.*

А. Теодоровъ-Баланъ:

a) **Свети Климентъ Охридски въ книжевния поменъ и въ научното дирене.** Академична рѣчь, четена въ тържественото събрание на Българската Академия на наукитѣ на 27. юли / 9. августъ 1916, за прослава на хилядогодишницата отъ смъртьта на светеца. София, дръж. печатница. 1919. Str. 117 in 8⁰.

b) **Кирилъ и Методи.** I. Университетска библиотека, редица „Помагала“, брой 1. София, държ. печ. 1920. Str. 178 in 8⁰.

V první publikaci nalézáme přednášku, kterou spisovatel měl r. 1916 na oslavu tisícileté památky úmrtí biskupa Klimenta († 916), známého žáka obou apoštolských missionářů Konstantina-Kyrilla a Methoděje. Řečník vzal si za úkol, podati přehled literárních pramenů a vědeckých prací o životě a působení Klimentově. Postupuje při tom chronologicky a snaží se sestaviti předně pokud možná úplný výčet legendárních skladeb a liturgických (hymnických) textů, o něž se přičiňovali zvláště arcibiskupové Ochridští, ovšem Řekové, aby zvýšili slávu svého sídla a hájili jeho samostatnosti. Spisovatel totiž, ve shodě s mnohými badateli, soudí, že obšírnou legendu, t. zv. bulharskou, složil arcib. Theofylakt (koncem XI. — zač. XII. stol.), kratší legendu, t. zv. ochridskou, dále několik hymnů,

arcib. Demetr. Chomatian (v první pol. XIII. stol.), některé stichiry a tropar jeho nástupce arcib. Grigorij, kanon arcib. Konstantin Kavasila (od r. 1255 arcib. Tiberiupolský, pak metrop. Dračský). V pozdějších stoletích (XV., XVI.) se tyto řecké skladby (hlavně obšírná legenda), přičiněním duchovních osob arcidiecése Ochridské, přepisují. Ve stol. XVIII. objevují se spracování novořecká a tisknou se pak v Moschopoli (1741, 1742, 1746), v Benátkách (1784), v Lipsku (1805). Vydání, které pořídil vídeňský kněz Ambrosij Pamperej (1802, snad ve Vídni), dostalo se do rukou Bartol. Kopitarovi (1811), jehož pozornost upoutala obšírná legenda a jenž o tomto důležitém pramenu podal zprávu Jos. Dobrovskému. Legendu vydal pak, jak povědomo, Fr. Miklosich (ve Vídni, 1847), čímž se stala přístupna vědeckému badání. V této legendě uvádějí se četné náboženské a církevní spisy Klimentovy. Studiem rukopisných pokladů ruských a později též jihoslovanských ukázalo se, že valná většina těchto spisů se zachovala. První objevy v tom směru učinil V. M. Undolskij již v r. 1840. Avšak teprve v novější době podařilo se badatelům (Lavrovu, Sobolevskému, Stojanovićovi a j.), nalézti četná »slova« Klimentova a zjistiti jeho účastenství při pořízení textů liturgických. Odborná literatura o Klimentovi je tudíž hojná a zejména pozoruhodné jsou dvě monografie: G. Balasčeva (София, 1898) a N. L. Tunického (Сергiевъ Посадъ, 1913). K nim druží se přítomný spis, který v obšírných poznámkách k slavnostní řeči (str. 3—31) přináší podrobné bibliografické doklady, sahající až do r. 1916 (na str. 33—117). V nich je vlastní těžiště této publikace, její cena a zásluha. Nelze neuznati, že spis. pečlivě vyčerpal všechno, co mu bylo přístupno a co sloužilo jeho úkolu. Snaha po úplnosti způsobila, že tu nalézáme obsah četných rozprav a spisů, které s úkolem spisu jen volně souvisí, na př. výtah z knihy Novakovićovy Први основи словенске књижевности (Београд 1893), podaný na 14 stránkách (80 a násl.). Tím se stalo, že se tu setkáváme bezmála s celou literaturou cyr.-methodějskou, pokud má nějaký vztah k životu a činnosti Klimentově. Úprava spisu, jehož hlavní část je obsažena v poznámkách, způsobila též, že spis. těchže otázek dotýká se na několika místech. A jelikož kniha nemá ani osobního ani věcného rejstříku, je hledání poněkud obtížné. Ukázkou takového nedosti soustavného postupu může sloužiti poznámka 38. Tu máme přímo typický příklad, jak spis. se spokojuje pouhým sestavením příslušné literatury, bez zřetele na věcný základ otázek a jejich řešení. Zájem spis. je vůbec více obrácen na stránku hagiografickou, na vylíčení, jak sv. Kliment žije v úctě zbožného lidu a s jakou důvěrou se věřící k němu obracejí a prosí o jeho zázračné přispění. Úcta nabyla v dobách válečných (1912 a násl.) zabarvení politického. Sv. Kliment je bulharským světcem a chrání v Ochridě své Bulhary. Spisovatel vypravuje výjev z války a neopomíná citovati i báseň Iv. Vazova, jenž volá: Свети Климентъ, Ти си българинъ, ти нашъ си светецъ. Vlastní historické a literární otázky zůstávají poněkud stranou. Je to zvláště patrno z krátkého náčrtku, kterým spis. zakončuje svou řeč. Dí sice, že je tu vylíčena osobnost Klimentova a jeho význam pro kulturní dějiny bulharského národa na základě vědecké kritiky. Nicméně ukazuje obsah, že běží na prvním místě o životopisná data, jež poskytuje obšírná legenda. Východiskem jsou události, jichž středem se

stali oba missionáři Konstantin a Methoděj. Jejich činnost měla, tak soudí spis., za hlavní úkol, šířiti křesťanství v duchu řecko-byzantské kultury a tím též sloužiti byzantskému politickému panství. Odtud prý se vyvinulo teprve kulturní dílo slověnské. Bratří prý působili původně mezi bulharskými Slověny, kteří byli pod panstvím byzantským, na území, jež se prostírá mezi Solunem, Cařihradem a Valonou a sahalo dále i do Malé Asie. Tyto pohanské obyvatele Makedonie obraceli na víru Kristovu. Při této činnosti vznikla pak přirozeně úprava slovanského písma (ok. 855) a též první překlady, jak tomu bývá dosud, kde missionáři konají své poslání. O působení bratří zvěděl pak moravský kníže Rostislav, který si je jako missionáře vyžádal na Moravu. Bratří odebrali se tam (asi r. 863) se svými žáky a knihami, aniž se zdrželi ve vlastním Bulharsku, kde kníže Boris ještě se nerozhodl, spojititi své turanské a slověnské poddané v jednu víru křesťanskou, s jedním jazykem, bulharsko-slověnským. Mezitím písmo slovanské a texty přeložené nezůstávaly uzavřeny v celích Konstantina-Kyrilla a Methoděje, nýbrž pronikaly mezi bulharské Slověny, bez překážek v říši byzantské, částečně i ve vlastním Bulharsku. Na území byzantském, vlivem řecké kursivy, vyvinulo se písmo t. zv. hlaholské, v Bulharsku pak, působením uncialky státních listin a nápisů na kameni, vzniklo písmo t. zv. kyrillské. Kliment, jenž pocházel též z Makedonie, byl snad již jako mladík 15letý přijat od Methoděje za žáka (v klášteře Olympském), provázel bratry na výpravě Kozarské, působil s nimi na Moravě, byl též v Římě (869), kde jej papež Hadrian II. posvětil na kněze (asi v 30. roce jeho věku). Na Moravě byl zvláště činný, jako pomocník Methodějův při překladech i jako samostatný spisovatel, ač největší část jeho spisů pochází teprve z doby bulharské (makedonské). Po smrti Methodějově (885) uchýlil se do Bulharska, s ním Naum, Sava, Angelar. Uprchlíci spěchali ke dvoru knížete Borise. Kníže však, jenž se byl směle obrátil na víru křesťanskou, měl již v sídle svém, v Přeslavě, presbytera Konstantina jako učitele. Proto podržel u sebe pouze Nauma, Kliment pak poslán byl do Makedonie, do rozsáhlé krajiny Kutmičevica, k níž náležel i Ochrid (886). V Přeslavské škole, kterou vedl presb. Konstantin, Kliment měl příležitost, seznámiti se s písmem kyrillským, které tu zavedeno bylo za knížete Borise a Symeona. Písmo pak hlaholské, jehož se užívalo na Moravě a dále i v Makedonii, ustoupilo kyrillici, jak to vyžadovala jednotná národní bulharská kultura a politická státní myšlenka, při čemž spolupůsobil i Kliment. Působení jeho v Kutmičevici trvalo 7 let. Nato povolal jej car Symeon do Přeslava (893). Na jeho přání byl pak Kliment vysvěcen na biskupa a postaven v čelo malé diecése Drembické čili Velické, do níž opět přináleželo Ochridsko. Za učitele přidán byl mu Naum, o němž v jeho životě (legendě) čteme, že byl bratrem Klimentovým, což však má jen smysl duchovní. Jako učitel Kliment odchoval tisíce žáků, jako učitel a biskup založil pro své duchovní stádo řádnou církevní službu slověnskou a vedl je k národně-kulturnímu životu. K tomu cíli sepsal své pochvaly svatých a poučení pro dni sváteční. Slovem i knihou proslavil se mezi svými sourodáky, svým osobním příkladem a péčí o církevní a také hospodářské povznesení zůstavil nehynoucí památku, která se projevuje staletou úctou k jeho ostatkům.

Takový je v podstatných rysech obraz života Klimentova a jeho působení v církevních hodnostech i na poli literárním, jak jej nastiňuje spisovatel ku konci své přednášky (str. 26—30). Je patrno, že hlavní zájem jeho je obrácen k životopisným údajům, překladatelské a spisovatelské činnosti Klimentově věnuje se poněkud málo pozornosti. V poznámkách jsou ovšem příslušné vědecké rozpravy uvedeny; ale očekávali bychom, že bude tu sestaven přehledný soupis četných »slov«, které se Klimentu připisují, jakož i ostatních jeho skladeb, a že tu budou vyloženy hlavní výsledky, ku kterým dosavadní kritický rozbor literárního odkazu Klimentova dospěl.

Druhá kniha je 1. číslem sbírky, kterou bulharská universita sofijská vydává jako »vědecké pomůcky« pro své studentstvo. Zahájena je vhodně prameny o obou slovanských apoštolích, jimž budou věnována také nejbližší dvě čísla. V přítomné knize nalézáme otisk obou moravsko-pannonských legend (ŽK, ŽM), dále dvou pochvalných slov (krátkých životopisů), z nichž první je složeno na počest Kyrillovu, druhé na počest obou bratří Kyrilla a Methoděje. Texty jsou upraveny takto. Pro ŽK vzato za základ vydání Miklosichovo, pro ŽM vydání, jež pořídil P. Lavrov. Poznámky jsou trojího druhu. Pod čarou textu vydavatel umístil stručné výklady rázu mluvnického, po textech pak následují předně různočtení podle jiných vydání, a k tomu pak jsou připojeny výklady věcné. Kniha je dále opatřena slovníčkem (starobulharská slova se tu vysvětlují výrazy novobulharskými) a rejstříkem jmen osobních, místních a též novobulh. slov, která se uvnitř objasňují. Je patrno, že vydavatel upravil vydání textů účelně a vhodně. Texty jsou ovšem otištěny bez zkratek, čímž jejich čtení je usnadněno, jmenovitě při cvičeních seminárních. V krátkém úvodním výkladu jsou stručná poučení o obou zakladatelích staroslověnského písemnictví, o jejich působení na Moravě a o rozšíření slovanských církevních knih mezi Jihoslovany, Rusy a též Rumuny. K tomu je připojen náležitě roztříděný seznam nejdůležitějších publikací o životě Konstantina-Kyrilla a Methoděje, jakož i nejstarších památkách staroslověnského písemnictví. Tyto výklady jsou velmi stručné, snad až příliš stručné a jsou tu též různá nedopatření, na př. že rukopis známý jménem »Glagolita Clozianus« přepsán byl v Chrvatsku nějakým Čechem (str. 9), že staročeská kostelní píseň »Hospodine pomiluj ny« pochází z IX. stol. (str. 10), že staroruské evang. Ostromirovo je z r. 1076 (str. 12) a pod. Zvláště v mluvnických poznámkách k legendárním textům nalézám výklady, kterých nelze považovati za správné. Čteme-li na př. v leg. textě (ŽK II, na str. 36) **вь Солоуньсцѣ градѣ бѣ моужь етерь . . . прѣдрьже сань дроугарьскын**, vyžaduje skladba, aby se spojilo **бѣ прѣдрьже** t. j. **прѣдръжа** (erat tenens, tenebat) a nikoli **прѣдръжаи**. Podobně dále (ŽK III, na str. 31): rukopisné **не веле** není stbulh. **не велѩ**, nýbrž **не вела**. Poznámka, že **владеть** (ŽK III, str. 33) je tvarem příslušným k infin. **владати**, nutno opraviti v ten smysl, že **владеть** patří jako 3. os. jedn. čísla k slovesu **власти, владѫ**. Vysvětlení: **вьздвижоу** místo **вьзвигоу**, přizpůsobeno podle **вьздвижеши** atd. (ŽK X, na str. 46), není správné, neboť **вьздвижоу** je 1. sg. **въздвижѫ** a patří k inf. **въздвизати**. Podobných mluvnických nepřesností je tu více. Zvláště překvapuje změna čtení rukopisného **сьборь** (ŽK V, str. 35) v **сьнмь**, a také ve slovníčku nalézáme heslo **сънмъ** vedle **съньмъ**. Podobá se, že

vydavatel tvar **сънимъ** považuje za původní a správný; tomu nasvědčuje též poznámka (na str. 43) při slovesném tvaru **сьниде**, která zní takto: **сьниде отъ съ-иде**, както въ нвб. **‚снема‘** отъ **‚с(ъ)йема‘**; a podobná o slovesném tvaru **сънѣмь**, jenž prý pochází od **съ-ѣмь** (na str. 52). Je patrno, že ve všech těchto případech vydavatel předložku **сън-** nepovažuje za původní a náležitou, ač je to ovšem názor nesprávný. A tak nelze schvalovati čtení **добре дѣѥ** (ŽK III, na str. 32), kterým vydavatel nahradil rukopisné **добрѣ дѣѥ**, t. j. **добрѣ дѣѧ** (bene faciens), domnívaje se, že náležité čtení je zde sg. vok. **добре дѣѥ.** Odtud též ve slovníčku heslo **добрѣдѣи** „добъръ дѣецъ“, o čemž ještě zvláště je připomenuto v pozn. na str. 88. Výklad je však nesprávný. Staré útvary slovanské jsou **добродѣи, ꙁълодѣи,** jak dosud tato složená podstatná zní, kde se zachovala; první část ukazuje právě kmeny *dobro-*, *zъlo*, jež nikde nebyly nahrazeny tvary nominativními. Kromě toho nutno připomenouti, že vok. podstatných *jo*-kmenových vyzníval od pradávna v *-ju*: *dobroděju*, *zъloděju*.

Fr. Pastrnek.

Šachmatov A. A. **Древнѣйшія судьбы русскаго племени.** Изданіе Р. Ист. Журнала. Petrohrad 1919. Stran 64.

Kniha neveliká, ale velmi zajímavá, jak ani nemůže býti jinak, jestliže učenec jako Šachmatov se odhodlá, aby v souborném obrazu vyložil prvotní vývoj a osudy ruského národa. Tomu, kdo sledoval práce Šachmatovovy v posledních letech před válkou, jeho stati o kolébce Slovanů a nejstarších stycích s Kelty a Finny, jeho studie o příchodu a rozprostranění Vjatičů, o příchodu Varjagů, o rozsazení ruských kmenů atd. nebude ovšem obsah této knihy nový, neboť mnohé detaily jeho názorů už se tam ozývaly; ale každým způsobem celkový soubor toho, jak si znamenitý znalec ruského jazyka představoval počátky ruského národa, zaujme každého interesenta, a konečně obsahuje také nové věci, nové myšlenky, které, pokud vím, dosud jinde uveřejněny nebyly.

První kapitola věnována je téměř celá otázce Antů, v nichž Šachmatov spatřuje celý ruský národ, rozprostraněný po odchodu Ostrogotů od Visly k Dněpru a Černému moři. Zde není nic nového, jsou to běžná jen fakta ze staré byzantinské historie známá. Více přináší kapitola druhá, věnovaná příchodu Avarů a poměru v jakém se Slované vůbec a zejména východní k nim ocitli. Šachmatov, a myslím právem, klade velký důraz na tento poměr a vliv, jimž Avaři působili. S tím souvisí zejména, že přijímá i okupaci vislanského Polska (a to na základě A. Pogodinem sebraných topických jmen odvozených od *obrъ*), i prodlužuje existenci panství avarského v Zakarpatí od VI. až do počátku IX. století, při čemž vedle první invase přijímá ještě druhou na počátku VIII. stol. z Uher, když Avaři v Uhrách byli pobiti a pokořeni Karlem Velikým. S prvou věcí bylo by lze souhlasiti, ač bych rád věděl, zdali všechna uvedená jména musila vzniknouti ze jména *obrъ* ve smyslu Avara (mám o tom pochybnosti, na př. při jménech říčních Obra, Obrica, jezero Obrowo), ale druhé je spornější. Pro prodlouženou existenci avarského panství v Zakarpatí chybějí přece jen důvody. Ale konečně i to je věc, v níž možno býti náhledu různého. U Šachmatova ovšem souvisí s tím, že s druhou invasí

avarskou spojuje velký pohyb polských a ruských kmenů, totiž zejména vypuzení Dúlěbů na sever za Pripet a Radimičů s Vjatiči na Oku. Toto spojení je jistě správné; je jen otázkou, stalo-li se to teprve v VIII. století, či, jak spíše myslím, již o něco dříve, v VII.

V kapitole III. podán je obraz ruských kmenů v XI. století, jehož podrobnosti jsou známy ze starší práce Šachmatovovy „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей" (Petrohrad 1899). Pozoruji však, že Šachmatov nyní upouští od rusismu letopisných Chorvatů a pokládá je spíše za západoslovanský kmen, s čím je ovšem těžko souhlasiti, a že dále Vjatiče vede přímo na Oku bez okliky přes Don, a že dnes Radimiče i Vjatiče pokládá za kmeny skutečně lašské, západoslovanské, jejichž příchod do středu Rusi způsobil řadu drobných pohybů sekundárních, a ovšem jím jen domyšlených.

Čtvrtá a pátá kapitola vyplněna je především zprávami o příchodu Rusů-Varjagů, o Kolbjazích a o počátcích ruského státu. Zde se, pokud vím, Šachmatov neodchyluje od svých starších názorů. Byl znám jako rozhodný zastance skandinavského původu Rusů (v otázce původu jména opírá se o Thomsena a Kunika) už dříve a tím zůstal. Letopisnou tradici o pozvání Varjagů vykládá Šachmatov za ohlas dějů skutečných: je to jedna z episod bojů mezi severem a jihem ruským, v nichž Novgorod častěji volal na pomoc Varjagy ze zámoří. Zde v Novgorodě vytvořili Varjazi nové panství (starší bylo kdesi opodál v prvém hnízdě ruském) a odsud dobyli i Podněpří s Kijevem, kde vznikla pak říše pořadem třetí.

Jak vznikly později tři větve ruské, čili jak zde Šachmatov píše »národnosti«, známe také ze starších výkladů autorových. Větší změnu možno pozorovati jen v tom, že Sěverjany řadí nyní do skladu větve maloruské.

V několika detailech starověké ethnografie dotýká se Šachmatov polemicky názorů, které jsem napsal do Slov. Starožitností. V jednom dnes uznávám, že je výklad Šachmatovův lepší. Týká se to arabských zpráv o říši Vántit a Arsa zvané, v nichž jsem dříve shledával ohlas starých Antů, kdežto je lépe spojiti Vántit se jménem Vjatičů a Arsu s Rjazaní. Jinak stojí ještě za zmínku, že Šachmatov, jenž před válkou psal známé obšírné traktáty, v nichž slovanskou kolébku umísťoval na sever od Litvo-lotyšska, dnes se otázky té blíže nedotýká a spokojuje se jen s poznámkou, že zůstává nerozřešená. *L. Niederle.*

Historja literatury polskiej. (Przegląd wydawnictw i opracowań naukowych. 1918—1921.)

Ruch naukowy na polu historji literatury polskiej osłabł znacznie podczas wojny, co widać choćby tylko z czasopism, poświęconych wyłącznie albo częściowo tej dziedzinie. Lwowski *Pamiętnik literacki* ukazywał się wprawdzie przez cały czas wojny, ale coraz chudszy; na rocznik XVI (1918) złożyły się tylko dwa zeszyty, zamiast czterech, na roczniki zaś XVII i XVIII (1919—1920) — jeden jedyny zeszyt. *Bibljoteka Warszawska* i *Przegląd Narodowy* przestały wychodzić wkrótce po wybuchu wojny; *Książka* dopiero w roku 1915 wydała ostatni zeszyt za rok 1914, poczem także przestała wychodzić; *Rok polski,* założony w Kra-

kowie r. 1916, przetrwał niecałe cztery lata; *Przewodnik Naukowy i Literacki* zakończył życie w roku 1920 dopiero; ostatni rocznik *Bibljografji Polskiej* (będącej dalszym ciągiem *Przewodnika Bibljograficznego*) pochodzi z roku 1919; przez całe dwa lata, 1920 i 1921, nie mieliśmy dokładnej bibljografji bieżącej.

Dziś jednak idziemy już ku lepszemu. *Pamiętnik literacki* za rok 1921 ma się ukazać niebawem w zwiększonej objętości. Zamiast *Bibljoteki Warszawskiej* wychodzi od października r. 1921, pod znakomitą redakcją Wacława Borowego, *Przegląd Warszawski*, który, oprócz przygodnych rozpraw historyczno-literackich, w każdym zeszycie daje bogatą kronikę historyczno-literacką; *Przegląd Narodowy* wznowiono w roku 1919 (obecnie ustępuje miejsca politycznemu *Przeglądowi Wszechpolskiemu)*; od kwietnia r. 1922 ma wychodzić w Krakowie miesięcznik, który będzie kontynuacją zawieszonego tuż przed wojną *Przeglądu polskiego; Książka* warszawska zaczęła wychodzić na nowo od stycznia r. 1922; we Lwowie ukaże się niebawem *Bibljografja Polska* za lata 1920 i 1921 i będzie wychodziła już stale. Wogóle na polu bibljografji zaczął się ożywiony ruch, czego dowodzą broszury Stanisława Lama *(O bibljografję polską, kilka uwag i projektów,* Warszawa 1921) i Stefana Vrtela-Wierczyńskiego (*Organizacja bibljografji w Polsce*, Lwów 1921, oraz książka Wiktora Hahna — *Bibljografja bibljografji polskiej* (Lwów 1921). Dodajmy, że Polska Akademja Umiejętności nie zaniechała myśli kontynuowania *Bibljografji Polskiej* Estreichera, której tom XXVI (litera *R*) wyszedł w roku 1915.

Zaczął się także niezmiernie ożywiony ruch na polu historji literatury, o czem się łaskawy czytelnik tego Przeglądu sam z łatwością przekona.

I.

Studja nad metodą historji literatury należą w Polsce jeszcze do rzadkości: kiedy na pierwszą metodykę historji zdobyliśmy się już w roku 1815 (Lelewela *Historyka tudzież o łatwem i pożytecznem nauczaniu historji),* pierwszą *Metodykę historji literatury polskiej* napisał dopiero Chmielowski (Warszawa 1899), przyczem książka ta bynajmniej nie należy do jego najlepszych dzieł, a przynajmniej bardzo jej daleko do gruntownej *La Méthode scientifique de l'histoire littéraire* Renarda, a choćby tylko do krótkiej rozprawy Lansona (w książce zbiorowej *De la méthode dans les sciences).* Poza książką Chmielowskiego ukazywały się u nas jedynie luźne rozprawki z tego zakresu, np. Kleinera: *Charakter i przedmiot badań literackich (Bibljoteka Warszawska* 1913, I), tegoż autora *Z zagadnień metodologji literackiej (Przewodnik naukowy i literacki* 1914) i inne. Większe studjum napisał Kazimierz Wóycicki: *Historja literatury i poetyka* (Warszawa 1914); omawia tu autor ostatnie zdobycze na polu metodyki historyczno-literackiej w nauce zachodnio-europejskiej.

Otóż do tych studjów dawniejszych przybyło w ostatnich latach kilka nowych. Maurycy Mann w pracy p. t. *Zagadnienie podziału w historji literatury* (Warszawa 1921, Towarzystwo Naukowe) zastanawia się szczegółowo nad sprawą podziału historji literatury na epoki, uwzględniając odnośne próby historyków literatury w Polsce, we Francji, we Wło-

szech, w Niemczech; rezultat tych badań jest negatywny: podział historji literatury na okresy jest rzeczą tak trudną, że autor oświadcza się za podziałem mechanicznym — na wieki i na półwieki. Na to się zgodzić, oczywiście, niepodobna. Bardzo cenną pracę napisał Zygmunt Łempicki, jeden z bardzo niewielu uczonych germanistów polskich: *Idea a osobowość w historji literatury* (*Pamiętnik Literacki* 1920); z właściwą sobie ogromną erudycją i metodycznością rozpatruje tutaj autor problem, w jakim stosunku pozostają do siebie w historji literatury idea historyczna (w tem znaczeniu, jakie temu terminowi nadał Ranke) a indywidualizm twórczy jednostki, i dochodzi do wniosku, że o wartości utworu literackiego rozstrzyga twórcza jednostka, że więc »zasadniczym problemem historyka literatury jest: jak poeta, twórca daną zawartość formułuje w danej treści«?

Lecz najważniejszem zjawiskiem na polu metodologji badań historyczno-literackich jest niewielka, ale o niezmiernie bogatej treści książka Wacława Borowego: *O wpływach i zależnościach w literaturze* (Kraków, 1921, Spółka Wydawnicza). Stwierdziwszy, że sami poeci przyznają się otwarcie do wpływu, jaki na nich inni poeci wywierają (przecie Mickiewicz powiedział: »Nie napisałbym ballad, gdyby nie było Karpińskiego i Niemcewicza«), autor rozpatruje kolejno różnego rodzaju wpływy i zależności ideowe, techniczne, tematowe, stylistyczne, frazeologiczne; zbija często przez krytyków-dyletantów wygłaszane twierdzenie, że badanie wpływów obniża wartość utworu i uwłacza godności twórcy; ustala podstawy metodologiczne i granice tego badania, rozpatruje zależności literackie w świetle krytyki socjologicznej i estetycznej. Jeżeli co wolno zarzucić tej gruntownej i świetnie napisanej pracy, to chyba to jedno, że pominięto w niej sprawę wpływu teoryj literackich na twórczość, który w pewnych epokach literatury był bardzo silny, mianowicie w epoce humanizmu i klasycyzmu francuskiego.

W związku z temi pracami, czysto naukowemi, niechaj wolno będzie przynajmniej wymienić tytuły dwóch książek, opartych tak samo, jak tamte, na samodzielnych studjach nad metodologją historyczno-literacką, lecz mających charakter dydaktyczny, bo przeznaczonych dla nauczycieli szkolnych: Kazimierza Wóycickiego *Rozbiór literacki w szkole* (Warszawa 1921) i Henryka Życzyńskiego *Wzory metodyczno-krytycznego rozbioru literatury pięknej* (Cieszyn 1921). Warto także wspomnieć, że wyszło drugie wydanie doskonałego podręcznika Lucjusza Komarnickiego: *Stylistyka polska, wyjaśniona na przykładach i ćwiczeniach* (Warszawa, 1918); jestto pierwsza u nas stylistyka nowoczesna oparta, jak sam autor wyznaje, głównie na *Deutsche Stilistik* R. M. Meyera i na *Traité de stylistique française* Ch. Bally'ego.

W dziedzinę metodologji historyczno-literackiej wkracza także inne dzieło Komarnickiego, i dlatego omawiamy je już na tem miejscu: *Historja literatury polskiej wieku XIX (z wypisami), książka dla młodzieży szkolnej i samouków. Cześć I (od upadku Rzeczypospolitej do wystąpienia A. Mickiewicza, zeszyty 1 i 2* (Warszawa, Gebethner i Wolff, 1918). *Część II (od wystąpienia A. Mickiewicza do r. 1830), wydanie drugie* (tamże, 1921). Praca to niepospolitej wartości, praw-

dziwy skarb dla samouków i — dla nauczycieli raczej, niż dla młodzieży szkolnej, a dotego praca nawskroś oryginalna, jakiej nie było jeszcze w Polsce: wykładu autorskiego jest stosunkowo mało; autorowi bowiem idzie głównie o to, aby czytelnik dokładnie zrozumiał i żywo odczuł utwory literackie; w tym celu do ich tekstów dodaje nietylko wstępy informacyjno-historyczne i objaśnienia rzeczowe i nietylko szczegółowe wskazówki metodyczne do rozbioru, ale także wyznania twórców, wyjaśniające genezę utworów, głosy krytyki współczesnej i późniejszej. Jedyny to w swoim rodzaju podręcznik, który oby się autorowi skończyć udało! Dodać trzeba, że wszystkie bez wyjątku teksty są wydane ściśle krytycznie, a jeden tekst jest dla nas miłą niespodzianką: oto za *editio princeps* polskiego hymnu narodowego (»Jeszcze Polska nie zginęła«) uchodził dotychczas druk gdański z czasów Księstwa Warszawskiego; tymczasem Komarnicki znalazł w warszawskim *Kalendarzyku kieszonkowym patrjotycznym na rok 1807 z zagadkami* (a więc drukowanym w roku 1806) tekst wcześniejszy i przedrukował go (część I, str. 38).

II.

Przechodząc teraz od metodologji historyczno-literackiej do historji literatury, zatrzymamy się nasamprzód przy wydawnictwach i opracowaniach ogólniejszych.

Tutaj przedewszystkiem należy się zaszczytna wzmianka *Bibljotece Narodowej*, która wychodzi od roku 1919 nakładem krakowskiej Spółki Wydawniczej, a pod redakcją Stanisława Kota. W końcu roku 1921 pierwsza serja tej *Bibljoteki*, obejmująca literaturę polską (druga obejmuje autorów obcych), liczyła już 44 tomiki, z których każdy zawiera bądź to jeden lub więcej większych utworów jednego autora, bądź wybór z jego pism (Długosz, Kopernik), bądź wybór z jednego działu literatury *(Polska pieśń ludowa)*. Poprawne teksty; przedmowy, nie na kolanie pisane, tylko będące mniej lub więcej wyczerpującemi studjami o autorach i dziełach; szczegółowe objaśnienia, drukowane tuż pod tekstem na każdej stronicy, — oto znamiona, wyróżniające *Bibljotekę Narodową* od dawniejszych »bibljotek« i zapewniające jej wśród nich naczelne stanowisko. Niektóre, jeśli nie wszystkie, tomiki, wypadnie omówić później, kiedy będzie mowa o poszczególnych autorach. Tutaj zaznaczamy tylko, że z autorów średniowiecznych został dotychczas uwzględniony jeden tylko Długosz; z wieku XVI: Kopernik, Rej, Kochanowski; z wieku XVII: Żółkiewski, Potocki, Piotr Kochanowski (jako tłumacz Tassa — w drugiej serji); z wieku XVIII: Konarski, Krasicki, Niemcewicz; z wieku XIX: Feliński, Czartoryska, Brodziński, Mickiewicz, Słowacki, Krasiński, Fredro, Towiański, Pol, Lenartowicz, Zaleski, Malczewski, Goszczyński, Ujejski, Romanowski, Korzeniowski, Bliziński.

Ten sam charakter, co *Bibljoteka Narodowa,* ma wydawnictwo Gebethnera i Wolffa w Warszawie: *Pisarze polscy i obcy* (od roku 1920); jedyna różnica, ściśle biorąc, polega na tem, że niema tu wstępów, że uwagi wydawcy (będące, podobnie jak wstępy w *Bibljotece Narodowej,* monografjami) przeniesione są na koniec; (objaśnienia krótsze, językowe i rzeczowe, są podane pod tekstem). Poziom naukowy *Pisarzów* jest

równie wysoki, jak najlepszych zeszytów *Bibljoteki Narodowej;* szkoda tylko, że kiedy *Bibljoteka* składa się już przeszło z 40 tomów, *Pisarze* mają ich tylko trzy: *Dziadów część trzecia* Mickiewicza, *Trzy poemata* Słowackiego, *Monachomachja* i *Antimonachomachja* Krasickiego.

Bibljoteka Pisarzów Polskich, wydawana od roku 1889 przez Akademję Umiejętności w Krakowie, wychodzi w dalszym ciągu; w okresie sprawozdawczym ukazały się tomy 73—76, które omówimy we właściwych miejscach.

Inne »bibljoteki« i »bibljoteczki«, np. *Wendego Bibljotekę klasyków polskich*, jako mające charakter jedynie szkolny, pomijamy.

Z opracowań ogólniejszych na samo czoło wybija się, dzięki swej wielkiej doniosłości dla nauki, dzieło Gabrjela Korbuta: *Literatura polska od początków do powstania styczniowego, książka podręczna, informacyjna dla studjujących naukowo dzieje rozwoju piśmiennictwa polskiego*, Warszawa, nakładem Kasy Mianowskiego; tom I (od wieku X do końca XVII) wyszedł jeszcze w r. 1917; II (od wieku XVIII do roku 1820) — 1918; (tom trzeci — w druku). Główną treść tego dzieła (którego dwa pierwsze tomy zawierają przeszło 1200 stronic wielkiej ósemki), stanowi bibljografja wydań i opracowań; historja zaś literatury to tylko ramy, na które się składają charakterystyki głównych epok (czasem także charakterystyki rodzajów literackich) i biografje pisarzów. Przez taki charakter książka Korbuta (to będzie najlepsze ujęcie jej typu) jest w bardzo blizkiem pokrewieństwie z Goedeke'go *Grundriss zur Geschichte der deutschen Dichtung;* kiedy jednak Goedeke uwzględnia, jeśli nie jedynie, to prawie wyłącznie poezję i powieść, Korbut obejmuje całą literaturę, nie wyjmując nauki. Nadto w obydwóch tomach znajdują się, prócz indeksów i uzupełnień, tablice chronologiczne, podobnie jak w *Histoire de la littérature française* Lansona. Stanisław Lam poddał obydwa tomy ostrej krytyce (w *Przewodniku Naukowym i Literackim* 1919 i w *Dzienniku Powszechnym* 1919; krytyka tomu II także w osobnej odbitce p. t. *Literatura polska w oświetleniu p. G. Korbuta,* Warszawa, 1919, Czernecki); poszczególne zarzuty nie są pozbawione słuszności, tylko że krytyk, jak tó często bywa, wpadł w jednostronność, niedoceniając cech dodatnich. Bronisław Gubrynowicz (w *Kwartalniku Historycznym* 1919) i Stanisław Pigoń (w *Roku Polskiem* 1919) poznali się natomiast na ogromnej doniosłości dzieła Korbuta dla nauki: oto specjaliści doczekali się nakoniec regestracji opracowań naukowych, nie potrzebują już tracić czasu na mozolne przeglądanie czasopism i bibljografij ogólnych. I każdy, kto tylko zdaje sobie sprawę z trudności poszukiwań bibljograficznych, będzie żywił głęboką wdzięczność i szczery podziw dla uczonego, który tak ogromnej, iście benedyktyńskiej pracy dokonał sam jeden, bez niczyjej pomocy. W miarę postępu metody dzisiejsze podręczniki historji literatury polskiej będą szły w zapomnienie, ale *Literatura polska* Korbuta nigdy nie zejdzie ze stołu historyka literatury: nazwisko jej autora będzie od nauki historji literatury polskiej tak samo nieodłączne, jak od bibljografji polskiej — nazwisko Estreichera.

W dziedzinie badań nad historją krytyki literackiej kontynuatorem Chmielowskiego (którego *Dzieje krytyki literackiej w Polsce,* wydane

w roku 1902, są pierwszą próbą w tej mierze) pracuje już oddawna niestrudzony Tadeusz Grabowski. W pierwszym z dwóch zamierzonych tomów: *Krytyka literacka w Polsce w epoce pseudoklasycyzmu*, Kraków 1918, Akademja Umiejętności) wyłożył na szeroko podmalowanem tle umysłowości dzieje krytyki od kronik, gramatyk, metryk i poetyk średniowiecznych przez epokę humanizmu, klasycyzmu i preromantyzmu aż do triumfu krytyki romantycznej, której pierwszym znakomitym przedstawicielem był Maurycy Mochnacki. Ponieważ krytykę literacką pojmuje autor bardzo (może nadto!) szeroko, włączając do niej całkowitą teorję literatury (poezji zarówno, jak prozy) i wogóle estetykę, więc książka musiała rozróść się do znacznych rozmiarów (606 stronic) i przynosi dużo materjału do historji umysłowości i literatury wogóle.

Zupełnie inny charakter mają *Dzieje komedji polskiej w zarysie* Marjana Szyjkowskiego (Kraków 1921): nie jestto bowiem monografja naukowa, oparta całkowicie na samodzielnych studjach, tylko krótki, pożyteczny podręcznik, będący u nas pierwszy próbą tego rodzaju. Rzecz doprowadzona do ostatnich czasów.

Tym samym nakładem (Krakowskiej Spółki Wydawniczej) wyszła książka Stanisława Windakiewicza: *Teatr polski przed powstaniem sceny narodowej* (1921). Omawia tutaj autor wyłącznie teatry prywatne (od roku 1578, t. j. od *Odprawy posłów greckich* Kochanowskiego aż do końca wieku XVIII), a więc pomija teatr i ludowy, i konwiktowy, i (od roku 1765) publiczny w Warszawie. Dochodzi autor do wniosku, że w historji tego teatru niema kart świetnych, że się tylko przygodnie ukazywały sztuki, które dla rozwoju dramatu w Polsce miały pewne znaczenie (mianowicie dramaty Kochanowskiego, Cieklińskiego, Baryki, Andrzeja Morsztyna, Lubomirskiego, Rzewuskiego, Krasickiego); pomimo to jest ten teatr prywatny jednym z dowodów stałego współżycia Polski z kulturą zachodnioeuropejską. Zbytecznie dodawać, że, jak wszystkie bez wyjątku studja Windakiewicza, tak i to jest oparte na własnych drobiazgowych badaniach. Co do szczegółów, jeden niechaj wolno będzie sprostować: jeżeli pomiędzy komedją Baryki *Z chłopa król* a prologiem do *Poskromienia złośnicy* Szekspira zachodzi niewątpliwe podobieństwo, to tłumaczy się ono nie wpływem Szekspira, tylko wspólnością źródła: jest niem znana powszechnie już w wieku XVI anegdota o pijanym chłopie, którego przebrano za króla i który w swoje królestwo uwierzył.

Kiedy mowa o monografjach, ogarniających kilka wieków tej lub owej dziedziny literatury polskiej, to niepodobna pominąć obszernej i niezmiernie cennej monografji Jana Łosia: *Wiersze polskie w ich dziejowym rozwoju* (Warszawa 1920, Gebethner i Wolff). Po uwagach wstępnych, o zasadach wersyfikacji wogóle i o wierszu ludowym, autor przechodzi do wierszy średniowiecznych. Poczem — epoka humanizmu, od Kochanowskiego. Nowy okres rozpoczyna Zimorowicz swemi Roxolankami: jest to epoka kunsztowności barokowej. Klasycyzm francuski rozpoczyna dalszą fazę — wiek XVIII i początek XIX. Dalsze zaś koleje wersyfikacji polskiej opowiada autor w następujących działach: Mickiewicz, Słowacki i inni romantycy; od Norwida do Lenartowicza; Parnas polski (Asnyk, Faleński, Gomulicki, Konopnicka); »Młoda Pol-

ska«: nastrojowcy (Miriam, Lange, Tetmajer, Konstanty Górski, Or-ot i inni), neoromantycy (Kasprowicz, Wyspiański, Miciński i in.), oraz esteci (Szczepański, Wroczyński, Jedlicz, Lemański i in.); osobny rozdział poświęca autor »uczonej metryce« i przekładom z języków klasycznych, poczem następują »najmłodsi«, wśród których najwięcej uwagi udzielono Staffowi. W tych ramach zamknął Łoś — on pierwszy — całokształt dziejów wersyfikacji polskiej, przez co zaskarbił sobie nową rzetelną zasługę. Głównie zwraca uwagę na zewnętrzną strukturę wiersza i strofy, uwzględnia jednak czasem i problemat estetyczny, uwydatniając związek, zachodzący pomiędzy formą wierszową utworu a jego treścią duchową, zwłaszcza uczuciową. Jedynym poważniejszym zarzutem, jakiby można tej pracy uczynić, jest, że z poetów XVII wieku autor pominął Naborowskiego, Szlichtynga i innych poetów z wydanego przez Brücknera *Wirydarza* Trembeckiego, a poetów XIX wieku — Niemcewicza i Fredrę; może także warto było wspomnieć o wierszach Baki, Jungiewicza *et consortes* — choćby tylko w imię tej chwalebnej bezstronności, która nie pozwoliła autorowi pominąć różnych sztuczek wierszowych w czasach nowszych, w rodzaju sonetu, składającego się z wierszy jednozgłoskowych.

III.

Bardzo pożyteczne wydawnictwo rozpoczął Kazimierz Kosiński: *Pisarze polityczni i historyczni do wieku XIX. Część pierwsza, do wieku XVI; część druga, wiek XVI* (Warszawa 1919—1920, Arct). Wobec tego, że *Złota przędza poetów i prozaików polskich* dawno już wyczerpana, miłośnicy literatury staropolskiej dotkliwie odczuwali brak obszernych wypisów, zwłaszcza z prozaików. W wydanych dotychczas częściach znajdują się: Gallus, Kadłubek, Janko z Czarnkowa, Długosz, Ostroróg, Janczar, Marcin Bielski, Rej, Modrzewski, Orzechowski, Rotundus i Górnicki. Wypisy z tych autorów są poprzedzone ich obszernemi biografjami i zarysami ich działalności literackiej; są to wprawdzie kompilacje, ale staranne. Wybór urywków naogół trafny, ale niezawsze równomierny (wypisom z Kadłubka poświęcono stronic 25, a z Długosza tylko 12!). Co uderza, to brak Kromera. Mylne jest twierdzenie, że tak zwane *Pamiętniki* Janczara były napisane bez wątpienia po polsku: przeciwnie, nie ulega najmniejszej wątpliwości, że były napisane po cerkiewno-słowiańsku. Podlega zato wątpliwości, i to bardzo poważnej, czy *Ziemianin* jest dziełem Orzechowskiego.

O *Pierwiastku autobiograficzym w poezji polskiej XVI wieku* napisał studjum J. Grzymała-Grabowiecki (*Przewodnik Naukowy i Literacki*, 1919); głównie omówił tu wyznania autobiograficzne Dantyszka, Janickiego, Marcina Bielskiego, Kochanowskiego i Stryjkowskiego, nie pominął jednak i innych poetów: Reja, Szarzyńskiego, Jędrzeja Zbylitowskiego i t. d., nie gardząc nawet drobnemi wierszykami. Należy się temu studjum wzmianka przedewszystkiem dlatego, że jego przedmiotem jest cała jedna cecha poezji XVI wieku, wyróżniająca ją tak wybitnie z jednej strony od poezji średniowiecznej, a z drugiej — od poezji wieku XVIII. Tego rodzaju studjów jest u nas jeszcze bardzo mało.

Rzetelną wartość posiada praca W. Wąsika: *Piśmiennictwo staropolskie w przedmiocie zagadnień etycznych* (*Przegląd Filozoficzny*,

rocznik 22, Warszawa 1920); autor omawia jedynie wiek XVI i początki XVII, uwzględniając zarówno przekłady, jak dzieła mniej lub więcej oryginalne; »zwierciadła« *(specula)* Reja i Górnickiego, pisma o kobietach, pisemka Łabczyca, *Politica pańskie* Szczerbica, *Policja* Orzechowskiego, *Oeconomia* pseudo-Seklucjana, »wypracowania o ekonomji«, Modrzewski, Goślicki, Klonowicz: oto dzieła i autorowie, których rozpatruje Wąsik, aby wyprowadzić wniosek, że nikt w Polsce nie zdobył się na wyczerpującą i gruntowną pracę o filozofji praktycznej — przed Petrycym, któremu autor poświęcił obszerną (jeszcze nie ogłoszoną drukiem) monografję.

O literaturze pedagogicznej XVI wieku mamy do zanotowania trzy studja Antoniego Danysza: *O wychowaniu królewicza, traktat humanistyczno-pedagogiczny z roku 1502, Szymon z Pilzna Maricius, jako pedagog,* oraz *Erazm Gliczner, jako pedagog, studjum nad pierwszą pedagogiką polską.* Wszystkie te jednak prace, bardzo cenne, były drukowane dawniej (1901, 1905, 1912); obecnie wcielił je autor, wraz z kilku innemi studjami (z których wymieńmy przynajmniej jedno: *Jan Amos Komeński w Polsce),* do swej książki p. t. *Studja z dziejów wychowania w Polsce* (Kraków 1921, Ministerstwo W. R. i O. P., Komisja do badania dziejów wychowania i szkolnictwa w Polsce, serja I, nr. 3).

Na czoło literatury polskiej XVI, a po części i XVII wieku wysuwa się literatura religijna. Bada ją już oddawna Tadeusz Grabowski: w r. 1906 ogłosił studjum *Z dziejów literatury kalwińskiej w Polsce,* w r. 1908 *Literaturę arjańską w Polsce;* w r. 1913 wyszło dzieło: *Piotr Skarga na tle katolickiej literatury w Polsce wieku XVI,* a w r. 1920 — *Literatura luterska w Polsce wieku XVI (1530—1630)* (Poznań, Towarzystwo Przyjaciół Nauk). Jak poprzednie, tak i ta monografja jest owocem nietylko wielkiej pracowitości, ale i niezmiernej ciekawości intelektualnej autora, którego równie żywo interesują problemy estetyczne, jak religijne, który też w swoim bogatym dorobku naukowym ma, oprócz pomienionych badań, studja o Słowackim, o Krasińskim, o Wyspiańskim i innych poetach. Seklucjan i jego przeciwnicy, Przyłuski, Lutomirski, Trepka, Modrzewski i jego walka z Hozjuszem, Wergerjusz, Glicner i jego współpracownicy — stanowią przedmiot *Literatury luterskiej,* której całość ogarnął u nas pierwszy Grabowski, chociaż nie jest teologiem; ale trudno, wobec bezczynności naszych teologów (ksiądz Fijałek jest wśród nich zaszczytnym wyjątkiem) muszą ich w studjach nad literaturą religijną wyręczać uczeni świeccy. Tu warto wtrącić, że w roku 1921 zaczął wychodzić pod redakcją Stanisława Kota kwartalnik *Reformacja w Polsce;* w pierwszym jego zeszycie książkę Grabowskiego omówił Brückner, który nie zgadzając się z autorem w niektórych szczegółach, stwierdza chętnie jego zasługi około badań nad staropolską literaturą religijną.

Z tej samej dziedziny ukazała się niedawno jedna jeszcze obszerna monografja, Kazimierza Kolbuszewskiego: *Postyllografja polska XVI i XVII wieku* (Kraków 1921, Akademja Umiejętności): pierwsza to u nas książka o postyllach staropolskich — Seklucjana, Trepki, Reja, Wujka, Maleckiego, Białobrzeskiego, Grzegorza z Żarnowca, Gilowskiego, Kalksteina, Bretkuna, Kraińskiego, Dambrowskiego, Gdacjusza, Schönflissiusa, Skulteta, Bzowskiego, Zawieszki. Wyłożył autor szczegółowo zawartą w tych

postyllach naukę dogmatyczną i moralną; wykazał ich źródła, ich wzajemny do siebie stosunek; uwydatnił ich główny charakter (dogmatyczny, apologetyczny, polemiczny i t. d.); scharakteryzował indywidualność autorów; bezstronnie ocenił różnorodne wartości postyll. Książka posiada rzetelną wartość; słusznie zaliczył ją Brückner do najlepszych u nas monografij (*Reformacja w Polsce*, nr. 3).

Prawdziwym skarbem dla historyka literatury XVII wieku jest nowe wielkie wydawnictwo Jana Czubka: *Pisma polityczne z czasów rokoszu Zebrzydowskiego (1606—1608)* (Kraków, Akademja Umiejętności); tom I, obejmujący *Poezję rokoszową* (omówiony szczegółowo przez Brücknera w *Pamiętniku Literackim* r. 1917), wyszedł jeszcze w r. 1916; drugi i trzeci *(Proza)* — w r. 1918. Na całość wydawnictwa składają się druki i rękopisy, pochodzące z trzynastu bibljotek (Petersburg, Warszawa, Kraków, Lwów, Poznań, Kórnik i in.). W wyborze materjału wydawca przestrzegał tych samych zasad, co w wydaniu *Pism politycznych z czasów pierwszego bezkrólewia* (Kraków 1906), to znaczy uwzględniał tylko właściwe pisma, pomijając dokumenty urzędowe oraz listy prywatne, o ile przez świadome rozpowszechnianie wiadomości o rokoszu nie miały charakteru broszur politycznych; utwory wierszowane zostały uwzględnione, oczywiście, wszystkie, a są wśród nich poezje Szymonowicza i Miaskowskiego, które się teraz dopiero stają zupełnie zrozumiałemi. Że wydanie *Pism rokoszowych* jest krytyczne, o tem niema co nawet mówić: drugiego takiego wydawcy, jak Czubek, w całej Polsce nie znajdzie! Opracowaniem naukowem tych pism (poza wspomnianą recenzją Brücknera) nie zajęto się jeszcze, a zająć się warto, — nasuwa się badaczowi cały szereg zagadnień, np.: kto jest autorem broszury *Consilium de recuperanda pace?* jaki zachodzi stosunek pomiędzy tą broszurą a *Votum katolika jednego o jezuitach*? czyby *Żałosnej mowy Rzeczypospolitej polskiej pod Pokrzywnicą* nie można przypisać Herburtowi? i t. d.

Ze studjów nad epoką »pseudoklasycyzmu« dwa mają charakter ogólniejszy.

Mieczysław Smolarski ogłosił *Studja nad Wolterem w Polsce* (Lwów 1918, Archiwum Naukowe, wydawnictwo Towarzystwa dla popierania nauki polskiej). Omówił tu zdania i sądy o Wolterze w Polsce (od roku 1733 aż 1912), przedstawienia na scenie jego dramatów, przekłady jego utworów, oraz wpływ, jaki w epoce pseudoklasycyzmu utwory te wywarły na literaturę polską — kolejno na dramat, epikę, lirykę i powieść; rozdział ostatni jest poświęcony sądom Woltera o Polsce. Jest niewątpliwą zasługą autora, że pierwszy przedsięwziął zbadać wpływ Woltera nie na ten lub ów utwór, tylko na całokształt literatury i umysłowości polskiej; materjału nagromadził dużo, ale go ani wszechstronnie, ani krytycznie nie wyzyskał; w niektórych sądach razi powierzchowność (a czasem niejasność); czem był Wolter dla umysłowości europejskiej, jak wysoce dodatnią rolę w historji kultury odegrał, walcząc z wiekowemi przesądami i zbrodniami, z tego sobie autor wyraźnie sprawy nie zdaje.

Marjan Szyjkowski pracuje w ostatnich czasach nad tragedją polską; na razie ogłosił jeden tom: *Dzieje nowożytnej tragedji polskiej. Typ*

pseudoklasyczny (Kraków 1920, Akademja Umiejętności). Tom ten obejmuje lata 1662—1830, to jest od *Cyda* Corneille'a w przekładzie Andrzeja Morsztyna aż do *Pelopidów* Józefa Korzeniowskiego. Zgromadzony mozolną pracą bogaty materjał autor rozpatrzył w czterech działach: 1. przekłady tragedyj francuskich, 2. ich przedstawienia, 3. teorja tragedji, 4. oryginalne polskie tragedje pseudoklasyczne. Tym sposobem książka daje dużo więcej, niż obiecuje tytuł, bo nietylko szczegółową historję polskiej tragedji pseudoklasycznej, ale i historję jej teorji; co więcej, zawiera w sobie cały jeden rozdział z dziejów krytyki literackiej w Polsce, w którym mamy pomiędzy innemi obraz działalności »Towarzystwa Iksów« w Warszawie (grona anonimowych krytyków) i walki klasyków z romantykami o dramat. Za główne zadanie rozbioru tragedyj pseudoklasycznych (których koroną jest *Barbara Radziwiłłówna* Felińskiego) wziął sobie autor ustalenie stopnia i rodzaju ich zależności od tragedji francuskiej i wogóle wszechstronne zbadanie ich źródeł oraz szczegółową charakterystykę ich typu historyczno-literackiego. I z tego zadania wywiązał się autor z właściwą sobie dokładnością; po jego wywodach nie wiele będzie już można powiedzieć o polskiej tragedji epoki pseudoklasycyzmu, o ile chodzi o krytykę filologiczną; natomiast kwestje estetyczne stoją jeszcze otworem: nie zastanawiano się dotychczas, czy i o ile polska tragedja pseudoklasyczna zdobyła się na prawdziwą tragiczność, na co słusznie zwrócił uwagę Henryk Życzyński w recenzji książki Szyjkowskiego (*Pamiętnik literacki* 1920).

Epoka pseudoklasycyzmu jest jednocześnie epoką preromantyzmu. Znamy ją dzisiaj o wiele dokładniej, niż dawniej, głównie dzięki studjom Szyjkowskiego o wpływie, jaki na literaturę polską wywarli Rousseau, Osjan, Gessner, Young; lecz wszystkie te studja, jako też o Schillerze w Polsce, ukazały się przed rokiem 1918. Do okresu sprawozdawczego należy natomiast cenna rozprawa Ignacego Górskiego: *Ballada polska przed Mickiewiczem (Prace historyczno-literackie*, nr. 13. Kraków 1920, Gebethner i Wolff). Okazuje się, że od roku 1803, kiedy to Niemcewicz napisał pierwszą polską balladę *(Alondzo i Helena)*, aż do r. 1822, t. j. do ukazania się *Ballad i romansów* Mickiewicza, wydała literatura polska kilkadziesiąt ballad, które autor wyszukał (głównie po czasopismach), nie szczędząc mozolnej pracy, i zanalizował bardzo dokładnie. Z innych studjów o epoce preromantyzmu zasługuje na uwagę umiejętnie napisana rozprawa Henryka Życzyńskiego: *Estetyka Pamiętnika Warszawskiego (1815—1822) (w Pamiętniku Literackim* r. 1918). Szkice Apollinarego Krupińskiego (który zginął na wojnie w roku 1920): *Poezja Księstwa Warszawskiego i Królestwa Kongresowego* (Zamość 1919, Pomarański) i *Poeci legjoniści* (Warszawa 1921, Bibljoteka szkolna Jakowickiego) mają charakter popularny; artykuł zaś H. Zahorskiej (Savitri), pod szumnym tytułem: *Wpływ idei rewolucji francuskiej na poetów legjonistów (Przegląd Narodowy* 1920) jest gawędą bez wartości.

W porównaniu ze studjami nad preromantyzmem studjów ogólniejszych nad romantyzmem ukazało się bardzo mało. *Charakterystyka romantyzmu* Ign. Chrzanowskiego — w jego książce *Z epoki romantyzmu* (Kraków 1918, Czernecki) — jest przedrukiem pracy dawniejszej *(Rok pol-*

ski 1917). Książka Stanisława Wasylewskiego: *O miłości romantycznej* (Lwów 1921, Altenberg), bardzo zajmująca i poczytna, jak wszystkie dzieła tego utalentowanego pisarza, składa się nie ze studjów literackich, tylko ze szkiców biograficznych (o Mickiewiczu, Malczewskim, Krasińskim, Liszcie, Balzaku, Hofmanowej).

O epokę romantyzmu zahacza króciutka, ale bardzo treściwa (bo też będąca tylko streszczeniem obszernej pracy doktoryzacyjnej) rozprawa Heleny Stawarskiej: *Ze studjów nad obrazkiem społecznym (Przegląd Narodowy* 1921); jej przedmiotem są drobne poemaciki o nędzy ludzkiej, które do poezji polskiej wprowadził Karpiński *(Żebrak przy drodze)*, które są później i u romantyków (Mickiewicz, Gorecki, Siemieński, Lenartowicz, Syrokomla), ale których najbujniejszy rozkwit przypada dopiero po roku 1863, kiedy to poeci tak żywo odczuwają rożne niedole społeczne, jako to nędzę bezdomnych dzieci, niesprawiedliwość sądów, prostytucję kobiet i wogóle krzywdy proletarjatu (Konopnicka, Miron, Pilecki, Szymanowski, Czerwiński, Grudziński, Kasprowicz i in.); klasyfikacja motywów tej poezji społecznej i wykazanie na nią wpływu Wiktora Hugo jest pozytywną zdobyczą tej rozprawy.

Wpływem Słowackiego na późniejsze pokolenie poetów zajmuje się Ferdynand Hösick w książce *„Siła fatalna“ poezji Słowackiego* (Kraków 1921, Spółka Wydawnicza); z romantyków są tutaj Berwiński, Ujejski, Romanowski, Baliński, z poetów po roku 1863 — prawie wszyscy wybitniejsi (od Asnyka i Konopnickiej przez Gomulickiego aż do Tetmajera, Wyspiańskiego, Kasprowicza); osobny rozdział poświęcono wykazaniu wpływu Słowackiego na Sienkiewicza. Składają się na tę książkę nie tyle studja naukowe, ile feljetony, przeplatane tak obficie cytatami z poetów, że stanowią one, lekko licząc, dwie trzecie tekstu. Sam fakt wpływu Słowackiego na poetów (i powieściopisarzy) nie podlega najmniejszej wątpliwości i nieraz jeszcze z pewnością będzie przedmiotem badań.

Estetykę modernizmu zaczął badać Edward Boyé: w broszurze p. t. *U kolebki modernizmu, estetyczne poglądy na łamach krakowskiego „Życia“*, Kraków 1922 (właściwie 1921, Spółka wydawnicza) poświęca główną uwagę poetyce Przybyszewskiego, wykazując jej niewątpliwe pokrewieństwo z poetyką romantyków niemieckich.

Najważniejszą pozycją wśród badań nad literaturą polską po powstaniu styczniowem jest niewątpliwie trzytomowe dzieło Wilhelma Feldmana: *Współczesna literatura polska*, 1864—1917, wydanie szóste, poprawione i uzupełnione (Warszawa 1918—1919, Towarzystwo Wydawnicze). Książka ta, której wydanie pierwsze wyszło jeszcze w roku 1902, a której każde dalsze wydanie było, rzec można, książką nową (i to ze względu nietylko na liczne przeróbki i poprawki, ale nadewszystko na uzupełnienia), była niezwykle poczytna i podlegała najróżnorodniejszym ocenom: jedni unosili się nad nią, inni pisali nietylko surowe krytyki, ale i paszkwile na autora, jeszcze inni ignorowali ją (a przynajmniej starali się ignorować); i ta różnorodność sądów panuje do dziś dnia, przyczem nie da się zaprzeczyć, że wchodziły tu i wchodzą w grę osobiste i partyjne animozje, nie mówiąc już o względach rasowych (Feldman był Żydem — ochrzcił się dopiero na łożu śmierci, do czego skłoniła go,

prócz pewnego wrodzonego mu mistycyzmu, szczera i bezinteresowna miłość społeczeństwa polskiego); co jednak bardzo ciekawe i znamienne, że tę niesmaczną nagankę na Feldmana, która się przed laty kilkunastu rozpętała, wszczęli... dwaj chrzczeni Żydzi. Na jedno przecie zgodziciby się powinni wszyscy: jak Chmielowski — przez swój *Zarys najnowszej literatury polskiej,* który w wydaniu czwartem, z roku 1898, ogarnął czasy 1864—1897, — stworzył historję literatury polskiej epoki pozytywizmu, tak Feldman — przez swoją *Współczesną literaturę polską* — stworzył historję literatury polskiej epoki reakcji przeciwko pozytywizmowi (w późniejszych wydaniach opracował także epokę pozytywizmu); tej zasługi nie odbierze mu nikt. Zasługa to zaś tem większa, że regestracja najnowszej literatury (na polu poezji, powieści i krytyki literackiej, — historjografję Feldman pomija) i jej klasyfikacja są dokonane z ogromnym nakładem pracy i niezmiernie sumiennie — w całej książce niema nic, coby było czerpane z drugiej ręki. Inna sprawa, czy s ą d y Feldmana są słuszne pod względem zarówno estetycznym i ideowym, jak . . . narodowym, czy się ostanie jego pogląd na modernizm, czy jego sąd o Sienkiewiczu wytrzyma próbę uczuć narodowych, czy w twórczości Wyspiańskiego wyczuł autor jej największe walory, czy wogóle jego sądy są głębokie i bezstronne: o to wszystko można się spierać; wolno także wątpić, czy sądy swoje formułuje Feldman zawsze jasno i czy zawsze jest konsekwentny: z tem wszystkiem, nie mówiąc już o dobrej woli, zasługa pozostaje zasługą; odmawiać mu jej mogą ci tylko, którymi powodują uprzedzenia, stronniczość, osobisty żal, albo też . . . zazdrość.

Nosił się Feldman z zamiarem opracowania historji całej poezji i krytyki polskiej XIX wieku, ale śmierć nie pozwoliła mu go wykonać. Wykonał natomiast prawie całkowicie inny zamiar: opracował *Dzieje polskiej myśli politycznej w okresie porozbiorowym.* Tom I (do r. 1863) i II (od r. 1863 do końca XIX wieku) wyszły w r. 1914 i 1918 (Kraków, Spółka Nakładowa), tom III (od końca wieku XIX do roku 1914) — w r. 1920 (Warszawa, F. Hoesick). Tomu trzeciego autor nie zdołał wykończyć: rękopis, jak informują czytelnika wydawcy, urywa się tuż po rozpoczęciu ostatniego rozdziału. Że jednak podczas wojny ogłosił autor książkę p. t. *Geschichte der politischen Ideen in Polen seit dessen Teilungen (1795—1914)* (München und Berlin 1917, R. Oldenbourg), więc wydawcy przetłumaczyli kilka jej ostatnich ustępów (mocno pokiereszowanych przez cenzurę niemiecką) i włączyli je do wydania polskiego. Gdyby autor żył dłużej, uzupełniłby prawdopodobnie tom ostatni charakterystykami pisarzów i myślicieli politycznych, na wzór tych, jakie skreślił w tomie pierwszym i drugim, przez co dzieło miałoby jednolity charakter. Zresztą wartość dzieła polega nie na charakterystykach, które są powierzchowne, ani też nie na sądach, w których wydawaniu autor jest wogóle wstrzemięźliwy, — tylko na zebraniu i usystematyzowaniu materjału. Przyszły historyk literatury politycznej w porozbiorowej Polsce, choćby jego poglądy i sympatje polityczne były zupełnie inne, niż Feldmana, nietylko będzie się musiał liczyć z jego książką, ale wręcz nie będzie się mógł bez niej obejść. Nadto, w porównaniu za *Współczesną literaturą polską,* nawet w ostatniem wydaniu tendencyjną i stronniczą, *Dzieje*

polskiej myśli politycznej mają charakter, naogół biorąc, przedmiotowy, za główny bowiem cel wziął sobie autor obznajmienie czytelnika z samą treścią polskiej myśli politycznej, nie zaś wydawanie wyroków o jej wartościach; przeciwko tej przedmiotowości autor starał się nie wykraczać tam nawet, gdzie pisał o działaczach i autorach z niemiłych sobie obozów politycznych, np. z obozu demokracji narodowej, której ogromnych zasług narodowych nigdy ocenić nie umiał, czy też uznać nie chciał. Wogóle z całą świadomością troszczył się o to, aby nadać swej książce charakter badania historycznego, nie zaś politycznego pamfletu; że to właśnie rozstrzygnęło o wartości książki, zbytecznie mówić.

O filozofji polskiej XIX wieku monografji jak niema, tak niema. Zastąpić jej nie może księga zbiorowa p. t. *Polska filozofja narodowa, piętnaście wykładów, urządzonych staraniem Towarzystwa filozoficznego w Krakowie, wydał i przedmową zaopatrzył Maurycy Straszewski, prezes Towarzystwa filozoficznego,* Kraków 1921 (Gebethner i Spółka). Problem filozofji narodowej wogóle, a polskiej w szczególności, uzasadnił i wyjaśnił należycie Stanisław Garfein-Garski w odczycie, figurującym na czele książki. Dalsze jednak odczyty albo wcale tego problemu nie rozwijają, albo rozwijają go jednostronnie, stwierdzając, że filozofja Cieszkowskiego, Królikowskiego, Trentowskiego obraca się (po części przynajmniej) około sprawy narodowej, ale nie wykazując, że ta filozofja jest polska z ducha. Wogóle tytuł książki nie odpowiada treści; o wiele właściwszym byłby tytuł: *Odczyty o wybranych myślicielach polskich XIX wieku.* Wartość zaś tych odczytów jest nierówna, jak pospolicie »książek zbiorowych«. Odczyty Kazimierza Lubeckiego o Kremerze i Królikowskim, oraz odczyt księdza Franciszka Gabryla o polskiej filozofji katolickiej w połowie XIX wieku, nie mają żadnej wartości; wypełniające blisko połowę książki odczyty Straszewskiego o filozofji Hoene-Wrońskiego, Gołuchowskiego, Mickiewicza, Krasińskiego, Słowackiego i Supińskiego) są powierzchowne i wodniste; odczyt Władysława Horodyskiego o Trentowskim, będący streszczeniem jego obszernej monografji o tym myślicielu, nie grzeszy, jak i monografja, jasnością; odczyt Wojciecha Gieleckiego o Libelcie jest poprawny; prawdziwą wartość mają także odczyty: Ignacego Halperna o Janie Śniadeckim, Marjana Zdziechowskiego o Towiańskim, Adama Żółtowskiego o Cieszkowskim. Z tem wszystkiem całość książki sprawia wrażenie niezbyt dodatnie: widać z niej, że historja filozofji polskiej jest jeszcze bardzo mało opracowana, że nie czas jeszcze ani na jej syntezę, ani na wyroki o jej wartości.

Na tem kończymy część pierwszą tego przeglądu; drugą poświęcimy opracowaniom poszczególnych autorów oraz poszczególnych utworów.

Kraków. *Ign. Chrzanowski.*

Encyklopedja Polska. Wydawnictwo Akademji Umiejętności. **Dzieje literatury pięknej w Polsce.** Część pierwsza, VIII i 561 str. wielkiego 8⁰. Część druga, 559 str. Kraków 1918.

Początek nowego wieku zaznaczył się pracami zbiorowymi i tak wystąpiła akademja piotrogrodzka z encyklopedją słowiańskią, co język i literaturę ogarniała, z olbrzymimi foliałami, np. Jagiczowymi dziejami sla-

wistyki. Za nią poszła krakowska; ograniczyła się krajem własnym, obliczona na dwadzieściakilka tomów, da całokształt Polski od początków aż do r. 1900. Nieznużone usiłowania jej sekretarza, B. Ulanowskiego uruchomiły olbrzymi statek i szereg tomów, ale już same przygotowania wydały znakomite owoce. Jeden i drugi spółpracownik, widząc jak mu praca pod ręką rośnie, ramy encyklopedji przekracza, zdobył się na samoistne dzieło, któregoby wcale by nie był napisał, gdyby nie Encyklopedja. Tak powstały np. znakomite dzieła Władysława Łozińskiego i Tadeusza Korzona. W najbarwniejszym obrazie, zajmującym jak powieść a udokumentowanym jak dzieło badacza, wystawił Łoziński dawne życie pańskie: rozeszło się to, natychmiast w kilku wydaniach; trzecie z świetnymi ilustracjami, wydano i po niemiecku; Korzon dzieje wojskowości polskiej (aż do r. 1831) w trzech sporych tomach wyłożył. To jedna zasługa »Encyklopedji«; jeszcze większa, że zmusza do naukowego opracowania dziedzin, dotąd mało tykanych np. dziejów muzyki i rzuca podwaliny dla dalszych badań.

Nie wdajemy się w ocenę wszystkich tomów, z których dotąd pierwszy zawiera geografję i antropografję; drugi i trzeci język, dzieje jego od grafiki i pomników średniowiecznych aż do składni i narzeczy, wraz z szkicami wszelkich innych języków, co na ziemi polskiej popłacały, nawet żydowskiego, dalej dwa tomy dziejów politycznych. Nas zajmą oba tomy o literaturze pięknej, wydane jako dowód pracy niezłomnej w sam wir wojny światowej.

Ze wszystkich działów Encyklopedji ten najmniej przedstawiał trudności; nie chodziło o torowanie drogi, o pierwsze zgłębienie przedmiotu, lecz o zsumowanie dotychczasowej pracy. Literaturą piękną i studjami nad nią odznaczały się właśnie lata największego ucisku narodowego, jako jedyna dziedzina, na której się wolniej obracano, gdzie granice trójdzielcze nie uniemożliwiały wymiany pracy umysłowej. Otrzymaliśmy więc sprawozdanie z całego ruchu poprzedniego, nie jednego pióra. Przeciwnie, Akademja powołała umyślnie jak najwięcej pracowników, aż trzynastu, dla tych dwu tomów; dawała przez to sposobność wypowiadania się wszelakim talentom i temperamentom. Z liczby tej dwu już ubyło, Tarnowski i Chlebowski; śmierć odwołała również Ulanowskiego, Łozińskiego i Korzona.

Każda praca zbiorowa naraża się zgóry na rozbieżność formy i treści; główna redakcja wyrównywa, ociosywa, dopasowywa owe luźne przyczynki. Takiej redakcji tu nie było; zadowolono się wykreśleniem planu, podano program szczegółowy, ale wykonania jego nikt nie dopilnował; ogłoszono prace nadesłane bez zmian, chociaż jeden spółpracownik trzymał się ściśle programu, inny oń ani pytał, bo u nas w Polsce, jak kto chce. Ponieważ jednak spółpracowników dobierano najlepszych, więc ta ich rozbieżność całości zbyt nie szkodziła. Gorzej wypadło rozgraniczenie przedmiotu; nie uwzględniali spółpracownicy granic, jeden wkraczał nieraz w dział drugiego, nie unikał powtarzań. Nierównie szkodliwszym okazał się podział przedmiotu, nietraktowanego w jednym ciągu chronologicznie, lecz rozbijanego wedle rubryk: poezja; dramat; powieść itd. Czytelnik, ukończywszy dzieje »poezji« t. j. liryki i epiki tylko, od średniowiecza

do r. 1900, wraca w dramacie do wieku XVI a uporawszy się z Wyspiańskim r. 1907 znowu w XVI wieku się odnajdzie. Monografje panujących mogą dać pojęcie o dziejach narodowych, bo łączą się czasowo; i dzieje językowe można monograficznie, głosownię, formy itd. wykładać, ale z monografji o liryce, epice, dramacie, powieści, nie złożysz całości ruchu umysłowego; nawet dla samego XIX wieku to się nie powiedzie, boć np. Słowacki jest epikiem i dramatykiem, więc wypadnie go dla owego podziału rozsiekać i tak bywa z każdym autorem i żadnego nie poznasz w całości, tylko urywkami, co znaczenia jego nigdy ci nie wyrażą.

Uwagi nasze, te i następne, mają wykazać niedomagania planu, aby je przy nowym wydaniu usunąć. Mniejszej więc liczbie spółpracowników należałoby powierzyć chronologiczne ujęcie przedmiotu, wedle wieków, średni, szesnasty itd., aby ominąć tę siekaninę, w której się ani rozeznasz. Najfatalniej wpływał jednak sam nagłówek »literatura piękna«, bo wykluczał zgóry dzieła najważniejsze. Kronika mistrza Wincentego jest pierwsze a na wieki jedyne dzieło literackie; najciekawszy to dawnej literatury okaz a o niej niema ani mowy; w historiografji kiedyś o niej będą rozprawiać. O polskiej literaturze średniowiecznej (prozaicznej) znajdzie wprawdzie czytelnik w połowie drugiego tomu nieco o kazaniach polskich, ale o najważniejszych zabytkach, o przekładach psałterza itd., ani wiemy, kiedy będzie mowa i gdzie? w historji kościoła polskiego? w przeglądzie zabytków dawnych, co poprzedził dział gramatyczny? a cóż takie Rozmyślanie przemyskie, co ani językowo ani »kościelnie« ciekawe a mimoto najciekawszy zabytek średniowieczny? Przez to ograniczenie do literatury »pięknej« uniemożliwiono zgóry wszelki pogląd na autorów i na rozwój literatury, co ma być wiernym odbiciem życia i ruchu umysłowego a nie pytać tylko o rym i średniówkę. Ten fatalny pomysł nie da się niczym usprawiedliwić; on wytworzył najprzykrzejsze dziwolągi. Oto np. mowa o Reju: mówi się o wierszach jego, co go bardziej kompromitują, niż zalecają; o dziele jego, co jedyne spółczesnych porwało, znajdziesz niedostateczną wzmiankę w dziale Wymowy (!!); o marnych dramatach również w tomie drugim dopiero szukaj wzmianki, ale o najpiękniejszym, najdojrzalszym płodzie umysłowości jego, o jednym z najciekawszych i najważniejszych pomników XVI w., o »Żywocie poćciwego człowieka« w całej Encyklopedji zupełnie głucho — czy nie zakrawa to na ironję?

A przecież mimo owego stygmatu »piękna« wciąga się całą moc ludzi i dzieł »najbrzydszych«, bo nie wartych ani wspomnienia. I tu same nieporozumienia: mówi się o Frycu czy Orzechowskim, dla byle jakiej mowy, ale milczy o najgłówniejszym dziele życiowym, jedynym, co nazwę Fryca na wieki utrwaliło, albo milczy się o retoryce Orzechowskiego w jego »Chimerze«, co taka sama napuszona a czcza gadanina, jak jego »Turcica«. Mówi się nieco o Solikowskim; ale pomija się pyszne jego dyalogi polityczne i inne rzeczy nierównie piękniejsze. I tak ciągle i obraz literatury wypadł obcięty i zamazany, bez kształtów wyraźnych, pełnych; to zawinił ów fatalny pomysł o literaturze »pięknej«, co najpiękniejsze rzeczy, świadomie albo i nie, opuszcza. Nakoniec nie zbadano czy nie zdano sobie dokładnej sprawy, dla kogo, dla czyich potrzeb Encyklopedję

się przeznacza? Pytanie ważne, na które każdy spółpracownik po swojemu odpowiadał. Jeden myślał o szkole, o podręczniku dla studjów uniwersyteckich; drugi podawał spisy, idące o lepsze z »Estreicherem«, zgarniał skrzętnie wszelkie śmieci do kupy, nie wiedzieć po co; trzeci uwzględniał szerszą publiczność, nie polonistów ani filologów; jeszcze inny skąpił i najcenniejszych szczegółow i wychodzą coraz istotne dziwolągi, np. o poezji średniowiecznej, której nie było, przynajmniej żadnej »pięknej«, rozprawia się niemal na 70 stronicach; o tragiku Wyspiańskim na 18 — wierszach!! Te straszne nierówności należałoby koniecznie usunąć, bo przez nie wszystko wartościowe spada nieraz na równy poziom z błahostkami i czytelnik traci zupełnie miarę z oka, bo miesza się rzeczy sztubackie, o których i wstyd mówić, z ważnymi i cennymi nabytkami!

Po tych uwagach o planie i jego niewykonaniu przechodzimy do samej treści. Pierwszy rozdział, »Ogólny pogląd na rozwój literatury pięknej«, str. 1—46, jest pióra St. Tarnowskiego, jak i jego szkic o dramacie w wieku XIX (tom drugi, str. 47—67); najsłabsze to, co Tarnowski wciągu niemal półwiekowej pracy, niestrudzonej, bardzo zasłużonej, napisał; czuć nietylko wyczerpanie przedzgonne, ale i jakąś niby nieśmiałość, brak zaufania w siłach własnych. Zamiast istotnych cech, wyróżniających literaturę polską od każdej innej na świecie, dał suche, mechaniczne streszczenie rozdziałów następnych a zamiast studjum o dramacie dał wzmiankę à vol d'oiseau.

Z całkiem innych przyczyn wypadł nie najlepiej i następny szkic, prof. W. Bruchnalskiego, o »poezji« średniowiecznej (str. 47—121), treść tego rozdziału stoi bowiem w odwrotnym stosunku do jego rozmiarów. Jak należało łacińską »poezję« przedstawić, pokazał prof. Sinko, co na trzech stronicach (122—125) cały jej wiek piętnasty znakomicie ocenił, opuszczając wszystkie niepotrzebne drobiazgi, które prof. Bruchnalski z tego i z poprzednich wieków najskrupulatniej wyliczył. Przybył do tego najniklejszego w świecie zasobu jeszcze zabytek o 428 leoninach z końca 13. wieku, wynagradzający brak poezji bezczelną napaścią na lekarzy a wysławianiem gołosłownym własnej »medycyny«, dominikana Mikołaja, Niemca prowincji polskiej, bawiącego przy księciu sieradzkim Leszku Czarnym, p. t. »Antipocras«; wydał go najpierw i najgorzej Sudhoff (1915), lepiej Diels (1916), najlepiej prof. R. Ganszyniec, Poznań 1920, z bardzo obfitym i znakomitym komentarzem, a z wyjątkiem dwu ustępów wszystko poprawił lub objaśnił. Z taką samą skrupulatnością wyliczył prof. Bruchnalski i »wiersze« polskie; nierównie obszerniej, dokładniej i wszechstronniej omówił to samo prof. J. Łoś w Przeglądzie zabytków staropolskich, 1915, str. 336—500; w Przeglądzie wyliczanie wszystkich śmieci ma sens, w Encyklopedji go niemiało. Przecież wylicza autor nawet takie »piękne« wiersze jak np. *Dum bibo piwo stat mihi kolano krzywo*, głupie żarty żakowskie, nawet nie poprzedzające makaronicznej poezji Folengi i powtarzające się ciągle w sztubie, np. *Quis scit co za górą piscit* itp.[1]) Wylicza autor 19 tekstów Salve Regina (u Łosia jest ich 23),

[1]) Nierównie ciekawsze są podobne »piękne« wiersze w »Wokabularzu rozmaitych sentencji« (z r. 1539; w poźniejszych licznych wydaniach ich

ale poco? przecież to modlitewka prozą, nie »poezja«. Najciekawszy z tych wierszów, *Bogurodzica* (bo tak pierwotna forma brzmi; autor pisze mylnie *Bogarodzica!*), wypadł najfatalniej, bo powtórzył autor znany nam od dawna niemożliwy swój domysł, że to jest »litania do wszystkich świętych« (str. 93), dopuszczająca »według potrzeby skrótów, względnie rozszerzeń«. Autor, nielingwista, nie dojrzał, że np. drugą zwrotkę a trzecią przedziela może całowiekowy przeciąg czasu, jak z języka wypływa. Dwie pierwsze zwrotki Bogurodzicy pochodzą z 13. wieku i stanowią zupełną całość; dalsze zwrotki dodawano w 14. i 15. wieku całkiem mechanicznie i przez to nabrała późna Bogurodzica formy wręcz potwornej, ależ to nie wina pierwszego jej twórcy. Lingwista może wykazać, dowodnie, gdzie niejedna pieśń powstała — ważne to pytanie nie istnieje wcale dla autora, co powtarza natomiast bajki Wisłockiego o legendzie Aleksego jako o jakiejś »pieśni dziadowskiej« albo bajki Dobrzyckiego o czeskim pochodzeniu np. »Żołtarza Jezusowego« (nie »Dawidowego«, jak się autor mylnie wyraził) i i.; inne pomyłki pomijam, np. o pieśni abecadłowej »Ach mój smętku«, jej autorze itd. Do całej tej materji przybyło nieco nowego materiału z dzieła p. Ludwika Bernackiego, »Pierwsza książka polska«, Lwów 1918.[1])

Zupełnie innym duchem tchnie profesora T. Sinko »Historja poezji łacińskiej humanistycznej« (str. 122—178), od XV do XVIII w., uwzględniająca w dodatku kilka oryginalnych postaci XIX w. Wspomniałem już wyżej, jak odmiennie wypadł obraz tej poezji XV w. od poprzedniego i w całości i w szczegółach (np. o dialogu na śmierć Oleśnickiego i i.); autor pomija milczeniem sztubackie wierszydła, nie bawi się w bibliografa, opowiada żywo, barwnie, z gruntowną wiedzą a najsumienniejszą troskliwością; piękny to, zajmujący a mimo popularnego wykładu umiejętny w najlepszym słowa znaczeniu szkic; jemu towarzyszyły albo wy-

---

niema), o których i Łoś (str. 135 i 136) nie wspomina: »Abiecadło *śniadł* pies sadło, matka mydło, ociec szydło, wlazł na połkę *śniadł* gomołkę«. Nie znalazłem dotąd w zabytkach polskich prób wytłumaczenia abecadła, jakie Czesi oddawna posiadają, bo nie dopiero Hanka w azbukę sens wkładał; już w 16. wieku Czesi urabiali z abecadła całe długie zdanie, np. w dodatku do Tobiasza czeskiego z r. 1588. W owym Wokabularzu są i trzy prastare pieśni, średniowieczne jeszcze, por. moje uwagi w Rozprawach Filologicznych Krakowskich XLIX, str. 36.

[1]) Ta książka, to modlitewnik, Hortulus Animae, wyszły drukiem r. 1491, rozszerzony po całej Europie katolickiej w niezliczonych wydaniach i tłumaczeniach (na niemieckie, czeskie, Zahrádka duše), zakazany (»nisi corrigatur«) przez papieży przy końcu 16. wieku; czeskie tłumaczenie wyszło r. 1520, polskie Biernata z Lublina r. 1514 (ocalały z niego dwa arkuszyki; do r. 1547 wyszło pięć razy). Otóż w tym polskim tłumaczeniu są liczne wiersze Biernatowe, ale to średniowieczyzna najczystszej wody, na równym poziomie ze wszelkimi innymi wierszydłami 15. wieku. Jeszcze częściej niż »Rajem dusznym« nazywano i polski ten modlitewnik »Hortulusem«; ksiądz np. co zestawił nauki dla Odrowążówny (około r. 1558; w bibliotece kss. Czartoryskich, rękopisy nr. 1256) tak go cytuje: *nyzlybysz wszythkye modlytwi czo gych gyesth w horthulywszye zmowyla*. Tu dodam, że w byle pieśni waganta, np. w owym »Meum est propositum in taberna mori« jest więcej prawdziwej poezji, niż w całej »poezji« polskołacińskiej średnich wieków razem wziąwszy; w polskiej zaś korna, naiwna, głęboka wiara nie może braków rażących w treści i formie nagrodzić. Rozwoju jej autor, zadowalający się wyliczaniami, nie wyjaśnił.

przedzały go badania, składane w osobnych rozprawach akademickich. Parę szczegółów: znamy dziś dzięki prof. Witkowskiemu, niemieckie nazwisko pieczeniarza węgierskiego, Pawła Krosieńczyka (należało jego »Ruthenus« wytłumaczyć); nie żył żaden Janicki, był tylko syn chłopski z Januszkowa, co zlatynizował dowolnie »Janicius«; nie było Szymonowicza nigdy, żył i był tylko Simonides; wielkopolanin nazywał się po polsku Klonowicem, Klonowicza Rusina nikt nie znał itd. Zamiast niejednej gołej wzmianki o autorze lub dziele można było, np. przy Rojziuszu wspomnieć o jego turnieju literackim, pierwszym w Polsce, z Trzycieskim, albo o jego makaronach: w Encyklopedji pominięto ten dział, właśnie w literaturze polskiej świetnie i licznie w 16. i 17. wieku zastąpiony; do obcych poetów, cenionych w Polsce, należał Pastorjusz, konwertyta, którego wiersze polityczne i panegiryczne szlachta chętnie w swoje Silva Rerum w siedmnastym wieku wpisywała.

Wobec świetnego artykułu prof. Sinko następny, Br. Chlebowskiego, o poezji polskiej XVI wieku, str. 179—224, zawodzi. Są liczne szczerby i nadzwyczajne nierówności; autor prawi szeroko o najmarniejszych wierszydłach, np. »kleryki Stanisława« albo o śmieciach Paprockiego i Stryjkowskiego; tego strasznie przecenił, zowiąc go malarzem i spiewakiem scen wojennych, niezrównanym w dawnej poezji! milczy zato o najciekawszych rzeczach, o satyrze »Proteuszu« z r. 1564, o wierszach politycznych z Bezkrólewia wydanych w znakomitym zbiorze Czubka, o poezji Anonima-protestanta, co dla swojej plastyki i flamandzkiego pędzla niema równia w całym 16. wieku. Powtarza dawne mylki o Kochanowskim, o trenach, o wierszu o Potopie (wiersz o Sodomie nie jego!). O Marcinie Bielskim prawi, jakoby jego Rej czy Kochanowski do wierszów pobudzili — ależ on ich wyprzedzał; albo o Zbylitowskim, jakoby to jemu ‚wytknął tory' Stryjkowski! Całość tego rozdziału zupełnie przestarzała; o bogactwie tej literatury nie poweźmie czytelnik pojęcia; autor obraca się niemal wyłącznie w dawnym wązkim kółku, nie rozszerzył go ani wykazał ciągłości rozwojowej, związków z przeszłością i wskazówek na przyszłość; przyznam jednak chętnie, że miejscami ożywił swój wykład i cieplejszym odezwał się tonem, np. przy Kochanowskim, szczególniej przy tegoż »Proporcu«.

Stanąłem sam na przeciwnym biegunie w obu następnych rozdziałach, »Poezja w wieku siedmnastym« (str. 225—275); »Poezja czasów saskich« (str. 276—285), bo starałem się wyczerpać obfitość produkcji literackiej, wiele a coraz gorzej piszącego wieku; sięgałem więc i do rękopisów i do najrzadszych druków. Przybyło w ostatnich paru latach, po r. 1915, niewiele; dwa nieznane utwory literatury sowizdrzalskiej ogłosił w Pamiętniku Literackim L. Badecki (o Januszu odmieniającym ort u żyda i »Barwiczkę« dla płci pięknej); »Moraljów« Potockiego W. wyszedł tom drugi i trzeci w Bibliotece Pisarzów Polskich; tamże przedrukował Łoś Sielanki Zimorowicowe, p. R. Pollak i i. »Gotfredowi« cenne poświęcili uwagi. Najcelniejszy przyczynek, to prof. Czubka wydawnictwo poezji rokoszowej z lat 1605—1609, co dało mnie powód do ogłoszenia »Studjów nad poezją XVII w.; serja pierwsza« w Rozprawach Akad. filologicznych t. 55; obszerniej rozwiodłem się nad najciekawszą postacią całego

wieku, nad Szczęsnym Herburtem i w znacznej części zagadki jego autobiografji rozwiązałem; obok Herburta, Miaskowski, Jurkowski, Witkowski i inni mniejszy pisarze są tam nieco uwzględnieni, przyczym i do plagiatów XVII w., choroby ogólnej, okazały się dodatkowe wiadomości; w Pamiętniku Literackim dowiódl Trzaska, że autorem »Szkoły Kupidonowej« niebył Szlichting Jerzy, lecz Kasper Twardowski, co się takim sposobem bardziej jeszcze na czoło całej moralizującej poezji wysunął. Odczułem całą niedogodność samego przedstawiania działów, nie ludzi i pododawałem wizerunki znaczniejszych pisarzy, co jednak wypadły dosyć ogólnikowo.

Nie uwzględniał ich wcale, mimo nęcącej sposobności prof. Chrzanowski w »Poezji za czasów Stanisława Augusta« (str. 286—333); wykład nadzwyczaj obfity przynosi z rękopisów i druków wiele nowego, np. co do poezji konfederackiej i i.; ze wszystkich rozdziałów Encyklopedji ten najbogatszy w treść nową, bo nie zadowalał się przedstawieniem chwilowego stanu badań, lecz sam je naprzód posuwał. Nagłówki tego rozdziału brzmią: »Charakterystyka ogólna; wpływy i wzory; poglądy na poezję, jej tendencyjność i przedmiotowość; pierwiastki nowych prądów, stare formy, poezja religijna, dydaktyczna i opisowa, epiczna, satyra, listy, panegiryki, sielanka, liryka miłosna (i anakreontyk), refleksyjna, sytuacyjna, patriotyczna«. W tej zaznaczono, że słynne »proroctwo ks. Marka« nie należy do poezji konfederackiej, »jako napisane r. 1763 a na autorstwo ks. Marka dowodu niema«; w »Prezencie dla dam« (Warszawa 1783, Stroińskiego?) czytamy: »już y X. Marka naszego. niechcą słuchać Niemcy proroctw świętych«. Autor, posługujący się chętnie obcymi literaturami, zaznaczający wyraźnie, że nasza »zapóźniona wobec poezji zachodnioeuropejskiej, nie wyłączając nawet włoskiej« nie porównał naszej z rosyjską, powtarzającą wszelkie objawy naszej, wyprzedzającą ją nawet: »wobec olbrzymiej doniosłości« jednej jak drugiej dla życia narodowego takie porównanie obuby na korzyść wypadło. Rzecz napisana ciepło, żywo, powabnie, chociaż przeznaczenia dla szkoły nie unika, wskazywając różne szczerby, niby tematy dla rozpraw seminarialnych. Ogólnych charakterystyk nie daje, rozbijając każdego poetę wedle działów a przecież mogłyby sylwetki literackie takiego Krasickiego, Trembeckiego czy Naruszewicza albo obu liryków wieku silnie nęcić, aleź do ich wycieniowania należałyby rzeczy prozą, dramatyczne i i. a te właśnie program wyłączał, co bardzo żałować należy. Mimo to rozdział ten dla szczęśliwego połączenia nauki i popularności, winien uchodzić za wzór wykonania. Nie o szkole, lecz o szerszej publiczności myślał prof. Kallenbach: »Poezja w latach 1800—1863« (str. 334—506). Czyta się nadzwyczaj przyjemnie ten prawdziwie popularny szkic, o pięknym wysłowieniu i trafnym poglądzie, napisany z wielkim poszanowaniem literatury ojczystej, ze wdzięcznością korną dla jej twórców. Na niejedną ocenę trudno jednak się zgodzić. Np. Norwid-Lenartowicz; tamten niedoceniony, ten przeceniony; przyznam chętnie, że Norwid »ciężki«, Lenartowicz »lekki«, aleź Norwid — to tęgie, wonne wino, nie dla dzieci napój, Lenartowicz woda kryniczna, bez woni, smaku i barwy, zato dzieciom bardzo zdrowa. Polemizuje autor nawet z słownictwem Norwidowym, z jego nowotworami, co »były poronionymi płodami, nie wzbogaciły mowy pol-

skiej a odstręczyły ogół od jego poezji« (str. 475). To samo możnaby — równie niesłusznie, o Krasińskim powiedzieć; właśnie poeta w pierwszym rzędzie powołany do wzbogacania języka, bez względu na to, czy się nowotwory jego przyjmą czy nie, byle miejscu odpowiadały. W otoczeniu karlim Norwid olbrzymem wyrastał. W jego ocenie zaszło dalsze nieporozumienie, widoczne i w ocenie »Termopil« Słowackiego (str. 410), gdzie autor niesłuszne zdania Chlebowskiego powtarza, co do »czczości wewnętrznej frazesów patetycznych«! Poezja nie jest programem politycznym ani platformą wyborczą; ona winna tylko potrącać strunami sercowymi a każdy czuły słuchacz ją sam dospiewa, każdy inaczej; czym głębsza ta »czcza« poezja, czym mniej się analizie płytkiej poddaje, czym beztreściwsza na pozór, tym wyższa. Norwid stworzył rzeczy nieraz, do których się zawsze z zajęciem, wzruszeniem, czcią powraca a to dla nieśmiertelności poety wystarcza: jak rzadko bywa poeta, oprócz tych chyba, co mało pisywali, żeby z puścizny jego trzy czwarte nie nadawały się raczej tylko dla prac seminarialnych, nie pozostawały zbytecznymi dla ogółu! Norwidowy »Quidam« zasłużył na coś więcej, niż na gołe słowa »kamienna forma utworu« (476). Płytkiemu Lenartowiczowi poświęciło się niemal sześć stronic, głębokiemu Norwidowi cztery. W całym rozdziale główną kładł autor wagę na liryzm i lirykę, zbyt jednostronnie poezję z liryzmem utożsamiając. Sądy bywają drastycznie ostre, np. o Żmichowskiej; rozmieścił zaś autor epigonów nieco bezładnie, przypadkowo. Niezrozumiałe mi nabożenstwo dla Kowna; miałażby mieścina żydowska odegrać dla Mickiewicza rolę Genewy dla Słowackiego a Warszawy dla ukraińców, str. 404 i 371? czy nie była mu raczej tylko przeszkodą? W całym ustępie o Brodzińskim niema wzmianki najlżejszej o Herderze, od którego Brodziński całkiem zawisł. Czy język Malczewskiego »swobodny, giętki, melodyjny i wolny od retoryki pustej«, o tym silnie wątpię; on raczej twardy zawsze a nieraz i blady. Możnaby się więc spierać o niejeden szczegół, ale cóż to znaczy wobec szczerego uznania, jakie się całości, pięknej stylem, trafnej sądem należy; to istotnie zarys popularny w najlepszym tego słowa znaczeniu i niemogła wielka epoka wymowniejszego znaleźć dla ogółu tłumacza.

Tom kończy Br. Chlebowski »Poezją polską po r. 1863«, str. 507 do 561, może najpiękniejszem, co kiedykolwiek napisał, śpiewem jego łabędzim. Wielka powaga słowa, ogromne uszanowanie poezji jako służby narodowej, najtrafniejszy dobór i obfitość treści, sąd zrównoważony, wyrażony wymownie a pięknie — jaki żal, że nie on omówił dramatu nowego, szczególniej Wyspiańskiego! Trzymał się niestety programu, choć go sam w słowie wstępnym słusznie zkrytykował, więc rozsiekał poezję, mówił osobno o liryce Konopnickiej a osobno o jej epice itd. Nie zgodziłbym się na każdy sąd, np. właśnie nie na sąd o Konopnickiej, zbyt surowy, nie doceniający jej; najbardziej protestowałbym przeciw wywodom str. 512, o słabej polskości wielkiej poezji narodowej, jakoby np. »jedynym przedstawicielem odwiecznej polskości (w okresie Mickiewiczowskim był) małopolanin Brodziński«, t. j. ten co właśnie na niemieckim sentymentalizmie i na Herderze wyłącznie wyrósł! trąci mi to strasznie jakimś zagrobowym partykularyzmem warszawskim (mazowieckim) wobec

Wilnian i Krzemieńczan. Ależ to drobne plamki na świetnym zresztą obrazie; lirykę i epikę po r. 1863 pozna czytelnik tym lepiej, że się owe uwagi wcale jej nie tyczą.

Tyle o tomie pierwszym; zebraliśmy już śmietankę — z drugim się więc krótko uporamy. Prof. Hahn rozprawia o dramacie przedrozbiorowym, str. 1—46, Tarnowski o dramacie wieku XIX, str. 47—67. Dawnego dramatu wcale nie było, bo nie było teatru, bo szlachta siedziała na wsi, miasta podupadały a dworu królewskiego (stałego) nie znano. Przecież jeszcze w połowie 16. w., gdy Rej zasiadł do przeróbki prawdziwej tragedji (»Kupca« Naogeorgowego), niemiał on najmniejszego wyobrażenia, że to osobna forma twórcza; jak mniszy średniowieczni komedje Terencjuszowe uważali za epikę, tak samo i on: podzielił więc sobie pięć aktów tragedji na dwie mniej więcej równe części i do każdej osobną przedmowę napisał. Więc co tu mówić o dramacie! Był tylko jeden stały dramat dawny, Jezuicki, ale ten skostniał w bakałarskożakowskiej rutynie a wszelkie luźne próby, od tłumaczeń 16. wieku i od Kochanowskiego aż do powstania stałej sceny w Warszawie dowodzą tylko niepodatności gruntu polskiego pod uprawę dramatyczną.

Tosamo powtórzymy o »powieści polskiej«, bo dzieje tej, której wcale nie było, do r. 1776, skreślił prof. Gubrynowicz, str. 68—102; od r. 1776—1830, prof. Wojciechowski, pierwszorzędny znawca tych czasów, str. 102—134; od r. 1831 M. Mann. Ten autor głębiej w rzecz nie wnikał, rozdawał niby klasyfikację uczniom; to dobre, to złe. Przeczyłbym zaraz zdaniu pierwszemu: »Po r. 1830 powieść polska rozwija się ze dwu źródł: z tradycji własnej, którą sobie wytworzyła od początków XIX w. i ze wzorów obcych«; tradycji nie było; rozstrzygali obcy, nie Mostowska ani Bernatowicz. Albo np. zdanie na str. 179: »Krzyżacy« (Sienkiewicza) stanowią niewątpliwy postęp w technice powieściowej; autor wyszedł bowiem poza wyłącznie wojenną atmosferę, którą oddychała trylogia i zwrócił się w kierunku wzkazanym (!!) przez Olbrachtowych Rycerzy (Kaczkowskiego)«, co bardzo wysoko stawia, nazywa je (str. 164) »zjawiskiem w naszej literaturze wyjątkowym i jedynym; jakie znaczenie miał »Listopad« w pierwszej połowie XIX wieku, takie dla drugiej połowy mają »Olbrachtowi Rycerze«, ależ ten zimno poczęty płód chyba pierwszego p. Manna rozgrzał. Trylogia zaś musiała oddychać wojenną atmosferą, dla samego przedmiotu, chybaby ktoś zarzucił Sienkiewiczowi, że taki niedelikatny obrał przedmiot; czyż »Quo Vadis« albo »Krzyżaków« przepoił poeta taką atmosferą? W krótkich, urwanych zdaniach spisywał autor regestr powieści, ale bardzo wiele opuszczał; nieraz i charaktery uwydatniał; przy Żeromskim należało podkreślić, że to nie epik, opowiadać ani umie ani lubi, że to liryk-impresionista, z dziwaczną słabością dla utopji społecznych i wynalazków mechanicznych, co widok świata odmienią. Sądy bywają trafne, szczególniej jeśli ujemne, ale ton całości zbyt suchy.

Nierównie króciej wypadł rozdział »Krytyka literacka«, str. 209—240, prof. Grabowskiego; co do czasów najnowszych liczne w nim szczerby, nie znajdziesz Siedleckiego, Lorentowicza, Mazanowskiego; nie zaznaczono różnicy między fejletonami A. Potockiego o »polskiej literaturze spółczes-

nej« a dziełem Feldmana, co jest istotną, znakomitą historją pisemnictwa, szczególniej w najnowszym wydaniu wcale nie »tendencyjną ogromnie«; możemy być tylko dumni i szczęśliwi z posiadania tego dzieła, którego nam z pewnością nikt i nic nie zastąpi, tu znalazła »Młoda Polska« swego powołanego tłumacza i wielbiciela. Co to ta »Młoda Polska«, o tym się naturalnie czytelnik z Encyklopedji nie dowie; pouczy go o niej tylko książka Feldmana.

Po dwu krótkich szkicach o Liście i o Panegiryku (str. 187—197, str. 198—208) skreślił prof. Bruchnalski dzieje wymowy na str. 241—418. Wyłożył na nie trud olbrzymi; splótł je jak i poprzednie szkice, z dziejami listu, panegiryku i wymowy od starożytności samej; pomijał mowy sejmowe i listy prywatne, zajęty raczej teorją, więc próżno szukalibyśmy wzmianek o najsłynniejszych, o dawnych listach Chodkiewiczów, Radziwiłów, Zamoyskich, Sobieskich, o nowych listach Odyńca czy Sienkiewicza, o listach co nieraz w całe, świetne dzieła się przekształcały, o mowach, co trzęsły sejmem i rzecz pospolitą. Zato przemienił autor wykład w bibliografię, gdyż całymi, licznymi stronicami ciągną się same nazwy autorów; »Encyklopedja« przecież nie »Estreicher«. W tej powodzi, w tych najniepotrzebniejszych setkach a może tysiącach — nie sprawdzałem liczb — najobojętniejszych nazwisk, tytułów itd. zgubi się najcierpliwszy czytelnik; dziewięć dziesiątych należało odrzucić, z największą korzyścią dla szkicu samego. W tym nieprzebranym lesie szczegołów wiele i myłek; opuszczano co ciekawe i ważne, co rozstrzyga; powtarzano dawne bajki Mecherzyńskiego, księży (Hołowińskiego i i.), wysadzających się na ogólnikowe komplementy dla mowców duchownych. Oto kilka szczegółów. Jako punkt epokowy w dziejach kazania polskiego wymienia autor (str. 275) rok 1389, osiedlenie benedyktynów słowiańskich na Kleparzu: mogę go zapewnić, że jeżeli ci benedyktyni w Pradze się jeszcze czymkolwiek (głównie przepisywaniem, nawet tekstów czeskich głagolickim alfabetem) odznaczyli, w Polsce oni i palcem nie kiwnęli. Na str. 277 mówi autor o kazaniach świętokrzyskich, świeżo z największą troskliwoscią wydanych,[1]) ale nie wymienił najważniejszej ich cechy, dowodzącej oprócz języka samego, ich starożytności: nie są to bowiem kazania polskie, lecz stoją jeszcze na pierwotniejszym poziomie mieszanego, polskołacińskiego języka, co jak w Francji dopiero później ustąpił kazaniom wyłącznie już w narodowym języku. Nasze kazania »gnieźnieńskie«, to są te właśnie, o których Janocki pisał, że posiada kapituła gnieźnieńska kazania polskie Oleśnickiego: ani śniło się o pisaniu polskich kazań arcybiskupovi; wygłaszał je i spisywał stary, poczciwy, naiwny pleban w jakiemś miasteczku archidyecezji jeszcze w XIV w. O postyli Wujkowej przytoczył autor na całej pół stronicy (303) jej panegiryk ks. Hołowińskiego: że brak jej najważniejszego, t. j. serca, że więc ani się umyła do serdecznej Rejowej, choć ją wyprzeć miała z obiegu między katolikami przynajmniej, wiemy dobrze, więc poco ten panegiryk? Nie wspomniał autor, jak »cudzymi wołkami orali« nasi najzawołańsi kaznodzieje, i Wujek i Skarga; jak się zapożyczali

[1]) »Die altpolnischen Predigten aus Heiligenkreuz, mit Einleitung, Übersetzung und Wortverzeichnis herausgegeben von Paul Diels, Berlin 1921«; str. 67.

u Ferusa i Stapletona — cenne dzieło dr. Kolbuszewskiego potwierdziło dawniejsze domysły (Postyllografja polska XVI i XVII wieku, Kraków, nakładem Akademji 1921, str. 284; praca świadczy chlubnie o wiedzy i swobodzie sądu autora). Jak mało powiedział prof. Bruchnalski o postyli Rejowej (str. 317); nie zaznaczył, że pierwsze jej wydanie pisał jeszcze luter, dopiero późniejsze kalwin; »rycina jest jednym z zasadniczych punktów jego metody« — nie śniło się o niej Rejowi, wpakował mu ją drukarz i łagodny ton postyli kłóci się właśnie z ryciną i o te ryciny, niemieckie, nie polskie, gniewali się katolicy na Reja; nie wymienił wydań jej wszystkich i tłumaczeń; pominął zmianę ostrą tonu w późniejszych wydaniach, spowodowaną przez ministrów; pominął »Wykład na Hozeasza«, chociaż o »Apokalipsie« prawi; wymienia jednych kaznodziei protestanckich, drugich lepszych pomija, np. Jana Turnowskiego, znakomitego mowcę. Na str. 392 i nn, wyliczał dyalogi o odpustach, o karczmie itd. z końca 19. wieku (!!), zapomniał tylko zupełnie o dyalogach stokroć ważniejszych XVI i XVII wieku, o dyalogach wierszem i prozą Solikowskiego, Opaleńskiego (Łuk.), Reja, Otwinowskiego, innych protestantów i katolików;[1]) śmieci dzisiejsze wyliczał, dawne perły odrzucał.

W poprzednich działach wzpominałem o przybywaniu nowego materiału dla wieków XIII do XVII; w dalszych nie przybywa materiałów (chyba wyjątkowo, np. fragment Darczanki — La Pucelle, Voltaire — Mickiewiczowej), za to każdy nowy zeszyt »Pamiętnika Literackiego«, każdy nowy numer »Biblioteki Narodowej« (wydawanej przez prof. St. Kota), każdy z niezliczonych przyczynków, artykułów, szkiców, pojawiających się czy oddzielną książką czy po czasopismach, poprawia, pogłębia, uzupełnia dotychczasowe opracowania. Oto np. zbiór luźnych szkiców prof. J. Chrzanowskiego, wydanych p. t. »Z epoki romantyzmu« (Kraków 1918, 399 str.), z istnym arcydziełem natchnionej krytyki: »Czem był Wirgiliusz dla Polaków po utracie niepodległości?«, z cennymi przyczynkami szczególniej do Niemcewicza i Mickiewicza, Krasińskiego i Pola. Albo jego świetne wywody o Odzie do młodości Mickiewiczowej, wyłuszczające jej rewolucyjny entuzjazm, zupełnie odbiegający od rezygnacji Schillerowej, wywołany raczej hasłami wieku oświecenia i — wolnomularstwem (»Chleb macierzysty Ody do młodości«; Warszawa 1920, str. 56). Lecz jeden zrobię wyjątek, dla komedji Fredry. Po długim milczeniu, przerywanym chyba popularnymi szkicami, zaczęła się naukowa nad komedjami praca od studjum B. Kielskiego, »O wpływie Moliera na rozwój komedji polskiej« (1906) a potym już posypały się coraz szczegółowsze badania Günthera, Kucharskiego, Sinki i i. Prym między nimi należy się dziełu

[1]) Najniesłuszniej wcielił prof. Hahn niejeden z tych dyalogów do literatury dramatycznej: sam dyalog jeszcze nie jest dramatem, boćby i katechizm w formie pytań i odpowiedzi można by do literatury dramatycznej wliczyć! Na str. 17 mówi »o dwóch utworach katolickich Ochina« — chyba antykatolickich. Opuścił zupełnie istotny dramat: Komedję o mięsopuście. Tu dodam, że »Kupca« Rejowego, znanego nam dotąd z kilku arkuszyków, wyjętych z dawnej oprawy, pojawił się zupełny egzemplarz-unikat; ujrzy światło dzienne w akademickiej Bibliotece pisarzów polskich; pisałem o nim w 2. zeszycie nowego kwartalnika, poświęconego dziejom protestantyzmu polskiego, wydawanego przez prof. St. Kota p. t. Reformacja w Polsce.

J. Chrzanowskiego, O komedjach Aleksandra Fredry, Kraków, nakładem Akademji 1917, str. X i 331. W jedenastu rozdziałach omówił autor dzieje sławy, spółczesnej i pośmiertnej; określił jego umysłowość, upodobania literackie, źródła pomysłów do komedji (nieraz nadzwyczaj trudne do ujęcia; przypominają żmudne a niemal bezrezultatowe prace rosyjskich uczonych nad pomysłami Ostrowskiego!); dzieli je jako obyczajowe, itd.; jakie ich typ estetyczny, technika, akcja; ich świat męski i kobiecy; ich komizm i humor, tematy i idee; brak komedji politycznej i społecznej; wreszcie omawia każdą komedję zosobna i stanowisko Fredry w literaturze. Pierwszy to wykład, powiedziałbym fachowy, znakomicie wyszkolonego estetyka, operującego kategorjami estetycznymi, naszym dawnym monografistom przeważnie całkiem obcymi; żywością, barwnością wykładu, temperamentem silnym ich wszystkich przerasta. Jedno za mało podkreślił, że Fredro jest ofiarą strasznej moralnej i umysłowej nędzy galicyjskiej z lat 1815—1835, że robi wrażenie Pegaza w jarzmie, że zmarnował się poprostu talent w najmarniejszym otoczeniu. E. Kucharski może zanadto wysuwa ukryte dla niesnośnej cenzury aluzje polityczne w »Panu Jowialskim« i i., ale i on jeszcze moim zdaniem zamało uwydatnił to przygnębienie, którego ofiarą padł i sam Fredro; na kamieniu beocji galicyjskiej o ruchu myślowym, o komedji politycznej i społecznej nie mogło być i mowy; beocja zabiła Fredrę.

Wracam jeszcze na chwilkę do Encyklodedji, bo kończy ją studjum prof. Tretiaka, Dawna poezja ruska (str. 419—528), praca wyłamująca się zupełnie z ramek obu tomów, co poezję ludową zupełnie pomijają, gdy studjum Tretiakowe właśnie głównie dumie kozackiej poświęcone; przedtym o Słowie Igorowym obszerniej rozprawia, krócej o »poezji kunsztownej wieku XVII i XVIII — ale o XIX głębokie milcenie, a jeżeli kto, to właśnie Tretiak był powołany do wystawienia obrazu Szewczeńki; zamiast tego przystąpił od str. 454 do poezji ludowej a od 467 do »poezji kozackiej« t. j. do dum. Obraz bardzo ładny, z wielkim znawstwem wykonany; rzecz czyta się miejscami jak rzewna powieść niemal.

Przedstawiłem tak obszernie całe dzieło, dla jego charakteru, niby zbiorowego okazu spółczesnej wiedzy literackiej polskiej, chociaż to ułuda tylko. Brak w niem przecież i kilku wybitnych talentów, np. St. Windakiewicza i Kleinera, najgłębszego znawcy Słowackiego i Krasińskiego, co teraz właśnie nowe wydanie i swego dzieła o Słowackim i dzieł Słowackiego przygotowywa. Sami spółpracownicy czuli się widocznie skrępowanymi poniekąd dwuznaczną rolą Encyklopedji, wahającej się między uczonym podręcznikiem a wykładem popularnym. Znakomicie wypadły tylko cztery szkice, Sinki, Chrzanowskiego, Kallenbacha, Chlebowskiego;[1]) reszta nie ciekawa, czy to z winy autorów samych, czy bez ich winy, bo jakżeż może być ciekawa »poezja« średniowieczna albo dawny dramat czy powieść, skoro ich jakby wcale nie było? jedyny był na to sposob, ich kosztem przystępywać do rzeczy wartościowych a stało się przeciwnie! Dla rozsiekania autorów i działów nie wynosi czytelnik wrażenia ca-

[1]) Pravda žádá, abychom dodali, že sem patří také recensentův skvělý obraz 17. století, o jehož správnější pojímání si on získal svými pracemi zvláštních zásluh. M. M.

łości, rozwoju, wpływów, sięgających zagranicę na Czechy, już od końca XV w., bo rola wzajemnych wpływów się prędko a gruntownie odmieniła; na Ruś Białą i Moskiewską; na Litwę żyjącą do niedawna wyłącznie okruchami stoła polskiego.

Lecz mimo wszelkich niedomagań planu i wykonania imponuje wkońcu całość obfitością treści, bogactwem tej literatury, niegdyś wyłącznie niemal obywatelskiej, mało indywidualnej (chyba u Kochanowskiego), w XIX wieku wyłącznie niemal patriotycznej, pełniącej służbę Westalki u ołtarza narodowego, protestującej w imię ideałów, pokrzepiającej zwątpiałych, budzącej uśpionych, wymagającej poświęcenia, w obrazach nadzwyczajnej wzniosłości czy piękności. Do walnych, licznych zasług Akademji przybyła nowa a wielka — w sam przeddzień wskrzeszenia Polski! *A. Brückner.*

Тарас Шевченко. **Збірник за редакцією Е. Григорука і П. Філіповича.** Державне Видавництво. Київ [1921]. Str. 126 vel. 4⁰.

Nedávno slyšeli jsme z úst profesora Hruševského tvrzení, že Ševčenko (a také Drahomanov) jest přímo otcem strany ukrajinských sociálních revolucionářů. Je to ovšem veliký omyl, přisvojuje-li si jednotlivá strana takového národního veleducha, jakým je Ševčenko, poněvadž takoví lidé patří celému národu. Ale nemůžeme se diviti, že právě Ševčenko, tento prorok a mučedník za pravdu a svobodu Ukrajiny, který jako nikdo jiný pranýřuje všechny katy, tyrany a ukřižovatele národů, nalézá v nynější době revoluční u socialistických stran na Ukrajině tolik důkazů lásky a milosti, jako málo kdo jiný. Právě této oblibě děkujeme za velice ozdobně, až umělecky upravené vydání výše uvedeného sborníku, s pěti celkem zdařilými pojednáními, jež velikou měrou přispívají k poznání tvůrčí síly Ševčenkovy. Náhodou dostal se mi do rukou laskavostí pana Dra Hirňaka, jenž jej přivezl z Ukrajiny; sborník si zasluhuje, abychom o něm podrobně promluvili.

1. První článek sborníku (str. 7—23) Velykyj buntar' (Velký buřič) napsal E. Hryhoruk. P. Hryhoruk praví, že »každá třídní skupina, každá strana shledává v Ševčenkovi to, co jí bylo nejbližší. I na veškerou tvorbu Ševčenkovu hleděla prismatem svých nejbližších pocitů« — to je čirá pravda, jež se znova objevuje i v článku p. Hryhoruka. »Hlavní úloze Ševčenkově nikdo nerozuměl,« tvrdí p. Hryhoruk, a my připojíme k tomu, že jí ani sám p. Hryhoruk nerozuměl, dávaje se zase s čistě stranického stanoviska do výkladu Ševčenkovy tvorby.

Budiž, souhlasíme s p. Hryhorukem, že »co do svého revolucionářství, krásy a moci protestu, hloubky pojímání opravdového obsahu věci, ve všem tom Ševčenko neměl předchůdců a o mnoho předešel své následovníky jak v ukrajinské tak i ruské společnosti,« a že »právě v těch mezích jeho tvořivosti je základ toho, abychom jmenovali Ševčenka geniálním«; přes to však hlavní vývody p. Hryhoruka při důkladném přezkoumání tvorby Ševčenkovy nemohou se nikterak osvědčiti.

Již samo rozdělení tvorby básníkovy na ohraničená období, a to »na tři, anebo správněji dvě doby, dobu národní revoluce, dobu převratu

a dobu sociální (řekl bych anarchistické) revoluce«, nemůže býti ničím dokázáno.

Nedá se zapříti, že ve vývoji ideí pozorujeme u Ševčenka stálý pokrok hlavně v tom směru, že myšlenky ze začátku pouze naznačené promýšlí čím dál, tím více až do konce, do kořene, hledaje stále hlouběji příčiny neštěstí Ukrajiny, ať národního, ať sociálního. Ale Ševčenko »v celku své tvorby, v ustavičném jejím proudu a pokroku« zůstal jen Ševčenkem, a nelze ji nikterak děliti na oddělená období, poněvadž jak v první době jeho tvorby slyšíme jeho protest i proti sociálnímu řádu, tak zase v poslední době protest i proti národnímu zotročení (srov. jednak Katerynu, Hajdamaky, Son, Kavkaz, Ivan Hus, jednak Marku Vovčku, Jakby to ty Bohdane pjanyj, Osiji hlava XIV, Ne narikaju ja na Boha).

V lichém, bezpodstatném předpokladu mínění p. Hryhoruka leží také příčina, že ani nechápe skutečného smyslu jednotlivých básní Ševčenkových. Na příklad poukazuji na Poslanije, ve kterém docela bez příčiny přičítá Ševčenkovi »motiv protišlechtický, protihetmanský a protinacionalistický«. Rovněž není správné, že u Ševčenka v prvních letech jeho vyhnanství »staří bohové — boj za národní svobodu, za dějinné tradice — zhynuli«, že Ševčenko »odmítá Boha skutečně a rozhodně«, že mu »sama idea božství je lží« a že »není Boha — to se stalo u Ševčenka nejen chvilkovým rouháním ohnivého buřiče, nýbrž jeho přesvědčením«. Naproti tomu můžeme ze všech spisů Ševčenkových nevyvratelně dokázati, že Ševčenko byl skrz na skrz nábožný. Je pravda, že jeho náboženství nebylo dogmatické, nebylo spoutáno žádnými pouty ani ukováno žádnými dogmaty, kompromisními ustanoveními, nýbrž živé, živelné jak sám život. Ševčenko v ničem nezná kompromisu a zná jediný mravní zákon opravdového náboženství, jejž vztahuje na všechny lidské činy, zákon neobmezené lásky a zákon absolutní, čisté, živé pravdy a spravedlnosti. Láska a pravda, to je jeho Bůh, před nímž jediným se sklání, všechno jiné má za lež. Zvláště však nevěří v bizantského Sabaotha, nýbrž v takého Boha, jenž neklame a nebude trestati ani milostí rozdávati. Proto není divu, že Ševčenko někdy v tonu starozákonního Mojžíše a jiných starozákonních proroků s Bohem velmi prudce účtuje. Avšak nebojuje s pravým Bohem, nepodniká vzbouření proti Kristovi, nýbrž proti padělanému, licoměrnému křesťanstvu, jež se stalo posměchem křesťanského učení, proti oficielní církvi, proti takovému náboženství, jež »ráj pronajímá«, jež nakazuje »dělati poklony za krádež, za vojnu, za krev«, proti byzantinismu, proti takovým mravním zásadám, jež drasticky vyjadřuje Ševčenko slovy »loupí, loupí a dej, a rovně do ráje«,[1]) proti takovým křesťanům, kteří »dělajíce poklony, s bratry jednají tak, že by ani divoká šelma tak nejednala«, proti takovým »osvíceným křesťanům, kteří dělají poklony až k zemi, a chráníce se křížem před čertem, prosí tiše o mor, o nehodu a všeliké neštěstí pro nepřátele-křesťany« . . ., za takovou mravouku se Kristus nedal ukřižovati, ten Kristus, jemuž se klaní Ševčenko.

---

[1]) Srov. *Kavkaz:* „В нас дери, дери та дай, і прямо в рай...“

Tak je to i se všemi jinými výwody p. Hryhoruka. Ševčenko byl velký, geniální básník, prorok všelidských ideí a žádný agitátor.

2. V druhém článku (str. 27—32) Ševčenko jak holos narodňoji duši (Ševčenko jako hlas národní duše) má profesor A. Loboda Ševčenkovu myšlenku »V svojij chati svoja pravda i syla i volja« (Ve vlastním domově je vlastní pravda i moc a svoboda) za ten hlas, to heslo obrození Ukrajiny, které během dlouhých let tichým sténáním neslo se národem, až prorazilo jako šumějící bystřina v Ševčenkových spisech, a jen revoluce projevila, jak blízký byl čas, o němž volal Ševčenko: Schamenitsja, buďte ljude... (Vzpamatujte se, buďte lidmi).

3. V pojednání Poet ohnennoho slova (Básník ohnivého slova, str. 33—48) zjišťuje P. Fylypovyč, že v časech, kdy se ruská literatura od Děržavina a Kapnistové »Jabedy« (1798) přes Žukovského, Gribojedova a Puškina »s plejadou« probrala až k Revisoru Gogolovu (1836) a k Lermontovovu Geroji našego vremeni (1840), ukrajinská literatura »velice pomalu se vyvíjela, příliš úzkými pěšinami šla, nesmělým hlasem odůvodňovala své právo na život«. U Kotljarevského, Hulaka-Artemovského, Borovykovského, Metlinského a Kvitky nenachází »žádného reformátorství, ohně idey, duševního rozčilení ani dychtivosti velkého činu, přání, aby skutečně obrodily svou literaturu, vyzvedly ji na výši všelidskou«. »Hlavní pobídkou jejich tvořivosti, klidné a samospokojené, nebylo skutečné národní cítění, výslovné cítění slova co hlavního nervu duševního života národa, nýbrž pocit vlastní ethnografické odlišnosti od velkoruské národnosti.« A to není vědomí, nýbrž pouze »živelnost«, není reformátorství, nýbrž »konservatismus«. »Bylo upevněno to, co bylo a co se udrželo v národních mravech, obyčejích a jazyku — nebylo projeveno ani podškrtnuto, co býti má«. Ševčenkovi předchůdci nedělali dojem novotářů . . . nebyli ideovými vůdci široké společnosti . . . nepronášeli hrozeb proti vládě . . . nevěděli, jakou silnou zbraní jest slovo, neslyšeli, jak »Prorok« Puškinův (1826) vnitřního hlasu: »Glagolom žgi serdca ljudej.« Ukrajinský prorok objevil se později, a to Taras Ševčenko. Do ukrajinské poesie vnáší rázem to, co jí do těch dob chybělo, a to vášeň, oheň, strhující živelní sílu, praví Fylypovyč slovy Frankovými. Ševčenko jako nikdo před ním pochopil neobyčejně velký význam slova..., cítí neomezenou a kouzelnou sílu, která tkví ve slově vůbec; rozumí síle slova, jako nevyhnutelného buditele pravdy, ví, že obzvláště působí na duši slova žalostná a toužívá, proto často spojuje »slova — slzy«, rád jmenuje slovo »božským«, velkým, »slovem páně«, mluví o svaté síle slova, o svatém, ohnivém slovu; otázka slova jako hlavního činitele národního obrození a sociálního osvobození celý čas stála před ním. »Muky slova«, jakou rozbírá zajímavě Hornfeld (Voprosy teorii i psychologii tvorčestva) u básníků a spisovatelů, neznal Ševčenko. Ze spisovatelů po Ševčenkově době rozuměli síle slova Kuliš, Franko, Kocjubynskyj a obzvláště Lesja Ukrajinka.

To je krátký obsah Fylypovyčova pojednání. Docela správné je, jak Fylypovyč pojednává o svém vlastním thematu, podporuje svá tvrzení množstvím citátů ze Ševčenka. Avšak to, co přednesl úvodem o předchůdcích Ševčenkových, je chybné. Fylypovyčovi schází smysl pro histo-

rickou perspektivu a proto jim křivdí. Ukrajinští první novodobí spisovatelé vyplnili velice dobře svou úlohu. Jak si váží Ševčenko Kotljarevského a Kvitky, víme z básní jim věnovaných. Není možno posuzovati spisovatelskou činnost z doby asi před sto lety měřítkem dneška, tím méně pak pohlížeti na ni okem stranickým.

4. Velice pěkné a skutečně vědeckou methodou propracované pojednání pochází z pera p. Jakubského: Forma poezij Ševčenka (Forma Ševčenkových básní, str. 49—73). Úvodem konstatuje Jakubskyj především velice smutný, ale pravdivý zjev, že v širokých kruzích ukrajinských čtenářů převládá mínění, že Taras Ševčenko co do formy svých básní je prostý, málo kulturní, skutečně »chlapský« básník, že jeho verše jsou nejprostší, nepropracované, a že jich neuměl ani vtlačiti v tuhé rámce pravidelného veršového rozměru (metra). Přistoupíme-li k němu s jistými prosodickými požadavky, najdeme prý v jeho básních velký zmatek sylabiky a toniky a velkou nedbalost co do rýmů, strofické skladby a jiných prvků složité techniky veršové. Právem prohlašuje Jakubskyj takový názor na Ševčenka za naprosto chybný, s nímž musí se konečně a rozhodně súčtovati, a naopak třeba co nejurčitěji prohlásiti skutečný stav věci, že Ševčenko byl velký mistr verše, skvěle ovládal veškeré složité jeho jemnosti, takže můžeme jej směle postaviti po bok všem světovým básníkům jako velkého umělce slova.

Poukázav na to, že hlavními součástkami formy veršovaných výtvorů je 1. rytmus (jehož definice, příliš kolísavá, nás neuspokojuje), 2. metrum, 3. libozvučnost (alliterace, rým, assonance) a 4. strofika, jedná ve druhé části své práce o rytmu, ale bohužel ukazuje se zde ještě více, že Jakubskyj vlastně dobře neví, co je rytmus. Jednou rytmus znamená mu tolik co tempo, energické, ostré rýmování rýmem mužským, podruhé zase stejnoměrné jako rány dvouslabičných slov, jindy zmatenost, a konečně vidí energickou sílu v rytmu takových řádků, jako: I *sy*la i v*o*lja... nem*a*je, nem*a*je. Z různých dalších jeho velice neurčitých projevů o rytmu (epicky klidný, takřka trocheiský rytmus, rytmus s tendencí k trocheiskému metru, čilý, energický, netrpělivý, bouřlivý, nervosní, krátký, rozervaný, ostrý rytmus), při nichž neudává, co právě tím rozumí a proč tyto rytmy tak nebo jinak nazývá, přesvědčujeme se ještě více, že nevystihl důkladně podstaty rytmu, a to proto, že vesměs zaměňuje rytmus s metrem a rytmus činí závislým na metru, třebas že si všímá dobře, že u Ševčenka rytmus a metrum se neshodují, že verše Ševčenkovy nejsou skládány v žádném metru, že ačkoli »jsou bez výminky rytmické, přece jisté metrum v nich schází«, anebo řekněme už jednou docela jasně, že Ševčenko svých básní nikdy nevkládal do technických rámců metra, a že naprosto není možno rozeznávati u Ševčenka trocheiské, anapestické, amfibrachické anebo nějaké jiné metrické rytmy. Divíme se, že právě Jakubskyj nedošel tohoto závěru, byl mu přece tak blízký. Jak vidíme z jeho velice důkladného prozkoumání všeho veršování Ševčenkova, měl k tomu všechny doklady pohotově.

Jakubskyj napočetl 20430 veršů u Ševčenka a z toho 11831 (totiž 58%) má, jak sám zjišťuje, národní rozměry, národní rytmus bez metra.

Jen někdy, jako by náhodou, přízvuky v těchto volných rytmických verších padají důsledně a pravidelně, takže pouze náhodou tvoří se jisté metrum, nejčastěji trocheiské. V tom vidí Jakubskyj, odvolávaje se na práce Peretcovy, proces tonisace národního verše a v tomto smyslu mluví o trocheiské tendenci ve verších Ševčenkových. Naprosto bez potřeby; to je pouze tím, že Jakubskyj nedovedl se odpoutati od metra. Třebaže dal docela správně rytmus v Ševčenkových básních do popředí, nedovedl rozeznati, že v druhé skupině veršů »Kobzarja« (622 veršů — 3%) Ševčenko nepoužil »sylabického« verše polského původu, jak myslí Jakubskyj, nýbrž zase samorodého národního »kolomyjkového« rytmu jako v první skupině, jen poněkud jiného druhu, a stejně ve třetí skupině (6381 veršů — 31%) nepoužívá čtyřstopového jambu ruského původu, nýbrž rovněž samorodého národního »koljadkového« rytmu, jak jsem na to ukázal ve svém článku »Jak čytaty tvory Ševčenka«, předneseném 1914 v »Ridné Škole«, a jak jsem stručně vyložil ve své školní mluvnici ukrajinského jazyka 1914, a jak jsem se o tom vyjádřil v oslavné řeči na akademii uspořádané Ševčenkovou vědeckou společností ve Lvově 1914 těmito slovy: »A v jakou nádhernou, skvělou, samorodou a národní formu dovede Ševčenko ustrojiti svoji řeč! Kde kdo vítá v ní své, rodné a krásné, překrásné, že se nemůže dosyta naposlouchati. To je hudba, vlastní samorodá hudba, vlastní rodná píseň lidová, i kolomyjka v různých svých rytmech, i šumka i koljadka, svatební i obžinková, a vůbec každá hudební forma, jakou kdykoliv během staletí ukrajinský národ si vymyslil.«

Proto i domněnka o třech různých soustavách veršování u Ševčenka a o historických a literárních (polských a ruských) vlivech na Ševčenkovo veršování je naprosto neodůvodněná.

Probíraje verše Ševčenkovy se stanoviska libozvučnosti, ukazuje nám Jakubskyj zcela správně, že »Kobzar'« je jedna z nejharmoničtějších, nejlibozvučnějších a nejhudebnějších knih světového básnictví, že verš Ševčenkův zní vždy čistě, jasně a výrazně jako divokrásná melodie, a že všechno to je hudba, všechno harmonie, krása a zvučná slast.

Rovněž i o strofické skladbě veršů Ševčenkových praví Jakubskyj zcela správně, že není skoro žádné strofické kombinace, jíž by nepoužíval Ševčenko (kromě takových umělých strofických forem, jako sonet, oktáva a j.). My bychom připojili: poněvadž jsou cizí, a Ševčenko používá jen národních strofických forem.

Výsledek své práce shrnuje Jakubskyj v tato slova: Ševčenko ovládá všechny prostředky poetické formy. Rytmus v jeho básních je vždy živý faktor nejspletitějších zažitků a nejintimnějších něžností citů. Není nikdy ovládán metrem, naopak ovládá metrum. Libovolně je mění, ruší a také je ničí v souvislosti s těmi požadavky, jež staví před básníka zákon vnitřního rytmu; my bychom řekli, že Ševčenko se vůbec neohlíží na metrum. Ševčenko má neobyčejně jemný sluch pro libozvučnost, nikdy skoro nedovoluje si ani nejmenší kakofonie; bohatě okrašluje své rytmy známými mu prostředky libozvučnosti, rýmy konečnými a vnitřními, assonancemi, alliteracemi, a užívá hudebnosti jazyka mistrně a s vědomím nutné míry. Strofická skladba Ševčenkova svou původností a rozmanitostí až posud může býti vzorem ukrajinské poesii.

Třebaže nesouhlasíme v celku s Jakubskym, musíme mu vysloviti dík za jeho pečlivé pojednání.

5. O. Doroškevyč v pojednání Pryroda v poeziji Ševčenka (Příroda v poesii Ševčenkově, str. 75—93) ukazuje, jak Ševčenko se zdokonaloval v užívání uměleckých barev. V básních před cestou na Ukrajinu převládají u něho zvláštní náměty krajinářské, zvláštní symbolika se všemi atributy romantické malby. Toto krajinářství se vyznačuje všeobecností a nedostatkem lokalisace. Ale zároveň vidíme i obraz idylicky klidné přírody Ukrajiny. Zvláště miluje básník obraz noci. Velmi zřídka konkretisuje básník své všeobecné schema a dává nám (v Kateřině) vysoce umělecký obraz zimy a pak podzimu a jara, jež počíná nejvíce milovati. Ale před cestou do Ukrajiny neměl ještě živých barev, neměl reálních pozorování ani bezprostředních vlastních dojmů. Proto jeho první krajiny skládají se podle všeobecného schematu, jež si básník přivlastnil z ukrajinské lidové písně, aby vyvolal jistou náladu, aby dal předehru. Celá krajina Ševčenkova je prodchnuta ruchem, dynamikou jako u živých osob. Vítr, moře, step, Dněpr — to všechno jsou živá stvoření, a člověk je ponejvíce nevyhnutelnou a organickou součástkou obrazu přírody. Příroda žije u Ševčenka jediným životem s člověkem; malíř života a genru zcela převládá nad malířem krajiny.

Na svých cestách po Ukrajině (po 1843) nastřádal Ševčenko hojně dojmů pro uměleckou interpretaci ukrajinské krajiny, které si zachoval až do konce svého života. A tu dává nám přímo sochařské obrazy jara. Zajímavé je, že se u Ševčenka nevyskytují obrazy z měst, jeť pěvcem venkova; a za druhé, že Ševčenka mohla nadchnouti pouze ukrajinská příroda, obzvláště naddněprjanská. Tvůrčí jeho schopnost nereagovala na cizí divy, třebaže jich mnoho spatřil. Dněpr — symbol a příznak všeho rázovitě ukrajinského, a ukrajinský venkov — symbol sjednocení přírody s živým člověkem, to je stálá krajina této doby tvořivosti Ševčenkovy, a prvky tohoto obrazu jsou: 1. kvetou sady — všude zelené pozadí, 2. bělounké chaloupky a čapí hnízdo na stodole, 3. rybník anebo řeka s kachnami a husami, 4. často kostel, 5. temný háj anebo dva topoly, vrby nad vodou, 6. za vsí větrníky. Tuto obvyklou selskou krajinu Ševčenko rád si představoval na chlumu a byl nejvíce nadšen perejaslavskou krajinou, odkud je viděti hory a Trechtemirov nahoře.

Mezi selskou krajinou v poesii a povídkách Ševčenkových je zajímavý rozdíl. V poesii máme lapidární, stručné, ale neobyčejně výrazné a důkladně kreslené malby, v nichž se básník chápe všeho typického, podstatného v krajině a kreslí klasické drobné krajiny, kdežto v povídkách podává pouze důkladný popis; tam originalita a svéráznost, v povídkách napodobuje literární školu ruskou.

Co se týče změn v přírodě, jaro je mu nejmilejší částí roku, léto splývá jaksi s jarem, a podzim i zimu skoro zcela opomíjel v poslední době své tvorby. Miluje jaro a nejraději kreslí nám obrazy večera a noci; večer okouzloval básníka změnou tónů, barev, osvětlení, a noc poskytovala mu nejvíce látky pro vývoj poetické fantasie a snění. Za nevyhnutelný atribut noci považuje měsíc.

S počátku se jeho krajinné motivy vyznamenávají symbolickým smyslem a podávají velkolepý poklad symboliky Ševčenkovy, o němž by se mělo zvlášť mluviti. Později maluje Ševčenko přírodu více realisticky, konkretněji a výrazněji. Ale vždy mají Ševčenkovy krajiny ráz nástinu. Krajina je pouze rámec životního jeviště. Často pozorujeme u Ševčenka změnu duše krajiny: je to črta neobyčejného lyrismu, což odpovídá umělecké povaze básníkově. Krása přírody není nic takového, co objektivně existuje a pro všechny je nepochybné; pramen estetických pohnutí tkví v básníkovi, v jeho hluboce subjektivním poměru k přírodě.

Teoretické nazírání na vzájemný vztah přírody a umění, na úlohu umění v malování přírody vysvětluje značnou měrou zvláštností jeho poetických maleb. Bez vědomého porozumění krásy nemůže člověk viděti Boha v drobném lístečku maličké rostlinky, praví Ševčenko a mluví o sobě jako o šíleném velebiteli krásy jak v přírodě, tak v božském umění, jež silněji působí na duši člověkovu, nežli sama příroda. Ševčenko zcela svědomitě a velice výrazně klade hranice mezi objektivní zevní svět a vnitřní subjektivní náladu, která vzniká v duši umělcově a přetvořuje vnější dojmy.

Již z toho stručného obsahu Doroškevyčova pojednání může se kde kdo přesvědčiti, že jeho práce je dobrým příspěvkem k poznání Ševčenkovy tvorby.

6. P. Rulin ukazuje v článku Dramatyčni sproby Ševčenka (Dramatické pokusy Ševčenkovy, str. 95—107), že všechny dramatické pokusy Ševčenkovy vznikly v těch letech života básníkova, kdy duše jeho byla ve stavu tupého vření a marně hledala nové cesty tvorby. Po vydání »Kobzarja« byl velice zklamán nepříznivým stanoviskem ruské kritiky k jeho poetické tvorbě. Sám Bělinskij nedovedl oceniti poesii Ševčenkovu a ukrajinské kritiky tehdy ještě nebylo. Posluchačstva v hlavních městech Ševčenko tudíž nenalezl. Počíná doba váhání, píše rusky. Již 1841 posílá Kvitkovi »kacapské verše své práce — to je píseň z mého dramatu Nevěsta, o němž jsem Vám psal jako o tragedii Mikita Hajdaj. Předělal jsem to v činohru«; z ní byl tištěn 1842 v Majáku jen úryvek. »Ještě jednu činohru dělám — Slěpaja Krasavica;« z toho vyšla jen rusky psaná báseň Slěpaja. V roce 1842 napsal ještě činohru anebo tragedii Danilo Reva, z níž nezůstalo ani čárky. Konečně 1843 napsal rusky činohru Nazar Stodolja, známou nyní pouze v zpracování ukrajinském. Je to poslední spis v ruské řeči a tím končí se kritická doba, již prožil Ševčenko od roku 1841. Na návrat Ševčenka k ukrajinštině měl prý vliv Ščepkin. Dramatickým spisovatelem stal se Ševčenko jen náhodou a dramatické jeho spisy ukazují, že byl lyrikem.

Rulin rozbírá dále činohru Nazar Stodolja a jiné dramatickou formou psané básně.

Práce Rulinova je dobrý příspěvek k dějinám ukrajinské literatury.

7. V posledním článku sborníku (str. 109—120) přináší I. Ščitkivskij krátký přehled a nejhlavnější důkazy k historii stavby pomníku Ševčenkova v Kyjevě.

Kromě toho má sborník fotografické snímky z výstavy Ševčenkovy r. 1920 v Kyjevě a poznámky uměleckého redaktora Alexandra Hera o jeho snahách, aby tomuto sborníku dal nejlepší úpravu.

O Ševčenkovi bude třeba ještě mnoho badati; nemáme dosud ani správného, vědecky propracovaného životopisu a kritického vydání všech spisů. Tím upřímněji vítáme tento sborník, jenž přináší zajímavé příspěvky k poznání Ševčenka. *Št. Smal Stockyj.*

А. С. Грибоѣдовъ. **Горе отъ ума.** Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Редакція, вступительная статья и примѣчанія Е. А. Ляцкаго. Стокхольмъ. „Сѣверные Огни" 1921. XXXVI + 252 стр. и I лист. съ портретомъ.

И. А. Крыловъ. **Басни. Полное собраніе.** Редакція, вступительная статья и примѣчанія Е. А. Ляцкаго. Стокхольмъ. „Сѣверные Огни" 1921 г. XXXVI + 252 стр. и 1 л. съ портр.

М. Ю. Лермонтовъ. **Герой нашего времени.** Съ портретомъ и оригинальнымъ рисункомъ М. Ю. Лермонтова. Редакція, вступительная статья и примѣчанія Е. А. Ляцкаго. Стокхольмъ. „Сѣверные Огни" 1921 г. (М. Ю. Лермонтовъ. Собраніе сочиненій. Проза.) XXVIII + 240 стр. и 2 отд. лл.

Русскіе классики сейчасъ весьма усиленно переиздаются за предѣлами Россіи. Къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ эти изданія заставляютъ желать много лучшаго. Исключеніемъ являются, безусловно, вышеозначенныя изданія „Сѣверныхъ Огней" подъ редакціей Е. А. Ляцкаго. Прежде всего чувствуется большая любовь къ книгѣ: прекрасная бумага, изысканная простота внѣшности-все это выгодно отличаетъ эти изданія отъ другихъ. Но это выгодное впечатлѣніе еще усиливается при ближайшемъ ознакомленіи съ этими изданіями. Въ настоящее время, когда очень трудно достать необходимыя пособія по русской литературѣ, особенно цѣнны изданія классиковъ, снабженныя общей руководящей статьей, притомъ составленныя со знаніемъ предмета. Предисловія Е. А. Ляцкаго являются не только прекрасно написанными литературными очерками о жизни и дѣятельности каждаго изъ писателей, но отличаются еще и самостоятельнымъ, всегда интереснымъ подходомъ къ оцѣнкѣ личности и творчества писателя. Такъ очеркъ о Грибоѣдовѣ выдѣляетъ въ его общественно-политическихъ настроеніяхъ и взглядахъ элементы реализма и идею государственности и съ особенной подробностью останавливается на дипломатическихъ заслугахъ Грибоѣдова передъ Россіей. Въ связи съ этимъ по новому намѣчается вопросъ объ отношеніи Грибоѣдова къ декабристскому движенію. Останавливаясь на отношеніяхъ Грибоѣдова къ декабристамъ, Е. А. Ляцкій говоритъ: „будучи вполнѣ радикальнымъ въ своихъ взглядахъ на необходимость политическихъ перемѣнъ въ Россіи, Грибоѣдовъ трезво оцѣнивалъ практическіе способы осуществленія замѣны одного строя другимъ. Усвоенная имъ на дипломатической службѣ въ Персіи привычка къ большой сдержанности въ выраженіи своихъ политическихъ мнѣній помогала Грибоѣдову занять осторожную, отчасти, можетъ быть, скептическую позицію въ различныхъ кружкахъ тайнаго общества . . ." (стр. XXXXVIII). Въ изданіи „Горе отъ ума" прибавлена редакторская замѣтка о текстѣ комедіи. Въ ней содержится рядъ цѣнныхъ замѣчаній о работѣ В. Л. Бурцева по поводу текста комедіи „Горе отъ

ума“[1]) и справедливо указывается рядъ недостаточно обоснованныхъ исправленій академическаго текста. Со своей стороны Е. А. Ляцкій отступаетъ отъ текста послѣдняго академическаго изданія, внося въ него въ извѣстныхъ случаяхъ чтенія изъ ранняго Бѣгичевскаго списка (1823–24 г.г.), въ который Грибоѣдовъ не вносилъ исправленій въ угоду цензурѣ. Такимъ образомъ текстъ Е. А. Ляцкаго является комбинированнымъ и преслѣдуетъ цѣль „представить читателямъ текстъ комедіи въ такомъ видѣ, какой, по его убѣжденію, въ наибольшей мѣрѣ отвѣчаетъ свободному проявленію творческой воли поэта“ (стр. 133).

Предисловіе къ „Баснямъ“ Крылова представляетъ собою изящный по стилю очеркъ, въ которомъ авторъ старается возстановить психологическій обликъ баснописца на фонѣ александровской эпохи. Не всегда соглашаешься съ характеристикой Крылова въ изображеніи Е. А. Ляцкаго, но невольно поддаешься вліянію его мастерской концепціи. Крыловъ въ изображеніи Е. А. Ляцкаго пріобрѣтаетъ черты восточнаго жреца, умѣвшаго удержаться у двора деспота и въ тоже время по своему служить истинѣ. „Лукавое“ творчество Крылова только теперь вскрываетъ полностью свое скрытое жало. Современники не всегда улавливали за тонкимъ узоромъ истиннаго смысла басни. „Переливчатая, ласковая, вся въ узорахъ, словно стелющійся коверъ, басня Крылова, не хуже басенъ Эзопа и Лафонтена, играла и блескомъ и тѣнью жизни — и была лукава, какъ восточная притча. Если она бывала подчасъ ядовита для сильныхъ міра сего, то искусно таила свой ядъ, ибо не отваживалась открыто нападать на врага. Баснописецъ словно заговаривалъ басни и заставлялъ читателей, будто нарочно, видѣть въ нихъ не то, что было у него на умѣ. Въ этомъ смыслѣ Крыловъ зорко, какъ никто, читалъ современность, въ то время, какъ его современники не умѣли читать Крылова“ (стр. XXI). Басни въ примѣчаніяхъ снабжены культурно-историческимъ комментаріемъ, уясняющимъ обстановку ихъ созданія.

Менѣе удовлетворило насъ предисловіе къ „Герою нашего времени“. Въ отличіе отъ предшествующихъ книгъ, предисловіе не даетъ законченнаго очерка о Лермонтовѣ, а ограничивается темой „Лермонтовъ и Печоринъ“. Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что къ выходу готовятся въ томъ же изданіи „Лирическія стихотворенія“ Лермонтова, предисловіе къ которымъ должно заполнить этотъ пробѣлъ. Украшеніемъ книги служитъ воспроизведеніе неизданнаго рисунка Лермонтова „Пятигорскъ“ изъ альбома Е. П. Вердеревскаго (нынѣ принадлежитъ Е. С. Грузовой), еще разъ подтверждающій художественныя способности Лермонтова. *А. Бемъ.*

---

[1]) Грибоѣдовъ „Горе отъ ума“. Комедія въ стихахъ (въ 4-хъ дѣйствіяхъ), подъ редакціей, съ примѣчаніями и вступительной статьею В. Л. Бурцева. Парижъ 1919 г.

Zprávy.

Славянская филология в России за г. г. 1914—1921.

Если мы решаемся писать о новостях российской филологической жизни, то лишь потому, что до сих пор о русской филологической работе за 1914—16 г. г. очень мало известно на западе, а о последних годах почти ничего. Этот пробел болезненно ощущается славянской наукой, и это дает нам смелость опубликовать наши фрагментарные, разрозненные материалы. Мы хотим лишь предоставить западному филологу данные о том, какие области славистики разрабатывались за последнее время русскими филологами, и какие преимущественно вопросы привлекали их внимание. О многом нам приходится писать по памяти; эти воспоминания мы корректируем, пополняем на основании немногих русских научных изданий, имеющихся в Праге. Систематический обзор сделанного за последние годы в области русской филологии не легко осуществить и в России. Даже в Петроградскую Книжную Палату, куда все типографии обязаны посылать по восьми экземпляров каждого выпущенного ими печатного произведения, за революционные годы книги, особенно из провинции, поступали крайне нерегулярно. Находясь в Москве, мы очень мало знали о научной жизни провинции, так напр. не было ничего известно о книге Кульбакина по истории малорусского языка, вышедшей в Харькове еще в 1919 г. (Украинскій языкъ. Краткій очеркъ исторической фонетики и морфологіи). Еще отрывочней сведения, доходящие до столиц о деятельности провинциальных университетов и ученых обществ. Такая отрезанность центра от окраин конечно сильно отражается на полноте новейших библиографических указателей. Из этих указателей наиболее важное значение имеет периодически издаваемая Книжной Палатой „Книжная Летопись“, а также „Временник Книжной Палаты“. Отметим также справочник „Наука в России“, издаваемый Книжной Палатой совместно с Академией Наук и заключающий в себе сведения о деятельности русских научных учреждений и высших учебных заведений. Ряд журналов, заключавших обширные библиографические обзоры, прекратил свое существование за первые годы революции. Так замер в 1918 г. перекочевавший из Варшавы в Казань „Русский филологический вестник“. Закрылись давно уже приходившие в упадок Воронежские „Филологические записки“. Крайне нерегулярно выходят „Известия II. Отделения Академии Наук“. Прекратились и этнографические журналы „Живая старина“ и „Этнографическое Обозрение“, а также исторические повременные издания и так наз. толстые журналы, нередко уделявшие место обзору филологических новостей. В настоящее время соответствующие материалы можно найти в критико-библиографических журналах, как — то петроградские — „Летопись Дома литераторов“, „Вестник литературы“, „Начала“ (журнал истории литературы под ред. ак. Ольденбурга), „Книжный угол“, „Книга и рево-

люция“ и новый московский журнал „Печать и революция“. Много библио графических данных имеется также в петроградском историческом журнале „Дела и дни“ и в сборниках материалов по истории русского театра „Бирюч“. В Казани вышел в 1921 г. первый выпуск „Филологического обозрения“ Селищева.

Прежде, нежели перейти к обзору сделанного русскими учеными в области славянского языкознания, фольклористики и истории литературы за годы войны и революции, мы не можем обойти молчанием немалочисленные тягостные утраты, понесенные за последние годы русской филологией. Первые годы войны унесли виднейших представителей русской лингвистики Фортунатова и Корша. Обзору научной деятельности Фортунатова были посвящены работы В. К. Поржезинского, А. А. Шахматова и В. Н. Щепкина. Памяти Корша был посвящен IV-й вып. Трудов Диалектологической Комиссии, статья Шахматова в „Известиях Академии Наук“ и статья А. А. Грушки в отчете Моск. Университета за 1915 г. Исследователь русского народного стиха и музыки, молодой этнограф А. Л. Маслов погиб в бою с германцами. Годы революции унесли историка литературы Алферова, исследователя древне-русс. литературы и народной словесности Барсова, профессора Петроградского Университета, историка русской литературы Ф. Д. Батюшкова, хранителя архива Министерства Иностранных Дел, издателя старорусских памятников Белокурова, профессора Московского Университета по кафедре славянской филологии Р. Ф. Брандта, молодого московского слависта, знатока карпато-русской диалектологии Будиловича, профессора Петроградского Университета, автора „Очерка исторіи языкознанія въ Россіи“ и исследования о церковно-славянских элементах в русском языке С. К. Булича, профессора Петроградского Университета, историка литературы и библиографа С. А. Венгерова, профессора Моск. Высш. Женских курсов, историка литературы Юрия Веселовского, профессора Моск. Университета Алексея Веселовского, автора исследования об Остромировом Евангелии Волкова, профессора Нежинского Института, историка югославянских литератур Заболотского, профессора Петроградского Университета, историка древне-русской литературы Кадлубовского, историка русского театра и редактора изданий ряда русских классиков В. В. Каллаша, хранителя архива Российского Исторического Музея, историка древне-русской литературы Н. Н. Кононова, профессора Юрьевского Университета по кафедре сравнительного языковедения, работавшего и в области славянского синтаксиса, Д. Н. Кудрявского, палеографа и издателя памятников Х. М. Лопарева, этнографа, фольклориста и диалектолога, собирателя былин и песен А. В. Маркова, пушкиниста и историка русского театра П. О. Морозова, историка литературы и лингвиста, ак. Овсянико-Куликовского, преподавательницы Петроградского Университета, работавшей в области диалектологии и истории русского языка, Петровской, профессора Казанского Университета, слависта Н. М. Петровского, автора русского этимологического словаря А. Преображенского, профессора Московской Духовной Академии, историка церкви и знатока русской народной демонологии Смирнова, приват-доцента Петроградского университета, историка русской литературы Трубицына, профессора Киевского Университета по кафедре славянской фило-

логии Г. Флоринского, академика А. А. Шахматова, проф. Петроградского Университета, историка русской литературы И. А. Шляпкина, профессора Московского Университета по кафедре славянской филологии В. Н. Щепкина и хранителяэтнографического отдела Румянцевского Музея, этнографа и фольклориста Н. А. Янчука.

1.

В области русского языка за последние годы вышел ряд работ, подытоживающих и популяризующих результаты накопившихся за последние десятилетия специальных исследований. Таков прежде всего „Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка“ ак. А. А. Шахматова (Петроград 1915 г.), впервые суммирующий результаты работ великого ученого в области древне-русской и праславянской фонетики, до выхода Очерка известных лишь по журнальным статьям и литографированным университетским курсам. Очерк естественно вызвал горячий интерес русских лингвистов. Н. Н. Дурново посвятил анализу отдельных его положений ряд докладов в Московской Диалектологической Комиссии. Там же был прочитан доклад П. А. Расторгуева, критикующий Шахматовскую теорию ляшских элементов в белорусском наречии. Кн. Н. С. Трубецкой прочел в Диалектологической Комиссии доклад, посвященный критике Шахматовских методов восстановления праславянской фонетики и легший в основание заканчиваемой им в Софии „Праистории славянских языков“. Существенным дополнением к Очерку является Шахматовское „Введение в курс истории русского языка“ (изд. Студенческого комитета при историко-филологическом факультете Петрогр. университета; 1916 г.), представляющее собой детальное изложение взглядов Шахматова на исторический процесс образования русских племен и наречий. Отдельные вопросы этой книги подробней освещаются в позднейшей работе Шахматова „Древнѣйшія судьбы русскаго племени“ (изд. Русского Исторического Журнала, Петроград 1919 г.). Эти работы Шахматова в области исторической географии вызвали интересные дополнительные исследования двух историков. 1. Работа Пархоменко „Русь в X. в.“ (Изв. II. Отд. Акад. Наук 1917 г. кн. II), где автор устанавливает, что уже мусульманские источники X в. знали три ветви русского племени. 2. Статья Платонова „Руса“ в журнале „Дела и Дни“ (Петроград 1920 г. кн. I), подкрепляющая гипотезу Шахматова о варяжском центре на южном берегу Ильменя. Отметим кстати, что в настоящее время в издании Сабашникова печатается курс русской исторической географии М. И. Любавского, представляющий собой ценный вклад в эту мало разработанную область. Доклад Н. Н. Дурново, прочитанный в Саратовской ученой архивной комиссии в 1919 г. вскрывает неосторожное обращение прежних русских историков с языковыми фактами.

Краткое изложение Шахматовской концепции истории русского языка мы находим в „Лекциях по исторической грамматике русского языка“ В. К. Поржезинского (Москва 1920 г.). Несколько в стороне стоят „Лекции по русскому языку“ Р. Ф. Брандта, в большинстве случаев исходящего из построений ак. Соболевского. „Опытъ діалектологической карты русскаго языка въ Европѣ, с приложеніемъ Очерка русской діалектологіи (Москва 1915) составленный Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым и составивший 5-ый вып. Трудов Московской Диалектологи-

ческой Комиссии подводит итоги обширной работе по русской диалектологии за последние два десятилетия. Наиболее разработаны в очерке вопросы великорусской диалектологии. Дальнейшую детализацию описания южно-великорусских говоров, их тщательный анализ с привлечением огромного материала и попытку на основании этого анализа восстановить историю этих говоров и самого возникновения акания мы находим в двухтомной докторской диссертации Дурново „Діалектологическія разысканія въ области великорусскихъ говоровъ“, составившей 6-ой и 7-ой вып. Трудов Моск. Диалектологической Комиссии. Как работа Дурново, так и магистерская диссертация Д. К. Зеленина „Великорусскіе говоры съ неорганическимъ и непереходнымъ смягченіемъ заднеебных согласныхъ“ (Петроград 1913 г.) дают новый материал для выяснения необследованной до сих пор истории южно-великорусского наречия. Шахматов в своей рецензии на книгу Зеленина (Изв. II Отд. Ак. Наук за 1915 г.) посвящает несколько очень интересных замечаний вопросам истории „степного“ наречия. Если и не принять точку зрения Зеленина, ставящего в связь некоторые южно-великорусские диалектические различия со старым сословным делением, то тем не менее перед исторической диалектологией встает вопрос: не является ли генетически южно-великорусское наречие конгломератом различных говоров. Вводная часть диссертации Дурново в значительной степени посвящена полемике с волновой теорией И. Шмидта. Как Дурново, так и остальные ученые Моск. Диалектологической Комиссии отрицают в противовес Шмидту возможность перекрестных диалектических влияний и ставят языковое влияние в непосредственную зависимость от тяготения носителей данного говора к определенному культурному центру. „Тяготение в местах, расположенных ближе к центру, говорит Дурново, может выражаться сильнее, чем дальше от центра и таким образом является как бы постепенный переход от говоров одного типа к говорам другого типа.“

На практике авторы Очерка с этим невсегда считаются и слишком категорически разграничивают отдельные диалекты. По существу же это границы не диалектов, а отдельных фонетических признаков, при чем границы остальных признаков естественно далеко не совпадают с первыми, и потому характеристика „группы“ в Очерке есть по существу лишь характеристика центральных говоров группы. Так деление северно-великорусского наречия на карте в действительности сводится к картографированию судьбы ударного *ѣ*. Деление южно-великорусского наречия сводится к картографированию судьбы предударных гласных нижнего и среднего подъема после мягких и т. п. Совершенно условно ограничено и средне-великорусское наречие. За его южную границу принята граница *г* взрывного и фрикативного, за северную — граница перехода *о* предударного в *а*. Средне-великорусское наречие в этих рамках является частным случаем действия процесса „собирания Руси“. Если на отдельных чертах этот процесс сказался в очень ограниченных географических пределах, то ряд других явлений был пережит всеми говорами Моск. Руси, и таким образом так. наз. средне-великорусское наречие и великорусское наречие в целом порождены одним и темже историческим процессом. Поэтому нет надобности принципиально отграничивать средне-великорусское наречие, как переходное, от смежных северно- и южно-великорусских говоров. Самое

определение средне-великорусского наречия, как северно-великорусского с южно-великорусским наслонием рисковано, ибо остается под вопросом, имеем ли мы право говорить о влиянии южно-великорусского наречия на смежные северно-великорусские говоры непосредственно, или же имелся налицо лишь приток южно-великорусских элементов в Москву, сказавшийся на московском говоре, и вслед за тем уже не южно-великорусское наречие влияло на северно-великорусское, а московский говор ассимилировал себе окрестные диалекты, быть может, независимо от их происхождения. Так работа А. А. Буслаева о серпуховских говорах, имеющая появиться в IX вып. Трудов Диалектологической комиссии, установила факт постепенного передвижения на юг границы *г* взрывного и фрикативного. Северо-западная группа южно-великорусского наречия (по терминологии Очерка) несомненно обнаруживает наряду с южно-великорусскими и северно-великорусские элементы. Еще менее обоснована северная граница средне-великорусского наречия, о чем нам приходилось уже говорить подробнее в рецензии на Очерк (Этнографическое Обозрение за 1915 г.).

8-й вып. Трудов Диалектологической Комиссии (1919) содержит между прочим две важные статьи по маловыясненным до сих пор вопросам великорусской диалектологии, а именно классификацию псковских говоров Н. Н. Соколова и его же работу о большом акальском острове среди окающих говоров Костромской губернии. Этому же вопросу посвящена и заметка Н. Н. Виноградова в Изв. II. Отд. Акад. Наук. В том же журнале Виноградов останавливается на одной любопытной диалектической особенности, наблюдаемой в той же губернии, а именно на отсутствии приглушения конечных звонких, при чем это явление сопряжено с развитием вслед за согласным особого иррационального гласного звука (явление, находящее себе параллель и в чешских диалектах). Членами Диалектологической Комиссии предпринимался ряд поездок по Великороссии, краткие сведения о которых имеются в отчетах II. Отд. Ак. Наук. Более подробные отчеты должны составить содержание 9-го и дальнейших выпусков Трудов Диалектологической Комиссии. Диалектологические поездки Богатырева, Шергина и Яковлева имели задачей обследование северных говоров Вологодской группы в пределах Шенкурского у. Арханг. губ. и Яренского у. Волог. губ.; Богатыревым, Буслаевым, Каном и Якобсоном был обследован ряд уездов Моск. губ., при чем имелось в виду преимущественно выяснение условий утраты средне-великорусскими говорами северно-великорусских черт, и усвоения новых — как южно-великорусских, так и специфически переходных. Поездки Дурново и Афремова в Курскую и Воронежскую губ. впервые доказали наличие в ряде южно-великорусских говоров наряду с диссимилятивным яканием также и диссимилятивного акания, между тем как прежде таковое считалось признаком белорусского наречия. Это заставило Н. Н. Дурново пересмотреть во II части Разысканий вопрос о критерии разграничения белорусского и великорусского наречия. Только белорусскому наречию свойствен, по мнению Дурново, тот тип якания, при котором *и* появляется в предударном слоге только при ударном гласном нижнего подъема. Шахматов, руководясь предпосылкой, что в белорусском наречии отсутствует так наз. неорганическое смягчение *k*, проводит границу белорусского и южно-великорусского наречия

западней. Книга Олафа Брока „Говоры къ западу отъ Мосальска“ (Петроград 1916) представляет собой детальную характеристику нескольких южновеликорусских говоров, пограничных с белорусским наречием.

Уже давно ряд наблюдателей (Брок, Мансика и др.) отмечал наличие двух различных ударяемых *о* в отдельных русских диалектах, различающих ударяемые *ѣ* и *е*. Шахматов, наблюдавший это явление в деревне Леке Егорьевского у. Рязанской губ. и посвятивший этому говору статью в Изв. II Отд. Ак. Наук за 1913 г., первый дал ему объяснение. Он установил, что дифтонгическое (или закрытое) *о* в этих случаях соответствует старому *о* под восходящим ударением. Это явление сильно заинтересовало историков русского языка и диалектологов. Под редакцией Шахматова вышли в Сборнике Отд. русского языка Ак. Наук (том XCV, Н⁰ 1., 1916 г.) „Діалектологическіе матеріалы собранные В. И. Тростянскимъ И. С. Гришкинымъ и др.“, посвященные говорам, знающим это различие (записи Лекинского крестьянина Гришкина, материалы по задонскому говору Тростянского и анонимные записи, сделанные в Вятской губ. и найденные в Архиве Географического Общества). В VIII. вып. Трудов Диалектологической Комиссии новые материалы по тому же явлению дает заметка Б. М. Соколова (Къ вопросу о дифтонгическомъ произношеніи *ѣ* и *о* въ южно-великорусскихъ говорахъ). В IX. вып. имеет появиться описание того же факта по наблюдениям П. П. Свешникова в Зарайском у. Рязанской губ. В последнем выпуске Русского Филологического Вестника началась печатанием чрезвычайно ценная работа Леонида Васильева, подвергающая вопрос о двух *о* детальному рассмотрению и в частности устанавливающая, что некоторые рукописи XVI в. знают это различие и выделяют *о*, соответствующее дифтонгу выше упомянутых современных говоров, особым диакритическим значком. Ак. Соболевский проявляет скептицизм по отношению к этому „модному“ вопросу, рецензируя в ЖМНП. (1916, июль) вышеупомянутый сборник под редакцией Шахматова, а также в своей еще ненапечатанной рецензии на удостоенную академической премии работу Васильева.

В 1919—1920 г. г. Моск. Диалектологическая Комиссия состоящая после смерти ак. Корша под председат. Д. Н. Ушакова, приступила к подготовительной работе по атласу великорусского языка. О важности подобного атласа, картографирующего отдельные языковые факты, писал уже Соболевский в своей рецензии на „Очерк русской диалектологии“ в ЖМНП.

В Петрограде диалектологическая работа сосредоточивалась за годы войны главным образом в Кружке живого русского языка при историко-филологическом факультете Петроградского Университета, руководимом Л. В. Щербой. Из работ петроградских диалектологов, принятых к напечатанию в Известиях II Отд. Ак. Наук, отметим работу Плотниковой о так наз. „ляпающих“ говорах Олонецкой губ. (т. е. говорах с акцентологией и вокализмом, сильно видоизменными под карельским влиянием), и работу Еремина о говорах Череповецкого у., тоже не обошедшихся без инородческого влияния. В Петроградском Университете Шахматов читал в 1915 и 1916 г. курс великорусской диалектологии, к сожалению так и оставшийся ненапечатанным. Там же вел занятия по великорусской диалекто-

логии и проф. Каринский. Каринским подготовлена к печати работа по псковским говорам, а за последнее время предмет его изыскания составляли говоры Пермской губ.

Превосходный краевед, этнограф В. Н. Добровольский выпустил в 1914 г. „Смоленскій областной словарь“. Над подобным Саратовским словарем работают профессора историко-филологического факультета Саратовского Университета. Лектором Саратовского университета Г. Г. Дингесом закончена обстоятельная работа о влиянии русского языка на язык немецких поволжских колонистов. Аналогичная работа о влиянии на эстонский язык написана приват-доцентом Юрьевского Университета Эрницем. Ср. также „Характеристику звукового состава в казанском говоре поволжско-татарского языка в соотношении с звуковою системою общерусского языка“ В. А. Богородицкого в Изв. II. А. Н. за 1919 г.

Крайне интересная как для истории русского языка, так и для истории русского колонизационного движения сибирская диалектология осталась вне рассмотрения в Очерке Дурново, Соколова и Ушакова и вообще не подвергалась до последнего времени систематическому обследованию. За последние годы интерес к Сибири оживился. Достаточно отметить появление „Очерка Истории Сибири“ В. И. Огородникова (Иркутск 1920 г.) и книги по истории Сибири Фирсова. Молодой Иркутский университет положил серьезный почин в деле исторического изучения Сибири. Профессор Иркутского Университета Григорьев выпустил программу для собирания сведений по сибирским говорам. Селищев в бытность свою профессором того же университета опубликовал, кроме этнографической и диалектологической работы о Семейских старообрядцах, I. том „Диалектологического очерка Сибири“ (Иркутск 1921 г.). Особенно интересен для лингвиста в книге Селищева детальный анализ размеров инородческого влияния на русские сибирские говоры. Из этого анализа выясняется, что это влияние не распространяется ни на морфологию, ни на синтаксис, ни на вокализм восточно-сибирских говоров, но сильно видоизменяет их консонантизм. Характерно, что подобное же явление мы наблюдаем и в древне-русских наречиях, если примем Шахматовскую теорию ляшских элементов.

В области белорусского наречия вышло за последние годы несколько популярных работ. Таковы брошюры Карского, вышедшие в 1917 г. 1. Белорусская речь, очерк народного языка с историческим освещением. 2. Этнографическая карта белорусского племени, изд. Комиссии по изучению племенного состава России при Российской Академии Наук. В „Курсе Белорусоведения“, изд. в Москве в 1920 г. белорусским п/отделом отдела просвещения национальных меньшинств наркомпроса, и заключающем лекции, читанные в Белорусском Народном Университете в Москве летом 1918 г. по истории белорусского народа, по вопросу о белорусской территории, белорусской сельско-хозяйственой статистике, антропологии, этнографии и литературе, языку посвящена статья П. А. Расторгуева „Белорусская речь в ее современном и прошлом состоянии“ (стр. 185—257). Академия Наук выпустила 2ым изданием „Программу для собиранія особенностей бѣлорусскаго нарѣчія (1916).

В Малороссии вышел за годы революции ряд книг, посвященных малорусскому наречию. Такова вышеупомянутая книга Кульбакина, история

12

украинского языка ак. Крымского и др. Вышедшие учебники украинского литературного языка грешат против науки крайне сепаратистской тенденцией; с подобными тенденциями полемизирует брошюра Б. М. Ляпунова „Единство русского языка в его наречиях“ (Одесса 1919 г.). Много сделано Киевской Академией Наук. К сожаланию мы располагаем лиш отрывочными данными. Академия работает между прочим над составлением „Словника української живої мови“, „Історичного словника української мови“ и „Історично-географічного словника української землі“. Археографическая Комиссия приготовила к печати „Пересопницьке Евангеліе“ (под ред. О. С. Грузинского), „Решетилівське Учительне Евангеліе 1670 г.“ и „Західно-руські літописи (под ред. П. П. Сушицкого). В Сборнике Росс. Академии Наук (том. XCVII) А. Петровым опубликованы „Памятники церковно-религіозной жизни Угроруссовъ XVI—XVII вв.“

Комиссия по подготовке этнографических материалов к мирным переговорам с Польшей в составе проф. Анучина, Любавского, Пичеты, Сперанского, Ушакова, Янчука и др. произвела тщательный пересмотр вопроса о русско-польской и русско-литовской языковой границе, при чем собрала и систематизировала большой материал по этому вопросу. Для вопроса о малорусских говорах, пограничных с польским языком и полонизированных в лексическом и отчасти в фонетическом отношении (консонантизм) интересны материалы, собранные Самойловичем в Бельском у. Гродненской губ. и обработанные Г. И. Винокуром для 9. вып. Трудов Диалектологической Комиссии.

Внимание историков русского языка привлекают за последнее время особенно памятники русского извода XI—XII в. в. Была усвоена мысль, что без систематического анализа их правописания не может быть получено надежных данных для древне-русской фонетики, и с другой стороны такой анализ может бросить новый свет и на древне-болгарскую диалектологию. Из работ, посвященных древнейшим русским памятникам назовем: исследование Долобко о языке Пандектов Антиоха, опубликованное в Изв. II. Отд. Ак. Наук, исследование Обнорского о языке Кормчей Книги, вышедшее в издании II. Отд. Ак. Наук, статью Карнеевой в РФВ. о языке Минеи 1096 г. и, наконец, принятую Академией Наук к напечатанию работу Еремина о языке Новгородских миней XI в. Более поздним русским памятникам посвящены изданная Академией книга Г. К. Голоскевича „Евсевіево Евангеліе 1283 года“ (Изседованія по русскому языку, т. III., вып. 2, 1914) и статья Каринского о языке Псковского Шестоднева XIV в., напечатанная в ЖМНП. за 1915 г. В издании Петроградской Археографической Комиссии в 1914 г. вышла „Псковская судная грамота“ с приложением фототипического воспроизведения памятника (рец. В. Геймана в кн. 2-ой журн. „Дела и дни“ 1921). Самое описание памятника не заключает ничего существенно нового по сравнению с диссертацией того же автора о старопсковском языке и обширной рецензией Шахматова, но очень любопытны параллели, приводимые Каринским в вышеназванной статье из современных псковских говоров. В ЖМНП. за 1916 г. напечатана другая статья того же автора, имеющая задачей доказать на основании данных языка и орфографии, что сгоревшая Мусин-Пушкинская рукопись „Слова о полку Игореве“ была написана в Пскове в XVI в. Самый факт

псковского происхождения утраченной рукописи весьма вероятен, но большая часть новых аргументов, выдвигаемых Каринским, мало доказательна.

Частному грамматическому вопросу об употреблении местоименных и именных форм прилагательных в синодальном списке Новгородской Летописи посвящена статья Истриной в Изв. II. Отд. Ак. Наук за 1919 г. Из работ по лексике древне-русских памятников заслуживают внимания „Матеріалы для словаря правовыхъ и бытовыхъ древностей по русской правдѣ“ Р. Мрочек-Дроздовского (Изд. Общества истории и древностей российских при Моск. Университете 1917). Между прочим языку этого памятника был посвящен семинарий Шахматова в Петроградском Университете в 1916—17 г. г. Шахматов считал возможным открыть в языке и орфографии сохранившихся списов Русской Правды следы южнорусского происхождения протографа. Из лексических работ следует отметить также словарь к букварю Кариона Истомина (17 в.), составленный И. М. Тарабриным и приложенный к его же роскошному изданию букваря (в Трудах Моск. Археологического Общества). Большое значение для истории русского языка имеет описание рукописей библиотеки Синодальной типографии, составленное хранителем библиотеки Покровским. На основании фамилий справщиков описание устанавливает, какие из рукописей поступили в библиотеку из Пскова, какие из Новгорода. Мы просмотрели ряд рукописей, обозначенных в описании, как псковские. Те из них, которые не старше XIV. в., действительно обнаруживают псковизмы в языке. В старших же рукописях, полученных, как свидетельствует описание, из Пскова (напр. в Саввиной Книге, в Псалтыри Моисея Кыянина), псковизмы наблюдаются только в приписках. В области русской палеографии вышла капитальная работа В. Н. Щепкина „Учебникъ русской палеографіи“ (Москва 1920 г.), подводящая итоги долголетней работе Щепкина в этом направлении и заключающая следующие главы: цель и метод палеографии; старославянский язык и славянские азбуки; изводы; материалы и орудия письма; вязь; орнамент; миниатюра; водяные знаки; кирилловские почерки; русские почерки в пергаментных рукописях; югославянская письменность; югославянское влияние в России; русские полууставные почерки; скоропись; тайнопись; летосчисление; поверка дат; описание рукописей. (Срв. рец. В. Дружинина в журн. „Дела и дни“ II. 1921). Последние годы Щепкин работал преимущественно над русскими водяными знаками. Отметим также статью Н. М. Каринского „Письмо Остромирова Евангелія (Сборник Росс. Публичной Библиотеки I., 1920, 168—192).

Над русским литературным языком XVIII в. в Москве работали Дурново и Якобсон. Последний прочел в Диалектологической Комиссии ряд докладов на эту тему на основании работы над Тредьяковским и русскими грамматиками XVIII в.

Значительно продвинулось вперед изучение современного литературного языка. Российская Академия Наук выпустила в 1919 г. обстоятельнейшую фонетику литературного языка, а именно „Грамматику руског језика“ Р. Кошутича (по сербски). Особенно ценны в книге наблюдения над музыкальными оттенками русского ударения, естественно ускользающими от русского слуха, ибо в русском языке музыкальные различия не являются фонологическими. В приложении Кошутич дает между прочим

детальную фонетическую характеристику русской рифмы. Эта характеристика — первая попытка и, как таковая, при всей ценности сообщаемых наблюдений несвободна от методологических недостатков. Во-первых автор злоупотребляет оценочным моментом, прилагая к столь разнохарактерным по самому эстетическому заданию, совершенно упускаемому из виду Кошутичем, явлениям, как рифмы Пушкина, Некрасова, Алексея Толстого, Брюсова, собственный критерий совершенства. Во-вторых нельзя выводить все решительно особенности рифмования из говора поэта. Необходимо считаться с возможностью традиционной эвфонии, не совпадающей с этим говором да и с фонетикой современного поэту литературного языка. Оживленную дискуссию вызвал возбужденный Кошутичем вопрос, что собственно понимать под русским литературным языком. Обнорский в Изв. II Отд. Ак. Наук отстаивал в этом смысле права современного петроградского говора, Дурново настаивал в Моск. Диалектологической Комиссии, что литературным языком остается язык московской интеллигенции. Фонетике современного литературного языка посвящено „Экспериментально-графическое исследование обще-русских гласных в отдельном произношении“ В. А. Богородицкого, имеющее появиться.

Увлечение исторической грамматикой, характерное для предыдущего периода языковедния, препятствовало возникновению описательной морфологии. Ученик Де-Сосюра С. И. Карцевский своими докладами в Диалектологической Комиссии о русском глаголе под углом зрения статического метода дал решительный толчок московской лингвистике. Диалектологическая Комиссия организовала в 1917—18 г. г. ряд так наз. „глагольных бесед“, где были подвергнуты обсуждению важнейшие методологические проблемы. Блестящие работы Карцевского в области русского глагола были закончены уже вне Москвы — в Страсбурге, а в Моск. Диалектологической Комиссии в настоящее время ведутся морфологические беседы, посвященные современному русскому склонению.

В области русского синтаксиса до недавнего времени было сделано очень мало. Собственно второй том Буслаевской „Исторической грамматики“ являлся последней попыткой систематического русского синтаксиса, если не считать учебничка Овсянико-Куликовского. Книга А. М. Пешковского „Русский синтаксис в научном освещении“, вышедшая в Москве в 1914 г. (второе издание, расширенное и измененное, вышло в 1920 г.) пыталась исходить из работ Фортунатова и Потебни и как бы искала компромисса между чисто формальным подходом первого и насыщенными психологизмом „Записками по русской грамматике“ Потебни. Книга Пешковского привлекла к себе живой интерес лингвистов. Фортунатов горячо приветствовал ее, как новое научное достижение. Напротив, Будде в ЖМНП. резко, но малоосновательно критиковал Пешковского. В Моск. Диалектологической Комиссии книга Пешковского вызвала ряд синтаксических дискуссий, послуживших толчком к дальнейшим работам в области синтаксиса. В Московском Университете Петерсон вел с 1918—20 г. г. семинарии по синктаксису. Были подвергнуты разбору с методологической стороны синтаксические работы Рисса, Морриса, Потебни, Корша и Фортунатова. Петерсон в своих взглядах на синтаксис близко подходит к Риссу и последовательно стремится, как в своем до сих пор к сожалению не напеча-

танном курсе русского литературного синтаксиса, так и в своем семинарии по синтаксису Лермонтова исходить из словосочетания. Усиленно работал над русским синтаксисом последние годы своей жизни Шахматов. В 1916—17 г. г. им был прочитан в Петроградском университете курс русского синтаксиса с привлечением громадного материала 'как из памятников, так, главным образом, из русских говоров. В дальнейшем Шахматов перешел к работе над синтаксисом современного литературного языка и незадолго перед смертью закончил обработку систематического курса, который в настоящее время печатается. Шахматов исходит в своем синтаксисе из предложения и в противоположность московским лингвистам идет не от формы к функции, но от функции к форме. Пешковский прочел в 1916 г. в Московской Диалектологической Комиссии ряд рефератов о своих работах над интонацией словосочетания в русском языке. Над тем же вопросом работали за последние годы петроградские молодые лингвисты в кабинете экспериментальной фонетики при историко-филологическом факультете Петроградского Университета и в ново-учрежденном Институте Живого Слова. Из работ Пешковского над ритмико-мелодическим строем русской речи опубликована до сих пор лишь статья о роли знаков препинания, вошедшая во второе издание его книжки „Школьная и научная грамматика" (Москва 1918 г.). Первое издание (без этой статьи) вышло в 1915 г. Кроме этой книги, отметим так же посвященную вопросам методики преподавания русского языка в школе книгу Будде, вышедшую в Казани и изданные там же „Статьи по начальному преподаванию русс. грамматики и изучению художественно-литературных произведений" (1919 г.). Вопросам преподавания языка посвящен и ярославский журнал „Русскій языкъ въ школѣ", прекратившийся с революцией. В 1916 г. состоялся Всероссийский Съезд преподавателей русского языка, подвергший всестороннему обсуждению вопросы преподавания в школе грамматики, истории русского языка и литературы. Обещанное издание трудов съезда так и не состоялось. Вышла лишь в 1917 г. небольшая брошюра, содержашая краткий обзор деятельности съезда. В этом обзоре особенно интересны тезисы к докладу Щербы о задачах филологии в школе. Между прочим съезд преподавателей вынес резолюцию о необходимости введения нового правописания. В 1917 г., когда новая орфография была декретирована Временным Правительством, появился ряд популярных научных брошюр, посвященных ее защите и истолкованию. Таковы брошюры Б. М. Соколова, Р. Ф. Брандта, и более обширная работа П. Н. Сакулина. Вышло второе издание книги Д. Н. Ушакова „Русское правописание". Ранее появилась книга Бодуэна-де Куртенэ об отношении русского письма к языку, вызвавшая в Изв. II Отд. Ак. Наук рецензию его ученика Попова.

В Москве под руководством Гливенко, Грузинского, Дурново, Сакулина и Ушакова ведется с 1921 г. работа над словарем современного русского литературного языка. Что касается академического „Словаря русскаго языка", то вышли вып. 8. (1915) и 9. (1916) тома четвертого (до слова *крикунъ*) и вып. 1. тома V. (1915, *л* — *лёгкій*). Русский этимологический словарь Преображенского был прерван со смертью автора, последовавшей в 1918 г., на букве „т". Этот словарь знаменует значительный шаг вперед по сравнению с этимологическим словарем Горяева. Особенно ценно то

обстоятельство, что в словарь Преображенското вошло много этимологий Корша, нигде до этого неопубликованных. В Русском Филологическом Вестнике появился ряд дополнений и поправок ак. Соболевского к первым выпускам словаря Преображенского. В том же журнале продолжал печататься ряд русских и инославянских этимологий Г. А. Ильинского. Из популярных работ по лексике отметим книгу Огиенко „Иноземные элементы въ русскомъ языкѣ“, вышедшую в Киеве в 1915 г. Словарным наслоениям, вызванным революцией, посвящена работа Баранникова „Влияние войны и революции на развитие русского языка“ в Ученых Записках Самарского Университета за 1919 г. и работа Горнфельда „Слова и словечки“.[1]) Работа Баранникова вызвала обширную рецензию Селищева в его „Филологическом обозрении“. В то время, как Баранников считает влияние революции на русский язык очень значительным по результатам, Селищев подвергает эту значительность сомнению. Критик Чуковский справедливо утверждает в первом сборнике Дома Искусств (Петроград 1921 г.): „Нет никакого сомнения, что скоро возникнет бурное идейное движение для защиты языка от вредоносных воздействий современной эпохи, скоро мы услышим испуганные плачи о том, что наш правдивый, могучий и еще какой-то язык, язык Пушкина, Тургенева, Гоголя не сегодня-завтра погибнет, и что будто бы его надо спасать. Неизбежно возникнет благородная, но туповатая Шишковщина“. Такие призывы к пуризму уже раздаются. Так напр. в заседании Петроградского библиологического общества от 10-го февр. 1920 г. Кони выступил с докладом „Заветы Тургенева о русском языке“, где доказывал, что современные ученые и литераторы злоупотребяют иностранными терминами, народ чрезмерно поддается фабричному жаргону, а в результате сокращений последнего времени получился целый ряд новых слов-догадок, совершенно не соответствующих характеру русского языка и не оправдывающих тех целей, во имя которых они созданы.

Над „языком земли“ много работал за последние годы ак. Соболевский, исследовавший главным образом названия русских рек. Часть сделанного им в этом направлении опубликована, в Известиях II Отд. Ак. Наук за 1919 г. Здесь между прочим Соболевский устанавливает иранское происхождение названий рек на *-сна*. Селищев в „Филологическом Обозрении“ относит сюда же предположительно и реку Сосну. Думаем, что это предположение справедливо; *со* здесь того же происхождения, что и в названии реки Моск. губ. *Се́стра* (собственно *Сѣстра*) из **Soistra*. Иранскими географическими названиями в южной России занимался за последние годы и Фасмер. В 1914 г. в Известиях Академии Наук появилась статья Саблера о германском происхождении названий *Псков* и *Гдов*. Шахматов произвел в 1919 г. интересную работу над распространением географических названий на *-ичи* и *-ята*, делая из этого распространения выводы касательно истории заселения России.

Русскому детскому языку посвящена работа психолога Рыбникова „Язык ребенка“ (Педолог. библиотека, вып. IV. Москва 1920).

---

[1]) В Петрограде печатается сборник „Революци и язык“ со статьями Е. Д. Поливанова, Вл. Б. Шкловского и Б. А. Кушнера.

В области сравнительной грамматики славянских языков вышли: Введение в сравнительную грамматику Селищева (Казань), краткий учебник сравнительной грамматики славянских языков Брандта, представляющий собой конспект его университетских лекций (1916), объемистая „Праславянская Грамматика" Ильинского (1916) и лекции по праславянской фонетике Поржезинского. В Известиях II. Отд. Ак. Наук печаталось обширное исследование Ильинского о праславянском *ch*. Громадное значение, как для сравнительной грамматики славянских языков, так и для старославянской грамматики в частности, представляют изданные в 1919 г. Академией Наук под редакцией Шахматова „Лекции по фонетике старославянскаго языка" Ф. Ѳ. Фортунатова. Эти лекции до этого издания представляли собой крайнюю библиографическую редкость. Вышел 10. выпуск Энциклопедии славянской филологии, содержащий „Грамматику церковно-словянскаго языка по древнѣйшимъ памятникамъ" Ст. Кульбакина (1915). В состав той же энциклопедии входит „Палеографическое обозрѣніе кирилловскаго письма" П. А. Лаврова и „Кирилловское письмо у Румынъ" Е. Калужняцкого (вып. IV, 1 и 2, 1915) и также „Альбомъ снимковъ съ югославянскихъ рукописей болгарского и сербского письма" П. А. Лаврова и „Альбомъ снимковъ съ кирилловскихъ рукописей румынскаго происхожденія" Е. Калужняцкого и А. Соболевского. (Петроград 1916 г.) В Казани вышла в 1915 г. „Грамматика древне-болгарскаго языка" Лескина в переводе Н. М. Петровского и в его же переводе „Старославянскій синтаксисъ" Вондрака. Изъ академической серии „Памятники старославянского языка" вышли „Охридскіе листки" под ред. Г. Ильинского. Из древне-болгарских памятников изданы „Златоструй" под редакцией Малинина и „Малые пророки" под редакцией Туницкого. Ряд русских и инославянских памятников был издан Обществом любителей древней письменности, но к сожалению у нас нет под руками их каталога. Между прочим в издании этого Общества вышел „Прологъ по болгарской рукописи XIV. в." (Погодинская библиотека 58). Российским историческим музеем готовится к печати исследование П. П. Свешникова о языке средне-болгарской Псалтыри Томича. Селищевым издана первая часть материалов по македонской диалектологии, очень интересная для истории болгарского языка (Казань 1917 г.). Рукопись второй части к сожалению утрачена автором во время переезда из Казани в Сибирь. Много материалов по болгарской диалектологии заключает и работа Державина о болгарских колонистах на юге России. В Харькове в 1916 г. (2. изд. 1917 г.) вышел элементарный учебник сербского языка С. М. Кульбакина (Сербскій языкъ I. Фонетика и морфологія. Съ картой нарѣчій сербскаго языка. II. Христоматія).

Очень мало нового было опубликовано в России за последние годы в области западно-славянских языков. Единственные значительные новинки — I. выпуск Словаря нижне-лужицкого языка Е. Муки, вышедший в изд. Акад. Наук в 1921 г., и докторская диссертация Л. В. Щербы „Восточнолужицкое нарѣчіе", том I. (Петроград 1915). Этой книги не может обойти вниманием лингвист, занимающийся проблемой двуязычности. Обширная рецензия Шахматова (Замѣтки по исторіи звуковъ лужицкихъ языковъ) в Изв. II. Отд. Ак. Наук (21, 2, 237—276) представляет собой краткий

набросок истории лужицких наречий. В Московском Лингвистическом Обществе, основанном в 1917 г. проф. В. К. Поржезинским, последний прочел в 1919 г. доклад по истории польской лингвистики (остальные доклады, прочитанные в лингвистическом обществе, не имеют непосредственного отношения к славянскому языкознанию). Большую научную ценность представляет курс полабского языка, прочитанный в 1918 г. проф. Щепкиным в Моск. Университете. На учениках покойного слависта лежит долг восстановить по запискам и опубликовать этот курс, затрагивающий вопросы, еще почти не освещенные. Много материалов дает историку западнославянских языков двухтомный труд историка Егорова, посвященный истории колонизации Мекленбургского края.

В Московском Университете, верном Фортунатовской традиции, продолжал читаться ряд курсов по литовскому языку (В. К. Поржезинским, Н. Н. Соколовым и М. Н. Петерсоном). Из печатных работ по балтийским языкам следует отметить изданную Академией Наук в 1916 г. „Грамматику литовскаго языка“ ксендза К. Явниса (литовскій оригинал и русскій перевод К. К. Буги под редакцией Ф. Ф. Фортунатова), конспект работы по литовской диалектологии Н. Н. Соколова, недавно опубликованный в Трудах Воронежского Университета, исследования Эндзелина „Къ литовской акцентуаціи и именительному падежу множ. ч. основъ на *o*“, в Известиях II. Отд. Ак. Наук (21, 2, 295—312) и „О балтийскомъ окончаніи 2. лица единственнаго числа“ (22, 1, 85—116) и исследованіе Плакиса „К исторіи литво-латышскихъ интонацій“ (20, 1915, 3, 41—52). В РФВ. 76, 292—315 Эндзелин опубликовал „Замѣтки о балтійскихъ именныхъ основахъ на -*(j)ē* и -*jo*“, где он отвергает мнение об этих основах F. Sommer'a, изложенное им в книге „Die indogerm. *ia*- und *io*- Stämme im Baltischen“ (Лейпциг 1914). В серии „Къ исторіи первопечатныхъ книгъ“ Э. А. Вольтер переиздал „Латышскій катехизись 1585 г.“ (Сборник отдѣления Русс. языка, т. XCIV., N° 2, 1915). (Продолжение следует.)

Прага. *Р. Якобсон.*
П. Богатырев.

Alexander Brückner vydal 1922 v »Jedermanns Bücherei« (Ferdinand Hirt, Breslau) *Polnische Literatur* (8°, 96 str.) a *Russische Literatur* (104 str.). Ve skutečnosti máme před sebou dějiny polské literatury o 85 a ruské literatury o 91 stranách, poněvadž ostatní stránky podávají hlavní německé pomůcky, chronologický přehled (Zeittafel), seznam osob a věcí a obrazy velkých spisovatelů (v polské části také dva snímky titulních listů Jana Kochanowského).

Pokládám za štěstí, že se Brückner sám odhodlal napsati přehled ze svých velkých knih Geschichte der polnischen Litteratur (Leipzig 1901, ve sbírce Die Litteraturen des Ostens) a Geschichte der Russischen Litteratur (tamtéž 1905, v novém, nezměněném vydání 1921) nejen pro známou Goeschenovu sbírku, nýbrž také pro novou německou knihovnu. Jen takový znalec a obdivovatel obou literatur dovede vybrati nejdůležitější věci a osoby, mistrně charakterisovati jednotlivé doby a jejich vrcholy s historického, sociálního a literárního i estetického stanoviska. Slavistu zajímají zvláště také srovnání s jinými slovanskými literaturami a všeobecná charakteristika Slovanů (v úvodu k polské literatuře). Podotýkám, že v obou knížkách nacházíme také mnoho změněných anebo nových rysů a úplnou novinkou jsou poměrně obsáhlé kapitolky »Das junge Polen« a »Die Moderne. — Rußlands Untergang«, kde Brückner otevřeně vyslovuje své mínění o nejnovějších dějích v životě a literatuře. Zajímavých posudků a podrobností z takových knížek není možno vy-

bírati; upozornil bych jen na některé. Dnes obdivujeme se Dostojevskému, jak předpovídal nynější stav Ruska. Ale Zygmunt Krasiński předvídal světovou sociální revoluci již r. 1833. Od svého otce naučil se pohlížeti na polské povstání r. 1830 ne s národního, ale se sociálního stanoviska: »Diese Auffassung und die hohe Einschätzung der gleichzeitigen englischen und französischen Arbeiterbewegung, die durch sein Leben in Genf und die Freundschaft mit dem Engländer Reeve ihm nahegelegt wurde, schuf ein literarisches Wunder, seine »Ungöttliche Komödie« (1834), die nur ihre unbekannte, weil polnische Sprache verhindert hat, geradezu ein Weltereignis zu werden; denn diese soziale Tragödie ist nie übertroffen worden (wie weit blieb nach zwei Menschenaltern ein Björnson hinter ihr zurück!), und alles, was der dreiundzwanzigjährige Magnatensohn (und Majoratsherr in spe) 1833 prophezeite, vollzieht sich buchstäblich vor unsern Augen — eine gleiche Hellseherei und Durchdringung ferner Zukunft sucht in der Weltliteratur ihresgleichen.« (Pol. Lit. str. 52.) O Cyprianu Norwidovi měl Brückner v Geschichte der pol. Lit. (442) jen slova: »Słowacki bis zur Unverständlichkeit nachahmend«; dnes (str. 57.) ho jmenuje »Maler, Bildhauer und Dichter, der verkannteste, den es je gegeben hat« a věnuje mu ještě 16 řádků.

O budoucnosti polské literatury soudí Brückner velmi příznivě. Varšava nebude sice míti již tolik smyslu a času pro divadlo, ale za to je literatura vrácena svému úkolu: »Sie ist nich mehr ausschließliche, besorgte Hüterin nationalen Lebens und verfolgt keine didaktisch-patriotischen Tendenzen mehr . . .« Mimořádné zásluhy polské literatury nejsou ještě dosti oceněny cizinou, která jí nezná a nemůže znáti (str. 84—85).

Podobných zajímavých míst je mnoho též v knížce o ruské literatuře, na př. o moskevských slavjanofilech, západnících a socialistech (str. 30—34). U některých spisovatelů Brückner pomíjí známé spisy, ale za to vytýká jiné více než v Geschichte der russischen Litteratur. O Maximu Gorkém soudí (str. 85), že byl již překonanou veličinou, až mu nejnovější události dopomohly zase k významu. Ze symbolistů si váží M. Arcybaševa, jehož »Sanin« byl »nový typus, asi jako Bazarov svého času«. O výsledcích ruské katastrofy také Brückner nemůže prorokovati: »Ob wirklich eine neue Kunst und eine neue Dichtung aus diesen ganz veränderten Verhältnissen erstehen wird oder damit aller eigentlichen Kultur das Grab geschaufelt worden ist, muß die Zukunft lehren« (90). Rozhodnuta je stará protiva mezi Petrohradem a Moskvou: »Der natürliche Mittelpunkt des Reiches wurde nun auch zum politischen; . . . Das Herz Rußlands schlägt wieder in Moskau wie vor Jahrhunderten, und nur von Moskau her wird auch seine Erlösung kommen. Die Petersburger Periode war nur ein Zwischenspiel, Peter des Großen europäischer Traum weicht der russischen Wirklichkeit.« (90).

Hymnou na ruskou literaturu, vedle níž třeba postaviti severoamerickou, aby bylo lze náležitě oceniti její význam, a chválou jejích velikánů Puškina, Dostojevského a Tolstého knížka končí: »Diese Verkörperungen von Schönheit, Güte und Wahrheit, diese drei Gipfel der Literatur, ragen in alle Zeiten. Um sie herum die vielen wackeren Kämpfer, die, da alles mundtot war, die Stimme des öffentlichen Gewissens, den Protest im Namen der Menschheit, die veredelnde, erhebende Gedankenarbeit vertraten, mit einer Kunst, die allem Phantastischen abhold, nur die Gegenwart im Auge haltend, durch ihren Realismus, d. h. durch ihre Aufmerksamkeit, Offenheit, Innigkeit Sinn und Herz der Nation eroberte und dem schließlichen Fortschritte die Wege bereitete. Sie bleiben unvergessen.« *M. Murko.*

Der heutige Stand der Slavistik in Rumänien. Die zwei ursprünglichen rumänischen Universitäten des alten Königreiches, in București und Jași, besassen schon vor der Union der rumänischen Provinzen je eine Kanzel für die Slavistik. Der Vertreter der Slavistik von București ist tot, wir haben bis heute keinen Nachfolger für die Stelle von Jon Bogdan gefunden. Die Kanzel von Jași ist von Ilie Bărbulescu besetzt.

Jon Bogdan war Historiker und hat schöne Werke für das Studium der rumänischen Geschichte, mit besonderer Rücksicht auf die slavisch geschriebenen

Quellen, geliefert. Bei dieser Gelegenheit muss ich bemerken, dass die rumänische historische Kommission, die unter der Leitung des verstorbenen Bogdan gewirkt hat, das schönste Album für die slavo-rumänische Diplomatik, das im Erscheinen begriffen ist, besitzt. In diesem Album hat Bogdan in über 90 phototypischen Tafeln, die moldauischen Urkunden vom 14—17 Jh. bearbeitet. Das Album wird nächstens der Öffentlichkeit, als postumes Werk des Verfassers übergegeben werden und gewiss ein reges Interesse bei den slavischen Palaeographen und Urkundenforschern erwecken.

Ilie Bărbulescu, als Schüler, Mitarbeiter und Gegner von Ion Bogdan, hat seine Studien im Lande beendigt und war nachher vier Jahre Staatsstipendist in slavischen Ländern. Er ist, besser gesagt, ein Schüler des Prof. T. Maretić in Zagreb, und befasst sich mehr mit philologischen Arbeiten.

Von den neugeschaffenen, oder besser gesagt, nationalisierten Universitäten von Cluj (= Klausenburg in Siebenbürgen) und Cernăuţĭ (Czernowitz in der Bukowina) hat nur die letzte eine slavische Lehrkanzel gehabt. Heute aber hat die Clujer Universität zwei gut eingerichtete Seminare: eines für das Studium der slavischen Sprachen und ein zweites für die südosteuropäische Geschichte in Verbindung mit der slavo-rumänischen Diplomatik. Bei der Gründung der Universität in Cluj hat die Idee von Prof. Josef Popovici, Schüler von A. Leskien, V. Jagić und A. Meillet, gesiegt. Er treibt das Studium der Slavistik an der Universität mit besonderer Rücksicht auf die rumänische Sprache und nahm sich Professor Silvius Dragomir, einen Schüler von Ostojić und K. Jireček, zur Hilfe für das Studium der Geschichte der Slaven. In Cluj entfaltet sich das Interesse für das Studium der slavischen Sprachen und Geschichte sehr schön. Leider muss man mit der Gründung der Bibliothek noch viel kämpfen. Bis heute hat man Serbocroatica in einer solchen Masse gesammelt, dass man in dieser Hinsicht die reichste Kollektion im Lande besitzt.

In Cernăuţĭ ist leider nach dem Tode des Prof. E. Kałużniacki noch kein Nachfolger gefunden worden. Seine Kanzel wird durch Prof. Kozak von der theologischen Fakultät vertreten. Wie sich dort die Studien entfalten, kann man mit Sicherheit nicht feststellen.

Im allgemeinen muss man konstatieren, dass in Rumänien heutzutage das Interesse für die Slavistik von Tag zu Tag stärker wird. Die Regierung will dem Mangel an Slavisten mit voller Kraft durch verschiedene Mittel abhelfen. Leider war die geschichtliche Richtung zu stark repräsentiert und wir brauchen heute überhaupt mehr Sprachforscher, denn die Sprachstudien stehen noch immer bei den Resultaten des Grossmeisters Miklosich.[1]) Die Sprachwissenschaft ist in Rumänien gänzlich zersplittert, wir haben drei Zentren, in Bucureştĭ, Jaşĭ und Cluj, die keine Absicht haben gemeinschaftlich zu arbeiten. Es ist das ein trauriges Los eines jeden jungen Volkes, das sich seine Kultur aufbaut.

Die Rumänen betrachteten die Geschichte als eine nationale Notwendigkeit, um ihren römischen Ursprung beweisen zu können. Noch vor hundert Jahren kämpfte bitter P. Maior gegen B. Kopitar und leider zwecklos.

Es wirkten auf uns sprachliche, kulturelle und literarische Einflüsse seitens der Slaven durch ein Jahrtausend hindurch, so dass wir ein wunderschönes Material für das Studium der Slavistik besitzen. Wir wären froh, wenn es uns gelingen sollte, mit Hilfe unseren geschätzten Nachbaren, diese Schätze an den Tag bringen zu können.

Cluj, am 17. Januar 1922. *Josef Popovici.*

---

[1]) Ebenso notwendig und in jeder Hinsicht erspriesslich wäre die Pflege der Literaturgeschichte und Volkskunde der slavischen Völker, namentlich der benachbarten, deren Schicksale mit denen der Rumänen so manigfach verknüpft sind. Auch eine einseitige sprachwissenschaftliche Richtung, die heute in andern Ländern immer mehr überwunden wird, wäre von Übel. Natürlich können und brauchen auch nicht alle Richtungen auf jeder Universität gleich vertreten zu sein, namentlich im Anfang. M. M.

Die Slavistik in den Niederlanden. In den Niederlanden gibt es bloss eine Professur für slavische Sprachen (zugleich für baltische Sprachen), und zwar die Leidener Lehrkanzel, welche 1913 gegründet und dem Unterzeichneten anvertraut wurde. Früher hatten der Sanskritist Prof. H. Kern, dann Dr. J. H. Kern (als Privatdozent) und Prof. C. C. Uhlenbeck ab und zu Altbulgarisch und Russisch doziert. J. H. Kern, jetzt Professor für Anglistik in Groningen, macht das noch, wenn die Studenten es wünschen. Einige Jahre hat es in Rotterdam an der Handelshochschule eine Dozentur für Russisch gegeben. Im Sommer 1921 wurde dieselbe aufgehoben (aus finanziellen Rücksichten), obgleich die Dozentin Frau Dr. Z. Kočetkova mehrere Zuhörer hatte und mit gutem Erfolge dozierte. Vorläufig wird die Anzahl der Lehrkanzeln wohl kaum vermehrt werden, nicht nur wegen der finanziellen Krisis, sondern auch weil diejenigen Philologen, welche sich für mehr als die uns am nächsten stehenden Sprachen interessieren, oft das Studium der Kolonialsprachen wählen; das versteht sich in einem kleinen Lande mit grossen Kolonien vonselber, ausserdem gibt es für dieses Studium Regierungsstipendien.

Seitdem die Professur für Slavisch existiert, sind der Direktor der Universitätsbibliothek und der Professor für slavische Sprachen bestrebt gewesen, innerhalb der Bibliothek eine Abteilung für Slavistik zu organisieren, und, obgleich der Krieg hemmend gewirkt hat, ist es bereits gelungen, vieles zusammenzubringen; auch in dem linguistischen Lesezimmer (Seminar) gibt es eine baltisch-slavische Abteilung.

Einen Lektor für die lebenden Sprachen gibt es nicht. Deshalb doziert der Unterzeichnete selber die Elementa dieser Sprachen, in erster Linie des Russischen und Polnischen. Ausserdem hält er jedes Jahr sprachwissenschaftliche Vorlesungen (vergleichende Grammatik, Altkirchenslavisch, Litauisch, Serbisch usw.), während er wiederholt, entweder für einige Philologen oder für einen breiten Kreis von Zuhörern, auch russische Literaturgeschichte doziert hat. Über russische literarhistorische Gegenstände sind jetzt zwei Dissertationen in Bearbeitung, während zwei andere Studenten eine Doktorarbeit über sprachwissenschaftliche slavistische Themata schreiben werden.

Von der ältern Generation ist nach dem Tode des Fräuleins Dr. A. C. Croiset van der Kop († 1914) Dr. R. van der Meulen neben dem Unterzeichneten der einzige, welcher wissenschaftliche Arbeiten über slavistische Gegenstände publiziert. Ihn interessieren hauptsächlich die niederländisch-slavischen Lehnwortbeziehungen, über welche er nach dem Erscheinen seines Buches über die russischen »scheepstermen« (Schiffsterminologie) mehreres in der »Tijdschrift voor Nederlandsche taalen letterkunde« veröffentlicht hat.

Februar 1922. *N. van Wijk.*

Polskie Towarzystwo Etnologiczne. W październiku 1921 roku zawiązane zostało Polskie Towarzystwo Etnologiczne z siedzibą stałą w Warszawie (ul. Krakowskie Przedmieście 66, Warszawa).

Wśród 37 członków założycieli Towarzystwa znajdujemy wszystkich wybitniejszych uczonych polskich, pracujących nad zagadnieniami, mającemi związek z ludoznawstwem. Dokoła tych założycieli skupiają się członkowie czynni, rozsiani po całym kraju.

Przewodniczącym Towarzystwa jest Jan Czekanowski, zastępcami przewodniczącego są: Stanisław Ciszewski i Ludwik Krzywicki. Sekretarzem generalnym jest Eugenjusz Frankowski; sekretarzami dzielnicowymi są: w Krakowie — S. Udziela i J. Żurowski; we Lwowie — A. Fischer; w Poznaniu — J. Bystroń; w Wilnie — J. Poczętowska; w Toruniu — A. Gorski; w Zakopanem — J. Zborowski.

Towarzystwo postawiło sobie za zadanie opracowanie monograficzne wszystkich poszczególnych zagadnień z dziedziny kultury materjalnej i duchowej naszego ludu i zorganizowanie i uzupełnienie naszych muzeów etnograficznych.

Łącznikiem pomiędzy siecią współpracowników Towarzystwa jest Centralne Polskie Biuro Etnologiczne, mieszczące się w siedzibie Towarzystwa (Warszawa, ul. Krakowskie Przedm. 66). Jego zadaniem jest ułatwianie badań wszystkim pracownikom na polu Etnologji. Ażeby tego dopiąć, Biuro dąży

do zdobycia niezbędnych informacji, wyszczególnionych w 12 następujących punktach:

1. Wykaz sieci współpracowników w całej Polsce.

2. Wykaz czasopism, prac i dzieł pomocniczych, omawiających ludoznawstwo, a przechowywanych w bibliotekach publicznych i prywatnych.

3. Wykaz przedmiotów z zakresu ludoznawstwa, skupionych w zbiorach publicznych i prywatnych.

4. Wykaz fotografji i rysunków, przechowywanych w zbiorach publicznych i prywatnych.

5. Wykaz rękopisów z zakresu ludoznawstwa, przechowywanych w zbiorach publicznych i prywatnych.

6. Wykaz przeźroczy, klisz fotograficznych i drukarskich z zakresu ludoznawstwa, przechowywanych w Polsce.

7. Wzory kartek wszystkich bibljotek i muzeów w Polsce; ich układ i sposób posługiwania się. Katalogi-wzory.

8. Schemat mapy ziem polskich w granicach badań.

9. Wykaz zagadnień do opracowań i kwestjonarjusze.

10. Kartograficzne przedstawienie obszarów opracowanych i zalecanych do bardziej szczegółowego opracowania.

11. Teki z materjałami do monograficznych opracowań kultury materjalnej i duchowej.

12. Księga adresowa pracowników na polu ludoznawstwa i pokrewnych gałęzi wiedzy.

Organem Towarzystwa Etnologicznego jest kwartalnik »Lud«, wydawany we Lwowie. Będzie to czasopismo poświęcone najżywotniejszym sprawom ludoznawstwa. Prace większych rozmiarów, w miarę ich napływania do Towarzystwa, wydawać będzie Biuro Etnologiczne w Warszawie. Ukazując się w oddzielnych zeszytach, tworzyć będą tomy, noszące ogólny tytuł »Wisła«, stanowiące dalszy ciąg tego dwudziesto tomowego wydawnictwa. Komitet redakcyjny »Ludu« stanowią: W. Bruchnalski, J. St. Bystroń, A. Chybiński, J. Czekanowski, A. Fischer, E. Frankowski, A. Gawroński, L. Kozłowski. Redaktorem naczelnym jest A. Fischer.

Komitet redakcyjny »Wisły« stanowią: S. Ciszewski, C. Ehrenkreutzowa, E. Frankowski, J. Frankowski, R. Jakimowicz, L. Krzywicki. Redaktorem naczelnym jest St. Ciszewski.

W celu udostępnienia obcym uczonym wyników badań polskiego ludoznawstwa, wszystkie prace drukowane w »Ludzie« i w »Wiśle«, zaopatrzone będą krótkiem streszczeniem w języku francuskim.

Towarzystwo pragnie pozyskać dla swej pracy współdziałanie wszystkich Towarzystw i organizacji krajowych, których cele i zadania mają pewną styczność z celami Towarzystwa Etnologicznego.

Gorącem życzeniem Towarzystwa jest nawiązanie stosunków z pokrewnemi instytucjami zagranicą, a to w celu wymiany wydawnictw i wymiany myśli i zdań, dotyczących ogólnych zagadnień naszej umiejętności.

Warszawa 5/II 1922. *E. Frankowski.*

Friedrich Engels und die Slavistik. Wenn Friedrich Engels, der Gefährte von Karl Marx und grosse Theoretiker des wissenschaftlichen Sozialismus, für den Befreiungskampf der kleineren slavischen Völker nicht stets das nötige Verständnis hatte, da er von ihm eine Stärkung des russischen Zarismus befürchtete, so zeigte er doch viel Neigung für die slavischen Sprachen. Russisch und Polnisch las er regelmässig, kannte wohl auch Serbisch und vertiefte sich noch als Vierundsiebzigjähriger, als er das Sofioter Sozialistenblatt zugesandt erhielt, in den Geist des Bulgarischen. Wie nah er aber daran war, in den Bereich der slavistischen Wissenschaft hinüberzugreifen, wird jetzt aus einem seiner Briefe an Ferdinand Lassalle deutlich, der sich in dem soeben erschienenen dritten Bande der von Gustav Mayer herausgegebenen Briefe und Schriften Lassalles vorfindet. Es heisst da am 14. März 1859: »Ich habe von Zeit zu Zeit einer alten Liebe, der vergleichenden Philologie, gehuldigt. Wenn man aber den ganzen Tag über im edlen Commerce gearbeitet hat, so bringt

man es in einer so kolossal weitläufigen Wissenschaft nicht über den reinsten Dilettantismus, und wenn ich auch einmal den kühnen Gedanken hatte, eine vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen auszuarbeiten, so habe ich das doch längst fallen lassen, besonders seit Miklosich dies mit so glänzendem Erfolg unternommen hat.«

Frankfurt a. M. *Hermann Wendel.*

K dějinám „Slavie“. Po delších předběžných poradách podali dne 10. března 1921 tito slavisté pražské university ministerstvu školství a národní osvěty žádost o subvenci na vydávání ústředního orgánu slovanské filologie: J. Bidlo, A. Frinta, J. Hanuš, J. Horák, O. Hujer, M. Hýsek, J. Chlumský, J. Jakubec, J. Janko, N. V. Jastrebov, K. Kadlec, J. Kapras, J. Máchal, M. Murko, L. Niederle, Fr. Pastrnek, J. Polívka, E. Smetánka, Fr. Trávníček, J. Vajs, M. Weingart, J. Zubatý.

Do komise k provedení přípravných prací byli zvoleni profesoři: J. Bidlo, O. Hujer, J. Jakubec, M. Murko, L. Niederle, J. Polívka.

Veškeré jednání vedli profesoři O. Hujer a M. Murko, jimž byla svěřena redakce.

† Alfred Jensen.

Znal jsem osobu, povahu i dílo tohoto svérázného švédského slavisty (nar. v Helsingtuně u Söderhamnu 30./9. 1859) dobře, a přece nyní, kdy nám tak neočekávaně († ve Vídni 16./.9 1921) odešel, nemohu se při čtení jeho nejlepšího díla »Gundulić und sein Osman. Eine südslavische Literaturstudie« (tištěno v Göteborgu 1900 toliko v 101 ex.) ubrániti mocnému podivu nad tím, jak bývalý švédský posluchač práv, jenž ovšem již r. 1878 poznal Rusko a, jsa zaujat pro dějiny kultury vůbec a literatury zvláště, odhodlaně se vrhl na dráhu novinářskou a pak samostatně spisovatelskou (bylť mimo jiné i obratným švédským veršovcem), postupně neúnavnou pílí a nevyčerpatelnou energií bez pravé odbornické výchovy a tudíž většinou autodidakticky dokázal toho, že zejména některé obory rozsáhlé oblasti slavistické ovládl zcela suverénně a platí tam dnes i bude platiti ještě dlouho za autoritu vší úcty hodnou.

Jensen svým historickým a literárním bystrozrakem byl uzpůsoben k tomu, aby pronikal temnotami neúplné tradice a nevyjasněných poměrů písemnických všude tam, kde případ sám sice byl těžký a pracný, ale při tom přece jen po vlastní kritické stránce dosti jasný a myšlenkově i citově co do filiace ne příliš spletitý a mnohotvárný, jak toho názorný příklad skýtají právě zjevy jihoslovanské a především Gundulić. Tu bez výhrady uznáváme výtěžky Jensenovy nepřetržité práce, podporované ročním pobytem v Dubrovníce: jeho přímo oslňující znalost děl a spisovatelů a nejinak literatury, napsané o nich pro a contra, jeho objevy archivální a časopisecké, jeho často velmi jemné postřehy a pozorování, jeho samostatný, zpravidla pevně podepřený úsudek a jeho pravděpodobné hypotesy. Proto schválíme také vůdčí myšlenku jeho o dvou hlavních složkách poesie Gundulićovy, jimiž jsou renesanční a zvláště italská romantika a pak jihoslovanská epická poesie lidová. Tu pochopíme, proč jiní znalci a odborníci, každý v jiné otázce, odkazují k dílu Jensenovu jako studnici dat a poznatků podnes nepřebrané, ba zanedbávané: činí tak V. Jagić (AfslPh. 25, 4) vzhledem k rukopisům Gundulićovým, chovaným v Římě, M. Rešetar (t. 31, 478) při zkoumání původu Gundulićovy matky, M. Murko (t. 28, 377) při poukazu k románským vlivům na srbochorvatské národní písně, právě Jensenem připomenutým, a jiní. Jensen mohl podstatně přispěti též k ocenění a důkladnější interpretaci Hektorovićovy básně Ribanje (t. 25, 429 násl.) a mohl se s úspěchem ujmouti rozhodčího jaksi úkolu mezi Rešetarovým a Popovićovým pojetím »Horského věnce« (t. 24, 292 násl.). Zde všude Jensen jest na výši své vědy, kdež stanul po začátcích nesmělých (srv.

jeho švédský článek »Ragusa« z r. 1893 v ročence společnosti göteborské K. Vetenskaps- och Vitterhetssamhälle), takže je zcela jasně viděť, jak předmět svůj sobě podmaňoval čím dál tím jistěji. To pozorujeme ostatně i jinde, při svěžích jeho pracích o Ševčenkovi, jednou ve Finsk tidskrift 1909 a po druhé v knížce Taras Ševčenko z r. 1916, v Ryska skaldeporträtt (1898), kde jednáno o dekabristech z r. 1825, o Puškinu a Lermontovu, a v článku »Puškin in der schwedischen Literatur« v Zborniku u slavu V. Jagića (1908) atd.

V srovnávací literární historii vůbec a slovanské zvlášť Jensen nám může býti zpravidla spolehlivým vůdcem, jak svědčí o tom jeho příspěvek do Krausovy »Čechische Revue« z r. 1907, totiž »Der Lenorenstoff in der westslavischen Kunstdichtung«, kdež arciť s hodnocením Erbenových »Svatebních košil«, jako by byly zakončeny nevhodně, nemůžeme se zřetelem k naivně zbožnému podkladu jejich úplně souhlasiti; a tam, kde stopuje začátky své vědy v Švédsku a vůbec v Skandinavii (AfslPh. 33, 136 n. a 34, 284 n.), jsme mu zajisté za tato upozornění vděčni. Avšak Jensen obíral se někdy též problémy, přesahujícími patrně jeho síly a jeho jinak všestrannou, byť jen a jen soukromou erudici; činil to ovšem za účely ne absolutně vědeckými, nýbrž proto, aby svým krajanům otevřel zraky pro kulturní a literární zjevy slovanské, jim dotud téměř nebo docela neznámé. On, jeden z nejhorlivějších a nejšťastnějších popularisátorů, předváděl v článcích a vzorných, výstižných překladech ze všech slovanských literatur a nejčastěji z polštiny, o čemž se zde podrobněji šířiti nemíníme,[1]) slovanský svět »od Volhy po Dunaj« světu severskému, naprosto jinak orientovanému: záslužnou tuto činnost J. stupňoval od doby, kdy po smrti vynálezce dynamitu vešel v život Nobelův ústav a Jensen se stal členem jeho a zároveň tajemníkem slovanského oddělení. V tomto úřadě prokázal Slovanům služby neocenitelné: osmnácti přísným soudcům ze Švédské akademie stockholmské, kteří rozhodovali o udělení výročních literárních cen, právě on hleděl přiblížiti a s hlediska světové literatury osvětliti vynikající slovanské básníky, hodné oněch cen, čehož přece nebylo lze dosáhnouti bez stálého studia, jež podnikal doma v slovanské knihovně, jím teprve při Ústavě založené, a mimo to za hranicemi na hojných výzkumných cestách po slovanských zemích. Postup Jensenův, jemuž samému se šířil výhled do vlastí a osvětových poměrů slovanských, byl tu většinou analytický; byly však přece postavy, zjevy a celky, jimiž se zabýval dlouho a hluboko, tak že mohl přejíti dokonce k syntesi. Materiálu a samostatných výzkumů se mu ani tuto nenedostávalo; neuspokojuje-li zde však přece zúplna, nese toho vinu spíše metoda, alespoň v literárně kritických pracích. Mám zejména na mysli větší studii o Vrchlickém (En litterär studie z r. 1904, přeložená do češtiny A. Krausem r. 1906), s níž je srovnati též článek v Nordisk tidskrift 1905. Zajisté, že tu velice zevrubně je jednáno o všech básnických dílech a sbírkách našeho genia, tak proteovsky se přizpůsobujícího k různým velikánům jiným a trvajícího přece zase v své přirozené, duševně tak bohatě založené podstatě. Avšak popis a rozbor, ač podporovány četnými ukázkami názornými, utkvívají přes to více na povrchu, psychologicky a filosoficky není fenomén Vrchlického dokreslen, syntesa na jednotném a přec tak rozvětveném podkladě nedovršena. V oboru srovnávacím bych zařadil sem i práce Jensenovy o Mazepovi (Ivan Mazepa, v Lundu r. 1908, a Mazepa in der modernen Dichtung v Ukrain. Revue 2), v oboru kulturním jeho velké a dojista rovněž záslužné dílo třísvazkové Ryska kultur-historia (1908), kde v různých otázkách není, jak pochopitelné, proneseno ještě poslední slovo.

Loučím se s přítelem, jenž rozžíhal, hlavně tam v otčině, ale i po slovanských nivách kolem sebe světla, která nemohla zůstati bez stínů; co kladně trvalého vydobyl a vykonal, to si osvojme a zachovejme, a tam, kde se nám zjevují slabiny, přiložme se jménem jeho na rtech sami ruce k dílu!

V Praze, 22./2. 1922. *Josef Janko.*

---

[1]) Podrobnou bibliografii Jensenových spisů sestavil prof. A. Krause v Almanachu České akademie věd a umění XXXI—XXXII (1922) str. 192—195.

Výtahy z časopisů.

Rocznik slawistyczny. Tom IX. część I. Kraków 1921.

I. Rozprawy. **N. van Wijk:** Palaeoslovenica. I. O prototypie cerkiewno-słowiańskiego Codex Zographensis (str. 1—14). Pokračování studií o tomto textu z AslPh. 37, 330 nn., kde autor ukázal, že v Zogr. lze co do jazyka rozeznati dvě části, z nichž druhá (Luk., Jan) je starobylejší prvé (Mat., Mar.); v článku tomto uvádějí se nová svědectví pro to: 1. *l* epenth. je v prvé části před *i*, *ь* už zanedbáváno; — 2. v ev. sv. Jana je v gen. a dat. sg. msc. a ntr. u slož. adjektiv častěji *-aego, -uemu* než *-(a)ago, -umu*, kdežto v části prvé a také v ev. Lukášově je tomu naopak; — 3. konc. *-ę* v nom. sg. part. praes. act. tvrdých kmenů je v prvé části vzácnější; — 4. ve slož. tvarů adjektiv je v evang. Jan. většinou *ы, и*, řídčeji *ы, ии*, v Mat. Mar. naopak v Luk. častěji *ы*, ale řídčeji *и*. Grafika *ы, и* representuje stav starší. — II. O zániku *l* epentheticum w cerkiewnosłowiańskim języku (str. 14—18). Je to proces fonetický; *l'* epenthetické zanikalo nejprve před *i*, *ь*, později i před jinými samohláskami. Ve slově ***korabь*** a v dat. loc. ***zemi*** běží též o zánik epenthet. *l'* (proti Oblakovi AslPh. 17, 460 a Vondrákovi Altkirchslav. Gram.[2] 337). — **A. Meillet:** A propos du genre grammatical en slave (str. 18—23). V ide. prajazyce stál proti sobě rod »životný« (= msc. fem., genre animé) a »neživotný« (ntr., inanimé); slovanština vytvořila protivu tří rodů (msc. fem. ntr.). Jimi byla ovládnuta jmenná deklinace, což je jeden z charakteristických znaků slovanštiny. O nom. du. na *-a*, zachovaném v schorv. a ruš. ve spojení s číslovkami dvě, tři, čtyři. — **T. Lehr-Spławiński:** Stosunki pokrewieństwa języków ruskich (str. 23—71). Ukázav na materiále hláskoslovném, tvaroslovném i lexikálním, že nynější nářečí ruská tvořila po rozpadnutí prajazyka slovanského jediný celek jazykový, snaží se autor vyzkoumati, jak postupovalo dialektické rozvrstvení ruského jazyka. Kritisuje podrobně práce Šachmatova, touto otázkou se obírající, a staví proti jeho třem prvotním dialektickým skupinám jeh skupiny dvě: severní a mnohem větší jižní. Odlišeny byly těmito znaky: 1. *g* > *h* v již. skup., 2. *tl, dl* > *l* v již. skup., v sev. se většinou proměnilo v *kl, gl*, 3. na severu se ve skupině *t + rъ̥, rъ̥, lъ̥, lь̥* slabé jery změnily v silné (na př. *krovavyj, sleza*), 4. psl. *š́č́, ž́ǯ́* dalo v sev. skup. *š́χ, ž́j* (psáno **ш, жг** na př. **прошение, дъжгь**). Další tříštění obou skupin. Dnešní rozvrstvení dialektické má se k prvotním dvěma skupinám tak: maloruština povstala z jižní části jižní skupiny, velkoruština ze severovýchodní části jižní skupiny a z celé skupiny severní, běloruština ze severozápadní části jižní skupiny. — **A. Meillet:** De la disparition des noms indoeuropéens de parties du corps en slave (str. 71—77). Z názvů částí těla zděděných z ide. prajazyka zachovala slovanština **sьrdьce*, *oko*, *uxo*, *nosъ*, *brъvь*. Novoty slov. jsou *jętro*, *noga*, *kolěno*, *kostь*, **pletje* (csl. *plešte*), *zǫbъ*, *glava*, *usta*, *pǫpъ* (*pǫpъkъ*), *kry*. Článek důležitý i pro ostatní jazyky indoevropské. — II. Dział krytyczny: **N. van Wijk:** I. Lehr-Spławiński, O prasłowiańskiej metatonji (str. 78—109). Velmi důkladná recense s hojnými samostatnými výklady. Str. 80 nn.: novoakut. intonace může v koncové slabice být též ze staršího akutu (čak. *nebesá*, *mestá* a pod.). Str. 87: k metatonii v širším smyslu lze počítati též případy, kdy se sekundární intonace akutové a cirkumflexové, vzniklé z původnějších cirkumflexových a akutových, od starých intonac neliší. Takové »Umlegungen der Intonation« už z doby baltoslov. jsou v rus. *vóron : voróna* = lit. *var̃nas : várna*, nebo v slovin. sup. *brȃt* : inf. *bráti*, čes. *brat : bráti*, srv. lit. dial. kondic. (= staré sup.) *d$_u$õt*:

dúti. Str. 89 nn.: kritika Lehrových tří podmínek metatonie. Str. 103 nn.: hájí proti Lehrovi svého názoru (v AslPh. 36, 345 nn., 368 nn.), že metatonie nastává též před skupinou souhlásek. — **T. Lehr-Spławiński:** N. van Wijka Najnowsze prace o akcencie słowiańskim (str. 109—125). Podrobné úvahy o třech článcích Wijkových: 1. »Zur Betonung der Verba mit stammbildendem *ī*« (v AslPh. 37, 1 nn.), 2. »Zu den slavischen Iterativen vom Typus *bégati*« (KZ. 49, 84 nn.); dvojici čes. *sypati-sýpati*, rus. *sýpať-sypáť*, srb.-ch. *ògledati : oglédati* vykládá L. tak, že *sypati* atd. má v první slab. psl. zkrácení ražené délky podle zákona Šachmatovova, *sýpati* atd. mělo přízvuk na *a*, před nímž se tažená intonace změnila v novoakutovou (která se v češtině jeví délkou); 3. »Zur Betonung des slavischen Duals« (Neophilologus V, 2, str. 113 nn.). Jedná se tu o případech, kdy se slov., litev. a řec. intonace koncových slabik neshodují (na př. nom. du. schorv. *ȍba* — lit. *abù*, řec. *ποταμώ*). Na str. 124 n. zdůrazňuje Lehr proti Wijkovi, že novoakutová intonace může býti jen ze starého cirkumflexu. — **T. Lehr-Spławiński:** J. Švencickyj, Narysy z istorii ukraińskoi movy (Lvov 1920), str. 125—133. Vedle uznání též několik vážných výtek. — **A. Belić:** Grammatik der serbokroatischen Sprache v. A. Leskien (Heidelberg 1914), str. 133—156. — **J. Łoś:** Najdawniejsze księgi sądowe mazowieckie. Tom I. Księga ziemska płońska 1400—1417, wydał... M. Handelsman (Warszawa 1920), str. 156—160. Vytýká některá menší nedopatření, jinak vítá knihu s velkým uspokojením. *M. N.*

Révue des études slaves. Tome I. Paris 1921.

A. Meillet: De l'unité slave (7—14). Slovanská jednota se rozbila teprve pozdě a jednotlivé jazyky slovanské, konservativní ve vývoji, se příliš od ní nevzdálily. Přes to její účinky jsou velmi slabé, a to proto, že Slované při rozpadnutí jednoty neměli vlastní osobité civilisace a že časem jednotlivé větve slovanské byly zataženy do různých kulturních sfér. — **J. J. Mikkola:** La question des syllabes ouvertes en slave commun (15—19). Princip otevřených slabik v psl. měl východisko v slabikách koncových, jež po odpadnutí souhlásek na konci slova byly vesměs otevřené. Odtud se pak rozšířil i na slabiky středoslovné. Na str. 18 n. vysloveno mínění, že slov. *i*, *u* byly původně dvojhlásky. — **A. Belić:** Les rapports mutuels du serbocroate et du slovène (20—27). Rozborem vývoje psl. *ti̯*, *di̯* v srbochorv. a v slovin. dochází autor k závěru, že oba jazyky tvořily kdysi jazykovou jednotu. Ta se časem rozpadla ve 3 nářečí, kajkavské, čakavské a štokavské, z nichž dvě prvá prodělala periodu společného života. Později — už na půdě balkánské — se změnily vzájemné vztahy nářečí. — **N. v. Wijk:** Du déplacement de l'accent en serbo-croate (28—37). Po kritice dosavadních výkladů přidává se W. k mínění Šachmatova (Izvěstija 6, 1, 343 nn.), že pošinutí přízvuku v části dialektů srbochorv. je pokračováním psl. tendence, netrpěti taženou intonaci uprostřed slova nebo přízvukové jednotky. — **S. Mladenov:** Vestiges de la langue des Protobulgares touraniens d'Asparuch en bulgare moderne (38—53). Jsou to slova: *bъlgarin*, *biser*, *boljarin*, *bělěg*, *bělčug*, *bъbrěg*, *pašenog*, *tojaga*, *čipag*, *kapište*, *kumir*, *san*, *čъrtog*. Jiných stop není. — **O. Hujer:** Des sources de l'histoire de la langue tchèque (54—70). Přehled vydavatelské činnosti v oboru staročes. památek; o nedostatcích mnohých vydání a o zásadách, jimiž by se bylo říditi. — **J. Horák:** Les études ethnographiques en Tchéco-Slovaquie. Littérature populaire, coutumes et croyances (71—97), la civilisation matérielle (228—236). Přehled toho, co bylo u nás na poli ethnografie vykonáno, zvlášť za posledních 20 let. — **A. Lirondelle:** La poésie russe de l'art pour l'art et sa destinée (98—116). V rámci přehledu rus. l'art-pour-l'artismu podány názory básníků rus. na poesii a její poslání, jak jsou známy z jejich výroků a jak se obrážejí v jejich dílech. — **A. Mazon:** Quelques lettres de Dostoevskij à Turgenev (117—137). Osm listů z let 1863—65 s literárně-histor. úvodem. — **L. Eisenmann:** Ernest Denis (138—143), **S. M. Kul'bakin:** L'oeuvre de A. A. Šachmatov (144—152). Dvě posmrtné vzpomínky. — **N. Troubetzkoy:** De la valeur primitive

des intonations du slave commun (171—187). Psl. intonace byly veskrze v první části vzestupné, v druhé sestupné a lišily se jen kvantitativním poměrem obou částí: u ražené intonace byl poměr 2 : 1, u tažené 1 : 2, u krátkých samohlásek 1 : 1. Z toho se vyvozuje stav jednotlivých jaz. slov. V češt. na př. se kvantita samohl. shoduje s dobou trvání první části psl. intonací (proto ražená intonace se jeví v češtině délkou, tažená krátkostí; v srbochorv. je tomu naopak, při čemž první, vzestupná část připadla na slabiku předcházející. Pošinutí přízvuku v štokavštině vzniklo tím, že ovládla ta intonace, která byla nejblíže začátku slova, kdežto v čakavštině byly vzestupné intonace veskrze zanedbány. Též o intonacích balt. i indoevr. — **A. Meillet**: Les vues de Šachmatov sur la constitution de la nation russe et des dialectes russes (188—197). Referát o dvou pracích Šachmatova: Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка I. (1916) a Древнѣйшія судьбы русскаго племени (1919). — **J. J. Mikkola**: L'avance des Slaves vers la Baltique (198—203). Na vlastních jménech a přejatých slovech se ukazuje, že záp. Slované se usadili v Pomořanech, Meklenbursku a Holštýnsku asi o 500 let dříve, než vých. Slované došli k jezeru peipusskému. — **F. Trávníček**: De la quantité en tchèque (204—227). Informativně-kritický přehled dosavadních výzkumů o české kvantitě. — **P. Cancel**: A propos de l'origine des »bugarštice« (237—239). Vykládá slova »srbskim načinom«, předeslaná dvěma básním »bugaršticím« Hektorovićovým: »à la manière vulgaire«. — **P. Chasles**: La famille paysanne russe d'après le droit coutumier (240—254). I. La propriété familiale. II. La constitution de la famille. III. La transmission de la propriété familiale. — **L. Réau**: L'art français en Pologne sous Stanislas-Auguste (255—278). I. Les artistes français en Pologne. II. Les oeuvres d'art français dans les collections de Stanislas-Auguste. III. Les artistes polonais à Paris. — Chronique (153—168, 279—307).
M. N.

Slavia occidentalis. Tom I. Poznań 1921.

K. Tymienicki: Ludność wiejska w krajach połabskich i pomorskich w wiekach średnich (1—51, franc. résumé 204—205). Charakteristika hospodářských, sociálních, právních a kulturních poměrů hlavně slovanského obyvatelstva. — **J. S. Bystroń**: Wpływy słowiańskie w niemieckej poezji ludowej (52—84, res. 205—207). Přináší 5 němec. písní původu slovanského: 1. o vojínu, jenž se vrací po smrti své milenky (z Ratibořska, vliv polský), 2. o dívce, zakleté do stromu (z mor. Kravařska, píseň ruská, české prostřednictví), 3. o pánu, jenž chce dívku-sirotka za ženu (též z Kravařska, vliv polský), 4. »Musisz moją być, moją wolę uczynić« (z Kravařska, vliv čes. nebo pol.), 5. »An der Weichsel gegen Osten stand ein Ulan auf dem Posten« (z polské zlidovělé písně F. Kowalského). — **M. Rudnicki**: Metateza w językach zachodno-słowiańskich, przedewszytkiem lechickich (85—120, res. 207—209). Jako obecné příčiny metathesy se zde uvádí: 1. vliv výrazů spřízněných významem, na př. pomoř.-slovin. *vobogoi̯ni* 'gottesfürchtig' disim. z **bobogoi̯ni* a to to z **bogoboi̯ni* pod vlivem (v pomoř. slov. nedoloženého) slova, odpovídajícího pol. *bobo*, *buba* atd. 'strašidlo' (čes. *bubák*); 2. vliv příbuzenství fonetického, na př. metathesa *ul > łu* v pol. po *t*, *d*, *s* (stpol. *Dułgota*—*długi*); 3. snaha po »normalisaci suffixů«, na př. pol. *puszka*, čes. *puška* z něm. *Büchse* vlivem častého v obou jaz. suf. *-ka*; 4. snaha, aby nezvyklé fonetické komplexy byly nahrazeny běžnějšími: na př. u přejatých slov v stpol. *na brok* z něm. *borgen*, u domácích v stpol. *szwytki* m. *wszytki*; 5. vzájemný vliv hlásek, na př. pol. *antałka* m. *altanka* (vzáj. atrakce zubných *n* a *t*); 6. snaha po odstranění pobočných hlásek (dodatky k článku v Mat. i prace kom. jęz. 7, 253 nn.); 7. zvláštní fonetická povaha souhl. *r*, *l*, *m*, *n*, na př. pol. *kalwakata* m. *kawalkata*. — Ekskurs o ogolnosłowiańskiej przestawce plynnych (117—120). Také v typu *tort* ovládla v psl. zásada otevřených slabik, takže vzniklo *to-rt*. Už tím byly dány podmínky pro metathesi (psl. **modliti* < **molditi*), ale zdá se, že nejprve vzniklo *to-r̥t*. Další vývoj se dál už odděleně na půdě jednotlivých jazyků slovanských. — **T. Lehr-Spławiński**: Mowa dawnych Połabian w sto-

sunku do grupy językowej pomorsko-polskiej (121—159, res. 209 až 210). Podrobný rozbor hláskoslovných jevů polabských přivádí autora k mínění, že jazyková jednota lechická existovala, že se však již velmi brzo objevily rozdíly dialektické, které dělily polabštinu od ostatních jaz. lechických. Článek zvlášť důležitý pro hláskosloví polabské: 122 nn. o skup. *tort* atd., 127 nn. o *tr̥t* atd., 129 n. o počátečním *jь-*, 131 nn. o dispalatalisaci samohlásek před nepalatálními souhláskami, 137 n. o ztrátě palatalisace souhlásek před samohláskami přední řady, 138 nn. o vývoji jerů, 142 nn. o přízvuku a kvantitě, 146 nn. o zániku postkons. *v* v jistých případech, 148 nn. chronologie probíraných jevů. — **P. Gołąb**: Połabskie *rüz-* ‖ *vüz-* a polskie *roz-* ‖ *u̯oz-* (160—168, res. 210—211). Vykládá polab. *vüz* 'aus' (častěji jako praeverbium) z dřív. **oz-*, druhotvaru k **roz-* > polab. *rüz*. Táž dvojice je též v nářečích polských: *roz- : u̯oz-*. — **M. Rudnicki**: Nazwa miasta Gdańska (169—184, res. 211). Odvozeno sufixy *-an-* a *-ьskъ* od základu **Gъdъ*, častého zvlášť v místních jménech, na př. *Gdynia*, *Gduna* (srv. Mikkola, Révue des études slaves I, 200). Důkladný rozbor nejstaršího zápisu *Gyddanysc* ve Vita scti Adalberti, jejímž autorem je patrně Radim, bratr sv. Vojtěcha. — **M. Rudnicki**: Pol. stęborek (184—185). Kontaminací slov *stępora (stępa*, čes. *stoupa)* a **stobor*, csl. *stoborъ* 'columna', slovin. *steber* ,id.', k psl. **stьblo*, lit. *stembti* 'Stengel ansetzen', *stèmbra*, *stàmbras* 'Stengel'. — **T. Lehr-Spławiński**: O działaniu analogji w konjugacji połabskiej (186—193) **1.** 3. pl. *a̯ida̯* (m. **a̯idǫ* < **jьdǫ*) z *a̯ida̯*, *d* z tvarů 2. sg. až 2. pl.; **2.** 1. sg. *rica̯* (m. **rekǫ* < **rekǫ*), srv. čes. *peču*; **3.** part. praet. pass. *rüdenə* (m. **rüdzene* < **rodjenъjь*) podle tvarů, kde nebylo *dj*, na př. 2. sg. praes. *rüdis ;* **4.** inf. *-zinət* (m. **gånət* < **gъnati*) podle praes. (3. sg. *zinə* < **ženetь*); **5.** substantivum verb. *-enə* (m. hláskosl. *-inə* < **-enьje*) vlivem part. praet. pass. na **-enъ;* **6.** 2. 3. sg. 4. tř. *zaris*, *büji sə* (m. *-a̯is* < **-išь*) podle sloves 1.—3. tř., kde *i* < *e;* **7.** inf. *pict*, *rict*, srv. čes. *píct*, *říct*. — **S. Wędkiewicz**: Opis niektórych fonetycznych właściwości polszczyzny w gramatyce Celta z XVI. wieku (194—201, res. 211—212). Několik zajímavých drobností o polské výslovnosti z knížky »De italica pronunciatione« J. D. Rhysa (Rhoesus, † 1609). Nářečí, jež znal Rhys, ukazuje na nyn. Vých. Prusy. — **S. Wędkiewicz**: Z zapożyczeń słowiańskich w językach germańskich. Szwedskie *prestaf* (201—203, res. 212). Přejato z ruštiny v 16. stol. *M. N.*

Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino. III. letn., 1. in 2. sn. Ljubljana, 1921.

R. Nahtigal: Instrumental sing. fem. *-oj̯ǫ : -oǫ : ǫ* (1—23, 71—72). Podle střídnice za koncovku instr. sg. *ā*-kmenů **-ojǫ* lze roztříditi slov. jazyky na 3 pásma: východní s nestaženým *-ojǫ* (rus. *-oju*), střední s *-oǫ* a západní se staženým *ǫ* (čes. *-ou*, pol. *-ą*, slovin. *-o*). K střednímu pásmu patří některá nářečí slovinská (za Murou, *-ov*), srbština (stsrb. *-ovь*; dodnes v nář. nad Murou a Drávou), východobulh. nář. (stř.bulh. *-oǫ*), některá nář. maloruská (*o-u*, *ou̯*) a slovenská (*ou̯*, *ov*). Všechna tato nářečí spolu patrně kdysi souvisela. — **P. Skok**: Oglej i Celje (24—32). Výklad těchto místních jmen (lat. *Aquileia*, *Cele(i)a*). — **F. Ramovš**: Slov. *Celje*. Poznámky k článku předcházejícímu. — **J. Kelemina**: Slovarski doneski. Etymologické poznámky k 35 slovin. slovům. — **A. Bajec**: O prvotnem slovenskem naglasu ⌒ v rezijanskem narečju (40—42). Schvaluje a novými doklady opírá mínění Ramovšovo, že v rezjanském nářečí také bylo provedeno pošinutí ⌒ > — ⌒. — **F. Ramovš**: Csl. *destъ*: slov. *déstən* (43—45). Slovin. *déstən* kontamicí **desnъ* × **destъ* (csl. *destъ*). — **F. Ramovš**: Slov. *rês* 'verum' (46—48). Adv. **rěsnь* dalo v slovin. jednoslab. *rěsn*, v němž se *n* buď stalo slabičným (> *rêsən*), nebo bylo neznělé a zaniklo. Slovin. *rês* dokazuje též, že psl. bylo **rěsnъ*, a nikoli **rěsьnъ*. — **Týž**: Stcsl. *nejęvěrъ:* slov. *nejovérən* (49). *Nejovérən*, *nejovóljən* m. *nejevérən*, *nejevóljən* má *o* analogicky podle *radovóljən*, *malovérən* a pod. — **Týž**: *jêž*, *jêzero* (50—51). Výklad růz. dialektických tvarů obou slov. — **Týž**: Psl. **něsmь:* slov. *nésəm*, *nísəm* (52—54). O tvarech *nésəm* a *nîmam* v starším jazyce a v nářečích, zvl. o rožanském *nísm̥*, *nómam*. — **Týž**: Slov. *tédən* 'hebdomas'

(55—57). *Tédən* (m. **tydən*, **tidən* < **tъjьdьnь*) má *ê* podle ost. pádů, na př. gen. **tęgadne*, **tędne* (*tędna*). — **Týž: vîrij, vêrij** 'piscina' (58—59). Ze starohornoněm. *wī(w)āri* 'Weiher'. — **Týž:** Slov. *Kobarìd* — furl. *Cavorèd* — ital. *Caporetto* — něm. *Karfreit* (60—62). Výklad místního názvu (pratvar lat. **caporētu* = **caprētu*). — **R. Nahtigal:** Prisuha-prešuštvo (63—70). Dodatky k autorovu článku Freisingensia I. v Časopisu za zgodov. in narodop. 12). *M. N.*

Јужнословенски филолог. Књига II., св. 1—2. Београд. 1921.

Љуб. Стојановић: Један општи поглед на Вуков рад (str. 5 až 17). Závěrečná kapitola spisu „Живот и рад Вука Караџића“. — **A. Белић:** Најмлађа (трећа) промена задњенепчаних сугласника *k, g* и *x* у прасловенском језику (str. 18—39). O změně *k, g, ch* v *c, dz, s*, způsobené předcházející měkkou samohláskou, vykládá Belić, že nastávala po samohláskách *ь, i, ę* (nikoliv po *e* a *ě*) před samohláskami, vyjímaje *ъ, y*. Příčinu toho, že před *ъ, y* změna ta nenastávala, vidí v tom, že veláry měly v tomto případě výslovnost labialisovanou už z doby. kdy za nimi následovalo pův. *ŭ, ū*. Hlásky, jež při této palatalisaci vznikly, lišily se od hlásek, jež vznikly t. zv. druhou palatalisací velár před *i, ě* původu difthongického: ony byly měkké (způsobují přehlásku následujících samohlásek tak jako staré souhlásky měkké), tyto byly poloměkké (nezpůsobují přehlásek následujících samohlásek). Psl. *ś* vzniklé z *ch* touto »třetí« palatilasací se jeví v západoslov. jazycích jako *š*, kdežto *s* vzniklé palatalisací druhou zůstává nezměněno (pol. nom. pl. *Włosi, mnisi, piesi, glusi*, slc. nom. pl. *mnisi, lenosi, Česi, ženisi*, lok. plur. *mnisiech*, lok. sing. *musě, trosě* atd.). Kde je v záp. slov. *š* místo žádaného *s* před *e* z býv. *ě* (pol. lok. pl. *Włoszech, mniszech*), je to tím, že se živě cítila náležitost souhlásky *š* z býv. *ch* před následujícím *e* (*duch : duše, Wojciech : Wojciesze* atd.). Pro povahu praslovanských samohlásek z tohoto zjevu vyplývá, že *ь, i, ę* byly samohlásky vysoké, podnebné; labialisace samohlásek *o, ǫ, u*, byla-li vůbec, nebyla silná (samohlásky ty nebránily palatalisaci), kdežto staré *ŭ* i po přechodu v *ъ, y* zanechalo po sobě stopu v labialisaci předchozího konsonantu. — **Fr. Ramovš:** Razvoj skupin *r* + *ə* in *ə* + *r* v slovenskem jeziku (str. 40—49). Psl. *rъ, rь* v posici slabé přešlo v neslabičné *r*, jež se pak časem v některých případech stává slabičným *r̥* a to zase místy vyvíjí při sobě samohlásku. Sleduje se vývoj takovýchto slabik na počátku slova, na jeho konci a uprostřed slova. — **X. Барић:** По илирским траговима (str. 50—60). 1. *Cres*. Vykládá se souvislost tohoto jména srb.-chrvatského se starověkým *Κρέψα*; znění slovanské ukazuje na býv. **Kerps-* shodně s ital. *Cherso*. Toto **Kerps-* a *Κρέψα* jsou dvě různé reprodukce cizího, illyrského znělého *r̥*. Slovo je původu illyrského (alb. *krep, škrep* ‚břeh‘ atd.). 2. Srb. *гòрŷн* (quercus pedunculata). Je z rumunštiny (rum. *gorún* ‚dub‘); do rumunštiny přešel výraz ten z albánštiny (alb. **gorōn-* ve výraze *gōr-ište*, ‚plané hrušky‘); alb. *garran-* souvisí s ligurským **garr-*, **carr-*, jež je základem celé řady slov. v jaz. románských. — **П. Лавровъ:** Замѣтка объ Апокрифахъ въ рукописи Публичной библиотеки греч. 70. (str. 61—64). — **М. Долопко:** Требникъ београдске Народне библиотеке (str. 65—79). Pokračování studie z I. svazku tohoto časopisu. V této části pojednáno o souhláskách, o tvarosloví a o lexikálních zvláštnostech studovaného rukopisu. — **Ст. Кульбакин:** Акценатска питања (str. 80—110). Kritický a velmi instruktivní rozbor novějších prací o slovanském akcentě (1. části). — **М. Решетар:** Дуги сугласници у српскохрв. језику (str. 111—114). Vycházeje od několika poznámek, jež o dlouhých konsonantech v srbštině učinil Košutić ve své ruské mluvnici (Граматика руског језика I[2], 1919, str. 119—121), uvádí Rešetar některé případy, kde se v mluvě vzdělanců vyskytují v srbsko-chrv. jazyce dlouhé konsonanty: je to dlouhé *j* (*i̯*) v superlativech adjektiv počínajících se souhláskou *j* (*најјачи, нај̄едноставнији*), dlouhé *t* ve slově *подтајник*, dlouhé *r* v *суперревизија*; dále jsou dlouhé konsonanty vyslovovány tam, kde se slovo počíná touž souhláskou, kterou se končí předcházející předložka (*од деде, из села, под дрветом* atd.).

V rubrice drobných příspěvků: **В. Јагић: нај—нека—немој** (str. 115—116): *naj* je z *nehaj; neka* by mohlo býti z *ne+ka* (partikule, jež se hojně objevuje u adverbií a imperativů); *nemoj* je nejasné. — † **Ст. Новаковић**: Варзило (color ligni brasiliani) není v srbštině mnoho starší XVI. stol. a je tu z řečtiny. — **Týž**: Цремуж (str. 117—118) je původnější než *сри̣емуж*. — **A. Meillet**: De quelques noms nouveaux (str. 118—120); o výrazích znamenajících hlad, žízeň, lačněti v jaz. indoevropských. Slov. *alъkati, lakati*, lit. *álkti* souvisí asi s arm. *khalicnam* ,mám hlad', kde *khal-* je z prajaz. **kl̥-*. — **В. Ћоровић**: Завалски рукопис Хиландарског Типика (str. 120—121). — **Týž**: Биографија Св. Саве од Кирила Живковића (str. 122—123). — **Týž**: Повальски натпис са Брача (str. 123 až 126). Popis, obraz a otisk tohoto nápisu, rysy jazyka a písma. — **Тих. Остојић**: Стихослов од год. 1717 (str. 126—129). Zpráva o rukopise, otisk některých kusů psaných národním jazykem srbským. — **Веселин Чајкановић**: Једна исправка текста у Вуковим пословицима (str. 130 až 131). *Хајдар (ајдар)* není »nomen turcicum viri«, jak vykládá Vuk ve slovníku, nýbrž je to appellativum znamenající tolik co магарац; do srb.-chrv. přešlo z řečtiny (ř. *γαΐδαρος, ἄϊδαρος* atd.), původu je semitského. — **St. Ivšić**: S.-h. *vukodlak* dijal. ,lepir' (str. 132—135). Vysvětluje se, jakým způsobem slovo *vukòdlak* nabylo dialekticky významu »lepir«.

V oddílu kritiky posuzuje Ал. Стојићевић 2. vydání děl Gundulićových v IX. knize sbírky Stari pisci hrvatsci (1919), М. Ивковић rozpravu Miletičovu „Важна фонетична особеность на единъ западно-македонски говоръ" (1918), Ст. Кулбакин Conevovu knihu „История на Българский езикъ" (1919) a R. Nahtigal Mayerovu studii »Slavische und indogerm. Intonation« (1920).

V kronice je **Belićův** článek „Руска лингвистичка школа" (str. 169—179), výstižné ocenění významu F. F. Fortunatova a A. A. Šachmatova pro ruskou a slovanskou jazykovědu.

Str. 180—186 drobné zprávy. Z nich upozorňujeme na zprávu o linguistickém družstvu bělehradském (Лингвистичко друштво у Веограду).

Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Књига I., св. 1. Београд 1921. Садржај. **Љуб. Стојановић**: Млади Вук. — **П. Поповић**: Стеријина „Зла жена". — **Др. Влад. Ћоровић**: Доментијан и Данило. — **Др. П. Колендић**: Место и година рођења дон Петра Накића. — **Др. Т. Ђорђевић**: Књижевне прилике у Србији за време прве владе кнеза Милоша Обреновића. — **М. Ивковић**: Један чакавски изговор. — **В. Чајкановић**: De argumento et fontibus proverbii serbici 4 Vuk. — **Дим. Руварац**: Нацрт живота и списак књижевних радова митрополита Стевана Стратимировића. — **Др. М. Костић**: Непозната дела Захарије Орфелина. — **Др. М. Васић**: Црква Св. Богородице на Левиши у Призрену и призренски епископ Дамјан. — **Др. А. Ивић**: Из загребачких архива. — **Књиге и расправе**: Библиографија и палеографија. — Историја религија. — Словенски језици. — Упоредна књижевност. — Српски језик. — Југо словенска књижевност. — Историја. — Фолклор и Етнографија.

Sur *ju-* initial en slave.

M. Berneker, Slavisches Etym. Wört., I, p. 457, enseigne avec raison que le doublet sl. *u* de *ju* est dû à un fait de phonétique syntactique. Mais il ne s'explique pas sur la nature de ce fait, et n'indique rien sur son degré de généralité.

Dans la langue des plus anciennes traductions, il ne semble pas y avoir d'autre exemple. Mais les diverses langues slaves en offrent quelques autres que, malgré la différence de la date où ils sont attestés, il convient de ne pas séparer: de *jugъ* (les dérivés russe *ýжинъ*, dial. *ýжина*, bulg. *ýжин*, s. *ȕžina* qui désigne le dîner, en face de slov. *júžina*, polabe *jäuzéiňa;* r. *yxá*, en face de *juxa* de tout le reste du slave; v. russe *unъ* (v. le dictionnaire de Sreznevskij, sous *unyi*), en face de la forme ordinaire *junъ*) les exemples remontent jusqu'au XI[e] siècle). Le fait s'étend donc à l'ensemble des cas où le slave commun offrait l'initiale *ju-*.

Sauf pour *jugъ*, dont l'étymologie est obscure, le *j-* initial formait partie intégrante du mot. La chute est un fait slave.

L'élimination de *j-* s'explique aisément. Ainsi qu'on l'a fait remarquer ailleurs (Сборникъ по славяновѣдѣнію II, Saint-Pétersbourg, 1907), la prothèse de **j-* et de **w-* s'est développée en slave commun à l'intérieur de la phrase. Un *e* initial de phrase ou un *a* initial de phrase restait *e*, *a* sans prothèse: la conjonction *a* est demeurée *a* dans l'ensemble du slave; la particule *e-* est demeurée *e* dans v. sl. *e-se* du Suprasliensis, etc. La généralisation de la prothèse devant voyelle initiale de mot à l'intérieur de la phrase s'explique par le fait que, le slave ayant amuï toutes les consonnes finales, tous les mots se terminaient par une voyelle, et cette voyelle était le plus souvent *ь* ou *ъ*. La prothèse **j-* ou **w-* était dès lors un élément de liaison tout naturel dans une langue où l'attaque des voyelles était progressive, à en juger par les langues slaves modernes (v. O. Broch, Slavische Phonetik § 160, p. 187).

Ceci posé, il a dû y avoir un temps où aux formes à *j-* initial devant *ь*, *i*, *e*, *ě*, *ę*, *a*, de l'intérieur de la phrase, s'oppo-

14

saient des formes sans *j-* à l'initiale de la phrase ou d'un groupe non lié à des mots précédents. On conçoit que des hommes qui opposaient *avě* du commencement de groupe à *javě* de l'intérieur aient, par analogie, opposé *u-* du début de la phrase à *ju-* de l'intérieur. On trouve encore en vieux slave trace de la coexistence des types *avě* et *javě* en ce qui concerne *a-* initial. Mais le pronom *azъ*, qui figure souvent au début de la phrase, s'est fixé en vieux slave sous la forme *azъ*, et non *jazъ*, tandis que la forme plus faiblement articulée *ja*, qui a prévalu dans la plupart des langues slaves, s'est fixée sous la forme *ja*, avec amuïssement du *z* final.

Dans l'élimination de *j-* initial de *ju-*, il n'y aurait donc pas proprement eu procès d'ordre phonétique, mais imitation d'un procès phonétique. Mais, dès les plus anciens textes, toute trace de la répartition ancienne de *u* et de *ju* est effacée. L'Evangile a régulièrement *ne u* (*ne ju* se lit dans Marianus, Mt. XV, 17 et Mc. VIII, 17; mais le Zographensis a *ne u* dans ces deux passages). Pour *juže* et *uže*, il y a flottement; par exemple, J. XXI, 14 *juže*, Zogr. Mar., *uže* Ass. Sav.; J. XIX, 28 *juže* Zogr. Mar. Ass.; J. XV, 3 *juže* Zogr. Ass., *uže* Mar. Sav.

Mais, à défaut de témoignage direct de l'alternance, il y en a un témoignage indirect dans le mot *utro*. Le rapprochement de *utro* avec lit. *aušrà*, gr. *αὔριον*, skr. *usrā́*, qu'indique le sens, est confirmé par les traces qu'on a de *ustro*: *za ustra* dans le Psalterium sinaiticum, *zastra* en macédonien, *justrzenka* en vieux polonais. En un temps où *ju* alternait avec *u*, il a pu aisément se produire un rapprochement de *ustro* et de *u*. De *u*, *ju* on pouvait, avec le suffixe *-tro-*, qui a cessé d'être productif en slave, avoir *utro*, *jutro*. Il est résulté de là quatre formes: **ustro*, **justro*, **utro*, **jutro*. Et il y a eu des combinaisons diverses de ces quatre types. S'il n'y avait pas eu un temps où *ju* alternait avec *u*, on ne saurait s'expliquer comment *ustro* aurait passé à *jutro*. Le suffixe marquant un rapport entre deux notions, *-*tero-*, *-*tro-* est trop rare, trop en voie de disparition en slave pour que *jutro* ait pu être fait sur *ju*. Au surplus, on ne signale nulle part une formation comparable. Mais l'effort que fait souvent la langue pour faire entrer dans un groupe défini un mot isolé suffit pour expliquer comment *ju* a doublement agi sur *utro*, d'une part, en amenant la prothèse de *j-*, d'autre part, en faisant substituer un type *jutro*, intelligible, à un type *ustro*, qui ne s'analysait pas en slave.

L'histoire de *ju-* initial montre, une fois de plus, à quel point le slave, tout en conservant un type général archaïque, a innové dans le détail. Il représente une évolution de l'indo-européen commun de caractère plus populaire que l'indo-iranien ou le grec par exemple. Ce caractère populaire est masqué en quelque mesure par le fait que les plus anciens textes slaves sont religieux et traduits ou imités du grec. Mais, à regarder de près, on l'observe nettement dans les diverses langues du groupe, et, même à travers les vieux textes, tout pédants qu'ils soient, il transparaît.

Paris.

A. Meillet.

О переносѣ ударенія въ сербо-хорватскомъ языкѣ и въ восточнолитовскихъ говорахъ.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ сербо-хорватскаго языка мы находимъ такія системы ударенія, которыя занимаютъ среднее мѣсто между тѣми системами, которыя мы привыкли называть системой штокавской и системой чакавской; см. у Решетара, Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten столб. 6 и слл., AslPh. XXX, стр. 621. Между древней системой ударенія (чакавской; у Решетара подъ буквой *a*) и системой *b (lopăta, jezȉk, neprâvda, vodê*, но *svíla, sèstra* или *sȅstra)* Решетаръ никакихъ переходныхъ ступеней не признаетъ; всетаки есть данныя, указывающія на то, что въ такихъ формахъ какъ *svīlȁ* условія для переноса ударенія были болѣе благопріятны чѣмъ тамъ, гдѣ предпослѣдній слогъ былъ кратокъ. На островахъ Висѣ и Хварѣ, гдѣ чакавская система вообще сохранилась, Лескинъ отмѣтилъ такія формы какъ *súdȁ* съ удареніемъ одинаково сильнымъ на первомъ и второмъ слогахъ (Berichte der sächsischen Gesellsch. d. Wissenschaften, 1888, стр. 203 и сл.), но такое произношеніе встрѣчается только въ тѣхъ формахъ, гдѣ предпослѣдній слогъ имѣетъ долгій гласный. Точно такъ же въ центральной группѣ посавскихъ говоровъ формы *nogȁ, otȁc* остались такъ какъ были, но въ такихъ формахъ какъ *rūkȁ* удареніе перенеслось на предыдущій слогъ (см. у Ившича, Rad CXCVI, стр. 148 и сл.), и въ одной группѣ черногорскихъ говоровъ (Piperi, Bratonožići, Kući, Podgorica) Решетаръ отмѣтилъ *svílȁ, svíla* (рядомъ съ *svīlȁ*) какъ единственное уклоненіе отъ древней системы.[1]) Эти факты, конечно, не доказываютъ, чтобы во всѣхъ говорахъ, гдѣ переносъ ударенія имѣлъ мѣсто, формы *svílȁ, svíla* возникли раньше чѣмъ *sèstrȁ, sèstra (sȅstra)*, но нельзя отрицать, что въ разныхъ говорахъ сербо-хорватскаго

---

[1]) Объ удареніи такихъ формъ какъ *sestra* Р. ничего не пишетъ. Еслибъ удареніе *sèstra* или *sȅstra* существовало, онъ по моему мнѣнію цитировалъ бы эти формы рядомъ съ *svíla*.

языка трохаическая форма конца слова способствовала переносу ударенія.

О причинахъ такъ называемаго штокавскаго переноса ударенія я писалъ въ первомъ томѣ Revue des études slaves, стр. 36 и сл. Вмѣстѣ съ А. А. Шахматовымъ (см. Извѣстія VI, кн. 1, стр. 339 и слл) я думаю, что удареніе перенеслось вслѣдствіе перехода древнихъ восходящихъ интонацій ˋ ˊ въ нисходящія интонаціи ̏ ̑. Въ штокавскихъ говорахъ сербо-хорватскаго языка повторилось то, что нѣкогда случилось въ праславянскомъ языкѣ: нисходящее удареніе могло стоять только на начальномъ слогѣ слова, и тамъ гдѣ оно по какой-нибудь причинѣ находилось на другомъ слогѣ, оно переносилось на предыдущій слогъ; такъ объясняются праслав. *nȁ vodǫ* (р. *нá воду*, с.-х. *nȁ vodu*, слов. *na vǫ̂do*), *nȁ golvǫ* (р. *нá голову*, с.-х. *nȁ glāvu*, слов. *na glâvo*), и такимъ же образомъ нужно объяснить шток. *vòda, vòdē, rúka, rúkē, lòpata*. Единственная разница состоитъ въ томъ, что въ праславянскую эпоху переносился древній циркумфлексъ, а въ штокавскихъ нарѣчіяхъ новый циркумфлексъ, развившійся въ сербо-хорватскомъ языкѣ. Этотъ новый циркумфлексъ (нисходящая интонація) развился въ долгихъ слогахъ позднѣе чѣмъ въ краткихъ: ср. чак. и посавск. *nogé, napíšeš,*[1]) но *nogȁ, lopȁta*; этимъ объясняется то, что въ такихъ формахъ какъ *rūkȁ, nogȁ* удареніе перенеслось на предыдущій слогъ раньше чѣмъ въ *nogé*, и т. д., и раньше въ *nosȉli* > *nòsili* чѣмъ въ *sačȗvām* > *sačȗvām* > *sàčūvām*; см. у Ившича, Rad CXCVI, стр. 146 и слл. Такимъ образомъ хронологія переноса ударенія обусловливается хронологіей качественнаго измѣненія праславянскихъ восходящихъ интонацій. Это по моему совсѣмъ ясно. Труднѣе было бы рѣшеніе другого вопроса: почему переносъ ударенія имѣлъ мѣсто прежде всего въ концѣ слова. Теперь только констатирую, что въ самомъ дѣлѣ такъ было и что трохаическая форма конца слова особенно способствовала этому переносу.

Тѣ говоры сербо-хорватскіе, гдѣ древняя система ударенія сохранилась, за исключеніемъ только такихъ формъ какъ *rúkȁ, rúka,* напоминаютъ намъ о такомъ же явленіи восточнолитовскихъ говоровъ. Въ извѣстной своей статьѣ объ удареніи въ

---

[1]) Ившичъ обозначаетъ восходящую долготу посавскихъ говоровъ знакомъ ˜. Такъ какъ эта интонація очень похожа на чак. ˊ, я обозначаю ее тѣмъ же знакомъ.

„Universitas linguarum Litvaniae“ Rozwadowski разбираетъ м. пр. тѣ данныя, которыя можно черпать изъ этой древне-литовской грамматики для опредѣленія хронологіи закона De Saussure'a (IF. VII, стр. 267 и слл.). Rozwadowski отмѣчаетъ тотъ фактъ, что въ формахъ типа — ◡ (напр. *greita, kalba*) удареніе стоитъ на первомъ слогѣ, не только въ Univ. l. Litv., но тоже въ нѣкоторыхъ современныхъ литовскихъ говорахъ, напр. въ говорѣ Ворнянскомъ; за то въ тѣхъ же самыхъ говорахъ, включая діалектъ Univ., такія слова какъ *pati, sawę*, съ краткостью предпослѣдняго слога, являются окситонами. Такихъ говоровъ гораздо больше чѣмъ Rozwadowski зналъ: во всѣхъ говорахъ Шавельскаго, Ковенскаго и Поневѣжскаго уѣздовъ, описанныхъ Поржезинскимъ въ первомъ томѣ Извѣстій, этотъ ученый отмѣтилъ слѣдующее „общее правило“: „удареніе переносится съ конечнаго краткаго слога на предшествующій долгій, при чемъ само получаетъ восходящій характеръ; напр. *sũnus, miãrga, vaẽrczu* и. т. п.“ (Изв. I, стр. 493), и даже при поверхностномъ взглядѣ на богатый матеріалъ, собранный Барановскимъ и изданный Шпехтомъ,[1]) поражаетъ насъ широкое распространеніе этого ударенія въ восточнолитовскихъ говорахъ. Rozwadowski въ вышеупомянутой статьѣ высказалъ такое мнѣніе, будто въ словахъ типа — ◡ законъ De Saussure'a дѣйствовалъ только въ части литовскихъ говоровъ; онъ думалъ, что формы *greĩta, kal̃ba* и т. п. сохранили древнее удареніе, которое въ литературномъ языкѣ и во многихъ говорахъ перенеслось на окончанія. Я нѣкоторое время держался того же мнѣнія (см. IF. XL, стр. 34 и сл.), но потомъ встрѣченная мною въ Univ.[2]) форма именительнаго падежа единств. числа *sûnus* разубѣдила меня.[3]) Вѣдь общелитовская форма *sūnùs* имѣла издревле удареніе на концѣ слова, а не вслѣдствіе закона De Saussure'a; изъ этого слѣдуетъ, что форма *sûnus* (Univ.; по общелит. орѳографіи *sũnus*) получила свое теперешнее удареніе переносомъ его съ конца слова, на что указываетъ и качество интонаціи: им. п. ед. ч. *sũnus* имѣетъ восходящую интонацію, а им. п. мн. ч. *sunus* (Univ.; = *sū́nūs*),

---

[1]) Litauische Mundarten, gesammelt von A. Baranowski. Band I.: Texte. Aus dem Weberschen Nachlass herausgegeben von Dr. Fr. Specht. Leipzig, 1920.

[2]) На стр. 14 изданія Розвадовскаго.

[3]) Rozwadowski, кажется, самъ уже не вѣритъ въ свою гипотезу. Во второмъ томѣ польской энциклопедіи (Enc. polska II, 1915, стр. 310) онъ называетъ законъ De Saussure'a славяно-балтійскимъ безъ всякихъ оговорокъ.

который во всѣхъ говорахъ имѣетъ удареніе на первомъ слогѣ, произносится съ интонаціею нисходящей. Такъ же какъ *sûnus* нужно объяснить и *kàłba* (Univ.; = *kał̃ba*) и т. п.; такое объясненіе гораздо проще чѣмъ гипотеза Розвадовскаго. Еще въ 1896-омъ году Поржезинскій формулировалъ законъ переноса ударенія совсѣмъ правильно (см. выше), и недавно Шпехтъ выступилъ противъ мнѣнія Розвадовскаго, при чемъ онъ приводилъ формы *gŷwi*, *pagoũta*, „wo der Schleifton nur auf sekundärer Akzentzurückziehung beruhen kann“ (F. Specht, Litauische dialektische Texte aus Russisch-Litauen, nach den Sammlungen A. Baranowskis, aus dem Hugo Weberschen Nachlasse. Grammatische Einleitung. Leipzig, 1920, стр. 27).

Этотъ восточнолитовскій переносъ ударенія имѣетъ много общаго съ переносомъ въ с.-х. словѣ *rúka* и т. п. Во-первыхъ, въ многихъ литовскихъ говорахъ этотъ переносъ имѣетъ мѣсто только въ формахъ оканчивающихся на — ◡, точно такъ же какъ на островахъ Хварѣ и Висѣ и въ центральныхъ посавскихъ говорахъ. Во-вторыхъ, и въ сербо-хорватскихъ и въ литовскихъ говорахъ удареніе перешедшее на предпослѣдній слогъ имѣетъ восходящую интонацію; въ большинствѣ восточнолитовскихъ говоровъ эта восходящая интонація ничѣмъ не отличается отъ циркумфлекса; только въ тѣхъ жемайтскихъ діалектахъ, гдѣ циркумфлексъ произносится какъ восходяще-нисходящая интонація, новая восходящая интонація не совпадаетъ съ нимъ (см. Яуниса у Эндзелина, BB. XXV, стр. 268 и сл., зам. 2, и у Розвадовскаго IF. VII, стр. 268); эта восходящая интонація существовала еще до переноса ударенія: въ тѣхъ говорахъ восточнолитовскихъ, гдѣ удареніе осталось на своемъ мѣстѣ, каждая долгота передъ удареніемъ произносится съ восходящей интонаціею; см. Барановскаго у Лескина, IF. Anzeiger XIII, стр. 82, Gauthiot, Le parler de Buividze, стр. 29. Въ-третьихъ, нужно предполагать, что въ литовскомъ языкѣ въ эпоху нереноса ударенія краткій конечный слогъ имѣлъ нисходяшую интонацію, т. е. интонацію, похожую на с.-х. ``: въ большинствѣ литовскихъ окончаній краткость развилась изъ акута, т. е. изъ нисходящей долготы, и въ современныхъ русско-литовскихъ говорахъ Ekblom констатируетъ еще у краткихъ гласныхъ „durchgehends cinen Verlauf der Tonbewegung, der mit dem der gestossenen Intonation zusammenfällt“ (Le Monde Oriental XI, стр. 237). Ekblom, правда, не изслѣдовалъ акута въ концѣ слова, его примѣры — формы *pùpos*,

bìtė, dìdis, но если здѣсь встрѣчается восходящая интонація, тогда тѣмъ паче въ конечныхъ слогахъ: вѣдь внутри слова краткость нѣкогда подвергалась дѣйствію закона De Saussure'а точно такъ же какъ восходящая долгота; здѣсь, значитъ, нисходящая ея интонація развилась довольно поздно; а въ концѣ слова краткость въ самую древнюю эпоху своего существованія имѣла нисходящую интонацію по крайней мѣрѣ въ тѣхъ окончаніяхъ, гдѣ она развилась изъ акута.

Итакъ, лит. *sūnus, kal̃ba* возникли при такихъ же условіяхъ какъ с.-х. *rúka.* И здѣсь и тамъ удареніе находилось раньше на второмъ слогѣ; это удареніе имѣло нисходящую интонацію, а предшествовала ему восходящая долгота: —͡◡. Новое удареніе возникало тѣмъ, что верхъ (въ смыслѣ музыкальномъ и, пожалуй, тоже въ смыслѣ экспираторномъ) подвигался немножко назадъ: ⌒◡.

Интересно было бы изслѣдовать, идетъ ли параллелизмъ между литовскимъ и сербо-хорватскимъ языками еще далѣе, т. е., развивалась ли система ударенія тѣхъ литовскихъ говоровъ, которые вообще избѣгаютъ ударенія на конечкомъ слогѣ, такимъ же образомъ какъ система сербская. У меня слишкомъ мало матеріала чтобы изслѣдовать этотъ вопросъ надлежащимъ образомъ. Работы Яуниса не находятся ни въ одной голландской библіотекѣ; знаю ихъ только по стольку, по скольку другіе изслѣдователи черпали изъ нихъ для своихъ работъ (Leskien, Rozwadowski, Эндзелинъ). Шпехтъ Grammat. Einleitung стр. 223 и слл. составилъ довольно богатый матеріалъ, взятый изъ тѣхъ мѣстныхъ говоровъ группы R 3 (по классификаціи Барановскаго), гдѣ переносъ ударенія не исчерпывается формами типа — ◡. Но тѣ правила, которыя Шпехтъ формулируетъ на стр. 224,[1]) доказываютъ, что система восточнолитовскихъ удареній и интонацій и количествъ мало похожа на сербо-хорватскую систему; важнѣе всего то, что переходъ восходящей интонаціи въ интонацію нисходящую, который вызвалъ переносъ ударенія въ штокавскихъ говорахъ, явленіе только сербо-хорватское, а не ли-

[1]) 1. Sekundär zurückgezogener Akzent auf den etymologischen Kürzen *ă, ĕ, ĭ, ŭ* ist einmorig, 2. auf den etymologischen Längen *ē, ō, ī (y), ū* bei folgender langer Silbe, und wenn der ursprüngliche Akzent nicht auf der unmittelbar folgenden Silbe stand, zweimorig, bei folgender kurzer Silbe dreimorig. 3 Wird von dem sekundär zurückgezogenen Akzent ein Diphthong getroffen, so bleibt bei folgender betont gewesener kurzer Silbe die diphthongische Verbindung dreimorig; sie wird hingegen zweimorig bei folgender langer Silbe oder wenn der Ton um mehr als eine Silbe nach dem Anfang des Wortes gerückt ist.

товское. При такихъ условіяхъ о параллелизмѣ въ развитіи и думать нельзя. Всетаки, по моему, не исключена возможность, что при подробномъ изслѣдованіи болѣе богатаго матеріала изъ разныхъ говоровъ литовскихъ мы нашли бы по крайней мѣрѣ нѣсколько общихъ чертъ между системой восточнолитовской и системой сербо-хорватской.

Лейденъ.

Н. Ванъ Вейкъ.

Zur Intonation der lettischen Lehnwörter aus dem Russischen.

Im 8. Bande des Rocznik Slaw., den ich infolge von widrigen Umständen erst unlängst zu Gesichte bekam, bespricht S. 261 ff. T. Lehr-Spławiński die von mir IF. XXXIII 115 ff. konstatierte Tatsache, dass die lettischen Lehnwörter aus dem Russischen teils eine gedehnte, teils eine fallende Intonation aufweisen, wobei, wie in ererbten Wörtern, die gedehnte Intonation den slavischen Akut, die fallende — den slavischen Zirkumflex vertritt. Lehr-Spławiński meint nun, dass der lettische Dehnton in denjenigen Wurzelsilben auftrete, die auch im Russischen den Wortakzent haben, während die lettische fallende Intonation denjenigen Wurzelsilben zukomme, die im Russischen vortonig sind, wovon nur le. *vèsts* »Nachricht« eine Ausnahme bilde. Ähnlich finde man in den litauischen Lehnwörtern aus dem Slavischen den Schleifton (der seiner Aussprache nach eher dem lettischen Dehnton als dem lettischen fallenden Ton entspricht); da im Litauischen der Wortakzent nicht auf die Wurzelsilbe verschoben sei, so »nie było . . . pola do uwydatnienia różnicy intonacyjnej między słowiańskiemi zgłoskami akcentowanemi a przedakcentowemi, co jest widoczne w języku łotewskim«. Nun gibt es jedoch im Litauischen auch gestossen betonte Lehnwörter aus dem Slavischen: *bíesas* »Teufel«, *kùrtas* »Windhund«, *lénkas* »Pole«, *Póvilas* »Paulus«, *svíetas* »Welt«, *šálmas* »Helm«. Eine Regel kann ich allerdings nicht finden; vgl. z. B. einerseits li. *kùrtas:* serb. *hȑt* neben li. *čẽsas* »Zeit«: serb. *čȁs*, andrerseits li. *svíetas:* serb. *svȉjet* neben li. *rẽdas* »Ordnung«: serb. *rêd*. Man hat wohl daran zu denken, dass die litauischen Lehnwörter teils aus dem Russischen, teils aus dem Polnischen und nicht alle gleichzeitig entlehnt sind. Und dass die Litauer und Letten nicht gleichzeitig oder nicht aus der gleichen Sprache gewisse Wörter entlehnt haben, zeigt ja auch die ungleiche Vertretung von slav. *ě;* vgl. z. B. le. *grę̀ks* »Sünde« mit li. *griẽkas* aus slav. *grěxъ*.

Was nun aber das Lettische betrifft, so ist le. *vèsts* nicht die einzige Ausnahme für Lehr-Spławiński. Hinzuzufügen hat man le. *l̓ùoti* »sehr« (vgl. aksl. *l̓utě* »valde« und hinsichtlich der Betonung r. *люmo* und serb. *ljûto*) und vielleicht auch le. *blèdis* »Betrüger«, das nach Brückner AfslPh. XX 516 aus r. *блядь* entlehnt ist (das im Altrussischen nach Срезневский 123 noch die Bedeutung »Be-

trüger« aufweist). Dieses russische Wort ist ja identisch mit r. *блядь* »Hure«, dessen gen. s. wurzelbetont ist; zur Intonation vgl. serb. *blûd* »Irren«. Andrerseits kenne ich kein sicheres Beispiel für lettischen Dehnton in einer Form, die aus einem russischen wurzelbetonten Wort mit zirkumflektierter Wurzelsilbe entlehnt wäre. Und wenn man mit Lehr-Spławiński die lettische fallende Intonation aus der Stellung vor dem Wortakzent herleiten wollte, so wäre es sehr sonderbar und kaum zu erklären, dass in einer solchen Stellung nicht, was man sonst beobachtet, eine steigende, sondern gerade eine fallende Intonation entstanden ist. Ich könnte mir also die Ansicht Lehr-Spławińskis nur in dem Fall zu eigen machen, wenn es aus andern Gründen unwahrscheinlich wäre, dass die Russen zur Zeit der lettischen Entlehnungen noch die zwei ererbten Intonationen unterschieden. Nun meint Lehr-Spławiński l. c. 251 freilich, das Urrussische hätte zwar noch die alten Intonationen ererbt, aber schon vor der Auflösung in die jetzigen Dialekte verloren: darauf wiesen die vollständige Einbusse der alten Quantitätsunterschiede und die schon seit dem 14. Jahrhundert datierte qualitative Veränderung unbetonter Vokale, die durch eine stark exspiratorische Betonung bedingt sei. Aber in den ältesten lettischen Lehnwörtern aus dem Russischen sehen wir ja die alten Quantitätsunterschiede noch bewahrt. Und dass qualitative Veränderung unbetonter Vokale keineswegs den Verlust der alten Intonationen voraussetzt, zeigen uns lettische Mundarten, wo bei Bewahrung der Intonationsunterschiede (in den Wurzelsilben) dennoch die unbetonten Vokale gekürzt und qualitativ verändert sind; vgl. z. B. nom. pl. *skattę* »Zuschauer« (in Dondangen) aus *skatîtãji* oder loc. pl. *loũkas* »in den Feldern« (um Lemsal) aus *laũkuôs*.

Wörter der kirchlichen Terminologie, wie z. B. *grę̀ks* »Sünde« oder *svę̀ts* »heilig« müssen ins Lettische spätestens vor dem 13. Jahrhundert eingedrungen sein, denn als um 1200 die Deutschen in Lettland festen Fuss fassten, da haben sie den russischen Einfluss für Jahrhunderte beseitigt. Und wenn man in den ältesten Lehnwörtern für slav. *ъ* und *ь* le. *u* und *i* findet, oder für jetziges r. *u* (aus *ou*) — ein *uo* (aus geschlossenem *ō*, — der Übergangsstufe zwischen *ou* und *ū* > *u*), so deuten solche Lautverhältnisse auf eine mindestens »urrussische« Periode. Warum sollten also damals die Russen die alten Intonationsunterschiede nicht mehr gekannt haben?

Riga.

J. Endzelin.

Die altbulgarische Umbildung der Partizipialformen.

In einem schwedisch geschriebenen Aufsatze[1]) habe ich nachgewiesen, dass die Partizipialformen vom Typus altbulg. *nes-ę*,[2]) altruss. und čech. *nesa*, poln. *kladą* (Psalt. Flor. *cladǫ́*) nicht aus gemeinslavischer Zeit stammen — sondern dass diese Formen im Gegenteil sämtlich sondersprachliche Neubildungen der genannten Sprachen sind. Was die russischen, čechischen und polnischen Formen betrifft, geht das mit Notwendigkeit daraus hervor, dass die Formen dieser Sprachen erst nach der Zeit der geänderten Aussprache der Nasalvokale (russ. und čech. *ę* > *a*, poln. *ę*, *ǫ* > *ą*) entstanden sein können. — Ich werde hier das relativ späte Auftreten der altbulgarischen Neubildung etwas näher begründen.

In Roczn. slaw. IX 1ff. hat Van Wijk auf einige sprachliche Unterschiede zwischen dem Anfang und dem Ende des Cod. Zogr. aufmerksam gemacht, welche nach ihm die Vermutung nahe legen, dass im zweiten Teile der Hdschr. ein altertümlicherer Dialekt vorliege als im ersten Teile (l. c. 2). Zu den Erscheinungen, die dies beweisen sollen, zählt er (l. c. 6) auch die verschiedene Frequenz der Partizipialformen auf *-ę* in den verschiedenen Teilen der Hdschr.

Wie schon Jagić (Cod. Zogr. XXIV) festgestellt hat, verteilen sich nämlich diese Formen auf *-ę* in Zogr. auf folgende Weise:

Mat. 1, Mark. 3, Luk. 5, Joh. 9.[3])

»Wobec tych stosunków«, sagt Van Wijk l. c., »nie będzie za śmiałem przypuszczenie, że najstarsze teksty zawierały ich jeszcze więcej. W cerkiewnosłowiańskim języku imiesłowy tego typu były bardzo rozpowszechnione: wykazuje to występowanie ich we wszystkich prawie tekstach (zob. Vondrák Aksl. Gr.[2] 451); mamy tutaj do czynienia z kategorją form bardzo starą, może nawet prasłowiańską.«

---

[1]) En fornpolsk nybildning (Språkvetenskapl. Sällsk. i Uppsala Förhandlingar 1918—1921). Vgl. auch Arch. f. slav. Phil. XXXVIII und Slavia occidentalis II.

[2]) Vgl. Leskien Handb.[5] 90f.

[3]) Dazu kommt *gorę* (Joh. $5_{,35}$), das wahrscheinlich = *gor-ę* des Marianus ist. Die Nasalformen bei Joh. sind also 10.

Ich würde nun aus den oben angeführten Zahlen nicht so weitgehende Schlüsse ziehen wollen, wie es Van Wijk tut, wenn er voraussetzt, »dass die ältesten Texte eine noch grössere Zahl solcher Formen enthielten.« — Dass im Gegenteil die ältesten Texte eine noch geringere Zahl solcher Nasalformen enthielten, darauf scheinen mir eher zwei Umstände zu deuten, die nicht ausser Acht gelassen werden können, und zwar: 1. die Frequenz dieser Formen in Cod. Mar. und 2. die Gesamtzahl der Partizipialformen und deren Verteilung auf den verschiedenen Evangelien in Zogr. und Mar.

I. Es bestehen bekanntlich zwischen Zogr. und Mar. gewisse sprachliche Unterschiede, die Jagić (Cod. Mar. 423—474) näher untersucht hat, und die Vondrák (Kirchenslav. Chrestomathie 5) so formuliert: »In *lautlicher* Hinsicht bewahrt es [scil. das Tetraevang. des Zogr.] meist das Ursprüngliche im Gegenteil zum Cod. Marianus, dafür ist aber dieser altertümlicher hinsichtlich der Formenlehre und des Lexikons.«[1])

Ein gutes Beispiel dieses verschiedenen Verhaltens der beiden Handschriften hinsichtlich der Formenlehre bieten die sigmatischen Aoriste der Nasalstämme der ersten Klasse (Leskien Handb.[5] 143ff.). Davon kommen zwei Typen vor:

	I: -*s*-	II: -*ch*- (vor palat. Vok. -*š*-).
1. Sing.	*jęsъ*	*jęchъ*
1. Pl.	*jęsomъ*	*jęchomъ*
3. »	*jęsę*	*jęšę*.

Die *s*-Formen sind die ursprünglichen und lautgesetzlichen. Die *ch*-(*š*-)Formen sind spätere Neubildungen nach dem Muster der vokalisch auslautenden Stämme, wie *bychъ*, *bychomъ*, *byšę* (wo *s* nach *y* lautgesetzlich zu *ch* wurde). Wie sich Mar. und Zogr. zu den obigen Formen verhalten, kann man bei Wiedemann (Beitr. z. altbulg. Conj. 88f., 91) sehen. In der 1. Pers. Sing. und Plur. hat Mar. nur *s* (4 Formen), Zogr. nur *ch* (5 Formen). Die Zahlen für die 3. Pers. Plur. sind:

---

1) Es gibt wenigstens eine Stelle, wo Mar. syntaktisch jünger als Zogr. ist. Mark. 14,72 *καὶ ἐπιβαλὼν ἔκλαιεν* (worüber Moulton Einl. i. d. Spr. d. neuen Text 213) wird in Zogr. (und so wohl auch ursprünglich) wörtlich mit *i načьnъ plakaaše sę* übersetzt, welchen unslavischen Ausdruck Mar. zu *i načętъ plakati sę* verbessert hat. Für die slavische Grammatik hat dies jedoch nur eine negative Bedeutung.

	I. Typus *jęsę*.	II. Typus *jęšę*.
Mar.	59	5
Zogr.	7	56.

Ein weiteres Beispiel bietet der Aorist auf *-ochъ*. Mar. kennt noch nicht diese Neubildung.[1]) In Zogr. sind 120 solche Formen belegt, was etwas mehr als die Hälfte sämtlicher in Betracht kommenden Formen ausmacht (vgl. Van Wijk l. c. 1).

Wenn wir aus diesen Verhältnissen mit Recht schliessen, dass die Sprache des Marianus (formengeschichtlich betrachtet) älter als diejenige des Zographensis ist, so können wir vice versa den Schluss ziehen, dass die Nasalpartizipien vom Typus *nes-ę* eine in altbulgarischer Zeit eingetretene Neubildung ist, die Anfangs sehr wenige Formen getroffen hatte, später aber eine etwas weitere Verbreitung erlangte. Denn Zogr. hat 19 solche junge Formen (d. h. etwa 24% sämtlicher 80 Fälle), während Mar. deren nur 8 (d. h. etwa 8½% sämtlicher 93 Fälle) aufweist.

In folgender Weise verteilen sich die Nasalformen auf den verschiedenen Teilen der beiden Handschriften:

	Mat.	Mark.	Luk.	Joh.
Mar.	—	—	2	6
Zogr.	1	3	5	10.

Hieraus scheint hervorzugehen, dass das gemeinsame Original (und hierauf kommt es an) eine geringere Zahl dergleichen Formen hatte, als wir jetzt in Zogr. finden.

II. Da Van Wijk aus anderen Gründen zu der Auffassung gekommen war, dass das Ende des Zogr. eine ältere Sprache wiederspiegelte als der Anfang desselben, so wollte er aus diesen Zahlen des Zogr. (diejenigen des Mar. erwähnt er nicht) schliessen, dass das Ende der Hdschr. auch in dieser Hinsicht das altertümlichere repräsentierte,[2]) weshalb er die Annahme nicht »allzu kühn« fand, dass die ältesten Texte noch mehr solche Nasalformen enthielten.

---

[1]) Eine wie mir scheint ansprechende Erklärung dieser Bildung bietet Leskien Altbulg. Gramm. 209.

[2]) »Tylko w jednej kategorji form«, sagt er l. c. 13f., »mianowicie w kategorji imiesłowów na *-ę* po twardej spółgłosce, nie znaleźliśmy innych przyczyn, oprócz właśnie rozdziału ich po Zogr., dlaczegobyśmy uważali te formy za spadek po najstarszych tłumaczach i kopistach. Otóż ponieważ wszystkie inne cechy językowe, charakteryzujące prototyp, z ktorego pochodzi Zographensis, są bardzo starożytne, przypuszczam to samo dla *grędę* itd.«

Es versteht sich jedoch von selbst, dass diese Zahlen an und für sich nicht viel besagen, ja dass sie sogar für den von VAN WIJK gezogenen Schluss gänzlich unbrauchbar sind. Wir müssen auch die absoluten Zahlen der Partizipialformen (d. h. der hier in Betracht kommenden Formen des Nom. Sing. Mask. und Neutr.) berücksichtigen. Diese Zahlen gehen aus folgender Übersicht der in Zogr. belegten Formen hervor:[1])

	Mat.	Mark.	Luk.	Joh.		
grędy(i), gręd-ęi[2])	1_1(3)	2_1(2)	7_4(8_1)	6_4 (7_1)	=	16_{10}(20_2)
sy(i), s-ęi[3]) . . .	1(1)	1_1(1)	5 (5)	12_2(12_2)	=	19_3(19_2)
ědy, ěd-ęi . . .	2(2)	1 (1)	2 (2)	5_2(4_1)	=	10_2(9_1)
gor-ę[4])			(1_1)	1_1(1_1)	=	1_1(2_2)
živy(i), živ-ęi[5]) .			1 (1)	2_1(2_1)	=	3_1(3_1)
nesy, nes-ę[6]) . .		1_1	1_1	2 (2)	=	4_2(2)
	4_1(6)	5_3(4)	16_5(17_2)	28_{10}(28_6)	=	53_{19}(55_8)

[1]) Um alle Partizipialformen vom Typus *grędy* in Zogr. zu finden, sollte man eigentlich den ganzen Codex von diesem Gesichtspunkte aus exzerpieren. Das habe ich nicht getan. Da aber die altslavische Übersetzung meist eine verbale ist, so wird eine griechische Partizipialform in der Regel mit der entsprechenden slavischen wiedergegeben — und, was hier noch wichtiger ist, in Mar. und in Zogr. stehen diese Partizipialformen an denselben Stellen, auch wenn das griechische Original ausnahmsweise eine andere Konstruktion haben sollte (wie z. B. Mar. und Zogr. Joh. $6_{,71}$ *edinъ sy otъ oboju na desęte* = *εἷς ἐκ τῶν δώδεκα*, oder umgekehrt. Mar. und Zogr. Mat. $12_{.30}$ *iže něstъ sъ mnoją* = *ὁ μὴ ὢν μετ' ἐμοῦ)*. Ich habe daher den Zogr. nach den Angaben der Belegstellen in dem Glossar zu Mar. (ed. JAGIĆ) unter Heranziehung des griechischen Originals geprüft. Dabei habe ich ein von JAGIĆ im Glossar nicht aufgenommenes Zitat (Luk. 15_{25}, wo *ἐρχόμενος* sowohl in Mar. wie in Zogr. mit *grędy* übersetzt ist) und ein Zitat *ědy* (= *τρώγων* Joh. $6_{,57}$) in Zogr. gefunden, das in der Marianischen Übersetzung ausgelassen ist. So glaube ich das wesentliche Material mitgenommen zu haben. Wenn auch bei einer genaueren Prüfung noch die eine oder andere Form sich finden liesse, so würde doch das Hauptresultat dadurch nicht im Geringsten geändert werden.

Um den Vergleich zwischen Zogr. und Mar. zu erleichtern, habe ich die entsprechenden Zahlen des Mar. in Klammern zugefügt. (Die weiter unten folgenden Prozentangaben beziehen sich aber nur auf Zogr.)

Die Zahl der Nasalformen habe ich als Index den Gesamtzahlen hingesetzt. So bedeutet z. B. die Bezeichnung 6_4 (7_1), dass in Zogr. die betreffende Partizipialform sechsmal vorkommt, von denen viermal *gręd-ęi* und zweimal *grędy* (in Mar. bzw. siebenmal, von denen einmal *grędęi* und sechsmal *grędy*).

[2]) Mar. *grędęi*. — [3]) Mar. einmal *sąi*. — [4]) Zogr. *gorę*. — [5]) Mar. *živąi*.

[6]) Statt der in Zogr. bei Mark. und Luk. belegten Form *nes-ę* hat Mar. *nosę*. Welche von diesen beiden Formen die ursprüngliche Übersetzung wiedergibt, ist wohl nicht ganz sicher. Nach BOEHME (Actiones der Verba Simplicia in den altbulg. Sprachdenkmälern 14, 24) zu urteilen, sollten wir *nosę* erwarten, denn an beiden Stellen steht im Original *κεράμιον ὕδατος βαστάζων*. Indessen scheint der Unterschied der beiden Verba *nositi* und *nesti* im Altbulgarischen nicht so scharf ausgeprägt zu sein, wie z. B. im heutigen Russisch und Polnisch. So bemerkt ULJANOV (Značenija II 132): »иногда *nositi* употребляется такъ, что его трудно отличать по значенію отъ *nesti*.«

	4_1(6)	5_3(4)	$16_5(17_2)$	$28_{10}(28_6)$	=	$53_{19}(55_8)$
imy	4 (7)	2 (2)	5 (6)	3 (3)	=	14 (18)
vědy	1 (1)	2 (2)	3 (3)	5 (5)	=	11 (11)
idy			1 (1)	(1)	=	1 (2)
čьty[1])		1 (1)			=	1 (1)
klъnyi sę . . .	(3)				=	(3)
mogy	(1)		(1)		=	(2)
rasty		(1)			=	(1)
	$9_1(18)$	$10_3(10)$	$25_5(28_2)$	$36_{10}(37_6)$	=	$80_{19}(93_8)$[2])

Von den sämtlichen 80 Formen des Zogr. betragen die 19 Nasalbildungen etwa 24%. Damit stimmen im Grossen und Ganzen sehr gut die entsprechenden Prozentzahlen bei Mark. (30%), Luk. (20%) und Joh. (28%). Die kleinen Abweichungen von 4 à 6% nach der einen oder anderen Richtung sind bei dem geringen Material gar nicht befremdend. Eine grössere Abweichung zeigt sich nur bei Mat. (11%). Aber das ist offenbar nur ein Zufall. Die Zahlen sind bei Mat. zu klein um einen sicheren Schluss zuzulassen.

Im Verhältnis zu den 80 Gesamtzahlen bzw. zu den 19 Nasalformen zeigen die entsprechenden Zahlen bei den einzelnen Evangelisten folgende Prozentgehalte:

	Mat. 9_1	Mark. 10_3	Luk. 25_5	Joh. 36_{10}
80 Gesamtformen:	11¼%	12½%	31¼%	45%
19 Nasalformen:	5%	16%	26%	53%

Zu einem für die VAN WIJKsche Theorie noch ungünstigeren Resultat kommt man, wenn (was vielleicht richtiger ist) nur die 6 ersten Verba (d. h. diejenigen, bei denen Nasalformen belegt sind) berücksichtigt werden. Dann kommen folgende Zahlen und Prozentgehalte heraus:

	Mat. 4_1	Mark. 5_3	Luk. 16_5	Joh. 28_{10}
53 Gesamtformen:	7½%	9½%	30%	53%
19 Nasalformen:	5%	16%	26%	53%

[1]) Mar. *čъty*.

[2]) Die verschiedenen Zahlen der Partizipialformen in Zogr. und Mar. beruhen zum grössten Teil darauf, dass der Zogr.-Text grössere Lücken als der Mar.-Text hat. Wie sich die verschiedenen Evangelien im ursprünglichen Texte und in den auf uns gekommenen Teilen des Mar. und des Zogr. quantitativ zu einander verhalten, geht aus folgenden (ungefähren) Zahlen hervor:

	Mat.	Mark.	Luk.	Joh.	(Lücken)
Ursprüngl. Text	28,8%	18,1%	30,6%	22,5%	—
Marianus	24,4%	18,1%	30,6%	21%	5,9%
Zographensis	18,7%	17,5%	29%	21%	13,8%

Hieraus zeigt sich, dass bei Joh. die beiden Prozentzahlen völlig übereinstimmen. Bei Luk. ist die Abweichung relativ ganz klein, etwas grösser aber bei Mat. und Mark., wo eben die Gesamtzahlen (4 bzw. 5) allzu klein sind, um das richtige Verhältnis zum Vorschein kommen zu lassen. Wieder ein Beweis der allgemein anerkannten Tatsache, dass bei dergleichen statistischen Untersuchungen die matematische Genauigkeit grösser wird, je grösser die angewandten Zahlen sind.

Und wenn wir schliesslich zu den einzelnen Formen übergehen, so leuchtet sofort ein, dass *gręd̦y* : *gręd-ęi* und *sy* : *s-ęi* die einzigen für unseren Zweck brauchbaren Formen sind, weil nur diese Formen oft genug belegt sind, um auch nur einigermassen sichere Schlüsse zuzulassen. Von dem erstgenannten Verbum betragen die Nasalformen bei Luk. und Joh. etwa 59 bzw. 67%. Bei Mark. kommen nur zwei Formen vor mit je einem Belege. Mat. hat nur eine Form, und zwar eine Nasalform, wie zu erwarten war. — Für *sy* : *s-ęi* waren die Zahlen: Mat. 1, Mark. 1_1, Luk. 5 und Joh. 12_2. Da bei Joh. auf 12 Gesamtformen nur zwei Nasalformen kommen, so wird es nicht befremden, wenn wir unter den bei Mat., Mark. und Luk. belegten 7 Formen nur eine Nasalform finden.[1]) — Die Verteilung der Formen *gręd̦y* : *gręd-ęi* und *sy* : *s-ęi* zeigt eben sehr deutlich, dass zwischen den verschiedenen Evangelisten in dieser Hinsicht kein wesentlicher Unterschied besteht.

Zum Schluss nur eine Bemerkung zu Marianus. Da Nasalformen nur bei Luk. und Joh. vorkommen, so könnte es den Anschein haben, als ob wenigstens hier Spuren einer dialektischen oder zeitlichen Verschiedenheit zu suchen seien. Möglich ist ja, dass dem so ist.[2]) Aber es ist weder sicher noch wahrscheinlich. Die Zahlen der Belegformen waren:

Mat. 6, Mark. 4, Luk. 17_2, Joh. 28_6.

---

[1]) Die verschiedene Frequenz der Nasalformen *gręd-ęi* und *s-ęi* im Verhältnis zu *gręd̦y* und *sy* beruht wie in allen dergleichen Fällen natürlich darauf, dass die Analogie nicht alle gleichartigen Formen zu derselben Zeit oder mit derselben Stärke greift. Vgl. z. B. schwed. *värpa värpte*, (altschwed. *varp*, d. *werfen warf*), *hjälpa hjälpte* und *halp* (d. *helfen half*) *stjäla stal* (d. *stehlen stahl*).

[2]) Man wäre vielleicht Anfangs geneigt darauf Gewicht zu legen, dass die in beiden Codices belegten Nasalformen sämtlich bei Joh. stehen — $5,_{35}$ (Mar. *gor-ę*, Zogr. *gorę*), $6,_{57}$ (Mar. *živąi*, Zogr. *živ-ęi*), $6,_{58}$ (*ěd-ęi*), $12,_{13}$ (Mar. *gręd̦ęi*, Zogr. *gręd-ęi*), $19,_{33}$ (*s-ęi*) —, und daraus zu schliessen, dass im Original Nasalformen nur bei Joh. vorkommen. — Dieser Schluss wäre aber hinfällig, denn die beiden Stellen bei Luk., wo Mar. Nasalformen hat ($13,_{35}$ *gręd̦ęi*, $24,_{32}$ *gor-ę*) fehlen eben in Zogr. (Lücken: $13,_{28}$ — $14,_2$ und $24,_{30-43}$).

Da die Zahlen bei Mat. und Mark. so klein sind, so wäre es meines Erachtens voreilig etwas mit Bestimmtheit daraus zu schliessen.

Der einzig berechtigte und ganz sichere Schluss aus dem in Zogr. und Mar. belegten Material ist also, dass Mar. in Bezug auf die verschiedenen Partizipialbildungen näher dem Original steht, und dass in Zogr. die Zahl der neugebildeten Nasalformen sich beträchtlich (etwa auf das doppelte oder sogar auf das dreifache) vermehrt hat.[1]).

Dann liegt auch der Schluss nahe, dass der Anfang dieser Analogiebildung nicht allzu weit hinter dem gemeinsamen Original der hier behandelten Handschriften zu suchen ist.

Upsala in März 1922.

Tore Torbiörnsson.

[1]) Die relativ grosse Zahl der Nasalformen in Zogr. (im Vergleich mit denjenigen in Mar.) kommt hauptsächlich auf die Rechnung der Form *gręd-ęi*, welche Form zehnmal (gegen nur zweimal in Mar.) vorkommt, also mehr als die Hälfte aller Fälle in Zogr. ausmacht. Dass eben diese Form so grosse Verbreitung erlangt hat, beruht wahrscheinlich darauf, dass bei diesem Verbum auch die Stammsilbe ein ę enthielt. Von diesem Verbum (und noch dazu von den 2 Zogr.-Formen *nes-ę*, wo Mar. *nosę* hat, vgl. oben) abgesehen, wird der Unterschied zwischen Zogr. und Mar. ganz unbedeutend (7. bzw. 6 Nasalformen).

Еще разъ о Зографскомъ четвероевангеліи.

Въ XXXVII-омъ томѣ Archiv-а Ягича на стр. 371 и сл. я писалъ о языкѣ Зографскаго Евангелія, при чемъ я приводилъ рядъ фактовъ, доказывающихъ, что по отношенію къ языку послѣдняя часть этой рукописи представляетъ типъ болѣе старинный чѣмъ первая ея часть. Рѣзкой границы между этими двумя частями я не нашелъ; характеръ языка мѣняется мало-по-малу, какъ бы незамѣтно, но за то разница между началомъ текста и его концомъ, между евангеліемъ св. Матвѣя и евангеліемъ св. Іоанна очень замѣтна. Въ IX-омъ томѣ журнала Rocznik Slawistyczny на стр. 1 и сл. я дополнилъ приведенный въ Archiv-ѣ матеріалъ и собралъ всего восемь категорій словъ, распредѣленіемъ древнѣйшихъ и новѣйшихъ формъ подтверждающихъ мое мнѣніе. Вотъ онѣ:

1. Послѣдняя часть рукописи предпочитаетъ простой аористъ (**могъ** и т. п.), а первая часть аористъ на **-охъ**.

2. Къ концу рукописи преобладаютъ формы **вьсе, вьсѧ, вьси вьсѣ** (**вьса**), а въ первой части формы **все, всѧ, вси, всѣ** (**вса**).

3. Къ концу рукописи число формъ **вь слѣдъ, вь цѣсар'ьствие, -ви, -во** съ „umlaut“-омъ растетъ въ ущербъ орѳографіи **въ**.

4. Такія формы какъ **къꙃльѣ, къꙃьметъ** встрѣчаются только въ евангеліяхъ св. Матвѣя и св. Марка.

5. Такъ называемое „*l* epentheticum“ въ группахъ губн. согл. + **л'н, л'ь** пропускается разъ только въ ев. св. Іоанна, за то 46 разъ въ ев. св. Матвѣя.

6. Окончанія **-аѥго, -оуѥмоу** сохранились преимущественно въ ев. св. Іоанна; въ остальныхъ евангеліяхъ формы на **-ааго, -аго, -оумоу** преобладаютъ.

7. Число причастій типа **грѧдѧ** растетъ постепенно къ концу рукописи.

8. Сложныя формы прилагательныхъ пишутся въ первой части рукописи преимущественно съ окончаніями **-ꙑ, -ии** (**-іи, -ии**), **-ꙑмь, -иимь** (**-іимь, -иимь**) и т. д., а въ послѣдней ея части преобладаютъ формы на **-ꙑ, -и** (**-і**), **-ꙑмь, -имь** и т. д.

Этихъ восьми явленій довольно, чтобы доказать характеръ болѣе старинный послѣдней части Зографскаго четвероевангелія въ сравненіи съ первой его частью. Всетаки стоило бы изслѣдовать систематически всѣ тѣ грамматическія категоріи, гдѣ рядомъ съ древними формами являются формы позднѣйшаго образованія или гдѣ вообще разныя формы чередуются въ древне-болгарскихъ текстахъ. Для такой работы времени не хватало у меня, но уже теперь могу прибавить нѣсколько новыхъ категорій къ тѣмъ восьми категоріямъ, о которыхъ писалъ раньше. Черпаю этотъ новый матеріалъ изъ монографій Видеманна и Шольвина о формахъ спряженія и склоненія въ древне-болгарскихъ памятникахъ.[1])

Начну съ дополненія къ номеру 1. выше-приведеннаго списка.

Уже давно разные ученые отмѣтили тотъ фактъ, что въ эпоху древне-церковнославянскую аористъ на -**охъ** вытѣснялъ постепенно болѣе древніе типы **могъ** и **нѣсъ**, **тѣхъ** (м. пр. Видеманнъ, *l. l.* стр. 109, Вондракъ, Vergl. slav. Gramm. II, стр. 150, Мейе Gött. Gel. Anz. 1910, стр. 365). Въ нѣкоторыхъ текстахъ изъ самыхъ древнихъ аористъ на -**охъ** совсѣмъ отсутствуетъ, въ другихъ онъ является очень рѣдко, но именно Zographensis отличается отъ остальныхъ глаголическихъ памятниковъ древне-болгарскаго языка значительнымъ количествомъ формъ на -**охъ**, -**оша** и т. д.; см. у Видеманна *l. l.* стр. 104 и сл. Всетаки данныя этого памятника не противорѣчатъ даннымъ другихъ текстовъ. Наоборотъ! Въ Archiv-ѣ (XXXVII, 371) я указалъ на преобладаніе простого аориста въ концѣ Zograph.; зато число формъ на -**охъ** и т. д. уменьшается къ концу текста. Къ сожалѣнію я не обратилъ вниманія тогда на аористы типа **нѣсъ**, **рѣхъ**, хотя Видеманнъ собралъ всѣ эти формы *l. l.* стр. 94 и 97/98. Распредѣленіе ихъ по кодексу такое:

Матв. 26, Марк. 18, Лук. 31, Іо. 72.

Это распредѣленіе очень похоже на распредѣленіе формъ простого аориста (**могъ** и т. п.):

Матв. 22, Марк. 15, Лук. 36, Іо. 50

(см. Archiv XXXVII, стр. 371).

---

[1]) O. Wiedemann. Beiträge zur altbulgarischen Conjugation. St. Petersburg, 1886. — R. Scholvin. Beiträge zur Declination in den pannonisch-slovenischen Denkmälern des Altkirchenslavischen. Archiv II (1877), стр. 482—569.

Если сосчитать всѣ формы этихъ двухъ старинныхъ типовъ и сопоставить ихъ съ новообразованіями на -охъ[1]), картина выйдетъ такая:

	Матв.	Марк.	Лук.	Іо.
древнія формы	48	33	67	122
аористъ на -охъ	41	45	29	5.

Теперъ мы разсмотримъ нѣсколько новыхъ категорій формъ, доказывающихъ то же самое что выше приведенныя 8 категорій:

(9) Приведенныя Видеманномъ на стр. 88 древнія формы шьдъ и т. п. представляютъ такую картину:

Матв. —, Марк. 2, Лук. 2, Іо. 3,

а новѣйшія формы на -шъ, -хъ, -хомъ вотъ какую:

Матв. 12, Марк. 18, Лук. 15, Іо. 14.

Особенно поражаетъ насъ полное отсутствіе древнихъ формъ въ евангеліи св. Матвѣя.

(10) Вотъ распредѣленіе формъ бѫ и бишѧ:

	Матв.	Марк.	Лук.	Іо.
бѫ	—	3	4	4
бишѧ	5	1	3	—.[2])

За большую древность формы бѫ говорятъ тоже старинный характеръ спряженія бимь, би и т. д. — бѫ, и преобладаніе формы бѫ въ Маріинскомъ четвероев. и въ Ассеманіевомъ ев. Clozianus имѣетъ только бѫ (два раза), за то Синайская Псалтирь только бишѧ (разъ только).[3])[4])

(11) Причастія типа хвалъ древнѣе чѣмъ такія формы какъ хвалилъ; въ этомъ никто не сомнѣвается. Въ Zographensis встрѣчаются 160 формъ перваго типа, а только 5 формъ второго типа; см. у Видеманна на стр. 134. Одна изъ этихъ формъ находится въ Zogr. б, остальныя тоже въ первой части рукописи: Матв. 25, 24; 26, 26, Марк. 10, 12; 14, 65; см. у Вондрака, Altkirchenslavische Grammatik², стр. 514.

(12) Род. пад. множ. ч. существительнаго дьнь пишется съ древнимъ окончаніемъ -ъ или съ окончаніемъ -ии, заимствованнымъ отъ основъ на -і-. Привожу данныя по Шольвину (стр. 520 и 542):

---

[1]) Аористъ на -охъ возникъ не раньше праславянской эпохи, по всей вѣроятности даже въ послѣдней ея части. Ср. Бругманна Grundriss II², 3, 426 и сл. и приведенную тамъ научную литературу.

[2]) Ср. Видеманна стр. 31.

[3]) Ср. Видеманна стр. 32 и сл.

[4]) бысте, бышѧ встрѣчаются разъ въ ев. св. Матвѣя и четыре раза въ ев. св. Іоанна.

	Матв.	Марк.	Лук.	Іо.
дьнъ	—	1	1	1
дьни	3	1	6	—.

(13) Въ эпоху др.-церк.-славянскихъ памятниковъ форма чьсо вытѣсняла мало-по-малу болѣе древнюю форму чесо; ср. Вондрака Altkirchenslavische Grammatik[2], стр. 468 и сл., прим. 2, Кульбакина, Др.-церк.-слов. языкъ[3], стр. 192. Вотъ распредѣленіе формъ по Зографскому четвероевангелію:[1])

	Матв.	Марк.	Лук.	Іо.
чесо	3	5	8	6
ничесоже	1	1	3	13
оба вмѣстѣ	4	6	11	19.
чьсо	2	1	1	—
ничьсоже	2	6	7	—
оба вмѣстѣ	4	7	8	—.

Лейденъ.

Н. Ванъ-Вейкъ.

[1]) См. у Шольвина на стр. 559.

К вопросу о языке Киевских листков.

Киевские листки по отразившимся в них особенностям языка занимают исключительное положение среди древнейших славянских памятников. С одной стороны последовательное правописание **ꙁ, ц, шч** из общеславянских *dj, tj, skj, stj, sk'* на месте старославянских **жд, шт**, казалось бы, должно обьясняться тем, что писец, внёсший в текст памятника эти особенности правописания, был чех, так как только в старочешском языке общеславянские *dj, tj, skj, stj, sk'* отразились в виде *z*[1]), *c, šč*[2]); с другой стороны, мы не только не находим в памятнике целого ряда других черт, отличающих чешский язык от старославянского, но видим, что во всех случаях кроме указанного правописания **ꙁ, ц, шч** в правописании памятника последовательно проведены такие черты старославянского языка, которые отличают его от старочешского, а именно: 1. правильное употребление юсов, свидетельствующее об отсутствии совпадения носовых гласных с неносовыми *u, a*, кроме одного случая — **небесьскоуѭ** (instr. sing.) — который вследствие своей единичности не может рассматриваться, как чехизм, наравне с употреблением **ꙁ, ц, шч,** и требует особого обьяснения; 2. обозначение рефлексов общеславянских *ѣ, ja* и *a* после мягких одной буквой, отражающее произношение, в котором *ѣ, ja* и *i̯a* совпали; 3. сочетания **бл͡, мл͡, вл͡** из общеславянских *bj, mj, vj*; 4. одно **л**, соотвествующее западнославянскому *dl* в словах **молітвѫ, молімъ** и т. п.; 5. **с** в местоимениях **вьсь** и **вьсѣкъ**; 6. dat. sing. местоим. **тебѣ.**

Кроме того можно отметить единичные случаи: 1. смешение юсов в слове **ходатаѭщю** (dat. sing. masc. part. praes.); 2. начальное **ра-** в слове **раꙁдрѣшеніє**; 3. **т** в слове **тоуꙁїмъ** (по-чешски здесь было бы *c*).

Эти особенности правописания Киевских листков вызвали разногласие среди учоных, касавшихся их языка. Одни (Miklosić,

---

[1]) В польском и словацком *ʒ (d͡z)*, что писец, не знавший особого знака для старославянского диалектического *ʒ* (старослав. буквы ꙃ, ѕ), мог бы передать только через *d* или *dz*, а не через *z*.

[2]) Современное *šť* в чешском как известно, не раньше XIII—XIV вв.

Фортунатов, Geitler, Kalina, Ляпунов, Щепкин, Грунский, Кульбакин), не допуская, чтобы переводчик или писец мог последовательно провести в своём правописании одни черты своего говора, ничем не обнаруживши других черт, предполагали, что Киевские листки отражают особый старославянский говор, в котором общеславянские *dj*, *tj*, *skj*, *stj*, *sk'* дали не *žd'*, *št'*, как в других старославянских говорах, а *z*, *c*, *šč*. Другие, очевидно, считая возможной такую двойственность в отношении писца к сохранению старославянского правописания и передаче своего живого говора, видели в употреблении ꙁ, ц, шч на месте старославянских жд, шт чехизмы (Leskien, Jagić, Oblak, Vondrák и др.). И то и другое предположение мне представляются априорными. Для того, чтобы решить вопрос о языке Киевских листков в ту или другую сторону, необходимо д о к а з а т ь, что предполагаемая некоторыми учоными двойственность в передаче черт своего и чужого языка возможна или невозможна.

Я думаю, что мы располагаем таким матерьялом, который позволяет решить, может ли писец, пишущий на языке, близко родственном его личному языку, но отличающемся от него некоторыми чертами, последовательно вносить в свое правописание известные особенности, отражающие черты его родного языка, так же последовательно сохраняя в остальном правописание, не соответствующее его живому произношению. Таким матерьялом являются между прочим древнейшие памятники русского письма XI. и XII. вв., представляющие частью списки со старославянских оригиналов, частью переводы, сделанные русскими переводчиками, но на старославянский язык, и даже оригинальные произведения русских авторов на том же языке. Изучая эти намятники, мы замечаем большое сходство между ними в передаче особенностей своего живого произношения. Именно, во всех их очень ярко отражаются такие черты русского языка, как переход носовых гласных в *u* и *'a*, изменение общеславянского *dj* в *ž* в соответствии со старославянским жд, а также морфологические явления: instr. sing. masc. и neut. на *-ъмь*, *-ьмь* и 3. sing. глаголов на *-ть*; в памятниках севернорусских сюда присоединяется совпадение старых *c* и *č* в одном звуке.

Переход *ǫ* в *u* только в немногих памятниках отражается в виде постоянного смешения ѫ с оу или ю; в большинстве же памятников уже с XI. в. ѫ почти не встречается, заменяясь последовательно буквами оу и ю; что касается употребления ѧ, ѩ,

ѩ и а после мягких, то в некоторых памятниках мы видим постоянное смешение этих букв (причем ѩ почти не употребляется, а а вместо ѧ пишется только после шипящих и ц), в других буква ꙗ последовательно пишется как на месте старославянского ꙗ, так и на месте старославянского ѩ (причем можно думать, что в старославянских прототипах этих памятников буквы ꙗ и ѩ писались как для передачи сочетаний *ja*, *ję*, так и для передачи гласных *a*, *ę* после смягчонных *r*, *l*), буква же ѧ пишется правильно согласно старославянскому употреблению и только в редких случаях заменяется буквою а после шипящих и буквою ꙗ после других согласных; третья категория памятников отличается от предыдущей только тем, что буква ꙗ после согласных вообще в них не пишется, заменяясь буквой ѧ; таким образом в этих памятниках ꙗ обозначает сочетание *ja*, явившееся в русском произношении на месте общеславянских *ja*, *ję*, а буква ѧ — звук *a* после мягких (как старых, так и ставших смягчонными на русской почве) из общеславянских *a*, *ę*.

На месте старославянского жд из общеславянского *dj* в большинстве памятников почти последовательно пишется в согласии с русским произношением одно ж, и только изредка сохраняется старославянское жд, но в некоторых памятниках мы наблюдаем смешение обоих написаний, впрочем с преобладанием русского. Совпадение *c* и *č* в одном звуке в севернорусских памятниках отражается в виде постоянного смешения букв ц и ч свидетельствующего о том, что для писцов эти буквы были лишь графическими вариантами для обозначения одного и того же звука. По отношению к правописанию ъ и ь с плавными из общеславянских сочетаний типа *tъrt* древнейшие русские памятники представляют большие разногласия: в одних довольно последовательно выдерживается старославянское правописание с постановкой ъ, ь после плавных, в других мы встречаем частые отступлення от старославянского правописания в виде написаний ърь, ьрь, ълъ и т. п. или с постановкой ъ, ь только перед плавными, в третьих старославянское правописание этих сочетаний почти не встречается, заменяясь русским правописанием с ъ, ь перед плавными. Менее ярко выражено в древнейших памятниках русского письма русское изменение общеславянских сочетаний *zgj*, *zdj*, *zǵ*. Большинство памятников здесь сохраняет старославянское правописание с жд, но некоторые допускают наоборот отступления от старославянского правописания, причем в севернорусских памятниках

пишется жг или одно ж, по большей части непоследовательно, рядом со старославянским жд, в южнорусских — жу.

Что касается остальных звуковых черт русского языка, то они отражаются в большинстве памятников лишь в виде немногочисленных, случайных ошибок против более или менее выдержанного старославянского правописания. Так наприм., во 2-м почерке Архангельского Евангелия (не позже 1092 г.) на 100 слишком листах ѩꙁъ вместо старославянского ꙗꙁъ только один раз, случаев полногласия всего 4 при огромном количестве неполногласных форм; слово одинъ с начальным о всего 3 раза, тогда как написание єдинъ встречается 6 раз, а ѥдинъ — около 60 раз, буква ч в согласии с русским произношением в соответствии со старославянским щ встречается около 10 раз (почти все примеры в формах глагола *хочю* и в слове *чюжь*), тогда как щ в том же значении во всяком случае больше 60 раз (ср. обратное отношение употребления ж и жд из общеславянского *dj*: ж — 55 раз при 4 случаях сохранения старославянского правописания с жд).

Чем обьясняется различное отношение писцов к передаче различных особенностей своего произношения? На это нетрудно ответить. Писцы старались писать не на своём языке, а по старославянски, но в то же время не стремились к точной передаче старославянского произношения и заменяли звуки старославянского языка родными звуками во всех случаях, когда правописание не давало точных указаний на произношение или когда оно указывало на такие звуки или сочетания звуков, которые не встречались вовсе в русском языке. Так как букве ѫ во всех случаях в русском языке соответствовали те звуки, которые обозначались в других словах буквами оу и ю, то русский писец должен был смотреть на ѫ, как графический вариант букв оу и ю, обозначающий те же самые звуки, а потому правильное различение букв ѫ с одной стороны и оу, ю с другой стороны, как чисто графическое, не связанное с различным звуковым значением букв, представляло большие затруднения. В таком же положении русский писец находился и по отношению к буквам ꙗ и ѩ, обозначавшим для него один и тот же звук: Легче было отличить ѧ и ѩ, так как ѧ в старославянских оригиналах писался только после согласных, а ꙗ преимущественно в начале слова и после гласных. Но то обстоятельство, что после согласных ѧ и ꙗ в старославянском письме могли быть обе буквы, а русский язык не представлял данных для различения этих букв

в таком положении, а также свойственное некоторым старославянским памятникам употребление ѧ вместо ꙗ в начале слова и после гласных привели к смешению ѧ и ꙗ в русском письме. Сочетание жд очевидно отсутсвовало в русском языке в то время, когда русскими была усвоена старославянская письменность. Почти во всех случаях, где в старославянском было жд, в русском языке было *ž*, и потому русские писцы могли смотреть на это жд, как на графический приём, читая это буквенное сочетание по своему, как *ž*. Правда, сочетание жд писалось также в нескольких словах, которым в русском языке соответствовали слова не с *ž*, а с известными сочетаниями (в одных говорах *žǯ*, в других *žj* и т. п.), и в этих словах повидимому понималось не как вариант для ж, а как обозначение того звукового сочетания, какое произносилось в них в русском языке, но таких слов было очень немного (так, наприм., во всём евангелии — в полном тексте — случаев употребления такого жд не больше 20; из них часть — в словах, повидимому, неизвестных русскому языку), и потому с сочетанием жд у русского писца не связывалось прочно представление ни о звуковом сочетании *žd*, ни о звуковых сочетаниях *žǯ*, *žj* и т. п. Для последних старославянская азбука не располагала подходящими способами обозначения. Не имея в своём языке сочетания *žd*, русские писцы в тех случаях, где старославянское *žd* восходило к общеславянским *zdj*, *zgj*, *zǵ*, произносили те звуковые сочетания, какие являлись в соответствующих словах в их родном языке, и не удовлетворяясь написанием жд, не соответствовавшим этому произношению, искали других способов его письменной передачи; такими способами и являлись жг в севернорусских памятниках (начиная с Миней 1095 г.) и жү в южнорусских.

В другом положении находились русские писцы, когда они встречались со старославянскими словами, заключавшими те звуки и сочетания звуков, какие были известны и русскому языку. В этих случаях передача старославянского правописания не представляла большой трудности. Русский писец правильно писал по-старославянски **брати сѧ, гласъ, дрѣво, плѣнь** и т. п., потому что в его языке были такие слова, как братъ, глазъ, древьнии, плѣсьнь и т. п.; для него не представляли затруднения такие слова, как **єдинъ, єзеро, єсень** или **ѥдинъ, ѥзеро, ѥсень**, потому что и в его языке были слова с начальными *е* и *je*: есе, ѥсть, ѥль, ѥжь и др.; точно так же он писал

рабъ, растоу, лабнıа, лакъть, потому что в его языке были слова с начальными *ra*, *la*: ратай, развѣ, разъ, ладити сѧ, лакомъ, ласкавъ и др.; букву щ русские писцы поняли, как обозначение того звукового сочетания, которое получилось из общеславянских *skj*, *stj*, *sk'*, потому что в этом значении эта буква употреблялась и в старославянском письме; встречая ту же букву в соответствии со своим *č* из общеславянского *tj*, русские писцы читали её так же, как и в тех случаях, где она обозначала звуковое сочетание из общеславянских *skj*, *stj*, *sk'*, т. е. наприм. в слове хощѫ читали тот же звук, который произносили в слове поущѫ и т. д. Таким образом, отношение значительной части русских писцов к передаче на письме особенностей старославянского и русского языков можно определить так: писцы более или менее последовательно отступали от старославянского правописания в сторону передачи собственного произношения в тех случаях, когда не находили в своём произношении соответствующих этому правописанию звуков и звуковых сочетаний, и по возможности выдерживали старославянское правописание, если это правописание в глазах писца не представляло трудностей для прочтения.

Обращаясь к правописанию Киевских листков, мы видим, что употребление з вместо жд в этих листках представляет полную параллель употреблению ж вместо жд в русских памятниках. Противоречит русской передаче старославянского шт последовательная передача этого сочетания в Киевских листках в одних случаях через ц, в других через шч. Но эта черта, как мне кажется, может обьясняться тем, что в той школе письма, представителем которой являлся писец Киевских листков или его предшественники, не употреблялась или редко употреблялась лигатура щ, тогда как русские писцы встречали её настолько часто, что не отожествляли её с сочетанием шт. Так как языку писца Киевских листков сочетание *št* не было свойственно, то он читал на месте его те звуки, которые были в его живом произношении, и обозначал эти звуки на письме буквами ц и шч, которые соответствовали этим звукам в других словах. Таким образом, причины, заставившие писца Киевских листков или его предшественников заменить старославянское шт буквами ц и шч, были те же, что и причины, побуждавшие русских писцов вместо жд писать ж и жг или жч.

Писец, который последовательно заменял старославяиские шт и жд согласно своему произношению через шч, ц и ѕ, непременно

должен был бы с тою же последовательностью передать на письме и своё произношение рефлексов общеславянских носовых гласных, еслибы эти гласные в его произношении совпали с другими, неносовыми гласными, как об этом свидетельствуют уже древнейшие памятники русского и сербского письма. Поэтому последовательное употребление юсов и отсутствие смешения их с буквами **оу, ю, ѣ, а** свидетельствуют о том, что тот писец, которому Киевские листки обязаны употреблением **ꙃ, ц, шч** вместо старославянских **жд, шт**, обозначал посредством юсов звуки, отличные от *u, a* и т. п. неносовых звуков. Один случай написания **оу** вместо **ѫ** может обьясняться или тем, что в языке одного из писцов, но не того, который внёс в памятник правописание **ꙃ, ц, шч** вместо **жд, шт**, а другого, старавшегося не отступать от правописания оригинала, общеславянские *ǫ* и *u* совпали в одном звуке, или тем, что писец, произносивший вообще *ǫ* отлично от *u*, в данном случае произносил именно *u*. Это могло быть, например, в том случае, если писец произносил **ѫ**, как *u* носовое, терявшее своё носовое свойство перед сочетанием *i̯* + *u* носовое. Впрочем, неясно, следует ли предполагать для языка писца форму твор. ед. женского р. прилагательных, восходящую к общеславянской форме на *-oi̯ǫ*, в виду написания **вѣчьноѭ**; с другой стороны, окончание **-ѫѭ** без замены **ѫ** через **оу** встречается в Киевских листках один раз в форме akk. sing.: **въкоупьнѫѭ**.

Что касается остальных черт старославянского языка, не свойственных чешскому языку, то правописание Киевских листков, несмотря на всю его выдержанность, не позволяет утверждать, что эти черты были свойственны языку писца Киевских листков или его предшественников: буква **ѣ** употреблялась писцом согласно глаголической орфографической традиции для обозначения рефлексов как общеславянского *ě*, так и общеславянского *i̯a* и *a* после мягких, подобно тому, как в нынешнем русском письме буква *е* употребляется и для обозначения звука *е* и для обозначения звука *о* после мягких; другого способа передачи этих звуков ни писец Киевских листков, ни его предшественники не знали и потому должны были мириться с различными значениями этой буквы; сочетания *bl*, *ml*, *vl*, одно *l* между гласными, начальное *ra*, *s* перед **є, ѣ, ѧ** (ср. **вьсемогъи, вьсѣхъ, вьсѧ**), если даже писцы и не произносили их в словах, соответствовавших старославянским **пріємлемъ, молимъ, раꙃдрѣшениѥ, вьсѣ** и т. п., несомненно встречались в их произношении в других словах, и потому со-

хранение старославянского правописания в этих и подобных словах не представляло для писцов затруднения, так же, как и старославянское **тєбѣ**. Букву **т** в слове **тоуꙁімъ** писец мог написать как в том случае, если это *t* соответствовало его живому произношению, так и в том случае, если он в начале этого слова произносил *c*, так как начальное *t*, являвшееся в старославянском языке в этом слове, было известно писцу в других словах своего родного языка.

Таким образом, окончательные выводы из рассмотрения правописания Киевских листков мне представляются в таком виде.

1. Или *а)* писец одного из протерографов Киевских листков говорил на языке, в котором общеславянские носовые гласные еще не совпали с теми или другими неносовыми гласными этого языка, но в то же время на месте общеславянских *dj*, *tj* и *stj*, *skj*, *sk'* являлись звуки *z*, *c*, *šč*; этот протерограф был переписан лицом, произносившим *u* на месте общеславянского *ǫ*, но настолько тщательно переписывавшим свой оригинал, что эта особенность произношения отразилась на его работе только один раз;

или *б)* особенности языка, относимые при первом предположении к писцу одного из протерографов Киевских листков, могли принадлежать как одному из предшественников последнего писца Киевских листков, так и самому последнему писцу; в таком случае написание **нєбєсьскоуѭ** в Киевских листках не свидетельствует о переходе всякого общеславянского *ǫ* в *u* в языке писца, хотя может быть понято, как указание на то, что в известном положении такой переход происходил.

2. Правописание Киевских листков в виду их незначительного обьёма не даёт указаний на то, были ли в языке писца Киевских листков и его предшественников такие особенности чешского языка, как мягкие губные без *l'* из общеславянских сочетаний губных с *j*, сочетания *dl*, *tl*, звук *š* в местоимённой основе *vьš-*, начальное *ro-* из общеславянского *or-*, *c* в слове *cuzь*, dat. sing. *tobě*: старославянское правописание в подобных случаях может свидетельствовать не только об особенностях языка писца, но и об известной грамотности, причем степень грамотности его могла не превышать степени грамотности значительной части русских писцов XI. и XII. вв.

Был ли писец Киевских листков или тот из его предшественников, который внёс в свою работу правописание **ꙁ**, **ц**, **шѵ**

вместо старославянских **жд, шт,** чех? Положительное решение этого вопроса становится возможным (но не необходимым) только при допущении предположения, что в чешском языке в то время, когда производилась эта работа, общеславянские носовые ласные еще не совпали с *и, а* неносовыми.

Написание **цирк**ъ**ныѣ** вряд ли даёт указание на язык писца. Правда, в чистом старославянском говоре, не знавшем сочетаний „voc. + liqu." между согласными, это слово, даже будучи заимствовано с таким произношением из другого славянского языка, должно было измениться согласно фонетическим требованиям старославянского языка, но, с одной стороны, мы встречаем в Киевских листках и написание **цр҃ъкъвє**, не являвшееся по законам старославянской фонетики неудобопроизносимым, а с другой стороны уже древнейшие памятники старославянского языка заключают ряд слов, заимствованных с греческого языка, с сочетаниями „voc. + liqu." между согласными.

Ударений в Киевских листках не рассматриваю, предполагая вслед за проф. Кульбакиным, что они не дают определённых указаний на родину писца.

Москва, 14. ноября 1921 г.

Николай Дурново.

Drobnosti iz slovenske gramatike.

2. Konzonantične asimilacije pred sufiksoma *-ьsko* in *-ьstvo*.

Vsled praviloma nastale onemitve *ь* v naših dveh sufiksih so se pogosto pojavile veččlenske, težko izgovorljive konzonantične skupine, ki jih je jezik največše odstranil z asimilacijo. Tako je na pr. *-ski* (ti adjektivi imajo v slovenščini vedno le določno obliko gl. Škrabec JS. I. 257 sl.) ohranjeno predvsem za sonornim konzonantom (*rímski, zverînski, vdovski, sleparski* itd.). Dentala *t* in *d* sta se s sledečim *-s-* zlila v *t͜s* = *c* prim. *ľudьsko-* > *ľuckì* (nastalo najbrž pod vplivom prvotne nedoločne oblike iz pravilne določne *ľuckî*, ki živi še v Belikrajini): *luzki* I. 46b, 48b; *luzkim* II. 36b, 49b; *luzkimi* II. 45a v Dalm. Bibl.;[1]) dial. *lùcki̤* (Središče), *ľuckî* (Vinica), *lẹ̀cki, lạ̀cko* (Kras); tu imamo tedaj isto kot pri **prědъ-sę* > *prece(j)*, prim. *prece* Pg 57: cap. 57; Dalm. Bibl. I. 120a, 146a; II. 64a poleg učeno pisanega *pretce* KJ (Krelj-Juričičeva postila) III. 119b, 120a. Dental pa se je mogel *s*-u tudi popolnoma asimilirati, tako da dobimo *ľuskì* : *lufku* K_{50}: 155; *lufkih* K_{50}: 156; *lusku* Pg 57: y 4b, dd 2b; *luskim* T_{57}: 221; *luskih* R_{58}: a 4a; *luskiga* Tulš. 106a; *luske* Kast. BR. 314; *luski* ibid. 455; *lasku* (z redukcijo *u* > *ạ*) Jan. Svetokr. SP. III. 240; dial. *ľəski* (Postojna). Isti pojav nam kažejo še na pr.: *Gofpoftuu* CO: 55a, 62b; Pav. 2b, 45a; K_{II}: 107; T_{82}: 360, 366; *Gofpoftua* Pav. 9b (2×), 36a, 36b; *Gofpoftvá* Dalm. Bibl. II. 98a; *Bogaftuo* KJ. I. 85a; *prekleftuu* KJ. III. 40a; *prekleftui* loc. sg. EDP. 75; *odueftuom* instr. sg. (*otvětьstvo*) T_{60}: 14as; *lustuù* Stapl. 31. Deloma grafično, deloma pa tudi v živem govoru, se je dental po istokorenskih besedah zopet vzpostavil: *ludsku* RpTK (Ivankovičev rokopisni Tomaž Kempčan iz l. 1659.) 40b; Kast. BR. 454; *ludskí* EL (Evang. in Listi l. 1715.) 400, *ludskih* ibid. 400 (5×), 401; *Gofpodftuu* CO: 55a; Pav. 3b, 9b, 13b: *Bogatftua* KJ. III. 49a, *wogatftvu* Pohl. Opr. 16, 48; *preklietftua* KJ. III. 39b, 40b in današnje knjižno *gospodstvo, prekletstvo*; tako beremo vedno *viudftuu* (k *viûda* < *vêvoda, voje-*

---

[1]) Označba kratic za tekste je ista kot v Arch. f. slav. Phil. 37, 129 sl.

voda) R_{58}: I 4b; T_{81}: 30; *Vyudftuu* CO: 55b; Pav. 36a; K_{II}: 439; T_{81}: 104, 168 itd. Škrabec Cvet. XVIII. 12 je še trdil, da je deloma *d* > *i̯* in si je predstavljal ta pojav tako, da je *d* > *ə*, ki je kasneje ali izginil, ali pa se okrepil v *i̯*; pravilno je razložil tak *i̯* Štrekelj ČZN. I. 34, ko izvaja *grái̯ski (gradьsko-)* iz asimilirane oblike **gráski,* v kateri se je razvil sekundarni prehodni *i̯* vsled anticipacije dvignenja jezikove ploskve za sledeči spirant gl. še ČJKZ. III. 50. Tako imamo poleg *duaffeti* Art. 69b 79Aa; R_{58}: R 2b še običajno *dvajset,* poleg *Gofposku* Art. 92a, dial. *gospòsk* (Poljane), *gaspàsk* (Borovnica) tudi *Gospojsko* Jan. Svetokr. SP. III. 172, *gospọ́i̯ski* (Postojna) itd.

Predvsem pa so radi analogičnih pojavov zanimive one oblike, kjer se je *s*-u asimilirala predhodna afrikata ali spirant. Oglejmo si najprej skupino *-čsk-*, za katero imamo:

1. *-čəsk-* t. j. v pravilno nastalo skupino *-čsk-* je vstopil radi lažjega izgovora in ker se je jezik (dial.) hotel ogniti asimilaciji, ki bi zabrisala tvorni sufiks *-ski,* ki je živel v mnogih drugih besedah (prim. shrv. *čovečaski, čovečastvo* poleg pravilnega *čovečki, čoveštvo* gl. Rešetar, Prilozi za knjiž. jez. istor. i folklor I. 247); prim. *zhlouezhski* EDP. 144; *zhloueizhskih* EDP. 44; *zhlouezske* KJ. II. 63b; *zhlouezhftuu* EDP. 65, 89, 93; *zhloueizhftuu* ib. 65; *zhlouezhftua* ib. 92; *zhlouezhftui* ib. 53; v K_{95}: *zhlovezhftvu* 141, *zhloveizhftvu* 141; *zhlouezhftuu* KJ. II. 12b; za shrv. smatram oblike v KJ.: *zhlouezhaskim* II. 117a; *zhlouezhaskiga* III. 62b: *zhlouezhaftua* III. 28b. — Enako so shrv.: *Prorozhaski* KJ. III. 3b, 11b; *Prorozhaftuo* ib. II. 213a; III. 40a; *fvedozhaftvo* Meg. X 2b — V EDP.: *diuizhske* 69, *diuizhskim* 92, *diuizhftuu* 70, *diuizhftui* 61; *vdiuizhftui* KJ. III. 39b.

2. *-čki*; Tulščak: *zhlouezhke* 51b, 96a; *zhlouezhkimu* 94a; Dalm. Mos.: *zhlouezhku* 135b, 166b; *zhlouezhkiga* 166b; *zhlouezhkih* 95a; Bibl. I.: *zhlovejzhka* 3a, *zhlovezhkim* 4b; II.: *zhlovezhka* 32a, *zhlovezhke* 35b, *zhlovézhku* 69b (2×), 70a, 72b, 78a; *zhlovezhku* 60b (6×), 61a (3×), 61b (3×), 63a (5×), 64a (3×) itd.; Meg.: *zhlovezhki* I 8b; KJ.: *Zhlouezhko* II. 7b; *Zhlouezhke* II. 17a; *zhlouezhki* II. 29b; itd.; Hren: *zhlovézhku* I. 81a; *zhlovézhkimi* I. 33b; prim. še: *zhlouezhtuu* Tulš. 19a, 88b; *zhlovezhtvu* Dalm. Bibl. I. 3a, b; K_{95}: 35 (2×), 87, 127, 136. — *otrozhku* K_{II}: 287. — *gèrzhku (grьčьskъ)* Kast. BR. 437. — *kmetizhki* Meg. A 7b. — *Diuizhtua (dêvičьstvo)* K_{II}: 193 (2×), 194; *Vdiuizhtuu* CO: 59bs. — *mrьtvьčьskъjь* > *mr̥tváčki* (novoakutirani *ъ, ь* da v slo-

16

venščini vedno *á*): *Mertuazhka* CO: 166b, 167b; *Mertuazhke* Dalm. Mos. 131b; *mèrtvazhku* Bibl. III. 98a; *martuazhkih* KJ. II. 99b, 179a; *mèrtvazhkiga* Kast. BR. 271, *mèrtvazhku* ibid. 153. — *kovazhku* Bibl. II. 107b. — *iunazhku* Tulš. 89a; Dalm. Bibl.: *junazhkih* I. 47a; *junazhke* I. 47a; *ta nar junazhkiſhi* II. 111a; *junazhki* Dalm. LKM. 219; K_{95}: 431; Meg. F 5a, H 2a; KJ. II. 74a, 149b (2×); *Junazhkiga* ibid. II. 134a; *Junazhko* ibid. II. 158a; *junazhtvu* Meg. I 7b, P 4b. — *potozhkih* (k *potokъ*) Bibl. II. 23a. — *porozhtvu* (k *porǫkъ*) Bibl. II. 202b; Meg. E 6a. — *slěpьčьskъjь* > *slepáčki* : *ſlipazhki* KJ. II. 87a, *ſlipazhke* ib. II. 106b, *ſlepazhkih* ib. II. 76b, *ſlepazhki* ib. III. 86b. — K substantivu *drugoč-krstník*, stvorjenem po nemškem *Wiedertäufer*, gl. nom. pl. *Drugozh karſtniki* KJ. II. 80a, je adj. *drugozh karſtnizhkega* KJ. II. 17a. — *Suetnizhke* KJ. II. 51a, *Suetnizhko* ib. II. 198b, *Suetnizhkoga* ib. II. 36a. — *Zupernizhko* KJ. II. 210b. — *Rasboinizhka* KJ. II. 52b; ibid. še: *Rasboinizhke* II. 62a, *Rasboinizhko* II. 143a, *Rasboijnizhkim* II. 142b, *rasboinizhkimi* II. 198a. — Prvotno **benetьčьskъjь* bi moralo dati praviloma **benetəčski* (prim. shrv. *bènetačkī, bnetački, mletački*), je pa kasneje ožje naslonjeno na substantiv, vsled česar je izpadel *ə*: **benetčski* > *Benezhku* Meg. Q 5b [krajevno ime *Benetke* je prvotni slovenski acc. pl. masc. k nom. **Benetьci* (nom. sg. *benetьkь* je v stari hrvaščini še ohranjen gl. AK. Rj. s. v.), gen. **Benetьkъ* (prim. shrv. *Benetak*), loc. **Benetьcěchъ* (prim. rezijsko: *ú Bańítcih* Baud. de Court. Mat. št. 689 poleg mlajšega *Beńítkah* ibid. št. 858 in še pri Rogeriju, PE. II.: *V' Bènedkih* 312; shrv. staro: *u Benecehь*); sedanja slovenska oblika je femininum, ker se je *Benetke* vdomačilo kot nominativ in se je ohranil kratki genitiv; starejše shrv. in še danes na Reki pa se še glasi nom. *Bèneci*, drugod iz tega *Bneci, Mleci*, gl. AK. Rj. s. v.]

3. *-ški*, tako vedno v knjižnem jeziku prim. *divjáški, bezjáški, bołnîški, snubâštvo, porodnîštvo* itd. Iz starejše dobe naj navedem: prvi primer je *zhloueshtuo* KJ. II. 75a; dalje *zhlovéſhkiga* Hren I. 6a; *zhloueshkiga* Skal. 2b: Basar: *zhloveſhka* 238, 243, 248, 334 . . .; *zhloveshtuo* 13; Rog. PE II.: *zhloveſhku* 30, *zhlovéſhka* 112; Duh. Br.: *zhuouieshko* 42, *zhloveſhka* 10; *zhlovieshka* 87 in od XVIII. stol. dalje sploh povsod v tej obliki. — *němьčьsko-* > **něməčsko-* (prim. shrv. *nemački*) in dalje **něměski* (kakor **benetčski*) > *nẹ́mški* : *nemshki* Pg_{57}: k 2b; TDP. B 1a, b; B 2b; *nemſhki* Skal. 168a; *Nemshka* Meg. P 8a; Jan. Svetokr. SP. III. 451; *Nemſhku* Rog. PE. II. 191 ter z vrinjenim *-b-*, ki je nastal na ta način, da se je

uhod v nosno votlino pri *-m-* že zaprl, ko ustnična odpora še ni bila izvršena, gl. Škrabec JS. I 336, 535, ter je nato prešel v *-p-*: *Nembshki* Pg 57: cap. 61; T_{60}: e 3b. — *turshke* Pg 57: q 3a; K_{II}: 483; *Turshka* R_{58}: Z IIa; *Turshko* CO: 125a; K_{II}: 485; *Turshkiga* CO: 7a; Basar: *turſhki* 225, *turſhkiga* 254, *turſhkih* 225. — *Gershki* CO: 129b; Ps. 1b; *gershka* K_{II}: 491; Ps. 1a; *gershku* Pav. 20b (2×); *gershke* Pav. 22a. — *kmetishki* (< **kmetičьsko-*) CO: 111bs; *kmetishka* T_{82}: 484; *kmetishku* Art. 92a; T_{81}: 134; *kmetishke* CO: 100a; *kmetiſhko* Rog. II. 106; pri Gorjupu ZL.: *hmetishki* 200, *hmetishkega* 200, *kmetishke* 37, *kmetiſhki* 147. — *divishtvo* Bas. 230; *divishtva* Rog. II. 288. — *mertuashku* R_{58}: k 2b; k 3b; T_{81}: 107; Pav. 29b; *mertuashka* T_{81}: 27; *mertuashki* K_{II}: 130, 132; *mertuashkim* T_{60}: 9b; T_{81}: 21; *mertuashkih* Pav. 16b; *mertuashkim* Tulš. 26a, 40b; *mèrtvaſhku* Schönl. 359 (2×), *mertuaſhke* Jan. Sv. SP. III. 290; *mertvashkímo* Bas. 190; *mèrtvaſhko* Kast. BR. 419. — *iunashku* Tulš. 131b; *junáſhki* Rog. II. 123; *junáſhku* Rog. II. 464; *junaſhkih* Jap. Mak. 381. — **gradъčьskoje* > *Gradáško* (pokrajina od Polhovega g r a d c a proti Poljanski dolini nad Škofjo Loko gl. Ljub. Zv. 1893, 172). — *rasboinishkimu* KJ. II. 197b. — *Krško* (ime mesta) > **kъrčьsko* k imenu reke *Krka*; *Koroško* < **korǫčьsko* gl. Slavia I, 28; itd.

4. *-ski; člověski*: *zhloueſki* K_{50}: A 3b; *zhloueski* Pg 57: i 3b, p 1a, p 4a; CO: 37b (2×), 45a; *zhloueſka* K_{50}: 24 (2×), 79; *zhloueska* Pg_{57}: l 2b, m 4a, o 1b, o 3bs; CO: 6a, 9b, 21b, 38b 40a; *zhlouesko* Pg_{57}: l 1b, n 1b, p 2b, r 2b; CO: 5b, 6a, b, 45a itd.; *zhloueski* EDP. 115, 117; pri Tulščaku: *zhlouesko* 12a, 34a; *zhloueskih* 3b, *zhloueskimi* 10a, *zhloueiski* 5a, *zhloueisku* 38b; Znojilšek: *zhloveſko* 132; *zhloveſku* 65; pri Dalm. Mos.: *zhloueske* 131b, *zhloueiske* 177b *zhloueiskih* 143a *zhloueskih* 143a; Bibl. I.: *zhloveſki* 6a, 7a; *zhloveſko* 6b; Krelj: *zhloveſka* 3a; KJ.: *zhloueski* II. 14b, 30b; *zhloueskiga* II. 16b, 20b; III. 117b *zhloueska* RpTK. 174a; *zhloueski* Jan. Svetokr. SP. I. 59, 79; *zhlovèſka* Kast. BR. 87, 88, 106; — *zhloueſtuu* Pg 57: h 4a, b; i 1a, b; i 4a; CO: 45a, b; EDP. 65; Tulš. 56b; *v'zhloueſtui* Tulš. 88b; *zhloveſtvu* K_{95}: 139, 147; *zhloveſtvo* Krelj 9b; *s'zhloveſtvam* Bas. 249; pri Rogeriju, ki piše *človeški*, beremo še vedno *zhloveſtvu* II. 59 (3×), 66, 109; *zhloveſtva* II. 103, 113, 120, 156, 157, 276; *ú zhloveſtve* II. 29. — *nemski* K_{II}: 515; *nemskimi* K_{55}: A 2a; *neimski* EDP. 44; *Nemſkih* Rog. II. 596. — *turske* Pg_{57}: k 2a; *turska* Pg_{57}: k 2a; *tursku* CO: 128as; K_{II}: 267; *tursko* K_{II}: 499; *v Turski vosi* Tulš. 53b; *Turskiga*

CO: 4a; *Turski* KJ. II. 138a; *tursko* Bas. 253. — **slъnьčьsko-* : *od Sonskiga gori hoda inu ſahoda* T_{57}: 213. — *gerski* Pav. 20b, 42a K_{II}: 305; *gerska* K_{II}: 13; *Gerskih* CO: 78b; nove tvorbe (učene) so: *Gerkſkim, ú Gerkſki* Rog. II. 38. — *kmetiskiga* Art. 92a; Jan. Sv. SP. III.: *kmeteſko* 495: *kmetesku* 495; učeno je *kmetztvu* Meg. A 1b (k *kmetъ*). — *Praſniskih* CO: 111b (k *prazdьnikъ*). — *mertuaskim* Pg_{57}: n 3b. *mertuaski* Jan. Sv. SP. III. 50. — *jenaſka* Rog. II. 503. — *S' gerliſkim klagovajnem* K_{95}: 318 (k *grъlica*) — *hlapzhiſtuu* K^{II}: 394, 531; *hlapzhiſtua* K_{II}: 394 (k *hlapčič*). — *Rasboiniski* KJ. II. 172b. — *Norzhaskih* KJ. II. 48b (k *norčak*).

Skratka moremo reči, da je pri Trubarju običajno *-šk-* in *-sk-* (deloma drug poleg drugega deloma že pri posameznih besedah po ena oblika ustaljena na pr. *človeski*), *-čk-* pa redko; pri Dalmatinu je *-čk-* običajno, *-sk-* posebno v bibliji redko, *-šk-* neznano; pri Krelju-Juričiču pa *-čk-* običajno, *-šk-* redko in *-sk-* še redkeje. Razmerje, konštatirano pri Trubarju, velja v glavnem za kasnejše pisatelje, le da prihaja pri njih čedalje bolj do veljave *-šk-*.

Za skupino *-žsk-* imamo: 1. *-ški*; *Iška vas* (h krajevnemu imenu *Ig* pod Ljubljano; sekundarna tvorba je Trubarjevo *vti Igishki fari* K_{II}: 242); *Trška gora* (pri Krškem in Novem mestu; *trъžьsko-*) in *tr̥štvò* (Ribnica), pisano etimologično na pr. možjé po *teržtvu* odídejo, Kobe-Novice 1847.; *mǫžьsko-* : *Moshki* Dalm. Mos. 110b (4×); *moſhka* K_{50}: B 1a; *moshku* T_{81}: 109; *moshkiga* Pg_{57}: h 4a itd. — *ubožьstvo* : *vboshtuo* KJ. II. 73a, 80b; *vbushtvu* Meg. A 4a; *bushtvu* Jan. Svkr. SP. III. 42; *boſhtvo* Bas. 7, 326. — **sǫvražьstvo* : *ſouurashtuu* K_{55}: I 1b; Pg_{57}: h 3b, i 1a, p 2b, r 3b, m 1a; CO: 9b; *ſouurashtua* CO: 22b, 32a; *ſovrashtvu* Meg. Q 8b. — **ložьstvo* : *podluſhtva* gen. sg. Rog. II. 181. — **vitęžьsko-* : *Viteshki* KJ. II. 74a; *Viteshko* KJ. II. 158a. — *družьstvo* : *drushtvu* Meg. To obliko ima vedno tudi sedanji knjižni jezik. — 2. *-ski*, ki je redkeje zastopan: *ſouuraſtuu* K_{55}: D 2a, D 3a, F 1b; Pg_{57}: h 4a, s 2b; CO: 18b; *ſouuraſtua* Pg_{57}: i 1b; *ſouuraſtuom* K_{55}: I 1b; *ſovraſtva* Trub. Post. I. 282; *buſstuu* TDP. Ab; *vbuſtuu* loc. sg. EDP. 89; *vittesku* Tulš. 53b; *vitesku* Bas. 118, 120, 225; *uitestvû* RpTK. 128a.

Na enak način se pojavlja skupina *-šsk-*: 1. *-ški* (tako tudi v knjižnem jeziku); **chyšьstvo* (dial. eventualno tudi **chyžьstvo*): *pohyshtuu* CO: 76b; *hiſhtva* Schönl. 219; *pohiſhtvu* Bas. 138; Rog. II. 132. — *touarishtui* loc. sg. K_{55}: D 5b; *tovarishtvu* Meg. E 6b; *tovarushtuo* Meg. E 8b; *touarishtuo* KJ. II. 108b, *touarushtua* KJ. II. 141b; *tovarſhtva* Bas. 303, 308; *tovarſhtvu* Rog. II. 270. — *mъ-*

nišьsko- : *menishke* K_{II}: 298, 299, 326; pri KJ.: *minishki* II. 17b, 107a; *minishke* II. 17b; *minishkega* II. 17a; *Minishko* III. 15a; učeno pisano (prim. *Gospodstvo* in pod.): *Menihshtua* Art. 84a; *Menihshtuom* CO: 21a. — **siromašьsko-* : *firomáfhki* Rog. II. 288. — **kožušьsko-* : *kožûška* »Lederapfel«. — **vlašьsko-* : *Lashko* T_{57}: 422 (2×), *lashki* Meg. G 7b; *Lafhko* Rog. II. 156. — Če spada *prešuštvo* h korenu *such-* (**prêsušьstvo*) gl. Nachtigal ČZN. XII. 4 sl. in ČJKZ. III. 63 sl., tedaj nam je navesti še *Prefushtuu* K_{II}: 470, *prefufhtvu* Jap. Prid. II. 24; zvečine pa srečavamo obliko *prešuštvo*. dalje pa tudi *prešustvo* in le enkrat *prefuftuu* K_{55}: F 2b. — 2. *-ski* : *pohyftuu* K_{55}: C 7a; CO: 76a *histvû* RpTK. 34b. — *tovarftvo* Bas. 303, 307; *u'tovarftui* Bas. 203. — *meniske* K_{II}: 300; *menisku* K_{II}: 506; *Menihftuu* Art. 85b (2×), 86b; CO: 51b, 52a. — *preshuski* T_{57}: 34, *Shuftuu* CO: 53a itd.

Za skupino *-ssk-* imamo sprva 1. *-ski*; *nebesьsko-* : *nebefki* K_{50}: 26, 29, 35, 38, 81; *nebeski* K_{55}: A 4b, C 5b, D 5a, G 1b; R_{58}: K 3a (2×); Pg_{57}: h 2a (2×); h 4b; k 2b; o 2a; r 2a; s 1a; CO: 66b, 74a, 75ab, 76b (2×), 77a; EDP. 51 (2×); Tulš. 1a, 3a, 4b, 12b; Meg. G 4a; KJ. II. 155b, 156a; *nebefka* Dalm. Bibl. I. 5a; *Nebefke* Krelj 17a; Znojilšek: *Nebefki* 33, 124 (3×); *Nebefke* 6 (2×), 9; *Nebéfku* Boh. 62; *Nebefku* Hren I. 28a, 29a itd.; po času zadnji primer je *nebeska* Rog. PE. II. 208 (2×), *nebeske* ibid. — 2. *-ški*; nastopa istočasno in se slednjič sploh uveljavi, tako tudi v knjižnem jeziku le *nebéški*; *nebefhki* K_{50}: 6, 12 (2×), 205, 234, 236, 243; *nebeshki* Pg_{57}: o 2a; CO: 13a, 103a, 105b, 115b, 116a...; EDP. 82, 201; KJ. II. 158a, 192a; Duh. br. 165; *nebeshkiga* CO: 25a, 28ab, 29b; EDP. 72; *nebeshka* Skal. 42b; Basar: *nebefhki* 248, *nebefhkiga* 218; Rog. II.: *nebefhki* 34, 43 (2×), 51, 152, 167; *nebefhka* 206 (2×), 207 (2×), 210 itd. — *vьsьsko-* (k *vьsь* »vicus«) > *váški* (splošno slovensko) < **vьsьskъjь*.

Glede medsebojnega razmerja oblik na *-ski* in *-ški* bi pripomnil, da (doslej v omejenem obsegu) navedeni primeri iz del Janeza Svetokriškega, Rogerija in morda tudi Basarja ne dovoljujejo popolnoma zanesljivega branja, ker je pri njih označevanje glasov *s* in *š* skrajno nedosledno in sta oba glasova zaznamenovana enako t. j. *s* ali *f* ali *sh*. Tako se mi zdi najverjetneje, da je v govoru vseh treh prodrlo že enostavno *-ški*; za to govori sledeče gradivo: pri Jan. Svetokr. SP. I. *siromaski* 159, *siromashko* 158; II.: *firomaskih* 137, *firomashki* 197; *nebefki* 52 (3×), *nebeski* 116, 117... *nebeskimu* 116, *nebeskiga* 115 — *Nebefhko* 63, *-e* 67, *-u* 130,

-iga 64, *-imu* 64...; *mertuaſku* 55, *mertvashko* 102, *bushtvu* 179, 184, 191, 193, *vbuſtvu* 140; *kmetushke* 192 itd.; Rog. I.: *Kováshki* 66, *Kováshtvu* 420; *mèrtvashkimu* 109, *mertuashkim* 638; *doujáshki* 629, *-iga* 124, 148, *Doujáshko* 368; *Soldáshkiga* 152; *junáshki* 473, *-u* 131, 171, 407, *Junashkim* 403, *Junáshtvu* 432, *-a* 154; *Beneshki* 227, 349; *Praſnishkiga* 328, *Kmétishki* 421 (2×), 422, *-iga* 421, *Kméteshki* 449, *Kmétoushka* 454 — *Kmétiskih* 446, *Kmétiski* 609, *Gerski* 624, *Nemskih* 648.

Radi popolnosti omenim še skupino *-csk-*, ki jo imamo v eni sami, mlajši tvorbi: **francьsko-* »francicus« > *franski : franska deshela* K II: 269; *vti franski desheli* K II: 283; *v' Franſki desheli* Dalm. Bibl. II. 90b; *Franſki* Boh. 10 (2×); *Franſkih* Boh. 38; *Franska* Meg. E 1a; Jan. Svetokr. SP. III. 304; *Franſku* SP. III. 306; *Franskiga kralja* ibid. 202; *Franſki* Rog. PE. II. 176; *ú Franſkim Krajlèuſti* Rog. II. 104; danes je v rabi *francǫ̑ski*, kar berem prvič pri Basarju: *franzoskiga* 236 in potem pri Rogeriju: *Franzóſki* II. 169, *Franzoſkim* II. 61.

Jasno je, da moramo pri razlagi teh različnih asimilacijskih oblik računati s kasnejšim posploševanjem nekih prvotnih tipov, izobraženih na podlagi enotnega razvojnega načela; da se je to posploševanje vršilo že v dobi slovenskih tiskanih spomenikov, je iz navedenega gradiva popolnoma jasno. Asimilacija se je v vseh skupinah vršila na isti način: od obeh spirantov (afrikat), ki sta po onemitvi *-ь-*a trčila skupaj, si je prvi asimiliral drugega; tako je prvotno stanje bilo tole: *-čski* > *-čki*, *-žski* = *-šski* > *-ški* in tretja oblika je bila *-ski* < *-sski* in *-r-ski*. Te tri prvotne oblike so vplivale druga na drugo: 1. *-ski*, *-stvo* se pojavi v prvi in drugi vrsti *(človẹ́ski; sovrâstvo; hîstvo)*; 2. *-ški*, *-štvo* se pojavi v prvi in tretji vrstvi *(človẹ́ški; nebẹ́ški, váški, fârški)*; 3. *-čki*, *-čtvo* ščasoma v vseh zapadnih dialektih (Koroško, Kranjsko, Goriško) izgine na korist obliki *-ški* (knjižno slovensko); ohranil pa se je v vzhodnih dialektih in je tu prešel tudi v oblike druge in tretje vrste: tako imamo poleg *človȍčkı, gr̥čkı, kovàčkı* (Prekmurje), *kmẹtičkı, bẹzjàčkı* (Središče), *gorîčkı, trojîčki, mr̥tvẹ́čki* (Slov. gorice) tudi analogične *hr̥vàčkı, hrovàčkı, lîənarčkı, sodàčkı, gráčkı* itd. Ker je dial. *čk* > *šk*, bi mogli reči, da je vsaj po nekod *-ški* < *-čki* glasoslovnega izvora kakor na prim. *pəškà* (Gorenjsko, Dolenjsko) proti *pazhkou* gen. pl. masc. Dalm. Mos. 117b, *pıčkẹ́-pıčťẹ* (Prekmurje); *nəškê* (Gorenjsko, Ig) *nẹ̀škē* (Poljane) proti *nəčkê* (Borovnica), *nǫ̀čkə* (Kras), *nizhke* Meg. K 4a (sekundarno tudi v gen.: *pišâk* (Horjulj),

nẹ̥šāk (Poljane); *mášk, mâška, zmǝškâm, Poulîška, Medệška* (k *Medè, -ẹ́ta*) na Gorenjskem proti *Súrečka, Mislečka* (Postojna) itd. Ker pa imamo v enem in istem narečju istočasno pri isti besedi dvojne (trojne) oblike (na prim. pri Trubarju: *mrtváčki* poleg *mrtváški* in *mrtváski*), se mi zdi, da govori to dejstvo dovolj jasno, da v naših oblikah nimamo glasoslovnega, marveč le analogični pojav *-ški* < *-čki*.

Pri tem pojmovanju so lahko umljive oblike *ľušk̀ì, ľučk̀ì* poleg uvodoma navedenih, pravilno razvitih *ľuck̀ì, ľusk̀ì*; prim. *lushka* R_{58}: G 3bs; *leshkem* Jan. Svetokr. SP. I. 18; *luſhkí* EL. 398; *Leſhke, Leſhku* Kan. Kat. l. 1761.: 138; dial. *ľǝšk, ľǝška* (Horjulj); *liuzhkiga* EDP. 46; enako še: *crouashkim* K_{II}: 267; *crouashku* K_{II}: 267 poleg *crouaſka* K_{II}: 333, *hrovaske* Pav. 22a; *Vdushtuu* CO: 59bs, K_{II}: 470 za *vьdovьstvo*; prekmursko *svedòustvo, člověịstvo* namestu **svedòučtvo, *člověịčtvo* itd.

Izmed dialektičnih posebnosti je omeniti oblike *člověịski, nebẹ́ski, hrvâski* (Postojna), predvsem pa še, da imajo narečja, ki dobro poznajo *-čki*, vendarle *tȍrski* (Prekmurje); *tűrski, nîmški* (Slov. gorice), ki imajo tudi le analogični *-ski, -ški*, ne morda glasoslovno razviti, kakor je glede zadnje oblike menil Škrabec JS. I. 535. — Naj navedem še adj. **tьržь̀stьskъjь* k **Tьržьstь̀* < vulg.-rom. **tĕrğĕstĕ* za ilir. *Tergeste* (prvotno slov. **tr̥žə̀st*, gen. **tr̥žstà* > *Trstä* — *Tȓst*), ki da v pravilnem razvoju **tr̥žástski* > **tr̥žáski* in analogično *tržáški*; kakor je razvidno iz akcenta, je na podlagi našega adjektiva stvorjeno tudi prebivalsko ime s sufiksom *-ịan-* : *Tržáščan* (tako v Ribnici), dočim je obče navadni *Tržáčan* nova analogična tvorba po *Bločan, Ljubljančan, Ločan* itd. pri *bloški, ljubljanski, loški*, torej *tržá-ški : Tržá-čan*. Izvajanje tega imena iz substantiva **tьržьstьcь* (gl. Ljub. Zvon, l. 1892, l. 1893., str. 172 sl.; Cvet. XI. 12; Škrabec JS. I. 534 in še Valjavec, Rad 119, 184), kjer bi morali reči, da je v tej obliki nastopila metatonija *(*tr̥žástǝc)*, je sicer tudi možno, a nam pojasni tudi le obliko *Tržáščan*; misliti pa, da je v nekdanjem **tr̥žástčan* izpadlo *-st-*, ni mogoče; tudi v *člověski* ni izpadel morda *-č-*, kakor se je trdilo v pravkar navedenih razpravah in se skušalo podpírati s stcsl. *běstvo*, ki naj bi bilo iz *běžьstvo*, ker vemo, da je tu drugačna tvorba *(*běg-stvo)* gl. Meillet, Étud. 306.

Te asimilacije so se pričele takoj, ko je *-ь-* onemel in vsled žive sile sufiksov *-ski* in *-stvo* je verjetno, da je istočasno nastopilo tudi že medsebojno vplivanje. Ker nam kaže jezik brižinskih spomenikov že onemitev fonetično slabega reduciranega vokala, pričakujemo torej že v tej dobi naše asimilirane in eventualno tudi že

analogične oblike. To pričakovanje je tudi izpolnjeno: *zlovuezki* II. 11 (brati je najbrž še *človečki*; k grafiki gl. Vondrák, Fris. pam. 38 sl., 43) **vъz-smažьstvo-*: loc. sg. *uzmaztue* III. 36 (brati je ali *usmaštve* ali pa tudi že *usmastve*; gl. Nahtigal, ČZN. XII. 9); **sъničьstvo-*: loc. sg. *ziniſtue* I. 16 t. j. *sničtve* ali *snistve* in *zniciſtvę* III. 34 t. j. mlajša oblika s sekundarnim *-ə-* (beri: *sničəstve*), torej isti pojav, ki ga imamo v XVI. stol. v dvojici *človestvo* — *človečəstvo*; da je *zhlouezhſtuu* brati kot *člověčəstvo*, o tem se moremo prepričati iz verzov, kjer je število zlogov določeno na pr. verzi z osmimi zlogi: *Stvarnik ta je ta ſtvar poſtal* — *vnasho naturo se podal* — *od divize htel rojen bit* — *skuſi zhloueizhſtvu knam prit* K_{95}: 141.

3. Refleksi za prvotni skupini *zdį̑* in *zgį̑*.

Glede refleksov za *zdį̑* in *zgį̑* v slovenščini je Miklošič, Vergl. slav. Gram. I.[2] 355, 357 zastopal mnenje, da sta obe skupini dali najprvo *ždž*, za kar pa se v narečjih izven prekmurščine govori danes *žj*; Škrabec, Cvetje XII. 12 pravi, da dasta ti dve skupini v slovenščini *ž-žj-žg* in Breznik, Slov. slovnica[2] 47 jemlje za refleks *ž(j)*, a si ni na jasnem o razvojni poti, ako izvaja *zagožen* < *zagožden* in to iz *zagozdjen*. O fonetičnem postopanju asimilacije (palatalizacije) v teh skupinah se nihče ni izrazil, samo Miklošič si razlaga *d͡ž* v *ždž* iz *dj* na isti način, kakor *č* = *t͡š* iz *tį̑* v *stį̑*. Treba pa je takoj ugotoviti važno razliko: dočim je enostavni *tį̑* dal v slovenščini *ć-č* (*sveča*), je pa vendar enostavni *dį̑* dal *j* (*meja*) in ne *d͡ž*.

Najprej si hočemo ogledati gradivo, določiti reflekse in končno si bomo skušali raznoličnost refleksov raztolmačiti.

I. Skupino *zdį̑* imamo v sledečih besedah: part. praet. pass. glagola *gvozditi* piše Levstik, Zbr. sp. IV. 26, 27, *vgojžen* (*į̯* je prehodni glas pred spirantom gl. gori *gráį̯ski*), kakor se glasi na Dolenjskem; iter. *zagvoževáti*, ki ga piše v Cestnem zakonu, (po Plet.) pa je najbrž njegova tvorba; drugače je v rabi iter. *zagvâžati* (južno vzhodno Štajersko). — **jêzd-į̑ā* > *jéža* »Reiten, Ritt« (prim. shrv. *ježđa* Akad. Rj. s. v.); isti koren je še v besedah: *ježáti* »reiten« na prim. *mrzlica ga pojéža* »er hat Fieberanfälle«; *jéžavka* f. »die Sommerwurz (orobanche sp.)«; dajo jo kravam, da se „*jezdijo*“ gl. LMS. 1879, 121; glede napačno stvorjenega knjižnega adv. *jêž* »zu Pferde« gl. Ljub. Zvon 1881, 571. — Dalje imamo najbrž *ž* < *zdį̑* v part. *naprâžen, -a, -o* »beschmückt« pri Ravni-

karju, Sgodbe I. 292: *ſo s' slatam in ſrebram podobe napráshene*; glagol bi se torej glasil **na-prazditi* »schmücken« in Pleteršnikova nastavitev *naprážiti* je napačna, Slov. I. 659; beseda spada pač k **prazd-*: stcsl. *prazdь* f. »otium«, *prazdovati* »otiari«, *prazdьnъ*; cksl. *neprazda* f. adj. »gravida« (slov. *prázən, práznik, praznováti*); semkaj spada še slov. adj. *prážnji, -a, -e* »festtäglich« prim. *oblézheni v' práshnje* Ravnikar l. c. I. 174 ter prim. cksl. *praždьnь* »vacuus«, rus.-cksl. *porožnee nedêli*; mlr. *porožnyj*. Slednja slov. beseda je tudi pomensko blizka gori navedeni. — Stanovniško ime na podstavi krajevnega *Gozd*, tvorjeno s sufiksom *-i̯an-*, se pravilno glasi *Gojžan* (s prehodnim *i̯* kakor v *Gòi̯zd*; gl. Ljub. Zvon 1893, str. 173).

Deloma opažamo tu isto analogijo kot pri enostavnem *di̯* *(obuden-obujen);* tako imamo *zagai̯zdȩ̀n* (Borovnica); verbalni substantiv k *ję́zditi* se glasi *ję́zdenje* namestu **ję́ženje*, prim. *gejzdenye* Nagy, Návod na fliszanya 97.

II. Skupina *zgi̯* daje v slovenščini: 1. *-ž-* prim. *brę́žati* < **brêzgêti;* III. sing. *breží* »es dämmert; h korenu gl. Berneker EW. s. v. *brêskъ* 1. — *bríža* f. < **bryzg-i̯ā* »sodrag t. j. **sǫ-gradъ;* kleinkőrniger Hagel«; veter *briží* »žvižga«; *brežáti, brežím* »jokati« < **bryzgêti*, prim. shrv. *brížditi* »weinen« (slov. *-e-* je analogičen po pomensko blizkih glagolih *vekati, brečati, ječati* itd.). — Koren **drazg-* (češ. *drážditi*, slovaško *drážditʼ*) ima le prekmurščina v *drážǆi̦ti̦* (gl. doli), dočim imajo druga narečja običajno *dražiti;* gl. Berneker EW. 221 in o medsebojnem razmerju korenov **dras(t)-, *drask-, *draz(g)-* pri P. Perssonu, Beiträge 779, opom. 1., pri čemer si **drazg-* tolmačim iz **drask-* po asimilaciji na zvenečo začetno konzonantično skupino prim. **bryzg- : *prysk-* in pod. gl. Persson l. c. 332. — V krajevnih imenih *Drežnik* (pri Vinici in Banjaloki), *Drežnica* (pri Kobaridu) vidim prvotno **drȩzgьniko-* ter jih vežem z *drȩzga*. — Kolektivno **rozgьje (*k *rozga)* »Rebenreisig« je dalo *róžje;* dial. *rṵ́ǫžje* (Kras). — Prvotno **drozgi̯ā* > *drǫ́ža* fem., *drožíca; *drozg-ii̯ā-* > *drǫ́ž-ja* fem. (prim. stcsl. pl. f. *droždьję*): *Ampag vſi Neuerniki te Semle moraio pyti, inu iſpyti te droshye* Trub. Psalt. 136a; *inu droshje is'shlepati* Dalm. Bibl. I. 298b; acc. *Droshie* KJ. III. 69a; nom. pl. *Droshie* KJ. III. 69a; nom. *Droshjé* Bohorič 77; *droshje* Megiser, Dict. s. v. Trüsen, Germgeleger, Heffen (3 ×); *drozie* Sommaripa 48a; gen. pl. *Enu maihinu droshy, enu cilu teſtu kiſsilu ſturi* T_{81} : 161; na podstavi tega gen. je nastal novi nom. pl. po fem. deklinaciji na *-i : dräžî* (Borovnica). Ker je bila stalno v rabi oblika nom. (acc.) pl. *drožję̂* (kakor *nogę̂*

k *nǫ́ga*; ziljsko *drǫ̀žje* je iz *drožjê*), je mogla biti dialektično smatrana za kolektivni neutrum prim. *drǫ́žje* (Šmartno pri Kranju: Kras). — H korenu **mêzg-* : *omežíti* »drevesno (vrbovo) skorjo tako doli potegniti, da ostane cela na pr. za piščalko«. — Substantivirani adj. **mozgēno-* (k *mozgъ*) kaže za palatalizirani *zg* refleks *ž* v *muzana* Sommaripa 38 in v dial. *mųžåne* (Knežec pri Rogaški Slatini). — Od korena **muzg-* imamo: *múža* »močvirje«; *múžiti* »omežiti«; *mužę́n* »saftig«: *kadar ... mladiza mushena rata* T_{57}: 74, 142; Dalm. Bibl. III. 15b; *tèrnje ... je ſhe narbule mushenu* Bibl. II. 119b; *mužę́vən*; oblika *məžę̂n* ne eksistira gl. Škrabec JS. I. 476 (v današnjem govoru pa je v tej obliki nastala po redukciji iz *mužę̂n*). — Slednjič še dial. *də̀ž*, gen. *dəžà* (stcsl. *dъždь*): *də̀š-dəžę̀*, loc. *pa dəžə̀* (Borovnica); *də̀ž, də̀žę* (Horjulj); *də̀š, díža* (rožanska dolina); *dìš, díža* (Töllerberg na Koroškem); pri Krelju, Post.: *dash* 4a; dat. sg. *dashevi* 17a; glagol *dəžíti* : *dashiti* Trub. Pav. 16a; *deshyti* Tulščak 64b; Dalm. Bibl. I. 2a, 5a; adj. *dəžę́vən*; subst. *dəžę̂vje*; glede prvotnega *zd* ali *zg* v tej besedi gl. Berneker EW. 248.

2. *-žj-*: poleg ravnokar navedenih oblik *də̀ž, -à* pa se običajnejša (obenem tudi knjižna) oblika glasi *də̀ž, dəžjà, dəžjù* itd., prim. *deshia* Trub. CO: 170a; pri Tulščaku: acc. pl. *Deshie* 48a, instr. sg. *deshiom* 48a, loc. sg. *v Dashij* (beri: *v dəžjì*) 48b; *deshjù* dat. sg. v Dalm. Bibl. I. 5b; *Dashya* KJ. II. 105a; *desja* Rog. PE II. 77 (2×), *desjà* ibid. (2×) in dial.: *dọ̀š, dọ̀žja* (Kras); *dẹ̀ž, dẹ̀žja, u dẹ̀ži* (*-i* < *-ji* Poljane); *də̀š, də̀žję* (Postojna); *də̀š, dəžjà* poleg *díža* (Rož); *dę́ž, dę̀žja* (Bočna) itd. Najbrž so vsa slovenska narečja izven onih, ki so ostala pri *ždž*, prvotno imela *dəžjà* ter je oblika *dəžà* itd. dialektično nastala na ta način, da je k nom. *də̀ž* pristopila običajna končnica *-a, -u* itd., torej *dəž+a*, ker se je *-j-* smatral za nekorenski element. Za to naziranje govori predvsem pojav, da imamo v enem in istem narečju obe obliki, tako na prim. v rožanskem in pa v govoru Janeza Svetokriškega: *deshia, deshià* II. 83 poleg *desha* I. 130, *deſſa* II. 133, *deſsu* II. 133 (3×). To sekundarno obliko je moglo v novejši dobi, odkar se je pričela pojavljati redukcija nenaglašenih in kratko poudarjenih vokalov (od XVI. stol. dalje), sprožiti in podpirati tudi dejstvo, da je *-jə̀* > *-jù* (dat. sg.), *-jù* ali *-jì* (loc. sg.) po nekod praviloma dalo *-ì* in končno *-ə̀* ter je tako *j* izginil: *dəžjù* > *dəžjə̀, dəžì, dəžə̀* in enako potem l; *dəžà* za *dəžjà*. — Poleg zgoraj navedenega *možâne* imamo še *možjâne, -i*: acc. pl. *Moshyane.* 57a l. ge KJ. n. pl. *Moshijan*

KJ. II. 48b; *moshjáni* Murko, Besed. l. 1832, 199; dial. *mųžjânı* (Slovenske gorice); *mųžjånı* (okolica Ljutomera).

3. *-žń-*: le v cas. obl. k *dəž* in sicer v narečju rezijske *(dàš, dèš - dažńà)* in ziljske (po cas. obl. se je uravnal tudi nom. sg.: *dəžn̥, dəžńa*) doline.

4. *-žl'-*: samo v dial. *možl'âni* (Rihenberk; gl. LMS. 1882—1883, 214).

5. *-ždž-* (*dž* je enoten glas, afrikata) je vseskozi v prekmurščini: mleko iz vimena *briždží; dráždžiti;ròždžje; droždžê; mę̂ždžęc* »Stock zum Zerquetschen der Trauben; *muždžíti - moždžìti* (*o* iz nenaglašenega *u* kakor v *jonák* < *junák* in pod.), *zmùždžęnı* prim. *grozdje sze predevszêm zmuždži i teda prêsa* Gönczy ABC (l. 1871) 47; *dę̀šč* (deloma že asimilirano v *dę̀š*) < *dę̀ždž*, gen. *dę̀ždža, dę̀ždží se, dę̀ždžòuvd'ę̀; moždžânı*. — V narečju Središča: *dę̀šč - dę̀š, dę̀ždža, dę̀ždžôuje*. — O disimilaciji spirantov gl. doli.

6. *-žg-*: edino v subst. *možgâni* (knjižno slovensko): *moshgani* Meg. Dict. s. v. Hirn; Gutsman 110; Murko l. c.; *moshgane* (*-e* je prvotna končnica nom. pl. po konzonantični fleksiji) Jan. Svetokr. SP. III. 245 Bas. 141; *mushganov* Jap. Prid. I. 142, *mushganih* ibid. I. 58; dial. *mužgânə* (Gorenjsko), *mažgânə* (Borovnica), *možγâni* (Kras), *mòžganę* (Zilja), *možγâne* (Rož), *mųžgåne* (Knežec), *mǫžgę̂n* (Kred pri Kobaridu). — Besede *žvížgati* ne moremo jemati v poštev, ker je onomatopoetična, gl. še Berneker EW. 365. Iz istega razloga nisem navedel pod 5. rezijske III. sing. *žvìždže*, ker njenega *-ždž-* ni istovetiti s prekmurskim gl. rezijsko *dàš*.

Iz podanega gradiva je lahko razvidno, da je regularni zastopnik prvotnih *zdi̯* in *zgi̯* v slovenščini *ž*, ki je nastal iz *ždž*, kar je ohranjeno še danes v prekmurščini in vzhodnih štajerskih dialektih, potem ko se je opustil zaporni element afrikate *dž*. V teh dveh skupinah imamo torej popolnoma isti razvoj kakor v *sti̯* in *ski̯* (*tášča* k *tьstь*; *təšč* < **tuski̯o-*).

Prvotna *ti̯* in *di̯* se pa v slovenščini nista razvijala na isti način; razvojni štadiji so se pri njiju vrstili v sledečem redu: 1. *t' - d'* (s temi znaki označujem, radi enostavnosti, v tem članku *alreppatalne* zapornike, ki jih Broch, Slav. Phon. § 21 zaznamuje z ligaturo zapornika in *j*: $t_ς$, $d_ς$); 2. *t' - j*; in 3. *ć - j* (*ć* je kasneje v vseh slovenskih narečjih, izvzemši onih na Krasu, Goriškem, Benečiji in Reziji, otrdel v *č*) gl. Belić, Revue des Études Slaves I. 20 sl. in moj članek o čakavsko-kajkavski izogloti *ć - j* v prihodnji številki istega časopisa. Ker pa se je asimilacija med dentalom in

sledečim *i* tako pri *di̯* kot pri *zdi̯* vršila istočasno, sledi iz tega, da se je v času gori označenega drugega štadija skupina *zdi̯* še nadalje glasila *žd*, to je, njen *d* ni prešel v *j*, marveč je šele pozneje in sicer takrat, ko je *t' > t's*, dal *d'ž*, tedaj *žd > žd'ž*. Zakaj se je *d'* v skupini *žd'* ognil prehoda v *j*? Razvoj prepalatalnega zapornika v homorganski spirant *(d > j)* se je izvršil zato, ker je bil *d* artikuliran s šibko napetostjo mišic artikulirajočega srednjega dela jezikove ploskve (lenis) ter jezik pri dani energiji ni več mogel doseči svojega visokega vis-à-vis-a na trdem nebu. Neposredno za homorganskim spirantom *š*-kategorije (naš *ž* je prepalatalni spirant) pa je bilo treba jezikovo ploskev dvigniti le za malenkostno višino, namreč le za širino raze (merjeno v vertikalni smeri) pri *ž*; poleg tega je jezik to razdaljo lažje zmagal, ker je bil radi stvoritve kotlička v prednjem delu ustne votline za dorzalni *ž* v svojem srednjem, razo tvorečem delu, napet. Ti momenti so dali glasu *d'* v skupiní *žd* napeto, krepko artikulacijo in zato ta *d* ni mogel preiti v *j*. Kasneje se je v rekurzu glasu *d* — kakor tudi pri *t* (3. štadij) — izobrazil spirant, gl. o tem pojavu Jespersen, Lehrb. d. Phon. 165 sl., nastala je iz obeh glasov afrikata in v nji je slednjič zaporni element zamrl. Cel razvoj skupine *zdi̯* je torej tale: *zdi̯ - žd'* (prepalatalno artikulirana) *- žd'ž - žž - ž(ž)*.

V skupini *zgi̯* se je razvijalo *gi̯* tako kot *g*, izpremenjen po prvi slovanski palatalizaciji: *g - ǵ - ğ* (prepalatalni) *- d'* (prepalatalni), ki razvije (že praslovansko) v rekurzu spirant: *d'ž*, na kar je zaporni element zamrl *(ž - ž)*. Loči pa se *gi̯* v skupini *zgi̯* od enostavnega *gi̯* v tem, da se je v *zgi̯* ohranila afrikata mnogo delj časa in da se je najbrž glasilo *ždž* celo še v dobi, ko se je *žd < zdi̯* preobraževal v *žd'ž*, kar se je gotovo vršilo že v samostojnem razvojnem življenju slovenskega jezika, to je, od konca VI. stoletja dalje; prim. še današnje shrv. dial. *žđ* proti *ž* in gl. Belić Prace lingw. ofiar. J. Baud. de C., 147.

V skupini *ždž < zdi̯, zgi̯* je dialektično mogla nastopiti disimilacija spirantov in sicer v obeh smereh: tako imamo na vzhodnem Štajerskem *moždâni* (citirano po Miklošiču l. c.; prim. še shrv. dial. *moždani* in pa *mųdžậnı* (Sv. Miklavž pri Ormožu). Do zakonite vrednosti te disimilacije v slovenščini niso prišle, marveč so le dialektične in omejene na gotove besede; imajo isti značaj kot sporadično *št < šć*, izpričano v krajevnem imenu *Strasista* (za današnje *Stražišče* pri Kranju) v listini iz l. 1002, gl. Kos, Gradivo III. št. 9 ali v *poſtediſi* v brižinskem spomeniku III. 50.

Pa tudi oblika z *žd*, bodisi da je ta *žd́* stari, direktno iz *zdį*, *zgį* asimilirani, bodisi da je kasnejši, iz *ždž* disimilirani, ni ostala v nekaterih dialektih brez nadaljne irregularne izpremembe in to — kakor razvidimo iz gradiva — ravno in samo pri dveh besedah (*dəž, možgani)*, vsled česar nam je iskati vzroka tem novim premenitvam v soseščini glasov. Mislim, da je te izpremembe povzročil dental (*d-* v *dəž, -n-* v *možgani)*. V oblikah **dəžd́a* in **možd́ane* sta *d-* in *-n-* disimilatorično vplivala na *d́*; ta disimilacija se je izražala v tem, da se je pri tvoritvi glasu *d* én artikulatoričen element, skupen *d-* u in glasovoma *d, n,* zanemaril; tako je totalna zapora pri *d* postala parcijelna, in sicer: 1. ali središčna (medianna), to je, *d > ľ : možľani*; prim. čak. *možľani* pri Voltiggiju; *môžľeni* (Dubašnica) gl. Rad, 121. knjiga, str. 109.; 2. ali obstranska (lateralna), to je, *d́ > j : možjani, dəžja*; ta *j* torej ni — kakor že poudarjeno — glasoslovno razvit iz *d* ob času prehoda enostavnega *d > j*, enako ne v čak. *možjani*, kakor misli Belić, Prace lingw. 148. V obliki **dəžd́a* pa je še posebe lahko nastopila disimilacija *d - d* > *d - ń (dəžńa*; opustitev jezičkove zapore). K tem disimilacijam prim. čak. *(g)ńazlo* < *gnêzdo*; češ. dial. *jetel* < *deteľь; jásna* < *dęsna;* istovrstna z *d - d́* > *d - ń* je disimilacija *n - n* > *d - n :* provensalsko *degun* < *nec-unus,* slovensko dial. *dobedən* < *nobedən* (bolje *doben* < *noben*) itd.

Težje si je razložiti obliko *možgani*, ki gotovo tudi izvira iz prvotnega ali kasneje disimiliranega **možd́ani*. Mogoče je, da je nastala v novi naslonitvi na besedo *mozgъ*; če pa je izključno fonetično razvita, potem bi mogli misliti, da je vokal *a* pritegnil *d́* v artikulacijsko območje zadnjega dela ustne votline *(d > ǵ, g)*, pri čemer je obenem tudi *n* disimilatorično vplival na način kakor se nam kaže v znanih prehodih *dn > gn (gnès* na Štajerskem; *gnár* na Kranjskem; itd.), *dl > gl (gláka* v Prekmurju; kašub. *żągło* lit. *ẽglė* itd.).

Ljubljana.

Fr. Ramovš.

Popravka.

V prvem prispevku je na str. 37. v. 5. od spodaj nam. *crı∫|tı|ız* treba postaviti **crı|∫tı|ız.**

Etudes sur le système verbal du russe contemporain.

> La langue est un système dont toutes les parties peuvent et doivent être considérées dans leur solidarité synchronique.
>
> *F. de Saussure.*

Classification naturelle des verbes russes.

I.

Toute classification est nécessairement statique puisqu'il n'est possible de classer que les choses coexistantes. — Une classification des verbes russes serait appelée à enregistrer un état donné de cette langue, mais en dehors des limites de cet état elle n'aurait qu'une valeur toute relative pour ne pas dire nulle. Et puisqu'un système linguistique n'est jamais à cheval sur deux époques, il est impossible de concevoir une classification qui correspondrait au système verbal du russe d'aujourd'hui aussi bien qu'à celui du slave commun ou bien aux systèmes verbaux des autres langues slaves à tous les moments de leur évolution. En voulant être »historique« une pareille classification fausserait la perspective historique elle-même, faisant croire que le russe n'évolue point et que son système verbal demeure aujourd'hui le même qu'il y a mille ans.

Un exemple, pris au hasard parmi tant d'autres, servira à illustrer notre idée. — La classe III de la classification des verbes russes proposée jadis par M. Paul Boyer comprend les verbes en *-jeш*;[1]) y appartiennent par conséquent les verbes tels que играешь, белеешь, рисуешь, on pourrait à la rigueur y faire rentrer les types tels que дуешь, веешь, куёшь, mais on serait surpris d'y trouver les verbes du type пишешь; et cependant вяжешь, пишешь, треплешь etc. y sont rangés à côté des verbes en *-jeш*, parce qu'ils ont dû autrefois se présenter comme вязjешь, писjешь, трепjешь. Pourtant, des deux choses l'une: cette classification s'applique au

[1]) Paul Boyer, De l'accentuation du verbe russe (Livre du centenaire de l'École des langues orientales vivantes), Paris, 1895, p. 416.

système verbal du russe d'aujourd'hui, et les verbes du type пишешь doivent être attribués à la classe I *(-ешь)* pour figurer là à côté de лéзешь et вьёшь, ou bien il s'agit de décrire un état antérieur de la langue, un état si ancien qu'on ne voit guère en quoi le russe de cette époque diffère du slave commun. — Le même reproche de vouloir embrasser la diachronie et la synchronie, tout à la fois, pourrait être adressé à toutes les autres classifications des verbes russes.

Cependant ne serait-il pas permis de considérer toute classification simplement comme un moyen pratique et conventionnel, dépourvu de toute valeur scientifique, de cataloguer les phénomènes linguistiques; un procédé destiné à mettre dans une langue un peu de cet ordre que la nature lui a refusé, afin de faciliter par là l'étude de cette langue? Or, une langue est un s y s t è m e, et prétendre y introduire de l'ordre c'est simplement avouer que nous ne la connaissons pas suffisamment. Penser autrement et admettre qu'une langue puisse demeurer en état de chaos, c'est renoncer à la possibilité d'une science du langage.

On peut affirmer a p r i o r i que les verbes du russe contemporain forment un système, différant des systèmes verbaux des autres époques du russe, mais dont toutes les parties sont solidaires entre elles. Déterminer les liens essentiels qui relient les verbes entre eux et qui, d'autre part, les rattachent aux autres mots de la langue, c'est démêler les lois de la dérivation qui régissent le fonctionnement du mécanisme verbal, mais c'est en même temps trouver la c l a s s i f i c a t i o n n a t u r e l l e d e s v e r b e s r u s s e s.

La classification ainsi conçue ne saurait point avoir pour base la distinction de différents types de conjugaison. En effet, le russe d'aujourd'hui possède trois types de présent: *-^ш (-ешь), -ош (-ёшь)* et *-iш (-ишь, -ышь)*; affirmerait-on cependant que сту́кнешь et толкнёшь constituent deux classes verbales différentes ou bien que играешь et лезешь appartiennent à une même classe? Il est vrai, que l a c o n j u g a i s o n embrasse la totalité des formes d'un verbe et non seulement les formes du présent, mais alors une nouvelle difficulté surgit: un verbe comme гореть = горят (горишь) appartient-il au type хранить = хранят (хранишь) ou bien au type белеть = белеют (белеешь), figurera-t-il à côté de петь = поют (поёшь), costituera-t-il une classe à part, celle des verbes en -еть = ат etc.? Il n'est pas absolument faux d'affirmer qu'il y ait autant de conjugaisons qu'il existe de verbes. La conjugaison est

un problème d'ordre »intérieur« et qui est subordonné au problème de la classification. Le verbe russe n'est pas tout entier représenté dans la conjugaison, ainsi p. ex. l'aspect est extérieur à la conjugaison, puisque chaque aspect a une conjugaison à lui. Seule la dérivation peut fournir une base pour la classification.

Il ne s'agit point ici de la dérivation historique. Ce phénomène lui aussi a sa face statique. Si pour l'histoire, le verbe пылить dérive de пыль, c'est parce qu'il vient après le substantif пыль. Pour la synchronie, le verbe пылить dérive de пыль parce qu'il s'explique par ce nom et parce qu'il s'appuie sur lui. Les deux faces de la dérivation ne coïncident que rarement; ainsi, pour l'histoire, играть dérive de игра, par conséquent c'est un dénominatif, mais pour la conscience linguistique des russes d'aujourd'hui, играть est un primaire tandis que игра en est un dérivé, une espèce de substantif verbal. L'une des tâches essentielles de la linguistique synchronique consiste précisément à établir une distinction rigoureuse entre ce qui, dans un état de langue, se présente comme primaire et ce qui se présente comme dérivant; problème qui n'existe point pour la linguistique diachronique puisque pour celle-là tout dérive à condition de remonter le cours de l'histoire pour saisir le file de la dérivation. — C'est aussi pourquoi nous nous appliquerons dans la suite à déterminer, ne fût-ce que d'une façon sommaire, le degré de productivité de chaque type de morphèmes verbaux, et notre classification fera une distinction entre les classes verbales productives et les types verbaux improductifs.

Les grammairiens d'autrefois s'intéressaient vivement au problème de la dérivation: Dobrovský, Puchmayer, Vostokov, Greč, Pavskij consacraient dans leurs grammaires de longs chapitres à la «formation des mots», tout en confondant naturellement l'histoire et la statique. Pavskij cherchait avec raison à expliquer le système des aspects par le mécanisme de la dérivation déverbative, mal compris d'ailleurs. Dal' allait plus loin encore en déclarant que „. . . будущая грамматика наша должна будет пойти сим путём, то-есть, развить наперёд законы этого словопроизводства, разумно обняв дух языка, а затем уже обратиться к рассмотрению каждой из частей.“[1]) Les grammairiens contemporains ne font, par contre, que très peu de cas de la dérivation envisagée sous son aspect synchronique, l'historisme les empêche même d'y voir aucun

---

[1]) В. Даль, *Напутственное слово,* v. Словарь, 1re éd.

problème. Et l'on dirait que pour eux, la grammaire et le vocabulaire scindent définitivement une langue, comme si les valeurs formelles et les valeurs sémantiques appartenaient à deux ordres de choses différents et irréductibles. Il n'y a pourtant pas d'abîme infranchissable entre la grammaire et le vocabulaire, puisque entre les deux s'étend le domaine de la dérivation synchronique où s'opère précisement la transformation des valeurs concrètes en valeurs généralisées, formelles et où l'on peut observer comment la grammaire naît de la sémantique.

La classification des verbes russes qui est exposée dans cette étude a été en ses grandes lignes établie par nous pendant l'hiver de 1916—17. Notre maître et ami, M. Charles Bally, professeur à l'université de Genève, a suivi avec une attention sympathique toutes les étapes de nos recherches et ne s'est jamais lassé de venir éclairer notre chemin de ses lumières. Nous saisissons cette occasion pour lui exprimer ici notre plus vive gratitude. Cette même classification a été l'objet de deux rapports que nous avons faits au mois de Mars 1918 dans les séances de la Commission dialectologique de Moscou, présidées par M. N. D. Ušakov, professeur à l'université de Moscou. Ce qui nous a décidé à faire la présente publication c'est d'une part, l'approbation que notre classification a trouvé auprès de M. A. Meillet et, d'autre part, la parution d'une nouvelle classification des verbes polonais proposée par M. Meillet dans sa *Grammaire polonaise* et qui s'inspire des mêmes principes que la nôtre. Ce furent autant d'encouragements que de gages de la vérité de notre conception.

II.

Les verbes russes aux morphèmes productifs forment c i n q classes; ceux aux morphèmes improductifs, et qui sont au nombre de 380—400 verbes, se laissent facilement repartir en plusieurs groupes.

Classes productives:

Classe I. (-ат' = -аjŷт): играть, гулять, разбойничать, выигрывать, ахать etc.

Classe II. (-ет' = -еjŷт): белеть, советь etc.

Classe III. (-ават' = -уjŷт): рисовать, ночевать, диктовать, массировать etc.

Classe IV. (-ит' = -ат): хранить, мылить, белить etc.

Classe V. (-нут' = -нут): толкну́ть, сту́кнуть.

Types verbaux improductifs:

A. (-ат' = -ут): сосать, мазать, веять, обнять etc. (157 verbes au moins).

B. (-ат' = -ат): кричать (36 verbes).

C. (-ет' = -ат): гореть (48 v.)

D. (-нут', le prétérit sans élément -ну-): гаснуть (60 v.).

E. (-т'i ou -с'т'): нести, грызть (33 v.).

F. (-ч'): печь (16 v.).

G. Verbes isolés: бить, тереть, дать, мыть, колоть etc. (47 v.).

La conjugaison russe, considérée comme ensemble des formes verbales, distingue deux groupes de morphèmes: groupe de l'infinitif (infinitif, prétérit, gérondif et participes passés) et groupe du présent (présent, impératif, gérondif et participes présents). Pour déterminer le type d'un verbe, il est indispensable d'en connaître deux formes au moins, p. ex. celle de l'infinitif et celle de la 3e pers. pl. du présent;[1]) pour certains types improductifs, notamment pour les verbes des types *D*, *E* et *F* il est nécessaire de connaître également la forme du prétérit.

Les cinq classes vivantes sont autant de types de la dérivation verbale, et le rôle de chaque classe dans l'économie verbale est déterminé par le degré de sa productivité. Les sources de la dérivation verbale sont actuellement les suivantes: 1° dérivation déverbative qui est en même temps dérivation aspective, 2° dérivation dénominative, 3° dérivation imitative et 4° emprunts verbaux.

1° Dérivation déverbative. — A. Préfixale (perfective et transitive): игра́ть *impf.* > вы́играть *pf.*: лежа́ть *impf.* et *intr.* > пролежа́ть *pf.* et *trans.* B. Suffixale: *a)* imperfective secondaire: suffixes *-ывать* | *-ивать*, *-ева́ть*, et *-а́ть*: вы́играть *pf.* > выи́грывать *impf.*; согре́ть *pf.* > согрева́ть *impf.*; разруби́ть *pf.* > разруба́ть *impf.*; *b)* perfective momentanée: suffixe *-нуть* (et *-ану́ть*): толка́ть *impf.* > толкну́ть (et толкану́ть) *pf.* Les perfectifs momentanés peuvent également s'ajouter de préfixes: вы́толкнуть, подтолкну́ть etc. La chaîne de la dérivation aspective se présente de la façon suivante: verbe fondamental impf. толка́ть > verbes du 1r degré de la dérivation: — perfectifs: вы́толкать, протолка́ть; толкну́ть, оттолкну́ть etc. > imperfectifs secondaires (2e degré de la dérivation):

[1]) Voir sur l'importance de la forme de la 3e pers. pl., Грот, Филолог. изыскания, I. О спряжении русск. глагола, Спб., 1876.

вытáлкивать, протáлкивать; оттáлкивать etc. > perfectifs secondaires (3e degré de la dérivation): повытáлкивать, переоттáлкивать, навытáлкивать.

2° Dérivation dénominative; suffixes: *-ничать* (intransitif): разбóйникъ > разбóйничать; повéса > повéсничать; *-еть* = *-еют* (intrans.): бéлый > белéть, совá > совéть; *-ствовáть* (intr.): пья́нство > пья́нствовать; бéдствие > бéдствовать; *-овать* | *-евать*: гóре > горевáть; *-ить* = *-ат* (généralement transitif): бéлый > бели́ть; пыль > пыли́ть. — NB. Une catégorie vivante de la dérivation constituent les dénominatifs préfixaux (par conséquent perfectifs) formés directement sur les noms et n'ayant point de verbe simple (fondamental) correspondant: обезлошáдеть, опайковáться, облеси́ть, углуби́ть etc. Ceux-là sont traîtés sur le même pied que les perfectifs préfixaux du 1r degré de la dérivation.

3° Dérivation imitative; suffixe *-ать (-к-ать):* ax! > áхать, вы > вы́кать; ш . . . ш . . . > ши́кать etc.

4° Emprunts verbaux; suffixes: *-ир-овать, -из-ир-овать, -из-овать* et *-овать*: электризи́ровать ou электризовáть, колонизовáть, диктовáть.

Les différents morphèmes qui servent à la dérivation verbale se laissent facilement grouper en cinq classes, ainsi se constituent les classes verbales productives. Il va de soi qu'il existe des éléments »morts«, c.-à-d. improductifs dans les cinq grandes classes, tels sont par ex. les verbes monosyllabiques, ainsi s'établit une transition entre les classes productives et les types verbaux improductifs. Nous en reparlerons encore dans la suite.

Les problèmes les plus importants qui se rapportent au verbe russe, tels que l'accentuation, le mécanisme des aspects, la transitivité et les voix, la conjugaison, les alternances etc., trouvent une explication suffisante du moment que la structure intime du verbe nous est connue et que la frontière séparant le productif de l'improductif est trouvée. Dans nos études suivantes nous parlerons de certains de ces problèmes. Mais il est indispensable de nous arrêter ici même sur les types de l'accentuation que nous aurons à distinguer dans l'exposé qui suit.

On peut distinguer l'accent thématique (рабóт-ать = рабóт-ают), et l'accent suffixal (игр-áть = игр-áют), pourtant cette distinction n'est pas toujours applicable lorsqu'il s'agit de certains types improductifs, dans lesquels le sémantème et le morphème

fusionnent, p. ex. печь = пеку́т, лечь = ля́гут, мочь = мо́гут (могу́) etc.

Le mouvement de l'accent à l'intérieur de la conjugaison permet d'établir une distinction entre l'accent fixe (рабо́тать = рабо́тают, игра́ть = игра́ют, говори́ть = говоря́т etc.) et l'accent mobile (ходи́ть = хо́дят, хожу́; тяну́ть = тя́нут, тяну́ etc.). Il est à distinguer encore deux variétés de l'accentuation: *a)* accent d'opposition: рисова́ть = рису́ют, рису́ю, où chaque groupe de morphèmes a son accentuation à lui; ce type est propre aux verbes de la classe III accentuant la syllabe finale à l'infinitif, ainsi qu'à une vingtaine de verbes des types improductifs (застря́ть = застря́нут, застря́ну, обяза́ть = обязу́ют, обязу́ю); et *b)* accent irrégulier: печь = пеку́т, пёк, пекла́, пекло́...; où il s'agit d'un transport de l'accent sur la finale au prétérit, ce type est propre à une quarantaine de verbes des types improductifs *E*, *F* et *G* et à un seul verbe de la classe IV, à savoir роди́ть-ся = родя́т-ся, роди́л-ся́, роди́ла́-сь etc.

L'accent mobile est propre à quelques deux cents verbes, dont 126 appartiennent à la classe IV; 4 appartiennent à la classe V et 75 aux types improductifs. Seuls les verbes accentuant la syllabe finale à l'infinitif peuvent avoir l'accent mobile. Parmi les monosyllabes, seuls гнать = го́нят, мочь = мо́гут, снять = сни́мут, срать = се́рют et стлать = сте́лют ont l'accent mobile.

III.

Classe I (-ат' = ajу̂т): *играть, гулять.*

1° Dérivation déverbative. Tous les imperfectifs secondaires appartiennent à la classe I.[1]) Leurs suffixes sont: *╧ывать* | *╧ивать, -ева́ть* (pour ceux qui sont formés sur les perfectifs de la classe II) et *-а́ть* (relativement peu productif et de plus en plus éliminé par le suffixe *╧ывать* | *╧ивать*). Exemples: вы́играть *pf.* I > выи́грывать *impf.* I; подрисова́ть *pf.* I > подрисо́вывать *impf.* I: перевари́ть *pf.* IV > перева́ривать *impf.* I; оттолкну́ть *pf.* V > отта́лкивать *impf.* I; — согре́ть *pf.* II > согрева́ть *impf.* I; — разруби́ть *pf.* IV > разруба́ть *impf.* I; отряхну́ть *pf.* V > отряха́ть *impf.* I et

[1]) Excepté: -водить, -возить, -носить, -ходить (p. ex. привести *pf.* | приводить *impf.* secondaire etc.); ложиться, садиться, становиться (p. ex. лечь *pf.* | ложиться *impf.*); цавать, -знавать, -ставать (p. ex. узнать *pf.* | узнавать *impf.*); notons, enfin, па́дать (de пасть *pf.*) dont l'irrégularité consiste dans son accentuation, mais qui autrement ne diffère en rien des autres imperfectifs secondaires de la classe I.

отря́хивать *impf.* I; пригото́вить *pf.* IV > приготовля́ть *impf.* I et пригота́вливать *impf.* I etc. — Pour apprécier à sa juste valeur l'importance de cette source de la dérivation, il suffit de rappeler ici que chaque verbe fondamental peut former autant de préfixaux perfectifs qu'il existe de préfixes productifs, c.-à-d. 19, et que chaque préfixal perfectif crée à son tour un imperfectif secondaire.

2° Dérivation dénominative. Cette source-là n'a à sa disposition que le suffixe *-ничать*, très productif: сапо́жник > сапо́жничать, либера́л > либера́льничать; „Но он только съамбицио́зничал" (Дост. Бесы, I, 1.). Ce suffixe est essentiellement intransitif.

Les types крепча́ть < кре́пкий, дорожа́ть < дорого́й, обе́дать < обед, за́втракать < за́втрак, ne sont plus productifs. Le seul dénominatif nouveau de ce genre qui nous soit connu c'est викжеля́ть, doublet péjoratif de викже́лить, louvoyer dans la politique (de викжель, всероссийский исполн. комитет жел. дорог), qui est formé, croyons-nous, sous l'influence de виля́ть et peut-être de вихля́ть. Les rapports entre certains dénominatifs anciens comme рабо́тать, де́лать et les noms correspondants рабо́та, де́ло, sont renversés: actuellement ces noms se présentent comme dérivés des primaires рабо́тать, де́лать etc.

3° Dérivation imitative. Presque toute formation imitative peut être transformée en un verbe: ох! > о́хать, усь! > у́ськать бай > ба́йкать, баю́ > баю́кать; le même suffixe *-ать* (*-к-ать*) est employé s'il s'agit de reproduire un mot tel quel, — quant à sa forme phonétique: вы > вы́кать; да > да́кать; не > не́кать; comp. aussi: мада́мкать (Нелли Пташкина, Дневникъ, стр. 232) etc.

L'accent est toujours fixe. — S'il est suffixal à l'infinitif, il recule sur l'antépénultième au part. passé passif: проигра́ть *pf.* > прои́гранный; excepté жела́нный de жела́ть, qui est d'ailleurs senti comme simple adjectif. L'accent de l'infinitif est déterminé pour les déverbatifs par l'accentuation des suffixes imperfectifs secondaires, pour les autres dérivés, par l'accentuation des primitifs correspondants.

Tous les verbes fondamentaux sont imperfectifs, excepté пойма́ть *pf.* et обу́ять *pf.* (très rare) qui pour la conscience linguistique d'aujourd'hui se présentent comme verbes simples.

Tous les verbes sont dis- et polysyllabiques, excepté знать.

Néologismes.[1]) En voici quelques exemples: мешо́чничать, халту́рничать, викжеля́ть; les gens du peuple, p. ex. les domestiques

[1]) Pour les néologismes v. A. Mazon, Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914—1918), Paris, 1920; R. Jakobson, Vliv revoluce na

russes, se trouvant en Suisse disent гутéкать pour »goûter« (le repas de 4 heures) etc.

Classe II (-ет' = -еjŷт) *белеть.*

Dérivation. — Presque tout adjectif qualificatif de même qu'un grand nombre de substantifs peuvent former un verbe correspondant à la formule »être ou devenir tel«: бéлый > белéть, деревя́нный > деревянéть, зверь > зверéть. Tous ces verbes sont intransitifs, excepté les primaires греть et жалéть.

Les verbes primaires sont болéть, владéть, говéть, греть, жалéть, зреть, имéть, млеть, мреть, преть, рдеть, сметь, спеть, тлеть et умéть.

Accentuation. L'accent est toujours fixe. Il frappe presque toujours le suffixe *-еть*. Le phonème *е* n'est atone que dans les cas suivants: 1° dans les verbes formés sur les adjectifs en *-áвый*, *-áтый*, *-ы́вый* | *-и́вый*, *-óвый* et sur les adjectifs composés avec *без-* qui reproduisent l'accentuation de leurs primitifs:[1]) худощáвый > худощáветь etc.; excepté богáтый > богатéть et вдóвый > вдовéть; 2° dans les verbes suivants qui imitent également pour la plupart l'accentuation de leurs primitifs: вéтреть, дебéлеть, и́ндеветь, корóстеть, пáсмурнеть, плéсневеть ou плéснеть, пры́щеветь, посты́леть, проти́веть, сáднеть (aussi сáднить), ти́неветь, убóжеть, угрю́меть, чáвреть, я́дреть: on y ajoutera encore червóнéть: „Всё поле ярко *червóнéло* золотом от ярко желтевшей сурепицы" (Гоголь, Из записн. книжек).

A l'infinitif, tous les verbes sont dis- et polysyllabiques, excepté греть, зреть, млеть, мреть, преть, рдеть, сметь, спеть et тлеть.

Sauf одолéть *pf.*, tous les verbes fondamentaux sont imperfectifs.

La plupart des verbes de la classe II, les perfectifs tout particulièrement, forment un adjectif verbal (neutre) en *-лый*: окаменéть *pf.* > окаменéлый, умéть > умéлый etc.[2])

---

ruský jazyk (Nové Atheneum, 5—6, 1921, Praha): Екат. Ремпель, Язык революции и революция языка (Новый Путь, 28. VIII. 1921, Рига) et nos articles: Язык и революция (Общее Дело, 8. II. 1921, Paris) et „Халтура" (Посл. Новости, 3. II. 1922, Paris) ainsi que notre brochure Язык, война и революция. Berlin, 1922.

[1]) Cf. Павский, Филол. наблюдения, III, p. 37 et P. Boyer, De l'accentuation etc. pp. 435—436.

[2]) On trouvera des observations intéressantes sur les adjectifs en *-лый* dans А. Потебня, Из зап. по р. грамм. II, pp. 134 ss.

Quelques verbes de la classe II subissent l'influence analogique de ceux de la classe IV, dans laquelle il y a beaucoup de verbes formés également sur les adjectifs (бѣли́ть, черни́ть etc.). On dit et on écrit souvent: обесси́лит pour обесси́леет, ржа́вит pour ржа́веет, опроти́вит pour опроти́веет, вы́здоровлю pour вы́здоровею etc.[1])

Néologismes: обольшеве́ть *pf.*, лазуре́ть, футуре́ть.

Classe III (-ават' = -ујўт) *рисовать, горевать.*

Ici pour la première fois nous rencontrons des altérnances phonétiques: suivant que la consonne thématique est dure ou palatalisée, le morphème de l'infinitif sera *-ават'* ou *-еват'* et cette distinction se maintiendra dans toutes les formes du groupe de l'infinitif. Les consonnes thématiques *j*, *ж, ш* et *ц* sont dans ce cas assimilées aux consonnes palatalisées: воева́ть, бушева́ть etc. — D'autre part, les deux groupes de morphèmes, à savoir — ceux de l'infinitif et ceux du présent — se distinguent рис*овать* = рис*уютъ*.

Dérivation. — Dans la langue littéraire la source principale de la dérivation vient par les emprunts. On peut affirmer qu'il n'y a pas de verbe étranger qui ne puisse être introduit dans le russe au moyen du suffixe *-ировать* ou *-овать* (plus rarement). Il paraît que le russe littéraire s'est définitivement approprié le suffixe *-ier-(en)* qui joue dans la langue allemande un rôle analogue. Exemples: редуци́ровать, интерни́ровать, дирижи́ровать, канонизи́ровать, электризи́ровать ou электризова́ть; диктова́ть, атакова́ть, танцева́ть, колонизова́ть, вербова́ть, штурмова́ть etc. Il existe des verbes formés directement sur des substantifs empruntés: шикова́ть, митингова́ть, доктори́роваться, магистри́роваться; бастова́ть < ба́ста! Notons aussi бронирова́ть et советизи́ровать. — Il arrive que les deux formes, celle en *-ировать* et celle en *-овать* coexistent: локализи́ровать et локализова́ть. Dans les cas suivants, la différenciation de forme est accompagnée d'une différenciation de sens: кома́ндовать (commander) — командирова́ть (envoyer en mission); формова́ть (mouler, terme technique) — форми́рова́ть (former).[2]) — Dans le peuple, seul le suffixe *-овать* est connu, et p. ex. les soldats russes se trouvant en France disaient ангажева́ть et non pas ангажировать; les verbes du type митин-

---

[1]) V. pour d'autres exemples В. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, II, pp. 252 ss.

[2]) Cf. В. А. Богородицкий, Общ. курс р. грамм., p. 493.

товáть sont aussi, croyons-nous, de formation populaire. — Par contre, dans la langue littéraire c'est le suffixe *-ировать* qui l'emporte: les verbes comme компилевáть, цитовáть, attestés par Dal' et par Grot, ou корректовáть — „Сижу день и ночь; езжу, пишу, *корректýю*..." (Достоевский, Письмо к Тургеневу от 14. XII. 1864), sont définitivement remplacés par компили́ровать, цити́ровать, корректи́ровать.

Dérivation dénominative. Les verbes se forment surtout sur les substantifs neutres en *-ство* et *-ствие:* цáрство > цáрствовать; торжествó > тóржествовáть; бéдствие > бéдствовать. Mais le simple suffixe *-овать* | *-евать* est aussi productif, surtout dans le peuple: гусь > гусевáть, лицó > перелицевáть *pf.*, блядь > блядовáть, паёкъ > опайковáться *pf.* etc. Mais d'une façon générale, la formation des verbes sur des substantifs à suffixe zéro est un privilège indéniable de la classe IV.

Accentuation. L'accent est fixe s'il frappe le thème verbal. Si l'accent est suffixal, il frappe à l'infinitif l'élément *-ва-*, et dans les formes du groupe du présent, l'élément *-уj-*: рисовáть = рисýютъ (le part. p. passif accentue l'antépénultième). Ce type d'accentuation qui fait ressortir l'opposition des deux groupes de morphèmes pourrait être défini comme accent d'opposition.

Les dénominatifs formés sur les substantifs en *-ство* et *-ствие* reproduisent l'accentuation de leurs primitifs. Si le suffixe *-ствó* est accentué, le verbe correspondant aura également l'accent suffixal; excepté вдовствó > вдóвствовать. Les emprunts en *-ировать* hésitent entre deux types d'accentuation: *a)* l'accent sur l'élément *-ва-*, conforme à celui de la grande majorité des verbes proprement russes de la classe III, et *b)* l'accent sur l'élément *-ир-*, conforme à celui des verbes allemands en *-ieren.*[1]) C'est ce dernier type qui paraît l'emporter dans le russe d'aujourd'hui. — Notons deux cas de différenciation sémantique attachée à la différence d'accentuation: планировáть (faire un plan) et плани́ровать (planer, en parlant d'un avion); миловáть (caresser) et ми́ловать (grâcier).

Tous les autres verbes accentuent l'élément *-ва-*. Excepté: бесéдовать, вéровать, досáдовать, жáловать, жéртвовать, зави́довать, изоби́ловать, исповéдовать, комáндовать, ми́ловать, орýдовать, пáмятовать, пáсынковать, пóльзоваться, пóтчевать, прáздновать, прóбовать, рáдовать, расхóдовать (заприхóдовать *pf.*), слéдовать, со-

---

[1]) Cf. P. Boyer, De l'accentuation, pp. 441—442 et 439—440.

болéзновать, собóровать, совéтовать, сéтовать, трапéзовать, трéбовать, урóдовать, христóсоваться.

A l'infinitif, tous les verbes ont naturellement plus de deux syllabes. Le seul dissyllabique est дневáть = днюют,[1]) dont le thème s'appuie sur le thème syncopé de день-дни.

Au point de vue de l'aspect, les verbes de la classe III ne sont pas très homogènes. La plupart des emprunts n'ont point d'aspect déterminé ou bien, ce qui revient au même, sont susceptibles de deux emplois, l'un perfectif, l'autre imperfectif: телеграфи́рую = je télégraphie et je télégraphierai, de même абони́ровать, атаковáть etc. Parmi les autres verbes fondamentaux, миновáть est tantôt perfectif, tantôt imperfectif.

Il existe un petit nombre de verbes dont l'infinitif présente certaines ressemblances avec la même forme des verbes de la classe III, mais qui en réalité appartiennent à d'autres classes. — Ce sont les imperf. secondaires formés sur les perfectifs de la classe II:[2]) согревáть < согрéть *pf.*; овладевáть < овладéть *pf.* etc....; ainsi que quelques imperf. secondaires formés sur les perfectifs de la classe IV: затмевáть < затми́ть *pf.*; отомщевáть (rare) < отомсти́ть *pf.*; растлевáть < растли́ть *pf.*; усóвещевáть < усóвестить *pf.*; enfin les imperfectifs isolés suivants: здорóваться (l'accent même nous avertit que le verbe n'est pas de la classe III), намеревáться, обуевáть < обуя́ть *pf.* I; обуревáть, уповáть, увещевáть. — Tous ces verbes appartiennent à la classe I. — Quant aux dissyllabiques ковáть = кую́тъ, жевáть = жую́тъ, il va de soi qu'ils sont étrangers à la classe III.

Néologismes. Ceux-là sont trop nombreux, surtout les emprunts, pour qu'on puisse les citer tous. Nous indiquerons: большеви́ствовать, либердáнствовать, кадéтствовать, буржу́йствовать; опайковáться, митинговáть, зафильмовáть.

Classe IV (-ит' = -ат) *храни́ть, рáнить.*

Les verbes de cette classe présentent un nombre considérable de particularités phonétiques et toniques, inconnues aux verbes des autres classes. — Bien que nous n'ayons pas l'intention d'étudier

[1]) Грот, Фил. изыск. I, p. 318, commet une erreur en attribuant à ce verbe un accent mobile.

[2]) Ceux-là ne sont pas nombreux: les verbes de la classe II étant essentiellement intransitifs, n'admettent pas de préfixation aussi riche que les verbes des autres classes, puisque la préfixation rendant un verbe perfectif, le rend en même temps presque toujours transitif.

ici la conjugaison, il est pourtant nécessaire de noter que le morphème de la 3e p. pl. du présent qui est sous l'accent -ат (храня́т, говоря́т), sonne -ŷт lorsqu'il est atone (ра́нят = *ра*н'ŷт etc.). La forme de l'impératif n'est pas non plus la même, mais varie avec le type de l'accentuation (храни́, рань). — La consonne thématique subit des altérnances à la 1re p. sg. du présent et au part. p. p.: les dentales altérnent avec les chuintantes: сади́ть, сажу́, поса́женный; крути́ть, кручу́, закру́ченный; грузи́ть, гружу́, нагру́жённый; коси́ть, кошу́, ско́шенный; чи́стить, чи́щу, очи́щенный; les labiales se palatalisent au moyen d'un *л*': люби́ть, люблю́, влюблённый; топи́ть, топлю́, нато́пленный; лови́ть, ловлю́, изло́вленный; графи́ть, графлю́, разгра́фленный; корми́ть, кормлю́, нако́рмленный. Un petit nombre de verbes[1]) présentent des altérnances de types morts qui ne fonctionnent plus actuellement, p. ex. возбуди́ть, возбуждённый; преврати́ть, превращу́, превращённый; вонзи́ть, вонзённый etc.

Dérivation. — La classe IV est essentiellement dénominative; ses verbes se forment soit sur les adjectifs soit sur les substantifs.

A. Verbes dérivant des adjectifs. — Presque tout adjectif peut former un verbe de la classe IV. Leur valeur, en face de celle des verbes correspondants de la classe II, est le plus souvent transitive; là où ces verbes ne sont pas transitifs, ils indiquent tout de même une action et non pas un état ou un devenir comme c'est le propre des verbes de la classe II, ainsi que de quelques verbes de la classe I, formés également sur les adjectifs. Exemples: золоти́ть < золото́й; бели́ть < бе́лый, comp. беле́ть; обезлоша́дить *pf.* < безлоша́дный, comp. обезлоша́деть *pf.*; облагоро́дить *pf.* < благоро́дный; дорожи́ть (чемъ-нибудь) < дорого́й, comp. дорожа́ть etc.

B. Verbes dérivant des substantifs. — Il n'y a pour ainsi dire pas de substantif (excepté, bien entendu, ceux en *-ник*, *-ство* et *-ствие*) sur lequel on ne puisse former un verbe de la classe IV. Les noms à suffixe zéro et ceux aux suffixes improductifs, s'y prêtent tout particulièrement. Exemples: мы́лить < мы́ло; заземли́ть *pf.* < земля́; разбаза́рить *pf.* < база́р; гипе́рболить < гипе́рбола; сдокуме́нтить *pf.* < докуме́нт; телефо́нить < телефо́н; насоба́читься *pf.* < соба́ка; церемо́ниться < церемо́ния;

[1]) On en trouvera des repertoires assez complets chez В. Чернышев, Правильность etc. II, p. 292 ss.

„Расцыгáнили её золовушки“ (Акс. Сем. хроника, IV); *„Наафó-нил* я, говорит, на своем веку не мало“ (Дост., Бр. Карамазовы, III, VIII); „Лучше не *сáввить* и не *варвáрить,* а *понико́-лить*“ (Даль) etc. etc.

Accentuation. — Les verbes de la classe IV accentuent le suffixe ou bien la dernière syllabe du thème.[1]) Les verbes qui accentuent autrement sont au nombre d'une vingtaine: блáго-вестить, бýторить, гипéрболить, грáмотить, гýто́рить, знáхарить, кáверзить, клéйстерить, -кýпорить, лáкомить, -ми́лостивить, нáу-зить, пáрусить, пáузить, -порядочить, сáхарить, со́вестить, сто́-порить, сýдорожиться, тáбориться, ýросить, штéмпелить (mieux штемпелевáть, III), якорить. — On voit que dans la plupart des cas l'accent des verbes se justifie par l'accentuation des primitifs.

L'accent mobile. Parmi les verbes accentuant le suffixe à l'infinitif, quelques 126 ont l'accent mobile. Les voici (les verbes qui admettent également l'accent fixe sont marqués d'un astérisque): *белить, бесить, *блудить, *божиться, боронить, бродить, будить; *валить, *варить, водить, возить, *волочить, вопить, воротить; *гасить, глушить, *гнездиться, *городить, *графить, *грузить, губить; давить, *дарить, делить, *доить, дразнить, *дрочить, *душить; женить; *занозить, *золотить, *зубрить; *катить, *клеить, клонить, колотить, копить, кормить, *-коротить, *косить, *крестить, *кроить, *крошить, *кружить, крутить, купить, курить, -кусить; *лениться, лепить, лечить, ловить, -ложить, ломить, *лудить, лупить, -лучить, любить; *манить, -менить, *месить, молить, молотить, мочить; носить; *облокотиться *pf.*, *очутиться *pf.*; платить, *поить, проглотить *pf.*, просить, *прудить, пустить *pf.*; *резвиться, -ронить, рубить, *-ручить *pf.*, *рядить; *садить, *светить, сердить, скобить, скоблить, -скочить, *-слонить, служить, -собить, *солить, становить, стелить, -стрелить *pf.*, *студить, ступить, судить, *сулить, *сучить, *сушить; тащить, -творить, телиться, теребить, топить, торопить, точить, *травить, *трубить, *трудиться, тужить, *тупить, *турить, тушить; учить; хвалить, хватить *pf.*, ходить, хоронить; *цедить, ценить, -цепить; *чертить; *чинить; *шевелить, шутить; щекотить (populaire), *щениться; *явить *pf.* — Dans le parler peu soigné on accentue parfois звóнят (probabl. sous l'influence de трезвóнить < трезвóн) ainsi que говóрено. La préfixation modifie parfois le type de l'accentuation, p. ex. твори́ть = творят, mais

[1]) Cependant il n'est pas encore possible d'établir le rapport entre l'accentuation des verbes de la classe IV et celle des noms sur lesquels ils sont formés.

отвори́ть = отво́рят *pf.*; студи́ть est d'accentuation double mais простуди́ться *pf.* = просту́дятся etc. Dans certains cas, la différence dans l'accentuation entraîne une différenciation sémantique: коси́ть = кося́т, *loucher*; коси́ть = ко́сять, *faucher*; крести́ть = крестя́т, *baptiser;* крести́ть = кре́стят, *faire sur quelqu'un le signe de croix.* — Notons encore un cas de transport de l'accent au prétérit: роди́л, -á, -ó, -и́ est perfectif, mais роди́ла est imperf. et apparaît comme doublet littéraire de рожáла.[1]) — Le type d'accentuation mobile n'est pas productif, notre liste de verbes de la classe IV qui y appartiennent contient 126 verbes, chiffre qui s'approche de celui indiqué par Grot;[2]) tous les néologismes ont l'accent fixe; enfin, la bonne moitié des verbes cités ci-dessus admettent également l'accent fixe.

Au point de vue de l'aspect, les verbes de la classe IV ne sont pas homogènes: certains verbes parmi les simples sont perfectifs. Ce sont: благослови́ть, бро́сить, воскреси́ть, встре́тить, ко́нчить, купи́ть, лиши́ть, облачи́ть, обрати́ть, оскла́биться, ощути́ть, плени́ть, посети́ть, прости́ть, пусти́ть, реши́ть, снабди́ть, ступи́ть, хвати́ть, яви́ть. D'autre part, la catégorie des verbes préfixaux formés directement sur des noms et qui sont naturellement perfectifs, est très productive: обнажи́ть, обезгла́вить, сдокуме́нтить, переборщи́ть, защи́тить etc.

Les monosyllabes sont au nombre de huit: длить, злить, льстить, мнить, мстить, тлить, тщиться, чтить.

A côté des formes му́чить = -ат et ня́нчить = -ат, on rencontre му́чая, му́чают; ня́нчал, ня́нчают. Чтить a à la 3^e^ p. pl. чтут; чту́щий.

Néologismes. Ceux-là sont extrêmement nombreux: викже́лить, заземли́ть, пригро́биться *pf.*, угро́бить *pf.*, разбаза́рить *pf.*, халту́рить, чеквала́пить etc. etc.

Classe V (-нут' = -нут) *толкну́ть, сту́кнуть.*

Deux types de conjugaisons, suivant que le suffixe est accentué ou atone: толкнёшь (талкн'ош) et сту́кнешь (стукн'^ш).

Tous les verbes sont perfectifs, excepté гнуть, льнуть, тону́ть et тяну́ть.

---

[1]) Cf. S. Agrell, Наблюдения над колебанием ударения в русском языке, Стокгольм, 1917, стр. 5: „. . . роди́ла являет нам самый процесс действия (= роды), а форма же родилá констатирует только результат действия (= факт рождения).“

[2]) Грот, Филол. изыск. I, pp. 319—327.

Dérivation. — Presque tout imperfectif de sens quelque peu concret, et désignant un procès que l'imagination des sujets parlants peut décomposer en une série d'actes sans durée se succédant dans le temps, est capable de former un perfectif momentané en *-нуть*. Exemples: жевну́ть < жева́ть; шагну́ть < шага́ть; курну́ть < кури́ть; рискну́ть < рискова́ть; шевельну́ть < шевели́ть; всплакну́ть < пла́кать; dans le peuple лину́ть ou лену́ть < лить etc. etc. — Un autre suffixe pour la formation des »momentanés«, qui est surtout employé par le peuple mais qui a déjà pénétré dans la langue littéraire, c'est *-ану́ть*, p. ex. толкану́ть < толка́ть, дергану́ть < дёргать, тряхану́ть < тряхну́ть etc. „Голосе её, как ножом, *резану́л* его по сердцу“ (Тург. Двор. гнездо); „Погляди, погляди! — *рыдану́л,* проходя мимо прохожий“ — (А. Н. Толстой, Хожд. по мукам, XXXV) etc. Comparés aux momentanés ordinaires, ceux en *-ану́ть* présentent l'acte tout à fait isolé, »arraché« pour ainsi dire au procès conçu comme un tout, aussi sont-ils capables d'exprimer un acte momentané et atténuatif („Паром *толканёшь,* а он уже и на другой стороне“, Корол. Убивец) aussi bien qu'un acte momentané mais brusque et fort (cf. *резану́л* cité ci-dessus).[1])

Accentuation. — L'accent est fixe, excepté: обману́ть, помяну́ть, тону́ть *impf.*, тяну́ть *impf.* et les préfixaux de -глянуть. Grot[2]) cite encore мину́ть, mais l'accentuation ми́нуть est de beaucoup plus courante.

D'une façon générale, les verbes de la classe V accentuent le même élément que les imperfectifs correspondants.[3]) Il existe cependant une vingtaine d'exceptions à cette règle: булты́хнуться (malgré бултыха́ться); -ви́згнуть (визжа́ть); гля́нуть[4]) (гляде́ть); ки́нуть (кида́ть); кри́кнуть (крича́ть); кувы́ркнуться (кувырка́ться), мазну́ть (ма́зать), ми́ну́ть (минова́ть); пёрнуть (перде́ть); пры́гну́ть (пры́гать); сви́снуть (свисте́ть); скри́пнуть (скрипе́ть); сту́кнуть (стуча́ть): трухну́ть (тру́сить); хвастну́ть (хва́стать); хру́стнуть (хрусте́ть); хря́снуть (хрясте́ть et хря́стать); черпну́ть (че́рпать); шмыгну́ть (шмы́гать); шоро́хнуть (шороши́ть), on y ajoutera encore

---

[1]) On trouvera une autre appréciation des verbes en *-ану́ть* dans Греч, Чтения о русск. яз., I, p. .297 et dans В. Чернышев, o. c. p. 231.

[2]) Грот, o. c. p. 321.

[3]) Cf. P. Boyer, o. c. p. p. 426 et 427.

[4]) En préfixation, accentue toujours le suffixe de l'infinitif загляну́ть, пригляну́ться (excepté, naturellement вы́глянуть), et a l'accent mobile (cf. ci-dessus).

les deux momentanés suivants correspondant aux imperfectifs monosyllabiques: ду́нуть (дуть) et рвану́ть (рвать).

Les monosyllabes sont au nombre de quatre: гнуть, льнуть, пнуть, ткнуть.

Parmi les néologismes qui sont extrêmement nombreux, nous citerons: блефну́ть, викжельну́ть, живну́ть, мобилизну́ть, дезертну́ть, спекульну́ть, халтурну́ть.

Telles sont les cinq classes productives. Semblables à cinq grands et larges canaux, elles alimentent le vocabulaire russe de verbes. Chaqu'une a son rôle dans l'économie verbale. — L'une fournit des imperfectifs secondaires (classe I), une autre forme des perfectifs momentanés (cl. V), une autre encore produit surtout des verbes transitifs (cl. IV), tandisque les dénominatifs sortis de la classe II sont avant tout intransitifs etc. etc. En examinant les classes successivement, l'une après l'autre, de la I^re^ à la IV^e^, on constate une transition du plus simple au plus compliqué. En effet, la classe I ne connaît point d'altérnances phonétiques, sa conjugaison, son accentuation, son caractère aspectif offrent une grande unité; la classe suivante est sous ce rapport presque aussi unifiée, mais non pas entièrement (cf. l'accentuation des dénominatifs); mais déjà la troisième classe présente des complications dans l'accentuation et dans la conjugaison, connaît les alternances phonétiques, et n'est pas homogène sous rapport d'aspect. Dans la classe IV — toutes ces »irrégularités« sont accumulées. Enfin, vient la classe V, radicalement différente des autres puisque totalement perfective. — On comprendra maintenant que l'ordre dans lequel nous avons disposé les cinq classes n'est pas absolument arbitraire.

Tout n'est pas productif au même degré dans les classes vivantes, il y a même des parties totalement mortes; ainsi p. ex. aucun verbe nouveau ne se modelera sur le patron des monosyllabes, il n'imitera pas non plus les alternances du type возбуди́ть, возбужду́, возбу́ждённый; son accent n'aura pas le caractère mobile; s'il s'agit d'un dénominatif, il est fort douteux que son morphème soit *-ать*, comme dans обе́дать etc. etc. — Ainsi une transition s'établit entre les classes productives et les types improductifs.

IV.

Les morphèmes de ceux-là n'exercent plus d'influence analogique; il est évident qu'aucun verbe n'imitera les formes de печь, de нести́ ni de писа́ть. Au point de vue du vocabulaire, ce sont parfois les verbes les plus »vivants« puisque fréquents, mais — et ce n'est là qu'une des antinomies du langage — ils sont »morts« pour la grammaire. Leurs morphèmes ne servent que pour la conjugaison. Ces verbes, n'étant pas retenus suffisamment dans les cadres de leur famille, s'en détachent facilement; aussi s'exposent-ils aux influences analogiques des types plus puissants (de là les formes »abondantes«), ainsi que aux attaques de la part des lois phonétiques; le sémantème et le morphème ne s'opposant plus assez fortement, finissent par fusionner. C'est pourquoi nous constatons chez les verbes des types improductifs une abondance d'altérnances, des thèmes disparates, des formes bizarres, de nombreux monosyllabes (62 sur 400 verbes, tandis que dans les classes vivantes il n'y en a que 22 sur des milliers de verbes), des déplacements imprévus de l'accent (seuls les verbes à l'accent mobile sont au nombre de 65; il n'y en a que 130 dans les classes productives) et tant d'autres »irrégularités«. — Il ne s'agira plus de déterminer la valeur typique de chaque groupe verbal: — l'individuel et l'exceptionnel remplaceront dorénavant le typique, et tout ce que nous avons à faire c'est de dresser aussi soigneusement que possible des listes des verbes grammaticalement »morts«.

Type A (-ат' = -ут).

Y appartiennent les verbes suivants:[1])

алка́ть = а́лчут (et алка́ют); ба́ять = ба́ют, бле́ять = бле́ют, блиста́ть = бле́щут (блиста́ют), бормота́ть = бормо́чут, брать = берут, бреха́ть = бре́шут, бры́згать = бры́жут (бры́згают); ве́ять = ве́ют, взять = возьму́т *pf.*, внять *pf.* = вне́млют *impf.*, вопия́ть = вопию́т, врать = врут, вяза́ть = вя́жут; га́ять = га́ют, глода́ть = гло́жут, гогота́ть = гого́чут, гра́ять = гра́ют, грохота́ть = грохо́чут; дви́гать = дви́жут (дви́гают), доня́ть = дойму́т *pf.*, драть = деру́т, дрема́ть = дре́млют, дриста́ть = дри́щут; еба́ть (ети́) = ебу́т, е́хать = е́дут; жа́ждать = жа́ждут (жа́ждают), жать = жмут, жать = жнут, ждать = ждут, жрать = жрут; заня́ть = займу́т *pf.*, застря́ть = застря́нут *pf.*, зате́ять = зате́ют *pf.*, зача́ть = зачну́т *pf.*,

---

1) Le verbe бежать = бегут appartient au type B.

звать = зову́т, зи́ждется (défectif), зоба́ть = зо́блют, зы́бать = зы́блют (зы́бают); изъя́ть *pf.* = изъе́млют *impf.*, ика́ть = и́чут (rare; ика́ют); иска́ть = и́щут; каза́ть = ка́жут; ка́пать = ка́плют (ка́пают); ка́яться = ка́ются; кво́хтать = кво́хчут, клевета́ть = клеве́щут, клегхта́ть = кле́гхчут, клепа́ть = кле́плют (клепа́ют), кли́кать = кли́чут (кли́кают), клокота́ть = клоко́чут, колеба́ть = коле́блют (колеба́ют), колыха́ть = колы́шут (колыха́ют), кра́пать = кра́плют (кра́пают), кропота́ть = кропо́чут, куда́хтать = куда́хчут (куда́хтают); ла́ять = ла́ют, лгать = лгут, леле́ять = леле́ют, лепета́ть = лепе́чут, лиза́ть = ли́жут, лока́ть = ло́чут (лока́ют), лопота́ть = лопо́чут, лоскота́ть = лоско́чут; ма́зать = ма́жут, мака́ть = ма́чут (мака́ют), маха́ть = ма́шут (маха́ют), ма́ять = ма́ют, мета́ть = ме́чут (мета́ют), мурлы́кать = мурлы́чут (мурлы́кают), мы́кать = мы́чут (мы́кают), мять = мнут; наде́яться = наде́ются, наня́ть = найму́т *pf.*, нача́ть = начну́т *pf.*, низа́ть = ни́жут; обня́ть = обни́мут *pf.*, объя́ть *pf.* = объе́млют *impf.*, обяза́ть = обя́жут *pf.*, ора́ть = ору́т, ора́ть = о́рют, отня́ть = отни́мут *pf.*, отъя́ть *pf.* = отъе́млют *impf.*; паха́ть = па́шут, переня́ть = перейму́т *pf.*, писа́ть = пи́шут, пла́кать = пла́чут, плеска́ть = пле́щут (плеска́ют), пляса́ть = пля́шут, подня́ть = подни́мут *pf.*, подъя́ть *pf.* = подъе́млют *impf.*, полоска́ть = поло́щут (полоска́ют), поня́ть = поймут *pf.*, поча́ть = почну́т *pf.*, поя́сать = поя́шут, прать = прут, приня́ть = при́мут *pf.*, прия́ть *pf.* = прие́млют *impf.*, пры́скать = пры́щут (пры́скают), пря́тать = пря́чут, пыха́ть = пы́шут (пыха́ют), разня́ть = разни́мут *pf.*, разъя́ть *pf.* = разъе́млют *impf.*, распя́ть = распну́т *pf.*, рвать = рвут, ре́зать = ре́жут, ре́ять = ре́ют, ржать = ржут, рокота́ть = роко́чут, ропта́ть = ро́пщут (ропта́ют), рыка́ть = ры́чут (рыка́ют), ры́скать = ры́щут (ры́скают); свиста́ть = сви́щут, се́ять = се́ют, скака́ть = ска́чут, скать = скут, скрежета́ть = скреже́щут, слать = шлют, сме́яться = сме́ются, снять = сни́мут *pf.*, соса́ть = сосу́т, срать = се́рют, стать = ста́нут *pf.*, стлать = сте́лют, стона́ть = сто́нут (стона́ют), страда́ть = стра́ждут (страда́ют), стрекота́ть = стреко́чут, струга́ть = стру́жут (струга́ют), сы́пать = сы́плют; та́ять = та́ют, теса́ть = те́шут, ткать = ткут, топта́ть = то́пчут, трепа́ть = тре́плют, трепета́ть = трепе́щут, ты́кать = ты́чут (ты́кают), тяга́ться = тя́жутся (тяга́ются); уня́ть = уйму́т *pf.*, фы́ркать = фы́рчут (фы́ркают); ха́ять = ха́ют, хлеста́ть = хле́щут (хлеста́ют), хлопота́ть = хлопо́чут, хны́кать = хны́чут (хны́кают), хохота́ть = хохо́чут, хрепа́ть = хре́плют, хрома́ть = хра́млют (хрома́ют);

ча́ять = ча́ют, чекота́ть = чеко́чут, чеса́ть = че́шут, чу́ять = чу́ют; ша́ять = ша́ют, шепета́ть = шепе́чут, шепта́ть = ше́пчут; щебета́ть = щебе́чут, щекота́ть = щеко́чут, щепа́ть = ще́плют (щепа́ют), щипа́ть = щи́плют (щипа́ют).

C'est le plus nombreux de tous les types improductifs, son unité cependant n'est pas très grande. Tous ces verbes forment trois groupes inégaux, suivant le caractère de leur thême: 1° thème en *-j-*: ба́ять = ба́ют (20 verbes), 2° thèmes avec une nasale: отня́ть = отни́мут, распя́ть = распну́т (29 verbes) et 3° thème ne comportant ni *j* ni nasale: a) verbes à l'infinitif monosyllabique: брать = беру́т, врать = врут (15 verbes) et b) verbes à l'infinitif dis- et polysyllabique (93 verbes).

Nous ne nous arrêtons pas sur les alternances et la conjugaison, elles sont déjà bien connues.

Accentuation. — 66 verbes ont l'accent mobile; 17 ont l'accent d'opposition (застря́ть = застря́нут, застря́ну); les autres 74 sont d'accentuation fixe.

Verbes »abondants en formes«. — Une quarantaine de verbes admettent dans les formes du groupe du présent les morphèmes de la classe I; les paradigmes ainsi unifiés ne diffèrent en rien des paradigmes du type играть: страда́ть (= стра́ждут) = страда́ют, I. Nous y voyons un effet de l'influence analogique des verbes de la classe I qui est la plus nombreuse ainsi que la plus productive. Tout porte à croire que dans les verbes »abondants en formes«, les formes en *-ают* l'emportent sur celles en *-ут*. Ainsi p. ex. les formes лобжу,[1] глочу,[2] мижу[3] citées par certains grammairiens; черплю, („Не *че́рплем* чашей ...“ Пушк., Стамбул), ичу, мачу, рычут sont déjà complètement eliminées au profit de лобзаю, глотаю, мигаю etc. On préfère également локают, мыкают, страдают, стругают, фыркают. Les enfants ne connaissent guère que les formes кудахтают, мурлыкают, плескают, хныкают, щипают, (ils disent même мяукают pour мяучат). Il est à noter que les listes des verbes abondants en formes dressées par Vostokov et par Pavskij ne contiennent qu'une quinzaine de verbes.[4] — En fait de différenciation sémantique nous ne pouvons citer que les deux cas suivants: pour désigner le phénomène du dégel on dit seulement ка́плет (et non

[1]) Павский, Фил. набл. III, p. 153.
[2]) Puchmayer, Lehrgeb. d. russisch. Sprache, p. 152.
[3]) Miklosich, Vergl. Gr. III, p. 327.
[4]) Востоков, Русск. грамм. 2e éd. p. 204; Павский, ibid.

pas капает); pour dire »mettre bas«, en parlant des animaux, la seule forme consacrée est мéчет (et non pas метает). — Le langage solennel connaît également les formes imperfectives: наказую, связую, указую, quant à обязуюсь c'est la formule juridique tout à fait courante.

Type B. (-ат' = -ат).

Y appartiennent:

бежáть = бегýт, боя́ться = боя́тся, бренчáть = -чáт, брюзжáть = -зжáт, бунчáть = -чáт, бурчáть = -чáт, бучáть = -чáт; верещáть = -щáт, визжáть = -зжáт, ворчáть = -чáт; гнать = гóнят; держáть = дéржат, дребезжáть = -зжáт, дрожáть = -жáт, дышáть = -шат; жужжáть = -жáт, журчáть = -чáт; звучáть -чáт; зычáть = -чáт; кричáть = -чáт; лежáть = -жáт; молчáть = -чáт; мчать = мчат, мычáть = -чáт; мяýкать = -чат; пищáть = -щáт; рычáть = -чáт; слы́шать = -шат, спать = спят, ссать = ссат (et ссут), стоя́ть — стоя́т, стучáть = -чáт, торчáть = -чáт, трещáть = -щáт; урчáть = -чáт; шуршáть = -шáт.

Les morphèmes du groupe de l'infinitif sont identiques à ceux de la classe I (il en est de même dans le type A), tandis que les morphèmes du groupe du présent coïncident avec ceux de la classe IV. — La consonne thématique est une chuintante, excepté бояться, гнать, спать et стоять. — La plupart des verbes désignent des bruits et sont intransitifs. Tous les verbes sont imperfectifs.

L'accent est fixe, excepté гнать, держать et дышать.

Дышать. La prononciation est дышы̑ш . . . дышу̑т (comp. ран'у̑т). „*Дышешь,* dit Grot, есть форма от другого, менее употребительного глагола *дыхáть* (как *пашешь, машешь* от *пахать, махать*".[1]) *Бежáть* a à la 3 p. pl. *бегýт;* on rencontre dans les parlers populaires *бежáт* (cf. aussi *бежат* Европы ополченья, Пушк.)

Type C (-ет' = -ат).

Y appartiennent:

бдеть = бдят, бздеть = бздят, блестéть = -я́т, болéть = -я́т; велéть = -я́т, вертéть = вéртя́т, ви́деть = -ят, висéть = -я́т; галдéть = -я́т, глядéть = -я́т, горéть = -я́т, гремéть = -я́т, гудéть = -я́т; жудéть = -я́т; зави́сеть = -ят, звенéть = -я́т, зреть = зрят, зудéть = -я́т; кипéть = -я́т, кишéть = -áт, коптéть = -я́т, кор-

[1]) Грот, o. c. I, p. 316: v. aussi Рад. Кошутић, Граматика руског језика, I, Гласови, pp. 88, 299—300.

пе́ть = -я́т, кряхте́ть = -я́т; лете́ть = -я́т; оби́деть = -ят *pf.*; перде́ть = -я́т, пыхте́ть = -я́т; свербе́ть = -я́т, свиресте́ть = -я́т, свисте́ть = -я́т, сиде́ть = -я́т, сипе́ть = -я́т, скорбе́ть = -я́т, скрипе́ть = -я́т, смерде́ть = -я́т, смотре́ть = смо́трят, сопе́ть = -я́т: тарахте́ть = -я́т, терпе́ть = те́рпят; хоте́ть = -я́т, храпе́ть = -я́т, хрипе́ть = -я́т, хрусте́ть = -я́т, хрясте́ть = -я́т; шелесте́ть = -я́т, шипе́ть = -я́т, шуме́ть = -я́т, шурсте́ть = -я́т.

Les morphèmes du groupe de l'infinitif sont les mêmes que dans la classe II, tandis que les morphèmes du groupe du présent coïncident avec ceux de la classe IV. Les alternances phonétiques sont également du même type que celle de la classe IV. L'accent est fixe, excepté: смотре́ть et хоте́ть (хочу́, хо́чешь, хо́чет, хоти́м, хоти́те, хотя́т); верте́ть a l'accent double. Presque tous les verbes se rapportent aux différentes perceptions sensorielles et sont intransitifs. — Tous sont imperfectifs, sauf обидеть *pf.* et велеть qui est tantôt perfectif tantôt imperfectif.

Type D.

Y appartiennent:

-бе́гнуть, блёкнуть, брю́згнуть, бу́хнуть; -ве́ргнуть, ви́снуть, воздви́гнуть *pf.*, воскре́снуть *pf.*, -вы́кнуть, вя́знуть, вя́нуть; га́снуть, ги́бнуть, гло́хнуть, го́ркнуть гру́знуть, гря́знуть, гу́снуть; до́хнуть, дро́гнуть, дры́хнуть, дря́бнуть, дря́хнуть; жёлкнуть, жёсткнуть, жи́жнуть жу́хнуть; зя́бнуть; исчёзнуть *pf.*; ки́снуть, кре́пнуть; ли́пнуть; мёрзнуть, ме́ркнуть, мо́згнуть, мо́кнуть, мо́лкнуть, мя́кнуть; ни́кнуть; па́хнуть, пу́хнуть си́пнуть, скли́знуть, ско́рбнуть, скору́знуть, сла́бнуть, сле́пнуть, со́хнуть, -сти́гнуть (-сти́чь), сты́нуть, исся́кнуть *pf.*, те́рпнуть, ти́хнуть, -то́ргнуть, ту́скнуть, ту́хнуть; хи́знуть; хри́пнуть; ча́хнуть; шо́рхнуть.

L'unité historique de ce type n'existe plus. Sur 60 verbes, quatre sont perfectifs, cinq autres ne sont connus qu'en préfixation et sont par conséquent également perfectifs; les verbes мозгнуть, молкнуть, слабнуть, сипнуть, тихнуть, хрипнуть, ne sont guère employés sans préfixes. Un certain nombre de verbes sont d'emploi rare, et on leur préfère des verbes correspondants de la classe II: густеть, желтеть, слабеть ou bien des imperfectifs secondaires увядать, издыхать etc. — Ainsi le groupe D est attaqué de tous les côtés, et même l'élément *-ну-*, qui constitue pourtant sa caractéristique, n'est plus assez fort pour résister aux différentes influences analogiques surtout à celles de la classe V. On dit p. ex

завя́ть, дости́чь, избе́чь, уга́снул, издро́гнув, пу́хнул, хи́знул, ути́хнувший, поблёкнувший, зя́бнул, осла́бнувший etc.

Il ne faut pas confondre дро́гнуть *pf.* V et дро́гнуть (дрог) *impf.*

L'accent est fixe et frappe toujours la dernière syllabe du thème.

Type E (-т'i ou -с'т').

Y appartiennent:[1])

блюсти́ = блюду́т, бости́ = боду́т, брести = бреду́т; везти́ = везу́т, вести́ = веду́т; гнести́ = гнету́т, грести́ = гребу́т, грызть = грызу́т, грясти́ = гряду́т, густи́ = гуду́т; ети́ = ебу́т; итти́ = иду́т; класть = кладу́т, клясть = кляну́т, красть = краду́т; лезть = ле́зут, мести́ = мету́т, мясти́ = мяту́т; нести́ = несу́т; пасти́ = пасу́т, пасть = паду́т *pf.*, плести́ = плету́т; погрести́ = погребу́т *pf.*, ползти́ = ползу́т, прясть = пряду́т, расцвести́ = расцветёт; расти́ = расту́т; сесть = ся́дут *pf.*, скрести́ = скребу́т; трясти́ = трясу́т; цвести́ = цвету́т; -честь = -чтут.

Ces verbes ont un thème particulier pour le prétérit: брёл, грёб, грыз, шёл etc.

L'accent est sur le thème dans лезть et сесть. Les autres verbes accentuent partout la désinence (брёл, брела́, брело́, брели́); seuls les verbes грызть, класть, клясть, красть, пасть *pf.* et прясть accentuent le thème au prétérit (грыз, гры́зла, гры́зло, гры́зли).

Un nombre considérable de verbes ne sont plus usités: бости se remplace par бода́ть I; густи par гуде́ть = -я́т, расцвести par расцветать *pf.* I; мясти́ (= м'ес'т'*i*, I) n'est employé que dans l'expression: „страсти *мяту́т* его душу". — On dit souvent à l'infinitif: несть, переве́сть, сплесть, расцве́сть.

Type F (-ч').

Y appartiennent:

бере́чь = берегу́т; влечь = влеку́т, воло́чь = волоку́т; жечь = жгут; лечь = ля́гут *pf.*; мочь = мо́гут; обле́чь = облеку́т *pf.*; печь = пеку́т, пренебре́чь = пренебрегу́т *pf.*, -прячь = -прягу́т; -речь = -реку́т; сечь = секу́т, стере́чь = стерегу́т, стричь = стригу́т; течь = теку́т, толо́чь = толку́т.

Dans les parlers populaires les paradigmes sont souvent unifiés au détriment des alternances, on dit текёт, зажгём („*Зажгём* сердца огнём ума"; Горький, О чиже), пекёт etc.

---

[1]) Le verbe есть = едя́т appartient au groupe *G* (verbes isolés).

Le prétérit a un thème particulier: берёг, береглá etc. пёк, пеклá etc.

L'accent est partout sur la finale, excepté dans les prétérits сек, -ла, -ло, -ли et стриг, стри́гла, -ло, -ли. Le verbe мочь a l'accent mobile au présent.

Type G, verbes isolés.

Y appartiennent les verbes suivants:

бить = бьют, блевáть = блюю́т, борóть = бóрют, брить = бréют, быть *impf.* = бýдут *pf.*; вить = вьют, выть = вóют, гнить = гнию́т; давáть = даю́т, дать = дадýт *pf.*, деть = дéнут *pf.*, дуть = дýют; есть = едя́т; жевáть = жую́т, живописáть = живописýют, жить = живýт; -знавáть = -знаю́т; клевáть = клюю́т, ковáть = кую́т, колóть = кóлют, крыть = крóют; лить = льют; мерéть = мрут, молóть = мéлют, мыть = мóют; ныть = нóют; обýть = обýют *pf.*; перéть = прут, петь = пою́т, пить = пьют, плевáть = плюю́т, плыть = плывýт, полóть = пóлют, порóть = пóрют, почи́ть *pf.* = почию́т *impf.*, притязáть = притязýют; разýть = разýют *pf.*, ревéть = ревýт, рыть = рóют; слыть = слывýт, сновáть = сную́т, совáть = сую́т, ставáть = стаю́т, стыть = сты́нут; терéть = трут; -шиби́ть = -шибýт, шить = шьют.

Ce n'est là que de la »poussière verbale«. On peut y trouver des verbes qui se ressemblent et former ainsi des groupes tels que бить, вить, лить etc. борóть, порóть, колóть etc., ковáть, жевáть, плевáть etc., мыть, выть, рыть etc. Mais il ne s'agit là que d'un moyen pratique pour faciliter la mémorisation de ces verbes isolés.

L'examen des types improductifs nous autorise à formuler la conclusion suivante: dans la masse de quelques 400 verbes qui y appartiennent, on ne constate aucun groupement, morphologique et sémantique à la fois, qu'on pourrait croîre capable d'exercer une influence analogique suffisamment puissante pour servir de type de production. Les verbes nombreux qui désignent différentes perceptions acoustiques sont distribués entre plusieurs types: хохотáть, грохотáть, лепетáть etc. — Type *A*; кричáть, брюзжáть, журчáть etc. — Type *B*; галдéть, шипéть, свистéть etc. — Type *C*. Leur puissance analogique se trouve être par là brisée sinon réduite au zéro. Il ne peut pas être question non plus d'une influence analogique des verbes du Type *D* dont l'unité est déjà détruite.

V.

On a pu voir par ce qui précède que c'est le type de la dérivation d'un verbe qui en détermine l'accentuation.[1]) Quant à la place de l'accent dans les primaires, elle doit aussi se trouver en rapport avec leur dérivation, mais ce probléme est du ressort de la linguistique historique et même il n'existe pas du tout pour la synchronie. — Ce qui nous intéresse ici d'une façon plus particulière, c'est la position de l'accent vis-à-vis de la conjugaison. Étant donné une forme verbale avec son accent, p. ex. celle de l'infinitif, il s'agit de savoir si la place de l'accent sera toujours la même dans toutes les formes verbales. — Nous commençons par les classes productives.

L'accent du verbe russe est fixe, c.-à-d., qu'il se maintient soit sur la même syllabe du sémantème (s'il s'agit d'un accent thématique) soit sur le morphème (dans le cas d'accent suffixal). — Cette tendance générale comporte cependant certaines restrictions et précisions dès qu'il s'agit des verbes qui accentuent le suffixe à l'infinitif.

1° Le part. passé passif des verbes des classes I, II et III et de la plupart des verbes de la classe IV accentue l'antépénultième.

2° Dans les verbes de la classe III, l'accent suffixal frappe l'élément *-ва-* des morphèmes du groupe de l'infinitif, mais il passe sur l'élément *-у-* dans les formes du groupe du présent; et il ne peut pas se trouver ailleurs, excepté dans la forme du part. p. p. (v. la remarque 1°). — C'est ce que nous appelons accent d'opposition.

3° 126 verbes environ de la classe IV et quelques verbes de la classe V transportent l'accent sur la dernière syllabe du thème dans toutes les formes du présent, la 1re p. sing. exceptée. Pourtant le gérondif présent de ces verbes porte l'accent sur le morphème. — C'est ce qu'on appelle accent mobile.

L'accentuation des verbes des types improductifs se présente de la façon suivante:

1° L'accent fixe, soit thématique, soit suffixal.

2° L'accent d'opposition propre aux 25 verbes suivants: алка́ть = а́лчут, бреха́ть = бре́шут, живописа́ть = живопису́ют,

---

[1]) Seuls les rapports entre l'accentuation des dénominatifs de la classe IV et celle des noms correspondants restent pour le moment obscures.

застря́ть = застря́нут *pf.*, зоба́ть = зо́блют, зы́бать = зы́блют, изъя́ть *pf.* = изъе́млют *impf.*, испыта́ть *pf.* = испыту́ют *impf.*, истяза́ть = истязу́ют, колеба́ть = коле́блют, колыха́ть = колы́шут, наказа́ть *pf.* = наказу́ют *impf.*, обу́ть = обу́ють *pf.*, объя́ть *pf.* = объе́млют *impf.*, обяза́ть *pf.* = обязу́ют *impf.*, ора́ть = о́рют, отъя́ть *pf.* = отъе́млют *impf.*, подъя́ть *pf.* = подъе́млют *impf.*, притяза́ть = притязу́ют, прия́ть *pf.* = прие́млют *impf.*, разу́ть = разу́ют *pf.*, разъя́ть *pf.* = разъе́млют *impf.*, страда́ть = стра́ждут, указа́ть *pf.* = указу́ют *impf.*, хрома́ть = хра́млют. — Ce qui rapproche ces verbes des verbes de la classe III à l'accent suffixal, c'est que les uns et les autres accentuent la syllabe finale à l'infinitif, mais transportent l'accent sur l'antépénultième dans les formes du présent.

3° L'accent mobile est propre à 75 verbes. Nous n'en donnons pas de repertoire ici, vu qu'on les retrouvera facilement sur les listes des verbes des types improductifs.[1])

4° L'accent irrégulier. Il n'y a à proprement parler qu'un seul verbe qui accentue irrégulièrement, à savoir хоте́ть, хочу́, хо́чешь, хо́чет, хоти́м, хоти́те, хотя́т. Toutes les autres »irrégularités« ne concernent que le déplacement de l'accent sur la syllabe finale dans les formes du prétérit. Ce déplacement est propre à un certain nombre de verbes qui dans les autres formes ont soit l'accent fixe soit l'accent mobile; la majorité de ces verbes ont l'infinitif monosyllabique.

On peut distinguer trois types de l'accentuation du prétérit:

a) нёс, несла́, несло́, несли́. Y appartiennent tous les verbes du type *E* (excepté: грызть, класть, клясть, красть, лезть, пасть *pf.*, прясть, сесть *pf.*) et tous les verbes du type *F* (excepté сечь et стричь).

b) взял, взяла́, взя́ло, взя́ли. L'accent est partout sur la désinence, sauf au neutre. Y appartiennent: брать, быть, взять *pf.*, вить, врать, гнать, гнить, дать *pf.*, драть, ждать, жить, жрать, звать, лгать, лить, пить, плыть, рвать, слать, слыть, спать, срать, ткать. — Les verbes класть, клясть, прясть accentuent souvent de la même façon.

c) на́чал, начала́, на́чало, на́чали. Y appartiennent les verbes à thème nasal du Type *A*, et les préfixaux de быть, вить, дать *pf.* (созда́ть *pf.*), жить, лить, пить, плыть, пере́ть, мере́ть.

---

[1]) On détermine assez facilement le type de l'accentuation d'un verbe en comparant l'accentuation de son infinitif et celle de sa 3e p. pl.

Dans la forme de la voix moyenne (en -ся), surtout en préfixation, les verbes énumérés sous *c)* transportent l'accent sur la syllabe finale: начался́, -ла́сь, -ло́сь, -ли́сь; font de même блюсти́, взять *pf.*, врать, дать *pf.*, ждать, жить, жрать, лить, пить. D'un autre côté, l'accentuation бра́лся, -ла́сь, -ло́сь, -ли́сь est propre aux verbes: гнать, звать, драть, рвать, спать et созда́ть *pf.* —

Les fluctuations de l'accent au prétérit[1]) sont trop fréquentes pour qu'on puisse considérer les trois types établis par nous comme quelque chose de définitif et d'immuable.

5° L'accent des monosyllabes. Les verbes гнать, мочь, снять *pf.*, срать et стлать ont un accent mobile. Les autres accentuent soit le thème: лечь = ля́гут, soit le suffixe: брать = беру́т. Il n'y a pas de problème là où les deux groupes de formes restent monosyllabiques: жечь = жгут. Nous avons déjà vu que la plupart de monosyllabes transportent l'accent sur les désinences au prétérit.

Strasbourg, Avril, 1922.

Serge Kartsevski.

[1]) V. p. ex. S. Agrell, Наблюдения над колебанием ударения в русском глаголе, Стокгольм, 1917.

Žaltář Fraščićův.

(Srov. J. Vajs, Nejstarší breviář chrvatsko-hlaholský, v Praze 1890, LXVII—VIII; J. Milčetić, Hrvatska glagolska bibliografija, Starine XXXIII, Zagreb 1911, 84—5; V. Jagić, Hrvatska glagolska književnost, Zagreb 1913, 24; otisk úvodu z díla: Branko Vodnik, Povijest hrvatske književnosti. Knjiga I. Zagreb 1913.)

Vedle apoštola, evangelií a textů paremejních jest žaltář část literárního dědictví Cyrillo-Metodějského, o němž máme přímé a bezpečné zprávy; bohužel, že tento kus jejich literární práce jest zastřen nejednou záhadou, jak v příčině původního překladu, tak i vzhledem k jeho různým recensím pozdějším. Není tudíž divu, že je vítána každá novinka, která by mohla vésti na stopu k rozřešení té neb oné otázky. Takovou zajímavou novinkou je chrvatsko-hlaholský text žaltáře Fraščićova (Fr.). Příčina, proč obracím pozornost k tomuto textu poměrně mladému (ze stol. XV.), leží v jeho zvláštním vztahu ke všem dosud známým chrv. hlaholským textům žaltářním, a byť bližší zkoumání této památky neposkytovalo tolik nových poznatků, že by se jimi luštily všecky záhady, jež obestírají chrv. hlaholskou recensi žaltářní, přec ozřejmí alespoň některé otázky v příčině řečené recense. Prof. Valjavec svého času tvrdil (v Radu 98, 1—84; 99, 1—72), že všecky chrv. hlaholské žaltáře pocházejí z pramene jednoho; toto tvrzení po bližším prozkoumání žaltář Fraščićova padá. Text Fr. představuje jinou recensi nežli je ta, kterou známe z chrvatských brviálů a mšálů, takže je nutno rozeznávati i v žaltářích chrv. hlaholských dvě skupiny: skupinu nekomentovaných žaltářů, jež se nám zachovaly v liturgických knihách hlaholských (liturgickou) a vedle nich text žaltáře Fraščićova opatřený komentářem. Dále, přes to že v textech žaltářů prvé skupiny je pozoruhodná shoda a jednotnost, jak na ni ukázal prof. Valjavec (l. c.), prodírají se tu známky, že i v této původně jednotné recensi staly se alespoň nějaké pokusy o změny. Neméně pozoruhodný jest vztah žaltáře Fraščićova k textům ostatních redakcí, zejména pak k hlaholskému žaltáři Sinajskému. Srovnám tudíž text Fr. 1. s ostatními žaltáři chrvatsko-hlaholskými, 2. s nejstaršími texty cyrillskými, jež vzešly z předloh hlaholských, 3. s hlaholským žaltářem Sinajským; dříve však předešlu některé bibliografické údaje, a stručně

zmíním se o grafice, pravopise a jazykových zvláštnostech textu Fraščićova.

Bibliografické údaje. Kodex Fraščićův (ve Dvorní knih. Vídeňské cod. slav. 77), formátu osmerkového (13 × 20 *cm*) z části papírový z části pergamenový, čítá 132 listy v 10 kvinternech; list 55[b] není číslován. V každém kvinternu prvý a poslední list jakož i dva prostřední jsou pergamenové, ostatní pak papírové. Text je psán ve dvou sloupcích zpravidla o 34 řádkách umírněným písmem kursivním. Kodex není celý; nehledě k tomu, že písař napsal z prvního žalmu na 1[a] listě v levém sloupci toliko dvě první slova vlevo nahoře, a v druhém sloupci dole toliko šest řádek počínaje veršem 3., podobně na l. 130 nedopsal text posledního odstavce, má kodex značné mezery. Zcela chybějí tyto žalmy: 29, 33, 37, 67—76, 83—84, 113—120; mezery ty jsou mezi listy: 22—23, 31—32, 34—35, 61—62, 68—69, 103—104, a mezi dvěma posledními listy. Také ž. 108 15—25 není dopsáno. Kniha takto kusá byla nově opatřena prostou lepenkovou vazbou.

Podle přípisu na předposledním listě psal jej pop Petr Fraščić v Lindaru v Istrii 1463; jak hlásí slova téhož přípisu, kniha jest »**тлкь псалтра**« t. j. komentovaný text žaltáře či text žaltáře s tak zv. pseudoatanasijským komentářem, oním, jejž máme v žaltářích Pogodinově, Boloňském, Branka Mladenoviće a j. Výklad je zde připojen mezi řádky bezprostředně ke slovům textu. Mimo text žaltářní s výkladem je tu připojen i přespočetný žalm 151. »**Маннн бѣх'**«; mezi tímto žalmem a předešlými je cyrillicí psaný přípis: **Слава тебн гн.** Po tom následují kantika a sice: 1. **Пѣ Мрне сестрн Мосѣовн** (Exodi 15) s týmž označením jako v ž. Pogodinově a Boloňském; 2. **Млтва Амбакоуma** (Hab. 3); 3. **Пѣ Монснннa ва втором' ӡкнѣ** (Deuter. 32, 1); 4. Canticum trium puerorum (bez nadpisu); 5. c. Zachariae označeno: **мтва Ӡахарннна оца Ивнова** (Luc. 2, 29); ostatních kantik tu není. Knihu uzavírají dva přípisy na předposledním a posledním listě, mezi nimiž je opět mezera, kde byly asi připojeny údaje kalendářní; oba přípisy jsou psány touž rukou, jako kodex sám a zejména prvý obsahuje důležité údaje vztahující se ke knize samé. Píše takto: **Ва нме бжне н сте Мрне н всхь стнхь бжхь амнь | лѣт' гнхь · ѱ · ѫ · м · ѵ ·** (1463) **то пнса поп' Птрь н грншнн пр|ндѣв'ком' фраш'ѵнћ' комоу е земла мат' а отаѵа|ство гробь а богатаство грѣсн н када е пнсах|н нѣкада бхн** (!) **в' мншленю да ме мнсал' прехаѣше | ӡѵь млад' бѣхь н проуаѣ н пнсах' е в Лнн'дарѣ с|ѣдещн**

и в то исто лѣто б҃ше по Истрѣ мало жи|та и глад'но б҃ше и ѣ доволе крат' лачан' б҃хи(!) | И ꙁ҃ то в҃сь просимь братиѣ драга ки коли боуде | утѣл' сие к҃нги ако бим' се к҃дѣ премр'сил' просимь | в҃сь не прокл'ните ме на р'ците ако си жив' б҃ь т|и о҃поустн грѣхи, ако си мр'т'(!) б҃ь ти прими д҃ш|оу в п҃ вѹин. и списах' е г҃дииоу пре Матии коубо|д'скѣмоу плокаиоу в то в҃рме поутѣномоу моужоу и р|азоум'номоу, и он' ме плати и дарова к҃ко добрь | моуж' и поу'тен' и к' томоу ми поморе с(!) велике мое не|воле в кои ѣ бѣхи(!). б҃ь моу е плати. то писа р|оука грши'уа(!) то е т҃акь пса҃лтра. б҃ь с н҃ми а҃мнь.

Grafika a pravopis. Jak jsem podotkl výše, žaltář Fr. jest psán umírněnou kursivou či písmem polounciálním s tahy kursivními; k dlouhým literám vybíhajícím nad řádku neb pod ni počítám: ф, ж, ѡ, ѿ, г, ь, р, ь a někdy i ъ; kursivního rázu jsou zejména četné svaznice jednotlivých liter s písmenami э a ꙗ vybíhajícími nad řádku jakož i oblé tvary písmen, ačkoliv běží o hlaholici charvatskou XV. stol. Po způsobu rukopisu své doby užívá Fr. hojně zkratků, a to nejen obvyklých (э҃ = есть), ale někdy i velmi smělých, takže lze je jediné ze souvislosti uhodnouti, co měl písař na mysli; tak na př. píše: а҃ = аꙁ 49 9, 88 28; д҃ = добро 132 1; ale i домь 44 11; ꙁ҃ = ꙁемлꙗ 23 1; ꙁ҃ю = ꙁемлю 24 13; ꙁ҃и = ꙁемли 8 1, 47 51; ѕ҃ = ꙁѣло 141 7; л҃ = дюдии 3 7, 105 48; л҃х' = людехь 3 9; с҃ = слово 26 5, 57 2 a častěji: н҃ = нашь, намь? 32 20; д҃ш = доушоу 63 2; р҃е = реуе! 62 4 a p.

Vlastní značky za polohlásku (ь) užívá celkem zřídka; nejčastěji na konci slov, zejména ve zkratcích: г҃ь, б҃ь, с҃нь, х҃ь, ц҃рь, п҃смь. Ve středosloví nejraději nahrazuje jeřík plnou hláskou: када, т҃агда 2 5 (vedle тьгда 2 13), тащe 2 1, сасоуд' 2 9, ластив' 5 7, вапиет' 3 1, сагрѣшаите 4 5, д҃аис' 2 7, санамь 7 8; obojí ať jeřík nebo plnou hlásku hojně vystřídává titlou neb apostrofem. I v titlách je svérázný, vedle obvyklých čárek vodorovných neb vlnitých ⁓ užívá šikmé hrubší čárky, zejména ve zkratcích е́ = есть, х́ь = хрьсть, л́ = людии, ꙁа́ = ꙁемла a pod.

Proti obyčeji rukopisů soudobých píše literu ф v platnosti hláskové, a sice ve svaznici s ꙑ a ѿ 77 69, literu ѕ (dz) v platnosti hláskové ѕ҃ = ꙁѣло 6 4, 11, 46 10, 141 7 a j.; patrně napodobuje tu jen starší předlohu. Litery ꙉ (ћ) užívá jednak podle vzoru nejstarších pramenů hlaholských, píše na př.: а҃иꙉлм 103 4, totéž 137 1; а҃иꙉлмь 90 11; vedle toho podle výslovnosti i jako střídnici za жд: виꙉ' (виждь) 9 14.

Jazyk. Již tím, že jsem označil žaltář Fraščićův jako památku chrvatsko-hlaholskou, je udán celkový ráz jazykový naší památky

recense srbsko-chrvatské; ježto pak nemáme žádných přímých údajů o nějaké starší předloze hlaholské toho druhu, lze je spíše míti za to, že Fraščić opisoval z předlohy cyrillské ovšem jazykově příbuzné. Tomu nasvědčují i některé vnější okolnosti, o nichž bude řeč níže.

Z hláskosloví uvedu ten neb onen šibolet nářečí jihoslovanských. Je to především ѣ, jehož se tu užívá jednak správně, na př.: свѣт' 1 5, дѣло ib. comment; непотрѣб'ни 1 6, нѣст' 3 3, разоумѣ 1 6, растр'гнѣм' 2 3; vedle toho však píše i pouhé є: пред' оунима 5 6, пред' тобою 9 10, пребоудоут' 5 6, престоупници ib., ѿпадем' (opt.) 7 5; jindy opět za ѣ píše podle výslovnosti и: по првди 7 9, роуци, нози 21 16, рците l. 130 v., a ovšem i opačně ѣ za и: ѿстоупѣте 6 9, озлобѣ (aor.) 43 3, гвѣ (dat. sg.) 3 5, 7 18 a j. — Nasalisované є (ѧ, ѩ) píše jednak správnou střídnicí, ovšem také zhusta dialektickým ѣ, zejména ve slovech єзикь a časosl. єти; vedle єзиком' 9 6 i ѣзикь 2 1, 21 16, ѣзика 42 1, ѣзики 2 8, 43 3, ѣзцх' 9 12, принѣт' 6 10, 47 7, поѣт' 17 17, ale i принет' 23 4, принѣсмо 47 9 comm. — Za praslov. $d+j$ zachoval byť ne vždy rázovitou skupinu жд; tak na př. píše: раждаеми 1 3 comm., тожде 6 7, хождю 42 2, слзижди 50 12, виждь 58 5, ale častěji nahrazuje ji střídným j (psáno и, ћ): виђ' 10 14, вии 44 11, захвии 36 1, хою 41 10, оугою 55 14, слзиют се 50 20 a podobně оутврение (оутврьждение) 17 2, прѣе 54 20.

Z tvarosloví připomenu jednak u jmen přídavných tvary sklonění jmenného: блгокорен'номь (радованиемь) 47 3, (дхмь) боурномь 47 8, заусл'ном' 50 14 a j.; jednak časté nestažené tvary sklonění složeného: стлѣ (гора) 3 5, gen. стие своєє 3 5, твоєє 5 3, 6 8; моєє 88 34 (Bon. моє!); nom. pl. црквнаѣ (уєда) 4 8 comment; acc. plur. глющее, творещее 5 6, благаѣ 4 7, соуєтнаѣ 4 3; ovšem ne vždy, tak преходеще (Pog. Bon. — щѧѩ). U časoslov především známý tvar optativu отпадемь(!) 7 5; dále jednak tvary silného aoristu: обрѣт' 88 21, оугабоу 9 16, проидоу 17 13, придоу 43 18, впадоу се 56 7. прендоу 41 8, 87 17; jednak aoristu sigm. в'звесь 85 3, в'знес' 88 20, принѣсомо 47 9 v kom., смєсом' се 89 7, поѣсе 78 7, не єсе ври 105 25; ovšem častější jsou tvary h-tické: клех' се 88 4 (Pog. клась сѧ), ѣше 21 3 (Pog. ѩса), иш'тише 21 18 (Bon. ищиса). U imperf. jsou tu tvary nestažené бѣахоу 54 19, смѣрѣах' се 130 2, jindy stažené мр'зѣхоу 55 6, neb alespoň nerozhodné видше 49 18. Z uvedených zvláštností grafických, hláskoslovných i tvaroslovných je patrno, že písař opisoval z předlohy staré, opírající se o tradici hlaholskou, že však leckde podlehl prostředí, v němž žil, t. j. vlivu nářečí, jimiž se mluvilo v Istrii a chrvatském Přímoří. V připojeném přípise

Fraščićově opakuje se třikrát rázovitý dialektický tvar imperfekta 1. os. sing. бѣхи; tamtéž kondicionál ако бим' се премр'сил', a particip. praes. сѣдещи; v komentáři ž. 47 9 tvar aoristní приѣсмо; srov. J. Milčetiće, Čakavština kvarnerskih otoka, Rad CXXI. 1895, str. 92—131. O slově 3. sg. aor. вигна žalm 79 9 nechci mluviti zde, ježto je nepokládám toliko za dialektickou obdobu m. изгна (takto se píše v žalt. Pog. i Bol.), vrátím se k němu níže, až bude řeč o poměru žaltáře Fr. k Sinajskému; ostatní dva známé případy dialektického ви- v žaltářích chrv. hlaholských (44 5 вистоупи, 68 19 вихити) u Fraščice se nečtou.

I.

Prof. Valjavec (l. c.) založil svou rozpravu o překladu žaltářním v příčině recense chrvatsko-hlaholské na pěti textech, totiž: na kodexe Pažmanském (Pas.), dvou breviářích Novljanských (Nov.[1,2]), a dvou ze sbírky Kukuljevićovy: Vinodolském z r. 1470 (Zag.[1]) a jiném pravděpodobně rovněž ze stol. XV. (Zag.[2]). Při této práci přibral jsem ke jmenovaným vedle kodexu Fr. i žaltář Lobkovický z 1359 (Lob.), Pařížský (Par.) z Národní knihovny Pařížské slav. 11, Vatikánský č. 5 (Vat.[1]) a z části i Oxfordský z Bodlejany z r. 1310; mimo to užil jsem záznamů Parčićových z breviáře Vatikánského z r. 1485 (Vat.[2]) a kodexu v archivě sv. Petrském (Pet.), takže má tvrzení o žaltářích hlaholských opírají se o doklady téměř ze všech známých rukopisů recense chrv.-hlaholské.[1]) I tvrdím:

Žaltář Fraščićův odchyluje se od ostatních textů žaltářních recense chrvatsko-hlaholské, kterou známe z liturgických kodexů hlaholských.

Kdyby nebylo v rukopise Fr. tolik značných mezer, mohli bychom doložiti toto tvrzení mnohem bohatěji, ale i tak, jak kodex Fr. jest, poskytuje řadu dokladů, že písař, ačkoli znal žaltářní text kodexů liturgických, přidržel se předlohy jiné. Zřejmými doklady toho jsou tato místa (první číslice značí žalm, druhá verš): 2. 1,

---

[1]) Ke srovnání s texty cyrillskými užil jsem díla Jagićova: Psalterium Bononiense, Vindobonae MDCCCCVII (Bon.), jehož různočtení vedle textu ž. Pogodinova (Pog.) posloužila mi i ke srovnání mladších textů cyrillských Branka Mladenoviće (Buc.) a ž. Sofijského (Sof.), jakož i hlaholského žaltáře Sinajského (Sin.). Mimo to uvedená různočtení žaltáře Mnichovského (Mon.) čerpal jsem ze stati Jagićovy: Zwei illustrierte serbische Psalter v Denkschriften d. Akademie d. Wissenschaften, Wien 1906, sv. LII. Zde mimochodem podotýkám, že prof. Jagić v příčině kod. Fraščićova více zajímal se o komentář, kdežto mně běželo o vlastní text (viz jeho: Hrvatska glagolska književnost str. 24).

3. 4, 4. 2, 4; 7. 10, 18; 8. 1, 6; 9. 10, 10. 1, 13. 6, 17. 41, 21. 28, 22. 3, 26. 9, 38. 4, 39. 18, 43. 6, 12, 13, 14, 23; 44. 5, 49. 1, 18, 20; 52. 2, 55. 3, 14; 57. 12, 77. 47, 61; 82. 6, 86. 3, 87. 9, 17, 19; 88. 7, 50, 52; 91. 16, 93. 15, 94. 6, 96. 2, 104. 17, 110. 3, 121. 6, 125. 5, 128. 3 bis, 129. 1, 4; 131. 16, 140. 3, 147. 3, 4, 5, 6; 148. 4.

2, 1 Frašč. вскоущю шеташе ѣзици shodně se Sin., Pog., Bon., Sof. proti chrv. hlaholským, které tu mají všechny shodně: вскрсшташе Lob., вскрсташе Par., Zag.², вскрьсташе Vat.¹ a p.; slovo въскрѫжьтати dostalo se do textu žaltářů chrvatských asi z komentáře, v němž se čte nejen u Fraščiće, ale i v Boloňském (скрѫжеталахѫ на ха).

ibidem Fr. пооучнше се тащет'ним' opět shodně se Sin., Pog., Bon. (тъщетъныи) i mlad.; chrv. hlah. тьщнмь (тащнмь Lob. Par. Vat.¹, Zag.² т'щнмь);

3, 4 в'знесе глвоу мою se Sin. Pog. Bon. i mlad. cyrill. — chrvatsko hlahol. shodně прѣвьзносе (Lob. Pas. превзносе, Vat.¹ превзносен, Zag.² превзнесе);

4, 2 помилоун ме (sine гн) se Sin. Pog. Bon. i ml. — chrv. hlah. shodně přidávají гн (господи);

4, 4 И разоумѣнте ѣко оудиви гь s Pog. Bon.; — chrv. hlah. оувѣдите ѣ. оу. г. (Оуведите Lob., Оувидите Vat.¹); také Sin. оувѣдїте i Buc. Mon.;

7, 10 (испитаен) срд'ца и оутробоу se Sin. Pog. Bon. — chrv. hlah. и. с. и оутробн asi působením lat. »renes« (Lob. испитоуе, Par. ис'питае, Zag. испитае, Vat. испитаен), Buc. Mon. оутробы;

7, 18 И в'споју имени гню вишномоу(!) se Sin. Pog. Bon. i ml. cyrill. — chrv. hlah. вишьнаго (Lob. Zag.² вишнаго, Par. виш'наго, Vat.¹ вишнго);

8, 1 ѣко чоуд'но име твое se Sin. Pog. Bon. i ml. — chrv. hlah. коль ч. и. тв. (Par. кол'); ve v. 10. opakuje se totéž;

8, 6 Оумнил' и еси малом' чнмь ѿ анћл' se Sin. Pog. a ml. — chrv. hlah. маломь чиномь! (Par. чином'), též Bon. чиномъ;

9, 10 прибѣжище оубгм' s Pog. a Bon. (оубогымъ); — chrv. hlah. оубогоу; Sin. оубогоумоу, Buc. оубогоомоу;

10, 1 На га оупвх' se Sin. Pog. Bon. i ml. — chrv. hlah. оупьвлю (Lob. Vat.¹ оупвлю, Par. оуп'влю; výjimku činí jediný Zag.² оупвахь!);

13, 5 Тоу оустрашише се боѣзни se Sin. Pog. Bon. — chrv. hlah. оубоѣше се б; též Buc. оубоıаше се;

17, 24 И оцѣщоу се ѿ бзаконнѣ моего s Pog. Bon.; chrv. hlah. с'храню се se Sin. Buc. Mon.

17, 41 И вргь моих' дал' ми еси плеща s Pog. Bon. Sof. Buc. — chrv. hlah. bez и;

21, 28 И поклонет' се пред' ним' вса о̄уастка ѣзыѵска s Bon.; Pog. (ызыѵнла) i Sin. (ызыѵнл), Sof. азыѵьскаа — chrv. hlah. езикь (Lob. Zag.[2] ѣзикь, Par. Vat.[1] езикь); též Buc. Mon. ıезыкь;

22, 3 Настк(!) ме на стзе правне se Sin. Pog. Bon. i Sof. — proti chrv. hlah. на ст. правьдьние (Lob. a Zag. стази праведние, Par. Vat.[1] прьдние); Mon. Buc. на стьзоу правды;

26, 9 Не отврзи ме(!) от' лица твоего chybně! s Pog. Bon. Sof. (všickni мене!) — chrv. hlah. не открати; Sin. отъврати лица тв. отъ мене též Mon. Buc.;

38, 4 И в пооучении моемь раз'горит' се огнь se Sin. Pog. Bon. i ml. — chrv. hlah. разгорѣ с. о. (Lob. разгоре, Par. Zag.[2] раз'горѣ, Vat.[1] разгори);

39, 18 бе мои не замоудн se Sin. Pog. Bon. — chrv. hlah. не закасни (Lob. нѣ закасни, Par. Zag.[2] не зак'сни, Vat.[1] не закасни); též Sof. Buc. Mon. не закьсни;

43, 6 О тбѣ врги ише из'бодемь роги se Sin. Pog. Bon. i mlad. — chrv. hl. рогомь;

ibid. 12 Дал' ни еси ѣко ов'це с'нѣди se Sin. Pog. Bon. i mlad. cyr. — chrv. hlah. о. вь сьнѣдѣние (Lob. в снедение, Par. Vat.[1] Zag.[2] в' снѣдение);

ib. 13 Продаст' л свое бес цѣни se Sin. Pog. Bon. i mladšími — chrv. hlah. прода všickni takto;

ib. 14 Подражание и пороугание соущимь охь(!) нсь se Sin. Pog. Bon. i ml. — chrv. hl. подражанию и пороуганию všecky (Lob. píše окрсть нсь, Vat.[1] подраженню(!), Zag.[2] подражанию пороугающим се охь нсь);

ib. 23 (ѣк) вмѣниш е ни ѣко овце на заколение se Sin. Bon. Pog — ale chrv. hlah. вьмѣнихомь се (Lob. вменихом се, Par. Vat. Zag. в'мѣнихом се; též Mon. Buc. tak;

44, 5 И налецн и спѣи и црствоун se Sin. Pog. Bon. i mlad. — chrv. hlaholské svorně вьньми спѣи внстоупи и црствоун (Lob. вьнми, Par. в'н'ми, Vat. в'нми);

49, 1 Ѿ в'сток' (бо) слн'ца до западь se Sin. Pog. Bon. i ml. — chrv. hlah. ѿ вьстока с. до запада (Lob. Vat.[1] Zag.[2] встока, Par. в'стока);

ib. 18 Аще видше тат', se Sin. a cyrill. — chrv. hlah. аще в. тата;

52, 2 Нест' твреи добра se Sin. Pog. Bon. Sof. (Buc. Mon. блага) — chrv. hlah. н. т. благостние (Lob. блгостинѣ, Par. Vat.[1] Zag.[2] блгостние);

55, 3 Ѣко мнзи бороущен се са м'ною с'кише se Sin. a cyrill. — chrv. hlah. opomíjejí slova с'кише a spojují je s násl. v. 4: Ѿ висоти дне...;

ib. 4 **К д҃нь не оубою се** se Sin. a cyrill. — chrv. hlah. **ѿ висоти дьне не оубою се** (Lob. **О. в. днѣ нѣ оубою се**, Par. **ѿ висоти д'не не оуб. се**, Vat.[1] Zag.[2] **ѿ висоти д҃не**);

57, 12 **аще оубо е҃ плодь прѣдника** se Sin. a cyrill. — chrv. hlah. **плодь правьдьникоу** (Fructus iusto, *καρπὸς τῷ δικαίῳ!*), Lob. **н҃равдникоу**, Par. Vat.[1] **прѣдникоу**, Zag.[2] **правдникоу**;

77, 47 (**Иꙁ'би гр҃домъ вина ихъ**) **и сик҃мень(!) ихъ сл҃аною** s Bon. (**сукаминие**), Sof. (**сикамины**), Buc. (**сукамины**) — proti chrv. hlah. **и овощиѣ ихь сланою**, Sin. **ї урънїца**, Pog. **урьница**;

ib. v. 61 **И предаст' к' плѣн' кр҃пост' ихь** se Sin. a cyrill. — chrv. hlah. **И прѣда** etc. (Par. Vat.[1] Zag.[2] **И преда**);

82, 6 **Ѣк св҃щаше иномишлениемъ (в' воупѣ)** s Bon.; též Sin. a Pog. tak ale Sin. má **къ себѣ в' коупѣ** i Pog. (**к' себѣ**); chrv. hlah. **единомишлениемь вь коупь**; též mlad. cyrill. Buc. Mon. **юдиномышлюнию мь**;

86, 3 **Преславно г҃л се о т҃вѣ** se Sin. Pog. Bon. proti chrv. hlah. **Прѣславьна глаголаше се о. т.** (**Прѣсл҃авна гл҃ше** Lob. Par.; **пресл҃авна гл.** Vat. Zag.); Buc. má též **прѣславнаа гл҃аше**;

87, 9 **Оудалил' еси ꙁнаниѣ моѣ от(!) мене** se Sin. Pog. Bon. — chrv. hlah. **Оудалиль еси ꙁнание мое о. м.** (Par. **оудалил' е. ꙁнание м.**; ve Vat.[1] **ꙁнамение м.** opraveno **ꙁн҃ние м.**; Zag.[2] **ꙁнам'ние(!) мое**; Buc. Mon. **ꙁнаемыхь моихь**;

ib. v. 17 **Оустр҃шениѣ твоѣ иꙁмоутише ме** se Sin. a cyrill. — chrv. hlah. **Оустрашениѣ тв. смоутише ме**;

ib. v. 19 **И ꙁнаниѣ моѣ ѿ страсти** se Sin. Pog. Bon. — chrv. hlah. **И ꙁнание мое о. с.**; Buc. Mon. **ꙁнаемыхь моихь**; srov. výš. v. 9;

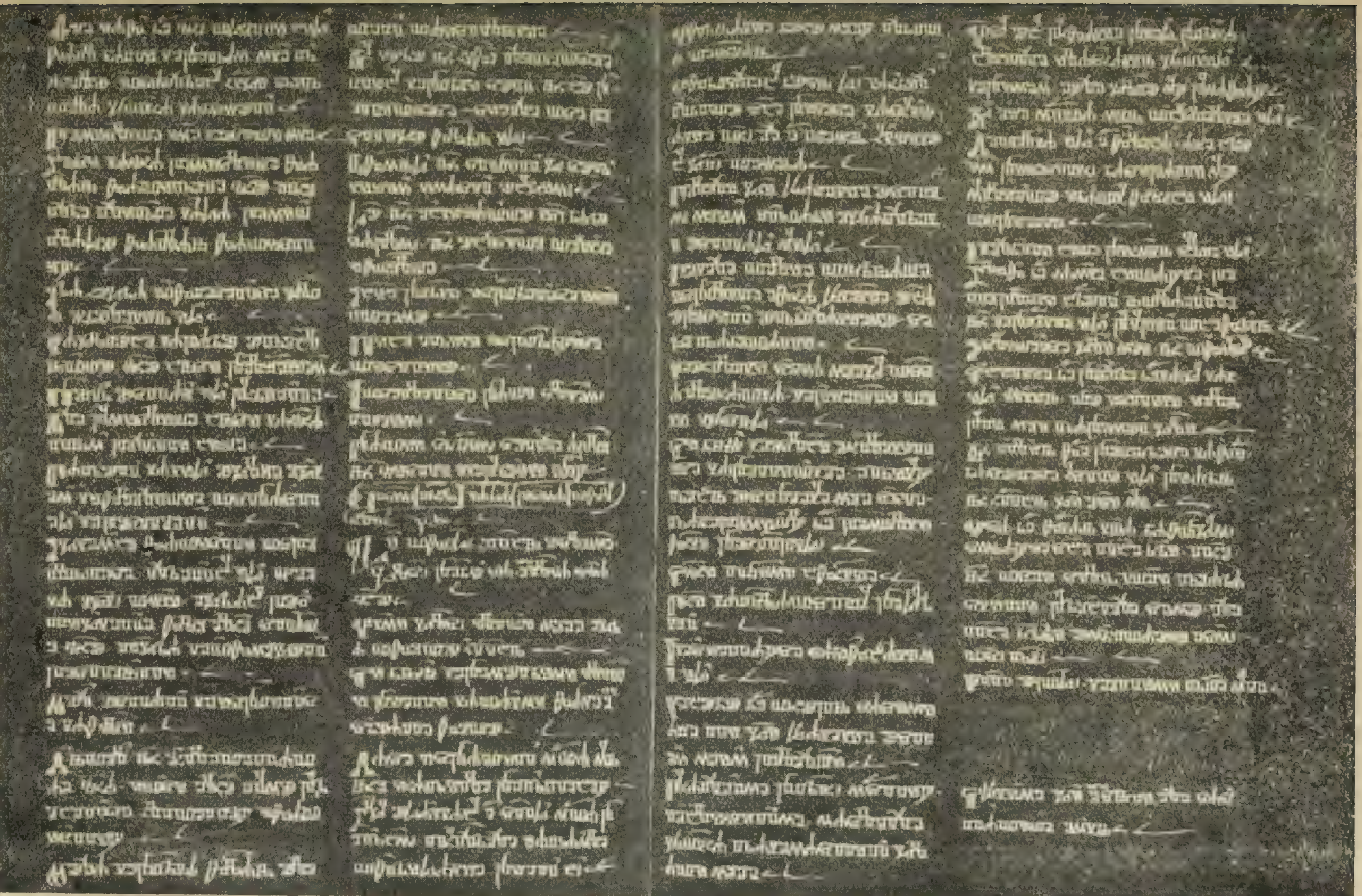
88, 7 **Ѣк҃ кто в' облацхь врвнит се гвѣ** s Pog. Bon.; chrv. hlah. **оуравнить се** (Lob. Vat.[1] **оуравнит се**; Par. Zag.[2] **оуравнит' се**); Sin. **оуравьнїтъ сѧ г҃ю**; Buc. Mon. **оур. се гви**;

88, 50 **Иминже клет' се Д҃вдоу истиною твоею** se Sin. (instr. **рѣснотоѭ**), Pog. Bon. Sof. — chrv. hlah. **и. к. с. вь истинѣ твоеи** (Par. Vat.[1] **к' истинѣ тв**; Lob. Zag.[2] **к истинѣ твоеи**); též Buc. Mon. **вь истинѣ твоюи**;

ib. 52 **Бл҃нь г҃ь в҃вкь бдеть бдть** se Sin. i cyrill. — chrv. hlah. **б. г. в. боуди боуди** (Par., **б҃ди боуди**, Vat.[1] **б҃ди б҃ди**); srov. ž. 105 48;

91, 16 **Ѣк҃ прав' г҃ь б҃ь н҃ш'** se Sin. Pog. Bon. Sof. ale chrv. hlah. **Ѣко правьдьнь г. б. н.** (Lob. **правдань** sic, Par. Vat.[1] **прѣднь**, Zag.[2] **правд҃нь**); též Buc. **праведьнь**;

93, 15 **И едѣ ее вси прави срцмь** se Sin. Pog. Bon. Sof.; chrv. hlah. **и дрьжеще ю** (*καὶ ἐχόμενοι αὐτῆς*) **в. п. с.** (Lob. Vat.[1] Zag.[2] **држеще**, Par. **др'жеще ю**); Buc. **и влиꙁь юе!**



Snímek žaltáře Fraščićova (l. 115v—116r), asi $^{2}/_{3}$ skutečné velikosti.

94, 6 **И к'сплауним' се пред' гмь иже ни е створил'** se Sin. i cyrill.: chrv. hlah. **Плаунимь прѣдь гмь** etc. (Vat.[1] **плаучѣмь пред' гмь**, Zag.[2] **плаучемь предь гмь**); ale Buc. **сьтвор'шним нась!**

96, 2 **Првда и соуд' исправление престола твоего** se Sin. a cyr. proti chrv. hlah. **правьда и соудьба и. п. т.** (Lob. **правда и соудба**, Par. Zag.[2] **првда и соуд'ба**); též Buc. Mon. **соудьба!**

104, 17 **В рабь продан' би Иосифь** s Buc. Mon. **вь рабь**; též Sof. **въ раба** — chrv. hlah. **вь работоу п. б. И.** (Lob. Zag.[2] **в работоу**, Par. **к' работоу**); Sin. Pog. Bon. **въ работѫ!**

110, 3 **Испвдние и келлѣпота дѣл' его** se Sin. Pog. Bon. — chrv. hlah. **Исп. и вел. дѣло его** (Zag.[2] **дѣла е.**); Buc. Mon. **дѣло юго;**

121, 6 **мните же(!) еже о мирѣ илимоу(!)** — proti tomu chrv. hlah. **просите ѣже о мирѣ соуть Є.** (Par. Zag.[2] **просѣте**; Vat.[1] **Просите ѣже о мири с. Єр.**); Sin. a Pog. **Оумолите же ѣже** etc.; Bon. podobně (vynechává „**же**“);

125, 5 **Сѣвшен слзами в рдост' пожанют'** se Sin. Pog. Bon. (**Сѣѩвъшии**); chrv. hlah. **Сѣющен (сь сльзами радостию пожьнють)** Lob. **Сеющен**, Vat.[1] **Сѣющен слзами р. п.**; Zag.[2] **Сѣюще сь сл. с рад. пож**; Buc. Mon. **сѣющен!** (*οἱ σπείροντες*);

128, 3 **Задл'жише бзкние свое** se Sin. Bon. Pog. (**безаконениѥ**) — chrv. hlah. svorně **продльжише** (Lob. Par. **продл'жише**); Buc. Mon. **оудалише!**

129, 1 **Из глоубини казвхь к' тбѣ** se Sin. a cyrill.; chrv. hlah. **Из глоубинь** (Par. **из глоубин'**, Zag.[2] **изь глоубинь**);

ib. 4 **Имне твоего рди потрпѣх' те ги** se Sin. a cyril.; chrv. hlah. **закона твоего ради** (Par. **закна**); Vulg. propter legem tuam; podobně cod. R *ἕνεκεν τοῦ νόμου*, ale cod. B *ἕνεκεν τ. ὀνόματός σου*!

131, 16 **Ерѣе его облкоу к првдоу** s Pog. Bon. Sof. — chrv. hlah. **Єрѣи его облѣкоу вь спасение** Lob. Par. **Єрѣи е. облѣкоу к спсение**; Vat.[1] **Єрѣи твои(!) да облкоут се в првдоу!** Zag.[2] **Єрѣи его облѣкоуть се вь спсение**); též Sin. **во спсние** i Buc. Mon. **вь спасениѥ;**

140, 3 **двари огражденн оустнах' моих'** se Sin. Pog. Bon. (**ѡграждены ѡ оустънахъ м.**) Sof.; chrv. hlah. **двьри ограждениѣ оустьнь моихь** (Lob. Vat.[1] **двари о. оустань м.**, Par. **дв'ри о. оуст'н м.**), Buc. **дв'рь ѡгражденниа**, Sof. podobně jako Fr. bez „**ѡ**“ (**оустънахъ**);

147, 3 **Полагаен предѣли твое мирь** s Pog. Bon. (**полагаѫ прѣдѣлы т. м.**), chrv. hlah. podle Vulg. **Иже положи прѣдѣли тв. мирь**, Qui posuit fines tuos pacem; Sof. **полагаи**, Buc. Mon. **положивыи!**

ib. v. 3 **И тоука п'шенич'на насищае (sic) те** opět s Pog. Bon. i Buc.; chrv. hlah. **насищаеть те** (Par. **насищает' те**); ib. v. 4 **По-**

сила (sic) **с своє ӡи** s Pog. (**Посылаꙗ слово своє ӡемли**), Bon. **посилаѫщи**, i Buc.; chrv. hlah. **Иже посилаеть с. св. ӡ.**; Vulg. Qui emittit eloquium suum terrae;

ib. v. 5 **Даюштго снѣг' свои ѣ вл'ноу... посипаюштаго** opět s Pog. Bon. Sof. Buc. proti chrv. hlaholským: **Иже даеть... сипаеть** (Lob. **дает'... сипаѣть**, Par. **даеть... сип'леть**); Vulg. Qui dat nivem sicut lanam... spargit;

ib. v. 6 **Метаюшто голот' свои ѣк хлѣби** s Pog. Bon. i mlad. cyrill. proti chrv. hlah. **мететь голоть свои ѣко хлѣби** (Lob. Par. **метет'...**, Lob. Zag.[2] **ѣко и хлѣби**), Vulg. Mittit crystallum suum sicut buccellas;

148, 4 **И вода превиш'наѣ небсь** s Pog. Bon. (**И вода всѣ прѣвышнаѣ нбесъ**), Buc. Sof.; chrv. hlah. **и води прѣвишьнее небесь** (Lob. **и води прѣвише нбсь**, Par. **и води превиш'нее нбс'**, Vat.[1] **и води превише** corr. e **превишнее н.**; Zag.[2] **и в. превише н.**) opět působením Vulgaty et aquae omnes, quae super coelos sunt; LXX *καὶ τὸ ὕδωρ τὸ ὑπεράνω*).

2. Uvedená místa, byť nebyla bezpečně všecka, vzhledem k četným mezerám v textu, dokazují zřejmě, že Fraščić se přidržel jiné předlohy nežli té, která je zastoupena v breviářích chrvatsko-hlaholských; ježto však i tento liturgický text byl i jemu znám, neubránil se a v leccems podle něho »opravoval« svou vlastní předlohu, ovšem na některém místě zřejmě na škodu původního překladu. Uvedu tudíž rázovitá místa recense chrvatsko hlah. (liturgické), kterých se přidržel i Fraščić.

Především vytknu text 41, 3 **Вжеда дша моѣ к боу ис'тоуникоу живмоу**, který se opakuje ve všech breviářích chrv. hlaholských, a který vzešel z neporozumění latinského textu: Sitivit anima mea ad Deum fortem vivum (cod. *B ἐδίψησεν ἡ ψυχή μου πρὸς τὸν θεὸν τὸν ζῶντα* | codd. *B*[c] ℵ [c. a.] *AT* addunt *τὸν ἰσχυρόν*). Ten kdo upravoval žaltářní text pro liturgické knihy hlaholské, četl asi fontem (m. fortem) a jeho »oprava« přešla nejen do textů breviářních, ale i do komentovaného textu Fraščićova proti původnímu správnému překladu: **Въжѧда дша моѣ къ боу крѣпъкоуемоу и живѫщюемоу** v Sin. a s ním podobně ve starších i mladších textech cyrillských. — 5, 5 Fr. píše **Ѣко бь не хотѣ бӡконнем' ти еси**; chrv. hlah. žaltáře mají souhlasně dat. sg. **беӡаконию**, kdežto Sin. a cyrillské s ním mají gen. (Sin. **беӡаконьѣ**, Pog. **беӡаконенна**); — 7, 10 Fr. **исптаеи срца и оутробоу бе првдиь** shodně s chrv. hlah., kdežto v Sin. čteme **праведьно**, podobně v Pog. Buc. Bon. (**праведънѣ**); — 8, 3 text Fr. **Иӡ' оуст' младнц' и сасоущих'** čte se sice ve

všech žaltářích chrv. hlaholských, avšak i v mladších cyrillských Buc. Mon. proti Sin. младьнеуь, též Pog. младенеуь a Bon. младенеуъ; — 9, 7 Врагоу оскоудѣше ороужиѣ s hlahol. a ml. cyrill. Buc. Mon. proti вражиꙗ Bon. Pog. i Sof.; — 17, 13 ѿ обансцанні s hlah. a s mlad. Mon. Buc. ѿ ѡбаистаниꙗ proti ѿ баистаниꙗ v Pog. Bon.; — 14, 3 Ни створи искр'немоу своемоу си з'ла opět shodně s žaltáři chrv. hlaholskými, Sin. a cyrillské bez своемоу; — 17, 35 И положи ѣко лоук' мѣден' миш'ци моеи (sic), i ve všech chrv. breviářích tak (Lob. и положи ѣко люкь мидень мишци моеи, Par. п. ѣко лоук' мѣден' в' мишци моеи, Zag.[2] и п. ѣко лоукь мѣдень к мишци моеи, Vat.[1] и п. ѣ лоукь мидень мишци моеи); Sin. a cyrillské bez ѣко. — Zřejmě působil na Fraščiće text žaltářů chrv. hlaholských v 17, 44 Изъбви ме ѿ пререканиѣ люд'скаго (Lob. Избавиши ме . . ., Par. Vat.[1] Извавиши ме . . ., Zag.[2] Из'бавиши ме . . .), Sin. Pog. Bon. Sof. čtou správně избави (ῥῦσαι με), mladší Buc. Mon. избавить, všecky pak mají jmenný tvar adj. людьска (людъска) proti složenému людьскаго (людаскаго Vat.) v breviářích hlaholských; — 19, 5 Fr. И все сти твое исплни opět s chrv. hlaholskými (Par. и в'се свти твое и., Zag.[2] и все свѣти твое испл'ни) Sin. ї весъ свѣтъ тв. ис. a s ním všecky cyrillské; — 21, 11 Fr. к тбѣ привржень есмь из ложес'не s chrv. hlaholskými (Lob. ложесниѣ, Par. ложес'ниѣ, Vat.[1] Zag.[2] ложесне), Sin. из ложезнъ, rovněž tak cyrillské (Pog. Bon. ложеснъ); ibid. v. 21 из роуки пса иноуедоую мою opět s chrv. hlaholskými (из р. пса единоуедоу м. Lob. Par. Zag.[2] Vat.[1]), Sin. издрѫкы пьсьꙗ їноуꙗдѫѩ м. a s ním i cyrillské; — 22, 5 И чаша твоѣ . . . кол' др'жавна миѣ есть shodně se všemi hlahol., kdežto Sin. a s ním texty cyrillské bez миѣ; — 24, 11 миог' бо є opět s chrv. hlaholskými (πολλή γάρ ἐστιν), ovšem i s mladšími cyrillskými (Buc. Sof. Mon.), kdežto Sin. Bon. Pog. mají велии (Sin. велеи, Bon. велъи); tamtéž v. 14 u Fr. Др'жава (гь) всѣм' боещим' се его shodně s chrv. hlaholskými, Sin. a cyrillské bez вьсѣмь; tamtéž v. 25 u Fr. Незлобиви и прави прилѣпише се м'нѣ se všemi chrv. hlah., kdežto Sin. Незл. и пр. прїлѣплѣхѫ сѧ мнѣ, a s ním i cyrillské; — 26, 1 Fr. ѿ кого се оубою s chrv. hlah. Sin. a cyrillské bez ѿ; — 27, 5 Fr. Разори е и не сазиждеши их' s chrv. hlah.; Sin. Pog. разориши ꙗ, Bon. разориши ѫ, Buc. разориши ихь, Sof. разоришѫ! — 36, 19 Fr. И ва д'ни глад'ние насител' се souhlasně s chrv. hlaholskými (καὶ ἐν ἡμέραις λιμοῦ χορτασθήσονται, Vulg. et in diebus famis saturabuntur), Sin. вь день глада насытꙗтъ сѧ, s ním podobně i texty cyrillské; — 38, 5 И число д'ни моих' колико є opět svorně s hlahol. proti Sin. (и число дънеи моїхъ кое естъ) i cyrillským; — 43, 5 Зповдає спсние ѣковле

Fr. s chrv. hlaholskými; Sin. заповѣдаѩ спньѣ нѣковлѣ, s ním podobně i cyrillské Bon. заповѣдаж спасенниа нiаковлѣ, Pog. rovněž tak i Buc. (заповѣдаюн) a Sof.; — 44, 2 Глю а дѣла м цроу shodně s chrv. hlaholskými (Lob. глю азь дела моѣ цроу, Par. глю аз' дѣла моѣ цроу); Sin. глж азъ д. м. цркї, podobně cyrillské Pog. Bon. гла азъ д. м. цреки; tamtéž v. 16 Fr. Привдоут' се тбѣ ва весели и радости (Lob. Приведоут се тебѣ ва весели и в радости) všecky hlaholské podobně; kdežto Sin. a cyrillské nemají „тебѣ“; — 47, 11 Fr. Правди испли се дес'ница твоѣ (Lob. п. испльни се, Par. испл'ни се) opět shodně s chrv. hlahol., Sin. правъдъı исплънъ десниця тв. a cyrillské texty s ním; — 57, 10 тр'нiѣ ваша s hlah. proti тр. вашего Sin. i cyrill.; — 58, 11 ѣвит' мнѣ силоу s chrv. hlah. proti Sin. a cyrill. které slovo силоу vynechávají s kod. *B*; — 61, 6 дша моѣ se všemi hlaholskými proti Sin. a cyrill. доуше м.; — 87, 12 в грбѣхь s hlahol. proti Sin. a cyrill. въ гробѣ (*ἐν τάφῳ*); — 88, 10 вдадеши s chrv. hlah., Sin. a cyrill. владеши; — 89, 1 ѿ рода в род' a generatione in generationem s chrv. hlah. proti Sin. a cyrill. въ родъ и родъ *ἐν γενεᾷ καὶ γ.*; — 90, 11 Ѣк анћлмь своимь зпвдѣ s chrv. hlahol., Sin. i cyrill. заповѣстъ; — 94, 5 И соушоу роуцѣ его основаста se všemi chrv. hlahol., Sin. i cyrill. И соушж ржцѣ его създасте (Sin. созъдасте, Bon. създастѣ, Buc. сьздаста); — 106, 43 И рзмѣет' (разоумѣеть) мсти гне tak se všemi chrv. hlah. proti Sin. Pog. Bon. разоумѣжтъ; Buc. však má také разоумѣють! — 134, 10 Иже поразн езки многие... цри крѣп'кие s chrv. hlah. proti Sin. a cyrillským многъı (многы), крѣпъкъı (крѣпкы); totéž v 135, 18; na účet liturgického textu bych připočetl také i to, že důsledně užívá tvaru чловѣчьскь, kdež v ostatních Sin. i cyrill. čteme чловѣчь tak na př.: 56 5, 57 2, 65 5, 134 15 atd.

3. Místa pod č. 2 uvedená, v nichž se zračí závislost či vzájemnost mezi kodexem Fraščićovým a liturgickými texty žaltářů v breviářích chrvatsko-hlaholských, vznikla na půdě charvatské a sice neznámým auktorem, který upravoval původní text žaltářový k liturgické potřebě hlaholášů; jsou tudíž toho rázu, že jimi text Fraščićův jde proti původnímu znění žaltáře. Zbývá nám zmíniti se i o těch místech, která jsou rovněž Fraščićovi i žaltářům chrvatsko hlaholským společné, která však dokazují veliké stáří původní předlohy společne všem liturgickým textům žaltářů chrv. hlaholských. Bezpečné takové místo vlastně jest jen jedno a sice v ž. 104, 31 slovo скинипи, *σκνῖπες* cinifes: Ре и придоу пас'е моухи и скинипи ва все предѣли ихь (Lob. Рече и придоу пас'е моухи и скинипи ва все прѣдѣли ихь; ostatní chrv. hlaholské texty podobně);

Sin. a texty cyrillské mají zde již slovo přeložené: Sin. мъшицы, Pog. мъшица, Bon. v opravě моушице, Buc. мышице.

Vedle toho je tu řada míst, o nichž není možno říci určitěji, odkud je Fraščić vzal, pokud nebudeme znáti bezpečně předlohu, z níž přepisoval text. Tato místa jsou především známý optativ 7, 5 отъпадѣмъ u Fr.: Ѿпадем' оубо от враг' моих' тщ' (Lob. отпадемь, Par. от'падемь, Zag.[2] опадѣмь, Vat.[1] ѿпадемь); Sin. Pog. a Bon. jej zachoval, Buc. má již да ѿпадоу. — Z řady nepřeložených přejatých slov je i u Fraščiće především slovo: иматизмъ, *ἱματισμός*. 21, 19: И о иматиз'мѣ моем'(!) меташе жрѣбие (Lob. о маньтизе моемь, Par. о ман'тизѣ моем', Zag.[2] о ментизѣ (sic) моемь, Vat.[1] о мантизѣ мое! Sin. о рїзѫ моѭ, Buc. ѡ одежди моеи; Pog. Bon. Sof. ѡ мантизмѣ моеи; třeba že se toto slovo zachovalo v žaltářích chrv. hlaholských, nezdá se vzhledem k jeho tvaru u Fraščiće, že by je byl z nich přejal, spíše nalezl je v předloze, z níž opisoval. — Slovo *ὁλοκαύτωμα* (олокавтомата) čte se podobně jako v chrv. hlah. i u Fraščiće a sice: 19, 4 и олокав'та (sic) твоѣ тоуч'на бди; v Sin. a Pog. přeloženo, v Bon. ѡлокавтима, Buc. ѡлокавтѡма, Sof. ѡлокавтомата; 39, 7 Олокавтомати о грси не в'зиска, v Sin. a Bon. již přeloženo, v Pog. Sof. Buc. zůstalo; 49, 8 Олокавтомати же твое соут' вииоу (Lob. олокавтомати же тв. преда мною соуть вииоу, s ním i ostatní chrv. hlah.), v Sin. přeloženo, v Pog. Bon. Sof. Buc. zůstává; 50, 18 Олокавтомат(!) не благоволиши; ib. v. 21 Взнишинѣ бжиѣ (sic) олокав'томата; 65, 15 олокак'томати можденин в'знесоу твѣ (Lob. олокавтомати тоучни i ostatní chrv. hlah. tak); ib. 13 Виидоу в дмь твои са олокавтоматами; tedy na všech místech, kde se čte v žaltáři, zůstává slovo to u Fr. nepřeloženo podobně jako v breviářích hlahol. — Slovo *σκάνδαλον*, скандѣлъ, které podržují texty chrv. hlah. nepřeloženo (není-li tu působení lat. Vulgaty scandalum?), zůstalo u Fraščiće jediné v ž. 139, 6 при стзи скан'дѣл' положише м'нѣ, v Sin. a cyrill. je již na tom místě přeloženo; v 49, 20 píše i Fr. и сина мтре своее полагаше сблазань (Lob. скандель, Par. скандѣл', Zag.[2] скандѣль, Vat.[1] скан'дѣль), v Sin. сканъдѣлъ, ale v cyrill. přeloženo; též v ž. 105, 36 píše Fr. сблазан' podobně jako i chrv. hlah.; 121, 7 slovo (*ἐν τοῖς*) *πυργοβαρέσιν*, jež prof. Valjavec četl asi mylně (В) варѣхь, Fr. se Sin. a cyrillskými píše: в стлпостѣнах' (твоих'); Lob. Vat.[1] Pas. в трѣхь тв., Par. в' трех' тв.; Zag.[2] в трехь тв. s ním i Nov.[1], Vat.[2]; slůvko трѣхь asi souvisí s lat. turris (Vulg. et abundantia in turribus tuis).

Shrneme-li v jedno, co jsme dosud pověděli o poměru kodexu Fr. k ostatním žaltářům chrvatsko-hlaholským, lze jen říci, že

komentovaný žaltář Fraščićův zřejmě odstupuje od předlohy, kterou se řídily liturgické texty chrv. hlaholské a přidržuje se předlohy jiné, o níž bude řeč níže. Byl to asi nějaký cyrillský text redakce srbskochrvatské s tradicí hlaholskou. Z četných míst pod č. 2 a 3 uvedených je patrno, že i Fr. byl dobře znám i liturgický text žaltářů chrv. hlah., tak že mu nejednou podlehl někdy na prospěch původního znění žaltáře, někdy však i k jeho škodě.

Při zkoumání a srovnávání textu Fr. s liturgickými žaltáři chrv.-hlaholskými nadál jsem se, že vyjde najevo něco více o původu liturgické recense samé; naděje ta se nesplnila v míře, jak bych si přál, přec však dodělal jsem se alespoň dvou výsledků podružných. Lze je totiž konstatovati byť ne přesnou genealogii, alespoň jakous větší příbuznost mezi některými texty a pak to, že i v liturgické recensi žaltářů chrvatsko-hlah. není ona jednotnost, o níž mluvil prof. Valjavec, naprostá, lze je znamenati alespoň pokusy o změny, a to již v textech nejstarších.

Dva ze žaltářů Lobkovický a Záhřebský (Kukuljevičův Zag.[2]) shodují se na pěti rázovitých místech odchylujíce se ode všech ostatních: 57, 7 Lob. **ѵр’новине лавь скроушить г҃ь**, Zag.[2] **ѵрновине л’вь с. г.**; Nov.[2] Pet. Vat.[2] **ѵрѣновине**; Par., Vat.[1] **ѵрѣновление**, Pas. Nov.[1] **жрновине**, Zag.[1] **жрновльное!**

88, 15 Lob., Zag.[2] **Правда и соудба исправление прѣстола твоего**; ostatní (Par. Pas. Nov.[1] Nov.[2] Vas.[1] Vat.[2], Pet. Zag.[1]) **оуготование пр. тв.**; toto je správné, **исправ.** je nerozumná změna podle lat. »correctio« v ž. 96, 2;

78, 11 v Lob. i Zag.[3] zní takto: **Да видеть прѣд те вздихание окованихь и раздрѣшиши с҃ни оумр’щвенихь**; tedy oba vynechávají slova **по велиүню мишце твоее** tak ostatní; Par. místo **окованихь** má **оукогихь** jediný;

106, 35 Lob. a Zag.[2] (**Положи**) . . . **змю безводноү в исходища семртна**; (Zag. **з. безвод’ноү вь исх. семр’тна**); ostatní **в’ исходища воднаѣ** (Par. **исх. вдна**);

131, 8 Lob. i Zag.[2] **и ти кивот’ с҃тине твоее** (Zag.[2] **кивоть**) místo správného **ты и кивотъ**; Vat.[2] Pet. Zag.[1] om. **и**.

Podobně lze je dokázati příbuzenství mezi žaltáři Pařížským a Vatikánským[1]; nehledě k výše vzpomenutému 57, 7 **ѵрѣновление**, oba píší v 88, 47 **Доколѣ г҃и гнѣваеши се в’ кон҃ць**, ostatní **ѿвращаеши се** se Sin. i cyrillskými (Lob. **взращаеши!**); 129, 6 oba opakují větu **ѿ стражe ютрие до нощи** bez příčiny; s druhé strany

není lze neviděti vzájemnosti mezi ž. Pařížským a Novljanským[1], oba totiž v 70, 24 na konci věty po slovech правдѣ твоеи přidávají: в'сь дн҃ь хв҃лѣ твоеи, což je sotva náhodné. Také texty dvou žaltářů v obou breviářích Novljanských nejsou si cizí, ježto v obou chybí právě 18 verš 48 žalmu.

Z ojedinělých shod uvedu ještě alespoň ty, z nichž je patrno, že i v liturgické recensi žaltářů chrv. hlah. dály se pozdější změny; je to především 42, 2 Pas. Vat.[1] Nov.[2] егда стоужаеть' ми врагь; Lob. Par. Nov.[1], Pet. Zag.[1] Vat.[2] непрнѣтель; Zag.[2] непрнѣзнь! První slůvko je původní za ř. ἐχθρός, srov. Sin. Pog. Bon. i mladší cyrill.; непрнѣтель bylo uvedeno asi podle lat. inimicus, když se v živém jazyce zúžil smysl slova врагь, s čímž souvisí asi i na oko staré непрнѣзнь v Zag.[2]. — 32, 12 Блажень родь Pas. Nov.[1] jest opět opraveno; v ostatních se čte бжнь ѣзнкь shodně se Sin. i cyrillskými. — 48, 9 не даст' цѣни избавлениѣ v Pas. Vat.[1] Zag.[1] opět shodné se Sin. a cyrill. bylo v ostatních později nahrazeno цѣни за избавление. — 67, 12 původní Гь҃ даст' глаголь v Pas. Lob. Par. Zag.[1, 2] v ostatních neprávem proměněno v г. д. гласъ. — 116, 1 в коуп хвалите v Pas. Nov.[2] Par. Vat.[1] je pozdější oprava asi podle lat. Vulgaty: et collaudate eum; ostatní mají pouhé хвалите Lob. nebo похвалите se Sin. a cyrill. — Jak nestejně byly prováděny tyto změny, ukazuje ž. 118. 7, opraveno еже наоучих' се соуд'бам' правьди твоее v Pas. Nov.[1] Par. Pet. Vat.[2] Zag.[1, 2], ale v Nov.[2] Vat.[1] původní еже наоучити ми се; a opačně tamtéž v. 171 původní егда наоучиши ме оправданиемь твоимь v Pas. Lob. Par. Zag.[1, 2] Nov.[1] jest v Nov.[2] Vat.[1] změněno v егда наоучити ми се! — Podivné jsou změny 139, 12 správného моуж' оустат' v Pas. Lob. Par. Nov.[1] Zag.[2] v nejasné a nesprávné м. оупостат! tak se čte v Vat.[1] Nov.[2] Zag.[1] Pet.; zřejmé neporozumění je v 146, 10 ни в листехь моуж'ских' благоволит' správně v Pas. Lob. (в листех' моужасцехь), Vat.[1, 2], Nov.[1, 2] je změněno v Par. Zag.[1, 2] Pet.: в' лстехь!

Tyto změny jsou dokladem, že vedle textu Fraščićova i v liturgické recensi, jinak jednotné, žaltářů chrv. hlah. byly prováděny změny, které se sice po každé opakují v řadě kodexů, ne však důsledně, tak že by bylo lze usuzovati, že byla podniknuta nějaká nová revise. Stará původní předloha t. zv. liturgické recense chrv. hlaholských žaltářů zůstává jimi v základních rysech nedotčena. O předloze textu Fraščićova promluvíme příště.

Josef Vajs.

Dosad nepoznati hrvatski glagolski prijevodi iz staročeškoga jezika.

(Svršetak.)

Iz navedenih se ulomaka iz *PZ* vidjelo jasno, da je hrv. prijevod postao prema staročeš. originalu. Ja ću ovdje još jednim malim ogledom hrv. teksta, koji je postao prema lat. originalu, pokazati, kako se taj tekst razlikuje od staročeškoga prema istom lat. originalu. U *PZ* 213^b—217^b dolazi prema *ZL* »Život sv. Nikole«, koji se nalazi i u staroćeš. »Pasionalu«, i to u *PasMA* 31^α—35^α i u oba stara izdańa.[1]) Staročeš. tekst u *PasMA* (i u *PasIA* i *PasIB*) prerađen je prema tekstu u *ZL*, koji je mnogo duļi. Hrv. je prijevod, u kojem dakako nema čehizama, u glavnom vjeran lat. tekstu, osim što su i u ńemu izostavļena neka čudesa i etimologizirańe o imenu Nikola. Evo početka hrv., češ. i lat. teksta.

Hrv. glagol. tekst.

(*PZ* 213^b / 214^a)

Nikula patarskago grada boga|ti*ju* i s(ve)-ti*ju* roditěl*ju* bě roen' o^t oca Ofifana | ot mat(e)re ivane Ošće mlada běhota kada rodist|a ga o^{t}tolě žitkom' s(ve)tim' žiti počesta v čisto|ći. I kada toga dětića mati nega kupaše prvi da|n' sta na nogu svoi*ju* v kupěli· I potom' v srědu i v p|etak' takmo ednu krat' materina sas'ca sasa|še I kada bě *ju*noša druzěh' *ju*noš' po-

Staročeš. tekst.

(*PasMA* $31^{\alpha/\beta}$.)

Swaty mykulaws byl | rodem z toho myeſta | gemuzto pathera diegy vroze|nym rodu znamenyteho. Ge|ho otczy rzekly Epyfanus· a | materzy yohanna · Gmyegyeſ|ſe geho z ſwe mladoſty · potom | gſta wiecz w ſſwatey czyſtoty|e bydlyla · A czte ſie to ez ſwa||ty mykulaws prwy den ſwe|ho narozenye · kdyz podle oby|cziegye kupaan · wſtaw na ſ|ſwe nohy w kupyely y ſtal · | A take

Lat. tekst iz ZL.

(Grässe^3 22.)

Nicolaus civis Paterae urbis ex divitibus et sanctis parentibus originem duxit. Pater ejus Epiphanes, mater vero Johanna dicta est. Quem cum primo aevo juventutis suae flore parentes genuissent, deinceps caelibem vitam duxerunt. Hic prima die dum balnearetur, erectus stetit in pelvi. Insuper quarta et sexta feria tantum semel sugebat ubera. Factus autem

---

[1]) U *PasMB* i *PasKl* ne dolazi, jer je taj Život po redu glavā dolazio na početku, koji je u tima rukopisima propao.

hoti ukl||[a]naše se i v crěkav' rad' prihoěše I čto l*ju*bo slišaš|[e] rěči s(veta)go pisma to na pamet' priemaše.

w ſtrziedu a u patek | gednuu za den ot ſwe pieſtu|ny pokrm przygymal A kd|yz gyz byl welykym · gy|nych puſtych mladenczuow | drzoſty ſie wzdalowal · ale | k ſwatym a do koſtela ſie | ſwatemu pyſmu vczie raad | chodyl.

juvenis aliorum devitans lascivias ecclesiarum potius terebat limina et quidquid ibi de sacra scriptura intellegere poterat, memoriter retinebat.

Govoreći o hrv. prijevodu staročeš. »Pasionala« treba da se dotaknem još jednoga pitańa. Kako je poznato, ulomak se staročeš. »Pasionala« sačuvao i u glagolskom pismu iz 14. vijeka.[1]) Taj ulomak, koji je objelodanio A. Patera u ČČM. *56* (1882), 522—527, sadržava svršetak »Života sv. Pankracija«, »Ž. sv. Urbana pape«, »Ž. sv. Petronele«, »Ž. sv. Petra i sv. Marcela«, »Ž. sv. Prima i sv. Felicijana« i napokon početak »Ž-a. sv. Barnabe«. Izdavač spomińe, da se sačuvani ulomci podudaraju najviše s tekstom u rkp. *PasMB* (v. ČČM. *56*, 524).[2]) U rkp. *PasMB*, koji se danas, kako je već spomenuto, počińe 58. glavom (Ž. sv. Marka), a svršuje 166. glavom (Ž. sv. Katarine), dolaze spomenuti životi u gl. 70. (Pankracij), 71. (Urban), 73. (Petronela), 74. (Petar i Marcel), 75. (Prim i Felicijan) i 76. (Barnaba). Po tome bi spomenuti ulomak bio samo neznatan dio staročeš. glagolicom pisanog »Pasionala«. Takome bi se shvaćańu moglo protiviti to, što u rkp. *PasMB* dolazi kao 72. glava članak o Duhu Svetom, koji dolazi na istome mjestu, između »Ž-a sv. Urbana« i »Ž-a sv. Petronele«, i u rkp. *PasMA*. No red glava u spomenutom glagolskom ulomku i u *PasMA* i *PasMB* ne može da nam smeta, da ne reknemo, da taj ulomak može biti dio potpunoga češkog glagolskog »Pasionala«, jer se red glava u ulomku podudara s redom u *PasKl* 101^{β}—102^{δ}; članak, koji u *PasMA* i *PasMB* dolazi iza »Ž. sv. Urbana«, dolazi u *PasKl* na l. 98^{β}. Kad se prema tome može misliti, da su Česi u drugoj poli 14. vijeka imali potpun »Pasional« i u glagolskom pismu, nastaje pitańe, nije li hrv. prijevod staročeš. »Pasionala« postao prema češ. glagolskom originalu. Ja bih na to pitańe odgovorio samo negativno, i to na osnovi ovoga, što ću sad reći. U hrv. pri-

[1]) Zna se, da su Česi u Emauskom manastiru naučivši glagolsko pismo pisali tim pismom i češka djela.

[2]) Spomenuti ulomak staročeš. »Pasionala« spomińe i Milčetić u svojoj »Hrv. glagol. bibliografiji« (v. Starine *33*, 170/1).

jevodu »Ž-a sv. Bartolomeja« u *PZ* 272^{b} čitamo: »... s(ve)ti bartoloměi kada e v različnih' s|tranah' kazal' kim' vlastěm' su tako imena bil|a / *Likaoma Er'mema In'diě* ...« prema lat.: »... apostolus Dei Bartholomeus primum in *Lycaonia* praedicavit, postmodum in *India*, ad ultimum in Albana urbe scilicet majoris *Armeniae* ...« (v. Grässe^{3} 546). Likove *Likaoma* i *Er'mema* mjesto »*Likaoniě*« i »*Er'meniě*« možemo tako razumjeti, što je prevodilac lat. slovima pisano *Likaonia* i *Armenia* krivo čitao sa *-oma* i *-ema*, a to je prema staroj grafici, u kojoj nije dolazila tačka u slova *i*, bilo moguće. Hrv. je dakle prevodilac imao pred sobom staroč. original, u kojem su spomenute riječi bile napisane s takim *i*, kao što se pišu u *PasMA*, u kojem na str. 460^{β} čitamo: »ſwati Bartolomey | kdiz w rozliczních wlaſtech | kazal · gymzto wlaſtem | tato[1]) gmena byla · *Licaonia* | *armenia* · India ...«. Mańe mi se čini vjerojatnim, da bi taku pogrješku učinio Čeh, koji je staroč. »Pasional« prepisivao u glagol. pismo.[2])

S pomoću rečenih staročeških rukopisa *PasMA*, *PasMB* i *PasKl* i starih izdańa *PasIA* i *PasIB* mogao sam utvrditi, da je od spomenutih članaka iz *PZ*, u kojima ima čehizama, 12 prijevod, kojemu se original nalazi u staroč. »Pasionalu«, i to: 1. Život sv. Jeronima (u *PZ* 210^{b}—213^{b}) prema *PasMA* 529^{β}—535^{α}, *PasMB* 149^{β}—151^{δ}, *PasKl* 216^{δ}—218^{δ}; — 2. članak o Sv. Trojici (u *PZ* 247^{b}—250^{b}) prema *PasIB*; — 3. Ž. sv. Jakova (u *PZ* 256^{a}—258^{b}, krń) prema *PasMA* 350^{α}—357^{β}, *PasMB* 62 —66^{δ}, *PasKl* 143^{δ}—146^{δ}; — 4. Ž. sv. Lovre (u *PZ* 261^{a}—266^{a}, krń) prema *PasMA* 425^{β}—435^{α}, *PasMB* 97^{δ}—102^{α}, *PasKl* 169^{γ}—173^{β}; — 5. Ž. sv. Bernarda (u *PZ* 266^{a}—269^{b}) prema *PasMB* 110^{β}—113^{β}, *PasMA* 451^{α}—454^{β} (krń), *PasKl* 180^{γ}—183^{α}; — 6. Ž. sv. Bartolomeja (u *PZ* 269^{b}—272^{b}) prema *PasMA* 455^{β}—461^{α}, *PasMB* 113^{δ}—116^{β}, *PasKl* 183^{γ}—185^{γ}; — 7. Ž. sv. Mateja (u *PZ* 275^{a}—275^{b}, krń) prema *PasMA* 491^{β}—496^{β}, *PasMB* 132^{β}—134^{γ}, *PasKl* 203^{γ}—205^{β}; — 8. Porođeńe Ivana Krstiteļa (u *PZ* 275^{b}—279^{b}) prema *PasMA* 275^{α}—281^{α}, *PasMB* 20^{β}—23^{γ}, *PasKl* 108^{α}—111^{β}; — 9. Ž. sv. Avgustina (u *PZ* 279^{b}—284^{b}) prema *PasMA* 461^{β}—468^{α} (krń), *PasMB* 116^{β}—119^{δ} (krń), *PasKl* 185^{γ}—188^{β}; — 10. Ž. sv. Marka (u *PZ* 285^{a}—286^{a}) prema *PasMA* 230^{α}—232^{β}, *PasMB* 1^{α}—1^{δ}, *PasKl* 89^{δ}—90^{γ}; — 11. Ž. sv. Blaža

---

[1]) taka *PasKl.*

[2]) Vaļa mi istaći, da pri tom ipak ne razumijem pravo, kako je u hrv. tekst došlo *Er'mema* prema *Armenia*.

(u *PZ* 286ª—288ᵇ) prema *PasMA* 137$^{\alpha}$—141$^{\beta}$, *PasMB* (propalo), *PasKl* 59$^{\beta}$—60$^{\gamma}$; — 12. Uzvišeńe sv. križa (u *PZ* 292ᵇ—296ª) prema *PasMA* 483$^{\alpha}$—489$^{\alpha}$, *PasMB* 128$^{\beta}$—131$^{\alpha}$, *PasKl* 198$^{\beta}$ do 200$^{\gamma}$. — Svi ti članci osim članka pod 2., koji dolazi samo u *PasIB* iza »Ž-a. sv. Barnabe«, dolaze i u oba stara izdańa.[1]) Prije nego što o tome članku reknem nešto napose, učinit ću mali ekskurs u svezi s člankom pod 11.

Stručńacima je poznato, da se i u poļskoj kńiževnosti spomińe ulomak staropoļske legende o sv. Blažu, koji je objelodanio prvi Bielowski u »Bibliot. Ossol.« IV (1864), 173—202, otkud je preštampan i u Nehringa »Altpoln. Sprachdenkm.« 253—255. Prvi je izdavač mislio, da je spomenuti ulomak prijevod iz češkog jezika, ali se tomu protivio Bruchnalski, koji je u članku »‚*Legenda aurea*' w literaturze polskiéj XV wieku« u Rozpr. w. filolog. XI (1886), 219—248 isporedio staropoļ. tekst s latinskim pobijajući mišļeńe Bielowskoga (v. str. 247/8). Za Poļake je taj ulomak vrlo znatan, jer se ńime dokazuje, da su Poļaci imali nekad čitav »Pasional«. Kako se Łoś, koji o rečenom ulomku govori u svome »Przegląd-u językowych zabytków staropolskich do r. 1543« (g. 1915) na str. 257—259, ne obazire uopće na mišļeńe Bielowskoga, i kako mi nije poznato, da je tkogod isporedio staropoļ. tekst s neizdanim staročeškim u *PasMA* i *PasKl*, učinio sam ja to, pa mogu reći, da je staropoļ. prijevod postao ravno iz lat. originala. To se osobito jasno razabira, kad se sa staročeškim i staropoļskim tekstom isporedi hrv. tekst, koji je postao prema staročeš. originalu. Evo zato mali ogled iz teksta *ZL* i spomenutih prijevoda.

1. Lat. tekst.	**2. Staropoļ. tekst.**	**3. Staročeš. tekst.**	**4. Hrv. glagol. tekst.**
(Grässe³ 167.)	(Nehring 253/4.)	(*PasMB* 137$^{\beta}$/8.)	(*PZ* 286ᵇ.)
. . . magnam	— — — —	. . . wely|ke	. . . veliko mno-
ibidem bestia-	— — — —	mnozſtwie zwie-	žas|tvo zvěrět'
rum multitudi-	— — — —	rzat | przied ſwa-	pred světim' bla-
nem ante ipsum	— — — —	tym blaziegem |	žiem' naidoše|
stantium repe-	— — — —	nalezli · gychzto	kih' totu nigdo-
rerunt, quas dum	— — — —	nikakz vlo|wyti	rě uloviti ne mo-
nullatenus ca-	— — — —	nemohſſe · tomu	rě / Tomu se po-
pere possent,	gych lapacz. Te-	ſie | podiwiwſſe	čudi|še i svoemu
attoniti suo do-	da uzrzewszy to	ſwemu ſtaro|ſtie	starěšine viděti

[1]) Gdje se što nalazi, može se naći prema »Indeksu«; paginacija je naznačena slovima i brojevima prema svežńićima.

mino nuntiarunt, qui statim milites plures misit et, ut ipsum cum omnibus christianis ad se adducerent praecepit, in ipsa autem nocte ter Christus ei apparuit dicens: surge et offer mihi sacrificium. Ecce autem advenerunt milites dicentes: egredere, vocat te praeses. Quibus respondit sanctus Blasius: bene venistis, filii, nunc video, quod Deus non est oblitus mei. Pergens vero cum iis nunquam a praedicatione cessavit et coram iis mirabilia multa fecit.

cyyscylowcygely od nych y powyedzyely svemu starzeyszemu, genze prziczinyw wiøcey panostwa, y poslal ge ku swyøtemu blaszeyu, kazø swyøtego blaszeya przed syø przíwyescz: tey istey nocy Cristus swøtemu sye Blaszeyu pokazal a rzkøcz gemu: Blaszeyu, zywø, offerø mnye offeruy. Potem zyutra ryczyerze y panosze poon przigely a rzkøcz: Blaszeyu, wynydzy, wola cye[1]) ksyøzø. Teda wystøpyw Swøty Blaszey, przywital ge a rzkøcz gym: dobrzescye przíszly, synowye mily, yusz widzø, ysz mye bog nye zapomnyaal, gotowcyesm s wamy gechacz, gdzekoly chcecye. Teda tø czalø drogø kazanya nye przestayal, a czuda wyelika czynyl.

wiedieti daly · genzto|to ynhed wiecze ritierzow | poſlaw · ſwateho blaziegie || ſſ gynymy krzieſtyany[1]) pr|zied ſie prziweſti kaza[2]) · A te noczi ſſie gemu hoſpodyn | trzikrat zgiewil a rzka w|ſtan muoy[3]) blaziegi offier|uy mnye[4]) obiet · a zatyem y|nhed poſlowee ot pohanske|ho ſtaroſty prziſſedſſe k ge|ho gieſkyny tu kdez bidleſ|ſe[5]) gemu rzechu · Windi wẽ|poydy przied ſtaroſtu · Ge|muzto[6]) ſwati blaziey otpo|wiedie a rzka · Witayte my|ly ſynowe · giz wizi gez ge|ſt mne buoh nezapomenul[7]) | a to rzek ſ nymy przied ſtaro|ſt(!)[8]) ſſel a na tey czieſtie mno|ho diwuow[9]) vczynyl.

daše. Ki tudie | vitězi[1]) poslav' Zapovědě s(veta)go blažiě s|a inimi h(rst)'ěni prěda[2]) se privěs'ti · I tu noć' se | emu go(spo)d(i)n' trikrat' ěvi i r(e)če vstani moi blaži|*ju* i učini mne obět I zatěm' tudьe posli o[t] pog|anskoga starěšine pridoše k nega stani*ju* tu | kadě prebivaše K nemu rěše · izidi van' i poidi pr|ěd' starěšinu A k nim' s(ve)ti blažii o[t]povědě | i r(e)če Vitaitě mili sinově *ju*re vi*ju* da me|ne ni b(og)ь zabil'. I to rěkь idě š nimi prěd starě|šinu · i na tom' puti mnogo čuděs' učini.

---

[1]) U Nehringa griješkom *tye* (v. JArch. *10*, 395).

[1]) krzeſtany *PasKl.* — [2]) kazal *PasKl.* — [3]) moy *PasKl.* — [4]) my *PasKl.* — [5]) byeſſe *PasKl.* — [6]) Gymzto *PasKl.* i *PasIA* i *PasIB.* — [7]) nezapomnyel *PasKl.* — [8]) ſtaroſtu *PasKl.* — [9]) dywow *PasKl.*

[1]) Prepisivačem će griješkom biti izostavljeno ispred te riječi: veće. — [2]) Prepisivačevom griješkom u rkp. *prada.*

Sad ću reći nešto više o spomenutom članku pod 2. o Sv. Trojici, kojega se češki original nalazi samo u *PasIB*. Budući da se takav tekst ne nalazi ni u *ZL*, lako je moguće, da taj članak o Sv. Trojici i nije iskonski pripadao staročeš. »Pasionalu«, pa je u *PasIB* ušao možda onako, kako su u to izdańe ušli i neki drugi dijelovi, koji ne pripadaju »Pasionalu«,[1]) a na hrv. je jezik preveden, kao što su prevedeni i neki drugi članci, koji se nalaze u *PZ* i koji nemaju nikakve sveze s »Pasionalom«. Kako će spomenuti hrv. prijevodi iz češ. jezika biti postali i stotinu godina prije izdańa *PasIB*, koje je štampano god. 1495., jasno je, da je hrv. prevodilac imao pred sobom staročeš. tekst, koji se razlikovao od teksta u *PasIB*, za koji sam već rekao da je u ńemu jezik prema jeziku u rukopisima »Pasionala« promijeńen (moderniziran) i u gramatičkom i u leksičkom pogledu. Ja zato držim, da i taj hrv. prijevod može gdješto biti bliži starijemu češkomu tekstu nego *PasIB*. Ja ću to svoje mišļeńe pokrijepiti sa dva leksička primjera: *drzý — všetečný* i *dolíčiti — dovésti*. U staročeš. »Pasionalu« u »Ž-u. sv. Mateja« čitamo u *PasMB* 134[a], *PasMA* 495[β] i *PasKl* 204[δ]: »By bil kto | tak *drzy* ez gſa ſluha kralow | ſmyel by chot kralowu ſo|bie pogieti«, prema čemu *PasIB* ima *wſſetecžny*, a *PasIA držebny* (!). Po tome vidimo, da je priređivač izdańa *PasIB* volio riječ *všetečný*, a priređivač izdańa *PasIA* čini se da nije ni pravo shvaćao starijega teksta, jer *držebný* ne znači nikad *drzý*. Ako je priređivač izdańa *PasIB* na tome mjestu pridjev *drzý* zamijenio pridjevom *všetečný*, smijemo misliti, da je to učinio i u članku o Sv. Trojici na pr. u ovom pasusu: »A wſſak odtud ſe nawratiw · nicz *wſſetecžnie* o ſwate Trojiczy ⁊mluviti neſmiel« prema hrv. prijevodu: »kada se o[t]tudu jes(t') povra|til' nišće *drzěi* o svetoi troici progovoriti ni | smel« *PZ* 247[b]. Tu dakle hrv. prijevod svojim »*drzěi*« može svjedočiti, da je taj pridjev bio i u starijem češkom tekstu. — Ja sam već spomenuo, kako je hrv. prevodilac češ. glagol *dolíčiti* ‚dokazati' okrenuo u *dolučiti*. To je učinio prevodilac i u ovom članku, u kojem čitamo: »I tako se skožě te rěči *dolučue* da e ot(a)c' sin' | d(u)hь s(ve)ti vse edan' g(ospo)d(i)n' ako[2]) es(t') edan' g(ospo)d(i)n' tu[3]) more | *dolučiti* dvoim' činom' »*PZ* 249[b] prema češ.: a takež ſe ſkrze ty wiecy *dowozuge* že g͂ſt otecz ſyn ſwaty

---

[1]) Tako se u to izdańe ušle 3 glave iz staročeš. djela »Ráj dušě« (v ČČM. *58* (1884), 285).

[2]) Prepisivačevom griješkom mjesto: *a da*.

[3]) Prepisivačevom griješkom mjesto: *to se*.

duch wſſe geden buoh mož ſe dwogim obyczegem *doweſti*« — ili: »O(ta)c' nikimže es(t') stvoren' ni sazdan' ni roen' Dru|gim' zakonom' se to morě *dolučiti* s(ve)tim' pismo|m'« *PZ* 250ª prema češ.: »otecz od nižadneho nenie vczynien ani ſtworzen ani vrozen. Druhym czynem to se muož *doweſti* ſwatym piſmem«. Kako inače u s.-hrv. jeziku *dolučiti (dolučevati)* ne dolazi u značeńu ‚dokazati (dokazivati)', uvjeren sam, da je prema *dolučue i dolučiti* u navedenim hrv. ulomcima u staročeš. originalu stajalo *doličuje* i *doličiti*, koje je priređivač izdańa *PasIB* okrenuo u *dovozuje* i *dovésti.*

Da je spomenuti članak o Sv. Trojici preveo Hrvat, to bi se moglo izvoditi već iz toga, što se u ńemu češ. *doličiti* prevodi *dolučiti*, no ja ću navesti još jedan primjer, iz kojega će se jasno vidjeti, da prevodilac nije razumio kako treba češki tekst. U tome se članku pripovijeda i to, kako je jedamput za kuge u Carigradu jedan dječak bio dignut na nebesa, gdje je naučio pjesmu u čast Sv. Trojice, i kako je poslije tom pjesmom narod otjerao kugu. To se u *PasIB* kazuje ovako: »když gednu w tom Mieſtie Conſtantynopolim weliky mor byl. Tehda geden *robenecz zproſtrzed lidij* k nebeſom wtržen · a tu teto pieſni o ſwate Trogiczy ſe nauczyl od angeluow. A potem ſe odtawad wratiw na zemi zpiewal gi a řka Swaty bože...«. U *PZ* 249ᵇ čitamo to ovako: »kada ednu v tom' me|s'te v kon'stan'tinapulě (!) veliki morь bil' / Togda | edan *velik' b(o)ži is'prostre se na molitvu za lju|di.* I tako es(t') bil' na nebesa vz'nesen' A tu tě e pě|s'ni s(ve)te troice od an'jelov' sě e[1]) naučil' A potom' | se e odvudь vrativ' speval' e ta izvolenik' b(o)ži | S(ve)ti b(o)že...«, gdje je očevidna pogrješka prema češ. riječma *robenecz zproſtrzed lidij* ‚dječak između ļudi'.

*

Kako sam već rekao, nalazi se u *PZ* dvanaest glava, kojima sam našao original u staročeš. »Pasionalu«. No u *PZ* imaju još tri glave, u kojima nalazimo čehizama, i u kojima se govori o onome, o čemu se čita i u *ZL* i u staročeš. »Pasionalu«, ali se hrv. tekst ne slaže ni s tekstom u *ZL* ni s tekstom u staročeš. »Pasionalu«. To su ove 3 glave: 1. Život sv. tri kraļa (*PZ* 288ᵇ—292ᵇ), 2. Tumačeńe evanđeļa na Uskrs (*PZ* 250ᵇ—254ᵇ) i 3. Glavosječeńe Ivana Krstiteļa (*PZ* 183ª—184ᵇ). O tome se čita u *ZL* u gl. 14. (De epiphania Domini), gl. 54. (De resurrectione Domini) i gl. 125 (De decollatione s. Johannis B.). Prema onome, što je

[1]) Suvišńe, jer je već iza *tě*.

rečeno o rkp. *PasMA*, *PasMB* i *PasKl*, znamo, da u *PasMB* od spomenutih glava može biti samo gl. pod 3., jer glave pod 1. i 2. dolaze prije 58. glave, kojom se počiňe *PasMB*; u *PasMA* i *PasKl* trebalo bi da nalazimo sve tri glave, ali glava pod 3. ne dolazi u *PasMA* (u *PasMB* i *PasKl* dolazi iza »Ž-a. sv. Avgustina«). U spomenutim glavama pod 1. i 2. vrve čehizmi,[1]) te nema ni najmaňe sumňe, da su te dvije glave prevedene iz staročeš. jezika, ako mi i nije dosad pošlo za rukom naći staročeš. original. U glavi pod 3. ne nalazimo ipak ni jedno sigurno češko obiļežje; u ňoj nalazimo na pr. imenicu *vlast* u značeňu ,zemļa, država', ali ta riječ nije morala u hrv. tekst doći baš prema češkom originalu, kad je kadšto u tome značeňu nalazimo i u drugim s.-hrv. spomenicima. Za tu se glavu može dakle misliti da je prevedena iz lat. jezika, a sudeći prema *PasMA*, u kojem nema uopće glave o »Glavosječeňu Ivana Kr.«, možemo misliti, da te glave nije bilo ni u prijepisu staročeš. »Pasionala«, kakav je imao pred sobom prevodilac spomenutih 12 glava. Gdjekoja bi češka riječ mogla doći u hrv. spomenike i tako, što je Hrvat umiješao koju češku riječ u svoj jezik. Tako na pr. u *PZ* 132^{a}—134^{b} dolazi članak o ženidbi, u kojem dolazi dva puta češ. riječ *malženstvo* pored hrv. *ženitva* i *ožeňenje*, premda se inače ne može pouzdano tvrditi, da je članak preveden iz češ. jezika. — O glavi pod 2., u kojoj se tumači evanđeļe na Uskrs, treba da još nešto napose kažem. Staročeš. originala nijesam mogao dosad naći, a tražeći ga u Štítnoga (u djelu »Řeči nedělní a sváteční« iz god. 1392. u univ. bibl.) i drugdje ogledao sam i čitaňe na Uskrs u Husovoj »Postili« (u rkp. Češ. Muzeja sa sign. IV. C. 18). U Husovu sam razmatraňu evanđeļa, koje pripovijeda o tri Marije, našao dva mjesta, koja se mogu porediti s hrv. glagol. tekstom, i to u ovome: 1. I u Husovu se i u hrv. glagol. čitaňu[2]) spomiňe razlika između dobroga i zloga anđela; u Husa čitamo: »Ale angel dobry / iako dobrý bozí poſſel | ginak czinie než diabel / tieſil gest ženy« (v. Post. 63^{b}), a u *PZ* 254^{a}: »A v tom' more poznan' biti razděl dobrago i zal|ago anj(e)la. Zač' dobri anj(e)l' na počet'ku postrašue | i l*ju*di svoim' bleskom V posrědce posilue utehu | na kon'ci obvesel*ju*e za o^{t}pušćenago

---

[1]) Ispor. na pr. u gl. pod 1.: ***nabožno***, ***nabožanstvije***, ***ustanovično*** (češ. ustavičně), ***vlast'*** zemļa', ***sļubiti*** (češ. slíbiti) ,obećati', ***sļubļevati*** (češ. slibovati) ,obećavati', ***god*** (češ. hod) ,praznik', ***višastije***, ***duhovanstvo*** (češ. duchovenstvo), ***jednota*** i dr.; u gl. pod 2. ***zvlašće*** (staročeš. zvlaščě) ,napose', ***nabožastvo*** i ***nabožanstvije***, ***ale*** ,ali', ***višal*** ,izašao', ***doufati***, ***razděl*** (staročeš. rozdiel nč. rozdíl) ,razlika', ***zufati*** (staročeš. zúfati, nč. zoufati) ,očajati' i dr.

[2]) Glagol. članak dolazi pod natpisom: *Čti na pasku e(van)j(e)li(e).*

utěšenie Al|e zali anj(e)l' čini to opakь...«; — 2. I u *PZ* i u Husa nalazimo tumačeńe, zašto je anđeo između ostalih apostola spomenuo baš Petra, da ńemu jave uskrsnuće Hristovo. To je, veli se, učinio anđeo zato, da Petar ne bi očajao. U *PZ* 254[b] čitamo: »petra naziva ime|nem' *da bi ne z'ufal'* skozě zataenie. Zač' ako bi ne b|il' anj<e>l' imenoval' vlašćim imenem'. Togo ki e me|štra svoga zatail' ne smel' bi bil' priti me|*ju* učeniki«, a u Husa: »otazka gest gme|novitie / procz k|dyż angel gmenoval geſt apoſtoly / petr gmenovan geſt gme|novitie / die że proto / że · by angel negmenoval ho zwlaſtie / ꝓp|to że geſt miſtra zapřiel / prigiti mezi vczedlniky by neſmiel / | protoż gmenovan geſt gmenovitie / *aby nezufal* / pro zapřienie« | (v. Post. 64[a]). Za jedno i drugo podudarańe bit će najbołe reći da su loci communes, ali je pritom ipak zanimłivo, kako je staročeš. original, koji je imao pred sobom hrv. prevodilac, drugu misao kazivao riječma gotovo istima kao Hus.

Kako je sasvim sigurno, da su spomenute prve dvije glave prevedene iz staročeš. jezika, objelodanit ću početak iz jedne i druge, ne bi li tkogod, tko je staročeš. spomenicima bliže nego ja, našao staročeš. original.

1. O[t] žit'ě s(ve)tih' trih' krali.

Prěsvětih' i počtovanih' mudrih' počet|ak' hodočastvie k govorěni*ju* zname̋nu*juće* ‖ žitie ih' s(ve)to v krat'cě O kom' pravo govori s(ve)to e(va)nj(elie) | nine govorimo ti mudri s knig' valamovih' pr(oro)ka | čaroděinago budućei zvězdi uměnie esu prieli | koga pror(o)č(a)stvie es(t') pisano v starom' zakoně Iz|idě zvězda o[t] ěkova i vstanet' č(lově)kь o[t] iz(rai)la i budut' | gospodovati nad vsěmi l*ju*di. I běhu edni l*ju*di | na počet'cě z(e)mle na ishodь slnca poli mora ok'c|ien'skago ki l*ju*di běhu poli narodov' l*ju*di ka uče|ni*ju* snažnih'/... (v. *PZ* 288[b]/89[a]).

2. Čti na pasku e(van)j(e)l(ie).

M(a)rie magdalena i m(a)rie ěkovla · I salomi i kupiš|e aromati · mas'ti da bi prišadši pomazali | is(us)a kako pravi s(ve)ti matěi v poslednem' k(a)p(i)t(u)le | zač' kako koli mnogo one ženi hodile su po h(rist)ě i ego | naslědovali A zato te tri zvlašće prišle esu | zač' is(u)h(rist)u veće zavezane i dlžne su bile zato | zač' veće dobrodeěnie o[t] nego běhu priěle I zais'to | m(a)rie magdalena mnogo běše dlžna učiniti | zač' es(t') iž' ne ·ž̃· (7) děvlov' izagnal'... (v. *PZ* 250[b]).

*

Među člancima u *PZ*, u kojima nalazimo čehizama, spomenuo sam još dva, o kojina ću sad govoriti. To su članci: 1. O svršenoj ļubvi i o svršenom ubožastvi« (v. *PZ* 298^a—301^b) i 2. »O mlčaniju« (v. *PZ* 301^b—304^a). Kako su ti, po svome natpisu, neznatni i malo zanimļivi članci za nas vrijedni, vidjet će se odmah. Dobivši u ruke krasni staročeš. kodeks iz početka 15. v., koji se čuva u Češ. Muzeju pod sign. III. B. 10,[1]) obradovao sam se, kad sam u ńemu našao original spomenutim hrv. glagol. člancima. U tome se rkp. na str. 308$^\alpha$—337$^\beta$ nalazi staročeš. prijevod lat. traktata sv. Bonaventure »De perfectione vitae ad sorores«, u kojem se dumne upućuju kakve treba da budu.[2]) Traktat ima pored kratka prologa ovih 8 glava: 1. De vera sui ipsius cognitione, 2. De vera humilitate, 3. *De perfecta paupertate*, 4. *De silentio et taciturnitate*, 5. De studio orationis, 6. De passionis Christi memoria, 7. De perfecta Dei caritate i 8. De finali perseverantia. Kako je u spomenutom kodeksu cio traktat preveden, našao sam, da su hrv. članci postali prema staročeš. prijevodu 3. i 4. glave. Češki se prijevod počińe ovako: *Poczina sie Capitula* | *Czim ſie czlowiek ma w* | *zakonie boziem lepſſiti* || · Glava 1. (na str. 309$^\beta$—312$^\alpha$) počińe se ovako: *Poczina ſie rzecz Mistra gme*|*nem Bonaventura A po*|*tom o ſwem wlaſtniem poz*|*nani A kterak ſie kazdy* | *czlowiek ma ſam ſie poznati* | · Ostale glave imaju ovakve natpise: 2. *O prawey Pokorzze* (str. 312$^\beta$—316$^\alpha$), 3. *O ſwrchowane miloſti* (str. 316$^\alpha$—320$^\alpha$), 4. *O mlczzeni* (str. 320$^\alpha$—322$^\alpha$), 5. *O nabozzne modlitwie* (str. 322$^\beta$—327$^\alpha$), 6. *O pamatowani vmuczzzenie pana gezziſſe* (str. 327$^\alpha$—333$^\alpha$), 7. *O Swrchowanem milowa*ⁱ. *boha* (str. 333$^\alpha$—334$^\beta$) i 8. *Kterak geſt w dobrych ſkutcziech ſtati do ſkonanie* (str. 334$^\beta$—337$^\beta$).[3]) Kako se iz toga vidi, natpis 3. glave ne odgovara lat. natpisu iste glave, no sadržaj se tih glava podudara; s lat. se natpisom 3. glave ne slaže dakako ni hrv. glagol. natpis »*O svršenoi ljub'v*|*i i o svršenom' ubožastvi k(a)p(i)t(ul') lip' k sp⟨a⟩seniju momu*« | (v. *PZ* 298^a). Kako je u spomenuti češki rukopis, koji je i u ovom dijelu, kako ću malo daļe spomenuti, prijepis, došao natpis 3. glave »O ſwrchowane *miloſti*« mjesto »O ſwrchowane *chudobie*«.[4]) ne

---

[1]) Opisao ga je J. Truhlář u članku »Polozapomenutý rukopis« (v. ČČM. *58* (1884), 22—36).

[2]) U najnovijem izdańu cjelokupnih djela sv. Bonaventure (u izd. Ad Claras Aquas), kojim sam se i ja služio, nalazimo taj traktat u VIII. t. str. 107—127.

[3]) Natpisi pojedinih glava, kako ih navodi Truhlář u ČČM. *58*, 33/4, razlikuju se ponešto od gorńih natpisa, no Truhlář nigdje ne veli, da natpisi nijesu iz rukopisa, koji opisuje.

[4]) Takav natpis ima i Truhlář.

mogu pouzdano reći, ali, sudeći po hrv. natpisu, mislim, da je ta glava mogla imati natpis »*O milofti fwrchowane chudoby*«, koji se prepisivańem iskvario, pa je nekako iskvaren natpis bio i u originalu, što ga je imao hrv. prevodilac; spomenutoj glavi ne pristaje nikako ni češ. natpis »O fwrchowane *milosti*« ni hrv. »O svršenoj *ļubvi* i o svršenom ubožastvi«, jer se u ńoj govori samo o tome, kako treba da volimo siromaštvo nego bogatstvo.

Staročeš. je prijevod spomenutoga traktata u rkp. ČM. (III. B. 10) prijepis originala, koji je po Truhlářevu mišļeńu postao pod kraj 14. vijeka (v. ČČM. *58*, 34). Konstatirańe te čińenice za nas je vrlo znatno, jer nam je onda put, kojim je staročeš. djelo došlo u hrv. glagol. kńiževnost, jasan: donijeli su ga hrv. emauski glagoļaši. Da je staročeš. tekst, kakav danas čitamo u spomenutom rkp. ČM. prijepis, pokazuje i hrv. prijevod, koji u ovom primjeru, što ću ga sad spomenuti, stoji zacijelo bliže iskonskomu tekstu nego današńi češki tekst u rečenom prijepisu. U gl. 3. čitamo u lat. originalu: »Sunt autem *duo*, quae quemlibet religiosum, immo quemlibet hominem movere debent ad amorem paupertatis. *Primum* est divinum exemplum, quod est irreprehensibile; *secundum* est divinum promissum, quod est inaestimabile« (v. str. 112). Prema tome čitamo u rkp. ČM.: »Ale *dwie* | gfta *wieczi* / kterziezzto kazzde|ho zakonnika / ne / y kazzdeho || czzlowieka / mata zpripravniti / | aby chudobu milowal / *Protozz* geft bozzi prziklad / kteryzz|to geft duoftoyny. / *Druha* g͠t | bozzi flib / kteryzzto geft newy|prawny« (str. 316$^{\alpha/\beta}$). Prema lat. originalu, gdje čitamo *primum—secundum*, i prema samom češ. tekstu, u kojem se spomińu »*dwie wieczi*«, a samo *druha* napose, smijemo reći, da je »*Protozz*« prepisivačevom griješkom mjesto »*Prwazz*«. S tim se popravkom slaže i hrv. prijevod, u kojem čitamo: »Alě ·b͠· (2) *rěči* es'ta ke vsakogo | č(lově)ka ili vsakogo rěgulnika[1]) imata pripraviti da | bi ubožastvie l*jub*il' *Prva* rič'[2]) obraz' b(o)ži ki do|stoěn' es(t') *Druga* rič' es(t') b(o)ži obět' ki es(t') neizg(lago)l|itělan'« *PZ* 298[b]. — Da je spomenuti češki tekst prijepis, može se vidjeti i iz ovoga primjera. U gl. 4. čitamo, da je Bogorodica bila veoma šutļiva, jer se u Sv. Pismu spomińe samo s e d a m ńezinih riječi sa četiri lica; ispor.: »Cum quatuor tantum personis legimus eam habuisse sermonem et non nisi s e p t e m verba eam locutam

---

[1]) Hrv. prevodilac nije zacijelo razumio značeńa češke riječi *ne* ,imno' u svezi: *kazzdeho zakonnika ne y kazzdeho czzlowieka*, pa je zato izašlo loše: *vsakogo č(lově)ka ili vsakogo rěgulnika*.

[2]) Iza te riječi prepisivačevom griješkom izostavļeno *es(t')*.

fuisse: cum Angelo duo, cum Filio suo duo, cum Elisabeth duo cum ministris in nuptiis unum tantum verbum« (v. str. 116). Prema tome čitamo u češ. prijevodu: »Czztemy to w pifmie / zze | gelt gedine fe czztyrzzmi rzzecz | miela / a nicz wiecze / nezz *fedm* flow f nimi promluwila / | s andielem dwie / a s fwym | fynem dwie / a s fluhami na | fwatbie gedno flowo« (v. str. 321[a]). U češkom je tekstu račun pogrješan, jer je suma *5*, a ne *7*; izostavljene su 2 riječi s Jelisavetom. I hrv. je prevodilac imao pred sobom loš prijepis, jer u *PZ* 302[b] čitamo: »Tako čtěmo | v pis'mě da es(t') takmo sastrami (!)[1]) iměla govo|rěnie. I nišće věće takmo *petimi* s(love)si š nimi go|voraše A s' anj(e)lom' imě ·ƀ· (2) běsědě a sa sinom' | svoim' ·ƀ· (2) A sa slugami na svadbě ednu«. Tko je ispravio nesuglasje između sume *7* i sumandā, koji daju *5*, ne možemo znati.

I za ovaj hrv. prijevod, koji nam se sačuvao u prijepisu (ispor. za to prepisivačke pogrješke), mislim da mogu tvrditi, da je posao nekoga Hrvata, jer se vidi, da je prevodilac staročeš. original na nekim mjestima slabo razumio ili loše čitao.[2]) Evo za to samo dva tri primjera. U *PZ* 302[b] čitamo: »I v tom' | es(t') ***progoneno*** tvoe ***klěvětanie***« prema lat.: »In hoc ***confuditur*** nostra ***loquacitas***« (v. str. 116). Hrv. prijevod razumijemo istom prema staročeš. originalu: »W tom | geft ***pohanieno*** naffe ***blektanie***« (v. str. 321[a]), prema kojem vidimo, da je hrv. prevodilac »***pohanieno***« (= pogrđeno) i »***blektanie***« (= brbljańe) krivo preveo »***progoneno***« i »***klěvětanie***«. — U *PZ* 303[a] čitamo: »I kako koli rěgulnikom' prudno es(t') mlčanie da s|vo*ju* *čast' shranet'*« prema lat.: »Etsi omnibus religiosis necessarium sit silentium ***ad perfectionem virtutum***«. Dok. hrv. prijevod ne ogledamo sa staročeš. originalom, ne možemo razumjeti, kako je u ńemu: *da svoju čast' shranet'* prema lat. ***ad perfectionem virtutum***. Kad pak uzmemo staročeš. original: »A kakzz koliwiek zakonnikom vzziteczzno geft | mlczzenie / ***aby fwu cznoft*** | ***fwrchowali***« (v. str. 321[β]), vidimo, da je hrv. prevodilac ***fwrchowali*** čitao »***fchranili***«, a ***cznoft*** ,virtus' zamijenio riječju ***czeft*** ,čast'. — U *PZ* 303[b] čitamo: »A to světovaše ·a· (1) mudr⟨a⟩c' tako rěki ako hoćeš' pri|ti k ***pal'měnomu svršeniju*** k tomu hoću da buděš' | kratak' i rědak' v s(love)si i běsedo*ju* nevisoko*ju* gov(o)re« prema lat.: »Hoc etiam consulit philosophus dicens: Ad ***summam perfectionem*** volo te esse breviloquum, rariloquum et submissa voce loquentem« (v. str. 116). Otkud u hrv. prijevodu »***palměno*** « ***svršenije***, ne bismo

---

[1]) Prepisivačevom griješkom mjesto: s četirmi.

[2]) Razumije se samo sobom, da je mogao imati i loš češki original.

nikad dokučili, da nam odgonetļaja ne daje češki original, u kojem čitamo: »Chczeſſ-li przigiti | k ***uplnemu*** *ſwrchowani* / ch|cit aby byl kratky / a rziedky | w rzeczzi / a hlaholem mluwil / || newyſokym /« (v. str. $321^{\beta}/22^{\alpha}$). Kako je upravo došla ta pogrješka u hrv. prijevod, ne mogu reći, no hrv. je prevodilac ipak toliko znao češki, da je znao, što znači *úplný*.

Hrv. se prijevod spomenutih dviju glava razlikuje od staročeš. originala u tome, što se u hrv. prijevodu ne apostrofiraju nigdje dumne, za koje je taj traktat pisan, nego redovnici i svećenici i kršćani uopće. U tome se i staročeš. prijevod razlikuje donekle od lat. originala, jer već prijevod »Czim ſie *czlowiek* ma w zakonie boziem lepſſiti« ne odgovara latinskomu »De perfectione vitae *ad sorores.*« Početak 1. glave: »Ad perfectionis vitae fastigium *sponsae Christi* cupienti conscendere primum necesse est, ut a se ipsa incipiat...« glasi u staročeš. prijevodu: »Kterazz *chot ge/zukriſtowa* / *tocziz* / *duſſe ſwata* / chcze w nizoſt | wſtupiti / ſwr|chowanieiſſie|ho zziwota / aby od ſebe naipr|we poczala · / geſt potrz'eba | ...« (v. str. 309^{β}). Prema spomenutoj razlici između hrv. prijevoda i češ. originala čitamo na pr. u *PZ* $302^{a}/^{b}$: »V istinu velika es(t') || *vsakomu* sramota a navla*šć*no *mnihom' i rěgul'niko|m'* I takoi veliko nepočtěnie es(t') svoih' ust' i svo|ego ezika ne iměti v strplěn'i« prema češ.: »Zagiſte | welika hanba *narodu zzen|ſkemu* / welika neczzeſt *Swa|tym diewkam* / neoſtrziehaty | ſwych vst Nemieti w kazny | yazyka ſweho /« (v. str. 320^{β}).

Je li spomenuti traktat bio sav preveden, ne mogu reći. Možda su iz ńega bile prevedene samo sačuvane dvije glave, jer u *PZ* 304^{a}, u kojem te glave dolaze redom kao u originalu, čitamo na kraju druge (u originalu 4.) glave ovaj dodatak: »Razuměi vsaki *ta ·ƀ·* (2) *k(a)p(i)t(u)la* ta navla*šć*no sl|išita na erče i na m'nihi · i prostim' kako na ne s|lišit' takoi es(t') potrěb'no«. No taj je dodatak mogao pripisati i sastavļač glagol. zbornika ili tko drugi, koji je mogao iz čitavog traktata uzeti samo te dvije glave, koje su mu se najviše sviđale.

*

Pomenuto je moje boravļeńe u Pragu donijelo još jedan znatan rezultat u mome proučavańu hrv. glagol. kńige. Taj se rezultat tiče već spomenutog »Z r c a l a«. Kako je poznato, nalazi se u Vatikanskoj kńižnici glagol. pergamenski rukopis na 190 strana (19·2 × 13·1 *cm*), koji se zove »Z r c a l o č l o v e č a s k a g o s p a s e ń j a«, koje je god. 1445. p r e p i s a o neki vrbanski žakan po imenu L u k a. O tome

je rukopisu govorio uzgred Črnčić, pišući o brojnoj vrijednosti nekih glagol. slova (v. »Rad« *23* (1873), 18—23), i poslije Milčetić u svojoj »Hrv. glagoļ. bibliografiji« (v. Starine *33*, 202/3). Naprijed sam već spomenuo, što Milčetić misli o čehizmima u tome rukopisu. Milčetić opisuje vrlo mršavo rukopis ne kazujući nam ni sadržaja ńegova. Nę poznajući sadržaja toga rukopisa, a uhvativši na str. 14. pasus, u kojem se spomińe »sedam glavnih grijeha«, pomislio je, da je to »traktat pastoralne naravi, vaļda prijevod Antoninova ‚Specchio di coscienza'« (v. Starine *33*, 202).[1]) Spomenuo sam već, da se za Milčetićem poveo i Jagić. Ono, što je o tome rukopisu rekao Črnčić, mnogo je bliže istini. Ponajprije Črnčić ističe, da je spomenuti vatikanski rukopis prijepis (to je za nas vrlo znatno), a za samo djelo misli da je možda prepisano iz češke matice (otud bi se razumjeli čehizmi), i to možda iz »Zrcadla hříšných« T. Štítnoga, kojega on nije vidio (v. »Rad« *23*, 18/19).

Ja sam već odavno vidio, da naš glagolski rukopis ne može biti nikakav traktat florentinskog nadbiskupa Antonina († 1459), da nije dakle prijevod ńegova djela »Specchio di coscienza«, nego da je prijevod iz češkoga jezika. Dobivši u ruke već spomenuti rkp. Češ. Muzeja sa sign. III. B. 10 uvjerio sam se, da sam imao pravo, jer sam na osnovi nekih ogleda iz spomenutog glagol. rukopisa mogao utvrditi, da je glagol. rukopis prijevod staročeškoga »Zrcadla člověčieho spasenie«, koje se u spomenutom muzejskom rkp. počińe na str. 1. (resp. 3.) i ide do 111. str.[2]) Staročeš. »Zrcadlo« nije originalno češko djelo, nego prijevod u prozi sredovječne lat. pjesme »Speculum humanae salvationis«. U toj se pjesmi crtaju neki događaji iz St. i N. Zavjeta od sagrešeńa anđelā i prvih ļudi do Hristova otkupļeńa. J. Truhlář, koji je u spomenutom članku »Polozapomenutý rukopis« govorio i o tome staročeš. djelu i ńegovu odnosu prema lat. originalu (v. ČČM. *58*, 24—28), drži, da je tekst u spomenutom muzejskom rukopisu prijepis iz prve pole 15. vijeka, a sam prijevod da je postao pod kraj 14. vijeka. Kako je poslije toga A. Patera našao dva starija ulomka toga staročeš. djela, koje je i publicirao u ČČM. *61* (1887), 464—481 i *64* (1890), 455—459, potvrdilo se mišļeńe Truhlářevo, da je staročeš. »Zrcadlo

[1]) Milčetić kao da je zaboravio, da je prije toga (v. Starine *33*, 164 u biļ.) rekao, da bi »Zrcalo« moglo biti prijevod iz češkoga jezika. To je rekao vaļada prema Črnčiću.

[2]) *Biļeška u korekturi.* Pošto sam ovaj članak napisao i predao redakciji, dobio sam iz Vatikana (posredovańem g. J. Vajsa u Pragu) fotografije svega glagol. rukopisa, pa sad mogu reći, da je moje mišļeńe potpuno potvrđeno. *S. I.*

čl. sp.« djelo 14. vijeka, jer se postańe rečenih ulomaka meće između god. 1350.—1375. (v. i Gebauer, Slovník Stč. XXIX). S time se dakako može lijepo složiti postańe hrv. prijevoda, koji je postao pod kraj 14. ili odmah na početku 15. vijeka. To je od dosad poznatih hrv. prijevoda iz staročeš. jezika najveći. Moje proučavańe toga djela nije još završeno, ali već sada mogu reći, da je hrv. glagol. prijevod posao nekoga Hrvata.

Da pokažem, kako hrv. prijevod stoji prema staročeš. originalu, priopćit ću ovdje dva kratka ogleda.

Tekst hrv. glagol. „Zrcala“ (str. 1^{α})[1].

Počen*ju* se kni|gi ke se zovu zrcalo · č(lověča)s|k(a)go sp(a)s(e)ně v kihь pravi | padenie č(lověča)sko · Ivstani|e k sp(a)s(e)ni*ju* I v' to zrcalo | ki ravno gleda očima Mo|re viditi zač' stvo|ritel' vsihь riči rač|il' e(st') č(lově)ka učiniti I t(a)ko|e more pozn(a)ti · k(a)ko e č(lově)kь d'ě|v(a)lsku l(a)st'*ju* prehinen' | I pak k(a)ko e skozi utrpen'e b|(o)žie k m(i)l(o)sti vraćen'.

Tekst stč. „Zrcadla“ iz rkp. ČM. III. B. 10. (str. 3^{α}).

Poczinagi ſe knihy / genž ſlo|wu zrcadlo člouiečie° ſpa|ſenie / w nichz ſe zgewuge / pa|denie czlouieczie / Y obyczey naw|wracenie k ſpaſſeni / W tomto zrcadle / mož poznati člouiek proč ſtwo|rzitel raczil czlouieka tworziti / | Take mož člouiek tuto wiedieti / | kak diabelſku lſti zatracen / a kak | ſkrze utrpenie božie nawracen k | miloſti /.

Lat. tekst[2].

Incipit speculum humanae salvationis, | In quo patet casus hominis et modus reparacionis. | In hoc speculo potest homo considerare, | Ob quam causam creator omnium decrevit hominem creare; | Potest et homo videre, quomodo per diaboli fraudem sit damnatus, | Et quomodo per misericordiam dei sit reformatus.

Tekst hrv. glagol. „Zrcala“ (str. $14^{\alpha}/^{\beta}$)[3])

V komь cvetu nahaěmo | sed'mero likar'stvo | . . .[4]) I zato s|e nahaě v' tomь c'vet|u dotaknutie · Obo|nan'e · i plodь · kolurь · l|ist'e · mez'gan'i · okuš|en'i · I ta sedmera rič' | e(stь) likariě betežno|i d(u)ši · ¶ · proti[5]) se|d'mimь glav'nimь s|emrtnimь grěhomь. ||

Tekst stč. „Zrcadla“ (iz rkp. ČM. III. B. 10. str. $9^{\beta}/10^{\alpha}$).

W | tom kuietu nalezeno ſedmero | lekařſtuie . . . | nalezeni ſu w tomto kuietu: / Dot|czenie / Wonie / a owoce / Barwa / | listie / mezka / a okuſſenie / Tato | ſedmera wiec / geſt lekařſtwie ne|dužiwe duſſi / proti ſedmi hřichō | ſmrtedlnym / a uhlawnym / |

[1]) Tekst je prema fotografiji Crnčićev prijepis ovog ulomka u »Radu« *23*, 18, nije sasvim tačan.

[2]) Tekst je prema rkp. praške univ. kńižnice sa sign. I. B. 11. iz god. 1399. prema prijepisu Truhlářevu u ČČM. *58*, 26.

[3]) Tekst je prema fotografiji. — [4]) Izostavio sam 2½ retka. — [5]) Otud do kraja i u Milčetića (v. Starine *33*, 203).

k(a)p(i)t(ulь) Dotaknutiemь toga c|veta · č(lově)kь odluče|nь[1]) bude · O^{t} užasa ohol|osti · i daromь straha | b(o)žiě · k' poznaniju svo|ego s'tvoritela poni|zi se · Začьgdo se vь|spomene · k(a)ko e dotak'nul'[2])| luciferь · za vnesen'i[3])| oholos'ti · pokori se i bu|de imiti strahь b(o)ž|i nad sobu[4]) · Ere kada b(og)ь| o^{t} luciferovihь an'elь | ni hotelь oholos'ti tr|pěti[5]) · I zato mnogo ma|ne ohologa č(lově)ka hoće pri | sebi imiti · Ere oni es|u imeli mnoge vel|ike · b(o)žie milos'ti · ki|mi su se mogli nikako v'|zveličati · A ča s'm|rdeći č(lově)kь ima čim' bi s|e mog(a)lь povišiti.¶|

Dotczenim tohoto kuieta / člo|uiek uleczen bude | od pyſſ|ne^{o} žaſanie / A darem bazni / | ku poznani ſwe^{o} ſtworzitele po|nizi ſe / Neb ktož wzpomene / kak | geſt dotczen luciper / pro nadutie | pyſſne / pokorzi ſe / a bude[6]) mieti boži | bazen / Poniewadž buoh od ange|low luciperowych / nechtiel pychy | trpieti / mnohem wiece / nechce py|ſſne^{o} czlo^{a} przi ſobie mieti / Oni ſu | mieli mnohe milosti / gimiž ſu ſe || mohli niekterak chlubiti / A což ma | hnigici člouiek / gimž by ſe mohl po|wyſſiti /.|

Nadam se, da sam u ovom članku, kojim sam htio da samo ukratko obavijestim stručńake o svojim nekim rezultatima u proučavańu hrv. glagol. kńige, pokazao, da su sveze između hrv. glagolske i staročeške kńige bile mnogo tješńe i jače, nego što se mislilo dosad, dok smo znali samo za prijevod staročeš. »Lucidara«. Ja sam u ovom članku pokazao, da je hrvatskih prijevoda bilo mnogo više, utvrdivši prema staročeš. originalima još ove hrv. prijevode iz 2. pole 14. ili iz prvoga početka 15. vijeka: 1. 12 glava iz staročeš. »Pasionala«, 2. 2 glave iz staročeš. prijevoda traktata sv. Bonaventure »De perfectione vitae ad sorores« i 3. prijevod staročeš. »Zrcala čovječanskoga spaseńa«. Pored toga sam spomenuo još 3 prijevoda, i to: 1. ulomak o svetkovańu nedjeļe, 2. Život sv. tri kraļa i 3. tumačeńe evanđeļa na Uskrs, kojima zasad ne znam staročeš. originala. Svi su ti prijevodi, po mome mišļenu, došli preko hrv. glagoļaša, koji su učiteļovali u praškom Emauskom manastiru, gdje su upoznavši obilatu staročeš. kńiževnost našli u ńoj mnogostruku naplatu za svoj učiteļski rad. Drugdje ću, nadam se, moći nešto reći i o odnosu među samim hrvatskim prijevodima, o kojemu nijesam ovdje govorio.

Zagreb (2. II. 1922.). *S. Ivšić.*

---

[1]) Griješkom prevodiočevom, ili prepisivačevom, jer *uleczen* znači samo ‚izliječen, iscijeļen'. — [2]) Prepisivačevom griješkom mjesto *dotak'nut'* (glagol. [glyph] i [glyph] nije teško zamijeniti, ako je gorńi kvadrat u [glyph] nejasan). — [3]) Prepisivačevom griješkom mjesto *vznesen'i*. — [4]) U Milčetića samo: *na...u*. — [5]) U Milčetića griješkom *priěti*. — [6]) Na desnoj okrajini popravak: *a pocžne*.

Dodatak. Da se bolje ocijeni važnost otkrića prof. Ivšića, dodajem nekoliko riječi. Ivan Broz (Crtice iz hrvatske književnosti, II. 79., Zagreb 1888.) žali, što slovenska služba božja sa glagolskim pismom nije u 14. stoljeću zahvatila čvrsta korijena kod Čeha i Poljaka. »Pod sjenama njezinih grana kaki bi se duševni život bio razvio u Čeha i Poljaka? Kakim bi književnim rodovima bila ona ponijela medju Česima i Poljacima?« Da je ovo romantično shvaćanje glagolske književnosti sasvim krivo, istakao sam već na drugom mjestu (Geschichte d. ält. südsl. Lit. 175), jer sa latinskim pismom, a osobito sa već bogato razvijenom literaturom na češkom narodnom jeziku nisu se mogli natjecati slabo obrazovani hrvatski glagoljaši. I V. Jagić (B. Vodnik: Povijest hrv. književnosti I. 23) tvrdi, da ovo presađivanje glagoljaštva na češko zemljište nije urodilo nikakvim znatnijim plodom. Sasvim je razumljivo, da kod čeških literarnih istoričara J. Vlčka i J. Jakubca nema ni spomena o ovoj epizodi. Ali sada je jasno dokazano, da je ipak imala veće značenje, samo ne za Čehe nego za Hrvate. Brojem maleni, siromašni i od crkvene književnosti pravoslavnih Slovjena odvojeni hrvatski glagoljaši obogatili su svoju prijevodnu književnost uslijed kratkog dodira sa kulturnijim češkim svijetom. Osim toga lijep primjer, kako su slovjenske književnosti utjecale jedna na drugu u raznim vremenima.

M. M.

Александръ Веселовскій.

1838—1906.

Рѣдко, когда объ ученомъ, научная дѣятельность котораго началась полстолѣтія тому назадъ можно сказать, что значеніе его въ будущемъ. Между тѣмъ такимъ именно я постараюсь представить Александра Николаевича Веселовскаго. Извѣстность и высокая оцѣнка его трудовъ пришли рано и быстро, но всетаки его читали мало, и онъ остался далеко не достаточно понятымъ. Причина отчасти внѣшняя: разбросанность его роботъ, по Сборникамъ и Извѣстіямъ Академіи, Журналу министерства народнаго просвѣщенія и другимъ, по преимуществу, ученымъ періодическимъ изданіямъ.[1]) Но важнѣе внутренняя: онъ предвосхитилъ теоріи, обоснованіе которыхъ для менѣе проницательной научной мысли, выявилось лишь много лѣтъ спустя.

I.

Исторія литературы стала научной дисциплиной съ тѣхъ поръ, какъ связала свою судьбу съ языковѣденіемъ. Съ этого момента она вошла отдѣломъ въ одно совокупное цѣлое: филологію. Все ея развитіе за вторую половину XIX вѣка протекаетъ въ этой сопряженности. Отсюда ея существенная черта: распредѣленіе матеріала и спеціальностей по языку. То, что называется по нѣмецки: Fach, опредѣляетъ языкъ даже больше, чѣмъ сама національность. Grundriss für romanische Philologie выдѣлилъ въ осубую рубрику всю разноплеменную латинскую литературу среднихъ вѣковъ; сюда вошло так. обр. и то, что было написано завѣдомо не въ романскихъ странахъ. Этимъ оказалась еще глубже вырытой пропасть между современными, тѣсно примыкающими другъ къ другу, происходившими прежде всего во Франціи явленіями, какъ напримѣръ споръ орденовъ Клюни

---

[1]) Съ 1909 Петроградской Академіей Наукъ печатается теперь „Собраніе Сочиненій А. Н. Веселовскаго“; оно поможетъ дѣлу; два раза его ученики составляли также „Указатели“ къ его работамъ; см. еще: П. К. Симони Къ XL-лѣтію учено-литературной дѣятельности А. Н. В-аго. СПб. 1906.

и Шартрё и смѣна поэзіи chansons de geste поэзіей куртуазной, къ чему можно присоединить и переходъ отъ романскаго стиля къ готическому. А само собою языкъ, основной принципъ исторіи литературы, отвѣчаетъ еще и всему тому воодушевлявшему первые труды по изученію поэтическихъ древностей и унослѣдованному отъ романтиковъ самосознанію національности, не только сохранившемуся до нашихъ дней и въ наукѣ, но еще разгорѣвшемуся такъ ярко: поэзія есть проявленіе народнаго генія, все, что не національно въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, все это наносное, постороннее, несущественное.

Однако подъ вліяніемъ нашумѣвшей и, дѣйствительно, превосходной книги Текста о Руссо- и англоманіи во Франціи въ XVIII в.[1]) стала входить въ академическій обиходъ особая, иначе сложившаяся дисциплина, начало которой положилъ и Максъ Кохъ въ Германіи своей Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte (1886), сравнительная исторія литературы.[2])

Такъ спорятся между собою двѣ противоположныя точки зрѣнія, два различныхъ подхода къ литературнымъ событіямъ, а поскольку дѣло касается академическаго преподаванія, два различныхъ метода.

Каковы же должны быть взаимныя отношенія этихъ двухъ точекъ зрѣнія?

Съ особой остротой этотъ вопросъ возникаетъ для насъ, славянъ. Въ мірѣ Славіи вѣдь совсѣмъ нельзя установить такого стройнаго параллелизма между образованіемъ языка и поэзіей, какъ это представляется напр. французамъ, для которыхъ тѣже X и XI вѣка — колыбель и старо-франц. языка и старо-франц. поэзіи. Нѣтъ и нельзя установить для славянъ такого періода, какъ XIII и XIV вв. въ Англіи, гдѣ новый, только что народившійся, средне-англ. языкъ, съ первыхъ же своихъ младенческихъ шаговъ, сказался въ исторіи литературы зачатками англійской поэзіи. Всѣ наши письменности возникли, какъ привнесенное новшество, и съ самаго начала жадно пили и все еще пьютъ изъ иноземныхъ источниковъ, каждая по своему, и на всемъ протяженіи своего совершенствованія — изъ византійскихъ, романскихъ или

---

[1]) J. Texte. J. J. Rousseau et les origines du cosmopolitisme au XVIII s. Paris 1885.

[2]) Первой попыткой въ этомъ направленіи во Франціи была „Bibliographie de litterature comparée“ Betz'a вышедшая 2-ымъ изданіемъ въ 1904. См. Baldenepenger, Littérature comparée: le mot et la chose. Revue de Littérature comparée 1ère année № Janvier-Mars 1921.

германскихъ струй. Можемъ ли мы тогда совсѣмъ отмежеваться, замкнуться въ національные предѣлы, только попутно оговаривая то или иное заимствованіе? Да, если остановиться на этомъ горькомъ выводѣ, что мы лишь подражатели. Тогда дѣло сравнительно просто: литературныя исторіи другихъ народовъ послужатъ намъ справочниками и не больше.

Совершенно иначе посмотрѣлъ на дѣло Веселовскій, когда, занявъ въ Петроградѣ сначала каѳедру всеобщей исторіи литературы, впослѣдствіи по его настоянію переименованную въ западно-европейскихъ литературъ, онъ былъ избранъ академикомъ съ спеціальнымъ указаніемъ, что займется взаимными отношеніями на почвѣ литературы, между германо-романскимъ западомъ и славяно-русскимъ востокомъ. Уже тогда, въ 1880 году, дѣло шло не о сравненіи и не только о сравнительномъ методѣ, а о чемъ-то гораздо большемъ. Сравненіе предпологаетъ, какъ основу историко-литературной работы, все таки національный или языковой принципъ. На немъ оно строится, какъ дополненіе. Для Веселовскаго изслѣдованіе какъ бы съ самаго начала международно. Матеріалъ долженъ быть распредѣленъ по эпохамъ, направленіямъ, школамъ, поэтическимъ родамъ, а не по національностямъ, и отсюда иные выводы и построенія. Въ этомъ смыслѣ надо понимать его замѣчаніе объ эпической поэзіи: „народный эпосъ всякого историческаго народа по необходимости международный“.[1]) Таково общее и основное положеніе. Первые курсы, которые читалъ Веселовскій въ университетѣ и были посвящены сначала эпосу, а послѣ лирикѣ и драмѣ,[2]) безъ распредѣленія по національностямъ. Взаимныя отношенія или, какъ выражался Веселовскій, „литературное общеніе“ востока и запада Европы не состовляютъ такимъ образомъ какой либо своеобразности. Отнюдь нѣтъ. Тутъ лишь яснѣе выступаетъ общее явленіе: элементы поэзіи — международны, народность же „въ цѣломъ, въ композиціи“.[3]) Это положеніе было высказано впервые въ 1879 г., ему остался вѣренъ Веселовскій до конца.

Такимъ образомъ не слѣдуетъ разсматривать Веселовскаго, какъ одного изъ поборниковъ или предтечъ т. наз. сравнительной

---

[1]) „Южно-русскія былины“ XI, стр. 401 (Сб. ак. наукъ, XXXVI 1885).

[2]) Курсъ по исторіи эпоса былъ изданъ М. И. Кудряшевымъ и долго ходилъ по рукамъ у студентовъ Петроградскаго Университета; другихъ курсовъ я не видѣлъ, но Симони даетъ о нихъ точную справку См. Указатель.

[3]) Южно-русскія былины III, стр. 35; тоже въ Arch. f. sl. phil. III (1879), S. 587.

исторіи литературы. Онъ стоитъ особо. Вѣрнѣе всего, само это теченіе въ нашей наукѣ, наступитъ время, еще придетъ къ гораздо болѣе интересному съ методологической точки зрѣнія и болѣе смѣлому взгляду Веселовскаго. Тогда самый терминъ: сравненіе, отступитъ въ тѣнь: не въ сравненіи дѣло, а въ новомъ соціологическомъ построеніи. Мы увидимъ дальше, что уже теперь можно предвидѣть его основной и руководящій принципъ: единство міровой цивилизаціи.

Въ частности, что касается славянства, уже ясно, насколько несовмѣстимъ съ его воззрѣніями взглядъ на славянскія литературы только, какъ на подражательницъ: не подражательницы, а участницы. По преимуществу медіевистъ, Веселовскій, понималъ это участіе прежде всего въ томъ смыслѣ, что славянскія литературныя древности доставляютъ для изученія мірового процесса недостающія „звѣнья“ въ эволюціи сказаній и эпическихъ темъ.[1]) Въ славяно-русской поэзіи мы обыкновенно находимъ болѣе архаическій изводъ какого либо сказанія, либо болѣе подробно то, что въ западной поэзіи лишь слышится вскользъ, будто пережитокъ. Вотъ знаменитая, одна изъ древнѣйшихъ chansons de geste: Le pélérinage de Charlemagne. Я намѣчу, исходя изъ этого произведенія возможность экскурса, который послужитъ иллюстраціей для значенія славяно-русскихъ поэтическихъ древностей по отношенію къ западу, а попутно покажетъ, насколько построенія Веселовскаго подтверждаются дальнѣйшими работами другихъ ученыхъ.

Le Pélérinage de Charlemagne — одна изъ тѣхъ chansons de geste, о которыхъ Бедье въ своемъ изслѣдованіи о нихъ говоритъ, что онѣ никогда бы не существовали, если бы монахи Сенъ-Дени не рѣшили на день Индикта, въ понедѣльникъ второй недѣли іюня, выставлять передъ народомъ реликвіи св. Страстей, что по времени согласовалось съ выносомъ подобныхъ же реликвій изъ собора Богоматери.[2]) Эти реликвіи считались привезенными Карломъ Великимъ изъ Константинополя, куда онъ заходилъ по дорогѣ, идя освобождать гробъ Господень. Такъ раскасывала легенда записанная по латынѣ: Quomodo Karolus Magnus clavum et coronam Domini a Constantinopoli Aquisgrani detulerit

---

[1]) Къ этой мысли Веселовскій возвращается множество разъ. Указываю лишь одно изъ раннихъ мѣстъ, гдѣ оно мнѣ встрѣтилось Arch. f. sl. Phil. III (1879), S. 593 = Южн. русск. был. V, стр. 35 (Сб. ак. н. XXXVI).

[2]) Joseph Bédier, Les légendes épiques, Paris 1913, c. IV, pp. 122 et 137—139.

qualiterque Karolus Calvus hec ad Sanctum Dyonisium retulerit. Въ полномъ согласіи со своей теоріей происхожденія chansons de geste изъ письменныхъ источниковъ, сочиненныхъ монахами ради привлеченія народныхъ массъ къ паломничествамъ и празднествамъ, Бедье довольствуется указаніемъ на Descriptio, какъ источникъ трувера, сочинившаго эту chanson de geste, при чемъ прибавляетъ, что дѣло жонглеровъ развлекать публику, и отсюда смѣшныя подробности о похвальбѣ рыцарей Pélérinage'а.[1]) Между тѣмъ давно уже было указано на еще одну латинскую легенду: Epistola presbyteri Johannis,[2]) и именно изъ нея-то взяты въ Pélérinage'ѣ имя византійскаго императора: Hugon и еще вся роскошная обстановка его дворца. Намъ особенно важны двѣ подробности: императоръ или пресвитеръ Іоаннъ — пахарь, Карлъ находитъ его за плугомъ, и вторая, которой нѣтъ въ Pélérinage: передъ императоромъ-пресвитеромъ несутъ, какъ его аттрибутъ „vas unum aureum plenum terra".

Веселовскій кромѣ всѣхъ до него сопоставленныхъ версій разсказовъ о встрѣчѣ западнаго императора или короля, — а Карла замѣняетъ, то Артуръ, то Сигурдъ — со сказочнымъ царемъ-превитеромъ-пахаремъ, либо византійскимъ, либо властвующимъ надъ Индіей Богатой, ввелъ еще весь этотъ циклъ въ свои работы о нашемъ былевомъ эпосѣ.[3]) Сюда относятся прежде всего былины о Дюкѣ Степановичѣ, играющемъ роль схожую съ Гюгономъ, но сюда же надо отнести и былины о Микулѣ Селяниновичѣ, Волхѣ, Вольгѣ и схожій румынскій сюжетъ. Тутъ выступаетъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и „vas unum plenum terra". Это — сумочка переметная, содержащая въ себѣ тягу земли Микулы Селяниновича, богатыря-пахаря. Мы имѣемъ, стало быть, общность легендарныхъ элементовъ славяно-русскаго востока и запада. Откуда она и какъ она объясняется? Въ то время, когда писалъ объ этомъ Веселовскій новымъ и неожиданнымъ было признаніе „далекаго общаго имъ оригинала, съ несомнѣнными чертами Посланія Пресвитера Іоанна".[4]) Еще смѣлѣе было отрицаніе общепринятаго „отношенія къ быту земледѣльческому, къ

---

[1]) Ibid, p. 155.

[2]) Zarnke, Der priester Iohannis, Abh. der ph. hist. Classe der K. Sächsischen Ges. VIII (1876) и XXIX (1877) и Koschwitz, Sechs Bearbeitungen d. altfr. G. von Karls des Grossen Reise. Heilborn 1879.

[3]) Южно русскія былины VI „Дюкъ Степановичъ и западныя параллели", Сб. Ак. Наукъ XXXVI (1885).

[4]) Ibid, стр. 237—8.

возвеличенію пахаря",[1]) плуга и сумы Микулы Селяниновича. Общій же источникъ признанъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ построеніяхъ въ „Южно-русскихъ былинахъ", византійскимъ.

Послѣ Веселовскаго группой легендъ о встрѣчѣ съ царемъ-пахаремъ, или инымъ лицомъ обладателемъ мѣшка земли, занимались покойный Ждановъ[2]) и вотъ совсѣмъ недавно акад. Кондаковъ.[3]) Обоихъ ихъ вниманіе привлекли преимущественно былины, въ которыхъ эта встрѣча представляетъ собою не только угрозу (какъ и въ Pélérinage), но конецъ, гибель героя. Мотивъ сумочки съ землей получаетъ иногда трагическій смыслъ по слову: „земля еси и въ землю отыдеши". Такимъ образомъ подобныя легенды сводятся къ свѣдующему. Нѣкій знаменитый герой, король, рыцарь или рыцари, иногда великанъ, такихъ размѣровъ и такой могучести, какую только можетъ себѣ представить пылкое воображеніе пересказщика, встрѣчаются съ царемъ-пахаремъ, и онъ на всѣ хвастливыя слова витязя предлагаетъ лишь приподнять какую-то сумочку, которую онъ самъ легко носитъ на себѣ, наполненную просто горсточкой земли. Вся богатырская сила оказывается ничтожной передъ этой задачей. Гибель, смерть ожидаютъ героя. Посрамлена жестоко его похвальба. Иногда и вовсе не царь, а святой передъ нимъ. Веселовскій предположилъ, что легенда византійскаго происхожденія, указавъ на нѣкій аттрибутъ византійскихъ императоровъ: акакію.[4]) Это и потверждается воочію послѣдней работой акад. Кондакова, соображеніями не оставляющими никакой возможности сомнѣваться. Сумочка съ землей — таинственный аттрибутъ царственнаго облаченія византійскихъ императоровъ. Его описалъ поздній писатель XV в. Кодинъ, бывшій куропалатомъ, т. е. чиномъ, соотвѣтствующимъ дворцовому церемоніймейстеру нашихъ дней. Онъ зналъ, что писалъ. Ак. Кондаковъ, расмотрѣвъ подробно это показаніе, приходитъ къ такому выводу: искони важной частью царскихъ аттрибутовъ была т. наз. „акакія", но она носилась тайно, а не на показъ; оттого ея изображенія нѣтъ на фрескахъ. Это былъ кусочекъ темнаго пурпура (влатій), обвязанный лентою (мантиліемъ), и въ немъ земля. Чтобы скрыть отъ взоровъ этотъ

---

[1]) Ibid, стр. 247.

[2]) Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи (1881 г.). См. сочиненія И. Н. Жданова т. I изд. Академіи наукъ. СПб. 1906 г.

[3]) Миѳическая сума съ земною тягою. Списание на Българската Академия на науките. Кн. XXII. Отдѣленъ отпечатъкъ. София 1921 г.

[4]) Мелк. Зам. къ был. Журн. Мин. н. пр. 1888 май, стр. 76—78.

тайный аттрибутъ, ему иногда придавали видъ сложеннаго свитка, либо его пришивали подъ полу лоры (раньше toga praetexta), которую императоръ перекидывалъ черезъ руку.[1]) „Понятно, что о такомъ царскомъ аттрибутѣ, — прибавляетъ ак. Кондаковъ, — ходило, и въ Византіи, и на Западѣ много разсказовъ, такъ какъ, при случаяхъ мирнаго и обрядоваго восшествія на престолъ, такая принадлежность царскаго облаченія не могла оставаться не замѣченною: въ сумку, хотя бы она и была пришита къ лору, надо было насыпать землю. Вотъ, почему рано появились фантастическіе слухи о „странностяхъ греческаго коронованія“.[2]) Этими слухами, — по мнѣнію ак. Кондакова, — вдохновилась легенда о встрѣчѣ нѣкаго героя съ царемъ. Она исконно византійская.

Неизвѣстный труверъ, сочинившій chanson de geste для прославленія святыхъ реликвій Страстей Господнихъ, которыя показывались народу на день Индикта іюня во время ярморки въ Сенъ-Дени, въ свою очередь вдохновился легендой и взялъ ее, конечно, потому, что ее знали его будущіе читатели. Онъ пародировалъ ее. Въ этомъ весь смыслъ этой комической chanson de geste. Да, Карлъ Великій привезъ реликвіи изъ Іерусалима и, какова же сила ихъ для французскаго рыцарства, если тамъ, при дворѣ, этого могущественнаго царя, когда расхвастались по своему молодецкому обычаю самъ Карлъ и его пэры, Роландъ, Тюрпинъ и Оливье, не случилось съ ними того, что съ прочими подобными имъ героями при встрѣчѣ съ царственнымъ пахаремъ: спасли реликвіи. Великъ французскій король и рыцарство Франціи, обладающіе этими реликвіями! И именно, зная всѣ звѣнья легенды, всѣ ея изводы, т. е. и славяно-русскіе, такъ ясно можно отдать себѣ отчетъ объ идеѣ этой chanson de geste. Она такая характерно клюнизійская, — соборомъ св. Діонисія владѣли клюнизійцы, — въ основѣ ея замысла лежатъ именно клюнизійскіе принципы. Неизвѣстный труверъ отбросилъ для рыцарей Франціи умаляющее героизмъ толкованіе легенды: встрѣча ихъ съ Гюгономъ не есть показатель суетности земной силы. По этому толкованію сумка съ землею должна была пониматься, какъ символъ того, что и къ величайшимъ богатырямъ относится слово: „земля еси и въ землю отыдеши“, а такъ объясняли царскую акакію и въ Византіи.[1]) Но акакія имѣла и другой, болѣе древній смыслъ. Плугъ царя — символъ опахиванія города чертой. Такъ опа-

[1]) Codini, De Officialibus, cap. VI, у Кондакова l. c., стр. 55, ср. стр. 56—59.
[2]) Ibid, стр. 61.

халъ Римъ Ромулъ.[2]) Горсть земли изъ опаханнаго пространства означала несокрушимую власть надъ нею царя. Передъ нею то и оказывалась ничтожной самая сказочная сила богатыря. Знавшіе этотъ смыслъ легенды убѣждались изъ chanson de geste, что нестрашна стала французскому рыцарству Византійская держава. Клюнизійцы потворствовали рыцарству, включали воспѣвавшихъ ихъ жонглеровъ въ монастырскую братію и изображали ихъ на стѣнной росписи церковной.[3]) Они научили труверовъ сочинять chansons de geste о строителяхъ своихъ храмовъ и другихъ достопримѣчательныхъ герояхъ, которыхъ могилы они показывали паломникамъ. Они отбросили суровость христіанскаго аскетизма, и за это возсталъ противъ нихъ св. Бернаръ, основатель болѣе строгаго ордена Систерсьеновъ; „quid milites pugnantes?", выклицалъ онъ, видя потворствующую рыцарству стѣнную живопись въ романскихъ храмахъ, которую считалъ нечестіемъ.[4])

Знаніе всѣхъ звѣньевъ и всѣхъ типовъ не одного этого цикла легендъ пролило бы новый свѣтъ на поэтическія древности, если бы лучше были бы нзвѣстны на западѣ литературы славянскихъ народовъ.

Но наступитъ XIX в., когда, догнавъ опережавшій насъ западъ, славянство станетъ участникомъ міровой цивилизаціи и въ прямомъ смыслѣ. Надо ли напоминать общеизвѣстные факты: вліянія Достоевскаго на Ницше и Льва Толстого на Эдуарда Рода и родственную ему плеяду французскихъ романистовъ? Не сказалось ли вліяніе Мусоргскаго на современной французской музыкѣ, вліяніе русскаго театра, еще оспариваемое, но уже ощущаемое? Все это ново. За всѣ долгія столѣтія отъ среднихъ вѣковъ до XIX в., напротивъ, лишь востокъ Европы жадно заимствуетъ изъ богатой кошницы запада. Но вотъ настало время, наконецъ просіяла самостоятельность славянской цивилизаціи. Да будетъ же и лучшее знакомство съ трудами Веселовскаго тоже вкладомъ и важнымъ пріобрѣтеніемъ для европейской ученой мысли.

---

[1]) Ibid, стр. 57.
[2]) Ibid. стр. 54.
[3]) Emile Mâle. L'art au moyen âge et les Pélérinages. La Revue de Paris, 1920, 15 Febr., pp. 778, 792—801; о покровительствѣ церкви жонглерамъ, см. цѣлыя главы въ I и III томахъ книги Бедье.
[4]) Apologia ad Guillelmum abbatem (contra Clunienses), cap. XII, Luxum et abusum in templis. Migne, Patr. Lat. t. 182 col. 916.

II.

Веселовскій любилъ говорить, что никогда не занимался вопросами, уже стоящими на очереди въ научной литературѣ. И это вѣрно. Только не надо, конечно, понимать эти слова въ смыслѣ какого нибудь исканія оригинальности или расчета на внѣшній успѣхъ. Отнюдь нѣтъ. Въ такомъ пониманіи они были бы даже не вѣрны. Работалъ же онъ надъ запутанной и сложной проблемой о св. Гралѣ, какъ разъ въ то время, когда объ этомъ появился цѣлый рядъ изслѣдованій.[1]) Его послѣднія два сочиненія, можетъ быть, слишкомъ разросшееся, въ двухъ томахъ, о Боккаччьо[2]) и послѣднее, о Жуковскомъ[3]) — достаточно стоящія на очереди темы. Веселовскій разумѣлъ другое; онъ ощущалъ въ себѣ ясно одну характернѣйшую черту всей своей научной дѣятельности: какое-то стремленіе сойти съ проторенныхъ путей исторіи литературы и, непокладая рукъ, путемъ неограниченной никакими затрудненіями знанія языковъ, — разумѣется въ предѣлахъ европейской образованности, — доискаться до такихъ фактовъ, произведеній, личностей, иногда мелкихъ подробностей, которые могли бы пролить новый свѣтъ на разсматриваемыя другими учеными научныя заданія. Прежде всего, какъ еще любилъ говорить Веселовскій — „почитать кругомъ да около“, а потомъ — сосредоточиться на нѣкомъ „циклѣ“ явленій, связанныхъ „единствомъ героя“ и „единствомъ темы“.

Подобное принципіальное бѣгство отъ большихъ путей литературной исторіи всегда неминуемо ведетъ къ занятіямъ второстепенными созданіями поэзіи, къ изученію какихъ-то poetae minores, какихъ-то менѣе яркихъ героевъ, разныхъ какъ бы задворковъ поэзіи. Тамъ, на большихъ путяхъ, блестятъ звѣздами великіе поэты и міровыя художественныя величины. Веселовскій, уйдя на эти малыя, проселочныя дороги литературы и долго блуждая по нимъ, часто тяготился этимъ, скорбѣлъ и смущался. Невольно оставалась въ душѣ какая-то неудовлетворенность. А годы шли, и она усиливалась. Вѣдь не въ мелкости же интересовъ, не въ природномъ „крохоборствѣ“, въ которомъ обвиняли его враги,

[1]) Оживленію вопроса о Гралѣ способствовала книга Nutt'a, Studies on the legend of the hoby Grail, London 1888. Статьи Веселовскаго открываются въ „Разысканіяхъ въ области духовнаго стиха“ статьей XVII Амфилогъ-Evalach въ легендѣ о св. Гралѣ. Сб. Акад. Наукъ XLVI (1890) и завершаются въ „Zur Frage über die Heimath der L. vom h. Gral“, Arch. f. sl. Ph. XXIII, 321—385 = Изв. Отд. р. я. и сл. V, 393—450 и Ж. м. н. пр 1904. Февраль.

[2]) Боккаччьо, его среда и сверственники. 2 т. СПб. 1893 и 1894.

[3]) В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и сердечнаго воображенія. СПб. 1904.

лежитъ ключъ къ выбору имъ темъ. Веселовскій живо, отзывчиво, я бы сказалъ, творчески чувствовалъ поэзію и вообще искусство; особенно безъ музыки, напримѣръ, не могъ жить; охотно работалъ подъ музыку; не пропускалъ ни одного симфоническаго концерта. Насъ, окружавшую его молодежь, любилъ заставлять себѣ разсказывать о художественныхъ новинкахъ, о возникающихъ новыхъ теченіяхъ въ искусствѣ. Никогда онъ не удерживалъ отъ нихъ, но наоборотъ, поощрялъ, самъ на нихъ наталкивая. И надо ли даже упоминать, какъ сжилась его такъ сильно, и въ хорошемъ смыслѣ, проникнувшаяся итальянскимъ гуманизмомъ душа съ Данте и Петраркой? Въ Боккаччьо Веселовскій полюбилъ, можетъ быть, гораздо больше друга Петрарки и толкователя Данте, чѣмъ автора „Декамерона". А для насъ, русскихъ, Веселовскій еще и писатель, не только ученый. Сочный, пряный, сжатый и какъ бы скованный его стиль съумѣли уже оцѣнить въ передовыхъ кругахъ нашего литературнаго міра. Для насъ онъ одинъ изъ интереснѣйшихъ критиковъ, своеобразныхъ, яркихъ, захватывающихъ тѣмъ несомнѣннымъ паѳосомъ, какимъ загорался онъ, когда складывалось у него представленіе о какомъ либо высокомъ эстетическомъ достиженіи: эпохѣ возрожденія, русскомъ романтизмѣ или былевомъ эпосѣ.

Для насъ, русскихъ, дорога не только его книга о Жуковскомъ, но и „Боккачьо, его среда и свертвенники" превосходная русская литературная книга, которая именно своими мастерскими пересказами, откуда ея длинноты, опрокидываетъ читателя въ этотъ заколдованный міръ, подъ, синимъ южнымъ небомъ Италіи, гдѣ разыгрывается феерія Nimfale Fiesolano и мелькаютъ босыя ножки очаровательной Маріи-Фіаметты на пляжѣ, около Неаполя, или собрались кавалеры и дамы въ укромной виллѣ, неподалеку отъ Флоренціи, разсказывать другъ другу занимательныя исторіи и напѣвать пѣсеньки, легкія или нѣжныя, какъ сама радость. А вѣдь и итальянцы почувствовали въ молодомъ Веселовскомъ писателя, когда сказали о его „Виллѣ Альберти" — il sosso val piu che la materia. Началъ свою дѣятельность Веселовскій блестящими критическими очерками о Джордано Бруно о Раблэ и Гринѣ,[1]) и закончилъ такимъ же о Петраркѣ,[2]) а еще

[1]) Эти статьи печатались въ Вѣстникѣ Европы въ 1871, 1878 и 1879 годахъ; онѣ собраны въ Собр. Соч. томъ IV вып. 1 (1909).

[2]) Первоначально въ Научномъ Словѣ за 1905 г. кн. III, V, VI и отд. Москва 1905 г.; въ Собр. Соч. том IV вып 1; тогда же въ Петроградѣ и еще разъ отдѣльнымъ изданіемъ.

уже чисто литературно-художественной работой подарилъ насъ, давъ полный переводъ „Декамерона“.

Но горѣла неустанно, тревожила мысль и звала, звала за собою особая страсть — страсть прослѣдить этотъ таинственный литературный процессъ, какимъ возникаетъ поэзія, то, что такъ отлично называютъ англичане непереводимымъ по русски выраженіемъ: the making of poetry. Прослѣдить этотъ процессъ, вработаться въ него, не обойти ни одного закаулка, гдѣ притаилось что либо вскрывающее его неуловимыя особенности, все увидѣть и все понять, а потомъ оживить и освѣтить „среду“, именно среду, даже съ большей тщательностью это коллективное начало, чѣмъ личность, ибо среда — создательница направленій, школъ, обновленія исконныхъ сюжетовъ и поэтическихъ формъ — вотъ, что повлекло къ себѣ Веселовскаго съ самыхъ первыхъ его шаговъ на пути историко-литературныхъ изслѣдованій. Отсюда его первая, напечатанная сначала по итальянски диссертація. Она построена какъ разъ на такомъ второстепенномъ памятникѣ, далекомъ отъ большихъ путей. Это въ полномъ смыслѣ слова закаулокъ, о которомъ не сразу и найдешь нѣсколько посвященныхъ ему словъ въ исторіяхъ литературы: Giovanni da Prato „Il Paradiso degli Alberti, ritrovi e raggionamenti del anno 1389.“[1])

Здѣсь не мѣсто останавливаться подробно на работахъ Веселовскаго по исторіи итальянскаго возрожденія. Я бы вышелъ изъ намѣченнаго плана. Намъ важно лишь общее пониманіе эпохи, какъ предмета изученія. Построенія Буркхарда были въ полномъ ходу. Подтверждаютъ ли ихъ факты, т. е. самые памятники? Прежде всего, правъ ли былъ Буркхардъ, взявшій за однѣ скобки всѣ долгіе три вѣка отъ Петрарки до конца XVI в.? Неужели все это, дѣйствительно, только одна непрерывно развивающаяся эпоха? Нѣтъ. Вотъ тутъ-то пригодился Giovanni da Prato, а еще больше него этотъ интересный гуманистъ-меценатъ, Альберти, и вся окружающая его среда. Въ итальянскомъ заглавіи книги она названа: i ultimi trecentesti, а въ русскомъ выступаетъ ихъ историко-литературное значеніе: „литературный и общественный переломъ въ итальянской жизни XIV и XV столѣтія.“ Переломъ этотъ произошелъ на рубежѣ XV в. Началась новая пора. Изъ всей эпохи возрожденія, можетъ быть, наиболѣе важенъ какъ разъ

[1]) Il Paradiso degli Alberti e gli ultimi trecentesti. Saggio di storia letteraria italiana (Scelte di curiosità LXXXVI—LXXXVIII. Bologna 1867—68; по русски: Вилла Альберти. Москва 1870; тоже въ Собр. Соч. т. III.

этотъ моментъ перелома. И проблема осталась живой долгіе годы. Не была забыта. Откуда этотъ переломъ? Пойти въ глубь назадъ къ XIV вѣку, отъ послѣднихъ trecentesti, къ болѣе старшимъ, къ предшествующему поколѣнію — такъ жила дальше и мучила умъ проблема. Отсюда черезъ много лѣтъ, словно исполняя какое-то взятое на себя обязательство, Веселовскій придетъ къ изученію Боккаччьо и именно, какъ значится въ заглавіи книги къ „его средѣ и сверстникамъ", т. е. окруживъ его королемъ Робертомъ, Маріей-Фіаметтой, Аччьайоли, грекомъ Варлаамомъ, а попутно, опережая книгу рядомъ спеціальныхъ работъ, потянулись и отдѣльные очерки, какъ о занятіяхъ Боккаччьо по миѳологіи, о самомъ королѣ Робертѣ и т. под.[1])

Вопросъ о возрожденіи оказался не разрѣшеннымъ. Опредѣленія или сколько нибудь точно формулированнаго отзыва о теоріи Буркхарда, остающейся и до сихъ поръ въ силѣ, нѣтъ даже въ спеціальной статьѣ посвященной этому: „Противорѣчія итальянскаго возрожденія."[2]) Произошло слѣдующее: Веселовскій сталъ всего болѣе задумываться надъ возможностью сопоставить эти термины: возрожденіе и романтизмъ. Обѣ эпохи, съ одной стороны XIV, XV и XVI вв., а съ другой конецъ XVIII столѣтія представляютъ собою пору какого-то обновленія поэзіи, созданія новыхъ формъ, новой среды и новыхъ переживаній. Какъ это случилось? Каковъ общій смыслъ процесса? Указываютъ на возвратъ къ классицизму, начавшійся въ Италіи, и на нѣкій другой возвратъ въ концѣ XVIII в., результатомъ котораго былъ разрывъ съ впервые обновленной въ Италіи на рубежѣ XV в. начитанностью въ памятникахъ античной древности, которая, все углубляясь создастъ классицизмъ, а отсюда — и новый возвратъ, на этотъ разъ къ воображаемымъ или дѣйствительнымъ національнымъ основамъ поэзіи; не заключалось ли, не слѣдуетъ ли увидѣть въ эпохѣ возрожденія — возврата къ нѣкимъ тоже національнымъ началамъ? Вотъ дважды повторенный имъ вопросъ объ этой аналогіи: Черты національныхъ увлеченій свойственныя романтизму „не бросаютъ ли свѣтъ на нѣкоторыя стороны итальянского гуманизма? Основы латинской образованности и міросозерцанія долго покоились въ Италіи подъ наноснымъ грунтомъ средневѣковыхъ идей и учрежденій,

---

[1]) Такія статьи шли въ Журн. Мин. нар. пр., начиная съ 1887 года; онѣ всѣ уже собраны въ Собр. Соч часть 2-ая IV-ого т.

[2]) Впервые въ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1887 Декабрь.

вымагаясь наружу, пока не сказались открыто, сознательно отвѣчая такому же требованiю обновленiя на почвѣ народныхъ основъ, на этотъ разъ не фиктивныхъ и не фантастическихъ. Гуманизмъ — это романтизмъ самой чистой латинской рассы; оттуда опредѣленность и прозрачность его формулъ, въ сравненiи съ туманностью романтическихъ; но тамъ и здѣсь сходныя образованiя въ области индивидуализма и та-же ретроспективность въ литературѣ и мiросозерцанiи.“ [1])

Вотъ почему отъ Боккаччьо къ Жуковскому.

Поэзiя и личность Жуковскаго навели еще на другое. Опять своеобразная среда, и Веселовскiй долженъ былъ продумать и проработать ея особенности. Настроенiе этой среды охарактеризовано словами: „сердечное воображенiе“, но это лишь походя. На очереди стояла задача выяснить нацiональное самосознанiе, родившееся въ томъ видѣ, какимъ его переживаемъ мы теперь, настроившись съ эпохи романтизма и въ тѣсной связи съ нею. А разъ возникла возможность сопоставленiя романтизма съ возрожденiемъ, mutatis mutandis приходитъ на помощь весь научный опытъ, прiобрѣтенный за долгiе годы занятiй итальянскимъ возрожденiемъ, уже для другого члена сравненiя, т. е. для романтизма.

Въ самомъ дѣлѣ. Не видимъ ли мы ясно въ Италiи сначала перепутье множества элементовъ поэзiи: сказанiй, легендъ, образовъ; большинство изъ нихъ чужое; ихъ внѣдряло въ Италiю христiанство; дальше же — влiянiе сосѣдняго Прованса, трубадуровъ; отсюда dolce stil nuovo, Vita nuova и Канзонiере Данте и Петрарки; наконецъ, какъ результатъ и высшее возсiянiе генiя — „Божественная комедiя“, такая чисто итальянская и въ тоже время общечеловѣческая. Наступилъ il buon secolo, пора трехъ великихъ trecentesti — XIV вѣкъ. Но вотъ тутъ начинается то, что назвалъ Веселовскiй „противорѣчiями“. Сомнѣвается Петрарка, мятется его душа поэта, работаетъ надъ своимъ Канзонiере всю жизнь, но переписка его по латыни; и главное: какъ примирить съ христiанствомъ призванiе поэта, понимаемое теперь въ согласiи съ античной мудростью, хотя и запрѣтной, потому что она языческая, но уже осознанной и какъ своя, нацiональная, римская, ибо и самое различiе между итальянскимъ языкомъ и латинскимъ толкуется лишь въ смыслѣ различiя литературнаго языка отъ изъустнаго volgare eloquio. У Боккаччьо точно

---

[1]) Изъ введенiя въ историческую поэтику. Ж. Мин. Нар. Пр. 1894 май стр. 24—5.

появляется синтезъ, успокоеніе, разрѣшеніе сомнѣній и миритъ оба начала культъ Данте. Боккаччьо его землякъ и толкователь. Однако на долго ли? Въ 1375 году, когда умеръ Боккаччьо, доживаютъ послѣдніе trecentesti. Побѣдилъ этотъ своего рода романтизмъ, въ буквальномъ смыслѣ, т. е. возвратъ къ латынѣ и античной древности, уже провозглашенной роднымъ наслѣдіемъ — гуманизмъ. Только въ XVI в. закончится національный процессъ, когда произойдетъ и еще одинъ возвратъ, еще ярче воочію носящій отпечатокъ національнаго самосознанія — возвратъ къ volgare eloquio къ Данте и Петраркѣ, а отсюда вліяніе именно этого послѣдняго — не только „петраркизмъ", но все богатство поэзіи, примирившей, какъ у Аріосто, и античность, и средневѣковье. Таковъ смыслъ этого поистинѣ secolo d'oro. — Теперь не будетъ ли позволительно намѣтить такіе три этапа подобной, представляющейся вѣроятной, общей схемы литературнаго процесса?

Во 1-ыхъ, т. е. съ самаго начала, — международные, бродячіе, общіе всей цивилизаціи данной эпохи элементы: сказанія, темы, эпическія общія мѣста, легенды, и лишь потомъ, какъ надстрой надъ этимъ вѣчно колеблющимся, неустройчивымъ первымъ слоемъ, —

во 2-ыхъ, — первое возсіяніе національнаго генія, сказыщагося въ цѣломъ, въ композиціи; но это еще только вкладъ національный, лишь участіе въ общей литературной жизни, всего находящагося въ „общеніи" человѣчества; національный вкладъ, а не національное самосознаніе, которое наступить гораздо позднѣе, какъ слѣдствіе и достиженіе всего сложнаго процесса, отнюдь не какъ нѣчто исконное, а лишь добытое; только позже уже, —

въ 3-ьихъ, самоопредѣленіе національной поэзіи, невозможное безъ нѣкаго возврата, т. е. возрожденія, которое можетъ быть названо и романтизмомъ, если, какъ это и случилось, прямое лингвистическое значеніе этого слова позабыто; тогда романтизмъ окажется уже такимъ, что между нимъ и классицизмомъ можно будетъ, какъ ни странно, поставить знакъ равенства; вѣдь поистинѣ въ этомъ конечномъ этапѣ классической, особенно у славянъ, назовется и называется лучшая пора всякой національной поэзіи, и великіе творцы ея возводятся въ классики.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Евгеній Аничковъ.

Гончаровъ въ кругосвѣтномъ плаваніи.

(Историко-біографическій очеркъ, въ связи съ новыми матеріалами).

(Продолженіе).

V.

Въ началѣ марта снова „засвѣжѣло", и снова закачало. Для Гончарова это означало не находить себѣ мѣста и не работать. Началась и реакція — душа утомилась пережитыми впечатлѣніями, хотѣлось отдыха и мирныхъ, береговыхъ пейзажей. „Что это за мука? — жаловался Гончаровъ Майковымъ 17 марта: „Мы въ тропикахъ отвыкли было отъ этихъ удовольствій, а тутъ опять. Къ счастью, это продолжалось дней пять. Но вѣдь пять дней ни читать, ни писать, ни ѣсть, ни спать порядочно нельзя."[1])

10 марта фрегатъ бросилъ якорь у мыса Доброй Надежды, противъ города Саймонстоуна.

Гончаровъ собрался съѣхать на берегъ только на четвертый день. Ему было грустно — онъ не получилъ писемъ изъ Россіи, и тоска одиночества примѣшивалась къ разочарованію и скукѣ. Онъ „хандрилъ". Снова сомнѣнія зашевелились въ его душѣ, хватитъ ли силъ и душевной бодрости на продолженіе пути. Пробовалъ работать — работа не клеилась, между тѣмъ записывать необходимо было по свѣжимъ слѣдамъ, — впечатлѣнія быстро смѣнялись и томили душу своимъ разнообразіемъ и богатствомъ.

Не зная, чѣмъ себя развлечь, онъ пробовалъ даже прививать Ѳаддееву свѣдѣнія изъ географіи.

— Откуда мы пріѣхали? — спрашивалъ Гончаровъ, стараясь навести Ѳаддеева на какое-нибудь „соображеніе".

— Откуда пріѣхали? — повторялъ онъ вопросъ.

— Ну, да?

— Изъ Англіи.

---

[1]) Письмо Майковымъ отъ 17 марта 1853 г. Варіантъ въ печатномъ текстѣ: „Фрегатъ Паллада", т. I., стр. 164. На письмѣ приписка: „Я писалъ еще Языкову и Кореневу."

— А Англія-то гдѣ?.. Гдѣ Франція, Италія?

— Не могу знать.

— Ну, гдѣ Россія?

— Въ Кронштадтѣ, — проворно отвѣтилъ Ѳаддеевъ.

— Въ Европѣ, — поправилъ Гончаровъ: — А теперь мы пріѣхали въ Африку, на южный ея край, на Мысъ Доброй Надежды.

— Слушаю-съ.

— Помни же.

Ѳаддеевъ запомнилъ. Когда Иванъ Александровичъ рѣшилъ, наконецъ, съѣхать на берегъ, Ѳаддеевъ явился къ нему:

— Позвольте и мнѣ съ вами, ваше высокоблагородіе.

— Куда?

— Да въ Африку-то...

— Что ты станешь тамъ дѣлать?

— А вонъ на ту гору охота влѣзть...[1])

Этой „охоты“ никакъ Гончаровъ не могъ бы раздѣлить съ Ѳаддеевымъ. Два дня онъ бродилъ по Саймонстоуну съ барономъ Крюденеромъ. Смотрѣть особенно было нечего. Въ Саймонстоунѣ всего десятка три домовъ, есть англійское адмиралтейство и красный солдатъ на часахъ — Англія вездѣ и всюду, куда ни сунешься“.[2])

Однако, не удовлетворившись блужданіемъ по Саймонстоуну, Гончаровъ пожелалъ заглянуть вглубь страны. Онъ высказалъ это желаніе адмиралу. „Адмиралъ былъ такъ внимателенъ и любезенъ, что спросилъ, какъ бы желалъ я путешествовать. Я объяснилъ ему, что путешествіе по берегамъ не оченъ занимательно, что надо стараться, какъ можно подалѣе проникать внутрь, а безъ знакомыхъ-де это дѣлать трудно.“[3]) Такъ какъ фрегатъ переоснащался и приводился въ порядокъ послѣ долгаго плаванія, что должно было задержать его около трехъ недѣль на Саймонстоунскомъ рейдѣ, то адмиралъ охотно взялъ на себя трудъ устроить образовательную экскурсію для тѣхъ, кто выражалъ желаніе принять въ ней участіе. Такихъ лицъ, кромѣ Гончарова, оказалось еще пять человѣкъ. 16 марта адмиралъ отправился вмѣстѣ съ ними въ Капштатъ, отстоявшій въ часахъ трехъ съ половиной ѣзды отъ Саймонстоуна, сдѣлалъ необходимые визиты, получилъ отъ мѣстнаго банкира Томсона рекомендатель-

---

[1]) „Фрегатъ Паллада“, т. I. стр. 157, 8. — [2]) Письмо 17 марта; см. выше. — [3]) Письмо 17 марта.

ныя письма для остановокъ въ пути, просилъ того же банкира нанять экипажи и проводника — словомъ, устроилъ все необходимое для поѣздки внутрь, въ Капскую колонію.[1]) Пока шли эти приготовленія, Гончаровъ осматривалъ Капштатъ. „Куда ни взглянешь, вездѣ взглядъ упирается то въ зеленѣющіе бока лежащаго Льва, то въ Столовую гору, то въ Чортовъ пикъ. Городъ какъ будто сдавленъ ими, только къ юго-западу раздвигается безграничный просторъ: тамъ море сливается съ небомъ.“[2]) „Наши, т. е. адмиралъ, капитанъ и нѣкоторые офицеры хотѣли было итти сегодня на гору, да невыносимо жарко, отдумали. Я объявилъ, что ни за что не пойду ни на какую гору, если она выше трехъ саженъ, такъ же точно, какъ безъ крайней необходимости не поѣду верхомъ. Если уже нельзя иначе, такъ нечего дѣлать. А то вотъ сегодня наши пріѣхали сюда верхомъ, да теперь и не могутъ ходить.“[3])

18 марта рѣшено было тронуться въ путь.[4]) Наканунѣ Гончаровъ писалъ объ этомъ Майковымъ: „Между прочимъ, есть у насъ письмо къ англійскому инженеру, который дѣлаетъ дорогу. Онъ намъ покажетъ замѣчательныя мѣста, между прочимъ горячіе источники, потомъ тюрьмы, гдѣ содержатся преступники изъ всѣхъ племенъ южной Африки. Предположено ѣхать одной, а воротиться другой дорогой. На возвратномъ пути хотимъ осмотрѣть Констанскую гору и знаменитые виноградники. Всюду у насъ есть письма. На этой горѣ содержится теперь одинъ изъ предводителей каффровъ съ женой, и его хотятъ показать намъ. Вы по газетамъ знаете, что война съ каффрами кончена и заключенъ миръ — только надолго ли, Богъ знаетъ. Планъ очень хорошъ: каково-то будетъ исполненіе. Насъ ѣдетъ семь человѣкъ. Адмиралъ всѣмъ далъ занятія на все путешествіе. Одному, Гошкевичу (чиновнику М. И. Д.), поручена геологическая часть, докторъ со шкуны, ученый нѣмецъ, займется ботаникой; Посьетъ, котораго Юнія Дмитріевна видѣла (рыжій офицеръ), изучаетъ голландскій языкъ. Ѣдетъ еще молодой мичманъ въ помощь Гошкевичу. Съ нами ѣдетъ и фотографическій аппаратъ, для сниманія мѣстности и типовъ жителей также. Вы видите, что это цѣлая экспедиція. Мнѣ надо будетъ внести всѣ подробности

[1]) Письмо 17 марта. — [2]) Письмо отъ 17 марта. Ср. „Фрегатъ Паллада“, т. I., стр. 155 и слѣд. — [3]) Письмо 17 марта. — [4]) Интересно отмѣтить разницу въ тонѣ изложенія дружескихъ писемъ и печатнаго текста: въ послѣднемъ замѣтно вліяніе прочитанныхъ книгъ. См. описаніе Капской колоніи.

въ журналъ. Ѣхать завтра ранехонько, часовъ въ 6 утра, въ огромной повозкѣ на 6 или 7 лошадяхъ, какъ здѣсь вообще путешествуютъ."

„Странно это вамъ слышать отъ меня? — *въ экспедицію въ Африкѣ — внутрь края — ранехонко!* Я ли это? Да, — я: Иванъ Александровичъ, — безъ Филиппа, безъ кейфа — одинъ одинехонекъ, съ sac de voyage — ѣдетъ въ Африку — какъ будто въ Парголово. У меня трость съ кинжаломъ, да и ту, я думаю, брошу — мѣшаетъ; у барона (Крюденера) пара пистолетовъ за поясомъ — вотъ и все. У прочихъ не знаю что. Я полагаю, что мы это все оставимъ, а возьмемъ лучше побольше сигаръ." [1])

Выѣхали не въ шесть часовъ, а въ два, потому что не всѣ были готовы; Гончаровъ ѣхалъ съ бар. Крюденеромъ и П. А. Зеленымъ, тогда еще молоденькимъ мичманомъ. Въ другомъ экипажѣ помѣщались К. Н. Посьетъ, докторъ Т. Вейрихъ, врачъ шкуны Востокъ, и чиновникъ-переводчикъ съ китайскаго О. А. Гошкевичъ; — ожидавшійся седьмой спутникъ не поѣхалъ.

Путешествіе совершалось весело и безъ особаго утомленія, благодаря частымъ остановкамъ. Красота и оригинальность горныхъ пейзажей, невиданныя растенія и птицы, страшныя тѣснины горъ, ущелья, пропасти — все это давало богатую пищу наблюдательности и развлекало вниманіе. Но Гончаровъ не любилъ одной природы безъ живыхъ существъ, какъ бы она ни была хороша и своеобразна — поэтому всѣ его пейзажи оживлены присутствіемъ человѣка. Кучеръ Вандикъ, мальчишка-готтентотъ, улыбающаяся мулатка, — такъ же необходимы его пейзажамъ, такъ же дополняютъ ихъ, какъ черные силуэты каффровъ и финго, какъ паденіе орла въ глубину ущелья, испугъ дикихъ козъ, мельканье ящерицъ. Полюбовавшись отвѣсными горами, увѣнчанными тучами, заглянувъ въ головокружительныя стремнины, Гончаровъ съ особымъ удовольствіемъ переводилъ взоръ на картины мирнаго быта, нравовъ, патріархальныхъ обычаевъ, созданныхъ довольствомъ трудовой и нетребовательной жизни. Онъ не уставалъ рисовать гостинницы и фермы, въ сущности похожія одна на другую. Всюду находили путники привѣтливое радушіе, обильную пищу, прохладу; всюду любопытный глазъ Гончарова подмѣчалъ кусочки жизни, достойной вниманія художника. Во многихъ мѣ-

[1]) Письмо къ Майковымъ (мартъ, 1853), безъ начала. Въ концѣ письма „Прочтите письмо Языкову. Ему я тоже напишу, но коротенькое."

стахъ, гдѣ взоръ его встрѣчалъ любезные сердцу его образы фламандской живописи — въ старинной мебели, въ утвари, въ костюмѣ — въ душѣ его шевелилось сожалѣніе, что онъ являлся только случайнымъ путникомъ, что завтра онъ не увидитъ уже этого гостепріимнаго крова.

Между тѣмъ весь строй быта, казалось, вполнѣ соотвѣтствовалъ его вкусамъ, потребностямъ, тому, что въ старину называлось „расположеніемъ нервъ". Красота природы, обиліе плодовъ земныхъ, благодатный климатъ, „фламандскіе нравы" людей, склонныхъ къ трудолюбивой, тихой и доброй жизни, — все образовывало счастливое сочетаніе для того, чтобы обезпечить идеальныя условія для творческой работы. Сколько разъ при этомъ его охватывало настроеніе, которое онъ выразилъ при своемъ разставаніи съ Капштатомъ: „Если мнѣ гдѣ-нибудь хорошо, я начинаю пускать корни. Удобна ли квартира, покойно ли кресло, есть хорошій видъ, прохлада, — мнѣ не хочется дальше. Меня влечетъ уютный домикъ съ садомъ, съ балкономъ, останавливаетъ добрый человѣкъ, хорошенькое личико. Сколько страстишекъ успѣетъ забраться въ сердце, сколько тонкихъ, сначала неосязаемыхъ нитей протянется оттуда въ разныя стороны! Поживи еще — и эти нити окрѣпнутъ, обратятся въ такъ называемыя „узы". Жаль будетъ покинуть знакомый домъ, улицу, любимую прогулку, добраго человѣка..." [1])

Все, что видѣлъ Гончаровъ, во время своей поѣздки, съ обычнымъ мастерствомъ и юморомъ было подробно разсказано имъ, причемъ онъ не забылъ охарактеризовать и своихъ спутниковъ штрихами мѣткими, наглядно-жизненными, ставящими ихъ передъ глазами читателей. Вотъ они — точный, аккуратный, любознательный Посьетъ, желавшій видѣть какъ можно больше; обаятельный собесѣдникъ, тонкій цѣнитель комфорта и жизненныхъ благъ — бар. Крюденеръ, умѣвшій наслаждаться тѣмъ, что было передъ глазами; юный мичманъ Зеленый — „существо вѣчно поющее, хохочущее и разсказывающее, никогда никого не оскорбляющее и никѣмъ не оскорбляемое"...[2]) Баронъ и Зеленый, вмѣстѣ съ Гончаровымъ, являлись представителями „артистической" части экскурсіи; Посьетъ, докторъ Вейрихъ и Гошкевичъ образовывали „ученую" группу. Вся компанія дружно соединялась за накрытыми столами — количество и качество блюдъ,

[1]) „Фрегатъ Паллада", т. I, стр. 297. — [2]) Письмо 17 марта.

вина и фрукты „врѣзывались“ въ память Гончарова не менѣе, чѣмъ очертанія горъ и облаковъ. Обычно не измѣнявшій ему спутникъ — хорошій аппетитъ — подсказывалъ ему тѣ настроенія радушной домовитости, уюта и тепла насиженнаго быта. Рядъ еле уловимыхъ намековъ показывалъ, что Гончаровскій идеалъ велъ его мечту дальше — къ тихой семейственности, къ потребности женскаго участія и ласки. Онъ не проходилъ мимо ни одного женскаго образа — красивыя, некрасивыя, молодыя и старыя женщины привлекали къ себѣ его вниманіе, тревожили сердце иначе, чѣмъ облака, пропасти и горы. Онъ помнилъ всѣ улыбки, какими дарили его и фермерши и посвоему красивыя мулатки и хорошенькая Каролина, улыбавшаяся ему, казалось, привѣтливѣе, чѣмъ другимъ. Онъ, какъ и въ Петербургскихъ гостиныхъ, старался больше держаться около дамъ — онъ зналъ силу своей обворожительной любезности, тонкой, насмѣшливой лести, своего остроумія, искрометнаго, словно игристое вино въ хрусталѣ. Но все это — и улыбки, и нѣжные взгляды, и острыя, располагающія къ симпатіи слова, и вздохи сожалѣнія — все это являлось передъ Иваномъ Александровичемъ лишь въ быстромъ мельканіи, въ быстрой до утомленія смѣнѣ поражающихъ воображеніе картинъ и образовъ, — некогда было остановиться, задуматься, привязаться къ чему-либо, отдохнуть, надо было спѣшить, вбирать въ себя новыя впечатлѣнія, воспринимать новыя краски и линіи... хватитъ ли силъ? И Гончаровъ съ тревогой замѣчалъ, что душа его начинала утомляться, а изъ-подъ этого утомленія по временамъ выглядывалъ грозный призракъ стараго врага — скуки. Но пощады не было: впереди ожидали новые материки и новые океаны.

Настроенія усталости чередовались у Ивана Александровича съ радостями неизвѣданнаго, щедро разсыпанными во время пути. Путешественники все поднимались въ горы, выше и выше и общая физіономія страны къ концу подъема настолько уже казалась опредѣлившейся, что обратный спускъ, по другой дорогѣ, не давалъ особенно новыхъ впечатлѣній. Вернувшись въ Капштатъ 25 марта, Иванъ Александровичъ съ большимъ удовольствіемъ расположился въ своей комнатѣ и вскорѣ почувствовалъ себя въ ней, какъ дома. — „Какъ будто и не выѣзжалъ.“

Вкратцѣ все видѣнное Гончаровымъ въ Капской колоніи описано имъ въ одномъ изъ писемъ къ Майковымъ отъ 29 марта. Въ письмѣ этомъ, еще не появлявшемся въ печати, отмѣчено

все существенное изъ пережитаго Гончаровымъ; живость и непосредственность впечатлѣній, отраженныхъ здѣсь, невольно переноситъ насъ въ ту полюбившуюся ему комнатку Капштатской гостинницы, этого „самаго южнаго трактира", изъ окна котораго были ему видны „сѣрые уступы и зеленые скаты Столовой горы и Чертова пика".[1])

„Что сказать вамъ о нашихъ приключеніяхъ? — писалъ онъ въ упомянутомъ письмѣ. — А ничего... Съѣздили верстъ на сто слишкомъ, странствовали въ ущельяхъ по новой, только что пробитой дорогѣ, по такимъ горамъ, которыхъ и во снѣ не видалъ. Надъ головой страшные утесы, а внизу пропасти еще страшнѣе. Оступись лошадь — и прощай все: полетишь съ высоты футовъ въ двѣсти, въ глыбы камней. Въ этихъ горахъ водятся тигры и большія обезьяны, но мы ихъ не видали. Были тамъ въ тюрьмахъ, гдѣ содержатся черные преступники всѣхъ здѣшнихъ племенъ. Каффры, готтентоты, бушмены, финго etc., etc. рядомъ сидятъ или лежатъ скованные. Ихъ употребляютъ на работы по дорогамъ. Осмотрѣли горячіе источники. Заѣзжали къ фермерамъ въ гости — и вообще видѣли много новаго и занимательнаго. Теперь надо все это записывать и вносить въ журналъ, прочитавъ напередъ исторію войны съ каффрами. Это скучновато, да нечего дѣлать — надо. — Я часто думаю о васъ, глядя на здѣшнюю природу, на дубовыя рощи, на сады изъ всевозможныхъ растеній, которыя у насъ держатъ за стекломъ. Напримѣръ, изъ кактусовъ, алоя и другихъ колючихъ и толстыхъ растеній, которыя у васъ въ маленькихъ горшечкахъ берегутся на окнахъ, здѣсь дѣлаютъ плетни и заборы; не перелѣзешь черезъ такой заборъ. Вчера ѣздили мы кругомъ Львиной горы — преживописный видъ: весь заливъ — какъ на ладони, а по берегамъ голые каменные утесы. Между утесами, у камней, плещется такое множество огромной рыбы, что, кажется, руками можно ловить. Я долго думалъ о васъ, милый мой Николай Аполлоновичъ, и о васъ, Аполлонъ — вѣрно, думалъ я, оба они сидѣли бы тутъ, въ бѣлыхъ шляпахъ и такихъ же курткахъ, замазанные, загорѣлые, и копались бы цѣлый день. Въ добавокъ къ вашему удовольствію — невыносимая жара, какой у насъ не бываетъ, и это еще осенью (здѣсь вѣдь осень). Лѣтомъ, говорятъ, не знаютъ, куда прятаться, а одинъ докторъ, пріѣхавшій

[1]) „Фрегатъ Паллада", т. I, стр. 297.

изъ Индіи въ отпускъ, говоритъ, что тамъ зимой такъ жарко, какъ здѣсь лѣтомъ. — Что же лѣтомъ въ Индіи? спросилъ я. — Надо тамъ быть, отвѣчалъ онъ, а объяснить этого нельзя. А мы говоримъ, что въ Петербургѣ жарко. Вчера я вышелъ было на площадь, на базаръ, но черезъ 10 минутъ долженъ былъ воротиться и не могъ часа полтора притти въ себя. При этомъ жарѣ меня удивляетъ, что здѣсь мало тѣни, т. е. мало заботятся о разведеніи большихъ тѣнистыхъ деревьевъ. Кругомъ города все дачи, но онѣ окружены такими мелкими деревьями, что негдѣ спрятаться отъ жара. Впрочемъ, всѣ дома построены съ жалюзи и навѣсами, и въ комнатахъ духоты нѣтъ. Видно, деревья плохо ростутъ, но я видѣлъ, однакожъ, въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ цѣлыя дубовыя рощи. Вообще же видъ этой части Африки довольно печаленъ: песокъ, мелкій кустарникъ и камни. Мы переправлялись въ бродъ черезъ многія рѣчки, которыя зимой, въ дождливое время превращаются въ огромныя рѣки. Когда мы проѣзжали по песчанымъ равнинамъ, усѣяннымъ мелкимъ, разнообразнымъ кустарникомъ, въ которомъ гнѣздится множество змѣй, ящерицъ и черепахъ (мы поймали двухъ маленькихъ черепахъ), М-r Бенъ, инженеръ, возившій насъ въ ущелье, сказалъ, что по этимъ равнинамъ мы можемъ судить о всей южной Африкѣ, кромѣ береговъ. Вся она такова — горы, песокъ и мелкій кустарникъ. Путешествіе наше продолжалось дней десять. Мы сдѣлали верстъ 300 взадъ и впередъ. Есть мѣста чрезвычайно живописныя, Паарль, т. е. перлъ, Стелленбошъ и другія. Я радъ, что видѣлъ ихъ и имѣю понятіе объ Африкѣ, но въ другой разъ не поѣду. Пора на фрегатъ, въ Сеймонскій заливъ, но тамъ, говорятъ, затѣваютъ балъ и обѣдъ въ отплату даннаго нашимъ обѣда. Вотъ я и задумываюсь, куда бы дѣться отъ этихъ удовольствій? А тоска-то, тоска-то, Господи твоя воля, какая! Богъ съ ней, и съ Африкой... А еще надо въ Азію ѣхать, потомъ заѣхать въ Америку. Я все думаю: зачѣмъ это мнѣ? Я и безъ Америки никуда не гожусь: изъ всего, что вижу, рѣшительно не хочется дѣлать никакого употребленія; душа, наконецъ, и впечатлѣній не принимаетъ. Какъ бы все это пригодилось другому! Боюсь, выдержу ли я: что-то силы падаютъ, хотя я и толстѣю.“ [1])

Отправивъ это письмо, Гончаровъ съѣздилъ въ Сеймонсбей и, чтобы избѣжать обѣда и бала, который давалъ адмиралъ

---

[1]) Письмо къ Майковымъ, 29 марта 1853 г. Изъ рук. отд. Академіи Наукъ.

мѣстнымъ официальнымъ лицамъ, вернулся въ Капштатъ вмѣстѣ съ о. Аввакумомъ и прожилъ здѣсь еще нѣсколько дней, радуясь комфорту и покою. Когда пришлось уѣзжать, онъ оставилъ свой „N 8-ой", гдѣ ему легко жилось и работалось, съ искреннимъ сожалѣніемъ. Съ такимъ же сожалѣніемъ проводили своего гостя и радушныя хозяйки отеля.

На пути къ Сеймонсбею Гончаровъ посѣтилъ плѣннаго каффрскаго вождя Сейоло, сдѣлалъ ему подарокъ и съ нимъ разстался дружелюбно и съ улыбкой.

12 апрѣля „Паллада" снялась съ якоря.

VI.

Индійскій океанъ встрѣтилъ нашихъ мореплавателей непривѣтливо. Бурь большихъ не было, но и сильныхъ вѣтровъ, „штормовъ", типичныхъ для этого безпокойнаго мѣста „борьбы трехъ океановъ", было достаточно, чтобы заставить старую „Палладу", обнаружить всю свою негодность для далекихъ плаваній въ бурныхъ моряхъ. Что пережилъ Гончаровъ въ эти „штормовые" дни съ дождемъ и качкой, можно легко себѣ представить изъ его письма 25 мая. „Насъ прихватилъ штормъ у мыса Доброй Надежды, лишь только мы отъѣхали отъ него верстъ 200. Этотъ штормъ окончательно и доказалъ, что фрегатъ нашъ болѣе, чѣмъ плохъ. Я сидѣлъ въ каютъ-кампаніи, когда буря началась. Качка усиливалась, сначала взяли рифы, т. е. уменьшили паруса, но вѣтеръ крѣпчалъ, ихъ убрали совсѣмъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ. Началась течь, какъ въ рѣшетѣ, все ничего, въ общей каютѣ было еще сухо, но фрегатъ началъ черпать бортами, да еще дождь проливной пошелъ и вдругъ хлынули цѣлые потоки, и къ намъ внизъ." [1]) Раньше и адмиралъ и другіе офицеры звали Ивана Александровича полюбоваться вмѣстѣ съ ними красотой неба, поминутно озаряемаго молніями, и величавой картиной разбушевавшейся стихіи. Они уже знали его описательное мастерство — по изображеніямъ Атлантическаго океана. Но Иванъ Александровичъ отказывался и, негодуя на „безобразіе и безпорядокъ" въ природѣ, заботился только о томъ, чтобы удержать за собою сухое мѣсто въ каютъ-кампаніи.

---

[1]) Письмо (неопубликованное) 25 мая изъ рук. отд. Ак. Н. (какъ и отъ 26 мая) представляетъ собой длинный, крайне любопытный по многимъ подробностямъ разсказъ о пережитомъ въ Индійскомъ океанѣ. См. параллельный текстъ — „Фрегатъ Паллада", гл. V.

Теперь, когда вода хлынула „въ десять каскадовъ“ [1]) и въ каютъ-кампанію, пришлось по неволѣ броситься наверхъ по трапу и любоваться картиной „гдѣ блескъ луны и молній спорилъ другъ съ другомъ“ . . . „Я насмотрѣлся и молніи и луны, наслушался и грома и вѣтра, но черезъ пять минутъ весь былъ мокрехонекъ“ [2]) . . . Нѣсколько дней спустя штормы стихли, и подулъ попутный вѣтеръ.

Офиціально поведеніе „Паллады“ во время шторма опредѣлялось адмираломъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: фрегатъ — „потекъ всѣми палубами, и сверхъ того обнаружилось движеніе въ крѣпленіяхъ надводной части“.[3]) Но Гончаровъ успѣлъ уже свыкнуться со многими случайностями морской жизни, и вотъ какъ онъ отвѣчалъ, въ томъ же письмѣ отъ 25 мая, на ироническія просьбы друзей разсказать объ его „отношеніяхъ“ къ бурямъ: „Хорошая сторона морскихъ непріятностей замѣчательна своей странностью: черезъ часъ не остается даже воспоминанія отъ перетерпѣннаго безпокойства, страха, мокроты и морской болѣзни, у кого она бываетъ. Я до сихъ поръ продолжаю не понимать, что это за болѣзнь. Вообще я, слава Богу, такъ во многомъ свыкся съ моремъ, что теперь нѣкоторыхъ своихъ безпокойствъ, тревогъ, страховъ и неудобствъ, даже не понимаю и удивляюсь, какъ могло тревожить меня въ началѣ то или другое. Бывало отъ шума маневровъ, стука и пальбы я не могъ уснуть, а теперь ни за что не проснусь, развѣ сброситъ совсѣмъ съ постели; прежде, бывало, безпрестанно въ головѣ присутствуетъ сомнѣніе, не случилось бы того, другого, а теперь не вѣрится никакъ, чтобы могло случиться — словомъ, какъ прежде хотѣлось бы отовсюду воротиться, такъ теперь ни за что не воротился бы, хоть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мнѣ бываетъ нехорошо. Но вѣдь куда ни спрячься, всѣхъ постигаетъ своя доля нехорошаго, и я, похандривъ, заключаю частенько, что мнѣ очень хорошо.“ [4])

Ненадежность „Паллады“ сильно безпокоила адмирала. Онъ рѣшилъ даже просить высшее морское начальство о замѣнѣ фрегата другимъ, болѣе крѣпкимъ судномъ: еще предстояло долгое плаваніе, за которымъ слѣдовалъ обратный путь. Съ этой цѣлью рѣшено было отправить въ качествѣ курьера одного изъ

[1]) То же письмо, 25—26 мая; см. выше. — [2]) То же письмо 25—26 мая; см. выше. — [3]) „Морской Сборникъ“, 1856; см. выше. — [4]) То же письмо 25—26 мая; см. выше.

офицеровъ съ подробнымъ донесеніемъ. Выборъ адмирала остановился на старшемъ офицерѣ Иванѣ Ивановичѣ Бутаковѣ,[2]) этомъ, по отзыву Гончарова, „лихомъ морякѣ и добромъ маломъ“.[1]) Предполагалось, что Бутаковъ сойдетъ въ одномъ изъ ближайшихъ портовъ и воспользуется первымъ почтовымъ пароходомъ. Поэтому „Паллада“ отклонилась отъ первоначальнаго прямого маршрута и направилась къ о. Явѣ.

Она вошла въ Анжерскій рейдъ 17 мая — на тридцать первый день послѣ оставленія Сейсмансбейской бухты.

На этотъ разъ Гончаровъ поспѣшилъ съѣхать на берегъ у малайскаго селенія Анжеръ, поражаясь удивительными красотами природы, которая представлялась ему здѣсь — „нѣжной артисткой: много любви потратила она на этотъ, можетъ быть самый роскошный уголокъ міра“.[3])

Все время Иванъ Александровичъ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа, не отставалъ отъ своихъ младшихъ спутниковъ въ веселости и шуткахъ и старался, на сколько могъ, безъ риска встрѣтиться со змѣей или тигромъ, заглянуть и въ пальмовые лѣса и въ береговыя окрестности. Вотъ какъ онъ разсказывалъ объ этомъ: „Давно ли я былъ на Мысѣ Доброй Надежды . . . теперь, черезъ 43 дня, перенесся за 6000 миль (10000 верстъ). Мы плыли счастливо: въ 34 дня дошли до Зондскаго пролива и на сутки останавливались у о. Явы, но не въ Батавіи, которой избѣгаютъ суда ради нездороваго климата, а въ 70 миляхъ отъ нея, на Анжерскомъ рейдѣ. Сначала я возроптала, что не идемъ въ Батавію, а потомъ обрадовался, когда съѣхалъ на берегъ въ Анжерѣ.

„Это маленькая деревушка, состоящая изъ двухъ, трехъ переулковъ безъ домовъ. Живутъ тамъ китайцы и малайцы просто въ лѣсу. Сойдя на этотъ берегъ, я былъ почти счастливъ: наконецъ я путешествовалъ, какъ мечталъ путешествовать — среди лѣсовъ, въ глуши, въ невоздѣланной красотѣ. До сихъ поръ, даже въ Африкѣ, мы ѣздили по расчищеннымъ мѣстамъ, по проложеннымъ дорогамъ, заѣзжали въ удобные отели: здѣсь ничего этого нѣтъ. Человѣкъ начинаетъ врубаться въ нетронутый лѣсъ, а лѣсъ-то весь состоитъ изъ кокосовыхъ пальмъ, фиговыхъ и множества другихъ, неизвѣстныхъ мнѣ, по крайнему

---

[1]) См. его имя въ спискѣ офицеровъ „Паллады“, напечатанномъ во 2-мъ изд. моей книги о Г-вѣ. — [2]) То же письмо 25—26 мая; см. выше. — [3]) То же письмо 25—26 мая; см. выше.

моему невѣжеству въ ботаникѣ, деревьевъ, сквозь которые и пробраться нельзя. Мы цѣлой толпой пошли гулять и, несмотря на страшный жаръ, не утомлялись: такъ было все ново, прекрасно. Все противоположно видѣнному: въ Африкѣ глазъ ищетъ зелени и едва находитъ кучу кустарниковъ, вездѣ сѣрые мрачные утесы, здѣсь — негдѣ ноги поставить на голую землю, все въ зелени. Даже отдѣльные, брошенные на воду камни, и тѣ обросли деревьями, какъ бородой. Въ Анжерѣ тѣмъ прекрасно, что никого, такъ сказать, нѣтъ. Здѣсь первенствуютъ еще звѣри, и природа даетъ имъ великолѣпнѣйшія квартиры въ своихъ пальмовыхъ лѣсахъ и тростникахъ, а нѣсколько европейцевъ живутъ (трое) въ низенькомъ кирпичномъ домѣ, есть и голландская крѣпостца съ двумя-тремя пушками, въ которыхъ я думаю, мальчишки тоже, какъ въ Бѣлогорской крѣпости, понабросали камешковъ и всякой дряни; прочіе же, т. е. малайцы и китайцы живутъ въ какихъ-то хлѣвахъ изъ бамбуковыхъ жердей, съ крышами изъ кокосовыхъ листьевъ. Китайцы съ косами, въ своихъ костюмахъ, но отлично говорятъ по англійски, малайцы, по поясъ голые, а внизу кругомъ тѣла обернутъ въ видѣ юбки кусокъ бумажной матеріи, да платокъ на головѣ — вотъ и все; подъ юбкой же нѣтъ ничего, т. е. платья — я разумѣю — нѣтъ. Они навезли намъ и обезьянъ, и попугаевъ, и оленей съ барана ростомъ, и плодовъ, банановъ, ананасовъ, кокосовъ и т. п. И вотъ опять у насъ цѣлую недѣлю до самаго Сингапура появляются тропическіе плоды за дессертомъ.

„Здѣсь-то, въ этихъ жарахъ, мы познали сладость кокосовыхъ орѣховъ и постигли всю важность роли, которую они играютъ въ тропическихъ странахъ. Въ немъ заключается жиденькое, разведенное будто водой молоко, утоляющее жажду, но не очень вкусное; а мы придумали выжимать и изъ ядра молоко, какъ изъ миндаля — вышло превосходное питье, соединяющее въ себѣ свой ароматъ, немного похожій на миндаль, потомъ густоту коровьихъ сливокъ и прохладительности оржада. Я, какъ проснусь, мой Ѳаддеевъ несетъ мнѣ цѣлую бутылку такихъ сливокъ, добываемыхъ изъ одного орѣха съ небольшою примѣсью воды. Мы еще придумали ѣсть это молоко съ бананами. Мы остались въ Анжерѣ, и вечеромъ опять я вспомнилъ васъ, Евгенія Петровна, сидя на балконѣ китайской лавки, въ которой мы пили чай, лимонадъ. Что это за вечера. Этотъ же влажный, жаркій воздухъ, свѣтлое тропическое небо, которое безъ луны

блеститъ, какъ у насъ въ лунную ночь, наконецъ, разнообразнѣйшій говоръ, трескъ, вопли, чириканье птицъ и насѣкомыхъ. Вдругъ въ воздухѣ начали плавать не то звѣзды, не то огоньки — особенно красиво освѣщали они колоссальное дерево баніанъ, подъ которымъ въ Анжерѣ располагается цѣлый съѣстной рынокъ. Эти огоньки просто — свѣтящіяся мухи. Мы наловили нѣсколько и стали разсматривать, откуда это у нихъ льется свѣтъ? Откуда бы вы думали, mesdames, — изъ-подъ хвоста. Да еще какой свѣтъ: фантастически-зеленый, какъ бенгальскій огонь. Ползетъ, а изъ-подъ хвоста такъ и льются лучи этого свѣта, не смотря на свѣчи. Я перевернулъ одну, желая добраться до источника, что же: подъ самымъ хвостомъ помѣщена у нея прекрасная, яркая звѣзда. Каковы мухи? Вотъ что у нихъ подъ хвостомъ: не то, что у нашихъ. Мы четверо шли по лѣсу сзади другихъ и прозѣвали чудесную вещь: они вдругъ увидали въ мутной рѣчкѣ крокодила, пробиравшагося по каменьямъ, бросились за нимъ, но онъ скрылся въ чащу кустовъ, куда они не рѣшились слѣдовать за нимъ, боясь змѣй. Видѣли и даже убили и змѣю. — Вечеромъ малайцы сидѣли въ кучѣ на пяткахъ на улицѣ и одни готовили изъ какой-то дряни ужинъ, другіе рѣзали траву для жвачки. У всѣхъ за щекой набито этой травы: отъ этого у всѣхъ ротъ похожъ на трубку, изъ которой лѣтъ десять курили жуковскій табакъ. Мы уѣхали среди этой живой, полной призраковъ темноты и были какъ нельзя болѣе довольны прогулкой. Уѣду далеко, можетъ быть, вернусь въ Россію, но долго мнѣ не забыть Явы.

„Вообще весь Зондскій проливъ, Ява, Суматра и мелкіе острова — это будто сады зелени: не знаешь, куда смотрѣть, чѣмъ любоваться.“ [1])

Отправить курьера съ о. Явы не удалось: почтовый голландскій пароходъ отошелъ недавно, а при отсутствіи регулярныхъ рейсовъ Бутаковъ могъ бы потерять много напраснаго времени въ ожиданіи другого парохода. Поэтому адмиралъ приказалъ направить путь къ Сингапуру, пользуясь тѣмъ, что посѣщеніе этого порта вносило лишь незначительное отклоненіе отъ основного маршрута.

Когда Гончаровъ дописывалъ свое письмо (25 мая) о посѣщеніи Анжера, Сингапуръ уже виднѣлся вдали. „Сингапуръ!

---

[1]) Письмо 25—26 мая: см. выше.

Вотъ онъ мелькаетъ множествомъ огней въ темнотѣ; мы сію минуту стали на якорь. Джохоръ — какія названія, что за мѣста! Воздухъ точно въ теплицѣ, не просто жарокъ, а влажно жарокъ... Съ нетерпѣніемъ буду ждать утра, чтобы взглянуть на этотъ клочекъ Индіи, восточный базаръ и европейскій рынокъ, на которомъ толпятся до 20 азіатскихъ племенъ, кромѣ европейцевъ. Корабли всѣхъ родовъ, формъ и видовъ стоятъ на рейдѣ; городъ — смѣсь Европы, Китая, Индіи, торговля всемірная и безъ запрета, даже малайскіе пираты смѣло пріѣзжаютъ для сбыта награбленныхъ товаровъ. Какая ночь теперь, еслибъ вы видѣли... Я понимаю теперь, почему подъ такимъ небомъ родятся поэтическія грезы въ родѣ индійскихъ поэмъ, арабскихъ сказокъ, почему воображеніе здѣсь создавало только гигантскіе или страстные образы, передъ которыми такъ блѣдны наши созданія и отъ которыхъ сѣверному читателю дѣлается тяжело, какъ отъ кошмара. Только въ такомъ влажномъ, проникающемъ организмъ, раздражающемъ нервы воздухѣ и можно выдумать Сакунталу...

„Жарко, охъ жарко! Хорошо — для ананасовъ, да черепахъ... да еще для Ѳаддеева. Я изнемогаю, сижу съ поникшей головой, во рту сохнетъ, аппетита нѣтъ, а онъ войдетъ ко мнѣ въ каюту и только приговариваетъ: „Господи! какъ тепло, хорошо!“

Когда стали на якорь „напряженное вниманіе, заботливое выпытываніе мѣстности и суетливая дѣятельность людей на фрегатѣ тотчасъ же замѣнились беззаботностью отдыха.“ [1])

Чтеніемъ и разсказами моряковъ Гончаровъ настроилъ свою мысль на предвосхищенія чудеснаго. Ему вспоминались образы индійской поэзіи, волновавшіе его воображеніе, когда онъ слушалъ Шевырева или вчитывался въ романическую фантастику Индіи. Ожиданіе чего-то необыкновеннаго, какъ всегда, уносило его изъ прозаическихъ будней и будило творческій пафосъ. Въ эти часы, еще не видя красотъ индійской природы и только предвосхищая ихъ въ тишинѣ и теплотѣ млѣющей ночи, Гончаровъ испытывалъ приливъ нѣжнаго лирическаго чувства, освѣщавшаго таинственный уголокъ его пантеистическаго религіознаго переживанія. „Все кажется, что среди тишины зрѣетъ въ природѣ дума, огненные глаза сверкаютъ сверху такъ вы-

---

[1]) См. варіантъ въ печатномъ текстѣ — „Фрегатъ Паллада“, гл. VI

разительно и умно, внезапный, тихій всплескъ воды какъ будто промолвился отвѣтомъ на чей-то вопросъ; все кажется, что среди тишины и живой, теплой мглы, раздастся какой-нибудь таинственный голосъ. Чего-то ждешь, о чемъ-то думаешь, что-то чувствуешь, чего ни опредѣлить, ни высказать не можешь. Только сердце трепещетъ отъ силы необъяснимаго, страстнаго ощущенія: даже нервамъ больно! Подъ этимъ небомъ, въ этомъ воздухѣ, носятся фантастическіе призраки; подъ крыльями такихъ ночей только снятся жаркіе сны и необузданныя поэтическія грезы, о нисхожденіи Брамы на землю, о жаркой любви боговъ къ смертнымъ — всѣ эти страстные образы, въ которыхъ воплотилось чудовищное плодородіе здѣшней природы.“ [1])

Наступило утро. Едва Гончаровъ проснулся, какъ передъ нимъ замелькали самые разнообразные типы: индусы, малайцы, китайцы . . . „Какое оживленное утро! Мы кругомъ въ островахъ, въ зелени; около насъ цѣлая флотилія индійскихъ и китайскихъ лодокъ, крикъ, шумъ на всѣхъ языкахъ. Ко мнѣ въ дверь (моя каюта на верху, подлѣ капитанской) ломятся толпой индійцы, портные, прачки, маклера, всѣ суютъ рекомендаціи отъ разныхъ судовъ. Вотъ и Иванъ Ивановичъ (Бутаковъ) стучится въ дверь.

— Чего, молъ, вамъ?

— Да вотъ, говоритъ, — попробуйте фруктъ мангустанъ . . .

„И далъ какое-то яблочко; въ немъ кисло-сладкое бѣловатое ядро, окруженное краснымъ мясомъ — ѣдятъ бѣлое ядро, отлично. Пишу, а самаго такъ и тянетъ туда, на палубу: индійцы горланятъ, продаютъ раковины, фрукты, вижу — матросы охапками носятъ ананасы — и какіе съ дыню, не только желтоватые, но красные, по полуторы копѣйки серебромъ штука, дюжина — шиллингъ, сотня — полтора цѣлковыхъ.

„Мнѣ Гошкевичъ мимоходомъ бросилъ четыре ананаса въ каюту и они заняли цѣлую полку, вотъ рѣжу одинъ — сокъ течетъ. Позвольте попотчивать васъ . . . недостанетъ? — эй, Ѳаддеевъ, принеси дюжину! . . . Вонъ, всѣ матросы вооружены ножемъ и ананасомъ. А жарко, жарче вчерашняго. Нельзя повѣрить, сколько градусовъ, термометръ сейчасъ лопнулъ — отъ пушечныхъ выстрѣловъ, которыми, по обыкновенію, салютовали здѣшнему флагу . . . Но у насъ случилось несчастье: одному, заряжавшему пушку, матросу оторвало обѣ руки совсѣмъ —

[1]) „Фрегатъ Паллада“, т. I, стр. 320—21.

дѣлаютъ операцію, слышенъ стонъ... Эпизодъ нехорошъ, но что дѣлать?... Этотъ трагическій случай какъ то дополняетъ оживленную картину утра и этой новой для насъ суматохи. — Сколько хочется покупать всякой всячины, но, къ сожалѣнію, некуда дѣть. Возьму, что можно: бѣда, если придется перемѣщаться на другое мѣсто."[1])

Въ Сингапурѣ фрегатъ простоялъ до 1-го іюня. Гончаровъ провелъ эти дни на островѣ, возвращаясь для ночлега на фрегатъ. Онъ съ большимъ любопытствомъ осматривалъ городъ, жадно вглядывался въ разноплеменную толпу, жалѣя, что въ ней слишкомъ мало женщинъ, посѣщалъ кумирни и храмы. Своеобразная красота буддійскаго искусства не далась ему — изображенія Будды, какъ и самые храмы, вызывали съ его стороны поверхностныя, слегка пренебрежительныя замѣчанія. Зато страстная царственная природа подавляла и даже утомляла его своей роскошью и разнообразіемъ своихъ формъ. Возвращаясь на фрегатъ, усталый, словно обожженный палящими впечатлѣніями дня, онъ испытывалъ такую же „боль въ нервахъ", какая томила его наканунѣ перваго въѣзда въ Сингапуръ, — являлось неопредѣленное тоскующее безпокойство „отъ остроты наркотическихъ испареній," отъ теплой мглы, отъ тѣснившихся въ воображеніи призраковъ, отъ смутныхъ думъ. „Нѣтъ, — казалось ему, — не вынесешь долго этой жизни среди розъ, ядовъ баядерокъ, пальмъ, подъ отвѣсными стрѣлами, которыя злобно мечетъ солнечный шаръ."[2])

Сингапуръ пришелся не по душѣ Гончарову еще и по другой причинѣ: въ немъ не было и тѣни той патріархальной насиженности быта, которая такъ ему нравилась въ голландскихъ поселеніяхъ Капской Колоніи. На этомъ городѣ лежала печать случайности и необходимости, „вынужденной обстоятельствами". „Встрѣчаешь европейца и видишь, что онъ пріѣхалъ сюда на самое короткое время, для крайней надобности; даже у того, кто живетъ тутъ лѣтъ 10, написано на лицѣ: ‚только крайность заставляетъ меня томиться здѣсь, а то вотъ при первой возможности уѣду.'"[3]) Тамъ, на „фламандскихъ картинахъ", Гончарова плѣняло сочетаніе комфорта съ покоемъ; здѣсь его раздражала роскошь во всемъ — въ природѣ, въ искусствѣ, въ быту, въ са-

---

[1]) Здѣсь, какъ и выше, цитируемъ то же письмо 25—26 мая. — [2]) „Фрегатъ Паллада", гл. VI, стр. 327. — [3]) „Фрегатъ Паллада", т. I, стр. 337.

момъ опьяняющемъ сердце воздухѣ. Роскошь возмущала его — не случайно здѣсь провелъ онъ свою классическую параллель между роскошью и комфортомъ. Въ пышности и постоянствѣ красокъ, въ блескѣ тропической красоты не было для Гончарова еще той одухотворенности высшаго жизненнаго смысла, которая наполняла для него трепетомъ жизни гармонію комфорта и покоя. „И круглый годъ такъ, круглый годъ — подумайте тѣ же картины, то же небо, вода, жаръ! Какъ ни пріятно любоваться на страстную улыбку красавицы, съ влажными глазами, съ полуоткрытымъ, жарко — дышащимъ ртомъ, съ волнующейся грудью; но видѣть передъ собой только это лицо, никогда не видѣть на немъ ни заботы, ни мысли, ни стыдливаго румянца, ни печали — устанешь и любоваться.“ [1])

Но „боль въ нервахъ“, разбуженная страстностью южной природы, имѣла свою хорошую сторону для Ивана Александровича: она вызывала повышенное творческое раздраженіе, рождала въ душѣ его образы исключительной красоты и поэзіи. Память, воображеніе, изумительная находчивость въ мысли и словѣ — все обострялось здѣсь подъ этими „язвительными“ лучами тропическаго солнца, и придавало описаніямъ своего рода роскошь изобразительности, доступной только краскамъ палитры. Образцомъ подобной изобразительности явилось его описаніе сада и виллы богатаго сингапурскаго негоціанта-китайца. Все было прекрасно и утонченно-изящно на этой виллѣ, по описанію Гончарова, не хватало лишь одного: женщины, которая увѣнчала бы прелесть китайской виллы. И, вѣрный себѣ, Гончаровъ искалъ разлитую въ воздухѣ женственность, угадывалъ ее въ случайныхъ признакахъ, старался воображеніемъ дополнить картину быта счастливца, сумѣвшаго сочетать европейскій комфортъ и восточную роскошь. И когда онъ покидалъ этотъ дивный пріютъ роскоши нѣгъ и взглянулъ на „пламенный закатъ“, зажегшій цѣлый пожаръ на горизонтѣ, въ душу его запросилось другое далекое воспоминаніе. „Я вспомнилъ косвенные блѣдные лучи, потухающіе на березахъ и соснахъ, остывшія, съ послѣднимъ лучемъ, нивы, влажный паръ засыпающихъ полей, блѣдный слѣдъ заката на небѣ, борьбу дремоты съ дрожью въ сумерки и мертвый сонъ къ ночи усталаго человѣка — и мнѣ вдругъ захотѣлось туда, въ ту милую страну, гдѣ... похолоднѣе.“ [2])

---

[1]) Ibid., стр. 339. — [2]) Ibid., т. I, стр. 358.

Привѣтъ родинѣ Иванъ Александровичъ посылалъ въ письмахъ къ друзьямъ съ Бутаковымъ. Онъ просилъ Бутакова побывать у Языковой или Майковыхъ и лично передать его письма и поклоны.

Прощаясь съ Сингапуромъ, Гончаровъ выражалъ удовольствіе, что видѣлъ этотъ оригинальный городъ, но онъ оставлялъ его безъ сожалѣнія.

Дальнѣйшій путь лежалъ на Гон-Конгъ, куда фрегатъ прибылъ 12-го іюня, тамъ предполагалась встрѣча со шкуной „Востокъ".[1])

VII.

Напряженная и грустная дума о родинѣ всѣ эти дни не оставляла Гончарова. Отчасти онъ дѣлилъ общее настроеніе моряковъ. Ослабѣвшему, потрепанному бурями фрегату предстояло выдержать столько превратностей морской судьбы, что у самыхъ испытанныхъ моряковъ могло возникать сомнѣніе въ благополучномъ исходѣ плаванія. Особенно предстоявшій переходъ въ виду ожидавшихся ураганныхъ вѣтровъ и тайфуновъ не сулилъ ничего успокоительнаго. По словамъ офиціальнаго донесенія, — „плаваніе по бурнымъ Китайскому и Японскому морямъ... должно было способствовать окончательному разслабленію судна" ...[2]) Гончаровъ имѣлъ основанія задумываться о томъ, увидитъ ли онъ свою „блѣдную" родину, посылая привѣты друзьямъ, проникнутые разочарованіемъ и грустью. „Напишу развѣ еще изъ Гон-Конга — писалъ онъ того же 25 мая — а потомъ уйдемъ въ такія мѣста, гдѣ и почты нѣтъ. Странное дѣло: меня никогда не интересовало слишкомъ тридесятое царство, куда мы стремимся: оно не дико, но и не цивилизовано, и я мало занимался имъ, а теперь лишь подумавъ, что придется видѣть его, такъ сердце замираетъ."

Въ Гон-Конгѣ, подъ вліяніемъ морскихъ тревогъ, нездоровья и утомленія, Гончаровъ испыталъ сильный приступъ тоски по родинѣ. Ему представилось, что его душа уже не выноситъ новыхъ впечатлѣній, что его жажда *видѣть* (именно видѣть, а не знать) далекія моря и страны уже удовлетворена. Ему страстно захотѣлось домой, къ друзьямъ, къ тому семейному камельку, у котораго онъ грѣлся половину своей жизни.[3]) Между тѣмъ,

---

[1]) „Морской сборникъ", 1856; см. выше. — [2]) Ibid. — [3]) Семейство Майковыхъ.

предстояло еще долгое, долгое плаваніе, которое уже не манило его и только наполняло душу печалью неизвѣстности. Въ этихъ настроеніяхъ писалъ онъ Ю. Д. Ефремовой[1]) 20-го іюня изъ Гон-Конга, гдѣ, наряду съ любопытнѣйшими личными признаніями, онъ не могъ скрыть и прощальныхъ нотокъ — ему какъ будто не вѣрилось въ свое возвращеніе. „Здравствуйте, вѣчно юный и прекрасный другъ мой Юнія Дмитріевна! — писалъ онъ ей, — Я простился письмомъ изъ Сингапура съ Майковыми и Языковыми передъ отъѣздомъ въ дальнія и невѣдомыя страны: не могу уѣхать, не простясь и съ вами надолго, а кто знаетъ, можетъ быть и навсегда. Но полно вдаваться въ чувствительность, скажите лучше, вспоминаете ли вы иногда обо мнѣ, видите ли мысленно меня, то бросаемаго качкой изъ угла въ уголъ каюты, то изнемогающаго отъ лучей здѣшняго язвительнаго солнца или гуляющаго среди пальмъ и потомъ лѣниво отдыхающаго на мраморной верандѣ Гон-Конгскаго клуба, или Сингапурской отели, гдѣ по вечерамъ надъ головами бѣгаютъ ящерицы, а около балкона и по балкону летаютъ мыши и проч. т. п. дрянь? Можетъ ли ваше сѣверное воображеніе представить себѣ всѣ эти картины, сцены китайскія, индійскія и малайскія, которыя я вижу не во снѣ и не воображеніемъ? Что касается до меня, я часто слѣжу за вами, невидимо являюсь среди васъ, то съ апатіей, то съ какой-нибудь рѣзкой, трескучей шуткой, или просто раздражительной бранью, со всѣмъ тѣмъ, что такъ великодушно сносили и прощали мнѣ вы всѣ, мои друзья, въ уваженіе Богъ знаетъ какихъ заслугъ. Я теперь въ странномъ моральномъ состояніи, не знаю, что пожелать; продолжать путешествовать — но порывъ мой, старая мечта — удовлетворилась; любознательности у меня нѣтъ, я никогда не хотѣлъ — *знать*, я хотѣлъ только *видѣть* и повѣрить картины своего воображенія, кое-что стереть, кое-что прибавить; желать вернуться — зачѣмъ? опять къ прежнему, и дай Богъ если еще къ прежнему, а если того не найдешь, это прошло, исчезло, то измѣнилось. Такъ и не знаешь, что съ собой дѣлать. Въ ожиданіи чего-нибудь лучшаго, пока пью декокъ и плачу дань климату — лихорадкой.

„Черезъ три дня мы уходимъ отсюда, но изъ тропиковъ долго еще не выберемся. Можетъ быть въ августѣ придемъ и къ цѣли

---

[1]) Родственница Е. П. Майковой, большая пріятельница и почитательница Гончарова.

своего путешествія. Но все это еще не ведетъ къ обратному пути: ранѣе двухъ лѣтъ не видать Россіи тѣмъ изъ насъ, кому суждено ее видѣть.

„Я пока шляюсь все по китайскому городу да наблюдаю китайцевъ, чтобъ было что поразсказать о нихъ, если вернусь. Между прочимъ покупаю разныхъ бездѣлушекъ, то вѣеръ, то рѣзной портфель для визитныхъ карточекъ и т. п. дряни. Есть хорошенькіе ящики для чаю и рукодѣлія, но крупныхъ вещей не подобрать, некуда брать, особенно еще таскать съ собой два года.“ [1])

Въ городѣ (Викторія) Иванъ Александровичъ былъ непріятно пораженъ отсутствіемъ зелени. Кварталы, гдѣ ютилась живописная китайская толпа, по обыкновенію, привлекли къ себѣ бо́льшее вниманіе съ его стороны, чѣмъ роскошные дворцы мѣстныхъ промышленныхъ владыкъ — англичанъ. Тѣмъ не менѣе, онъ побывалъ и въ мѣстномъ клубѣ, случайно забрелъ на казарменный дворъ и былъ приглашенъ англійскими офицерами освѣжиться стаканомъ вина... Но иныхъ, болѣе сильныхъ впечатлѣній Гончаровъ здѣсь не испыталъ, по крайней мѣрѣ не занесъ въ свои путевыя замѣтки,[2]) — потому, быть можетъ, что ощущеніе нездоровья, жара и тоска по родинѣ дѣлали его малочувствительнымъ къ воспріятію новизны.

За нѣсколько дней до отплытія изъ Гон-Конга Гончаровъ бесѣдовалъ съ мѣстными негоціантами о томъ, что могло ожидать „Палладу“ впереди. Погода мѣнялась къ худшему и не обѣщала спокойнаго плаванія. Ждали ураганов, которыхъ не было уже четыре года. Изъ разговора Иванъ Александровичъ вынесъ невеселое понятіе о здѣшнихъ ураганахъ: „это такой вѣтеръ, который большія военныя суда, купеческіе корабли, пароходы, джонки, лодки и все, что попадается на морѣ, иногда и самое море, кидаетъ на берегъ, а крыши, стѣны домовъ, деревья, людей и все, что попадается на берегу, иногда и самый берегъ, кидаетъ въ море...

---

[1]) „Временникъ Пушкинскаго Дома“, Спб. 1916. — [2]) Въ печатныхъ текстахъ „Фрегатъ Паллада“ описаніе Гон-Конга (гл. VII.) отнесено къ 8 іюня. Это невѣрно: какъ видно изъ всеподданѣйшаго отчета („Морской Сборникъ“), фрегатъ прибылъ въ Гон-Конгъ 12 іюня. Сверхъ того, Г-въ писалъ это письмо „въ морѣ“ и не зналъ, когда ему придется отправить его („Фрегатъ Паллада“, стр. 360). Дату можно опредѣлить еще точнѣе. Г-въ писалъ это письмо „послѣ бури“, разразившейся, согласно тому же всеподданѣйшему отчету, въ ночь съ 8 на 9 іюля. Буря „мѣшала писать“ (стр. 371); стало быть, письмо писалось въ іюлѣ.

— Стало быть, всего лучше уходить въ море?...

— Богъ знаетъ, гдѣ лучше!... Послѣдній разъ, во время урагана, потонуло до восьмидесяти судовъ въ морѣ, а на берегу опрокинуло цѣлый домъ и задавило пять человѣкъ; въ гонконгской гавани погибло безъ счета лодокъ, и съ ними до ста человѣкъ.“ [1])

Съ такимъ утѣшительнымъ напутствіемъ отплывалъ Гончаровъ 26 іюня изъ Гон-Конга. Но то, что ему предстояло испытать лично, превзошло всякія описанія и разсказы. По лаконическому и сухому тексту донесенія, „въ ночь съ 8-го на 9-е іюля вѣтеръ скрѣпчалъ до того, что надо было взять всѣ рифы у марселей и закрѣпить крюйсель. На другой день вѣтеръ превратился въ жестокій штормъ, который должно отнести къ числу свирѣпствующихъ иногда въ лѣтнее время въ здѣшнихъ мѣстахъ тифоновъ, или вращающихся штурмовъ“ [2])... Вечеромъ 9-го іюля барометръ пересталъ понижаться, а вѣтеръ достигъ крайней степени силы, и вырвалъ фокъ, гротъ и форъ-марсель.

„При этомъ случаѣ, — говорилось далѣе въ донесеніи, — подтвердилось донесеніе мое о неблагонадежности фрегата для дальнѣйшаго продолжительнаго плаванія. Въ верхней части судна обнаружилась сильная течь, такъ что двѣ помпы постоянно качали воду; сверхъ того, мы были въ опасности потерять гротъ-мачту, по причинѣ ослабѣвшихъ отъ жестокой качки вантъ, въ помощь которымъ, однако же, успѣли заложить сей-тали, а потомъ, когда буря стихла, перетянуть наскоро и самыя ванты.“ [3])

Эти сухія, не знающія оттѣнковъ строки не могли бы дать никакой наглядности представленію о томъ, что разразилось надъ фрегатомъ и метало его, какъ песчинку, въ теченіе 30-ти часового шторма. Для этого надо было неофиціальное, но другое, не стѣсненное никакими формами перо Гончарова.

„Конечно, всякому изъ васъ, друзья мои, — писалъ онъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитыхъ испытаній, — случалось, сидя въ осенній вечеръ дома, подъ надежной кровлей, за чайнымъ столомъ, или у камина, слышать, какъ вдругъ пронзительный вѣтеръ рванется въ двойныя рамы, стукнетъ ставнемъ и иногда сорветъ его съ петель, завоетъ, какъ звѣрь, пронзительно и зловѣще въ трубу, потрясая вьюшками; какъ кто-нибудь

[1]) „Фрегатъ Паллада“, стр. 373. — [2]) „Морской Сборникъ“, 1856. — [3]) Ibid.

вздрогнетъ, поблѣднѣетъ, обмѣняется съ другими безмолвнымъ взглядомъ, или скажетъ: „что теперь дѣлается въ полѣ? Боже сохрани, застанетъ непогода!“

„Представьте себѣ этотъ вой вѣтра, только въ десять, въ двадцать разъ сильнѣе, и не въ полѣ, а въ морѣ — и вы получите слабое понятіе о томъ, что мы испытывали въ ночь съ 8-го на 9-е и все 9-е число іюля, выходя изъ Китайскаго моря въ Тихій океанъ.“ [1])

Съ присущей ему выразительностью и мѣткостью изобразилъ Гончаровъ въ своемъ описаніи важнѣйшіе моменты шторма — и водяные облака, обливавшія корабль, и ревъ вѣтра, который „срывалъ вершины волнъ и сѣялъ ихъ по океану, какъ сквозь сито,“ [2]) и отчаянныя усилія фрегата не подчиниться нападенію „разъяренныхъ дикихъ звѣрей“. Самый страшный моментъ наступилъ, когда явилась опасность потерять гротъ-мачту, зашатавшуюся на ослабѣвшихъ вантахъ. „Представьте себѣ, что какая-нибудь башня, у подножія которой вы живете, грозитъ рухнуть; положимъ даже, вы знаете въ которую сторону она упадетъ, вы, конечно, уйдете за версту; а здѣсь, на кораблѣ... Ожиданіе было томительное, чувство тоски невыразимое“ ...[3]) Паденіе гротъ-мачты грозило гибелью судну. На лицахъ у командировъ появилась „особенная заботливость“, но то не было чувство страха: они знали, что только ихъ энергія, опытность и присутствіе духа помогутъ спасти судно отъ гибели.[4]) И всѣ эти качества въ большой мѣрѣ оказались на лицо — старая „Паллада“ еще разъ была спасена. Спустившись южнѣе, фрегатъ вышелъ изъ полосы урагановъ и попалъ въ другую томительную полосу — штилей и, наконецъ, 25 іюля, бросилъ якорь на рейдѣ группы островов Бонинъ-Сима.[5]) Гончаровъ вынесъ изъ схватки съ ураганомъ помимо общей слабости отъ прежняго нездоровья, жестокую боль въ ногѣ. Тѣмъ не менѣе онъ съѣхалъ на берегъ и нѣсколько отдохнулъ, отоспался на „единственной кушеткѣ острова“, предоставленной гостепріимнымъ поселенцемъ въ его распоряженіе. Здѣсь, какъ бы въ награду

---

[1]) „Фрегатъ Паллада“, т. I., стр. 372. — [2]) Ibid., 376. — [3]) Ibid., стр. 378. — [4]) См. также описаніе этого шторма въ воспоминаніяхъ К. Л. Болтина — „Штормъ въ восточномъ океанѣ, выдержанный фр. Палладой“ — въ „Морскомъ Сборникѣ“, 1855, т. XVIII, а также въ томъ же сборникѣ — „замѣтки о штормѣ фр. Паллада“, 1856, кн. 2. — [5]) Также въ письмѣ Г-ва къ А. С. Норову 20 сентября 1853 — „Русскій архивъ“, 1899, кн. 1. Въ печатномъ текстѣ помѣчено невѣрно — „съ 26 іюня по 4 августа 1853 года.“

за всѣ страданія, судьба послала ему большую радость: онъ получилъ письма отъ друзей — цѣлыхъ двѣнадцать писемъ! — привезенныхъ русскими курьерами лейтенантомъ Кроуномъ и коллежскимъ секретаремъ Бодиско. Здѣсь „Паллада" встрѣтилась со шкуной „Востокъ" и двумя другими судами.

4-го августа русскіе суда отплыли отъ острововъ Бонинъ-Сима, направляясь на сѣверъ, въ Японію. Гончаровъ увозилъ съ Бонинъ-Сима маленькую очаровательную картинку пустыннаго, гористаго островка съ пышной растительностью, живописной панорамой моря. Онъ грустно прощался съ кусочкомъ твердой земли, на которомъ онъ не успѣлъ отдохнуть, какъ слѣдуетъ.

„Тихій вѣтеръ, ходу шесть узловъ. Жарко въ природѣ, холодно въ душѣ; кругомъ все море да море" . . .[1])

Переходъ до Японіи показался Гончарову не путешествіемъ, но прогулкой. „Небо и море спорятъ другъ съ другомъ, кто лучше, кто тише, кто синѣе, словомъ, кто болѣе понравится путешественнику." [2])

9-го августа завидѣли первые острова сказочнаго царства, а 10-го стали на рейдъ въ Нагасакахъ.

Цѣль десятимѣсячнаго путешествія достигалась. „Вотъ этотъ запертый ларецъ съ потеряннымъ ключемъ, страна, въ которую заглядывали до сихъ поръ съ тщетными усиліями склонить и золотомъ, и оружіемъ, и хитрой политикой на знакомство. Вотъ многочисленная кучка человѣческаго семейства, которая ловко убѣгаетъ отъ ферулы цивилизаціи, осмѣливаясь жить своимъ умомъ, своими уставами, которая упрямо отвергаетъ дружбу, религію и торговлю чужеземцевъ, смѣется надъ нашими попытками просвѣтить ее и внутренніе, произвольные законы своего муравейника противоставить и естественному, и народному и всякимъ европейскимъ правамъ, и всякой неправдѣ".[3])

(Окончаніе слѣдуеть).

Евг. Ляцкій.

---

[1]) „Фрегатъ Паллада", т. I, стр. 392. — [2]) „Фрегатъ Паллада", т. II, стр. 1. — [3]) „Фрегатъ Паллада", т. II, стр. 2.

Masaryk a česká literatura.

II.

Masaryk jako kritik slovesného umění.[1])

Probírejte se kterýmkoli spisem Masarykovým, obsahu filosofického, sociologického i politického, a jistě v něm najdete plno jmen básníků a romanopisců, domácích i cizích. Jako posluchači jsme bývali překvapeni, kterak Masaryk ve svých výkladech psychologických často při svém vědeckém rozboru vycházel z děl básnických, zejména užíval povah z románů — to bývalo u nás tehdy úplně nové. Ve svých spisech se dovolával názorů umělců a literátů, čerpal ze živého fondu děl básnických. Proti zaujatosti Bucklově proti beletrii namítá: Či nejsou v »literatuře« myslitelé? (Theorie dějin dle T. H. Buckle, 53.).

Plyne to z Masarykova nazírání na umění, jmenovitě na umění slovesné. On došel vlastními úvahami poznání, kterého nabyli také jiní filosofové před ním, že básník a filosof jsou si velmi blízcí: mají týž předmět poznání — celý svět, »oba odpověděti chtějí k týmž záhadám světovým, díla jejich velikou mají podobnost co do obsahu; ale básník liší se typičností svých ideí a formou slovesnou.« Uvádí mínění, »že metafysikové obrazotvornější jako poetové, vždyť prý filosofie není než románem myslitelův.« (O studiu děl básnických, str. 23.). Rozbory věnuje hlavně básníkům myslitelům. Masarykův vztah k umění, zejména k poesii, byl vždy živý, jeho pojímání úkolu básníkova přímo vznešené.

Všestranněji a vzletně je rozdíl mezi filosofem a vědcem na jedné a mezi umělcem, hlavně romanopiscem, na druhé straně vystižen v rozpravě o »Zolově naturalismu« (N. Doba III, 1896, 138.): »Vědec vykládá svět, umělec jej v sobě vždy znova stvořuje. Tam vědec — tu tvůrce. Vědec je objektivnější, staví se proti světu — umělec je subjektivnější, nestaví se proti světu, ale svět pojímá v sebe, podává nám svět svůj a nový. Vědec je moudrý — umělec silný.

---

[1]) O »Masarykovi jako literárním kritikovi« psal stručně ve sborníku Masarykově, 1910, str. 158 n. dr. Jos. Laichter. Rozbírám tu činnost Masarykovu víc literárně-historicky.

Věda poučuje — umění povznáší. Vědec ti co nejjasněji povídá, co poznává, s umělcem musíš cítit, musíš vycítit, čeho je pln, neboť zobrazuje, co říci se nedá, — svět, život nedá se slovy dostatečně vyložit, jen žít a tudíž znova stvořit.

Věda poskytuje jistotu, uměním zříš, protože žiješ. A tak za pravdou spěje věda, spěje i umění, je pravda jen jedna, ale jinak ji poznáváš vědou, jinak ji zříš uměním. Pravda, pravda nejpravdivější, pravda doopravdy — oběma společné je heslo.«

Proto tvůrčího ducha uměleckého — »rozumí se genia, ne pouhého umělce« — Masaryk chápe jako bytost »Bohem nám danou« (O studiu děl básn., str. 9.), jako »pravého vychovatele člověčenstva« (10.); ale jeho umění »není nic s nebe spadlého« (18.). Ke všem tvůrčím duchům si však náš estetik vede kriticky. Jaké slabosti vytýká na př. i Schillerovi, Goethovi a celé řadě básníků slavených! A ovšem své úsudky odůvodňuje. Jako od vědeckého pracovníka — a vlastně každého člověka — Masaryk žádá i od umělce ukázněné veliké práce. »Přejeme si, aby nám naši básníci věštili budoucnost, — to ovšem dovedou jen ti, kdo duchem i srdcem poznávají, čím jsme byli« (Čas I, 59.).

České beletristy Masaryk studoval hned od začátku své činnosti spisovatelské velmi bedlivě. On, příchozí z německého prostředí, učil se u dobrých beletristů české řeči a kvitoval jim za to svou vděčnost veřejně: »Ono se to snadno brousí, ale představme si situaci lidí, kteří vychováni byvše ve školách cizích, pořád a pořád žijí v literaturách cizích! Ne každý chuť má čísti ve starých pramenech a studovati opět a opět některé spisy historické a literární; proto belletrie naše veliký má úkol a právě vědecké obecenstvo vděčně váží sobě plodů našich básníkův.« (Athen. II, 273.)

Chtěl míti ovšem beletrii co nejdokonalejší. Za nejvhodější prostředek k tomu uznával dobrou kritiku. »Neboť belletrie má pro národ neméně výchovní úkol než věda; věda a umění se navzájem doplňují, jedna druhé povzněcuje, budí, sílí a povznáší. I smutno je vyznati, že v belletrii naší veliká panuje anarchie a že zaplaveni jsme nevyzrálými plody poetů málo myslících a málo vědoucích. Bohdá, že ten les již roste, z něhož ta kýžená košťata kritická se nadělají, — mnoho jich bude potřeba.« (1., 274.)

A když za tehdejšího idylismu naší literární kritiky ta kritická košťata nedělali jiní, pustil se do nich Masaryk sám. Měl při tom na mysli jako vzor kritiku ruskou, která se snažila vystihnouti podstatu moderní tvorby, řešiti literární záhady. (»O realismu u nás« v Čase II,

1888, str. 6.). Svou kritiku beletrie auktor vydával jen za pokus; »vynasnažíme se, aby se nám podařil.« (ND I, str. 3.)

*

Masaryk psal velmi pilně o spisech beletristických zejména do prvních ročníků »Času«; tu i tam podával také divadelní referáty. Jeho kritiky a referáty vycházely pseudonymně (Pisarevský), šifrované (zejména se šifrou *F*) i beze jména.[1]) »Čas« v prvních ročnících zachovával usnesenou anonymitu přispěvatelů.

S jakých hledisek posuzuje Masaryk slovesná díla umělecká? Jako umění vůbec.

Metodicky je mu kritika nezbytnou prací analytickou, analysí má se sloužit synthesi, rozbíráním toho, co máme před sebou, k postřehnutí celku (ND I, 2.).

Ve spisku »O studiu děl básnických« (str. 7.) připomíná, že nehledí při svých rozborech historické stránky uměleckého díla; dále pak »n e o f o r m ě, ale více o obsahu díla uměleckého budeme rozumovati.« Toto pojetí zdálo se mi nejen jednostranné, nýbrž i v teoretickém spisku estetikově také nedůsledné. Liší-li se dílo poetické od vědeckého podle rozpoznání Masarykova »svou konkretnou názorností a krásnou formou, jiného podstatného rozdílu není« (str. 22.), není přece správné k jedné ze dvou podstatných stránek umění vůbec nehleděti ani v empirické estetice. Zanedbávání formy umělecké jsem si u Masaryka vykládal odporem k herbartskému učení, jemuž při umění byla forma vlastním základem jeho, vším. U nás před Masarykem Herbartovy teorie o umění byly přijímány jako jedině správné východisko. Proto jsem tuto stránku sledoval bedlivě u našeho spisovatele při jeho kritikách uměleckých děl slovesných. Jak řeší tedy Masaryk tuto otázku, pro umění jistě ne nepodstatnou, v konkretních případech?

Mluvívá o formě umělecké ve svých rozborech častěji. Opakuje svůj názor, jak se o formě vyslovil ve spisku »O studiu děl bás-

---

[1]) Pseudonymu F. O. Pisarevský Masaryk užil v obšírné kritice Vrchlického »Exulantů« (v »Čase« I, 1887, č. 2. a n.). Redaktor Herben před Masarykův rozbor napsal delší obsah. Mám o tom sdělení od p. dra Herbena, jemuž zde srdečně děkuji, že mi potvrzoval při kritikách autorství Masarykovo. Duch i sloh Masarykův se ostatně z těchto kritik hlásí zjevně. O svém auktorství kritiky »Exulantů« i spolupracovnictví Herbenově při ní Masaryk mluví sám v N. Době II, 315. — Jsem si vědom, že nevyčerpávám látku, kterou jsem si obral ke svému rozboru, úplně, ač jsem se o to snažil. Pocítil jsem zvláště při tomto druhém oddíle, jak naléhavě potřebujeme souborného vydání všech prací Masarykových. Mnoho drobnějších článků, vyšlých beze jména auktorova a přece pro jeho názory a snahy tak důležitých, bude podstatným doplňkem Masarykových spisů obšírnějších.

nických« ještě jindy. Na př. v posudku překladů Jar. Vrchlického (v ND II, 560): »Co se formy týká, rozumí se samo sebou, že je podstatnou součástí celku. Avšak není v každé básni a u každého básníka stejně důležitá a podle toho se překladatel musí chovat... A především si dovolím upozornit, že forma nespočívá přec pouze v určitém počtu slabik ve verši, veršů ve sloce, ve vnější formě vůbec. I tato forma je význačná, zejména pro některé básníky, kteří si v ní libují, a musí tudíž být zachována; avšak ve většině případů běží mnohem více o výraznost, obraznost slov a obratů.« A ještě zevrubněji rozbírá otázku formy u téhož básníka později (str. 666 n.): »Míní se (formou) rozmanitost a bohatost slok? Dovednost a snadnost rýmování? Je sloh bohatý, vytříbený, jemný? Má básník velikou zásobu slov? Slov případných, význačných, malujících? Je v řeči hudbový rhythmus? Jsou věty a myšlenkové celky krásně stavěny?

Bylo by na čase, aby se k těmto a snad ještě k jiným otázkám a to netoliko vzhledem na p. Vrchlického, nýbrž i na jiné básníky přesněji odpovědělo.« Vysvětlíme si, že se kritik podrobněji rozhovořil o formální stránce básnictví právě u Vrchlického; ukazovalоť se u něho na mistrnou formu jako velikou přednost jeho umění. Avšak u téhož básníka správně připomíná kritik, že »formy skutečně krásné bez krásného a velikého obsahu není.« (ND II, 564.) »Při Dostojevském jako při jiných velikých básnících a vlastně při všech velikých duších máš tak ohromující dojem, že formy, ve které se obsah ten zjevuje, méně dbáš. Dbáš při Don Quixotu, Hamletu, Faustu, Dziadech, Bratřích Karamazových na formu, jen na formu? Snad — ale musíš na ni býti upozorněn opět zase takovým Shakespearem nebo Dostojevským tím velikým způsobem«. (Čas VI, 1892, str. 19.) A jinde: ...»Ale i s tou formou umění je výrazem a výronem života.« To je objektivní objasnění této otázky.

Rozumí se, že spisovatelská individualita tak silná a originální, jako je Masaryk, nedá si vnutit běžné pojetí o umění, nýbrž přinese o něm názor svůj. Také toto své pojetí Masaryk objasnil nejednou. Uvedl jsem již místo ze spisku, jehož se častěji dovolávám, že mu jde o obsah díla uměleckého. Jindy připomíná důrazně: »Mne však v prvé řadě zajímají básníkovy myšlenky a názory« (ND II, 666.). »Literární a aesthetická stránka »Fausta« je mně podřízená a upřímně řečeno málo zajímavá« (ND V, 387).

Masarykovo pojetí umění vyplývá z jeho jednotného názoru na člověka a na svět. »Pravým cílem všelikého poznávání i vědeckého

i uměleckého je člověk« (O stud. děl. básn., 7.) právě tak, jako je tvůrcem jeho člověk. Hledá tedy náš auktor v díle uměleckém duši lidskou. Dílo umělecké je mu výronem zvláštního názoru o světě. A estetik nebo kritik hledá v díle uměleckém, jaký ten umělec je člověk co do síly duševní a po stránce mravní, jak řeší životní a světové záhady. Kritik k tomu dospívá hlavně psychologickou analysí, řídčeji kritikou se stránky sociologické. To je základní myšlenka spisku »O studiu děl básnických« a v tom je také smysl usilovné a neohrožené práce Masarykovy v oboru literární kritiky.

Pudilo jej k tomu dále ještě úsilí mravní a vlastenecké — ovšem tomu vlastenectví musíme rozuměti ve smyslu Masarykově. Pochopil hned, jak se zabral do našeho života osvětného, že se v kritice české jeví snahy zastaralé, často i reakční, jak bují kult osob, věc nemravná a národnímu vývoji nebezpečná. Proto již r. 1884 volal po celém lese, z něhož by se mohla robit kritická košťata.

S tohoto mravního a národního hlediska porozumíme také, proč Masaryk zamítá pojímání umění jen se stránky formální, proč proti němu vystupuje. Mohu o tom uvésti vlastní slova kritikova: »U nás pro samou »formu« zapomíná se na obsah. Jsme i zde důslednými fangličkáři« (v Naší Době II, str. 1132, v kritice Macharovy sbírky »Zde by měly kvést růže«; kritika je anonymní, ale bezpečně Masarykova). Rozvažme si tento výrok: utkvíváme i při posuzování umění — jako ve všem, zejména v projevech veřejného života — na povrchu, kocháme se v tom zevnějšku, pro samý zevnějšek nedovedeme proniknouti v jádro, do hlubších stavů a záhad duše lidské, nechápeme podstaty člověka, jako nerozumíme poslání svého národa. Porozumíme z toho zajisté, proč Masaryk pokládal za svou povinnost, odvracet mysli od jednostranného formálního pojímání umění slovesného, proč odmítá též nedůstojné mínění, že umění má bavit, že je napodobením přírody a p. I názor, že umění má blažit, Masaryk značně obmezuje (ND II, 565.).

A ještě na něco upozorňuji v této všeobecnější úvaze o poměru Masarykově k umění.

Není třeba zvláště zdůrazňovat, že náš kritik zamítá l'art pour l'artism. Nazývá jej »bezsmyslnou theorií« (ND II, 394.).

Pochopíme, že duch veliké koncepce, jako je Masaryk, směřuje i při uměleckém díle k celku, že se neutápí v detailech, ač budu mít příležitost ukázati dále, že má smysl i pro detail, pokud je charakteristický pro celek. Škola a také myslím formální estetika nás navykala ponořovat se v jednotlivé drobné myšlenky, vtipné

a vzletné obraty, básnické obrazy a tím jsme ztráceli smysl pro perspektivu. Masaryk vstupuje do velikého chrámu, dá se unášet velebným souladným prostorem tohoto díla uměleckého, uvědomuje si, čím na něho působí dílo jako celek, vedle sterých podrobností kráčí dál. Tak už je založen jeho duch.

»Avšak nesmí se zapomenout, že to tvoření nevyčerpává se jednotlivou myšlenkou a koncepcí, neboť nežije člověk jednotlivými myšlenkami, city a chtěními, nýbrž tím životním úsilím, tím snažením a hledáním, doufáním a strádáním, z něhož jednotlivé idee, city a tužby probleskují jako jiskry z křemene. Umění — poesie — vždy je sociální v tom smysle, že úzce souvisí se snažením své doby a že ve snahách těch je zakotveno. A proto l'art pour l'art nechejme bibliografům a slovíčkářům stejně jako filosofii pro filosofii, vědu pro vědu — — že ještě nevyslovili (ba již také!) mravnost pro mravnost, zbožnost pro zbožnost.«[1])

*

Ukáži na několika konkretních dokladech, jak Masaryk rozuměl své úloze jako kritik.

Jeho nazírání na odpovědný a vznešený úkol spisovatele v národě, zvláště v národě malém, jeho přímá, nebojácná povaha kázaly mu nešetřiti slavných jmen, když šlo o velikou věc, pravdu, pravé poznání a často též o ohroženou hodnotu mravní. Cílem jeho kritiky bylo rozptýlit posvátný nimbus, který utvořila tradice kolem určitých osob ať domácích nebo v literaturách cizích. Byl kritikem neúprosným nejen u nás Vrchlickému, Sládkovi, V. Vlčkovi i našim dekadentům, nýbrž také nositelům nových směrů .k nám z ciziny, Zolovi, Bourgetovi, Garborgovi, ze starších i Goethovi a jeho epigonům. K mladým básníkům choval se shovívavěji, více poučuje nežli kritisuje. O zjevech efemerních mlčel.

Masaryk, kterému šlo o to, aby kritikou vystihl podstatu naší slovesné tvorby, zaujal pevné stanovisko především k uměleckému realismu, který k nám pronikal v letech osmdesátých, ovládal pole v české literatuře, ale byl také potírán od některých zástupců protivných směrů až vášnivě (od Vrchlického, Zeyera, Liera a j.).

Byly proti sobě stavěny realismus a idealismus, romantismus a realismus a jednotlivci přilnuli k tomu neb onomu směru, směr

---

[1]) »Moderní člověk a náboženství: moderní titanism.« N. Doba V, 1898, str. 34.

druhý potírajíce. Masaryk se o tomto pojímání vyslovil teoreticky ve spisku »O studiu děl básnických« (str. 11.): »Není-li umění napodobováním přírody, není podstatou jeho realism. Dnes arci mnozí hlásají, že realism je ta pravá essence umění, avšak nemenším právem může hlásati, že idealism jest podstatou umění... Co umělec dělá, jest takovým, jakým se to jemu jeví, jak on to poznal a postřehl; a chceme-li to zváti realismem, nebude zajisté v tom slově více tkvíti, nežli že to má býti, jak uslyšíme, pravdivé, jasné a p.« Toto pojetí u filosofa platonovce je nám pochopitelné. Jeho názor na umění se chce odloučiti od časových hesel, on se dívá na umění s hlediska absolutního.

Později Masaryk o realismu uměleckém mnoho přemýšlel, ujasňoval si pojem, jeho ráz a působení u nás. Jak by ne, on, zakladatel realismu vědeckého a politického! Masaryk se stává ochráncem realismu uměleckého — ovšem realismu, jak on mu rozuměl — a jeho orgán »Čas« rozhodným bojovníkem za tento nový směr, který umění přinášel mnoho prvků zdravých a plodných, který tehdy znamenal pokrok v umění a poskytoval vynikající prostředky kritickým postřehům.

Napřed chtěl ukázati na příkladech, co realismem není, ač bylo za přední dílo realistické prohlašováno a slaveno. Jako vždy, i zde Masaryk potíral bezduché napodobování místo samostatného tvoření ve smyslu nového směru.

Zvyklý jsa své názory osvětlovati konkretními příklady, vybral si k analysi román »Zlato v ohni« od V. Vlčka. Naše kritika, hlavně Fr. Zákrejs, právě toto dílo velebila jako vzor českého realistického románu. Zákrejs proto jeho auktora postavil po bok romanopiscům Turgeněvu, Dickensovi a Spielhagenovi. Proti tomuto přeceňování a nesprávnému utřiďování beletristických druhů a tvůrčích duchů se ozval Masaryk obsáhlejší kritikou v článku »O realismu u nás« (v Čase II, 1888, str. 6 n.; stať je označena tehdejší šifrou Masarykovou *F.* Dr. Herben ke kritice Masarykově napsal obsah. (Zprávu o tom mám od Herbena samého.)

Z básnického příbuzenství, do kterého chtěl Zákrejs uvésti našeho českého romapisce, za tehdejší doby slaveného a stavěného s několika málo jinými v čelo českých beletristů, Masaryk přijal jen romanopisce německého. »Ano, Spielhagen — to je něco jiného, to věřím. Spielhagen, Gottschall a pod., ti měli a mají na Vlčka značný vliv; ale Spielhagen a Gottschall jsou vším, jen žádnými realisty, ani značnými umělci« (str. 7.).

Na románě Vlčkově realistického podle Masaryka není nic. Není tu přirozeného děje, který by měl příčinnou souvislost, vyvíjel se z jednání a charakterů hlavních osob. Náhoda a chronologie jsou hlavními pružinami všeho, co se v románě sběhlo (str. 26 až 27). Význačnou stránkou »Zlata v ohni«, usuzuje kritik, je sentimentalita podle všech pravidel staré romantiky. Ani historický rámec, válku prusko-rakouskou r. 1866, Vlček nedovedl vystihnouti realisticky — nezná podstaty a příčiny její, nepokusil se objasniti poměr českého lidu k této válce a k Němcům — hlubšího pojetí, nějaké ideje »Zlato v ohni« vůbec nepřináší. To dovedou ruští realisté; v tomto případě mohl být Vlčkovi vzorem román Tolstého »Vojna a mír«. Realistický román musí vystihovati zevnější známky a detaily, jimiž je provázeno lidské jednání a které charakterisují osoby i věci, musí bystře vystihnout přírodu, musí povahy kreslit důsledně, musí dbát umělecké ekonomie, musí srdce i hlavy svých postav naplniti závažným obsahem; »malichernost a nicotnost života, jaký vede česká společnost v románě, jest asi též reálnou skutečností; ale proto »Zlato v ohni« není ještě realistickým románem... »Jsme — Bohu díky — oprávněni k úsudku, že nám »Zlato v ohni« nepodává pravý český život, než že jest pouze symptomem jedné slabé stránky toho života.«

Podobně u posudku básní Em. z Čenkova »Z mého alba«, jejž náš kritik nadepsal titulem širšího hlediska »Realism contra romantism« (Čas III, 1889, 381 n.) o auktorovi usuzuje, že »realistou býti chce, ale ještě není«. V některých básních Čenkovových kritik pohřešuje jasnosti a určitosti myšlenek i jednotnosti v koncepci — i to patří u Masaryka k pojmu realismu. Podle jeho názoru není realistické ztotožňovat se s heinovstvím, není realistické šířit starý názor o suverenitě básníkově, že bude »pyšně vzdorovati a hrdě dumat«, mluvit poněkud pohrdavě o »luze«.

U Machara (kritika sbírky jeho »Bez názvu«; Čas III, 1889, 364 n.) spisovatel cení svéráznou individualitu, »sobnost«, temperament, odvahu; Machar je »básnicky silný tam, kde vypravuje, co cítí, co osobně zažil.« Kritikovi se líbí, že mladý básník společnost podrobuje přísné, jistě spravedlivé kritice. Vytýká mu však, že nejeví chuti vzpružiti se k činu, tkví v romantické neinteresovanosti; neuznává ještě, že romantism je dnešního dne směrem odbytým. Kritik doufá, že se z nihilistické nálady probere k realismu. Machar si ta slova vzal upřímně k srdci, jak ukazuje jeho další vývoj básnický.

Název »Realistické sloky« od A. Sovy zvábil Masaryka, aby věnoval kritickou pozornost sbírce básníkově. Napsal kritiku do Času IV, 1890, 281. Též u Sovy kritik uznává snahu, býti realistou, ale pokus se mu ještě nezdařil. Doporučuje mu ještě více pozorovat a docela svobodně cítit. »Básniti, řeklo se dobře, je mysliti obrazy; připojme obrazy jednotnými, docela určitými.« Na některých podrobnostech pak ukazuje nerealističnost. Sovově dikci přeje větší sytosti a síly výrazů.

Masaryk psal kritiky o Sládkových básních pro děti: o »Zlatém máji« (v Čase I, 1887, 28 n.) a o »Skřivánčích písních« (v Čase III, 127.) Při těchto kritikách připomenu, že kritiky Masarykovy nejsou psány jen pro určitou knihu, mívají ráz všeobecný, bývají to úvahy o určitém druhu básnickém; proto k nim auktor zpravidla připojuje širší pojmový nebo heslový název: »Realism u nás« »Realism contra romantism«, »O literárním eklekticismu«, »Moderní titanism« atd. Při první sbírce Sládkově kritik podává historický vývoj a široký přehled světové dětské poesie v jiných literaturách, bystrý rozbor dětské duše, patrně založený na pozorováních u vlastních dětí. Na první sbírce Sládkově dokazuje, jak jeho poesie je nevhodná pro děti, ježto je nepřirozená, má nevkusná přirovnání a pod. Dětský svět mile dovede zobrazovat Schwaiger — Masaryk napsal o jeho obrazech vřelý posudek. V druhé sbírce Sládkově posuzovatel uznává pokrok, psychologie dětská je tu již mnohem reálnější. Při posudku sbírky Ant. Klášterského »Živým i mrtvým« (Čas III, 364 n.), při níž se kritikovi líbí básníkova prostota, Masaryk vyslovuje radost, že se u nás šíří vliv poesie anglické, jenž se u nás právě u Sládka jevil po prvé.

Jak Masaryk je v pojímání uměleckého realismu důsledný do všech podrobností, mohu osvětlit některými příklady. V Herbenově románě »Do třetího a do čtvrtého pokolení« (posudek v Čase VI, 1892, str. 584 n.) vytýká svému krajanovi některé nerealismy v řeči, kterou mluví jeho osoby — již v jeho »Mõravských obrázcích« (Čas III, 873) našel některé nepřesnosti ve výraze: v téže větě že nemůže vedle sebe užít: »čuješ« a »nepozorovalas nic?« m. »nemerčilas«. Přál by si docela, aby jistý rozhovor, o němž je v románě (»Do třetího a do čtvrtého pokolení«) řečeno, že se vedl německy, byl skutečně podán po německu v tónu a zbarvení německé řeči, jak se na moravském Slovensku mluvilo v době, kdy se rozvíjí děj v románě Herbenově; Tolstoj ve »Vojně a míru« má plno rozhovorů ve francouzském jazyce.

Pro jazyk v slovesném díle uměleckém Masaryk má vyvinutý smysl. Řeči všímá si skoro u každého spisovatele, kterého posuzoval. Projevuje zvláštní úctou k mateřskému jazyku svou lásku vlasteneckou. »Blahoslav se asi nejednou v hrobě obrátil,« vytýká Vrchlického »Exulantům«, »slyšel-li své Bratry mluviti obyčejnou mluvou nynější. Ani hrubým germanismům se nevyhýbají naši Čeští Bratří, tak zchátrali i v tomto ohledu.« Germanismy vytýká také V. Vlčkovi, »spisovateli, který tak prudce vlastenčí«; kárá u něho i nečeský cit jazykový, může-li mluvit řečí, hřešící na př. proti vidu slovesnému, jako: »skoro denně sem dorazím«, »kterou tak často na vůz posadím« a p. Na takové stanovisko se usilovnou prací a napínáním sil, jehož žádal od umělce, Masaryk vyšinul v poznávání a pronikání českého jazyka. Masaryk, odchovanec německých škol a německých knih, který v prvních svých pracích má ještě češtinu tvrdou, jehož řečí se v prvních spisech vine také nejeden germanismus, uznal sám kdysi za nutné omlouvati se českému čtenářstvu pro své nedostatky v mateřské řeči (v článku »Jak zvelebovati naši literaturu naukovou?«). Tam ukázal k pramenům svého usilovného studia české spisovné řeči vědecké, k našim beletristům. Pilně chodil do školy stilu a české řeči k Havlíčkovi. Usilovná práce odstranit vlastní nedostatky — tak Masaryk rozuměl lásce k národu.

Když už jsem při Masarykově řeči, povím o ní několik slov na tomto místě. Všímal jsem si řeči Masarykovy v jeho pracích s povědomím. Zasluhovala by zvláštního rozboru, byl by to rozbor zajímavý a pro Masaryka význačný.

V prvních pracích Masarykových zní nám, jak řečeno, jeho řeč dosti cize a tvrdě: nepřirozený slovosled, někde i tvarové chyby a germanismy střídají se s jistými snahami brusičskými — Masaryk si vzal po příchodu do Prahy za učitele české řeči dra Bačkovského, puntičkářského brusiče; píše na př. infinitivy s — ť, substantiva podle vzoru kost s — ť (radosť atd.); ve výrokových přídavných jmenech užívá skoro napořád tvarů neurčitých. Ty a podobné strojenosti hlásali právě tehdejší brusiči. Dávali také přednost přídavným jmenům se zakončením trojvýchodným, kde je běžné jednovýchodné (moderný a p.) — to může být také vlivem Masarykova slovenského dialektu. S počátku spisovatel tvoří dost nových slov nejen odborných, nýbrž i obecnějších (čísla jsou zástrašna, vědečtěti, soustavněti, obrazotvorněti atd.).

Ale při této řeči spisovatel dlouho nesetrvává. Již za sporů rukopisných znáti, že všecky ty umělůstky odvrhuje, že se přiklání

čím dál zřejměji k řeči živé, že nepotlačuje v sobě plodných živlů svého rodného nářečí. Kolik pěkných originálních obratů z ní načerpal! Jak hluboko tkvěl v jazyce svého živého dialektu, o tom jsem se zmínil již při Masarykových posudcích beletristických prací Herbenových. Uplatňování živé mluvy i v jazyce odborném — v tom vidím také realismus Masarykův. On má právě dar vycítit životnost v jazyce běžném, vytvořit si z dané řeči spisovné a z výrazných prvků živé řeči svůj svérázný a životný jazyk spisovný. Myslím, že také Masarykův vtip, humor, ironie i sarkasmus — vše podle situace a povahy věci, o které se právě jedná, mají zdroj v jeho původu lidovém. Masaryka poznáme po několika větách i v článcích šifrovaných a anonymních — on je svůj nejen myšlenkami, nýbrž i stilem a jazykem.

Ale vraťme se k Masarykovým rozborům řeči básnické. U něho je to rozbor psychologický, někdy i estetický. On četl na př. Miklosichovu bystrou rozpravu o bezpodmětných větách (také ji v Athenaeum roč. I. posuzoval) a hned z ní odvodil účinný prostředek pro rozbor děl básnických. Ukázal na Schillerově básni »Der Taucher«, kterak obratně básník užil rčení bezpředmětných, ježto mají větší smyslnou sílu (O studiu děl básn., str. 31.). V tomto smyslu rozbíral také v »esthetickém rozboru« slovní stránku obou nepravých rukopisů. O dikci V. Vlčka usuzuje, že je »zdlouhavá, rozvleklá všelikými přirovnáními a pleonasmy, slovem nudná ... není vzletu, zvuku, tepla« (Čas II, 70).

A ještě příspěvky k tomu, jak Masaryk rozumí realistickým výrazům a při tom básnicky účinným. Zase napřed negativně — »esthetický poklesek, zjevující se v naší poesii všude a ustavičně.« Dokládá jej příklady z básní Čenkovových, ale mají platnost všeobecnou (v článku »Realism contra romantism«): »Příliš často totiž naši básníci užívají relativních a jiných vět, kde by přídavné jméno anebo sytý obraz měl postačiti; je to veliká chyba, nepoetická rozvláčnost — »drát, který chvějně zní,« »chudí, kteří mají hlad,« »diblík, jenž veliké oči má« atd. nehodí se naprosto do lyrické poesie s krátkými verši. Homer a lidová epika slovanská poučuje, v čem tkví básnická síla epithet (epitheta ornantia), poučuje, jaká slova mají se voliti, aby jimi stručně a rázovitě vystižen byl smysl. K těmto nepěknostem náležejí i jiné způsoby opisující, jako na př. ve verších »tajil zívání, jsa v poutech nudy« a »smrt se plíží jak mlha podzimní, když krátký den.« Lidovost v umění se Masarykovi jeví také jako realismus (Čes. otázka, 141 nsl.).

Právě tak sleduje Masaryk nepřesnost, která stírá ráz reality, v překladech. Výrazně to ukázal i v kritice spisu »Lorda Byrona Hebrejské melodie. Dvojí překlad J. Vrchlického a J. V. Sládka, 1890« (Čas IV, str. 551.). O čem jiném by kritik mluvil při překladech, než hlavně o řeči! Ovšem je to Masarykova »filogická« kritika! Srovnání obou překladů podává mu pohled do duší obou básníků. Sládkovy verše jsou měkčí, Vrchlického zrnitější. Vrchlický je Byronovi bližší technikou, tvorbou, náladou. On básní, myslí mnoho substantivy; vídí často děj, konání ztělesněno v konkretní předměty. V celku však kritik dává přednost překladu Sládkovu. Výtek má dost pro oba překladatele: hlavní, že si žádný z nich nevšiml bible Kralické, která právě při tomto předmětu mohla poskytnout tolik síly i krásy. Z jednotlivých míst a výrazů v obou překladech usuzuje Masaryk rozborem psychologickým i rozborem logickým jednotlivých obratů o světovém názoru filosofickém a o duši a povaze překladatelů.

Podobnou charakteristiku pro Vrchlického překladatele — zde již nepříznivou — odvozuje z jeho překladu Goethova »Fausta«. Z osmi veršů Vrchlického uvádí čtyři obraty naprosto pochybené: »Jsem duch, jenž stále zapírá« — nezapírá, nýbrž popírá atd. Na výrazném příkladě z Mickiewiczových Dziadů dokazuje Vrchlickému, jak může překladatel zkazit nejplastičtější obraz: velitel vojska dal rozkaz a ten letěl od úst k ústům podle Vrchlického »jako šipka«, kdežto polský básník napsal: jak míč, míně obloukovité odrazy jeho.

Kritická činnost v oboru poesie prospěla Masarykovi po stránce stilistické. Uvažuje často o výraze básnickém psal také slohem vzletnějším, obraznějším, hledal konkretní představy, aby jimi objasnil svou myšlenku. Studium poesie pomáhalo mu stírat vědeckou těžkopádnost, která myslí příliš v abstrakcích. Charakterisuje na př. básníka: »Klášterský svým citem nepálí, ale hřeje, jeho fantasie nekouzlí, ale tvoří, jeho rozum nepochybuje, ale doufá. Klášterský je skromný, opravdu skromný.« Nebo lidově ironický obrat z kritiky o Sovovi: «Náš realista není pessimista, není — pán Bůh s námi a zlé pryč! — nihilista, ale docela mírný a smírný lyrik« . . . Nemusím kupit příklady. Je jich dost v citátech, které tu z Masaryka podávám.

Realismus chce mít Masaryk v dílech uměleckých vyjádřen také ideově. Hned v prvním posudku o spisu, jenž byl vydáván za český realistický román, o V. Vlčkově »Zlatu v ohni,« kritik prohlašuje svůj důležitý, pro něho význačný požadavek: »Neusta-

neme žádati po básnících, aby nám podávali ideje, aby hluboce cítili a ideje a cit svůj vtělovali velikým činům« (Čas II, 40 n.).

Několikrát Masaryk ve svých kritikách promluvil o znázorňování smýšlení vlasteneckého. O této otázce se auktor vyslovil již ve spisku »O studiu děl básnických« (str. 13 n.). »Umělecké dílo«, požaduje, »musí býti všelidské.« Dává za pravdu Goethovi, jenž pravil, že umění — jako věda — není vlastenecké. Všimněme si dobře, Masaryk nechce, aby básník byl nenárodní, naopak. Uvedu raději vlastní slova estetikova. »Budiž umělec národní, miluj vlast svou, ale vyhýbej se co nejvíce bojům politickým; za to dávej nám veliké idee, podněcuj v nás mohutné tužby a city: tak prospěje vlasti nejvíce — ale nechtěj prospívati, jen velikým umělcem chtěj býti a to ostatní pak dáš nám přídavkem.«[1]) A ujímaje se Vrchlického proti výtkám, že nevolí k uměleckému zpracovávání látek z domácích dějin, poučuje správně: »Ale ten je pravým básníkem národním, který látku svou kteroukoli, jen ať velikou, pojímá tím duchem, kterým národ náš žije, který věrně tlumočí tužby naše, idee naše, který vypodobňuje obrazem, co ukryto je v hloubi duší našich, mluvou, kterou my mluvíme.«

Masaryk byl proti vlastenectví ve starém a zastaralém způsobu; Herbenovi kladl za zásluhu, že se takového vlastenectví v »Třetím a ve čtvrtém pokolení« střehl; právě proto prý vyhovuje národnímu citu v míře svrchované. Zažil sám na sobě »vlastenčící policii« za boje rukopisného a potom častěji. Odhadoval v ní nejen nemohoucnost ideovu, ale i nemorálnost. V kritice o Čenkovově básnické sbírce spisovatel mluví positivně: »Realism básníků nejlépe se zkoušívá tam, kde mluvívají o vlastenectví . . . Budou ovšem mezi námi lidé, kteří slyšíce německy mluviti, pořád a pořád budou plakati a nic než plakati, že tak nebylo před Přemyslem Otakarem.«

Na nepravé vlastenectví Masaryk upozorňoval zvláště v rozboru románu Vlčkova. Je povrchní a nehumanní stejně, jako je u Vlčka řešení otázky slovanské. To vlastenectví je tu odbýváno úmyslně zžíravou ironií a sarkasmem. Vlček klade romanticky lásku k vlasti nad lásku k rodině, sociologicky postup nemožný. Romantičtěji lásku k Slovanstvu nadřazuje nad lásku k Čechům; kritik tento mlhavý názor i cit zamítá. V románě svém spisovatel učinil lásku

---

[1]) Je tu zřejmý vliv Goethova odporu k tendenčnímu básnictví politickému, rozumím-li místu dobře. Pozdější vývoj u nás a studie Masarykovy moderní poesie byly by si asi vyžádaly jiné formulace; sotva by byl autor tendenční poesii politickou odmítal tak bez výhrady.

k vlasti hlavním vodítkem, všecky city jí podřídil, ale láska k vlasti u něho nepřichází do kolise, nikde se neosvědčuje skutky, stačí jí jen nenávist k Němcům a k židům, stačí jí horování a veliká gesta. Jen lásku k vlasti takto mělce pojatou postavíme s kritikem níže nežli lásku k rodině; ne však lásku k vlasti jako jednu z nejvznešenějších mravních hodnot.

Svůj názor o lásce k vlasti a o vlastenectví Masaryk opřel o podobné myšlenky z nedávné české minulosti — míněním Havlíčkovým; později (v »Čes. otázce«, 138 nsl.) slovy Hálkovými z r. 1859 »O básnictví českém v poměru k básnictví vůbec« i Nerudovým proslulým výrokem z téže doby: »Ano, nám je stálé žvanění o národnosti a vlastenectví »přemoženým stanoviskem« — a požadavkem, »aby každý pro národ také něco konal.« Naším úkolem že jest postaviti svůj národ na výši světového uvědomění a vzdělání.

Podobných výtek, jaké Masaryk učinil před třinácti lety románu V. Vlčka, dobyl si nejpopulárnější tehdy slovenský spisovatel Svetozar Hurban Vajanský za román »Kotlín« (vyšel 1901; kritika v Naší Době IX, 1902, 66 nsl. je označena šifrou S). Nereálnost v podání života na Slovensku, povrchní odbývání nejzávažnějších otázek, jako je náboženství, o němž se v románě jen mluví, ale neřeší se jeho problémy, o vlastenectví a odrodilství — u slovenského spisovatele luští se konflikt lásky k slovenskému národu se sklonností odrodileckou —, okaté pronikání cizích vlivů knižních, zejména německých, to má v románové tvorbě Hurbana Vajanského mnoho obdobného s romanopisectvím Vlčkovým. »Kotlín« nepřímo podával svědectví o tom, jak hluboko a široko pronikly zatím ideje a snahy Masarykovy. Vajanského román byl beletristická polemika proti novým proudům na Slovensku, proti realistům z »Hlasu«; polemika zaslepeně stranická, zlovolná, nebo spíše vášnivě předpojatá karikatura snah mladé generace slovenské, která začala na Slovensku pracovat podle zásad Masarykových. Ještě na počátku dvacátého století hluboký učitel této mladé generace slovenské byl v románě Vajanského viněn, že kazí mládež, že v ní ubíjí ducha vlasteneckého, že ji vede k materialismu, a podobné nechutné věci.

A týž úkol obranný měla Masarykova kritika Dykova románu »Konec Hackenschmidův« (1904). Byla uveřejněna s význačným názvem »Realism a Dykův Hackenschmid« v šesti feuilletonech »Času« 1905 (od č. 167, od 20. června). Bylo to po polemikách »Přehledu« s Laichtrovou kritikou Hackenschmida v N. Době roč. XII. Proti Masarykovu ideovému i politickému realismu byl obrácen

hrot Dykova románu. Realismus, dokazuje Masaryk, byl v Dykově románu zkreslen s povrchní jednostranností a stranickostí. Obsahově Hackenschmid »není více než politická polemika staropokrokářská.« S důrazem vytkl kritik, že Dykův román je nečeský v postavách i v podání života. »Hackenschmid je právě »Žák«, ale z pražského bohemského Kocourkova.« Vidí v něm román podle receptu berlínské a vídeňské moderny za vlivu Bourgetova, Zolova, Halbeho, Przybyszewského, literatury norské a jiných spisovatelů, ale »českého nic.« Motivy románového děje, vražda, sebevražda a zločin, jež jsou přece ve světových literaturách tak propracovány, jsou od Dyka pojaty mělce a povrchně. Kritik označuje román Dykův jako neumělecký — zejména v dikci, všední a nejasné. »Nietsche a jeho aforism, pěstovaný již tak mnohými, pokazil pana Dyka.« V Masarykově kritice mají zvláštní význam výroky, jimiž sám charakterisuje svou činnost, založení své duše i svou metodu — aby obhájil své osoby a svých zásad, byl nucen mluvit o sobě, jako málo kde jinde. »Realism také volal po práci, ale prosím, jen jako o prostředku k cíli — ne v práci, nýbrž hlavně v nepráci musí obstát člověk a také člověk český«. Důrazně se ohrazuje kritik proti tomu, že by kritickost byla jeho literární fysiognomií. Jeho činnost byla víc tvůrčí a synthese, nejen analyse. Nebyl nikdy ani racionalistou, nýbrž vyslovoval se proti jednostrannému racionalismu. Jeho podstatou není skepse a pesimismus. »Jaktěživ ani na okamžik jsem nebyl pesimistou«. A o svém vlastenectví: »Já jsem se v ní (v české kultuře na sklonku XIX. století) nechtěl a nechci utopit, to je moje vlastenecké provinění. Za takové vlastenectví pěkně děkuji.«

Od počátku své kritické činnosti Masaryk sledoval bedlivě, jak se naši beletristé stavějí k otázce náboženské. Vzpomeneme si, jak závažným předmětem bývalo Masarykovi náboženství v jeho úvahách filosofických. Naše novější literatura ho v této věci nemohla uspokojit. S trpkostí a odporem vytýkal zjev, že se naši beletristé i tvorba historicko-vědecká vyhýbali otázce náboženské (»Jan Hus«, 66.).

V kritice Vlčkova románu »Zlato v ohni« Masaryk důkladně odmítl romanopiscovo povrchní liberalistické řešení otázky náboženské. Vlček je znázornil na obou hlavních hrdinách románu, katolickém faráři Čackém a faráři evangelickém Svobodovi, u nichž náboženské přesvědčení ustupuje cítění vlasteneckému. To však odporuje reální skutečnosti; nikdy se tak nestalo, protože cit nábo-

ženský jest obsáhlejší, základnější. »Až úzko je duši, čteš-li, jak vychvalovaní naši spisovatelé o samých sudbách národa svého smějí nemysliti«, praví s bolestí kritik, poukazuje na Palackého (Čas II, str. 41.).

K otázce náboženské se Masaryk později vracel, promyslil ji všestranně a osvětlil na několika obsáhlých rozborech děl literárních, Vzhledem k vývoji českého národa nejpřístupněji ve spise »Jan Hus« (hlavně v odstavci II.).

Teď už mohu pověděti positivně, co si Masaryk představuje uměleckým realismem, jak jej vymezuje. Odpověď k tomu spisovatel dává určitou, po všech vztazích promyšlenou. Ve svých kritikách se k této otázce vracel několikráte.

Realismus není fotografováním ani protokolováním (Čas II, 6.); leda by fotografie byla pouhým prostředkem k pozorování. Realista má především co možná přesně pozorovati, chce-li vystihnout skutečnost. Realism nežádá skutečnosti, jak byla, ani skutečnosti, jak je — takové skutečnosti nikdo nezná. Mezi historickostí a realismem není zásadní protivy — realism žádá jen reální historie. Nejde tu o realism — nerealism, nýbrž o tvůrčí přesnost, o myšlenkovou precisnost; jde při ní o věrnost i o důslednost (ND II, 561.; podobně III, 138).

Nejednou Masaryk přihrotil své výklady o realism hlavně proti přednímu odpůrci nového směru u nás, Vrchlickému. »Romantikové kladou pořád důraz na krásu, na poetickost; realisté zase chtí pravdu a tak se nemůžeme dohodnouti . . . Jde o to, říci co možná jasně, oč bojujeme« (Čas III, 381 n.).

»Avšak netoliko v přírodě vnější hledáme takovou pravdu, my ji neméně hledáme v sobě, v naší duši. Nám protiví se nepravda a lež v duši . . .«

Realisté prý jsou bez citu pro krásu, namítají romantikové; »dozajista se nám protiví citlivůstkářství a chorobná procitlivělost.« Umění má předmětem i vznešeno, nejen krásno.

»Než to není hlavní důvod, pro který romantické horování o kráse nás se netkne. My nevěříme v aesthetickou scholastiku a scholastikou je mluvení o kráse, jako bylo scholastikou moc mluviti o pravdě. Dnes pracujeme, studujeme, hledáme vznešeno, hledáme krásno . . . Mluvením se málo vyřídí; nechytejme se slov, ale věcí . . .« (Čas III, 381. n.).

Jinde (na př. v kritice o Ibsenově »Noře« v Čase III, 1889, 413 n.). Masaryk měl příležitost projeviti své požadavky po básníku

realistickém co do charakteristiky osob — Noru prohlašuje za nedůslednou, povrchní a nepravdivou. »U nás teď mnoho se mluví o realismu. Chválívá se také realism norský, Ibsenův, Björnsonův a j. Nemůžeme s úsudky těmi úplně souhlasiti, nejsme realisté quand même, dozajista nedáme se zaslepiti slovem. A takovým slovem je teď i realism. My v realismu hledáme především hluboké pochopení života, mravní opravdovost a umělecké provedení ideí. »Nora« hloubky života nepochopila, mravní opravdovosti nemá a s ideou si jen zahrává. Nespokojenost s řády společenskými sama o sobě nic neznamená, neboť nedokazuje, že nespokojenec z dobrých důvodů zavrhuje společnost, že by sám podal řády lepší.« V »Nořе« »není žádného vnitřního boje . . . nic se nemyslí, nic se necítí.«

Na promyšlení látky a všech podrobností v uměleckém díle Masaryk klade neustále veliký důraz. »Umělec musí myslit správně a co nejpřesněji. Jinak zpracování vypozorovaného materiálu nemá ceny,« požaduje kritik v článku o Zolovi (N. Doba III, 1896, 138.).

Vedle správného pozorování a jasného myšlení spisovatel u umělce klade důraz na přesnou obrazivost. Dílo umělcovo »bude nejvlastnějším dílem umělcova ducha; veliký umělec nepodá nám obrazy fantastické, nýbrž obrazy vytvořené sice (činíme proto správný rozdíl mezi obrazivostí a fantasterií), ale vytvořené v živé, přesné souladnosti se skutečným životem t. j. s životem, jejž umělec skutečně pozoroval a poznával. V takovém díle uměleckém je skutečný život a příroda, jako je příroda v Principiích Newtonových, ve výzkumech Bernardových, v psychologii a sociologii Spencerově — — —« (tamže). Masaryk žádá logiku i v zobrazování světa nadsmyslného: v tom dovedl Goethe zachovati realism (ve »Faustu«; ND II, 388). Schwaiger je realista, ač báchorkář: realism umělecký a bájivost si neodporují (Čas 1, 87.).

Velmi výrazně Masaryk pověděl zejména Vrchlickému, že se s ním rozchází v pojetí realismu nejen v poetice, nýbrž i v nazírání na nynější moderní život. »I v lokomotivách a nádražích a fabrikách atd. pozoruji a vidím život; v životě tom vidím stinné stránky, avšak vidím i mnohé stránky lepší, dobré a pěkné. Život Řekův a Římanů mně není lhostejný, není mně lhostejna krásná (»klassická«) forma, avšak věřím s Mme de Staël, že poesie Řekův a Římanů (a podobně poesie ostatních národů) je právě proto pěkná, že vyprýštila z plného života těch Řekův a Římanův a tudíž nám pravé napodobení klasiků znamená, vyvážiti krásu ze skutečného života nynějšího a předně národního. A formy skutečně krásné

bez krásného a velikého obsahu není.« (N. Doba II, 564.). Vrchlického abstraktní záliba v antice vyplynula z toho, že pouze následoval vzorů (Lingga, Carducciho, Leconta de Lisle, Huga) v básnickém zpracování života antického.

Máme tedy Masarykovy názory o realismu v umění, jím samým jasně vyložené. Mám-li připojiti klasifikaci Masarykova realismu, řekl bych, že je to realismus ruský, jmenovitě Dostojevského, ke kterému se náš kritik hlásí jako ke svému ideálu. Je to realismus jiný, nežli realismus Dickensův, realismus francouzských romanopisců, nežli realismus Ibsenův. V realismu německém a francouzském Masaryk nevidí protivu romantismu, jak se obyčejně formuluje. »Realism je věc methody, romantism celkové nálady; mohou se vylučovat, ale nemusejí« (ND V, 491). V Anglii Ch. Brontë, G. Eliot, Howell, u Rusů Dostojevský, Tolstoj, u Němců hlavně G. Keller ukázali, co znamená realismus v umění (ND III, 228 n. Předtím podobně v Čase II, 27.).

Realista Dostojevský má pevnou víru v Boha a v nesmrtelnost duše, čerpá z evangelia pravidla svého žití. On do svého umění vkládá vyšší ideje: »lásku k vlasti zakládá na víře v budoucí život,« »on nepřijímá o překot a bez kritiky moderní ideje a s láskou přijímá každé dobré jádro, jež vyzrálo v minulosti«, »neohroženě bojuje po všecek život proti tomu, co veliký dav polovičaté inteligence svým areopagem mudrcův a poetů a spisovatelů den ode dne slavnostně prohlašuje za nové evangelium a poslední slovo osvěty a pokroku.

Ne Dostojevský realismem, realism Dostojevským se určuje. Dostojevský . . . je realista práce. Navádí pokolení nové ku práci, ku práci stálé, neúnavné.« (Čas VI, str. 19.).

Jak neměl přilnout celou duší k tomuto životnímu ideálu Masaryk, duch stejně hluboce ideově a mravně založený, jako Dostojevský!

V tomto pojetí Masarykově se ovšem stýká realismus s idealismem, jak na to spisovatel ukázal již ve spisku »O studiu děl básnických« — místo bylo již uvedeno; mohl se v tom doložiti také shodným názorem Dostojevského: »U idealisty i realisty, jsou-li toliko čestní a velkodušní, jedna a táže podstata — láska k člověčenstvu — a jeden a týž předmět — člověk, toliko formy představovati předmět jsou rozličny.«

O Dostojevském napsal Masaryk u příležitosti, když byl vydán I. svazek jeho spisů v českém překladě, essay (Čas VI, 1892, str. 18

až 26) — vřele cítěná a nejkrásnější charakteristika, kterou kdy o kterém spisovateli napsal. Zřejmo, jak mu ruský »veliký člověk, umělec, myslitel« mluvil k srdci a ze srdce. Nacházel v něm vyjádřeno, co cítil sám, co hleděl sám uváděti v život a co žádal po uvědomělých vzdělancích: »všecka sebe menší díla Dostojevského jsou výrazem jednotného, propracovaného názoru o světě.« Všecky spisy Dostojevského jsou neseny k nejvyšším cílům, ale on nikde nekáže. »Opravdovost a svatost mravních zásad nikým se tak nepociťuje, jako Dostojevským.« On je neúprosně důsledný. »Vlastní nitro — toť jediný předmět Dostojevského. Dostojevský je živé svědomí.« Dostojevský je duchový, čistý, ne smyslný. Je vroucně náboženský.

A jeho význam literární cení duchaplně náš český auktor: »Dostojevský je epikem citův a myšlenek, jeho román s analytickým vědomím podává činy vniterní, filosofii moderního člověka. »Bratří Karamazovi« jest epos XIX. století . . .«

»Dostojevský je veliký básník. Dostojevský není pouze myslitel. »Bratří Karamazovi« — máme jen I. díl — je největší dílo v celé literatuře světové, větší dílo umělecké nebylo nikdy stvořeno.«

Mělo zajisté hlubší smysl, když Masaryk jako redaktor nově založené revue »Naše Doba« v čelo prvního ročníku dal S. Ark. Andrejevského stať o románu Dostojevského »Bratří Karamazovi.«

*

Jak byl Masaryk přesvědčeným stoupencem ideového, ethického realismu, tak zamítal důrazně od počátku naturalismus. Umění není napodobováním přírody, opětoval několikráte již ve »Studiu děl básnických«, tím méně ovšem, když se jednostranně fotografují nepěkné a stinné stránky lidského života; proto »také není naturalistická methoda tvůrčí totožná s uměním vůbec« (str. 12.).

Když se k nám naturalismus hlásil hurtovněji zejména romány Zolovými, Masaryk rozebral svou metodou důkladně a bystře v delší stati Zolův naturalism (u příležitosti, kdy byl zakončen přírodopisný a sociologický románový cyklus Rougon-Maquartů »Doktorem Pascalem«) v Naší Době III, str. 1 nsl. Zolu si volil za předmět své analyse, že právě jím byl umělecký naturalismus jaksi typisován, že se jeho příkladem dávaly strhovat jiné literatury a ovšem i naše, takže kritik mohl mluvit již o naturalistické sektě. Její kredo však prohlašuje za »literární adamitství« (str. 2.). »Proudy takové se přivalí a odtékají jako rozvodnění, jsou jako sociální epidemie. Darwin, Wagner, Zola, Nietsche, Ibsen a j. stávají

se velikým heslem stran — pro i proti zvedají se věřící a to věřící slepě. Nepřináležel jsem k takové církvi nikdy. Bojím se jich« (str. 1.).

Zola se českému kritikovi jeví neopravdovým, povrchním ať v teoretickém vzdělání, ať v básnické praksi. Při svém naturalismu je romantikem, je fantastou (viz jeho »Germinál«). Pro svůj umělecký naturalismus Zola přejímá experimentální a analytickou metodu přírodovědy. »Nemůže být horší methoda, nežli pro zvláštní obor duchovní práce šmahem přebírat methodu oboru jiného« (129.). Ve všech románech Zolových kritik vidí nedostatek skutečného myšlení. Nemá pozorovacího daru, nemá obrazivosti, není psychologem; jeho invence je skrovná. Je hrubý, bez jemnocitu, nemá mravního smyslu. Bohem Zolovým je žena. On každý projev života svazuje se smyslností, při níž si libuje v nehoráznosti, hrubosti a nízkosti, »kdežto jemnějších, duševních, intelektuálních a citových vyšších idejí a pohnutek téměř nepochopuje« (299). U Zoly lze mluviti tedy o pohlavním naturalismu. Po tomto rozboru chápeme, proč spisovatel v dílech Zolových nevidí skutečného socialismu, ani v Germinalu a dokonce ne v Naně. »Zolovi jsou dělníci asi tím, čím černoši literatuře robinsonovské.« (Sociální otázka, 591.)

Zolovo postavení k náboženskému problému (v románu »Lourdy«) je také hmotné, reakční, je to návrat k divu; jeho náboženská filosofie je typickým představitelem katolického skeptika a polovzdělance. Kritik dokazuje tu přesvědčivě a pěkně myšlenku, že ráz francouzské literatury moderní byl určován francouzským katolicismem; dovozuje, čím se liší od myšlení a cítění — také uměleckého — u protestantů (str. 428 n.). Po třetí se touto závažnou myšlenkou obíral velmi zevrubně ve stati o moderním francouzském titanismu. Promluvím o tom dále.

Masaryk by nebyl Masarykem, aby se spokojil jen kritickým rozborem. Výmluvný a vřelý závěr jeho rozsáhlé stati smíme zajisté pokládati za appel k tvořícím českým umělcům. »Chce-li se teď (Zolův naturalismus) překonat, musel by toho dovést, aby program toho svého vzoru plnil svědomitěji a poctivěji: opravdové přesné a poctivé studium přírody a člověka, ne polovzdělanost a diletantism — přesvědčení o velkolepé zákonnosti všeho života a historie, ne modloslužba náhody — přesná obrazivost, ne fantastická synthese vlastních nedoznatků a cizích myšlenek a obrazů — opravdovost, ne zajímavost a napínavost — duše, ne pudy — čistota, ne perversita — náboženství, ne mysticism — víra, ne po-

věra — naděje, ne nervosnost — humanita, ne demokratism — pravda, ne lež« (437). Bylo to v době, kdy zolovský naturalism aspoň u nás nebyl ještě překonán; a proto bylo to slovo včas. Masaryk psal také o jiných směrech v cizích literaturách, o těch hlavně, které zasahovaly svým vlivem naši literaturu českou, vlivem, o němž náš kritik nabyl přesvědčení, že je módou, že se pro nás stává nebezpečným. Tak se zastudoval do jiného velmi módního francouzského romanopisce. O tehdejší české literatuře pověděl Masaryk, že chtějíc se vyhnouti vlivu německému, utápí se v literatuře francouzské (Č. otáz. 176.).

Byl to Paul Bourget, jehož román »Cosmopolis« vyšlý v českém překladě od dra Gutha (»Z velkého světa« s úvodem od Vrchlického), Masaryk zároveň s románem »Žák« posoudil v prvním ročníku Naší Doby (1894, na str. 213—223).

Rozbírá tu hlavně Bourgetovu filosofii dilettantismu, jeho psychoanalytiky. Bourgetovský dilettantism t. j. uvědomělá a pěstovaná náklonnost umělcova vypozorovat různé projevy a formy života, chladně se jim oddávat, ale přece nedat se jimi ovládnout, přirozeně se Masarykovu pevnému a důslednému názoru životnímu protivila. »Smysl života není pouze to, co pozorujeme, ale hlavně, co děláme« (215), ethisuje pěkně a správně náš kritik. Takový názor vede k ústupkům reakci, jak vidíme právě na Bourgetovi. Na něm se dovršuje vliv katolicismu, zřejmý na vší francouzské literatuře porevoluční. Bourget (hlavně svou knihou o lásce) je mu typickým představitelem a zároveň psychologem francouzské dekadence. (Sociální otázka, 1898, 449.)

Po stránce estetické kritik na Bourgetovi nevidí toho umělce analytika, za jakého obyčejně bývá vydáván, spíše jen konstruuje; jeho charaktery jsou abstraktní schemata. Jak Masaryk cenil Bourgeta, ukázal v poznámce v témž ročníku Naší Doby 1894, str. 796 — mám aspoň za nepochybné, že je to poznámka Masarykova —: »Paul Bourget se šťastně dodilettantisoval křesla v Pařížské akademii . . . Zola se domněle konservativním strážcům francouzského juste milieu nelíbí, je jim příliš revoluční; za to u nich milost nalezl filošof módní toiletty dámské.« Ovšem obhájcem umění Zolova spisovatel, jak jsme viděli, nebyl.

(Dokončení odst. II.)

Jan Jakubec.

O sumljivih naslovih knjig v zgodovini južnoslov. pismenstva reformacijske dobe.

V literaturi, ki obravnava knjižni odmev reformacije pri južnih Slovanih, se suponira precejšnje število »izgubljenih« knjig, katerih eksistenca se mora po podrobnem razboru dokumenta ali opremiti z velikim vprašajem ali pa sploh zanikati.

Literarnozgodovinskemu policistu prihaja tukaj na pomoč okoliščina, da se da serija južnoslovanskih reform. tiskov tudi dokumentarično precej trdno ugotoviti. Za dobo do jeseni 1564. obstojajo takorekoč oficialni seznamki gotovih serij južnoslov. ref. tiskov: 1. »Register und summarischer Inhalt« Trubarjevih tiskov, ki ga je Trubar do 1. januarja 1561. izgotovil v rokop. (ponatis prvega načrta: Trubers Briefe 44—52), v tisku pa izdal s posvetilom z dne 1. junija 1561., torej v sredini 1561. (prim.: Ljubljana — študijska, sign. 6716): 2. seznamek Ungnadovih tiskov, ki ga je začel razpošiljati Ungnad 4. apr. 1563. nemškim mestom in knezom (Ung.-mestom, Kostrenčić, Beiträge 175): primerek takega seznamka se je ohranil po vsej priliki v dekan. arhivu v Urachu (ponat.: Carniola 1911, 287—8); 3. seznamek Ungn. tiskov, ki ga je poslal 1. sept. 1563. v Frankfurt: najdeš ga v frankf. mest. arhivu (izvleček: Zbornik Mat. Slov. 1908, 49—50): 4. seznamek dotakratnih Ungn. tiskov z dne 23. apr. 1564., ki ga je predložil Ungnad z drugimi računi vred vseučilišču v Tubingi: nahaja se tam med rokop. »Slavischer Bücherdruck«, fasc. III, priloga 5 (ponat.: Carniola 1916, 105—9, 178—87: dodaj še na str. 181. odstavka o slovenskih artikulih in pesmarici 1563. l., ki jih je Bučar iz celote iztrgal ter priobčil v Carnioli 1911, 44—5); 5. nekakšen izvleček iz seznamka z dne 23. apr. 1564., ki se je pa moral napraviti kmalu po tem seznamku, od katerega se le malo odstranjuje: nahaja se pri seznamku samem (ponat.: Carniola 1916, 187—8). — Poleg teh seznamkov je obstojal po vsej priliki še 6.: imenik vsega, kar je bilo v tisku ali na programu v septembru 1564., ko je Ungnad odhajal iz Wirtemberga na Češko. V tubinški rokopisni zbirki »Slav. Bücherdruck« tega imenika doslej nisem mogel najti, čeravno sem ga iskal po dveh potih: ko sem imel tubinške fasciklje v bivši dvorni biblioteki na Dunaju, in ko mi je dal lani g. prof. dr. Franjo Bučar v Zagrebu svoje prepise s pravo znanstveno nesebičnostjo na razpolago. Vendar pa navaja Schnurrer v svojem Slav. Bücherdrucku na str. 71.—72. take podatke, ki jih je mogel dobiti le v takem imeniku, in tako precizno, da se o eksistenci seznamka Ungnadovih

tiskov in načrtov iz jeseni 1564. ne more dvomiti, ampak se s Schnurrerjevimi podatki sme operirati. — Za dobo po 1564. l. ni več takih seznamkov, kjer bi se hotela doseči popolnost. Dragoceno gradivo za kontrolo nadaljne serije južnosl. knjižne reform. produkcije tvorijo bibliografske notice v ohranjenih tiskih samih. Po drugih sodobnih dokumentih so take notice redke a tem dragocenejše. Sistematično-kritična ugotovitev vseh teh notic in njih aplikacija na ohranjene tiske — še čaka svojega razbiratelja. Gotovo se je na tem polju več zbiralo — nego razbiralo. Tukaj tiči tudi vzrok, da se je vrinilo v obravnave te dobe toliko — sumljivih naslovov:

1. Prva izdaja Znojlškovega katekizma iz dobe 1550—58 in tiskana slovenska augsburška veroizpoved pred 1559. l. v Moskvi?

Nemški letak evangeljsko-luterskega konzistorija v Moskvi o priliki Luthrove 400-letnice, ki ga je dobil slovenski ujetnik dr. Alojzij Trstenjak septembra 1917. v Astrahani, opisal v »Časopisu za zgodovino in narodopisje« v XVI. letniku na 118.—121. str. ter deponiral v mariborskem zgodovinskem društvu, poroča o latinskem odgovoru danskega kralja Kristijana III. (1536—1559) ruskemu carju Ivanu Groznemu, ki je prosil Danca tiskarjev in rokodelcev. Ta odgovor pravi tudi, da pošilja Kristijan »enega iz svojih služabnikov s svetim pismom in dvema drugima knjigama, ki obsegata bistvo naše krščanske vere« in sicer z namenom, da prevede ta Kristijanov služabnik te tri knjige na jezik carja Ivana ter »poskrbi, da se one natisnejo v mnogih tisočih izvodov.« Letak pravi, da so bile te tri knjige napisane »in slavonischer Übersetzung [Krainer Mundart]« ter da gre za: 1. sv. pismo, 2. augsburško veroizpoved in 3. Luthrov mali katekizem.

Trstenjak je poskusil na osnovi Simoničeve bibliografije dognati, katere slovenske knjige bi to mogle biti. Hvaležen sem mu, da nas je na letak opozoril; večino njegovih ugibanj pa moram odkloniti — predno najdejo prepisovalca.

»Sveto pismo« bi pač moglo biti Trubarjev Novi testament I iz 1557. l., kakor meni Trstenjak. — O »augsburški veroizpovedi« pa ne velja, kar trdi Trstenjak, da je Simonič »sploh ne omenja«: v slovenski evangeljski literarni produkciji odgovarjajo temu akuratno »Artikuli... Sdai pervizh... Iſtolmazheni... Drei Christliche Confessionen, namlich Augspurgische (i. t. d.)«, ki so izšli **1562.** l. in so zabeleženi pri Simoniču na 12.—13. strani. Kdor količkaj pozna dokumente k zgodovini slovenske reformacijske literature, mi takoj pritrdi, da je kak prejšnji tisk slovenske »augsburške veroizpovedi« čisto izključen. — O »malem Luthrovem katekizmu«, ki bi bil mogel priti v tej dobi v Moskvo, je Trstenjak svojo prvotno boljšo misel pokvaril, ko piše: ‚Mali Lutrov katekizmus pa je mogoče Pr. Trubarjev »Catechismus«. V Tibringi 1555. Mnogo bolj verjetno pa je, da je to »Katechismus

doctoria Martina Luthra«, katerega je Janez Znojlšek snov tolmačil ... 1595 ... Iz besede »snov« bi se dalo sklepati, da je to morebiti druga izdaja tega katekizma, katerega prva izdaja iz v poštev prihajajoče dobe [1550—1558] pa se nam mogoče v obče ni ohranila'. — Prva izdaja Znojlškovega katekizma se v letih 1550.—1558. že radi tega ni mogla natisniti, ker je prevajal Znojlšek po Bartmannovi (Barbatus) izlagi Luthrovega katekizma, ki je izšla — šele dobršen čas po 1558. l.

Ker je izšla slovenska augsburška konfesija šele 1562. l., je gotovo, da je Kristijan III. ni mogel poslati Ivanu Groznemu! S tem pa postaja sploh cela notica sumljiva, kolikor ni bila že ob misli, da bi bil imel Kristijan III. služabnika, ki bi bil znal slovenski! Besedo dajem slavistom in zgodovinarjem v Moskvi, da doženejo, kako je prišla verzija o kranjskih knjigah v letak. Meni se ne zdi tako »jasno«, da bi šlo res za slovenske knjige, kakor Trstenjaku! In prepričan sem, da pri celi stvari ne gre za nobeno slovensko izdajo, ki bi bila doslej neznana: niti katekizma, niti augsburške veroizpovedi!

Dodatek: Med korekturo me je opozoril prijatelj dr. Glonar na »Zentrablatt f. Bibliotheksw.« XXXI (1914), kjer se nahaja članek Kurta Tautza: »Zur Einf. der Buchdruckerk. in Russland« (113—125). V članku, kjer je priobčen tudi del pisma kralja Kristijana III. (lat.), je za naš problem najvažnejše: 1. da se stavi pismo v l. 1552.; 2. da se imenuje v pismu služabnik kralja danskega Johannes Missenheim; 3. da pravi Tautz v opombi: »Diese beiden Bücher waren wahrscheinlich die Augsburger Konfession u. der kleine lutherische Katechismus«. Ker ni v Ljubljani specialne literature, ki jo navaja T. (n. pr. Librovič, Istorija knigi v Rosii, St. Ptrbrg. 1913), ne morem ugotoviti, ali je letnica 1552 pravilna, ozir., ali je pismo samo datirano. Kar sem pa prej samo domneval, mi je sedaj jasno: da se v pismu samem o knjigah »in slavonischer Übersetzung« ali o »Krainer Mundart« ne govori: da je to zgolj ponesrečen komentar, bodisi, da ga je zakrivil sestavljalec našega letaka ali že kdo drugi pred njim; da torej Kristijan III. Ivanu Groznemu ni poslal slovenskih, ampak nemške ali danske knjige. (Vrinjeno 15. VIII. 1922.)

2. Молитва Господня Отче нашь, глаголическими, кириловскими и латинскими буквами напечатанная, издана Барономъ Унгнадомъ 1561 года.

To je zabeležil najprej Sopikov, Opyt ros. bibliogr. č. V., N. 12957, za njim pa še drugi: n. pr. Keppen, Bibliogr. listy kol. 226, N. 194: Šafařík, Gesch. d. ssl. Lit. I, 189: Karatajev: Chronolog. rospis N. 41; Opisanije N. 46; Undolskij, Očerk N. 52; Karatajev, Opisanije 1 (Sbornik otd. russk. jaz. i slovesn. t. 34), N. 53. Poudarjam, da beležijo vsi ti bibliografi, izvzemši Sopikova, obenem in pod drugo številko tudi cir. poskusni list iz 1561. l., ozir. tudi glag. poskusni list iz 1560. l. (Šafařík), ki sta izšla vsak zase a sta obsegala tudi očenaš (sezn. 4).

Že Šafaříku in Karatajevu se je vzbujal ob tej notici rahel dvom. Danes, ko poznamo seznamke, ki sem jih v uvodu omenil, ne more biti nobenega dvoma več, da taka posebna troabecedna izdaja očenaša iz 1561. l. ni eksistirala. Gre samo za odgovor na vprašanje, na kaki osnovi je zabeležil Sopikov svojo trditev, ozir., kje je netočnost: v naslovu ali v letnici.

Glag. poskusni list iz 1560. in cir. iz 1561. l. se doslej nista našla — Keppenovo poročilo o cir. primerku v Upsali je označil že Karatajev za »ne věrno« (Opisanije I, N. 49), istotako napačno je pa tudi poročilo Karatajeva, da se nahaja po izvestjih Dobrovskega(!) in Kopitarja(!) cir. prim. v Tubingi!

Razen teh dveh posk. listov pa se je natisnil 1564. l. še tretji posk. list. O eksistenci tega posk. lista se nahaja le kratka notica pri Bučarju v Povijesti hrv. prot. književ. na 246. str.: »1564 Tübingen — Urach, Dalmatin i Konzul: Pokusni list, glagolicom, ćirilicom i latinicom.« Ker je to edini posk. list, ki se je doslej našel, bi bil pač zaslužil, da bi se bil ob prvem pojavu v lit. zgodovini opremil z označbo najdišča in kratkim opisom. Nahaja se v študijski biblioteki v Ljubljani pod sign. 19895—900. Najdeš ga na koncu zbirke prot. tiskov, ki so vezani v eno knjigo: 1. Trattato utilissimo, Tub. 1565; 2. glag. Beneficium Christi, Tub. 1563; 3. Beneficium Christi (z lat.), Tub. 1565; 4. cir. Katehismus, Tub. 1561; 5. posk. list. Obstoja samo iz dveh listov: 1a: veliki glag. in cir. alfabet; 1b: veliki lat. in mali glag. alfabet, na koncu posebej srednji cir. alfabet, med lat. in glag. vrsto slovanska nomenklatura črk (*az, buki, vidi, glagole, dobro, yeſt, sivite [s = ž], zelo, zemlia, [z = Ⰷ in Ⰸ], ise, i [I = Ⰹ in Ⰺ], ye [y = j], kako, liudi, mißlite, naſſ, on, pokoi, arzi, ßlovo [sz = s], trdo, uk, frt, hier, ot, ßchia [ch = Ⱋ] czi [cz = c], tsrv [ts = č], ſſa [ss = š], yer [I], yat [ya], yuß [yu]),* pod glag. črkami njih številčni pomen; 2a: oratio dominica z lat. in glag. črkami; 2b: 117. psalm z lat. in glag. črkami, letnica 1564 z arab. in glag. številkami. — To je torej res troabecedni poskusni list, četudi je objavljen očenaš sam samo z lat. in glag. črkami.

Sopikov je mogel priti do svojih napačnih zaključkov na osnovi kakih izvestij o posk. listih iz 1560. in 1561. l., o katerih je poročal že Schnurrer 1799. l. (Bücherdruck 61, 82, 87) ter jih, seveda samo po računih, tudi opisal. Izključeno pa ni, da je imel Sopikov kaka poročila o vsebini poskusnega lista iz 1564. l. ter se zmotil predvsem v letnici. Ljubljanski zbornik v današnji obliki s posk. listom je bil svoj čas, kakor kaže njegov exlibris, last »Bibliothecae Collegii Evangelici, Aug. Vindel.« V Ljubljano je prišel s Kopitarjevo biblioteko. Kopitar je kupil med 2. junijem 1813. in 25. junijem 1814. celih 14 »Truberian« od Schnurrerja v Stuttgartu (Briefw. Dobr.-Kop. I, 282, 339, 385). Ali se je nahajal med njimi tudi naš zbornik?

3. Азбукваръ, изд. А. Далматинъ и С. Истріанинъ кириловскими и глаголическими, буквами въ Урахѣ, 1561 года.

Kukuljević je zabeležil v Bibliografiji hrv. med cir. tiski na 9. strani: »Далматинъ Антонъ и Стипанъ Истріанинъ [Конзулъ]. Азбукваръ [глагольски и кирилски]. У Ураху 1561. 48. стр. 12.« Kakega posebnega cir. abecedarja Kukuljević ne navaja. Karatajev navaja dvoje: pod netočnim naslovom cir. »Tablo za dicu« — abecedarij iz 1561. l. (Opisanije I, št. 50) in pa po Kukuljeviću gornji glag.-cir. azbukvar (št. 54). Isto suponira Bezjak J., Občna zgodovina vzgoje in pouka, 1921 str. 77.

Nobeden naših seznamkov ne pozna takega dvoabecednega azbukvarja in gotovo tudi nikdar ni eksistiral.

4. Dalmata in Konzul: Confessiones tres — Articuli, ital. Tubinga-Urach, 1562. ali 1563.

Tako Ungnadovo izdanje je suponiral doslej še edini dr. Franjo Bučar — glej njegovo Pov. na str. 242. in 245., kjer navaja razen ital. La confessione, Tubinga 1562 (= št. 12) še izdajo z gorenjimi podatki (= št. 16). Stvar si je treba ogledati, da se verzija o prvi priliki ne ponovi! Pot, po kateri je mogel priti Bučar do tega čisto napačnega svojega sklepa, je samo ena. V seznamku z dne 23. aprila 1564. je čital: Augspurgisch Confession Wellsch. To je apliciral čisto pravilno na tisk: La confessione, Tubinga 1562 (prim. Carniola 1916, 183). Temu nadpisu sledi v računu poročilo, komu se je ta knjiga darovala in poslala. Potem pride še enkrat nadpis: Welsch Confessionen, in zopet slično poročilo. Ta ponovni nadpis je smatral po vsej priliki Bučar za nov naslov, obenem se je pa spomnil tudi Trubarjevih »Artikulov — Drey Christliche Confessionen«. Nevzdržnost Bučarjeve podmene se da s številkami dokazati: seštejte razposlane knjige ter primerjajte vsoto z računom na koncu serije, ki sledi drugemu nadpisu: Welsch Confessionen, pa se prepričate takoj, da je vse, kar sledi temu drugemu nadpisu, samo nadaljevanje tega, kar je med prvim in drugim nadpisom. Gre torej zgolj za »La confessione« iz 1562. l. in ne tudi za posebne ital. »Confessiones tres«, ki niso nikdar eksistirali.

5. Dalmata in Konzul: ital. Postila, Tubinga-Urach, 1562. ali 1563.

Tudi tako Ungnadovo izdanje suponira doslej še edini Bučar — glej njegovo Pov. na str. 241. (nakl. 1000 komada!), 242. in 245. (tukaj št. 17). Tukaj Bučarjeve osnove niti približno ne morem ugeniti. Letnica 1562 ali 1563, ki ni morebiti pomota, ker jo Bučar pri vseh treh citatih ponavlja, iznenadi v tej zvezi tembolj, ker poroča v isti knjigi Bučar sam o rokopisu prevoda Luthrove hišne postile, ki se je našel tik pred 11. novembrom 1563.

v nekem graničarskem dvorcu in bil še v početku 1564. v rokah Ungnadovih, dočim Bučarju: »što se je s tim rukopisom (kasnije) dogodilo, nije poznato« (98). Luthrova hišna postila je pa sploh edina postila, katere laški prevod se v naših seznamkih omenja (sezn. št. 5 in 6). A ta je tudi ob Ungnadovem odhodu na Češko šele — na programu bodočnosti. Do sept. 1564. se torej kak laški prevod postile pri Ungnadu gotovo ni natisnil, po njegovi smrti pa najbrž tudi ne, ker so se sedaj laški tiski sploh odstavili z dnevnega reda.

6. Slovenski Ordinalic iz časa pred 1564. l.

Rešetarjevo domnevo, da je eksistiral poleg slovenske cerkovne ordninge še poseben slovenski ordinalic (Archiv f. slav. Phil. XXVIII, 470), omenjam tukaj samo radi popolnosti serije; odklonil sem domnevo že v svoji »Kirchenordnung der Slovenen im XVI. Jahrh.«, str. 17.

7. Catechesis slavica Crelii.

V revidiranem šolskem redu za evang. stan. šolo v Ljubljani iz julija 1575., ki se nahaja v ljubljanskem dež. arhivu (Schulwesen, Luter. Schulen u. Stipendien, Alte Fascikel — Nr. 54 f. g. h.) a se je v izvlečkih nekolikokrat ponatisnil (Richter, Mittheilungen des hist. V. f. Kr. 1854, 17—18; Elze, Superintendenten 36—42; Dimitz, Gesch. Krains III, 157—61), se suponira opetovano neki Kreljev katekizem: 1. drugi dekuriji prvega razreda se predpisuje med drugim »1. Catechesis Brentii latina . . . 4. Catechesis Sebastiani Crellii, quae continuet prima et praecipua nuda sex capita religionis christianae«; 2. med šolskimi knjigami tretje dekurije prvega razreda, ki bi se bila imela učiti samo v nemškem jeziku, se nahajata zopet med drugim: »1. Catechesis D. Brentii germanica, cuius partem singulis diebus recitabunt memoriter; 2. Sebastiani Crellii Slavica quoque Catechesis«; 3. za drugi razred se predpisuje sicer le »3. Catechesis Brentii germanica, quam post slavicam paulatim quoque ediscent«, upošteva se še pa tudi slovenski katekizem: »Post hymnum dictum illi, qui nunc prompte cum latine tum germanice legunt, et post recitatam Catechesin slavicam, primo loco latinitatem illam, quae pridie illis praescripta est«; 4. na začetku pouka se je recitiral po izmeni lat., nem. in slovenski katek.: »Mane cantetur: Veni creator . . . Deinde aliquis psalmus. Post Catechismus Brentii integer, latine, teutonice et slavice: non tamen simul et semel, sed mutatis vicibus seu alternatim«; 5. ob nedeljah in praznikih se je recitiral pred pridigo poleg lat. in nem. tudi slovenski katek.: »Reliqua dimidii temporis parte (antequam itur ad concionem) alii recitant Catechesin slavicam, alii germanicam, alii latinam, mutuum interrogando. Haec recitatio potest ante expositionem Evangeliorum statim post preces fieri«.

Da je Krelj napisal slovenski katekizem, o tem torej ne more biti dvoma. Ker je Krelj 25. dec. 1567. umrl (Elze, Superint. 32), je za izgotovitev njegovega katekizma terminus post quem non dan; za ljubljanski tisk torej pač ne more iti. V zmislu predpisov o katehezi bi moral biti Kreljev katekizem prevod Brencijevega katekizma (gl. zlasti točko 3 in 4) ali Brencijevemu katekizmu po svoji razporedbi in vsebini vsaj zelo sličen.

Drugo vprašanje pa je, ali je trditev, da se nam ni ohranil noben primerek Kreljevega katekizma, res tako upravičena, kakor trdi večina tistih, ki ta Kreljev katekizem sploh predpolaga, namreč: Elze, Superintendenten 37; Dimitz IV, 185; Elze, Jahrb. d. G. d. Ge. d. Pr. in Ö. 1893, 92; Simonič I, 245; Gruden, Zgodovina 668; Grafenauer, Kratka zg.: 1. izd. 42, 2. izd. 60; Bezjak Občna zg. vzgojeslovja 77.

Nekateri izmed citiranih pisateljev omenjajo ta Kreljev katekizem poleg Otrozhje biblije 1566. l. (Elze, Simonič, Bezjak), pri drugih se mora suponirati, da so imeli Kreljev katekizem in Otrozhjo biblijo za dve različni stvari. Le enkrat se je mimogrede in brez utemeljitve omenilo, da »Catechesis Slavika Sebastjana Krelja, z roku 1567 ... musi być identyczną z ... Catechismus quinque linguarum lub Otrozhia Biblia« (z r. 1566; Lénard, Rozwój gram. słow., Prace fil. VIII, 192). Otrozhia biblia se je ohranila vsaj v dveh eksemplarjih: vatikanskega je opisal Kopitar že 1840. l. (Hes. glossographi disc. 46—8), o londonskem (Br. M.), na čigar eksistenco je opozoril že Elze (Jahrbuch 1893, 92, 100), mi je za enkrat poslal po ljubeznjivem posredovanju bibliotekarja prijatelja drja. J. Glonarja bibliotekar brit. muz. L. C. Wharton kratko poročilo. To poročilo pravi med drugim, da se je kupil londonski primerek 1892. l. od Albina Cohna. Ali ni prišel v British Museum preko Cohna morebiti primerek, ki ga je ponujal v istem času monakovski antikvar L. Rosenthal v svojih kalatogih: Antiquar. Katalog XXXIX, str. 103, št. 895, Katalog 55 (Bibliotheca Slav. V) str. 6. št. 243 (po Elzeju, Jahrbuch 1893, str. 91)? — Vatikanski primerek je danes menda tudi izgubljen, vsaj g. kolegi Slaviču ga letos niso mogli najti, ko mi je hotel priskrbeti prepis.

Že Kopitar je ugibal o avtorju Otrozhje biblije: »Monet tamen expertus sine dubio magister [Stephan. Consul? Sebast. Crell?]« (47). Slično tudi Ilešič: » ... neznana (mi je doslej) tudi [Kreljeva?] „Otročja biblia"« (O pouku sloven. jez. 6). Prepisa slovanskih delov biblije še doslej nisem dobil. Neke zaključke pa že omogočujeta tudi opisa, ki sta mi na razpolago.

V knjižici prevladuje slovenski element v taki meri, da jo je priredil gotovo Slovenec, ki je imel pred očmi specialne slovenske potrebe. Ta Slovenec je obenem seveda tudi avtor ali vsaj korektor slovenskih tekstov. L. 1566. pa sta bila samo dva Slovenca sposobna, da napišeta, ozir. priredita tak slovenski tekst: Trubar, župnik v Derendingenu, ki je napisal skoro vse, kar se je v slovenskem jeziku dotakrat natisnilo, in pa Krelj, superintedent v Ljubljani, ki je bil takrat gotovo že spesnil večino svojih cerkvenih

pesni in obenem gotovo že priredil prevod Spangenbergove postile, da jo izda naslednje leto; na Bohoriča, ki je prišel ravno 1566. l. ravnateljevat v Ljubljano (Elze, Jahrbuch 1899, 122), se še ne da prav misliti, saj se tudi njegov prevod psalterja iz te dobe — ni natisnil. V knjižici se nahaja sicer Trubarjeva pesem: »Ne daj, oče, naš ljubi Bog«, ki je tukaj prvič tiskana (prim. pesmarico 1574 str. 110—1, pesm. 1579 št. 29, pesm. 1584 str. 144, pesm. 1595 str. 251). Vse drugo pa kaže na Krelja: jezik, ki ni Trubarjev (tvoj, Bog); pravopis, ki ima večino znakov Kreljeve reforme (ij za ji, naglasna znamenja, razlikovanje f [= s] in s [= z], fh [= š] in sh [= ž]...); slovanska nomenklatura črk, kakor jo ima tudi Kreljeva postila; raba tiskarne, kjer se je natisnila tudi Kreljeva postila (Regensburg-Burger). Na tej osnovi se sme pač sklepati: pisec ozir. redaktor slovenskih tekstov v Otrozhji bibliji in priredítelj izdaje je Sebastijan Krelj. Trubarjevo: »Ne daj oče« je imela pač ljubljanska evang. občina ozir. šola v rokopisu; tako jo je mogel uporabiti tudi Krelj.

Če je pa Krelj avtor ozir. priredítelj Otrozhje biblije, potem je skrajno neverjetno, da bi bil še razen tega in istodobno izdal poseben slovenski katekizem za šolo! Glavna vsebina Otrozhje biblije je ravno »Catechismus: 1. Kranski, 2. Hervatski, 3. Deutscher Catechismus, 4. Latina, 5. Italiana« (L. C. Wharton). Po svojih sestavinah je Otrozhja biblija pristna šolska knjiga, kateri se pozna, da je imel nje sestavitelj na mislih potrebe šole z učenci raznih narodnosti, tudi takimi, ki prinašajo od doma v šolo samo znanje slovenščine, hrvaščine ali laščine! 17 let pozneje je imel ravnatelj Frischlin namen, da izda za isto ljubljansko stanovsko gimnazijo »ein elementale für die abecedarios, wie denn auch eine nomenclaturam in sechs sprachen« (Frischlin — stanovom 20. VIII. 1583, Trub. Br. 532). Učni namen ljubljanske evang. gimnazije je bil od prvega početka tudi ta, da se nenemški njeni učenci čimprej navadijo nemški čitati in vsaj do tretjega razreda naučijo nemški govoriti. Sestavitelj Otrozhje biblije se je oziral na ta cilj razen s sopostavljanjem slovenskega in nemškega katekizma še na drug način: »Kranjski katekizem« je napisal deloma z latinskimi, deloma z nemškimi črkami!

Menim, da morem zaključiti: »Catechesis slavica Crelii«, ki jo suponira ljubljanski šolski red iz 1575. l., ne spada med izgubljene slovenske knjige, ampak je istovetna z Otrozhjo biblijo iz 1566. l.

8. Trubarjeva pesmarica (ta celi katek.), ki bi naj bila izšla okolu 1570. l.

Elze je 1884. l. prvi opisal pesmarico iz 1574. l., katere predgovor je opremljen s podatkom: »Geschriben zu Derendingen an S. Jörgentag **1567** Jar... Primus Truber Crainer Pfarherr daselbst«, naslov pa z izjavo:.. »Peifni... tretyzh popraulene inu populshane... Zum dritten mal corrigiert vnd vermehrt«. Elze je skle-

pal, da je izdaja 1567. prva in »dass nach wenigen Jahren [vermuthlich im Jahr 1570] eine neue, offenbar vermehrte und verbesserte Auflage erschien, jedenfalss in Tübingen« (Jahrbuch 1884, 18). Odtakrat govorijo o Trubarjevi pesmarici, ki bi bila izšla okoli 1570. l., vsi, ki se bavijo s slovenskimi prot. pesmaricami, n. pr.: Glaser, Zgod. I, 118; (Lampe) Evgenij, Cerkv. Glasbenik 1894, 36; Čerin, Zbornik M. S. 1908, 131; Mantuani, Zgodov. razvoj slov. cerkvene pesmi 11; Grafenauer[1] 51; Grafenauer[2] 69; Gruden, Zgod. slov. naroda 638.

Da vidimo, kaj pravi k temu študij Trubarjevega predgovora 1567. l. in drugih sodobnih dokumentov, ki spadajo sem. Že 1567. l. pravi Trubar v predgovoru, da je »unsere alte und newe Windische Geystliche Lieder und Psalmen ... wiederumb von newen vbersehn, corrigirt, gemehrt und mit eignen newen Noten drucken lassen«. Že izdajo 1567. l. imenuje torej »corrigiert, gemehrt«, s čimer je treba primerjati izraz »corrigiert und vermehrt« v izd. 1574. l.! Leta 1567. se more nanašati to samo na prvo Trubarjevo knjigo: »Catechismus In der windischen sprach sambt einer kürtzen Ausslegung, in gesang weiss«, ki obsega v verzih res glavne oddelke protest. kršč. nauka! Iz tega pa sledi, da je štel Trubar izdaje svojih pesmaric drugače nego Elze in drugi: prva izdaja mu je rimani katekizem v prvi njegovi knjigi, ki je izšla ok. 1550. l.; izdaja 1567. l. mu je bila torej gotovo druga; izdaja 1574. l. pa čisto pravilno tretja! Dalmatinove bibliografske notice v izd. 1584. l. se dajo spraviti s tem štetjem zelo lepo v sklad: »Dann nach dem ... Truberus ... noch vor viel Jaren, den gantzen Catechismum in feine Windische Reimen auff liebliche Melodeien und in Gesang gebracht (= Cat. in Gesangweis c. 1550 — prva izdaja!), vnd hernach mit etlichen Windischen Psalmen vnd Geistlichen Liedern vermehrt, welche er auch vor siebenzehn Jaren ... in Druck gegeben« (= Ta celi kat. 1567 — druga izd.!). Trubar, ki je štel za prvo izdajo pesmarice svoj katekizem v verzih, je imenoval pomnoženo pesmarico z neko doslednostjo: Ta katehizmus, dočim nemška prot. literatura sličnega termina za pesmarice ne pozna!

Rekel bi torej, da je treba v slovenski literarni zgodovini Trubarjevo pesmarico, ki bi naj bila izšla okoli 1570. l. — črtati!

9. Mihajlo Bučić.

Za pomoč pri tem članku sem dolžen spec. hvalo gg.: univ. prof. in akademiku Klaiću ter ravnatelju zagrebške univ. bibl. drju. Fancevu: prvi me je opozoril na dokumente o Bučiću, ki se nahajajo v kr. zem. arkivu v Zagr.; drugi je iskal zame po rokopisih Krčelićevih, Levakovićevih in Marcelovićevih ter mi priskrbel prepise odstavkov o Bučiću iz knjig, ki mi v Ljubljani niso na razpolago.

Za oporo poročilom o Mihajlu Bučiću se je našlo doslej menda samo 3 sodobnih, t. j. v 2. pol. 16. stol. spadajočih dokumentov.

Ti dokumenti so:

a) Akti procesa, ki ga je vodil župnik Bučić v času od 1567. do 1571. l. iz Nedeljišča pri Čakovcu v Medjimurju proti Franju Tahiju, vlastelinu susjedgradsko-stubičkemu, ki je dal Bučića po svojem sinu Boltežarju dne 24. aprila 1565. l. v Stenjevcu pri Zagrebu orobiti in prognati (arhiv zagreb. kaptola [Locus credibillis, Littera B. No. 264 in 532], ki se nahaja sedaj v kr. zem. arhivu kot depozit — poročilo Klaićevo z dne 21. III. 1922).

b) Zaključki škofijske sinode v Zagrebu z dne 8. III. 1574 (priobčil Venantius Glavina, Catholica et christiana doctrina de vera et reali praesentia corporis et sanguinis Christi Domini in sancta, Eucharistia, Zagreb 1771, 1—24). Tukaj se pravi: »I. Visâ erroneâ falsà et impia doctrina, quam Michael Buchich, Apostata, ex Calvinistarum haeresi hausit, et in hoc Sclavoniae Regno et vicinis provinciis Libellô impressô disseminare contendit, sancta Synodus isti tam perniciosae doctrinae, quippe quam etiam Arianismus [Reipublicae saevissimae pestis] si non comitari, at certe sequi consvevit occurere volens . . . declarat, in Sacrosancta Eucharistia . . . veram et realem praesentiam Corporis et Sanguinis Christi Domini (Glavina p. 1—6). II. Ideoque ipsum Michaelem Buchich tanquam Calvinistam et Sacramentarium haereticum, qui in Sancta Eucharistia praesentiam Corporis et Sanguinis Domini negat, impièquè docet, ibi panem nihil aliud esse, nisi signum quoddam Corporis Domini, antea excommunicatum Nunc gravat, et reaggravat (ib. p. 6) . . . IV. Et quoniam huic impietati audet etiam illud mendacium attexere, omnes nimirum veteres Doctores in hac sua perversa opinione fuisse . . . placuit . . . Synodo, vel saltem aliquam partem eiusmodi veterum Patrum, sententiarum ac testimoniorum in medium adducere, et Lingua Slavonica interpretari. Ut et mendacia Buchiana palam fiant, et illi qui copiam librorum non habent, aut Graece et Latine periti non essent, veterum Sanctorum Patrum de hoc venerabili Sacramento sententiam intelligant (ib. p. 9) . . . XXV. Cum igitur vetus Ecclesia . . . de hoc Sacramento . . . docuerit id, quod nunc quoque Catholica et Romana docet . . . Ecclesia: qua fronte ille Apostata, in illo impio magna ex parte a Sacramentiperdis suffurato Libello audet affirmare, veteris Ecclesiae Doctores de pane illo nihil aliud sensisse, quam quod sit Signum Corporis Dominici (ib. p. 19—20) . . . XXVII. Michael autem Buchich tanquam haereticus Sacramentiperda, et novus quidam Capharnaita, ab omnibus Christi fidelibus, veluti jam antea per nos legitime a Caetu Christi fidelium exclusus, et nunc gravatus, et reaggravatus vitetur, et execretur (ib. p. 21) . . . XXVIII. Confidit etiam . . . Synodus . . ., quod . . . Imperator (Maxim. II) . . . in dictum hominem . . . severé animadvertere non negliget« (ib. p. 22).

c) »Ordo et series cleri dioecesis zagrabiensis 8. Martii 1574«, ki vsebuje tudi: »Nomina plebanorum in archidiaconatu Bexin existentium. Inter Dravam et Muram plebani«. Na čelu tega seznamka stoji golo ime brez župnije: »Michael Buchich«. Potem sledijo imena

župnikov v zvezi z dotičnimi župnijami. Potem: »Plebanatus in Turnischae vacat«. Potem zopet imena župnikov v zvezi z župnijami. Potem: »Plebanatus in Belicza vacat«. Potem ime župnika v Nedeljišču: »Pleb. in oppido Nedelcz, Jacobus Flais«. I. t. d. (po Levakovićevem prepisu, ki ga je imel Krčelić, priobčil Glavina, o. c. 23—4; po originalu v zagrebškem škof. arhivu Tkalčić, Starine XVI, 128).

Gre za to, kateri momenti iz dela in življenja Bučićevega se dajo ugotoviti s pomočjo edinih teh sodobnih prič.

O letu rojstva, staležki pripadnosti, zavičaju in kraju študij ne moremo niti ugibati. Postal je mašnik ter bil do 24. aprila 1565. l. župnik v Stenjevcu pri Zagrebu. Odtukaj ga ni pregnala katoliška vnema njegovega ordinarija, zagrebškega škofa Juraja Draškoviča, ampak brutalnost znanega nasilnika Franja Tahija (a).

Ali se je odražala ob odhodu iz Stenjevca v njem že protirimska verska orijentacija? Okoliščina, da je krenil po odhodu iz Stenjevca pod okrilje Zrinjskih (a), izmed katerih je že sigetski junak Nikola kazal simpatije za reformacijo (prim. Kostrenčić, Beiträge 208—9), je migljaj v smeri te domneve. Dobil je župnijo v Nedeljišču. L. 1567. je bil gotovo že tukaj ter ostal vsaj do 1571. l. (a). Ob koncu svojega župnikovanja v Nedeljišču je bil nedvomno že odkrit in agresiven kalvinist (b). Konflikt z ordinarijem, vnetim protireformatorjem, je postal neizogiben.

Da je razširjal Bučić svoj protikatoliški nauk s pomočjo tiskane knjižice, to je gotovo (b: I, XXV). Da ne gre za kake importirane protirimske knjige, ampak za določen spis, ki mu je Bučić odgovorni avtor, to ni razvidno le iz rabe ednine, ko se govori o tem spisu, ampak zlasti še iz stavkov, ki skušajo pojasniti, kako je Bučić svoj libellus sestavil (b: XXV). Zdi se mi pa, da je prišel Bučić v konflikt z ordinarijem še predno je izdal svojo knjižico.

Gre za dvakratno kazen Bučića (b: II, XXVII). Druga kazen je hotela biti gotovo občutnejša, izdatnejša od prve. Dvakratni kazni odgovarjata pač tudi dva prestopka, drugi, ponovni — težji, očitnejši od prvega.

Po vsej priliki je razširjal Bučić svoje kalvinistične nazore najprej samo ustmeno, in sicer predvsem v svoji župniji Nedeljišču, pa tudi drugje po sosednih medjimurskih in »slavonskih« krajih (b: I). Posledica je bila — »izključitev iz občine Kristovih vernikov« (prim. b: II, XXVII). Ker pravi sinoda 1574. l., da se je to zgodilo »per nos« (b: XXVII), je izvedla torej tudi prvo kazen sinoda. Sinoda, ki se je vršila dne 21. februarja 1570. l. (Starine XVI, 128), že radi tega ne prihaja v poštev, ker je Bučić še naslednjega leta župnikoval v Nedeljišču (a). Sinoda, o kateri govori Vrančić v pismu škofu Draškoviču dne 6. februarja 1573., je pač res zborovala ter obsodila tudi Bučića (prim. Klaić, Povjest Hrvata VI. 63). Tej obsodbi, ki bi se bila vršila torej kmalu po 6. februarju 1573., je sledila za Bučića pač tudi izguba župnije v Nedeljišču, ki jo je dobil nato Jakob Flajs (c).

Bučić je ostal tudi po izgubi lastne župnije v Medjimurju (c) pod zaščito Zrinjskih. Seznamek medjimurskih župnikov z dne 8. marca 1574. (c) je evidenten dokaz, da je bil Bučić že brez župnije: Nedeljišče, bivša njegova župnija, je zasedena po drugem, Bučić se navaja samo z golim imenom brez župnije. Da bi bil med tem županikoval na pr. na Belici, ki je označena 8. marca 1574. za vakantno (c), se že radi tega ne more in ne sme sklepati, ker je bilo v Medjimurju vakantno tudi Turnišče! Nedvomno se je štel torej Bučić v tem imeniku samo po okolišu, v katerem se je momentano gibal.

Po vsej priliki šele po svoji izobčitvi in po izgubi Nedeljišča, torej po 6. februarju 1573. je sklenil Bučić, da obrazloži vsebino in razloge svoje verske orijentacije v posebni knjižici ter nadaljuje agitacijo za kalvinizem po »slovenskem kraljevstvu« in sosednih krajih tudi s tiskano besedo.

Bučićeva knjižica je izšla torej najbrž po 6. februarju 1573. in gotovo pred 8. marcem 1574 (b). O njenem naslovu se ne da niti ugibati. Avtor se je po vsej priliki imenoval s pravim imenom (b). O jeziku, v katerem je bila pisana, moremo vsaj ugibati: ker je imela sinoda 8. marca 1574. za potrebno, da se pobijajo »mendatia Buchiana« v »lingua slavonica« (b: IV), ni čisto brez opore podmena, da je bila tudi Bučićeva knjiga, ki je pomagala raztrositi med Slavonci — »Sloveni« (v kajkavskih tekstih) nevarne nauke, napisana v kajkavščini. Glavna vsebina knjige je bil nauk Calvina, da Kristus v evharistiji ni resnično pričujoč, ampak, da je kruh samo znak telesa Kristusovega (b: II, XXV); ta nauk je podpiral Bučić s trditvijo, da so slično učili tudi vsi stari cerkveni očetje (b: IV, XXV). Pri iskanju tiskarne se ustavi misel takoj ob tiskarni Zrinjskih v istem Nedeljišču, kjer je bil Bučić župnik. Podmena pa ne stoji čisto na trdnih tleh.

Pergošićev prevod Verböczijevega Tripartita, ki je doslej edina knjiga, katero imamo iz tiskarne Zrinjskih v Nedeljišču, nam priča, da je privedel Zrinjski v Nedeljišče tiskarja Rudolfa Hofhalterja. O tem Rudolfu Hofhalterju se pa ve, da je bil nekako do 1572. l. s svojo tiskarno v Debreczinu, potem 1573.—1574. v Stari Lendavi pri grofu Bánffyju, kjer ga srečamo 1578. l. zopet (Mayer, Gesch. d. Buchdruckerk. in Wien I, 90). Do katerega m e s e c a 1574. je tiskal v Stari Lendavi, tega doslej nisem mogel ugotoviti. Ako bi se izkazalo, da je bil Hofhalter preko 8. marca 1574. v Stari Lendavi, in da je Pergošićev Tripartitum, čigar predgovor je podpisan v Nedeljišču 1574. »v petak po Lourencheue« (= 5. sept.), prvi Hofhalterjev tisk v Nedeljišču, potem bi se smelo tudi reči, da se Bučićeva knjižica proti katoliški doktrini o evharistiji ni tiskala v Nedeljišču.

Škof Drašković in njegova sinoda sta odgovorila Bučićevi agitatorični knjižici s popolno obsodbo nauka ter ponovno izobčitvijo in pa prokletstvom avtorja, na katerega sta opozarjala tudi posvetno oblast (b). Ali se je cesar odzval in kaka je sploh nadaljna usoda

Bučićeva, ni znano. V sodobnih dokumentih tudi ni nobenega dokaza, da bi bil napisal Bučić poleg omenjene knjižice proti katoliškemu (in deloma tudi lutrovskemu) nauku o evharistiji še kaj več, in da bi se bilo natisnilo v Nedeljišču po 8. marcu 1574. razen Pergošićevega Tripartita še kaj drugega. Vsaj 1578. l. je bil Rudolf Hofhalter s svojo tiskarno zopet v Stari Lendavi.

To je vse, kar morem podpisati danes na osnovi razbora znanih mi sodobnih, t. j. v 2. pol. 16. stoletja spadajočih dokumentov o Bučiću, njegovem literatstvu in o tiskarni v Nedeljišču. V naši literarni zgodovini se nahaja precej verzij, ki segajo preko tega, kar se da podpreti z dokazi.

V literarno evidenco je prišel Bučić pri potomcih razmeroma pozno. Zaključki zagrebške sinode so se izgubili in skoro 200 let se ni govorilo v nobeni knjigi o Bučićevi hereziji in njegovem literatstvu. Tu najde pavlinec iz Lepoglave Venancij Glavina v samostanu Remeti izgubljene zaključke iz 1574. l. Ko je iskal nato podatkov o Bučiću, se je zatekel tudi h kanoniku Baltazarju Adamu Krčeliću, ki je izdal 1770. l. prvi del Historiarum cathedr. ecclesiae Zagrab. (= 14 poglavij), kjer se je obljubljalo, da prinese 16. poglavje »ordinem synodi (1574), sive nomina parochorum, aliorumque virorum qui interfuerunt« (p. 245 = naša »ordo et series ... 1574«). Od Krčelića je dobil Glavina naš imenik, čigar prepis je našel Krčelić med Levakovićevimi rokopisi. L. 1771. je priobčil Glavina zaključke zagrebške sinode z dne 8. marca 1574. obenem z »Ordo et series« ter lastnimi dodatki. Knjigo je odobril 15. junija 1771. isti Baltazar Adam Krčelić, ki je izpregovoril 1774. l. o Bučiću tudi sam v publikaciji »Scriptores ex regno Sclavoniae« (p. 31: Michael Buchich), ki je izšla sicer pod imenom Adalberta Barića, katere pravi avtor je pa gotovo Krčelić (Smičiklas, Monumenta spect. hist. Slav. merid. XXX, p. XLV). Nekako istodobno so se bavili z Bučićem tudi pisci Illyrici Sacri: Riceputi, ki je prirejal Illyricum Sacrum do svoje smrti 1742., je zbiral za zagrebško nadškofijo gradivo v Zagrebu samem (V, 331) ter dobil polagoma vse, kar je imel Levaković (Krčelić, Hist. cathedr. eccl. Zagrab., predgovor), torej pač tudi naš imenik; Farlati, ki je delo nadaljeval, je poslal oddelek o zagrebški nadškofiji v pregled Krčeliću (Starine VIII, 210). Aktov o sinodi 1574. l. Farlati še ne pozna (Illyr. S. V, 539), četudi je izšel ta (= V.) zvezek šele 1775. l. To je pač dokaz, da sloni vse gradivo na preiskavah pred 1771. l. Vendar kažejo odstavki o Bučiću, da je bilo znano njih piscu o njem več nego mu je mogel povedati naš seznam župnikov iz 1574. l.; seveda je pa mogel najti to, kar sega preko seznamka a se krije deloma s sinodalnimi zaključki, event. tudi kje drugje, ne samo v Zagrebu. — Krčelićeva izvajanja je ponovil 1798. l. tudi Johann Christian Engel (Gesch. d. ungar. Reichs und seiner Nebenländer II, 148—149).

Te objave in komentarji so izhodišče tega, kar kroži danes o Bučiću, njegovem literatstvu in pa o tiskarni v Nedeljišču po literarnih in kulturnih zgodovinah pravilnega in — nepravilnega.

Knjigo Bučićevo proti katoliškemu nauku o evharistiji je na osnovi sinodalnega zaključka suponiral že Glavina ter skušal pojasniti tudi izgubo primerka: »... Libellus impressus Michaelis Buchich, quo realem Corporis et Sanguinis Domini in Eucharistia praesentiam impugnat, deperditus et ex toto suppressus nec amplius extare videtur...« (4). Verzija o takem Bučićevem delu se je obdržala (na pr. Kukuljević, Bibl. št. 272; Šafařík II, 274; Ljubić, Ogled. II, 516; Kukuljević, Agram. Ztg. 1881, št. 265; Szabó, Régi magyar Könyvtár II, št. 133; Glaser I, 125; Ottův Slovník XIII, 455; Šurmin, Pov. 126; Bučar, Vjestnik zem. arkiva 1900, 208; Bučar, Pov. 16; Bučar, Pov. ref. u Medjum. 17; Gavrilović, Ist. srp. i hrv. knjiž. 222; Klaić Povjest VI, 63). Napaka se je vrinila tukaj le v tej smeri, da dela zveza tuintam vtis, kakor da bi bil znan knjigi naslov, in sicer v latinskem jeziku: Libellus contra realem praesentiam corporis et sanguinis Christi in Sacramento Eucharistiae...

Razen te edine knjige, ki je izpričana po sodobnih dokumentih, pa se pripisujejo Bučiću izza začetka XIX. stoletja še druge.

Glavina poroča: »Anno 1550. et 1562. Tubingae edidit Primus Truberus Croatice sive Slavice testamentum novum, Maximiliano Bohemiae Regi dedicatum, atque insuper Catechismum, Conjuncta opera Antonii Dalmatae, Stephani Comitis(!) Istriae« (4). To je ponovil za Glavino sicer brez letnic a drugače skoro doslovno tudi Krčelić, dočim je opozoril Engel v tej zvezi na glag. Novi testament, ozir. glag. Kratke razumne nauke v nadškof. biblioteki v Karlovcih, ozir. v biblioteki grofa Széchény v Zinzendorfu. Pozneje se je po vsej priliki ime Trubarja, Konzula in Dalmatina prezrlo, prevod novega testamenta pa se je prenesel na Bučića. To je edina razlaga, ki jo morem najti za vznik verzije o Bučićevem prevodu novega testamenta, ki je zelo razširjena (na pr. Mikloušić, Izbor Dugovanyh 83; Riegerjev Slovník: I, 938; IV, 347; Šafařík II, 274; Ljubić II, 516; Kukuljević, Agr. Ztg. 1881, št. 265; Kukuljević, Glasoviti Hrvati 124; Szabó št. 135; Sket 70; Glaser I, 125; Ottův Slovník XIII, 455; Šurmin 126; Bučar, Vjestnik 1900, 208; Kovačič, Zbornik M. S. 1908, 110; Bučar, Pov. 16; Bučar, Medjim. 17; Gavrilović 222; Vodnik 204; Grafenauer, Kratka zg. 1. izd. 57; Popović, Jugosl. knjiž. 29). Tuintam se je o eksistenci novega testamenta pač rahlo podvomilo (Riegerjev Slovník IV, 347; Šafařík II, 274; Sket 70; Glaser I, 125; Šurmin 126; Bučar, Vjesnik 1900, 203, 208; Bučar, Medjum. 17), toda navadno se je zopet še v isti knjigi s celo serijo operiralo.

Glavina je govoril tudi o hrvaškem katekizmu, ki ga je izdal Trubar s pomočjo Konzula in Dalmatina (prejšnji odstavek). K temu zametku za novo verzijo se je pridružila še druga okoliščina. Glavina poroča, pač na osnovi ustmenega razgovora s Krčelićem: »Rmus D. Kercselich, caeteras inter collectiones suas, illustrandis his Regionibus, ac Eruditioni servientes, se possidere ait, Catechismum quoque Croaticum, secundum Lutheri articulos factum,

et Dialecto Insulana ac Varasdiniensi editum litteris omnino latinis; qui quo Auctore? quo loco? Sub cujus auspiciis editus fuerat? quia integrum opus non esset, careretque initio, se dicere non posse asserit« (4). Glavini samemu torej ne prihaja na misel, da bi bil ta defektni katekizem Krčelićev — delo Bučićevo. In vendar moram zopet reči, da ne najdem druge razlage za postanek verzije o Bučićevem »Kerschanzkem Návuku« (Mikloušić), »Katekizmu ili kerštianskem nauku« (Šurmin) in kar je še podobnih naslovov, ki kurzirajo pod Bučićevim imenom po literarnih zgodovinah, na pr.: Mikloušić, Izbor 83; Kukuljević, Bibliogr. št. 271; Riegerjev Slovník IV, 347; Šafařík II, 274, 355; Ljubić II, 518; Kukuljević, Agr. Ztg. 1881, št. 265; Marn XXI, 51; Kukuljević, Glasoviti Hrvati 124; Szabó št. 144; Sket, Čit. 70; Glaser I, 125; Ottův Slovník XIII, 455; Šurmin 126; Bučar, Vjestnik 1900, 208; Kovačič, Zbornik M. S. 1908, 110; Bučar, Povjest 16; Bučar, Medjum. 17, 70; Cuvaj, Gradja za pov. školstva I, 72; Gavrilović 122; Vodnik I, 204; Grafenauer, Kratka zg. 1. izd. 57).

Defektni katekizem v varaždinskem ali medjimurskem narečju, ki je bil okoli 1770. l. v posesti Krčelićevi, je vprašanje zase. Čudno se mi zdi, da ga Krčelić sam nikjer ne omenja; tudi med knjigami, ki jih je daroval Krčelić v juliju 1777. zagrebški akademiji (prim.: Laszowski, Krčelićeva knjižnica, Prosvjeta 1898, 547), se ne omenja, čeravno je 7 hrvaških knjig tam zabeleženih. Če poročilo ne sloni morda na kaki pomoti ter je okoli 1770. l. Krčelić res imel tak katekizem, potem je treba ugotoviti, da katekizem s kalvinsko tendenco, ki jo je zastopal Bučić, to ni bil, saj pravi edino poročilo o njem naravnost, da je »secundum Lutheri articulos factus«. Prav nič se ne bi čudil, če bi se kedaj dokazalo, da gre tukaj za hrvaški katekizem Dalmate in Konzula, ki se je natisnil z latinskimi črkami v Tubingi 1564. l.; pri tem me manj moti, če je imel Krčelič stari primorsko-istrski govor čakavskega narečja za govor »medjumurski in varaždinski«, kakor pa — da ne bi bil umel razlikovati kalvinskega katekizma od luteranskega!

Ko sta se začeli pripisovati Bučiću poleg ene izpričane še dve neizpričani knjigi, se je pojavila takoj tudi tendenca, da jih je bilo še več (n. pr. Šafařík II, 274. 355; Ljubić II, 516; Sket 70; Bučar, Medjum. 16, 17; prim. tudi Klaić, Pov. VI, 63). — In ker sta bila glagoljska novi testament in katekizem, ki sta kumovala pri vzniku verzije o Bučićevem novem testamentu in katekizmu, posvečena kralju Maksimiljanu, se je začelo pisati, da so bile Maksimiljanu posvečene Bučićeve knjige (Mikloušić, Izb. 83; Ljubić II, 516; Glaser I, 125), ali vsaj knjiga proti katoliškemu nauku o evharistiji (Bučar, Vjestnik 1900, 208; Bučar, Pov. 16; Bučar. Medjum. 17), dočim se o ostalih dveh tudi namiguje, da jih je Bučić »valjada posvetio Gjuri Zrinskome« (Bučar, Medjum. 17). — Čeravno je bila kalvinska verska orijentacija Bučićeva zadostno izpričana in tudi v literaturi priznana, se je mogla vendar razširjati verzija, da je bil dozdeven njegov katekizem napisan za luterane ter imel to menda celo

v naslovu (Kukuljević, Bibl. št. 271; Marn XXI, 51); napravila se je celo antiteza: luteran Mihael Bučić — kalvinec Ivan Pergošić (Grafenauer, Kratka zg. 1. izd. 57). — O kraju tiska in tiskarni Bučićevih knjig Glavina še ni ugibal, ker ni imel zato nobene podlage. Krčelić pa je med tem bil videl Pergošićev Tripartitum ter v posvetilu čital, da je bil Rudolf Hofhalter tiskar, ki ga je grof Zrinjski dovedel v Nedeljišče. Prepustil se je fantaziji ter brez vsakršnih dokazov sklepal dalje, da se v istem Nedeljišču ni natisnilo le več Bučićevih knjig (cript*a*), ampak razen Bučića in Pergošića še druge protestantske knjige, deloma brez imena avtorjevega, predvsem knjige »katehetične in teologične«: »accedente eo etiam, quod Zrinii fautores, sectatores fuerint Calvini, cuius doctrina ut firmaretur, Typographiam Nedelicii, sive in Nedelische erexerant, ex qua prodivere libri complures Croatico, ut vocamus, idiomate. Reliquos inter etiam Opus Tripartiti Verbecziani. Ex hac eadem Tipographia prodivere Libri protestantium Catechetici, Theologici, quidam sine Auctoris, quidam vero, uti Michaelis Buchich, cum Scriptoris Nomine« (Scriptores 31). Odslej ni prišlo le v navado, a priori ob vsaki Bučićevi dozdevni knjigi misliti samo na tiskarno v Nedeljišču, ampak govorilo se je v Krčelićevem širokem zmislu o raznih nedeljiških knjigah (Mikloušić, Izb. 83 [Kerztchanzki návuki y Bogoszlovzke (knyige)]; Šafařík II, 274, 355; Ljubić II, 516; Ottův Slovník XIII, 455; Šurmin 126; Bučar, Vjestnik 1900, 108 [katoličke i teološke]). — O času Bučićevih tiskov še nista ugibala niti Glavina niti Krčelić. Vprašanje se je začelo obravnavati v zvezi s vprašanjem o postanku tiskarne v Nedeljišču sploh. V začetku se čuti precej nekritične samovolje, pozneje se skuša delavnost tiskarne v Nedeljišču časovno navezati menda na protestantsko tiskarno v Urachu, ki je prenehala delovati 1564. l., čuti se razsodek, da je treba priti vsaj z obsojeno Bučićevo knjigo pred 8. marec 1574., ko je zborovala sinoda, pogled pa zastira nepoznanje Hofhalterjevega itinerarja. Tako se operira z raznimi letnicami: »Okolo leta 1547.« (Mikloušić, Izb. 83); 1564—1574 (Šafařík II, 355; Marn XXI, 51; Glaser I, 125; Sket 70); 1570—1573 (Riegerjev Slovník IV, 347); 1572 (Grafenauer, Kratka zg. 1. izd. 57); »okoli 1573« (Kukuljević, Bibl. 271, 272; Ljubić II, 516; Ottův Slovník XIII, 455; Šurmin 126; Cuvaj, Gradja I, 172). V nepoznanju takratnega tiskarskega življenja in Hofhalterjevega itinerarja se tudi trdi, da je Juri Zrinjski tiskarno v Nedeljišču »prenesel l. 1586. v Varaždin, kjer jo je vodil iz Ljubljane pregnani Janž Mandeljc« (Grafenauer, o. c. 57).

Slično se je postopalo tudi pri donašanju kamenčkov za Bučićevo biografijo.

Z Bučićevim župnikovanjem v Stenjevcu se je že operiralo, toda brez navedbe vira in možnosti kontrole (Kukuljević, Glasoviti Hrvati 124; Glaser I, 148; Bučar, Vjestnik 1900, 208; Bučar, Medjum. 16; Vodnik 204; Klaić VI, 63). Izmed ostalih biografskih podrobnosti, ki kurzirajo o Bučiću po literaturi, jih je pa prišlo vanjo mnogo na sličen nekritičen način kakor vesti o Bučićevih dozdevnih knjigah.

Glavina je ugotovil nekaj krajevnih imen »Buča« (Bucha) in plemiče »de Bucha«, s temi je identificiral brez vsakršnega dokaza našega Bučića ter ga poplemenitil (2); to ponavljajo za njim Krčelić in drugi (Šafařík II, 274; O. Slovník XIII, 455; Šurmin 126; Bučar, Pov. 14; Bučar, Medjum. 70). — Krčelić je poročal že v Hist. eccl. zagrab. na 234. str. o Melanchthonovem pismu Drugniću iz 1557. l., ki se nahaja sedaj v Jugosl. akademiji (Bučar, Pov. 34, 70). To vest je zabeležil v zvezi z Bučićem tudi Glavina (4). Zdi se mi, da je napravil Glavina analogijo med Drugnićem in Bučićem in na tej osnovi poročal: »Notum autem, quod Michael Buchich Catholicis quidem natus parentibus, sed a Pseudo Ministris Calvini in Germania, quo se fors studiorum causa contulerat, in impiis dogmatibus informatus, ilorum instigatione, virus hoc in Patriam effundere conabatur« (3). Tudi ta verzija o šolanju in prestopu v Nemčiji, za katero iščete po sodobnih dokumentih zaman potrdila, se ponavlja (Bučar: Pov. 14, Medjum. 16). — V imeniku župnikov medjumurskih iz 1574. l. je že Glavina prezrl, da tam ni vakantna samo Belica, ampak tudi Turnišče: »Ut hinc argui possit, Michaelem fuisse Parochum, et credibilius in Belicza, dum relatis aliorum Parochorum nominibus, exprimeretur: Parochus in Belicza vacat. Exprimitur supra Apostata, apud Levakovich intra Plebanos, sine Parochiae suae mentione, quod beneficio jam privatus fuerit. Haec probabilia sunt, haud vero certa, cum Levakovich nullam faciat mentionem condemnationis suae. Quare duos fuisse Buchich Michael, dici potest« (3). Kar se zdi Glavini še negotovo, to velja Krčeliću že za čisto trdno, čeravno ni mogel navesti za svojo trditev nobenih novih dokumentov in čeravno je moral tudi on vedeti, da bi bil Bučić po tej metodi ravno tako lahko župnik tudi v — Turnišču. Krčelić je torej zapisal: »Michael Parochus fuit Beliczae in insula Muraкösz« in to je odslej dogma (n. pr. Kukuljević, Bibl. št. 271; Riegerjev Slovník: I. 938; IV. 347; Šafařík II, 274; Ljubić II, 516; Sket 70; O. Slovník XIII, 455; Šurmin 126; Bučar, Vjestnik 1900, 203; isti, Pov. 14; isti, Medjum. 70; Vodnik 204). — Krčelić je priobčil že 1770. l. v knjigi: Notitiæ praeliminares na 499.—500. str. diplomo Vladislava II. iz 1503. l., s katero se podeljujejo »nobilitatis insignia« bratom »de Bucha«, med drugimi tudi »Nicolao de dicta Bucha, Archidiacono de Vasca et Canonico Ecclesiae Zagrabiensis.« To je posnel tudi Glavina (2) in tudi Krčelić sam je v Scriptores stvar ponovil. V zmislu svoje identifikacije govorita Glavina in Krčelić o sorodniku našega Mihaela, Nikolaju Bučiću, arhidijakonu vaškem. Pozneje se je ta arhidijakonat Nikolaja de Bucha prenesel na Mihaela Bučića in ta napravil za — arhidijakona vaškega (Ljubić II, 516; Bučar, Vjestnik 1900, 203; isti, Pov. 14; Vodnik 204). I. t. d.

Dodatek: Šele tik pred korekturo sem dobil junijsko številko »Jugosl. njive« s člankom drja. Fanceva: »Počeci kajk. književnosti i štampanje prvih kajkavskih knjiga« (VI, 485-9). Menda

se ne motim, ako imam razpravo prijatelja Fanceva za nekak javen odgovor na svoja vprašanja o Bučiću, s katerimi sem ga z ozirom na inventar zagrebške vseuč. biblioteke ponovno nadlegoval? Za naš problem je v članku važen podatek, da je tiskal Rudolf Hofhalter v Dolnji Lendavi do junija 1574. Kontrolirati tega podatka ne morem, ker Fancev ni navedel vira, suponiram pa, da je datum pravilen. Če je pa ta datum pravilen, potem je tudi dokazano, da se knjiga, radi katere je bil Bučić obsojen 8. marca 1574., ni tiskala v Nedeljišču. V Dolnji Lendavi? Morebiti! O nepravilnosti moje teze, da je bil Bučić obsojen radi svoje in sicer najbrž kajkavske knjige, me Fancev ni prepričal. (Vrinjeno 15. VIII. 1922.)

10. Slovensko-nemški katekizem 1575—1584.

Vodnik poroča 1809. l. v svoji Geschichte Krains na 45. str. pod l. 1561., da je natisnil ljubljanski tiskar Mandeljc med drugimi knjigami tudi »einen Katechismus in der deutschen und windischen Sprache für die Schüler der lateinischen Schulen«. To verzijo ponavljajo za Vodnikom z raznimi izpremembami skoro vsi, ki imajo priliko: n. pr. Šafařík I, 115 ([nach 1562] vor 1584); Ljubić II, 552 (Truber, Katechismus in deutscher und windischer Sprache für die Schüler der lateinischen Schulen, Laibach bei Joh. Manlius [1562 do 1584]); Dimitz III, 192 [nach 1562]; Elze, Jahrbuch 1893, 95 (Catechismus germanicus et Sclavonicus, Mannel, najbrž 1578, avtor najbrž Dalmatin); Glaser I, 122—3 (Cat. germ. et Sclav., Mandeljc, 1584. v šoli); Ahn, Archiv für Geschichte der deutschen Buchh. XIX (1897), separatum 5 (Kat. in deutsch. und sloven. Spr., Mannel, 1584. v šoli); Ahn, Mittheilungen d. Musealvereines f. Krain 1906, 22 (Cat. germ. et slavon; Laibach, Mannel, 1579); Simonič I, 197 (Catechismus [nemški in slovenski za latinske šole.] Laibach bei Johann Manlius. [Med l 1575—1582]).

Izvestje, da se je rabila knjiga *1584.* l. v šoli, nam daje migljaj pri iskanju vira tej verziji. To je nedvomno rokopisna »Landschaft. Schüell Inspectoren Instruction vnd Ordnung 1584«, ki se nahaja v ljubljanski licejki pod signaturo Ms. 68, kamor je prišla 1795. l. kot dar Antona Linharta (zapis v knjigi sami fol 38 a). Ta šolski red Vodnik pod črto tudi navaja, samo da ni označil, k čemu. Rokopis ima dvoje mest, ki se nanašajo specialno na naš predmet: »Die Jhenigen Knaben, so in der ersten vnd annderen Decuria (der 1. Kl.) sizen, den wündischen Catechismum Brentij . . . außwendig khenen . . .« (fol. 16a); »Bücher pro hac prima Classe . . . 4. Catechismus Brentij Teutsch vnd windisch« (fol. 21b).

Gre torej res za katekizem Brencija, in sicer po vsej priliki za eno samo knjigo, ki je vsebovala nemški original in slovenski prevod. Če pa kdo trdi, da je to kak izgubljen Mandeljčev tisk, ki bi se bil natisnil tega ali onega leta v času, kar je bil Madeljc v Ljubljani (1575—1582), in ki bi ga bil priredil ta ali oni takratnih ljubljanskih literatov, je to gola in samovoljna kombinacija, za

katero še ni navedel nikdo kake opore. Končno pa je tak izhod sploh nepotreben. Tak dvojezičen Brencijev katekizem se nam je namreč v Berlinu ohranil, samo da ga ni natisnil Mandeljc in da ga ni priredil Dalmatin: Trubarjev Ta celi Catechismus (i. t. d.) Catechismus, mit des Herrn Johannis Brentii kurtzen Außlegung, in Windischer vnd teutscher Sprach zusamen gedruckt (i. t. d.), V Tibingi 1567. Ker se je med tem rabil Kreljev katekizem, se je zaloga Trubarjevege katekizma, precej dolgo ohranila, dokler se ni pojavil 1585. l. nov prevod Brencijevega katekizma, ki se je po vsej priliki rabil predvsem zopet v šoli.

* * *

Na koncu se obračam k vsem slavističnim gg. kolegom s prošnjo, da obdrže pri svojih študijah po velikih bibliotekah v evidenci tudi tiste knjige izza časa reformacije pri južnih Slovanih, ki so se sicer res natisnile, a so izpričane doslej samo po dokumentih, ne pa tudi eksemplarjih: 1) glag. poskusni list 1560 (glej št. 3); 2) cir. poskusni list 1561 (glej št. 3); 3) ital. Wigandi Methodus doctrinae ecclesiae magdeburgensis (seznam 5); 4) glag. Proroci c. 1564 (seznam 6); 5) Trubarjeva pesmarica (Ta celi katekizem) 1567 (glej št. 8); 6) Bučićii libellus contra realem praesentiam (? glej št. 9); 7) Leonhard Pachenecker, Compendium Catechismi Catholici in Slavonica lingua, Graecij, Zacharias Bartsch, 1574 (Trubar, Katechismus zdveima izlagama 1575, posvetilo); 8) disputacija, ki jo je izdal 1575. l. v Gradcu (?) neki jezuit (?) proti slovenskim protestantom in sicer najbrž v slovenskem jeziku (Trubar, Kat. zdveima izl., posvetilo, 501); 9) Trubar, Formula concordiae (Trubar, Novi test. 1582, predg. fol. III); 10) Bohorič Adam, Elementale labacense cum annexa nomenclatura trium linguarum, latinae, germanicae et sclavonicae (šolski red iz 1584. l., v ljublj. dež. arhivu, Schulwesen — Luter Schulen, Alte Fascikel — Nr. 54, cfr. Dimitz III, 173—8).

Ljubljana, februarja-marca 1922.

Fr. Kidrič.

Kritiky a referáty.

Początki Słowiańszczyzny Zachodniej.

I.

Nic o nich nie wiemy. O Słowianach południowych i wschodnich pouczają źródła, kiedy i jak Dunaj przekroczyli albo jak się pierwotnie około Dniepra skupiali; o zachodnich milczą. W dziejach krajów między Łabą a Wisłą jest »hiat« niczym nie zapełniony. W pierwszym i drugim stuleciu p. Chr. siedzą tu Niemcy, Warni w Meklenburgu, Rugi na wyspie, Gepidzi na wschodzie, przy morzu; ląd wypełniają Swewi i Wandalowie (pod różnymi nazwami), aż do Markomanów i Kwadów. W siódmym stuleciu zupełna zmiana dekoracji; niema żadnych Niemców, siedzą sami Słowianie od Łaby do Wisły przy morzu i na lądzie. Jak, kiedy, dlaczego nastąpiła ta zmiana?

Rzecz można trojako tłumaczyć. Albo napadli wojowniczy Słowianie Niemców i wyrugowali ich z ich własnej ziemi: quae gentes (niemieckie!) pulsae a superioribus barbaris fugerant, mówi historyk rzymski o czasach Marka Aurelego (160—170 r.). Albo Niemcy sami rzucili niewdzięczną ziemię i parli, ale czy wszyscy? znowu nie wiemy, ku bogatemu południowi, więc opuścili poprostu kraje między Łabą a Wisłą, Ostsee a Dunajem i opróżniony kraj zajęli bez walki Słowianie. Albo siedzieli Słowianie zawsze, odwiecznie, między Łabą a Wisłą a Niemcy byli tylko narodem najeźdczym (jak Gotowie na stepie czarnomorskim albo poźniej Wikingowie, co przecież powtórzyli »wędrówkę narodów«, w drugim, znacznie zmniejszonym wydaniu), co się chętnie wycofał ze zdobytych świeżo krajów, aby po nowe, bogatsze ruszał łupy. Czyż i ten odchód Niemców był zupełny, czy też przeciwnie, nie zostawali z nich szczątki a Słowianie, najeźdzcy czy spokojni koloniści, pochłonęli ich z czasem? Bo to wiemy napewne: nowa inwazja niemiecka, od czasów Karola W., nie zastała ani jednego Niemca w tych krajach, teraz zupełnie słowiańskich; żadne źródło niemieckie nigdy nic o Niemcach jakichś pierwotnych we wszystkich tych krajach ani wspomniało; nawet taki doskonały ich znawca, jak Thietmar merseburski, co sam te kraje ciągle przejeżdżał, nigdzie żadnego dawnego tubylca Niemca nie spotkał.

Tymczasem, o dziwna ironjo dziejów! pozostały w tych krajach, nie Niemcy, lecz nazwy niemieckie, i to nie byle jakie, lecz — heroiczne!! Oto *Brandenburg*. Historyk nie powinien jawnego *Braniboru* jakiegoś nigdy niesłychanego fałszerstwa powtarzać; starzy Czesi znali *Bramburk, bramburský* i to i dziś powinno wystarczać; Polak we czternastym wieku wyssał sobie z palca jakiś niemądry *Zgorzelec* a dopiero Balbin wymyślił, nierównie niefortunniej niż ów, zawsze jeszcze mądry Polak, nonsens: »branný bor« = silvae custodia, który to nonsens dodziś się po-

wtarza, co nieprawdopodobne, ale prawdziwe!! Niemiecką nazwę Brandenburgu tłumaczy Otto Tschirch, Brandenburgia, Monatsblatt etc., tom V, Berlin 1897, str. 279, »die auf dem Boden gebrannter Rodung errichtete Burg«, a więc całkiem jak ów Polak (Janko z Czarnkowa?) ze czternastego wieku; lecz jakim cudem mogłaby się taka całkiem obojętna nazwa przechować przez wieki niezmienioną? dlaczego nie wyparli jej Słowianie swoją własną, której nie znamy? A przecież w Brandenburgu, na wzgórzu Marienberg, czcili swego Trzygłowa i dlatego wystawiono tam, po ostatecznym zdobyciu Brandenburgu, kościół N. P. Marji. Tylko że w dokumencie, z r. 1166, wspominającym o donacji Ottona, syna margrabiego Albrechta Niedźwiedzia, biskup brandenburski nazywa tę górę (dziś i odwiecznie »Marienberg« zwaną) — *Harlungeberg* a to jest nazwa z odwiecznych podań niemieckich i obok Harlungeberg nabiera »Brandenburg«, r. 948 »Brendunburg« w dyplomacie fundacyjnym dla biskupstwa, innego znaczenia, jest również podaniową. Harlungi, toć przecież bratankowie słynnego króla gockiego, Ermanaricha, co ich za podszeptem złego doradcy obwiesić kazał i nazwa ich góry[1]) powtarza się nieraz (np. w Breisgau) a »Brondinga« przytacza ten sam anglosaski pieśniarz Widsidu, co i owych »Herelingów« wymienił (powtarza się ta nazwa i w »Beowulfie«). Nie należy tylko Herelingów czy Harlungów mieszać z Herulami ani Brandenburgu z niesłychanym Brentów narodem, jak to uczynił C. Platner, Brandenburgia etc. VI, str. 157—164, Berlin 1898. Nie zwracano uwagi na inną, może jeszcze ciekawszą nazwę: *wanowe mogili* wymienia akt z r. 1232 przy rozgraniczeniu kraiku Bützow w Meklenburgu. Mogił nazwy nierzadkie w owych aktach, np.: mons lapideus *dupna muggula* r. 1254 (jest to »mogiła próżna, dziurawa«, może okradziona już przez poszukiwaczy skarbów?), ale *wanowe*? Nazwy podobne w Polsce i i., tylko od Iwana się wywodzą, co wykluczone, dla samej liczby mnogiej. Więc czy nie są to mogiły **Wanów**, bóstw niemieckich, wojujących (a potym godzących się) z Azami? do Wanów należeli Njördr (Nerthus Tacytowy) i Freyr. Ich kult ziemny, pierwotniejszy, ustąpil kultowi Azów nowszemu; czy te »mogiły« śladem dawnej walki zostały? W samej mitologji tych Słowian możnaby nawet doszukiwać się wpływu pojęć niemieckich, gdyby wolno polegać na wiadomości Helmolda o bogu najwyższym jednym a innych, tym znaczniejszych, im są jemu bliższy pokrewieństwem: taż to tensam stosunek, co u Wodana, podbijającego sobie z czasem innych bogów; Thor przecież synem się jego staje, Freja żoną itd. Nie wspominamy o nazwach, jakie ci Słowianie zatrzymali po Niemcach, nietylko rzek wielkich i lasów, ale i samych ludów, Rugjów np. albo Silingów. Nie myślę wprawdzie przypuszczać za Muchem, że właśnie góra Sobota u Wrocławia była tym miejscem, na którym Naharvali odprawiali opi-

---

[1]) Nie można przypuszczać, żeby Niemcy nadali obie nazwy dopiero po pierwszej okupacji (za zdradą Tęgomira r. 928): taksamo nazwy Havelbergu Niemcy nie po raz pierwszy dopiero przed r. 946 (datum założenia biskupstwa tamże!) wymyślili, chociaż tam jest i Wendenberg, widocznie nowo nadana nazwa; jeżeli by to były świeże niemieckie nazwy, niechybnie by jakiś ślad pierwotnych słowiańskich gdzieś ocalał; przez 150 lat tam przecież znowu żadnych Niemców nie było! Są to więc odwieczne nazwy niemieckie.

sane u Tacyta uroczystości, ale pierwotna jej nazwa, góra Ślęża (i rzeczka Slęża) wiele nam mówi. Przeciwnie nie kładę wagi na nazwę grodu *Niemcza, Nemci* (Nimtsch), bo to tylko possessiwum od »Niemiec«, jak się i Słowianin mógł dla najrozmaitszych powodów nazywać. Że na niektórych miejscach Niemcy długo i po wędrówce jeszcze przesiadywali, tego dowodzi wyraźna wzmianka o niemieckich (przenigdy słowiańskich) Warnach, siedzących jeszcze w r. 510 i na starym miejscu, jak od Herulów Prokopjusz to zapisał, t. j. w Meklenburgu i Holsztynie. A Herulowie sami, t. j. ich część przedzierała się wtedy do dawnej północnej ojczyzny, do Danji, więc nie zatracali Niemcy poczucia łączności z siedzibami pierwotnymi swymi na północy i wschodzie od Łaby a podobny fakt zaszedł u Wandalów, zob. niż.

Niczego nie dowodzą nazwy niemieckie i nordyjskie książąt i księżniczek słowiańskich, bo wówczas dwuimienność była czymś stałym; u siebie w domu między Słowianami nosili ci sami imię słowiańskie, których ochrzczonych lub zpowinowaconych z Niemcami tylko z niemieckim lub nordyjskim spotykamy a więc Wirykind hawelberski z r. 1127 albo Meinfrid i Henryk (w domu »Przybysław«) brandenburscy i ztąd nie dziwią mnie imiona nordyjskie u książąt obotryckich, np. Sederich (?); czy ale Nakon nie był Hakonem (nordyjskim), jak Markquart i i. twierdzą?

W źródłach niemieckich zachodzi nieraz dziwna mieszanina rzeczy słowiańskich i niemieckich, ale i z niej da się niejeden cenny szczegół nawet dla mitologji wyłowić. Posiadamy np. żywot Wiprechta z Grodziska (Groitsch nad Elsterą), założyciela klasztoru »Pegawskiego« i tamże mnichem zmarłego r. 1124, napisany przez mnicha tamtejszego około r. 1148. Niesłychane tam baśni o praszczurach tego Wiprechta: król Emelrych (t. j. Hermanarych gocki) ma bratanków Harlungów, o których właśnie wspominaliśmy zpowodu brandenburskiego Harlungeberg; jeden z tych Harlungów panuje na Pomorzu, ma synów Sambora (znane z dziejów pomorskich imię!) i Swetibora (czy to nie nazwa jakby brata Mieszki I?); tego syna, Wilka (Wolfem przezywanego w kronice owej) wypędzają z Pomorza; on w Danji dorabia się znaczenia i ręki »królewny«; pomijam jego dalsze dzieje, jak synowie jego wypędzeni z Danji osiadli w »Balsamerland« (Stara Marchia) i ztąd gnębią przeciwników, nachodząc szczególniej miasto »Posduwulk« = Pasewalk t. j. miasto Wilka, jak kronika fałszywie tłumaczy. Nie wspominałbym wcale o tej przeraźliwej gmatwaninie Danji i Slawji, gdyby nie jeden szczegół.

Opisując bowiem pogrzeb tego Wolfa, co dla starości do konia przywiązany w boje ruszał dla zapewniania swoim zwycięstwa, wymienia mnich, że trupa odstawiono do świątyni bożka (szczegół chrześciański), ale po drodze otaczali mary poganie wedle swego zwyczaju, broń dobywszy jakby dla bitwy, opłakując zgon. We czterysta lat później (r. 1540) opisuje ten sam zwyczaj (eductis gladiis verberant auras etc.) sprawozdawca pruski, wyraźnie wspominając, że czynią to aby odstraszyć »demonów«. Otóż mnich Pegawski poświadcza to samo dla Słowian, bo Wiprecht chyba tylko od nich mógł o czymś podobnym słyszeć i w klasztorze opowiadać. Niederle, Život starých Slovanů I, str. 278, 1911, wymienia ów zwyczaj pruski, ale nie wspomina o tym dawniejszym słowiańskim świadectwie.

Najmylniej natomiast łączą z tą zachodnią Słowiańszczyzną przejmywanie pierwotnych pożyczek niemieckich. Czytamy przecież zdziwiemi w najnowszym dziele (zob. niż.), że »v tu dobu (t. j. trzecie stulecie po Chr.), Slované zastihli zde (t. j. we wschodnich Niemczech, między Labą a Wisłą), ještě odcházející Germany a přejali od nich řadu starších názvů topických a i jiných kulturních slov«. Najmylniej w świecie; nie za Wisłą w III. stuleciu (t. j. na zachód od Wisły) poprzejmywali Słowianie najważniejsze »słowa kulturalne«: kupi, szkła, bugów (armilla), *mosiągu, *usierędzów (sierg), *knięgów, kotła, węborków, buku, osła, *wertu, octu, *pienięgów, pługu itd., nie wspominając o obojętniejszych, jak: cesarz, ocel i i., albo całkiem niepewnych. Otóż wszystkie te pożyczki są o wiele dawniejsze i ogólniejsze, pochodzą jeszcze z prarodziny między Wisłą a Dnieprem, czego powszechna zgoda wszystkich języków słowiańskich niezbicie dowodzi. Czesi, Łużyczanie, Kaszubi niemają w pierwotnym swym słownictwie ani jednego germanizmu więcej, niż Słowianie soluńscy lub kijowscy; wszyscy je wszystkie otrzymali spólnie, razem. A był to wpływ olbrzymi, żadnego podobnego nie doświadczyła Słowiańszczyzna ani przedtym ani potym. Nie można więc wędrówek słowiańskich zbyt wcześnie zaczynać; musieliż Słowianie te pożyczki przyjąć i zupełnie sobie zasymilować, zanim się jeszcze rozeszli, przez Sudety do Czech itd., bo inaczej nie rozumielibyśmy tej zastanawiającej zgody wszechsłowiańskiej, co do tych pożyczek.

Z tych uwag, niżej szczegółowszymi uzupełnionych, wynika, jak zawiłe to pytania i jak należy je, ostrożnie a bez uprzedzenia, rozpatrywać. Dotąd nie mieliśmy dzieła (oprócz niekrytycznego Bogusławskiego, jednego jak drugiego), coby całość pierwotnych (do r. 1000 po Chr. sięgających), dziejów zachodniosłowiańskich obejmywało. Otrzymaliśmy je nakoniec i z najżywszym oczekiwaniem bierzemy je do rąk. Są to Dr. Lubora Niederle: *Slovanské Starožitnosti*; díl III; původ a počátky Slovanů Západních (Praha, Bursík a Kohout, 1919. Str. 258).

II.

Dzieło rozpoczęte przed dwudziestu laty, zmierza powoli ku końcowi. Z części historycznej pozostał do opracowania tom o początkach Słowian wschodnich; z dziejów kultury otrzymaliśmy cztery spore tomy, więc możemy liczyć na rychłe wykończenie całości. I zdobędzie sobie nauka czeska znowu, jak za czasów Szafarzykowych, zasługę umiejętnego opracowania całokształtu pierwotnych dziejów słowiańskich i nie przypadkowo wychodzą takie właśnie dzieła z kolebki panslawizmu, jedynej mu stale wiernej Pragi.

Byłoby zbytecznym, i zpowodu nowego tomu powtarzać uznanie wiedzy, metody, pracy autorskiej: sąd jego ostrożny; staranne unikanie wszelkiej stronniczości i jednostronności, objawiają się taksamo i w tym jak w każdym innym tomie. Niniejszy objął ośm rozdziałów: geo- i etnograficzny wizerunek wschodniej (załabskiej) Germanji; teorja o autochtoniźmie słowiańskim; historyczne szerzenie się Słowian i źródła jego; różnice językowe w zachodniem Słowiańtswie; Słowianie nadłabscy i po-

morscy; Czesi i Słowacy; Polacy; archeologja tych dziedzin; dla wymarłych Słowian sięga wykład wyjątkowo i poza rok 1000, aby ogarnąć całość ich dziejów. I byłoby znowu zbytecznym podkreślać, że autor obeznany jak najgruntowniej z całą odnośną literaturą; że zebrał nieprzejrzaną jej liczbę (niewielu, nieważnych rzeczy nie mógł dostać dla zerwania przez wojnę zwykłych związków i dróg); że jak najściślej każde pro i contra uwzględnił. Więc poświęcił i osobny rozdział fantazjom Kętrzyńskiego i Bogusławskich i słusznie wytknął, co w nich zdrożne a co u nich uznać można. Poszedł jednak za daleko, np. co do Lugiów. Nie wchodzę w pytanie, czy nie mieszkali w kraju Lugiów Słowianie pod nimi, ale że sam naród Lugiów był germańskim, nie słowiańskim, tego dowodzi wszystko; Tacyt opowiada, że Hermundurzy i Lugii napadali w r. 50 (p. Chr.) państwo naddunajskie Wanniowe, widocznie więc Germanami byli, bo skądżeżby takie koleżeństwo broni, stałe u Lugiów? Że później o nich głucho, cóż z tego? taksamo giną bez śladu wielcy Semnonowie; stale jedne nazwy wynikają, drugie opadają na dno. Wylicza Tacyt luźne szczepy Lugiów i znowu niema żadnego między nimi o nazwie słowiańskiej, Harii i i. są widocznie Germanami a o Lugiach Burach mamy nawet najwyraźniejsze świadectwo Tacytowe, że »sermone cultuque Suebos referunt« i z Swebami Lugiów istotnie i inni wymieniają. Wobec takich niedwuznacznych świadectw wykład nazwy, jedynie u Strabona raz zapisanej *Mugilones*, jako *Mogilanie* (wymienieni obok Lugiów), o których nigdy dalszej zmianki niema, jest bajka dla dzieci. Takie przypadkowe, kto wie z czego pomylone nazwisko dowodziłoby czegoś, gdybyśmy na pewno skąd inąd wiedzieli, że to Słowianie — a o tym nietylko głucho, ależ przeciwnie, całe owe wyliczanie Strabonowe tylko Germanów, bo Swebów, Semnonów, dotyczy!

Filologją wojują autochtoniści, Kętrzyński, Bogusławscy i Szembera; ależ filologja, ostry nóż, narzędzie bardzo pożyteczne, chociaż nie dla dzieci, bo się nim skaleczą; cała też filologja »autochtoniczna«, to jedno takie kalectwo. Za czasów Szafarzykowych nóż był jeszcze całkiem tępy, więc nie czynimy Szafarzykowi zarzutu, że niemógł nim krajać, ależ dziś to już nie uchodzi. Autor również nie jest filologiem i sam to nieraz wyraźnie zaznacza; stara się poinformować u filologów, ależ to nie wystarcza. I właśnie przy tych fatalnych, bo arcywątpliwych Mugilanach mogę dowieść, co to znaczy, jeżeli niefilolog zacznie bronią filologiczną wojować. Pisze autor na str. 53: »Jméno Mugilonů mluví **nepopíratelně** ve prospěch slavinity, neboť není druhého jazyka, který by tomuto jménu poskytl výklad rovnocenný slovanskému *Mogilané*. Předně jsou v slovanské nomenklatuře jména hojná a za druhé při okraji staré země lugijské jmenuje Dětmar srbskou župu Mogilanů etc. Konečně je právě forma slova s *u*- stará a Polabanům vlastní«. Tu każde słowo mylne. Małoruska Medynja tłumaczy najlepiej Medinę arabską — a cóż z tego? »żupy« Mohilan niebyło, jest tylko (urbs) Mogilina, którą Hey (zob. niż.) fałszywie przez *Mogylany* opisywa, zamiast przez *Mogilno*. A że w **tysiąc** lat później *mogiłę* u Słowian przez u, *mugula* **Niemcy** piszą, cóż z tego dla Strabonowych czasów? A zkąd wie autor, że to przy krawędzi lugijskiej ziemi (!!) Mogilno leży? Więc jak Medynja nic niema

z Mediną do czynienia, tak samo Mugilones z Mogilnem; takie rzeczy to nie naukowe.

Ale z powodu autochtonistów dodałbym jeszcze słówko. Autor wspomina tylko o naszych domorosłych autochtonistach; warto jednak zaznaczyć, że do dzisiejszego dnia nauka francuska uwięzła w autochtonizmie najgorszej próby. Oto w znakomitym dziele, wydanym z francuskim przepychem i smakiem (tylko papier szarawy!), Histoire de la nation française I (Paris 1920), prawi Brunhes, profesor w Collège de France, na str. 143—145 w przeglądzie ras, jakie dzisiejszą Francję utworzyły: »Les Burgondes ont été à l'origine des Slaves, Pline les met nettement au nombre des peuples vandales . . . Les Vandales, qui sont de toute évidence (!!) des Sarmates ou des Slaves, ont été groupés par Pline et Tacite parmi les peuples germaniques ce qui démontre une fois de plus quelle serait l'erreur, qui ferait accorder une valeur éthnique à de telles designations antiques (!!). Les Vandals avec leurs frères slaves, les Alains (!!) itd. Ale to nic, następuje rzecz nierównie ciekawsza, co skracam: nasz sławny Verdun nazywa się, począwszy od czwartego wieku, nieraz 'urbs clavorum', wiele o tym wylano atramentu, ale to nie ,klucze' do Francji ani targowisko ,niewolników', lecz jak dowiódł prof. Prou i ks. Carrière w Académie des inscriptions et belles lettres 1916 r., urbs Sclavorum, »témoignage de l'établissement en la cité celtique de Virodunum d'une colonie des Slaves probablement de Sarmates venus en Gaule au temps de l'empire romain vers le quatrième siècle«. Nie czytałem tego sprawozdania i nie chcę go czytać, bo to nonsens; zapomnieli ci panowie o jednym drobnym fakcie, t. j. że w Europie w czwartym i piątym wieku nikt nigdy nic o Sclavi nie słyszał; wiemy przecież, że dopiero w szóstym wieku pojawiają się Sclavini i Sclavus (rzadko) a sclavus w znaczeniu servus o wiele później. Więc w czwartym (!) wieku ,urbs clavorum' (czy to nie tłumaczenie celtyckiego Virodunum?) niemoże być urbs Sclavorum, to nonsens. Ale jeszcze nie koniec, bo oto jest w Wandeji miasteczko Tiffauges, więc około niego była niegdyś Tifaugia i pagus tifagicus, nazwane od »D'autres Slaves moins importants, les Taiffales (niemcy wierutni!!), se seraient installés dans une part de la France atlantique«. Lecz dosyć tej niesłychanej mądrości i wcalebym o niej nie wspominał, ależ ten pierwotny grzech o Wandalach = Słowianach porodził Fluvius Vandalicus = Wisłę, a to znowu porodziło Wandę mistrza Wincentego i poszła Wanda, o jakiej się żadnym Słowianom nigdy ani śniło (t. j. o nazwie takiej), hulać po świecie, godna stanąć do pary z nonsensem Braniborem. Wszystko fałszerstwa wierutne i pora z nimi na śmietnik do Libuszy!

Od ekskursu francuskiego wracam do autora nie filologa lecz filologją stale, acz nieszczęśliwie wojującego, chociaż istotnie nie umie sobie poradzić w żadnej wątpliwości; nie wniesie też nigdy jakiegoś nowego zdania, powtarza stale dawne błędy. Np. prawi Vibius Sequester: Albis Suevos a Cervetiis dividit, więc autor (str. 69) powtórzy bez namysłu bajkę, że Cervetii, to nazwa »żupy serbskiej na prawym brzegu Łaby koło dzisiejszego ,Zerbst', po słowiańsku ,Serbiszte' albo ,Srbiszti' (str. 115). Ależ Zerbst (Cierwiste itd., dawniej wyłącznie niemal przez *w*, nie przez

b pisane), dlatego nie może być nazwanym od Serbów, Srbów, bo ta nazwa brzmi po niemiecku zawsze z *u, o, ü, ö*, nigdy z *e;* od Serbów byliby je Niemcy *Zürbst lub *Zörbst przezwali, nie Zerwisti! Vibiusowe ,Cervetii' jest jakiś nonsens, jeżeli nie z ,Sorabi' pomylone.

Zawodzi nasz autor zupełnie, więc zamiast niego ja sam zwrócę uwagę na kilka nowych szczegółów. Najpierw uderza ten fakt, że na całym tym pograniczu słowiańskoniemieckim istnieją nazwy odwieczne niemieckie, nie słowiańskie, dla słowiańskich grodów i ludów, które dopiero wiek dziewiętnasty pofałszował. Jedynie prawdziwe, bo jedynie historyczne są np. nazwy: Aldenburg, Ratzeburg, Meklenburg, Havelberg, Brandenburg, Kalbe, Merseburg itd.; jeżeli w dziewiętnastym wieku pojawiają się na ich miejscu: Stargard, Ratibor, Weligard, Branibor, Mezybor, Kobla itp., to są to niezdarne fałszerstwa, takie same, jak gdybyśmy np. zamiast ,Magdeburg' nigdy niesłychany ,Dziewin' jakiś wprowadzali. Ten gruby błąd popełnia autor i na mapie, jaką dołączył do swego dzieła, przedstawiają się okazale: Stargard, Viligard, Ratibor, Branibor (!!), Kobla itd., ależ to same fałszerstwa, których się wstydzić trzeba. A dlaczego autor zostawił np. u Wagrów, Lutilinburg, nie zastąpił go przez *Maligard? To właśnie zasługiwa na największą uwagę, że dla prastarych grodów słowiańskich, np. dla Havelbergu, Meklenburgu, Ratzeburgu, Brandenburgu, posiadamy **tylko** germańskie ich nazwy, nie znamy ich słowiańskich i to powtarza się ciągle: Wismar, Arkona, Rerig, Jasmund itd. a z tego wynika, że niezrozumiałe nam nazwy słowiańskie, np. Smeldingi, Wagri, Abotriti itd., mogą być wcale nie słowiańskie, lecz germańskie!* Autor przytacza wszystkie o nich bajki dawnych pseudologów; czasem zaznaczy swą wątpliwość, ależ to nie wystarcza; tę starzyznę Reregi = Rarogowie itd. należało albo całkiem wyrzucić albo jako curiosum napiętnować. Tymczasem czytamy np. na str. 129: Połabia, Palobi pagus »głównym jej grodem był Ratibor, Racisburg, Razesburg, dzisiejsze Ratzeburg . . . i później założone *Lübeck*, nazwane od okolicznych Słowian *Bukowiec;* w nazwie ogólnej Połabia spłynęły mniejsze jednostki, Smolinców (Smeldingi); ich nazwa słowiańska zgadza się jawnie z ruskimi a macedońskimi Smolency«. Ależ *Ratzeburg* niemoże być Ratiborem dla tej prostej przyczyny, że się nigdy przez *t* nie pisze jak np. śląski Ratibor; jego *c* jest pierwotne; *Lübeck* nie może być = Lubice, co najwyżej = *Lubecz; Bukowiec* wymyślił sobie ów Polak przy końcu czternastego wieku (nie okoliczni Słowianie), ten sam (Janko z Czarnkowa?), co i Dalmację = dała mać z palca sobie wyssał; Smeldingi jest, jak *-ingi* (Polabingi dowolnie Adam dopiero urobił) dowodzi, nazwa raczej germańska i z Smołą, pomimo blizkiego Schmölen, i z Smoleńcami nic niema do czynienia. I tak miesza się dowolnie pofałszowane nazwy słowiańskie z odwiecznymi, jedynie historycznymi niemieckimi; na str. 142 »miasto Lüneburg w Hanowerze (słow. niby Linograd), zwane Hliuni, Luniburc, wskazywałoby, że się (słowiańscy) Linjanie i tam, na lewym brzegu Łaby, znachodzili« (!). Ależ Lüneburg jest odwieczne germańskie, tak jak Brandenburg, z tą jednak różnicą, że Brandenburg leżał na ziemi słowiańskiej, Lüneburg zaś na niemieckiej, i z nazwą słowiańskich Linonów, której znowu

nie rozumiemy, bo to może nazwa niemiecka, nie słowiańska, w żadnym nie stoi związku.

Jest więc fakt pierwszorzędnej wagi, to istnienie nazw niemieckich dla grodów, ludów, powiatów słowiańskich, więc niebyło żadnych słowiańskich »Havolan« nigdy, byli tylko zwani po niemiecku Hefeldi a »Stodor« po lucicku; była niemiecka tylko nazwa *Daleminci*, a słowiańska tylko *Glomaci* (autor str. 119 niemiecką nazwę Daleminci uważa za dawniejszą słowiańską; Hey tłumaczy ją dale-mieńci »die weitberühmten«!! Glomaci byłaby wedle niego późniejsza słowiańska); taksamo Niemcy »Wolmirstädt« nazywali, a Słowianie »Ustie Ury« i jest właśnie zasługą znakomitego, jedynego znawcy tych stron, Thietmara, że on nam pozaznaczał wyraźnie te podwójne nazwy (wszyscy inni jego tylko odpisywali, ale i Czesi »Stodor« zachowali). Co wynika zaś z tych nazw niemieckich dla Słowian?

Weźmy np. szczep »Warnów«; mają to być »w językach innych Słowian Wranowie, Wranianie« (str. 127). Pomijam, że Wranowie »Wrony« a Wranianie »siedzący nad rzeką Wronią« zupełnie coś innego, ale ja w te »wrony«, totem niby jakiś, nie uwierzę nigdy. Jak bowiem w nazwie Śląska albo Rugji ocalała Silingów i Rugów germańska, taksamo ocalała germańska nazwa Var(i)nów (*Οὐάρνοι* Prokopiuszowi) w nazwie terra i flumen Varnowe a o wronach i totemach niema mowy. Autor wprawdzie rozprawia krótko o tych pierwotnych Niemcach, ale to nie wystarcza. Gdyby się był rozejrzał dokładniej w dziejach tych Warnów, nigdyby nie napisał (str. 56): »V Meklenbursko, ač to není pravděpodobné, mohl už v době Pliniově proniknouti menší kmen slovanský. Ale spíše ... přišel slovanský kmen do země, na níž tkvělo staré jméno kmene germanského, a jméno to přešlo na něj.« Pierwsze zdanie, to autochtonizm najgorszej próby. Jeżeli kto był prawdziwym Niemcem, to chyba Warni: mamyż nazwiska ich królów (jedno, Wakar, może nawet tłumaczy imię Wagrów słowiańskich, co blizko dawnych Warnów usiedli??); wiemy, w jakiej oni byli ścisłej komitywie z Anglami i taksamo jak u Lugiów, najwybitniejszych również Niemców (przypadkowe całkiem podobieństwo z »ługami« słowiańskimi dowodzi tyle co i »Mugilonów«, t. j. nic), ani przez sen nam nie przejdzie, żeby to byli jacyś zniemczeni Słowianie. A ci germańscy Warni siedzieli, naturalnie tylko ich ostatki, na dawnych miejscach jeszcze na początku 6. wieku a ów dowód Sobolewskiego (str. 63), o nazwie *Sasъ*, przejętej w prasłowiańszczyźnie niby, »že se Slované **k dolnímu Labi** dostali aspoň krátce po narození Kristovu«, niczego nie dowodzi, *Sasъ* nie jest prasłowiańskie. Albo szczep »Wagri« (w Holsztynie) z grodami Lutilinburg i Aldenburg: nikt nazwy tej z słowiańszczyzny nie wyłoży, bo Perwolf i Hilferding nożem filologicznym się pokłóli; jak nazwy ich grodów, taksamo i nazwa szczepu jest niemiecka. A nazwa »Abodriti« albo »Obotriti«? Autor pisze ją niby z słowiańska *Obodrici* (127), co taksamo niemożliwe, jak Szafarzykowe *Bodrci*, boć ani jednej ani drugiej formy żadne źródło nigdy nie znało; obie są więc fantastyczne. Nazwy tej dotąd nikt z słowiańszczyzny nie wytłumaczył a Abotriti-Praedenecenti południowi (z jakiegoś nieporozumienia wynikli?) tę trudność tylko zwiększają; formy *Afdrede* (u Al-

freda), *Abtrezi* u t. zw. geografa bawarskiego całkiem nie słowiańskie. Chętnie przyznam się, że nic o tej nazwie nie wiem; protestuję tylko przeciw dowolnej jej »slawizacji«. Schwerin obotryckie autor pisze Zvěrin; mnie nazwa *Zwierzyn* nieznana (Zwierzyniec chyba?), wolę więc *Skwierzyn*, znany dobrze w Polsce; że żadnego Viligard u nich nigdy nie było, wspomniałem już; *Azzan* arabskie z r. 965 w Viligard odmieniać, to nonsens a uwaga Ibrahima, że nazwa znaczy »wielki gród«, odnosi się właśnie do Mikilinburg, nie do jakiegoś zfałszowanego *Viligard! Jak »Obotrite« swój główny gród nazywali, nie wiemy więc; Niemcy zwali go »Mikilinburg« a od nich dowiedział się o tem Ibrahim i o znaczeniu tej ich nazwy.

Najmylniej wyłożył autor str. 133 nazwę »Weletów«; »pełnogłoskowa (t. j. ruska) forma *velet* dała w bałtyckiej słowiańszczyźnie formę *velt*«, ależ tu niema żadnego pełnogłosu; olbrzym nazywał się po polsku a więc i po »bałtycku« *wielotem* (weletem). Dalej cytuję dosłownie: »łatwiej zrozumiałe są już dwa drugie miana, przymianki, jakie dawali Weltom dla ich dzikości (!) Niemcy wprawdzie, ale obie przejęte z mowy słowiańskiej; nazywali ich albo wilkami, do czego prowadziła widocznie i akustyczna zgoda z mianem Welt (!), albo Luticami, potomkami Luta, od *ljutъ* = dziki«. I logika i gramatyka solennie protestują, bo gdyby nawet Niemcy jakimś niepojętym cudem Luciców »wilkami« nie »Wolf«, po swojemu, ale »wilk« po cudzemu nazywali (!), brzmiałaby ta nazwa *Wulci*, nigdy *Wilzi*, bo od Słowian tamtejszych Niemcy tylko Wulk dla Wilk słyszeli, nigdy inaczej (wszystkie Wulkow, Wolckow itd. tu należą), podobnie jak Surbi, Sorbi, u nich nigdy Serbi; więc i nazwę Pasewalk w ziemi ukrańskiej najmylniej autor za źródłem dwunastego wieku przez »Pozdewolk«, Pozdivlk (str. 145), tłumaczył; nic ona z wilkami niema do czynienia, bo brzmiałaby *-wulk*, nie *-walk!*

Pasewalk koło Szczytna (Stettin), Pritzwalk koło Wittenberge i na Rugji, Priwall w Meklenburgu naprzeciw Travemünde (»insula que Priwolc (= polskie Przewłoki) nuncupatur w r. 1226, insula Priwalk 1286, zob. Kühnel, Slavische Ortsnamen in Meklenburg, 1882, str. 112), nie od wilków, ale od włoku (przewłok, zawołoczje) nazwane (Priestäblich w Saksonji, od przystawów, Pristabel, nazwane, tu nie należy, co Hey str. 303 mylnie wykładał), z nieprzestawionym jeszcze *l*, jak w polskim Kołdrąb (ale meklenburskie Klodram, ruskie Kołodruby).

Starosłowiańska nazwa olbrzyma pierwotna (nie pożyczki późniejsze: *ispolinъ* od Społów; *obrinъ* od Awarów; *Študъ* od Čudi = Finów t. j. Scytów?) była *weletъ*, ruski *wołot* i *welet*, polskie (jeszcze w r. 1612 i nie przywędrowało to od Luciców, jak autor na str. 134 mniema) *wielot*, u Ptolemeusza *Weltai* zamiast *Weletoi*, przeszła na ten szczep wojowniczy i tak ją poznali sąsiedzi Niemcy jeszcze przed piątym stuleciem: Welti, Wilti; w piątym czy szóstym wieku ta nazwa, nb. tylko w ustach Górnych Niemców (!), przeszła wedle znanego »prawa głosowego« (druga »Lautverschiebung«) całkiem regularnie na Wilzi; u Słowian samych, co sobie w odmianie nazw często lubowali, dawną zastąpiono w wieku dziesiątym przez nową, »Luciców«, od Luta-przodka, nie od przymiotnika *luty* = okrutny. Adam Bremski, jak nieraz, rzecz z gruntu

poplątał i napisał nonsens: »populi qui ab illis Wilzi, a nobis dicuntur Leutizi«, ależ nie nasza rzecz, powtarzać jego błędy (np. o bożku Radgostu!!), skoro z lepszych źródł prawdę znamy. Autor i inne nazwy luźnych szczepów łucickich mylnie wykłada; Chizzini mają być »Chyžiny (od *chyz, chysza*, casa piscatoria), jako szczep na wybrzeżu morskim a żywiący się głównie rybactwem«, ale sam czuł, że to nonsens, i dodał na str. 137 zastrzeżenie, że może lepiej należałoby to imię wywodzić od grodu: bardzo trafnie, ale pocóż było o chyszach rybackich na całej stronicy przedtym się rozwodzić? Wolgast jest mu Weli g(w)ozd, za Muką, ale Muka strasznie bałamuci. Z Tolensani robi Doleńców (!); dla Słowian to nazwa bardzo ciekawa, bo Radgoszcz leżał właśnie na południowym cyplu jeziora »Tolense«: czy i to nazwa germańska, jak Brandenburg, Warnow itd.? Przeciw wyraźnemu świadectwu znakomicie poinformowanego, jak zawsze, Thietmara, powtarza autor na str. 138 plotki Adamowe. A więc mówi o głównym grodzie lucickim, »zwanym najpierw Riedegost (Thietmar), później Rethra (Adam, Helmold)«. Tej bajki o grodzie nazwanym Rethra, której nazwy grodowej nigdy nie było, bo gród się tylko Radgoszczem nazywał, zaś szczep »Ratrami«, trzymają się wszyscy upornie, wedle przysłowia polskiego, że na upór i na błoto niema ratunku, i Schmeidler i Schuchardt w pracach najnowszych, co już po książce Niederlego wyszły (B. Schmeidler, Hamburg-Bremen und Nordosteuropa vom 9. bis 11. Jahrhundert, 1918, i Schuchardt w Sitzungsberichte der Berliner Akademie z r. 1921 o Rethra i Arkona). Adam poplątał nazwy Thietmarowe: szczep Rethra — gród Radigost — bożek Zwarasici; opuścił ostatnią, więc nazwę grodu Radgoszcz musiał przesunąć na bożka a Niederle mu uwierzył — niech tylko drugą podobną nazwę bożka słowiańskiego pokaże — ale to rzecz tak jasna i pewna, że szkoda słów tracić; Adam przecież jak najfałszywiej i bożka samego opisał; wiemy, że bożki słowiańskie zawsze stali, w Arkonie jak w Kijowie, więc i u Thietmara oni »stant«, u Adama zaś »leżą« na łożu kosztownym — jawny fałszywy wymysł. Dziś chyba niemoże być żadnej wątpliwości, gdzie ów Radgoszcz leżał; przecież znaleziono i brukowaną drogę, prowadzącą od stałego lądu na wysepkę z świątynią: Schmeidler w trzecim dodatku do swego dzieła bardzo dobrze wyniki tych badań topograficznych streścił (Radgoscz leżał na ostrowie; ciekawa rzecz, że nazwa tej wyspy przeszła na wieś Wustrow, co leży naprzeciw na stałym lądzie, wyspą nie jest). Imię *Rethra*, szczepu samego, wywodzono od *raci*, wojny; autor widzi w niej nazwę grodową, bo najmylniej w świecie i niebywały nigdy gród Rethrę, za Adamem (którego Helmold tylko odpisywał), przyjął. Wobec faktu, że nazwy szczepowe od grodów odwodzono (zob. niż.), można przypuścić, że nazwa Redrów czy Ratrów a raczej Radrów, bo najczęściej z *d*, nie z *t* w dokumentach się zjawia, wyszła od Radgoszcza albo Redgoszcza, bo *a* i *e* po *r* nierzadko od najdawniejszych czasów się mieszają: nie uchodzi tylko nagłówek, jaki autor dał »Rataři, Retrané« (str. 138: albo jedno albo drugie, chociaż oba fałszywe, szczególniej Retrané!). Tu dodam, że niepojętym dla mnie cudem taki slawista jak Leskien nie odgadł w *Radigost* Tietmarowym Radgoszcza i zmylił Schmeidlera twierdząc, że to »Radgost« a tak się miejscowość

nie może nazywać!! Ależ Niemcy zawsze słowiańskie *-szcz* przez *-st* oddają, Wolgast = Wielgoszcz itd.; więc Radigast jest Radgoszczem, nie Radgostem; taksamo Stettin jest Szczytnem, nie jakimś niebywałym Štětínem, jak to autor str. 154 za dawnym błędem powtarza; przecież nazwa Stitne jest poręczona a Szczytno mazowieckie dobrze znamy; powtarza się na Pomorzu jak inne nazwy mazowieckie, np. Rypino = Ruppin i i.

Jak autor nie ocenił należycie tego ważnego faktu co do nazw germańskich u tych Słowian nadgranicznych, taksamo nie zauważył i drugiego faktu: jak się u tych Słowian powtarzają najrzadsze nazwy miejscowe, co najłatwiej możnaby tłumaczyć w ten sposób, że to sam szczep t. j. odrośl jego niby jakie ver sacrum słowiańskie powędrowała dalej i nazwę dawnego grodu na nowej siedzibie powtórzyła i utrwaliła. Weźmy np. nazwę *Koledici.* Jest to nazwa powiatu nad dolną Muldą niedaleko jej ujścia do Łaby, ale ta sama nazwa, Kolditz, powtarza się i nad górnym bregiem Muldy — czy to przypadek? Obok »Koledici« jest »pagus« czy »marcha[1]) Serimunti« (najrozmaiciej pisane), między Salą, Muldą a Łabą, ależ ta arcyrzadka nazwa powtarza się w Sermuth koło Grimma i w Saarmunt pod Poczdamem. Na południe od nich siedzieli Neletici; tasama nazwa powtarza się i na północy za Hawolą. Czyż taka zgodność nazw najrzadszych zawsze przypadkowa? w innych razach może być i taką, np. jeśli na Pomorzu (u ujścia Ukry) powiat *Grozwin* a nad Muldą *Rosswein* = *Grozwin* znajdziemy, bo Niemcy odrzucają stale *g* nagłosowe, Danzig = Gdańsk, Lommatsch = Glomaci; więc Rosswein, to Grozwin, nie »Rusowany«, jak je **Hey**, Die slavischen Siedelungen im Königreich Sachsen, Dresden 1893, str. 163 wykłada. Korbetha koło Merseburgu, nazwanego nie od boru! (praniemieckie to, jak i Kesigesburg, gdzie Kolediców zwalczono, albo Wogastisburg), powtarza jak wiadomo nazwę Chorwatów. Nazwa Susłów powtarza się w Holsztynie i nad Muldą itd. Wspominam o tym, bo wiemy przecież, jakie wnioski właśnie Niederle z powtarzania się nazw Chorwatów i Serbów wyprowadzał. Ale co znaczą owe nazwy *Koledici* a *Serimunt*? jak brzmią po słowiańsku? Otóż por. z pierwszą polskie *Kołdów, Kołudowo, Kołuda* i *Kolęda, Kolędzice, Kolędzindąb* (St. Kozierowski, Badania nazw topograficznych IV, 1921, str. 372). Nazwy te nic z kolędą = calenda nie mają do czynienia; to nazwa wrzodów = *šeludь* ruskie. Sirmunt ciekawsze, bo zawiera nosówkę na ziemi »serbskiej«, co i w innych ocalała, np. *Skundici,* z czym autor sobie nie umie radzić (»tvar s nosovkou, kterého nedovedu vyložiti« str. 118, jakby to w dziesiątym wieku rzadkością było!). Szafarzyk opisał je Żirmunami, Żirmuntami, ależ to litewskie, nie słowiańskie! Druga część złożenia zawiera może *-mąt,* por. polskie *Przemęt* (r. 1242 *Premunt*), czeskie *Olo-mut-ici,* polskie *Odmęt* (nazwy dla vortex, fluvius, stagnum) i rivulus *Odmęcice,* rosyjskie *peremut* i *omut.* Mój wykład wychodzi z założenia, że to nazwa słowiańska, przecież to nie germańskie?

Takie powtarzanie nazw jest stałe; więc obok Zerbst na północy od Łaby mamy i (Klein) Zerbst na południu od Łaby (ono niemoże być

[1]) Z łać. i niem. *marka* poszła łużycka (dolna) *mroka* (jak u Chorwatów *Mrata* z *Martin*); otóż tę *mroka* znachodzimy już r. 981: in pago Nikiki (t. j. nicici) vel *Mezumroka* (t. j. między markami) dicto in ripa Elbie fluminis.

dawnym *Zurbici*, dla samogłoski *er; Zurbici* jest *Zörbig*); tak powtarza się gród *Zeitz* (nad Elstrą) na południu a pagus *Zitici* nad Łabą (inna formacja: burgwardus *Sciziani*, dzisiejsze *Seitschen* koło Budziszyna, od tegoż nazwiska?); tak można wytłumaczyć dwojakie *Neletici* (pominąwszy trzecie za Hawolą) nad Salą i nad Elbą. Idę dalej i pytam, czy *Zwickau* i *Zwenkau*, jedno nad górną Muldą, drugie pod Lipskiem nad Elstrą nie jest jedna i ta sama nazwa? starsza, Zwenkau, bo już w dziesiątym wieku wymieniona, miałaby jeszcze nosówkę (niby polskie Zwiękowo, por. liczne słowiańskie *Zwьnigordy), Zwikowe zaś (po raz pierwszy dopiero w r. 1118 wymienione) miałoby jej »serbskie« (łużyckie) zastępstwo? por. polskie Dzwonowo — Zwanowo. Lecz niemam co do tego żadnej pewności, bo mają i Czesi swój stary słynny gród *Zvíkov* (z *Zviekov*?) = Klingenberg, co bynajmniej nie jest tłumaczeniem z niemieckiego (przecież nie *Zvukov!*), więc może to *i* i pierwotne, nie na nosówce polega, bo są i w Polsce podobne nazwy z *i*; w takim razie Zwenckau i Zwickau różne zupełnie.

Lecz dosyć tego wyliczania arcyciekawych powtarzań. Przejdźmy do trzeciego faktu, nie ocenionego przez autora. Rozglądając się w całej nomenklaturze tych plemionek nadłabskich, spostrzegamy odrazu, że to są nazwy »nieme« t. j. że nam nic nie mówią. »Mówiące« są nazwy Chorwatów, Dulebów, nawet Polan i Drzewian, albo patronimica jak Radzimiczy, Wiaciczy, Lucicy; nieme, jeżeli nazwa grodu lub rzeczki zastępuje nazwę całego plemionka a właśnie takich tu najwięcej; wszystkie Cervisti, Serimunt, Koledici, Nicici, Zitici, Chutici, Suselci, Semcici, Glomaci, Chorici, Tolense, Dassia, Rethra itd., to wszystko najdrobniejsze grody, błota, rzeczki, więc jak najbardziej miejscowe a najmniej ciekawe. A z tego faktu wnioski daleko sięgające. Warnowie więc, to nie totemistyczne »wrony«, lecz od rzeczki nazwane -a rzeczka od Germańskich Warnów; niema i Rarogów żadnych ani Susłów. Kicini, to nie »Chyžini«, lecz od grodu Kyzhin (r. 1170), dzisiaj Kessin pod Roztokiem (formę słowiańską trudno ustalić, bo pod *k* i pod *ss* kryją się najrozmaitsze brzmienia, *ch, č, ž, š*; może nawet = Kcynia); Susły, to nie totem, lecz nazwa od grodu — a zależy mi coś na tym, bo dziś moda, wszędzie przeżytki totemistycznych kultów odnachodzić, co ja u Słowian przynajmniej do bajek odkładam; dowodu na totemy nikt dotąd u nich nie przedstawił, bo fantazje o totemach, to jeszcze nie ich dowody. I nie pojmuję, jak autor na str. 59 słusznie »Varnavi« słowiańskie do niemieckich Warnów odnosi, a potym niztąd nizowąd na Wrony wpada.[1])

---

[1]) Takie próby totemistyczne coraz się zjawiają, przytoczę najobszerniejszą i najświeższą: Janina Klawe, Totemizm a pierwotne zjawiska religijne w Polsce, studjum porównawcze, Warszawa 1920, str. 173; wyłożywszy podstawy totemizmu przedstawia autorka jego przeżytki polskie. Liczy do nich przedewszystkim naturalnie »proklamy« szlachty polskiej, co obok herbów miała »Sippenrufe« jak np. klany szkockie. Na te proklamy złożyły się imiona chrześcjańskie (Amadej, Hilary-Larisch itd.); topograficzne (z gniazda pierwotnego całego rodu, rzeka Srzeniawa, Nałęcz jezioro itd.); wykrzykniki (Orzy, orzy = everte; do Łęga itd.); nazwy rzeczowe, co i na herbie wyrażone (Oksza, Topór, Łodzia); nazwy zwierząt (Lis, Ślepowron). Otóż w tych ostatnich widzą powszechnie »totemy«, czczone pierwotnie przez członków owych rodów (tosamo

Powtarzam więc, filologja (a od niej nieraz wiele zależy!), w dziele autora bardzo upośledzona a jakie z tego wynikają skutki, wykażę na byle przykładzie. Pomorskie Wollin, słowiański Wołyń, nazwa grodu; opowiada o nim Adam Bremski wierutne bajki, o jego bogactwach, o Grekach (t. j. o szyzmatyckiej Rusi), co jego odwiedzają itd. Poźniej nazywają go i *Julin*. Otóż o tej nazwie pisze autor str. 150: »imię *Julin*, *Julina* jest najbardziej zagadkowe. Już we dwunastym i trzynastym wieku spajali je kronikarze z imieniem Juljusza Cesara, tłumacząc, że nosi imię od swego założyciela i że się tam czciło hasta, lancea Julii, co się znowu łączy ze czcią germańskiego Julblocku«. To wszystko jedna myłka; o germańskim Julblocku (»lancea« nie jest przecież »badnjak«), nikomu się nigdy ani śniło a Wolina nazwę odmienili tylko uczeni kronikarze z fantazji czystej w Julin, taksamo jak spółcześnie w nazwach »Lubus« i pokrewnych imię Juljusza i Julji odnaleźli i niema tu najmniejszej »zagadki«. Błąd z Julinem i Lubusami, niby od Juliusa Cesara nazwanymi, wyszedł po części i mimowoli i od Thietmara, co przy widoku słowiańskich obozów pod »Lubusua« na rzymskie wielkie castra (z Lukana) sobie tylko wspominał; następcy jego zrozumieli jego reminiscencje z lektury klasycznej dosłownie jako coś rzeczowego i przekonani, że to Rzymianie (naturalnie z Cezarem!) i te kraje zawojowali, szukali na gwałt śladów tych zawojowań i najzwyklejszym trybem pseudologicznym średniowiecznym, co z *Trigelawa* »Pripegalę« robił a z *wele wele*, »Bela« babilońskiego, Wolin i Lubus od nazw Juljusza i Julji odwodzili, bo Słowianie »zepsuli« jako barbarzyńcy imię klasyczne. Dowodu na takie objaśnienie dostarcza Helmold o pomorskim Wielgoszczu: ad urbem que dicitur Woligost, **apud urbaniores vocatur** Julia Augusta propter urbis conditorem Julium Caesarem (str. 74), a przecież i Thietmar wykładał Merseburg, co »Romulea ex gente fundamentum incepisse Martis signata est nomine« itd. A więc »Julin« zamiast »Wolin« nie jest żadną »zagadką«, lecz tylko nonsensem kronikarskim; nie istnieje też nigdzie

---

prawił spółcześnie Aleks. Kraushar, w rozprawce warszawskiej, »Totemizm . . . w genezie społeczeństwa polskiego« itd.). Ależ to wszystko są szczegóły heraldyczne, kto wie jak późne i przeskakiwać od kilku proklam (bo największa ich liczba nic niema do czynienia z zwierzęciem czy rośliną lub rzeczą), do najpierwotniejszych wierzeń pogańskich, bajecznych, jest zaprzeczeniem wszelkiej krytyki. W proklamach są bowiem nierzadkie i patronimika, więc Jastrzębiec, Lis, Połukoza itp. mogą być przydomkami praojca rodu, cóż to ma z totemem do czynienia? Albo nazwy miejscowości jak Koziegłowy, Wilkowyje itp., dowodzą autorce, że mieszkańcy tamtejsi głowom swoim nadawali kształt kozich (!) albo wyli jak wilki — ich totemy: to należy do mimowolnej humorystyki. Dalej wszelakie zabawy w gody i zapusty, bieganie z wilczą skórą po kolędzie, chodzenie z kobyłką, z turoniem, z kozą, to wszystko ma być przeżytkiem kultów totemicznych a jest w istocie niczym innym, niż ulubionym u Słowian przebieraniem się np. kobiety w mężczyznę i odwrotnie (czy i to totem?), w kożuchy z odwróconą sierścią itd.; nawet wilkołactwo ma być jakąś odmianką totemizmu (wilkołactwo przynajmniej bardzo dawne zjawisko, ależ tamte wszystkie!). W bajkach ludowych i obchodach domowych szukać takich śladów, jest tylko naiwnością, nie metodą naukową. Co wszystko Niederle w tomie mitologicznym str. 73 i 74 o totemizmie słowiańskim przytoczył, również krytyki nie wytrzyma, ale autor sam żadnej wagi temu nie przypisywał. Totemizm słowiański jak dotąd, tylko pium desiderium, nic więcej, mżonki same.

poza ich bajkami a za Julblock już tylko nasz autor odpowiada; Wołynianie nic o nim nigdy ani słyszeli.

Jak wysoko cenię wiedzę historyczną i archeologiczną autora, tak ubolewam nad tym, że rynsztunek jego filologiczny nader kruchy, bo dzieło jego pomnikowe tę błędną jego filologię utrwali niestety na dziesiątki lat i będą za nim wszystkie podręczniki i popularyzacje powtarzały te mylki jako zdobyczy najnowszej nauki. A przecież te nazwy miejscowości i plemionków bywają czasami ciekawe i pouczające; autor zadowala się nieraz ich suchym wyliczaniem, ani próbując, zestawiać je z innymi słowiańskimi albo brzmienie ich właściwe ustalać. Np. na str. 118 wylicza serbskie powiaty: *Tuchurini, Ponzowa, Strupenice, Brisingowe, Plisni* itd.; nie powie nawet, że Brisingowe jest Brzeźno a Strupenice powtarza się w Saksonji, Struppen koło Pirna; w Wielkopolsce, por. *na strupieniu* (z r. 1669); na Śląsku: Stroppen (Strupina r. 1310), ob. Kozierowski, Badania nazw topograficznych, III, 1916, str. 263 i Hey, Ortsnamen str. 178. Natomiast tworzy autor sam nowe bajki, np. dla Kissingen (nazwa to pragermańska, raz Chizziche pisana), niesłychane jakieś Chyžice, bo tak w tekście ciągle, np. str. 85, i na mapie wypisał; na mapie przynajmniej znak zapytania dodał; Uelzen hanowerskie, już bez znaku zapytania, stale u niego jakąś romansową czy Kollarową »Olšiną« się narodziła. Tu zbliżamy się do Starej Marchji (Altmark) i jej Drzewian; na str. 77 prawi o niej autor tak niewyraźnie, że mniej uważny czytelnik najmylniejsze o jej charakterze słowiańskim poweźmie wyobrażenie. Bo pisze: »původně snad byla Stará Marka celá slovanská, ale už od r. 822 objevují se v ní i německá jména osadní a zejména brzy počali Němci vnikati do poříčí *Oravy*«. Pomijam, że niebyło nigdy żadnej *Orawy*, że po słowiańsku zwała się ta pragermańska rzeka Ohre, *Ura*, nie »Orawą«, jak to od Thietmara doskonale wiemy. Całe jednak zdanie należy odwrócić: Stara Marchia była odwiecznym krajem germańskim i dopiero wskutek polityki Karola Wielkiego, tępiącego Sasów a przesiedlającego Słowian na ich miejsce, do tej Marchji, ci się do niej dostali, więc niemieckie nazwy Marchji (np. Drömling, nie *Brömling*, na mapie mylka druku), od Magdeburga do Lüneburga, z rzekami Ohre, Tanger, Ilmenau itd., są pierwotne a słowiańskie pochodne.

Zupełnie też inaczej należy pojmywać te stosunki i dzieje, niż to autor czyni. Np. str. 140: »Mezi jezerem Morickým (Müritz) a Dolenckým (Tollense) seděl kmen Mořizi, Murizi etc., tedy Moričané. Mimo to však dále k jihu při Labi naproti Magdeburgu hned vedle župy Srbiště etc. uvádějí se několikrát ještě jedni Moričané etc. Je těžko souditi, že by tu byli dva různí velečtí kmenové na tak blízkém území. Spíše máme před sebou kmen jediný, jehož část v bouřích válečných X.—XII. stol. uchýlila se od Labe, kde byla vysazena prvním německým útokům, dále do lesů a bařin při jezeře, jež pak od nich zváno bylo Morické, jako od Dolenců — Dolencké. Druhá část však zůstala seděti u Labe.« Alež rzecz miała się w istocie odwrotnie i łatwo tego dowieść. Od jezior zwały się plemionka Morizi i Tolenz a gdy od jeziora Moriz wyruszyło niby jakieś ver sacrum na południowy zachód ku Łabie, zatrzymało ono swoją domową, topograficzną nazwę i nazwało się poprawnie po słowiańsku Mo-

ricani od swego jeziora Moriz, bo jakżeż inaczej wytłumaczyć nad Łabą nazwę Moricani, uzasadnioną tylko przebywaniem nad owym Moriz?

Tak spierałbym się niemal na każdym kroku z autorem; on wylicza np. na str. 107 i 108 nazwy rzek na tych ziemiach słowiańskich, ależ przytym milczy o najważniejszym: któreż z nich słowiańskie a które germańskie? Bo czym innym, jeżeli nie nazwami rzecznymi, możemy oznaczyć, co germańskie odwieczne a co słowiańskie? I otóż widzimy, że cała Łaba z dopływami swoimi, Hawolą, Orą, Salą, Muldą, Elstrą, niemówiąc o takich jak Ilmenau, Bode, Unstrut, ma wyłącznie nomenklaturę germańską i tylko maleńkie rzeczki niosą nazwy słowiańskie, np. gdy mowa o Lipsku w r. 1021: oppidum Libziki nominatum, situm inter Alestram, Plisnam et Pardam fluvios (naturalnie i cały powiat nazywał się *Plisni*) a Schwarzwasser, dopływ Muldy przy Aue, nazywa się r. 1144 »Schirna Blisna id est Swarzpach« (por. Hey str. 280); jest też w Polsce Plesne i Pleśnia (Kozierowski III, 42) od *pła* — plesa, jeziora. Autor przeciwnie zrzuca wszystko na kupę i czytelnik sam musi odgadywać, wybierać, co też słowiańskie a co germańskie? albo i nie odgadnie, bo np. nazwy Bille i Trawe (w ósmym i dziewiątym wieku Bilena, Travena) wcale nie słowiańskie, pozory łudzą. Trudność tej materji zwiększa się nadmiernie przez to, że na całym tym obszarze, aż po Białą Ruś z jej Mieńskiem = Mińskiem, pojawiają się nazwy rzek, identyczne z celtyckimi — skąd to? przypadek? spólność językowa? Mień polski (mazowiecki) i Mień białoruski (Main), Wieprz (Wipper), Nida (Nidde), Ren (Rhin, Rhinow) i i. a takie same celtyckie wprowadzają w największy kłopot, ale o tym wszystkim milczy autor stale. Dopiero w porzeczu Odery występują jawnie nazwy słowiańskie, od Sprowy począwszy, której nazwa odmieniała się: *Sprowa* — *Spřewie, Spřewianie*, ale czy to nazwa słowiańska? mimo polskiej *Sprowy*? w słowiańszczyźnie *s* z grupy *spr-* odpada! To należało z największym naciskiem wyróżnić, bo tylko tym się autochtonistom broń z ręku wytrąca.

W sprawach więc filologicznych niemożna autorowi nigdy ufać; on szuka najlepszych źródł, ale cóż z tego, kiedy i te stale zawodzą. Np. na str. 118 objaśnia za Muką nazwę serbskich Chudiców: »brzmiało ono staropołab. Chudici, nowopołab. Cheudici — potomkowie Chuda; Chudo skrócenie z Chudosława; nazwę piszą źródła przez Sk- albo przez Ch-, tak że pierwotna a właściwa forma pozostaje niepewna; na formę Škudici wskazywałoby dzisiejsze Schkeuditz a Škudy na Litwie, na formę Chudici źródła starsze a analogja, np. Chudici w Małych Karpatach« (o formie z nosówką Scuntiza jużem wyżej wspomniał). Otóż staro- i nowopołabskie i Litwa (!!) niemają co do czynienia z nazwą *serbską*; gród nazywał się *Skudici* albo *Chudici*, bo *sk-* i *ch-* zmieniają się stale w nagłosie, o czym na innym miejscu piszę; od grodu a nie od jakiegoś nigdy niesłychanego Chudosława nazywało się plemionko, a gród od Chudego bo *chudy*, jak *luty, mały* itp., pojawia się i sam, bez *-sławów* i *-mirów*, w imiennictwie; nosówka jest dobrze uprawniona i żadnych tu niema wątpliwości, co filolog łatwo rozezna.

Dzieje polityczne tych Słowian, choćby do r. 1000, pomija autor zupełnie milczeniem, ależ one przynoszą i dla Starożytności samych wiele

ciekawego, więc nie dowiemy się niczego od autora o silnym wpływie nordyjskim na tych »Abotritów«, Rugjów i Pomorzan; o licznych nazwach nordyjskich, np. *Gudakra* zamiast *Warnow*, o związkach rodzinnych królików słowiańskich i duńskich i i., por. np. nordyjskie imię »króla« Abotritów Godelaibus z r. 808, albo Tofa, córka Mściwoja (X. wiek), albo Estred de Obotritis itd. Taksamo nie wdaje się autor w żadne szczegóły topograficzne, nieraz bardzo ciekawe, np. przytoczone wyżej objaśnienie nazwy słowiańskiej Czarna Pleśnia. Albo np. poboczny dopływ dolnej Łaby, Elde, ma jak Sude itd. nazwę praniemiecką, ale oto co czytamy: »Wo die Eldeseen sich zu Stromschnellen verengen, heisst die Elde schon im 13. Jahrhundert bis auf den heutigen Tag *Reke*, Eldenbrügger oder Wangelinsche Reke, Göhrensche Reke, Malchower Reke und Lenzer Reke« (Kühnel, str. 44) — właśnie sama *Reke*, *Rega* nie rzadkim tu nazwiskiem, np. na Pomorzu. Dlaczego jednak pomorską *Persante* autor na *Prosnicę* slawizował, nie zrozumiałem. Ciekawe też, jak się nazwa »Stepenica« przy Odrze i przy Łabie powtarza,[1]) najlepsze świadectwo o pochodzie Słowian. Szczegóły, bardzo ciekawe, wymagają wyjaśnienia, co słowiańskie a co niemieckie, warnowskie. Kühnel, tłumacząc te nazwy, ciągle w błąd wpada, np. silva Besut, Bozwut (z lat 1186—1197) jest mu »Hollunderdickicht« od bzu; ja to uważam za niemieckie. Albo rzeka (i gród) Delvenau, na granicy Meklenburgu wpadająca do Łaby, u Einharda r. 822 castellum Delbende, 811 (w opisie limes Saxonicus) per silvam Delvunder usque in fluvium Delvundam, 1390 Wasser Delvenau itd., pomimo *Sadelbandia* (z słowiańskim *za-*), jest niemieckie (Kühnel i Perwolf fantazjują, jak zawsze). Nadzwyczaj ciekawy wybór świętego może dla podobieństwa brzmień: r. 1171 villa sancti *Godehardi*, que prius *Goderac* dicebatur; kronikarz Arnold twierdzi, że Henryk Lew »pro Genedracto (formy różne w rękopisach), Godehardum episcopum venerari constituit (jakby ten Goderac był bóstwem słowiańskim!!), ale i to, nie słowiańskie! U Kühnela roi się od podobnych myłek, co cały wygląd Meklenburga fałszują. Albo np. portus i aqua Wisemer (ztąd późniejsze Wismar nazwano): wygląda jak arcysłowiańskie (Wyszomierz? Wszemir?), ależ właśnie że przy morzu leży, więc może od Niemców, por. znanego nam dobrze z dziejów króla Wisumara, nazwę przejęło? O niczym podobnym nie dowie się czytelnik. Żeby temu pokazać, jak się nazwy topograficzne umiejętnie, nie po dyletancku wykłada, przytoczę jednę, wymienione wyżej Zerbst. Autor (str. 115) tłumaczy to »Serbište nebo Srbišti« (jakby taka forma na zachodzie słowiańskim była możliwa!!): powiedziałem już wyżej, że to bajka. W *Cierviste, Kirvisti, Zierristi* itd. *-isti* jest przyrostkiem = zachodniosłowiańskie *-išče* (polskie *-isko*), bo Niemcy oddają zawsze słowiańskie *šč* przez swoje *st*, a więc tematem jest *cerv-*, ale co to jest? niemieckie *c* może zastępywać słowiańskie *s* (to najczęściej, np. Zauche = Sucha, Zantok = Sątok, Zossen = Sośnia itd.), *sz*, *c*, *cz*, *z*, *ž*. Zobaczmyż więc, wobec tej trudności, czy nie znajdzie się w okolicy Zerbstu inne nazwisko, co zagadkę rozwiąże? Takie na-

[1]) Nazwa ta sama, co gurges Stobnicza z r. 1450, fluviolus Stobienicza z r. 1595, rzeka Stobnica, jezioro Stobno itd.

zwisko, to niedalekie *Pritzerwe* nad Hawolą (przed Brandenburgiem, od Łaby patrząc), dziś miasteczko Pritzerbe, lecz we dwunastym wieku stale Pricerwe itp., z *w*, nie z *b* pisane (jak i Zerbst z *w* pisano, nie z *b*). Otóż w tym *Pricerwe pri-* jest widocznym przedrostkiem a *-cerwe* zgadza się znakomicie z owym *cerw-* w *Cervisti* i należy tylko szukać słowa, coby się i do Zerbst i do Pritzerbe godziło. Takie słowo, to może **serwa* (tyle co *urwa* ‚Abhang‘, *przerwa* ‚Durchbruch‘ itp.); *Zerbst* byłoby więc po polsku *Serwisko (dziś Zerwisko, jak Urwisko itp.), a *Pritzerbe* byłoby *Przyserwie*. Kto z mojego wykładu (możliwego, nie koniecznego!) nie zadowolony, niechżeż inny (ale nie dyletancki!) przytoczy.

Dodam jeszcze, że wszystkie te nazwy pomorskie, lucickie, »obotryckie«, najlepiej polskie imiennictwo topograficzne objaśnia, np. fluvius Pretustniza w Meklenburgu z r. 1170 (1244 Prituznitza), por. polskie Przetuki (dawniej, dziś Przytuki); Pyritz pomorskie = polskiemu Perzyce, dawniej Pyrzyce; Jazwini (r. 1232 Priedoli, polsk. Przedziały, częste, welches ist zwischen Jazwini und Wanowe mogili z r. 1232) = częste Jaźwiny; Priepert, por. pol. Niepart; Gutzkow jest p. Gostkowo, Jedderitz w Marchji por. z polskim 'Jędrowice' (nie od Andrzeja, Jędrzeja nazwanym) i 'Jędrzewie'; Spandau = Spądowo; Zehdenick = Sitnik; Poserin (1235 duo Posirina, 1283 Puserin) por. z Sobiesiernie, a Potzern może tosamo; jezioro Prelank (w Meklenburgu) = Przyłęk; czy Priemer = Przymiarki? i t. d. Kühnel w tłumaczeniu tych nazw ciągle się myli, np. pomorska terra Bezeriz, oddana r. 1236 Meklenburgowi, leżała naprzeciw terra Mezeriz i jest jawnie = Bezrěčijem = Črězrěčijem, w przeciwieństwie do Meždurěčija = Mezeriz, a on to od biserъ wywodził itd.

Zatrzymałem się dłużej przy nadłabskich Słowianach, dla ich dawności a nagłego zniknienia; krócej uporam się z rozdziałami o Czechach i Polakach, ale i tu kilka ważnych szczegółów wymienię, bo się nie zgadzam z autorem.

Najpierw *żupa*; autor używa tej nazwy dla territorium, pagus, chociaż i to fałsz wierutny, bo **nigdy** *żupa* ani *żupan* niemieli nic z territorium do czynienia. Przyznaje wprawdzie autor na str. 184 i następnych, że na falsum Boczkowe dali się złowić Palacký, Jirečkowie i Tomek; że dzieje czeskie o żadnych (territorialnych) żupach i żupanach nic nie wiedzą, »ale czy niebyło żupanów a zatym i żup u nas w czasach dawniejszych, np. za Samona a dawnych książąt?« »Boć przecież od VIII. do X. wieku żupan i żupa nie mogli mieć tego urzędowego znaczenia, jakiego nabrali w XIII. a XIV., tylko inne, a odnosiło się to starsze znaczenie do jakiegoś territorium chyba i nie wyłączałbym stanowczo możliwości żup i żupanów territorialnych, u nas przed X. wiekiem.« Skróciłem długie wywody i wytknę tylko błędy autorskie. Jak wiadomo, na Rusi nie było nigdy żup ani żupanów; pierwszy autor ich odkrył, bo mówi o węgierskiej Rusi i dodaje »interesujący jest dowód . . . pana Jurja Mniszka żup ruskich żupnika«. Ależ nie śniło się o nich Rusi; to Polacy wprowadzili swój termin urzędowy do ruskich warzelni soli w Samborze; żupy i żupnicy na Rusi to nie ruskie, lecz polskie tylko. Żupan znaczył już w ósmym i dziewiątym wieku nic innego oprócz urzędnika, por. *županъ krъčmarьskъ* w kodeksie supraślskim, albo mążę *župany*

i sanovity, tamże str. 561 a *jopan Physso* z r. 777 nie jest książęciem, na co zaawansował go Wachowski, lecz prosty wójt, villicus, co objazdu granicznego dopilnował. *Župan* skrócili Słowianie na *špan* (co Madjarzy jedyni zachowali, *ispan*); *szpan* przeszedł w *chpan*, co jest jeszcze w staroczeskim, bo *sz* przechodzi i w *ch* (dowodzę tego na innym miejscu), a *chpan (ke chpanu)* zszedł wkońcu na *pan* = castellanus; *żupa* zaś oznaczała tylko wszelakie monopole, w Polsce mineralne i sądowe (zuparius pobierał opłaty sądowe). I tu żadne falsum Boczkowe nic nie pomoże; żupani u Słowian nadłabskich jak i u alpejskich są tylko villici, wójtowie, ale nie dla żupy = pagus (o której nigdzie i śladu najmniejszego niema, bo chorwacka żupa = parafia nie wchodzi w rachubę), ale dla urzędu.

Dla pagus mają Słowianie inne, różne nazwy: *włość, werw, opole, okłoć* (districtus = rosyjskie *okołotok*, fałszywie *okołodok* pisane, jakby od »kłody« poszło i tak je wszyscy tłumaczą, ale staropolskie *okłoć* = parafia dowodzi, że *okołodok*, to tylko »etymologja« t. j. pseudologja »ludowa«). I z tychto przyczyn podzielam trafne zdanie Peiskera, że żupan, to termin awarski i protobułgarski, nie słowiański, narzucony Słowianom przez ich ujarzmicieli, bo nie śniłoby się Protobułgarom, od Słowian dla swoich baskaków tytułów (ὁ ζουπάν) pożyczać; że samej nazwy (protobułgarskie tytuły na *-an* są częste!) wytłumaczyć nie umiem, to mi nie wadzi. Więc przeciw autorowi twierdzę, że nigdy w Czechach żup w jakimkolwiek territorjalnym znaczeniu nie było i że kto o żupach = pagus, provincia, districtus itd. mówi, tylko **falsum** Boczkowe krzewi; najwyższy czas to falsum do innych falsów wyrzucić a nie się z nim pieścić, bo każde falsum śmierdzi, nie pachnie.

Przy żupach uderza, jak i przy pytaniu o autochtoniźmie, widoczna tendencja autorska, bardzo zresztą chwalebna, unikać stanowczości, szukać kompromisów. Kompromisy w życiu politycznym i społecznym są bardzo pożyteczne; w nauce szkodzą i mącą. Oto np. kwestja słowacka. Odkryto w nich nagle Słowian południowych, nie zachodnich; słusznie odrzuca to autor str. 183, 184 i częściej. Ale sam znowu osłabia swoje wywody, bo dopuszcza w mowie i podaniach słowackich »jihoslovanský příměsek, řada slov, řada zjevů fonetických a tvaroslovných« i objaśnia to tym, że Słowacy oddawna siedzieli obok dziedzin południowosłowiańskich i że przyjęli do siebie i absorbowali szereg ostatków czysto południowosłowiańskich, co w przemarszu z Zakarpacia na Bałkan uwięźli przy Dunaju i jego pobocznych rzekach z północy. Tylko jak dowieść, że południowi Słowianie szli z Zakarpacia przez całą Panonją na Bałkan? Panonja nigdy nie była wolna od ludów sarmackich a potym germańskich, pomijając krótki epizod Hunów a długi perjod Awarski. Ja myślę, że południowi Słowianie szli na Bałkan okrążając raczej Siedmiogród a nie przedzierając się przez Karpaty (*Πέσσιον* dawne jest wszystko inne na świecie, tylko nie serbskie *Peć*); że szli Dunajem do góry (od ujścia) i nie wierzę w żadne ich resztki, coby nadały Słowakom szczególne rysy językowe, zjawiające się przecież i u innych Słowian zachodnich (np. *ŕ*, nie *rz*, u Połabian itd.), albo na Rusi. Przypuszczać niczym porządnie nie uzasadnione rozpłynięcie się jakich resztek południowosłowiańskich między Słowakami znaczy tylko mimo wszelkich uroczystych protestów iść

Czambelowi na rękę i fantazje płodzić. Czyż i czeska *kráva* »jihoslovanská« ?

A druga właściwość autorska: ratować ile się da stare niemądre bajki, np. o Radgoście niesłychanym albo o równie mądrych bóstwach Długoszowych albo o fatalnych Białochorwatach Konstantynowych. Rzecz jasna: cesarz grecki wiedział, że Serbowie i Chorwaci przywędrowali z północy Bałkanu; przy historji Swiętopełkowej może zasłyszał coś o Serbach północnych, więc rozwiązała się mu zagadka, skądto ci Serbowie przyszli, a więc i Chorwaci nie skąd inąd. I daje on trafne granice, ale tylko dla Serbów, chociaż dwa jedyne nazwiska jakie znał, i Bajwari i Boihi(mi), rozdzielił między oba szczepy, ale wzajemnego ich położenia nie określił, co bardzo naturalne, gdyż tylko Serbowie istnieli na północy, Chorwatów on sam im dodał! więc nie dowiemy się od niego, czy na zachód czy na wschód od Serbów jego Chorwaci siedzieli. Jakiej wartości są jego plotki, sam najlepiej dowiódł, bo oto wymyślił dla Wisły nową nazwę, *Diciki*. Znamy Wisłę tysiąc lat przed Konstantynem i tysiąc lat po nim, lecz nigdy ta rzeka inaczej niż Wisłą się nie nazywała — najlepsza to krytyka jego bajek. Skąd on na to wpadł? Oto wiedział, że u Pieczyniegów rzeki noszą podwójne nazwy; Wisła mu gdzieś koło Pieczyniegów (których fałszywie całkiem umieszczał) płynęła, więc i jej drugą nazwę dla symetrji nalepił — skąd ją wziął, bardzo mi obojętne, nie odpowiadam przecież za wszystkie brednie średniowieczne. Gdybym jakąkolwiek wagę tym bredniom przydawał, powiedziałbym, że skoro jego urojonych Chorwatów Pieczeniedzy nachodzą, coś o Chorwatach ruskich istotnych słyszał, bo tych, co gdzieś koło Podola chyba siedzieli, mogliby istotnie Pieczeniedzy napadać. Dr. T. Modelski w Kwartalniku historycznym t. XXXIV, 1920, str. 1—29, tłumaczy to inaczej, mianowicie, że wedle źródł węgierskich Węgrzy Pieczeniegów (Bissenos) na zachodzie przeciw Niemcom na pograniczu osadzali, więc ci mogliby Chorwatów północnych istotnie napadać — ale ja Konstantynowi takiej znajomości owych krajów nie przypiszę. Bardzo słusznie zaznaczył Modelski tamże, że »Wielka albo Biała Chorwacja, Serbja, Morawia« Konstantynowe, nic w gruncie nie znaczą, że to jego zwykła frazeologja bez jakiejkowiek podstawy. I słusznie odrzuca całą chorwacką teorję[1]) Niederlego, chociaż w przyczyny tej myłki nie wchodzi. I to ocalanie starych bajek kosztem niewiedzieć jakim zwodzi autora stale na manowce. Powtórzył przecież takie same ignorowanie wszelkiej krytyki w dziejach czeskich. Czytam np. (str. 199), że do postępów (czeskiego szczepu środkowego we zdobywaniu przewagi nad innymi), należy *małżeństwo czeskiej Libuszy z bielińskim Przemysłem!* Słowianie nie potrzebowali żadnej lex salica, coby kobiety od »tronu« wyłączała: w żadnej głowie słowiańskiej pierwotnej ani myśl powstaćby nie mogła, żeby baba była wojewodą i sędzią (boć to były główne funkcje pierwotnej władzy książęcej), więc procóż powtarzać te kądzielne wymysły Koźmy? *Lubosza* jest nomen viri (jeszcze we czternastym wieku tak

[1]) Nie pomogą ani źródła arabskie, co każdy orientalista inaczej czyta i tłumaczy, ani Horithi Alfredowe, bo wymienia ich obok »Daleminców«, co nam zupełnie wystarcza, bo znamy przecież całe sąsiedstwo Daleminców i wiemy, że tam miejsca dla Chorwatów niema.

używane), jak *panosza, junosza, makosza, światosza*; nazw miejscowych, od męskich Luboszów, nie od bab odwodzących się, jest wiele w całej zachodniej Słowiańszczyźnie. Że Koźma dał się formą pozorną żeńską Luboszyn zwieść, z tego nie wynika bynajmniej, abyśmy jego fantazje brali jako dobrą monetę. Ależ taksamo broni autor Długoszowe wymysły, chociaż z matematyczną pewnością można wykazać, jak te jego baśni powstały. Średniowieczni fałszerze, całkiem inaczej niż nowożytni à la Hanka, w naiwności swej pozwalają nam zawsze wglądać w swoje fałszywe karty. Długosz był taki naiwny, że zachował nawet alfabetyczny porządek mniemanych bóstw polskich, jakie w swoim równie naiwnym źródle wyczytał; taksamo Nestor, mag. Vincencius albo Koźma i nie pomoże przedrwiwać albo przemilczać moją tych fałszów krytykę. W samym Poznańskim są trzy Luboszyny, jak się autor o tym z Kozierowskiego Badań II i. h. v., przekonać może, t. z. trzy wielkopolskie Luboszy a czwarta czeska — mieli długie sumiaste wąsy, kníry, bo byli »stryjami«, a nie »tetkami«, jak mnie niegdyś Flajšhans przedrwiwał. Tradycja tradycją, ale bajki i falsa — precz na śmietnik z nimi; historja a romans, to dwie różne rzeczy.

Autor twierdzi, że już w dziewiątym wieku nazwa Bohemi nie była geograficzną tylko, lecz oznaczała całość szczepową i za Pertzem odnalazł nazwę Czechów w »Sclavi qui vocabantur *Cinu*« (z r. 805), ależ to jest mylna pisownia z *euhuvidines, supervindones*, gdzie vidines, vindones, zastąpiono przez Sclavi i w *euhu, super, cinu* odnachodzimy tylko znane spółczesne *beuvinides, beuvinitha;* odpada więc jedyny dowód, że już 805 r. mogli »prascy« Czesi zastępywać wszystkie plemiona w Bojoheim; samej nazwy Czechów nigdy nie wytłumaczymy, bo to skrót, ale z czego? odgadywać daremnie. Nadmienię jeszcze, że formy nazw plemionek z dokumentu erekcyjnego praskiego noszą wyraźnie ślady dopiero jedenastego, przenigdy dziesiątego wieku: w r. 973 Chub, Liutomerici, Zlasane jeszcze nie istniały, dopiero w r. 1086. Jak wiadomo, autor przypuszczał, że Czesi przekraczali i Dunaj, sięgali miejscami głęboko nawet w ziemie alpejskie, na podstawie nazw miejscowych z *dl (jedla)* i *chulm*; tu powtarza się to przypuszczenie, z gruntu mylne, bo że jeden i drugi Czech przeprawił się przez Dunaj, to niczego nie dowodzi; w Persnicha r. 987 Boemani *insidendo*, t. j. w napadzie, nie *habitando*, ziemię orali; wszystkie nazwy z *dl* i *chulm* są słowieńskie, żadna z nich nie jest czeska: niech się tylko autor przypatrzy, jak daleko między Słowieńcami sięgają Sedlce (Zedlitz), nie Selce! dowód jego filologiczny zupełnie więc chybiony i pozostają tylko owe Beheimberg itd. z dwunastego do piętnastego wieku, dotyczące luźnych i późnych (dopiero od r. 1110 nam znanych) kolonistów.

W rozdziale o Polakach twierdzi autor str. 217, że nazwa Wiślan oznaczała pierwotnie wszytkich Polaków, nie Małopolan tylko. Ależ »Polonia« znaczyła dawnie to samo, co później »Maior Polonia«; Krakowianie i Sandomierzanie nie mieliby więc własnego nazwiska, gdyby autor miał rację; zostaniemy więc przy dawnym, jak najlepiej uzasadnienym twierdzeniu o Wiślanach = Małopolanach.

Ziemie nadwiślańskie ciekawe, bo tu zapisał Ptolemeusz kilka stacji, noszących wyraźnie (obok jego celtyckich *-dunum* i trackich *-dava*)

słowiańskie kształty, np. *Kalissia* — *Kalisz* t. j. błoto, lutum (które, niewiemy, bo roi się od Kaliszów w Meklenburgu, Pomorzu, Nowej Marchji). To jest całkiem pewne słowiańskie a za takie same uważam i *Askaukalis*, co nie jest *Osielskiem* Sadowskiego i i., lecz jak forma dowodzi, jest złożeniem: *Aska* + *Kał*, *Aska* jest polskie *Osko-*, czeska rzeczka *Oskava*, *Osko-* powtarza się w nazwie polskiej rzeczki *Oskobłok* (tak najczęściej pisanej; są i formy *Woskobłok* i *Osobłok* albo *Oskobok*, wylicza wszystkie ks. Kozierowski pod Oskobłokiem); jest i błoto *Oska* albo *Oszczka* w Poznańskim (zob. Kozierowskiego). Miejscowości samej, ani Kalissia ani Askaukalis, nie myślę na pewne oznaczać, ale nie wątpię, że to nazwy słowiańskie a o to mi idzie — na **lewym** brzegu Wisły w pierwszym wieku po Chr.

Na str. 223 i 224 wspomina autor o polskich Chorwatach i powtarza, jak przy czeskich Chorwatach, znane swoje o Chorwatach przypuszczenia, że był jakiś jeden wielki szczep około Karpat, od tych gór (przez pośrednictwo niemieckiej ‚Lautverschiebung‘) Chorwatami zwany, później rozbity; najwalniejsza jego część za Dunaj się dostała, ale resztki tego południowosłowiańskiego szczepu ocalały na Rusi i śród Czechów, czy i w Polsce, rzecz bardziej wątpliwa. Przytaczam jego własne słowa o czeskich Chorwatach (str. 194): są to »zbytky velké kdysi větve chorvatské (a patrně i zbytky **velké říše** chorvatské) . . . jež po odchodu hlavního jádra na jih . . . zůstaly seděti . . . při Visle a Sudetských horách . . . při Sanu. K nim náleží i útržek . . . zapadlý do severních Čech vedle několika drobnějších, které se dostaly ještě dále . . . útržek Chorvatů přišlý sem . . . ztratil úplně jihoslovanský charakter svého dialektu . . . počeštil (se) v Čechách, jako se popolštily zbytky ve Slezsku a na Visle a poruštili Chorvaté východní (ruscy)«. Wszystkie te dowody są mylne i napróżno bają historycy czescy o jakimś »druhém (t. j. obok Łuczan) velkém a důležitém, ale při tom i značně záhadném kmenu« Chrovati et altera Chrovati. Żadnej zagadki tu niema i niebyło nigdy; zagadkę dopiero historycy czescy, od Palackiego i Szafarzyka aż do Novotnego i Niederlego utworzyli.

Nazwisko Chorwatów z górami Karpatami niema nic oprócz litery *r* i *t* spólnego; jest to nazwisko »mówiące« i znaczy »zbrojnych«, jak już Geitler trafnie odgadł, ale trafnego domysłu nie zdołał uzasadnić. Z powodu swego znaczenia może się to imię, tak samo jak np. imię Dudlebów, wszędzie powtarzać i niczego takie powtórki nie dowodzą, żadnej bliższej spólnoty, a już najmniej żadnej pierwotnej »říše«. Altera sc. civitas w (fałszowanym) dokumencie praskim 1086 r. mówi tylko o grodzie, jak np. Corbetha koło Hali; więc to nie »velký kmen«, a prosty gród czy wieś, taksamo jak małopolskie (krakowskie) Krwaty, których autor nie zna. Krwaty, dawna osada, tak, z *r*, jeszcze w siedmnastym wieku w panegiryku na Firlejów, »ná Krwátách, Broniowicách y Mełgwi dziedziców«, dziś *Klwaty*, to wieś, niegdyś i gródek może, jak obie czeskie i owa pod Halą Corbetha. Gdybym pofolgował fantazji, powiedziałbym, że »ver sacrum« wyszło np. z czeskich Chorwat na zachód (ku Sali) i na wschód (ku Wiśle), podobnie jakiem to wyżej przy Koledicach i Morici wykładał: ponieważ jednak o ver sacrum u Słowian nic nie wiemy (to domysł próżny,

z »wiatrologji«, t. j. rzucony na wiatr tylko), więc i bez niego się obejdziemy i jak powtarzanie się nazwy Du(d)lebów nie dowodzi żadnej »říše« dudlebskiej, coby się rozpadła później i na najdalszych końcach Słowiańszczyzny okazała (gdzie nazwisko i »durniów, głupich« oznacza), taksamo i imię Charwatów albo Chrwatów (wymiana *ъr* i *rъ* jest nieraz również odwieczna) niczego nie dowodzi i wszystkie kombinacje o Karpach i ich niemożliwej słowiańskości (równali się przecież z Gotami!) są zupełnie chybione; z Słowianami Karpi i Karpaty nic niemają spólnego; to jedyna pewność absolutna.

Na str. 225 zahacza autor o zagadnienie djalektyczne, zpowodu »mazurzenia« (*c* zamiast *cz* itd.), ależ ta cecha niema żadnego znaczenia i najmylniej powtarza on za Nitschem, że na Śląsku i nad Wieprzem stracili Polacy mazurzenie »stykem se sousedy«. Ależ Kaszubi nie mazurzą wcale a Pomorzanie i wszyscy nadodrzańscy i nadłabscy Słowianie znowu mazurzą jak Polacy — więc jest to całkiem obojętna cecha; i na Śląsku jedni mazurzą a drudzy nie i niema to żadnego związku z ich sąsiadami: to epidemja językowa, od Łaby aż do Nowgorodu ilmieńskiego sięgająca, z wyspami co od niej ocalały i nic więcej. Pytaniom czysto filologicznym poświęcił autor nawet osobny rozdział, czwarty, o językowym dzieleniu Słowian zachodnich, całkiem zbędny. Wystarczyło jedno zdanie: zachodni Słowianie różnią się poniekąd od wschodnich i południowych a dalej różnią się i między sobą samymi; jest grupa czeska, łużycka (serbska), polska i pomorska; różnice narzeczowe między Domażlicami a Gronem i Wagiem nie są wiele mniejsze niż różnice przestrzeni od Wieprza i Bugu do Łaby. Wszelkie dalsze wywody są spory de lana caprina. U autora nie obchodzi się bez myłek w całym tym rozdziale. Np. twierdzi, że już w prasłowiańskiej spólnocie na jej zachodnich kresach »*r* przed *j* i podniebiennymi samogłoskami przeszło w *ř*« albo że *ą* »przeszło na południu, u Czechów, Łużyczan) w *u* a *ę* w *ja* (pierwotne *jä*)«. Ależ to szczere fantazje, przecież Słowianie zachodni, od Łaby aż do Łużyc, nie znają wcale *ř*! a Łużyczanie i Czesi, nietylko we spólnocie prasłowiańskiej, ale jeszcze tysiąc lat później, mieli nosówki (Venceslaus, Skundici, Serimunt). A co znaczy np. na str. 99 u połabsko-pomorskich Słowian jakaś zagadkowa, dla mnie przynajmniej, uwaga: »wytworzenie grup *or(ar), ło, re, ła (tlåt, tort, trit, tret* z *trět, tlat* z *tlět)*«; ja filolog, a nie rozumiem tych fantazji; wiem tylko, że Słowianie nadłabscy i nadodrzańscy taksamo jak Polacy te brzmienia ustalili, z tym jedynie wyjątkiem, że u nich *gard* i *darg* silniej się trzymały niż u Polaków, co dawne własne *gard* i *darg* obok nowego *grod* i *drog* zarzucili. Innym słowem: to są wszystko różnice i szczegóły, co dopiero głównie po r. 1000, właściwej granicy dzieła autora, powstały i które on z korzyścią dla swego dzieła mógł pominąć.

Dla uniknienia wszelkich nieporozumień, powtarzam: historyka, traktującego wieki po nar. Chr., choćby od r. 1—1000, nie obchodzą nic cechy antropologiczne, np. ciemne włosy Czechów albo odmienny typ polskich Górali, bo to są rzeczy nierównie starsze niż wieki po nar. Chr.; taksamo nie obchodzą historyka różnice dialektyczne, bo to są rzeczy znowu nierównie młodsze, należą do zupełnie odmiennej dziedziny i ni-

czego dla historyka nie dowodzą. Czesi np. oddzielili się od Polaków zupełnie, tak że wszelkie »styki« między nimi przestały, najpóźniej około r. 500 p. Chr., ależ wtedy, około r. 500, mieli Czesi jeszcze i nosówki i *tert*, *tort* i ruchomy akcent i *ŕ*, nie *ř*, a taksamo i Serbowie nadłabscy; *kv, gv, š* zamiast *s*, *l* wstawne nic nie znaczą; więc gdzież podziały się wszystkie mniemane cechy językowe zachodniego słowiaństwa? Jest tylko jedna, *c, dz (z)* z *tj, dj;* wszystkie inne powtarzają się u Słowian południowych lub wschodnich albo niczego nie dowodzą (pomijam takie mylki, jak np. »v násloví **vzniklo** *kv, gv*«), ani utrata nosówek, ani *trat*, *trět*, ani zpłynięcie obu półgłosek w jednę itd. Zachodni Słowianie różnią się więc od wschodnich i południowych swoim *c*, *dz*, a między sobą różnią się od r. 900 lub 1000 mniejwięcej, rozmaitymi drobiazgami, których niepotrzeba wyliczać; na podstawie tych drobnych wgruncie różnic można między nimi rozróżniać grupę czesko-słowacką, łużycką, połabsko-pomorską i polską; całkiem obojętne są dla historyka pytania, w jakim następstwie te dalsze różnice się wyrobiły; po r. 1000 różnice te coraz znaczniejsze i wyraźniejsze, tak że wkońcu można mówić o osobnych narzeczach albo językach. Jak Lorentz, Mikkola, Nitsch, Brückner, Rozwadowski, Lehr nad tym rozgałęzieniem językowym fantazjują, historyka nic a nic nie obchodzi. Antropologja i filologja a historja mają różne i cele i pola.

Natomiast z archeologją winna się historja stale liczyć i zasługą wielką autorską jest, że obie dziedziny wiedzy jak najściślej łączy; więc i tym razem, jak w częściach poprzednich, osobny rozdział archeologji poświęcił. I tu właśnie podziwiamy sumienność i wstrzemięźliwość autorską; jak on ostrożnie, bez uprzedzeń jakichkolwiek samej umiejętności hołduje, od fantazji wszelkiej stroni. Jeżeli porównamy np. Kossinnę, co kilka lat z największą pewnością coraz nowe ludy (Karpodaków, Ilyrów itd.) np. na polach kultury łużyckośląskiej osadza, cenimy tym bardziej trzeźwość i krytycyzm autora, co stale odgranicza fantazję bujną a niestety skromną bardzo wiedzę i pewność. Więc i tym razem kulturę popielnicową łużyckośląską nie przyznał stanowczo Słowianom; powiedział tylko, że jest to możliwym, chociaż się przyznam, że mi nadzwyczajne ubóstwo późniejszych grobów słowiańskich, siódmego i następnych wieków, bardzo przeciw temu przemawia, jakoby owa faza popielnicowa im należała: musieliby strasznie opaść w kulturze z biegiem wieków, zamiast się podnosić! Ależ to wszystko »muzyka przyszłości«: stoimy u początku, nie u końca tych badań i autor stale to podkreśla, liczy na przyszłe, dokładniejsze, obfitsze.

III.

Dzieło, ze którego całe pokolenie slawistów czerpać będzie wiedzę o starożytnościach słowiańskich, nasuwa mimowoli pytanie, czego w nim brak? Już wyżej wskazałem, że autor ograniczył się przedstawianiem dotychczasowego stanu badań, ale sam jego nie rozszerzał nigdzie, streszczał go i nic więcej, otóż wyłożę własne pia desideria, nawet w nadziei, że może jedno i drugie autor jeszcze uwzględni.

Najważniejszym rozdziałem w Starożytnościach pozostanie zawsze wpływ germański, co Słowian pierwszy na wyższy poziom kulturalny podniósł. Nic a nic nie znaczy ani wystarcza przy luźnych rozdziałach: o broni, ubiorze, roślinach, bydle zaznaczać luźne pożyczki Słowian germańskie: tą drogą nie dojdzie się nigdy do rezultatu; trzeba te luźne szczegóły wszystkie razem osobno połączyć niby kamyczki mozaiki, i z nich dopiero jeden obraz wielki stworzyć; dopiero wtedy nabierają te szczegóły znaczenia właściwego i jedne uzupełniają, zprawdzają drugie. Takiego, najważniejszego rozdziału w całych Starożytnościach dotąd nie widzę. Ważność jego zrozumiał Peisker, ale nie filolog, nie mógł wydołać najciekawszemu i najważniejszemu zagadnieniu, bo prosić kilku filologów dorywczo o poradę, nie zastąpi nigdy pracy systematycznej, którą tylko filolog wykona. Spisy Peiskerowe o pożyczkach germańskich są całkiem błędne; wystarczy wymienić »mleko«, odgrywające taką rolę w jego kombinacjach, co nie jest pożyczką, jak on przypuszczał a przed nim inni, lecz prasłowiańskim terminem, jak to dowiódłem.

Hirta i Uhlenbeka fantastyczne wywody o mniemanych pożyczkach należy całkiem odrzucić; nawet Bernekerowe nie są bynajmniej ścisłe a jeżeli Mladenow tu i owdzie za daleko się posunął, on w każdy sposób bliższy prawdy niż ci, co wszędzie te pożyczki węszą. Materja nadzwyczaj trudna. *Gród* np., to niewątpliwie termin prasłowianski, ale w *winogradъ* i w *vrътogradъ* zdaje się równie niewątpliwie być niemieckim, bo grody słowiańskie, arx, castellum, bynajmniej nie bywały ogrodami, hortus, Garten. *Wino* rodzajem swoim dowodzi, że wprost z łaciny bałkańskiej przeszło, jak calendae. *Mosiądz* słowiański ma jeszcze to pierwotne *o*, którego w niemieckim już niema itd. A *wojewoda*? Nie wiem, jak prof. Kadlec czy Niederle sam wybrną z tej trudności: słowo całkiem, szczerze słowiańskie a mimoto Meillet uważa je za germańskie t. j. za przetłumaczone herizogo! Istotnie, rozglądając się w całej terminologji słowiańskiej, **złożeń** dla podobnych nazw nigdzie nie widzimy: *włodyka, starosta, sądij, vitędzь* przeczą więc jego słowiańskości (*gospodь* jako przedsłowiańskie niczego nie dowodzi), taksamo późniejsze *łowczy, czestnik, komornik* itp. Tylko całokształt, tylko osobny obszerny rozdział poświęcony wyłącznie tym wpływom germańskim, może do prawdy docierać a zachodzą tu trudności, o jakich czytelnik Niederlego z jego dzieła ani się nie domyśli. Np. zkąd wzięto **kъnęga*? Nie z gockiego, bo w gockim niema po **kuningu* ani śladu najmniejszego: to jest słowo nordyjskie i zachodnioniemieckie, nie wschodnioniemieckie! I otwiera się nagle widok niespodziany, że niekoniecznie od Gotów tylko szły pożyczki niemieckie! Nowe więc zagadki a o nich u autora głucho.

A co sądzić o wpływach irańskich? Przy germańskich mamy stały grunt pod nogami; przy irańskich same domysły, o pośrednictwo Scytów oparte, ale i tu nie wystarczy odesłać czytelnika np. do mitologji zpowodu *boga* i *diwa;* i tu należy całość możliwą ogarnąć, nie wyrywać jednego i drugiego słówka a jak wiadomo, są tu rzeczy arcyciekawe, np. *słowo, święty, radi, bo* itd., słowiańskie i irańskie wyłącznie.

W Starożytnościach należą się owym więc wpływom obcym, pewnym germańskim o olbrzymiej doniosłości a niepewnym irańskim osobne rozdziały — może ich jeszcze dostaniemy.

Dalej brak mi dotkliwy wycieniowania szczegółów, w tomie ostatnim, »zachodnim«. Wylicza np. autor nasze źródła historyczne dawne, ale nie daje żadnej oceny ich wartości i znaczenia. Wylicza więc np. Thietmara, Adama bremskiego i Helmolda, jakby to były źródła równej wartości. Ależ Thietmar znał świat słowiański naocznie, Adam tylko z nasłychu, więc poplótł niesłychane dziwy, np. o bożku Radgoście, o Wolinie, o Wilcach (może to i myłka kopistów?), o Reregach-Abotritach: jeżeli annalista Saxo albo Helmold tosamo donoszą, to nie są to nowe źródła; oni odpisują tylko Adama. Albo np. przytacza autor nieraz t. zw. »geografa bawarskiego«, ale ani razu nie ocenił samego źródła, co o nim myslić należy? Przecież »geograf«, to zbitka trzech najróżnorodniejszych części: tu ograniczam się do pierwszej, od »Nortabtrezi« do »Marharii«, zupełnie jednolitej, bo dającej wyłącznie nazwy dla Słowian niemieckie: *Vuilci* (nie Lutici), *Hehfeldi* (nie Stodor; czy Hefeldi itp. nie haplologia z havelfeldi?), *Talaminzi* (nie Glomaci), *Becheimare* i *Marharii* i tylko jedyne *Merehanos* (po Vulgarii) zdradza słowiańską formę (Morawianie?).

Ten brak wycieniowania, wchodzenia w nieodzowne szczegóły, razi najbardziej przy innej ważnej sprawie, przy nazwach rzecznych. Zabiera się do nich autor w dziwny sposób. I tak czytam na str. 59, nota 5: »Slovanskosti těchto tří jmen (Odra, Labe, Sála) nelze přesně prokázati; pokud se Labe týče, tu sice slovanský tvar, Labe, Laba je dosti rozšířen po Slovanstvu, ale my víme, že slovanské jméno této hlavní řeky Germanie utvořeno bylo ze starší formy Albis a ne naopak.« Toby mógł i autochtonista podpisać; tu należało przeciwnie jak najwyraźniej stwierdzić, że o »slovanskosti« Łaby pod żadnym warunkiem mowy być nie może; że Albis ze wszystkimi większymi dopływami, Havolą, Dosse itd. aż do Egery-Ogry w Czechach, ma wyłącznie nazwy germańskie (a może i jaką celtycką?), **ani jednej** słowiańskiej; że nie wolno więc z pragermańskiej Ilmenau robić jakiejś romansowej »Jilmová« (str. 131). Jak to w Angliji widzimy, **małe** rzeczki mogą dostawać swej nazwy od nowych przybyszów, tu więc od Słowian, gdy większe dawnych nazw nie odmieniają. Zresztą autor nie wchodzi w szczegóły. Oto np. owa słynna Rednitz z Radanzwinidi (r. 846 Radenza); autor str. 85 twierdzi, że chociaż to jawna końcówka słowiańska, imię samo należy do grupy celtyckiej albo ilirskiej, między nazwiska na *-antia*, *-entia*, chociaż w Krainie nazwy potoków są często słowiańskie na *-anca*, Studenca itp. Nie myślę bronić słowiańskości Radency 846 r., ale mimowoli przypomina mi się wielkopolska Radęca, dopływ Orli (w Germanji, u Obotrytów i i. Wurle, Werle), r. 1303 torrens Radancza, 1595 Radęca, o której Kozierowski III, 117 pisze »nazwa pewnie jak Drwęca obcego pochodzenia«, czemu stanowczo przeczę, bo nazwy na -ęca, -ąca, Drżąca, Grzmiąca, Głomiąca (»Glomaci« Tietmara) i i. (por. Persante na Pomorzu) są czysto słowiańskie. Natomiast nazwa rzeczki Wieden nie jest słowiańska (*Vědnja czy jak tam); jest skróceniem z Vindobona, bo Słowianin odrzuca stale w pożyczkach drugą część złożeń, mówi np. *Iżora* z Ingermanns(land), *špynь* z špilman itp.

Tom cały poświęcił autor zachodniej Słowiańszczyźnie, tylko nierozumiem, dlaczego ani wspomniał o początkach dziejów polskich i czeskich bajecznych, o Piaście nic ani o Przemyśle? Czyż to dopiero przyjdzie?

Jeżeli by Starożytności o tym milczały, gdzież indziej dla nich miejsce? Przecież wszystkie błędne wywody historyków wypłynęły ztąd, że nie traktowano opowiadań — fantazji Koźmy i Galla (o Wincentym niema co i mówić) razem i nie łączono ich z »chłopską« intronizacją w Karyntji, również jak najmylniej tłumaczoną (niby przyjęciem do spólnoty rodowej czy narodowej!!). Te trzy podania i obrzędy (bo i w Czechach miało obrzędowę cechę wkładanie chodaków i torby Przemysłowej) wypłynęły z jednego zapatrywania i razem się tłumaczą, przyczym dla żadnej »Luboszy« żadnego niema miejsca: czy to nam prof. Kadlec dopiero opowie?

A kiedym przy książętach, to coś i o szlachcie wspomnę. Przecież rozwodzi się sam autor nad hipotezą o powstaniu szlachty i państwa polskich z najazdu i słusznie ją odpiera, odsyła nas wprawdzie po bliższe szczegóły do przyszłego siódmego rozdziału, ale już tu mógłby był wspomnieć coś więcej o obcych żywiołach w łonie tej szlachty, które Wł. Semkowicz z wytężoną krytyką, znaczną wiedzą i świetną kombinacją wykrywa: ostatnie w znakomitej pracy p. t. »Ród Awdańców w wiekach średnich«, Poznań 1920, gdzie łączy Awdańców-Habdanków-Skarbimirów (Skarbków) z nordyjskimi Audunami-Skarbkami i ich Lubiniem pod Jansborgiem na wyspie Wolin i gdzie oni tę nazwę powtórzyli. To są rzeczy tak ciekawe, że należało choć wskazać mimochodem i na dawniejsze prace Semkowicza, wywodzące inną szlachtę (np. Pałuków) z Czech, już tutaj. Ale we związku z pytaniem o obcych szlachty polskiej początkach staje i pytanie »lechickie« i na zapatrywanie o nim autorskie nie mogę się zgodzić. Przypuszcza on na str. 228 i nn., że nazwy Lęchów i Polan nie spadają się, lecz oznaczają coś ekonomicznie-topograficznie rozdzielnego. Polanie, to lud pracujący w polu, rolniczy, przeciwstawiony Lęchom (od lęd nazwanym), ludowi mieszkającemu na »ladach«, na nieuprawnej ziemi, ludowi, żyjącemu ekonomicznie inaczej, więcej łowiącemu i pasącemu; Lechowie byliby łowcami i pasterzami przeciw rolniczym Polanom; kraj Lechów byłaby Polska (oprócz Polan) głównie przy Wiśle, Mazowsze i Małopolska, gdzie się nawet ta nazwa dotąd utrzymała.

Byłoby to bardzo ładnie, gdyby było prawdziwe. Jak się żaden Germanin nigdy Niemcem nie nazywa i tylko sąsiedzi-Słowianie tak go przezwali, taksamo się nigdy żaden Wiślanin, aby użyć tej nazwy w najszerszym znaczeniu, nie nazywał Lęchem; tylko sąsiednia Ruś od wieków go tak nazywała; jeżeli gdziekolwiek w Polsce, np. u górali, imię Lach istnieje, toć już swoim *ia*, co z późniejszego ruskiego brzmienia wyszło, nigdy w ustach polskich samych powstać nie mogło, dowodzi, że to obca, ruska, nie polska nazwa. Więc Lęch-Polanin nie jest taką antytezą, jak na blizkim wschodzie Derewlanin-Polanin, lecz Lęch jest nazwa obca a Polanin domowa. Skąd Ruś do tej nazwy przyszła, to znowu inne pytanie, ale to Polaków taksamo mało dotyczy, jak Germanów, że ich »niemymi« przezwano.

Cały trzeci tom wypadł w porównaniu z poprzednimi króciej, co już z samej jego objętości na oko wynika. Autor pomija szczegóły, Rugji poświęcił nie całe dwie strony; z obfitego a ciekawego imiennictwa wyspy wspomniał tylko o (niesłowiańskiej) Arkonie; nie zaznaczył nawet, że nazwę »Rutheni« dla Rujan wymyślili ci sami mędrcy, co z Wolin Ju-

linum itd. zrobili; nie nęciło go widocznie dłuższe zatrzymywanie się nad tym całym obszarem (por. np. dowcipne pomysły, skąd Rügen swoje nazwisko wzięło, od Roggen — rży, którąby, rzecz i nazwę, Niemcy od Słowian przejęli!) Jakby praca nad dziejami kultury słowiańskiej całkiem go pochłaniała, działowi historycznemu mniej już czasu i sił poświęca. Rzuca też poniekąd uwagi, co z niedopatrzenia wyszły, np. dopisek w »geografie bawarskim«: »Suevi non sunt nati, sed seminati«, »vztahuje se zřejmě na Slovany, jak celý kontext nezvratně ukazuje«, ależ przeciwnie, mowa tu o Niemcach-Szwabach (jakby od »säen« przezwanych), boć ta sama **obca** ręka tamże o Bawarach podobną etymologję dodała: Beiri non dicuntur etc. a boia fluvio; wystarczy popatrzyć na facsimile u Schiemanna (Geschichte Russlands) albo na jeszcze piękniejsze w rozprawie St. Zakrzewskiego o geografie bawarskim, Lwów 1917 (Archiwum naukowe etc. I, IX, 1, str. 79); tego wydania, na które autor wyłożył nadzwyczajną staranność, Niederle jeszcze nie znał; wydawca przecenił jednak znacznie i wiek (Ungari!) i doniosłość tego dotąd, ani przez niego, ani przez nikogo innego, nie odgadniętego w całości zabytku; Niederle cytuje go dla zachodnich Słowian (Abotrite itd.) i dla okolic śląskich; Zakrzewski odszukiwał w nim i pomorskie i marchijskie, ale nie tu miejsce, o to się spierać. I Zakrzewski ów dopisek o Suevach zupełnie od »geografa« usuwa: »do zabytku samego nie należy« a Suevi nie są Slavi, to należy autochtonistom takie bajki zostawiać.

Najciekawsze i najważniejsze szczegóły, bardzo sporne, pomija autor najgłębszym milczeniem; zapisze imię Gdańska, ale ani słówkiem nie wspomni o pochodzeniu tej nazwy i jaką o nią walkę od dawna toczą. Albo np. wymienia (str. 108) »silva Loiva«, nazwę dawną lasu turyngskiego, ależ znowu ani wzmianki o tym, co to za nazwa? Przecież taki Hey (Die slawischen Siedelungen im Königreich Sachsen mit Erklärung ihrer Namen, Dresden 1893), a jego książkę autor dobrze zna, twierdzi równie wyraźnie jak mylnie, że to nazwa słowiańska, spiera się z tymi, co ją z niemieckiego wykładali i powoływa świadectwo mnicha Brunswilerskiego, że to nazwa słowiańska i tłumaczy Loiba, Luiba, Lovba, Louvia (annales quedlinburgenses) z łużyckiego (późnego!) *łójba* zamiast *łowba,* że to niby oznacza, jak *łowisko,* łużyckie *łójišćo* i »Jagdwald«, nietylko »Jagd«. »Dieselbe Erklärung verlangen 1144 silva quae dicitur Leuba (bei Jena), sowie Langenlauba, Gottlauba am Flüsschen gleichen Namens = guta lojba, der dichte Jagdwald«. Nawet wyżej przytoczone nazwisko obotryckiego królika Godolaib nie ocali Gottleuby (Gotelobe), co słowiańskim nie jest, mimo twierdzenia p. Hey.

Przez takie pomijanie szczegółów albo odsyłanie do dalszych tomów ubożeje nadzwyczaj treść całego tomu, bardzo bladego w porównaniu z dawniejszymi. Oto np. mowa na str. 129 o plemionku »Větniců nebo Beteňců«, o jego nazwach łacińskich, strasznie poprzekręcanych, jak je Šafařík albo jak Pawiński przepisują itd. i dodaje się: »o třídě srbského lidu zv. Dětmarem *vethenici* pojednáno bude na místě jiném«. Ależ ci Thietmarowi *vethenici,* jak najmylniej przez Hirscha i i. tłumaczeni, toć nie prasłowiańskie, ale specjalnie »łużyckie« (serbskie) urządzenie i właśnie przy ich grodzie, Meiszen, było najlepiej o nich mówić. To Meiszen takie

ważne, że należało mu się coś więcej niż goła wzmianka (str. 121), tym bardziej, że Thietmar wyraźnie etymologję jego poświadczył a Hey mu zaprzeczył: wedle Thietmara król Henryk montem unum . . . excoluit ibi urbem faciens, de rivo quodam, qui in septentrionali parte eiusdem fluit, nomen eidem Misni imposuit — drugiego podobnie dokładnego i wiarogodnego opisu nadania imienia możnaby po całych wiekach daremnie szukać; nazwa przypomina polskie lacus Myschyny z r. 1403, miejscowości Myszyn i Myszyniec, rzeczkę Myszyna w Pińszczyźnie (Kozierowski II 494); rzeczka ta do dziś nazywa się Meisze (r. 1150 Misne rivulus) a przy niej leżą Ober- i Niedermeisa (co Hey ze Mżą, Mies niesłusznie łączy). Otóż tej wiadomości Thietmara zadaje Hey (str. 267) kłam, unmöglich kann der winzige Meisebach . . . vor Elbe und Triebisch (też przy Meiszen rzeczka Tribisa u Thietmara) bevorzugt der Burg den Namen geliefert haben (! jakby taki wywód cośkolwiek znaczył) i odwodzi nazwę od miedzy naturalnie »Grenzheim, Markberg«, wychodząc od bajki, że nazwa ważnego później grodu już w samym zarodku coś ważnego oznaczać winna! Czeskie i serbskie formy z *i* (*Mišno*) byłyby mylne, zamiast *y*. Lecz wracam od Myszyny do jej »satellites, qui vocantur sclavonice *vethenici* Cukesburgiensi Gunzelino« etc., co wydawcy niemieccy Thietmara i Hirsch w I. tomie dziejów Henryka II. jak najmylniej tłumaczą; »Cukesburgiensi« nie jest bowiem niemieckim objaśnieniem Thietmarowym do *vethenici*, bo tę nazwę już przez »satellites« dostatecznie wyłożył, lecz odnosi się, jak dawno słusznie uznano, do Gunzelina. Co są *vethenici*? Niewiem, jak prof. Kadlec je wytłumaczy; nazwa ocalała w nazwie miejscowej Dürr *Wicknitz*, po łużycku *Wĕteńca*, co z pewnością nie z **Wĕtrnica*, jak Pfuhl twierdził, powstało a za nim Hey powtarzał (str. 302); wszelkie dotychczasowe tłumaczenia tych *wietników* były falszywe;[1]) są to poprostu *vĕtnici* »zwoływacze« (por. polskie *wietnica* »ratusz«, (słowieńskie) *odvetnik* itp.

Lecz nieskończyłbym, gdybym się w coraz nowe szczegóły zapuszczał, których brak u autora a dla tego braku z tomem o zachodniej Słowiańszczyźnie zdaje się jakoby autor nieco po macoszemu się obszedł; to chyba nie moje uprzedzenie tylko, ale może ekonomja całego dzieła właśnie takiej zwięzłości wymagała. W każdy sposób witamy z wdzięcznością i uznaniem obraz tych dziejów. Jako sprawozdawca, wytykałem, z czym się nie zgadzam, cobym dodał, poprawił, usunął, lecz to mi bynajmniej nie przeszkadza, uznać zasługi autora, co zebrał i zestawił krytycznie wszelkie geograficzne i archeologiczne dane; sam jednak wiedzy naszej dalej nie posunął. Na kilku miejscach jawnie się pomylił, np. co do Mugilonów (przecież to forma całkiem fałszywa, bo u Strabona na tym samym miejscu tylko myłka na myłce[2]) siedzi), Lugiów, Warnów

[1]) Nazwa ta powtarza się jako *wesnik* albo *wecnik* u Połabian, przez Henninga zapisana dla »ministerialis, woźny, sługa Amtmana«; on ją wywodzi fałzywie od *wiedzy* albo, słusznie, od *wiecenia*, wołania; Rost ją całkiem mylnie z *wieży* ʻdomuʼ wytłumaczył.

[2]) Przecież jednym tchem wymienia tamże Strabo niesłychane nigdy nazwy, Lujów, Zumów, Butonów, Sibinów — jedna gorzej pomylona niż druga; więc gdzież racja, że właśnie niesłychani nigdy Mugilones, dobrze napisani? Każdy też badacz na ich miejsce inną nazwę sadzi!

(żadnego państwa Warnów nad Renem nie było, to się raz Prokopiusz pomylił!). Niedocenił autor dziejów niemieckich i ich znaczenia; Niemcy, chociaż wywędrowali, wcale ze wschodem i północą swoimi nie zrywali. Bo oto np. wysyłają Wandalowie pozostali w kraju do afrykańskich Wandalów, za króla Geiserika, aby im ci afrykańcy odstąpili wszelkich praw do pierwotnych swych siedzib, lecz ci tego nie uczynili!

Do niewyzyskanych w całości źródł historycznych i filologicznych, dodał autor archeologiczne, lecz niestety, archeologja pytanie zawikłane jeszcze bardziej zawikłała. Bo cóż się z niej wyjaśniło? Historyk i filolog liczyli się dla krajów między Łabą a Wisłą tylko z dwoma szczepami, niemieckim i słowiańskim (celtyckie fantazje mogę pominąć); archeologja natomiast poucza, że w całym tysiącoleciu przed Chr. siedziała tam ludność pól popielnicowych t. zw. łużyckośląskich, której kultura była odmienna i od germańskiej (przynajmniej nordyjskiej, panującej na całym wybrzeżu bałtyckim i wtedy), i od celtyckiej, i od słowiańskiej, boć znana nam kultura słowiańska od siódmego wieku po Chr. znacznie uboższa. Więc Kossinna o Trakach albo Ilirach prawił; Niederle to odrzuca, Słowian nasuwa, ale z takimi zastrzeżeniami, że pomysł ten można śmiało pominąć; ja nie archeolog, więc żadnego sobie nie przywłaszczam zdania; trudności powiększyły się widocznie.

Na jedno zwrócę uwagę. Rozpatrując imiennictwo topograficzne, widzę, że istotnie porzecze Odry do Wisły nie przedstawia cech niemieckich, jakie na porzeczu Łaby do Odry widzimy; że, innymi słowami, nie powtarza się od Odry do Wisły nic w rodzaju Havelbergu, Brandenburgu itd. Z tego nie wynika bynajmniej, że to Słowianie wiecznie między Łabą a Wisłą siedzieli; nie wiemyż nawet, czy nazwa Wisły słowiańska! Z tego faktu wynika coś zupełnie innego. Oto to, że opróżnienie krajów między Łabą a Wisłą przez Niemców nie było wszędzie takie same. Stały ląd wschodni, od Odry do Wisły, opuścili Niemcy zupełnie, ale zewnętrzne okraje jego, na północy nad morzem, na zachodzie nad Łabą, na południu od Turyngji do Śląska, tych miejsc nie opróżnili ani spółcześnie ani zupełnie, tak jak tamte wewnętrzne. I ztąd pochodzą nad morzem, na zachodzie i południu te liczne dawne pierwotne nazwy niemieckie nawet dla lasów i rzeczek w ustach słowiańskich; tu było jakiś czas spółżycie obu narodów, którego dalej na wschodzie, nad i za Odrą, już nie było i ztądto poprzejmywali Słowianie te nazwy niemieckie a te nazwy pozostały u dalszych Niemców, załabskich, gdy ostatni przedłabscy (od nas licząc) Niemcy powymierali, bo jak już wspominałem, żadnych »pierwotnych« tubylców nowa inwazja niemiecka po r. 800 już nie napotkała i najmylniej w świecie chciano szybkie wynarodowienie tych Słowian spółdziałaniem jakiejś pierwotnej warstwy niemieckiej, ocalałej jeszcze od wędrówki narodów, tłumaczyć. Wszelkie wywody moje zmierzają więc ku temu, że **niebyło jednolitego** ani równoczesnego wysiedlenia się Niemców; że pozostawały resztki Warnów, Silingów, Rugów na dawnych siedzibach tu i owdzie; że należy więc rozróżniać rozmaite stopnie tego wysiedlenia, nie stosować do nich jednego szematu. Czy zdanie moje się utrzyma, to inne pytanie; ja nie umiałem sobie inaczej wytłumaczyć pierwotnych, licznych nazw niemieckich między Łabą a Odrą,

których między Odrą a Wisłą niema. Lewobrzeżni Niemcy zatrzymali te dawne nazwy, Mikilinburg, Havelberg, Brandenburg itd., gdy prawobrzeżni Niemcy już powymierali; lecz jak się te grody u Słowian nazywali, tego nie wiemy, tego nam Niemcy nie przekazali a my tego nie zmyślajmy.

A. Brückner.

Vilhelm Thomsen: **Samlede afhandlinger.** I. II. bind 449 a 500 str. Kodaň, Gyldendal 1919 a 1920. Cena svazku 23 kor. dán.

»Sebraná pojednání«, ne »Sebraná díla« nazval slavný Nestor linguistiky (nar. 25. ledna 1842) toto vydání, k němuž byl s mnoha stran vyzván, protože dvě z největších jeho děl »Styky finských a baltických jazyků« (1890) a »Inscription de l' Orkhon déchiffré« (1896) nebudou v ně pojata. Rovněž nebudou tu uveřejněny články, napsané pro Salmonsenův velký Naučný slovník a pod. Ze tří svazků, na něž je sbírka rozpočtena, vyšly dva v nádherné úpravě, po 500 exemplářích, s podporou státní.

Sbírka není uspořádána časově a obsahuje tyto Thomsenovy práce: stručné dějiny jazykovědy (po prvé v ročence university 1902), rozebírající rozdíl jejích začátků u Indů a u Řeků, sáhající až po mladogramatiky a končící se pochybnostmi o opravdových »zákonech« hláskoslovných; dále následuje netištěná dosud řeč rektorská (1901) o orientální filologii v Dánsku, »Životopisy dánských jazykovědců«, týkající se Raska, orientalisty Westergaarda, indologa Sörensena a dvou slavistů, C. W. Smitha (1811—81) a Karla Vernera (1846—96). Smith žil v letech 1843—44 v Krakově, Vídni, Pešti a Praze, vydal v Berlíně r. 1845 německo-polskou gramatiku, ale teprve r. 1859 byl jmenován docentem slavistiky a zastával tuto mimořádnou profesuru (první mimo slovanské země a Paříž!) až do smrti, učiv dotud na střední škole dánštině. Napsal tři pojednání »De locis quibusdam grammaticae linguarum Balticarum et Slavonicarum«, přeložil Nestorovy letopisy (1869), napsal nauku o ruském slovese (1871), De verbis imperfectivis et perfectivis in linguis Slavonicis (program university 1871); až po jeho smrti vyšlo dílo Dějiny ruské literatury (1882). Vedle toho je od něho množství článků o Slovanech vůbec, na př. »Boj a vítězství české národnosti husitstvím« (Dansk Maanedskrift 1875), »O zbytcích staročeské poesie, nalezených v první části tohoto století a jejich kritice« (Tidskrift for Philologi og Paed. III a IV, r. 1862—3). Smith ovšem věřil v pravost našich Rukopisů. Podpora fondu Carlsbergského umožnila nemocnému učenci, aby se odebral do Karlových Varů. »Bylo mu velkou radostí vidět zase své drahé Čechy a setkat se tu se starými a novými přáteli«, ale navrátiv se, zemřel po několika měsících. Jeho nástupcem byl Karel Verner.[1]) Po tomto nejslavnějším, dodává referent, zastával profesuru, nyní již řádnou, Holger Pedersen a po něm Stanislaw Rožniecki, jehož smrtí se r. 1921 zase již uprázdnila.

Dále obsahuje první svazek článek »Staroarijská (indoevropská) kultura« ze souborného díla »Světová kultura«, a »Založení ruské říše Seveřany«, kteréžto velké dílo, vzešlé z přednášek v Oxfordu, vyšlo již

[1]) Srv. Listy filologické XXX (1903) 466—472, kde je moje zpráva o Vernerových Sebraných spisech a jeho životopise.

r. 1877 anglicky, pak německy, švédsky a rusky, zde po prvé dánsky. Připojena polemika »Poznámky k otázce varjagů« z r. 1883.

Svazek druhý mimo dva drobné články z filologie skandinavské a článek »Finsko-uherské jazyky« (z Naučného slovníku) přináší důležitý habilitační spis Thomsenův: Vliv gotské třídy jazykové na finskou (1869) s »Doslovem«, psaným po padesáti letech a vyrovnávajícím se s pokroky jazykovědy. Z r. 1866 pochází článek »Maďarský jazyk a jeho kmenová příslušnost«; potom čteme v původním německém znění článeček z r. 1912 o maďarském slovese, vytištěný maďarsky v jubilejním sešitě jistého časopisu. Rovněž německy je psán netištěný dotud zlomek »Der arische A-laut und die Palatale«. Thomsen objevil totiž roku 1875 důležitý »zákon palatální«, odložil však vypracování až po přednáškách v Oxfordě, k nimž byl vyzván, a když r. 1877 se dal do práce, shledal, že objev ležel ve vzduchu; učinil jej také K. Verner, a J. Schmidt a H. Collitz se pak přeli o prioritu.

Značný je počet článků romanistických, zvláště fonetických, psaných většinou francouzsky, jako je i poslední článek svazku »Poznámky o příbuzenství etruštiny« (1899).

Slavnostní řeč o společném jazyku vědy po historii latiny od dob římských po 20. století uvažuje o obtížích, způsobených vnikáním národních jazyků do vědy, a pokusech, snažících se tyto obtíže odstraniti. »Stejně jako se všichni těšíme, vidouce rozkvět vědy mateřským jazykem, je, zvláště pro menší národy, nenapravitelnou škodou, že zmizel tradicionální a neutrální společný jazyk, který jsme déle tisíciletí měli v latině... Byla-li národní stránka heslem pro století 19., musí býti úkolem století 20., aby hledělo nalézt modus vivendi, abychom, plně zachovávajíce právo mateřského jazyka, ušli smutným nevýhodám, plynoucím z jazykového roztříštění.« Kdybychom se (uvažuje Thomsen o různých návrzích učiněných v té příčině) vrátili k latině, musili bychom se rázem vzdát latiny klasické. Musilo by to býti něco jako latina středověká, nebo latina zjednodušená, zvláště syntakticky. Ale Thomsen nevěří valně v tu možnost a uvažuje dále o umělých jazycích, nepokládaje úkol za zásadně neřešitelný. Pro okamžik nelze však mluviti o jiném, než o třetí možnosti, užívat hlavních jazyků živých, a vědec jako každý vzdělanec bude muset aspoň umět číst anglicky, francouzsky, německy. Ale bylo by cílem snažení, aby to byl jazyk jeden. Nápad fonetika Pavla Passyho, aby pomocným jazykem byla norština, odmítá ovšem jako podivínství a končí přesvědčením, že anglický jazyk měl by nejlepší podmínky pro ten úkol.

Vidíme, jak velký rozhled po jazykovědě, zvláště indoevropské a ugrofinské, projevují tyto dva svazky; oč podivuhodnější je, že jejich původci se podařil nejskvělejší úspěch na poli tak exotickém, jako bylo čtení záhadných nápisů orchanských, psaných neznámým písmem a neznámým mrtvým jazykem! Pochopujeme, proč dánská učená obec, universita, učená společnost, veřejnost i vláda o osmdesátých narozeninách vědcových závodily v poctách a darech.

Dne 4. března 1922.

Arnošt Kraus.

Jan Łoś: **Gramatyka starosłowiańska.** Głosownia. Morfologja. Składnia; Lwów-Warszawa-Kraków 1922. Wydawnictwo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich. 8⁰, str. 223+XVI.

Jest to pierwsza gramatyka starosłowiańska (starocerkiewna, starobułgarska) wydana w języku polskim. Dotychczas młodzież polska, kształcąca się w filologji słowiańskiej, posługiwała się podręcznikami syjskiemi lub niemieckiemi. Autor niniejszej książki miał na celu nietylko zapełnić dotkliwą lukę i dać młodzieży polskiej do rąk potrzebny jej podręcznik, ale nadto starał się ułożyć tę Gramatykę starosłowiańską tak, aby ta się stała wstępem do historycznej gramatyki polskiej.

Każdego, kto tę książkę weźmie do ręki, uderzy to — może niemiło — że wyrazy starosłowiańskie zostały podane w łacińskiej transkrypcji, ale przyczyna tego była dwojaka: zasadnicza i przypadkowa. Zasadnicza polegała na tem, że według autora nie jest racjonalny dziś ogólnie przyjęty system wyłącznego używania w drukach nietylko popularnych, ale nawet czysto naukowych alfabetu cyrylickiego. Uznano powszechnie, że alfabet ten nie był pierwotny, że nie jest on alfabetem Cyryla i Metodjusza, a mimo to najdawniejsze zabytki głagolickie drukują się w t r a n s k r y p c j i cyrylickiej, ponieważ zaś alfabet cyrylicki nie posiada niektórych liter głagolickich, przeto wymyślono nowe znaki cyrylickie dla *i* oraz dla *dž* i na odwrót, wspólny znak głagolicki dla *ě* i dla *ja* oddaje się w transkrypcji cyrylickiej także zapomocą jednej litery. Tak więc trzeba przyznać, że wszystkie gramatyki starosłowiańskie dotychczasowe podają materjał językowy w znacznej części w transkrypcji, więc czy to będzie transkrypcja cyrylicka czy też łacińska, zawsze jest tylko transkrypcją. Oczywistą jest rzeczą, że inaczej być nie może: głagolica jest pismem niepopularnem, gdyż uchodzi za bardzo trudną, choć studenci na ogół bardzo łatwo dają sobie z nią radę (wiem to z własnego w Krakowie doświadczenia), a przytem nie stoi — jak cyrylica — w bezpośrednim związku z dzisiejszemi alfabetami wschodnio- i południowosłowiańskiemi; los więc jej jest przesądzony (mówię tu o starożytnej głagolicy okrągłej a nie o nowej kanciastej, w podręcznikach starosłowiańskich zresztą wcale nie używanej). Tak więc czy transkrybujemy wyrazy starosłowiańskie na takie lub inne pismo, zawsze je transkrybujemy.

Przyczyną przygodną jest to, że w Krakowie, w tem mieście, gdzie druki starosłowiańskie pojawiły się co najmniej na 15 lat przed polskiemi (w r. 1490), obecnie czcionek starosłowiańskich tak, jakby nie było, przeto w ich braku albo trzebaby się wyrzec drukowania gramatyki starosłowańskiej w ogóle, albo przykłady w niej podawać transkrybowane na pismo łacińskie. Zresztą to samo znajdujemy już w innych gramatykach np. w gramatyce starosłowiańskiej Leskiena, jako też w litografowanych kursach gramatyki ruskiej Szachmatowa, który dla Rosjan białoruskie przykłady podawał w alfabecie łacińskim.[1])

---

[1]) W transkrypcji autor używa także litery *j*, mianowicie w dwu wypadkach: 1. kiedy *j* poprzedza samogłoskę (prócz *i*) np. *ja*, *je*, *ju* (ale *i*, nie *ji*), i na końcu wyrazów, kiedy to *j* odpowiada prasłowiańskiemu *-jь* np. nom. sg. i gen. pl. *kraj* (prasł. *krajь*) natomiast nom. pl. *krai*.

Szkody to zresztą młodzieży polskiej nie przyniesie, gdyż na praktycznych zajęciach do czytania tekstów starosłowiańskich po największej części używa się Chrestomatji Vondráka.

Gramatykę rozpoczyna krótki przegląd źródeł językowych głagolickich i cyrylickich (do str. 5), dalej uwagi o pisowni (do str. 9) i następnie idzie pierwszy dział gramatyki t. j. głosownia historyczna (do str. 63), a więc uwagi o sposobie wymawiania głosek starosłowiańskich, charakterystyka stosunku głosek starosłowiańskich do prasłowiańskich i do praarjoeuropejskich a wreszcie rozpatrzenie procesów fonetycznych z okresu prasłowiańskiego i starosłowiańskiego, ułożone w porządku przypuszczalnie chronologicznym. Oczywiście autor miał na myśli chronologję względną, dlatego też tutaj mogłoby się komu zdawać, że w wykładzie brak porządku, gdyż mieszają się tu procesy z zakresu spółgłosek i samogłosek. Być może, iż niewszyscy na taki układ chronologiczny się zgodzą, ale to już rzecz inna; autor się starał mówić o zmianach fonetycznych w takiej kolei, ażeby nie potrzebował odwoływać się do objaśnień, umieszczowych nie na poprzednich, ale na następnych stronicach.

Dalej następuje morfologja (str. 64—139), do której prócz fleksji wchodzi też słowotwórstwo, rozpatrywane tu ze strony formalnej. W tym dziale autor starał się o to, ażeby przy traktowaniu zjawisk morfologicznych powoływać się na odpowiednie paragrafy fonetyki, i po wtóre, aby uwzględnić wszystkie starosłowiańskie zmiany morfologiczne, które mogłyby rzucić pewne światło na przebieg i chronologję takichże zmian na gruncie języka polskiego. Do tego należy np. mieszanie typów deklinacyjnych, powstanie złożonej formy czasu przeszłego, formacja trybu warunkowego z aorystycznem **бѧхъ** i t. p.

Wreszcie trzecią część książki (str. 140—223) zajmuje składnia, gdzie autor starał się konsekwentnie wykazać zasadę dwuczłonowości wyrażeń językowych, więc przedewszystkiem dwuczłonowość wyrazu prostego i złożonego (słowotwórstwo, jako część składni), wyrażenia dwuwyrazowego, zdania prostego i złożonego.

To są — jak się zdaje — najcharakterystyczniejsze cechy nowej gramatyki. Poza tem w zakresie twierdzień szczegółowych tylko gdzieniegdzie autor wyraził przypuszczenie odbiegające od norm ogólnie przyjętych (np. w poglądach na zdania konkluzywne i eksplikatywne, str. 205). Zamiast indeksu rzeczowego dodano na początku szczegółowy spis rzeczy, w którym w sposób możliwie najkrótszy podano treść każdego paragrafu oddzielnie. *Autoreferat.*

Vatroslav Jagić: **Zum altkirchenslawischen Apostolus. I.** Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, philosophisch-historische Klasse, Band 191, 2. Abh. (1919); **II.** B. 193, 1. Abh. (1919); **III.** B. 197, 1. Abh. (1920) 1. (= I.) Grammatisches und Kritisches, str. 99; 2. (= II, III) Lexikalisches. Die Physiognomie der slawischen Übersetzung, str. 128 a 133. Celkem 360 stran.

Nejnovější dílo Jagićovo, třebaže vzniklo za podmínek pracovních velmi ztížených, patří mezi význačné jeho práce, a to nejen objemem,

nýbrž i cennými podněty, jimiž ukazuje dalšímu badání v oboru staroslověnštiny na nové dráhy. Především již tím, že je věnováno zanedbávanější části Nového zákona, Apoštolu, t. j. té části Nového zákona, která obsahuje Skutky apoštolské a listy. Poslední práce Apoštolu věnovaná bylo velké vydání Slěpčenského Apoštola z 12. věku, uspořádané G. A. Iljinským r. 1912 (o tomto vydání jsem referoval v LFil. 42, 1915, str. 63—68). Od té doby nevyšlo v tomto oboru nic až do přítomné monografie Jagićovy.

Předmětem jejím je rukopis Apoštola, poněkud neúplný (chybí zvl. kap. I.—IX. 37. Skutků ap.), pocházející nejspíše z prvé polovice 14. stol. a chovaný v knihovně „Matice srbské" v Novém Sadě. Apoštol tento (označuji jej Mat. Ap.) je srbského původu, pochází asi ze starého Srbska, a to z jižní jeho části, nedaleko od makedonských hranic. Rukopis má 173 listů kvartového formátu a dobře čitelného písma. Po stránce jazykové, zejména hláskové, neposkytuje Matiční Apoštol mnoho charakteristického. Třeba podotknouti, že v té věci se podobá i jiným církevněslovanským rukopisům srbským ze 14. století, ať už byly psány v Chilandaru nebo v jiných srbských klášteřích: zachovávajíce konservativně jazyk svých předloh nebo vůbec tradiční jazyk církevní, podávají málo z živé mluvy a z výslovnosti svých pisatelů. Fonetickou cenu má z pravopisu časté vynechávání jotace po hláskách jazyčných, které může nasvědčovati výslovnosti odpalatalisované, na př. **волею, ꙁемлє** 40[a] nebo **мороꙋ** (dat. sing.) 56[b], **творꙋ** (1. sg.) 55[b] a j. Naproti tomu zcela obvyklý zjev je přehojné zaměňování **и** a **ꙑ** (Jagić 21 sl.). Jestliže tento rys nemůžeme pokládati za charakteristikon srbského původu, poněvadž jej nacházíme též v památkách bulharských, ba sporadicky již v staroslověnských (vzpomeňme př. **рибѣ** v Zogr. Mark. VI. 41), pak bezpečně vidíme srbský původ Matičního Apoštola ve střídnicích za nosovky (**є, оу**) a jery (**ь**). Ale právě v tomto oboru nacházíme zvláštnost i odjinud povědomou, že tento srbský text byl přepsán z předlohy bulharské, která se zrcadlí v jeho vokalismu. Hledí sem jmenovitě středobulh. záměna nosovek **ѧ** a **ѫ**, která je v srbském opise patrná psaním **оу** na místě očekávaného **є**; tak aor. **сѧтъ** (t. j. **рєчє**) je přepsán **соутъ** (Jagić 31), nom. sg. masc. part. act. **бињ** je přepsán **бью** (Jagić 32). Vliv bulharské předlohy, a to hlaholské, viděl bych také v tom, že Matiční Apoštol píše na některých místech **ѣ** ve významu **ꙗ**, na př. **пльтьскаѣ** 106[a], **волѣ** 96[b], **ꙁемлѣ** 48[b]; Jagić tu mluví jen o »staré vzpomínce« (str. 20). Zajímavá je grafika **ю** za stslov. **ѫ**, kterou má Mat. Ap. společnou s evangeliem Miroslavovým, na př. **на пюти** 27[b], **вь люкахь** 122[a], též v 1. sg. **идю** 1[a] a v akk. sg. *ā*-km. **истиню** 1[b]. Jagić (27) nepřikládá tomuto zjevu významu hláskoslovného, vidí v něm jen rys pravopisný a vyslovuje domněnku, že za tím třeba hledati jistou starosrbskou školu písařskou. V oboru souhlásek je zvláště zajímavé psaní cizích jmen, v nichž bývají hojně jako rovnocenná zaměňována písmena **ф** a **п**, **ѳ** a **т**, na př. **филипи — ѿ Филифь** nebo **иѳалиѥ** (Jagić 39). Jinak je text psán velmi nedbale, obsahuje množství omylů a mezer, takže to vypadá, jako by byl psán na diktát (Jagić 32). I pro tuto zběžnost i pro připomenuté archaisování Mat. Ap. není obzvláště význačnou památkou po stránce jazykové, a Jagićův popis této jeho stránky je také dosti stručný (do str. 42).

Zato právem věnoval Jagić mnohem více pozornosti kritice textové, tedy oboru, který ve slovanské filologii vůbec a v církevní slovanštině zvláště pořáde ještě není dostatečně pěstován, ačkoli již v monografických pracích Dobrovského, v jeho korespondenci a v Institucích leží k tomu skvělé předpoklady. Zejména pak text Apoštola je dosud pramálo prostudován. Jde tu o dva obory otázek, jednak jaký je poměr slovanských textů mezi sebou, jednak v jakém poměru jsou slovanské texty k textům byzantským. Jenom v prvním oboru jsou přípravné práce vykonány. Jsou to studie G. A. Voskresenského. Voskresenskij, maje částečně připravenu cestu otcem Amfilochijem v jeho objemném vydání Karpinského apoštola (v Moskvě 1885—8, ve 3 částech), kde bylo sneseno pilně, ale nekriticky, množství různočtení z četných církslov. rukopisů, pokusil se po prvé rozděliti hojné apoštolské rukopisy do redakcí. Jeho systém čtyr redakcí ve vývoji textu církslov. apoštola se uznává dosud. Je však třeba připomenouti, že Voskresenskij vycházel ze studia Pavlových listů a Skutky apoštolské nechal vůbec stranou. Také je třeba míti na paměti, že za představitele jednotlivých redakcí volil rukopisy ruskoslovanské, jmenovitě moskevské, což je ovšem zcela pochopitelné; k jihoslovanským rukopisům sice také přihlížel, ale přece jen až na druhém místě. Práce Voskresenského je nadepsána Древне славянскій апостолъ a obsahuje jen 2 svazky; první, podávající Pavlův list k Římanům, vyšla v Sergievském Posadě 1892, druhá, Pavlův list ke Korintským, v Trojicko-Sergijevské lavře (za Moskvou) 1906; o redakcích cslov. Apoštola vyložil v 1. sešitě na str. 9—43, v 2. seš. na str. 2—23; v druhém sešitě je počet studovaných rukopisů zvýšen na 57.

První redakci (*А*) podle Voskresenského představuje ruskoslovanský Apostol tolkovyj (t. j. s komentářem) z r. 1220 moskevské synodální akademie. K této nejstarobylejší redakci patří nejznámější rukopisy, zvláště jihoslovanské a to i úplné Apoštoly i praxapoštoly totiž: ochridský (vyd. Kuľbakin v Sofii 1907), Slěpčenský (vydal Iljinskij v Moskvě 1912), Makedonský čili strumický (analysoval Polívka v AfslPh 10, 1887, 106 n., 417 n.), bělehradský z 13 st., Karpinský (vyd. Amfilochij), Šišatovacký (vyd. Miklosich ve Vídni 1853), Kristinopolský (vyd Kałužniacki ve Vídni 1896; tento je jihoruský), Pirdopský, pak hlaholské zlomky Mihanovićův (vyd. Jagić v Radě Kn. 2.) a Grškovićův (vyd. též Jagić v Starinách sv. 26.). Celkem patří do prvé redakce vedle jejího zástupce ještě 38 rukopisů (*А*1-38). Druhou redakci (*Б*) představuje Tolstovský Apoštol 14. věku, ruskoslovanský; vedle něho patří sem ještě 14 méně známých rukopisů (*Б*1-14). Třetí redakci (*В*) podává Nový zákon moskevského čudovského monastýru ze 14. věku, ruskoslovanský, a Pogodinský Apoštol petrohradské veřejné knihovny ze 14. věku, též rusko-cslovanský (*В*1). Čtvrtou redakci (*Г*) podává rusko-bulharská bible z r. 1499 moskevské synodální bibliothéky a osm jiných rukopisů (*Г*1-8).

Jagićův Mat. Ap. patří, jak je v monografii podrobně ukázáno, do redakce první; Jagić srovnával svůj text hlavně s Ap. Šišatovackým a Kristinopolským a zjistil jejich úplnou shodu (str. 44). Mat. Ap. obsahuje také právě ty výrazy, které Voskresenskij ve své první práci o Apoštolu

(Древне-славянскій переводъ Апостола, v Moskvě 1879) prohlásil za znaky starších textů (Jagić 71 sl.). Rozumí se, že tato shoda Mat. Ap. s jinými členy téže redakce není tak dokonalá, aby se texty úplně a doslova kryly: někde se Mat. Ap. odchyluje od Šiš. a Krist. ve prospěch redakce druhé (Jagić 78 sl.). Ale ostatně i Šiš. a Krist. se někdy rozcházejí (ib. 86 sl.). Tyto drobné neshody, jakož i zřetel k tomu, že Voskresenskij vycházel jen od části Apoštola a z rukopisů hlavně ruských, vedou mne k domněnce, že systým redakcí, jak jej sestrojil Voskresenskij, není definitivní: první redakci bude třeba ještě nějak rozděliti; ostatně již velký počet rukopisů sem vřaděných vede k tomu, že bude zapotřebí další specifikace. Jagić sám při jednotlivých dokladech nejednou upozornil, že uvnitř prvé redakce jeví se leckdy neshody, a to zejména v tom směru, že jihoslovanské texty mají jiný variant, než takový, který je společný textům ruským. Srovnával jsem doklady Jagićovy Mat. Ap. s Ap. Slěpčenským, jehož čtení Jagić také častěji připomíná. Ve většině případů shledáváme skutečně shodu; srovnání je tu ovšem obtížné, protože Slěpč. Ap. je jen praxapoštol, kdežto Mat. Ap. podává text úplného Apoštola (nehledě k několika rukopisným mezerám), a kromě toho Slěpč. Ap. je na četných místech poškozen. Ale při této shodě najdeme také vážné rozdíly. Tak na str. 73 uvádí Jagić jako jeden ze znaků první redakce, že ve Skutcích ap. 17, 16 frase *θεωροῦντος κατείδωλον οὖσαν τὴν πόλιν* je přeložena volně, na př. v Mat. Ap. 13[a] **видещю неприꙗзниньнь телесь и трѣбищь испльнень грⷣ.** Podobně v Šiš. a Krist. Třebaže dodatek **и трѣбищь** přejímá Jagić jako pravděpodobně pozdější vsuvku, přece zdůrazňuje charakteristické opsání řeckého adj. *κατείδωλον* celou frasí slovanskon. Nuže proti této shodě citovaných tří rukopisů má Slěpčenský Ap., který je o mnoho starší, docela stručně a doslovněji: (**въ оны дьни въ афинѣхъ жидѫщю павдоу ꙁаꙁдрѫжаше сѧ д҃хъ его въ немъ) видѧщоу пльнъ градъ коумиръ** (Iljinskij, textu str. 12). Rozdíly tohoto druhu nemohou býti vysvětleny individuálními a nahodilými odchylkami písařskými; to jest různočtení. Ukáží-li se takové případy častěji, pak třeba dosavadní obraz církslov. textu revidovati a redakce jasněji diferencovati.

Kromě určení redakce Mat. Ap. obíral se Jagić ještě druhým problémem textové kritiky, k němuž v oboru Apoštola nedospěl ani Voskresenskij ani kdo jiný, totiž otázkou, z které řecké předlohy byl nejstarší překlad Apoštola pořízen. Řecký originál církevněslovanských překladů, zejména řecký text biblický, brávají se od slavistů nezřídka za pevné a nezměnitelné hodnoty, na redakční vývoj řeckého textu a na hojné varianty řeckých rukopisů se často zapomíná; tím pak ovšem ani poměr překladu k originálu nemůže býti správně vyšetřen, ani jazyk překladu náležitě oceněn. Jagić učinil první krok, co se týče Apoštola, na této nesnadné dráze, kde je třeba, aby slavista měl též znalosti byzantologické. Jagić vzal za základ svého srovnávání velké kritické vydání Tischendorfovo (8. vyd., v Lipsku, 1872, II. svazek). Na tomto základě stanovil — nepřihlížeje k různým drobným odchylkám, zejména v slovosledu — že nejstarší překlad církslov. Apoštola se neshoduje se zněním, jež Tischendorf učinil základem svého textu, nýbrž ukazuje na varianty, jež cituje ve svém kritickém aparátu se značkou ϛ, t. j. čtení edice Stepha-

novy z r. 1550 a edice Elzevírské z r. 1624. Tohoto výsledku dosáhl Jagić použitím tří církslov. textů, totiž Mat. Ap., Šišat. a Kristinopol. a potvrdil jej doklady ze Skutků ap. (str. 45—51), z listů t. zv. katholických (51—55), a z listů Pavlových (55—63), tedy z celého rozsahu Apoštola, ale ovšem jen doklady vybranými, ne úplným textem. Při tom našel jistý počet odchylek, kde se slovanský překlad neshodoval s versí ς, a při tom se přikláněl k rozmanitým jiným řeckým variantům.

Tento výsledek bude zase podnětem k dalšímu zkoumání. V textové kritice pokročila poslední léta za Tischendorfa, jehož methoda při všech jeho ohromných zásluhách se dnes již neuznává za vyhovující. Novější badání Angličanů Westcotta a Horta, studie Blassovy a Pottovy a nejvíce monumentální dílo Sodenovo změnily dřívější názory. Pro textově kritická studia nebudeme již nyní užívati ke srovnání edice Tischendorfovy, nýbrž nového vydání Sodenova, Die Schriften des Neuen Testaments in ihrer ältesten erreichbaren Textgestalt, hergestellt auf Grund ihrer Textgeschichte, díl I. v Berlíně 1902—1910 (o 3 sv.), díl II. (text s kritickým aparátem) v Gotinkách 1913. Tohoto srovnávání bude tím více zapotřebí, že Soden ve svém vydání nerespektuje církevněslovanských textů, takže i kritika řeckého textu může býti se slovanské strany obohacena (srv. k těmto věcem výklad ve Christově Gesch. d. griech. Litteratur, 5. vyd. zpracované Schmidem a Stählinem, II. díl, 2. polovina, o literatuře let 100—530 po Kr., v Mnichově 1913, str. 925 sl. a první části bohatě informujícího článku Fr. Novotného »Nový zákon problémem klassické filologie« LFil. 47, 1920, str. 153—161). Věc záleží v tom, že první tištěná vydání — a mezi ně patří též citovaná vydání Stephanovo a Elzevirovo, tedy Tischendorfův text ς — podávají t. zv. textus receptus, který však podle dnešního stanoviska textové kritiky novozákonní je nejhorší, byv v pozdějších dobách hojně porušen. Podle Westcotta a Horta je textus receptus založen na t. zv. recensi syrské z let 250—350, podle Sodena však základem tohoto textu byla jedna ze tří nejstarších úprav, t. zv. *κοινή (K)*, za jejíhož původce má Soden Lukiana z Antiochie. Vedle toho uznává Soden recensi *H*, egyptskou, jejímž původcem je snad biskup Hesychios, a třetí jerusalemskou *(J)* vypracovanou Origenem a vydanou Pamfilem a Eusebiem. Všecky vznikly po roce 300 a všecky se podle Sodena zakládají na společném a nezachovaném textu »authentickém«. Tímto pojetím Sodenovým byl učiněn dalekosáhlý krok za rekonstrukcí původního textu novozákonního, krok, ve který ještě nevěřil Lachmann; byly totiž překročeny hranice dané zachovanými rukopisy, aby byla vzkříšena minulost, která je předcházela.

A s tímto poznáním přistupme nyní k textu církevněslovanskému. Dosud byla nejlépe známa dnešní řecká redakce *H*, protože tu zachovaly nejstarší rukopisy unciální, jmenovitě Sinajský, objevený Tischendorfem, chovaný v Petrohradě, a Vatikánský, oba ze IV. století. Na třídě unciálních rukopisů, jmenovitě na těchto dvou nejstarších, založil Tischendorf svůj text. Kdyby se tedy církevněslovanský překlad shodoval s touto redakcí, nepřinášel by pro kritiku textovou mnoho důležitého, protože tato redakce je nám dobře zachována a dosti známa. Ale vidíme naopak, že cslovanský překlad je i pro rekonstrukci řeckého textu velmi

důležitý, právě jako tomu je i při jiných církevněslovanských památkách a jako jsem to konstatoval zejména při studiu byzantských kronik. Shoduje-li se totiž církslov. překlad s Tischendorfovým textem ϛ, t. j. s textem edice Stephanovy a Elzevirovy, jak zjistil Jagić, tedy nám, jak řečeno, podle Sodena představuje starobylou redakci *K*. Textus receptus této redakce jest jen proto špatný, že se zakládá na pozdních byzantských rukopisech minuskulních. Rukopisů, které by se stářím rovnaly hlavním zástupcům třídy *H*, pro třídu *K* nemáme. Třídu *K* poznáváme jen ze zlomků a z korektur v rukopisech jiných typů. Nejstarší zástupce její jest až z osmého století, totiž rukopis athonský *Ω*. Nuže při tomto nedostatku starobylých řeckých rukopisů stoupá neobyčejně význam překladu církevněslovanského, neboť on prokáže cenné služby pro detailní poznání této redakce.

Ale pro druhou stranu zase z toho plyne, že církslov. text nemůžeme srovnávati s textem Stephanovým a Elzevirovým, nejen proto, že to je text nedokonalý, ale hlavně proto, že to je vlastně text, datující se z pozdější doby, nežli byl překlad staroslověnský, jenž je základem zachovaných rukopisů církevněslovanských. Srovnávati musíme slovanský překlad se zbytky z třídy *K*. Jmenovitě pak bych ukázal na potřebu, srovnávati církslov. text se čtením rukopisu athonského, poněvadž ten i dobou i místem svého vzniku je blízký vzniku překladu staroslověnského. Neříkám, že právě athonský rukopis *Ω* byl tou předlohou, z níž Method překládal, ale možná, že blízko něho ji budeme moci hledati. Třeba však připomenouti, že rukopis *Ω* (u Sodena *ε* 61) obsahuje jen čtyři evangelia.

Ale ještě dále. Zachované rukopisy církslov. Apoštola prvé třídy nám zachovávají, ať už více či méně věrně, v originále nezachovaný původní překlad staroslověnský, Methodějův. Překlad Apoštola je pak jen součástkou velkého překladatelského díla cyrillomethodějského, staroslověnského Nového zákona, po případě bible vůbec. Nuže, jestliže jsme zjistili, že stslov. Apoštol byl přeložen z textu redakce *K*, pak to jen vyjasňuje a potvrzuje dřívější domněnku, kterou uvedli Jevsějev, Murko a Vondrák a kterou jsem také formuloval r. 1915 ve stati »Bulhaři a Cařihrad« (na str. 14 a v pozn. 61), že totiž Konstantin a Methoděj užili pro překlad biblických textů recense Lukianovy, která tehdy byla v Cařihradě obvyklá. Bude však úkolem dalšího badání podrobného najíti, které stadium recense *K* — neboť prošla delším vývojem — bylo předlohou, a jak vysvětliti v stslov. překladě ty odchylky, které ukazují na redakci alexandrinskou (egyptskou). O novém stanovisku, které v té věci zaujal slovinský theolog prof. A. Snoj třemi příspěvky z r. 1922, pojednám zde později.

Textově kritickým a mluvnickým výkladům je věnována necelá třetina Jagićovy práce. Ostatek — a v něm je tedy těžiště monografie — vyplňuje lexikální rozbor apoštolského textu, v čemž ovšem je Jagić mistrem, jak víme zvláště z jeho Entstehungsgeschichte. Tehdy však šlo hlavně o zřetel historický, o rozlišení vrstev jazykových; v této práci šlo spíše o zřetel stilistický. Šlo o to, oceniti slovní zásobu překladu Apoštola. Toto ocenění mělo ukázati, jak bohatý a jak případný v po-

měru k originálu je slovní poklad, jímž vládl staroslověnský překladatel. Podobnou práci podnikl Berneker v čl. Kyrill's Übersetzungskunst (IF. 31, 1912, str. 399—412), který vyzněl v tom smyslu, že vskutku třeba mluviti o umění překladatelském, a O. Grünenthal v rozpravě Die Übersetzungstechnik der aksl. Evangelienübersetzung (AfslPh. 31, 1909, str. 321—366, 507—528 a 32, 1910, str. 1—48). Jagić zdůrazňuje (II., 1 str. 5), že úmyslně nedal na sebe působiti těmito pracemi; zahloubal se jen do textu samého, aby dosáhl ocenění zcela nestranného. Je při tom zvláště cenné, že rozebral právě text apoštolský, který dosud takto analysován nebyl. Prvním náběhem k této práci byl již Jagićův článek ve sborníku Frankově Двѣ-три замѣтки изъ области древнѣйшаго церк.-слав. перевода (ЗТИмШ. sv. 117/8, ve Lvově 1914, sv. 27—30; srv. můj ref. v ČMFL. 5, 1916, str. 13 sl.). Tam po prvé upozornil na důležitost slovníkového rozboru Apoštola, ukázal na to, že některá řecká slova se v Apoštolu překládají jinak než v evangeliích, ale vysvětliti tohoto rozdílu ještě nedovedl; jinak konstatoval již tehdy, že překlad Apoštola vyniká touž umělostí a touže samostatností jako překlad evangelií. Tehdejší nahodilé poznatky rozvedl nyní Jagić v podrobný a bohatý systém.

Studium textu apoštolského má proto zvláštní význam, že řeč Apoštola je nesnadnější nežli řeč evangelií. V evangeliích byla to obyčejně prostá řeč epická, z velké míry konkrétní — v listech apoštolských však (ne tak ve skutcích) byla to řeč úvah, často filosofická, z velké míry abstraktní. Překlad byl tu tedy dvojím způsobem ztížen: vyžadoval vyšší znalosti řečtiny a potřeboval nových výrazů a obratů. I v tomto těžším úkolu obstál staroslověnský překlad úplně. Tento nový rozbor stupňuje naši úctu pro stslov. překlad až k obdivu, jak praví Jagić hned úvodem ke svým výkladům. Kromě toho však srovnání překladu evangelií s překladem Apoštola vede k poznatku, že překlad celého Nového zákona je dílo jednotné. Jsou-li odchylky, vysvětlují se hlavně tím, že si na některém místě překladatel dovolil menší změnu, jen aby dosáhl úplné jasnosti a srozumitelnosti. Takové případy nejlépe ukazují samostatnost překladatelské práce staroslověnské, vyšší pochopení přijatého úkolu, kde cílem bylo plné vystižení ducha originálu a ne otrocké, doslovné jeho napodobení. Zároveň však tento zdar překladatelského díla lze pochopiti jen tím, že stslov. překladatel nenaučil se slovanskému jazyku jakožto rozený Řek až v poslední chvíli před početím práce, nýbrž že znal slovansky už od dětství a pronikl hluboko do jazyka, který nebyl jeho řečí mateřskou.

Pozoruhodno jest, že Jagić na několika místech nevylučuje účastenství několika osob v překladatelském díle. Překlad je sice dílo jednotné, ale tomu nemusíme rozuměti tak, že Konstantin či Method sám přeložil a napsal celý Nový zákon; lze připustiti, že pod jejich vedením pracovala současně jistá překladatelská škola či družina; vzpomeňme na leg. o Meth. kap. XV.: **отъ оученикъ своихъ посаждь дъва попа скорописьца ѕѣло, прѣложи въ бръзѣ вьса кънигы испльнь.** Touto účastí spolupracovníků bude snad možná vysvětliti úchylky, které nalézáme na různých místech překladu při nahrazování téhož řeckého slova nebo obratu.

Tyto these dokládá pak Jagić v obou sešitech, věnovaných »fysiognomii slovanského překladu«, velmi hojnou a podrobnou sbírkou dokladů, čerpaných z celého textu Apoštola. Stranou ponechal jen Apokalypsu. Ta dosud vůbec není prozkoumána ani po stránce textové ani po stránce jazykové. Probadání tohoto nejtěžšího textu biblického zůstává tedy nutným, ale nad jiné obtížným úkolem studií církevněslovanských. Historie církslov. Apokalypsy nabývá ještě většího významu, uvědomíme-li si, že Zjevení Janovo má v kulturních, a zvlášť v náboženských dějinách slovanských význam nejen jako součást knih biblických, nýbrž pro svou mystiku a eschatologii jako důležitý činitel ve vývoji slovanského sektářství, jmenovitě bogomilství.

Své přehojné doklady z Apoštola seřadil Jagić do významových kategorií, probírá tedy nejprve výrazy pro zjevy přírodní (II. 1, str. 5—16) a poměry příbuzenské (16—28). V těchto oborech mohl překlad nejvíce těžiti z původní domácí starobylé zásoby slovní slov hlavně konkrétních. Již výrazy pro božství a důstojnosti vůbec (29—39), pak pro lidská povolání (39—46) vyžadovaly některých novotvarů nebo významových přenesení; v některých případech ponechány řecké terminy nepřeložené. Na domácí půdě zase mohl zůstati překlad při výrazech pro dům, byt a hospodářství, zejména pro nářadí (47—56). O vojenství se v Novém zákoně mnoho nemluví, ale je zajímavé, jak jsou nahrazována slova jako *ὅπλα, ϑώραξ, λόγχη* a p. (57 sl.). Terminy oděvní zůstávají z valné části nepřeloženy, tak *χιτών, χλαμύς, σανδάλιον* a j. (58 sl.); chudoba domácích výrazů ukazuje tu na oděvní prostotu slovanskou: věc, známá z kulturních starožitností slovanských. Naproti tomu ovšem tělo a jeho části mají s dostatek názvů domácích (60—64), rovněž tak potraviny (64—67). Jednu z nejzajímavějších kapitol tvoří výrazy, týkající se nemocí a léčení. Po této stránce vyniká bohatstvím slovním již řecký originál skutků apošt., poněvadž jejich auktor, evangelista Lukáš, sám byl lékařem. Slovanský překlad velmi vtipně a originálně vystihuje a opisuje řecké výrazy zdravotnické (str. 67—76). Následuje pak rozbor terminů pro tělesnou práci (77—92), převahou slovesných a tedy domácích — v oboru sloves se vždy méně přejímá z cizího jazyka než v oboru jmen — a podobně z větší části slovesné domácí výrazy pro utrpení a smrt (92—99), jakož i pro hmotný pohyb (99—128). To je obsah první polovice lexikálního rozboru Jagićova, věnované hmotné, tělesné stránce lidského života.

Druhá část (II, 2) je věnována analyse terminů pro život duševní, tedy terminů většinou abstraktních. Zde jsou výsledky poněkud jiné nežli v části první. Bohatost výrazová, pozorovaná v oblasti konkrétní, ustupuje zde nejednou zřetelnému zápasu o výraz: bohatá, tisíciletým literárním vývojem vypěstovaná abstraktní mluva řecká byla v nerovném poměru k slovní zásobě slovanské, jež byla v oboru jemnějšího myšlení ještě nekultivovaná. Tak již ve výrazech pro city a jejich projevování nejednou několik řeckých výrazů, obsahujících různé odstíny, bývá nahrazeno jediným slovem slovanským (Jagić II, 2, str. 1—42). Ještě více nuancí bývá setřeno ve slovanském překladě výrazů právních a vůbec ethických (42—63). Největší pak nejistota jest v terminech pro myšlení

a vůbec rozumovou činnost; zde se slovanská zásoba slovní může nejméně měřiti s řeckou, a proto také nejčastěji zde jedno slovo slovanské zastupuje několik řeckých, čímž ovšem trpí přesnost překladu (63—81). Lépe je tomu při výrazech pro vnímání zrakové a sluchové (81—95). Tak probral Jagić všecky obory slovního vyjadřování; při tom ovšem jeho postup a jeho systém slovních kategorií nemusí býti pokládány za definitivní; zejména v oboru slov abstraktních by snad bylo možné též rozdělení jiné.

Z těchto hojných pozorování vyvozuje pak Jagić závěrečné úvahy (II, 2, str. 96—110), jejichž jádro budiž zde reprodukováno. Především z nich vyplývá, že překladatelské dílo staroslov. Nového zákona je znamenitá práce i při těch nedostatcích, jež bylo třeba přiznati v oboru terminů pro duševní život. Neboť tyto nedostatky byly způsobeny nikoli neumělostí překladatelovou, nýbrž nevyspělostí jazyka. Bylť to první pokus na poli slovanských jazyků, a neobyčejně těžký úkol, převésti i nesnadné části bible do jazyka, před tím literárně nezpracovaného.

Výborná znalost řeckého jazyka, svrchu připomenutá, pojila se u překladatele s hlubokým pochopením řeckého textu biblického. Při tom Jagić znovu nadhazuje starou otázku, zda si překladatel nepomáhal aspoň místy také textem latinským, vulgatou. Jagić sám je pro kladnou odpověď na tuto otázku, ač přiznává, že tato věc ještě vyžaduje speciálního vyšetření (99). Snad prý také bylo při překladu, aspoň na nesnadnějších místech, užito některého exegety (ib.).

Přes nerovnost slovní zásoby řecké a slovanské hleděl se překladatel obejíti bez neologismů. Kde k nim přikročil, odpovídají celkem dobře povaze slovanského jazyka. Slovní zásobu domácí znal překladatel dokonale, a to nejen co do úplnosti, ale také co do obratnosti v jejím využití. To dokazuje zvláště vzpomenutá už volnost překladu.

Tato volnost má za následek, že slovanský text je pestřejší nežli řecký: nejen několik řeckých významů bývá někdy nahrazeno jediným slovanským, ale také naopak za jediný řecký význam bývá na různých místech překladu několik slovanských; na př. za *γεωργός* **тѧжатель** a **дѣлатель**, za *χώρα* **странꙑ** a **нива**, za *ἐγείρειν* **въздвигнѫти** a **въскрѣсити** a j. Při takovýchto úchylkách naskytá se otázka, nemáme-li v tom spatřovati stopy účastenství několika osob v překladatelském díle. Tomu netřeba rozuměti tak, že každé kolísání překladu proti řeckému jednotnému terminu vysvětlíme účastenstvím několika překladatelů. Zejména jsou-li místa s kolísajícím překladem blízko u sebe, pak je v tom viděti spíše charakteristickou vůdčí zásadu překladu, který nedbá tolik o důslednost a doslovnost, jako o jasnou srozumitelnost. Někdy též vznikla odchylná náhrada řeckého slova ze snahy vyhnouti se opakování. Ale jsou jiná slova, která vždy bývají jednostejně překládána — až na jednom místě náhle najdeme překlad jiný; na př. za *μακροθυμία* bývá obyčejně **трьпѣние**, але jednou je **дльготрьпѣние**; za *ἄτοπος* bývá **ꙁълъ**, ale jednou je **безмѣстьнъ**. V takových případech Jagić pomýšlí na vliv jiné osoby (str. 105/6). Tento nový činitel (při čemž lze si mysliti též několik osob) vstoupil snad do překladu zejména tenkráte, když původní překlad výboru evangel-

ských a apoštolských čtení byl rozšiřován na plné znění Nového zákona. V tomto směru Jagić ještě jednotlivých případů nerozlišoval, a bude třeba tedy dále zkoumati tento jeho podnět (107/8). Jiným cenným impulsem jest Jagićovo upozornění, že je asi jistý malý rozdíl mezi mluvou stslov. evangelií a Apoštola, co se týče volby synonym; při tom ovšem třeba míti na mysli, že pro Apoštola nemáme tak starobylých textů jako pro evangelia, zejména žádného úplného textu hlaholského! A ani zase mluvu evangelií nemůže pokládati za něco jednotného proti mluvě Apoštola, neboť na př. stslov. evangelium Lukášovo volí několikráte jiná synonyma než evangelia ostatní.

Tyto velmi jemné otázky potřebují právě dalšího badání, a je zásluhou Jagićovou, že na to upozornil. Nicméně je-li dovoleno vysloviti již dnes domněnku, jak se asi rýsuje příští obraz o vzniku stslověnského Nového zákona, pak odpověď by byla — se zřetelem na zprávy legend — asi tato: Staroslověnský překlad Nového zákona, pokud můžeme usuzovati, odmyslíme-li si místní i časové rozdíly těch opisů, v nichž je nám zachován, jest dílo jazykem i překladatelskými zásadami jednotné, ale přes to jeho vývoj můžeme v něm ještě dnes pozorovati. Nejstarší vrstvu tvoří čtení evangelská, přeložená Konstantinem ještě v Cařihradě před odchodem na Moravu, jak zaznamenává leg. o Konst. v kap. XIV. **начатъ бесѣдѫ пьсати євангельскѫ**. Druhé, ale tomuto prvnímu velmi blízké stadium by byl překlad čtení apoštolských, epištol, jak tlumočíme záznam leg. o Konst. kap. XV. **въскорѣ же вьсь црькъвьныи чинъ прѣложь**; tato slova ovšem znamenají liturgické knihy vůbec, zejména též breviář, jak hned dále čteme, ale epištoly možno sem snad také vřaditi.

Konečně třetí stadium by bylo o několik let později, kdy po smrti Konstantinově Method již jako arcibiskup rozšířil překlad perikop na plné znění Nového zákona, užívaje při tom pomoci nevelkého počtu spolupracovníků (srv. svrchu citovaná slova z leg. o Meth. kap. XV.). Otázku o překladu Starého zákona nechávám tu stranou.

V zajímavém přídavku (str. 111—114) připojuje Jagić ještě poznámky o překládání vlastních jmen místních a osobních. Konstatuje zjev, známý též ze starších csl. kronik, že v nejstarším překladě biblickém s oblibou se překládají jména místní: *οἱ οἰκοῦντες τὴν Μεσοποταμίαν* **живѫщеи междоу рѣками**. V překladu řec. *Σκύθης* Col. 3. 11 jménem **словѣнинъ** v Christinopol. Ap. (ze XII. stol.) lze spatřovati asi nejstarší slovanský[1]) projev známé a ještě v nové době hlásané domněnky o slovanskosti Skythů. Konečně v překladě **латиньскы** Jo. 19. 20. za řec. *ῥωμαϊστί*, společném nejstarším kodexům, spatřuje Jagić (112) jeden z důkazů latinského vlivu na stslověnský překlad. Následují konečně četné dodatky a úplný index řeckých slov, jenž velmi usnadňuje užívání lexikálního rozboru. A tak nejnovější kniha Jagićova znamená skutečně nový a důležitý stupeň ve studiu staroslověnského překladu biblického, který zůstane jedním z nejcennějších zjevů slovanské osvěty.

V Praze v březnu 1922. *Miloš Weingart.*

---

[1]) U byzantských spisovatelů objevuje se tato domněnka již v IX.—X. stol Srv. L. Niederle Slov. stžitn. I. 2, v Praze 1904, str. 512 sl.

Рад. Кошутић: **Граматика руског језика.** I. Гласови. А. Општи део (књижевни изговор). Друго издање. Издање Одсека за руски језик и књижевност Руске Академије Наука. Петроград 1919. Str. LVI a 512.

Knihu svou určil spis. především Srbům, svým posluchačům universitním, žákům vyšších tříd středních škol a vůbec každému, kdo by chtěl vážně studovati ruský jazyk; podle toho pracoval své dílo, a následkem toho kniha kolísá mezi mluvnicí pro širší vrstvy a vědeckým dílem gramatickým. Kniha vyniká tolika jemnými a hlubokými poznámkami o ruské fonetice, že zasluhuje největší pozornosti každého, kdo nejen učí ruštině na vysokých školách, než všech, kdož hlouběji chtí poznati tento jazyk, zejména jeho hláskosloví. Spis. studoval jen skutečný živý jazyk, a teprve v druhé řadě a jen doplňkem použil též knih tištěných, a to hlavně na dotvrzení svých vývodů o znění ruských hlásek. Základem svých pozorování živého jazyka položil výslovnost běžnou u vzdělanstva moskevského, především u starší jeho vrstvy; zaznamenává ovšem též znění hlásek v ústech mladší vrstvy, ale mluvu spodních vrstev obyvatelstva moskevského ze své knihy docela vyloučil. Studoval předně řeč znamenitého moskevského filologa Th. Korše, dále jiných předních učenců, literátů a též dam přední společnosti moskevské, a to jen moskevských rodáků. Spis. udává přesná životopisná data o osobách, jejichž mluvu pozoroval. Myslím, že je to jedinečný případ v gramatické literatuře, a proto budiž tu zvláště vytčen. Košutić pokládá moskevskou mluvu za jedinou normu ruského spisovného jazyka, stěžuje si, že se ve školách ruských až po nejvyšší příliš málo dbá gramatiky živého jazyka, že se jeho studiu věnuje pranepatrná péče, nehledí se na to, aby byla pevně uzákoněna spisovná řeč. Rozhodně opírá se novějším pokusům učiniti základem jejím mluvu běžnou v Petrohradě, pokusům, které vycházejí i z učených, filologických kruhů; jasně vyslovil požadavek ten zejména docent university petrohradské Obnorskij (viz str. XXXIII. pozn.). Petrohrad — toť po jeho mínění pouhé jazykové předměstí Moskvy. Rozbor básnického jazyka, zvláště rýmu, který podává v druhé části své knihy, zjevně mu to dokazuje.

V předmluvě vytýká Košutić, jakožto jeden z hlavních výtěžků svých dlouholetých pozorování živého jazyka ruského (u mnohých Rusů narazí asi tvrzení toto na živý odpor), že ruština rozeznává též slabiky dlouhé a krátké, přízvuk vzestupný a sestupný. Košutić probírá ve své knize podrobně ruský přízvuk, a myslím, že postihl svým přesným sluchem, vycvičeným na přízvuku srbském, skutečný stav ruského přízvuku. Hned v úvodní kapitole podává hlavní výsledky: v zavřené slabice jest přízvuk krátký sestupný, v otevřené slabice uvnitř slova jest přízvuk polodlouhlý vzestupný, v otevřené koncové slabice jest též vzestupný, ale slabší polokrátký. Speciální rozbor zahajuje spis. jakýmisi teoretickými úvahami o historii ruského přízvuku v různých dialektických skupinách, úvahami o tom, kterak došlo k nynějšímu stavu, kdy jsou jen dva přízvukové typy, krátký sestupný přízvuk v slabikách zavřených a vzestupný přízvuk v slabikách otevřených, polodlouhý uvnitř slova, polokrátký v koncovce. Probírá přízvuk v mluvě běžné, nezrychlené. Jinak ovšem jsou rozmanité obměny při mluvě nejen zrychlené, ale také důraznější, vášni-

vější, pohnutější. Vše to spis. velmi podrobně probírá a ilustruje množstvím příkladů. Znění hlásek označuje se různými literami, v nepřízvukovaných slabikách drobnějšími nad řádkami, po případě drobnými jeříky, různý přízvuk různými značkami. Fonetický přepis každého slova jest vůbec pečlivý, a nelze dosti vysoce oceniti tiskárnu akademie věd v Petrohradě, že v těžkých válečných dobách nelitovala práce a prostředků, aby intencím autorovým plně vyhověla. U nás sotva by se bylo mohlo, zvláště v té době, vydati takové dílo.

Při zavřených slabikách rozeznává K. slabiky, které se staly zavřenými zánikem psl. polosamohlásky, tu je vždycky přízvuk sestupný; ale tu vznikají některé rozdíly, podle toho, je-li souhláska následující eksplosivní či nikoliv. V prvním případě je slabika vždy úplně zavřena. V druhém, je-li to hláska frikativní nebo sonorní, může krajní souhláska přilnouti k následující slabice, a přízvuk polodlouhý sestupný se může měniti v polodlouhý vzestupný: *zlob-nyj* a *zlo-bnyj* atd. Nebyla-li skupina souhlásková jerová, byla slabika předchozí vždy otevřená a měla tedy přízvuk vzestupný polodlouhý: *mě-sto*, *la-ska*, *i-gry*, *bi-tva* a j. Analogií nastávaly tu jisté změny, tvořila se zavřená slabika: *měs-to, os-trov* a j. a tu se ujímal přízvuk polokrátký sestupný. Slabiky na *r*, *l* se odlišují: tu bez rozdílu, následovalo-li kdysi po *r* jer čili ne, jest zpravidla přízvuk vzestupný, většinou krátký: *věr-nyj*, *jar-če*, *ver-ba* a j. Následují-li za *r* dvě souhlásky, mezi nimiž bývalo jer, může býti přízvuk dvojí, vzestupný krátký i dlouhý, *ser-bskij* i *serb-skij* a j. Před příponami *-ьje*, *-ьja* zůstala slabika otevřená, jest tedy přízvuk polodlouhý vzestupný: *vzmor-je*, *peče-nje* a j., rovněž tak před dvěma souhláskami, z nichž první jest *r*, *l;* je-li jiná, může býti také krátká: *go-stja* neb *gos-tja*. V zavřené slabice koncové jest zpravidla přízvuk krátký sestupný, ale vedle toho se ujal pod. u otevřených slabik též krátký vzestupný přízvuk, který se nyní slyší nejčastěji. Ale přízvuk se silnou měrou mění vzájemným křížením a působením analogie, tak že mnohé slovo může býti přizvukováno různým, dvojím i trojím, způsobem. Na př. *ko-sti* se vzestupným polodlouhým, ale také *kos-ti* s krátkým vzestupným i sestupným přízvukem, *zlob-nyj* s polokrátkým sestupným, ale i *zlo-bnyj* s polodlouhým vzestupným i s polokrátkým vzestupným, podobně *ryb-ka*, *golovka*; jisté přízvuky v určité skupině slov zobecněly, vzestupný polodlouhý u sloves opakovacích: *obmanyvať* a j. i *opa-zdyvať*, u sloves na *-ne*, *-no: ki-nuť* i *gi-bnuť*, v presentu sloves na *-i: vo-diš* i *krestiš*, v part. pres. act. zobecněl polokrátký sestupný: *pletuščij* i *govorjaščij*, *nosjaščij* a j. Totéž se pozoruje při tvoření slov, podobně jest u předložek přenesen přízvuk vzestupný z otevřených slabik (*po polju*, *na vodu*, *za volosy* a j.) na zavřené: *bez tolku*, *iz godu*, *pod večer* a j. Značnou převahu má vzestupný přízvuk, sestupný silnější nebo slabší bývá v souvislosti podle různé intonace; spis. to vše podrobně rozvádí. Mimo to bývá přízvuk různý podle způsobu mluvy, podle nálady, při dobré se prodlužuje, v hněvu, zlosti, ve velkém údivu a pod. se zkracuje; i to se dokládá množstvím příkladů.

Nikdo dosud nerozebral ruské hláskosloví tak důkladně, všestranně a zevrubně jako Košutić. Také vlastní jeho hláskosloví, kromě akcentologie, vyznačuje se velkou řadou nových a zajímavých pozorování. Ovšem

třeba předem poznamenati, že leckteré jeho pozorování liší se více méně silně od pozorování ruských učenců, kteří popisovali ruskou fonetiku. Místy se zdá, že není Košutićovo pozorování docela správné, že jeho fonetická transkripce nevystihuje skutečné znění do podrobností. Píše na př., že artikulace hlásky *a* mezi palatálními souhláskami jest ovšem posunuta něco ku předu, ale akusticky v knižním jazyce že jest tu přízvukované *a* stejné jako *á*. Ve spisovném jazyce nejde zajisté zúžení hlásky *a* v tomto případě tak daleko, jak to bývá namnoze v nářečích, t. j. až v *ä*, *e*, ale přece pozoruje se různost mezi *rána* a *ráńše*, a ještě větší, předchází-li palatální hláska. O hláskách *š*, *ž*, *c* učí, že se zcela depalatisovaly; při redukci nepřízvukovaných hlásek učí, že *a*, *o* v druhé slabice před přízvukovanou slabikou i ve slabikách vzdálenějších zní stejně jako v slabice za přízvukem, jako slabé ъ: *výsłuš*^{ъ}*l'*^{i}, *c*^{a}*říc*^{ъ}, ale že je *e* redukováno ve směru k *y*, nikoliv k *i*; nicméně radí spis., aby začátečník vyslovoval blíže k *i* a znamená hlásku tu nadřádkovým ь: *ž*^{ь}*ł*^{a}*bók*, *ž*^{ь}*ń*^{i}*chá*, dat. *grúš*^{ь}, *c*^{ь}*l'*^{i}*kóm*; ale redukovanou hlásku z *a* značí ^{ъ} a též ^{ь}: *š*^{ь}*ł*^{a}*vlíf*, *š*^{ъ}*ł*^{a}*vlíf* a jen *úž*^{ъ}*s*, *kráž*^{ъ}, *łóš*^{ъ}*ť*, *c*^{ъ}*ř*^{e}*dvóř*^{ь}*c*, a tatkéž *c*^{ь}*ł*^{a}*váť* a j. Jest tu zajisté jistá nekonsekvence, podle jakosti souhlásek *š*, *ž* nemůže po nich býti jiná hláska než ^{ъ}. Košutić vykládá, že hlásky *a*, *o* redukovány tak, že v slabice, za níž následuje slabika přízvučná, klesají v slabé *a*, v slabice následující po slabice přízvučné, otevřené i zavřené, a v slabikách vzdálenějších v ^{ъ}: ^{a}*knó*, ^{a}*ďín*, *b*^{ъ}*r*^{a}*dá*, *sk*^{ъ}*v*^{ъ}*r*^{a}*dá*, *st*^{a}*řík*, *st*^{ъ}*ř*^{i}*kú*, *s*^{a}*pók*, *s*^{ъ}*p*^{a}*ĝí*; jen na počátku věty a poněkud též po slově končícím se samohláskou drží se *a* ještě v třetí slabice i dále: ^{a}*ná-*^{a}*tv*^{a}*říł*^{ъ} a j., ale po slově končícím se souhláskou je ^{ъ}: *on-*^{ъ}*sk*^{a}*rb'íł brát*^{ъ}, *p*^{ъ}*d-*^{ъ}*bł*^{a}*kám*^{i} a j. Jest tu opět několik nových jemných pozorování, jež se liší nemálo od pozorování domácích ruských učenců. Moskevský rodák Sobolevskij slyšel též v koncové slabice *a* poněkud zavřené, blízké k *o* (*słóva*), v druhé slabice před přízvukem temnou hlásku blízkou k *y* (*zychaŕéł*, *syrakófka*). Bogorodickij liší slabiky otevřené a zavřené a jen v těchto slyší ^{ъ} (*płák*^{ъ}*ť*); v druhém vydání svých Lekcí str. 79 shodně s prvním vyd. str. 68 označil Sobolevskij tuto redukovanou hlásku rovněž tak (*ná-d*^{ъ}*m*, *výs*^{ъ}*dka*), ale v 3. vyd. str. 75 píše *nádym*, *výsydka*. Košutić dále učí, že *e* a *a* po palatálních hláskách zní přímo před přízvukem jako slabé *e*: *ś*^{e}*strá*, *pl'*^{e}*tú*, *ṕ*^{e}*tók*, *ć*^{e}*sý*, v ostatních slabikách že zní redukovaná hláska mezi *e* a *i*; ve spisovném jazyce pod silným vlivem písma se velmi často přibližuje k *e*, a začátečník lépe bude ji tak vyslovovati, aby se vyhnul nespisovné výslovnosti ikající: *Kol'*^{ь}*čk*^{ъ}, *k*^{u}*sóč*^{ь}*k*, *v́íď*^{ь}*ť*, *ṕ*^{ь}*ř*^{e}*łóm*, *ś*^{ь}*ř*^{e}*bró*, a stejně za *a*: *v́íť*^{ь}*s*, *přín*^{ь}*l*^{ъ}, *ṕ*^{ь}*t*^{a}*čók*, *ť*^{ь}*ž*^{e}*łó*, *č*^{ь}*s*^{a}*vói̯* a j. Jen v deminutivech lichotících bývá *i* slabé: *mám*^{i}*ńk*^{ъ}, *káť*^{i}*ńk*^{ъ}. Pouze v mluvě mladšího pokolení vzdělaných Moskvičů splynulo nepřízvukované *e* a *i* v jednu hlásku, v podobné ^{i}: *ś*^{i}*łó*, *ṕ*^{i}*túch*, stejně: *č*^{i}*sý*, *úč*^{i}*śť*, a po *š*, *ž*, *c*: *ž*^{y}*ná*, *c*^{y}*ná*, za *a*: *š*^{y}*rý*, *ž*^{y}*lêť* a j. Ale Sobolevskij již r. 1892 učil ve své dialektologii, že zní všude mimo konec slova jako *i*: *piró*, *vizú*, a stejně to vyložil moskevský slavista Roman Brandt téhož roku ve svých čteních o historické gramatice ruského jazyka (str. 37): neslyší rozdílu mezi 1. sg. *napletú* a *na plitú*, v gen. sg. *věncá* a *vincá*, *pěvcá* a *pivcá*, *razveláś* a *razviláś*. A již v 1. vyd. svých čtení píše Sobolevskij r. 1888 *svitój*, *pitók*, *čisý*, *birú*. Mladší pokolení mluvící takto podle Košutiće

zdá se býti dosti staré, nemůžeme sice proti jeho pozorování klásti pozorování své, ale srovnávání výkladu jeho s výklady starších ruských učenců vzbuzuje jisté pochybnosti.

Košutićova kniha jest plna jemných pozorování, není možno všechno uváděti; často srovnává mluvu různých vrstev obyvatelstva moskevského, petrohradského a j., sleduje vliv písma na mluvu vrstvy vzdělané, školené, na př. při výslovnosti skupiny *čn, čt (čto)*, (str. 70 sl.), *kk* (str. 74): pro mluvu staršího pokolení moskevského vzdělanstva bylo charakteristické říkati *ch-k*^{a}*mú*, *ch-t*^{a}*mú*, ale vlivem hojných případů, ve kterých bývalo vždy *k*, ujalo se všeobecně *k-k*^{a}*mú*, *k-t*^{a}*mú*, a převážně se říká též *kto*, ne *chto*. Slova psaná s ъ na konci, předložky před praejotovanou hláskou vyslovují se podle Košutićova výkladu přece s jakousi palatalisací souhlásky předložkové: ^{a}*b'jóm*, ^{a}*ťjést*, *p*^{a}*d'jéch*^{ъ}*ť*. To jest zajisté při nejmenším pochybné — aspoň teoreticky; sám praví, že když následovalo za předložkou slovo začínající se hláskou *i*, přešlo toto *i* v *y*: ^{a}*b*^{y}*gráť*, ^{a}*t*^{y}*skáť*, *s*^{y}*skáť*, *sýzn*^{ъ}*v*^{ъ} a j. (str. 80). Při složené fleksi adj. rozeznává Košutić fasi mladší a starší; není-li přízvuk na koncovce, vysloyuje se způsobem starším *dóbr*^{ъi}, *úmn*^{ъi}, *śíń*^{ьi}, *ch*^{a}*róš*^{ъi}, a j. a mladším *dóbr*^{yi}, *úmn*^{yi}, *śíń*^{ii}, *ch*^{a}*róš*^{yi}; podobně po hrdelnicích: způsobem starším je ^{u}*prúg*^{ъi}, *tónk*^{ъi}, *ťích*^{ъi}, a mladším ^{u}*prúg*^{yi}, *tónk*^{yi}, *ťích*^{yi}. Psaní *упругій, тонкій, тихій* mělo prý vliv na výslovnost u mladšího pokolení, takže se vyslovuje jako ^{ii} s měkkými *k*, *g*, *ch;* tato výslovnost, nejvíce v Petrohradě rozšířená, jest zcela prý neliteraturní (str. 84), v Moskvě také mladší vrstva vyslovuje jen ^{yi} po těchto hláskách. Starší fase jest závazná při čtení velkých klasiků Puškina, Gribojedova, Lermontova, Tjutčeva. V doplňcích, kde rozbírá hlavně rýmy se zřetelem na výslovnost, uvedeno jest množství dokladů z těchto básníků, na dotvrzení tohoto učení (str. 266—288, 294—298); zcela obyčejné jsou rýmy *podrakítoj — bogatýŕ... ubítoj*, nom. sg. *pečáľnoj* — instr. sg. fem. *proščáľnoj*, stejné rýmy vypočítává ještě z básní Nekrasovových, Fetových, Alekséje Tolstého, Polonského; nalézá je sice ještě u mladších básníků, zvláště u Brjusova (vzor *lukávyj* — instr. *otrávoj* a j.), ale vzhledem k nynější výslovnosti shodné s písmem *-yj*, má je za neúplné, stejně *túčej — žgúčij, svét síníj — nad svjatýńej* a j. Jest ovšem nápadné takové *-kyj* při známém znění hrdelnic v ruštině; K. později (str. 163) líčí, kterak se mění *i* po někdejším ъ v *y*: *k-*^{y}*ván*^{u}, *brát-*^{y}*-ś*^{e}*strá*, ale vedle *rák-*^{y}*-rýb*^{ъ} možno u vzdělaných lidí slyšeti právě proto, že jsou *ky*, *chy* neobvyklé, *k*^{a}*zák-*^{i}*ďót*, *słúch-*^{i}*ďót* a j. Velice sleduje K. vliv písma na výslovnost třídy vzdělané, školené, rozeznává tu vedle spisovné řeči, výslovnost literární (kńiževni izgovor) ještě „kńiški izgovor", když se na př. říká *póstn*^{yi}, *čúfstv*^{ъ}, *zdráfstv*^{ui}: *pósn*^{ъi}, *zdrástv*^{ui}, *čústv*^{ъ} (str. 166).

V druhé části své knihy rozbírá K. rýmy ruských básníků a shledává v nich doklady pro své vývody o dějinách ruské výslovnosti. Již ve svých Primerech kńiževnoga jezika ruskog r. 1911 ukázal se nadmíru důkladným a hlubokým znalcem ruského jazyka i literatury — tu vedle řady dokonalých rýmů ukazuje, že se ovšem u všech básníků Puškinem počínaje vyskytají též rýmy chatrné a špatné; jsou zajisté hodně vzácné, hojnější leda u Nekrasova a Alekseje Tolstého. Tu se všude uvádějí životopisné poznámky o rodišti, návštěvě škol a j. Vyvinula se

básnická škola se dvěma systémy versifikačními, jednak podle spisovného jazyka, jednak bez ohledu naň na základě nejasnosti nepřízvukovaných hlásek. Mnozí básníci přijali tento dvojí systém, mezi nimi i moskevský rodák Brjusov (str. 335). Namnoze rozbor rýmů nemá co dělati s hláskoslovím, jako na př. *i* a *y*: *ryl* — *molil*, mívá rýmy takové též Puškin (*rázum* — *rázom*, *na rozdychě* — *na vozduchě* a j.). Tu se stává kniha Košutićova vážným příspěvkem k dějinám ruské versifikace a vůbec poetiky. Nalézáme tu celou statistiku chatrných rýmů u předních ruských básníků. Nad Brjusova vyniká nesmírně v technice versifikační F. Sologub, rodák z Petrohradu, málo špatných rýmů jest ještě u Balmonta (str. 395-6). Konečný úsudek Košutićův o ruské versifikaci (str. 502) jest velmi nepříznivý: spisovná výslovnost poskytovala pro úplné a přibližné rýmy takovou bohatou rozmanitost, že by básníci jiných slovanských národů mohli záviděti svým ruským kolegům. Ale ruská poesie nespokojovala se tím, vedle rýmů dialektických, „kńiških", neúplných a nesprávných, přijímají se mnohé asonance, ruští básníci nedbali rozdílu mezi *y* a *i*, a mimo to tvořili čistě grafické rýmy jen pro oko, ale foneticky nesprávné, nedbali neslabičného *i̯* v nepřízvukované poslední slabice, a využili přespříliš zdánlivé shody redukovaných samohlásek za přízvukem. V poesii se uzákonil živel neharmoničnosti s jedné strany a neliteraturnosti se strany druhé. Tímto přísným odsudkem se kniha Košutićova končí.

Praha. *J. Polívka.*

Historja Literatury Polskiej. (Przegląd wydawnictw i opracowań naukowych, 1918—1921.) Część druga.

IV.

Jak w całej Europie zachodniej, tak i u nas od dłuższego już czasu ożywiły się studja nad filozofją i nauką średniowieczną: obok pracowników starszych, Aleksandra Brücknera i Witołda Rubczyńskiego (który gromadzi materjały do monografji o Mateuszu z Krakowa), zaznaczyli się wybitnie na tem polu ksiądz Konstanty Michalski i Aleksander Birkenmajer (syn Ludwika, autora znakomitego dzieła o Koperniku). Prace założonej przed kilku laty osobnej komisji Akademji Umiejętności, mianowicie »Komisji do badania historji filozofji w Polsce«, obracają się głównie około filozofji i nauki średniowiennej, o czem wymownie świadczy wydana w roku 1921 część pierwsza tomu drugiego *Archiwum* tej Komisji. Wypełniają tę część prawie całkowicie trzy prace Aleksandra Birkenmajera, z których najobszerniejszą i najważniejszą są *Studja nad Witelonem*. Wydana w roku 1908 monografja Baeumkera o tym filozofie i przyrodniku XIII. wieku nie wyczerpała przedmiotu; autor nie znał, pomiędzy innemi, dwóch pism Witelona, przechowanych w rękopisie paryskim: *De natura daemonum* i *De primaria causa poenitentiae*; otóż Birkenmajer po raz pierwszy ogłasza je drukiem; pierwsze jest ważne nie tyle ze względu na swoją właściwą treść, ile na nowe szczegóły biograficzne; myślą przewodnią drugiego jest przeciwieństwo, zachodzące pomiędzy sensytywną a intelektualną stroną duszy, a służące autorowi za punkt wyjścia dla etyki. W drugiej pracy wykrywa Birken-

majer źródło starej legendy o filozofie polskim XIV. stulecia nazwiskiem Gad z Uścia, który jakoby przełożył wierszem francuskim Boecjusza *De consolatione philosophiae*: okazuje się, że autorem tego przekładu jest nie jakiś Polak »Gad de Oucin«, tylko Burgundczyk Raynaud de Louhans. W pracy trzeciej omawia autor i wydaje z rękopisu Bibljoteki Jagiellońskiej prelekcję wstępną (r. 1513) Jana Solfy, którego wykłady w uniwersytecie krakowskim znamionuje już zwrot od scholastyki do humanizmu. Oprócz tych trzech prac Birkenmajera, mamy jeszcze w ostatniem wydawnictwie Komisji filozoficznej wiadomość, podaną przez Stanisława Kota, o dwóch Polakach, którzy się kształcili w Sorbonie: pierwszy, Michał Twaróg z Bystrzykowa, w latach 1473—1477, drugi, Jan Schilling, — na początku wieku XVI.; obydwaj byli pośrednikami pomiędzy ruchem filozoficznym w Paryżu a w Krakowie.

O lekarzu XIII. wieku Mikołaju z Polski, dominikaninie niemieckim, który wszystkie choroby leczył proszkami i pigułkami, preparowanemi z żab, ropuch i wężów, istnieje zagranicą dosyć już bogata literatura (studja Johnssona, Sudhoffa, Dielsa); wzbogaciły ję dwa studja polskie. Pierwsze, Stanisława Witkowskiego (*Lekarz Mikołaj z Polski, nowo odkryty pisarz łaciński XIII. wieku*, Rozprawy Wydziału filolog. Akad. Umiej., tom LVIII., nr. 4, Kraków 1919) nie przynosi nic nowego; wartość drugiego, napisanego przez Ryszarda Ganszyńca (*Brata Mikołaja z Polski pisma lekarskie*, Prace naukowe Uniwersytetu Poznańskiego, Sekcja humanistyczna, nr. 2, Poznań 1920), polega głównie na wydaniu i objaśnieniu pism brata Mikołaja (lub tylko przypisywanych mu) oraz na ich przekładzie polskim. (Fachową recenzję obu tych studjów umieścił Aleksander Birkenmajer w Kwartalniku Historycznym 1921).

Nowym przyczynkiem do literatury polsko-łacińskiej XV. wieku jest obszerny list nieznanego nam skąd inąd księdza Mikołaja de Albocastro do Długosza i do dwóch innych duchownych, aby się za nim wstawili do Zbigniewa Oleśnickiego. Najwcześniejszy to w Polsce okaz owych listów błagalnych, które później w takiej ilości będą pisywali humaniści do możnych tego świata, żebrząc o protekcję; a i w stylu jest już coś z poloru humanistycznago, chociaż średniowieczyzna ma jeszcze stanowczą przewagę. Warto też zwrócić uwagę na kunsztowną formę tego listu: w jego ramach znajduje się dialog, a w ramach tego dialogu jeszcze jeden dialog. List znajduje się w kodeksie mogilskim, który dawno już odkrył Bolesław Ulanowski. Lecz obecnie dopiero ksiądz Konstanty Michalski szczegółowo ten kodeks opisał, a Tadeusz Sinko wydał z niego ów list i opracował go w wyczerpującem studjum (K. Michalski i T. Sinko: *Przyczynki z kodeksu Mogilskiego do dziejów oświaty w Polsce w XV. wieku*. Kraków, Akademja Umiejętności 1917). Inne pisma, składające się na kodeks, są znane; warto jednak zaznaczyć, że jest w kodeksie notatka, będąca ciekawym przyczynkiem do biografji Jakóba z Paradyża.

Na wiek XV. przypadają początki humanizmu w Polsce; z cudzoziemców, którzy go szerzyli, największą sławę pozyskał sobie humanista włoski Filip Buonacorsi (Kallimach). Monografji, na jakąby zasługiwał,

brak do dziś dnia; są tylko drobne przyczynki, których szereg pomnożył Stanisław Windakiewicz: *Epigramata rzymskie Kallimacha* (w Sprawozdaniach z czynności i posiedzeń Akademji Umiejętności, 1918, nr. 10); omówił tu autor poezje, przechowane w foljancie urbinackim Bibljoteki watykańskiej nr. 368, a będące owocem kultu Kallimacha dla Marcjalisa.

Nasza literatura średniowieczna w języku ojczystym jest, jak wiadomo, niezmiernie uboga, — ani się jej mierzyć z czeską. Najstarszy zabytek prozy polskiej, *Kazania świętokrzyskie*, wydał ponownie (po raz pierwszy wydał je Brückner w III. tomie Prac filologicznych) Paul Diels: *Die altpolnischen Predigten aus Heiligenkreuz* (Berlin 1921, Weidmann); podstawą wydania, bardzo starannego, jest nie oryginał (który, miejmy nadzieję, wróci z Petersburga do Polski), tylko fotografja, będąca w posiadaniu seminarjum słowiańskiego uniwersytetu wrocławskiego. Dwóm zabytkom poezji XV. wieku: *Rozmowie Mistrza ze Śmiercią* i *Wierszowi o zachowaniu się przy stole* poświęcił Stefan Glixelli (*Studja i szkice porównawcze*, Lwów 1919, Prace Towarzystwa filologów nowożytnych, zeszyt 2, Książnica Polska) dwie niezmiernie ciekawe rozprawki, w których zbadał stosunek tych utworów do źródeł łacińskich i ich pokrewieństwa z analogicznemi utworami włoskiemi i francuskiemi. Wreszcie Kazimierz Kolbuszewski omówił *Ruchy husyckie w Polsce i wpływ ich na piśmiennictwo* (Reformacja w Polsce 1921, nr. 3, i osobno Lwów 1922); największą zdobyczą tej pracy dla historji literatury jest szczegółowy rozbiór *Wiersza* o *Wiklefie* Andrzeja Gałki z Dobczyna.

V.

Od wieków średnich przejdźmy do wieku XVI. Tu przedewszystkiem trzeba omówić niepospolitej wartości pracę, o której, prawdę powiedziawszy, należało wspomnieć w przeglądzie poprzednim, jako mającej charakter ogólniejszy. Ale trudno: mieux tard que jamais. W roku 1918 zaczęło wychodzić w Krakowie czasopismo naukowe *Polonia sacra*, jako organ Towarzystwa imienia papieża Benedykta XV. Otóż w tem czasopiśmie ogłosił znakomity historyk Kościoła ze szczególnym zapałem studjujący epokę humanizmu, ks. Jan Fijałek obszerną rozprawę p. t. *Przekłady pism św. Grzegorza z Nazjanzu w Polsce, wiodomość biograficzna i patrystyczna* (nr. 1, str. 46—144; nr. 3, str. 126—207). Jak we wszystkich pracach tego autora, tak i w tej treść daje dużo więcej, niż zapowiada tytuł: studja teologiczno-patrystyczne XVI. wieku rozwinęły się pod wpływem humanizmu, zwłaszcza pod wpływem Erazma z Roterdamu; otóż rozprawa ks. Fijałka poświęcona jest nadewszystko tym właśnie wpływom, t. j. humanizmowi w Polsce, stosunkom Erazma z Polską, jego wpływowi na patrystykę polską XVI. wieku (niezmiernie ubogą) i na ustawodawstwo synodalne. Omówił autor studja patrystyczne mistrza Jerzego Libana z Lignicy, Hozjusza, Sicharda, Kromera, Antoniego z Napachania. Na szczególną uwagę zasługuje rozdział, poświęcony Stanisławowi Grzepskiemu, scho-

ljaście łacińskiemu poematów Grzegorza z Nazjanzu i ich tłumaczowi polskiemu; teraz dopiero, dzięki ks. Fijałkowi, mamy dokładne pojęcie o zasługach tego humanisty, który w uniwersytecie krakowskim był najznakomitszym grecystą przed reformą Kołłątaja.

O znakomitych pisarzach polsko-łacińskich XVI. wieku nie zapominają uczeni nasi. A więc przedewszystkiem zaznaczyć trzeba, że się w *Bibljotece Narodowej* (nr. 15) ukazał *Wybór pism Kopernika* w przekładzie polskim, a w opracowaniu Ludwika Birkenmajera. Oprócz urywków z Zarysu nowego mechanizmu świata, z dzieła O obrotach ciał niebieskich i z traktatu O sposobach poprawy monety, mamy tutaj całkowity poemat młodzieńczy Siedem gwiazd oraz słynny list do Zygmunta I. z dnia 22. lipca roku 1516, znaleziony przez Birkenmajera w Sztokholmie i ogłoszony przezeń po raz pierwszy jeszcze w roku 1910, list, w którym się Kopernik skarży przed królem na zbrodnie i podłości Krzyżaków. — Znakomitemu prawnikowi i pisarzowi politycznemu XVI. wieku poświęcił gruntowną pracę Rafał Taubenschlag: *Józef Przyłuski, polski romanista XVI. wieku, przyczynek do t. zw. średniowiecznej literatury popularnej* (w Rozprawach Wydziału historyczno-filozoficznego Akademji Umiejętności, serya II., tom 36, Kraków 1918). Autor analizuje szczegółowo wywody z zakresu prawa rzymskiego, zawierające się w motywach, przydanych do dzieła Leges seu statuta ac privilegia Regni Poloniae, a ujętych w formę t. zw. praefationes i commentationes.

Obszerniejsza wzmianka należy się monografji o Modrzewskim, wielkim humaniście, wielkim patrjocie i wielkim pisarzu politycznym i moralno-religijnym. Nad jego życiem i dziełami dawno już pracuje Stanisław Kot: w roku 1910 ogłosił rozprawę *Andrzej Frycz z Modrzewia o wychowaniu i szkole* (odbitka z Muzeum, XXVI, Lwów); w roku 1911 — *Wpływ starożytności klasycznej na teorje polityczne A. F. z M.* (Rozprawy Akad. Umiej.). W roku zaś 1919 wyszła obszerna monografja p. t. *A. F. Modrzewski, studjum z dziejów kultury polskiej w. XVI.* (Kraków, Akademja). Jest to jednak tylko część pierwsza zamierzonej pracy o działalności Modrzewskiego, zawierająca w sobie tak szczegółową, jak się tylko na podstawie istniejących materjałów napisać dało, biografję wielkiego pisarza: jeżeli autor już tutaj mówi o jego pismach, a niektóre nawet roztrząsa dosyć szczegółowo, to jedynie w tym celu, aby je wyzyskać dla biografji i charakterystyki. I z tego swego zadania wywiązał się autor znakomicie: po raz pierwszy w literaturze naukowej życie Modrzewskiego zostało tak wyraziście uwypuklone i tak doskonale wyjaśnione na tle współczesnych prądów życia umysłowego, religijno-kościelnego, społecznego, a poczęści i politycznego, nie tylko Polski, ale całej wogóle Europy zachodniej; po raz pierwszy także zostały zebrane tak obficie i umiejętnie rysy charakteru Modrzewskiego i wogóle jego oblicza duchowego, które dopiero teraz, dzięki książce Kota, zajaśniało w całym blasku swojej piękności moralnej. Ta charakterystyka wywołała protest, i to ze strony bardzo poważnej, bo ze strony Brücknera, który w recenzji swej (w Kwartalniku Historycznym 1921), nie szczędząc naturalnie autorowi

zasłużonych pochwał, zakwestjonował uczuciowość Modrzewskiego i nazwał go »chłodnym intelektualistą«. Trudno się na to zgodzić: nie z chłodnego intelektu, tylko z gorącego i szlachetnego serca wypłynęły owe wspaniałe protesty przeciwko bezkarności mężobójstwa i wogóle przeciwko wszelkiego rodzaju odstępstwom od ideałów chrześcijańskich; temperament Modrzewskiego nie był gorący, ani nawet bardzo żywy, co się też na jego pismach odbiło, — na to zgoda; ale serce było i wielkie, i gorące, co także z jego pism wyczuć można. — Część drugą monografji zamierza Kot poświęcić szczegółowej analizie pism Modrzewskiego oraz »wszechstronnej charakterystyce jego indywidualności«: jak autor wybrnie w tej części z trudności problemu kompozycyjnego, czy mu się uda uniknąć powtórzeń, to przyszłość okaże; tymczasem każdy miłośnik literatury staropolskiej (z wyjątkiem jezuitów, oczywiście) będzie autorowi prawdziwie wdzięczny za tak mądrą i piękną książkę, w której uczoność walczy o lepsze ze szczerym, a wolnym od zaślepienia, pietyzmem dla wspaniałej postaci Modrzewskiego, — i każdy, kto przeczyta część pierwszą, będzie sobie życzył, aby mógł jak najprędzej przeczytać drugą. — Cenny przyczynek do bibljografji Modrzewskiego podał Teodor Wierzbowski: *A. F. Modrzewskiego nieznana redakcja „Przydatku" do Ksiąg o poprawie Rzeczypospolitej w nieznanym druku krakowskim z r. 1554* (w Przeglądzie Narodowym r. 1920, nr. 7).

Sprawą wieńca poetyckiego, który otrzymał w Padwie znakomity poeta polsko-łaciński, Janicki, chłop wielkopolski, wyjaśnił wszechstronnie Ludwik Ćwikliński w uczonej rozprawie *O wawrzynie doktorskim i poetyckim Klemensa Janickiego* (Rozprawy Wydziału filologicznego Akad. Umiej., tom LVIII., nr. 6, Kraków 1919): teraz dopiero wiemy, że przedwcześnie zmarły poeta otrzymał wieniec poetycki i dyplom doktorski nie od papieża i nie od cesarza, tylko z rąk comitis palatini Marci Antonii Contareni, posła weneckiego na dworze Karola V. w Niemczech, i że promotorem był nie, jak pisano, jakiś Moritonus, tylko słynny lekarz i profesor medycyny praktycznej — Montanus. Rozprawa jest ciekawym przyczynkiem nie tylko do biografji Janickiego, ale i do historji uniwersytetu padewskiego.

Zpośród prac o literaturze polskiej XVI. wieku (w odróżnieniu od polsko-łacińskiej) wymieniamy nasamprzód wytwornie wydaną, a pod względem naukowym ze wszech miar znakomitą monografję Ludwika Bernackiego: *Pierwsza książka polska, studjum bibljograficzne z 86 podobiznami* (Lwów 1918, Zakład Ossolińskich). W części pierwszej autor opisuje nasamprzód trzy popularne modlitewniki średniowieczne: Horae beatae Mariae virginis, Hortulus animae i Mikołaja Saliceta Antidotarius animae, a potem Hortulusy polskie; część drugą wypełnia wyszczególnienie treści i dokładny rozbiór źródłowy Hortulusów polskich, z dodatkiem wiadomości o Biernacie z Lublina, jako autorze pierwszej książki polskiej, którą był właśnie Hortulus animae (Raj duszny), wydany przez Florjana Unglera w Krakowie około r. 1514. Świetne to studjum (na którem nawet tak surowy i wymagający krytyk-specjalista, jakim był zmarły w r. 1921 Józef Korze-

niowski, nie mógł się doszukać ani jednej plamy, ob. *Rok polski* 1919) jest niocenionym skarbem nie tylko dla bibljografa, ale i dla historyka literatury: dosyć powiedzieć, że wydanie Hortulusa znakomicie wzbogaca ubogie dotychczas zasoby średniowiecznej pieśni religijnej w języku ojczystym.

Nad twórczościę »ojca literatury polskiej«, Mikołaja Reja, pracuje w dalszym ciągu autor obszernej monografji o nim (1905), Brückner, który w Reformacji polskiej (1921, nr. 2, i osobno) ogłosił studjum: *Pierwociny luterskie: „Kupiec" Rejowy*. Ten dramat polemiczny, wymierzony przeciwko nauce katolickiej, a będący wolną przeróbką dramatu Mercator sive judicium humanisty niemieckiego, Tomasza Naogeorga, znany był do niedawna z kilku tylko fragmentów, które znalazł i ogłosił Celichowski (1898). Podczas wojny znalazł się szczęśliwie całkowity egzemplarz (w antykwarni wiedeńskiej); niebawem ukaże się przedruk w Bibljotece Pisarzów Polskich, w opracowaniu Brücknera, który tymczasem napisał o nim szczegółowe studjum, wykazujące niemałą oryginalność Reja.

Brücknerowi zawdzięciemy jeszcze jedną pracę o Reju (umieszczoną taksamo, jak poprzednia, w Reformacji polskiej nr. 4): *Wydawnictwa Rejowe. Facecje polskie r. 1624. Znaczenie „Zwierciadła" 1568 r.* Oprócz całego szeregu przyczynków do krytyki tekstu różnych dział Reja (przyczynków, które mógł podać jedynie taki znawca języka staropolskiego i kultury staropolskiej, jak Brückner), autor wyjaśnia, dlaczego Zwierciadło było tak mało poczytne u współczesnych, oraz udowadnia, że bezimienne Facecje polskie, które dzisiaj znamy już tylko z wydania r. 1624, ukazały się po raz pierwszy jeszcze za czasów Reja, że więc, kto wie, może i Rej z nich korzystał, przygotowując do druku drugie wydanie swoich Figlików. Wywody autora są bardzo przekonywujące; trudno się tylko zgodzić na pogląd, że figlik Reja p. t. Dwa do panny przyjechali »nie ma sensu«: jeśli się nie mylimy, jest to facecja zupełnie zrozumiała i dowodzi, że Rej umiał samodzielnie przetwarzać zapożyczone wątki. Wiersz 1845 Krótkiej Rozprawy, jest także całkiem zrozumiały, trzeba tylko czytać *pióra* zam. *pióro* (mieszek jest tak lekki, że i bez pióra mógłby latać). Jeden szczegół osobliwie zainteresuje czytelników Slavii, mianowicie wykazany przez Brücknera wpływ języka czeskiego na słownictwo Reja (str. 244).[1]) Dodajmy jeszcze, że w Bibljotece Narodowej (nr. 40, r. 1921) ukazał się w opracowaniu Brücknera doskonały wybór *Pism prozą i wierszem Reja.*

Program literacki Kochanowskiego wyjaśnił Stanisław Windakiewicz w rozprawie, należącej do jego najświetniejszych prac (Przegląd Warszawski 1921, nr. 2). Rozpatrzywszy ślady wpływów romańskich na oryginalną twórczość Kochanowskiego, autor wykazuje, że poeta przejął od Ronsarda program literacki (t. j. program »Plejady«), że za jego mianowicie przykładem wytworzył styl poetyczny (inwersje,

[1]) W tymże zeszycie Reformacji w Polsce znajduje się drobny przyczynek Józefa Reissa: Monogramy i akrostychy w religijnych pieśniach reformacji polskiej.

epitety, tworzone z imion osób i miejsc starożytnych, composita homeryckie), udoskonalił i urozmaicił wersyfikację, wprowadził mitologję starożytną oraz różne gatunki poezji starożytnej do poezji polskiej (ody, tragedję, elegje). Jedna uwaga: czy ten program nie mógł powstać w głowie Kochanowskiego już we Włoszech? Pytanie to narzuca się tem silniej, że przecie zarówno poezja francuska, jak francuskie ideje literackie XVI. wieku rozwijały się pod wpływem włoskim (ob. Pierre Villey, Les sources italiennes de la »Défense et Illustration de la langue française« de Joachim du Bellay, Paryż r. 1908).

Odprawa posłów greckich i *Treny* Kochanowskiego ukazały się w Bibljotece Narodowej (nr. 3 i 1, wyd. pierwsze 1920, drugie 1922) we wzorowem opracowaniu Tadeusza Sinki; obydwa »wstępy« są wyczerpującemi monografjami o tych dwóch utworach; zwłaszcza monografja o Trenach, oparta na dawniejszej własnej pracy autora (Wzory Trenów Kochanowskiego w czasopiśnie Eos XXII, 1917), przynosi dużo nowego: właściwie mówiąc, dopiero Sinko wyjaśnił gruntownie stosunek Trenów (zarówno ich rodzaju literackiego, jak poszczególnych pomysłów treści) do poezji starożytnej i, co za tem idzie, określił stopień oryginalności Kochanowskiego; okazuje się, że, jak mówi słusznie autor, »w Trenach (mimo wszystkich zapożyczeń i reminiscencyj klasycznych) wyzwolił się Kochanowski z pęt naśladownictwa starożytnych i stworzył utwór, nie tylko wyższy poetycznie i artystycznie od epicedjów rzymskich, ale wyższy od całej liryki rzymskiej; przez to poezja polska, wychowana i wykształcona na poezji starożytnej, stanęła na własnych nogach i mogła iść w przyszłość, nie oglądając się już na przewodników klasycznych.«

W wydawanej przez Akademję Umiejętności *Bibljotece Pisarzów Polskich*, oprócz dwóch słynnych dialogów politycznych Orzechowskiego (*Rozmowa około egzekucyjej* i *Quincunx*, 1563—1564) w poprawnym tekście, opracowanym przez Jana Łosia (nr. 74, r. 1919) ukazało się — w opracowaniu zmarłego w r. 1920 Bolesława Ulanowskiego — *Sześć broszur politycznych z XVI. i początku XVII. stulecia* (nr. 76, r. 1921). Temi broszurami są: Fidelis subditus Orzechowskiego w przekładzie polskim Jana Januszowskiego, wydawcy poezyj Jana z Czarnolasu, ruchliwego publicysty i moralisty (1606); Zwierciadło królewskie tegoż Januszowskiego (1606) — charakterystyka idealnego króla, »sen jakiś Platonowy«, podobny do tak częstych w epoce humanizmu snów o idealnym dworzaninie, idealnym hetmanie, idealnym szlachcicu i t. d.; Przestroga dla króla Zygmunta Augusta przeciw konfederacyjej Walentego Kuczborskiego (1569) i tegoż Deliberatio episcopo Cracoviensi anno 1571 exhibita — obydwie te broszury są wymierzone przeciwko różnowierstwu, które autor, jak przystało na sekretarza Hozjusza, poczytuje za najcięższy grzech i za największe nieszczęście dla Polski; Deliberacje o królu, panach, rodzie i urzędnikach, sejmie i bezkrólewiu bezimiennego senatora (Jana Sierakowskiego?) (1569) — cenny dla historyka obraz administracji Rzeczypospolitej; bezimienny traktat De inter-

regno (pisany po polsku, ale upstrzony wyrazami łacińskiemi) (1587), zawierający w sobie dosyć szczegółowy projekt elekcji. Wszystkie te broszury zalegały dotąd w rękopisach. — *Dwie broszury prawne z r. 1602 i 1603*, wydane przez Ulanowskiego także w *Bibljotece pisarzów polskich* (nr. 75, r. 1920) mają charakter zbyt specjalny na to, aby je omawiać w przeglądzie, poświęconym historji literatury. Wydaną w r. 1921 przez Henryka Gaertnera broszurę Pseudo-Orzechowskiego (Ziemianin) chociaż należy do literatury, omówimy w jednym z dalszych przeglądów w związku z rozprawą wydawcy o tem dziełku, wydaną dopiero w r. 1922.

Pozostaje dla ukończenia przeglądu prac o wieku XVI. wspomnieć o przyczynkach do historji kaznodziejstwa tego stulecia. Ks. Nikodem Cieszyński w rozprawce *Cząstka Postylli XVI. wieku* (w Przeglądzie teologicznym 1920) rozbiera szczegółowo kazania anonima XVI. wieku, wydane jeszcze w r. 1899 przez Bolesława Erzepkiego, jako zeszyt pierwszy i, jak dotychczas, ostatni *Nieznanych zabytków piśmiennictwa polskiego;* sąd ks. Cieszyńskiego o wartości tych kazaniach jest stanowczo zbyt pochlebny. Nierównie ważniejszym przyczynkiem jest rozprawa znakomitego uczonego Wilhelma Bruchnalskiego, p. t. *Najstarsze kazanie polityczne w Polsce* (tamże): kazaniem tem jest kazanie biskupa Samuela Maciejowskiego, wygłoszone przed sejmem krakowskim r. 1543, znane, niestety, tylko ze streszczenia; wyprzedza ono Hieronima Powodowskiego o lat 35, Stanisława Sokołowskiego o 44, a Skargę o 54.

VI.

Ze studjum ks. Alojzego Jougana *Z dziejów kaznodziejstwa polskiego. (Polskie kazania „na kolędę")* (w Przewodniku Naukowym i Literackim 1920) wkraczamy w wiek XVII.: wprawdzie kazania tego typu znane były u nas już w wiekach średnich, a i Wujek nim nie pogardził, dopiero jednak w stuleciu XVII., w epoce stylu barokowego, stał się niezmiernie popularnym (a później ośmieszonym) rodzaj kazania, w którem kaznodzieja różnym stanom »generalnym« i »partykularnym« (królowi, szlachcie, biskupom, mężom, pannom, wdowom, dzieciom, doktorom, grzesznikom itd., itd.) nibyto ofiarowywał na kolędę różne podarki (słońce, sznurek czerwony, kurę itd.) z odpowiednią nauką moralną. Kazanie dominikanina Jacka Mijakowskiego p. t. Kokosz za kolędę dana jest klasycznym wzorem tego rodzaju kazań. Otóż ks. Jougan szczegółowo roztrząsnął kazania Wujka, Birkowskiego, Naymanowicza, Dambrowskiego, Fabrycjusza (Kowalskiego), Mijakowskiego, Ziembickiego, i na podstawie poszczególnych rozbiorów dał ogólną charakterystykę; zaniedbał jednak zbadać, o ile polskie kazania tego typu były w Polsce oryginalne: czyżby zagranicą podobnych nie było? Wogóle historja kaznodziejstwa staropolskiego bardzo mało jeszcze jest opracowana: tak gruntowne studja, jak Brücknera o kazaniach średniowiecznych, Kolbuszewskiego o postyllach, ks. Szlagowskiego o Birkowskim, ks. Kosińskiego o Mijakowskim, należą do wyjątków.

Najcenniejszem, najwięcej nowych zdobyczy przynoszącem ze wszystkich prac, jakie się w okresie sprawozdawczym o literaturze XVII. w. ukazały, jest obszerna rozprawa Aleksandra Brücknera, któremu w znajomości literatury staropolskiej nikt nie dorównał, p. t. *Studja nad literaturą wieku XVII. Część pierwsza* (Rozprawy Akad. Umiej., Wydz. Filologiczny, tom 57, Kraków 1919). Pobudką do tej pracy, rzucającej całe snopy światła na literaturę polską w pierwszej ćwierci wieku XVII, były wydane przez Czubka *Pisma rokoszowe*; autor nie ogranicza się jednak do tego materjału, omawiając i charakteryzując działalność różnych autorów na podstawie pism nie tylko rokoszowych, ale i nic wspólnego z rokoszem nie mających. Najwięcej uwagi poświęcił Szczęsnemu Herburtowi, pisarzowi tak dobrze jak nieznanemu dotychczas, a który posiadał i wielką inteligencję, i niepospolity talent pisarski; na drugim już planie ukazują się: Szymonowicz, Miaskowski, Witkowski, Wodzisławczyk, Jurkowski, Kacper Twardowski, Daniecki, Bączalski, Chlebowski i jeszcze inni.

Postacią Herburta zajmuje się Brückner w innej jeszcze pracy, p. t. *Z starych książek* (Reformacja w Polsce 1921, nr. 4); rozprawa ta jest niezmiernie bogatym przyczynkiem do historji polemiki protestantów z Jezuitami na początku XVII. wieku, w której Herburt brał bardzo żywy i świetny udział; oprócz broszur Herburta, autor omawia broszury Rosentretera, Zygrowjusza, Mikołajewskiego, Biskupskiego, oraz wyświetla prawie nieznaną dotychczas działność literacką kalwina Jana Turnowskiego, kaznodzieci toruńskiego.

Każdy z pisarzów, omówianych w obu tych pracach Brücknera, zasługiwałby na specjalne studjum. Dużo czasu zapewne upłynie, zanim uczeni nasi opracują szczegółowo to wszystko w literaturze XVII. wieku, do czego drogę wskazała im fenomenalna erudycja Brücknera i jego gorąca miłość literatury staropolskiej. Dzisiaj, kiedy odzyskaliśmy niepodległość polityczną, miejmy nadzieję, że się ożywią studja nad dawną literaturą, która była wyrazem myśli i uczuć narodu wolnego, że się w nauce naszej skończy nakoniec upośledzanie literatury niepodległej Polski na korzyść literatury Polski porozbiorowej: et haec facienda, et illa non omittenda. A jeżeli to nastąpi, jeżeli się istotnie ożywi praca nad dawną literaturą, będzie to w ogromnej mierze zasługa Brücknera — jedną z bardzo wielu.

Żeby skończyć już z czasopismem *Reformacja w Polsce*, albo raczej z pierwszym jego rocznikiem, dodajmy, że w zeszycie 3 i 4 ukazał się początek źródłowej monografji Ludwika Chmaja: *Andrzej Wiszowaty, jako działacz i myśliciel religijny;* część pierwsza zawiera szczegółową biografję tego znakomitego arjanina i racjonalisty polskiego (1608—1678), druga — rozbiór jego dzieła Religio rationalis, oparty na szeroko i umiejętnie podmalowanem tle owoczesnej myśli filozoficzno-religijnej i uwydatniający odrębność Wiszowatego od innych »braci polskich«.

O »Horacym polskim« napisał cenne studjum Tadeusz Sinko *Poetyka Sarbiewskiego* (Kraków 1918, Akad. Umiej. Wydział filolog., Rozprawy, tom 58, nr. 3). Rękopis, zawierający tę najobszerniejszą

z dawnych poetyk europejskich, a będący własnością Bibljoteki Czartoryskich w Krakowie, znali wprawdzie już dawniejsi badacze twórczości Sarbiewskiego (Wall, Riezanow, Grabowski), ale dopiero Sinko, zbrojny, jak zawsze, w ścisłą metodę filologiczną i w rozległą erudycję, zanalisował tę poetykę szczegółowo i zbadał jej źródła starożytne.

Temuż uczonemu badaczowi zawdzięczamy studjum p. t. *Pierwowzór „Nadobnej Paskwaliny“*. Wierząc tytułowi tego romansu Samuela Twardowskiego (*Nadobna Pasqualina, z hiszpańskiego świeżo w polski przemieniona ubiór*), dawniejsi badacze szukali źródeł w literaturze hizspańskiej. Jakoż nie doznali całkowitego zawodu: Twardowski, jak to wykazał Pilat i Porębowicz, korzystał ze słynnego romansu pasterskiego Monte mayora (Diana). Sinko jednak udowodnił, że w romansie tym ma swoje źródło jedynie drobna cząstka romansu polskiego (180 wierszy na 3960!), że głównem jego źródłem jest baśń Apulejusza o Amorze i Psysze, a źródłami dodatkowemi: Owidjusz, Wirgiljusz, Horacy i inni jeszcze autorowie rzymscy.

Rozpoczęte jeszcze w roku 1915 wydawnictwo *Moraliów* Wacława Potockiego dobiegło szczęśliwie końca: w roku 1918 ukazał się tom trzeci i ostatni (Bibljoteka Pisarzów Polskich, nr. 69, 72 i 73). Wydawcy (Tadeusz Grabowski i Jan Łoś) zaskarbili sobie niemałą zasługę, umożliwiając historykom literatury poznanie tego dzieła, które zalegało dotychczas w rękopisie (Bibljoteki Cesarskiej w Petersburgu), a które słusznie nazwał Brückner pieśnią łabędzią polskiego świata staroszlacheckiego, które dla poznania społeczeństwa polskiego XVII. wieku ma dla nas nie mniejszą wartość, jak Zwierciadło i inne pisma Reja dla poznania Polski wieku XVI. Szkoda tylko, że wydanie Moraliów nie stoi na tym poziomie, co wydany przez Brücknera (jeszcze w roku 1907) Ogród fraszek: w tekście są liczne omyłki, a do tego brak objaśnień, których Bibljoteka Pisarzów Polskich z zasady nie daje, poprzestając na słowniczkach (najczęściej niedokładnych) przy końcu tomów. Usterki wydania Moraliów wykazał Brückner w Pamiętniku Literackim 1920. Ogłosił ponadto Brückner *Wiersze Potockiego* (Bibljoteka Narodowa, nr. 19): jest to poprzedzony świetnym wstępem popularnym wybór wierszy z Odjemku herbów, Ogrodu fraszek i Moraliów.

Z utworów literatury XVII. wieku ukazały się jeszcze w Bibljotece Narodowej: *Cyd* Corneille'a w przekładzie Andrzeja Morsetyna, a w opracowaniu Władysława Folkierskiego, który słusznie poczytuje ten przekład za najlepszy ze wszystkich polskich (serja II., nr. 8); hetmana Stanisława Żółkiewskiego: *Początek i progres wojny moskiewskiej* (nr. 12) — jest to pierwsze krytyczne wydanie tych przepysznych pamiętników rycerza bez skazy i trwogi, opracowane przez Wacława Sobieskiego; *Goffred albo Jerozolima Wyzwolona* Tassa- w przekładzie Piotra Kochanowskiego (serja II., nr. 4), — wybór, opracowany przez Romana Pollaka; częściowe studja wydawcy o tym przekładzie (w Rozprawach Akademji Umiejętności, Wydział filologiczny, tom LIX., nr. 4, r. 1920, oraz w Pamiętniku Literackim, r. 1918) pomijamy w tem sprawozdaniu, ze względu, że autor włączył

je do całkowitej monografji, wydanej w r. 1922, a którą omówimy w swoim czasie.

Na zakończenie przeglądu prac o XVII. wieku dodajmy, że Kazimierz Tyszkowski wydał we własnym przekładzie polskim pismo Łukasza Opalińskiego: *Polonia defensa contra Joannem Barclaium (1648)* (*Obrona Polski* Bibljoteka pisarzy politycznych, tom II., Lwów-Warszawa 1921, Książnica Polska); jest to świetna replika przeciwko potwarzy, rzuconej na Polskę przez autora Argenidy, jednego z wielu obtrectatores Poloniae, których plemię jaszczurcze do dziś dnia nie zdechło. Przekład swój, bardzo staranny, poprzedził Tyszkowski gruntowną przedmową, zawierającą w sobie, prócz rozbioru Obrony, treściwy przegląd całej wogóle działalności jej autora.

VII.

Przechodzimy do wieku XVIII. Jego pierwsza połowa to epoka zdziczenia literatury, która już w XVII. wieku zaczęła tracić zarówno piękność, jak mądrość. Początki odrodzenia przypadają już na koniec czasów saskich; w dziedzinie myśli politycznej — Konarski, w dziedzinie poezji — Drużbacka; te dwa nazwiska są zapowiedzią i początkiem tego wspaniałego rozkwitu literatury, który przypada na czasy Stanisława Augusta.

Konarski, którego dzieło *O skutecznym rad sposobie* (1760 do 1763) stanowi epokę w historji polskiej literatury politycznej, doczekał się nakoniec Wyboru pism politycznych (w Bibljotece Narodowej, nr. 35); wydawca, Władysław Konopczyński, uzględnił tutaj nie tylko główne dzieło Konarskiego, ale i jego pisma pomniejsze, wybór zaś poprzedził przedmową, gdzie znakomicie uwydatnił wiekopomne zasługi tego, który się pierwszy »ośmielił się być mądrym« (sapere ausus).

Drużbackiej poświęcił gruntowne studjum Wacław Borowy: *Drużbacka i pani d'Aulnoy* (Pamiętnik Literacki 1920); wykazał autor dowodnie, że Fabuła o Xiążęciu Adolfie nie jest utworem oryginalnym, tylko wierszowaną parafrazą powieści francuskiej pani d'Aulnoy, p. t. Histoire de Hypolite, Comte de Duglas (1690), przełożonej w roku 1743 przez Józefa Raczyńskiego p. t. Historja angielska politico-moralis Hipolita Milforta z Duglas z Julją córką hrabi z Warwicku awantury przyjaźni opisująca; tym właśnie przekładem polskim, nie zaś oryginałem francuskim, posiłkowała się Drużbacka, parafrazując zresztą nie całą powieść, tylko znajdującą się w jej części drugiej wstawkę nowelistyczną, p. t. Fabuła, którą Hippolit pod zmyślonem imieniem Hiacynta, ucznia, Malarskiego, Xieni de S. Meno dla rozrywki powiada.

Poezja stanisławowska rozwijała się pod znakiem nie tylko poezji, ale i poetyki francuskiej. *L'art poétique* Boileau'a wyłożył bardzo pięknym wierszem Dmochowski (Sztuka rymotwórcza 1788); była to poetyka bardzo poczytna; wyczerpującą monografję poświęcił jej

już dawno ks. Zalewski (1910). Popularnym podręcznikiem szkolnym była książka Filipa Nerjusza Golańskiego O wymowie i poezji; o tej książce ukazały się — zupełnie od siebie niezależnie — aż dwa studja, bardzo sumienne i wielce drobiazgowe: Marji Dynowskiej: *F. N. Golański na tle współczesnej epoki, studjum, dziejom neoklasycyzmu w Polsce poświęcone* (Kraków 1916, odb. z LV. tomu Rozpraw Wydz. filolog. Akad. Um.) i ks. Bronisława Zaleskiego: *Poetyka F. N. Golańskiego, studjum z dziejów krytyki literackej w Polsce* (Fryburg Szwajcarski 1918); najcenniejszą zdobyczą tych studjów jest wykazanie źródeł Golańskiego (Horacy, Boileau, Fénelon, Rollin, Du-Bos, Batteux, Marmontel). Dodajmy, że Golański zasłużył się około wychowania szkolnego nie tylko swym podręcznikiem, ale i przekładem Żywotów sławnych mężów. Plutarcha. Wybór tych Żywotów (w przekładach Golańskiego i Krasickiego — obydwaj posługiwali się tłumaczeniami francuskiemi) ukazał się w Bibljotece Narodowej (serja II., nr. 3) w opracowaniu i ze wstępem Sinki.

Główna uwaga badaczy literatury Stanisławowskiej skupia się około naczelnej postaci tych czasów, t. j. około Krasickiego.

O jego dwutomowym Zbiorze potrzebniejszych wiadomości, który jest pierwszy, godną tej nazwy, encyklopedją polską, napisał rozprawę Józef Flach: *Encyklopedja Krasickiego* (Przewodnik Naukowy i Literacki 1920); jest to usystematyzowany przegląd treści, bardzo powierzchowny, nie uwzględniający źrodeł (co się zresztą tem tłumaczy, że autor pisał tę pracę na wygnaniu w Rosji w r. 1915); tego, że Krasicki nie był autorem wszystkich artykułów Zbioru, autor pod uwagę nie wziął. Wogóle jest to praca bez wartości. Inne natomiast studja o Krasickim, ogłoszone w okresie sprawozdawczym, posiadają wartość pierwszorzędną.

Zofja Gąsiorowska wykazała szczegółowo *Źródła Monachomachji Krasickiego* (Warszawa 1920, Towarzystwo Naukowe); są niemi: Pulpit Boileau'a, Vert-Vert i Żywy pulpit Gresseta, Henrjada Woltera, Jerozolima Tassa, Iljada Homera, oraz (rzecz bardzo ciekawa) Opisanie czterech części roku Drużbackiej. Do tych źródeł literackich dodać można jedno jeszcze: La guerre civile de Genève Woltera. Nie dosyć na tem: autorka wykazała, że pomimo licznych reminiscencyj z literatury, poemat Krasickiego jest utworem oryginalnym i narodowym: oryginalnym dzięki talentowi poety, a oryginalnym przez to, że jest wiernem odbiciem wielu szczegółów owoczesnego życia polskiego; że nie jest paszkwilem, o tem nie wątpił nikt, z wyjątkiem ośmieszonych przedstawicieli »wielebnego głupstwa«. Pani Gąsiorowskiej zawdzięczamy nadto poprawne wydanie *Monachomachji* i *Antimonachomachji* z umiejętnym komentarzem, którego obydwa te utwory bardzo potrzebują; wydanie to stanowi tom trzeci Pisarzów polskich i obcych (Warszawa 1921, Gebethner i Wolff).

Wydanie krytyczne *Myszejdy* sporządził z właściwą sobie sumiennością edytorską Wilhelm Bruchnalski *Myszeidos Pieśni X.*, Lwów 1922, właściwie 1921. Nakładem czasopisma Exlibris) i przyozdobił je nie tylko podobiznami autografu Krasickiego i karty tytułowej

wydania pierwszego, ale nadto 24 współczesnemi illustracjami Norblina, które się szczęśliwie zachowały, a które z nieznanych nam przyczyn nie były dołączone do żadnego z wydań za życia autora. Obszerna przedmowa Bruchnalskiego jest pierwszą ściśle naukową monografją o Myszejdzie; zawiera ona w sobie świetną charakterystykę historycznoliteracką tego poematu ze stanowiska zarówno poetyki Krasickiego, jak rodzaju literackiego (pierwiastki komizmu szczegółowo zanalizowane); nieukończone dotychczas badania nad źródłami poematu posuwa Bruchnalski znacznie naprzód, uzupełniając spostrzeżeniu Nehringa co do wpływu Ariosta i określając stosunek Krasickiego do jego własnej Historji oraz do Homera i Kadłubka; nie pominął też autor, operujący i tutaj, jak zawsze, bogatym materjałem porównawczym, licznych pokrewieństw z analogicznemi utworami literatury powszechnej. Co do intencji Krasickiego, wypowiada się autor stanowczo i bezwarunkowo przeciwko temu, żeby Myszejda miała być alegorją (i bardzo słusznie!).

Popularna książka Konstantego Wojciechowskiego ukazała się ponownie: *Ignacy Krasicki,* wydanie drugie, zmienione i uzupełnione (Lwów 1922, właściwie 1921, Zakład Ossolińskich). Należy się tutaj książce tej wzmianka dlatego, że jest nie tylko popularną, ale i naukową, że autor napisał ją na podstawie własnych gruntownych studjów nad Krasickim i że badania swoich poprzedników wzbogacił i uzupełnił niejedną nową zdobyczą, zwłaszcza w dziedzinie analizy artyzmu Krasickiego. Na szczególne wyróżnienie zasluguje rozbiór Satyr i bajek. Tu wtrąćmy przy sposobności, że przystąpiono u nas nakoniec do zbadania wpływu Lafontaine'a na bajkę polską od Niemirycza do Morawskiego (dotychczas były tylko drobne przyczynki — Tretiaka, Folkierskiego): mianowicie w wydawnictwie p. t. Setne rocznice wielkich mężów Francji (Kraków, nakładem Stowarzyszenia przyjaciół Francji) ukazała się, jako odbitka ze sprawozdania r. 1921, treściwa rozprawka Marjana Deszcza: *Lafontaine i jego wpływ na bajkę polską;* ze względu jednak, że jest to tylko streszczenie większej pracy, która się ma niebawem ukazać, niech tymczasem wystarczy ta wzmianka.

Ciekawy przyczynek do literatury epoki oświecenia ogłosił Ludwik Bernacki: *Adama Czartoryskiego G(enerała) Z(iem) P(odolskich) „Monitor“ z r. 1763 i „Kalendarz Teatrowy“ na r. 1780* (Lwów 1920, odb. z czesopisma Exlibris); o obydwóch tych utworach słyszało się dotychczas tylko coś niecoś, albo raczej wiedziało się o ich istnieniu z Bibljografji Estreichera: opisał je szczegółowo (a niebawem, miejmy nadzieję, wyda) dopiero autor świetnego studjum o pierwszej książce polskiej.

O *Nucie patrjotycznej w pieśniach Karpińskiego* napisał gładki szkic Stanisław Czosnowski (Przegląd Narodowy, 1921, nr. 3); rozpatrzył tu autor dwadzieścia kilka wierszy patrjotycznych Karpińskiego, nie biorąc jednak pod uwagę ich związku z bogatą poezją patrjotyczną epoki rozbiorów, tak że po przeczytaniu szkicu czytelnik nie wie, czy Karpiński wniósł do niej co nowego, czy nie.

Na zakończenie tego przeglądu, obejmującego prace nad literaturą niepodległej Polski, niechaj wolno będzie poświęcić słów kilka znanej

legendzie o tem, jakoby niepodległa Polska miala zakończyć swój byt rozpaczliwym okrzykiem Finis Poloniae, który się miał wydrzeć z piersi Kościuszki w nieszczęsnej bitwie pod Maciejowicami. Legendę tę nieraz powtarzali i rozpowszechniali wrogowie nasi: umieścił ją, pomiędzy innemi, osławiony Iłowajskij w swym podręczniku szkolnym historji, który przez długi czas obowiązywał w Rosji i w ziemiach polskich pod zaborem rosyjskim; co gorsza, w legendę tę uwierzyli Słowacki i Witwicki, oraz Leonard Chodźko, i oni to ponoszą częściową odpowiedzialność za jej rozpowszechnienie. Lecz odpowiedzialność główna obciąża, oczywiście, Prusaków, którzy ją kolportowali z właściwą sobie systematycznością. Wyjaśnił to wszystko sądziwy historyk literatury polskiej, Józef Tretiak w studjum p. t. *Finis Poloniae! Historja legendy Maciejowickiej i jej rozwiązanie* (Kraków 1921, Spółka Wydawnicza); bardzo cenne uzupełnienia do tej pięknej pracy podał Henryk Mościcki w artykule *Około legendy Maciejowickiej* (Tygodnik Illustrowany 1921, nr. 26 i 28).

Że ta legenda jest fałszem, to nie ulega najmniejszej wątpliwości; że wymyślili ją Prusacy, pewności nie ma, ale kto ich zna, ten o tem wątpić chyba nie będzie. A jak było w rzeczywistości? Na to pytanie odpowiada najwiarogodniejszy świadek — Niemcewicz, który w Dzienniku mojej podróży (ogłoszonym w Przeglądzie Poznańskim 1858, ale zapomnianym, — przypomniał go dopiero Tretiak) opowiada o swojej rozmowie z Kościuszką co następuje: »Opuściliśmy Petersburg 10. grudnia 1796 roku; . . . od 26 miesięcy ujrzeliśmy się po raz pierwszy bez świadków . . . Kościuszko dwa mi zwierzenia uczynił . . . Podczas bitwy Maciejowickiej, gdy już wszystko było stracone i gdy kozacy już już go uchwycić mieli, włożył on pistolet w usta, pociągnął za cyngiel, lecz krucica nie wypaliła. W początkach zaś swego uwięzienia w fortecy petersburskiej tak mu życie było zbrzydło, że chciał się głodem umorzyć. Przez pewien przeciąg czasu żywił się tylko kilkoma łyżkami zupy, czem tak skurczył sobie wnętrzności i tak się osłabił, iż co chwila śmierci jego oczekiwano. Wtenczas to przysłano mu poczciwego Rogersona, lekarza dworskiego, który po użyciu największych sztuki swojej wysileń życie mu uratował.«

Oto jest prawda! »Więc nie wykrzykiem Finis Poloniae — pisze Tretiak w zakończeniu swego studjum — kończyła się tragedja, ale gestem Naczelnika, gestem, który wskazywał, że chce być wiernym przyjętemu wraz z innymi patrjotami hasłu: śmierć lub zwycięstwo! — i nie chce przeżyć klęski narodu.«

Kraków. *Ign. Chrzanowski.*

Dr. Dragutin Prohaska, **Fjodor Mihajlović Dostojevski.** Studija o sveslavenskom čovjeku. Tisak Hrvatskog Štamparskog zavoda D. D. u Zagrebu. 1921. 386 стр. и 4 лл. съ портр.

Мы переживаемъ періодъ обостреннаго интереса къ личности и творчеству Ф. М. Достоевскаго. Столѣтіе со дня рожденія великаго русскаго писателя совпало съ эпохой глубочайшаго кризиса европейской культуры и,

естественно, къ Достоевскому невольно обращаются всѣ наши мысли. Вѣдь никто, пожалуй, въ европейской литературѣ не ставилъ такъ остро и обнаженно вопросовъ, надъ которыми бьется человѣческая совѣсть и мысль въ наше время. Достаточно перечитать статьи, посвященныя памяти Достоевскаго въ юбилейные дни, чтобы видѣть, какъ близко и по новому воспринимается Достоевскій въ свѣтѣ переживаемаго человѣчествомъ кризиса. Этотъ интересъ, надо думать, еще усилится и вызоветъ рядъ работъ, посвященныхъ Достоевскому-писателю и мыслителю.

Начало такому изученію положено книгой д-ра Д. Прохаски, вышедшей на сербско-хорватскомъ языкѣ въ 1921 г. въ Загребѣ. Книга д-ра Прохаски составлена на основаніи тщательнаго изученія литературы о Достоевскомъ, съ которой онъ имѣлъ возможность познакомиться во всей полнотѣ во время своего пребыванія въ Петербургѣ въ 1912 г. Литература, вышедшая позже, въ части была недоступна автору (работы Леонида Гроссмана по вопросу объ иностранныхъ вліяніяхъ на Достоевскаго, два дополнительныхъ тома собранія сочиненій въ изданіи „Просвѣщенія“ и др.), но это обстоятельство врядъ-ли измѣнило-бы въ существенномъ содержаніе книги д-ра Прохаски, настолько она цѣльна по своему построенію и продумана въ своихъ основныхъ выводахъ. Мы имѣемъ передъ собой не только книгу о жизни и творчествѣ Достоевскаго, стоящую на уровнѣ современнаго знанія о немъ, но и самостоятельный подходъ въ оцѣнкѣ его литературной дѣятельности.

Г. Прохаска совершенно вѣрно отмѣчаетъ одну черту русской критики о Достоевскомъ — ея крайній субъективизмъ. До сихъ поръ Достоевскій служилъ скорѣе матеріаломъ для выявленія міросозерцанія, политическаго или религіозно-философскаго, отдѣльныхъ изслѣдователей, чѣмъ объектомъ безпристрастнаго изученія. Достоевскій былъ или великій союзникъ, въ которомъ искали опоры для подкрѣпленія своего міросозерцанія, или серьезный противникъ, съ которымъ горячо и страстно спорили. Этого недостатка не избѣжали и такіе единственные въ своемъ родѣ труды, какъ работы Д. С. Мережковскаго, В. Розанова, Льва Шестова и др. Слѣдствіемъ такого подхода къ Достоевскому было почти полное отсутствіе чисто историко-литературныхъ и біографическихъ работъ о Достоевскомъ. Въ то время, какъ изученіе Пушкина и пережившаго Достоевскаго Льва Толстого создало цѣлыя школы, Достоевскій до сихъ поръ не удостоился монографическаго изслѣдованія у себя на родинѣ.

Г. Прохаска стремится рѣшительно порвать съ этой русской традиціей и ввести Достоевскаго въ кругъ историко-литературнаго изслѣдованія. „Мое изслѣдованіе, такимъ образомъ, было задумано,“ говоритъ г. Прохаска, „съ цѣлью пересмотра одностороннихъ и недоказанныхъ взглядовъ русской критики. Даже самая блестящая работа Д. С. Мережковскаго ‚Достоевскій и Толстой‘ не обратила вниманія на ‚моментъ‘ и ‚актуальность‘ Достоевскаго и не изслѣдовала его творчества, отправляясь отъ него самого и его времени, но подчинила его своимъ собственнымъ взглядамъ.“ Исходя изъ опознанія этой слабой стороны русской критики, г. Прохаска свою задачу опредѣляетъ слѣдующими словами: „Моя точка зрѣнія опредѣляется характеромъ писателя, его манерой ‚ловить моментъ‘. Будемъ ловить моментъ вмѣстѣ съ нимъ, изучимъ положеніе русскаго общества,

особенно идеи въ литературѣ близкой по времени къ тому или иному изъ произведеній Достоевскаго и оттуда выведемъ свои взгляды и оцѣнки. Съ другой стороны присмотримся къ европейской литературѣ и найдемъ книжныя вліянія и воздѣйствія. Такимъ образомъ кое-гдѣ получимъ новое объясненіе идеи, устремленія и значенія отдѣльнаго произведенія“ (Стр. 14—15).

Задача поставлена методологически правильно, но при ея осуществленіи авторъ, на нашъ взглядъ, допускаетъ ошибку въ одной изъ своихъ основныхъ предпосылокъ, ошибку, которая затѣмъ даетъ себя постоянно знать въ отдѣльныхъ частяхъ его труда.

Г. Прохаска полагаетъ, что Достоевскій въ извѣстномъ смыслѣ „писатель-публицистъ, отражающій современный ему моментъ; его романы, сказалъ-бы журналистъ, бюллетени о моральномъ здоровьи современнаго общества.“ Въ этомъ утвержденіи, которое въ извѣстной мѣрѣ основано на воспоминаніяхъ Н. Н. Страхова, есть, конечно, доля истины. Достоевскій, дѣйствительно, въ своихъ письмахъ часто ссылается на свое стремленіе отразить злободневность; свое публицистическое дарованіе онъ блестяще обнаружилъ и въ „Дневникѣ писателя“. Но, говоря о его художественныхъ произведеніяхъ, необходимо чрезвычайно осторожно оцѣнивать публицистическія, злободневныя стороны въ нихъ. При объективной оцѣнкѣ художественнаго творчества Достоевскаго врядъ-ли правильно придавать такое рѣшительное значеніе самооцѣнкѣ Достоевскимъ своихъ произведеній.

Приведемъ одинъ примѣръ, который, по нашему мнѣнію, какъ нельзя лучше показываетъ, до какой степени самъ Достоевскій недооцѣнивалъ внѣвременнаго значенія своего творчества.

Въ письмѣ къ Н. Н. Страхову изъ Рима, 30 сент. 1863 г., говоря о работѣ надъ „Игрокомъ“, Достоевскій усиленно подчеркиваетъ злободневный интересъ своего разсказа. Онъ пишетъ: „Сюжетъ разсказа слѣдующій: — одинъ типъ заграничнаго русскаго. Замѣтьте: о заграничныхъ русскихъ былъ большой вопросъ лѣтомъ въ журналахъ. Все это отразится въ моемъ разсказѣ. Да и вообще отразится современная минута (по возможности, разумѣется) нашей внутренней жизни“.[1]) Таковъ въ представленіи Достоевскаго замыселъ „Игрока“. Но кто изъ современныхъ читателей можетъ уловить въ этомъ насквозь психологическомъ разсказѣ элементъ злободневности. Въ немъ есть много автобіографическаго, но типичнымъ для своего времени „Игрока“ признать врядъ-ли возможно.

Это подчеркиваніе злободневности, которое у Достоевскаго встрѣчается постоянно, находитъ себѣ оправданіе въ литературной психологіи эпохи, но отнюдь не свидѣтельствуетъ, что Достоевскій самъ былъ въ состояніи подчиниться требованіямъ времени. По всему своему складу Достоевскій не умѣлъ удержаться въ рамкахъ даже самому себѣ намѣченной задачи и оченъ быстро переходилъ въ область психологически-конструктивной разработки сюжета. По законамъ психологической необходимости намѣчались черты характера его героевъ, развивались внѣ рамокъ поставленной себѣ задачи и пріобрѣтали тѣмъ самымъ внѣвременное значеніе. Современную Достоевскому дѣйствительность необходимо принимать во

[1]) Біографія, письма . . . Спб. 1883 г., отд. I, стр. 261.

вниманіе при оцѣнкѣ его произведеній, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ въ ней находилъ импульсы къ постановкѣ тѣхъ или иныхъ проблемъ, но судить о явленіяхъ эпохи по романамъ Достоевскаго крайне опасно. Эта опасность особенно сильна тамъ, гдѣ тема и сюжетъ выходятъ изъ современности, какъ въ „Бѣсахъ". Геній Достоевскаго вѣдь и состоялъ въ томъ, что онъ продѣлывалъ до конца психологическій опытъ, обнажая корни каждаго явленія, и представлялъ это явленіе въ его почти метафизической сущности. „Нигилизмъ", съ которымъ боролся Достоевскій, въ этомъ смыслѣ есть чисто психологическій препаратъ, и представлять себѣ, что это изображеніе отображаетъ русскую дѣйствительность, значитъ нарушать историческую объективность.

Г. Прохаска совершенно точно учитываетъ ошибку Бѣлинскаго, Добролюбова и др. въ оцѣнкѣ первыхъ произведеній Достоевскаго и высказываетъ цѣнную мысль, что „взгляды Достоевскаго вытекаютъ скорѣе органически, т. е. естественно изъ его личныхъ дарованій и личнаго знакомства съ литературой, и меньше всего опредѣлялись политической и общественной средой, что они скорѣе личныя, чѣмъ соціальныя тенденціи. Но соціальныя тенденціи служили побудителемъ къ тому, чтобы отнестись къ нимъ критически подъ личнымъ угломъ зрѣнія" (стр. 46). Но въ своемъ трудѣ г. Прохаска постоянно возвращается къ современной Достоевскому дѣйствительности, чтобы въ ней именно отыскать объясненіе отдѣльнымъ моментамъ его творчества и не разъ умозаключаетъ обратно отъ творчества Достоевскаго къ русской дѣйствительности. Такъ, напримѣръ, даже въ „Хозяйкѣ" г. Прохаска находитъ протестъ противъ офиціальной церкви времени Достоевскаго и Катерину разсматриваетъ, какъ жертву этой церковности. Написать „Хозяйку" значило, по мнѣнію автора „найти исходъ недовольству церковью, а этого въ николаевское время никто не смѣлъ высказать открыто." Г. Прохаска даже склоненъ приписать особое гражданское мужество Достоевскому въ этомъ случаѣ: „такимъ образомъ разсказъ Достоевскаго превзошелъ своей смѣлостью все, что тогда было сказано о церкви, но сказано это было символически и символикой, которую не уловили самые близкіе, даже ни самъ Бѣлинскій, ни Анненковъ" (стр. 81). Мы думаемъ, что о смѣлости здѣсь говорить врядъ-ли приходится разъ символика „Хозяйки" была такъ сильна, что ее не смогла усмотрѣть столь зоркая николаевская цензура. Да и самъ авторъ колеблется въ толкованіи этой символики, такъ какъ Достоевскій, по его словамъ „и не обвиняетъ церкви, но обвиняетъ слабость человѣческой природы, такъ что его анализъ можетъ представиться и какъ оправданіе тираніи церкви." Мы вообще были бы не склонны къ такому толкованію „Хозяйки", значеніе которой, конечно, не въ борьбѣ съ церковностью, а въ психологіи Катерины, что авторъ въ концѣ и самъ выдвигаетъ.

Такое стремленіе найти объясненія къ отдѣльнымъ произведеніямъ Достоевскаго въ современной ему общественно-политической обстановкѣ влечетъ за собою и нѣкоторое упрощеніе въ пониманіи его творчества.

Это упрощеніе особенно чувствуется русскимъ читателемъ, который привыкъ къ особой углубленности въ работахъ о Достоевскомъ. Правда, г. Прохаска такимъ образомъ избѣгаетъ въ значительной мѣрѣ субъективизма, господствующаго въ русской критикѣ, но временами это преиму-

щество покупается упрощеніемъ стоящихъ на его пути трудностей. Такое высоко-характерное для развитія идей въ творчествѣ Достоевскаго произведеніе, какъ „Записки изъ подполья" прекрасно уложилось въ схему автора, но зато сильно потеряло въ своемъ значеніи. Г. Прохаска не видитъ въ этомъ произведеніи, вопреки мнѣнію русскихъ изслѣдователей (В. Розанова, Л. Шестова и др.), отраженія анти-религіозныхъ мотивовъ въ творчествѣ Достоевскаго, напротивъ, онъ склоненъ героя записокъ разсматривать, какъ до-конца доведенный типъ русскаго атеиста. „Записки" по словамъ изслѣдователя, являются „исторіей совѣсти русскаго нигилиста 40—60-хъ годовъ" (стр. 193). Для большей убѣдительности своего мнѣнія, что „Записки" являются первымъ открытымъ нападеніемъ Достоевскаго на атеизмъ, г. Прохаска ссылается на искаженіе нѣкоторыхъ мѣстъ „Записокъ" цензурой, основываясь на письмѣ Достоевскаго къ брату, Михаилу Михайловичу, 1864 г. (Біографія, стр. 271). Врядъ-ли правильно такое сведеніе значенія „Записокъ" къ борьбѣ съ атеизмомъ. Здѣсь упущена вся сложность натуры Достоевскаго, который въ своемъ отрицаніи заходилъ такъ же далеко, какъ и въ утвержденіи. Правильнѣе, на нашъ взглядъ, мнѣніе академика Овсянико-Куликовскаго, который даже въ „Братьяхъ Карамазовыхъ" не видитъ полнаго преодолѣнія Достоевскимъ „чорта". „Бичуя отрицателей", говоритъ Д. Н. Овсянико-Куликовскій, „Достоевскій бичевалъ самого себя, или, точнѣе, ту часть своего раздвоеннаго сознанія, которая сомнѣвалась, не хотѣла вѣрить, отрицала. ‚Чортъ' Ивана Карамазова сидѣлъ въ самомъ Достоевскомъ, и приходится думать, что, несмотря на всѣ бичеванія, не взирая на ‚отвѣтъ' данный ему ‚всѣмъ романомъ', этотъ ‚чортъ' оказывался налицо, или по крайней мѣрѣ, какая-то тѣнь его оставалась въ больной душѣ романиста-проповѣдника."[1])

Если такія сомнѣнія могутъ оставаться даже при оцѣнкѣ „Братьевъ Карамазовыхъ", то они куда болѣе законны въ примѣненіи къ „Запискамъ изъ подполья". Во всякомъ случаѣ, преодолѣніе атеизма въ творчествѣ Достоевскаго не дано, какъ простое обличеніе его подъ угломъ зрѣнія христіанской вѣры, а разворачивается передъ нами, какъ мучительный процессъ внутренней борьбы въ самой душѣ автора. Поэтому „Записки", въ которыхъ сила отрицанія сказалась съ большимъ напряженіемъ, требуютъ особенно внимательнаго анализа, и, во всякомъ случаѣ, ихъ нельзя разсматривать, какъ „исторію совѣсти русскаго интеллигента 40—60 годовъ".

Слишкомъ мало вниманія удѣлено и „Подростку". Здѣсь авторъ снова упрощаетъ психологію героя Достоевскаго. Онъ придаетъ чрезмѣрно большое значеніе моральному росту подростка и обходитъ чрезвычайно характерные въ творчествѣ Достоевскаго моменты „бунта".

Намъ думается, что это объясняется именно тѣмъ, что г. Прохаска воспринимаетъ Достоевскаго статически, а не динамически, не въ его противорѣчивой сущности, а въ его идейной завершенности. Его творчество рисуется въ изображеніи г. Прохаски, какъ своеобразное „учительство", выдвигающее заранѣе положительные идеалы, къ познанію которыхъ герои Достоевскаго приходятъ, пройдя черезъ рядъ заблужденій и обмановъ.

[1]) Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Собраніе сочиненій. Томъ VIII. Исторія русской интеллигенціи, ч. II. СПБ. 1911, стр. 222.

Эта черта пониманія Достоевскаго и подхода къ его творчеству проходитъ красной нитью черезъ всю книгу Д. Прохаски. И такъ какъ преодолѣніе „атеизма“ дано статически, то высшая точка динамическаго его развитія, „Братья Карамазовы“, потеряла для изслѣдователя творчества Достоевскаго путеводное значеніе. Даже по количеству мѣста, отведенному „Братьямъ Карамазовымъ“, этому кульминаціонному пункту въ развитіи міросозерцанія Достоевскаго, романъ этотъ занимаетъ относительно мало страницъ книги („Бѣсы“, 50 стр.; „Преступленіе и Наказаніе“, 31 стр.; „Идіотъ“, 27 стр.; „Братья Карамазовы“, 23 стр.). Но, конечно, количественный критерій самъ по себѣ не былъ бы достаточно показательнымъ, если бы сама разработка вопроса о значеніи „Братьевъ Карамазовыхъ“ не была такой вялой и невыпуклой.

Чрезвычайно цѣннымъ намъ представляется въ разбираемой книгѣ г. Прохаски его самостоятельный подходъ къ выдвигаемымъ изученіемъ Достоевскаго проблемамъ и новая разработка ряда отдѣльныхъ вопросовъ. Такой свѣжестью, на нашъ взглядъ, отличаются глава о „Неточкѣ Незвановой (стр. 91—104), „Достоевскій и Ничше“ и цѣлый рядъ другихъ мѣстъ книги. Къ сожалѣнію, мѣсто намъ не позволяетъ удѣлить достаточно вниманія выводамъ г. Прохаски въ отношеніи отдѣльныхъ произведеній Достоевскаго.

Большое мѣсто удѣлено въ книгѣ вопросу о вліяніи западной литературы на творчество Достоевскаго. Этихъ вопросовъ авторъ могъ, конечно, коснуться только попутно, при анализѣ отдѣльныхъ произведеній, но въ этой части книги Д. Прохаска даетъ толчокъ къ дальнѣйшей разработкѣ этого очень слабо разработаннаго вопроса. Къ сожалѣнію, автору остались неизвѣстными работы по вопросу о вліяніяхъ на Достоевскаго Л. Гроссмана, вышедшія уже во время войны.

Біографическій матеріалъ привлеченъ въ книгѣ во всей доступной автору полнотѣ и не перегружаетъ изслѣдованія, какъ это часто бываетъ въ историко-литературныхъ монографіяхъ. Къ этой части труда мы позволили-бы себѣ сдѣлать попутно два указанія. Говоря о привлеченіи Достоевскаго по дѣлу „Петрашевцевъ“, г. Прохаска даетъ характеристику русскимъ кружкамъ, въ частности „петрашевцевъ“. Въ этой характеристикѣ недооцѣнено значеніе въ жизни русской общественности „кружковъ“. Явленіе это, какъ бы къ нему не относиться, имѣло настолько существенное значеніе въ исторіи русской интеллигенціи, что для его характеристики нельзя ограничиться, какъ это дѣлаетъ авторъ, словами Тургенева въ „Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда“. Послѣ работъ В. Семевскаго о дѣлѣ Петрашевскаго мы можемъ съ увѣренностью сказать, что „кружокъ“ Петрашевскаго имѣетъ свое мѣсто въ развитіи идей русской интеллигенціи, и связь Достоевскаго съ кружкомъ не могла для него пройти безслѣдно. Оцѣнивать значеніе кружка Петрашевскаго подъ угломъ зрѣнія позднѣйшей оцѣнки его самимъ Достоевскимъ значитъ терять историческую перспективу. Врядъ-ли правильно также придавать исключительно рѣшающее значеніе „показаніямъ“ Достоевскаго, хотя и искреннимъ, но все-же даннымъ въ исключительныхъ условіяхъ.

Другое наше указаніе относится къ той части книги, гдѣ авторъ пользуется біографическими данными, сообщенными въ печати дочерью До-

стоевскаго, Любовью Федоровною („Dostojewski, geschildert von seiner Tochter". München, 1920). Воспоминанія Л. Ф. Достоевской требуютъ къ себѣ чрезвычайно осторожнаго отношенія и могутъ ввести въ невольное заблужденіе. Правда, обойти ихъ невозможно, такъ какъ въ нихъ сообщается рядъ новыхъ фактовъ изъ жизни Достоевскаго, привлеченіе которыхъ даетъ объясненіе многимъ темнымъ мѣстамъ его біографіи. Особое вниманіе привлекаютъ тѣ страницы воспоминаній, гдѣ говорится о первой женѣ Достоевскаго, М. Д. Исаевой. Дочь Достоевскаго рисуетъ ее, очевидно, на основаніи семейныхъ воспоминаній, въ весьма непривлекательномъ видѣ, и тѣ факты, которые она сообщаетъ, вызываютъ временами жуткое чувство. По ея воспоминаніямъ, Марія Дмитріевна будто-бы сдѣлала мужу признаніе, что она вышла за него исключительно по расчету, прельстившись его литературной славой и его связями, что ночь передъ свадьбой провела со своимъ любовникомъ, молодымъ красивымъ репетиторомъ и что съ этимъ любовникомъ она продолжала связь въ теченіе всего своего замужества. Мимо этого мѣста воспоминаній пройти нельзя, но и брать ихъ полностью на вѣру тоже не слѣдуетъ. Трудно повѣрить, чтобы въ основѣ этого брака былъ расчетъ со стороны М. Д. Исаевой, ибо Достоевскій въ это время жилъ въ Семипалатинскѣ въ страшной нуждѣ и съ трудомъ взялъ въ долгъ необходимыя для поѣздки въ Кузнецкъ, гдѣ состоялась свадьба, средства. И какія перспективы могли рисоваться его будущей женѣ отъ брака съ бывшимъ каторжникомъ, возстановленіе въ полныхъ правахъ котораго подвигалось съ такимъ трудомъ. Дѣло было сложнѣе, если Достоевскій могъ писать бар. Врангелю 25 января 1857 г. еще до свадьбы: „. . . отношенія мои съ М. Д. заполнили всего меня въ послѣдніе 2 года. По крайней мѣрѣ, хоть страдалъ да жилъ!"[1]) Во всякомъ случаѣ, нельзя съ такой легкостью отнестись къ памяти той, о которой Достоевскій уже почти годъ спустя послѣ ея смерти, писалъ: „это была самая честнѣйшая, самая благороднѣйшая и великодушнѣйшая женщина изъ всѣхъ, которыхъ я зналъ во всю жизнь".[2])

Такъ-же поверхностно отнеслась дочь Достоевскаго къ другой душевной трагедіи своего отца, его любви къ Аннѣ Сусловой, имени которой она не знаетъ, называя ее въ воспоминаніяхъ „студентка Полина Н." Мы не имѣемъ возможности здѣсь подробнѣе останавливаться на этомъ интересномъ моментѣ жизни Достоевскаго, но должны отмѣтить, что въ воспоминаніяхъ дочери Достоевскаго, которымъ въ этой части довѣрился вполнѣ г. Прохаска, есть рядъ неточностей, не говоря уже о совершенно произвольной характеристикѣ героини этого романа Достоевскаго.[3])

---

[1]) Подчеркнуто Достоевскимъ. Біографія, отд. II, стр. 108.

[2]) Письмо къ бар. Врангелю, 31 марта 1865 г. Біографія, отд. II, стр. 278.

[3]) Мнѣ посчастливилось найти дневники Анны Сусловой, со всей подробностью устанавливающіе отдѣльные моменты ея близости къ Достоевскому. Къ сожалѣнію, всѣ матеріалы и законченную работу объ этомъ періодѣ жизни Достоевскаго мнѣ не удалось захватить съ собою. Мною былъ сдѣланъ въ 1919 г. докладъ на эту тему въ Литературномъ обществѣ имени Пушкина въ Петербургѣ. Болѣе подробныя свѣдѣнія, въ связи съ выходомъ воспоминаній Л. Ф. Достоевской даны мною въ статьѣ: „Достоевскій и Анна Суслова" (газ. „Свобода", 1921 г. №№ 30 и 31, 9 и 10 февр.).

Л. Ф. Достоевская относитъ время сближенія Достоевскаго и А. Сусловой къ 1862 году, времени окончательнаго его разрыва съ первой женой, Маріей Дмитріевной, которую онъ оставилъ будто-бы въ Твери больною, а самъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и получилъ первое письмо отъ „Полины Н.“. Намъ неизвѣстна обстановка знакомства Достоевскаго съ Анной Сусловой, но въ 1862 г. М. Д. Достоевская оставалась въ Петербургѣ, и Федоръ Михайловичъ, собираясь въ первое заграничное путешествіе, писалъ своему брату, А. М. Достоевскому, 6 іюня: „Ѣду одинъ. Жена моя остается въ Петербургѣ. Денегъ нѣтъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ...“ (Біографія, стр. 140), причину же своего отъѣзда Достоевскій объясняетъ разстройствомъ здоровья. Такимъ образомъ, пока нѣтъ данныхъ утверждать, что уже первая поѣздка 1862 г. имѣла связь съ отношеніями къ Аннѣ Сусловой. Тѣмъ болѣе, что между первой и второй поѣздкой Достоевскаго заграницу прошло не „нѣсколько мѣсяцевъ“, а почти цѣлый годъ. М. Д. Достоевская переѣхала въ Москву только къ лѣту 1863 г., и въ концѣ лѣта этого года Достоевскій выѣзжаетъ въ Парижъ, гдѣ условился встрѣтиться съ Анной Сусловой. Вмѣстѣ съ нею онъ и совершаетъ свое путешествіе по Италіи. Этотъ романъ Достоевскаго имѣетъ значеніе не только біографическое, такъ какъ личность А. Сусловой оставила глубокій слѣдъ въ творчествѣ Достоевскаго.

Г. Прохаска совершенно правильно отмѣчаетъ, вслѣдъ за дочерью Достоевскаго, черты Анны Сусловой въ Полинѣ „Игрока“ и въ другихъ женскихъ образахъ романовъ Достоевскаго (Аглая и др.) Но хронологически весь привлеченный біографическій матеріалъ по этому вопросу слѣдовало отнести къ 1863 г., а не ко времени перваго путешествія Достоевскаго въ 1862 г.

На этихъ замѣчаніяхъ мы позволимъ себѣ кончитъ нашъ отзывъ о весьма цѣнной работѣ д-ра Прохаски.

Новая книга о Достоевскомъ является несомнѣнно вкладомъ въ литературу о великомъ русскомъ писателѣ, тѣмъ болѣе дорогимъ намъ, русскимъ, что она вышла изъ среды братскаго намъ народа и проникнута глубокой вѣрой въ творческую силу русской литературы. Въ то время, какъ мы сами подъ вліяніемъ постигшихъ Россію испытаній, склонны со свойственнымъ намъ самобичеваніемъ изыскивать грѣхи и преступленія нашей интеллигенціи, въ Европѣ, особенно въ славянскихъ странахъ, исторія русской интеллигенціи привлекаетъ все больше вниманія, и въ проявленіяхъ русской культуры видятъ непрекаемое свидѣтельство нашего будущаго возрожденія.

Прага, 24 марта 1922 г. *А. Бемъ.*

Łoś Jan, **Wiersze polskie w ich dziejowym rozwoju.** Warszawa, Lublin, Poznań, Lódź, Kraków. 1920.

Jan Łoś hat in seinem »Przegląd język. zabytków staropolskich« (1915) ein monumentales Werk geschaffen, an dem niemand, der sich mit altpolnischer Literatur beschäftigt, vorbeikommt: ein unentbehrliches Handbuch, das sich, was Umsicht der Anordnung, Genauigkeit und Vollständigkeit betrifft, dem Musterwerke der Gattung, Goedekes »Grundriss«, sehr würdig an die Seite stellt, von diesem sich aber dadurch unterscheidet, dass es, auf einfache Registrierung verzichtend, in zusammen-

hängender Darstellung nicht nur reiches literarhistorisches Material zu den einzelnen Erscheinungen beibringt, sondern zu den philologischen Arbeiten auch kritisch Stellung nimmt. Das höchst dankenswerte Werk des Krakauer Forschers erweckt, da es vor Rej und Kochanowski abbricht, den begreiflichen lebhaften Wunsch nach einer Fortsetzung.

Ein Ersatz für diese Fortsetzung und wohl die Frucht der Bemühungen um eine solche ist das neue Werk des unermüdlichen Forschers. Das Buch verpflichtet zu neuem Dank umsomehr, als es auf dem noch sehr brachliegenden Felde der slavischen Metrik eine Leistung bietet, der sich in der slawischen Forschung nichts, in der germanischen und romanischen vergleichsweise etwas die historischen metrischen Kapitel in den »Grundrissen« oder in Franz Sarans Büchern (Rhythmus des französische Verses, Deutsche Verslehre) an die Seite stellen lassen.

Ziel des neuen Buches ist die Darstellung der historischen Formenlehre des polnischen Verses, also eine Beschreibung der im Polnischen so reichen Mannigfaltigkeit des äusseren Habitus, der technischen Seite des Verses. Beiträge zu dieser äusseren Metrik haben wir im Polnischen mehrfach (M. Rowiński, Uwagi o wersyfikacji polskiej, Pr. Fil. 1892; M. Kawczyński, Porównawcze badania nad rytmem i rytmami, Pam. wydz. filol. i hist. 1886, 1889; K. Wóycicki, Forma dźwiękowa prozy p. i wiersza p. 1912 u. a.). Aber Łoś hat das grosse Verdienst, als Erster systematisch und im Zusammenhang der ganzen Literatur auf die Frage nach der historischen Entwicklung der äusseren Versform geantwortet zu haben. In erster Reihe geht es Łoś um die Darstellung und Klassifizierung der Verszeilen, doch auch der Strophen und (bei den Haupterscheinungen) des Reimes. Als Einteilungsprinzip für die Verszeilen dient die Silbenzahl. Diese ist im polnischen Vers ebensowenig wie im französischen ein rhythmisches Prinzip — Saran hat dies an mehreren Stellen nachdrücklich gezeigt — sondern ein äusserliches Mittel zur Benennung und Unterscheidung der Verse. Jede Zeilengattung hat im Polnischen ihre feste Silbenzahl und nach dieser ihre Benennung (sześcio-, trzynasto- etc. -zgłoskowiec). Die Register Seite 490—494 geben uns eine Uebersicht über den erstaunlichen Reichtum der metrischen Formen im Polnischen.

Dass Łoś mit der Beschreibung der Versform die ganze weite Entwicklung der Literatur umspannt, von den dunklen Anfängen des religiösen Liedes an der Wende des 13. und 14. Jahrhunderts bis zu den allerjüngsten Dichtern der Gegenwart, muss mit Nachdruck hervorgehoben werden. Dadurch bietet das Werk zugleich ein immanentes Bild der Gesamtentwicklung der merkwürdigen Literatur, die, einer volkstümlichen und kunstmäsig-ritterlichen mittelalterlichen Dichtung entbehrend, mit dem 16. Jahrhundert fertig aus dem Haupte des Zeus springt und dann — im Gegensatz zur tschechischen Literatur — das Glück einer lückenlosen Entwicklung geniesst. Die Literatur eröffnen zwei auch in formeller Beziehung hervorragende Erscheinungen: Rej und Kochanowski — der eine formell vielfach noch ungefüg, aber gegen seine Vorgänger einen grossen Fortschritt bedeutend, der andere ein merkwürdig rhythmenreiches Formgenie, das am Eingang der Literatur gleich einen ihrer höchsten formalen Entwicklungspunkte bedeutet.

Nach zwei Seiten wird das Buch für den Metriker besonders wertvoll. Łoś beschreibt nicht nur die Versformen der Dichter, sondern er berücksichtigt stets auch die theoretischen Forschungen zur Rhythmik und Metrik. Wie die Vorrede und das reiche Register unter »Badacze i wydawcy« zeigen, ist diese verstheoretische Forschung im Polnischen reicher als in anderen Slavinen. Łoś begnügt sich aber nicht mit der blossen Verzeichnung der metrischen Theorien, sondern er nimmt zu den theoretischen Problemen ebenso kritisch Stellung wie im »Przegląd« zu den literarhistorischen. Hier liegt ein Stück Arbeit, das nicht hoch genug eingeschätzt werden kann. Wie er sich mit Nowaczyński, Królikowski, Mleczko und den anderen auseinandersetzt, was er ferner zur Metrik und Rhythmik der grossen Dichter bemerkt — man beachte die Darstellung über Rej, die feine Analyse der Form bei Kochanowski, ein Glanzstück des Buches, das reiche Kapitel über Mickiewicz — wie er dann im Schlusskapitel die Ergebnisse gleichsam in einem Querschnitt zusammenfasst: das alles zeigt deutlich, dass es ihm um mehr zu tun war, als um seine nächste Hauptaufgabe, die mehr mechanische Erfassung und Registrierung der äusseren Formen. Die Darstellung wächst durch das geschilderte Bemühen vielfach zu einem höheren Ziele hinaus: zur Erkenntnis der inneren Form der Metrik und stellenweise zur Würdigung des Ethos der Versarten.

Wir überblicken hier zum ersten Male den ganzen Reichtum der polnischen Vers- und Strophenformen. Die polnische Literatur ist durch diesen Reichtum ein sehr dankbares, doch auch rätselvolles Objekt der Betrachtung, vor allem in der Frage nach der Autochthonität der metrischen Formen.

Die slavischen Literaturen sind in Erscheinung getreten, als die internationale Nivellierung der Formen in den europäischen Literaturen bereits vollendet war. Autochthonen Versmassen wie dem griechischen Hexameter, der germanischen Alliterationszeile, dem Saturnier — wir dürfen vielleicht auch den Endekasillabo hieher rechnen, während der französische Alexandriner auf die mitellateinische Vagantenzeile und durch diese auf den Otfriedvers hinzuweisen scheint — diesen bodenständigen Versmassen hat die slavische Formenwelt vielleicht nur den zehnsilbigen Vers als originale slavische Form gegenüberzustellen. Er findet sich mit starkem Einschnitt nach der vierten Silbe, also in der Form 4 + 6, als Nationalvers im serbokroatischen Volksepos, doch auch im Klein- und Grossrussischen, im Slowenischen, im mährischen Volkslied. Im Germanischen und Romanischen ist er in dieser Ausprägung nicht zur Herrschaft gelangt. Im Polnischen ist er frühzeitig vorhanden und wird ein beliebter Vers der grossen alten und neuen Dichter.

In der polnischen Literatur, die ausgesprochenen nationalen Charakter mit Weltläufigkeit und starker Aneignung und Nationalisierung internationaler Einflüsse auf das glücklichste verbindet, sehen wir Formen, die mit den Anfängen der Literatur da sind und die wir doch schwer als autochthon ansprechen dürfen. Schon im 14. Jahrhundert zeigt sich der Sechssilbler, der in der Literatur eine ziemliche Verbreitung findet und dessen Erklärung Schwierigkeiten bereitet. Der Dreizehnsilbler, in der Form 7 + 6 der eigentliche polnische Nationalvers, ganz

eigenartig ausgeprägt und ausserordentlich vielseitig, ist schon vor Rej und Kochanovski, deren Lieblingsvers er ist, vorhanden, er ist der Vers des »Pan Tadeusz« und ist lebendig bis auf unsere Tage. Dieser Vers, der zum polnischen Sprachakzent und zum Sprachmelos in einem ganz bestimmten Verhältnisse steht, und, wie sich fast mathematisch exakt zeigen lässt, so recht aus diesen beiden Faktoren herauswächst, weist aber zwingend auf die Vagantenzeile hin, wie denn überhaupt die Befruchtung der polnischen Metrik durch mitellateinische Elemente, besonders der römischen Hymnodie, der Forschung die reizvollsten Fragen stellt. (Vergl. meine Ausführungen im Arch. f. slav. Phil. 37, 418 f.) Die Formen der polnischen Kunstpoesie sind entschieden stärker durch die mittellateinischen beeinflusst worden als durch die Volksliedrhythmen. Łoś vermeidet, wenn er auch das ganze grosse erste Kapitel den Rhythmen des Volksliedes widmet, mit kühler Erwägung allzu romantische Konstruktionen von urslawischen und Volksliedeinflüsen (siehe Seite 50 f.), er spricht vorsichtig öfter nur von der Möglichkeit solcher Einflüsse und verkennt nicht, dass die mittellateinische Verskunst einen festeren Boden für die Erklärung polnischer Versarten gewährt. Im »Zakonczenie« S. 454 sagt er ganz deutlich: »Jakkolwiek zaczęliśmy od przeglądu wersyfikacji ludowej, jednak punktem wyjścia była dla nas średniowieczna wersyfikacja lacińska. Poznanie rytmiki ludowej polskiej i w ogólności słowiańskiej miało nam tylko dać postawy do oceny, czy w rozwoju swym wersyfikacja artystyczna czerpała choć niekiedy wzory z ludowej. Wprawdzie nie stwierdziliśmy tego z calą pewnością ale — jak się zdaje — zdołaliśmy w pewnym stopniu uzasadnić możliwość tego dla wieku już XVI a nawet XV, jako też i dla czasów późniejszych.«

Sehr interessant ist der polnische Elfsilbler, in der Gliederung 5 + 6 findet er sich am Eingang des 16. Jahrhunderts, dann bei Rej und Kochanowski, er verbreitet sich in der Literatur, in ihm hat Mickiewicz die »Grażyna« und den »Wallenrod« geschrieben, er dringt ins Volkslied. Hier liegen unleugbar romanische Einflüsse vor, deren Vermittler besonders Jan Kochanowski (Trissino, Sperone, Tasso) und der spätere Piotr Kochanowski († 1620) sind, der die Ottave des Ariost einführte. Der Endekasillabo ist mit den italienischen Strophenformen, dem Sonett, der Terzine und Sestine, gewandert. Jan Kochanowski schreibt seine Sonette in strengen Elfsilblern.

Die polnische Literatur nimmt die fremden Versmasse nicht nur auf, sondern differenziert sie, wie Łoś ausgezeichnet zeigt. Das Mittel hiezu ist die Zäsur, die średniówka, die bei längeren (mehr als 8 silbigen) Verszeilen durch verschiedene Einschnitte verschiedene Typen hervorbringt. So haben wir beim Zehnsilbler zwei Typen: 5 + 5, 4 + 6; beim Elfsilbler: 5 + 6, 6 + 5, 4 + 7. Zur Grundform des Dreizehnsilblers 7 + 6 gesellen sich die Typen 6 + 7, 8 + 5. So ist es beim zwölf-, vierzehn-, fünfzehnsilbigen Vers, doch auch beim acht- und neunsilbigen.

Die Mannigfaltigkeit der Verszeilen als Gattungen gründet sich auf die verschiedene Silbenzahl, Schöpferin der Mannigfaltigkeit der Arten und Unterarten in den einzelnen Gattungen ist die Zäsur. Die rhythmenschaffende Kraft der Zäsur würdigt Łoś an mehreren Stellen mit grossem Verständnis, wenn wir ihm auch in allen Einzelheiten nicht recht geben

können. Es gibt Dichter wie Kochanowski und Mickiewicz, die ein sehr feines Ohr für die Wirkungen der Zäsur haben und eben durch ihr feines rhytmisches Gefühl zu Phänomenen der Literatur werden. Kochanowski, für den Łoś 40 Rhytmenformen feststellt, erweckt ebenso unsere Bewunderung wie der Dichter des »Pan Tadeusz« (vgf. S. 219).

Keine andere slavische Literatur kann sich im 16. Jahrhundert der wunderbaren Flüssigkeit und Eleganz der Formen bei Kochanowski an die Seite stellen. Auch für die deutsche Literatur bildet dieses Jahrhundert nach der altdeutschen Hochblüte formaler Vollendung eine Zeit der Formlosigkeit. Man vergleiche etwa einen Psalm bei Kochanowski mit dem entsprechenden bei Ambrosius Lobwasser oder Paul Melissus Schede.

Das Buch von Łoś wird durch den schier unerschöpflichen Reichtum an Material und durch die reichen, für den Fernerstehenden besonders wertvollen Vers- und Strophenzitate zu einer wahren Fundgrube, die den Stoff zur Geschichte der einzelnen Formen einschliesst und zur monographischen Bearbeitung anregen wird. Dass neben den Verszeilen und Strophen auch der Reim berücksichtigt wird, ist bei der Bedeutung dieses musikalischen Elementes in der polnischen Poesie sehr begreiflich. Łoś konnte hier eine Reihe von tüchtigen Vorarbeiten ausnutzen (Bruchnalski, Nitsch u. a.).

In manchen Einzelheiten werden wir mit Łoś nicht übereinstimmen, aber was bedeutet dies gegen die grossen Vorzüge des verdienstvollen Werkes. Łoś bleibt — und das war bei der mangelnden Fundierung slavischer metrischer Forschung wohl unausweichlich — manchmal an Aeusserlichkeiten haften; er operiert vielfach mit dem überkommenen Rüstzeug der antiken Metrik, das für die Betrachtung der polnischen Versprobleme nicht anwendbar ist. Fussmessung, auf Quantität gestützt, ist berechtigt in der antiken Metrik — polnische Verse kann man nicht in das Taktmass der Jamben, Trochäen, Daktylen zwingen.

Das monumentale Werk wird die Erforschung der polnischen Metrik auf lange hinaus befruchten und die Forschung in anderen Slavinen anregen. Das ist das Hauptverdienst. Ein gleich grosses Verdienst scheint mir in einem Negativum zu liegen. Łoś' Darstellung der äusseren Formen des polnischen Verses fordert als Ergänzung ein neues Buch heraus: das Buch vom polnischen Rhythmus, eine Darstellung der im Sprachgut gegebenen Grundlagen des Verses.

Prag, Juni 1922. *Franz Spina.*

Z dějin české literatury. Sborník statí, věnovaný Jaroslavu Vlčkovi k šedesátinám od jeho spolupracovníků a žáků. Pořádali Miloslav Hýsek a Jan Jakubec. Nákladem Jana Laichtera v Praze 1920. Str. 351.

Vůdčí čeští dějepisci literární jsou šedesátníky: dlouholetý primarius českých slovesných dějin na Karlově universitě v Praze, Jaroslav Vlček, dožil se šedesátky předloni, dne 22. ledna 1920, jeho hlavní spolupracovník a universitní nástupce Jan Jakubec dovršil své šesté desetiletí životní dne 11. května letošního, a profesor české literární historie v Bra-

tislavě, Josef Hanuš, jest narozen 27. června 1862. Vědecké pokolení, k němuž tito badatelé náleží, má svůj vyhraněný ráz, zcela význačný v českých myšlenkových dějinách nové doby. Vzděláno v posledních dobách nerozděleného vysokého učení pražského a na úsvitě obnovené české university Karlovy, musilo hned v prvních letech své dozrávající mužnosti překonávati staré autority vlasteneckých a historisujících tradicionalistů kritickým a po evropsku orientovaným duchem, jejž přinášeli někteří profesoři mladé filosofické fakulty, zvláště Gebauer, Goll, Masaryk; proti idealismu a formalismu, převládajícímu dotud v naukovém životě českém, přimkla se tato generace učenecká k západoevropskému positivismu a k onomu směru realistickému, který kriteria obsahová a myšlenková vysoko staví nad zřetele formální; metodicky hlásili se tito reformní učenci k postupu srovnávacímu, jsouce nemálo hrdi na to, že kritika není jim pouhou odbornou pomůckou, nýbrž jak krásně bylo po letech pověděno »patosem a inspirací«, smíme-li užíti těchto slov, poněkud nadnesených, o mužích, kteří se sami považovali za střízlivé a chladné hledače prosté pravdy a tím za pozdní následovníky Josefa Dobrovského. Veliký boj, vedený Janem Gebauerem a Tomášem G. Masarykem proti pravosti Rukopisů, domněle staročeských, jenž ostře rozlišil vědecké tábory v Čechách, zdál se zprvu odbornou záležitostí filologickou, avšak zasáhl co nejpronikavěji do dějin literárních, a podobalo-li se zprvu, že zde znamená hlavně přehodnocení písemnictví staročeského, ukázalo se záhy, že přináší zcela nové názory o národním obrození za osvícenství a za romantiky. Ačkoliv zásadně prohlašovali stoupenci nové školy literárně historické, že vlastní výkvět národního ducha spatřují — s Palackým a s Gollem — v husitské a bratrské reformaci, přece nasadili své rádlo nejhloub a nejopravdověji do studia obrození literatury a kultury na rozhraní XVIII. a XIX. věku a zde všickni ukázali s úspěchem, seč jsou: navždy tu odhodili metodu knihopisnou, obvyklou od dob Jungmannových, i postup filologický, který dostačoval Josefu Jirečkovi, aby látku ovládli ideou a historii knih zapiali do souvislosti kulturně dějinné; nadobro překonavše úzkoprsé a soběstačné stanovisko výhradního domácího tradicionalismu, jenž nepřihlíží ke spojitosti evropské, vykládali český vývoj z velkých tendencí a proudů mezinárodních; znali sice dopodrobna a oceňovali kriticky všecku literaturu svého předmětu, avšak zůstávali věrni neocenitelné naukové výzvě Dobrovského i Palackého: ad fontes! Počátkem 90. let mohli přední pracovníci školy předložiti svá hlavní díla, jimž se pohříchu dostalo skoro obecně zlého osudu fragmentárnosti; s novým stoletím přikročila literárně historická škola ke společnému, representačnímu podniku »Literatura česká devatenáctého století«; v době politického osvobození národu československého obsadili vůdcové skupiny tři vysoké školy buď sami neb svými žáky, z nichž někteří názorně a metodicky jdou již samostatnými cestami. Životní úkol naukové této družiny jest dovršen a může již býti předmětem historického výkladu a kritického ocenění.

Od počátku nebylo ani na okamžik pochybnosti o tom, že vlastním náčelníkem školy jest Jaroslav Vlček; bylo to patrno ještě dříve, než na universitě, v učených společnostech a v časopisech osvědčil značnou vlohu organisační. Elegantnímu řečníku a vkusnému spisovateli dala pří-

roda do vínku všecky dary, jichž jest třeba literárnímu dějepisci vyššího slohu: analytické nadání, rozkládající jak dobu tak osobnost na ideové složky s pilným zřetelem ke zdrojům virtuálním, i syntetickou schopnost shrnovati ve velkých skladných rysech všecko karakteristické; umění individuální podobizny i mistrovství v zachycování celé náplně dobové; živý zájem ideový i porozumění pro slohovou svéráznost spisovatelskou; filologickou úzkostlivost i vybraně zdobnou, až krasořečnickou formu. Žák Hettnerův a Pypinův opakoval sám několikráte svou vůdčí zásadu, že míní psáti především historii ideí, a osvědčil to skvěle při rozboru husitství, bratrství a obrození; v důsledku toho postavil v čelo literatury myslitele a učence, básníky ideové a kritiky společenské, nedbaje příliš o hodnocení slovesných forem a o psychologii uměleckého tvoření — jest v tom realistou podle významu slova v Čechách obvyklého. Srovnávací metoda, rozhodně bližší Brandesovi než Brunetièrovi, zajišťuje Jaroslavu Vlčkovi šíři pohledu, který spatřuje domácí dění stále v perspektivě evropské, takže někdy se příliš ztrácí tradiční jednota slovesnosti i myšlenky, přesný smysl vývojeslovný stále jej vyzbrojuje proti tomu, aby kdekoliv připouštěl skoky a mezery v dějinách ducha a jeho nejvyššího výrazu, jímž právě jest literatura. Ani tam, kde ve vyšší celky a zákonnější jednotu rovná látku zvládnutou starším badáním, nespoléhá slepě na své předchůdce, nýbrž užívá jich kriticky, ale čím se blíží XVIII. věku, jehož opožděným synem a vyznavačem se v protiromantické své osobnosti jeví, tím samostatněji ovládá předmět, vkládá výtěžky vlastního zkoumání, doplňuje výklad podobiznami hlav nepovšimnutých, analysou knih zapadlých, odkazy k rukopisným pokladům, nevysvobozeným dotud z prachu archivů a knihoven.

Jeho studie o osvícencích a romanticích slovenských před literární odlukou a po ní, jeho rozbory protireformační produkce období jesuitského i jeho obrázky z české poesie rokokové mají cenu objevů; důmyslný, hutný a názorný výklad o racionalistických učencích století XVIII., českých jenom podle předmětu badání a podle lásky k domovu, dělá čest literárnímu historikovi, jenž Josefa Dobrovského staví nade všecky buditele; ještě za hranicí, kterou si vytklo jeho životní dílo, odškodnila pronikavá analysa slovesných počátků Nerudových a Hálkových za to, že kritik poněkud střízlivý, nedůvěřující temným oblastem lidského nitra, zdaleka nedocenil básnický čin mystického romantika Máchy, jímž se počíná vlastní moderní poesie česká. Nad ostatní literární dějepisce domácí Jaroslav Vlček vynikl tím, že rozšířil okruh slovesnosti české o výklad písemného rozvoje na Slovensku, k němuž se hlásí původem, rodem i náklonnostmi; sotva menší bylo zásluhou, že panenskou tu půdu po prvé zpracoval metodou vědeckou, než že nepřičlenil slovenské literatury k písemnictví českému mechanicky, nýbrž v prohloubené jednotě kulturní i myšlenkové, slouže tak dávno před politickou obnovou vzájemnosti, ba sjednocení, ale nedotýkaje se v diplomatické opatrnosti lehtivých citů vlastenců svatomartinských. Jako zakladatel literárního dějepisu na Slovensku přidružil se Jaroslav Vlček k t. zv. národní škole, která naléhala na stálé a trvalé spojení se slovanským východem a ve Slovensku spatřovala článek zprostředkující, kdežto ostatní snahy jeho v kritice i v literární historii posunují jej v blízkost onoho revisionismu, který, veden

T. G. Masarykem, se pokoušel zhodnotiti a vyložiti národní vývoj stanovisky evropskými. Jakýsi zprostředkující synkretism jest tudíž pro Vlčkův zjev příznačný a to čím dále do let, tím patrněji; dosti záhy pohasl útočný zápal mladého bouřliváka.

Jako oba hlavní činy novodobého jazykozpytu českého, Gebauerova »Historická mluvnice« a »Slovník staročeský«, zůstává také ústřední dílo naší slovesné historie, Vlčkovy »Dějiny české literatury« fragmentem a to po stránce několikeré. Založeno původně jako stručný přehled, rozrůstalo se postupně na dějiny zcela podrobné s partiemi doslova monografickými; kdežto první části kriticky a v osobité úpravě slohové parafrasovaly badání cizí původu českého i zahraničního, zakládá se výklad počínajíc XVIII. věkem, namnoze na zkoumání vlastním a to často značně svízelném partií nemálo odlehlých; poznámkové přídavky, určené hlavně potřebám studijním, zhusta se mění v odborné exkursy, a učené kontroversy. Spis, jenž začal vycházeti před devatenácti lety, v starších částech zastaral, byv předhoněn pokrokem naukovým; nesouměrnost celkového založení vysvitla zvláště, když auktor, přeskočiv prozatím století XVII., zabral se na bási zcela pozměněné do dějin národního obrození; dlužno-li s díkem pozdraviti, že spisovatel přikročil v poslední době k vyplnění mezery, zející po léta, tím, že podle svých universitních čtení zpracovává t. zv. »věk zlatý«, sotva se lze smířiti s příliš prozatímním a příliš nahodilým závěrem díla, kdesi uprostřed romantiky vlastenecké. Ve velice provisorní podobě, kterou dnes Vlčkovy »Dějiny české literatury« mají a která stejně naléhavě volá po jednotící revisi jako po ucelujícím dokončení, jsou především krásným a názorným obrazem vývoje svého auktora a zároveň zdokonalování českého literárního dějezpytu i dějepisu, jehož tíha po dlouhá léta spočívala na ramenou Jaroslava Vlčka; jsou tam však vedle částí spíše jen náčrtových klasické kusy moderní historiografie, definitivní v pevné formulaci a ve sličné vyzralosti slohové, které budoucnost položí rovnocenně vedle partií Palackého a Šafaříka ze starších mistrů, Pekaře a Niederla, jejich následovníků. I druhé stežejní dílo Vlčkovo, vzniknuvší na rozhraní jeho naukové průpravy a vědecké zralosti »Dejiny literatúry slovenskej«, nevyhovuje dnes ve všech svých částech ani pokroku literární historie, ani vlastním požadavkům spisovatele, který sám přislíbil nové zpracování, založené na prohloubeném pojetí, a také o něm platí, že jest samo dokumentem: již alespoň dvě slovenská pokolení vyspěla nad vzácnou touto knihou, z níž se učila chápati jak duchový obsah své národnosti, tak své příslušenství k jednotě československé. Jsou odborníci, kteří si nad tato souborná díla Vlčkova cení jeho zaokrouhlené literárně historické obrázky a studie, shrnuté doposud do čtyr svazečků; zde se badatel mohl výhradně přikloniti k tomu, co jej zajímalo vědně a osobně, a podáním až virtuosně vybroušeným karakterisovati i proudy i osobnosti s názorností nezapomenutelnou.

Působení Vlčka organisátora nevyčerpává se zdaleka Karlovou universitou, kde se habilitoval jako zralý muž až r. 1898 a kde po léta řídil první literárně historický seminář český; jako redaktor »Obzoru literárního a uměleckého« a české části ctihodných »Listů filologických«, jako osnovatel a původní ředitel »Literatury české devatenáctého století«,

jako pořadatel dvou textových biblioték »Českých spisovatelů devatenáctého století« a »Novočeské knihovny« soustředil kolem sebe vedle mladých žáků také vrstevníky, z nichž někteří, na př. Fr. Bílý, Jos. Hanuš, Jan Jakubec, Jan Máchal, Jiří Polívka, jsou samostatnými a samorostlými individualitami vědeckými. Škoda, že Jar. Vlček po způsobě universitních učitelů německých nezaložil pro naukové práce svých žáků zvláštní knihovny, ba že jich neshromáždil ani úplně ve svých časopisech; teprve pak by plně vysvitl rozsah i význam literárně historické školy Vlčkovy. Metodu, jíž učil své žáky výkladem v semináři i příkladem slovesných svých prací, vypsal u příležitosti mistrových šedesátin jeden z jeho školy těmito slovy: »Učíval jste nás, že nejlépe porozumíme výtvoru básnickému, zahloubáme-li se do jeho vzniku, vystopujeme-li jeho motivické i ideové zdroje, zařadíme-li jej do souvislosti nejen domácí literatury, ale i písemnictví světového a řídíme-li při tom stále rozbor estetický metodou dějezpytnou«. Jsou to požadavky přísné, jimž nelze dostáti beze zvláštní vlohy literárně dějepisné, tak že velmi nasnadě jest nebezpečenství, že se žáci a epigoni spokojí pohodlně výkladem o zevních dokladech vzniku a změn díla slovesného, výčtem motivů a jejich pramenů, soupisem obdob a reminiscencí a oním obranným nadšením pro výtvor právě studovaný, které duchům nekritickým a zvláště začátečníkům zpravidla nahrazuje skutečné stanovisko estetické. Na tomto úskalí se doposud obyčejně ztroskotával vědecký úspěch literárně historických škol, vyšedších z názoru positivistického a z metody srovnávací; neušli mu ani Schererovci v Německu, ani Vlčkovci v Čechách.

Doposud nikde nepředstoupila Vlčkova literárně dějepisná škola v šiku tak sraženém jako ve sborníku statí »Z dějin české literatury«, který svému příteli a mistru k šedesátinám, za dbalé redakce pražských universitních profesorů Miloslava Hýska a Jana Jakubce, podali jeho spolupracovníci a žáci. Pořadatelé sami dali knize její jubilejní ráz. Jan Jakubec nakreslil lidskou i vědeckou podobiznu Vlčkovu z blízkosti tak intensivní, jak ji může poskytnouti jen dlouholetý zasvěcený styk, a velice správně vytkl místo svého přítele ve vývoji vědy oběma společné; Miloslav Hýsek (s Albertem Pražákem) sestavil knihopis prací Vlčkových o neméně než 334 číslech; k tomu přistupuje poněkud zběžné a mechanické ocenění jubilárových zásluh o dějiny písmnictví slovenského od mladšího slovenského kritika Pavla Bujnáka. Nato seřazeny podle chronologie předmětu, následují literárně historické příspěvky dvaceti dvou autorů, jimiž však není zcela vyčerpána ani družina Vlčkových spolupracovníků, ani jeho škola (z oné chybí na př. J. Máchal, A. Kraus, V. Ertl, z této F. Strejček, Fr. Šimek, J. Thon, K. Hikl, Fr. Frýdecký, M. Weingart, vesměs pracovníci, kterých historik nebude moci neuvésti v nejtěsnější souvislosti s Jar. Vlčkem). Mezi zástupci družiny první jest několik osobností, které se s jubilárem setkaly buď dodatečně neb takměř na obvodu jeho vlastního působení, na př. Fr. Bílý neb Jiří Polívka; uprostřed žáků naskýtá se malý okrsek slovenských specialistů (Albert Pražák a Flora Kleinschnitzová), u nichž každé tvrzení vychází kladně či záporně z prací zakladatele literárního dějepisu na Slovensku; jenom Fr. Bílý ve své spíše programní než historické studii o úkolech české filologie na Slovensku formuloval svá desideráta poněkud jinak než kdy

učinil a než by asi byl učinil Jaroslav Vlček. Do jubilejních sborníků u nás a jinde bývají zpravidla snášeny monografické příspěvky menšího rozsahu, často jenom parerga a paralipomena, ale bylo by si při tom přáti, aby i v nich pronikalo důkladné metodické školení, úroveň vědecké práce, schopnost detailem osvětliti celek a z individuálních rysů učiniti obecné závěry. Těmto požadavkům vyhovuje v památníku »Z dějin české literatury« pohříchu jenom skromná menšina prací, ač právě Jaroslav Vlček sám v drobných svých úvahách vždy dával žákům příklad mistrovství v pojetí, v metodě i v podání. Při kritickém ocenění jednotlivých příspěvků, může býti několik drobností ponecháno stranou; jsou to ukázky z korespodence B. Němcové, otištěné M. Gebauerovou, a z listů J. V. Friče, sdělené P. Vášou; také národopisné paběrky Polívkovy o bratřích Grimmech a počátcích českého pohádkosloví vymykají se národopisným obsahem i úmyslnou zlomkovitostí z rámce literárně historického sborníku.

Do dějin vlastního staročeského písemnictví nezasáhl Jaroslav Vlček ani původním badáním ani samostatným pojetím, spolehl se jednak na výzkumy Feifalikovy jednak na podání Gebauerovo; i není divu, že také sborník jeho školy tu mnoho nepřináší. Jen P. M. Haškovec, který v poslední době snesl mnoho důvtipných, ale namnoze problematických příspěvků k staročeskému básnictví, opřených o vydatnou průpravu romanistickou, jedná zde o písni Závišově, uváděje ji v souvislost s lyrikou Francouze Machauta v Čechách zdomácnělého, členě nově tento dosti samostatný »virelai« a odmítaje v důsledku toho názory Feifalikovy. Co filologové Fr. Trávníček a Fr. Ryšánek přinášejí k našemu písemnictví reformačnímu, onen k poznání Štítného Řečí besedních, tento z Chelčického odvozenému traktátu O dělnících na vinici Páně, legitimuje se svou textovou kritikou vyššího stupně spíše jako dobré dědictví ze školy Gebauerovy než jako práce vlčkovského školení; rovněž s akribií provedené šetření rukopisu »Putovanie k svatému hrobu« od Jana z Lobkovic, jež provedl Karel I. Černý. Za to vane pravý duch Vlčkův ze dvou nikoliv literárních, nýbrž kulturně dějepisných studií o XVIII. věku: Miloslav Hýsek zařadil šťastně do vývoje vlastenecky uvědomělé, látkově bohaté, ale nekritické vlastivědy protireformační Jana Jiřího Středovského (1679-1713), nazývaje jej ne bez důvodu »nejvýznamnější postavou moravské literatury v době od Komenského do Petrasche«; Josef Hanuš dokreslil postavu Františka Antonína hraběte Sporcka, jejž Jar. Vlček spíše duchaplně než průkazně prohlásil za jansenistu na české půdě a uvedl ve spojitost s myšlenkovým hnutím u nás; ale Hanušovi, jenž si vůbec zvykl postupovati apriorně, nepodařilo se, tuším, ani nově opříti domnění Vlčkovo ani dokázati, že Sporck, jako domnělý otec zednářství v Čechách, značí přechod k období osvícenskému.

Nade vše překvapí, že v díle posvěceném hlavnímu přetvořiteli názoru o podstatě národního obrození a mistru karakteristiky našich racionalistů a romantiků, není věnována ani jediná stať obrozenskému písemnictví českému, odečteme-li zmíněnou drobnost Polívkovu. Za to řada obsažných příspěvků zabývá se onou dobou »přechodu a reakce«, která od základu vlasteneckého romantismu se přes rok 1848 prostírá až do vystoupení pokolení májového a jíž Jaroslav Vlček sám osvětlil cyklus

pronikavých kapitolek literárně historických, pojatých do obou sbírek z r. 1912. Radost z tohoto patrného zájmu o periodu doposud málo zpracovanou, ovšem se podstatně umenší, uvědomíme-li si, že se zde žádný z badatelů nedotýká osobností literárně zvláště hodnotných, nýbrž že se každý takřka spokojuje těkáním po pouhém obvodu vlastního vývoje slovesného. Na Moravu mocně vznícenou přerodem konstitučním, zavádí jak Stanislav Souček, který s pilným zřetelem k rukopisné pozůstalosti oceňuje Klácelovu poetickou a satirickou poesii, jíž bych spíše přirovnával k veršům plzeňského Fr. J. Smetany, než k veršovaným pamfletům Havlíčkovým, tak Jan Kabelík podrobně osvětlující žurnalistiku Jana Ohérala (1810—1868), pouze z části příslušníka našeho písemnictví. Dva důmyslné rozbory obracejí se k prvním dobám slovenského rozkolu: Jiří Horák, který i jinde se zdarem spojuje dějiny národopisu se slovesnou historií, vyložil Šturovu plodnou knihu »O národních písních a pověstech plemen slovanských« (1853) jako samostatně vyzrálé ovoce se stromu slovenského hegelismu, štěpovaného ruským slavjanofilstvím, Albert Pražák po Vlčkových stopách přesvědčivě dokázal, že původcem národní hymny slovenské »Nad Tatrou sa blíská« není proslulý Karel Kuzmány, nýbrž napolo zapomenutý Jan Matúška. Po dobu »přechodu a reakce« u nás byl příznačný dvojí zjev, jednak záliba v překladech, které musily nahrazovati produkci žalostně ochablou, jednak těsný styk s písemnictvím německým,- dočasně oplodnělým českými látkami a vzrušeným reformací, pojatou však liberalisticky; i to našlo svůj vědecký ohlas ve sborníku. Josef Folprecht, dobrý znalec básnictví ruského, oceňuje překlady Lermontovova »Démona« u nás a dodatečně vzdává důraznou pochvalu tlumočnickým činům nešťastného Aloise Durdíka; Jan Krejčí, germanista Masarykovy university v Brně, doplňuje své hojné práce o českoněmeckém básníku a horliteli pro epiku jihoslovanskou, S. Kapperovi, přehledem jeho veršované pozůstalosti.

V posledním oddílu sborníku Vlčkova, věnovaném české a slovenské poesii období »pomájovského«, tedy časovému úseku, jehož se mistr sám dotkl jedinou drobnější monografií a kritikami i články pouze příležitostnými, mohlo by se zdáti, že bude napraven citelný nedostatek partií předešlých. Kdežto v těchto se badatelé až úzkostlivě vyhýbali vůdčím zjevům naší slovesnosti, takže se nedostalo rozboru ani Jungmannovi a Šafaříkovi, ani Kollárovi a Máchovi, ani Havlíčkovi a Němcové, jsou tu předmětem monografického šetření Heyduk a Hviezdoslav, Svatopluk Čech a Jaroslav Vrchlický.[1]) Bohužel náleží právě tyto stati metodicky i v provedení k nejslabším kusům památníku; platí o nich to, co bylo svrchu řečeno o povrchním soupisu motivů, plytkém zjišťování analogií, laciném zdůrazňování závislosti a zvláště o nekritickém přeceňování rozbíraných auktorův. Nemohu z toho vyjmouti ani oba rozbory Heydukovy epiky (ballad Antonínem Procházkou a »Běly« Františkem Tichým), ani studie Flory Kleinschnitzové o poměru Sládkoviče a Hviezdoslava, ani úvahy o vlivu Mayerově na Jar. Vrchlického od Jana V. Sedláka ani

[1]) Referent přispěl do sborníku literárně psychologickou studií o »Antaru« Svatopluka Čecha, básnickém to zlomku, k němuž náběhy pronásledují poetu od mladosti, berouce na sebe několikráte podobu orientalistické improvisace o nekonečné moci lásky.

konečně začátečnické obrany básnického (neúplně probraného) díla Quisova Jakubem Šebestou. Všecko, co tito nesporně pilní a ostražitě analysující žáci Vlčkovi prozatím podávají, není o mnoho více, než průpravný materiál, od něhož bylo by dlužno teprve postoupiti k vlastnímu dílu literárně historickému, vrcholícímu ve výkladu tvůrčího procesu, podmíněného osobností básníkovou a duchovními proudy doby. Nebudiž při tom však zapomínáno jednoho! Literární dějepis, jměnovitě zabývá-li se básnictvím soudobým, musí vedle popisu a výkladu dbáti také hodnocení, bez něhož v žádné duchové vědě není činnosti vyššího typu; již Brunetiere ukázal přesvědčivě, že kritik musí literárního dějepisce nejen provázeti, ale i podporovati. Nedbají-li toho skoro vůbec Vlčkovi žáci, pokud se zabírají do novodobé literatury, dosvědčují ostatně, že nestudovali dostatečně jeho díla, v němž právě nejlepší kapitoly, o M. Zd. Polákovi a J. Jungmannovi, J. Kollárovi a F. L. Čelakovském, J. Hollém a A. Sládkovičovi, jsou stejně výsledkem kritického soudu jako historického poznání.

Brno. *Arne Novák.*

Миѳическая сума съ земною тягою. Академика *Н. П. Кондакова.* Списание на Българската Академия на Науките. Кн. XXII. София 1921. Стр. 53—66.

Zajímavý pokus o výklad známého motivu ruských epických písní, který se opakuje též v epických písních makedonských o Marku kralevici. Celou řadu legendárních motivů, též i pohádkových, možno podle učeného historika umění a archaeologa vykládati jako ohlasy hlubokých dojmů, jimiž velkolepé pomníky starého umění působily na mysl prostých poutníků. Právě poutníci »kalěki perechožije« přenášeli valnou měrou látky a motivy ze svých poutí po zemích posvátných do rodného kraje. Spisovatel zastavil se ve svém spisku na zprávě, že byzantští panovníci o slavnostních příležitostech nosili mimo jiné ještě raneček naplněný zemní prstí. Míní, že to byl původně jakýsi talisman. Význam jeho byl záhy zatemněn, nosil se také tak skrytě, že sotva mohli to postranní pozorovatelé viděti, rituál sám nebyl šíře znám, nemohl takto tento obřadní zvyk míti hlubší dojem na širší vrstvy. A tak není pravdě podobno, že se mohl odtud náš motiv rozrůstati v lidové tradici. Spisovatel připouští možnost, že se v ranní literatuře Arabů a řeckého středověku mohly rozšiřovati ústní pověsti a fantastické dohady, a literární cestou, rukopisnými sborníky, mohly proniknouti do slovanského písemnictví. Možnost všeho toho není zajisté vyloučena, ale přáli bychom si místo dohadů odkaz na skutečné takové pověsti v knižní literatuře. Středověké písemnictví jest nyní již dosti podrobně prozkoumáno, bohužel nenalezeny v něm dosud sledy podobných pověstí. *jpa*

Zprávy.

Славянская филология в России за г. г. 1914—1921.

2.

Исключительное внимание привлекала к себе за последние годы лингвистическая дисциплина, бывшая прежде в загоне. Мы имеем в виду науку о поэтическом языке. Разные филологи различными путями приходили к убеждению в противонаучности нынешней истории литературы. Был выброшен лозунг: если история литературы хочет стать наукой, она должна найти своего героя (термин лингвиста Рисса). Выдвигается требование анализа художественного приема, как единственного подлинного историко-литературного героя. Ак. Перетц в своих „Лекціяхъ по методологіи исторіи русской литературы", вышедших в Киеве в 1914 г., резко полемизирует с недавно господствовавшими взглядами на историю литературы и требует первым долгом изучения эволюции литературных форм, последовательного проведения формального метода.[1]) На этом же настаивал и А. С. Орлов в докладе, прочитанном в 1921 г. в О-ве Любителей Российской словесности „Мысли об изучении литературы как искусства". Не без оговорок и попыток компромисса говорит о том же в своей брошюре „Введение в историю русской литературы" (Москва 1920 г.) Н. Н. Кононов и отчасти Гершензон в брошюре „Видение поэта" (Москва 1919 г.). С наибольшим радикализмом требование коренной ломки истории литературы и строго формального анализа осуществляется в работах филологов, группирующихся вокруг Петроградского общества изучения поэтического языка и Московского лингвистического кружка. В своих работах эти филологи оспаривают традиционное разграничение художественной формы и содержания, являющееся, по их мнению, результатом того факта, что основные проблемы поэтической семасиологии оставались до последнего времени совершенно неразработанными. Выдвинутое Потебнианской школой уравнение „Образность равна поэтичности" подвергнуто жестокой критике. Мыслима поэтичность вне образности и внепоэтические образы. Таким образом отличие поэтического языка от прозаического следует искать в ином; это-прежде всего различие функциональное. Если говорящий пользуется языком с чисто практической целью общения, мы имеем дело с системой практического языка, в которой языковые представления (фонетические, морфологические, синтаксические и семасиологические) самостоятельной ценности не имеют и являются лишь средством общения. Между тем, поэтический язык „построен так, чтобы ощущаться". Языковые сочетания приобретают здесь самоценность (установка на выражение). Только при такой предпосылке науке

---

[1]) Конспект работы ак. Перетца под заглавием „Краткий очерк методологии истории русской литературы" вышел в Петрограде в 1922 г.

становится доступна проблема поэтического языка, как языка затрудненного, заторможенного. Эта проблема была ясно осознана в поэтике индийской, китайской, у Аристотеля, но совершенно чужда сознанию теоретиков недавнего прошлого, пытавшихся применить к анализу эстетических явлений закон экономии энергии. Далее этим самым теоретикам, а в особенности Потебнианской школе, инкриминируется подмен проблем поэтического выражения проблемами психологии творчества. Пагубность незаконного смешения лингвистики с психологией, характерного для таких психологов, как Штейнталь и Вундт, прекрасно показана в работе Г. Г. Шпета „Задачи этнической психологии" (Психологическое Обозрѣніе, Москва 1916 г.). Исходя из намеченных выше вкратце предпосылок и отказываясь на деле от нормативности (от которой историки литературы не раз открещивались, тем не менее продолжая в своей конкретной работе оперировать с нормами), молодые русские филологи пытаются построить новую теорию поэтического языка и на ее фундаменте создать новую историю русской литературы. В обеих вышепоименованных научных организациях происходит живая лабораторная работа, многие вопросы заново перетряхиваются, заново подвергается анализу разнообразнейший историко-литературный материал. По ряду вопросов обнаруживаются расхождения. Так, в то время, как Московский лингвистический кружок исходит из того положения, что поэзия есть язык в его эстетической функции, петроградцы утверждают, что поэтический мотив далеко не всегда является развертыванием языкового материала. Далее, в то время, как одни доказывают необходимость социологического обоснования истории развития художественных форм, другие настаивают на полной автономии последней (Интересна полемика по этому вопросу между Виктором Шкловским и Н. Пуниным на столбцах „Искусства Коммуны" Петроград 1919 г.).

Петроградским Обществом изучения поэтического языка выпущены два „Сборника по теории поэтического языка" (1916—17 г. г.), сборник „Поэтика" (1919 г.) и ряд отдельных работ. Кроме того, ряд статей членов вышеупомянутого общества по вопросам русской поэтики появлялся в газете „Жизнь искусства" и в различных историко-литературных сборниках и журналах. Из работ Московского Лингвистического Кружка до сих пор по техническим условиям появилось в печати лишь немногое. Фонетике русского поэтического языка в сборнике „Поэтика" посвящены статьи: Якубинского „О звуках стихотворного языка", его же „Скопление одинаковых плавных", Брика „Звуковые повторы" и Виктора Шкловского „О поэзии и заумном языке" (об обнажении фонетического слова). В Московском Обществе Истории Литературы Ржига прочел два доклада о звуковой стороне Слова о Полку Игореве, Н. М. Мендельсон о звукописи в русских пословицах, Б. М. Соколов об аллитерации и ассонансах в былинах, И. Н. Розанов о рифмах и ассонансах в искусственной и народной лирике. Мелодике посвящена книга Эйхенбаума „Мелодика русского лирического стиха" (Петрогр. 1922). Много работает над вопросами мелодики стиха Петрогр. Институт Живого Слова (работы С. И. Бернштейна по теории декламации, В. И. Всеволодского по теории интонации). Отметим еще статью В. М. Жирмунского „Мелодика стиха" (журнал „Мысль" 1922 г., Петрогр.) и работу А. Н. Римского-Корсакова „Слово

и звук в Борисе Годунове Мусоргского" („Музыкальный Современник" 1917, № 5—6, Петрогр.). Что касается работ по русской ритмике, то в Моск. Лингвистическом Кружке были прочитаны следующие доклады, легшие в основание более крупных работ, имеющих составить очередной сборник по теории поэтического языка: Томашевского — „Пятистопный ямб Пушкина, (его же ранняя работа „Ритмика четырехстопнаго ямба по наблюденію надъ стихомъ Евгенія Онегина" была опубликована в 1917 г. в XXIX. вып. академического сборника „Пушкин и его современники" вместе со статьей С. Боброва „Разборъ стихотворенія »Виноградъ«"), Бонди „О трехдольнике", Брика „Русский четырехстопный хорей с дактилическим окончанием" и его же „Ритмико-синтаксические фигуры". В этой работе Брик доказывает необходимость исходить при анализе поэтического ритма из осуществляющих ритмическое задание словосочетаний. Книга Жирмунского „Композиция лирических стихотворений" (Петроград 1921 г.) в значительной степени посвящена вопросу о ритме и синтаксисе в качестве факторов стихотворной композиции. Интересна рецензия Л. Якубинского на книгу Жирмунского в журн. „Книжный угол". Много внимания было уделено Моск. Лингвистическим Кружком полемике с малонаучными работами поэтов символистов в области ритмики. Так напр. статья Андрея Белого о ритме художественной прозы (Журнал „Горн" Москва 1919 г.) вызвала в Кружке резкую отповедь со стороны Б. В. Томашевского, доказавшего в своем докладе о ритме „Пиковой дамы" полную несостоятельность построений Белого. Книга В. Брюсова „Наука о стихе" (Москва 1919 г.) вызвала статью Якобсона „Брюсовская стихология и наука о стихе (Журнал „Научные Известия" за 1920 г.), отрицающую за книгой Брюсова какое бы то ни было научное значение.[1]) Кн. Н. С. Трубецкой прочел в 1916 г. в Комиссии по Народной Словесности при Этнографическом Отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии доклад о ритмике русских частушек. В Известиях Архангельского О-ва изучения рус. севера за 1919 г. (№ 1—2) появилась статья А. Туфанова „Метрика и ритмика народных частушек". С. Бобров в брошюре „Новое о стихосложении Пушкина" (Москва 1915 г.) подвергает исследованию стих „Сказки о рыбаке и рыбке", „Песни о купце Калашникове" и некоторых других произведений, где число неударных слогов между ударениями является переменной величиной. Отметим еще учебник русского стихосложения Шульговского (Москва 1914 г.) и книгу Д. Г. Гинцбурга „О русскомъ стихосложеніи" (Петроград 1915 г.). Почти не затрагивалась инославянская ритмика, если не считать „Заметки о древне-болгарском стихосложении" Якобсона, печатающейся в Известиях II. Отд. Ак. Наук. В области русской поэтической семантики отметим доклад Брика в Моск. Лингвистическом Кружке

[1]) Русские символисты немало делали за последние годы для популяризации своих ритмических и эвфонических теорий. Белый, Брюсов и Вячеслав Иванов читали лекции по вопросам ритма в популярных студиях и научных обществах. Из печатных работ, кроме вышеупомянутой, трактуют о ритме и эвфонии „Опыты" Брюсова (Москва 1918 г.), статья Белого „Жезл Аарона" (сборник „Скифы" I., Петроград 1917 г.) и обзор Иванова (Научные Известия за 1920 г.). В литературной студии при Петроградском Доме Искусств занятия велись членами Общества изучения поэтического языка (Жирмунский, Шкловский, Эйхенбаум).

о Пушкинском эпитете и статью Жирмунского „Метафора и символ в поэтике русских символистов“ (имеет появиться в I т. „Записок факультета словесных искусств Российского Института Истории Искусств“). Отдельные замечания по вопросам русской поэтической семантики имеются и в статьях Виктора Шкловского „Искусство как прием“ и „Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля“. Приготовлена к печати работа по поэтической семантике Тынянова. Малосостоятельны попытки в этом направлении в историко-литературном сборнике „Пушкинистъ“, выходившем в Петрограде под редакцией С. А. Венгерова. В сб. „Свиток“ (М. 1922). С. В. Шувалов поместил статью о некрасовских сравнениях. Попытки всестороннего анализа поэтики отдельных русских писателей находим в статье Эйхенбаума „Поэтика Пушкина“ (в сборнике Дома Литераторов „Пушкин и Достоевский“ 1921 г.), в статье его „Как сделана Шинель“ (в сборнике „Поэтика“), в его же книге „Молодой Толстой“ (Петрогр. 1922), в статье Жирмунского „Поэзия Блока“ (в сборнике об Александре Блоке, Петроград 1921 г.), в его же книге „Брюсов и наследие Пушкина“ (1922), в брошюре Виктора Шкловского „Розанов“ (Петроград 1921 г.), в статьях Александры Векслер о повестях Андрея Белого („Жизнь искусства“ за 1919—1920 г. г.) и в докладе, прочитанном в 1919 г. в Моск. Лингвистическом Кружке Р. Якобсоном о поэзии Хлебникова и напечатанном в Праге в 1921 г. под заглавием „Новейшая русская поэзия‘, (рец. Жирмунского в № 1. журн. „Начала“.[1]) Кроме того, отметим коллективные работы, предпринимавшиеся Московским Лингвистическим Кружком по анализу Гоголевского „Носа“ и „Ревизора“.

3.

Народная словесность и этнография.

Приступая к обзору работ по народной словесности и этнографии, отметим прежде всего непрекращавшееся интенсивное собирание материалов. Московскими этнографами и фольклористами был предпринят ряд поездок преимущественно в сев.-великорусские губернии. Н. Ф. Яковлев и Шиллинг совершили в 1916 году поездку в Яренский уезд Вологодской губ., где собрали много песен (часть записана на фонографические валики) и богатый материал по свадьбе, народному театру, быту и материальной культуре. В том же году Богатырев и Шергин об'ездили Шенкурский уезд Архангельской губ., и привезли оттуда около сотни сказок, песни, описание свадебных обрядов, духовные стихи, заговоры и т. п. Несколько поездок по Архангельской губернии совершили Яковлев и Озаровская. Член Комиссии по народной словесности Глазов собирал песни и сказки в Костромской губернии, Б. М. Соколов — в Ярославской губернии, Е. Н. Елеонская — в Переяславль-Залесском уезде Владимирской губернии (1921 г.).

Впервые русские фольклористы приступили к детальному обследованию центральной России. В силу романтической традиции, направившей

[1]) Не без влияния работ этого толка написана книга К. Чуковского „Некрасов как художник“ (Петрогр. 1922) — см. рец. Эйхенбаума в 8. вып. „Книжного Угла“ и Якубинского в No. 1. журн. „Петербург“ — и трактующие о поэтике главы „Книги о Блоке“ Чуковского (Петроград 1922), а также брошюра Арс. Авраамова о поэте Есенине (Москва 1921).

всю энергию собирателей на далекие медвежьи углы, получилось парадоксальное положение: такие губернии как Олонецкая и Архангельская оказались в этнографическом отношении куда более обследованы, чем Московская, где записи делались случайно, мимоходом. Ряд поездок, предпринятых в 1914—16 годах несколькими членами Комиссии по народной словесности в Верейский, Дмитровский, Серпуховской и Звенигородский уезды, доказал, что несмотря на фабрики и отхожие промысла в Московской губ. еще имеется живучая сказочная традиция, множество пережитков в области верований и своеобразная обрядовая, в частности свадебная, традиция. Рассказы московских крестьян о крепостном праве и о французском нашествии, а также глухие предания о „литве“ дают интересный материал для историка. Собранные сказки, песни, заговоры и сведения по верованиям, быту и материальной культуре (записи Богатырева, Якобсона и Яковлева) Комиссия по народной словесности постановила напечатать как первый том материалов по этнографии Московской губ. В дальнейшем предположено издать обильные материалы Н. Н. Дурново по фольклору Рузского и Клинского уездов и записи Е. Н. Елеонской из Коломенского уезда.

Под руководством Б. М. Соколова в 1920—21 году велась работа по собиранию материалов по фольклору и этнографии Саратовской губ. при участии профессоров и студентов Саратовского университета. К работе по собиранию материалов по народной словесности привлекались, помимо этнографов, слушатели педагогических институтов, учительских семинарий, народных университетов. Так напр. в 1920 г. состоялась большая экспедиция по Тверской губернии слушателей Тверского педагогического института под руководством Ю. М. Соколова. Собиратели, чтобы расположить в свою пользу крестьян и вызвать в них желание петь и рассказывать для записи, устраивали по деревням концерты. В. В. Данилов привлек к собиранию этнографических материалов воспитанников Петроградского учительского института и опубликовал некоторые извлечения из собранных материалов в Журн. Минист. Нар. Прос. (1916, No. 8). О ценности этих материалов и о пользе привлечения воспитанников средних учебных заведений к собиранию этнографических материалов пишет Зеленин в Этногр. Обозрении (1916 г., No. 3—4). Народных учителей, учащихся, вообще собирателей без специальной подготовки имеет в виду программа для собирания произведений народной словесности, изданная Комиссией по народной словесности при этнографич. отделе О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, выдержавшая 3 издания. Программа содержит ряд указаний по вопросу, что и как записывать. Это первое пособие при собирании произведений русской народной словесности, если не считать нескольких вопросов, посвященных фольклору в старой этнографической программе Янчука, опубликованной в трудах Этногр. Отд. О-ва Л. Е. А. и Э. В 1921 году в ряде заседаний Комиссии по народной словесности обсуждался вопрос о коренной переработке программы. В 1916 году программа Комиссии по народной словесности с небольшими видоизменениями и дополнениями из программы Музыкальной комиссии при Этнографическом Отд. О-ва Л. Е. А. и Э. была перепечатана Комиссией по собиранию и сохранению народных песен Архангельского о-ва изучения русского севера под заглавием: Наставление для собирания народных песен и других произ-

ведений народной словесности и музыки (1916). Программы для собирания этнографических предметов и произведений народной словесности напечатаны также в книге И. Абрамова „Под родным солнцем“ (Петрогр. 1914).

Наряду с собиранием нового материала ведется систематическое описание материалов по фольклору и этнографии, собранных за прежние годы. Наибольшую ценность в этом отношении представляет четырехтомное Описание архива русского географического о-ва, составленное Д. К. Зелениным. Описание охватывает богатейший этнографический материал по всем губерниям Европейской России и настолько подробно, что в некоторых случаях дает этнографу достаточный материал, не заставляя его прибегать непосредственно к рукописям, хранящимся в архиве. Комиссией по народной словесности задумано аналогичное описание рукописей Этногр. Отд. О-ва. Л. Е. А. и Э. Заканчивается описание так. называемых Хмыровских картонов, принадлежащих Рос. Ист. Музею и представляющих собою вырезки из русских повременных изданий 2-ой половины 19 века, как столичных, так и провинциальных, в частности вырезки, имеющие касательство к краеведению. Для этнографа в этих картонах немало ценного материала. Со смертью Барсова его богатое собрание русских рукописей перешло в собственность Исторического Музея. Наибольший интерес для фольклориста в этом собрании представляют собой былины старой записи, недостаточно научно изданные в свое время Барсовым. Б. М. Соколов подготовил новое отвечающее современным научным требованиям издание этих памятников.

Изданное Академией Наук ,,Описание рукописей и книг, собранных в Олонецком крае‘‘ В. И. Срезневского (1914) содержит между прочим любопытные для фольклориста материалы: заговоры и полуграмотную запись 18 века варианта легенды о заключенном бесе. Комиссия по народной словесности приступила к изданию периодического библиографического указателя по русской народной словесности. Всего вышло пока 3 выпуска. Моск. высш. женские курсы выпустили указатель основных пособий по русской народной словесности, составленный Е. Н. Елеонской. Лучшим пособием, подводящим итоги всему сделанному в области изучения русского фольклора является книга ак. М. Н. Сперанского ,,Русская устная словесность‘‘ (Москва 1917 г.), заключающая в себе обзор истории собирания и изучения устной словесности, анализ былевого эпоса с точки зрения историко-сравнительной школы, главы о русских народных сказках, о заговорах, поговорках и загадках. Книга снабжена указателем и подробной библиографией. На очереди 2-ой том, посвященный лирической песне.

Заканчивается печатанием III посмертный том «Очерков по русской народной словесности» ак. В. Ф. Миллера, заключающий в себе статьи о былинах, не вошедшие в первые два тома, в том числе не появлявшуюся в печати обширную работу ,,История русского былевого эпоса‘‘, а также статьи по сказке и заговорам. Ученик Миллера А. В. Марков в статье ,,Миллер как исследователь русского былевого эпоса‘‘ (Изв. II. А. Н. 1916.) пытается дать обзор работ Миллера, посвященных былине, причем в ряде случаев Марков предлагает свои коррективы выводов Миллера, оставаясь в рамках исторической школы. В Ростове на Дону в 1919 году

вышли лекции Н. Н. Замотина „Русская народная словесность“, не представляющие большого научного интереса.

Ак. Карский в III т. Белоруссов (Очерки словесности бело) русского племени, вып. I, „Народная словесность‘„ Москва, 1916- подробно рассматривает все виды белорусского фольклора, знакомит с итогами его изучения и дает детальную библиографию. Краткий Этнографический очерк Белоруссии, принадлежащий перу Н. А. Янчука, напечатан в „Курсе белоруссоведения“ (Москва, 1918—1920).

Белоруссам посвящена и изданная Ак. Н. работа А. Арбова Белоруссы-Сакуны. Краткий этнографический очерк (1914).

Отражение фольклора в нов. русс. литературе.

До сих пор нет сколько-нибудь систематической работы по этому чрезвычайно интересному для истории новой русской литературы вопросу. В Брокгаузовском издании Собрания сочинений Пушкина под ред. Венгерова напечатана статья Трубицина о влиянии русской народной поэзии на Пушкина, повторяющая в основных чертах выводы аналогичной работы В. Ф. Миллера. Далее отметим два реферата, посвященных вопросу о влиянии русского фольклора на отдельные произведения Пушкина, прочитанных в М. Лингв. Кружке: 1) Доклад В. И. Нейштадта (1918) о Пушкинской фривольной сказке „Царь Никита“. Докладчик указывает французские источники сказки и устанавливает, что один эпизод ее заимствован Пушкиным из русской эротической песни, известной как по сборнику Кирши Данилова, так и по современным записям. 2) Доклад Богатырева (1919 г.) о Пушкинском стихотворении „Гусар“. Докладчик указывает на сказку Вятской губ. из сборника Зеленина, как на возможный источник стихотворения (обычно стихотворение связывалось с малорусскими источниками) и далее прослеживает возвращение „Гусара“ в народную среду в виде монолога в пьесе „Царь Максимилиан“. Н. Ф. Яковлев прочел в М. Лингв. Кр. (1921) доклад о влиянии русского фольклора на Лермонтова. Докладчик установил песенные источники нескольких стихотворений Лермонтова и рассмотрел, как использовал Лермонтов в „Песне о купце Калашникове“ песню о Кострюке из сборника Сахарова.

Вопрос о влиянии фольклора на творчество Островского уже и раньше интересовал историков литературы (ср. напр. сопоставление сцены „Сна на Волге“ с народной пьесою „Лодка“ в т. 1. Этюдов об Островском Кашина — М. 1912). В Ж. М. Н. П. напечатана статья Батюшкова о «Снегурочке» Островского. Батюшков указывает ряд песен, использованных Островским в его пьесе. Вопрос об отражении народной поэзии в русской литературе XVIII в. остается почти необследованным. Якобсон в докладе, прочитанном в Ком. по нар. слов. (1915 г.), „Тредьяковский и русская народная словесность“ отмечает в статьях Тредьяковского ряд цитат из песен, былин, кантов, пословицы, записи выкриков разносчиков и т. п., а также замечания о народном стихе. В своих шуточных произведениях Тредьяковский подражает приговорам дружки и балаганным стихотворным остротам.

Былины и исторические песни.

Стремление установить район современного распространения былевого эпоса влекло собирателей в края, непосредственно соседящие с главными современными былинными центрами — Олонецкою губ. и севером Архангельской губ. — За былинами поехали братья Б. и Ю. Соколовы в Кирилловский и Белозерский уезды Новгород. губ., где прежде была записана, и то в прозаическом пересказе всего одна былина (гр. П. Шереметевым). Соколовы пришли к убеждению, что былинная традиция некогда в Белозерском крае существовала, но в настоящее время явно вымирает. Все же собирателям удалось записать здесь около десятка былин — частью в стихотворной форме („Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича», „Дунай“, „Михайло Данилович“ и др.) частью в прозаическом пересказе („Бой Алеши Поповича с идолищем“, сводная былина о Добрыне Никитиче и былина об Илье Муромце). Н. Ф. Яковлев искал былин в Яренском уезде Вологодской губ. среди русского населения, вкрапленного небольшим островом в зырянскую среду и сохранившего, как выяснили материалы, собранные Яковлевым, немало архаического в своей материальной и духовной культуре. Яковлев записал всего одну былину и величальную песню („виноградье“) с былинным сюжетом, но ему удалось выяснить интересные данные о ездивших в былое время по краю бродячих сказителях, при чем любопытно, что среди носителей былевого эпоса там было, повидимому, много зырян. Богатырев об'ездил Шенкурский уезд, где, по данным сборника Киреевских, в начале XIX в. былины были. Былин в уезде не оказалось. Уроженец Архангельска, этнограф Шергин записал несколько былин в окрестностях Архангельска. Собирательница и исполнительница народных сказок и песен О. Э. Озаровская привезла в 1915 г. известную Пинежскую сказительницу Кривополенову, замечательную по богатству своего былинного репертуара. Московские фольклористы имели возможность проверить точность записей, сделанных в свое время от той же сказительницы Григорьевым. Новые записи, сделанные от Кривополеновой Озаровскою, составившие сборник Бабушкины старины (Петроград, 1916 г.) представляют интерес, как показатель тех изменений, которые внесла сказительница в свои былины за несколько лет. К книге приложены нотные записи, сделанные с голоса Кривополеновой Каратыгиным. В 1921 г., когда сказительница была выписана в Москву вторично, часть ее репертуара была записана на фонографические валики Н. Ф. Яковлевым.

До последнего времени не существовало удовлетворительных изданий, дающих возможность широкой публике ознакомиться с образцами русского былевого эпоса и основными результатами изучения былин за последние годы. Этот пробел заполнен двумя томами „Былин“, изданными под ред. ак. Сперанского бр. Сабашниковыми в серии „Памятники мировой литературы“ (см. рец. А. Шилова в журн. „Дела и дни“ 1920). Оба тома содержат разнообразные образцы былин, скоморошин и исторических песен, а также образцы старинных записей былин. Сборник снабжен содержательными вступительными статьями ак. Сперанского, интересной заметкой В. Н. Щепкина, сопоставляющего былины с миниатюрами „Ли-

цевого Летописного свода" XVI в., 24 образчиками этих миниатюр и статьей Н. А. Янчука о музыке былин. Большой интерес представляет напечатанный там же малорусский вариант былины о Кострюке (с нотным приложением), записанный Янчуком. Другим ценным изданием былин для широкой публики является сборник под ред. и со вступительной статьей Б. М. Соколова в издании ,,Задруга".[1]) Большим вкладом в русскую научную литературу явился сборник исторических песен XVI—XVIII в. в., составленный ак. В. Ф. Миллером (Петроград 1915). В сборник вошли все известные варианты русских исторических песен за этот период, разбросанные по разнообразнейшим изданиям, зачастую недоступным для исследователей. Научная разработка былин продолжалась за последнее время главным образом учениками покойного академика Миллера. Из гипотезы Миллера о значительном наслоении, полученном былевым эпосом в Москве XVI в., когда былины составляли скоморошии репертуар, исходит в своих работах ученик Миллера, С. К. Шамбинаго, который идет дальше и предполагает, что по крайней мере в том виде, в каком былины нам известны, они ни в коем случае не древнее XVI в., и ошибочно возводить былинные элементы к старшим датам. Скоморохи яляются, по мнению Шамбинаго, не только носителями, но и творцами былин. В своей докторской диссертации ,,Песни времен царя Ивана Грозного" (Москва 1914), являющейся переделкой его прежней работы ,,Песни памфлеты XVI в.", Шамбинаго рассматривает отдельные былины и исторические песни под углом зрения такой теории. Восстанавливая гипотетически первоначальный текст былины ,,Василий Буслаев" и песен о Кострюке и о казни Иваном Грозным сына, Шамбинаго сравнивает их с историческими документами XVI в. В былине о Василии Буслаеве он видит памфлет против Ивана Грозного, изображающий в лице Васьки Буслаева самого царя в его борьбе с Новгородом. В Обществе истории литературы Шамбинаго прочел доклады на темы: ,,Песни о татарском нашествии" и ,,Анализ старин о Василии пьянице" (1921 г.). В противовес прежним исследователям Шамбинаго относит как песни о татарском нашествии, так и вышеназванные былины к XVI в. Батый, по его мнению, здесь просто символ татарского царя, пришедшего с силой, но бежавшего с позором. Былины о Василии-пьянице имеют целью прославить русских, как окончательных победителей над татарами. Тон презрения и насмешки в отношении к последним мог возникнуть лишь после покорения Казани и Астрахани. Точно также и песни о нашествии татар создались в то время, когда татары были уже покорены. Эти песни восходят к книжным повестям. Б. Соколов в прениях высказал предположение о возможности обратного пути — от песни к повести, но Шамбинаго настаивает на заимствовании песни из повестей, так как в повестях места, кратко изложенные в песне, разработаны детально. Академик Соболевский в прениях с Шамбинаго на заседании

[1]) В издании бр. Сабашниковых под ред. ак. Сперанского начат печатанием III т. былевого эпоса, посвященный позднейшей эпической поэзии, и приготовлены к печати „Сказки". В дальнейшем предполагаются аналогичные сборники анекдотов, исторических и бытовых легенд, лирической поэзии, поэзии обрядовой, пословиц, поговорок, загадок и заговоров. — Сходное задание поставило себе изд. „Задруга".

Археологического Общества (в 1921 г.), где последний повторил свой доклад о Василии-пьянице, категорически настаивал на более древнем происхождении былин. Отметим кстати, что ак. Шахматов сильно интересовался последние годы своей жизни былинным языком и высказывал мнение, что анализ былинного словаря вскроет очень древние пласты. В ,,Введении в курс истории русского языка" Шахматов высказывает предположение, что некоторые старо-славянские словарные заимствования в былинах настолько стары, что заставляют предположительно относить возникновение былевого эпоса еще ко временам Святослава. Ученик Шамбинаго Позднеев в докладе, прочитанном в 1914 г. в Комиссии по Народной Словесности, развивает точку зрения своего учителя на современные записи былин (Григорьева, Маркова и др.) как на варианты существенно испорченные. История былин, начиная со сборника Кирши Данилова и кончая нашими днями, с этой точки зрения есть история последовательной деградации. Позднеев останавливается на ,,общих местах" в былинах и стремится статистически доказать, что число общих мест растет по мере деградации былины и забвения основного текста, и таким образом locus communis не является, как предполагают иные, изначальным элементом былинной поэтики.

Историческому приурочению былины о Чуриле Пленковиче посвящен доклад Ржиги в Обществе истории литературы (1919 г.). На основании найденной им записи Волоколамского монастыря, относящейся к сороковым годам XVI в. и упоминающей о некоем Чуриле Суровцеве, Ржига относит былину ко второй половине XVI в. Ученик Миллера, отстаивающий гипотезу о раннем происхождении былин, А. В. Марков, прочел в Комиссии по народной словесности (1916) доклад о трех поездках Ильи Муромца, которые Марков пытается исторически и географически приурочить.

А. Шилов в статье о песнях о Скопине Шуйском, печатающейся в ,,Русском историческом журнале", рассматривает вопрос о взаимоотношении между русской исторической песней и былиной и утверждает, что ,,историческая песня" не заменяет киевскую и московскую былину, а наоборот, лежит в их основе. Краткая и фактическая в начале историческая песня, попадая в репертуар певца-специалиста, мало по малу превращается в типичную былину.

Н. Ф. Яковлев посвятил обширную работу отражению исторических событий XVI—XVII в. в лирической песне. Яковлев прочел в Московском Лингвистическом Кружке (1920 г.) отрывок своей работы, где он сопоставляет известную лирическую песню ,,Соловей кукушку подговаривал" с повествованием ,,Казанского Летописца" о падении Казани. Яковлев устанавливает географическое распространение этой песни, пытается путем сопоставления и формального анализа вариантов восстановить первоначальный контекст песни и рассматривает, как изменяется песня, входя, с одной стороны, в круг свадебной лирики, а с другой стороны, попадая в солдатскую среду.

Работа Бедье о влиянии апокрифов на французский средневековый эпос вызвала интересные исследования Б. М. Соколова над русским эпосом в аналогичном направлении. В Русском Филологическом Вестнике Б. Соколов опубликовал статьи об апокрифических элементах в русском

эпосе. Он устанавливает влияние апокрифической литературы на былины о Вольге и Микуле, о Святогоре и о Вавиле. Статья Соколова об Илье и Алеше Поповиче, опубликованная в одном из последних номеров Журн. Мин. Нар. Просв., сопоставляет былину с житием св. Авраамия Ростовского, при чем Соколов высказывает предположение, что как первая часть жития (Борьба Авраамия с Велесом), так и былина восходят к одному устному источнику. Проблеме взаимоотношения русского и иностранного эпоса посвящены работы Б. И. Ярхо.

В „Рус. Фил. Вест." за 1913—1915 гг. печаталось обширное исследование Ярхо „Сказание о Сигурде Фафнисбани и его отражение в русском эпосе". Былина о Потыке представляет собою, по мнению исследователя, сложный конгломерат мотивов различного происхождения, а в основе восходит к новгородской переделке норвежской редакции устной саги о Сигурде. Ярхо исследует динамику сюжета о Сигурде на родине и в России, процессы образования цикла, его развития и вырождения. В статье „Илья-Илиас-Хилтебрант" (Изв. II А. Н. 1917). Ярхо высказывает гипотезу, что на древне-верхне-немецкое сказание наслоилось русское сказание об Илье (Ilias von Riuzen), сохранившееся в средне-верхненемецких песнях и в Тидрек Саге. Все, чем отличается новая редакция Хилтебранта от старой, приближает ее к русскому эпосу.

Из мелких работ, связанных с былевым эпосом, отметим статью Бодуэн-де Куртене-Фасмер в Известиях II Отд. Ак. Наук о камне Алатыре. Этим же вопросом занимался последнее время своей жизни А. В. Марков, истолковывавший латырь-камень, как латыгорь (латышский) камень.

Малорусскому эпосу посвящена вышедшая в 1919 г. книга Д. Ревуцького „Укр. думи та пісні історичні", подводящая итоги изучению дум и снабженная подробным указателем.

В области инославянского эпоса отметим появление в вышеупомянутой серии памятников мировой литературы „Сербского эпоса" в стихотворном переводе Н. Гальковского с его же вступительной статьей (рец. Б. Ярхо в „Русских Ведомостях" за 1916 г.).

Духовные стихи.

Крупных собраний духовных стихов за последнее время в печати не появлялось. Несколько стихов было опубликовано в статье священника Соболева „Обряд прощания с землей перед исповедью, заговоры и духовные стихи" (Труды Владимировской ученой архивной комиссии 1914 г. книга 16). Большой сборник старых и современных старообрядческих духовных стихов с напевами приготовлен к печати Богатенко. В 1916 году Петроградское издательство „Огни" выпустило в свет книгу избранных духовных стихов для широкой публики под редакциею Е. А. Ляцкого под заглавием: „Русь страждущая-венец многоцветный" с популярной вступительною статьей редактора.[1] Адрианова в своей большой работе „Житие Алексея, человека Божия в древней русской ли-

[1]) Ком. по нар. слов., рассмотрев книгу, признала ее недостаточно научной.

тературе и народной словесности" (Петроград 1917) посвящает ряд страниц стихам об Алексее, классифицирует варианты и между прочим дает обзор литературы о духовных стихах. Седельников прочел в Обществе истории литературы в 1921 году доклад: ,,Белый царь в духовном стихе о Голубиной книге". По мнению докладчика, можно точно установить историческое событие, положенное в основу стиха ,,служба митрополита Исидора в Московском Доме Богородицы 19 марта 1441 г." Василий Темный не принял Исидорова благословения, и через 3 дня Исидор был арестован. Это событие привело к кризизу Флорентийской унии и вошло в легенду. Сказание о Флорентийском соборе Симеона Суздальца является литературной параллелью стиху по своей идеологии. В заседании Комиссии по народной словесности (1917) Дингес и Богатырев подвергли рассмотрению современный стиховник старообрядцев-безпоповцев, где наряду со старыми стихами и т. н. кантами имеются новые, написанные било народным сказовым, либо литературным силлабо-тоническим стихом, (частью злободневного содержания).[1]) Председатель Общества истории литературы М. Н. Сперанский прочел в Обществе в сентябре 1914 г. докдад о сербских духовных стихах. Стихи эти, по мнению докладчика, позднего происхождения и стоят по форме и содержанию в зависимости от южнорусских стихов. Это находится в связи с русским течением в сербской литературе первой половины 18 века, в частности с русской школой в Сербии. Стихи разделяются на более книжные (канты) и менее книжные (напр. ,,Стих об Алексее Божьем человеке"). Последний стих восходит к житию по Минее Дмитрия Ростовского.

Лирические песни.

В дополнение к I. т. ,,Русских лирических песен" Киреевских, изданному в 1912 г. Обществом любителей российской словесности и заключавшему в себе обрядовые (свадебные и праздничные) песни, вышел под редакцией ак. Сперанского II т., в который вошли необрядовые лирические песни. Собрание Киреевских представляет особенную научную ценность, как первое хронологически собрание русских лирических песен, преследовавшее научные задачи, и в частности первое собрание песен с точным географическим приурочением.

Большой интерес исследователей привлекали к себе за последние годы русские печатные песенники и в частности вопрос о том, в каком отношении стоят они к русской народной песне, в какой степени последняя черпает из них, и обратно, насколько точно передают они народную песню. Академия Наук переиздала большой песенник Чулкова (1770—1773 г.). В то время как при издании русских сказок Чулков сильно видоизменял и переделывал их — народные песни он печатал в своем сборнике довольно точно, и потому его песенник представляет богатейший материал для изучения русской народной песни.

---

[1]) Материалы по старообрядческому фольклору имеются в работе А. М. Селищева „Забайкальские старообрядцы. Семейские" (Иркутск, 1920 г.).

А. В. Марков в статье «Чулковский песенник и его значение для изучения великорусских народн. песен» (Изв. II отд. Ак. Н., 1917) сопоставляет чулковские варианты отдельных песен с современными записями песен и рассматривает вопрос об источниках песенника и об автентичности песенных текстов.

Интересна работа А. С. Якуб (Изв. II А. Н.), посвященная народным песенникам, начиная от 18 в. и до наших дней. Якуб приводит обширный материал по вопросу о том, какие песни в каких песенниках встречаются, при чем ей удается установить авторов ряда песен, прежде считавшихся нелитературными по происхождению. Далее Якуб прослеживает изменения, которым подверглись в песенниках отдельные стихотворения.

Особенно много было собрано и опубликовано за последние годы получивших в течение последних десятилетий исключительное распространение во всей Великороссии особых коротеньких песен, местами называемых „частушками". Этот термин усвоен и русской наукой. Капитальный сборник частушек, куда вошли частушки почти из всех губерний с великорусским населением, был издан Комиссией по народной словесности под редакцией Е. Н. Елеонской (1914 г.). Книга снабжена подробными указателями. Во вступительной статье Елеонская оспаривает мнение о недавнем происхождении частушек и сопоставляет их со старыми плясовыми и с шуточными песнями из сборника Кирши Данилова. Участие в собирании частушек для сборника приняли члены Комиссии и студенты-филологи. В об'емистый сборник вошла лишь малая часть всего собранного, хранящегося в архиве этнографического отдела. В частности сборник не дает представления о широко-распространенных фривольных частушках. Несколько ранее вышел большой сборник северных частушек изданный Симаковым (2-ое издание вышло в 1916 году). Отметим также сборник Князева: „Частушки-коротушки" (1914 г.). Новые сборники вызвали появление ряда статей, посвященных новой поэзии. В Ученых записках Юрьевского университета напечатана работа Чижа „Психология деревенской частушки". Автор оперирует частушками крайне тенденциозно, и его работа не имеет никакого научного значения. Поэтесса Моравская напечатала в Русской Мысли статью, где подчеркивает эстетическую ценность частушек и сопоставляет их с японскими танками; Игнатов попытался дать в Этнографическом обозрении социологическую характеристику современной русской деревни на основании частушек.

Белорусской обрядовой песне посвящен был доклад Мочульского в Этнографическом Отделе. Два тома „Материалов по этнографии Полтавской губ.", собранных Гнедичем, посвящены малорусской песне. Особенно богаты собранные Гнедичем материалы по народной свадьбе.

Что касается инославянской песни, то Ак. Наук выпустила в 1920 г. сборник Верковича „Народные песни македонских болгар"; много записей болгарских песен имеется в работе Державина (см. Slavia I 183). Переиздана в 1914 г. работа А. Потебни „О некоторых символах в славянской поэзии".

(Продолжение следует.)

Прага. *Р. Якобсон.*
П. Богатырев.

Прѣгледъ на нѣкой по-нови работи изъ областьта на българското езикознание.

1. Издания на Академията. Българската академия на наукитѣ издаде още по-лани книга VI. отъ редицата „Български старини“: Два български ржкописа съ гръцко писмо. 1. Недѣлни поучения отъ XVIII. вѣкъ. 2. Търлиско евангелие отъ 1861 год. отъ Д-ръ Л. Милетичъ, София, 1920, цѣна 25 лева. Книгата съдържа единъ уводъ (с. 1—6), въ който се изброяватъ и др. извѣстнитѣ до сега български книги и ржкописи съ гръцко писмо и се посочва значението имъ за историята на българския езикъ. Послѣ се описва (с. 7—24) намиращиятъ се въ славянската сбирка на Ромънската академия на наукитѣ въ Букурещъ сборникъ отъ недѣлни поучения на източно-българско нарѣчие като се посочватъ главнитѣ фонетични, морфологични, синтактични и лексикални особености на езика; на с. 17—20 „по рѣдки думи“, между които и бли́жник „роднина“, срв. старобълг. ближьнь. Отъ стр. 25 до 70 слѣдва текстътъ на поученията, прѣдаденъ съ български букви, съ приложение на четири снимки за вида на оригиналното писмо.

Ржкописътъ на Търлиското евангелие отъ 1861 г. което се намира въ Софийската университетска библиотека, е описанъ на с. 71—94 и е сподиренъ отъ характеристика на езика, както и първиятъ; на стр. 95—176 текстътъ на евангелскитѣ четения по недѣли и празници, и на край пакъ 4 страници снимки (факсимилета).

Отъ Списание на Българската академия на наукитѣ, клонъ историко-филологиченъ и философско-общественъ, излѣзоха напослѣдъкъ кн. 11 и 12 (отъ общата нумерация кн. XX и XXII, София, 1921).

Отъ книга XX. къмъ езикознанието се отнася: „Еснафдашъ. Бѣлѣжка къмъ българския рѣчникъ и словопроизводство“, отъ Ст. Младеновъ (с. 183—6). Авторътъ посочва, не еснаф-даш „колега“ е турска заемка, на която първиятъ съставенъ елементъ е арабски, а вториятъ — персийски; срв. йол-даш „спжтникъ“, тур.-перс. Въ сжщата книга (с. 63—182) подъ насловъ: „Единъ опитъ за български земеписенъ рѣчникъ“ отъ сжщия авторъ е обнародвана обширна оцѣнка на книгата: Ж. Чанковъ, Географски рѣчникъ на България, Македония, Добруджа и Поморавия (София, 1918). На доста мѣста въ тазъ оцѣнка има и езикословни бѣлѣжки, а специялно за етимологията на нѣкои мѣстни имена се говори на стр. 133—136.

Въ книга XXII. се съдържатъ много повече работи по езикознание. Така, на първо мѣсто става дума за единъ надписъ отъ края на XIV. вѣкъ: въ „Боженишкиятъ надписъ“ (с. 88—114) П. Мутавчиевъ говори и за особеноститѣ на писмото, а съ езиковитѣ особености на надписа се занимава Б. Цоневъ, Каменниятъ надписъ надъ с. Боженица (с. 117—121). Надписътъ е билъ издълбанъ по заповѣдь на нѣкой си севастъ Ѡгнѣнь, който заедно съ послѣдния български царь Шишманъ се сражавалъ противъ турцитѣ.

Ю. Трифоновъ пише „По произхода на името ‚шопъ‘“ (с. 122—158), като разглежда всички досегашни тълкувания на името и прѣдлага нѣкои нови (отъ Sapaci, copu . . .; отъ нѣм. Schopf, Schoppen и т. н.).

На стр. 208—226 чешки ученъ д-ръ Йос. Пата характеризува едно срѣдно българско евангелие: Пловдивско евангелие. Срѣднобългарски паметникъ отъ XIII. вѣкъ (съ текстъ и двѣ фотографски снимки).

Най-сетнѣ въ края на книгата сж обнародвани отъ писача на тия редове етимологични съпоставки подъ насловъ: Изъ историята на нѣкои по-малко извѣстни български думи (с. 227—241). Авторътъ привежда балтийски съотвѣтствия на бълг. биба, бибок, сръб. бибац, словаш. bibic, бълг. блъскамъ, дунда и жуна (джуна), жука и джука.

2. Издания на Софийския Университетъ. Отъ Годишникъ на Софийския Университетъ (и съ френски насловъ Annuaire de l'Université de Sofia) излѣзоха по-лани и лани три книги отъ историко-филологическия факултетъ. Въ кн. XIII—XIV. за 1917—1918 (София, 1920) се намиратъ:

Студии по славянско и сравнително езикознание отъ Ст. Младеновъ (с. 1—157) и Езиковни взаимности между българи и маджари отъ Б. Цоневъ (с. 1—27). Въ „Студиитѣ“ се даватъ обяснения на 100 славянски думи; нѣкои отъ тия обяснения сѫ излѣзли и на чужди езици (нѣмски и руски), а нѣкои сѫ нови, напр. бълг. търтица, чеш. trtol, trtáč и под. (No. 81), срб. фрч (No. 85), бълг. чалъ (No. 88) и т. н. Проф. Цоневъ изброява българскитѣ заемки въ маджарски (с. 11—26) и привежда на край (26—7) нѣколко маджарскн думи въ български.

Сѫщиятъ „Годишникъ“, ист. фил. фак., кн. XV.—XVI. за 1919—1920 (София, 1921) съдържа: „Езиковни взаимности между българи и румъни“ отъ Б. Цоневъ (с. 1—158). Авторътъ засѣга множество важни фонетични и семантични въпроси (с. 4—36), на сетнѣ привежда българскитѣ думи въ румънския езикъ, разпрѣдѣлени въ 15 групи; на с. 152—4 нѣмско резюме, 155—8 „извори и помагала“.

Въ „Годишник на Софийският университет“, историко-филолог. фак., кн. XVII. за 1920—1921 (София, 1921) е вмѣстено на стр. 201—288 изслѣдването: „Вероятни и мними остатѫци от езика на Аспаруховите бѫлгари в новобѫлгарската реч“ от Ст. Младенов. За вѣроятни остатъци авторътъ брои: бисеръ, болyаринъ, бѣлѣгъ, белчугъ, бѫбрѣгъ, капище, кумиръ, пашеногъ, санъ, тояга, чертогъ и чипагъ, а за мними: бара, дѣлъ, лопата, сиракъ, цѣпъ, бая, газя, кипря, кипри прил. (чет. курчу̀), кѫща и мн. др.

Като брой 1. на Университетска Библиотека, редица „помагала“ излѣзе по-лани: А. Теодоровъ-Баланъ, Кирилъ и Методи I (София, 1920) съ втори надсловъ на отдѣлна страница: „Наша книжнина и езикъ. Сбирка отъ производи на старото и на новото врѣме. 1. Кирилъ и Методи. Свезка първа. Жития на Кириля и на Методия и похвални тѣмъ слова“.

3. Народна Библиотека въ Пловдивъ. Цѣнно издание е „Славянски рѫкописи и старопечатни книги въ Народната Библиотека въ Пловдивъ“. Разгледа и описа проф. Б. Цоневъ. Съ приложение на 40 фототипни снимки. Издание на Библиотеката. София, Държавна печатница, 1920. In 4-o стр. XVI + 291. Цѣна 250 лева.

Описанията сѫ доста подробни и придружени съ много изводки. Между рѫкописитѣ има два отъ XII. вѣкъ, шесть отъ XIII. в., 17 отъ XIV. в. и т. н.

4. Три юбилейни сборника. „Сборникъ въ честь на професоръ Ив. Д. Шишмановъ по случай на тридесетгодишната му научна дѣйность (1889—1919), издаденъ отъ ученицитѣ и почитателитѣ му“ (София, 1920) съдържа една статия, която се отнася къмъ езикознанието: „Мнимитѣ фински думи въ българския езикъ“ отъ Ст. Младеновъ (с. 74—95). Авторътъ показва, че думитѣ лѣть, млъния, сопелъ, влъхва, исполинъ, щудъ (чудъ), припратъ, кумиръ и капище не сѫ фински: първитѣ три сѫ наслѣдени отъ общославянско врѣме и иматъ съотвѣтствия въ другитѣ индоевропейски езици; влъхва е сѫщо не. дума; въ исполинъ и чудъ се криятъ германски корени, гр. *πρόθυρα* е внияло върху припратъ, паперть и под., кумиръ е по коренъ дума семитска, а капище — тюркска.

Въ сборника „Иванъ Вазовъ. Животъ и творчество. За седемдесетгодишнината отъ рождението му отъ юбилейния комитетъ на Българската академия на наукитѣ etc. (София, 1920; цѣна 25 лева) се чете: Къмъ оцѣнката на Вазовата дѣйность отъ езиковно-историческо гледище (с. 135 до 150) отъ Стефана Младеновъ. Разглежда се Вазовъ като единъ отъ творцитѣ на новобългарския книжовенъ езикъ и като antibarbarus, па се характеризува отношението на Вазова къмъ нѣкои чуждици, архаизми, провинциялни и нови думи.

„Юбилеенъ сборникъ, издаденъ по инициативата на юридическия факултетъ при Софийския университетъ въ честь на С. С. Бобчевъ по случай петдесетгодишната му научна, публицистична и обществена дѣйность (София, 1921, цѣна 35 лева) поднася двѣ езикословни работи: „Къмъ етимологичното обяснение на думата болyаринъ“ отъ Ст. Младеновъ

(c. 109—116) и „L'origine des plus anciens mots et institutions slaves des Roumains“ отъ Ilie Bărbulescu. Авторътъ на първия приносъ обяснява, защо славянската етимология на болyринъ, която приема и Бобчевъ (отъ боль и или бой) не може да се подържа, като посочва тюркската и келтската етимология на сжщата дума. Проф. Бърбулеску отбѣлѣзва множеството груби грѣшки въ пансръбскитѣ теории на своя сънародникъ Йорга и доказва, че въпроснитѣ славянски думи въ ромънския езикъ иматъ типичнитѣ бѣлѣзи на българския езикъ, особено *št, žd* отъ **tj*, **kt*, **dj*. Чудно е само, че на край г. Бърбулеску оперира съ едно недостатъчно обяснено kokivekĭ „licitation“.

София. *Ст. Младеновъ.*

Ukrajinská Akademie Věd v Kijevě.

Записки Історично-філологічного Відділу Української Академії Наук під редакцією Павла Зайцева, за головним редагуванням голови Відділу акад. Д. І. Багалія. Р. 1919. Кн. І. Печатня Видавничого товариства „Друкарь“, Інститутська 16. Київ 1919. — Bulletins de la Section historique-philologique de l'Académie des sciences d'Oukraine, redigés par Paul Zaitzev, sous la redaction générale du Président de la Section D. Bahaliy. An 1919. L. I. (Str. 144 + LCV. 4⁰.).

Звідомлення про діяльність Української Академії Наук до 1-го січна 1920 року. Str. XCV lex.

Náhodou dostaly se mi do rukou obě výše uvedené knihy a pokládám za svou povinnost dáti na jejich základě zprávu jak o Ukrajinské Akademii Věd, tak i o jejích prvních vydáních.

Zákonem z 14. listopadu 1918 byla zřízena Ukrajinská Akademie Věd v Kijevě a dne 27. listopadu konalo se první její slavnostní zahajovací zasedání. Presidentem byl zvolen akademik V. I. Vernadškyj a sekretářem akademik A. E. Krymškyj. Akademie má tři oddělení: historicko-filologické, matematicko-přírodovědecké a sociálně-národohospodářské. Každé oddělení má svou úplnou autonomii; v čele každého oddělení stojí skupina řádných akademiků, jež spravuje komise a všechny ústavy tohoto oddělení. O záležitostech celé Akademii společných usnášejí se řádní akademikové všech tří oddělení na společných shromážděních.

V historicko-filologickém oddělení byli dne 1. ledna 1920 tito akademikové: D. I. Bahalij (dějiny Ukrajiny), M. I. Petrov (dějiny staroukrajinské literatury), M. F. Sumcov (folklor), V. M. Peretc a S. O. Smal Stočkyj (ukrajinský jazyk), M. T. Biljašivškyj (ukrajinská archeologie), K. V. Charlampovyč (dějiny ukrajinské církve), A. E. Krymškyj (arabsko-iránská filologie), S. O. Jefremov (krásné písemnictví). Kromě toho práva řádných akademiků ve svém oddělení mají ředitel komise pro složení historicko-zeměpisného slovníka ukrajinských zemí prof. O. S. Hruševškyj a ředitel komise pro složení historického slovníka ukrajinského jazyka prof. J. K. Tymčenko.

Všech řádných akademiků je 23, ale z toho 9 nemohlo se dostati do Kijeva, takže celá organisační práce akademie r. 1919 spočívala na bedrách 14 akademiků. Přes velice nepříznivé vojenské a politické poměry práce jejich byla mnohem horlivější než v kterékoliv jiné akademii: společných schůzí konala r. 1919 — 41. Jen za okupace Denikinovy (od

září do prosince 1919) nedostávala akademie náležitého státního nákladu na vydržování, ale i v této době práce v jednotlivých odděleních obětovností ukrajinského obecenstva nebyla přerušena.

Akademie nebo jednotlivá její oddělení organisovaly mnoho vědeckých ústavů a komisí. Takovým společným ústavem akademie je všenárodní knihovna a stálá komise pro složení biografického slovníka vynikajících činitelů Ukrajiny.

Všenárodní knihovna, která již dnes má asi 300.000 svazků, má se státi knihovnou všesvětového typu (větší než moskevské Rumjancovské Museum a petrohradská t. zv. Imperatorská Veřejná Knihovna) jako je British Museum. Prozatím není ještě otevřena, nemá ani vlastního přístřeší, ale popisování a katalogisování pokračuje rychle.

Komise pro složení biografického slovníka vynikajících činitelů Ukrajiny vyřešila v 8 schůzích zásadní a technické otázky, týkající se obsahu slovníka, rozdělení práce mezi spolupracovníky a organisace práce samé. Ve slovníku mají býti životopisy činitelů všech oborů lidské působnosti, pokud žili na ukrajinském území, bez ohledu na jejich národnost a náboženství, od nejdávnějších časů až do nynějška. Práce byla rozdělena mezi 6 redaktorů takto: *a)* od nejdávnějších časů do polovice XIV. st., *b)* od polovice XIV. st. do r. 1648, *c)* od 1648 do konce hetmanštiny — XVIII. st., *d)* od konce hetmanštiny do nynějška, *e)* činitelé literatury všech dob, *f)* činitelé umění všech dob. Dosud sebrala dohromady komise hlavní prameny, prohlédla a zpracovala z nich 250 svazků a získala z toho asi 14.000 lístků materiálu, objednala 140 životopisů, má 18 životopisů hotových a asi 40 připravených k tisku.

Historicko-filologické oddělení akademie konalo 30 schůzí a zabývalo se především organisací stálých vědeckých komisí, z nichž 9 již velmi čile pracuje.

1. Stálá komise pro složení slovníka živého ukrajinského jazyka pod předsednictvem akademika Krymského má úkol sbírati a vydávati materiály pro vykládací slovník ukrajinského živého jazyka a sestaviti tento slovník; 115—154 spolupracovníků zpracovalo již velký materiál. Excerpováno 35 autorů (kromě těch, kteří jsou excerpováni ve slovníku Hrinčenkově), 7 národopisných sbírek, 3 slovníky (Hrinčenkův, Žyteckého a rukopisný slovník Krymského ze Zvenyhorodska), sebráno a zredigováno ukrajinských lístků 116.815, rusko-ukrajinských 114.358. Práce vede se podle těchto zásad: každé slovo v budoucím slovníku má míti *a)* všechny své nářeční odchylnosti, *b)* všechny základní gramatické tvary, *c)* všechny své významy vyložené a objasněné, *d)* příklady ze živého literárního a lidového jazyka i tekstů veršovaných, jež by vysvětlovaly a odůvodňovaly ten neb onen význam slova v živé řeči, písemné tradici a ve zvláštním užívání, *e)* výrazy a rčení zvláštního, metaforického a místního rázu, *f)* tvary zdrobnělé, participia a jiné tvary, souvisící s gramatickými tvary, funkcemi přípon a j. Jako východiště časové, od něhož se slova mají do slovníka pojímati, určen Kotljarevśkyj. Z autorů klasických excerpují se všechna slova bez výjimky, takže se zároveň připravují i zvláštní slovníky jednotlivých ukrajinských spisovatelů; z ostatních pramenů vybírají se jen slova zvlášť zajímavá svým významem nebo užíváním nebo gramatickou konstrukcí a vazbou anebo slova v slovnících dosud neuváděná.

2. P r a v o p i s n ě-n á z v o s l o v n á k o m i s e pracuje pod vedením akademika Krymského ve čtyřech sekcích: *a)* sekce pro technické názvosloví, *b)* pro právnické názvosloví, *c)* pro přírodovědecké názvosloví, *d)* sekce právopisná. Obzvláště sekce pro přírodovědecké názvosloví pracovala velmi usilovně, sebrala množství materiálu (165.649 lístků), zpracovala některé díly, tak že v I. svazku tištěných již »Materiálů« vydán byl Slovník ukrajinského fysikálního názvosloví a Slovník ukrajinského hmyzoslovního názvosloví a k tisku jsou připraveny slovníky geologického, ornitologického a chemického názvosloví. Jest litovati, že tištěné materiály k nám dosud nedošly.

3. Stálá komise pro s l o ž e n í h i s t o r i c k é h o s l o v n í k a u k r a j i n s k é h o j a z y k a pracuje pod vedením prof. E. K. Tymčenka, má k disposici bohaté sbírky Tymčenkovy a zesnulého Žyteckého, v nichž excerpovány jsou obzvláště listiny XIV. a XV. st., Ipatský letopis, Peresopnický evangeliář, Akta západní a jižní Rusi XVI. st., slovník P. Beryndy, gramatika M. Smotryckého, Palinodija, spisy Galjatovského XVII. st., Radyvylovského XVII. st., letopis Samovidcův, lvovský letopis, letopis Velyčkův, verše mnicha Klymenta a j. Již nyní mohl by býti vydán třebas neúplný historický slovník, ale chybí mu obzvláště slova z právnického oboru. Proto povoláni byli tři stálí spolupracovníci (H. D. Vovkuševśkyj, Drobjazok a V. O. Kryžanovśkyj), jejichž úkolem jest tuto mezeru doplniti excerpováním právnických aktů XVI—XVII. st.

4. Komise pro s l o ž e n í h i s t o r i c k o-g e o g r a f i c k é h o s l o v n í k a, v jejímž čele jsou akademik Bahalij a prof. O. S. Hruševskyj, rozdělila svou práci mezi svých 22 spolupracovníků podle různých území a již po osmiměsíční práci přijala 5 monografií a ještě více referátů. Kromě toho pracuje se o sestavení ukazatelů geografických jmen k těm tištěným pramenům, jež takových ukazatelů nemají (n. př. Akta západní Rusi a j.). Spracování archeologického materiálu bylo odděleno zvlášť a i studie dějin a historické topografie Kijeva byly svěřeny zvláštní podkomisi.

5. Komise pro s e s t a v e n í a r c h e o l o g i c k é m a p y U k r a j i n y pracuje pod vedením akademika Biljašivského.

6. Stálou komisí pro v y d á v á n í p a m á t e k n o v é h o p í s e m n i c t v í řídí akademik Jefremov. Podle schváleného plánu bude se vydávati »Akademična biblioteka ukrajinśkych pyśmennykiv«. Cíl této »akademické knihovny« je pečovati o vědecké a kritické a zároveň všeobecně přístupné úplné vydání ukrajinských klasiků s bezpečně stanoveným tekstem, varianty a vysvětlivkami (historicko-literárními, historickými a jazykovými) a t. d. Takové vydání spisů Kotljarevského je již připraveno k tisku.

7. Komise pro v y d á n í s p i s ů Š e v č e n k a, D r a h o m a n o v a, A n t o n o v y č e a I v a n a F r a n k a pracuje pod předsednictvím akademika Jefremova s největší pílí, ale bude potřebí několika let, než ohromný materiál bude spracován.

8. A r c h e o g r a f i c k o u k o m i s i řídí prof. Sušyckyj. Bude vydávati A r c h e o g r a f i c k ý s b o r n í k a S b o r n í k h i s t o r i c k o-f i l o l o g i c k é h o o d d ě l e n í u k r a j i n s k é a k a d e m i e v ě d. V prvním sborníku budou tři serie: památky jazykové (připraveny jsou k tisku Peresopnický evangeliář a Rešetylovské »učytelne jevanhelije« z r. 1670); památky písemnictví (tisknou se již Západně-ruské letopisy a j.); pa-

mátky dějinné. Pro druhý sborník jsou již hotové práce akademika Bahalije »Ukrajinská historiografie«, akademika Petrova »Starodávný Kijev ve svém historicko-topografickem vývoji«, a akademika Sumcova »Nástin dějin ukrajinské filosofie«. S archeografickou komisí souvisí také redakce »Zápisek« historicko-filologického oddělení ukrajinské akademie věd. Jak v petrohradských »Izvěstijach otdělenija russkago jazyka i slovesnosti« tak i v kijevských »Zápiskach« tisknou se práce nejen akademiků i vědeckých spolupracovníků akademie, nýbrž i vědecká pojednání jiných badatelů. V r. 1919 měly vyjíti čtyři knihy »Zápisek«, ale pro nepříznivé poměry byly tištěny jen dvě, z nichž jen jedna dostala se nám do rukou. O obsahu této publikace promluvíme níže.

9. Židovská historicko-archeografická komise byla zřízena s tím cílem, aby sebrala a přeložila do některé evropské řeči všechno to, co je psáno židovským jazykem o ukrajinském území a národech v tomto území obyvajících od doby Chazarů až do konce XVII. st., a také aby sebrala a přeložila všechny materiály týkající se dějin Židů na ukrajinském území. Do této komise byli povoláni známí kijevští hebrajisté: Isrâlson, Dinaburg, Galant a Kahan.

10. Komise pro udílení cen v I. oddělení pod předsednictvím akademika Bahalije nebyla ještě činná přes to, že v tomto oddělení zřízeno jest 8 cen, mezi jinými také pro práce z oboru ukrajinského jazyka, dějin literatury a lidové slovesnosti.

Kromě toho získalo I. oddělení akademie k provedení zvláštních úkolů různé učence. Tak prof. I. I. Sokolov má prozkoumati rukopisné řecké prameny k dějinám ukrajinské církve XVI.—XVII. st., a prof. M. T. Muchyn podobné prameny latinské; prof. V. I. Barvinok má popsati staré tisky nacházející se v kijevských knihovnách podle schváleného velice rozsáhlého plánu, A. E. Bem má sestaviti bibliografii Kulišovy korespondence, O. N. Synjavśkyj má sestaviti dialektologickou mapu ukrajinského jazyka a j.

Z tohoto velmi stručného referátu vysvítá, jak ohromnou a vážnou práci vykonala akademie a její I. oddělení v krátké době; činnost ta opravňuje nás k největším nadějím. Neméně důležitou práci vykonalo II. a III. oddělení, o nichž nemohu zde podati zprávy. Podotýkám jen, že stálá komise pro prozkoumání západoruského a ukrajinského práva připravuje vydání základních zákonodárných památek, platných v severozápadní a jihozápadní zemi; jmenovitě předseda této komise, akademik I. M. Kamanin, chystá vydání Statutu litevského z r. 1588.

V uvedené »Zprávě« akademie je podán seznam všech spolupracovníků (asi 1000) akademie v r. 1919 a kromě toho otištěna také krásná přednáška akademika P. Tutkovského v prvním výročním slavnostním shromáždění akademie dne 11. března 1920 o vyhaslých sopkách Ukrajiny.

Při organisaci vědecké práce zápasila Ukrajinská Akademie Věd v Kijevě s největšími nesnázemi, ale ještě větší obtíže a překážky jest jí překonávati při uveřejňování svých prací a jednání. Netřeba se o tom zvláště zmiňovati, protože poměry v Rusku a na Ukrajině jsou dostatečně známy. Přes to podařilo se jednotlivým oddělením aspoň něco z hojného materiálu k tisku připraveného vydati. Tu se zastavíme jen při I. knize »Zápisek« historicko-filologického oddělení.

Byla to velice dobrá a vhodná myšlenka, že akademie zahájila své »Zápisky« krásnou vzpomínkou akademika M. Petrova, nejlepšího to znalce dějin a působení této první ukrajinské vysoké školy, na kijevskou akademii u příležitosti 300-letého výročí jejího trvání (str. 3—17). Její vznik právem uvádí Petrov v souvislost s velkým reformačním hnutím románských, germánských a slovanských národů — především s českým husitstvím a s reformací Luterovou —, jež zbudilo národní a náboženské zájmy obou zápasících stran. Od Čechů, kteří první mezi Slovany bojovali za svou národnost a víru a protestovali proti papežskému absolutismu, rozšířilo se toto národně-náboženské hnutí i do jiných slovanských zemí, jak do západní Rusi, tak i Polska. Tak překlad známého Peresopnyckého evangeliáře do ukrajinštiny je jen transkripce z českého jazyka a polský překlad bible Wujkovy pořízen také z češtiny. Na půdě probuzeného národně-náboženského vědomí vznikají t. zv. pravoslavné »bratrské» školy ve Lvově, Vilně, Lucku, Mohylevě nad Dněprem a j. a i pravoslavná »bratrská« škola v Kijevě, jež byla zřízena r. 1615, a z níž se vyvinula Kijevská akademie, působící až do dneška. Dále líčí Petrov stručně vyvoj této první vysoké školy na Ukrajině v různých jejích dobách, ukazuje zvláště, čemu a kým kdy bylo vyučováno, na jaké vědecké úrovni stálo tam vyučování vůbec, zmiňuje se také o vědeckých a literárních pracích učitelů a žáků a konečně udává bohatou literaturu důležitějších studií a pojednání o dějinách Kijevské Akademie.

Po zajímavém pojednání V. Modzalevského »Peršyj vijśkovyj pidskarbij (1663—1669) Roman Rakuška«, týkajícím se finanční správy v hetmanské Ukrajině (str. 18—52), následuje historické pojednání prof. I. I. Sokolova o poměrech ukrajinské církve k řeckému východu na konci XVI. a na počátku XVII. st. na základě nově vydaných materiálů (str. 53 až 84), a pak počíná se důkladná práce F. Sušyckého (str. 85—103) »Do istoriji poetyčnych opovidaň pro Mychajlyka i Zoloti Vorota ta pro Batyja« (K dějinám poetických povídek o Mychajlykovi a Zlatých Vratech a o Batijevi), o níž bližší zprávu podáme, až bude ukončena. Dále akademik Bahalij podává nekrolog Aleksandry Jakovlevny Jefimenkové (1848—1918) a posudek o jejích vědeckých pracích (z oboru ruské a ukrajinské historie, etnografie, dějin kultury a t. d.). Po krátkých poznámkách akademika M. Petrova »O vyřezávané panagii kijevských Zvěřineckých jeskyní,« patřící prý prvnímu kijevskému metropolitovi Michalu Syrynovi, a M. Storoženka »O kolonisaci města Krylova« nasleduje díl kritiky a recensí, v němž akademik Petrov oceňuje K. V. Šeröckého »Kijev — putěvoditěl« (s planami, 58 illjustracijami; izdanije K. Kulženko, Kijev 1917; str. 2 + 346 + VIII), prof. Loboda S. A. Ščeglova »Bogoglasnik« (istoriko-literaturnoje izslědovanije, str. IX + 344, Kijev 1918), F. Sušyckyj a Zajcev S. A. Ščeglova »Opisanije rukopisej Kijevskago chudožestvenno-promyšlennago i naučnago muzeja, Petrograd 1917, str. 111«. Konečně Zajcev jedná o knize »Bajky Levka Borovykovśkoho, Čerkasy 1916«.

V dílu bibliografickém uvádí I. Ajzenštok celou řadu dodatků k soupisu literatury o H. K. Kvitkovi a jeho spisech.

V úřední části budí zájem »Pojasňujuča zapyska do projektu orhanizaciji istoryčno-filolohičnoho viddilu Ukrajinśkoji Akademiji Nauk«, sesta-

vená prof. Bahalijem, Krymským, Pavluckým a Tymčenkem (str. I - XVIII), a pak životopisy a bibliografie vědeckých prací prvních čtyř akademiků historicko-filologického oddělení Bahalije, Krymského, Petrova a Smal Stockého (str. XVIII—LIX). V Zápiskách jsou dále uvedeny protokoly tří prvních zasedání I. oddělení, na nichž se I. oddělení usneslo povolati za ředitele stálé komise pro vydávání památek jazyka, literatury a dějin prof. V. E. Danylevyče, za ředitele stálé komise pro vydávání historicko-zeměpisného slovníka ukrajinských zemí prof. Aleksandra S. Hruševského a za ředitele stálé komise pro složení slovníka ukrajinského jazyka prof. J. K. Tymčenka. Z tohoto důvodu připojeny jsou k protokolům životopisy, bibliografie a ocenění vědeckých prací prof. Danylevyče (refer. Bahalij) a Tymčenka (refer. Krymskyj).

Touto stručnou zprávou vyčerpali jsme obsah dvou prvních publikací Ukrajinské Akademie Věd. Vyslovujeme upřímnou radost nad tím, že se slovanské vědě dostalo nového střediště v Kijevě. Již z těchto obou knih máme dojem, že Ukrajinská Akademie pracuje vážně, a že jistě splní naděje, které v ni klade ukrajinský národ. Budiž požehnáno úsilí a snaha pracovníků Ukrajinské Akademie, že chtějí vyplniti dosavadní mezeru v slovanské vědě a uvésti ukrajinskou národní kulturu do světa. Přejeme pracím Ukrajinské Akademie Věd nejlepšího zdaru. *Št. Smal Stockyj.*

Petrohradská akademie nauk vydala v úhledné knížce seznam svých publikací z let 1914—1921 pod názvem „Россійская Академія Наукъ. Списокъ изданій 1914—1921." (Петербургъ 1921. Str. 4 + 58 in 16°.) Seznam ten obsahuje 507 čísel, rozdělených ve 3 velké skupiny: I. Періодическія изданія и серіи (č. 1—325), II. Изданія внѣ серіи (č. 326—386); III. Изданія Комиссіи по изученію естественныхъ производительныхъ силъ Россіи (č. 387—507). Filologické publikace odtud sepsány v Listech filologických 49 (1922) str. 253. V chronologickém pořádku podle jednotlivých let a v odděleních podle jednotlivých oborů vědních otiskl seznam ten J. Polívka v pražském Atheneu I, 1 (1922), str. 44—48.

„Fürstlich Jablonowskische Gesellschaft" v Lipsku vypsala jednu ze svých letošních cen (3000 Mk) na práci o praslovanských intonacích a místě starého přízvuku v lužické srbštině (Die urslavischen Intonationen und die alte Akzentstelle im Ober- und Niedersorbischen). Lhůta k odevzdání práce je do 31. října 1924. Cena, jež byla před časem touž společností vypsána na studii o vývoji spisovného jazyka polského, byla přisouzena Al. Brücknerovi.

„Towarzystwo miłośników języka polskiego", založené r. 1920 v Krakově, — statuty jeho jsou otištěny v časopise »Język polski« 5, 1920, str. 125 až 128 — učinilo si úkolem šířiti hlubší poznání jazyka polského, jeho vývoje a historie, v kruzích co možná nejširších a bdíti nad správností polského jazyka spisovného. Obojí tento úkol se zdarem plní zejména časopis »Język polski«, jenž ročníkem VI. (1921) počínaje stal se orgánem Towarzystwa (přináší také zprávy o jeho činnosti). Popularisování nauky o jazyce určena je »Biblioteczka Towarzystwa miłośników języka polskiego«, v jejíchž prvních třech dvouarchových svazečcích vykládá *K. Nitsch* »O języku polskim« (č. 1., vyšlo již ve druhém vydání), *A. Gawroński* »O błędach językowych« (č. 3.), a *K. Nitsch* vydal »Wybór z pism Jana Kochanowskiego« (č. 2.) s přiměřenými poznámkami vykládajícími zvláštnosti jazykové. Tento výbor z Kochanowského je zvláště cenný tím, že výňatky tu podané otištěny jsou přesně pravopisem prvních vydání. Letos začalo Towarzystwo vydávati u M. Arcta a Spol. v Lublině novou sbírku pod názvem »Książeczki staropolskie«. Ve sbírce této budou otiskovány jazykové památky staropolské, buď celé nebo vhodné výňatky z nich, s poznámkami umožňujícími četbu těchto textů i čte-

nářům bez odborné průpravy: má se tímto způsobem historie polské kultury jazykové přiblížiti širokým kruhům vzdělaného čtenářstva. Že knížky takové, vyšlé z rukou předních filologů polských, mohou být i vítanou pomůckou při studiu odborném, při cvičeních seminárních (zejména v zemích mimopolských), netřeba ani podotýkati. V prvním sešitku této sbírky vydána »Bogurodzica, pierwszy polski hymn narodowy« (wydał i objaśnił *Jan Łoś*. Lublin 1922. Str. 32 + 2 str. notové přílohy). Pro nejbližší svazky připravil K. Nitsch »Szachy Kochanowskiego«, J. Rozwadowski »Zlatou bullu jazyka polského«, H. Gaertner ukázky jazyka polských žáků (z rozprávek latinsko-polských) a »Sąd Parysa, krolowicza Trojańskiego«, J. Łoś výbor z nejstarších kázání polských, dále »wiersz o zachowaniu się przy stole Słoty i inne wiersze obyczajowe XV. wieku«, a »Rozmowa mistrza ze śmiercią i żale umierającego«.

Biblioteka filologiczna im. H. Łopacińskiego je název nové sbírky, jež začala vycházeti u M. Arcta a Spol. v Lublíně redakcí *Henryka Gaertnera*. Sbírka tato má zaujmouti inteligenci pro nejcennější výtvory kultury a tradice národní, pro historii jazyka a písemnictví. Proto bude přinášeti studie z oboru historie jazyka a stylu polského jakož i syntetické charakteristiky nejvýznamnějších postav polské literatury. Ale chce nejen šířiti tyto vědomosti, nýbrž chce také přispívati k rozvoji polské filologie; i bude hleděti zejména k teorii nauky o jazyce a literární historie jakož i k metodologii obou těchto nauk. V prvním svazku otištěna po třetí známá studie *Stanislava Windakiewicze* »Mikołaj Rej z Nagłowic« (Lublin 1922, str. 114), jež po prvé vyšla již r. 1895. Z prací přichystaných pro další svazky týkají se jazyka Baudouina de Courtenay »O ogólnych przyczynach zmian językowych« a »Charakterystyka języka polskiego«, J. Łośe »O zdaniu i wyrazie, studjum z psychologji języka«, J. Rozwadowského »Znaczenie a budowa wyrazu«, K. Nitsche »O badaniach gwarowych«; redaktor sbírky H. Gaertner uveřejní tu spis o stylistice, jejích úkolech a metodách. Z prací literárně historických ohlášen je spis S. Windakiewicze »Piotr Skarga«.

Historickou mluvnici jazyka slovinského (Historična slovnica slovenskega jezika) z pozůstalosti již před 10 lety zemřelého K. Štrekelja začalo s pomocí akademie záhřebské vydávati Zgodovinsko društvo v Mariboru. Dosud vyšly dva sešity (str. 1—128); vydavatel není uveden.

Ve IV. knize měsíčníka ***Русская Мысль*** vytiskl **V. N. Nečitajlov** sbírku písní jižních Slovanů v ruském překladě (str. 91—101), celkem 20 čísel drobnějších písní, menší počet jím sebraných. Vydavatel připomíná v kratičké předmluvě, že 70letá stařena zazpívala mu kol 200 písní, a sice v m. Trnu. Sbírka jeho sestavena v jihozápadním Bulharsku na hranicích Makedonie a Srbska. Velmi nepříznivě působí poznámka, že vedle této části Bulharska, pouze se strany Srbska byly vytvořeny i »písně západních Slovanů«, které byly zapsány Francouzem Merimée a Puškinem vneseny v nevyrovnatelném překladě do ruské literatury. I z ostatních jeho poznámek vidno, že sběratel velmi slabě jest obeznámen se slovanskou lidovou poesií. *jpa*

Sergěj Karcevskij vytiskl v 10. čísle Sovremmenych zápisků (Paříž, 1922, str. 301—312) nevelký vědecko-populární náčrtek »*Jazyk, válka a revoluce*«. Promlouvá v něm o hojných nových slovech, vytvořených v novější době v Rusku, jednak pomocí oblíbených přípon, jako zvláště -ka, ale celkem válka nevytvořila mnoho, daleko méně než ve Francii, leda četné zkráceniny, z počátečných slabik slov, jako glavkoverch, maštakor a pod. z verchovnyj glavnokomandujuščij, načaľnik štaba korpusa, potom sovbur-sovětskij buržuj, rabfaki-rabočije fakultety a j., hlavně pak složeniny z počátečných písmen a částečně ze slabik prvního slova: Rosta-ros. telegraf. agentstvo a j. Velkou měrou nabývala stará slova nového významu: měšočnik a pod. Spisovatel toho článku popírá, že by bylo třeba mluviti o jakési revoluci v ruském jazyce, největším novotářstvím jsou zkráceniny, ale není prý podkladů zvětšovati jich význam. Jsou to hrůzné barbarismy, a bohužel novodobý horečnatý život se svým šíleným shonem tvoří více méně všude takové nestvůry

též v českém jazyce obchodním jako čedok a p. Odvolávati se při tom na slovo jako abeceda, není třeba, jest přece příliš ojedinělé, a neudělá z těchto vředů a vřídků příznaky zdravého organismu našeho jazyka. *jpa.*

Literární dějepisec český **Josef Hanuš**, jehož studie o počátcích kritického dějezpytu českého v XVIII. století, o vzniku Učené společnosti v Praze o F. M. Pelclovi, F. F. Procházkovi a M. A. Voigtovi podstatně přispěly k prohloubení našich vědomostí o národním obrození nar ozhraní XVIII. a XIX. věku, byl pověřen úkolem napsati ke stému výročí Národního musea v Praze dějiny, tohoto důležitého ústavu kulturního i národního, který souvisí tak těsně s vývojem vlasteneckého vědomí a vlastivědného pokroku v Čechách i když s počátku měl jenom lokálně vlastenecké a ne zároveň jazykově národní tradice. Z rozsáhlého díla »Národní museum a naše obrození« (Praha 1921 [vl. 1922], nákl. Národního musea, str. 364), vyšel prozatím první svazek, který má podtitul »Kulturní a národní obrození šlechty české v XVIII. a v prvé půli XIX. století. Jeho význam pro založení a počátky Musea«; v rámci politických i kulturních dějin karakterisuje se tu zevrubně celá řada českých šlechticů od polovice XVIII. stol. až do r. 1848 a jejich zásluhy o duševní život v Čechách a o jeho organisaci. Pro výklad českého národního obrození jest to pomůcka důležitá. *A. Novák.*

Thomsenových „Samlede afhandlinger" (v. str. 408) vyšel zatím třetí svazek věnovaný choti učencově (1922, 516 stran). Obsahuje vesměs Turcica, hlavně rozluštění nápisů a rukopisů. Práce tu obsažené jsou psány většinou francouzsky, některé anglicky, něco málo i německy; je tu i několik článků dánských, jsou hlavně rázu všeobecnějšího: Turecké rukopisy písmem ruským z čínského Turkestanu; Z minulosti východního Turkestanu; Staroturecké nápisy z Mongolska s překladem a s úvodem.

V říjnu 1922. *A. Kraus.*

† Ivan Milčetić.

Ivan Milčetić rodio se 28. augusta 1853. u Dubašnici na otoku Krku. Na Rijeci svršio je hrvatsku gimnaziju, gdje je od profesora na nj odlučno utjecao T. Smičiklas svojim širokim znanjem, slavenskim osjećajem i lijepim stilom. Kao abiturijent primio je službu suplenta na gimnaziji u Splitu. Za svoga jednogodišnjeg službovanja ovdje napisao je prvu svoju radnju »Ime i ideja ilirska za Lj. Gaja u Hrvatskoj,« priopćenu u almanaku »Velebit« (1874.). Poslije toga došao je u Zagreb, da uči slavistiku. Prof. Geitler zavolio ga kao svoga najdarovitijeg đaka. Posljednju godinu svojih studija proveo je u Pragu, gdje je najviše njegovim poticajem osnovano akademsko društvo »Hrvat«, kome je on prvi tajnik. Već za studijâ u Zagrebu Milčetić živo učestvuje u omladinskom pokretu oko društva »Hrvatski Dom«; vidimo ga među pokretačima i saradnicima almanaka »Hrvatski Dom«. A sada, pošto se vratio nakon svršenih studija iz Praga u Zagreb, akad. omladina izabra ga predsjednikom »Hrvatskog Doma«. Milčetić je sada vođ hrvatske omladine. U III knj. »Hrvatskog Doma« (God. 1878.) izašla je njegova lijepa studija »Hrvati od Gaja do god. 1850.«, koja je s prvom njegovom radnjom najbolje naučno obrazloženje ideologije hrv. Strossmayerove omladine sedamdesetih godina.

God. 1879. postavljen je Milčetić namjesnim učiteljem na gimnaziji u Zagrebu; zatim je položio ispit na zagrebačkom sveučilištu i premješten u Varaždin (1881.), gdje je, uz jedan mali prekid, službovao do svoga umirovljenja (1912.) i živio do svoje smrti (1921.).

Naučni rad I. Milčetića obuhvata široko područje slav. filologije: on je lingvist, folklorist i literarni historik. Po raspravi »Čakavština Kvarnerskih otoka« (Rad, 121.) on je jedan od osnivača hrvatskosrpske dijalekto-

logije. Milčetić je uredio I. knj. »Zbornika za život i običaje južnih Slavena« i napisao dvije oveće folklorističke studije: »O hrvatskim naseobinama u Moravskoj, Donjoj Austriji i zapadnoj Ugarskoj« (Vijenac, 1898.) i »O koledi u južnih Slavena« (Zbornik za nar. živ., XXII. 1917.). Njegova književna naobrazba bijaše široka, pa on u svojim radovima obuhvata hrv. književnost od najstarijih vremena do svoga doba. Radi poznavanja slavenskih književnosti i talijanske osobit ga interes veže za preporodnu i dubrovačko-dalmatinsku knjigu. Svaka njegova radnja, i najmanja, donosi uvijek nesamo nove građe već i novih pogleda. Ali nadasve on je kao lingvist i literarni historik volio stare glagoljaše i njima posvetio najveći dio svoga naučnog rada.

Za mladosti I. Milčetića u njegovu zavičaju, na Krku, još je živjela glagoljica, ma da su to bili zadnji dani njena života. Tako je on kao rođeni Krčanin postao najboljim poznavačem hrv. glagoljske književnosti. Niko nije pronikao dušu i život hrvatskih glagoljaša kao Milčetić u studiji »Glagoljaši, osobito krčki, u prošlosti hrvatskoj« (Smotra, I. 1887.). Za nj bijaše to zaista živa starina. U intimnosti, kojom iznosi život glagoljaša na osnovi kodeksâ, osjeća se, da je on potomak njihov, dijete iste sredine, iste zemlje, pa da nije novo vrijeme završilo život glagoljice, i on ne bi bio učenjak, već nastavljač njihova rada, negdje u samostanu sv. Mandaljene u Dubašnici. S velikim pietetom on je i skupljao glagoljske kodekse, pa ih više ima u njegovoj knjižnici, od kojih je najvažniji t. zv. Žgombićev kodeks, iz kojega je Milčetić objelodanio jedan dio, i. to »Hrvatski lucidar« (Starine, XXX.). Studiju glagoljice posvetio je Milčetić i najveće svoje djelo »Hrvatska glagoljska bibliografija« (Starine, XXXIII.), za koje je obašao sve evropske knjižnice, u kojima ima glagolitica. Nažalost, u tome djelu nema više one svježine i onoga duha, kojim se odlikuju raniji njegovi radovi.

Milčetić bijaše učenjak velikih sposobnosti, kulturni radnik širokog vidokruga, pa se i zanosio djelima veće koncepcije. Htio je napisati hrvatsku bibliografiju i povijest hrvatske književnosti, ali u malome Varaždinu, uz rad na srednjoj školi, to nije bilo moguće, a kao narodni čovjek u skučenim političkim prilikama nije mogao steći katedru na sveučilištu u Zagrebu, i ako je to fakultet htio. Milčetić je morao ostati učenjakom velike koncepcije u malome provincijalnom mjestu i sav se njegov rad raspao u odlične fragmente njegovih velikih osnova. *Dr. Branko Vodnik.*

† Tihomir Ostojić.

Prvi dekan i profesor nacionalne književnosti mladoga universiteta u Skoplju, Dr. Tihomir Ostojić, dopisni član Srpske Kraljevske i Jugoslavenske Akademije, preminuo je 18. oktobra u Beču u 57. godini, i sahranjen je u Beogradu 3. novembra prošle godine, ispraćen i ožaljen od zastupnikâ najviših naučnih i kulturnih zavoda Srbije i Vojvodine. Kulturni i književni rad pok. Ostojića pripada, u prvom redu, njegovoj užoj domaji, Vojvodini, gde se rodio, odrastao i vaspitao, i gde je, po svršenim višim naukama u Budimpešti i Beču, služio kao profesor u srpskoj autonomnoj (sada državnoj) gimnaziji u Novom Sadu (od 1889.—1910.), a zatim kao sekretar Matice Srpske u Novom Sadu (1911.—1914.); po svojoj pak širokoj koncepciji nacionalne ideje, osećao je on i radio vazda u duhu jedinstva narodnog, zbog čega je, za vreme rata, morao poneti svoj krst i proživeti mučne dane internacije, u Baji i Stonom Beogradu. Kao što mu je ceo život bio ispunjem radom, tako je i za ratne vreve, verujući u budućnost svoga naroda, spokojno podnosio tešku oskudicu i radio na svojim poslednjim studijama, o Branku Radičeviću (Studije o B. R., Hronologija pjesama B. R., štampano u Radu Jugosl. Akademije knj. 218), pribirajući uz to i građu za Hrv. Biograf. Rječnik Jugosl. Akademije. Po svršetku rata, kad je u Skoplju otvoren filozofski fakultet, bio je izabran za redovnog profesora i prvog dekana toga fakulteta, gde je pored administrativnih poslova jedne

institucije u postajanju, pored svojih predavanja, za koja je imao sva pogodna svojstva osim slaba zdravlja, dospeo da osnuje i Naučno Društvo i da mu bude prvi predsednik. Prekomerno naprezanje, da savesno odgovori svim svojim dužnostima, ubrzalo je proces njegove bolesti, koja mu se ozbiljno javila još u 1916. godini, za vreme internacije u Stonom Beogradu.

Već kao đak srpske gimnazije u Novom Sadu počeo se baviti književnošću, a kao đak universiteta štampao je svoje prve radove iz književne istorije. Kao profesor srpske gimnazije u Novom Sadu napisao je znatan broj članaka, rasprava, ocena i prikaza iz književnosti, umetnosti, pedagogije i t. d.; harmonično obrazovan, on je isto tako propagirao umetnost u srpskom društvu, naročito muziku, kao i gimnastiku (sokolstvo), a neodoljiv nagon na reforme i reformiranje nije mu davao mira ni vremena da se zadrži na ostvarenju jedne zamisli, jednoga programa, nego se u isti mah razbijao na više strana. Pod njegovom rukom izvedene su i sve reforme u Matici Srpskoj 1900. godine; oko reforama u Matici stalno se bavi, otkad je izabran za člana Književnog Odeljenja (1898.). Društveno i narodno prosvećivanje i Knjige za Narod, koje Matica Srpsda izdaje od 1885. godine, prihvatio je s naročitom pažnjom i ljubavlju, znajući kakav su napredak u tom učinili drugi srećniji narodi. Stoga su i reforme, oko kojih je radio, sve više određivale u Matici orijentaciju u pravcu narodnog prosvećivanja, tako da je ona u svom novom Ustavu od 1920. godine, mesto pređašnjega općeg književnog i kulturnog programa, odredila sebi uži zadatak: svestrano proučavanje Vojvodine i društveno (narodno) prosvećivanje na osnovi naučnog poznavanja terena.

Zanimajući se naročito kulturnim problemom, najviše je truda uložio oko proučavanja prosvetioca srpskog Dositeja Obradovića i njegova vremena, te o njemu piše i raspravlja u više maha. Prebirajući po arhivu i biblioteci Dositejeva manastira Hopova, i inače, izradio je prostranu studiju Dositej Obradović u Hopovu (štampano u Knjigama Matice Srpske 1907.), u kojoj mnogo veći deo tumači kulturne prilike srpskog naroda u 18. veku, a tek neznatni podaci sporadično osvetljavaju predmet prema natpisu studije. Isti je predmet obrađen, i na osnovi iste građe s nekim dopunama, u raspravi Dositheus Obradović' s Klosterjahre (Archiv für slav. Phil. XXX.) Još god. 1894. štampao je u Knjigama za Narod Matice Srpske Dositejeve Basne (odabrao i udesio za narod), a o proslavi štogodišnjice Dositejeve (1911.) dao je pet različitih članaka o Dositeju (među kojima jedan govor u Matici, Letopis M. S. knj. 285. — 1912.) i počeo izdavati Odabrana Dela za Školu: knj. 1. i 2. Život Dositeja Obradovića. Od srpskih književnika, dakle, bavio se najviše oko Dositeja i, onda, oko Branka Radičevića, ostavivši tako studije, po kojima će se naročito spominjati u istoriji srpske naučne knjige. Sitniji prilozi o Zahariji Orfelinu (Jagićev Zbornik, Berlin 1908. i Archiv für slav. Phil. XXX.) takođe su vredni produkti proučavanja književnog i kulturnog srpskog 18. veka, koji je sumarno i više sa kulturnoistorijskog gledišta obradio u knjižici Srpska Književnost od Velike Seobe do Dositeja Obradovića (Sr. Karlovci 1905.). Na dokumentima i kritički sređenoj arhivskoj građi stoje i njegove dve rasprave: Zmaj Jovan Jovanović i Đorđe Rajković (Letopis M. S. knj. 251. a 252. lični i književni odnosi u godinama 1856.—1871.) i Osnivanje Novosadske Gimnazije (Letopis M. S. knj. 265.), a u Prilozima za Istoriju Crne Gore (Spomenik Srp. Kralj. Akademije LII.) pokazao je i kako se ta građa izdaje za svrhe naučne; u ovu vrstu rada spadaju i Cirkulari Mitropolita Pavla Nenadovića Fruškogorskim Manastirima (Srpski Sion, Sr. Karlovci 1907.) i redakcija Autobiografije Jovana Subotića (Knjige M. S. 1901. i 1902.) Školskoj književnosti privredio je spomenutom već zbirkom izdanja Odabrana Dela za Školu, od kojih je 5. knjiga (Narodne Pesme, I. Nemanjići) štampana pred rat do 7. tabaka, a u Matičinim Knjigama za Narod dao je upravo uzorna izdanja narodnih pesama: Kosovo, Kraljevića Marka i Uskoke. Jednakom ljubavlju radio je pok. Ostojić u užoj i široj školi narodnoj, kao i u nacionalnoj nauci. i osigurao je sebi jedno od vidnih mesta u kulturnoj i književnoj istoriji Srba u Vojvodini.

R. Vrhovac.

Výtahy z časopisů.

Atheneum. Vědecký sborník. Ročník l. Svazek 1. Svět slovanský. V Praze 1922.

Miloš Weingart: O jednotnosti Slovanstva (1—12). Kriticky se rozbírá stať Meilletova »De l' unité slave« (Revue des études slaves I, 1921, str. 7—14) a stanovisko P. Dielse v knížce »Die Slaven« (Aus Natur und Geisteswelt sv. 740, 1920). W. ukazuje proti Meilletovi, že otázku slovanské jednotnosti nelze řešit jen se stanoviska jazykozpytného, a nepřijímá zejména jeho povšechného názoru, že by slovanské jazyky dokumentovaly slabost slovanské jednoty. Pravdě mnohem blíže je Diels. O dosavadních předpokladech řešení otázky slovanské jednotnosti vyslovuje se W. dosti skepticky. Jest to otázka přísně vědecká a lze ji rozhodnouti jen soustavným srovnávacím studiem všech stránek slovanského života. — **Miloslav Hýsek**: Slovanství Karoliny Světlé (12—18). Ohlas slovanské myšlenky proniká v díle K. Světlé sice na mnohých místech, ale spisovatelka nepovznesla se nikde nad stanovisko obrozenské romantiky. — **P. Novgorodcev**: Krise Západu a Dostojevského ideje o poslání Ruska (18—27). V době nepřátelství národnostního i sociálního slyšeti jest hlasy o těžké krisi západoevropské kultury. Rusku, jehož duchovní síla není velikým utrpením posledních let zničena, ale naopak zesílena a upevněna, jest podle Dostojevského souzeno předělati svět novou kulturou, jež bude záležeti v mravním přerodu lidské duše a náboženském vznícení. — **André Mazon**: Studium slavistiky ve Francii (27—30). První stolice jazyků a literatur slovanských založena byla na Collège de France již r. 1840 a od té doby jest zájem pro studia slovanská stále silnější. Od r. 1919 středem jich jest Institut d' études slaves, založený Arnoštem Denisem. — **Fr. Chudoba**: Slovanské řeči a literatury na universitách anglických (30—34). Studium jich pěstuje se teprve od doby poměrně nedávné; zájem o ně prýští se především z potřeb praktických. — **Karel Kadlec**: Přípravy k součinnosti mezi slovanskými Akademiemi (34—42). Již před válkou od r. 1911 jednalo se z popudu akademie petrohradské o založení svazu slovanských akademií a učených společností. Válka zmařila tyto plány. Po válce uskutečněna prozatím součinnost České akademie a Král. čes. společnosti nauk s akademií záhřebskou a bělehradskou a Slovinským učenným družstvem v Lublani, jejichž zástupci sešli se ve dnech 28.—30. října 1921 v Záhřebě. Vedle toho jsou obě naše vědecké korporace členy Mezinárodní unie akademií, jejíž sídlo je v Bruselu. — **Rozhledy** (42—48). Slovanský a Orientální ústav v Praze. Ústav západoslovanský při universitě v Poznani. O. Vočadlo odmítá Meilletovu kritiku češtiny vyslovenou v knize »Les langues de l'Europe nouvelle« (Paříž 1918). — Publikační činnost petrohradské akademie věd za léta 1914—1921. Přehledně rozdělený bibliografický soupis, sestavený podle knížky: »Rossijskaja Akademia Nauk. Spisok izdanij 1914—1921«. *J. K.*

Listy filologické. Ročník XLVIII. V Praze 1921.

Slavistiky se týkají tato pojednání: **J. Polívka**: Zbytky polštiny v Gemerské župě. (23—30). Dialektické poznámky podle pohádky: »O kocurikovi», kterouž v Slovenských povestech vytiskl P. Dobšinský s polovice hovorem šumiackým, s polovice pohorelským, a podle ukázky, nalezené v pozůstalosti Czambelově, sepsané v nářečí pohorelském. Nářečí není tu sice přesně zachyceno, jest však patrno, že jde o dialekt smíšený, prozrazující zejména v ukázkách z Pohorelé hojnější příznaky polské. — **F. M. Bartoš**: Chelčický a Rokycana (30—40, 118—135). Datování hlavních spisů Chelčického a výklad vzájemného poměru Chelčického a Rokycany. Dodatek I. Chelčický a Matěj

z Janova. II. Chelčický a bratr Řehoř. — **K. Svoboda**: Verš nových českých dramat (93—103). Metrický rozbor nových českých dramat, psaných volným rytmem a veršem. — **Fr. Trávníček**: Ke kvantitě mužských kmenů na *-o-*, *-jo-* a *-u-* v češtině (104—111). T. zkoumá kvantitu jmen s praslovanskými dlouhými vokály v slabice kořenné a s praslovanským přízvukem na kořeni. Podav stav kvantity v jazyce spisovném, nářečích i v češtině starší při jménech s pův. intonací raženou i taženou a vyloživ podle Lehrovy práce »O prasłowiańskiej metatonji« poměry praslovanské, ukazuje T., že dnešní česká kvantita se zakládá na vyrovnávání původních rozdílů přízvukových nebo kvantitativních, z nich povstlaých, aneb obojích. Pronikla buď délka nebo krátkost; při typu *hrách-hrachu* nastalo napodobení hotového vyrovnání při jménech s intonací taženou (*sníh-sněhu*). V č. starší a dialektické však máme zachovány i zbytky vývoje praslovanského. Z článku je patrna důležitost českých poměrů kvantitativních pro otázku metatonie. — **Oldřich Hujer**: Drobnosti grammatické (111—113). 15. K dissimilaci souhlásek. (stč. *křitel* a *křitedlnicě* v Pass. Klem.). 16. K prajazykové změně *ur* v *ru*. (Je dosvědčena i v starém srbchorv. *skruna* a sln. *skrun*). 17. *Otcové* ve významu »parentes« má doklady u Bezruče a v nářečí lašském i valašském. 18. Stč. *dievka* masc. Obdobně je lat. *virgo* a něm. *maget* mask. — **R. Trautmann**: Staroruské evangelium Archangelské (113—118). Popis paleografických a nejdůležitějších jazykových rysů tohoto textu. — **Fr. Bergmann**: K chronologii některých staročeských zjevů mluvnických (223—239). Z bohemik Friedrichova CB. 1, II (Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae). Důležitý článek, pozměňující dosavadní názory o chronologii některých staročeských změn jazykových. 1. Přehláska *a-ě*. Nejstarší její doklad v slabice krátké z r. 1131 z Čech. 2. *e* za *o* v slab. měkkých (v odvozovací slabice *-ev-*) je z r. 1057 (*Malseu*). Jde asi o změnu *-ov-* v *-ěv-*, vzniklou z příčin fysiologických a graficky přesně nezachycenou. 3. Přehláska *u-iu*. Začátek její pošinuje se již do l. pol. XII. stol. 4. Samohláskové *r*, *l*. *a)* Změna *črt*, *žrt* v *čert*, *žert* má doklady až z r. 1131. *b)* CB. má doklady pro samohláskové *l* (Hlmecs z r. 1057), dále pro *-ul-*, *-el-*. 5. *ý-ej* doloženo asi již z r. 1186 (Teinéz). 6. *srěbr-*. Doklad bez vsutého *-t-* z listiny ok. r. 1131: Zrebrnicek vedle Ostrauaz ib. 7. nom. pl. *břusi* od subst. *břuch* doložen dial. mor. slovem *Sobebruzi* z doby kolem r. 1131 (břecl. okres). 8. Změna *g* v *h* má bezpečné doklady z r. 1169 (Bohuslaus), a pravděpodobně jsou její případy již z doby ok. r. 1131 (Hizlech). 9. *šč* > *šť* doloženo bez pochyby r. 1169 (Stpicki) pro Moravu. 10. Akk. *-y*, *-ice* za nom. *-i*, *-ici* jmen místních doložen již ve XII. stol. — **Fr. Trávníček**: K nauce o jmenné větě v češtině (239—249). Doklady z češtiny starší i z nářečí a výklad, kterak si jazyk věty takové upravuje. — **M. Hýsek**: Mikovec jako kritik a dramatik (249—271). — **Antonín Procházka**: Hněvkovského ballada »Vnislav a Běla«. Látkoslovná studie (271—279). Pramenem Hněvkovského balady byly, ovšem měrou nestejnou, Šedivého »České Amazonky«, cestopis V. V. z Mitrovic a Wielandův »Oberon«. Vliv »Vnislava a Běly« jeví se u Kamaryta, Klicpery, Sabiny, Štěpničky, Amerlinga. Obliba písně stala se příčinou osobivé lokalisace. — V archivu literárně historickém otiskuje **Jan Jakubec** dosud neznámou báseň od Fr. Palackého. — V rubrice **„Úvahy"** Trávníčkova recense tří nových prací akcentologických (Belićova spisu »Akcenatske studije« a Lehrových prací »Ze studjów nad akcentem słowiańskim" a »O prasłowiańskiej metatonji«), Hujerovy posudky spisu Agrellova »Zwei Beiträge zur slav. Lautgeschichte«, Meyerova »Slav. und idg. Intonation«, Otrębského »Przyczynki do gramatyki porównawzcej języków indoeuropejskich«, van Wijkových »Altpreussische Studien« atd.), Smilauerova recense Vlčkova Sborníku (Z dějin české literatury) a j. Mezi drobnými zprávami je posmrtná vzpomínka M. Weingarta o Františku Snopkovi s podrobným výpočtem jeho spisů, probírajících otázky cyrillo-metodějské. *J. K.*

Časopis Musea království českého. [Ročník XCV. 1921. Oddíl duchovědný. Str. 256.

I. Články. **Emanuel Leminger**: Činnost Jana Erazima Vocela v letech 1824 až 1842 (1—16, 81—98). Doplňky k životopisu předního českého

archeologa a badatele v oboru dějin českého umění. — **J. Hanuš:** Musejní časopisy za redakce Palackého (17—30, 110—127, 236—246). Článek podává literárně-historický rozbor německého časopisu musejního, jenž byl vydáván nejprve pod názvem Monatschrift der Gesellschaft des vaterländischen Museums in Böhmen (1827—1829), potom s novým titulem Jahrbücher des böhmischen Museums für Natur- und Länderkunde, Geschichte, Kunst und Literatur (1830—1831). Hanuš rozebírá nejprve jeho obsah naukový, který se dotýkal především historie v nejširším smyslu slova, filologie (jazykozpytu i literární historie) i věd přírodních. Měl však též oddíl literatury krásné, rubriku přinášející zprávy o současných kulturních snahách národa i bohatou a význačnou část kritickou. — **F. M. Bartoš:** Z počátků Jednoty bratrské (30—43, 127—139, 203—218). Autor se pokouší o řešení hlavních otázek z nejstarších dějin bratrských na základě nových pramenů; rozprava skládá se ze čtyř částí: I. Husitské náběhy k odtržení od Říma a Jednota (30—43, 127—139). B. novými důvody posiluje svou domněnku, že husitským vyjednavačem o splynutí s církví byzantskou byl Petr Payne, rodem Brit. Cesty Payenovy za tímto účelem do Cařihradu neměly však úspěchu a konečné súčtování s Římem způsobem jiným oddalováno Jiřím z Poděbrad i Rokycanou na neurčito z důvodů diplomatických. To způsobilo odchod zbožných Rokycanových posluchačů na Kunvaldsko — a vedlo ke vzniku Jednoty. Dodatkem udvádí autor Payneovu cařihradskou konfesi, která ukazuje, v čem se utkalo a srazilo Payneovo husitství s řeckým pravoslavím. Vliv řecký či vliv Payneův na Jednotu projevuje se stopami nejvýš pravděpodobnými. II. Bratří vitanovičtí a jejich vůdce Jan (203—206). Byl to podle domněnky Bartošovy br. Jan Vilímek Táborský, pozdější vynikající člen Jednoty bratrské. III. Z ústavních počátků Jednoty bratrské (206—213). IV. Valdenští a vznik Jednoty (213—218). Jednání, které bratří navázali s Valdenskými po rozchodu s Rokycanou r. 1461, hledajíce prostředek, jak nabýti vlastního kněžstva, bylo po smrti valdenského biskupa Štěpána přerušeno. — **Jos. Volf:** Udatní rytíři Plzenští (43—58). Anonymní česká povídka tohoto názvu (1. vyd. z r. 1799), která bývá přičítána Janu Nejedlému, není dílem J. Nejedlého, ale není ani »jistým pokusem o českou povídku rytířskou«, jak mínil Máchal, poněvadž je to překlad Pabstova románu: »Die starcken Ritter von Pilsen« z r. 1798. Překladatelem je buď Rulík nebo někdo z jeho družiny. — **Jan Thon:** Ztracený almanach »Pomněnky« (58—63). O policejně zabaveném almanachu: »Pomněnky na slavnost padesátiletého trvání pražského konservatoria 1858«. — **Jos. Volf:** Z dějin »král. dvorské knihtiskárny« (98—110). — **F. Zuman:** Papírna v Pardubicích (139—148, 218—223). — **Jan V. Sedlák:** Jan Roháč v literatuře české (177—202). Literárně historický rozbor látek o Roháčovi až do Jiráska. — **F. D. Zenkl:** Z intimních dopisů Ladislava Stroupežnického (223—236). — **II. Úvahy** obsahují zejména podrobný kritický rozbor disertace bulharského archimandrity St. Georgieva »Les Bogomiles eo presbyter Kosma« od M. Weingarta (148—160; odmítavě), dále Menšíkovo ocenění »Sborníku studií a vzpomínek na počest Jiráskových sedmdesátých narozenin« (247—249) a úvahu K. Paula o pojednání V. A. Franceva: »Monumenta Illyrica« P. J. Šafaříka (249—250). — V **Hlídce literární** (73—79, 168—176, 250—256) mimo jiné vyslovuje F. M. Bartoš proti Z. Nejedlému domněnku, že nejstarším českým hudebním skladatelem byl roudnický mnich Záviš, zpovědník arcibiskupa Jana z Jenštejna; týž autor přičítá brožurku kritisující Schönfeldovo kázání o Janu Nepomuckém z r. 1783, jíž po prvé uvedena v pochybnost svatojanská legenda, Josefu Dobrovskému; Jovan Kršić podává zprávu o erlangenském rukopisu srbských národních písní, nejcennější to sbírky srbské národní poesie před Vukem, jejíž kritické vydání chystá dr. Gäsemann pro srbskou akademii; K. Paul píše o zapomenutém českém básnickém zpracování Asan-aginice z roku 1836, jež pořídil bratislavský posluchač bohosloví Pavel Švehla. Atd. *J. K.*

Des rapports linguistiques slavo-roumains.

Les études que je présente sous ce titre[1]) aux slavisants et aux roumanisants à la fois, s'inspirent de la même pensée que M. Kadlec a exprimée, il y a déjà quelques années, dès le commencement de la préface de ses savantes recherches sur la colonisation roumaine (*Valaši a valašské právo* etc. Prague 1916, p. III.). C'est que la science slavistique restera nécessairement incomplète jusqu'au moment où elle se décidera de consacrer systématiquement une attention spéciale à la langue et au passé de deux peuples avec lesquels les Slaves avaient toujours des rapports bien intimes. Ce sont à côté des Hongrois principalement les Roumains dont la langue présente beaucoup d'éléments d'une utilité assez considérable à la solution des problèmes slavistiques.

1. Cihac, Dictionnaire d'étymologie dacoromane (Francfort 1879) v. II. p. 70, propose pour *colț* dans l'acception de coin, angle, corne vsl. *kǫtъ* comme l'étymologie. Il sépare ce mot de *colț* dans la signification de pointe, germe, dent incisive, pince, dent de devant de cheval, crocs, défenses, broches etc. Dans cette dernière acception, il l'explique par vsl. *kolъ* pieux, tandisque Tiktin, Rumänisch-deutsches Wörterbuch I p. 393, compare le mot en question dans toutes ses deux significations plus justement à ukrai. *kilъ*, r. *kolъ*, pol. *kieł* ‚Hauer', serb. *kaļac* ‚Schneidezahn bei Pferden' etc. Il est hors de doute que la première des étymologies proposées par Cihac est en contradiction évidente avec le traitement de la nasale *ǫ* en roumain (cf. *pîndi* < *pǫditi*) et que la seconde ne suffit ni au suffixe ni à la signification. Le mot roumain s'accorde cependant avec pol. *kolec* ‚Stachel, Spitze' = ukrai. *kilécь*[2]) m. ‚rostokъ vъ zerně (Hrynčenko, Slovar II, p. 242). Quant à la chute de la voyelle *ь* dans le suffixe *-ьc* cfr. *neamț* < *němьcь*. Mais il n'est pas probable que *colț* provient du polonais. Il faut supposer plutôt l'existence d'un

[1]) Voir aussi mes études qui paraîtront sous le même titre prochainement dans la *Revue des Études slaves*.

[2]) Dans la contrée de Snyatin (Galicie orientale) Dorn (communication privée).

**kolьcь*, dérivé diminutif du vb. *kolę klati* (cfr. Berneker I, p. 552) dans une langue slave balcanique, cfr. 1. *kòl̦āč, kàl̦ac, kàl̦ak* Ak. Rj. V, 219, 2, IV 781 ‚dens caninus, equi etc.', où la consonne du présent a été introduite dans les dérivés. Pour le développement de sens : coin, angle, corne etc. cfr. *kilòkъ* en ukrai. (Hrynčenko o. c.) crochet.

2. *dòină*, on le sait suffisamment, désigne cette espèce de poésie populaire roumaine dont le sujet est lyrique et la mélodie mélancolique. C'était Cihac o. c. II 98 qui l'avait déjà justement rapproché du scr. *dvójnice* sf. pl. ‚fistula duplex, flûte double des bergers'. Le mot scr. est l'adj. *dъvojьnъ* substantivé au moyen du suffixe *-ica*. Il semble être un calque linguistique du grec *διπλός* qui, sous forme de *dìple* sf. pl. d'où roum. *diplă, diblă* (cfr. Cihac II, p. 96), *diplaș* sm., *dipli* v. (v. Berneker I, 201), désigne un autre instrument de musique populaire. Le mot roum. *doină* représente le pur adj. fem. slave[1]) qui, dans sa signification d'espèce de poésie et de mélodie, évoque grec *λύρη* (cf. Boisacq, p. 592). Il nous dit aussi que les figures poétiques telles que:

S'al fiero Achille invidia de la chiara
Meonia tromba il Macedonico ebbe etc.

Ariosto, Or. fur. 37, 20.

pour la poésie d'Homère ne sont pas exclus à l'esprit populaire. Quant au traitement du groupe consonantique *dv* > *d* qui, en roumain, est ordinairement simplifié par la chute de l'élément dental ex. *vornic* pour *dvornik*, il faut admettre ici ou l'influence du numéral *doĭ* ‚deux' ou, comme le montre *trezvъ*[2]) > roum. *treaz*, v. *trezi*, la chute de l'élément labial. Les groupes consonantiques avec *v* ne sont généralement pas soufferts en roumain (v. Nros. 6 et 11 ci-après). La langue roumaine s'en débarasse différemment dans ses mots d'emprunt slaves. Voilà pourquoi on a pour *časovnik* > *ceasornic* p. e. à côté de *dumbravnic* ou *dobromnic, dumbrajnic, -braĭnic* etc. Tiktin o. c. p. 585 pour *dǫbrovъnikъ*.

3. Les expressions roumains pour les différentes espèces de voiles sont d'origine bien variée : 1. latins tel *balteus* > *balț* ; 2. turcs

---

[1]) Conev, Езиковни взаимности etc. Sophia, 1921, p. 104 l'explique lui aussi par *двоина (свирка)*.

[2]) *trijèzan* = à Žumberak *trȉzàn*, à côté de *trȅzven* en Serbie = *trȉzmen* à Banja Luka (Bosnie, catholiques) cfr. *crȅzmen* A. Rj. I, 823, a perdu son *v* d'abord dans le fém. **trezvьna*, d'où le masc. a été fait analogiquement.

tel *tulbent*, 3. hongrois tel *fachĭol, potilat* < *fatyol, patyolat* (cfr. aussi slov. *pajčolan*) ou 4. enfin d'origine grecque ou latine, mais arrivés dans le roumain par l'intermédiaire slave. C'est à cette dernière classe qu'il faut sans doute compter 1. *sovon* qui est sûrement grec *σάβανον*,[1]) mais dont le passage *a* > *o* renvoie clairement à l'emprunt slave; 2. *văl* avec la conservation de *l* intervocalique ne peut à coup sûr remonter directement au lat. *velum*; il faut plutôt penser à scr. *vèlj, vèo*, gen. *vèla*[2]) < lat. *velum*. Dans ce cas, l'aspect phonétique de *văl* est tout à fait clair. A côté de ces expressions il y a cependant de pures slavismes, tel *procov* < *pokrovъ* dont la métathèse de *r* ressemble à celle de *protivъ (-a)* > *potrivă*. Je voudrais y compter deux autres dont l'explication donnée jusqu'à présent ne me paraît pas suffisante. Ce sont: 1. *hobot* ‚Brautschleier, Schleier', 2. *nemeteț, nămeteț, nemiteț* ‚poêle, crapaudaille, crêpe fort délié et fort clair, crêpe noir pour deuil'. Le dernier mot a été très justement rattaché par Cihac II, p. 210 et par Tiktin p. 1050 au vb. *nametati, mesti mető*. Ak. Rj. VII 434 n'en connaît cependant qu'un dérivé avec le suffixe *-ьkъ: nametak* ‚priļepak krpe na sukno, da je deblje za zimu'. A ce verbe se rattache aussi *premètača* en Dalmatie, cf. la description de ce vêtement chez Broz-Iveković, Rj. II 186. Pour ce dernier vêtement, les Serbocroates de religion grecque-unie, à Žumberak, disent *premetăča* et les catholiques de la même contrée *rūbăc*. Le mot roumain suppose l'existence d'un dérivé avec *-ьcь* dans le slave balcanique.[3]) Quant à *hobot* ou *obot* que Cihac II 140 avait confondu avec les formes avec *r: horbot, horbotă, orbotă* ‚dentelles du polonais' *forbot* (v. Tiktin, p. 738), je ne crois pas que Tiktin avait raison à le rattacher à *hobotъ* ‚Schwanz, queue' (Berneker I 391). Le voile, crêpe etc. peut être, il est vrai, considérée quelquefois comme quelque chose de »lang Herabhängendes«, mais il me paraît plus naturel d'y voir un dérivé de *viti* ‚envelopper'. Je pense à *obojьkъ*, scr. *obojak* ‚pannus involvendis pedibus'. *oĭ* > *o* y a été traité comme p. e. en *dóniță* < *dojnica*; *-k* final a pu être remplacé par *-t* sous l'influence de nombreuses dérivés roumains en *-it*; *h* a été ajouté comme en *hoĭnă* (en Moldavie) à côté de *oĭnă* (cf. Tiktin s. v.).

---

[1]) Se trouve aussi dans nos documents dalmates: a. 918 *savano*, c. a. 1099 de même, v. Rački, Documenta p. 18, 181, 182. REW. 7478. Une autre variante du même mot grec est *savăn* v. *Conev* o. c. p. 84.

[2]) A Raguse encore *vèleta* < vén. *veléta*, furl. *velete* REW. 9184.

[3]) Voir aussi maintenant Conev o. c. p. 85.

A côté de ces expressions-ci il y en a encore une qu'il faut noter ici. C'est *coprînă*[1]) ‚velum capitis muliebre' que Pascu, Sufixele românești, p. 207 enrégistre parmi les dérivés en *-ină* du vb. *acópăr* < *adcooperio* ‚couvre'. Mais il n'en est rien. Il ne s'y agit pas d'un dérivé roumain, mais d'un nom d'emprunt fait au slave (ecclés., russe, bulg.) *koprina*, scr. *kòprena* ‚soie, crêpe, voile' dont l'origine n'était pas expliquée jusqu'à présent, cfr. Berneker I, p. 564. Comme on le voit, tous ces termes désignent des objets de culture ou plutôt d'industrie dont les dénominations passent d'un peuple à l'autre. J'ai montré ailleurs[2]) des vestiges de latinité balcanique dans les dénominations de vêtement modernes. Une étude approfondie montrerait à coup sûr quelle grande influence avait été exercée par les Romans dans ce domaine sur les peuples balcaniques, une influence qu'on pourrait peut-être comparer à celle qu'exerce de nos jours la mode française. On n'a à citer pour scr. que *kòšuļa*[3]) (entré dans le slave commun), *kàpūt*, *kopàran*,[4]) *bječva*,[2]) *hlače*[5]) etc. L'idée de Matzenauer Cizí slova, p. 213 d'expliquer *koprina* elle-aussi par un mot d'origine latine n'était pas fort hasardée. Il ne se trompait que de base latine qu'il proposait, son **caperone* ne suffisant ni à la phonétique ni au sens. Je regarde *koprina koprena* comme identique avec *cooperīmentum*

[1]) *căprine* sf. pl. *coprină* Narcissus est tout différent. C'est peut-être un dérivé de *koprъ*, Berneker I, 564 à quoi j'ajoute ces formes scr. fort curieuses: *komprc, koparac, kàprić, koprk, koprov, krop*, de noms de lieu *Koprnik*, en Dalmatie *Coparno* a. 1357—9 Smičiklas, Cod. dipl. XII 439, 535, 607, aujourd'hui *Kopreno*.

[2]) ČMFL. II 34—37 = ZfrPh. XXXVI 641—646. *Pòculica*, Archivum romanicum V, nro. 2.

[3]) L'accent scr. suppose *košūla*. Il faut prendre pour base *casulla* < *casulula*, déminutif de *casula*, cfr. Thes. l. l. III s. v. Corp. gloss. V, 564, 29. Pour *ll* > *ļ* cfr. *pońava* > *pannus*.

[4]) Se retrouve aussi en roumain sous forme de *coporán* Tiktin o. c. p. 412. En scr. aussi sous formes de *koparana* Ak. Rj. V, p. 294, *kapuran* ib. IV. p. 850 ou *kapòran* dans la Dalmatie du Nord (Bukovica où l'on dit pour le même vêtement *álak* = kaput od modroga sukna). Cfr. pour l'étymologie Zfr. Ph. XXXVI, p. 644.

[5]) Cfr. l'explication que j'en ai donnée dans ZfrPh. XXXVI 641. Quant à l'alternance *hla* et *kla* cfr. *klapac* à côté de *hlapac* Ak. Rj. V, p. 34. Koštial AfslPh. XXXVII, p. 403 suppose l'intermédiaire allemand *kolzo* < *calza* prononcé *kxóltso* ce qui embarasse encore plus que ne fait l'intermédiaire frioulan *kàltse*, puisque *ól* > *l̥* > *u*. Oštir AfslPh. XXXVI, 443 est contre l'explication par *calcia* de la latinité médiévale. Il le dérive du slave primitif **chólkā*; contre cette hypothèse parle la géographie linguistique, le domaine de *hlače* étant tout attenant au territoire roman. La consonne inaltérée se trouve encore en *klàšńa* Ak. Rj. V, 41, Berneker I, 510 et Leskien, Skr. Gramm., p. 7, § 11 a. Quant à *-ńa* cfr. *trešńa*, *crešńa*, *čerišńa* à Žumberak < *ceresia*. Puisque j'explique cette dernière forme par la contamination *čerša* + *višńa* cfr. Rad 224, p. 157. nro 174, je préfère de voir dans *klàšńe* un adjectif de **klāče* + *ьnъ*.

REW. 2204 d'où roum. *acoperemînt* ‚couverture' et dont un autre dérivé s'est conservé en Dalmatie: *coopertorium* > *krpàtūr*.[1]) Le suffixe *-mentum* alternait en latin, on le sait, avec *-(ī)men*. Je n'ai à invoquer à ce propos que *aeramen* à côté *aeramentum* d'ou scr. *ròmijenča*.[2]) Il n'est pas par conséquent hasardeux de supposer l'existence de **cooperīmen* qui, dans le slave balcanique, avait donné d'abord **kopríme*, puis, avec la dissimilation *p* — *m* > *p* — *n* [cfr. *metopir* > *netopir*[3]) etc.] **kopríne*. Cette dernière forme ayant été sentie comme pl. f.,[4]) a donné nécessairement naissance à un nouveau singulier féminin *koprína*. La voyelle *i* a été sentie par les Serbocroates comme un ikavisme qui, chez les Ijekavci, ne pouvait être remplacée, après la consonne *r*, que par *e* (cfr. *breme*): *kòprena* de *koprȅna*.

4. Le nom de plante *lăpuc* ou *lăpuș* ‚Klette, bardane, glouteron, Arctium' vient suivant Tiktin o. c. de hong. *lapu*. Dans ce cas, il faudrait admettre que les suffixes diminutifs roumains *-uc*, *-uș* sont venus s'ajouter au radical hongrois. Ce qui m'empêche de voir ici les suffixes, c'est que cette plante (»plantă cu foile largĭ etc.« dit p. e. Dalametră Dict. macedorom., p. 122 pour macedoroum. *lîpúș)* exclut l'idée diminutive. D'après Analele Ac. rom. XXXI, p. 128 ce seraient les dérivés de lat. *lappa*, ce qui ne vaut pas mieux et Meyer-Lübke REW., 4902, tout en enrégistrant cette dernière etymologie, propose aussi hongr. *lapos* ‚grossblätterig', sûrement à cause du suffixe. Il faut cependant noter que la même alternance du suffixe s'observe en bulgare, où il y a *lópuš* à côté de *lapúh*, *lopúh* (Gerov, Rěčnikъ III, p. 21). L'origine de ce *-uš*

---

[1]) REW. 2206 où il y a une faute d'imprimérie *ku-* pour *kr*. Quant à la métathèse de *r* cf. *krpļun* < *capreone* ZfrPh. XXXVIII, 548, 19, cfr. *capriuns* rafum dans le Glossaire de Kassel Monaci, Crest. 532. Le mot *coopertorium* se trouve aussi dans la latinité de nos documents *cuperturis de cruce*, *coopertorio de lecto* Rački, Doc. p. 18, 181.

[2]) ZfrPh. XXXVIII 560, 28. Cfr. aussi *ramencium ab aqua* dans la latinité de Dalmatie, Jireček, Romanen I, 92. M. le prof. Rešetar m'assure qu'on dit aussi dans le parler vénitien de Dalmatie *ramenza*.

[3]) En voilà d'autres exemples: bulg. *naštrapa* = rum. *năstrapă* < turc *mešrebe* (cfr. G. Meyer, Alb. etym. Wbch 262), č. *nedvěd* < *medvěd*, scr. *meredov* — *neredov; meropah* — *neropah*, *Nesebar* < *Misivri*, *Mesembria; mestve* — *nestve*, en roum. *meș; netepul* — *metul*, *netilav* d'où *netil* — *metil*. Tous ces exemples sont tirés de l'Ak. Rj. s. v. La dissimilation dans **koprime* était favorisée par l'influence du suffixe *-ina*. Cfr. aussi Câteva cazurí de asimilare și disimilare în limba română par Pușcariu, Dacoromania I, 322.

[4]) En voilà un autre exemple tout à fait analogue: roum. *fluer* sn. pl. *fluere*, alb. *fłoere* f (cf. G. Meyer, Alb. etym. Wbch) a donné d'abord *frȕle* d'où sg. *frȕla*, cfr. Berneker I, 285. Pour d'autres exemples v. AfslPh. XXXVII, 92, note 1. En roumain, on pourrait expliquer de cette manière *spaĭmă* < *expavimen*, **spăime* regulier ayant été senti comme pluriel.

pourrait être analogique. D'après *lapušnik*[1]) qui existe à côté de *lapúh* on a pu refaire *lapuš*. Quant au scr., il n'est pas sûr, si *lopuk* alterne avec *lopuh*, puisque Ak. Rj. VI, p. 156 n'apporte qu'une seule preuve pour *lopuk*; *lopuh* est la forme de toutes les langues slaves. Ce mot, entré une fois dans la langue roumaine avec son suffixe, demandait au singulier la substitution du suffixe le plus proche. C'était *-uc* qui est bien en usage (v. les exemples chez Pușcariu, Die rumänischen Deminutivsuffixe § 62 sq. et Pascu, Sufixele românești, p. 131), tandis que *-uh* ne s'y retrouve pas. Le pluriel slave de ce mot *lopusi*, suivant les lois phonétiques roumaines, ne pouvait être roumanisé autrement que sous forme de *lăpuși* d'où l'on a procédé à faire un nouveau singulier analogique *lăpuș*. Pour *o* ⊥ > *ă* ⊥ cfr. *căpița* à côté de *copița* etc.

5. Gartner, Darstellung der rumänischen Sprache, p. 134 identifie le suffixe du mot hybride *líniște* de *lin* < lat. *lenis*, vieux roumain *linește* ,paix' d'où vb. *liniști* ,apaiser', adj. *liniștit* ,paisible', avec celui que nous avons en *oiște* qui correspond sûrement à sl. *ojište*. Pascu, Sufixele românești, p. 252, ne fait que répéter la manière de voir de Gartner. Je ne suis pas de cette opinion vu la signification abstraite de *líniște* et vu le fait incontestable que tous les dérivés slaves faits au moyen du suffixe *-ište* ont la signification concrète sans exception. Pour expliquer *-iște* en *líniște*, toute possibilité latine étant exclue, nous sommes forcés de demander le secours à un autre suffixe slave. Cela ne peuvent être que les suffixes *-ostь*, *-estь* formant vraiment des noms abstraits dont le premier s'est glissé en roumain sous forme de *-oste*, cf. *dragostь* > *dragoste* ,amour'. D'après *bolestь, oběstь, bujestь*, le dérivé abstrait de *lin* < *lenis* ,doux' aurait été **lineste* dont la voyelle est conservée en vieux roumain *linește*. Le dérivé verbal de **lineste* doit être, conformément aux lois phonétiques roumaines, *linești* ou, après l'assimilation des voyelles protoniques, *liniști*. La consonne *ș*, de ce cas, a été introduite analogiquement aussi dans le primitivum.

6. Pour *mocirla* ,marais, marécage' propose Tiktin o. c. un dérivé slave **močirlo* de *mokro* dont la formation ne saurait être expliquée par les lois slaves. Cela suffit pour rejeter ce **močirlo* d'ailleurs tout à fait hypothétique. Le mot roumain s'explique plus aisément par scr. *močvara* qui, supposant le passage de *moč -i*

[1]) A cette occasion je note qu'il existe en scr. d'autres variantes vocaliques; *lȅpu* en Žumberak; *Lȁpišnica* ruisseau, près de Sarajevo, qui se jette dans la Miljacka, identique avec polonais *Łopušnyca*.

sf. parmi les thèmes en *-y*, *-ъve*, contient le suffixe augmentatif *-ara* comme *pļoštara* (à côté de *pļóšta*) ‚Pfütze‘, tandis que bulg. scr. ukrain. *močar(a)*, č. *močařina*, pol. *moczar(a)* présentent le même suffixe ajouté au thème en *-i*. Les groupes consonantiques slaves avec *v*, n'importe si c'est comme le premier ou comme le deuxième élément (excepté *vr*), ont subi tous en roumain des déformations ou substitutions plus ou moins considérables, ce qui est bien naturel, puisque le latin n'en a légué aucun au roumain. L'élément labial en a été remplacé quelquefois par *l*, comme en *bratьstvo* > *breaslă*, de même que dans le nom de lieu slovène *Ponikva* > *Ponigl*[1]) en Styrie. Il en était de même de *čv* dans le mot en question. *močvara* a dû donner, avec la métathèse des liquides, **močarlă* dont *ar*, ayant été transformé en *îr* comme en *fîrtat* de **fratratu*, *gîrnată* à côté de *grenată granată*, après la palatale, s'est changé régulièrement en *ir*.

7. *morișcă*, mot hybride de *moară* < lat. *mola*, signifie petit moulin. Le suffixe en doit être par conséquent déminutif et je crois que Pascu o. c. p. 249 commet une erreur en considérant ce suffixe comme provenant du slave *-iška*. Ce suffixe se retrouve aussi en *lacoviște* ‚Pfuhl‘ que Pascu o. c. considère faussement comme identique avec *tîrgoviște* où il n'est pas déminutif. *lacoviște*[2]) contient le suffixe déminutif vieux slave *-ištь*, scr. *-ić*.[3]) D'après *-ostь* > *-oste* *-ištь* a donné *-iște*, mais cette forme ayant été considérée comme pluriel roumain, on a formé un nouveau singulier roumain en *-ișcă* d'où les déminutifs *morișcă*, *podișcă*, *sitișcă*, *fetișcă*. Cfr. le procédé tout à fait analogue dans *castravete, stiglete* etc. du suffixe slave *-ьcь*.[4]) Contre mon explication on ne saurait invoquer le fait

---

1) V. Stur, Die slav. Sprachelemente in den Ortsnamen der deutsch-österr. Alpenländer zwischen Donau und Drau, p. 94.

2) Je parle de ce mot dans mon article qui paraîtra sous le même titre que celui-ci dans la Revue des Études Slaves.

3) Dans quelques contrées de Bocche di Cataro il en existe une variante en *-ic* (à Tivat p. e. *kòšic*, *maļic*, *końic*, à Krtole *maļic*) dont l'origine doit être cherchée dans les cas où *-ić* se trouvait après les palatales, p. e. *kòńīć*, *kràļić* (cfr. *kȍńīc*, *kraļic* dans Ak. Rj. V, 285, 459) etc. Ici l'élément palatal de *ć* a subi la suppression dissimilante. Je crois que de cette manière il faut expliquer le nom de lieu *Kȍńīc* en Hercégovine. Cfr. le phénomène analogue de métathèse palatale en *lućkî* à côté de *luckî* pour *ļudski* de la langue littéraire dans les patois de Catholiques de Žumberak.

4) Cfr. Weigand, Jahresbericht des rumän. Instituts XII, p. 156. En voilà d'autres exemples: *grăunte*, *glonte*, *prunc* < hongr. *poronty*, *papuc* < turc *papuč* > scr. *pàpuča*, *năplaț* > *naplata* d'après pl. *naplaty* > **năplați*, *șoacăt* = *șocot* souris à côté de *șoacăț* < *šokac* Dacorom. I, p. 339. Si l'on a pour *boļarin* en roumain *boier*, c'est parce qu'on dit au pl. *boļari*. La forme roumaine repose sur le pl. slave.

que ces mots forment le pluriel en *-ĭ* et pas en *-e*, les changements analogiques du pluriel en *-e* > *-ĭ* ayant pu s'opérér plus tard. D'ailleurs ces changements ne sont pas encore examinés suffisamment pour qu'ils puissent servir de preuve contre mon hypothèse.

8. Scr. *neman -i* sf. Ak. Rj. VII 895 n'a pas été expliqué étymologiquement jusqu'à présent. J'y vois un nom abstrait appartenant aux thèmes en *-i* devenu concrète, comme p. e. *gȍropad -i* sf. ‚rage, fureur, épilepsie', concrétisé aujourd'hui dans l'acception de furieux, enragé, remplace dans la langue littéraire son dérivé *goròpadnīk* de *goròpadan* (cfr. la traduction de la fameuse pièce de Shakespeare *Ukroćena goropad* au théâtre de Zagreb). Le mot en question fait l'impression d'un nom composé de *ne* + **mamь* de *mam, -a* ou *máma* Ak. Rj. VI 430 ‚allectatio' du vb. *mámiti* ‚illicere' Berneker II 15. Il désigne par conséquent ce qui n'attire pas, ce qui n'allèche pas; dans la signification positive ce qui repousse, ou, concrétisé, larve, monstre. Quant au passage de *-m* final en *-n*, on peut sans doute y voir une dissimilation comme dans *mànen* pour *màmen* Ak. Rj. VI, 431, 441; *manit* ou, avec l'introduction de *h* (d'après *mahàna* > *mahna* > *mána*) *màhnit* furiosus (cf. *mȁhnīt, -i* sf. fureur). Le mot scr. a passé à son tour en roumain sous des formes bien curieuses: *nămilă*, *mamilă*, *máminǎ* ‚Ungetüm, Ungeheuer, Koloss', où le suffixe *-an* > *în* (cf. *županъ* > *jupîn*) a été remplacé 1. par *-ilă* d'après *negrilă*, *surzilă* etc. cfr. Pascu o. c., p. 329, ce changement ayant été provoqué par la dissimilation *n* — *n* > *n* — *l*; 2. par *-ină* (d'après *Bichirină*. *Bașachină* cfr. Pascu o. c. p. 288), le mot étant féminin. L'assimilation *n* — *m* > *m* — *m* a été provoquée par la nasale suivante. Elle se trouve d'ailleurs justifiée par *mulțumi* > *mulțĭ anĭ* (cfr. Pușcariu, Dacoromania I 324). Du nom on a adj. *măminos* ‚ungeheuer gross' et vb. *mămina* ‚ungeheuer gross werden'. Pour *é* on s'attendrait à *ea*. Mais il faut admettre l'influence des formes où *e* se trouvait dans la position inaccentuée où le passage *e* > *ă* est régulier.

La concrétisation des appellations originairement abstraites est encore sensible en bulg. *dihánija* animal, scr. *dìhànija* être vivant > roum. *dihanie* animal prodigieux, monstre, horreur que Cihac II. p. 95 rattache à tort à *divъ* portentum, miraculum, res mira, de même Gartner o. c., p. 134 à l'adj. *divan*. Ni Cihac ni Gartner n'en expliquent le suffixe. C'est pour cela probablement que Tiktin, p. 545 et Pascu o. c., p. 226 préfèrent *dyhanie* ‚Atem, Hauch' de *dyhati* ‚souffler'. Il faut sans doute y voir le même suffixe qu'en *vezànija*,

pétlànija, *pisànija* (v. Maretić, Gramatika i stilistika, p. 300). La concrétisation a peut-être été favorisée grâce à scr. *divànija* ,halber Narr' < turc *divane* Berneker I, 202 où la désinance turque a été élargie par *-ja* comme en *odá* > *odaja*, *kapú* > *kàpija* etc.

9. *năzdrăvan* ,mit übernatürlichen Kräften begabt, schauderhaft, schalkhaft' d'où, avec le suffixe *-ia* > *-ie*, *năzdrăvănie*, est un dérivé de scr. *nezdrav* dans la signification de foux, horrible, furieux (en Lika, Ak. Rj. VIII, 150 c.) avec le suffixe scr. *-an* (*glupan* etc.). *nezdràvan*, dans la même signification, est attesté pour Lika Ak. Rj. VIII l. c. ensemble avec d'autres dérivés *nezdravša*, *nezdravština*, vb. *nezdravati* errer. Le changement de sens roumain se retrouve donc en scr. dans sa première étape.

10. *nevastuĭcă* ,Wiesel, belette', déminutif de *nevastă* < *nevěsta*, se retrouve en scr. *nevjeska* Ak. Rj. VIII, 135 = lasica, belette = p. 136 *nevjesta*, *nevjestica*, et, avec le même suffixe que dans le mot roumain, *nevestuļka* dans l'arrondissement de Boļevac en Serbie Ak. Rj. VIII, p. 137, = bulg. *nevěstulka* ,mustela nivalis, lampiris' (*nevéstica* est ici coccinella, Gerov o. c. III, p. 258). D'autres exemples pour cette acception se trouvent chez Cihac II, p. 216 et chez Bulat, Beiträge zur slav. Bedeutungslehre AfslPh. XXXVII, p. 476.

11. Cihac II, p. 222 explique *obladnic* ,bourrelet pour porter qch. sur la tête' (à Žumberak c'est *svītăk* gen. *svítka* de *viti*) par le rapprochement avec vb. *obložiti*, *oblagati*, ce qui n'est à coup sûr juste vu les formes assez nombreuses sous lesquelles ce mot se présente encore dans les parlers roumains. Tiktin o. c., p. 1070 lui seul enregistre à côté de *obladnic* encore *oblanic* = *oblaĭnic* = *oblavnic* ,Tragkranz'. Pour lui l'étymologie en est inconnue. Le mot est cependant tout à fait clair, si l'on prend pour le point de départ **obъglavьnikъ* la ,chose qui vient autour ou sur la tête'. Que *g*, en tant que la consonne médiane, doive disparaître, cela se comprend; *vn* étant le groupe inusité, le roumain a tâché de s'en débarasser en le traitant différamment, ou en l'assimilant (*oblanic*) ou en le dissimilant (*obladnic*) ou en le substituant par un autre groupe consonantique (*oblaĭnic*) ou, enfin, en le maintenant (*oblavnic*). Un composé avec *glava* se trouve déjà en roumain en *oglavă* ,courroie qui relie les deux parties du fléau', v. Tiktin o. c. 1083.

12. *oajdă* pl. *oajde* ,Strick, corde' n'a pas été expliqué jusqu'à présent. Comme *u* initial slave passe très souvent en *o*: *ogrinjĭ* < *ùgrizak* Broz-Iveković II, 629, *opinti* < scr. *upétiti* < *upętiti* (cf. Broz-Iveković, Rj. II, 650), *ogodi* < *ugoditi*; *ogor* < *ugar*; *ogoi* <

ugojiti; ojina < *užina; olog* < *ułogij*, *osîrdie* < *usrъdije* etc., on pourrait admettre le même passage aussi pour *u* initial accentué. *uzda* ‚bride rêne' aurait pu donner **oazdă*. Quant à *j* pour *z*, on pourrait penser ou au pluriel *uzdy* > en roumain **ujdĭ* > **ojdĭ* d'où sg. *oajdă* ou à l'influence de scr. *úže* ‚corde'. Cette influence a amené aussi le changement de sens.

13. L'expression roumaine pour punaise *stelniță* est sans doute identique avec slave *stěnica*, cfr. Cihac II, p. 367, Conev o. c. p. 52. On se demande cependant d'où vient ce *l* qui ne se retrouve pas dans la base slave? Pour en trouver l'explication, il faut chercher des cas analogues. Il se retrouve encore en *găselniță* ‚chenille' < *gǫsěnica*, *medelniță* ‚Waschbecken, Schüssel', *medelnicer* < *měděnica* Cihac II, p. 191, puis en *pomelnic* < *poměnьnikъ* Cihac II, 275 et Tiktin 1208, *vremelnic*[1]) < *vremenьnikъ*, c.-à-d. ce *l* se rencontre chaque fois qu'on est en présence des dérivés des adjectifs en *-ьn*, *-en*, *-ěn*. *Stěnica* dérive evidemment de *stěn*+*ьnica*, c.-à-d. l'adjectif **stěnьnъ* de *stěna* a été substantivé au moyen de *-ica*. *Gǫsěnica* peut être aussi considérée comme **ǫsěnъ* (cfr. ukrai. *vuseń*, pol. *usień*), adj. de *ǫsъ* + *ěn* + *ьnica*, de même que *měd* + *ěn* (cf. Vondràk, Vgl. sl. Gr. I, 417) + *ьnica*. Les formes roumaines s'expliquent par la dissimilation *n* — *n* > *l* — *n*. Ces mots d'emprunts roumains supposent par conséquent pour ces mots dans le slave balcanique une période de prononciation longue de *n* telle que j'ai constatée en Bosnie pour *jedànnāi̯st*.

14. *șiroĭ* ‚Strömung, Gieszbach, torrent' est *sъroj* ‚confluxus' > č. *zdroj* ‚source, ruisseau'. Quant à *ъ* > *i* on peut penser á *mьžǫ* > *miji* (č. *okamžik*, scr. *žmiriti*). La seule difficulté qui se présente ici, c'est qu'on a *ș* au lieu de *s*. Ce passage trouvę d'ailleurs son pendant en *șoarece* < lat. *sorice* inexpliqué jusqu'à présent. Pour *ș* en *șiroĭ* je pense à l'immixtion de *înșirui*, *inșira*, dérivés verbaux de *sir* ‚fil, ordre'.

Zagreb.

P. Skok.

[1]) Les adjectifs roumains très nombreux en *-nic voĭnic*, *pîrdalnic* etc. s'expliquent par les croisement. L'élément nasal est identique au suffixe des adjectifs slaves *-ьnъ*, *-ьna*, tandis que *-ic* remonte au suffixe des adjectifs latins *-aticus* > *-atic*, *-atec*. On ne peut pas penser au suffixe slave *-nikъ*, parce que celui-ci sert exclusivement à former des nomina actoris.

Études sur le système verbal du russe contemporain.

II. Mécanisme des aspects.

I.

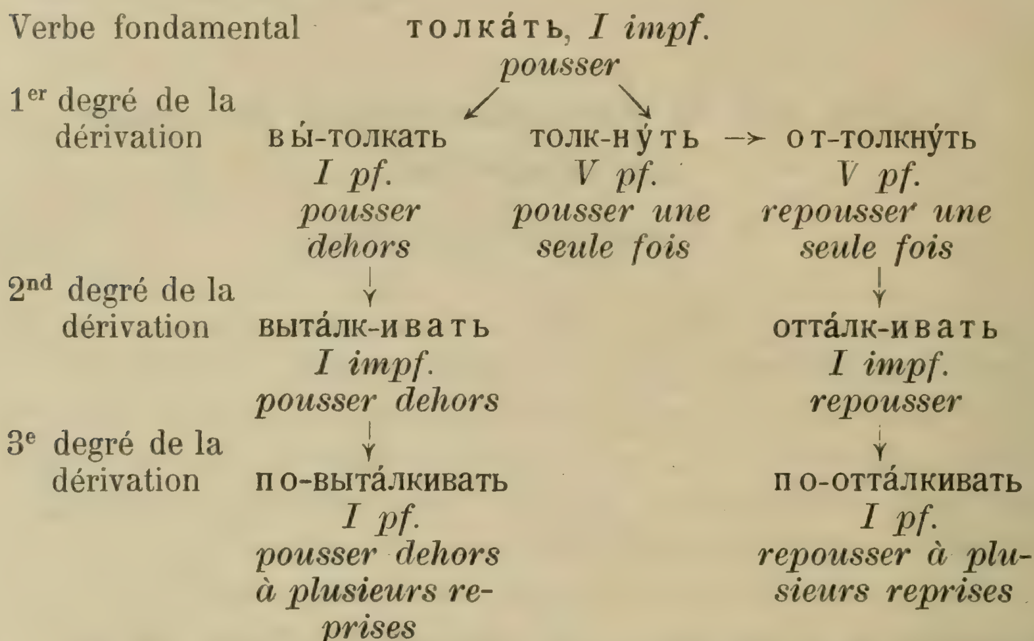
En examinant le fonctionnement des aspects verbaux on est amené à la constatation des trois faits suivants.

1° Le système morphologique des aspects repose sur la *dérivation déverbative*. — Le jeu des aspects n'est en quelque sorte qu'un cas particulier d'un jeu plus vaste et plus compliqué qui est la dérivation verbale dans son ensemble.

2° La sémantique des aspects trouve son point d'appui dans la notion de *résultat*. — Or cette notion est un des ressorts principaux du système verbal russe et son action se manifeste jusque dans les domaines de la transitivité, des voix et des modes. C'est précisement pour cela que la notion d'aspect croise non seulement la notion de temps, mais aussi celles de transitivité, de voix et de modes.

3° Le fonctionnement du mécanisme des aspects est déterminé par deux principes opposés et qui correspondent à deux opérations intellectuelles différentes. Ce sont, d'une part, *la réduction de tout procès à un point résultatif*, abstraction faite de la notion de durée ; cette opération est de nature sémantique mais une empreinte grammaticale nous en reste sous forme de conjugaison perfective. D'autre part, c'est *le développement dans le temps* d'un procès résultatif, — opération de caractère grammatical et qui aboutit à la constitution d'une conjugaison imperfective. — Il ne serait pourtant pas exact de ramener tout le jeu d'oppositions aspectives à la seule opposition grammaticale des deux espèces de conjugaisons. L'aspect est extérieur à la conjugaison, il relève du domaine de la dérivation. La notion d'aspect recouvre d'ailleurs deux réalités différentes, car la valeur perfective ou plutôt l'opération de la perfectivisation est de caractère sémantique tandis que la valeur imperfective est une valeur formelle puisque l'opération de l'imperfectivisation n'est qu'un procédé de grammaire.

La dérivation déverbative s'effectue au moyen de la superposition des préfixes et des suffixes. Son mécanisme peut être réduit au schéma suivant:



Verbe fondamental	толкáть, *I impf.* *pousser*		
1er degré de la dérivation	вы́-толкать *I pf.* *pousser dehors*	толк-нýть *V pf.* *pousser une seule fois*	→ от-толкнýть *V pf.* *repousser une seule fois*
2nd degré de la dérivation	↓ вытáлк-ивать *I impf.* *pousser dehors*		↓ оттáлк-ивать *I impf.* *repousser*
3e degré de la dérivation	↓ по-вытáлкивать *I pf.* *pousser dehors à plusieurs reprises*		↓ по-оттáлкивать *I pf.* *repousser à plusieurs reprises*

Ce petit schéma permet de comprendre par quels procédés se forment les verbes déverbatifs et de voir l'alternance des aspects et les rapports de sens entre les chaînons voisins.

Ce que nous appelons »verbes fondamentaux« ce sont les verbes *non* deverbatifs, primaires aussi bien que dérivés.[1]) Ces verbes sont simples, c.-à.-d. non préfixaux, et imperfectifs. — *NB.* Il existe une cinquantaine de verbes simples mais perfectifs, tels que решúть, сесть etc. (v. chap. V). Quant aux verbes formés sur les noms à préfixes, tels que сотрýдничать < сотрýдникъ, ceux-là sont naturellement imperfectifs.

Ensuite viennent les verbes déverbatifs formés soit au moyen de préfixes soit au moyen du suffixe -нуть, soit enfin au moyen de ces deux procédés combinés. Ce qui permet de les réunir sous le même nom de »verbes du 1er degré de la dérivation«, c'est qu'ils sont tous perfectifs mais qu'ils ne sont pas formés sur les imperfectifs secondaires comme c'est le cas des perfectifs du 3e degré de la dérivation. Comparés aux simples, les verbes préfixaux présentent une différence de sens souvent très considérable; comp. p. ex. игрáть et обыгрáть, разыгрáть, ou bien учúть et проучúть, отучúть etc. — Le nombre des verbes du 1er degré dérivant d'un

---

[1]) Voir sur la dérivation verbale notre étude Classification naturelle des verbes russes, Slavia, t. 1er, No. 2—3 (1922), pp. 242-268.

même verbe fondamental est très grand. Théoriquement parlant, on peut former autant de préfixaux qu'il existe de préfixes productifs, c.-à.-d. 19. Le perfectif momentané en -нуть admet également une préfixation quoique généralement moins variée que celle d'un verbe imperfectif. De plus, plusieurs préfixes peuvent se juxtaposer, p. ex. по-при-за-ду́маться. Les deux séries des préfixaux peuvent coïncider partiellement, de là la possibilité des doublets perfectifs, ainsi: протолка́ть et протолкну́ть (v. chap. V). — Les préfixaux formés directement sur les noms, tels que облагоро́дить, уме́сти́ть, sont, au point de vue de l'aspect, assimilés aux préfixaux déverbatifs, tout comme s'ils étaient formés sur les verbes благоро́дить, мести́ть etc.

Les »imperfectifs secondaires« sont tirés des préfixaux du 1er degré par le procédé de la suffixation. Théoriquement parlant, à chaque préfixal correspond un verbe du 2nd degré qui lui est identique sous rapport de préfixation et de sens, mais qui s'oppose à lui comme aspect imperfectif. C'est ainsi que se constituent les couples aspectifs tels que вы́играть *pf.* | выи́грывать *impf.* — On a parfois recours au procède de la suffixation secondaire et de la préfixation réunies pour former des imperfectifs directement sur les verbes fondamentaux. Ainsi se constituent p. ex. les deux séries d'imperfectifs dénommés par Šachmatov[1]): comitatifs, p. ex. припля́сывать, подда́кивать, припева́ть, прито́птывать (ne pas confondre avec притопта́ть *pf.* | прита́птывать *impf.* ‚fouler') et distributifs, p. ex. перекоря́ться, перезва́нивать etc., qui n'ont pas de perfectif correspondant.

Enfin, les »verbes du 3e degré de la dérivation« dérivent des imperfectifs au moyen de la préfixation. Ils en diffèrent par le sens et ils sont perfectifs. Ils ne sont point nombreux car seuls les préfixes на-, пере- et по- sont utilisés pour la formation des perfectifs secondaires. Ici des doublets sont également possibles, car les préfixaux du 1er degré peuvent s'ajouter plusieurs préfixes à la fois, ainsi p. ex. (повы́толкать et повыта́лкивать (v. ch. V).

La dérivation aspective s'arrête ici. Si nous voulions en créer un 4e degré nous ne trouverions à notre disposition qu'un seul procédé de la dérivation, à savoir — les préfixes puisque la réserve des suffixes est déjà épuisée. Nous aurons beau cependant accumuler jusqu'à trois préfixes (по-на-вы-ду́мывать), les verbes

[1]) А. А. Шахматов, Очерк совреме́нного литерат. языка, Спб. 1913, p. 245.

formés de cette manière, tout en présentant une nouvelle nuance de sens, demeureront naturellement perfectifs et seront assimilés soit aux préfixaux du 1er degré soit à ceux du 3e degré.

II.

Des deux procédés de la dérivation c'est la préfixation qui mérite une attention particulière.

S'ajoutant à un verbe simple, le préfixe en modifie aussi bien la valeur lexicologique que les valeurs transitive et aspective.

A comparer le simple игра́ть avec ses préfixaux tels que вы́играть, проигра́ть, обыгра́ть, отыгра́ться, разыгра́ть etc., on constate que l'idée du »jeu« exprimé par le simple ne réapparaît dans ses préfixaux qu'à titre secondaire, car ce qui distingue les préfixaux entre eux ce sont précisement les modalités concrètes du procès du jeu dont les préfixes sont porteurs. La valeur lexicologique de игра́ть, en face de chaque préfixal, apparaît très générale, vague et pâle. Nekrasov disait avec raison que „. . . глагол, соединяясь с предлогом, теряет общее значение действия и получает значение действия частного, выражающего, так сказать, *новый, особенный образ* своего проявления. От соединения с тем или иным предлогом зависит *картинность*, изобразительность действия, а не та сухая отвлечённость действия, которою выражается его оконченность или неоконченность“.[1]) Dal' exprimait une opinion analogue en disant que les verbes préfixaux „выражают понятие точнее, определительнее, прикладнее, а потому и более слышны в речи“.[2])

Cette concrétisation du procès n'est autre chose que l'évocation des circonstances particulières qui déterminent la direction de ce procès, et c'est avant tout l'évocation de son but, de son objet ainsi que de son résultat. Ainsi проигра́ть signifie ‚jouer de façon à perdre quelque chose‘. C'est pourquoi la préfixation rend presque toujours un verbe transitif. Comp. ве́рить et уве́рить, прове́рить, заве́рить, све́рить, дове́рить etc.; ходи́ть et исходи́ть город, уходи́ть кого-ниб., вы́ходить больного; сиде́ть et просиде́ть стул, подсиде́ть кого-ниб., пересиде́ть кого-ниб., отси-

---

1) О значении форм русск. глагола. Соч. Н. Некрасова (Спб. 1865) p. 117.

2) Даль, Напутственное слово, v. Словарь, 1re éd.

де́ть ногу, мухи засиде́ли зеркало, курица вы́сидела цыплят etc. Tels verbes en -ся, en préfixation, prennent la forme active, ainsi охо́титься et меня разохо́тило; труди́ться et натруди́ть руки; смея́ться et вы́смеять, просмея́ть, засмея́ть, пересмея́ть кого-ниб.; стреми́ться et устреми́ть взор etc. etc.

Nekrasov semble être le premier qui se soit aperçu de la valeur transitive renforcée des verbes préfixaux. „Продолженность действия дочита́ть, dit-il, представляется сознанию уже не общею, абсолютною, как в гл. *чита́ть*, а определённою, ограниченною известным каким либо пределом, краем, концом, который лежит собственно не в глаголе и не в предлоге, а в том предмете, на котором проявляется действие: *в книге, рукописи, таблице* и пр. Другими словами, действие *чита́ть* в глаголе *дочита́ть* теряет уже значение безотносительности своего проявления к предмету . . .“[1]) Mais il ne semble pas que les grammairiens contemporains soient portés à attribuer quelque importance aux rapports intimes qui existent entre la préfixation et la transitivité. Ainsi M. Bogorodickij pense que „значение залога в глаголах отглагольных вполне соответствует значению залога глагола производящего *мету́ > подмета́ю; слеплю́ > ослепля́ю*)“, et il n'admet qu'à titre exceptionnel „случаи, когда присоединение префикса к непереходному глаголу превращает последний в переходный, напр., хожу́ по площади || перехожу́ площадь“.[2]) Nous sommes d'un avis tout contraire.

La valeur transitive des simples, tout comme leur valeur lexicologique, est bien vague. Nous reconnaissons au verbe чита́ть une valeur transitive puisqu'il peut être accompagné d'un complément, direct. Mais ce verbe peut également être employé intransitivement tandis que les préfixaux ne se prêtent pas si facilement à l'emploi intransitif.

Il est plus que probable que la valeur perfective des préfixaux dépend entièrement de ce caractère doublement concret de leurs valeurs lexicologique et transitive. Car la »perfectivisation« d'un procès n'est autre chose que la concentration de notre attention sur l'un des moments concrets du procès à l'exclusion de tous les autres, d'où l'illusion que le procès perfectif n'a point de durée (illusion, disons-nous, car tout procès a nécessairement une cer-

[1]) Некрасов, o. c. p. 179.

[2]) В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, 4e éd., p. 231.

taine durée).[1]) Quelque soit ce moment, final (спеть), initial (запе́ть) ou autre, il est subjectivement pensé comme moment r é s u l t a t i f: dans он запе́л l'acte est consommé tout comme dans он спел, puisque notre intérêt est porté précisement sur le point de départ du procès. Le fait que la perfectivisation s'opère en fonction de la notion de résultat ressort avec toute évidence des couples aspectifs dits »couples lexicologiques« tels que иска́ть *impf.* | найти́ *pf.* (en tant que synonyme de сыска́ть ou отыска́ть) ou bien лови́ть *impf.* | пойма́ть *pf.* (synonyme de слови́ть); брать *impf.* | взять *pf.*; говори́ть *impf.* | сказа́ть *pf.* — Le moment résultatif fait précisément penser à un résultat concret et pour ainsi dire tangible vers lequel tend et auquel aboutit le procès, et c'est naturellement l'objet direct qui le premier se présente à l'esprit. L'image verbale auquel correspond un verbe perfectif se laisse le plus souvent exprimer en d'autres termes de façon à faire ressortir le résultat concret du procès. Ainsi вы́играть signifie приобрести́ нечто, de même проигра́ть veut dire потеря́ть нечто; вы́ходить больного — сде́лать его здоро́вым etc.

Il serait opportun, nous semble-t-il, d'insister ici même sur quelques exemples concrets, quoique isolés, montrant l'importance de la notion de r é s u l t a t pour le système verbal russe.

La forme du prétérit a dans la conjugaison perfective la valeur de *perfectum* et exprime le résultat d'un acte déjà réalisé qui, sauf indications contraires, demeure dans le présent. Le prétérit de la conjugaison imperfective exprime par contre un procès se développant dans un plan du passé complètement séparé du moment actuel. Ainsi la question *взял* ты книгу? équivaut en quelque sorte à у тебя книга? La réponse négative qui chercherait à nier l'acte lui-même serait я не *брал* книги, tandis que я не *взял* книгу (ce qui est mieux que книги) voudrait dire que l'acte a bien eu lieu mais il n'a pas abouti au résultat voulu. — D'une façon générale, l'impératif perfectif désignant un acte motivé par son résultat, est moins arbitraire partant moins autoritaire et plus poli que l'impératif imperfectif. Dans ce dernier l'attention est portée sur le processus même, sans en invoquer le résultat en guise de motif; comp. p. ex. *реши́* мне эту задачу et *реша́й* мне эту задачу.[2]) — Les

---

[1]) Les écrivains s'en rendent bien compte et, en soulignant la durée de certains procès grammaticalement perfectivisés, obtiennent des effets intéressants. comp. p. ex. la phrase suivante: „Смердяков *медленно* и невозмутимо *вски́нул* на него глазами". Дост. Бр. К а р а м а з о в ы, V, II.

[2]) M. Berneker a tort d'affirmer le contraire en disant: »so ist der Imperativ des imperf. Verbums etwas höflicher als der des perf. Man sagt дава́йте

tours avec было constituent une modalité spéciale pour l'expression d'un »acte annulé en fonction de son résultat«. En disant я *зашёл было* к нему, но его не́ было дома, je veux dire que j'ai bien été chez lui, mais, puisque mon désir de le trouver chez lui ne s'est pas réalisée, je considère l'acte lui même comme nul et non avenu. — Notons également que le participe passé passif qui exprime le résultat d'un acte — résultat rapporté comme caractéristique qualificative à un nom — n'est propre qu'aux verbes perfectifs.

III.

Les préfixes verbaux productifs sont au nombre de 19, notamment в-, вз-, вы́-, до-, за-, из-, на-, над-, о-, об-, от-, пере-, по-, под-, при-, про-, раз-, с- et у-; les préfixes воз-, низ-, пре- et пред- ne sont plus productifs.[1]) — Nous n'avons point l'intention d'étudier ici les valeurs sémantiques associées aux différents préfixes ni d'examiner les phénomènes phonétiques et toniques qui peuvent accompagner la préfixation. Mais nous croyons nécessaire de souligner ici certaines de ces valeurs sémantiques lesquelles, à force de se présenter fréquemment, se sont à tel point généralisées, qu'on peut les considérer comme modalités perfectives. Ce sont surtout les modalités finale (ou terminative)[2]), inchoative et atténuative.

La modalité finale fixe notre attention sur le terme du procès. Elle est de caractère très généralisé, mais ce qui l'empêche pourtant de se grammaticaliser entièrement, c'est qu'elle n'est pas associée à un même préfixe. En effet, l'image du terme du procès varie suivant le caractère de celui-ci, ainsi сде́лать, написа́ть, вспоте́ть, окамене́ть, прочита́ть, поцелова́ть, укуси́ть, ou bien сорва́ть цветок, вы́рвать зуб, порва́ть бумагу etc.

La modalité inchoative réduit le procès à son moment initial. On l'exprime le plus souvent au moyen du préfixe за-, ainsi заигра́ть, забе́гать, засуети́ться, запе́ть, засе́сть, загово-

мне стакан воды . . . anstatt des bestimmteren, strengeren да́йте«, v. Russische Grammatik, 2. Aufl., 5. Abdr., p. 148.

[1]) Nous croyons devoir distinguer *о-* et *об-* comme deux préfixes différents, comp. p. ex. оста́вить et обста́вить (комнату), огрыза́ться et обгрыза́ть, очи́стить et обчи́стить (*vulgaire*), оду́маться et обду́мать, осуди́ть et обсуди́ть etc.

[2]) M. Bogorodickij l'appelle „окончательный вид", v. Общ. курс, p. 246; Pavskij lui donne le nom d'aspect „окончательный" ou „решительный", v. Филолог. наблюдения, III, p. 4.

ри́ть etc. Cependant elle peut aussi être rendue par d'autres préfixes, ainsi p. ex. les verbes de mouvement déterminé se servent dans ce but du préfixe по-: побежа́ть, полете́ть, пое́хать[1]) ainsi que поскака́ть, помча́ться, дождь *поли́л* (par contre дождь *по́лил* землю est une modalité finale) etc. D'autre part, le préfixe за-, même dans les verbes cités ci-dessus, peut avoir une toute autre valeur, ainsi записа́ть на память, зачита́ть книгу, зайгранная пьеса, он совсем забе́гался etc. Il va de soi que за- employé avec la valeur inchoative n'exerce aucune influence sur la valeur transitive du verbe simple.

La modalité atténuative réduit pour ainsi dire les dimensions du procès à leur minimum. Elle ne réussit à perfectiviser le procès qu'incomplètement[2]) puisque les atténuatifs admettent plus souvent que tous les autres perfectifs les compléments de durée, ainsi порабо́тать час-другой, пожи́ть с неделю, недолго etc. Ils n'admettent pourtant pas de déterminatifs désignant une longue durée, et la phrase suivante n'est pas tout à fait correcte: „Петушков *долго* молча *погляде́л* на Онисима (Тургенев, Петушков). — Cette modalité est habituellement exprimée au moyen du préfixe по-, p. ex. поигра́ть, почита́ть, побе́гать etc. Elle est si fréquente que MM. P. Boyer et N. Spéranski pensent qu'»il n'est pour ainsi dire pas de verbe russe qui, soit simple, soit muni déjà d'un préverbe, ne puisse, surtout dans le parler familier, s'ajoindre le préfixe *по-* en cette valeur atténuative«.[3]) Pourtant les verbes de mouvement déterminé, les perfectifs secondaires (3ᵉ degré), les perfectifs momentanés en -нуть et bien d'autres verbes n'ont point de modalité atténuative. — Chez certains verbes la valeur de по- n'est pas atténuative, ainsi dans les verbes de mouvement determiné ou bien dans погуби́ть, поста́вить, поче́сть etc. Enfin, chez certains verbes c'est le préfixe при- qui traduit une valeur qu'on peut déterminer comme atténuative, ainsi призаду́маться, прикры́ть, comp. également „. . . пройдёт молодец — *приоса́нится*, пройдёт девица — *пригорю́нится*“ (Лерм.) — Le préfixe по- employé avec

[1]) Nous ne partageons point l'opinion de Ul'janov qui nie à ces verbes un caractère inchoatif; v. Значения глагольных основ в литовско-слав. языке, II, p. 516 (Варшава, 1895).

[2]) Cf. A. Mazon, Emplois des aspect du verbe russe, Paris, 1914 p. 112. Ul'janov dit que les verbes atténuatifs „обозначают *ограничение* длительного признака“; o. c. p. 154.

[3]) P. Boyer et N. Spéranski, Manuel pour l'étude de la langue russe, Paris, 1905; p. 20, n. 3º.

la valeur atténuative n'exerce aucune influence sur la valeur transitive du verbe.

Les perfectifs en -нуть fournissent une nouvelle modalité, celle de perfectifs momentanés. Presque tout verbe fondamental de sens quelque peu concret, et désignant un procès que l'imagination des sujets parlants peut décomposer en une série d'actes sans durée et se succédant dans le temps, est capable de former un perfectif momentané: а́хать > а́хнуть, шага́ть > шагну́ть, стуча́ть > сту́кнуть, спекули́ровать > спекульну́ть; voire чита́ть > чкнуть (populaire), comp. „. . . вы меня замечанием этим как бы насквозь *прочкну́ли* и внутри про́чли" (Дост. Бр. Карамазовы, II, II). — A côté de ces verbes, il existe des perfectifs en -ану́ть, également momentanés mais avec une certaine valeur isolative en plus: резну́ть > резану́ть, щёлкну́ть > щелкану́ть etc.[1]) — Certains momentanés n'ont point d'imperfectif fondamental correspondant, ainsi гря́нуть, звездану́ть etc. — Il est à faire observer que le suffixe -нуть (et -ану́ть) est le seul suffixe perfectif, tous les autres sont imperfectifs.

Tous les verbes ne sont pas susceptibles de la préfixation dans une même mesure. — Il paraît que ce sont les verbes qui dans l'état actuel de la langue se présentent comme primaires qui produisent le maximum de préfixaux. On ne sera pas surpris de constater que dans ces conditions les verbes des types improductifs fournissent des préfixaux en masse et constituent ainsi le fond du vocabulaire russe.

Parmi les dérivés, les verbes essentiellement intransitifs (c.-à-d. ceux qui correspondent à la formule »être ou devenir tel«) ne s'ajoutent que très peu de préfixes. Tels sont les verbes de la classe I en -ничать: сапо́жничать, пове́сничать etc.; tous les verbes de la classe II: беле́ть, камене́ть, седе́ть etc.;[2]) ceux de la classe III du type мона́шествовать, вдо́вствовать etc.; de même que les verbes du type improductif *D*: ча́хнуть, вя́нуть etc. — Tous ces verbes-là n'admettent presque exclusivement que des préfixes à valeur généralisée: atténuative, inchoative et finale surtout, n'exerçant pas d'influence sur la nature intransitive de ces verbes.

---

[1]) V. notre étude déjà citée, Slavia, N. 2—3, p. 257.

[2]) Par contre, les factitifs correspondants de la classe IV (бели́ть, черни́ть etc.) sont très productifs en préfixaux.

Les emprunts verbaux de la classe III s'opposent également à la préfixation. Les verbes tels que демократизи́ровать, колонизова́ть etc. pénètrent dans la langue russe par l'intermédiaire des classes cultivées ce qui leur assure la conservation de quelques uns de leurs caractères étrangers, et l'absence de valeur aspective déterminée tout spécialement.

Les momentanés en -нуть qui représentent déjà une modalité perfective bien concrète forment également très peu de préfixaux.

Enfin, les perfectifs secondaires se forment exclusivement au moyen des préfixes на-, по- et пере-. Il s'agit ici d'une nouvelle perfectivisation d'un procès qui vient d'être imperfectivisé après avoir déjà passé par une première perfectivisation (p. ex. толка́ть *impf.* > вы́толкать *pf.*, > выта́лкивать *impf.*). C'est pourquoi la seconde perfectivisation paraît une opération bien plus difficile que la première et ne s'effectue qu'en fonction de la notion d'un résultat »par accumulation«, c.-à-d. d'un résultat obtenu après une série d'efforts. Chaque préfixe employé pour la perfectivisation secondaire a une valeur constante, ainsi по- désigne un résultat accumulé par une série d'actes qui se succèdent, p. ex. повыта́лкивать; пере- un résultat accumulé par une série d'actes alternants, p. ex. перевыта́лкивать; на- désigne un résultat global accumulé, p. ex. навыи́грывать.

IV.

Tous les suffixes, ceux de la classe V (-нуть, -ану́ть) exceptés, sont imperfectifs. — On y distingue deux séries, à savoir: suffixes primaires qui servent à la formation des verbes fondamentaux et suffixes secondaires au moyen desquels on crée les imperfectifs secondaires (2^{nd} degré de la dérivation). Nous avons déjà examiné les uns et les autres dans notre étude précédente, ce qui nous dispense ici d'une analyse détaillée de leur morphologie.

La conception de tout procès comme se développant dans le temps, c.-à-d. ayant une durée, est une chose si naturelle que la valeur imperfective des verbes fondamentaux se présente comme un fait primaire, une sorte de »donnée immédiate« ne comportant point d'»explication« à l'état actuel de la langue. Mais étant »naturelle«, la valeur imperfective des fondamentaux n'est pas aussi accentuée que celles des imperfectifs secondaires auxquels elle est surajoutée. On connaît d'ailleurs tels verbes fondamentaux et *per-*

fectifs, ainsi бро́сить, реши́ть etc.; tels autres également fondamentaux mais *d'aspect incertain*, ainsi d'une part казни́ть, ра́нить, ночева́ть etc., et de l'autre les emprunts атакова́ть, телеграфи́ровать etc. Il faut aussi reconnaître que la double valeur aspective des fondamentaux est, surtout au prétérit, un fait beaucoup plus fréquent qu'on ne le soupçonne, p. ex.: „Учитель чистописания воспо́льзовался смятением и *бежа́л* (*pf.*)". Чехов, Неудача. — „. . . и удивлял, смущал и почти пугал пришедшего знанием тайны его, прежде, чем тот *мо́лвил* (*impf.*) слово". Дост. Бр. Карамазовы, I, V. „всё *ру́шилось*" comporte également une double interprétation aspective etc.

Il en est tout autrement des imperfectifs secondaires qui reflètent l'opération du développement dans le temps d'un procès déjà perfectivisé et chez lesquels la valeur aspective est à tel point liée au suffixe que parfois, à défaut d'autres indications, la présence ou l'absence du suffixe secondaire décide de l'aspect du verbe. Comp. p. ex. обнаро́довать *pf.* et обнаро́дывать *impf.*;[1]) une distinction analogue tend évidemment à s'établir entre исповéдовать (doublet de исповéдать), *double aspect*, et исповéдывать *impf.*; entre исслéдовать, *double aspect*, et исслéдывать *impf.* et quelques autres verbes.

Parmi les suffixes imperfectifs secondaires, -ева́ть est le moins productif. Il sert exclusivement à la formation des imperfectifs correspondant aux perfectifs de la classe II qui ne sont pas très nombreux, p. ex. согре́ть > согрева́ть, овладе́ть > овладева́ть etc. Il ne faut pas le confondre avec le suffixe -ать quand celui-ci est précédé du phonème -*в*- ce qui arrive après les voyelles chez les certains verbes appartenant presque exclusivement aux types improductifs, ainsi наве́ять > наве-*в-а́ть* de même que остыть (doublet de осты́нуть > осты-*в-а́ть*.

Le suffixe -а́ть[2]) n'est pas assez caractéristique et peut facilement être confondu avec le suffixe -ать primaire (v. ci-dessous), c'est pourquoi il s'élimine de plus en plus, semble-t-il, au profit

[1]) Il est à faire observer que la forme обнаро́дывать représente une sorte de compromis entre *обнародо́вывать, la seule formation rigoureusement correcte (comp. подрисо́вывать), et *обнаро́довывать conforme à l'accentuation de обнаро́довать.

[2]) Il n'est atone que dans па́дать *impf.* < пасть (ou упа́сть) *pf.*; mais en préfixation: напа́сть *pf.* | нанада́ть *impf.*; припа́сть *pf.* | припада́ть *impf.* etc. Comp. aussi les perf. sec. попа́дать, перепа́дать et les impf. sec. попада́ть < попа́сть *pf.* et перепада́ть < перепа́сть *pf.*

du suffixe ́ывать | ́ивать.[1]) Nombreux sont les cas où les deux formes coexistent, ainsi отряха́ть et отря́хивать, накопля́ть et нака́пливать, приготовля́ть et пригота́вливать, затопля́ть (employé surtout dans le sens d',innonder') et зата́пливать (surtout dans le sens d',allumer un poêle') etc. Il y a pourtant des cas où les formes en -а́ть sont préférables à celles en ́ывать, ainsi les phrases suivantes nous choquent: „Бледность, худоба и старость... *разру́шивали* гармонию". Лерм. Кн. Лиговская. — „... *вы-пря́мливала* стан и выставляла грудь". Тург. Чертопх. и Недопюскин, etc.[2])

Les imperfectifs secondaires sont sous tous les rapports identiques aux perfectifs dont ils dérivent. Ils héritent aussi bien de leur valeur lexicologique que de leur valeur transitive. Nous savons que les perfectifs sont actuellement les seuls à avoir un participe passif passé. Mais on peut également affirmer que si la langue écrite maintient encore la forme du participe passif présent c'est grâce surtout aux imperfectifs secondaires, ainsi вы́работанный || выраба́тываемый, при́знанный || признава́емый etc. — Il s'ensuit qu'un verbe tel que выи́грывать ne diffère de вы́играть que par son aspect et que les deux forment un couple dont les termes s'opposent comme aspects différents. Cette opposition est de nature exclusivement grammaticale sans aucun mélange de valeur sémantique. Ainsi se constituent les couples aspectifs grammaticaux qui reflètent l'opération du développement dans le temps d'un procès préalablement perfectivisé.

L'opération du développement dans le temps est une opération grammaticale. Nous chercherions en vain derrière le phénomène de l'imperfectivisation quelque notion sémantique jouant un rôle analogue à celui que joue la notion de résultat dans l'opération de la perfectivisation.

Il s'ensuit que les imperfectifs ne peuvent point avoir de valeur itérative. Si nous comparons, d'une part une phrase telle que „вчера, когда я *возвраща́лся* домой ..." et d'autre part „он *от-правля́лся* на несколько мгновений в сад, стоял там как истукан... и снова *возвраща́лся* к сыну" (Тург. Отцы и дети, XXVII),

---

[1]) Noter une accentuation particulière dans упоря́дочивать < упоря́дочить, dans les dérivés de ку́порить, p. ex. заку́поривать (le peuple accentue plus régulièrement закупо́ривать, откупо́ривать etc.) et dans усо́вещивать (à côté de усове́щивать et усовещева́ть) < усо́вестить.

[2]) V. pour d'autres exemples В. Чернышёв, Правильн. и чистота русск. речи, II, § 29 (Петроград 1915).

nous constatons qu'un imperfectif secondaire peut aussi bien désigner un acte réitéré qu'un acte unique, mais qui se développe.[1]) C'est pourquoi il n'y a aucune raison de parler de verbes »duratifs« et »itératifs« à propos du russe contemporain. Mais nous ne pouvons pas non plus accepter la distinction de verbes »perfectibles« et de verbes »imperfectibles« proposée par M. A. Mazon.[2]) Théoriquement parlant, tout verbe imperfectif peut devenir perfectif par l'adjonction d'un préfixe.[3]) Il n'existe point de verbes tels que и́грывать, пева́ть qui resteraient imperfectifs malgré la préfixation: выи́грывать, распева́ть. Quant à l'exemple de каса́ться, cité par M. Mazon, verbe qui demeure imperfectif même préfixé: прикаса́ться, il s'agit là d'un cas de la dérivation mal interprété, mais qu'il faudrait rétablir comme suit: каса́ться *impf.* > косну́ться *pf.* → прикосну́ться *pf.* > прикаса́ться *impf. secondaire.* C'est là précisément un spécimen de cette confusion de deux suffixes imperfectifs, à savoir -а́ть secondaire et -а́ть primaire, dont nous avons déjà parlé.

La valeur itérative est pourtant bien connue des sujets parlant le russe, seulement elle n'a pas un moyen d'expression unique. Ainsi il existe quelques rarissimes verbes imperfectifs qui jouent le rôle d'itératifs vis-à-vis de leurs doublets également imperfectifs, p. ex. быва́ть et вида́ть en face de быть et ви́деть. Ce fait exceptionnel reste naturellement sans aucune importance pour le système des aspects. Il existe en outre une modalité secondaire de valeur plus ou moins itérative, ce sont notamment les tours avec быва́ло.[4]) Enfin, le domaine de la conjugaison fournit une forme en partie modale en partie temporelle et aspective qui est le prétérit itératif. La citation suivante donne une idée suffisante de son emploi. — „Елисей был старичок ни богатый, ни бедный, *ха́живал* прежде по плотничной работе, а под старость стал дома жить и пчёл водить. Один сын в добычу ходил, другой — дома. Человек был Елисей добродушный и весёлый. *Пива́л* и водку, и табак нюхал, и любил песни петь, но человек был смирный.“ Л. Толстой,

---

[1]) Cf. Некрасов, o. c. p. 152; A. Mazon, Morphologie des aspects, page 68.

[2]) A. Mazon, ibid. pp. 5—6.

[3]) Tels verbes isolés, p. ex. предзнаменова́ть, предше́ствовать, предстоя́ть, отстоя́ть, прису́тствовать etc. n'admettant point de perfectivisation, ne constituent pas de catégorie morphologique, tout au plus peuvent-ils être réunis sous la rubrique des verbes exprimant une action simultanée et qui sont par là essentiellement imperfectifs.

[4]) Nous en parlerons dans l'une des études prochaines consacrée à l'examen des *modes*.

Два старика, I. Les formes *хáживал* et *певáл* désignent non pas des actions devenues habituelles à force d'être fréquentes, mais plutôt deux séries d'actes espacés. Par rapport au moment du récit, ces séries sont dans le passé et sont closes[1]) quitte à reprendre dans la suite. Du moment qu'il s'agit de l'expression d'une série d'actes espacés, cette forme, suivant l'intention de la personne parlante, désignera soit des actes fréquents soit des actes rares. C'est ainsi que dans la phrase suivante les formes *был* et *бывáл* traduisent l'opposition entre une série d'états normalement fréquents et une autre série composée d'états rares: „. . . простившись с своею супругою, которую звал Аришей, когда был весел, и Ариною, когда *бывáл* сердит . . .“ Аксак. Сем. хроника, I. — Quant à l'infinitif correspondant au prétérit itératif, il n'est point employé dans le langage littéraire en dehors de quelques tours figés et toujours négatifs du type: не живáть уж нам так боле.

Théoriquement parlant, tout perfectif préfixal du 1er degré peut, par le procédé de la suffixation secondaire, se former un pendant imperfectif. Il existe cependant des perfectifs sans forme imperfective secondaire correspondante, tels sont p. ex. сдéлать, сыгрáть, сумéть, написáть, поседéть, поцеловáть etc. Ceux-là appartiennent le plus souvent à la modalité finale et la valeur de leur préfixe est habituellement à tel point généralisée que le verbe est proche de devenir un simple pendant perfectif grammatical du verbe fondamental correspondant. Les perfectifs momentanés n'ont point d'imperfectifs secondaires à moins qu'ils ne s'ajoutent un préfixe. — Il existe d'autre part des imperfectifs du 2nd degré de la dérivation qui n'ont pas de perfectif du 1er degré correspondant, ainsi les comitatifs et les distributifs dont nous avons déjà parlé. Tels sont certains verbes isolés, p. ex. зайгрывать, отнéкиваться, ухáживать, охорáшиваться, заискивать[2]) etc.

Les seuls couples aspectifs ayant une existance réelle dans la langue sont les couples grammaticaux (вы́играть *pf.* | вы́игрывать *impf.*) correspondant à l'opération du développement dans le temps d'un procès perfectivisé, opération, comme nous le sa-

---

[1]) C'est pourquoi certains grammairiens ont attribué a cette forme la valeur de *plusquamperfectum*, v. p. ex. Востоков, Русск. грамматика, 2e éd., Спб. 1835; p. 100.

[2]) La forme заискáть *pf.* paraît trop artificielle, quoique nous la rencontrions dans la phrase suivante de Dostojevskij: „. . . он умел заискáть и понравиться“.

vons déjà, de caractère entièrement grammatical. — Les couples lexicologiques (говори́ть *impf.* | сказа́ть *pf.*, взять *pf.* | брать *impf.*) sont exceptionnellement rares et ne méritent aucune attention de la part d'un grammairien. — Quant aux verbes fondamentaux, ceux-là ne font partie d'aucun couple aspectif. En effet, en face d'un fondamental tel que игра́ть surgissent les perfectifs préfixaux suivants : взыгра́ть, ‚tressaillir de joie'; вы́играть, ‚gagner une partie'; доигра́ть, ‚mener le jeu à bout'; заигра́ть (inchoatif); заигра́ть, ‚user à force de jouer'; наигра́ть, ‚gagner abondamment au jeu'; обыгра́ть, ‚l'emporter au jeu'; отыгра́ть, ‚prendre sa revanche au jeu'; переигра́ть, ‚jouer à nouveau' et ‚jouer trop'; поигра́ть (atténuatif); подыгра́ть, ‚aider à jouer'; проигра́ть, ‚perdre au jeu'; поигра́ть, ‚jouer pendant un certain laps de temps'; разыгра́ть, ‚mettre en jeu', сыгра́ть (final) etc. Par rapport à игра́ть ce sont là des verbes nouveaux et dont aucun ne pourrait lui être associé en tant que partenaire perfectif grammatical.[1]) Tout au plus rapprocherait-on игра́ть et son final сыгра́ть. Cependant un couple ainsi formé et qu'on pourrait qualifier de couple sémantique, serait bien factice puisqu'il ne correspond à aucune réalité linguistique. Un même fondamental peut avoir plusieurs modalités finales (сорва́ть, порва́ть ou вы́рвать en face de рвать, suivant qu'il signifie ‚cueillir', ‚déchirer' ou ‚arracher'). La modalité momentanée ne constitue pas non plus de valeur perfective grammaticale, et толкну́ть en face de толка́ть sera traité sur le même pied que вы́толкать, протолка́ть et les autres perfectifs préfixaux.

Aussi est-il que l'examen des faits ne justifie pas du tout la manière si répandue de se représenter les verbes russes comme formant *toujours* des couples aspectifs. Les couples grammaticaux seuls existent et bien qu'ils soient extrêmement nombreux, ils n'associent que les perfectifs du 1^er^ degré avec les imperfectifs du 2^nd^ degré.

V.

Ainsi l'examen de la morphologie des aspects est terminé. Notre attention a été jusqu'à ce moment concentrée exclusivement sur les éléments typiques, vivants, ceux dont les influences ana-

---

[1]) On ne peut pas non plus, et pour les mêmes raisons, former de couples aspectifs en associant un imperfectif secondaire avec un perfectif secondaire (3^e^ degré de la dérivation).

logiques constituent le système des aspects tel qu'il fonctionne actuellement. Il ne nous reste maintenant qu'à enregistrer les faits qui au point de vue de ce système sont improductifs, c.-à-d. non typiques, incapables d'exercer une influence analogique. Tels sont notamment 1° les verbes de locomotion qu'on désigne habituellement sous le nom de verbes de mouvement, 2° les perfectifs simples, 3° les verbes d'aspect incertain, 4° les verbes dont les deux groupes de formes ont l'aspect différent, 5° les imperfectifs préfixaux et 6° les doublets aspectifs.

1° Verbes de locomotion.

Ceux-là forment deux séries parallèles: I бежа́ть, брести́, везти́, вести́, гнать, е́хать, итти́, кати́ть, лезть, лете́ть, нести́, плыть, ползти́ et тащи́ть — verbes dits »déterminés« et II бе́гать, броди́ть, води́ть, вози́ть, гоня́ть, е́здить, ходи́ть, ката́ть, ла́зить, лета́ть, носи́ть, пла́вать, по́лзать et таска́ть — »indéterminés«. Ce qu'il y a de particulier dans ces verbes c'est qu'ils sont ou ne sont pas déterminés par rapport à la notion d'espace. Cette nouvelle valeur, inconnue aux autres verbes du russe, est la cause du fait que les verbes de locomotion constituent un petit système à part.

Les déterminés s'ajoutent tous les préfixes. Leurs imperfectifs secondaires coïncident presque toujours par leur forme avec les verbes indéterminés correspondants. Ainsi p. ex. по- (inchoatif): побежа́ть, полете́ть etc., point d'imperf. second. correspondant; *с-* (mouvement descendant): слете́ть *pf.* | слета́ть *impf.*, etc.; *в-* (mouv. vers l'intérieur): войти́ *pf.* | входи́ть *impf.* etc.; при- (approchement): принести́ *pf.* | приноси́ть *impf.*, привести́ *pf.* | привози́ть *impf.*; от- (séparation): отъе́хать *pf.* | отъезжа́ть *impf.*, отвести́ *pf.* | отводи́ть *impf.*

Les indéterminés sont moins aptes à la préfixation (sauf les cas où ils sont employés au figuré (ainsi p. ex. заноси́ть ou затаска́ть платье, вы́ходить больного etc.; ici ils ont une valeur de »résultat accumulé« et sont le plus souvent transitifs); по- (atténuatif): побе́гать, пола́зить etc.; за- (inchoatif, de plus une idée de grande agitation): забе́гать, залета́ть; забе́гаться etc.; *с-* (aller et retour) сбе́гать, сходи́ть; ces modalités-là n'ont pas d'imperf. second. correspondant; вы́- вы́ходить *pf.* | выха́живать *impf.*, вы́ездить *pf.* | вые́зживать *impf.* etc. до- (terme, but): доноси́ть *pf.* | дона́шивать *impf.*, добе́гаться *pf.* | добе́гиваться *impf.* etc.

La préfixation des verbes de locomotion donne lieu à de nombreux doublets perfectifs, ainsi: перенести́ *pf.* et переноси́ть *pf.* (нести́ *impf.* > перенести́ *pf.* > переноси́ть *impf. sec.* d'une part, et носи́ть *impf.* > переноси́ть *pf.* > перена́шивать *impf. sec.* très rare, puisque remplacé par переноси́ть, de l'autre); de même загна́ть *pf.* et загоня́ть лоша́дь (гнать *impf.* > загна́ть *pf.* > зага́нивать (rare) et aussi загоня́ть *impf. secondaires*, d'une part, et гоня́ть *impf.* > загоня́ть *pf.* de l'autre).

2° Perfectifs simples.

Les perfectifs qui pour la conscience linguistique des russes contemporains se présentent comme simples et leurs imperfectifs assimilés aux imperfectifs secondaires sont les suivants:

благослови́ть | благословля́ть, бро́сить | броса́ть, взять | брать, воздви́гнуть | воздвига́ть, воскреси́ть | воскреша́ть, воскре́снуть | воскреса́ть, встре́тить | встреча́ть, дать | дава́ть, деть | дева́ть, застря́ть | застрева́ть, зате́ять | затева́ть, исче́знуть | исчеза́ть, ко́нчить | конча́ть, купи́ть | покупа́ть, лечь | ложи́ться, лиши́ть | лиша́ть, облачи́ть | облача́ть, обле́чь | облека́ть, обрати́ть | обраща́ть, обрести́ | обрета́ть, обу́ять | обуева́ть, обяза́ть | обя́зывать, одоле́ть | одолева́ть, oскла́бить | осклабля́ть, ощути́ть | ощуща́ть, пасть | па́дать, плени́ть | пленя́ть, погрести́ | погреба́ть, пойма́ть | —, посети́ть | посеща́ть, пренебре́чь | пренебрега́ть, прости́ть | проща́ть, пусти́ть | пуска́ть, распя́ть | распина́ть, рассвести́ | —, реши́ть | реша́ть, сесть | сади́ться, снабди́ть | снабжа́ть, стать | станови́ться, стре́лить | -стреля́ть, ступи́ть | ступа́ть, хвати́ть | хвата́ть et яви́ть | явля́ть.

La préfixation de quelques un de ces verbes mérite une attention spéciale.

Бро́сить. On a d'une part вы́бросить *pf.* | выбра́сывать *impf.*, перебро́сить *pf.* | перебра́сывать *impf.* etc., et de l'autre les dérivés formés sur броса́ть: вы́бросать *pf.* | —, разброса́ть *pf.* | разбра́сывать *impf.*, наброса́ть *pf.* | набра́сывать *impf.* Dans quelques cas rares de coïncidence dans les préfixations tels que вы́бросить *pf.* et вы́бросать *pf.*, le second perfectif désigne un »résultat accumulé«. — Ко́нчить: око́нчить *pf.* | ока́нчивать *impf.*, etc.; quant à конча́ть, il n'admet pas de préfixation, excepté поконча́ть (populaire; *perf. second.*) et сконча́ться ‚décéder'. Лиши́ть | лиша́ть n'ont point de préfixation. Реши́ть: разреши́ть *pf.* | разреша́ть *impf.* etc.; реша́ть a ses préfixaux perfectis

à lui: нарешáть, перерешáть qui ont la valeur de perfectifs secondaires (»résultat accumulé«). **Стрéлить**, à l'état de simple, est d'emploi populaire („Намеднись наш казак одного *стрéлил.* Л. Толстой, Казаки, VI), on dit вы́стрелить; les préfixaux de стрéлить n'ont point d'imperf. correspondant, d'autre part parmi les préfixaux de стреля́ть: расстреля́ть, ‚brûler toutes ses cartouches' перестреля́ть, настреля́ть ont la valeur de perf. secondaires; расстреля́ть *pf.* | расстрéливать *impf.* ‚fusiller'; постреля́ть *pf.* | пострéливать *impf.* est atténuatif. **Хвати́ть** employé impersonnellement хвáтит est plutôt imperfectif.

Parmi les types improductifs **взять** n'a point de préfixaux, **брать** fait собрáть *pf.* | собирáть ou сбирáть *impf.* Nous avons déjà noté l'accentuation particulière de **пáдать** (v. p. 505, n. 2°). **Лечь** s'associe avec ложи́ться, puisque -ложи́ть est transitif. Ses couples de préfixaux sont très variés, ainsi налéчь *pf.* | налегáть *impf.*, облéчь *pf.* (mieux обложи́ть) | облегáть *impf.*, залéчь *pf.* залегáть *impf.* etc.; d'autre part улéчься *pf.* | уклáдываться *impf.*, разлéчься *pf.* | расклáдываться *impf.* **Сесть** *pf.* | сади́ться *impf.* (сади́ть ou сажáть sont transitifs): присéсть *pf.* | присáживаться *impf.* etc. d'autre part, насéсть *pf.* | наседáть *impf.* etc., приседáть *impf. comitatif*; **сади́ться** n'a qu'un seul préfixal, à savoir вы́садиться *pf.* | высáживаться *impf.* **Стать** *pf.* | станови́ться *impf.* — en préfixation: встать *pf.* | вставáть *impf.* etc. *NB.* Noter les imperfectifs secondaires ставáть-стаю́т, давáть-даю́т et -знавáть-знаю́т.

3° Verbes d'aspect incertain.

Nous considérons comme verbes d'aspect incertain soit les verbes dont la forme du présent-futur a tantôt la valeur de présent tantôt celle de futur[1]), — exemples: я заранее уверен, что противник *рáнит* его et он босáется вперед, *рáнит* своего противника и падает сам — soit surtout les verbes qui possèdent les deux formes du futur, tels que я бýду телеграфи́ровать et по приезде я немедленно же телеграфи́рую тебе.

En dehors des emprunts verbaux de la classe III, dont nous avons déjà parlé, les verbes d'aspect incertain sont au nombre d'une quinzaine, largement compté. La langue cherche à remédier à cet inconvénient en formant des imperfectifs secondaires en -ывать et en accentuant de la sorte la valeur perfective de ces verbes.

---

[1]) Il faut noter que les imperfectifs мочь et хотéть n'ont point de futur, qu'on remplace par le futur des préfixaux perfectifs смогý et захочý.

Арестова́ть (аресто́вывать *impf.*), возде́йствовать, организова́ть (организо́вывать *impf.*), конфискова́ть (конфиско́вывать *impf.*), испо́льзовать (использо́вывать *impf.*), образова́ть (образо́вывать *impf.*). — Дарова́ть, минова́ть, ночева́ть; насле́довать, иссле́довать, обсле́довать, рассле́довать (on dit рассле́дывать *impf.*), испове́довать (испове́дывать *impf.* et испове́дать *pf.*). — Жени́ть, казни́ть, ра́нить, роди́ть, роди́ться, ру́шиться et aussi ру́шить (employé surtout en valeur perfective, p. ex. „Согрешила я, закон *ру́шила*, да уж не ворочаться стать". Л. Толстой, Власть тьмы, I, 8); изво́лить, крести́ть, мо́лвить. — Веле́ть.

4° Verbes dont les deux groupes de formes sont l'aspect différent.

Ce sont les verbes suivants ayant les formes perfectives du groupe de l'infinitif et les formes imperfectives du groupe du présent-futur: внять-вне́млют, изъя́ть-изъе́млют, испыта́ть-испыту́ют, наказа́ть-наказу́ют, обяза́ть-обязу́ют, объя́ть-объе́млют, отъя́ть-отъе́млют, подъя́ть-подъе́млют, почи́ть-почию́т, прия́ть-прие́млют, разъя́ть-разъе́млют et указа́ть-указу́ют. Ces formes imperfectives ne sont employées que dans le langage solennel, partout ailleurs on les remplace par les formes correspondantes des imperfectifs tels que внима́ть, изыма́ть (très rare aussi), испы́тывать etc.

Le verbe быть mérite une attention particulière. On reconnaît à ses formes du groupe de l'infinitif une valeur imperfective.[1]) Il serait pourtant difficile de déterminer la valeur de ses autres formes. Le futur de быть est simple et ce verbe n'a point de futur périphrastique, mais il a par contre un gérondif présent et un participe »futur« qui est бу́дущий. Il existe de plus une forme invariable de présent есть, p. ex. „так ты и *е́сть* здешний дворник?" ou bien вы хороши как вы *есть* тепе́рь" etc.[2])

Il serait plus juste, nous semble-t-il, en refusant toute valeur aspective à быть en tant que copule, lui reconnaître par contre une valeur imperfective, en tant que verbe complet. Nous avons déjà vu que la valeur imperfective est propre aux verbes intran-

---

[1]) A. Mazon, Emplois des aspects, pp. 3 et 209—211.

[2]) Certains grammairiens considèrent есть comme un mot autonome et n'ayant rien à voir avec быть; consulter là-dessus Чернышёв, o. c. p. 276; Некрасов, o. c. p. 297; А. Пешковский, Русский синтаксис (Москва 1914) p. 365.

sitifs à tel point qu'ils s'opposent même à l'opération de la perfectivisation. Or le verbe быть est le verbe intransitif par excellence puisqu'il n'est autre chose que la pure forme de l'état. Cette forme peut être transportée soit dans le passé ou dans le présent soit dans l'avenir. Il est assez naturel que le futur de быть s'exprime par une forme simple dans laquelle il n'y a pas lieu de distinguer deux moments (valeur temporelle et valeur lexicologique) comme c'est le cas de tout futur périphrastique,[1]) car toute la valeur sémantique de быть se ramène à l'expression de l'idée de l'existance dans le temps. C'est aussi pourquoi бу́ду est un futur de durée.[2]) — Quant à nombreux préfixaux dérivés de быть tels que добы́ть, забы́ть, прибы́ть, сбыть, избы́ть etc. ils sont tous étrangers comme sens au verbe fondamental, sauf l'atténuatif побы́ть qui représente ainsi l'unique modalité perfective de быть.

5° Imperfectifs préfixaux.

Les verbes suivants sont imperfectifs malgré leur structure préfixale plus ou moins certaine:

Classes vivantes: преоблада́ть, сострада́ть (il est possible que ce verbe soit formé sur le nom à préfixe со-страдание), сожале́ть, отсу́тствовать et прису́тствовать, предзнаменова́ть, предчу́вствовать et сочу́вствовать (il est possible que les deux soient formés sur les noms à préfixe пред-чувствие et со-чувствие), предше́ствовать, пресле́довать, пропове́довать, заве́довать (ou заве́дывать) et по́мнить (par contre мне помни́лось < мни́ть-ся).

Types improductifs: вы́глядеть, зави́сеть (n'a plus de rapport avec висе́ть), надлежа́ть, подлежа́ть, принадлежа́ть, обстоя́ть, отстоя́ть, предстоя́ть, состоя́ть, предви́деть et содержа́ть.

6° Doublets aspectifs.

Быва́ть peut être considéré comme itératif de быть. Les imperf. sec. formés sur les préfixaux qui dérivent de быть coïncident dans leurs formes avec -быва́ть, ainsi забы́ть *pf.* > забыва́ть *impf.* etc. Побы́ть et побыва́ть, tous les deux atténuatifs, le premier exprime une certaine durée; я *по́был* там с неделю, le second exprime soit un acte isolé et indéterminé par rapport au temps: он уже *побыва́л* там (on ne sait quand ni combien de fois), soit une série d'actes isolés et espacés: я *побы́вал* и в Москве и в Петрограде etc.

[1]) Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксис, 2e éd., p. 115.
[2]) A. Mazon, Emplois, pp. 107 et 112.

Вида́ть est un itératif de ви́деть. Il est surtout employé avec une valeur d'indéterminé, ainsi *ви́дел* ты вчера NN? Нет, но я уже *вида́л* его (on ne sait ni quand ni combien de fois); le prétérit itératif ви́дывал comparé à вида́л marque un pas de plus dans la direction vers l'indétermination. Les préfixaux de ви́деть n'ont point d'imperfectifs second.: уви́деть, зави́деть, сви́деться (*NB.* предви́деть *impf.*), pas plus que les préfixaux de вида́ть: повида́ть, увида́ть, перевида́ть. Les doublets уви́деть et увида́ть sont constamment confondus.

Слыха́ть, employé seulement au prétérit, est par rapport à слы́шать un itératif tout comme вида́ть l'est par rapport à ви́деть; le prétérit itératif est слы́хивал. Les préfixaux, d'une part заслы́шать, наслу́шаться, услы́шать et de l'autre услыха́ть n'ont point d'imperf. secondaires. Услыха́ть remplace habituellement услы́шать au prétérit.

L'opposition de ces verbes apparaît avec toute la netteté désirable dans le cas suivant: „А что и *ви́дела — не вида́ла*, что и *слы́шала — не слыха́ла.*" Л. Толстой, Власть тьмы, I, 9.

On cite aussi comme doublets ломи́ть: лома́ть et вали́ть: валя́ть.

Cependant ломи́ть et лома́ть sont actuellement différenciés; comp. ломи́ться в дверь, у меня ло́мит зубы et лома́ть кусты, лома́ть дурака, лома́ться. Les doublets ne deviennent possibles qu'en préfixation, ainsi сломи́ть (un seul effort): слома́ть (une série d'efforts), de même вы́ломить : вы́ломать, переломи́ть (‚casser en deux'): перелома́ть (résultat par accumulation), разломи́ть (‚casser en deux'): разлома́ть (‚briser en morceaux') etc.

Вали́ть : валя́ть sont encore plus éloignés comme sens l'un de l'autre. Comp. вали́ть деревья, толпа вали́т; он вы́валился (‚il est tombé') из саней в снег et он вы́валялся в снегу (‚il s'est sali à force de rouler dans la neige', résultat accumulé); валя́ть ва́ленки, валя́ть дурака. Les seuls doublets sont завали́ться ‚s'égarer' et заваля́ться, également ‚s'égarer', mais surtout ‚se salir à force de traîner partout'.

Dans les deux cas les imperf. secondaires se rapportent à l'un et à l'autre terme, ainsi разломи́ть ou разлома́ть > разла́мывать, вы́валиться ou вы́валяться > выва́ливаться.

Ру́шить ne fait plus de couple avec рушать éliminé du russe contemporain. Les préfixaux de -рони́ть:роня́ть ne forment point de doublets.

Dans toute notre étude nous n'avons pas cessé de signaler les doublets perfectifs dûs à la coïncidence dans la préfixation des différents verbes. Les seuls doublets pouvant avoir quelque importance, ce sont ceux du type повы́толкать : повыта́лкивать et peut-être ceux du type вы́толкать : вы́толкнуть. Dans les deux cas l'opposition se réduit à l'opposition d'un résultat par accumulation à un résultat simple, dû à un effort unique.

L'examen des faits linguistiques qui au point de vue du système des aspects se présentent comme cas particuliers, voire anormaux, confirme, nous semble-t-il, notre opinion que nous n'avons là que des éléments non typiques, n'exerçant aucune influence analogique. Seuls les emprunts verbaux de la classe III, étant dépourvus de valeur aspective déterminée, pourraient grâce à ce fait être néfastes au système des aspects en le sapant par ses fondaments. Cependant, si nombreux qu'il soient, ces emprunts n'ont d'existance réelle en dehors des milieux de spécialistes ou bien de la société cultivée, où le caractère étranger de ces verbes est bien senti. Mais du moment que les emprunts pénètrent dans les masses populaires, l'instinct linguistique de celles-là cherche à les assimiler aux verbes proprement russes et à les doter d'une valeur aspective déterminée, soit en procédant à leur préfixation (заангажева́ть, сорганизова́ть etc.) soit en leur créant des doublets en -ывать (организо́вывать, конфиско́вывать etc.) nettement imperfectifs soit enfin en leur substituant dans quelques cas exceptionnels des verbes formés sur les noms également empruntés mais devenus usuels, p. ex. телефо́нить < телефон en face de телефони́ровать, музыка́нить > музыка en face de музици́ровать.

VI

Notre étude serait par trop incomplète si nous laissions de côté, sans les examiner ne fût-ce que d'une manière sommaire, les rapports entre l'aspect et le temps.

Il faut d'abord se rappeler que pour la conscience linguistique russe, le temps est moins une notion grammaticale, formelle qu'une réalité psychologique. Les formes dites »temporelles« du verbe personnel[1]) ne servent jamais de moyen de subordination et n'ont pas de fonctions syntaxiques à remplir. Par conséquent, tout

[1]) *NB.* L'hypothétique (p. ex. я приеха́л бы, если бы смог) est une forme modale et non pas temporelle.

acte exprimé par une forme temporelle est en rapport direct avec la réalité du temps psychologique. Cependant, le présent objectif, c.-à-d. le moment du discours, ne coïncide pas nécessairement avec la situation subjective de la personne parlante laquelle par un effort de son imagination se déplace continuellement tout le long de son récit en se créant de la sorte plusieurs »présents« subjectifs. Aussi la perspective temporelle objective en est-elle troublée à tout instant.

Les rapports entre un procès et la notion de temps sont différents suivant l'aspect du verbe. — Ainsi pour l'aspect imperfectif qui traduit le procès dans sa durée, l'idée du temps comporte les trois subdivisions naturelles et qui sont: un plan du passé, un plan de l'avenir et un plan du présent qui sépare les deux premiers et les isole l'un de l'autre. Un procès imperfectif se déroule à l'intérieur d'un plan temporel et parallèlement à ses frontières. C'est précisément la possibilité d'un procès parallel au moment du discours qui nous permet de concevoir le présent comme un *plan* et non pas comme une ligne. — Il faut également se rappeler que chaque plan temporel est un. Les rapports d'antériorité, pouvant exister entre deux procès appartenant au même plan temporel et exprimés par quelques formes du verbe personnel, n'intéressent point la grammaire russe et sont déterminés par la situation et par le contexte.

Un procès conçu perfectivement ne connaît pas de perspective temporelle telle que nous venons de décrire. Ne pouvant pas être pensé comme étant parallel au moment du discours, le procès perfectif nous conduit à la conception *linéaire* du présent. Ce n'est plus un »plan« à l'intérieur duquel différents procès peuvent se développer, c'est une »ligne« séparant le passé de l'avenir. Pour continuer notre image, nous dirions qu'un procès perfectif est perpendiculaire à la ligne du présent et qu'il nous apparaît tantôt comme procès à résultat réalisé, tantôt comme procès à résultat à réaliser. Une forme grammaticale spéciale correspond à chaqu'une de ces deux conceptions: le prétérit perfectif exprime le résultat réalisé; le présent-futur perfectif exprime le résultat à réaliser. — Par rapport à la perspective temporelle objective, le résultat réalisé peut être pensé comme demeurant soit dans le présent soit dans le passé soit dans l'avenir même. Quant au résultat à réaliser celui-là se rapporte naturellement à l'avenir, cependant cet avenir peut être si immédiat que la réalisation du résultat peut coïncider avec le moment actuel. De là viennent certaines particularités de valeur

propres au prétérit et au présent-futur perfectifs — deux formes qui ne sont pas »temporelles« dans le sens habituel du mot. Ces particularités ont déjà parfois attiré l'attention des grammairiens, mais n'ont point reçu d'explication satisfaisante. C'est pourquoi nous sommes obligés à procéder ici à une analyse de la valeur temporelle des formes du verbe personnel.

Le prétérit perfectif exprime le résultat réalisé d'un acte et qui demeure, sauf indications contraires, au moment du discours. En voici quelques exemples: „слетел я на землю, вижу: лежит одна жена — больна, *родилá* двойню. Копошатся девочки подле матери..." Л. Толстой, Чем люди живы, X. *Родилá* n'est qu'un ‚point' d'aboutissement d'un procès qui n'est pas déroulé dans le discours. Mais ce ‚point' se trouve sur la même ligne (du présent) que les deux procès déroulés dans le discours à savoir: „лежит" et „копошатся" et qu'on serait tenté de se représenter sous forme de »traits«. — Входит он на широкий двор, в ворота широкие растворенные; дорога *пошлá* из белого мрамора, а по сторонам бьют фонтаны воды . . ." Аксак., Аленькой цветочек. L'observation qui s'impose ici serait analogue à la précédente, à cette différence près que *пошлá* est un point initial et non pas final du procès, mais ce point est sur la même ligne que le procès développé qui est „бьют". — „*Пролеглá*-лежит широкая дороженька". *Пролеглá* désigne, pour nous servir de l'expression de Potebnja, un „факт совершившийся и пребывающий до ныне",[1]) tandis que „лежит" ne fait que de reprendre cette valeur résultative pour la développer dans le plan du présent. Autres exemples: „. . . всё небо было совершенно обложено тучами и пыльная почтовая дорога *опры́скалась* каплями дождя". Гог. Мерт. Души, I, III. — „Да ведь нашему брату только одно удовольствие и *остáлось* — преувеличивать". Тург., Гамлет щигр. уезда. — „Голова у меня *разболéлась,* так и трещит". „Всю щёку *разломи́ло*". „Месяц *заволоклó* тучами". Dans cette dernière phrase nous ne sommes qu'à un pas de la phrase nominale passive „месяц *заволочён* тучами" où le résultat se présente comme un état.

Dans les phrases qui suivent et qui sont de caractère affectif, la réalisation d'un acte se présente à la personne parlante d'une façon

[1]) C'est ainsi que Potebnja définit la valeur du prétérit des verbes perfectifs dans le vieux-russe ainsi que dans quelques cas isolés du russe contemporain qu'il traite d'archaïsmes; v. Из записок, II, p. p. 257—258.

si imminente que dans son imagination elle voit cet acte déjà effectivement réalisé. Cependant pour quiconque se place dans la perspective temporelle objective, il s'agit ici d'un acte, dont la réalisation est dans l'avenir. „Одного мне жаль, барин (dit un postillon s'imaginant qu'on va lui voler ses chevaux), *пропáла* моя троечка, — и братьям-то она не достанется". Тург., Стучит. Ou bien „Мы *погйбли*!" „Да что с ним возиться? *дал* ему раз в зубы и вся недолга!" „Если Брут уцелеет, мы *победйли*" (‚Brutus si conservatus erit, vicimus'). [1]) — Nous ne connaissons qu'un seul cas d'emploi analogue du prétérit des verbes imperfectifs, à savoir „*Плáкали* мои денежки!", nous sommes d'ailleurs portés à croire que *плáкали* y est senti comme perfectif.

Le langage actif a souvent recours au prétérit perfectif pour en créer des formules exhortatives. Leur but est de représenter comme étant déjà plus ou moins atteint, accompli, le résultat qu'on cherche seulement à obtenir. Il en existe de toutes les espèces et de tous les degrés d'intensité. Tel est p. ex. le cri d'encouragement mutuel *взялй! взялй!* qu'on entendend si souvent s'élever du milieu d'ouvriers qui sont en train de faire un effort collectif et solidaire soit pour soulever quelque poids soit pour traîner une poutre etc. On dit *ну, поéхали!* ou plus énergiquement *пошёл!* en s'adressant à son cocher. Encore plus énergique est le cri *пошёл вон!* Toutes ces formules relèvent du domaine des modes et seront étudiées dans une de nos études suivantes. Nous savons que plus le langage est affectif, moins il se prête à l'analyse. Cependant certaines formules d'exhortation telle que p. ex. *пошёл!* sont si transparantes qu'on éprouve quelque étonnement à contempler les admirables échafaudages historiques élevés par certains russisants désireux de s'expliquer l'expression *пошёл!* [2])

Le prétérit imperfectif désigne par contre un procès se développant dans le plan du passé séparé complètement du plan du présent. On en jugera par les exemples suivants. „Кто борщу *трéбовал?* — провозгласила довольно грязная хозяйка. — Ах, это Козельцов *спрáшивал* . . ." Л. Толстой, Севастополь в Августе 1855 г. — „Но к ней Онегин подошёл и молвил: Вы

[1]) Cité par K. Aksakov, v. О русских глаголах, p. 19.

[2]) V. notamment Потебня, Из записок, II, pp. 276—278; Овсянико-Куликовский, Синтаксис, p. 123; P. Boyer et N. Spéranski, Manuel, p. 289; A. Mazon, Emplois des aspects, p. 230. Le point de vue de Potebnja, tout en étant historique, se rapproche d'ailleurs du nôtre.

ко мне *писа́ли*, не отпирайтесь...“ Пушкин, Евг. Онегин, VI, 12. „Приехал барин, что сапоги *зака́зывал*“ etc. Dans tous ces cas le sujet parlant fait appel à ses souvenirs et il trouve là un acte en train de se développer mais relégué dans l'arrière-plan du passé puisque séparé du moment actuel par d'autres actes survenus postérieurement. Comp. les oppositions suivantes: „Ну вот я *пришёл*. Зачем *зва́ли?*“ ou „Не вы ли меня *вы́звали* на этот разговор? Позвольте же мне продолжать“ ou bien „Мне только что *сообщи́ли*, что вы меня *вызыва́ли* к телефону“ etc. etc.

On préfère dire NN *воспи́тывался* ou *обуча́лся* там-то et non pas воспита́лся et обучи́лся. C'est que l'attention n'y est pas portée sur le résultat formel, final. Il ne faut pas avoir nécessairement terminé ses études, il suffit d'en avoir fait, pour que le résultat s'en manifeste sur la personnalité de NN. Il y a des cas où l'opposition entre les aspects s'efface. C'est un phénomène naturel et nécessaire puisque les catégories grammaticales ne sont point immuables ni séparées entre elles par des cloisons. Les aspects tendent à être confondus là surtout où la notion *formelle* de résultat intégral croise la notion de résultat *pratique* qui peut bien être partiel. Ainsi dans la phrase „Когда я поднялся́, крови на снегу было, точно барана *заре́зали*“ (Л. Толстой, Охота пуще неволи), on pourrait également dire точно барана *ре́зали*. Peu importe que l'acte ait ou non été complètement consommé, puisque le résultat en serait toujours le même, à savoir des traces de sang sur la neige. — C'est pourquoi on ne saurait accepter que sous réserve de revision ultérieure l'opinion suivante de M. A. Mazon: »C'est dans le temps que l'aspect paraît avoir son point d'appui le plus sûr. *Là où le temps disparaît, à l'infinitif et à l'impératif, l'aspect faiblit*...«[1]) Cette déduction nous paraît d'autant plus discutable qu'à notre avis, elle ne découle pas du tout de l'ensemble des faits examinés dans le livre. Malheureusement, la place nous manque ici pour développer notre point de vue.[2])

Quant à la transformation d'un procès perfectif en un procès imperfectif sous l'influence de la négation (я взял книгу, я не взял книгу, я *не брал* книги), nous en avons déjà parlé précédemment.

---

[1]) A. Mazon, Emplois des aspects, p. 240.

[2]) Nos Études sur le système verbal du russe contemporain ne sont que des résumés de différentes parties d'un autre ouvrage de dimensions beaucoup plus vastes, intitulé Système du verbe russe (essai de description de l'état actuel du russe littéraire) et qui, pour diverses causes, n'a pu être publié en France.

Contrairement à l'opinion de la plupart des russisants, nous estimons que la valeur extra-temporelle du présent-futur perfectif est beaucoup moins accentuée que celle du prétérit perfectif. L'idée d'un résultat à réaliser fait tout naturellement penser à l'avenir. Des conditions spéciales sont nécessaires pour que le moment de cette réalisation se confonde avec le moment actuel ou bien se transforme en présent gnomique.

Cependant le futur périphrastique indique nettement un acte se développant dans un plan de l'avenir complètement séparé du plan du présent, ainsi она сейчас *бýдет одевáться* к обеду dit implicitement que la personne en question n'a pas encore commencé à s'habiller. Par contre la phrase она сейчас *одéнется* к обеду peut très bien signifier que cette personne va terminer sa toilette déjà commencée depuis un certain temps.

Tout procès a nécessairement une durée, le procès perfectif aussi bien que le procès imperfectif, avec cette unique différence que dans les verbes imperfectifs la durée du procès est explicitement donnée dans le discours, tandis que dans les verbes perfectifs la durée du procès est seulement pensée sans être traduite grammaticalement.[1]) L'abstraction de la notion de durée n'est qu'un artifice de pensée et il consiste en cela que notre attention est concentrée sur un seul moment du procès à l'exception de tous les autres. Cet artifice réussit le mieux lorsqu'il s'agit d'un acte à résultat réalisé. Quand je dis *вот я пришёл*, on sait naturellement qu'avant d'être ici j'ai dû marcher pendant un certain temps, mais comme l'attention est concentrée sur le fait de mon arrivée, le point résultatif cache, pour ainsi dire, à nos yeux le procès lui-même.

Lorsque je dis *я придý*, l'idée du résultat qui est encore à venir ne nous fait pas complètement oublier que j'aurai à marcher pendant un certain temps avant d'être ici. — La notion de durée n'est pas suffisament éliminée de la conception d'un procès dont le résultat est à réaliser. Des conditions spéciales sont nécessaires pour qu'un pareil procès soit réduit à point et que son résultat soit rapproché de la ligne du présent.

Il existe deux moyens de transformer la valeur temporelle du présent-futur perfectif en une valeur extra-tempo-

---

[1]) La preuve que la notion de durée n'est jamais complètement absente d'un procès perfectif c'est que bon nombre de perfectifs admettent de déterminants de durée, p. ex. пробы́ть, проспáть, проéздить, пропéть целый день, долго etc.; comp. également les exemples cités plus haut, pp. 500 a 520.

relle:[1]) 1° ou bien l'acte est généralisé et ne se rapportant plus à aucun moment déterminé, échappe par là à la notion de temps, p. ex. „На чужой роток не *накйнешь* платок", „Он хоть кого *вы́ведет* из терпения", 2° ou bien, s'il s'agit d'un acte particulier et concret, le procès est représenté aussitôt accompli que commencé. Ainsi „Лиса открыла мешок, а собаки *как вы́скочат* из мешка да за нею". „Кругом тихо. Лишь изредка *плеснёт* рыба в речке, и снова всё смолкает". Les deux procédés sont souvent combinés, et un acte généralisé est en même temps un acte immédiatement réalisé. Ainsi „Хлеб был дорогой, а работа дешёвая и что *заработает*, то и *проест*". Л. Толстой, Чем люди живы, I. — On voit sur ces exemples qu'un acte exprimé par la forme du présent-futur perfectif peut se rapporter à n'importe quel plan de la perspective temporelle objective.

Quant aux formes du verbe non personnel, il nous suffira de signaler ici l'opposition existant entre le gérondif des verbes perfectifs et celui des verbes imperfectifs. — Indépendamment du temps de verbe principal, le premier gérondif (dit gérondif »présent«) exprime un acte secondaire simultané, ainsi: *читая́* ваше письмо, я думаю (думал, буду думать, подумал, подумаю) о вас; le second (dit gérondif »passé«) exprime un acte antérieur, ainsi: *прочтя́* ваше письмо, я думаю (думал, подумаю etc.) о вас. — Il n'existe que ces deux gérondifs.[2])

* * *

L'analyse du mécanisme des aspects à laquelle nous avons procédé dans les chapitres précédents prouve, nous semble-t-il, la justesse des prémisses que nous avions formulées au début de cette étude —, à savoir: 1° la formation des aspects repose sur le mécanisme de la dérivation déverbative; 2° la base sémantique des aspects est représentée par la notion de résultat et 3° les deux aspects sont de nature différente: la perfectivisation est une opération sémantique et qui suppose déjà l'existance de l'aspect imperfectif; mais cette perfectivisation ne réussit jamais à éliminer complètement de notre conscience la notion de durée. Quant à l'aspect imperfectif c'est une réalité immédiatement donnée et ne compor-

---

[1]) Nous ne pouvons point analyser ici les nombreuses modalités concrètes que comporte l'application de ces deux procédés, du second surtout.

[2]) Les gérondifs **лежа́вши** et **встреча́вшись** cités par M. A. Mazon, o. c. p. 235, sont des formes théoriques, on ne dit que **лёжа, встреча́ясь**.

tant point d'»explication«. — Une définition analogue des deux aspects nous donne M. J. van Ginneken lorsqu'il dit que l'aspect imperfectif est l'expression de l'adhésion réelle d'un fait, tandis que l'aspect perfectif est l'expression d'une adhésion potentielle.[1])

Freiburg i. Brg., Septembre, 1922.

Serge Kartsevski.

[1]) J. van Ginneken, Principes de linguistique psychologique, p. p. 101—106.

Александръ Веселовскій.

1838—1906.

III.

Научная дѣятельность Веселовскаго роспадается на три неровные періода.

Я постарался только что охарактеризовать первый и третій. Оба они посвящены эпохѣ возрожденія. Въ первый періодъ Веселовскій — въ Италіи, совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, и результатъ его работы — „Вилла Альберти“. Потомъ, много лѣтъ спустя, — это третій періодъ, — съ 90-ыхъ годовъ, все чаще появляются отдѣльныя статьи о Боккаччьо, за которыми слѣдуетъ двухтомный трудъ о немъ и очеркъ о Петраркѣ; кончается этотъ третій періодъ замѣчательной и своеобразной книгой о Жуко́вскомъ, вышедшей за два года до смерти.[1]) Въ теченіи обоихъ этихъ періодовъ Веселовскаго интересуетъ „цѣлое“, „композиція“, завершеніе, „среда“ создательница направленій: возрожденія и романизма.

Второй или среднiй періодъ начинается немедленно по его возвращеніи въ Россію и открывается статьей: „Новыя отношенія Муромской легенды о Петрѣ и Февроніи и сага о Рагнарѣ Лодброкѣ.“[2]) Вскорѣ выходитъ и вторая диссертація „Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ.“[3]) Съ этого времени, т. е. съ начала 70-ыхъ годовъ въ теченіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ, безпрерывно нанизываются одно за другимъ изслѣдованія, посвященныя тому, что я назвалъ „элементами“: разборы сюжетовъ, сказаній и легендъ. Менѣе всего извѣстенъ вотъ этотъ среднiй періодъ его дѣятельности. Тутъ Веселовскій, можно сказать, остался почти непоня-

---

[1]) Пользуюсь случаемъ указать, что у ак. Ягича въ Исторіи славянской филологіи СПб. 1910 въ указаніи года смерти В-аго опечатка. Некрологъ о В-омъ см. въ Извѣст. отд. р. яз. и слов. XI кн. 3 (1906).

[2]) Журн. Мин. нар. просв. 1871 апрѣль; здѣсь впервые намѣченъ основной принципъ дальнѣйшихъ его работъ.

[3]) СПб. 1872; въ Собр. соч. эта книга началась печататься за три года до войны. Сюда же Журн. Мин. н. пр. 1905, апр.

тымъ. Къ этимъ работамъ его больше всего относится вполнѣ справедливое замѣчаніе ак. Ягича о необходимости обстоятельной монографіи о Веселовскомъ.[1]) Безъ нея именно эта серія его изысканій долго еще будетъ пребывать какимъ-то таинственно запертымъ, волшебнымъ ларцомъ. А между тѣмъ именно тутъ та особая сгущенная атмосѳера Веселовскаго; тутъ, можетъ быть, даже — самое главное, какъ разъ то, чему принадлежитъ будущее.

Разсмотрѣть въ предѣлахъ одной статьи всѣ темы, какія занимали Веселовскаго за эти двадцать лѣтъ средняго періода, нѣтъ никакой возможности; пришлось бы ограничиться простымъ перечнемъ. И Веселовскій ничѣмъ не облегчилъ ознакомленія со своими работами. Онъ зачастую и по нѣсколько разъ возвращается къ тѣмъ же самымъ вопросамъ, то разсѣиваетъ свои статьи по Журналу Министерства и изданіямъ Академіи, то сводитъ нѣкоторыя изъ нихъ вмѣстѣ, никогда не объясняя принципа порядка ихъ печатанія. Нѣкоторая стройность лишь въ „Южнорусскихъ былинахъ“,[2]) въ сочиненіи „Изъ исторіи романа и повѣсти“,[3]) и дальнѣйшихъ работахъ по „Александріи“, появившихся уже отдѣльно.[4]) Наиболѣе расплывчата архитектоника „Опытовъ по исторіи христіанской легенды“[5]) и „Разысканій въ области духовнаго стиха“.[6]) Здѣсь дробныя, отдѣльныя статьи уже не связаны ни съ какимъ опредѣленнымъ родомъ или видомъ поэзіи. Объ упоминаемомъ въ заглавіи духовномъ стихѣ забывается. Мы исключительно въ мірѣ сказаній, легендъ и повѣрій, какъ бы и въ какомъ бы видѣ, онѣ не проникали въ литературу. И разборы всего этого подробны, авторъ уходитъ въ самое пристальное разсмотрѣніе каждаго изъ нихъ. Вотъ отчего теряется общая мысль и система. Эти работы Веселовскаго болѣе другихъ похожи на первоначальный подборъ матеріала. Я постараюсь однако прослѣдить ихъ общее направленіе, ту никогда не покидаемую ав-

---

[1]) Ист. слав. фил. стр. 845 и 851.

[2]) Сб. Ак. Наукъ тт. XXII (1881) и XXXVI (1884); сюдаже, какъ дополненіе относятся и „Мелкія замѣтки къ былинамъ“. Журн. Мин. нар. пр. 1885, дек.; 1888, май; 1889, май; 1890 мартъ и май; 1896 авг.

[3]) Сб. Ак. Наукъ XL (1886) и XLIV (1888).

[4]) Журн. Мин. нар. пр. 1884, іюнь и сент., 1885 октябрь. Arch. f. sl. Ph. XI; Сб. Ак. Наукъ LIII (1892) и Византійскій Временникъ, IV (1897).

[5]) Журн. Мин. нар. пр. 1875, апрѣль и май; 1876, февр.-апрѣль и іюнь; 1877, февраль и май.

[6]) Сб. Ак. Наукъ т. XX (1880); XXI и XXVIII (1881); XXXII (1883); XLVI (1890); LIII (1892).

торомъ красную нить, на которую нанизываются отдѣльныя изслѣдованія.

Не всѣ сказанія, легенды, сказки и схожія между собою сюжеты, которыми занимался Веселовскій непремѣнно — христіанскія; къ глубокой древности восходитъ напр. сказаніе о кровосмѣсителѣ,[1]) но Веселовскій ограничилъ себя и хронологически, и географически предѣлами христіанскаго міра. Онъ разсматривалъ группы и циклы сказаній, темъ и сюжетовъ прежде всего, какъ „христіанскую миѳологію", прекрасное выраженіе, отъ котораго пришлось однако отказаться по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ. Это ограниченіе себя міромъ христіанства — основной принципъ, заранѣе и почти что разъ на всегда установленный. Въ такихъ предѣлахъ должны были быть обоснованы его гипотезы и теоріи. Именно значеніе христіанства со всѣмъ, что заключало оно въ себѣ, съ его сектами, апокрифическими мотивами, нравоучительными притчами, житіями святыхъ, повѣрьями, мѣстными преданіями и пріуроченіями, значеніе для развитія поэзіи, и на западѣ, и у славянъ, составляетъ основную тезу всѣхъ работъ Веселовскаго разсматриваемого сейчасъ періода его дѣятельности. Христіанство не только преслѣдовало и уничтожало древнюю поэзію и ея послѣдніе побѣги, оно еще оживило ее притокомъ огромнаго богатства идей и образовъ. При этомъ не въ Шатобріановскомъ возвеличеніи „христіанскаго генія" тутъ дѣло и не въ борьбѣ противъ взглядовъ на христіанство, подобныхъ Гётовскому, а простое установленіе историко-литературнаго факта. Фактъ этотъ знаменателенъ. На немъ построится чисто историко-литературная система, имѣющая широкое соціологическое примѣненіе.

Этой тезой о христіанствѣ, создателѣ своей миѳологіи, влившейся въ поэзію, и посвѣщены всѣ четыре отдѣла работъ средняго періода. Первый изъ нихъ — „Опыты изъ исторіи христіанской легенды" и „Разысканія въ области духовнаго стиха", второй „Южнорусскія былины" и примыкающія къ нимъ „Мелкія замѣтки къ былинамъ", третій — „Изъ исторіи романа и повѣсти", вмѣстѣ съ изслѣдованіями объ „Александріи" и „Трояновыхъ Дѣяніяхъ". Четвертымъ отдѣломъ можно назвать стоящія въ сторонѣ отъ нихъ изслѣдованія, какъ напримѣръ только что названное о кровосмѣсителѣ. Первый и третій отдѣлы я назову

[1]) „Андрей Критскій въ легендѣ о кровосмѣсителѣ" Журн. Мин. Нар. Пр. 1885, іюнь.

географическими, второй т. е. о былинахъ историческимъ. Въ четвертомъ отдѣлѣ сказываются оба характера.[1])

Названіе „южно-русскія былины“ обозначаетъ стремленіе намѣтить ихъ не столько географическій, какъ именно „хронологическій разборъ“. Древнѣйшіе изводы, древнѣйшій ихъ видъ, правда, привязываетъ ихъ къ югу. Тутъ ихъ колыбель. Отсюда гипотеза: чѣмъ ближе разсказъ къ схожему византійскому, тѣмъ онъ древнѣе; такъ „первичная былина о Дюкѣ возстановляется данными Посланія“ пресвитора Іоанна.[2]) Таково было положеніе, изъ котораго исходилъ Веселовскій. И оно вытекаетъ изъ общей схемы „Разысканій“ и „Изъ исторіи романа и повѣсти“, потому что тамъ указывается на Византію, какъ на центръ, откуда проникли сюжеты, и къ намъ, и на западъ. Византія — какой-то основной, важный узелъ, куда ведутъ всѣ построенія Веселовскаго. Вся „христіанская миѳологія“ оттуда. А это надо было нарочито отмѣтить. Мы сейчасъ перейдемъ къ разсмотрѣнію его главной теоріи: миграціи сюжетовъ, или, какъ онъ ее назвалъ, теоріи заимствованій.[3]) Ее нельзя возводить къ Бенфею, именно изъ-за той роли, какую призналъ Веселовскій за Византіей. Въ своемъ знаменитомъ предисловіи къ Панчатантрѣ, Бенфей доказывалъ, что сюжеты бродятъ, мигрируютъ съ востока на западъ; тутъ сходство; но сейчасъ же расхожденіе: по мнѣнію Веселовскаго отнюдь не бродятъ вообще, или еще какъ-то проникаютъ изъ Индіи въ Европу, можетъ быть, черезъ арабовъ, сѣвернымъ берегомъ Африки, нѣтъ, они слѣдуютъ по опредѣленному пути. И вотъ установленіе этого-то пути, съ узловой станціей въ Византіи, составляетъ главное, къ нему, т. е. къ пути прохожденіа, сводятся, это на каждомъ частномъ фактѣ доказываютъ всѣ работы Веселовскаго 70-ыхъ и 80-ыхъ гг. Да, значеніе Индіи несомнѣнно. Не сомнѣнно еще и то, что чисто христіанская миѳологія позаимствовалась также изъ Индіи. Достаточно такого памятника, какъ „Бесѣда трехъ святителей“, или перефразировки жизни Будды, включенной Яко-

---

[1]) При распредѣленіи матеріала въ Собр. Соч. мною былъ составленъ списокъ статей объ отдѣльныхъ сюжетахъ, не вошедшихъ въ большія серіи; ихъ набралось на цѣлый томъ.

[2]) Ю. р. б. VI стр. 196, въ Сб. Ак. Н. XXXVI (1886); В-ій однако оговаривалъ, что „хронологическій разборъ нашихъ былинъ можетъ привести лишь къ приблизительнымъ выводамъ“ Ю. р. б, X стр. 374.,

[3]) Эту теорію заимствованій я формулировалъ въ статьѣ подъ этимъ словомъ Энциклопедическаго Словаря Ефронъ-Брокгауза.

вомъ-де-Ворагине въ Legenda Aurea. Самое сказаніе объ Индіи богатой такъ краснорѣчиво говоритъ объ этомъ. Переводъ Панчатантры скорѣе добавилъ, чѣмъ далъ новое. Но Веселовскаго интересовалъ опять-таки литературный процессъ, причина, условія миграціи сюжетовъ. Почему, какимъ образомъ могла христіанская миѳологія обогощаться изъ Индіи? Въ то время не было данныхъ, чтобы отвѣтить на этотъ главный вопросъ, а Бенфей для этого не доставилъ никакихъ указаній. Вотъ, почему гораздо цѣннѣе Бенфеевской теоріи были для Веселовскаго работы Бугге по сѣвернымъ сказаніямъ, которыя онъ и привѣтствовалъ, постаравшись внести въ это параллельное изученіе миѳологіи сѣвера и христіанской миѳологіи свою лепту.[1])

Однако сейчасъ же необходима оговорка.

Всѣ научныя построенія Веселовскаго строго проводятъ миграцію или заимствованіе сюжетовъ и относительно каждаго изъ нихъ Веселовскій старается прослѣдить и путь проникновенія каждаго сюжета отъ одного народа къ другому. Но къ концу средняго періода своей дѣятельности какъ будто именно послѣ занятій сѣверомъ взяло сомнѣніе, и единственныя двѣ страницы, гдѣ онъ теоретизируетъ въ концѣ одного изъ очерковъ „Разысканій",[2]) онъ вводитъ поправку въ свою теорію заимствованій. Онъ допускаетъ возможность того, что онъ назвалъ „встрѣчными теченіями". Можетъ быть, и не только заимствованіе. Можетъ быть, какой либо захожій элементъ поэзіи полюбился такой с р е д ѣ, — опять средѣ, — гдѣ уже жило схожее, и отсюда встрѣча. Дѣйствительно, рѣчь идетъ о дуалистическихъ повѣрьяхъ, проникающихъ съ востока на западъ. А мы знаемъ о существованіи стройной манихейской церкви во времена бл. Августина въ сѣверной Африкѣ и Италіи. Манихейство могло т. обр. сказаться въ сѣверной эсхатологіи настолько рано, что послѣдующая волна дуализма, въ болѣе позднюю пору, не можетъ быть признана чѣмъ-то совершенно новымъ. Схожее какъ бы

[1]) Я не совсѣмъ понимаю, почему ак. Ягичъ считаетъ, что В. вообще „занялъ выжидательное положеніе" въ спорѣ Бугге и Мюлленгофа (Ист. слав. фил. стр. 848); въ „Мелк. замѣткахъ о был." изъ того мѣста, на которое ссылается ак. Ягичъ, ясно, что слово: выжидательный относится лишь къ античной гипотезѣ Бугге; В. пишетъ: „отрицая вмѣстѣ съ Мюлленгофомъ классическую гипотезу Бугге, мы, наоборотъ, болѣе согласны съ послѣднимъ въ признаніи сильнаго христіанскаго вліянія на эсхатологію Эдды" Ж. М. н. пр. 1885 дек. стр. 196. Свою лепту внесъ В-ій въ Раз., см. статьи: о дуалистихъ повѣрьяхъ Сб. XLVI и LIII и спеціальный очеркъ: „Вѣщаніе Вельвы (Vǫlupsá) и новѣйшая экзегеза" Сб. Ак. Н. LIII, VIII.

[2]) Сб. Ак. Н. XLVI (1890) Раз. XI стр. 115—116.

наслоялось на схожее. При какихъ обстоятельствахъ это могло произойти онъ однако не указываетъ, и мнѣ нужно было лишь оговорить это вскользъ брошенное замѣчаніе, свидѣтельствующее о его крайней осторожности, уже совсѣмъ отмежевывающей его отъ Бенфея.

Случалось не разъ Веселовскому и вовсе не доработаться до опредѣленности выводовъ. Такъ обстояло напр. дѣло, когда онъ задумался о такой въ высшей степени интересной проблемѣ, связанной съ русскимъ былевымъ эпосомъ, гдѣ поистинѣ трудно примѣнить какой либо иной обобщающій терминъ, кромъ встрѣчи. Я разумѣю упоминаніе въ Тидрехсагѣ объ нѣкомъ родственникѣ нашего Владиміра Ильѣ, ,,изъ земли Греческой" или русскаго князя Ильи, дяди Ортнита въ ,,Ортнитсагѣ". Это, конечно, нашъ Илья Муромецъ, но почему онъ названъ греческимъ? А рядомъ съ этимъ — такое поразительное сходство между древне-верхненѣмецкой поэмой о старомъ Гильдебрандѣ, сражавшемся съ роднымъ сыномъ и нашей былиной о встрѣчѣ Ильи Муромца съ Сокольникомъ. Еще болѣе поразило научное воображеніе Веселовскаго упоминаніе ,,о поганомъ зломъ Дедрикѣ" въ 1-ой Новгородской лѣтописи подъ 1203 годомъ. Что тутъ за таинственный процессъ общенія? Не напрашивается ли въ самомъ дѣлѣ какоето similia similibus?

Много лѣтъ подрядъ возвращался Веселовскій къ этимъ совпаденіямъ и не могъ подыскать объясненія. Только незадолго до смерти, когда онъ уже давно и, казалось, на всегда распрощался съ работами своего средняго періода, вышла обстоятельная статья о Тидрехсагѣ.[1]) И вотъ характерно, что въ ней первой и главной заботой Веселовскаго оказалось географическое пріуроченіе, мѣсто дѣйствія длиннаго повѣствованія, разсказывающаго о борьбѣ Аттилы и Тидриха съ какими-то Вельтинами. Отождествить этихъ Вельтиновъ удалось; это Полоцкая земля. Мѣсто дѣйствія значитъ, сфера вліянія Ливонскаго ордена, и навязывается вопросъ не для возвеличенія ли нѣмецкаго рыцарства, которому противопологаются осиленные имъ русскіе богатыри и самъ Владиміръ, чтобы увлечь ихъ рѣшимостъ, сочинена сага? Веселовскій не говоритъ этого, онъ ищетъ по другому пути возможностей, добивается иного литературнаго процесса.

---

[1]) Русскіе и вильтины въ сагѣ о Тидрекѣ Бернскомъ. Изв. отд. р. я и сл. т. XI (1906) кн. 3 стр. 1—160.

И вдалекѣ опять Византія, опять греки, вѣдь оказывается же Илья греческимъ, хотя и вклинился какой-то Gercike.

IV.

Почему Византія?

Въ тѣ годы, когда Веселовскій начиналъ свою научную дѣятельность, была въ ходу и до сихъ поръ далеко не забыта, а, напротивъ, и въ наши дни наполняетъ учебники, теорія, согласно которой сюжеты — переживаніе древнихъ языческихъ миѳовъ. Какъ корни современныхъ языковъ восходятъ къ одному предполагаемому индо-европейскому пра-языку, такъ и эти миѳы восходятъ къ пра-миѳамъ общихъ всѣмъ арійцамъ предковъ. Къ этимъ миѳамъ по мѣрѣ развитія исторіи каждаго народа присоединялись поэтическія воспоминанія о событіяхъ. О нихъ слагались пѣсни сейчасъ же послѣ того, какъ они имѣли мѣсто, и долго спустя canitur adhuc barbaros apud gentes (Tacitus Ann. 2,88). Отсюда — спѣвы, и возникаетъ эпопея, наслояющаяся на миѳы, которые тоже продолжаютъ жить въ памяти народной, независимо отъ эпопеи, въ сказкахъ и легендахъ, принимая въ этихъ послѣднихъ христіанское обличье. Вслѣдъ за Бедье и Вильмотомъ я буду называть эту теорію романтической,[1]) хотя Вильмотъ показалъ, что она восходитъ къ домысламъ энциклопедистовъ XVIII в., т. е. еще старше романтизма.

Эти послѣдніе годы, что касается старо-французскихъ chansons de geste, всѣ, основанныя на романтической теоріи, историко-литературныя построенія разрушилъ Бедье. Онъ пришелъ къ выводу, что пѣснь о Роландѣ, которую сохранила Оксфордская рк., ни въ коемъ случаѣ не можетъ считаться какимъ-то таинственнымъ пѣсеннымъ воспоминаніемъ того несчастья съ арьергардомъ Карла Великаго въ Ронсевальскомъ ущельѣ, слѣдствіемъ котораго было убіеніе басками нѣкаго Хродланда, графа Бретанской марки.[2]) И вовсе это событіе не произвело такого особаго впечатлѣнія. А Хродландъ, графъ Бретани, вовсе не былъ такимъ знаменитымъ въ свое время витяземъ. Пѣсня о Роландѣ возникла оттого, что церковь, переставъ преслѣдовать жонглеровъ, взяла

---

[1]) Les légendes épiques, t. III, pp. 200—272 et 455—461; M. Wilmotte, Le français a la tête épique. Paris 1917, pp. 26—34.

[2]) Les légendes épiques, t. III, pp. 183—200; указываю только относящееся къ Роланду, но тотъ же принципъ проведенъ относительно большинства chansons de geste.

подъ свое покровительство многія ихъ конфреріи, привязала ихъ къ монастырямъ и поощряла ихъ зазывать народъ, вліяніемъ, оказываемымъ ихъ пѣснями, на празднества, вродѣ Индикта іюня мѣсяца въ аббатствѣ св. Діонисія въ Парижѣ, либо увлекать массы въ далекія паломничества. Дороги, которыя вели изъ Франціи къ гробницѣ св. Якова Кампостельскаго, всѣ проходятъ въ Пиренеяхъ черезъ Ронсево. Отсюда знаменитость тамошняго монастыря, а онъ прославлялся пѣснями о похороненномъ въ немъ Роландѣ. Это клерики, книжники расказали жонглерамъ о подвигахъ Роланда.[1]) Написанныя по латыни и сочиненныя клериками книги, какъ уже упомянутая „Descriptio“ о реликвіяхъ Страстей Господнихъ, или „Книга о св. Яковѣ“[2]) — источники chansons de geste, а вовсе не загадочная эпическая память народа.

Но больше, чѣмъ четверть вѣка тому назадъ, говоря о такомъ какъ бы напрашивающемъся на толкованіе въ духѣ романтической теоріи эпизодѣ изъ нашихъ старинъ, какъ бой съ Тугариномъ, символизирующемъ наступавшую на Кіевъ и захлестнувшую и всю Русь степь, Веселовскій писалъ: „Лѣтописныя сказанія о Тугорканѣ и Бонякѣ даютъ намъ — не канву нашихъ былинъ о Тугаринѣ и Идолищѣ, а развѣ матерьялъ, вошедшій въ ихъ оригиналъ, близкій сказанію.“[3]) Сначала книжно-христіанское представленіе о змѣеборствѣ со всѣмъ тѣмъ символизмомъ борьбы со скверной, какъ его понимала и проповѣдывала христіанская миѳологія, а потомъ уже, и то только ввидѣ предположенія, но во всякомъ случаѣ тоже исходящее изъ книжности и книжныхъ историческихъ знаній пріуроченіе къ Кіеву, а во образѣ Идолища Поганаго представленіе о нечестивой степи, неустанно напиравшей на Святую Русь.

Веселовскій никогда не вступалъ въ полемику съ теоріями, которыя отвергалъ. Свои собственныя онъ никогда, кромѣ указанныхъ выше двухъ страницъ, не формулировалъ, а лишь доказывалъ множествомъ отдѣльныхъ изысканій. Но этотъ основной принципъ опредѣлилъ лучшій изъ учениковъ Веселовскаго Ждановъ, увы, умершій раньше своего учителя.[4]) Онъ заявилъ категорически, что вмѣсто воображаемаго проникновенія въ книгу, т. е. въ литературу содержащагося въ народной словесности

---

[1]) Ibid., pp. 289—385.
[2]) Ibid., pp. 73—112.
[3]) Южн. р. был. X, стр. 370, Сб. Ак. Наукъ XXXII.
[4]) Ждановъ умеръ 1901; въ Ист. сл. фил. ошибочно указанъ 1905 г.

слѣдуетъ признать обратное: изъ книгъ въ народную словесность.[1]) Такъ вмѣсто романтическихъ домысловъ уже тогда въ Россіи слагалось трудами Веселовскаго строго историко-литературное изслѣдованіе. Оно неминуемо должно стать международнымъ.

Бедье сознательно и систематично сосредоточился исключительно на литературныхъ событіяхъ Франціи. Тутъ сходство съ Веселовскимъ въ томъ отношеніи, что оба они не теоретизируютъ; оба они заставляютъ факты говорить и поучать, исходятъ изъ дробныхъ экскурсовъ, и только весь ихъ комплексъ доводитъ сознаніе читателя до общаго. Но Бедье зато все свое вниманіе сосредоточилъ только на географіи chansons de geste, оказавшейся тождественной съ географіей всей этой сѣти паломничествъ, уводившихъ полчища пилигримовъ въ Испанію къ ракѣ Якова Кампостельскаго и въ Римъ; рядомъ съ этимъ лишь еще подвиги рыцарскіе, битвы, войны, т. е. внѣшнее, остовъ или скелетъ chansons de geste, при чемъ все, что не chansons de geste: фабльо и романы бретонскаго цикла, все это остается въ сторонѣ, что, разумѣется, и не могло быть иначе, разъ одной эпопеѣ посвящено изслѣдованіе. Работы же Веселовскаго, вся пестрота ихъ, — какъ мясо живое, кровь и мышцы, облекающія нагой костякъ эпопеи; и не одной эпопеи, а включаются и фабльо, и романы бретонскаго цикла, съ таинственной легендой о Граалѣ, и, что важнѣе, позднія chansons de geste, ихъ разноплеменные пересказы и передѣлки отъ Италіи до далекаго сѣвера, гдѣ возникла Сага о Карлѣ Великомъ.

И вотъ эти-то мясо, кровь и мышцы средневѣковой поэзіи, т. е. сюжеты, мотивы, легенды и сказанія, они-то, въ построеніяхъ Веселовскаго, оказываются пришедшими съ греко-сирійско-эѳіопскаго востока,[2]) а узловая станція — Византія. Черезъ Византію прошли всѣ эти сокровища цивилизаціи и стали элементами поэзіи одновременно и германо-романскаго запада и славяно-русскаго востока, потому что проходили черезъ Византію двумя теченіями: одно на западъ, а другое на сѣверъ въ какую-то пору, предшествующую XI в., когда одновременно возникаетъ и старо-французская поэзія, на западѣ наиболѣе древняя, и наша Кіевская

---

[1]) Соч. И. Н. Ж-ова т. I, стр. 490.

[2]) Объ эѳіопскихъ отношеніяхъ, отразившихся въ европейской легендарной литературѣ, см. особенно послѣднюю статью о Граалѣ Журн. Мин. Н. пр. 1904, февраль.

и когда, точно заставивши ихъ на мгновеніе взяться за руки, имѣло мѣсто это удивительное и загадочное супружество Анны Ярославны съ французскимъ королемъ Генрихомъ, этой королевы Анны, не знавшей по латыни и оттого подписью своею начертавшей первыя французскія слова.[1])

Странно можетъ показаться сближеніе Бедье съ Веселовскимъ. Но ихъ роднитъ не только то, что оба они независимо другъ отъ друга противопоставили романтической теоріи книжное происхожденіе національной эпопеи, но и другое обстоятельство: оба они такое огромное значеніе въ литературномъ процессѣ отводятъ церкви, и въ частности паломничеству, или вѣрнѣе вообще тому самому церковному началу, которое дало міру непревзойденныя никакой другой эпохой зодчество, скульптуру и живопись среднихъ вѣковъ, прежде всего — что намъ особенно важно, — романскій стиль. А церковное начало строило и украшало церкви, какъ это совсѣмъ недавно показалъ проф. Маль, по той же самой сѣти паломничества, которую выявилъ изъ глубины вѣковъ, гдѣ она притаилась, Бедье. Отсюда — мотивы chansons de geste и изображенія жонглеровъ на стѣнахъ церквей,[2]) подобно тому — не могу удержаться, чтобы этого не напомнить, — какъ на стѣнной живописи Софійскаго собора въ Кіевѣ, гдѣ мы находимъ изображенія скомороховъ. Еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ Франціи цвѣтныя стекла изображаютъ ту же самую перелицовку расказа о Іосифѣ Прекрасномъ, какая хорошо знакома намъ по стиху „О сорока каликахъ со каликой“. Чудо спасенія прекраснаго паломника совершаетъ, разумѣется, Яковъ Кампостельскій,[3]) а вѣдь каличій атаманъ названъ Михайло, на тожество котораго указалъ Веселовскій и съ праведнымъ Михайломъ изъ Потуки, и съ Потокомъ богатыремъ.[4]) При распространенныхъ въ его время взглядахъ еще болѣе загадочнымъ

---

[1]) См. объ этой курьезной подписи у Ant. Thomas въ сборникѣ его филологическихъ статей.

[2]) См. приведенную выше статью Маля въ Revue de Paris; до него было извѣстно лишь изображеніе Роланда на вратахъ Равеннскаго собора.

[3]) Mâle. L'art religieux de la fin du moyen âge en France, Paris 1908, p. 185—186. Веселовскій, узнавъ объ этомъ совпаденіи лишь поздно изъ Koehler'a (Kleinere Schritten II, 223 слѣд. III 558), не придалъ ему значенія, но лишь отмѣтилъ, какъ интересное. Ж. мин. н. пр. 1905 апрѣль „Былины о Потокѣ и о сорока каликахъ со каликою.“

[4]) Раз. IX, Сб. Ак. Н. XXXII, стр. 356 и слѣд. особенно стр. 366: „Я обращаю пока вниманіе на совпаденіе именъ и общихъ очертаній, предоставляя себѣ вернуться . . . къ вопросу объ источникахъ былинъ о Потокѣ“.

оставался и этотъ св. Илья Кіево-печерскій, котораго какъ бы и знать не хотятъ изслѣдователи былинъ. Но стоило изученію chansons de geste и связаннаго теперь съ ними романскаго зодчества выйти на правильный путь, чтобы построенія Веселовскаго не только перестали быть вообще такими одинокими, какъ были, но новое значеніе получили даже едва намѣченныя имъ, еще только ощупью, сродныя построенія.

Веселовскій первый еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ оцѣнилъ вкладъ въ европейскую поэзію „христіанской миѳологіи“ и церковнаго начала. Огромный, собранный имъ въ этомъ направленіи матеріалъ предстоитъ еще использовать. разъ окончательно повидимому, разсѣянъ туманъ романтической теоріи. Одна вѣрная научная мысль всегда сама собою вызываетъ дальнѣйшее тоже правильное построеніе. Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о пути культурно-историческаго процесса. Вотъ тутъ-то и пригодится намъ романскій стиль. Всего ярче важность работъ Веселовскаго можетъ быть иллюстрирована послѣдними изслѣдованіями въ области исторіи искусствъ. „Исторія искусства“ подъ редакціей Мишеля прибавляетъ къ обоимъ томамъ, посвященнымъ развитію художественныхъ формъ до возникновенія готическаго стиля, спеціальныя главы о вліяніи востока.[1]) Первую изъ нихъ ея авторъ Марке де Васело начинаетъ такими словами: „Depuis longtemps déjà il est question de ‚l'influence orientale‘ dans les arts décoratifs au moyen âge. Mais il ne semble pas que l'on soit tombé d'accord sur l'importance du rôle qu'il convient de lui assigner, ni sur les éléments dont elle se compose. Cela tient sans doute à ce fait que jusqu'à ces dernières années, on s'est préoccupé du principe même plutôt que de ses manifestations certaines“.[2]) Послѣдніе годы, о которыхъ говоритъ авторъ, это главнымъ образомъ появленіе изслѣдованій Стжиговскаго,[3]) Катанео[4]) и русскихъ византинистовъ. Новую точку зрѣнія формулируетъ самъ редакторъ A. Michel, когда въ заключительной главѣ второй части 1[аго] тома наконецъ отдаетъ долго замалчиваемую — какъ это ни странно — дань христіанству. Новое

---

[1]) Histoire de l'art, dir. par A Michel, Paris, 1905—1910, t. I, 1 et 2.

[2]) Ibid., t. I. 1, p. 395.

[3]) Я разумѣю слѣд. книги: Strzygowski, Orient und Rom. Lpz. 1901 и Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Lpz. 1903; здѣсь онъ отдаетъ дань открытіямъ русскихъ византинистовъ.

[4]) Cattaneo, L'architecture en Italie du VI au XI s. traduction franç. Venise 1890.

искусство христіанское, и онъ прибавляетъ: „C'est à Constantinople bien plus qu'à Rome que s'élaborèrent les thèmes directeurs de l'art chrétien.[1])

Такъ вернулись мы къ этой узловой станціи, какой была на великомъ пути историко-культурнаго взаимодѣйствія Византія. Sanctae Sophiae ornamentarum prerogativa безпокоила строителя аббатства св. Діонисія Сугерія.[2]) Еще тянулся къ востоку въ тѣ времена западъ. Не опередилъ.

Но общее положеніе о культурно-художественномъ превосходствѣ византійскаго востока не могло удовлетворить пытливый умъ Веселовскаго. Еще, когда онъ писалъ свою книгу о Соломонѣ и Китоврасѣ, у него возникла мысль о возможности проникновенія на западъ и на сѣверъ ряда легендъ черезъ посредство сектантской проповѣди. На это наводила прежде всего сама легенда о царѣ Соломонѣ и столкновеніяхъ его съ Китоврасомъ-Морольфомъ. Это талмудическое сказаніе проникнуто тѣмъ духомъ религіознаго дуализма, какое воочію сказывается въ легендахъ о мірозданіи одновременно Богомъ и Сатанаиломъ, т. е. въ пережиткахъ древняго манихейства, оживленнаго богомилами Балканскаго полуострова, итальянскими катарами и патаренами и альбигойцами Прованса. Нѣсколько разъ возвращался Веселовскій къ этой темѣ. Особенно подробно два раза занялся дуалистической космогоніей.[3]) Ему, казалось, что вотъ эти сектанты, отцы-проповѣдники, ширившіе свое ученіе по всему югу Европы — та „среда“, въ которой оживали легенды, среда-создательница апокрифовъ, получавшихъ подъ ея вліяніемъ поэтическую обработку. Веселовскій шелъ дальше, стараясь уложить гипотезу о значеніи проповѣдниковъ дуализма въ свою географическую схему. Приходилось допустить прямое вліяніе на западѣ богомиловъ.

Я не послѣдую тутъ за своимъ учителемъ. Богомильская передача мнѣ не представляется вѣроятной. Вспышка манихействующаго сектантскаго движенія въ XII и XIII вв. произошла, когда

---

[1]) Histoire de l'art, t. I, 2 p. 930.

[2]) Oeuvres de Suger, publ. par. Le Coy de la Marche, p. 199.

[3]) Раз. XI „Дуалистическія повѣрья и мірозданіи“, Сб. Ак. Наукъ XLVI (1890) и XX „Еще къ вопросу о дуалистическихъ космогоніяхъ“, Сб. LIII (1892), стр. 105 и слѣд.; сюда же раньше V „Новыя данныя къ исторіи Соломоновыхъ сказаній“, Сб. XXVIII (1881), стр. 73 и слѣд.; VI. „Духовные сюжеты въ литературѣ и народной поэзіи румынъ“ и X „Западныя легенды о древѣ креста и Сл. Григорія“ Сб. XLVI, стр. 1 и слѣд и 367 и слѣд.

западъ уже давнымъ давно былъ густо насыщенъ манихейскими сказаніями. Вѣдь на западѣ манихейство съ самой неподлежащей сомнѣнію точностью возводится ко временамъ блаж. Августина.[1]) И долго, упорно держится это ученіе. Еще для Ѳомы Аквинскаго не покончено съ манихействомъ. И не народное это вовсе ученіе. Напротивъ. Оно станетъ народнымъ, но тутъ все книжное, все изъ ученыхъ богословскихъ книгъ, заключавшихъ въ себѣ и дуалистическую космогонію. Достаточно вспомнить, что говоритъ о такомъ видномъ и знатномъ покровителѣ трубадуровъ какъ Robert dauphin d'Auvergne, Этіенъ Бурбонъ: „bene per quadraginta annos posuerat curam et dilligentiam congregare libros omnium sectarum quas cumque audiebat esse per universum orbem"[2]) — чтобы представить себѣ роль сектантской литературы въ средніе вѣка.

Какъ бы то ни было, эти работы Веселовскаго однако представляютъ собою огромную важность для будущаго, потому что не подлежитъ сомнѣнію: именно лучшее знаніе средневѣковой религіозной жизни и особенно сектантства объяснитъ многое такое въ литературной исторіи всей Европы, что остается еще темнымъ.

Сектантское движеніе XII и XIII вв.: альбигойство на западѣ и богомильство на востокѣ, скорѣе знаменуетъ нѣкій поворотный моментъ. Это самая послѣдняя волна теченій съ востока. Хронологически именно въ эту пору прерывается вліяніе востока, и начнется, напротивъ, время, когда ornamentarum prerogativa будетъ принадлежать уже западу и въ частности до XIV вѣка Франціи. Словно обошли теченія цивилизаціи, идя съ востока и двигаясь на сѣверозападъ, всю Европу. И занялся тамъ новый очагъ образованности, новая школа искусства, новый стиль. Съ этой поры теченія цивилизаціи устремятся на востокъ и вскорѣ среди славянства вытѣснятъ все еще продолжающееся вліяніе Византіи. Еще гораздо раньше, во времена Карла Великаго, какъ это недавно показалъ проф. Маль, т. наз. ломбарды уже переносятъ въ Германію романскій стиль;[3]) но это только зачатки. Мнѣ важнѣе геніальное изобрѣтеніе середины XII в. — арки, установленныя не на стѣнахъ, а на системѣ колоннъ, croisées

---

[1]) Послѣдняя работа объ этомъ — P. Alfaric, L'évolution intell. de St. Augustin, Paris 1918.

[2]) Y Chabaneau, Vies des troubadours, p. 57.

[3]) E. Mâle, L'art allemand et l'art français, Paris 1917, pp. 63—84.

d'ogives, сущность готическаго стиля.[1]) Новшество введено архитекторами ордена Клюни, но настоящее распространеніе готическаго стиля въ тѣсной связи съ поразительнымъ успѣхомъ ордена систерсьеновъ, настоящій основатель котораго Бернаръ изъ Клерво. Одновременно и въ тѣсной связи одно съ другимъ тускнѣетъ расписной романскій стиль, исчадіе востока, и раздается пламенная проповѣдь Бернарда Клервосскаго, преслѣдующая ереси и всякія deliramenta apocryphorum, до того времени проникавшія даже въ церковную орнаментику.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ на западѣ исчезаютъ или блекнутъ памятники христіанской миѳологіи; они уцѣлѣютъ лишь по медвѣжьимъ угламъ; гонимые, они скроются отъ строгостей церкви на периферіи, далеко гдѣ нибудь среди сѣверныхъ варваровъ, и оттого ихъ болѣе архаическія черты надо искать на славянскомъ востокѣ, гдѣ, уйдя въ устное народное творчество, они избѣгли строгости церкви.

Этотъ новый стиль дойдетъ лишь до южнаго и западнаго славянства, но покатилась волна, и за нею другія, слѣдующія достигнутъ и до Руси. Веселовскій сравнительно мало занимался этимъ вторымъ моментомъ и вторымъ обратнымъ направленіемъ заимствованій. Таковъ однако его „славяно-романскій отдѣлъ", „Изъ исторіи романа и повѣсти", т. е. о Троѣ, объ Александріи, о Бовѣ. Тутъ онъ указалъ романо-славянское общеніе, но и только. Зато ученикъ его Ждановъ, работы котораго по былевому эпосу непосредственное продолженіе работъ учителя, обслѣдовавъ по поводу Василья Буслаева и былины о Святогорѣ = Самсонѣ, могъ формулировать и это второе теченіе заимствованій, смѣнившее византійское, нѣсколько опредѣленнѣе: „Съ конца XV в. начинаются у насъ болѣе частыя сношенія съ Западомъ. Стали появляться въ русской письменности переводы . . . Проходитъ немного времени и переводъ передѣлывается въ народную повѣсть . . . Мало этого. Переводъ оказываетъ вліяніе на одинъ изъ памятниковъ устной народной поэзіи".[2]) Такъ завершился круговоротъ культурно-историческихъ теченій.

Его значеніе заходитъ за предѣлы европейскихъ языковъ и только христіанской эры. Уже Веселовскій не удержался, чтобы по поводу происхожденія „Александріи" и св. Грааля не углубиться дальше на востокъ въ чуждую ему область сирійско-эѳіопскихъ

[1]) Ibid. p. 117.
[2]) Соч. т. I, стр. 490.

древностей.[1]) Но и безъ этого, если можетъ быть установлено единство европейской цивилизаціи, развѣ не должна она стать тѣмъ узломъ, откуда, по мѣрѣ того, какъ дальше будутъ прослѣжены скрутившіяся въ немъ нити международныхъ общеній, все яснѣе будетъ обнаруживаться единство всей міровой цивилизаціи. Во всякомъ случаѣ иное ея единство: единство одинаковыхъ ступеней цивилизаціи, которое проповѣдывали въ 90-ыхъ годахъ съ такимъ увлеченіемъ англійскіе антропологи, и формулировалъ для области сказаній Андрью Лангъ, повидимому, нисколько не противорѣчитъ первому, и все ярче выступаютъ черты единства именно историко-географическаго, т. е. этихъ волнъ или теченій, передающихся отъ народа къ народу. Ихъ отмѣчаютъ еще порознь, дробно, пока не окажется необходимымъ увидѣть въ нихъ біо-соціологическую закономѣрность.

Наиболѣе характерна для этого завязавшагося въ міровой цивилизаціи узла — „Александрія". Полюбилась повсемѣстно вплоть до Малайцевъ, не говоря уже объ Арабахъ, повѣсть о великомъ завоевателѣ, и пошелъ бродить Псевдо-калисѳеновъ романъ, принявъ уже въ эѳіопскихъ версіяхъ христіанскій характеръ. Онъ проникъ и на Русь черезъ посредство Византіи,[2]) а другимъ рукавомъ теченія отсюда-же на романскій западъ, чтобы гораздо позднѣе вновь стать популярнѣйшимъ чтеніемъ на Руси, когда уже и тутъ, на востокѣ, сказалось въ эпоху возрожденія вліяніе западнаго рыцарства, доспѣхи котораго надѣлъ Александръ. Тогда заняли рядомъ съ нимъ мѣсто и чисто рыцарскіе романы о Тристанѣ и Изольдѣ, о Бовѣ, о Ланцелотѣ, объ Аттилѣ. Эти послѣдніе романы еще отчетливѣе показываютъ проникновеніе на востокъ всего этого опоэтизированья доблести, куртуазіи и любовной идеализаціи. Одни изъ лучшихъ страницъ когда либо написанныхъ Веселовскимъ тѣ, что въ началѣ II-ого тома его книги „Изъ исторіи романа и повѣсти" вводятъ читателя въ этотъ „славяно-романскій отдѣлъ" его изслѣдованій.[3]) Никогда, можетъ быть, такъ блестяще не было выражено противорѣчіе греко-славяно-византійскаго взгляда на жизнь съ западно-европейскимъ. И вотъ побѣдилъ послѣдній. Теперь, и на востокѣ за-

---

[1]) Особенно въ послѣдней работѣ объ „Александріи" въ Виз. Врем. IV. Отд. 2-ой, стр. 533 и слѣд.

[2]) И Болгаріи, гдѣ принадлежитъ къ самымъ древнимъ переводамъ. М. М.

[3]) Сб. Ак. Н. XLIV главы „Славяно-романскія повѣсти".

занимается поздняя заря западныхъ рыцарскихъ „доброти“ (= prouesse) и „дворности“ (= courtoisie). Словно уже облеклось, еще задолго до Петра, дворянство и боярство въ короткіе западные камзолы, и вотъ-вотъ замѣнитъ при бедрѣ шпага стариные сабли и мечи, а жены и дочери именитыхъ людей выйдутъ изъ теремовъ и станутъ „добрыми госпожами“ (= belles dames), улыбающимися „милости“ (= amor), которой учитъ дворность.

„Познанская рукопись“, сохранившая намъ западно-русскій переводъ этихъ романовъ, содержитъ въ себѣ указанія на пройденные ими на востокъ пути. Ихъ два. Одинъ ясный — Польша. Съ польскаго переведенъ романъ объ „Аттилѣ, царѣ угорскомъ“. Другой интереснѣе. „Тристанъ“ и „Бова“ носятъ, какъ сказано въ заглавіи, слѣды своего происхожденія „изъ сербскихъ книгъ“, вѣрнѣе изъ Дубровника, этаго авангарда славянства на встрѣчу западной цивилизаціи; такъ островъ названъ „ѡтокъ“.[1]) Какимъ путемъ между-славянскихъ общеній проникли сербскіе романы въ западную Русь? Какова „среда“, явившаяся посредницей? Этотъ вопросъ остался безъ отвѣта.[2]) Послѣ Веселовскаго никто заново не занялся „романо-славянскими повѣстями“.[3]) А между

---

[1]) Ibid., стр. 126.

[2]) Повѣсти западнаго происхожденія попадали въ Россію подобно всѣмъ южнославянскимъ переводамъ различными способами тогдашняго международнаго общенія. Важнѣе вопросъ, гдѣ эти переводы были сдѣланы. Теперь ужъ извѣстно, что у Хорватовъ и Сербовъ на побережьи Адріатическаго моря, гдѣ были постоянныя связи съ Италіей, главнымъ образомъ съ сѣверной; откуда знакомство съ ея франкоиталіянскими повѣстями. О „Троянской Причѣ“ доказалъ Б. Цоневъ (Сборникъ за народни умотворения VII. 224—244), что была переведена въ Хорватскомъ Приморьи и списывалась уже въ 1345 г. для болгарскаго царя Іоанна Александра. Южнѣе надо искать перевода „Сербской Александріи“; по крайней мѣрѣ былъ извѣстенъ въ Задрѣ ужъ 1389 г. liber Alexandri parvus in littera sclava, т. е. въ „хорватской“ глаголицѣ (K. Jireček, Archiv f. slav. Phil. 25, str. 157—158). Тристанъ и Бова попали и во внутреннія сербскія страны и оттуда „изъ сербскихъ книгъ“ (по Познанской рукописи) къ Бѣлоруссамъ въ Польшу, куда въ 16. и 17. столѣтіи пріѣзжали даже сербохорватскіе гусляры. Несомнѣнно принадлежитъ къ такимъ сербохорватскимъ переводамъ и русское Сказаніе объ Индіи богатой или объ Индѣйскомъ царствѣ (см. изданіе В. Истрина, Москва 1893, стр. 61—73, и Древности I., 1—75). См. M. Murko, Geschichte der älteren südslavischen Literaturen, 181—184. M. M.

[3]) Павле Поповић въ своемъ „Преглед Српске књижевности“ (Београд 1909) пишетъ о Тристанѣ и Бовѣ: „Из западних књижевности воде порекло два лепа и чувена романа који су данас у нас изгубљени али за које се позитивно зна да су некад, у 16 веку или и раније, и у нас постојали“ (стр. 20). Онъ ссылается при этомъ на Брюкнера (Arch. f. sl. Ph. IX), сообщившаго впервые о содержаніи Познанской рукописи. Что Веселовскимъ изданъ текстъ этихъ повѣстей, заключающій въ себѣ интересные сербизмы, имъ не сообщается. Между тѣмъ и составъ, какъ „Тристана“, такъ и „Бовы“ подробно разобранъ В-имъ, о чемъ заранѣе со-

тѣмъ не тутъ ли знаменуется опредѣлившее дальнѣйшую судьбу міра и какъ бы закончившее единство его цивилизаціи предпочтеніе славянами западной вѣтви европеизма за счетъ восточной, хотя и осталось большинство славянъ православными?

Связь славянства съ западомъ уже давно стала крѣпкой желѣзной спайкой. Но каковы первые удары сковавшаго ее молота, — составляетъ, несомнѣнно, одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ міровой исторіи.

* * *

Мнѣ не хотѣлось бы разстаться съ среднимъ періодомъ дѣятельности Веселовскаго, посвященнымъ миграціи сюжетовъ, не оговоривъ самую манеру его работать.

Именно въ эту пору его жизни въ 80-ыхъ годахъ, еще гимназистомъ, привязался пишущій о немъ теперь черезъ сорокъ лѣтъ, къ этому замѣчательному человѣку. И всѣ сорокъ лѣтъ, слышишь, повторяютъ о немъ тѣ же обвиненія: крохоборство, длинноты. Между тѣмъ и то, и другое было необходимо и неизбѣжно. Вся его работа, та, изъ-за которой этотъ физически могучій человѣкъ, просидѣлъ за книгами на простомъ буковомъ стулѣ всю свою жизнь, сводилась къ сличенію текстовъ. Пожалуй, безъ текстовъ передъ глазами и нельзя читать Веселовскаго. Онъ менѣе всѣхъ грѣшилъ тѣмъ забвеніемъ самихъ поэтическихъ памятниковъ и замѣной ихъ чтенія либо монографіями, либо разными morceaux choisis или хрестоматіями, что такъ распространено теперь въ пропедевтикѣ исторіи литературы. Скупой и слишкомъ подчасъ лаконичный въ своихъ выводахъ, Веселовскій приходилъ къ нимъ исключительно путемъ сличенія самихъ текстовъ. Отсюда длинноты и минуціозность разбора. Но развѣ пренебреженіе къ самимъ текстамъ не ведетъ къ тому, что, въ особенности въ преподаваніи, отъ исторіи литературы остается одна холодная схема и часто еще въ добавокъ невѣрная, потому что сами тексты изслѣдуются меньше, чѣмъ внѣшніе признаки и ихъ внѣшняя судьба?

общилъ читателямъ Archiv'a Брюкнеръ: „Aus der litteraturhistorischen Besprechung des Denkmals muss hier vollständig ausgeschlossen bleiben die Frage nach dem Verhältniss unseres Textes zur der sonstigen russischen Überlieferung des Bovo und Attila, was wohl Prof. Веселовскій erörtern wird." (Ibid., S. 376). Кстати скажу, что особенно тексты, которые въ значительномъ количествѣ сообщалъ В. въ приложеніяхъ къ статьямъ, остались мало использованными.

V.

Когда скончался Веселовскій и немедленно было приступлено къ изданію Академіей Наукъ „Собранія“ его сочиненій, какимъ-то молчаливымъ соглашеніемъ заинтересованной въ его ученыхъ трудахъ университетской и академической среды было признано, что наиболѣе значительный его вкладъ — Историческая Поэтика. Она и должна была занять первые томы „Собранія сочиненій“. Думалось: тутъ, въ этой широко задуманной, хотя и не законченной, работѣ — тотъ синтезъ, къ какому стремился Веселовскій. И была надежда, на сколько мнѣ извѣстно, не оправдавшаяся, что въ бумагахъ Веселовскаго найдется и дополненіе къ уже напечатанному, и, такимъ образомъ, Историческая Поэтика окажется однимъ стройнымъ цѣлымъ научнаго обобщенія.

Что же такое эта Историческая Поэтика? Она выходила статьями „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ въ послѣдніе десять лѣтъ его жизни, почти параллельно со вторымъ цикломъ занятій по эпохѣ Возрожденія.

Ак. Ягичъ совершенно правильно поставилъ ее въ связь съ первыми читанными Веселовскимъ университетскими курсами по эволюціи эпоса, лирики и драмы.[1]) Уже тогда была задумана схема Поэтики, а годы шли, и для нея все накоплялся матеріалъ, хотя вниманіе и было почти цѣликомъ поглощено изслѣдованіями по миграціи сюжетовъ. Но вотъ въ 1888 г. появилась „Поэтика“ Шерера. Онъ произвела большое впечатлѣніе на Веселовскаго. Въ ней было новое, только что входившее въ кругъ интересовъ филологовъ: та особая теорія единства міровой эволюціи, о которой я упомянулъ въ прошлой главѣ. Она исходитъ изъ „Соціологіи“ Спенсера. Точка зрѣнія была близка Веселовскому. Отвращало Веселовскаго отъ Спенсера лишь то, что факты, которыми онъ пользовался, брались имъ изъ вторыхъ рукъ, часто не провѣренные. Не могутъ ли болѣе точно филологически установленные факты первобытной европейской цивилизаціи, освѣщенные наблюденіями надъ современными дикарями, помочь дѣлу, т. е. пролить свѣтъ и доставить болѣе вѣскія данныя для соціологическихъ построеній? Эту мысль я неоднократно слышалъ отъ Веселовскаго. Шереръ уже пошелъ по этому пути. Теперь и Веселовскій въ началѣ 90-ыхъ годовъ начинаетъ выписывать въ университетскую библіотеку

[1]) Ист. слав. фил., стр. 850.

текущую литературу по поэтикѣ. Терминъ: историческая, подсказался самъ собой; онъ синонимъ эволютивной поэтики, или иными словами эволюціи поэтическихъ родовъ. Такъ послѣ долгихъ лѣтъ вернулся онъ къ накопленному матеріалу. Сразу скажу, что ни для лирики, ни для драмы его не оказалось достаточно, и уже по мѣрѣ того, какъ развивалась его ученая мысль, Веселовскому пришлось этотъ необходимый ему матеріалъ подыскивать за ново, при чемъ преимущественно въ далекой ему области древне-индійской поэзіи. Какъ бы то ни было сначала ввидѣ публичной лекціи, и послѣ статьи вышелъ въ свѣтъ первый набросокъ: „Изъ введенія въ историческую поэтику".[1]) За нимъ послѣдовали: „Изъ исторіи эпитета",[2]) „Эпическія повторенія, какъ хронологическій моментъ"[3]), „Психологическій параллелизмъ"[4]) и, наконецъ, „Три главы изъ исторической поэтики".[5]) „Три главы" были уже послѣдняя работа подобнаго рода. Предполагалось ли ее продолжить? Едвали. Заключительная глава изъ трехъ, озаглавленная: „Отъ пѣвца къ поэту. Выдѣленіе понятія поэзіи" производитъ впечатлѣніе попытки какъ-то наспѣхъ закончить, дописать. Чувствуется принятое рѣшеніе разстаться со сложной темой; можетъ быть, постигло и разочарованіе въ ней...

Мнѣ уже случилось подвергнуть Историческую Поэтику Веселовскаго подробному разбору,[6]) указавъ значительныя разногласія съ нимъ въ основныхъ положеніяхъ. Съ тѣхъ поръ они, можетъ быть, еще усилились. Высоко цѣня свое ученичество по отношенію къ этому изумительному мастеру литературныхъ изслѣдованій, какимъ былъ Веселовскій, главное его значеніе я вижу теперь не въ работахъ по поэтикѣ. Оттого я подойду къ нимъ на этотъ разъ съ другой стороны.

Когда продумываешь его „Поэтику" въ тѣсной связи со всей остальной его богатой содержаніемъ ученой дѣятельностью, естественно усматриваешь два по существу весьма другъ отъ друга различныхъ принципа. Оба они правда одинаково ведутъ къ единству міровой цивилизаціи, но тутъ-то, именно изъ чтенія Поэтики, ясно выявляется трудность ихъ согласованія, и гипотеза о встрѣч-

---

[1]) Ж. Мин. н. пр. 1894 май.
[2]) Ibid., 1895, декабрь.
[3]) Ibid., 1897, апрѣль.
[4]) Ibid., 1898, мартъ.
[5]) Ibid., 1899, мартъ, апрѣль, май.
[6]) Въ Сборникахъ по теоріи словесности, издававшихся г. Лезиномъ въ Харьковѣ; точно года, когда появилась моя статья, указать не могу.

ныхъ теченіяхъ остается не болѣе, какъ чѣмъ-то вродѣ компромисса. Въ самомъ дѣлѣ. Согласно одной теоріи — я назову ее Спенсеро-Андрью-Ланговской — повсемѣстно, на протяженіи всей заселенной человѣчествомъ земли, и нѣсколько разъ въ весьма различное время происходило самозарожденіе поэзіи, и затѣмъ изъ хорового начала или синкретической пѣсни-пляски-игры дифференцировались не только знакомые намъ роды и виды искусства: пѣсня-поэзія, инструментальная музыка и танцы, но еще въ частности: эпосъ, лирика и драма. Человѣчество представляется, такимъ образомъ, охваченнымъ въ своемъ эволюціонномъ развитіи, однимъ и тѣмъ же и для всѣхъ одинаково необходимымъ и обязательнымъ культурно-историческимъ процессомъ. При различныхъ условіяхъ, въ различныя эпохи народы создаютъ поэзію, но законы, опредѣляющіе эволюцію ихъ творчества, одинаковы, единообразны, схожи между собою почти до тождества. Народы или группы народовъ представляются тогда какъ бы отдѣльными островами одной цивилизаціи безъ связи между собою. Связь эта, т. е. вліяніе другъ на друга, то, что называлъ Веселовскій международнымъ общеніемъ, для возникновенія поэтическихъ родовъ вовсе не нужны. Связи какъ будто и не было. Только независимо, кромѣ того, можетъ быть, поверхъ этой происходящей порознь эволюціи наслояются, — надо тогда полагать — нѣкія заимствованія, миграція элементовъ цивилизаціи, т. е. общеніе, которое и составляетъ второй совершенно отдѣльный отъ перваго, даже противорѣчивый принципъ.

Особенно ярко и рѣзко сказывается несогласованность обоихъ принциповъ, когда Веселовскій говоритъ о возниковеніи и развитіи эпопеи.

Чѣмъ ближе типъ пѣсни къ обрядово-хоровому началу или лирико-эпическому синкретизму, — Веселовскій не различалъ одного отъ другого, — тѣмъ онъ древнѣе, первобытнѣе. Изначальная эпопея сообразно всей принятой схемѣ была лирико-эпическая. Ея колыбель — дружинно-родовой бытъ. „Дружинно-родовой бытъ, писалъ Веселовскій, — естественная почва для продукціи профессіональной, эпико-лирической, для обереженія эпической пѣсни. Жизнь въ дробныхъ центрахъ, неизбѣжность столкновенія, масса энергіи въ тѣсномъ кругозорѣ, жажда добычи, переходившая въ жажду удальства — все это плодило сюжеты, тогда какъ память о прошломъ обязывала человѣка, не вышедшаго изъ родовыхъ понятій, уходившаго въ нихъ, какъ греческій

дѣятель позднѣйшей поры исчезалъ въ величіи политіи. И эта память хранилась. Оттуда значеніе пѣвца, хранителя памяти, творца славы; ему всюду почетъ. Такова роль аэдовъ въ гомеровскомъ мірѣ“. Тоже скопы древнихъ германцевъ, филы ирландскихъ царьковъ, индійскіе багарата. Они „окружены суевѣрнымъ уваженіемъ: рука разбойника ихъ не коснется, и ихъ присутствіе въ караванѣ обезпечиваетъ его отъ нападенія“. „Такіе пѣвцы селились при дворахъ: таковъ скопъ короля Гродгара“.[1]) Вотъ среда, существованіе которой какъ бы влилось въ самыя первыя и первобытныя формы эпоса, и слова Тацита: canitur adhuc barbaros apud gentes, оказываются одинаково примѣнимыми къ прошлому, и къ до-гомеровской эпопеѣ и къ германцамъ, и къ кельтамъ, а позднѣе до нашего времени къ первобытнымъ народамъ.

Такъ обстоитъ дѣло въ нѣкомъ идеальномъ, возсозданномъ сравнительнымъ методомъ бытіи соціологической динамики. Если мы спустимся къ историческимъ фактамъ и, что всего важнѣе, перейдемъ отъ до-исторической поры къ такой, о которой мы знаемъ больше и точнѣе, если мы строго ограничимся географическими и хронологическими предѣлами, т. е. обратимся къ судьбамъ европейскихъ народовъ и, дѣйствительно, знакомымъ намъ „сюжетамъ“ эпопеи, — передъ нами окажется другое, по теоріи Веселовскаго, лишь вторая уже стадія эволюціи, представляющая собою однако не высшую, а, напротивъ, низшую ступень. Христіанство, классическая культура, новое представленіе о государственныхъ формахъ уничтожили ту древнѣйшую окруженную почетомъ эпопею. Но пѣвцы не исчезли. Только какіе? „Они назовутся римскими именами: histrio, scurra, mimus, thymelicus, joculator, jocularis; воспреобладало послѣднее: французское jongleur, въ нѣмецкомъ переводѣ spiliman, spilman. Ихъ генеалогія сложная, возбуждающая вопросы“. Это различные виды потѣшниковъ народныхъ, обломокъ сложной античной цивилизаціи, уцѣлѣвшій, несмотря на преслѣдованія церкви и оказавшійся живучѣе высшихъ національныхъ формъ пѣснетворчества: скоповъ и филовъ. Но при этомъ подобный типъ пѣвца существуетъ или вѣрнѣе существовалъ и бытуетъ до нашихъ дней „на границѣ обрядовой поэзіи, въ пѣвцахъ скоморохахъ, поющихъ и лицедѣйствующихъ, какъ армянскій tzoutzg, грузинскіе

---

[1]) „Три главы“, Ж. м. н. пр. 1899, май, стр. 4.

мествыре".[1]) Такова и среда носительница нашихъ былинъ въ древнѣйшую пору; „наши былины сложились въ средѣ другихъ пѣвцовъ". Веселовскій разумѣетъ тутъ не Баяна изъ „Слова о Полку Игоревѣ", стиля „замышленій" котораго хотя и „не раскрыть подъ реторической фразіологіей автора Слова", но, повидимому, надо считать по своему типу дружиннымъ пѣвцомъ, схожимъ съ скопами и филами; въ слагателяхъ же нашихъ былинъ „силенъ былъ элементъ захожихъ скомороховъ = жонглёровъ".[2])

Итакъ, въ историческую пору прервалась эволюція Спенсеро-Андрью-Ланговскаго типа. Началось иное и по иному. И вѣдь прежде всего вторженіе со стороны, самый острый, видный и рѣшающій будущія судьбы міра видъ миграціи — христіанство. Не надо ли тогда вотъ въ этотъ знаменательный моментъ кризиса эволюціи поэзіи ввести всю ту сложную систему миграціи сюжетовъ и международнаго общенія, весь этотъ чисто-историко-литературный процессъ, которымъ сложились, не безъ взаимныхъ сношеній, и chansons de geste, и романы бретонскаго цикла тамъ, на западѣ, и нашъ былевой эпосъ на востокѣ, при чемъ христіанству тутъ принадлежитъ уже не разрушающая, а творческая роль? Вѣдь мы знаемъ, что „плодила сюжеты" и совсѣмъ не дружинная удаль. У Веселовскаго нѣтъ отвѣта на этотъ съ логической необходимостью возникающій вопросъ. Вчитываясь въ его Поэтику самымъ пристальнымъ образомъ, нельзя отдать себѣ яснаго отчета и въ томъ, предвидѣлъ ли онъ возможность подобнаго недоумѣнія у своихъ читателей.

А вѣдь немедленно возникаетъ и другой еще болѣе важный вопросъ: гдѣ, въ какой исторіи литературы, у какого народа и въ какую эпоху удастся прослѣдить всю эволюцію поэзіи до конца, т. е. до того момента, которому посвящена послѣдняя изъ „Трехъ главъ исторической Поэтики": „отъ пѣвца къ поэту"?

Моменты, когда историкъ литературы принужденъ констатировать, что вотъ, въ ближайшее къ изучаемой эпохѣ время, нарождается личная поэзія, и появляются въ памятникахъ поэты, авторы опредѣленныхъ произведеній, такіе моменты мы знаемъ. Назову три главнѣйшихъ. И во всѣ три самъ поэтъ говоритъ объ эпическомъ или лирическомъ пѣвцѣ, ему близко извѣстномъ, котораго онъ себѣ и противополагаетъ. Такъ о пѣвцахъ Deór

---

[1]) Ibid., стр. 5 (обѣ цитаты).
[2]) Ibid., стр. 5 (всѣ цитаты).

и Heorrenda, пѣвшихъ подъ звуки арфы во время „пиво-медопитія“ на пирахъ Геодинанговъ, говоритъ анонимный авторъ Беовульфа, а Баяна нѣсколько разъ прославляетъ тоже анонимный авторъ „Слова о Полку Игоревѣ“ и категорически отличаетъ его замыслъ отъ своего собственнаго изложенія по „былинамъ сего времени“. Но еще знаменательнѣе появленіе „Пѣсни о Роландѣ“. Она сочинена однимъ поэтомъ, и ничего нѣтъ у него общаго кромѣ одинаковости сюжета съ пѣвцомъ Тайферомъ этимъ hardiz и noble vassal, который пѣлъ о Роландѣ какую-то героическую пѣсню. Что „Пѣснь о Роландѣ“ созданіе одного поэта, которому принадлежитъ вся ея архитектоника, и нечего искать въ ней какихъ-то спѣвовъ, блестяще показалъ Бедье.[1]) Это однѣ изъ лучшихъ страницъ его книги. Такъ же точно давнымъ давно думалъ и Веселовскій,[2]) а вѣдь одновременно съ возникновеніемъ въ концѣ XII в. „Пѣсни о Роландѣ“ выходитъ на свѣтовой кругъ исторіи литературы и цѣлая плеяда поэтовъ-лириковъ: трубадуры и труверы. Эти послѣдніе, какъ Жанъ Бодель, сочиняли и chansons de geste. Мы знаемъ о нихъ изъ ихъ біографій, многія изъ которыхъ составлены однимъ изъ нихъ, знавшимъ лично самыхъ знаменитыхъ. И вѣдь этотъ моментъ, строго говоря, и есть начало всей современной поэзіи. Отсюда она пошла. До того лишь отдѣльные эпизоды: нѣсколько поэтическихъ памятниковъ у англо-саксовъ, Heliand, Muspili и Пѣсня о Гильдебрандѣ по древне-верхне-нѣмецки. Эти эпизоды ничего не зачинаютъ. Они представляются лишь вспышками, тогда какъ поэзіи трубадуровъ и труверовъ немедленно начинаютъ подражать въ Германіи: миннезингеры, и вѣкомъ позже въ Италіи. Все отсюда. Начался съ этого момента новый актъ эволюціи, новая непрервавшаяся впродолженіи восьми столѣтій эра развитія европейской поэзіи, охватившей и славянство. Моментъ для исторіи литератури, значитъ, самый знаменательный.

Веселовскій не включилъ его вовсе въ свою Поэтику. Въ главѣ: „отъ пѣвца къ поэту“, онъ обойденъ. Если оставить загадочный „Беовульфъ“, то, что касается „Слова о Полку Игоревомъ“ Веселовскій, какъ это все болѣе подтверждается, усматривалъ въ его авторѣ ритора на византійскій ладъ. Появленіе нашей прекрасной средневѣковой поэмы тоже — результатъ наносныхъ вѣяній, а не органическаго развитія. И тоже самое по-

[1]) Légendes épiques; особая глава въ концѣ IV тома.

[2]) „Эпическія повторенія“ Ж. м. н. пр., 1897, апрѣль, стр. 276.

явленіе трубадуровъ. Только здѣсь дѣло сложнѣе, не совсѣмъ наносное, а какъ будто своего рода возрожденіе: „Лирика трубадуровъ, какъ и древнѣйшихъ труверовъ и миннезингеровъ, — писалъ Веселовскій вскользъ въ другой статьѣ той же серіи, — предполагаетъ, разумѣется, народныя начала, но позывъ къ личному творчеству, сознаніе поэтическаго акта, какъ серьезнаго, самодовлѣющаго, поднимающаго, все это явилось не самостоятельно, не изъ импульса народной пѣсни, которая и нравилась и не цѣнилась, была дѣломъ, когда напоминала славные подвиги или призывала небожителей, либо любовнымъ бездѣльемъ, заподозрѣннымъ церковью, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, не вызывая критерія — поэзіи. Этотъ критерій явился, а вмѣстѣ ощутилась и цѣнность поэтическаго акта, подъ вліяніемъ классиковъ, которыхъ толковали въ средневѣковой школѣ, которымъ старались подражать на ихъ языкѣ“.[1])

Мысль брошена вскользъ по поводу одной подробности пѣсеннаго стиля: так. наз. débuts printaniers или Natureingänge, столь распространенныхъ у трубадуровъ и миннезингеровъ, и она, конечно, не исчерпываетъ всей осложненности вопроса о зарожденіи въ средніе вѣка личной поэзіи. Онъ остался открытымъ. Оттого, какъ онъ часто это дѣлалъ, Веселовскій, словно сбывая его съ рукъ, поощрялъ заняться имъ двухъ своихъ учениковъ: В. Шишмарева и пишущаго эти строки. Пусть разберутся въ запутанности классическихъ школьныхъ реминисценцій, увлеченія эротикой и Овидіемъ, а одновременно и любовной чисто народной плясовой пѣснью съ соблюденіемъ стародавней весенней обрядности, въ причудливомъ сочетаніи со всѣмъ этимъ возвышенной мистики Бернарда Клерво и тонкостей схоластической мудрости, аскетической морали и культа дамы сердца, становящейся сюзереномъ, которому клянутся въ вѣрности, но также и не то платонической, не то вожделѣнной любовницей и съ нею до утра, пока не раздастся утренняя пѣсня ночного сторожа, предаются восторгамъ любви, всетаки называя при этомъ всякого, кто посмѣетъ слово сказать, злоязычнымъ лжецомъ. А тутъ еще неуловимыя и близость, и противоположеніе трубадуровъ жонглерамъ. Одни — ихъ ученики, у нихъ узнавшіе тайны искуства, и біографъ Uc de Saint-Circ говоритъ о нихъ: fetz se joglar (Gaucelm Faidit); и такихъ много; изъ приблизительно ста біографій

[1]) „Психолог параллелизмъ“ Ж. м. н пр, 1898, мартъ, стр. 40.

двадцать пять. Но о столькихъ же сказано: amparet ben letras (Arnaut Daniel), ben saup letras или savis om de letras (Peire Cardinal, Peire d'Alvernhe, Peire Rogier) или еще опредѣленнѣе, какъ о себѣ самомъ разсказываетъ Uc de St.-Circ: volgron le far clerc e manderon lo a scola a Monpelier. E quant illi cuideron que ampares letras, el amparet cansos e vers e sirventes. А всего нагляднѣе это сочетаніе жонглерства и личной поэзіи въ замѣткѣ о Giraut de Borneil: l'ivern estava a scola, e tota la estat anava per cortz e menava ab se dos cantadors que cantavau las soas cansos.[1])

И это-то сочетаніе школы и жонглерства, clergie et chevalerie, народной словесности и личной поэзіи составляетъ самую коренную проблему. Сочетаніе продолжается, народная словесность бытуетъ долго; мы читаемъ о ней еще въ поэтикахъ эпохи возрожденія; до самого XVI в. не вполнѣ изжита традиція; носители ея итальянскіе уличные cantastorie. А въ XVI же вѣкѣ какъ бы подхватываютъ прервавшуюся западную народную словесность славянскіе, католическіе, сербо-хорватскіе ускоки и пѣсни о Косовѣ, пока не узнаютъ въ Германіи сами Гёте и Гриммъ о всемъ необозримомъ богатствѣ славянскихъ пѣсенъ отъ самого Вука Караджича. Что такое народная словесность, едвали и можетъ стать понятнымъ западнымъ ученымъ безъ аналогій, почерпнутыхъ на славяно-русскомъ востокѣ. Такъ возвращаюсь я, напослѣдокъ, къ основной моей темѣ: значенію исторіи литературы, обогащенной знаніемъ славянства, и въ частности работъ Веселовскаго, одинаково хозяина и въ той, и другой области, въ поэзіи и западной, и славяно-русской.

Но прежде всего — существовала народная словесность въ средніе вѣка на западѣ, подобная славянской. Съ тѣхъ поръ какъ рухнула романтическая теорія, ее принято отрицать. Бедье считаетъ измышленіемъ всякое предположеніе о какихъ бы-то ни было иныхъ chansons de geste, кромѣ этихъ длинныхъ поэмъ, на цѣлый томъ современнаго изданія, сочиненныхъ поэтами. Вѣрнѣе всего ему кажется, что допусти онъ вѣроятность пред-

---

[1]) См. заключительную главу второго тома моей „Весенней обрядовой пѣсни на западѣ и у славянъ". Сб. ак. наукъ LXXIV (1903) и LXXVIII (1905). В. видѣлъ ее лишь въ незаконченномъ видѣ въ рк. для начала ея печатанія Академіей; книга Шишмарева вышла уже послѣ смерти Веселовскаго; въ ней большій интересъ автора сосредоточивается не на изначальномъ моментѣ возникновенія личной поэзіи, а на послѣдующей судьбѣ французской лирики въ XIV и XV вв.

положенія, будто кромѣ этихъ поэмъ, сочиненныхъ какъ книга другія болѣе короткія, въ прямомъ значеніи слова, пѣсни, „кантилены-былины, которыя дали впослѣдствіи матеріалъ для chanson de geste“,[1]) какъ выразился Веселовскій и нѣкогда пѣлись изустно, немедленно придется вернуться къ пресловутой эпической памяти народной, и тогда еще разъ признать сюжеты chansons de geste не вычитанными изъ книгъ, сочиненныхъ клериками, а какими-то традиціонными, восходящими къ кантиленамъ-современницамъ событій.

Веселовскій въ принципѣ не боялся признать возможность сохраненія дружинно-пѣсеннаго преданія. Такъ, представлялось ему. обстоитъ дѣло съ Аттилой.[2]) Но не въ этомъ теперь дѣло, а въ томъ, что именно работы Веселовскаго по русской былевой поэзіи показываютъ проникновеніе изъ книгъ, изъ наговора церкви, подъ ея вліяніемъ усвояемыхъ сюжетовъ въ самую что ни есть устную народную поэзію. Мы видѣли, что онъ постарался опредѣлить, когда исчезаютъ скопы, филы, þulr, барды. Съ ними вѣрнѣе всего исчезаютъ и тѣ сюжеты, что „накоплялись“ въ дружинно-языческую пору. Значитъ, признаніе существованія народной словесности въ средніе вѣка во Франціи, и въ частности признаніе, что таковой было это dire et chanter, это всенародное пѣніе жонглеровъ во время церковныхъ празднествъ и паломничествъ, пѣніе жонглеровъ, находившихся подъ покровительствомъ церкви, тѣхъ, о которыхъ говоритъ Thomas Cabham: cantant gesta principium et vitam sanctorum et faciunt solatia hominibus — признаніе этого вовсе не есть возвращеніе вспять къ романтической теоріи. Правда точныхъ данныхъ на этотъ счетъ нѣтъ. „Къ сожалѣнію, — справедливо писалъ Веселовскій — наши свѣдѣнія о старыхъ пѣвцахъ, хотя и средневѣковыхъ, касаются ихъ быта, инструментовъ и сюжетовъ и правовыхъ отношеній, и весьма мало способа исполненія ими пѣсенъ. Отъ соборныхъ постановленій противъ мимовъ и гистріоновъ и ихъ бѣсовскихъ игръ такихъ свѣдѣній нельзя и ожидать; когда позднѣе онѣ становятся обстоятельнѣе, уже наступило царство большихъ поэмъ, которыя заслонили память о лежащихъ за ними эпическихъ пѣсняхъ-кантиленахъ и ихъ исполнителяхъ“.[3]) Ничего не даетъ на этотъ счетъ и послѣднее изслѣдованіе о жонглерахъ Фараля.[4]) Но въ

[1]) Эпическія повторенія Ж. м. н. пр. 1897, апрѣль, стр. 289. — [2]) Изъ ист. романа и повѣсти. Сб. ак. наукъ XLIV, стр. 329. — [3]) Эпическія повторенія Ж. м. н. пр. 1897, апрѣль, стр. 289. — [4]) E. Faral, Les jongleurs. Paris 19 0.

этомъ-то отношенiи особый интересъ представляютъ статьи Веселовскаго изъ цикла поэтики: „Изъ исторiи эпитета“ и „Эпическiя повторенiя, какъ хронологическiй моментъ“.

Исполненiе наизустъ и al improviso невозможно безъ затверженности опредѣленныхъ, свободно возвращающихся во время сказыванiя и пѣнiя пѣсенныхъ формулъ. Отъ сказителя нельзя ждать оригинальности, исканiя новыхъ ритмовъ и выраженiй. А эту затверженность даетъ школа. Свѣдѣнiй о существованiи у жонглеровъ, какъ и у нашихъ скомороховъ и сказителей школы, т. е. ученичества, которымъ усвояется ремесло до насъ дошло достаточно. Вотъ этотъ-то пѣсенный формализмъ, возникшiй въ школахъ или конфрерiяхъ, puys, или просто управляемыхъ мастерами métiers жорглеровъ и постарался проникнуть Веселовскiй, пользуясь широко сравнительнымъ методомъ.

Не сохранилась ли въ дошедшихъ до насъ, сочиненныхъ труверами chansons de geste, традицiя, опредѣлившая стиль этихъ изустныхъ пра-chansons de geste, кантиленъ-былинъ. Она должна была сказаться. Вѣдь слишкомъ тѣсна была, какъ мы только что видѣли, связь трувера или трубадура-клерика съ жонглерами. Яснѣе всего эта традицiя обнаруживается въ эпитетахъ, устойчивыхъ, всегда тѣхъ же самыхъ, такихъ схожихъ съ традицiонными эпитетами нашихъ былинъ. Еще интереснѣе менѣе затронутая тема. Извѣстны всякому, потому что они такъ прекрасны, повторенiя въ Пѣснѣ о Роландѣ во всѣхъ патетическихъ мѣстахъ и прежде всего въ центральной сценѣ, когда онъ трубитъ въ олифантъ. Тутъ яркiй захватывающiй прiемъ эстетическаго выраженiя. Искать случайнаго результата спѣва было бы, разумѣется, безвкусица. Сознательно прибѣгъ къ нему анонимный поэтъ, создатель первой версiи Пѣсни о Роландѣ. Но не былъ ли этотъ прiемъ выразительности уже выработанъ раньше при обстоятельствахъ пѣснетворчества, особенно благопрiятныхъ для его выявленiя? Какихъ? Часто говорятъ намъ памятники, что жонглеры и скоморохи поютъ какъ-то вмѣстѣ, а не каждый отдѣльно. Воображенiе Веселовскаго поразило замѣчанiе одного изъ комментаторовъ Божественной Комедiи Alberico da Rosciate о комедахъ, т. е. жонглерахъ Ломбардiи: magnorum dominorum cantant, unus proponendo, alius respondendo.[1]) И нѣсколько разъ возвращаясь къ этому, еще и въ статьѣ „Психологическiй параллелизмъ“, со-

[1]) Эпическiя повторенiя. Ж. м. н. пр., 1897, апрѣль, стр. 297.

бралъ Веселовскій матеріалъ объ амобейномъ, чередующемся отъ одного пѣвца къ другому, исполненіи пѣсенъ. На почвѣ такого чередованія повторное возвращеніе вновь и еще вновь къ патетическому моменту должно было производить особенно сильное впечатлѣніе на слушателей. Труверы могли запомнить этотъ пріемъ, который въ писаной и читаемой поэзіи забывается или никнетъ, давъ мѣсто другимъ пріемамъ выразительности.

Историки литературы чуть только притронулись къ вопросамъ стиля. Если исчезнетъ изъ обращенія правило: rossica non leguntur, еще пригодится Историческая Поэтика Веселовскаго.

Евгеній Аничковъ.

Гончаровъ въ кругосвѣтномъ плаваніи.

(Историко-біографическій очеркъ, въ связи съ новыми матеріалами).

(Окончаніе).

VIII.

Въ Нагасаки потянулись скучныя для Гончарова недѣли и мѣсяцы однообразія и творческаго бездѣйствія. Японцы, встревоженные появленіемъ четырехъ вооруженныхъ судовъ, и оберегая, по старинѣ, народъ отъ всякаго общенія съ иноземцами, не дали разрѣшенія свободно съѣзжать на берегъ и знакомиться съ природой и населеніемъ. Сначала единственнымъ развлеченіемъ моряковъ служили частыя посѣщенія фрегата японцами, которые пользовались всякимъ ничтожнымъ случаемъ, чтобы побывать на гостепріимномъ фрегатѣ и высмотрѣть все, что имъ казалось новымъ и занимательнымъ. Затѣмъ, не считаясь съ неудовольствіемъ японцевъ, моряки стали совершать прогулки по живописному Нагасакскому порту, присматриваясь къ нему, изучая береговыя укрѣпленія и нанося на карту важнѣйшіе пункты.

Адмиралъ немедленно вступилъ въ сношенія съ Нагасакскимъ губернаторомъ для заключенія, черезъ его посредство, торговаго договора съ японскимъ правительствомъ, договора, который долженъ былъ открыть русскимъ судамъ японскія гавани. Онъ вручилъ губернатору два письма, подписанныя канцлеромъ Россійской Имперіи графомъ Нессельроде: одно нагасакскому губернатору лично, другое, въ особой торжественной аудіенціи, японскому верховному совѣту. Слѣдуя дореформеннымъ пріемамъ своей политики, японцы всѣми способами оттягивали отвѣтъ на предложеніе русскаго правительства въ надеждѣ, что, наскучивъ долгимъ ожиданіемъ, эскадра безрезультатно покинетъ предѣлы Японіи. Среди различныхъ знаковъ своеобразной учтивости, чередовавшихся съ типичными проявленіями восточной уклончивости въ иностранной политикѣ, японцы старались внушить убѣжденіе,

что при всемъ удовольствіи принимать у себя русскихъ гостей видѣть иностранныя суда въ своихъ гаваняхъ было „больно японскому глазу". Однако, адмиралъ съ учтивой твердостью настаивалъ на скорѣйшемъ отвѣтѣ, который и былъ данъ японцами только 7 ноября — въ формѣ согласія японскаго правительства, черезъ особыхъ уполномоченныхъ, обсудить пункты торговаго сближенія съ Россіей.[1])

Гончаровъ принималъ большое участіе во всей „политической" сторонѣ миссіи адмирала. На него были возложены, кромѣ веденія общаго журнала, пріемы и переговоры съ нѣкоторыми японскими чиновниками, подготовительная работа по веденію переговоровъ, наконецъ — выработка, совмѣстно съ японцами, церемоніала торжественныхъ пріемовъ. На этихъ пріемахъ онъ участвовалъ въ качествѣ „гражданскаго чина" въ свитѣ адмирала и могъ, такимъ образомъ, видѣть все наиболѣе интересное изъ того, что могла представить тогдашняя замкнутая въ себѣ Японія зоркому глазу опытнаго наблюдателя. Свои наблюденія онъ заносилъ въ формѣ ежедневныхъ и большею частью внѣшнихъ замѣтокъ. Благодаря этому личныя переживанія начали стушовываться, теряться среди внѣшнихъ обстоятельствъ, хроники событій, бытовыхъ сценокъ, портретныхъ набросковъ, изящныхъ картинокъ моря и береговъ. Во всемъ, что обычно видѣлъ вокругъ себя Гончаровъ, прогуливаясь по палубѣ, было много красоты, но его душѣ недоставало тѣхъ впечатлѣній, какія такъ привлекали его въ Сингапурѣ и Гон-Конгѣ. „Съ страннымъ чувствомъ смотрю я на эти игриво созданные берега, — писалъ онъ, какъ бы отдавая себѣ отчетъ въ своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ и уже „предчувствуя скуку",— непріятно видѣть этотъ сонъ, отсутствіе движенія. Люди появляются рѣдко; животныхъ не видать; я только разъ слышалъ собачій лай. Нѣтъ людской суеты; мало признаковъ жизни. Кромѣ караульныхъ лодокъ, другія робко и торопливо скользятъ у береговъ, съ двумя-тремя голыми гребцами, съ слюнявымъ мальчишкой, или остроглазой дѣвченкой". Послѣдующія сообщенія не измѣнили этого общаго впечатлѣнія, только дополнили его любопытнымъ штрихомъ. Присматриваясь къ порядкамъ веденія государственныхъ дѣлъ, строго регламентированнаго и лишавшаго личность инициативы, онъ распространялъ свои наблюденія на весь строй государственной и частной жизни

---

[1]) Объ этомъ см. „Фрегатъ Паллада", т. II, стр. 105 и д.

японцевъ, и вся страна, сонная и безжизненная, какъ ему представлялось, напоминала человѣка со связанными руками. „Не скучно ли видѣть столько залоговъ природныхъ силъ, богатства, всякихъ даровъ, въ неискусныхъ, или, скорѣе, несвободныхъ, связанныхъ какими-то ненужными путами рукахъ?“ . . .[1])

Много замѣчаній о японцахъ, особенно любопытныхъ въ настоящее время, сдѣлалъ Гончаровъ въ письмѣ къ А. С. Норову 20 сентября. „Мы видимъ, что они (японцы) строятъ новыя баттареи, работаютъ, шумятъ, къ чему-то готовятся, ѣздятъ къ намъ, считаютъ пушки, мѣряютъ фрегатъ, смотрятъ на наше ружейное ученіе, парусные маневры и не знаютъ, какъ имъ вести себя. Иногда они просятъ не дѣлать того, другого, ссылаются на свои обычаи и законы; но за всѣми этими претензіями кроется страхъ, что мы не послушаемся и вдругъ разоблачимъ ихъ отъ тысячелѣтней неприступной гордости. Противупоставить имъ этому непослушанію нечего. Глядя на свои пушки безъ станковъ и на свою единственную мортиру и сравнивъ ихъ съ нашими 24-хъ фунтовыми и полутора пудовыми бомбовыми орудіями, они поняли, что ихъ артиллерія и баттареи пародія нашихъ. Повязка падаетъ съ глазъ, и они не могутъ не сознаться сами себѣ, что ихъ такъ хитро придуманная система держаться взаперти отъ остального міра, въ которую они твердо вѣровали, падетъ въ одно мгновеніе, какъ затѣя школьниковъ при появленіи учителя. Имъ остается только сквозь слезы сознаться, что они виноваты, какъ дѣти, и, какъ дѣтямъ, отдаться подъ руководство старшихъ. Кто будутъ эти старшіе? Съ одной стороны явилась толпа отважныхъ и предпріимчивыхъ американцевъ, которые не легко отказываются отъ надежды на успѣхъ, имѣя въ виду выгоды, съ другой стучится въ завѣтныя ворота горсть русскихъ матросовъ. Русскіе штыки, пока еще мирные и безобидные, уже блеснули на японскомъ берегу, при церемоніальномъ посѣщеніи нами, съ карауломъ и музыкой, нагасакскаго губернатора; тамъ уже раздался нашъ народный гимнъ и команда русскаго офицера: „маршъ впередъ! Avis au Japon!“

Гончаровъ замѣчаетъ далѣе, что въ народѣ незамѣтно, впрочемъ, явнаго нерасположенія къ иностранцамъ. „Японцы вполовину готовы къ сближенію съ нами: они во многомъ уже цивилизованы, общежительны, охотно увлекаются новизной и вовсе

[1]) „Фрегатъ Паллада“, т. II, стр. 12, 13.

не прочь подружиться съ нами, если бы надъ ними не тяготѣла запретительная система правительства, преслѣдующая, какъ контрабанду, каждый обмѣненный съ чужестранцами взглядъ, всякое сказанное слово. Они тайкомъ, подъ великимъ страхомъ, сказывали намъ, что имъ хотѣлось бы побывать гдѣ-нибудь, хоть недалеко, видѣть другихъ людей, знать и умѣть все, что мы знаемъ и умѣемъ . . . Если иностранцамъ слѣдуетъ остерегаться чего нибудь въ родѣ Варѳоломеевской ночи, то, конечно, не со стороны здѣшняго народа, а только системы, имъ управляющей."[1])

Трудно сказать, не возникало ли въ головѣ Гончарова какихъ-либо сопоставленій съ соннымъ царствомъ крѣпостной и обломовской Россіи. Призракъ скуки на морѣ знаменовалъ у него оборотную сторону тоски по родинѣ, которая звала его къ себѣ — звала не какими-либо соблазнами, но тѣми буднями, отъ которыхъ онъ годъ тому назадъ бѣжалъ.

На морѣ были свои будни, не похожіе на будни суши — еще болѣе томительные, еще болѣе однообразные, чѣмъ на сушѣ. Въ Японіи они тянулись для Гончарова три мѣсяца, разнообразясь изрѣдка посѣщеніями японцевъ. „Дни идутъ однообразно. Встаютъ матросы въ четыре часа (они ложатся въ восемь) и начинается мытье палубы, съ пескомъ и каменьями. Это дѣлается надъ моей головой. Проснешься, послушаешь и опять заснешь, да вѣдь какъ сладко, подъ это треніе камня и песку объ доски, какъ подъ дробный стукъ дождя въ деревянную кровлю. Отъ шести до семи съ половиной встаютъ и офицеры и идутъ къ поднятію флага, потомъ пьютъ чай, потомъ — кто куда. Начинается ученье, тревоги, движеніе парусами. Я, если хороша погода, иду на ютъ и любуюсь окрестностями, смотрю въ трубу на холмы, разглядываю деревни, хижины, движущіяся фигуры людей, вглядываюсь внутрь хижинъ, черезъ широкія двери и окна, безъ рамъ и стеколъ, разсматриваю проѣзжающія лодки, съ группами японцевъ: потомъ сажусь за работу и работаю до обѣда. Обѣдаютъ отъ часу до половины третьяго, потомъ сонъ, потомъ прогулка, одни и тѣ же битые и перебитые разговоры. А тамъ чай, прогулка по палубѣ, при звукахъ музыки нашего оркестра, затѣмъ картина вечерней зари и великолѣпно сіяющихъ, точно бенгальскими огнями въ здѣшнемъ рѣдкомъ и прозрачномъ воздухѣ, звѣздъ. Ходишь вечеромъ посидѣть то къ тому, то къ другому;

[1]) Письмо Г-ва А. С. Норову 20 сент. 1853 г. „Русскій Архивъ", 1899, кн. 1.

улягутся, наконецъ, всѣ, пойти больше не къ кому, идешь къ себѣ и садишься вновь за работу".[1])

Если скука не развилась до болѣзненныхъ формъ, этимъ Гончаровъ въ значительной степени былъ обязанъ адмиралу. Послѣдній не могъ видѣть вокругъ себя людей безъ дѣла, являясь самъ образцомъ энергіи и дѣятельности, онъ искусно находилъ занятія для всѣхъ, не занятыхъ исполненіемъ прямыхъ служебныхъ обязанностей: однимъ — чаще всего Гончарову — дастъ написать бумагу, другихъ усадитъ за книги, третьимъ дастъ какой-нибудь переводъ. Гончаровъ былъ все время занятъ, только не тою работой, которая могла бы захватить его душу: для творчества недоставало сосредоточенности, покоя, тишины. ,,Мой дневникъ похожъ на журналъ заключеннаго — не правда ли? Что дѣлать? Здѣсь почти тюрьма и есть, хотя природа прекрасная, человѣкъ смышленъ, ловокъ, силенъ, но пока еще не умѣетъ жить нормально и разумно" . . .[2])

Въ половинѣ нашего сентября на фрегатѣ узнали о началѣ крымской войны. Извѣстіе это произвело понятное волненіе: оно разстраивало планы адмирала и заставляло держать суда въ боевой готовности на случай встрѣчи съ англійскими кораблями. ,,Я не увѣренъ, что письмо дойдетъ до васъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ въ Европѣ и въ Китаѣ, — писалъ Гончаровъ того же 15 сентября, — вчера намъ привезли извѣстіе, что Шанхай взятъ инсургентами, что въ Россіи война, англичане противъ насъ; все это должно затруднить наши сношенія съ Петербургомъ. Дай Богъ, чтобъ слухи о войнѣ не оправдались. Это разстроило бы наши планы во многомъ. Мы только что завязали дѣятельныя сношенія съ японцами, а тутъ надо все бросить и уйти, хотя на время, а можетъ быть и совсѣмъ, не кончивъ дѣлъ . . . Что вамъ сказать о себѣ? — нечего, развѣ — что я чудовищно потолстѣлъ, что иногда бываю такъ боленъ своею печенью, что теряю надежду даже воротиться. Недавно такая боль около печени и сердца и, вмѣстѣ, такая тоска одолѣла, что я опасался слечь. Къ счастью, явилось развлеченіе, и легче стало. Развлеченіе это состояло въ свиданіи адмирала съ нагасакскимъ губернаторомъ . . .[3])

,,Если правда, — продолжалъ Гончаровъ, описавъ вкратцѣ сцену пріема у губернатора, — что въ Европѣ война, то намъ

[1]) Изъ письма къ Майковымъ отъ 15 сентября 1853 г. (рук. отд. Ак. Н.).
[2]) „Фрегатъ Паллада", т. II, стр. 78. — [3]) То же письмо 15 сентября.

придется уходить на время отсюда или въ Ситху, или Калифорнію, иначе англичане возьмутъ насъ живьемъ. А у насъ поговариваютъ, что живьемъ не отдадутся и, если нужно, то будутъ биться, слышь, до послѣдней капли крови. Да и здѣсь стоять тоже не находка; иногда дуютъ такіе вѣтры, что, живучи на берегу, ничего подобнаго и представить себѣ нельзя . . .

„Вы, можетъ быть, спросите меня, весело ли, скучно ли мнѣ? Ни то, ни другое, отвѣчу я: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ состояніе въ этомъ отношеніи дѣлается безразличнымъ, и оттого я терпѣливо ожидаю, когда кончится моя шалость, т. е. путешествіе . . .

„Но вы здоровы ли, веселы ли, что дѣлали лѣтомъ? Какъ располагаете провести зиму? Счастливцы: лѣтомъ гуляли подъ березами, ѣли бѣлые грибы и ботвинью, да наслаждались сѣверными ночами, а зимой — несчастные — будете слушать оперу . . . Какъ бы охотно отдалъ я тропическія ночи, ананасы, всѣ чудеса и приключенія — за часъ, проведенный у васъ на диванѣ или на балконѣ . . . Но полно: Tu l'as voulu, George Dandin, tu l'as bien voulu! слышится мнѣ безпрестанно, когда я захандрю, и хандра проходитъ“ . . .[1])

Это письмо существенно дополняетъ картину внутреннихъ переживаній Гончарова, вообще слабо отраженныхъ въ его офиціальныхъ путевыхъ запискахъ у береговъ Японіи. Перспектива войны еще болѣе окутывала неизвѣстностью время возвращенія, и Гончарову оставалось только завистливо, чуть не со слезами на глазахъ, вздыхать, представляя своихъ друзей подъ сѣнью березъ, которыя стали для него теперь символомъ всего родного и любимаго.

11-го ноября эскадра снялась съ якоря. Получивъ извѣстіе, что отвѣта японскаго правительства нельзя ожидать раньше мѣсяца, адмиралъ рѣшилъ употребить это время на посѣщеніе Шанхая, чтобы запастись углемъ и свѣжей провизіей, узнать о ходѣ политическихъ событій въ Европѣ и, сообразно съ этимъ, расположить свои дальнѣйшія дѣйствія.

IX.

За время продолжительной стоянки на нагасакскомъ рейдѣ, Гончаровъ „отвыкъ отъ моря“ и теперь смотрѣлъ съ неудоволь-

---

[1]) То же письмо 15 сентября.

ствіемъ, какъ всѣ встали по своимъ мѣстамъ, зашевелились снасти, паруса, раздались свистки, слова команды, и фрегатъ двинулся въ открытое море. „Опять плавучая жизнь, опять движеніе по волѣ вѣтра, или покой по его же милости.“[1]) И теперь, снова ощутивъ связанныя съ движеніемъ корабля неудобства, когда и пишущая рука ползетъ не туда, куда слѣдуетъ, и бумага и чернило не держутся на столѣ, Гончаровъ оцѣнилъ прелести сухопутнаго путешествія. Изобразивъ удовольствіе сна и пробужденія въ почтовомъ тарантасѣ или, вѣрнѣе, въ дилижансѣ, когда отъ холода и непогоды можно укрыться подушками, перинами и безмятежно отдыхать сколько будетъ охоты, Иванъ Александровичъ жаловался: „Ахъ! гдѣ вы, милыя знакомыя явленія? А здѣсь, что такое? одной рукой пишу, другой держусь за переборку; бюро лѣзетъ на меня, я лѣзу на стѣну“...[2])

Но на этотъ разъ плаваніе длилось не долго: на третій день достигли Сѣдельныхъ острововъ, прозванныхъ Гончаровымъ за ихъ незначительность и формы знаками препинанія; — здѣсь фрегатъ долженъ былъ остановиться, такъ какъ дальше по р. Янсекіянгу начинались мели. Адмиралъ и нѣсколько офицеровъ на шкунѣ „Востокъ“ тотчасъ же отправились въ Шанхай, а Гончарова снова охватили колебанія — ѣхать, или не ѣхать — что лучше? „Пусть прежде узнаютъ, что за мѣсто этотъ Шанхай“...[3]) Сомнѣнія, продолжавшіяся нѣсколько дней, были тѣмъ томительнѣе, что погода стояла холодная съ дождемъ и вѣтромъ, а ѣхать было не близко, миль девяносто. Содрагаясь отъ холода, чувствуя себя неуютно, Иванъ Александровичъ согрѣвалъ себя воспоминаніями родины. „Тьма ужасная, — жаловался онъ самому себѣ, — дождь, какъ въ Петербургѣ, уныло и безпрерывно льетъ, стуча въ кровлю моей каюты, т. е. юта. Но въ Петербургѣ есть яркоосвѣщенныя залы, музыка, театръ, клубы — о дождѣ забудешь; а здѣсь есть скрипъ снастей, тусклый фонарь на гафелѣ, да одни и тѣ же лица, тѣ же разговоры“ . . .[4])

Наконецъ, 26 ноября, рѣшивъ наканунѣ не ѣхать, онъ всталъ въ шесть часовъ утра и . . . уѣхалъ, неожиданно для самого себя, на китайской шкунѣ, доставившей изъ Шанхая на фрегатъ провизію и возвращавшейся обратно. Въ Шанхаѣ его ожидала обычная программа туриста — отель, завтраки и обѣды въ англійскомъ вкусѣ, умѣренныя въ общемъ прогулки по го-

[1]) „Фрегатъ Паллада“, т. II, стр. 106. — [2]) Ibid., стр. 108. — [3]) Ibid., стр. 111. — [4]) Ibid., стр. 112.

роду, рынкамъ и недалекимъ окрестностямъ, наблюденія ,,на лету", вѣрныя замѣчанія, мѣткія сужденія о характерѣ китайцевъ, ихъ трудолюбіи, учтивости, терпѣніи. Но во всемъ этомъ не чувствовалось того увлеченія, того художническаго подъема, зоркой пытливости, какая отличала Ивана Александровича раньше, въ Капской колоніи, напримѣръ, или въ Сингапурѣ. Происходило ли это оттого, что не было прежняго, тропическаго солнца, приводившаго въ движеніе творческіе нервы, или и впрямь душа Гончарова изнемогла отъ впечатлѣній, или истомила его скука на японскомъ рейдѣ, — только Шанхай не далъ ему прежняго богатства поэзіи и красокъ. Гончаровъ не потрудился заглянуть въ нѣдра китайской домашности, не попытался чутьемъ художника проникнуть въ душу китайскаго населенія и то, что онъ говорилъ о характерѣ китайцевъ, объ ихъ занятіяхъ и промышленности, о борьбѣ инсургентовъ съ богдыханскими войсками, было отъ ума, отъ сознанія какой-то необходимости описать видѣнное. Свободнѣе и легче чувствовалъ себя Гончаровъ у себя въ отелѣ, среди офицеровъ эскадры, и въ обществѣ европейцевъ, чѣмъ среди этого непонятнаго, страннаго народа, съ врожденными наклонностями къ мирному труду, торговлѣ, изяществу и высокой духовной культурѣ. Поэтому обычный юморъ возвращался къ Гончарову лишь въ такихъ случаяхъ, когда нужно было изобразить похищеніе угля изъ комнаты добродушнаго Тихменева, или разсказать посѣщеніе и обѣдъ у американскаго консула. Не разставаясь съ мыслью о родинѣ, Гончаровъ съ особенной любовью останавливался на тѣхъ проявленіяхъ уличной и рыночной жизни, которыя напоминали ему отечественный бытъ и нравы. Заходитъ Гончаровъ на китайскій базаръ, первое, что бросается въ глаза, это сходство его съ нашимъ толкучимъ рынкомъ. ,,Разница въ подробностяхъ: у насъ деготь и мыло — здѣсь шелкъ и чай; у насъ груды деревянной и глиняной посуды — здѣсь фарфоръ".[1]) Заглядываетъ ли Гончаровъ въ харчевню, ему такъ и хочется сказать людямъ, сидящимъ за столами ,,здорово, хлѣбъ да соль!" Среди блюдъ онъ замѣтилъ одно, которое совсѣмъ уже довершало сходство: ,,Я видѣлъ даже щи — да, лѣнивыя щи".[2])

Въ половинѣ декабря адмиралъ дождался ,,свѣжихъ" политическихъ новостей, которыя оказались неутѣшительны: не

[1]) Ibid., стр. 135. — [2]) Ibid., стр. 137.

подлежало сомнѣнію, что Россія находилась уже въ войнѣ съ Турціей, къ которой примыкали Франція и Англія. Положеніе становилось не только серьезнымъ, но и угрожающимъ для нашихъ моряковъ: англійскія суда были здѣсь многочисленнѣе и сильнѣе русскихъ, между тѣмъ открытія враждебныхъ дѣйствій можно было ждать со дня на день. Поэтому адмиралъ рѣшилъ уйти изъ Шанхая и соединиться съ остальными судами. Гончаровъ снова очутился въ своей каютѣ и снова начались для него морскіе опыты и приключенія. Отдавая себѣ отчетъ въ Шанхайскихъ впечатлѣніяхъ и перечитывая свои замѣтки передъ тѣмъ, чтобы отправить ихъ друзьямъ съ курьеромъ лейтенантомъ Кроунъ,[1]) направлявшимся въ Петербургъ, Гончаровъ чувствовалъ ихъ блѣдность и безъ всякаго ложнаго самолюбія писалъ: „Не сѣтуйте, если это письмо покажется вамъ вяло, скудно наблюденіями, или фактами, и сухо, пеняйте столько же на меня, сколько и на Янсекіянъ и его берега: они тоже скудны и незанимательны, нельзя сказать только сухи: немудрено, что они такъ отразились и въ моемъ письмѣ“.[2])

7 декабря, всѣ четыре судна, составлявшія эскадру, оставили Сѣдельные острова и направились обратно въ Нагасаки за полученіемъ отвѣта отъ японцевъ о торговомъ договорѣ. Переходъ длился болѣе четырехъ сутокъ и совершился благополучно. Во время пути Гончаровъ писалъ Языковымъ о своихъ Шанхайскихъ впечатлѣніяхъ и, между прочимъ, говорилъ: „Китайскіе дома, рынки, базары, лавки, говоръ, крикъ, харчевни — все это такъ напоминаетъ мнѣ и знаете что? нашъ простой народный русскій бытъ. Обо всемъ этомъ я иногда на досугѣ набрасываю замѣтки въ тетрадь, не знаю пригодится ли на что-нибудь. Но досуга немного: я никакъ не воображалъ, чтобы такъ много было дѣла. А если и дѣла нѣтъ, то подъ парусами въ морѣ — немного распишешься: холодно, какъ теперь напримѣръ, или качаетъ такъ, что столы и шкафы срываются съ мѣстъ“ . . .[3])

По прибытіи въ Нагасаки 22-го декабря возобновились дѣятельные переговоры съ уполномоченными японскаго правительства.

Первое офиціальное свиданіе состоялось наканунѣ новаго 1854 года. Гончаровъ принималъ столь видное участіе въ этихъ

[1]) „Морской Сборникъ“, 1856. — [2]) „Фрегатъ Паллада“, т. II, стр. 169. — [3]) Письмо (оригиналъ) 15 декабря 1853 г. къ Языкову.

переговорахъ, что для скуки, отъ которой онъ не надѣялся избавиться въ Японіи, почти не было времени. Онъ поистинѣ оказался незамѣнимымъ секретаремъ адмирала. Еще до прибытія въ Японію Иванъ Александровичъ перечелъ важнѣйшія сочиненія объ этой странѣ и извлекъ оттуда рядъ цѣнныхъ указаній, облегчившихъ способы знакомства съ ея управленіемъ. Онъ составилъ себѣ общее представленіе о міросозерцаніи, бытѣ и обычаяхъ японцевъ и явился правой рукой адмирала, когда необходимо было налаживать первые шаги взаимныхъ отношеній, устанавливать церемоніалы пріемовъ и офиціальныхъ привѣтствій. Наконецъ, на Ивана Александровича возложена была важнѣйшая часть переговоровъ — выработка текста договорныхъ пунктовъ, значеніе которыхъ заключалось въ искусномъ пріисканіи формы, равно удовлетворяющей требованіямъ обѣихъ сторонъ. Если адмиралъ Путятинъ своей проницательностью, твердостью и глубокимъ тактомъ былъ достойнымъ представителемъ обширной и могущественной страны, Гончаровъ оказался превосходнымъ выполнителемъ его плановъ и въ то же время дипломатическимъ агентомъ.[1]) И во время переговоровъ, и на торжественныхъ пріемахъ онъ занималъ мѣсто подлѣ адмирала, рядомъ со старшими офицерами судовъ. Помимо офиціальной работы, которая и по существу заинтересовала Ивана Александровича, онъ имѣлъ возможность, если не заглянуть въ нѣдра японской жизни, то познакомиться съ разнообразными представителями этой оригинальной страны. Чуткость и проницательность Гончарова, столько разъ позволявшая ему по нѣсколькимъ случайнымъ чертамъ составлять вѣрныя представленія о характерѣ наблюдаемыхъ націй, сказались и въ данномъ случаѣ: онъ угадалъ въ наивно-лукавыхъ и скрытныхъ японцахъ предпріимчивость, способность къ реформамъ и ту особенную одаренность, которая должна была, по его убѣжденію, привести Японію на степень государства замѣчательнаго въ культурномъ и промышленномъ отношеніи.

Съ любовью и не торопясь зарисовывалъ Иванъ Александровичъ сцены и типы японской жизни, какіе попадались на

---

[1]) См. отзывъ адм. Путятина въ письмѣ къ А. С. Норову отъ 20 сент. 1853 г.: „. . . При этомъ я не могу умолчать, какъ много я обязанъ вамъ за рекомендацію и содѣйствіе въ назначеніи г. Гончарова въ составъ нашей экспедиціи. Онъ чрезвычайно полезенъ мнѣ какъ для теперешнихъ нашихъ сношеній съ японцами, такъ и для описанія всѣхъ путешествій, которыя со временемъ должны сдѣлаться извѣстными публикѣ . . .“ „Русскій Архивъ“, 1899, кн. I.

глаза. Юморъ, благодушіе и особая, свойственная только ему, зрительность снова были въ его рукахъ послушными орудіями, когда онъ описывалъ замысловатые японскіе обѣды и оригинальные пріемы восточныхъ гостей на кораблѣ. „Японскій обѣдъ! Съ какою жадностью читалъ я бывало описаніе чужихъ обѣдовъ, вникалъ во всѣ мелочи, говорилъ, помните, и вамъ, какъ бы желалъ пообѣдать у китайцевъ, у японцевъ! И вотъ и эта мечта моя исполнилась!" . . .[1]) Не имѣя времени на письма и едва успѣвая заносить свои изо-дня въ день наблюденія, Иванъ Александровичъ изображалъ въ дневникѣ и себя, но лишь исключительно съ внѣшней, большей частью, юмористической стороны. Объ его душевныхъ переживаніяхъ за это время мы знаемъ немного. Въ нашемъ распоряженіи неизвѣстное прежде письмо къ Языковымъ отъ 13 марта (1854), интересное въ томъ смыслѣ, что оно заключаетъ въ себѣ краткій, подводящій итоги обзоръ всего пережитого за послѣднее время. „Она такъ надоѣла намъ, эта Японія, что никто изъ насъ, ни за какія коврижки, не согласился бы отправиться въ Едо" — говоритъ Гончаровъ въ этомъ письмѣ и объясняетъ — почему.

„Во всемъ застарѣлое младенчество; наивная глупость въ важныхъ жизненныхъ и государственныхъ вопросахъ и мудрость въ пустякахъ; лицемѣріе, скрытность, ребячество, юбки, косички и поклоны — все это надоѣло. На меня находитъ хандра при одной мысли, что, можетъ быть, еще придется заглянуть нынѣшнимъ лѣтомъ опять туда. Послѣдній мѣсяцъ нашего пребыванія тамъ былъ довольно, впрочемъ, занимателенъ: въ Нагасаки прибыли изъ Уеддо) два важныхъ лица съ большой свитой для переговоровъ съ адмираломъ.

„Мы черезъ день ѣздили въ Нагасаки, обѣдали тамъ по японски, а полномочные два раза были у насъ и провели по цѣлому дню. Они были поражены, по собственному признанію, всѣмъ, что видѣли у насъ: нашимъ пріемомъ, угощеніемъ, музыкой, разнообразіемъ и богатствомъ подарковъ, видомъ большого судна, артиллерійскимъ и парусным ученьемъ, всѣмъ, всѣмъ, а между прочимъ отличной вишневкой и шампанскимъ" . . .[3]) Въ обширной главѣ, посвященной послѣднему по-

[1]) „Фрегатъ Паллада", т. II, стр. 190. — [2]) Гончаровъ писалъ „Уеддо" рядомъ съ „Едо". — [3]) Письмо къ Языкову отъ 13 марта 1854 г. (рук. отд. Ак. Н.). Тамъ же другое письмо къ Майковымъ отъ 14 марта 1854 г. съ описаніемъ офиціальныхъ пріемовъ у японцевъ, представляющее со-

сѣщенію Японіи, Гончаровъ съ обычной наглядностью иллюстрировалъ заключенную въ этомъ письмѣ характеристику японцевъ. Любопытно, между прочимъ, что на прощанье они просили адмирала подарить имъ ружье съ новымъ прицѣломъ да нѣсколько пушечныхъ пистоновъ. Адмиралъ, охотно дарившій часы, зеркала, сукна, отказалъ въ этомъ подаркѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что такой подарокъ могъ быть сдѣланъ лишь государству, доказавшему свое дружелюбіе.

Путь лежалъ на Ликейскіе острова: необходимо было запастись тамъ на продолжительное время провизіей. Переходъ занялъ около недѣли — 24 января покинули Нагасаки, а 1 февраля прибыли на островъ Лю-чу и стали на Напакіянгскомъ рейдѣ.

Передъ входомъ на рейдъ фрегатъ пережилъ одну изъ „опаснѣйшихъ минутъ" всего плаванія, минутъ, которая тянулась два дня и которую Гончаровъ сознаъ лишь послѣ того, какъ она благополучно миновала. „Мы подходили, — разсказывалъ объ этомъ впослѣдствіи Гончаровъ, — къ островамъ около вечера. На глазомѣръ оставалось версты три и намъ слѣдовало зайти за коралловый рифъ, кривой линіей опоясывавшій все видимое пространство главнаго, большого острова. Издали чуть-чуть видно было, какъ буруны перекатывались, играя пѣной, черезъ ка-

---

бою варіантъ къ тому, что нами напечатано выше (въ письмѣ 13 марта). По поводу „исполнившейся мечты" (см. выше) Г-въ писалъ Майковымъ 14 марта: „Но, вѣроятно, придется зайти еще въ Японію. Въ послѣднее время мы зажили съ японцами дружески. Они давали обѣды намъ, а мы имъ. Чего я не ѣлъ тутъ! Помните, я всегда обнаруживалъ желаніе пообѣдать у японцевъ и китайцевъ? Желаніе мое было удовлетворено свыше ожиданій. Мы обѣдали у японскихъ вельможъ разъ десять, и между прочимъ однажды были угощены торжественнымъ обѣдомъ отъ имени японскаго императора. Такъ какъ японцы столовъ не употребляютъ, то для каждаго изъ насъ сдѣланъ былъ особый столъ, на каждомъ столѣ поставлено до 20 и болѣе чашечекъ и блюдечекъ съ разными кушаньями. Мяса не ѣдятъ и насъ потчивали рыбой, зеленью, дичью, трепангами (морскими улитками), сырой рыбой, приправленной соей и т. д. Но всего этого подаютъ такъ немного, что я съѣлъ всѣ 20 или 30 чашекъ, да еще, пріѣхавши домой, пообѣдалъ какъ слѣдуетъ, и другіе тоже. Сіогунъ прислалъ намъ подарки, состоящіе изъ матерій (предрянныхъ) и фарфору. Адмиралу и тремъ изъ его свиты, въ томъ числѣ и мнѣ, подарено по нѣскольку кусковъ этой матеріи, офицерамъ по дюжинѣ тончайшихъ, какъ почтовый листъ, чашекъ. Подарки съ нашей стороны были роскошны. Вельможи, напротивъ, надарили адмиралу превосходныхъ вещей — и такое множество, что изъ нихъ можно составить прелюбопытный музеумъ. Нѣкоторымъ изъ насъ, и мнѣ тоже, прислали они кое-что въ подарокъ: лакированныхъ ящиковъ, трубокъ, чернильницъ, своего табаку, Все вздоръ, но я храню какъ рѣдкость и какъ воспоминаніе. Если довезу, то подѣлюсь съ вами. Къ сожалѣнію, всего этого мало: мы хотѣли купить, да не продаютъ."

менную гряду. Въ этой грядѣ было два входа на рейдъ, одинъ узкій съ сѣвера, другой еще уже — съ юга. Фрегату входить надо было очень вѣрно, какъ каретѣ въѣзжать въ тѣсныя ворота, чтобы не наткнуться на рифъ. Адмиралъ не рѣшился въ сумерки рисковать и предпочелъ подождать разсвѣта. Отдали якорь при тихомъ, ласковомъ вѣтрѣ, въ теплой южной ночи и заранѣе тѣшились надеждой завтра погулять по новымъ прелестнымъ мѣстамъ . . . Вдругъ около полуночи задулъ вѣтеръ, не съ берега, а съ океана къ берегу — а мы въ этомъ океанѣ стояли на якорѣ. Отдали другой якорь — и готовились бороться съ неожиданнымъ и внезапнымъ врагомъ. Мы, не моряки, спали опять безмятежно и безмятежнѣе всѣхъ — я . . . На другой день, около полудня, вѣтеръ сталъ стихать: начали сниматься съ якорей — и только что второй якорь ,,всталъ" (со дна) и поставлены были марсели (паруса), какъ раздался крикъ вахтеннаго". ,,Дрейфуетъ" (тащитъ). ,,Отдать якорь!" вслѣдъ за тѣмъ немедленно раздалась команда.

,,Все это, т. е. команда и отдача якорей, уборка парусовъ, продолжалась нѣсколько минутъ, но фрегатъ успѣло ,,подрейфовать", силой вѣтра и теченія, версты на полторы ближе къ рифамъ. А вѣтеръ опять задулъ крѣпче. Отданъ былъ другой якорь (ихъ всѣхъ четыре на большихъ военныхъ судахъ) — и мы стали въ виду каменной гряды. До насъ достигалъ шумъ перекатывающихся буруновъ.

,,Я — ничего себѣ: всматривался въ открывшіяся теперь совсѣмъ подробности новаго берега, глядѣлъ не безъ удовольствія, какъ скачутъ черезъ камни, точно бѣшеныя бѣлыя лошади, буруны, кипя пѣной; наблюдалъ, какъ начальство безпокоится, какъ появляется иногда и задумчиво поглядываетъ на рифы адмиралъ, какъ всѣ примолкли и почти не говорили другъ съ другомъ. Да и нечего говорить, развѣ только спрашивать: ,,выдержатъ ли якорныя цѣпи и канаты напоръ вѣтра, или нѣтъ?" . . . Чуть вѣтеръ тише — ну надежда: выдержитъ; а заревѣлъ и натянулъ канаты — сомнѣніе и злоба. А фрегатъ такъ и возитъ взадъ и впередъ, насколько позволяютъ канаты обоихъ якорей — и вотъ-вотъ, немножко еще — трахъ . . . и . . .

— И что? допытывался я уже на другой день на рейдѣ, ибо тамъ, за рифами, опять ни къ кому приступу не было: такъ всѣ озабочены . . .

— Какъ „что"! Лопни канатъ — и черезъ нѣсколько минутъ фрегатъ наваливаетъ на рифы: ну и въ щепы."[1])

И только на другой день, когда погода унялась и фрегатъ вошелъ на Напокіянскій рейдъ, Гончаровъ понялъ избѣгнутую опасность. Моряки объяснили ему, что если бы фрегатъ разбился о рифы, едва ли спаслись бы и нѣсколько человѣкъ. Недаромъ англійскій миссіонеръ, котораго они застали здѣсь, говорилъ, что, наблюдая издали за борьбой фрегата съ бѣшеной стихіей, онъ молился о его спасеніи.

Вдвойнѣ отрадно было и морякамъ и Гончарову съѣхать на берегъ прекраснаго острова.

„Не имѣвъ возможности во время долгаго пребыванія на Нагасакскомъ рейдѣ съѣзжать на берегъ, — читаемъ мы въ донесеніи адмирала, — мы съ удовольствіемъ ходили по цвѣтущимъ и воздѣланнымъ долинамъ острова, отличающагося прекраснымъ умѣреннымъ климатомъ, плодородіемъ и населеннаго мирными, кроткими жителями, имѣющими нѣкоторое общее сходство въ чертахъ лица съ японцами и корейцами" . . .[2])

Гончаровъ могъ бы написать эти офиціальныя строки, не покидая борта корабля. Еще подходя къ Лю-чу, онъ имѣлъ объ этомъ островѣ отчетливое представленіе, полученное имъ изъ прочитанныхъ книгъ, главнымъ образомъ изъ Базиля Галля, а также изъ сочиненій Бичи и Бельчера.[3]) Эти путешественники изображали въ идиллическихъ тонахъ мирную, трудовую жизнь на прекрасныхъ Ликейскихъ островахъ, съ большой похвалой отзывались о нравахъ и занятіяхъ населенія, о богатствѣ природы, о высокой культурѣ и плодородіи почвы. И какъ ни былъ подготовленъ Гончаровъ къ созерцанію „Ѳеокритовой идилліи", но то, что онъ увидѣлъ своими глазами, съѣхавъ на берегъ, превзошло всѣ его ожиданія. Бродя по прекраснымъ, вымощеннымъ кораллами дорогамъ, любуясь живописными бамбуковыми домиками, среди роскошныхъ садовъ и плантацій, встрѣчаемый поклонами жителей, онъ чувствовалъ себя чудесно перенесеннымъ въ какой-то „отрывокъ" древней жизни, гдѣ патріархальные нравы

---

[1]) „Черезъ 20 лѣтъ", „Фрегатъ Паллада", т. II, стр. 539—540. — [2]) „Морской Сборникъ", 1856. — [3]) Сюда относятся: Hall, B. „A voyage of discovery to Corea and the great Loo Choo Islands". (London) 1818. — Beechey, F. W. „Narrations of a voyage to the Pacific and Behrings Strait to cooperate with the Polar Expedition in 1825—1828". (London). — Belcher, E. Rélations des voyages du „Sulphur" et du „Samarang". (Bornéo, les ports de Chine, les Manilles, Célèbes, la Corée, le Japon, les Philippines. Paris).

и младенческая простота быта хранили воспоминаніе о золотомъ вѣкѣ человѣчества. Солнце, роскошная природа, красота, разлитое кругомъ довольство, казалось, подсказывали Гончарову, что здѣсь онъ нашелъ, наконецъ, уголокъ земли, гдѣ можетъ успокоиться его тревожное сердце, гдѣ онъ могъ бы найти удовлетвореніе своей жаждѣ тихаго счастья, сладостной нѣги, ласкающей творческіе сны. Но Гончаровъ не скрывалъ отъ себя, что одной естественной красоты, одного матеріальнаго благополучія для него было бы недостаточно, недоставало вѣнчающей все это духовной красоты. „Это не жизнь дикарей, грязная, грубая, лѣнивая и буйная, но и не царство жизни духовной: нѣтъ слѣдовъ просвѣтленнаго бытія". Но пережитыя наслажденія природой, испытавшей на себѣ разумную заботливость человѣка, разлитое вокругъ довольство и миръ, солнечное тепло, — все вмѣстѣ снова будило его нервы къ творческой „музыкѣ", музыкѣ безъ звуковъ, даже безъ словъ сначала — слова являлись потомъ, когда воспринятые образы „отстаивались". Впечатлѣнія, полученныя здѣсь, подсказывали Гончарову слова, сплетавшіяся въ рѣчь образную, но безъ поражающей яркости красокъ, идиллически-простую, кротко-художественную, какъ бы впитавшую въ себя нѣжную задумчивость и теплоту ликейскаго неба . . . именно теплоту, какой недоставало описаніямъ Китая и Японіи. Лю-чу повѣялъ миромъ на душу Гончарова, и это настроеніе передалось и его замѣткамъ и его письмамъ къ друзьямъ. „Я много читалъ объ этихъ островахъ, — писалъ онъ Языковымъ, — о наивности жителей, о ихъ гостепріимствѣ, смиреніи, кротости, патріархальномъ образѣ жизни и прочихъ добродѣтеляхъ золотого вѣка, и считалъ все это за шутку перваго посѣтившаго ихъ Базиля Галля. Но къ удивленію моему, я нашелъ, что картина его этой брошенной среди океана идилліи далеко не полна: представьте, что все такъ, какъ онъ пишетъ, по крайней мѣрѣ, наружно. Дѣйствительно — это рядъ восхитительныхъ долинъ, холмовъ, журчащихъ ручейковъ подъ темнымъ сводомъ разнообразныхъ деревьевъ. Вездѣ обработанныя поля, трудъ и довольство. На берегу насъ привѣтствовали какіе-то длиннобородые старцы, съ посохами въ рукахъ съ глубокими поклонами, съ плодами. Чортъ знаетъ, что такое: вспомнишь не то Ѳеокрита, не то Гомера, не то русскую сказку о странѣ, гдѣ текутъ рѣки меду и молока. А здѣсь лучше меду — сахарный тростникъ, молоко изъ кокосовъ, бананы и т. п. Я дополнилъ, какъ умѣлъ

картину Базиля Галля, записалъ, что видѣлъ, да боюсь не повѣрятъ" . . .[1])

Но не повѣрить Гончарову было бы невозможно: его описанія отличаются той силой убѣдительности, которая не допускаетъ и мысли о чемъ-либо сочиненномъ, о какой-либо выдумкѣ. Его фантазія никогда и нигдѣ не служила для него матеріаломъ художественной постройки, — она была въ его рукахъ послушнымъ орудіемъ творческаго синтеза, дающаго обобщеніе тому, что было воспринято реальнымъ опытомъ разрозненно и въ разные моменты. Давнее влеченіе въ эти міры тропическихъ чудесъ способно было скорѣе разочаровать Ивана Александровича во всемогуществѣ мечты, чѣмъ вызвать ее на новую и безплодную работу. Свѣтлыя и радостныя идилліи, являвшіяся ему въ чередованіи съ мрачными и грозными картинами природы, превосходили въ дѣйствительности все, что могло создать самое пылкое воображеніе. И воображеніе Гончарова скорѣе устало, влеклось за дѣйствительностью, чѣмъ, не удовлетворяясь ею, стремилось впередъ въ поискахъ болѣе прекраснаго, болѣе необыкновеннаго.

Несмотря на разсказы миссіонера, бросавшіе тѣнь на жизнь и нравы ликейцевъ, Гончаровъ не хотѣлъ разставаться съ своимъ представленіемъ объ островѣ, объ этой поэтической идилліи, брошенной среди океана. Но онъ оставлялъ Лю-чу 9-го февраля — безъ сожалѣнія: »Если бы и остались здѣсь, — писалъ онъ въ день отплытія, — едва ли бы я собрался на берегъ. Одна природа, да животная, хотя и своеобразная жизнь, не наполнятъ человѣка, не поглотятъ вниманія: остается большая пустота. Для того даже, чтобъ испытывать глубже новое, непохожее ни на что свое, нужно, чтобъ тутъ же рядомъ, для сравненія, была параллель другой развитой жизни" . . .[2])

X.

Теперь Гончаровъ ждалъ другой, если не идилліи, то въ своемъ родѣ чудесной сказки, которую онъ надѣялся найти, по указанію путешественниковъ, на Филиппинскихъ островахъ. Туда, къ о. Люцону съ городомъ Маниллой, направлялась разными путями наша эскадра. Нетерпѣніе Гончарова увидѣть Маниллу раздѣлялось всѣми его спутниками. ,,Всѣ

---

[1]) То же письмо отъ 13 марта; см. выше. — [2]) „Фрегатъ Паллада", т. II, стр. 270.

заранѣе обольщаютъ себя мечтами, кто — увидѣть природу. еще роскошнѣе видѣнной, кто — новыхъ жителей, новые нравы, кто льстится встрѣтиться съ крокодиломъ, кто съ креолкой, иной разсчитываетъ на сигары; тотъ хочетъ заказатъ бѣлье изъ травяного холста; у всѣхъ различныя желанія . . .“[1])

„Паллада“ стала на Манильскомъ рейдѣ 16 февраля. Гончаровъ тотчасъ же съѣхалъ на берегъ, занялъ комнату во Французскомъ отелѣ и съ увлеченіемъ сталъ знакомиться съ новой страной. День уходилъ на поѣздки, прогулки, бесѣды съ мѣстными людьми, по вечерамъ впечатлѣнія дня заносились на бумагу. Здѣсь обнаружилась, между прочимъ, одна особенность творческой работы Ивана Александровича: высшій подъемъ вдохновенія, истинный, наиболѣе чистый „артистическій“ восторгъ, онъ испытывалъ въ одинокомъ общеніи съ прекрасной природой, гдѣ люди либо были далеки отъ него, отчужденные другимъ міропониманіемъ и языкомъ, либо рисовались ему въ видѣ яркой движущейся толпы, оживляющей природу и тоже ему непонятной. Тамъ, гдѣ онъ встрѣчалъ европейцевъ, съ которыми могъ бесѣдовать, его настроенія держались въ кругу общихъ впечатлѣній и мыслей, свойственныхъ среднимъ, „порядочнымъ“ по его терминологіи людямъ. Въ Маниллѣ Иванъ Александровичъ рѣдко оставался одинъ и оттого въ наблюденіяхъ его не чувствовалось той непосредственной, свѣжей воспріимчивости, которая служила источникомъ его поэтическаго одушевленія и сообщала нѣжную, одухотворенную лиризмомъ колоритность лучшимъ его описаніямъ. Между тѣмъ и здѣсь, какъ въ Сингапурѣ, онъ испыталъ на себѣ то же дѣйствіе чарующей и страстной природы, которая наполняла его сердце безпокойной тоской и вызывала вдохновенныя грезы. „Вечеромъ, въ этомъ душномъ томленіи воздуха, въ этомъ лунномъ пронзительномъ лучѣ, въ тихо-качающихся пальмахъ, въ безмятежномъ покоѣ природы, есть что-то такое, что давитъ мозгъ, шевелитъ нервы, тревожитъ воображеніе. Сидя по вечерамъ на верандѣ, я чувствовалъ такую же тоску, какъ въ прошломъ году въ Сингапурѣ. Наслаждаешься и страдаешь, нѣга и боль. Эта жаркая природа, обласкавъ васъ страстно, напутствуетъ сонъ вашъ такими богатыми грезами, какихъ не приснится на сѣверѣ . . .“[2]) Описаніе Маниллы

[1]) Ibid., стр. 273. — [2]) Ibid., стр. 342.

живописно, четко, какъ всегда, но холодно — оно писалось не сердцемъ для сердца, но умомъ для мысли, для спокойнаго воображенія. Перечитавъ написанное, Гончаровъ самъ почувствовалъ нѣкоторое неудовлетвореніе. „Вы недовольны? — спрашивалъ онъ воображаемыхъ друзей при концѣ описанія, — и я тоже. Я самъ ожидалъ чего-то больше. А чего? Можетъ быть, ярче и жарче колорита, болѣе грезъ поэзіи и побольше жизни, незнакомой намъ всѣмъ, европейцамъ, жизни своеобразной . . .“[1]) И, словно, чтобы восполнить недостатокъ тепла, поэзіи, страстной ласки, разлитой въ тропическомъ воздухѣ, Иванъ Александровичъ прибавилъ нѣсколько строкъ, которыя какъ бы имѣли цѣлью сообщить его манильскому „эскизу“ элементъ томной страсти, безбрежности очарованія, того, что дразнило мечту:

„Природа на Люцонѣ неизмѣнна, какъ вездѣ, и богата какъ нигдѣ. Какъ прекрасенъ этотъ союзъ сѣвернаго и южнаго неба, будто встрѣча и объятія двухъ красавицъ! . . . Необыкновенны переливы вечерняго свѣта на небѣ — яшмовые, фіолетовые, лазурные, наконецъ такіе странные, темные и прекрасные тоны, подъ какіе ни за что не поддѣлаться человѣку! Гдѣ онъ возьметъ цвѣта для этого пронзительно-бѣлаго луча здѣшнихъ звѣздъ? Какъ нарисуетъ это млѣніе вечерняго, только что покинутаго солнцемъ и отдыхающаго неба, эту теплоту и кротость лунной ночи? Чудесенъ и голубой заливъ, и зеленый берегъ, дальнія горы, и всѣ эти пальмы, бананы, кедры, бамбуки, черное, красное, коричневое деревья, эти ручьи, островки, дачи — все такъ ярко, такъ обворожительно, фантастически прекрасно! . . .“[2])

Интимнѣе, искреннѣе и проще чувствуется Гончаровъ въ письмѣ, которое онъ писалъ Языковымъ 13 марта. Здѣсь, между прочимъ, передавалъ онъ и свои манильскія впечатлѣнія, сопоставленіе которыхъ съ извѣстнымъ описаніемъ, вошедшимъ въ книгу, не лишено интереса. „Съ этихъ блаженныхъ острововъ (Ликейскихъ) пошли мы въ Маниллу, — пишетъ Гончаровъ, — и черезъ недѣлю, изъ глуши, вдругъ очутились въ мѣстѣ, тоже отчасти сказочномъ, хотя въ другомъ родѣ. Что это за ералашъ! Вотъ, напримѣръ, длинныя улицы съ висячими сплошными балконами, съ жалюзи, изъ-за которыхъ выгляды-

[1]) Ibid., стр. 340. — [2]) Ibid., стр. 341

ваетъ блѣдная черноглазая испанка чистой крови, или заспанное лицо какого-нибудь dottore Bartholo; — съ монастырями, съ толпой монаховъ всевозможныхъ орденовъ, метисовъ и индійцевъ. Тутъ тишина, сонъ и лѣнь. Но выйдешь за стѣны испанскаго города, картина мѣняется вдругъ: съ одной стороны дѣятельная, кипучая торговля между полунагими, полубритыми китайцами, которые по вліянію и многолюдству играютъ важную роль, съ другой — деревни тагаловъ (индійское племя), которые въ снѣ и лѣни не уступаютъ своимъ господамъ'испанцамъ, которые всѣ — нищіе, живутъ въ какихъ-то птичьихъ клѣткахъ, но которые ни въ чемъ не нуждаются. Одѣваются въ матеріи домашней работы — изъ волоконъ дерева, пища надъ головой, или подъ ногами — бананъ и рисъ, наслажденія — стравить пѣтуховъ и выиграть закладъ. А за этимъ за всѣмъ идутъ поля и плантаціи — какія поля, какіе лѣса и деревья! Я каждый день, лишь спадетъ жаръ, углублялся въ эти нескончаемыя темныя аллеи изъ бамбуковъ, пальмъ, фигъ, хлѣбнаго дерева, саго — (я называю здѣсь только то, что знаю, а сколько незнакомыхъ) и все не могъ привыкнуть къ этому зрѣлищу. Я жилъ въ отелѣ и утромъ осматривалъ городъ, ѣздилъ (здѣсь никто не ходитъ пѣшкомъ, кромѣ простого народа) по лавкамъ. Съ полудня до 4-хъ часовъ всѣ спятъ; я свято соблюдаю этотъ обычай. За то вечеромъ — въ коляску и въ поля, оттуда на публичное катанье, въ родѣ, какъ у насъ у качелей, оттуда на Эскольту,[1]) ѣсть мороженое, потомъ на площадь слушать превосходную полковую музыку, потомъ ужинать, пить чай, сидѣть на верандѣ, любуясь на тропическую ночь, лунную, съ удивительными звѣздами, теплую, даже жаркую. Всѣ идутъ послѣ этого спать, а я раздѣвался въ своемъ номерѣ до невозможности, и, кусаемый до невозможности-же комарами, при свѣтѣ подлѣйшаго ночника съ кокосовымъ масломъ (couleur locale) — писалъ... Со мной бодрствовали ящерицы, да к а н к р л я, какъ называетъ хозяинъ французъ огромнѣйшихъ, болѣе вершка — летучихъ таракановъ. И тѣ, и другіе бѣгаютъ по стѣнамъ, не дѣлая никому вреда. Что же я писалъ, спросите вы. Да записывалъ: то о Маниллѣ, то доканчивалъ о Мысѣ Доброй Надежды, то, чего не кончилъ въ свое время. Дѣлалъ это просто, не мудрствуя лукаво, съ свойственнымъ

[1]) Одна изъ главныхъ улицъ Маниллы.

мнѣ безпорядкомъ, начиная съ того, чѣмъ другіе кончаютъ и на оборотъ. Дурно, безтолково, ничего новаго, занимательнаго; занимательно будетъ только для меня одного, если только въ мои лѣта, съ моими недугами, станетъ у меня еще охоты вспоминать о чемъ-нибудь. Мой собственный частный портфель набитъ довольно туго — пустяками, это правда, но ужъ больше туда не лѣзетъ, и я думаю, по случаю этого естественнаго препятствія, кончить, положить перо туриста и взяться за должностной свой трудъ, который отсталъ . . .“ [1])

Друзья слишкомъ знали Гончарова, чтобы повѣрить, когда онъ выражалъ намѣреніе сосредоточиться на одномъ офиціальномъ дневникѣ плаванія. Его портфель, о которомъ онъ здѣсь говорилъ, можетъ быть и былъ по преимуществу наполненъ путевыми замѣтками. Но кромѣ путевыхъ замѣтокъ, отчасти уже готовыхъ къ печати, было еще нѣчто, что занимало его не менѣе чѣмъ эти замѣтки.[2]) За послѣдніе мѣсяцы мысль Ивана Александровича настойчиво возвращалась къ Россіи, а сердце уже давно томилось тоской. Какими бы красотами ни блистали южныя моря и страны, оно не находило себѣ покоя, не давало заворожить себя очаровательными снами вѣчной весенней сказки. ,,И при всемъ томъ ни за что не остался бы я жить среди этой природы.“[3]) — Эти слова вырывались изъ подъ пера Гончарова все чаще и чаще. Теперь мысль о Россіи становилась для него такимъ же источникомъ творческаго раздраженія, какъ раньше на родинѣ, мечта о тропическихъ странахъ. И среди неописуемой роскоши красокъ, среди сказочныхъ чудесъ тропическаго міра, опьяняемый страстными ласками южныхъ ночей, Гончаровъ бредилъ снами далекаго холоднаго края, и въ его памяти и воображеніи все неотступнѣе вставалъ странный образъ лѣниваго, апатичнаго человѣка, которому легче умереть, чѣмъ проснуться. Рядомъ

[1]) То же письмо 13 марта; см. выше. — [2]) Любопытно отмѣтить изъ письма 14 марта строки, важныя для исторіи творчества и характерныя для мнительности Г-ва: „Пробовалъ я заниматься и, къ удивленію моему, явилась нѣкоторая охота писать, такъ что я набилъ цѣлый портфель путевыми записками. Мысъ Доброй Н., Сингапуръ, Бонинъ-Сима, Шанхай, Японія (2 части) — Ликейскіе острова, все это записано у меня, и иное въ такомъ порядкѣ, что хоть печатать сейчасъ; но эти труды спасли меня только на время. Вдругъ показались они мнѣ не стоющими печати, потому что нѣтъ въ нихъ фактовъ, а одни только впечатлѣнія, и то вялыя и невѣрныя, картины блѣдныя и однообразныя — и я бросилъ писать. Что-жъ я стану дѣлать еще годъ, можетъ быть, и больше?“ — [3]) „Фрегатъ Паллада“, т. II, стр. 342.

съ нимъ возникалъ и другой — образъ — человѣка, уже проснувшагося —, онъ уже потянулся къ жизни, къ ея благамъ, къ ея красотѣ, но еще не приспособилъ рукъ, чтобы самому создавать эти блага и творить красоту въ жизни, а не въ одномъ лишь словѣ. Эти то образы сближались до полнаго совпаденія и расходились, то шли рядомъ, мѣшая другъ-другу, застилая одинъ другому дорогу, одинаково требуя отъ художника разсудочности, игры воображенія, любви, всего его темперамента. Только творческими порывами къ этимъ образамъ и можно объяснить то, что Гончаровъ называлъ „тоской": ея не выражали ни скука, ни разочарованіе — еще вѣдь оставалось тамъ много не постигнутыхъ „очарованій" — ни грусть отъ разлуки съ друзьями — съ этимъ онъ примирялся легко. Не укладывалось его чувство и въ тотъ элементарный „Heimweh", который Иванъ Александровичъ прозаически переводилъ — „просто домой хочется!" Его тоска — тоска страстнаго въ своемъ темпераментѣ художника, котораго неодолимо потянуло къ творческой работѣ; выношенные, взлелѣянные сердцемъ образы отнимали сонъ, звали, заставляли забывать окружающую красоту, просились на бумагу и требовали для себя тишины и покоя кабинетной работы. Какъ много содержанія укрылось въ случайной обмолвкѣ Гончарова, что онъ возилъ вокругъ свѣта романическій замыселъ, возникшій въ его головѣ, когда онъ послѣдній разъ побывалъ на родинѣ. Онъ не только „возилъ" этотъ замыселъ, какъ возятъ бумаги въ сумкѣ, онъ не разставался съ нимъ никогда — ни въ горахъ южной Африки, ни въ лѣсахъ Бонинъ-Сима, и эти неотступно слѣдовавшія за нимъ тѣни не давали ему отдохнуть отъ творческаго томленія даже въ такихъ уголкахъ земного рая, какъ „блаженные" Ликейскіе острова.

Но если прочный домашній уютъ былъ далеко, оставалось довольствоваться временными передышками отъ моря и качки. Поэтому Иванъ Александровичъ такъ обрадовался вначалѣ Манилльскому отелю, стоявшему на незыблемой — пока не было землетрясеній — почвѣ. Прошла бы недѣля, другая, и онъ, отдохнувъ и насытивъ свою зрительную потребность началъ бы скучать и тянуться дальше. Но на этотъ разъ дѣло не дошло до скуки: предстояло покинуть портъ раньше, чѣмъ Гончаровъ исчерпалъ новизну впечатлѣній. Вообще же, по существу, онъ былъ радъ всякому движенію

впередъ, которое приближало его сколько-нибудь къ родинѣ. „Вамъ скажу только, — полуконфиденціально признавался онъ друзьямъ, — что путешествіе надоѣло мнѣ, какъ горькая рѣдька, до того, что даже Манилла, куда мнѣ такъ хотѣлось и гдѣ мы пробыли недѣли двѣ, едва расшевелила меня, несмотря на свою роскошную растительность, на отличныя сигары, на хорошенькихъ индіанокъ и на дурныхъ монаховъ.“[1])

Между тѣмъ извѣстія, полученныя адмираломъ о разрывѣ Россіи съ Франціей и Англіей дѣлали положеніе маленькой эскадры очень серьезнымъ. Капитанъ французскаго парохода, зашедшій въ портъ, еще сдѣлалъ адмиралу принятый морскими приличіями визитъ, но уже генералъ-губернаторъ Филиппинскихъ острововъ принялъ его холодно, — даже далъ замѣтить свое неблагосклонное отношеніе къ посѣщенію русскихъ военныхъ кораблей.[2]) Опасность, которой подвергалась эскадра при встрѣчѣ съ французскими и англійскими судами была дѣйствительно велика: значительная англійская эскадра, какъ потомъ узнали, направлялась къ Маниллѣ. Адмиралъ рѣшилъ предпринять обратный путь на сѣверъ и пойти къ берегамъ Сибири: „Мы узнали въ Маниллѣ, что англійскій и французскій флоты уже вышли въ Черное море — писалъ Гончаровъ друзьямъ — и слѣдовательно, война почти неизбѣжна, вотъ мы и тягу оттуда, чтобы не пришли англійскія суда вдвое сильнѣе нашихъ и не взяли насъ. Теперь плаваніе наше дѣлается все скучнѣе и скучнѣе. Нѣтъ ни одного порядочнаго мѣста, гдѣ бы не было французовъ и англичанъ. Поневолѣ должны идти на сѣверъ, прятаться гдѣ-нибудь около Камчатки. Ужъ если такъ, лучше бы вернуться . . .“[3])

XI.

Изъ Маниллы снялись съ якоря 27 февраля. По пути зашли на островъ Батанъ, принадлежащій къ группѣ острововъ Баши, — чтобы запастись зеленью. Въ какомъ состояніи совершала „Паллада“ свое плаваніе можно представить себѣ изъ слѣдующихъ словъ офиціальнаго донесенія адмирала. „Сомнительное состояніе гротъ и фокъ-мачтъ на фрегатѣ „Паллада“,

[1]) То же письмо 14 марта. — [2]) „Морской Сборникъ“, 1856. — [3]) То же письмо отъ 14 марта.

обнаружившееся со времени выдержаннаго нами въ Китайскомъ морѣ жестокаго шторма, не позволило однакожъ мнѣ слѣдовать къ сѣверу, требуя поправки, ибо въ дальнѣйшемъ плаваніи въ большихъ широтахъ, мы могли встрѣтить крѣпкіе вѣтра, и снова подвергнуться опасности потерять мачты. Поэтому я принужденъ былъ отправить транспортъ „Князь Меншиковъ" и шкуну „Востокъ" впередъ, къ назначенному мѣсту соединенія, островку Гамильтонъ, лежащему у южной оконечности Кореи, и спуститься съ двумя остальными судами („Палладой" и „Оливуца") обратно къ югу . . . къ группѣ острововъ Бабуянъ . . . чтобы принять возможныя, по нашимъ средствамъ мѣры къ утвержденію мачтъ шкалами."[1])

Подробнѣе и нагляднѣе изображалъ положеніе „Паллады" Гончаровъ въ упоминавшемся уже письмѣ 13 марта. „Еще во время выдержаннаго нами въ іюлѣ прошлаго года шторма гротъ-мачта зашаталась у насъ, а въ нынѣшнемъ году погнулась на бокъ и фокъ-мачта и на дняхъ дала трещину. Надо было куда-нибудь забѣжать, чтобы взнуздать ее немножко, пока придемъ на сѣверъ, въ свои колоніи и дождемся тамъ Діаны. Въ другое время мы сейчасъ же зашли бы въ Шанхай, Биконгъ, а теперь, того и гляди, началась съ англичанами война; эти порты въ ихъ рукахъ, и мы попались-бы къ нимъ живьемъ. Нейтральныхъ портовъ вблизи нѣтъ, кромѣ Маниллы (на Люцонѣ) да Нагасаки. Но англичане не уважаютъ нейтральныхъ правъ, потому что и Испанія, и Японія слабы и помѣшать имъ не въ силахъ . . ."

11 марта, выдержавъ и крѣпкій вѣтеръ, и штиль, и опасный „сулой" („встрѣча вѣтра и теченія"), фрегатъ вошелъ въ бухту о. Камигуина. Отсюда Гончаровъ писалъ свое письмо къ Языковымъ, 13 марта, гдѣ говорилъ между прочимъ: „Не только вы, мои малосвѣдующіе въ географіи друзья, Михайло Александровичъ и Екатерина Александровна, но и всѣ наши пріятели, члены географическаго общества, едва-ли сразу, безъ справки, скажутъ, откуда я къ вамъ пишу, что это за островъ Камигуинъ? Зачѣмъ я туда попалъ, спросите вы. Скажу вамъ сначала это, а потомъ что-нибудь другое. Островъ Камигуинъ принадлежитъ къ группѣ Филиппинскихъ острововъ. „А гдѣ, бишь, эти Филиппинскіе острова?" — скажете вы непремѣнно,

[1]) „Морской Сборникъ", 1856.

Михайло Александровичъ, и, по обыкновенiю, разсмѣшите всѣхъ присутствующихъ этимъ самопожертвованiемъ, не исключая и тѣхъ, которые знаютъ объ этомъ еще меньше васъ. Возьмите общую карту Азiи, или просто обоихъ полушарiй, и къ югу отъ Китая и Японiи вы увидите какъ будто засиженное мухами небольшое пространство: это и будетъ архипелагъ Филиппинскихъ острововъ. Ихъ всѣхъ до тысячи: у одной изъ этихъ тысячныхъ долей, отмѣченныхъ на картѣ точкою, лежащею немного къ сѣверу отъ главнаго острова Люцона, стоятъ въ затишьѣ, въ портѣ Пiя V, наши два судна, прячась отъ англичанъ. Если у насъ съ ними война, то, конечно, они не замедлятъ явиться изъ Китая со всѣми своими фрегатами и пароходами въ Восточный океанъ искать и взять насъ. Наши отдаваться не намѣрены, предпочитая, если не одолѣемъ, взлетѣть на воздухъ. Не одно опасенiе встрѣтиться съ англичанами заставило насъ зайти на этотъ покрытый сильною тропическою растительностью, но безлюдный островокъ: судно наше все болѣе и болѣе напоминаетъ, что ему пора на покой . . .“

При всей сдержанности относительно темныхъ сторонъ своихъ переживанiй, страховъ, мрачныхъ предчувствiй и призраковъ смерти, Гончаровъ не могъ скрыть отъ друзей опасенiй болѣе для него мучительныхъ, чѣмъ боязнь за свое личное существованiе: то была все усиливавшаяся тревога за судьбу своихъ рукописей. Эта тревога возникала всякiй разъ, когда въ непосильной часто борьбѣ разбитой „Паллады“ съ морскими стихiями, ему приходилось быть свидѣтелемъ отчаянныхъ усилiй команды и экипажа спасти судно отъ гибели. Неужели, если это случится, не останется и слѣда отъ всего, что онъ испыталъ, пережилъ, что провелъ черезъ пламень и муку и радость своей творческой мысли? Домой, домой, только бы довести туда эти мелко-исписанные, неразборчивые листки, стоившiе ему столько безсонныхъ ночей и труда. Воображенiе работало съ особенной силой, онъ уже видѣлъ себя въ кругу друзей, жадно внимающихъ его „Одиссеѣ“. „Я сообщаю вамъ кое-какiя крупныя свѣдѣнiя, на выдержку, — писалъ онъ Майковымъ 14 марта, — подробности записаны у меня въ путевыхъ запискахъ, иногда съ литературными замашками, но безъ всякой лжи. Если доѣду и привезу ихъ, то прочту, разумѣется, вамъ первымъ. Если утону, то и слѣды утонутъ со мной. Посылать не хочу, потому что большая часть набросана слегка и тре-

буетъ большой обработки. Да и кто разберетъ мое писанье? Не знаю дастъ-ли мнѣ Богъ этотъ праздникъ въ жизни: сѣсть среди васъ съ толстой тетрадью и показать вамъ въ пестрой панорамѣ все, что ходитъ теперь передо мной. А хотѣлось бы . . .

,,Нужды нѣтъ, что отсюда до васъ болѣе 25 тысячъ верстъ, но вы всѣ постоянно присутствуете въ моемъ воображеніи, я всѣхъ васъ вижу и зорко слѣжу за каждымъ и за каждой. Вы, Евгенія Петровна и Николай Аполлоновичъ, занимаете середину картины, на двухъ вашихъ диванахъ, а кругомъ въ живописномъ безпорядкѣ и всѣ прочіе, которыхъ не называю, но которые, конечно, какъ на перекличкѣ, всѣ скажутъ я! Здоровы ли вы, что дѣлаете? Вотъ вопросы, которые постоянно посылаю мысленно, словесно и письменно къ сѣверу и не могу добиться отвѣта. Если захотите послать такіе же вопросы къ юго-востоку, то адресуйтесь къ Языкову: на нѣкоторые онъ вамъ отвѣтитъ сейчасъ же. Я пишу къ нему, гдѣ я былъ и что дѣлалъ до сихъ поръ . . .

,,Мнѣ прежде все хотѣлось въ Америку, въ Бразилію, а теперь радъ радехонекъ буду, если бы пришлось воротиться хоть черезъ Камчатку и Сибирь. Я за недостаткомъ моціона, хирѣю и толстѣю такъ, что меня теперь въ хорошій домъ пустить нельзя. На морѣ бы и не глядѣлъ: другіе свыкаются съ нимъ и любятъ, а я чѣмъ больше плаваю, тѣмъ больше отвыкаю. Качка меня бѣситъ, буря — обыкновенное явленіе на морѣ — пугаетъ, образъ жизни на кораблѣ томитъ. Люди надоѣли, и я имъ тоже. Вотъ третій день стоимъ у островка на якорѣ, берега покрыты непроницаемой, кудрявой зеленью, такой, что вы . . . за счастье бы сочли каждую травку и вѣтку посадить въ горшокъ въ своей комнатѣ, а я еще не съѣхалъ ни разу на берегъ, не смотря на то, что сегодня тамъ былъ шумный обѣдъ съ музыкой и разными удовольствіями.

,,Въ тропикахъ мнѣ невыносимо жарко, а подвинемся къ сѣверу — холодно. Зубы опятъ болятъ, и въ тропикахъ, и на сѣверѣ. Ревматизмъ просто водворился въ вискѣ и челюстяхъ и безпрестанно напоминаетъ о себѣ. Нѣтъ, чувствую, что противъ натуры не пойдешь: я, несмотря на то, что мнѣ только 40 лѣтъ, прожилъ жизнь. Теперь, куда ни пошлите меня, что ни дайте, а ужъ я на ноги не поднимусь . . .“

Но простирая къ друзьямъ руки, охваченный страстной тоской по родинѣ, Гончаровъ не посылалъ упрековъ судьбѣ,

увлекшей его въ такую безконечную даль. „Жаловаться нечего и не на кого. Я ни минуты не раскаивался въ томъ, что поѣхалъ, и не раскаиваюсь до сихъ поръ, потому что, сидя въ Петербургѣ, жаловался бы еще больше.“

Укрѣпленія мачтъ и артиллерійскія упражненія заняли десять дней. Гончаровъ то гулялъ по острову, наблюдая, какъ матросы рубили красное дерево для починокъ, то хандрилъ въ каютѣ, доходя по временамъ до полнаго упадка духа. Внѣшнія впечатлѣнія не давали разнообразія; самыя ничтожныя обстоятельства служили иногда развлеченіемъ: однажды китъ зашелъ въ бухту и игралъ у береговъ; куры, свезенныя на берегъ, разлетѣлись по деревьямъ съ такой легкостью, какъ будто сразу превратились въ лѣсныхъ птицъ. Ѳаддеевъ приносилъ раковины, по своему стараясь развлекать Гончарова, какъ балованнаго барчука; матросы видѣли крокодила и приняли его за дракона; натуралисту Гошкевичу добыли ящерицу . . . все это занимало лишь на минуту, тщательно заносилось на бумагу и потомъ снова начиналась тоска.

21 марта подняли паруса и двинулись на сѣверъ къ острову Гамильтону, гдѣ была назначена встрѣча съ остальными судами. По пути фрегатъ снова пережилъ тревожную минуту, которая произвела глубокое впечатлѣніе на Гончарова. Возможность встрѣчи съ англичанами держала команду и весь экипажъ судна въ боевомъ напряженіи. Однажды на горизонтѣ показался дымъ: пароходъ идетъ . . . „Поднялась суматоха.“ „Пошелъ по орудіямъ!“ скомандовалъ офицеръ . . .[1])

По счастью, то оказалось китоловное судно, поймавшее кита и вываривавшее изъ него жиръ. Тревога напрасная . . . Заглянувъ въ Гамильтонъ и получивъ сообщенія о начавшихся враждебныхъ дѣйствіяхъ французовъ и англичанъ, фрегатъ продолжалъ путь. Прежде чѣмъ идти къ берегамъ Сибири, адмиралъ рѣшилъ зайти еще разъ въ Нагасаки, чтобы подтвердить соглашеніе относительно предстоящаго весною свиданія по тѣмъ же вопросамъ торговаго договора. На этотъ разъ стоянка на Нагасакскомъ рейдѣ продолжалась всего четверо сутокъ и не ознаменовалась для Гончарова, какъ и все дальнѣйшее плаваніе, ничѣмъ замѣчательнымъ. Потянулись унылые корейскіе берега. Гончаровъ воспользовался случаемъ пере-

[1]) Эта и предыдущія выдержки — изъ того же письма 14 марта; см. выше.

смотрѣть литературу о корейцахъ. Замѣчанія, сдѣланныя имъ о характерахъ китайцевъ, японцевъ и корейцевъ свидѣтельствовали, что онъ глубоко продумалъ черты сходства и различія этихъ народовъ Дальняго Востока. При его поверхностныхъ личныхъ наблюденіяхъ сужденія его о китайцахъ и корейцахъ, какъ прежде о японцахъ, отличались поразительною мѣткостью, оправданною, замѣтимъ, всѣмъ послѣдующимъ ходомъ историческихъ событій. Характеристика китайской культуры и китайскаго міросозерцанія остается, по вѣрности и сжатой выразительности, единственной во всей нашей литературѣ о Китаѣ; рядомъ съ проникновенной характеристикой японцевъ, она обнаруживала въ Гончаровѣ присутствіе громадной соціальной интуиціи, только здѣсь и нашедшей себѣ примѣненіе.[1])

Пока плаваніе шло вдоль Кореи, офицеры дѣлали съемки и исправляли карты. По временамъ съѣзжали на берегъ, и тогда Гончаровъ получалъ возможность мелькомъ знакомиться съ корейцами, изучать ихъ наружность, одежды, внѣшнія повадки. Знакомство это значительно облегчалъ Ивану Александровичу отецъ Аввакумъ,[2]) пятнадцать лѣтъ жившій въ Китаѣ и видѣвшій тамъ корейцевъ. Но ни новые народы, ни мѣста, дикія, пустынныя, своеобразныя, не возбуждали уже прежняго интереса въ Гончаровѣ; онъ думалъ только объ одномъ — о возвращеніи домой. Такъ тянулось время до 20 мая. Въ тотъ день Ѳаддеевъ сообщилъ утромъ, что фрегатъ готовится стать на якорь.

„Что то за край: гдѣ мы? самъ не знаю, да и никто не знаетъ: кто тутъ бывалъ и кто пойдетъ въ эту дичь и глушь?"

„Кто тутъ живетъ? что за народъ? Народовъ много, а не живетъ никто . . ."[3])

XII.

Здѣсь рѣшено было переждать — впредь до распоряженій генералъ-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева,[4]) который долженъ былъ прибыть сюда для свиданія съ адмираломъ.

---

[1]) См. „Фрегатъ Паллада", т. II, гл. VI. — [2]) Объ архимандритѣ Аввакумѣ, человѣкѣ глубокихъ знаній и рѣдкаго нрава, см. отзывъ Г-ва, „Черезъ 20 лѣтъ", Фр. Пал., т. II, стр. 544. — [3]) „Фрегатъ Паллада", т. II, стр. 403. — [4]) Впослѣдствіи — графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій.

15 iюня Гончаровъ такъ описывалъ свою жизнь въ письмѣ къ Майковымъ, еще не появлявшемся въ печати: „Мы теперь одни, другихъ судовъ нѣтъ съ нами, и отъ этого мы бѣгаемъ отъ англичанъ, какъ, по словамъ отца Аввакума, „бѣгаетъ нечестивый ни единому-же ему гоняцу“, т. е. когда никто за нимъ не гонится. Мы укрылись въ одно изъ самыхъ новыхъ нашихъ заселенiй, гдѣ никто еще и не живетъ, а кочуютъ тунгусы, манчуны, орочаны, медвѣди, лоси, соболи и выдры, гдѣ еще ничего не заведено, кромѣ кладбища. На немъ ужъ успѣло улечься прошлой зимой до 30 человѣкъ умершихъ отъ цынги. Мы живемъ все на фрегатѣ. Я думаю даже, что берегъ вреденъ для меня и отъ того схожу рѣдко . . . .

„Мы стоимъ теперь въ заливѣ, обставленномъ такимъ частымъ пихтовымъ и еловымъ лѣсомъ, что онъ не пускаетъ на берегъ. Однакожъ мы ходимъ по едва протоптанной дорожкѣ. Я познакомился уже кое съ кѣмъ: съ Афонькой, тунгусомъ, напримѣръ, который подряженъ бить намъ оленей и сохатыхъ (лосей) для мяса и который все проситъ „бутылочку“, не пустую разумѣется. Заливъ называется Хаджи, одна его бухта — Ма, а другая Уи, а все вмѣстѣ Ырга. Не угодно-ли поискать на картѣ? . . .“ [1])

Будущее пугало Гончарова своей неопредѣленностью, и никто на фрегатѣ не зналъ положительно, какъ сложатся обстоятельства. Ждали съ нетерпѣнiемъ посланнаго изъ Россiи еще въ началѣ октября прошлаго года фрегата „Дiаны“, который долженъ былъ замѣнить собою „Палладу“, но о ней не было никакихъ извѣстiй. Если бы Иванъ Александровичъ даже получилъ право располагать собой, то ему предстояло бы одно изъ двухъ — или искать возможности ѣхать черезъ Америку, или оставаться на зимовку въ глухомъ порту. „Сухимъ путемъ ближе, — разсуждалъ онъ въ письмѣ отъ 15-го iюня, — всего какихъ-нибудь 10 тысячъ верстъ; но не знаю, хватитъ ли силъ пробраться, черезъ Сибирскiя дебри и тундры, гдѣ до Иркутска надо ѣхать то верхомъ на лошадяхъ, а я теперь не усижу верхомъ и на бревнѣ, то на собакахъ, или въ лодкахъ тянуться цѣлые мѣсяцы по рѣкамъ, ѣсть тюленину, спать на снѣгу? Нечего дѣлать — станемъ зимовать здѣсь. Афонька ужъ обѣщалъ мнѣ принести къ зимѣ медвѣжьихъ шкуръ, за „бутылочку“.

---

[1]) Письмо 15 iюня 1854 г. (рук. отд. Академiи Наукъ).

А что я стану дѣлать? Если меня не потревожитъ слишкомъ холодъ, голодъ, цынга и особенно смерть, то я желалъ-бы — писать. И знаете-ли, что меня больше всего побуждаетъ къ этому? То, что вы такъ дружески благословили меня на трудъ, то, что мнѣ стыдно-бы было явиться съ пустыми руками, не въ публику, а къ вамъ, въ вашъ маленькій кружокъ, самый маленькій, т. е. — да вы знаете, кто его составляетъ. Изъ постороннихъ прибавьте сюда Бенедиктова и Льховскаго, если только они посторонніе" . . .[1])

Гончаровъ чувствовалъ себя до крайности утомленнымъ. Душа его изнемогла отъ впечатлѣній, уже не хотѣлось новизны, но скорѣе покоя, чтобы разобраться во всемъ видѣнномъ.

Поэтому его не соблазнялъ путь черезъ Америку. Ему казалось, что, познакомившись на опытѣ съ тропическими красотами неба и моря, налюбовавшись бананами, пальмами, ананасами, всей этой „аристократіей природы", перевидавъ „плебеевъ" ея — негровъ, малайцевъ, индійцевъ, — онъ зналъ уже, что встрѣтитъ въ Америкѣ: „По тремъ извѣстнымъ, — говорилъ онъ, — легко сыскать четвертое, неизвѣстное."[2])

И Петербургъ не веселилъ: „Умственная дѣятельность вся опять сосредоточится въ департаментѣ, физическая въ хожденіи по Невскому проспекту, а нравственная — въ строгой честности, и то отрицательной т. е. не будешь брать взятокъ, надувать извозчиковъ, хозяина квартиры . . ."[3]) Но Петербургъ, по крайней мѣрѣ, на сушѣ. Въ морскомъ же путешествіи самой тягостной для Гончарова стороной была невозможность „изолироваться" отъ свѣжихъ крѣпкихъ вѣтровъ, отъ холода и зноя, отъ качки: во всемъ надо было принимать дѣятельное участіе, особенно въ штормахъ. Штормы отчасти напоминали Ивану Александровичу дѣтство. „Какъ буря разыгрывается, свирѣпѣетъ, грозитъ — точно, бывало въ дѣтствѣ грозятъ высѣчь, а стихнетъ вдругъ — будто простили."[4])

Въ двадцатыхъ числахъ іюня пріѣхалъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Н. Н. Муравьевъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ администраторовъ въ исторіи нашего Дальняго Востока. На совѣщаніи съ нимъ было рѣшено, не дожидаясь „Діаны", провести „Палладу" въ устье

[1]) То же письмо 15 іюня. — [2]) То же письмо 15 іюня. — [3]) То же письмо 15 іюня. — [4]) То же письмо 15 іюня.

Амура, команду же свести на берегъ и отправить въ Россію сухимъ путемъ. Отсутствіе извѣстій о „Діанѣ“ наводило на мысль, что она или захвачена непріятелемъ, или укрылась отъ него въ какомъ-либо нейтральномъ порту. Послѣ отъѣзда генералъ-губернатора „Паллада“ тронулась въ путь Татарскимъ проливомъ, гдѣ у мыса Лазарева былъ предпринятъ рядъ попытокъ ввести ее въ одинъ изъ рукавовъ Амура. Попытки эти, по причинѣ мелководья, оставались безрезультатными. Во время этихъ усилій пришло извѣстіе, что „Діана“ находится неподалеку, въ бухтѣ де-Кастри. Нетерпѣливый и отважный адмиралъ на шестивесельной гичкѣ проплылъ пять-десять милькъ фрегату, вернулся съ нимъ къ „Палладѣ“, послѣ чего оба фрегата вошли въ „Императорскую бухту“. Это произошло 26 іюля.[1])

Прибытіе новаго фрегата явилось крунымъ событіемъ для моряковъ, и Гончарову оно доставило большую радость: на „Діанѣ“ возратился лейтенантъ Бутаковъ, привезшій ему письма и вѣсти отъ друзей. Въ одномъ письмѣ оказалось цѣлое стихотвореніе, посланіе отъ Бенедиктова, гдѣ поэтъ разсказывалъ о совершенномъ имъ путешествіи и, между прочимъ, говорилъ:

Недавно, странникъ кругосвѣтный,
Ты много, много мнѣ чудесъ
Представилъ въ грамоткѣ привѣтной
Изъ-подъ тропическихъ небесъ.
Все отразилось подъ размахомъ
Разумно-ловкаго пера:
Со всею прелестью и страхомъ
Блестящихъ волнъ морскихъ игра,
Востока пурпуръ и Заката,
И звѣздъ брильянтовая пыль,
И въ парусъ вѣянья пассата,
И всемертвящій знойный штиль,
Всѣ переломы, перегибы,
И краски пышныхъ облаковъ,
И птичій взлетъ летучей рыбы,
И бытъ пролетный моряковъ.[2])

Гончаровъ былъ очень обрадованъ сердечными привѣтствіями друзей. Особенно тронуло его длинное, въ высшей степени задушевное и ласковое письмо Евгеніи Петровны. „Я нисколько не преувеличу, — писалъ онъ ей, — если скажу, что былъ счастливъ этими письмами“ . . .“[3])

---

[1]) „Морской Сборникъ“, 1856. — [2]) Стихотвореніе это было напечатано впервые въ „Отеч. Зап.“ 1858, кн. 10. — [3]) То же письмо 15 іюня.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій измѣнялся характеръ порученія, возложеннаго на адмирала Путятина, — изъ дипломатическаго оно становилось военнымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ мѣнялась и роль Гончарова при адміралѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, ему казалось, когда онъ, видя принимаемыя на кораблѣ военныя мѣры, чувствовалъ себя лишнимъ.

Въ виду неопредѣленности срока возобновленія японскихъ переговоровъ, онъ „намекнулъ" адмиралу о своемъ желаніи вернуться. Адмиралъ, видимо цѣня участіе Ивана Александровича въ возможныхъ переговорахъ, сначала не соглашался-было отпустить его, но затѣмъ, замѣтивъ, что онъ „сталъ скучать", „сжалился" и сказалъ: „Богъ съ вами, поѣзжайте: я знаю, что здѣсь вамъ скучно будетъ теперь."[1])

Гончаровъ вздохнулъ свободно — словно гора свалилась у него съ плечъ. Онъ началъ усиленно готовиться къ новому путешествію уже сухимъ путемъ.

Если онъ и оставлялъ адмирала не съ легкимъ сердцемъ, то во всякомъ случаѣ съ сознаніемъ добросовѣстно выполненнаго долга: онъ вынесъ на своихъ плечахъ большую и отвѣтственную работу. Дружески разставаясь съ нимъ, Путятинъ въ такихъ выраженіяхъ аттестовалъ его въ письмѣ къ морскому министру отъ 27 іюля: „Онъ (Гончаровъ), до конца пребыванія своего при мнѣ, отличался тою же дѣятельностью и усердіемъ, о которыхъ я уже свидѣтельствовалъ . . . Съ удовольствіемъ прибавлю, что онъ, по своимъ способностямъ и образованію, весьма полезенъ для службы, и я смѣло могу рекомендовать его вашему превосходительству для исполненія всякаго рода важныхъ порученій . . ." [2])

Ни одной бумаги, — признавался Иванъ Александровичъ, — не писалъ онъ, въ качествѣ секретаря, такъ усердно, какъ предписаніе себѣ самому, отъ имени адмирала, о безпрепятственномъ пропускѣ и всяческомъ содѣйствіи во время слѣдованія въ Петербургъ.

Наступили послѣдніе дни общенія Гончарова съ моремъ.

Въ первыхъ числахъ августа онъ не безъ грусти простился съ офицерами и фрегатомъ, съ которымъ сжился и сроднился, несмотря на всѣ пережитыя невзгоды:

[1]) „Черезъ 20 лѣтъ" — „Фрегатъ Паллада", т. II, стр. 525. — [2]) См. А. А. Мазонъ, „Матеріалы" . . . — въ „Русской Старинѣ", 1911, кн. X.

„Странно однако-жъ устроенъ человѣкъ: хочется на берегъ, а жаль покидать фрегатъ. Но если-бъ вы знали, что это за изящное, за благородное судно, что за люди на немъ, такъ не удивились бы, что я, скрѣпя сердце, покидалъ „Палладу"..."[1]) Такъ простился Гончаровъ со своимъ старымъ другомъ, котораго не надѣялся уже увидѣть болѣе. Онъ не видалъ, какъ разоружали „Палладу" и снимали съ нея все, что было наиболѣе цѣннаго и что въ иныя минуты дѣлало ее красивой и величавой. Объ этомъ сохранился разсказъ барона Н. Г. Шилинга, „офицера Діаны", 14 сентября[2]) послѣ того, какъ „Паллада" уже безъ орудій и груза совершила свое послѣднее плаваніе къ мысу Лазареву и вернулась въ Императорскую бухту, ее поставили на зиму въ Константиновскомъ заливѣ этой бухты, недалеко отъ берега, и для охраны оставили на берегу одного штурманскаго офицера и десять человѣкъ команды. „Перезимовавъ благополучно, команда на слѣдующее лѣто была отправлена на Амуръ. Надводную часть „Паллады" сожгли и затѣмъ потопили фрегатъ, боясь, что онъ можетъ попасть въ руки англичанъ."[3])

Генералъ-губернаторъ, вторично прибывшій для свиданія съ адмираломъ, уходилъ отсюда въ Аянъ на шкунѣ „Востокъ", на ту же шкуну перешелъ и Гончаровъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами, направлявшимися, какъ и онъ, черезъ Сибирь въ Россію. Оставалось „всего какихъ-нибудь 500 верстъ" до Аяна, перваго пристанища на берегахъ Сибири. Оттуда для Гончарова начинался долгій утомительный путь, но уже сухопутный, безъ тайфуновъ и качки, но со своими опасностями и тревогами. „Dahin, Dahin!" восклицалъ Гончаровъ.

Плаваніе до Аяна по „Охотскому морю" совершилось пріятно и весело.

„Отдай якорь!" — раздалось для насъ въ послѣдній разъ и сердце замерло, и отъ радости, что ступаешь на твердую землю, чтобъ уже съ нею не разставаться, и отъ сожалѣнія, что прощаешься съ моремъ, чтобъ къ нему не возвращаться болѣе.

Конецъ благополучну бѣгу,
Спускайте, други, паруса!..

воскликнулъ бы я, отъ избытка радости, еслибъ, въ самомъ дѣлѣ, это былъ конецъ бѣгу. Но десять тысячъ верстъ остается

[1]) „Фрегатъ Паллада", стр. 409. — [2]) „Русскій Архивъ", 1892, кн. 5. — [3]) „Русскій Архивъ", 1892, кн. 5.

до той красной кровли, гдѣ будешь имѣть право сказать: „я дома . . .!“[1])

17 августа Иванъ Александровичъ отправилъ Языкову первое письмо съ суши, изъ Аяна. Это письмо взялся отвезти лейтенантъ Савичъ, который, вмѣстѣ съ барономъ Крюднеромъ, ѣхалъ впередъ курьеромъ, тогда какъ Гончаровъ предпочелъ совершать путь, не спѣша, по мѣрѣ возможности и силъ.

„Милый другъ, Михайло Александровичъ, — писалъ Гончаровъ въ этомъ письмѣ. — Я расквитался съ моремъ, вѣроятно навсегда. Теперь возвращаюсь сухимъ путемъ, но что мнѣ предстоитъ, если бы вы знали, Боже мой! 4 тысячи верстъ и верхомъ черезъ хребты горъ, и по рѣкамъ, да тамъ еще 6000 верстъ отъ Иркутска. Теперь хлопочу о качалкѣ вмѣсто верховой лошади . . .“[2])

Въ качкѣ, родъ носилокъ, привязываемыхъ къ вьюкамъ двухъ лошадей, ѣздили обыкновенно „старухи и дамы“. „А старикамъ можно?“ спросилъ Гончаровъ. — „Можно,“ — „Ну, — такъ я поѣду въ качкѣ . . .“ [3]) Но качки Гончарову не удалось добыть. Бывалые люди предпочли отправить его верхомъ, въ чемъ ему не пришлось потомъ раскаиваться. Также верхами ѣхали и двое его спутниковъ-офицеровъ, позади шелъ цѣлый караванъ вьючныхъ лошадей, управляемыхъ проводниками-якутами.

Багажъ у Гончарова былъ большой, несмотря на то, что онъ оставилъ свои книги и журналы одному изъ мѣстныхъ поселенцевъ, а манильскія сигары раздарилъ офицерамъ шкуны. Когда поднялись на гору, одинъ изъ спутниковъ сказалъ ему: „Поглядите на море: вы больше его не увидите.“ „Я быстро оглянулся, съ благодарностью, съ любовью, почти со слезами. Оно было сине, ярко сверкало на солнцѣ серебристой чешуей. Еще минута и — скала загородила его . . .

Прощай, свободная стихія . . .“ [4])

Евг. Ляцкій.

[1]) „Фрегатъ Паллада“. т. II, стр. 417. — [2]) Письмо 17 августа (рук. отд. Академіи Наукъ). — [3]) „Фрегатъ Паллада“, т. II, стр. 421. — [4]) Ibid., стр. 427.

Masaryk a česká literatura.

II.

(Dokončení odstavce »Masaryk jako kritik slovesného umění«.)

Masaryk, jenž kladl takový důraz na jednotný názor o světě také v tvoření uměleckém a v pojímání umění, nemohl zajisté dlouho mlčeti k otázce u nás velmi životné — k básnickému eklekticismu.

Potíral jej hlavně v nejvýznamnějším zástupci jeho u nás, v Jar. Vrchlickém, v »nádherném a vpravdě básnickém představiteli našeho eklekticismu« (Č. otáz., 171 n.). Od let, praví auktor ve své stati o Vrchlického »Twardowském« (ND II, 315), stopoval všecku literární činnost našeho předního básníka velmi pozorně, studoval jeho básnické spisy velmi pilně a hlavní výtěžky svého studia i formuloval; činil tak brzy po svém příchodu do Prahy (»téměř před desítkou roků«; tamže, 316). O problému »Juliana Apostaty« s původcem jeho rozmlouval soukromě (t. 315).

Veřejně promluvil Masaryk o Vrchlickém několikráte. Posoudil jeho drama »Exulanty« (v Čase I, 1887, č. 2 n. — byla o tom již řeč). Později (Čas III, 317) kritisoval historické drama »Bratry« (hlásí se k autorství nejen zmínkou v posudku »Realism contra romantism«, nýbrž i slohem a názory svými). Vedle toho Masaryk napsal rozsáhlou stať »Několik myšlenek o literárním eklekticismu (»Twardowski« p. J. Vrchlického)« v Naší Době II, 1895, str. 314 n. a v témže ročníku ND, str. 558 a n. uveřejnil úhrnnou kritiku o dvanácti knihách Jaroslava Vrchlického, vyšlých za poslední dvě léta, o překladech i pracích původních. Vnější podnět k těmto článkům zavdaly tehdejší boje literární, přiostřené památným článkem Macharovým o Vítězslavu Hálkovi (v Naší Době II, str. 3 n) Redaktor Naší Doby osvětlil důvody, proč uveřejňuje své rozbory, v úvodu k stati o »Twardowském«: »Když muž toho významu, jaký se panu Vrchlickému obecně přisuzuje, ze směru svého dělá otázku naší literatury, obviňuje ty, kteří s jeho směrem nesouhlasí, z tendencí neliterárních — tu podle mého citu nestačí pouhá polemika, ale musí se přikročit k vážné a věcné diskusi, aby se ukázalo,

zdali, pro kterou stranu a do které míry obžaloba jest oprávněná. Trapnost nynější literární situace nedá se jinak odstranit.« Promluvit takto má za svou povinnost také jako redaktor Naší Doby. Jednotlivé myšlenky redaktor ukládal také ještě příležitě do jiných článků a kritik. Své zásady zdůrazňoval znovu zejména v polemických odezvách na projevy odpůrců v pravidelné společné hlídce časopisecké, podpisované značkou »Sursum.«

O historických dramatech Vrchlického Masaryk podal úhrnný soud v kritice o »Bratřích« (Čas III, str. 317): »Dramatické Muse Vrchlického nerozumíme: volba látky u všech tří řečených dramat (Julian Apostata, Exulanti, Bratři) je nadmíru vhodná a vděčná, název slibuje mnoho a čekáš ovšem veliké problémy; zatím dostává se nám práce, nemůžeme mírněji říci, než ukvapené a neprohloubené. V »Julianu Apostatovi« čekáme boj klasického pohanství a křesťanství — není tam toho boje; v »Exulantech« čekáme vážné rozjímání a světlo o slavné době naší bratrské historie — dostalo se nám francouzské cizoložné komposice, a »Bratři« podávají nám o málo více.«

U tak významného básníka, míní kritik, zaráží čtenáře nedostatek přesnosti a myšlenkové svědomitosti, nepieta k vlastnímu umění. V dramatech z české minulosti je to nepieta k historii, zejména bratrské, jíž nepochopil, povrchnost v řešení hlubších idejí, ať je to otázka odpovědnosti a mravní očisty láskou (v »Exulantech«), ať jsou to jiné problémy. Největším nedostatkem Vrchlického dramat jsou charaktery všech osob, jimž kritik věnoval velikou pozornost zejména v »Exulantech«, charaktery nejednotné, nedůsledné, ledabyle nahozené.

Chvatem v tvoření uměleckém a nezažitým přejímáním si spisovatel vykládá, že se Vrchlický od svého prvního vystoupení (»Z hlubin«) málo vyšinul, že se myšlenkový okruh této sbírky později valně nerozšířil, že životních problémů, pronesených již na začátku své básnické činnosti, Vrchlický v následujících přečetných pracích nerozřešil.

Zejména neustává Masaryk varovati před poesií pouze vyčtenou a ne prožitou, a to bylo u nás tehdy slovo velmi důležité a hlavně u Vrchlického ho bylo užito zcela případně. Před Masarykem zásadu tvořiti ze sebe zdůrazňoval v kritice i svým dílem životním hlavně Neruda. Již ve »Studiu děl básnických« Masaryk stanoví pro básníka za hlavní požadavek umělecké methody: »Ať dívá se básník do přírody, ať neučí se ze knih, jen z plného života, ať pozná ten svět

veliký a vznešený« (str. 12). O Vrchlickém pak pověděl při jedné příležitosti (»O realismu u nás«, Čas II, 88), že »se u svých francouzských, italských i německých »miláčků« neučí toliko formě, on nebéře z nich toliko předměty, ale myslí podobně jako oni, je jim do veliké míry kongeniální. (Že ovšem namnoze myslí jejich myšlenkami, zatím nás nezajímá).«

Knižní zdroje a jen knižní stopoval Masaryk hlavně na básnickém titanismu Vrchlického. V něm se český básník osvědčuje jako nesamostatný myslitel, jako eklektik závislý na cizích vzorech. Zmíním se o tom dále v souvislosti se světovým titanismem, jejž si náš kritik obral za předmět svého studia.

Proti jiným kritikům, kteří Vrchlickému vytýkali také jeho závislost na cizích básnících, hlavně na románských, Masaryk na něm rozpoznává silnější vlivy germánské, jmenovitě německé, nežli románské právě po vztazích podstatnějších: od německých básníků že přejímá filosofii, obzor myšlenkový a názory, z románských (hlavně od V. Huga, Leconte de Lisle, Carducciho a j.) vypůjčuje si formu, často i drobné myšlenky. Jako eklektik se Vrchlický dovede nadchnouti hned antikou, poněvadž se s abstraktní zálibou pro ni setkal také u cizích vzorů, hned pantheismem indickým, po případě spinozistickým i moderně monistickým a více materialistickým. V antice je to více obsah jednotlivých fabulí, látka, mythologická mašinerie, forma, vzývání antických představ, nežli celkový charakter, živý skutečný klasicism, t. j. pochopení antického života. Vše to prozrazuje nejslavnějšího českého básníka jako filosofického impresionistu bez ustáleného, jednotného a určitého názoru na svět. Proteovská fysiognomie básnická. »Jiná kniha, jiné stanovisko,« omlouvá svůj eklektism básník. Eklekticism z cizích básníků je kritikovi vysvětlením, že básník nepodává při tolika reflexivních básních nikde hlubší analyse české přítomnosti, že se k českým velikánům chová cize, třeba o nich pěl.

Vrchlickému Masaryk přičítá za zásluhu, že v mladých letech neohroženě vystupoval proti našemu obmezenému literárnímu a společenskému šosáctví a mravnímu jezovitství, že do naší mrtvoty vnášel cizí myšlenky, ale na budoucnost oslabil svou zásluhu právě svým myšlenkovým impresionismem. Zanášel do naší poesie některé prvky poesie dekadentské: utkvívání na vnější, smyslové formě, dekadentní smyslnost, zálibu v exotičnosti, aristokratism umělecký, subjektivism a p. Nejvlastnější síla Vrchlického je jeho smyslně erotický lyrismus, který asi vysvětluje jeho hrubý a nesprávný názor o ženě jako »rozkošné loutce lidské společnosti.« Jak opravdovým,

jak pokrokovým a vřele cítícím jeví se Masarykovi v názoru na ženu, ač je tu vůdčí ideou také láska, Machar ve sbírce »Zde by měly kvést růže«. S kritiky, kteří odmítali Vrchlického překlady cizích básníků (Lev Šolc, Vodák a j.), shoduje se i Masaryk. Vrchlický pracuje chvatně a povrchně a odtud nevěrnost jeho překladů: mnoho vynechává, stírá půvab a smysl originálu nevýraznými, zjinačenými obrazy svými, jiné rozplizuje; překládá i prostřednictvím německého překladu (na př. anglického básníka Rob. Browninga) atd.

Masarykova kritika Vrchlického vyznívá negativně. Básník má zajisté vedle vytýkaných nedostatků veliké hodnoty kladné, které hlavně způsobily, že literární historie mluví o škole Vrchlického — nevýznamný básník nezakládá básnické školy. Ani Masaryk neupírá Vrchlickému vynikajícího významu v české literatuře. Častěji mluví o jeho velikém nadání básnickém. Z jeho poesie uznává za nejkrásnější lyrické písně, v nichž básník podává city, nálady a myšlenky co možná jednoduché a zakončené — na př. kde mluví o lásce k ženě, k dítěti (ND II, 565). Od běžného oceňování Vrchlického se Masaryk liší tím, že necení tak vychvalované formální stránky v básních Vrchlického. I v »Twardowském« nachází pěkné a vtipné jednotlivosti. »Ale o ty neběží, n ý b r ž o c e l e k, o m e t h o d u« (ND II, 401).

*

Masaryk každou otázku, která se mu jevila význačnou, domýšlí důsledně a vyčerpává ji do všech podrobností. Z velikých problémů literárních byla to jmenovitě m y š l e n k a t i t a n i s m u, která jej poutala opět a opět. Pregnantním názvem poetický titanism Masaryk označuje odvěký boj o emancipaci ducha lidského a zároveň pokus o sociální normy čili jinými slovy: myšlenková i mravní revoluce proti posavadním ustáleným řádům a názorům náboženským a mravním. V titanismu vrcholí všecky problémy filosofické a náboženské (ND V, 1898, 147). »Faust« a faustovská idea našeho kritika pronásledovala již od let gymnasijních. »Léta a léta zrály tyto studie, léta a léta srovnával jsem všecky faustovské výtvory světové literatury a snažil se pochopiti je z celkového vývoje kulturního« (tamže 486). Po prvé změřil tímto svým rozhledem faustovské ideje ve světových literaturách a posoudil kriticky český epigonský výtvor, Jar. Vrchlického »Twardowského«. Po deseti letech se spisovatel vrátil k tomuto problému evropských literatur, aby se konečným jeho zpracováním této otázky zhostil. Učinil tak ve dvou rozpravách: »M o d e r n í č l o v ě k a n á b o ž e n s t v í«: 1. část s názvem: »U m d l e n é

duše: Moderní sebevražednost« (v N. Době IV, 1897, str. 28 n.); druhá část s druhým titulem: »Moderní titanism«. Pokračování má název, který byl napřed podtitulem; »Moderní titanism. A. de Musset: nemoc století« (v N. Době V, 1898, str. 32 n. a 142 n.). Druhý rozsáhlejší článek zní: »Goethův Faust: nadčlověk« (ND V, 385 n.). Obojí thema je spojeno společným pojmem titanism, jehož Masaryk užil již u Vrchlického.

Oba typy téhož problému podle Masaryka mají blízké příbuzenství. »Nemoc je táž: rozdvojenost a rozpolténost duše, boj ducha s hmotou, útěk před minulostí do neznámé budoucnosti, úsilí, alespoň plány života nového« (ND V, 385). Společný rozpor u básníka francouzského a německého, nesprávné rozpolťování člověka na bytost smyslnou a duchovou, rozpor těla a duše, lásky smyslné a ideální, světa a ducha; jen že u Goetha rozdvojenost tkví více v rozumu, u Musseta více v srdci. Tento rozdíl mezi obojím pojetím a zpracováním český kritik vykládá bystře hlavně vychováním náboženským: Mussetův titan je katolík, odbojce rouhavý, liberál, ale přece má ze své církve strach, odtud upadá v pověru; Goethův »Faust« je protestant, titan racionalistický. U Musseta je egoism citový, projevy vášně, u Goetha egoism rozumový, filosofický. Obojí charakter se pak význačně projevuje v příslušných literaturách. S katolíky se v podstatném pozměňování ideje sblížili spisovatelé pravoslavní, podléhajíce vědomě nevědomě také vlivům své církve. Moderní francouzský titanism provádí revoluci jen myšlenkově, ideově, nikoli mravně a sociálně . . .

»Ovšem není to maličkost, vysvléci starého Adama. Překonat — — obrodit — — jak snadná to slova a jak hrozně těžký skutek! Skutečné překonání starých a milých názorů, opravdové obrození mravní, jak veliký to úkol! Revoluce proti této reformaci je dětinská hračka« (ND V, 148). Mravní nemoc doby, nastalá tísní revoluce a válek napoleonských, projevovala se ve všeobecné skepsi a beznadějnosti; ty pak vedly k negaci dobrého a k necitelnosti. Z atheismu, hlásaného filosofií voltairskou, mládež vedena k blasfemii. Důsledkem všeho je pohlavní mysticism — význačná věc pro francouzskou literaturu, že spojuje pohlavnost s náboženstvím. V literatuře se provádí sofistický kult instinktu, obřadná apotheosa hmoty a smyslnosti pod rouškou náboženskou, po případě metafysickou a vědeckou. Masarykovi je to jen jezovitstvím pohlavnosti. Zejména Viktor Hugo se našemu kritikovi proti upřímnému a pravdivému Mussetovi jeví jako »jesuita vášně a citu«. Nakonec kritik podává souhrnný výklad,

jak se zobrazuje otázka lásky a pojetí ženy v novější francouzské literatuře.

Bez kritiky nepřijímá Masaryk ani veledílo Goethovo »Fausta«. Rozbírá je v jeho podstatě filosofické a ideové. Literární a esthetická stránka jeho je mu »podřízená a upřímně řečeno málo zajímavá« (387). Nejvíce pozornosti věnuje ještě charakteristice osob, v níž se obrací proti konvencím literárně-historickým. »Faust« je mu v celé své koncepci a celým svým prováděním zastaralý. Goethe je méně originální, nežli se má zato. Mužové jako Lessing a Herder neprávem bývají Goethem zastiňováni. Goethe je veliký umělec vypravovatel a má veliký a zvláštní dar bezprostřední lyrickosti. I ve »Faustovi« český kritik nachází dilettantism, který vytýkal různým našim i cizím literátům. Masaryk zde rozumí dilettantismem moderní synthesi různých a nejrůznějších prvků kulturních. U Goetha je to veliká synthese tvůrčí, umělecko-filosoficko-náboženská. »Faust« je podle Masaryka evangeliem egoismu; egoismu uvědomělého, egoismu rozumového, filosofického, egoismu hrozného. Ve »Faustu« není jednoty. Rozdvojenost jest u Goetha v názorech filosofických: u něho splývá starší názor dualistický s pantheistickým monismem, je Spinozista a zároveň Kantovec, racionalista věřící v rozum a v jeho všemohoucnost, kolísá mezi pojímáním metafysickým a ethickým, provádí konflikt mezi vírou a nevěrou; byl to filosofický a náboženský problém jeho doby a on jej sám uznával za nejhlubší a jediné thema dějin světových a lidských. Nábožensky je protestant zejména tím, že spoléhá úplně sám na sebe, ale má zálibu v katolickém romantismu, je křesťan a pohan, klasik pohan a humanitista; jeho humanitism je víc esthetický nežli ethický. Tyto prvky Goethe sloučil silnou osobností, ale životních záhad nerozřešil. Českému kritikovi je proti mysli, že Goethe z umění dělá jaksi náboženství. Nemoderní duch ve »Faustu« tkví v tom, že podniká v duchu XVIII. století revoluci rozumem, kdežto moderní doba — už u Francouzů Musset a j. — provádí ji citem. Moderní člověk se ve »Faustu« projevuje v tom, že je tu stálé hledání, neuspokojenost, jakási nervosní úsilnost a činnost. Faust je romantikem činu.

Stoje na širokém základě literatury odborné Masaryk se pokouší vystihnouti postavení Goethovo v německé literatuře. Dovozuje význam Goethův na epigonech, kteří si obírali vábivý faustovský problém: Otto Ludwig, Gottfried Keller, Heine, Lenau, R. Wagner, z nejmladších tehdy Gerh. Hauptmann. Z nich podle kritika nejdůsledněji problém řešil Lenau; »Heine titanism zžurnalisoval«; »slabošský

Nietzsche také pořád bramarbasuje o nadčlověku«. Pokus Hauptmannův, »Versunkene Glocke«, jenž je nezdařenou synthesí z Goetha (touha po omlazení) a z Rich. Wagnera (síla), pohnul našeho kritika k povzdechu: »Ach! kdyby ti moderní pánové věděli, jak ty jejich programy jsou prázdné a již nudné« (598). Stejně rozhodně Masaryk odmítá modlaření novějších německých literárních historiků a kritiků s Hebbelem. Později přidal k těmto básníkům ještě nejmladšího epigona titanismu, bližšího francouzským romanopiscům pohlavních excessů — Wedekinda (ND XVII, 1910, 36).

Básnické pokusy české o problém titanismu Masaryka obzvláště zajímaly. Vycházel od nejvýznačnějšího básníka českého titanismu, Jar. Vrchlického. Stopoval tyto pokusy básníkovy od prvních kroků jeho ve sbírce »Z hlubin« a v dalších spisech; důkladný rozbor věnoval, jak bylo již pověděno, epické skladbě Vrchlického »Twardowskému«. Právě tato skladba je mu dokladem toho, jak závislý je český básník na cizích vzorech. Vrchlický se kritikovi jeví jako nesamostatný eklektik, který se při řešení faustovského problému opírá hned o Goetha, hned o Byrona (»Manfred«, »Kain«), hned o Krasińského (Nebožská komedie), hned o Danta, nikde však nepodává z nich ani šťastnější organické synthese, nerci-li aby ideu titanismu řešil v duchu slovanském tím, že by byl vložil do básně, co sám vnitřně prožil. Eklektikem napodobitelem, skládajícím mechanicky cizí myšlenky v mrtvý celek, se Vrchlický prozrazuje v ideji i v podrobnostech, jak náš kritik ukázal na mnoha příkladech. Masaryk dobře vyciťuje a po prvé vyslovuje myšlenku, že faustovský problém není problémem českým ani slovanským. Je zajisté význačné pro slovanské literatury, že na ně svým titanismem působil mnohem více Byron nežli Goethe. Poláci jako národ šlechtický mají k němu nejblíže.

Proto se nezdařily české starší pokusy o řešení titanismu, na něž Masaryk ukázal v Čase 1905, č. 177: u Máchy, Vocelův »Meč a kalich«, Nebeského »Protichůdci«, Pflegra Moravského »Pan Vyšínský«, Fričův »Upír«, Sabinův (pseud. Arian Želinský) »Morana čili Svět a jeho nicoty«, Čechovi »Adamité«, Vrchlického »Twardowski«. Za nejfilosofičtější pokládá kritik román Sabinův. V celku však možná říci, že čeští básníci myslitelé nepřekonali cizích vzorů. Právě básníci nejsamostatnější nezpracovali problému titanismu: Neruda se o něj nepokusil, Macharův pokus o Fausta neopustil ani psacího stolku.

S titanismem bývá ve světových literaturách novějších ve spojení důležitý problém moderního tvoření slovesného, sebevražed-

nost. Tento závažný problém novodobé vzdělané společnosti Masaryk řešil filosoficky a sociologicky v proslulém spise »Der Selbstmord als sociale Massenerscheinung der modernen Civilisation« (1881). Teď své názory našel potvrzeny v typickém díle uměleckém, v Garborgově románu »Umdlené duše«, jehož rozbor, opírající se o bohatou literaturu básnickou i vědeckou, podal v Naší Době IV. Druhá část pojednání Masarykova je nadepsána »Moderní věda a filosofie pro náboženství«; zřejmo, jak úzce vidí autor spojeny vědu a umění. Pramen zla vyvěrá podle našeho filosofa z positivistického dilettantismu a z polovičatosti; z nich se rodí po stránce intelektuální filosofický pessimismus, po stránce mravní pak bezměrné sobectví. Umělci stejně jako filosofové volají po návratu člověka k náboženství, k víře, protože právě vědou a kulturou člověk ztrácel svůj jednotný názor na svět. Je to »boj o světový názor, boj o jednotnost a celost všech našich poznatků a soulad jejich s řádem společenským. Ty nepokojné, neklidné, rozčilené a unavené duše chtí konečně nalézt pokoje, klidu, smíru a nové energie k dalšímu žití a téměř všichni vidí pramen živící vody v náboženství a jeho usmíření s rozbouřenými myšlenkami. Lidé moderní chtí věřit, chtí věřit ve smír s filosofií, po případě i proti ní« (IV, 117). Masaryk jako filosof a sociolog hledá motivy novodobé sebevražednosti a psychosnosti v životě duchovním a mravním a tím je ve shodě s básníky mysliteli. Proti materiálnímu odůvodňování příčinami sociálními a hospodářskými se naprosto vzpírá. I v tom je důsledným ideálním realistou. Snaha jeho nese se k tomu, aby bylo zlo odstraněno a tím byla uvolněna cesta k životu zdravému a radostnému. Proto tak rázně odmítl řešení vraždy a sebevraždy v Dykově »Hackenschmidu«.

Po mnoha letech, letech, jež byla vyplněna prací jiného obsahu, Masaryk vystoupil stejně rázně proti literární dekadenci — kritik ji předtím sledoval v západních literaturách — tentokrát z vlasti Dostojevského. Podnět k svému vystoupení dostal z Arcybaševova románu »Sanin« (článek »Saninism« v N. Době XVII, 1910, str. 31 n.). Stať ohlašuje jako »výňatek z většího celku« — patrně z díla »Rusko a Evropa.«

Slova kritikova o degeneraci ruských vzdělanců, povrchních epikurovců, chorobných prostitutů, jejichž heslem životním je jen výstřední a zvrácená smilnost, sebevražda, vražda, znějí ostře, ale když je čteme dnes, po těžké katastrofě, také varovně, beznadějně — není to dojem ex post. »Sociální a politický význam této literatury a těchto lidí je právě jen hniloba, degenerace« (str. 37).

Jako kritik se Masaryk všude dívá na naše zjevy literární s širokého hlediska literatur světových. Právě tak i na naši literární historii. »Člověk bažící a hledající musí ven a musí ven sám a sám, musí si proklestit dráhu pralesem světové literatury« (ND II, 405). Ukazuje, jakou důležitost má pro nás znalost cizích řečí — české spisovatelstvo právě znalostí cizích literatur se povzneslo. »Znám spisovatelstvo české dosti dobře a studoval jsem je i po této stránce pečlivě. Všímal jsem si cizích vlivů, všímal jsem si, jak působí různé vlivy, německý, francouzský a j.; vůbec smím říci, že jsem věc, seč jsem, si promyslil i přiznávám se, že spisovatelé (je jich ovšem málo) odchovaní pouze naší literaturou jsou přímo žalostní, tak chudí na obsah a tak nemysliví. A co platí o spisovatelstvu, nutně platiti musí o každém vzdělanci«... (Naše nynější krise, 126.)

Ve svých kritikách českých děl básnických Masaryk vždy poukazoval na to, jak to či ono thema, tu či onu otázku zpracovali básníci světových literatur. Svůj předmět se snažil vyčerpat dopodrobna přehledem příslušné látky literárně historické až po svou dobu. Při rozboru Vrchlického »Exulantů« srovnává, jak se básníci světových literatur dívali na historii a řešili na historických námětech rozmanité závažné problémy (Čas I, 46 n.); při »Konci Hackenschmidově« cizí díla, pod jejichž vlivem byl román psán (Čas 1905, č. 167 a 174) a j. Nežli sám pojednal o »Moderním titanismu«, o »Goethově Faustu: nadčlověku« (ND V, 33 n., 142 n., 385 n.), poučil se napřed zevrubně o věci v odborné literatuře. Filosof sociolog a politik projevuje podivuhodnou rozsáhlou zčetlost v poesii světové a přesně hodnotí světové spisovatele.

V naší literatuře Masaryk postihoval u mnohých děl závislost na literatuře německé. Přičiňoval se hned o to, abychom si tento neutěšený fakt uvědomili a snažili se z tohoto jednostranného vlivu vymaniti. Pronesl o tom již v druhém ročníku »Athenaea« varovná slova: »Musíme žádati po nové generaci naší, aby osvojivši si znalost řeči více než jedné, ve vědě stala se světovější, abychom čerpali poučení ze živého pramene literatur všech, neboť pohodlná závislost národa na jedné literatuře značí smrt vědeckou i národní.« Proto »Athenaeum« upozorňovalo na plody literatur světových, jako se to u nás nedálo až do té doby nikdy. Masaryk zejména těžce vytýká naši netečnost k literaturám slovanským: »Neostýchám se pověděti, že takovou neznalost Slovanstva, jaká se jeví u nás, sotva kde jinde nalezneme, považíme-li, že si hrajeme na šiřitele idee slo-

vanské.« (Athen. II, 122). I Němci byli v tom k národům slovanským pozornější nežli my. V literatuře básnické poznává, kterak vliv ruských realistů pronikl již až do francouzské literatury (Čas II, 6). k nám však bohužel v té době ještě ne. Ruská literatura by nás vyvedla z německo-francouzské mlhoviny, které by se už sami Němci rádi zbyli (t., 6.). Přiblížit nás literárně Rusku, k tomu směřovalo usilování Masarykovo. Naše romanopisce, kteří chtěli psát realistické romány, posílal na učení k romanopiscům ruským a anglickým (Čas II, 27 a 67). Největší jeho dílo je věnováno právě Rusku — »Rusko a Evropa.«

Masaryk v uvedeném článku, jímž hájí svého posavadního postupu ve své vědecké revui, vykládá také, proč je nucen obírati se v ní tak značně odbornou literaturou německou, což mu česká kritika měla za zlé: »Ze sta našinců vědců« — praví tak r. 1884 — »snad ani pět nás nečerpá z literatur neněmeckých.« Stejně studentstvo a vzdělanci. A proto u nás je nutna kritika spisů německých. Při tom redaktor káral dvojakost spisovatelstva i vzdělanců: před národem se zříkaji němectví, a potajmu čtou a opisují knihy a časopisy jen německé. Němci však si všímají horlivě také cizích spisů, hlavně francouzských a anglických, a znamenitější z nich si hned překládají. A my je poznáváme zpravidla prostřednictvím německým.

Tedy odněmčit se, jak by se řeklo novějším výrazem, znamená pro Masaryka ne vzdávat se vůbec plodů německého ducha, nýbrž bránit se výlučnému a nekritickému přejímání jen z literatury německé, v čemž bystře uznamenává kulturní a národní smrt. Také v poesii učí rozeznávat: odmítá na př. Spielhagena, Dahna, Eberse a j., kteří u nás tehdy měli vysoký kurs, — právě tak jako V. Huga — že »nikdo v nich nehledá velikého a pravého umění« (Čas I, 56; podobně v Čase II, 27), zato však mluví s úctou o vlivu Herderovy humanity na naši literaturu, váží si básníků skutečně geniálních.

Učit se u jiných, avšak při tom zůstat svým — tak rozumí Masaryk studiu literatur cizích. Se souhlasem cituje o tom slova Nerudova (Čes. otázka, 140): máme se seznamovat s myšlenkovým světem jiných národů »a zpracujme pak v sobě vše v celek nový s tím, co jsme s mateřským mlékem už obdrželi a ve vlastech svých seznali. Bude to pak zajisté slovanské, poněvadž co Slované jinak tvořiti nedovedeme«.

Cizí vlivy a česká svéráznost — o té důležité otázce Masaryk mnoho myslil. Nejvýrazněji se o ní vyslovil v článku »Několik

myšlenek o literárním eklekticismu« (ND II, 317 n.) asi v tomto smyslu: Člověk silný a pevný nedá se cizí silou zničiti, zůstává svým i pod cizím vlivem. Samostatný je, kdo cizí myšlenky prožije, procítí a z nich pak plodí myšlenky nové. »Světovost, universálnost netkví pouze v poznávání všeho, co světová literatura ryzího a velikého vypěstila, ale spočívá hlavně v tom, aby básník, umělec, myslitel k tomu přidal část své duše a aby to, co tížilo a svíralo srdce a mozek všech předchůdců, pověděl ve formuli své a tím svého národa. Světovými jsou všichni básníci hlubocí a národní« (ND II, 407).

Při tom Masaryk odmítá kosmopolitismus a beznárodnost. »Kosmopolitism« — cituje Turgeněva — »je nesmysl, kosmopolita je nula, méně než nula. V nenárodnosti není ani umění, ani pravdy, ani života, není ničeho.« (Naše nynější krise, 146).

Českost vyjádřiti svým uměním a ovšem také rozumováním ji určiti, snažili se již starší spisovatelé před Masarykem: Čelakovský, Erben, Havlíček, Němcová, Neruda a jiní. Postupuje se při tom víc a více do hloubky. Čelakovskému stačilo, aby básník zmohl českou látku i formu, obojí nacházel v českém lidu venkovském a v lidové poesii — tenkrát bylo ještě lidové zároveň národním, protože se život vzdělanějších vrstev českých většinou jevil v rouše cizím: německou řečí, německými způsoby. Čelakovský první uvádí do české poesie konkretní postavy ze života lidového, mluví skutečnou jejich řečí, ovšem umělecky zkrášlenou a zmocněnou. Z jeho řeči mluví českost jako ze žádného z našich buditelů před ním. Erben se snaží proniknouti více k davové duši českého lidu — vystihuje českost základními ideami lidových tradicí českých a slovanských. Němcová pronikla hloub k duši českého člověka a zálibu pro prostého českého člověka stupňovala v sociální cítění stejně jako Neruda. Neruda podal konkretní příklad, kterak řešit českost umění básnického ve známém hlubokém feuilletonu o poetičnosti Prahy.

Masaryk vidí — zapadá to do jeho celkového nazírání na náš život — šťastný postup k českosti umění v tom, že básníci zachycují typy českého člověka, že pro ty postavy sahají do života lidového. »Obzvláště Neruda zachytil mistrně některé typy českého člověka a je posud nepřekonaným básníkem českým a slovanským, slovanským proto, že českým, a českým proto, že lidovým a přímo sociálním« (Č. ot., 141). Mladším básníkům (t. j. v letech devadesátých) spisovatel přičítal hlavně za zásluhu, že »hledají konkretnějšího člověka českého a nalézají ho přirozeně na venkově a v těch třídách lidu, které vývojem kulturním nejméně byly zasáhnuty. Je to směr

zdravý, směr lidovější, národnost postihuje se jako lidovost. V lidovosti je českost a slovanskost určitá, konkretní, živá« (tamže). Umění, aby bylo české, musí být české nejen látkově, nejen lidovostí, nýbrž i v koncepci a technice, vykládá auktor mluvě o českém umění výtvarném a dále i o hudbě (Č. ot., 142, a 172 n.); »sujet historický, třeba i vlastenecký skutečného rázu národního ovšem nikterak nezabezpečuje.« Masaryk nepřestával jen na těchto požadavcích, nýbrž pronikal hloub, chtěl, aby umělec podával českou duši, naplněnou těmi ideály a tužbami, jaké uváděli do svých děl již naši nejpřednější buditelé a jejich pokračovatelé — ovšem v podobě neustále zdokonalované, tužby prohlubované. Umění vpravdě národní musí se doplňovati také národní filosofií a vědou, národním školstvím a vší prací osvětnou (Čes. ot., 143 n.).

*

Shrnuji, aby takto jasněji vyniklo, co Masaryk prokázal svými kritikami české literatuře. Bohatství myšlenek, kterými oplývají všecky spisy Masarykovy, domýšlení problémů do všech důsledků jsou přednostmi také jeho statí kritických. Masaryk potíral všelikou povrchnost a mělký dilettantismus jak v uměleckém tvoření, tak i v nazírání na umění.

Masaryk upírá svou pozornost skoro výlučně k básníku mysliteli a k básníku jako tvůrci mravních hodnot. Básník umělec ho nezajímal. Proto se odvracel od formy básnické — v tom se stával až jednostranným. Opět a opět zamítal l'art pour l'artisme.

Od básníka myslitele žádá, aby se propracoval k vlastnímu pevnému jednotnému názoru na svět a na život. Protiví se mu eklekticismus v umění, jehož podstatu a ráz on u nás po prvé objasnil. Zamítá kompromisování v názorech literárních. »Nenávidím kompromissy; v nich se assimiluje svěží, čerstvé staršímu, ztrnulému« (ND III, 654). Proto žádá po spisovatelích určitost a důslednost v myšlení i v tvoření uměleckém. Vlastní úvahy kritikovy o dílech básnických jsou právě dokladem jednotného, důsledného názoru na život. On bojoval za nové směry v umění, o nichž nabyl přesvědčení, že znamenají pokrok a že umění obohatí; sám se snažil nový směr prohloubit a povznést (na př. realismus). Vyvolený princip umělecký má být prováděn do všech podrobností.

Masarykovo mravní hledisko není moralistní. Hlavní požadavek jeho je, aby básník to, čemu dává umělecký tvar, skutečně prožil a protrpěl; on musí vždy vážiti z hloubi své duše. Poesie musí

být životem, poesie česká životem českým. Tím jí bude vtištěn ráz český. Cizí vzory má znát český básník, ale musí je překonati. Umělec má tvořit za vědomí co největší odpovědnosti. Náš kritik pokládal stejně za svou povinnost a odpovědnost, vystupovat rázně proti směrům v umění — jako ve všem životě —, když zaviňují mravní úpadek; tak na př. proti liberalistickému indifferentismu náboženskému, proti dekadenci v nazírání na život pohlavní, proti psychosní sebevraždivosti, proti »saninismu« a p.; vedou k demoralisaci a k degeneraci. Na náboženství v umění Masaryk klade obzvláštní důraz. Směle vystupuje proti populárním tendencím a heslům, kryje-li se jimi pohodlnost a nedomyšlení. Tak v nazírání na vlastenectví v letech osmdesátých minulého století. Masaryk tento ideál bourал, to mu bylo vykládáno za vlastenecké provinění. On však není nevlastenecký. Jeho pojetí vlastenectví hledalo i nacházelo nové hodnoty pro naši kulturu.

Masarykovo nazírání na umění je prohřáto citem humanity.

Z Masarykových kritik a úvah vyplývá plně jeho vlastní smýšlení — jako ze všech jeho spisů, ze všech jeho řečí i činů.

Z těchto kritik proniká upřímný a důsledný demokratismus ve smýšlení spisovatelově. Zavrhuje aristokratism umělecký, ať je to Vrchlického hrubé odmítání »davu« — odi profanum vulgus — a pojetí básníka jako vyšší bytosti (ND II, 562), ať je to Goethův aristokratism jako životní prakse (ND V, 311) nebo wagnerovský aristokratism kompromisní či nadčlověk Nietzschův. Přímo revolučně demokraticky zní Masarykovo vyznání: »Mně projev každé duše, i když nenapsala a nevytvořila velikého díla, je tak zajímavý jako duše Goethovy, Nietzschovy« (ND IV, 35). Nebo ještě výraznější místo (ND V, 596): »V revoluční náladě wagnerovskému aristokratovi není protivný ani dělník, vždyť ví, že revoluci provede jen on, genius a pravý umělec a prorok budoucnosti.« Masaryk usiluje o zlidovění umění a to umění jdoucího do hloubky, umění pokrokového. Pro zjevný demokratism, tak vřele cítící s člověkem nejprostším, jsou auktorovi tak milí romanopisci ruští Dostojevský, Tolstoj. Ideální altruista, jako je Masaryk, nachází v nich hlasatele stejně smýšlející a pracující k témuž cíli. Z německých básníků jsou mu pro tuto nestrojenou lidovost sympatičtí Otto Ludwig a zvláště Gottfried Keller. »G. Keller svůj lid upřímně miluje a to je mnohem více než socialistický program Arna Holza (Buch der Zeit — Lieder eines Modernen«; ND V, 599). Z našich lidí tuto demokratičnost a vřelou lidovost Masaryk cení u Havlíčka, u B. Němcové, u Nerudy, u Machara

Masaryk zaujímá také *sociálně pokrokové a mravně povznášející stanovisko k ženě.* Všude hájí její čistoty, jejího osvobození z nedůstojného područí. Jak výlučně svým a samostatným dovede být Masaryk v nazírání na ženu, lze doložiti jeho soudem o Goethově Markétce, která se slavívá jako nejčistší a nejkrásnější z žen. Náš kritik tento běžný názor zamítá právě z úcty k ženě. Celé stati Masarykovy a jednotlivé kritiky jsou vlastně apologie ženy, její cti a důstojnosti lidské; zároveň čtenáře vedou k vážnému nazírání na otázku ženskou jako problém sociální a všeobecně lidský.

Důsledně musel odmítnouti pojetí ženy, jak se jeví v básnických pracích Jaroslava Vrchlického, ať dělal z ženy českobratrské cizoložnici, ať ji v jednotlivých básních snižoval na hříčku vášní a choutek mužových. Naopak si váží nového důstojného nazírání na ženu u Machara, jak o tom byla již řeč. Proti materialistickým názorům hlavně o volné lásce, u nás nekriticky přejímaným z cizích spisů od mladších spisovatelů, Masaryk vystupoval rázně v kritice o literárním orgánu pokrokového hnutí, o Škábových »Nových Proudech« (v Čase 1893; kritika byla převzata jako II. kapitola do spisu »Naše nynější krise«, 1895, str. 25—42; zároveň příklad Masarykovy kritiky všestranné). Stejně důrazně a pevně se Masaryk postavil proti pojímání »života« u nejmladší tehdy generace básnické (V. Dyka, V. Mrštíka, Stan. Neumanna, Hilberta). V projevech o »životě«, o »radostech života« nevidí nic než alkoholismus a Venus vulgivagu. (V »Rozhledu církevním životem« v Čase XVI, 1902, v č. 88. z 30. března.)

Masarykovy kritiky byly součástí jeho *bojů za ideu.* On pak tyto boje vedl vždy *mužně, bez dvojakosti a s pevnou vůlí.* Právě, že si volil za předmět svých kritik díla jmen slavených, populárních a zachovával k nim své pevné a nekompromisní stanovisko, dával mladším kritikům příklad velikého charakteru, nebojácnosti. Jeho filosofické vzdělání bylo mu nápomocno, že nepřejímal nálad a posuzování tak zvaného veřejného mínění, nepřinášel si již předem pro určité lidi a zjevy pouhý obdiv, jak to bylo běžné, a že jeho kritický rozbor nebyl předem zabarven nekritickým zaujetím.

Odtud mají jeho literární díla tak význačný a osobitý ráz. Ráz své osobnosti dovedl vtisknout i svým časopisům, »Athenaeu«, »Naší Době« i »Času«. »Naše Doba« na př. zřetelně ukazuje, čím se Masaryk v kterém období nejvíce obíral. A není to jen v jeho rozpravách, nýbrž i v článcích jiných přispěvatelů. Síla osobnosti.

Po svém příchodu do Prahy psal Masaryk opět a opět o tom, jak nízká je úroveň české kritiky beletristické. Byla také nemalá zásluha jeho, že se česká kritika za necelých deset let vyšinula na značnou výši. Masarykovy kritické práce zůstavily nejen ve vývoji české kritiky beletristické, nýbrž i v české poesii samé vlivy hluboké a trvalé. Zevrubnější stopování jejich zasluhovalo by samostatné studie.

Jan Jakubec.

Къ исторіи изданія Флоріанской Псалтыри.

(Неизданное письмо Копитара Варшавскому Обществу Друзей Наукъ).

Заслуга перваго научнаго сообщенія о т. н. Флоріанской псалтыри, открытой библіотекаремъ монастыря св. Флоріана, близъ Линца, каноникомъ Іосифомъ Хмелемъ, nomine tantum, non sermone Slavo, — по выраженію Копитара, не знавшимъ польскаго языка и не сумѣвшимъ оцѣнить значеніе памятника, принадлежитъ безспорно вѣнскому славису и библіотекарю. По полученіи свѣдѣній о замѣчательной рукописи отъ Хмеля, Копитаръ немедленно подѣлился ими съ краковскимъ профессоромъ, большимъ знатокомъ старой польской письменности Г. С. Бандтке, къ которому, впрочемъ, въ недалекомъ еще прошломъ относился съ нескрываемымъ недовѣріемъ. Съ открытіемъ величайшей важности памятника старались связать свое имя и случайные посѣтители монастыря св. Флоріана, какъ, напр., баронъ Гормайръ, въ застольной бесѣдѣ съ Копитаромъ узнавшій кое-что о Псалтыри и какъ-то, на пути изъ Баваріи ночевавшій въ монастырѣ. Съ обычной ироніей говоритъ о немъ Копитаръ въ сообщаемомъ ниже письмѣ.

На основаніи тѣхъ незначительныхъ данныхъ, какія ему были доставлены, Бандтке написалъ небольшое разсужденіе: „De psalterii Davidici trilinguis, latino-polono-germanici, codice manuscripto, exstante in Bibliotheca Canonicorum Regularium ad st. Floriani in Austria Superiori . . .“ (Cracoviae, 1827). Книжечка вышла въ свѣтъ на средства Краковскаго ученаго общества „безъ замедленія“ со стороны Бандтке, sine mora publicatus libellus, — по свидѣтельству Копитара. Важность открытія побуждала возможно скорѣй ознакомить съ нимъ ученый міръ польскихъ филологовъ.

Разсужденіе Бандтке, несомнѣнно, должно было обратить вниманіе ученыхъ поляковъ на этотъ важный памятникъ польскаго языка, и прежде всего, того ученаго собранія, которое столь много поработало на поприщѣ изученія и разработки польской письменности. Освѣдомившись отъ Бандтке о замѣчательномъ открытіи, предсѣдатель варшавскаго Общества друзей наукъ (Towarzystwa Przyjaciół Nauk) Нѣмцевичъ обратился непосредственно къ Копитару съ просьбою доставить болѣе подробныя свѣдѣнія о находкѣ („o nadesłanie bliższych owego ważnego odkrycia szczegółów“, Kraushar A., Tow. Warsz. Prz. Nauk, III, 376). Предварительное сообщеніе Бандтке, очевидно, не могло удовлетво-

рить ученой пытливости членовъ варшавскаго Общества. Необходимо было обратиться къ тому, кто далъ матеріалъ для перваго извѣстія Бандтке о Псалтыри.

Копитаръ давно уже числился въ рядахъ ученыхъ сочленовъ заслуженной въ наукѣ варшавской коллегіи. Еще въ концѣ 1814 года знаменитый лексикографъ Линде рекомендовалъ его Обществу, оцѣнивая, впрочемъ, не столько его ученые труды, сколько предусматривая тѣ полезныя послѣдствія, какія проистекутъ отъ сношеній съ нимъ для польской науки. „Jest on, — докладывалъ Линде, — autorem gramatyki pod tyt.: Grammatik der slavischen Sprache in Krain, Kaernthen und Stayermark. Inny powód ma podający do jego zalecenia, że Kopitar, będąc redaktorem Gazety Wiedeńskiej, tudzież sekretarzem biblioteki cesarskiej w Wiedniu, mógłby dla nas stać się użytecznym w udzielaniu potrzebnych wiadomości dla języka i narodu naszego". Обращеніе Нѣмцевича къ Копитару было, повидимому, первымъ шагомъ въ этомъ направленіи за 15 лѣтъ, истекшихъ со времени избранія вѣнскаго слависта въ члены Общества друзей наукъ. Подъ вліяніемъ разсужденія Бандтке Псалтырью заинтересовался и гр. Ст. Дунинъ-Борковскій, вскорѣ обратившійся къ Копитару съ просьбой предоставить ему списокъ рукописи для изданія ея. Уже въ началѣ 1830 года графъ получилъ эту копію непосредственно изъ рукъ самого Хмеля, въ присутствіи Копитара и своего племянника гр. Іосифа Дунина-Борковскаго, извѣстнаго эллиниста и поэта. По совѣщаніи аббата монастыря св. Флоріана съ братіей честь изданія Псалтыри рѣшено было предоставить Д.-Борковскому.

Нѣсколько неожиданнымъ поэтому кажется обращеніе послѣ этого Копитара къ варшавскому Обществу друзей наукъ, въ письмѣ отъ 24 мая 1830 г., какъ къ учрежденію, особенно радѣющему объ изученіи отечественнаго языка, съ предложеніемъ озаботиться достойнымъ изданіемъ драгоцѣннѣйшаго памятника. Онъ указываетъ Обществу на заслуживающій подражанія примѣръ англичанъ и французовъ и даже русскихъ въ дѣлѣ изданія памятниковъ старинной письменности. Упоминая спеціально о русскихъ, Копитаръ несомнѣнно имѣлъ въ виду великолѣпныя изданія гр. Н. П. Румянцова, — труды Калайдовича, Востокова, Кеппена.

Отвѣчая 24 мая 1830 г. Нѣмцевичу на его обращеніе, Копитаръ въ письмѣ на французскомъ языкѣ совѣтовалъ издать Псалтырь, какъ le plus ancien monument de la langue polonaise. Письмо отъ того же 24 мая 1830 г. на латинскомъ языкѣ, адресованное Обществу друзей наукъ, содержитъ, какъ мы видимъ, тотъ же совѣтъ. Слѣдуетъ пожалѣть, что усердный лѣтописецъ дѣятельности Общества (Kraushar A., op. c.) не напечаталъ этого французскаго письма полностью въ своихъ обильныхъ addenda, если оно сохранилось въ дѣлахъ Общества.

Копитаръ въ своемъ безмѣрно рѣзкомъ отвѣтѣ гр. Дунину-Борковскому на его реплику: „Zur Geschichte des ältesten pol-

nischen Psalters“ (Wien 1835) заявляетъ, что онъ сдѣлалъ предложеніе издать Псалтырь Варшавскому Обществу друзей наукъ раньше, чѣмъ удостоилъ этой чести графа, и прямо ссылается на письмо отъ 24 мая 1830 г, которое, по его мнѣнію, должно было попасть въ Петербургъ съ увезеннымъ туда архивомъ Общества. Къ такимъ же документамъ, свидѣтельствующимъ въ его пользу въ спорѣ съ графомъ, онъ относитъ и письма свои къ Бандтке и къ пулавскому библіотекарю Сенкевичу (Cf. Anti-Tartar, S. 9); нигдѣ однако не упоминаетъ онъ о письмѣ къ Нѣмцевичу.

Одновременно съ письмомъ Копитара было доложено Обществу и письмо гр. Дунина-Борковскаго. Графъ, на котораго, какъ на простого издателя (Verleger), который возьметъ на себя расходы по печатанію, возлагалъ надежды Копитаръ, ищетъ моральной поддержки у варшавскихъ ученыхъ и изъявляетъ готовность издать всю Псалтырь, если бы подобныя изданія могли имѣть сбытъ въ Польшѣ; на это, однако, онъ не расчитывалъ, когда просилъ Нѣмцевича: „Chciej mnie JW. Pan uwiadomić, czyli wydanie tego Psałterza byłoby rzeczą pożądaną w Polsce... Siedząc prawie za granicą i mając tyle wydatków nie chciałbym powiększać ich na wydanie książki, którą niewątpliwie nasza publiczność obojętnie przyjmie, albo wcale nie przyjmie.“ Едва ли при такомъ скептическомъ отношеніи къ своему ученому проекту графъ могъ бы расчитывать на поддержку Общества; впрочемъ, всѣ эти переговоры относились уже ко второй половинѣ 1830 г., — ближайшія событія жизни Польши, ноябрьское возстаніе 1830 г. и гроза, вслѣдъ затѣмъ разразившаяся надъ ученымъ Обществомъ въ 1831 г. и разметавшая его силы, не позволили осуществиться этому намѣренію. Только въ 1833 г. Дунинъ-Борковскій приступилъ при ближайшей помощи Копитара (pod wyłączną mozolną Kopitara korektą) къ изданію, появившемуся въ свѣтъ въ Вѣнѣ въ 1834 году и послужившему причиной очень рѣзкихъ выступленій Копитара и споровъ его съ графомъ.

Письмо Копитара Обществу друзей наукъ отъ 24 мая 1830 г., столь важный для него документъ въ спорѣ его съ гр. Дунинымъ-Борковскимъ, сохранилось въ подлинномъ видѣ. Несомнѣнно, оно по содержанію аналогично съ французскимъ письмомъ къ Нѣмцевичу, къ сожалѣнію, въ полномъ текстѣ до насъ не дошедшимъ.

Вл. Францевъ.

Societati reg. literariae Varsaviae

institutae

Bartholomaeus Kopitar S. P. D.

Si poenitendo corrigitur error, ut Ciceroni videbatur, nae ego dudum expiaverim admissum A. 1815 peccatum, quod de honorificentissima immeriti adlectione Societati Vestrae, Viri amplissimi,

non, ut oportebat, rite rectâque egi gratias, sed vix mediocriter per ambages ephemeridum Vindobonensium. — Quid multa? Malo etiamnum Vestram potius veniam implorare, quam excusationem etiam plausibilem adferre, quae eo anno undique turbatissimo nemini facile defuerit. —

Ut autem animum meum gratum, memoremque beneficii & Societatis Vestrae studiosum videatis, patimini, Viri amplissimi, me Correspondentis Vestri officium inchoare ita, ut Vos commonefaciam de monumento linguae Polonicae omnium hucusque notorum facile antiquissimo & ditissimo.

Est is codex membraneus Psalmorum integer, existens in Coenobio Canonicorum regularium S[ti] Floriani, in Austria superiori, inter Ens & Lincium civitates, olim inter A. 1370—1382 exaratus linguis latina, polonica & germanica se invicem excipientibus ad singulos psalmos, destinatus Mariae, filiae Ludovici Magni, — Casimiri Vestri itidem Magni nepotis, vestrique, post mortem avunculi, simul & Hungariae Regis. Scriptum esse codicem pro Maria, destinatâ Poloniae reginâ, praeter alia peremtorie evincit idemtidem in codice recurrens imago Angeli, altera manu Hungariae sub Andegavensibus arma, altera M literam Mariae initialem protendentis.

Supervacaneum esset monere, hunc librum precatorium scriptum pro Maria, nata 1370, destinata cum Sigismundo ad regnum Poloniae 1372, oportere concessum fuisse 1382 à Maria minori sorori suae Hedwigi, immortali vestrae & φιλοπατριδεςάτῃ reginae.

Certe hinc liquido & extra omne dubium patet, codicem non posse esse juniorem a. 1382, nec antiquiorem a. 1370. Ad nos delatum putem cum regina Catharina, † Lincii A. 1572. Ante quam haec omnia & singula, quae Vobis exposui, ipse perlustrato toto codice, collegissem, obiter monitus a coenobii dicti bibliothecario, Jos. Chmel, nomine tantum non sermone Slavo, statim tamen agnoram rei gravitatem, & collegae nostro G. S. Bandtkie nunciaveram Cracoviam, qui & ipse sine mora publicato, ut nostis, libello rem propagavit. Simul edoctus per me inter coenam liber baro Hormayr, qui redux tunc e Bavaria pernoctarat in eodem coenobio S[ti] Floriani, turpe sibi putabat ignorare tam nobile εὕρημα, nec indignum ratus est ab alio indicatum tanquam a se repertum vindicare. Haec historice indicasse sufficiat, defendere & ulcisci nil opus est.

Vos interim, Viri Amplissimi, videbitis, an non haec quasi divinitus Vestrae Societati porrigatur occasio, de primario Societatis scopo, lingua scilicet patria, bene merendi, curandâ diligenti simul & splendida hujus antiquissimi monumenti editione, ut Angli & Galli, imo jam & ipsi Russi solent in talibus.

Equidem, praeter Bandtkium, etiam ad Puławensem bibliothecarium Sienkiewicz de hoc codice scripseram, illectus nitore typorum Puławensium ex Anglia advectorum, ipsumque rogaram, ut ad Vos

de editione codicis referret; sed vereor, ne ille litteras meas non acceperit ad Bandtkium inclusas, cum nil hucusque responsi receperim.

Imo & Comiti Josepho Dunin-Borkowski, Leopolitano & vestro itidem Socio procuravi apographum p r i m u m supradicti bibliothecarii Chmel: — sed nunc demum video, me debuisse p r i m o facere, quod nunc facio, id est, rem totam r e c t a v i a Vobis vindicare & vestro sapientissimo judicio & patrocinio dignissimo committere. Valete & favete. Dabam Vindobonâ die 24 Maji 1830.

Kritiky a referáty.

Karl H. Meyer: **Slavische und indogermanische Intonation.** (Slavica, herausgegeben von M. Murko. 2). Heidelberg, C. Winter, 1920. 54 S. Mk. 4.

Индо-европейскій праязыкъ различалъ въ концѣ слова двѣ интонаціи долгихъ слоговъ; это доказывается сопоставленіемъ многочисленныхъ окончаній литовскихъ съ соотвѣтствующими окончаніями греческими, и нѣкоторыя явленія германскаго „auslaut"-а подтверждаютъ результаты этого сопоставленія. Это — факты всѣмъ извѣстные. Объ интонаціяхъ внутреннихъ слоговъ индо-европейскихъ словъ мы знаемъ гораздо меньше. Въ нѣсколькихъ языкахъ тѣ же самыя интонаціи, которыя встрѣчаются въ окончаніяхъ, т. наз. акутъ и циркумфлексъ, являются тоже внутри слова, но до сихъ поръ никто не успѣлъ доказать, чтобы въ этомъ положеніи онѣ существовали въ праязыкѣ. Въ греческомъ языкѣ распредѣленіе акутовъ и циркумфлексовъ внутри слова зависитъ отъ законовъ греческаго ударенія, а не восходитъ къ индо-европейскому періоду. Въ нѣкоторыхъ древне-индійскихъ и иранскихъ текстахъ существуетъ особенная категорія долгихъ гласныхъ, растягиваемыхъ на два слога. Можно предполагать, что въ индо-европейскую эпоху эта долгота имѣла другую интонацію чѣмъ обыкновенная долгота, но пока эти двѣ категоріи долгихъ гласныхъ намъ извѣстны только изъ индо-иранской группы языковъ, такая гипотеза ни на какихъ реальныхъ фактахъ не основывается.

Кромѣ греческаго языка еще одна группа индо-европейскихъ языковъ различаетъ акутъ отъ циркумфлекса какъ въ концѣ слова такъ и внутри его. Это — славяно-балтійская группа. Еслибы распредѣленіе этихъ интонацій соотвѣтствовало распредѣленію долготъ арійскихъ, тогда уже нельзя было бы сомнѣваться въ томъ, что акутъ и циркумфлексъ существовали въ индо-европейскую эпоху, хотя, конечно, трудно было бы опредѣлить тогдашнее ихъ произношеніе. Но до сихъ поръ ничего не знаемъ о какихъ-нибудь связяхъ между количествами индо-иранскими и славяно-балтійскими интонаціями; Bezzenberger BB. 21, 313 и сл. намекалъ на возможность такихъ связей;[1]) но ни Бецценбергеръ ни кто-нибудь другой не приводилъ точныхъ доказательствъ.

---

[1]) „. . . es ist vorläufig sehr zweifelhaft, . . . ob nicht in Fällen wie skr. *çū́ra* ‚stark' — *çū́ra, çū́ura* ‚held', *svarā́j* ‚herrscher' — *svarā́jia* ‚selbstherrschaft' auch ein wechsel der tonqualität stattfand, ob also z. b. lit. *mazgóti : mazgõtė* nicht eine bereits indogermanische tonverschiedenheit erhalten haben. Wer die unterscheidung von gestossenem und gedehntem ton, oder wie ich hier lieber sage, von acut und circumflex der grundsprache zuschreibt, kann sich solchen fragen nicht entziehen."

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что наличность акута и циркумфлекса во внутреннихъ слогахъ индо-европейскихъ словъ не доказана. И я не знаю, какъ мы могли бы доказать существованіе индо-европейскихъ интонацій иначе чѣмъ сопоставленіемъ явленій разныхъ языковъ или группъ языковъ. Такимъ образомъ Bezzenberger, Hanssen и Hirt сопоставленіемъ окончаній литовскихъ, греческихъ и германскихъ доказали существованіе двухъ интонацій слоговъ конечныхъ въ индо-европейскомъ языкѣ. И такимъ же методомъ пользовался De Saussure при изслѣдованіи литовскихъ интонацій слоговъ внутреннихъ, которыя онъ объясняетъ изъ индо-европейскихъ количествъ: лит. *ã, ì* < и.-е. *ă, ŏ, ĭ,* лит. *ó ý* < и.-е. *ā, ī,* лит. *ĩr* < и.-е. *r̥,* лит. *ìr* < и.-е. *r̥̄,* лит. *aĩ* < и.-е. *ăi, ŏi,* лит. *ái* > и.-е. *āi, ōi.* Методъ Де-Соссюра совсѣмъ правиленъ и надеженъ: сопоставленіемъ фактовъ, взятыхъ изъ разныхъ языковъ, доказывается наличность двухъ количествъ индо-европейскихъ, потомъ устанавливается связь между этимъ явленіемъ праязыка и балтійскими интонаціями. Можно спорить о значеніи собраннаго Де-Соссюромъ матеріала, который содержитъ м. п. нѣсколько этимологическихъ комбинацій довольно смѣлаго характера, но методъ его самый лучшій, и я не понимаю, почему Meyer (стр. 19, прим. 1) называетъ работу Де-Соссюра „methodologisch anfechtbar“..

Мейеръ самъ пользуется совсѣмъ другимъ методомъ. Онъ думаетъ, что славянскія интонаціи слоговъ неконечныхъ восходятъ къ индо-европейской эпохѣ и что въ тѣ доисторическія времена славянскій акутъ уже былъ акутомъ и циркумфлексъ циркумфлексомъ; но доводы свои онъ черпаетъ чуть ли не исключительно изъ славянскихъ языковъ. Рядомъ съ славянскими формами онъ цитируетъ часто и балтійскія. Онъ думаетъ, какъ всѣ ученые, что вообще славянскому нисходящему циркумфлексу соотвѣтствуетъ литовскій восходящій циркумфлексъ, а славянскому восходящему акуту литовскій нисходящій акутъ. Въ такихъ случаяхъ, гдѣ одинъ языкъ имѣетъ циркумфлексъ а другой акутъ, онъ вообще склоненъ признать бо̀льшую древность за славянскою интонаціею.[1]) Изъ остальныхъ и.-евр. языковъ онъ никакихъ данныхъ не черпаетъ для опредѣленія интонацій слоговъ неконечныхъ въ праязыкѣ. Я долженъ признаться, что этотъ упрощенный методъ совсѣмъ не удовлетворяетъ меня. Даже въ томъ случаѣ, еслибы Мейеръ сопоставилъ систематически славянскія интонаціи съ балтійскими, я не вѣрилъ бы въ правильность его выводовъ. Еслибъ удалась реконструкція славяно-балтійской системы интонацій, эта система не имѣла бы никакого значенія для реконструкціи индо-европейской системы, пока ея древность не подтвердится фактами взятыми изъ другихъ языковъ. Кто вѣритъ въ т. наз. балтійско-славянскую эпоху, тотъ могъ бы предполагатъ, что славяно-балтійская система интонацій развилась именно въ ту эпоху. А кто, какъ Meillet, не признаётъ славяно-балтійской эпохи, тотъ можетъ объяснить эту систему какъ діалектическую черту одной части и.-евр. прародины; ибо балтійскіе и славянскіе языки развились несомнѣнно изъ смежныхъ нарѣчій индо-европейскихъ; это признаётъ даже Meillet.

---

[1]) Стр. 32 примѣч.: „Wo slavische und litauische Intonation nicht übereinstimmt, bin ich geneigt, dem Slavischen den Vorzug zu geben. Zu beweisen ist die Ursprünglichkeit der slavischen Intonation in diesem Falle [с.-х. *vȋd*: лит. *véidas*] nicht.“

Но, какъ уже было сказано, Мейеръ мало интересуется славяно-балтійской системой интонацій; онъ думаетъ, что славянскаго матеріала достаточно для реконструкціи индо-европейской системы. Спрашивается, какъ это возможно.

Въ первой части своей книги Мейеръ указываетъ на замѣчательную разницу между литовскими интонаціями съ одной стороны и латышскими, прусскими, славянскими, греческими съ другой. Эта разница состоитъ въ томъ, что нисходящему литовскому акуту соотвѣтствуетъ во всѣхъ этихъ четырехъ языкахъ интонація восходящая, а литовскому восходящему циркумфлексу интонація нисходящая. Эту нисходящую интонацію греческаго и славянскаго языковъ мы называемъ циркумфлексомъ, а восходящую интонацію тѣхъ же языковъ называемъ акутомъ. Одинаковый характеръ интонацій греческихъ, славянскихъ, латышскихъ и прусскихъ говоритъ за то, что здѣсь древній типъ индо-европейскихъ интонацій сохранился лучше чѣмъ въ литовскомъ языкѣ. Такъ въ самомъ дѣлѣ многіе ученые и думаютъ; такъ думаетъ и Мейеръ, и я совсѣмъ согласенъ съ нимъ. Нужно, конечно, при каждомъ описаніи индо-европейскихъ интонацій удовольствоваться самыми общими выраженіями, т. к. мы о тонкостяхъ индоевропейскаго произношенія знаемъ очень мало. Даже при изслѣдованіи интонацій живыхъ языковъ трудно опредѣлить всѣ тонкости движенія голоса, а при изслѣдованіи такихъ отдаленныхъ эпохъ какъ эпоха индоевропейская и подавно.

Если индо-европейскій языкъ различалъ акутъ отъ циркумфлекса только въ окончаніяхъ, тогда все здѣсь сказанное относится только къ концу слова. Въ одномъ нельзя сомнѣваться: въ концѣ слова каждая индоевропейская долгота имѣла или циркумфлексъ или акутъ, и т. к. распредѣленіе этихъ интонацій въ литовскомъ языкѣ чуть ли не совсѣмъ[1]) соотвѣтствуетъ ихъ распредѣленію въ греческомъ языкѣ,[2]) у насъ данныя есть для опредѣленія произношенія акута и циркумфлекса индо-европейскихъ. Вопросъ объ интонаціяхъ внутреннихъ слоговъ гораздо труднѣе.

Мейеръ думаетъ, что славянскій гласный *ě* (ѣ) даетъ намъ ключъ для рѣшенія этого вопроса. Этотъ гласный, какъ извѣстно, развился изъ и.-евр. *oi* и *ē*. Но рядомъ съ переходомъ *oi* > *ě* Мейеръ принимаетъ другой переходъ *oi* > *i*, который по его мнѣнію имѣлъ бы мѣсто при восходящей (акутированной) интонаціи, а то не только въ концѣ слова, но и внутри его. Что касается конца слова, нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ нѣкоторыхъ окончаніяхъ *oi* перешло въ *ě*, а въ другихъ въ *i*; напримѣръ: им. п. мн. ч. *vlьci*: предл. п. ед. ч. *vlьcě*. Но когда является *i*, когда *ě*, это вопросъ не рѣшенный. На стр. 16 и сл. Мейеръ разбираетъ гипотезу Гуера (Slovanská deklinace jmenná, стр. 74): „Ražený difthong v koncovce přechází v -*i*, tažený

---

[1]) Знаю только одно исключеніе: лит. *rañką, tą̃*: гр. *τῑμήν, τήν*. Nahtigal Југословенски филолог II, 164 приводитъ еще: *takaĩ*: *θεοί*, *duktė̃*: *θυγάτηρ*, *akmũ*: *ἀηδών*, но здѣсь литовскія окончанія врядъ ли идентичны съ греческими.

[2]) Нужно предполагать, что нѣкогда славянскія окончанія тоже хранили индо-европейскія интонаціи; но теперешніе славянскіе языки показываютъ намъ совсѣмъ другую картину; ср. мою статейку о формахъ двойственнаго числа Neophilologus V, стр. 113 и слл. и то что Lehr-Spławiński пишетъ по поводу этой статейки RS. IX, стр. 122 и слл.

difthong v slabice zavřené v -*i*, v slabice otevřené v -*ě*". Чтобы опровергнуть эту гипотезу, Мейеръ приводитъ списокъ пяти словъ (*běsъ, blěskъ, zvězda, krěsъ, mězga*), гдѣ въ замкнутомъ слогѣ *oi* перешло въ *ě*, причемъ онъ совсѣмъ забываетъ, что правило Гуера относится только къ концу слова („... pro zastoupení pův. krátkých difthongů *oi, ai* v koncových slabikách slovanských ...")! Внутри слова каждое *oi (ai)* переходитъ въ *ě*; въ томъ, сколько знаю, кромѣ Мейера никто не сомнѣвается. Только въ „anlaut"-ѣ *oi* по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ является иногда какъ *i*: *inъ*, *iskati*; если эти *i* развились въ самомъ дѣлѣ изъ *oi*, тогда переходъ *oi* > *i* вызванъ тѣмъ, что *oi* находилось въ началѣ слова, а не интонаціею. Мейеръ думаетъ иначе; на стр. 22 онъ приводитъ три слова, будто бы доказывающія переходъ восходящаго и.-евр. *oi (oi̯)* въ *i* не только въ началѣ слова, но и внутри его. Но первый примѣръ Мейера, *iva*, можетъ имѣть *i* изъ *ei*; ср. др.-в.-нѣм. *īwa*, — слово *inъ* часто объясняется какъ *j-ьнъ*; я лично склоненъ принять праформу **oino-s* (ср. гот. *ains*, лат. *ūnus*, гр. *οἰνή*, прусск. *ains*, лит. *v-ĕnas*), причемъ приписываю гласный *i* положенію въ началѣ слова,[1]) — третій примѣръ, глаголъ *liti*, соотвѣтствуетъ литовской формѣ *lýti* или же лит. *lěti*; *lýti* имѣетъ и.-евр. *ī*, а литовскій гласный *ė* можетъ быть и.-евр. *ei* (точнѣе: *ēi* или *ejə*) или и.-евр. *oi* (точнѣе: *ōi* или *ojə*). Эндзелинъ отвергаетъ переходъ *oi* > *ė* (Извѣстія XII, 1, стр. 40 и слл., Liet. tauta II, стр. 284 и слл.), но по моему онъ объясняетъ такія формы какъ *sniẽgas*, *dieverìs*, *ieškóti*, *iẽšmas*, *víenas* совсѣмъ неудовлетворительно; по этому я еще держусь того мнѣнія, что *ė* развилось и изъ *oi* и изъ *ei*. Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ лит. *lěti* можетъ имѣть и.-евр. *ei* (*ēi*, *ejə*), и если сл. *liti* идентично съ лит. *lěti*, тогда *ė* уже непремѣнно будетъ и.-евр. *ẽi*, или скорѣе *ejə*. Рядомъ съ инфинитивомъ *liti* Мейеръ приводитъ настоящее время *lějǫ*; эта форма не говоритъ въ пользу его гипотезы; ибо она принадлежитъ къ инфинитиву *lьjati*, *lijati* (ср. *zějǫ*: *zьjati*, *zijati*, *směјǫ sę*: *smьjati*, *smijati sę*: Leskien Handbuch[5], стр. 127; Vondrák Aksl. Gramm.[2], стр. 570 и сл.; Кульбакинъ Др.-ц.-слов. языкъ[3], стр. 213), а къ неопредѣленному наклоненію *liti* принадлежитъ настоящее время *lьjǫ*, *lijǫ*, (см. у Лескина стр. 126, у Вондрака стр. 539, у Кульбакина стр. 212).

Итакъ, этотъ матеріалъ совсѣмъ не доказываетъ того, что Мейеръ старается доказать, и нужно остаться при прежнемъ мнѣніи, что *oi* внутри слова перешло исключительно въ слав. *ě*, независимо отъ интонаціи. Въ пользу своей гипотезы Мейеръ указываетъ еще на то, что слав. *ě* изъ *oi* является въ с.-хорватскомъ языкѣ всегда какъ *ije*, а не какъ *je*. Но это не такъ: слово *pěna* имѣетъ *ě* изъ дифтонга, но въ с.-хорв. языкѣ мы находимъ форму *pjȅna*. Мейеръ думаетъ, что *pjȅna* — „eine junge, sekundäre Neubildung", и въ пользу этого мнѣнія онъ приводитъ чешскую форму *pěna*. Но къ сожалѣнію Мейеръ не обращалъ надлежащаго вниманія на слѣдующіе факты: 1. правило, по которому славянскій акутъ является по чешски какъ долгота, не безъ исключеній, 2. діалектическая форма *pína* (у Gebauer'a, Histor. Mluvn ce I, стр. 608) имѣетъ ожидаемую долготу, 3. слав.

---

[1]) Мейеръ приводитъ с.-хорв. *ȉn* въ доказательство и.-евр. акута. Но зато р. *ино́й* скорѣе развилось изъ **ȋнъ-і*; ср. *мо́лодъ: молодо́й* и т. п.

**pěna* перенесло бы удареніе на окончаніе, точно такъ же какъ наприм. **rǫka* (р. *рукá,* чак. *rūkȁ*), по закону De Saussure'a. Мейеръ, правда, отзывается объ этомъ законѣ скептически,[1]) но къ сожалѣнію онъ никакихъ доводовъ не приводитъ, даже не сообщаетъ, какія исключенія онъ имѣетъ въ виду. Пожалуй такіе случаи какъ р. *óба*: лит. *abù*, р. *чéрти*: лит. *gerì*; но эти формы доказываютъ только, что не каждый акутъ остался акутомъ въ праславянскомъ языкѣ, а законъ Де-Соссюра ими не колеблется. Собранный Фортунатовымъ, Мейетомъ, Педерсеномъ, Кульбакинымъ и Леромъ матеріалъ показываетъ совсѣмъ ясно, что всѣ формы типа **nȍga*, **rǫka* перенесли удареніе на окончанія. Изъ этого слѣдуетъ, что праслав. форма **pěna* являлась бы въ теперешнихъ языкахъ какъ р. **пѣнá,* с.-х. **pijèna*.

Собранный Мейеромъ матеріалъ съ гласными *ě* и *i* дифтонгическаго происхожденія говоритъ противъ его-же гипотезы: *„oí* > сл. *í, óì* > сл. *ě*." Если дѣло такъ обстоитъ, тогда теоретическія разсужденія автора о фонетической правдоподобности переходовъ *oí* > *i*, *ói* > *ě* теряютъ всякое значеніе. Нельзя отрицать, что такое развитіе дифтонговъ *ói* и *oí* совсѣмъ возможно, но это не значитъ, чтобы во всѣхъ языкахъ эти дифтонги должны были такъ развиваться; извѣстное дѣло, что въ большинствѣ языковъ судьбы дифтонга *oi* были совсѣмъ другія.[2])

Главный недостатокъ книги Мейера, однако, не въ томъ, что его мнѣніе объ исторіи дифтонга *oi* непріемлемо. Гораздо хуже — ошибочность его метода. Онъ, кажется, убѣжденъ, что развитіе *oí* > сл. *i*, *ói* > сл. *ѣ* доказало бы наличность двухъ интонацій въ и.-евр. языкѣ. Но это совсѣмъ не такъ: такое распредѣленіе гласныхъ *i* и *ě* подтвердило бы только извѣстный намъ и безъ того фактъ, что праславянскій языкъ различалъ акутъ отъ циркумфлекса и внутри слова, но о происхожденіи этихъ праславянскихъ интонацій мы знали бы такъ же мало какъ до сихъ поръ. Мейеръ, кажется, совсѣмъ не понялъ, что для опредѣленія интонацій и.-евр. праязыка нуженъ надежный матеріалъ, взятый изъ разныхъ группъ индо-европейскихъ языковъ, а не только изъ одной группы. См. стр. 605 и сл.

Послѣ богатаго списка словъ съ и.-евр. *oi* Мейеръ приводитъ такія слова, гдѣ слав. *ě* развилось изъ и.-евр. *ē*; часть этихъ словъ имѣетъ славянскій циркумфлексъ, другая часть славянскій акутъ. Тѣ же интонаціи М.

---

[1]) Стр. 11 и сл.: „. . . zumal das Saussuresche Gesetz zu viele Ausnahmen hat, um für den ursprünglichen Zustand beweisend zu sein", — стр. 16: „. . . wenn nur das Saussuresche Gesetz eben nicht so viele Ausnahmen hätte, dass es für eine Sicherheit nicht bürgen kann."

[2]) Мейеръ принимаетъ для слоговъ конечныхъ то же самое развитіе индо-европейскаго *oi*, что онъ предполагаетъ для внутреннихъ слоговъ. Эта часть его работы не особенно интересна для насъ. Обращаю вниманіе автора на одну неточность, которая очень поразила меня. На стр. 26 и сл. Мейеръ сопоставляетъ дательный падежъ *тьнě* (М. пишетъ *menĕ*!), *tebě*, *sebě* съ гр. *οἷ, ἑοῖ,* вост.-лит. *manĩ*, а *mi, ti, si* съ гр. *μοί, σοί, οἵ,* вост.-лит. *manì*. Не знаетъ ли онъ, что эти вост.-литовскія формы родительнаго и винительнаго падежей имѣютъ *i* изъ *ę*? Ср. Шпехта Litauische dialektische Texte aus Russisch Litauen nach den Sammlungen A. Baranowskis. Grammatische Einleitung, стр. 47 и сл. и прим. къ стр. 48. Тотъ же Шпехтъ сообщилъ Мейеру эти формы. Жаль, что онъ не объяснилъ ему происхожденія в.-лит. *-i*.

предполагаетъ для индо-европейскихъ праформъ этихъ словъ, но такъ какъ онъ черпаетъ свои данныя только изъ славянскихъ и балтійскихъ языковъ, эта гипотеза ни на чемъ не основывается. Стоитъ отмѣтить небрежность, съ которой авторъ относится къ взаимнымъ отношеніямъ балтійскихъ и славянскихъ языковъ; такъ наприм. въ примѣчаніи къ стр. 23 онъ приводитъ „lit. *bẽgis*, sbkr. *bȉjeg*, uridg. **bẽgo/is*“,[1]) причемъ онъ забываетъ, что лит. *bẽgis* имѣетъ основу на *-jo*-[2]) и что у такихъ основъ метатонія явленіе совсѣмъ обыкновенное (ср. *kándu*: *kañdis*) и врядъ ли старше литовско-латышскаго періода. А с.-х. *zvȉjer*, лит. *žvėrìs*, *žvė́rį* онъ объясняетъ изъ и.-евр. **ĝhu̯ẽris* (стр. 25), причемъ ссылается на примѣчаніе къ своему § 9, гдѣ онъ отвергаетъ гипотезу Де-Соссюра относительно интонаціи долгихъ монофтонговъ, которая, по его словамъ, „gründet sich eben auf das Litauische, das hier eine Uniformierung vorgenommen hat“. Не фантазія ли все это? Что касается слова *zvěrь*, вотъ нѣсколько фактовъ, чуть ли не всѣми учеными признанныхъ: и.-евр. основа оканчивалась на согласный, — и.-европейскій nom. sing. сохранился въ греческомъ языкѣ: θήρ, — по образцу этого nom. sing. возникъ acc. sing. **ĝhu̯ērm̥*, который въ слав. и балт. языкахъ (гдѣ *-m̥* перешло въ *-im*) далъ поводъ къ образованію основы на *-i-*, — гр. θήρ имѣетъ индо-европейскій акутъ; въ этомъ словѣ коренной слогъ въ то же время оканчиваетъ слово; ясно, что θήρ имѣетъ ту же самую интонацію, которую находимъ въ формахъ *πατήρ, λιμήν*, гот. *fadar, guma*. Прибавлю еще, что о такихъ случаяхъ какъ лит. *žvėrìs*, *žvė́rį*: с.-х. *zvȉjer* Meillet писалъ еще въ 1902 году (О нѣкоторыхъ аномаліяхъ ударенія въ славянскихъ именахъ. РФВ. XLVIII, стр. 193 и слл.); эта статья еще не устарѣла; жаль, что Мейеръ не пользовался ею (ср. стр. 38 и сл. его книги).

Я упоминалъ уже о примѣчаніи Мейера къ его § 9. Стоитъ выписать его цѣликомъ: „De Saussure ‚A propos de l'accentuation lituanienne' Mémoires de la Société de linguistique de Paris VIII (1894) S. 427 nimmt für a l l e offenen langen Silben im Uridg. den Stosston [= Akut] an, „wenn kein besonderer Umstand ihn modifiziere“; vgl. Hirt Akzent S. 128. Die Auffassung ist unrichtig und gründet sich eben auf das Litauische, das hier eine Uniformierung vorgenommen hat. Auch methodologisch ist de Saussures Arbeit anfechtbar“. Эти слова бросаютъ яркій свѣтъ на упрощенный методъ, которымъ пользуется Мейеръ при своихъ изслѣдованіяхъ. Взгляды Де-Соссюра онъ передаетъ не совсѣмъ правильно: Де-Соссюръ не пишетъ объ интонаціяхъ праязыка, но объ интонаціяхъ литовскихъ; для тѣхъ гласныхъ, которые въ и.-евр. эпоху были долгими монофтонгами, онъ констатируетъ литовскую нисходящую интонацію (акутъ), по скольку эта интонація не подлежала какойнибудь метатоніи. А если такой крупный ученый какъ Де-Соссюръ пользуется ложными методами или обрабатываетъ плохой матеріалъ, тогда стоитъ опровергать его; иначе высокомѣрные отзывы автора только разсмѣшатъ читателя. На практикѣ выходитъ такъ, что Мейеръ плохо читалъ работу Де-Соссюра или не понялъ ея. Какъ легкомысленно онъ относится

---

[1]) Ср. тоже стр. 39: „sbkr. *bȉjeg* ‚Flucht', uridg. **bẽgo/is*, lit. *bẽgis*“.

[2]) Отмѣчу еще одну неточность: эти слова имѣютъ и.-евр. *bh-*, а не *b-*; ср. гр. *φέβομαι*.

къ разбираемымъ имъ вопросамъ и къ своимъ великимъ предшественникамъ, это я старался показать по поводу его фантазій относительно и.-евр. *ǵhu̯ēris; и нѣсколько разъ уже приходилось мнѣ говорить о научномъ методѣ Де-Соссюра и о методѣ Мейера. Сопоставленіе этихъ методовъ не вышло бы въ пользу Мейера!

Послѣ матеріала съ гласнымъ *ē* Мейеръ приводитъ матеріалъ съ другими гласными и дифтонгами. Методъ такой-же какъ раньше: для опредѣленія индо-европейскихъ интонацій авторъ пользуется только данными славянскихъ и отчасти тоже балтійскихъ языковъ; о правилахъ, формулированныхъ Де-Соссюромъ послѣ тщательнаго сопоставленія количествъ и интонацій разныхъ индо-европейскихъ языковъ, онъ молчитъ.

Послѣднія страницы своей книги Мейеръ посвящаетъ разбору разныхъ вопросовъ по области ударенія и интонаціи вообще и въ индо-европейскихъ языкахъ въ особенности. Пишетъ онъ обо всемъ этомъ очень кратко, какъ будто вскользь; констатируетъ больше чѣмъ доказываетъ. Это не главный предметъ его работы; по этому не остановлюсь на подробностяхъ.

Лейденъ.

Н. Ванъ-Вейкъ.

Dr. N. van Wijk: **Altpreussische Studien.** Beiträge zur baltischen und zur vergleichenden indogermanischen Grammatik. Haag 1918. 8⁰. XII+150+XXXII.

Dieses Buch ist zwar schon vor einigen Jahren erschienen, aber noch nicht genügend gewürdigt worden, sodass ich den Vorschlag der Redaktion dieser Zeitschrift, darüber eine Rezension zu schreiben, angenommen habe.

Kapitel I. behandelt das urbaltische *ē* im Samländischen. Jedes *ē* der nicht-letzten Silben erscheine im Enchiridion als *ī*; in diesem Punkt schliesst sich der Autor Bezzenbergers Ansicht an, die auch ich für richtig halte. Dass aber in pr. *spigsnā* »Bad« (acc. s. *spīgsnan*) das *ī* zirkumflektiert gewesen sei (S. 8 f.), scheint mir der Autor durch seinen Hinweis auf pr. *billīsna* und *salūbsna* (1×) nicht erwiesen zu haben. Wir sehen nämlich, dass im Litauischen gewisse Ableitungen von Oxytona den Akzent auf der Suffixsilbe haben: ausser Formen wie z. B. žem. *gèrìms* u. a. neben *skýnims* IF. XXXIII 120 vgl. noch lit. *darbìngas* zu *darbaĩ*, *èrìngas* zu *èraĩ*, *kalnìngas* zu *kalnaĩ*, *galvìngas* zu *galvà*, *naudìngas* zu *naudà*, *širdìngas* zu *širdìs* neben *píeningas* zu *píenai*, *mìltingas* zu *mìltai*, *káulingas* zu *káulai*, *kúningas* zu *kúnai*, *gẽdingas* zu *gẽda*. Analoge Akzentverhältnisse könnten auch im Altpreussischen bestanden haben. Wenn also, was a priori wahrscheinlicher ist, das *ī* in pr. *spigsnā* akutiert war, und die diesem Wort zugrunde liegenden verbalen Formen endbetont waren, so hindert uns nichts anzunehmen, dass pr. *spigsnā* : *spīgsnan* betreffs der Akzentuierung lit. *galvà* : *gálvą* entspricht; auch ganz abgesehen von pr. *ainā crixtisnā* (1×) und *crixtisnālaiskas* (1×). — Folgen kann ich dem Autor auch nicht, wenn er S. 24 der von mir AfslPh. XXXII 292 bestrittenen Ansicht seiner Vorgänger beitritt, dass in der Mundart des

ersten Katechismus ē ursprünglich zu ī geworden und darauf nebst altem ī in ē verwandelt sei. Erstens sollte man nämlich, wenn altes ē wirklich mit altem ī zusammengefallen wäre, *ei* nicht nur aus altem ī (wie in *geiwans, geiwin, staweidan, steweydan, polleygo, leiginwey, deyg*), sondern auch aus altem ē erwarten, wofür aber Beispiele fehlen; über *preiken* (= *preyken* im zweiten Katech.) s. Filologu biedrības raksti II 13. Nun meint van Wijk, dass diese Differenz »möglicherweise einem kleinen Laut- oder Intonationsunterschiede der beiden ī-Vokale zuzuschreiben sei«. Aber es werden doch alle Vokale in gleicher Weise entweder zirkumflektiert oder akutiert! Und wenn es einen Lautunterschied in diesem Falle gab, so wird ja dadurch bewiesen, dass altes ē nicht mit altem ī zusammengefallen ist. Und zweitens findet man bei näherem Zusehen, dass im ersten Katech. altes ē in der Regel als *e*, altes ī dagegen in der Regel als *i* oder *ei* auftritt, was bei van Wijks Annahme ganz unbegreiflich ist. Belege für altes ē: *turrettwey, lesuns, grecon, grekun, swetan, eden* (2×; das eine Mal unmittelbar hinter *bietis*!), *edeitte, palletan* (zu diesem Wort s. AfslPh. XXXII 292) und vielleicht (s. van Wijk 8) *stenuns*. Daneben hat man ein einigermassen sicheres ī aus ē nur in *menissnan* resp. *menisnan* (je 1×); das *i* in *limatz* könnte ja auch ein altes ī sein. Dies vereinzelte ī aus ē im ersten Katech. ist wohl eine von seinen »mehreren . . . dialektischen Verschiedenheiten« (s. Trautmann Die apr. Spr. XXVII). Belege für altes ī: *widekausnan, pallapsittwey* (2×), *scrisits, attskiwuns, atskisenna, auschautnikamans, crixtisnan, crixtity, crixtits* (vgl. *crixteits* im zweiten Kat.), *proklantitz, bietis, rickis*; die Belege für *ei* aus ī sind schon oben gegeben. Daneben hat man *e* für ī resp. *ei* nur in *rekis* (1×), *rekian* (1×) und *betten* (1×). Ein solches *e* findet man aber auch im zweiten Katech. in *skresitzt* und *auschautinekamans*, ohne dass man daraus einen Übergang von ī in ē folgert; man soll daher auch für den ersten Katech. diese Folgerung unterlassen. Mit *bela* und *belats* vgl. *billa* und *billāts* im Enchiridon, und das unklare *prowela-din* kommt auch im zweiten Katech. vor. — Was aber das ē der Endsilben anbelangt, so meint der Verfasser, dass haupttoniges ē als solches bewahrt sei, und darin scheint er mir Recht zu haben. Da der Verfasser selbst diese Erscheinung nicht erklärt hat, so schien mir anfangs seine diesbezügliche Ansicht unwahrscheinlich, denn warum sollte ē im Auslaut anders behandelt sein als im An- und Inlaut? Da fand ich aber, dass in den lettischen Mundarten von Alt-Pebalg und Weissensee das gemeinlettische geschlossene ē sonst bewahrt wird und nur im offenen Auslaut zu offenem ę̄ geworden ist. Man hat dies wohl so zu deuten, dass der Sprechende beim Artikulieren des auslautenden Vokals im Gefühl, dass damit das Wort zu Ende ist, die Energie erschlaffen lässt und daher die Vorderzunge etwas weniger hoch hebt als sonst, wodurch das -ē offener werden muss. Etwas Ähnliches kann also auch im Altpreussischen eingetreten sein, nachdem das unbetonte -ē (wie auch in litauischen Mundarten) bereits zu -*i* gekürzt war. Jedenfalls kann pr. *weddē* nicht gut von li. *vẽdė* getrennt werden. Der Akzentunterschied ist hier nur sekundär: der Betonungsunterschied z. B. zwischen lit. *nù-*

vedėme und *nutẽkome* kann nur so gedeutet werden, dass *nùvedėme* aus **nuvedėmè* entstanden ist, d. h., dass *vedė-* ehedem endbetont, *teko-* dagegen wurzelbetont war. Auch pr. *semmē* ist es am natürlichsten mit li. *žẽmė* und le. *zeme* bis auf den Akzent zu identifizieren (pr. *semme*: li. *žẽmė* = li. *auklẽ*: *aũklė*). In pr. *aulause* dagegen mag ich nicht mit dem Verfasser S. 12 f. »eine Analogiebildung nach den endbetonten Femininis auf *-ē*« sehen, denn diese Partizipien sind im Litauischen immer wurzelbetont, sodass auch für pr. *aulausē* keine Endbetonung zu erwarten ist. Ich lese demnach dies *aulausē* (in *sta ast giwāntei aulausē*) als *aulausen* (= nom. s. neutr. gen.; *-usen* wäre ksl. *-ъše*); über die neutrale Form des Prädikats nach femininem Subjekt s. z. B. Trautmann Die apr. Spr. 244 f. — Auch kann ich dem Verfasser nicht beistimmen, wenn er S. 14 ff. fürs Altpreussische den aus dem Litauisch-Lettischen bekannten Abfall von *j* hinter Längen leugnet und es daher nicht für möglich hält, z. B. pr. *milē* auf **mīlēj[a]* (oder *maitā* auf **maitāj[a]*) zurückzuführen. Auf einen solchen Abfall weisen doch unverkennbar die Formen *dīnkaumai* und *dīnkauti*, die auf einer III. p. prs. **dīnkau[ja]* beruhen, s. Trautmann l. c. 276. Und dem widersprechende Formen gibt es nicht! Wenn *-ei*, *-ai* mit kurzem *e* resp. *a* bewahrt werden, so folgt daraus keineswegs unbedingte Bewahrung von *-j* hinter *ē* resp. *ā*. — Unwahrscheinlich erscheint mir auch des Verfassers Annahme S. 24: »vor auslautendem *-n* entstand aus *ē* ein durch *ie* bezeichneter, entweder diphthongischer oder monophthongischer Laut, der weder mit *ē* noch mit *ī* identisch war«. Erstens weisen die Formen wie z. B. der acc. s. *mērgan* (zum nom. *mergu*) auf eine frühe Kürzung der Längen vor *-n* (s. auch van Wijk 70), sodass aus *-ēn* in wenigstens zweisilbigen Formen mit einiger Wahrscheinlichkeit ein *-in* zu erwarten ist, das ja bekanntlich auch oft vorliegt. Zweitens finden wir sonst in den preussischen Katechismen nirgends besondere (vom Deutschen abweichende) Buchstaben oder Buchstabenverbindungen zur Wiedergabe von preussischen Lauten, die dem Deutschen fehlten (abzusehen ist dabei nur von *i* hinter Konsonanten zur Bezeichnung ihrer Erweichung wie z. B. in *kariausnan*, wenn *ri* hier ein *ŕ* und nicht etwa *ri̯* bedeutet; der Gebrauch von *i* zur Bezeichnung der Erweichung war aus dem Polnischen bekannt). Und durch *ie* wurde damals im Deutschen ein *ī* bezeichnet, und so auch in pr. *bietis*, *mien*, *tien*, *sien*, s. meine Славяно-балтійскіе этюды 181 ff. Wie sollte also dasselbe *ie* noch zur Bezeichnung eines andern vokalischen oder diphthongischen Lautes dienen? Drittens liegt es doch nahe, *-mie-* im Dativ *semmiey* ebenso zu lesen wie im Akkusativ *semmien;* dass aber *ie* auch in *semmiey* einen Diphthong oder einen zwischen *ē* und *ī* liegenden Laut bedeute, behauptet auch van Wijk nicht. Und endlich gibt es keinen zwingenden Grund für seine Annahme, dass *ie* vor *-n* einen besonderen Laut bezeichnen müsse. Zwar meint der Verfasser S. 33, dass für die Richtigkeit seiner Annahme der Doppelkonsonant z. B. in *pirmannien* (denn auch urbalt. *-jan* sei im Preussischen zu *-ien* geworden mit demselben Laut vor *-n* wie z. B. in *semmien!*) spreche, »der in unserm Texte nur dort geschrieben wurde, wo ein Vokal folgte«.

Aber erstens ist dies keineswegs immer der Fall; vgl. z. B. *maddla, nacktin, kettwirts, turrettwey, menissnan.* Und zweitens kann z. B. *pirmannien* ein gesprochenes *pirmańen* bedeuten; in diesem Fall würde auch hier der Doppelkonsonant vor einem Vokalzeichen geschrieben sein, und bei einer solchen Aussprache würde auch der neugebildete (s. van Wijk 45 f.) Nominativ *pirmonnis* begreiflicher sein als bei einer Aussprache *pirman-jen.* Wenn man im Preussischen für *si̯* ein *sch* (doch wohl = *š*) findet, so wird da wohl auch *ni̯* zu *ń* geworden sein. Ich lese also z. B. *semmien* als *zeḿen* resp. *zemi̯en* und meine gleich Andern, dass *-ien* hier aus *-ian* entstanden und aus dem Akkusativ der *i̯ā*-Stämme übernommen ist, von denen einige Kasus (z. B. der Dat. s.) in ihrer Endung mit den entsprechenden Kasus der *(i̯)ē*-Stämme rein lautlich zusammengefallen waren. Die zwei Formen *mārtin* (1×) und *waispattin* (2×) beweisen doch nicht, dass daneben nicht auch **mārtien* und **waispatien* vorkamen.

Im II Kapitel (»Zur samländischen Entwicklung des baltischen *ā*«) weist der Verfasser auf die Formen hin, die sich Bezzenbergers Regel widersetzen, ohne dieselbe jedoch durch eine bessere zu ersetzen. Für richtig halte ich dabei des Verfassers Annahme S. 43 f., dass das *o* in *encops* Kat. I, *enquoptzt* Kat. II und *enkopts* Enchir. (3×) »begraben« eine Länge bezeichne; dafür sprechen die vom Verfasser übersehenen litauischen Formen *apkopti* „загрести" Jušk., *apkuõpti* „огрести" Šlapelis, *iškõpti* „выкопать" Jušk., *iškuõpti* „выгрести" Jušk., *pasìkuopē* in Wolters Lit. Chrestom. 377,34. Unklar bleibt nur, ob pr. *o* hier auf *ā* oder *ō* zurückgeht.

Auch im dritten Kapitel (»Zur samländischen Vertretung des baltischen *ō*) gelangt der Verfasser zu keiner eigenen Auffassung des diesbezüglichen Materials. Auffallend ist, dass auch er noch an ein lit. *ō* (neben *uo*) aus ide. *ō* glaubt, ohne diese vermeintliche zweifache Vertretung unter eine Regel zu bringen, obwohl er sonst durchaus Lautgesetze anerkennt! Und dabei gibt es beinahe keinen sichern Fall, wo ein lit. *ō* direkt einem gr. ω oder lat. *ō* entspräche (lit. *krokiù* neben lat. *crōcio* kommt als ein Schallwort hier nicht in Betracht). Wenn der Verfasser S. 53 das *ō* in lit. *vókas* und *mólis* nur wegen slav. *věko* und *mělъ* aus altem *ō* herleitet, also nur auf Grund einer Theorie, dass neben *ē* nur *ō* vorkommen kann, so könnte man mit demselben Recht z. B. auch das *ā* in lat. *rāpa* (und *ō* in lit. *rópė*) wegen slav. *rěpa* und das *ā* in gr. (dor.) *μάκων* wegen ahd. *māgo* auf altes *ō* zurückführen. Hoffentlich hat sich der Verfasser inzwischen nach Būgas Artikel »Priesagos *-ūnas* ir dvibalsio *uo* kilmė« zur Ansicht bekehrt, dass im Lettisch-Litauischen altes *ō* nur *uo* ergeben hat. Über lit. *-ō* im gen. s. der *o*-Stämme s. meine Славяно-балтійскіе этюды 132 ff. Ablehnen muss ich auch des Verfassers Vermutung S. 52 f., dass für die litauischen (und lettischen) Präfixe *pra-* und *pa-* eine ähnliche Vokalkürzung anzunehmen sei wie für lit. *nu-*: dies *nu-* ist ja speziell litauisch, während im Lettischen neben *pa-* nur ein *nuo-* vorliegt, und lit.-lett. *pa-* stimmt vollkommen mit slav. *po-* überein. — Beistimmen dagegen muss ich dem Verfasser, wenn er S. 53 sowohl das *ā* in saml. *dāt,* als auch das *ō* in saml.

perōni und *tickrōmai* auf altes *ō* zurückführt. Das letztere Wort vergleicht Būga l. c. 426 hinsichtlich des suffixalen Teiles sehr wahrscheinlich mit lit. *diduomenė*, *diduomis* (»Magnat«), *jaunuomenė, mažuomenė*, wozu ich noch got. dat. s. *aldōmin* füge. Es scheint demnach, dass im Samländischen altes *ō* vor Nasalen als *ō* (oder *uo*?), anderswo als *ā* erscheint; man vergleiche damit le. *uo* über *ō* aus *on*, während sonst (d. h. nicht vor *n*) auch im Lettischen altes *ō* jetzt als *ā* erscheint. Wenn saml. *gennāmans, waitiāmai, postānai* u. a. lautgesetzliches *ā* haben, so würde daraus folgen, dass altes *ā* sich dort auch vor Nasalen erhalten hat.

Kapitel IV behandelt »samländische Flexionsformen auf *-ei* und *-ai* und das Problem vom preussischen *ē*«. Gleich Solmsen wendet sich hier der Verfasser mit Recht gegen Trautmanns Ansicht, dass im Preussischen für *-ei* und *-ai* regellos *-ei, -ai, -e* und *-i* erscheinen. Aber auch van Wijk meint noch, dass für unbetontes *-ei* auch ein *-i* erscheine, worin ich ihm nicht zustimmen kann, s. dazu Изв. XXII 1, 87 und speziell über *gīwasi* noch Filologu biedrības raksti II 12. Dass fürs Altpreussische kein *ie* aus *ei* nachweisbar ist, hatte auch ich schon auseinandergesetzt, und ich freue mich, dass auch van Wijk zu derselben Ansicht gelangt ist. Dagegen lehnt der Verfasser meine auch von Būga geteilte Annahme, dass das litauisch-lettische *ie* nur aus *ei* resp. *ēi* entstanden ist, ab, ohne etwas anzuführen, das von mir nicht schon besprochen wäre, sodass eine Polemik darüber meinerseits nicht gut möglich ist. So habe ihn z. B. »gar nicht überzeugt«, was ich über lit. *sniẽgas* und lett. *snìegs* geschrieben hätte. Da die »Lietuvių tauta«, wo meine zweite Abhandlung über *ie* erschienen ist, wohl wenig verbreitet ist, so will ich hier daraus (II 287) den betreffenden Passus ausschreiben, damit der Leser selbst urteilen kann, ob meine Argumente überzeugen oder nicht. »Ich hatte ... schon selbst ... bemerkt, dass viel wahrscheinlicher gleich pr. *snaygis* auch lit. *sniẽgas* und lett. *snìegs* auf urbalt. **snaigas* zurückgehen, das auch durch die litauische Ableitung *snaĩgala* bezeugt wird ...; und dass dieses **snaigas* durch Anlehnung an die jetzigen Verbalformen lit. *sniẽgt* oder ... *sniẽga*, lett. *snìeg* (: gr. *νείφει*), die *ie* ohne Zweifel aus *ei* haben, zu **sneigas* (> lit. *sniẽgas*, lett. *snìegs*) geworden ist. Dabei wies ich auf die Parallele hin, die wir im Lateinischen finden: a. pl. *ningues* statt *nives* unter dem Einfluss von *ninguit* (= li. *sniñga*). Ähnlich findet man neben lit. *lietus* ..., lett. *liêtus* »Regen« die nach lit. *lỹja lýti*, lett. *lîst lît* »regnen« geschaffenen Neubildungen lit. *lytùs*, ostlett. **lītus > leits; snìegs snìeg* »es schneit« und *liêtus lîst* »es regnet« sind ja im Lettischen sehr gebräuchliche Verbindungen, und ähnlich wird es sich wohl auch im Litauischen verhalten«. Ich meine auch heute noch, dass dies sich hören lässt. Und jedenfalls bin ich überzeugt, dass auch van Wijk zu derselben Ansicht gelangen wird, wenn er einmal auf Grund des gesammten Materials ernstlich die Regel über die Entstehung von *ie* ergründen wollen wird.

Nachdem diese Rezension an die Redaktion abgeschickt war, erhielt ich Nieminens Dissertation »Der urindog. Ausgang *-ai* des Nom.-Akk. Plur. des Neutrums im Baltischen«, wo S. 88 gegen meine Auffassung des *ie*

in lit. *sniẽgas* lit. *ísnaigas, snaĩgala* und *snaiguolė́* vorgeführt werden. Aber die letzten drei Wörter werden doch nicht so häufig mit *sniẽgt* resp. *sniẽga* »es schneit« verbunden wie *sniẽgas* »der Schnee« und konnten daher ihr *ai* behalten. Und lit. *vičveĩnelis*, auf das Nieminen l. c. nicht viel Wert legen will, ist nach Trautmanns Balt.-slav. Wörterbuch 3 kein »Scherzwort«. Wer aber *ie* auch aus *ai* herleiten will, erkläre Ausnahmen wie das ganz isolierte let. *vaĩna*, und auf welchem Wege lautphysiologisch *ai* und *ei* nur in gewissen Fällen zu *ie* geworden sind.

Im V Kapitel (Zum Genit. sing. der altpr. Nomina) lässt der Verfasser pr. *deiwas* »Gottes» aus **deiu̯oso* gekürzt und darnach *gennas* (mit kurzem *a*) u. a. gebildet sein, was mir sehr wahrscheinlich vorkommt.

Im VI Kapitel (»Die samländischen Instrumental- und Dativformen«) bestreitet der Verfasser (gleich mir Славяно-балт. этюды 61[1]) die Annahme von samländischen Instrumentalen auf *-an* und *-en* und erblickt ursprüngliche Instrumentale in den preussischen Formen auf *-u* (z. B. *spartisku* mit *-u* aus *ā* und *malnīku* mit *-u* aus *-ō*), was mir durchaus annehmbar vorkommt. Dagegen kann ich ihm nicht folgen, wenn er S. 90 die uržemaitische Endung des Dat. s. der *ō*-Stämme, nämlich *-uo* (woraus *-ou* und *-ū*) nicht direkt, sondern durch eine Zwischenstufe *-uou* (gemeint ist wohl: *-uou̯*) aus dem urlitauischen *-uoi̯* ableitet: dass *-i̯* hinter einer Länge schwindet, ist ja eine im Litauisch-Lettischen häufig vorkommende Erscheinung, während für einen Übergang von *uoi̯* in *uou̯* Parallelen wenigstens aus dem Baltischen mir nicht bekannt sind. — Auch überzeugt mich nicht des Verfassers Annahme S. 95, dass »das Gesetz *sj* > *š* bloss für die Mundart des Vokabulars anzunehmen ist, während im Samländischen urbaltisches *šj* zu *š* wurde . . ., *sj* aber als solches erhalten blieb oder etwa in ein durch die Orthographie *si* bezeichnetes mouilliertes *s* übergieng«. Wie im Slavischen, Lettischen und Kurischen, ist aller Wahrscheinlichkeit nach — wenigstens nach der Graphik zu urteilen — auch im Altpreussischen ide. *k̑* mit *s* völlig zusammengefallen, weshalb ein Unterschied in der Entwicklung von *k̑i̯* und *si̯* sehr unwahrscheinlich ist. Ich bleibe also bei meiner schon in Славяно-балт. этюды 60 ff. begründeten Annahme, dass im Altpreussischen *k̑i̯* und *si̯* im Anlaut und bei ungestörter Entwicklung auch im Inlaut (so in den samländischen Komparativformen *tawischas* 3×, *tawischis* 2×, *tauwyschis* 1×, *tauwyschies* 1×, *tawischan* 4×, *tawischen* 2×, *tauwyschen* 11, 18, also mit *š* aus ide. *si̯* auch im Samländischen!) unterschiedslos als *š* erscheinen, während sonst in den Suffixsilben und Endungen *i̯* hinter *s* durch Analogiebildungen wiederhergestellt oder von neuem eingeführt wird; vgl. damit lett. *pl'-*, *bl'-* (aus *pi̯-*, *bi̯-*) neben *-pj-*, *-bj-* im Inlaut und žem. *č-*, *dž-* (aus *ti̯-*, *di̯-*) neben *-t'-*, *-d'-* (aus *ti̯*, *di̯*) im Inlaut.

Kapitel VII ist dem preussischen Nom. pl. der *o*-Stämme gewidmet. Gleich Solmsen und mir meint auch van Wijk, dass die preussischen Nominative vom Typus *pallaipsai* echte Maskulinformen sind, weiss aber nichts mit li. *-ai* (z. B. in *dievaĩ*) anzufangen (s. S. 107 f.), da er

nicht meine Ansicht teilt, dass lit.-lett. *ie* nur aus *ei* resp. *ēi* entstanden ist. Gerade diese Ratlosigkeit van Wijks betreffs der Endung von li. *dievaĩ* spricht für die Richtigkeit meiner Ansicht über *ie*.

Im VIII Kapitel wird über pr. *stas* und *tāns* gesprochen. Richtig dürfte des Verfassers Ansicht sein, dass pr. *stas* eine Kontamination von **tas* und **sa* (aus ide. **so*) und pr. *tāns* durch Mischung von **tas* und **an(a)s* ist, und dass man den Wechsel *ten-*: *tan-* durch die Annahme eines ältern suppletiven Paradigmas (nom. s. **anas*: gen. s. **tesei* usw.) zu erklären hat. — Interessant ist der Hinweis, dass wenigstens einige litauische Texte *anie* »jene, diejenigen« von *anys* »sie« unterscheiden. Nur glaube ich nicht, dass dies *anys* durch ein **ys* »sie« hervorgerufen ist: neben **ei* »sie« (zu **is*) ist im Baltisch-Slavischen kein **īs* belegbar, und *ãnys* »sie« kann sehr wohl durch ein unmittelbar folgendes *pãtys* »ipsi« hervorgerufen sein, da nach den Personalpronomina nicht selten ein »selbst« folgt.

Kapitel IX ist dem altpreussischen Modussystem gewidmet und enthält durchaus einleuchtende Bemerkungen dazu, so z. B., dass es keinen Zweck hat, in den altpreussichen Texten die konjunktivisch verwendeten, formell mit dem Indikativ identischen Formen von den indikativisch gebrauchten zu trennen.

Im X Kapitel handelt es sich um die 1. pers. plur. auf *-imai* und den Stammesauslaut des Indikativs, und zum Schluss werden auch einige Bemerkungen zum Präteritum gegeben. Wenn der Verfasser lett. *zinim* »wir wissen«, II. pl. *zinit* und das Part. *zinis* für »sekundäre« Formen hält, so sollte er erklären, auf welche Weise sie entstehen konnten. Ich selbst sehe keine Möglichkeit diese gemeinlettischen Formen als Neubildungen zu erklären (soviel ich weiss, lautet die I. sing. dazu nur: *zinu* = li. *žinaũ*, nirgends ein **ziņu*; also im Singular ein *-nā-*, im Plural *-ni-*!), weshalb ich auch in pr. *-sinnimai* etwas Altes erblicke. Lett. *zinam* kommt nur in den Mundarten vor, wo die alten *i-* und *ā-*Stämme durch *o*-Stämme ersetzt sind, sodass ein altes *-na-* aus dem Lettischen nicht zu erweisen ist. — Wenn ich auch nicht in allen Einzelheiten dem Autor folgen kann, so muss ich doch anerkennen, dass in seinem Buch einige Ansichten anderer Forscher durch neue Argumente gestützt werden und auch mehrere Ansichten, die von ihm selbst stammen, aller Wahrscheinlichkeit nach richtig sind, sodass durch seine Arbeit die baltische Philologie wesentlich gefördert wird.

Riga. *J. Endzelin.*

Проф. В. Н. Щепкинъ. **Учебникъ русской палеографіи.** 6 табл. 42 рис. въ текстѣ. Москва, 1920.

Общепризнано положеніе, что глубина и степень разработки извѣстной науки измѣряется количествомъ имѣющихся въ ея распоряженіи учебниковъ и пособій общаго характера. Съ этой точки зрѣнія наука славянорусской палеографіи уже сейчасъ производитъ самое утѣшительное впечатлѣніе и внушаетъ самыя радужныя надежды. Не смотря на свою сравнительную молодость, она уже теперь можетъ похвалиться цѣлымъ

рядомъ прекрасныхъ руководствъ. Такъ, оставляя въ сторонѣ вышедшую въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія и потому нынѣ уже совершенно устарѣвшую „Славянорусскую палеографію“ Срезневскаго, мы напомнимъ здѣсь университетскіе курсы Соболевскаго и Карскаго, изъ которыхъ первый имѣетъ 2 изданія, а второй — 4. А если прибавить къ этому „Лекціи по славянорусской палеографію“ Брандта (М. 1910) и очерки южнославянской глаголической и кирилловской палеографіи Ягича и Лаврова (вошедшіе въ составъ соотвѣтствующихъ выпусковъ славянской энциклопедіи, издаваемой русской Академіей Наукъ), — то мы получимъ ясное представленіе, какими богатыми средствами обладаетъ теперь всякій, кто пожелалъ бы познакомиться съ нашей наукой. Всѣ эти пособія, взятыя въ совокупности, доказываютъ, что славянорусская палеографія уже давно вышла изъ пеленокъ и вполнѣ сознательно и умѣло разрабатываетъ свой грандіозный матерьялъ.

Но чѣмъ глубже изслѣдована извѣстная наука, и чѣмъ богаче она вспомогательными средствами, тѣмъ повышеннѣй должны быть наши требованія ко всякому новому учебному пособію. Согласно изреченію „лучшее есть врагъ хорошаго“, всякій выходящій въ свѣтъ новый учебникъ заставляетъ ожидать, что онъ принесетъ съ собой если не новый свѣжій фактическій или библіографическій матерьялъ, то болѣе искусную въ педагогическомъ отношеніи его группировку, или же что онъ, по крайней мѣрѣ, откроетъ возможность усваивать научные выводы при помощи болѣе совершенныхъ и точныхъ методовъ. Только при наличности одного изъ этихъ условій изданіе новаго учебнаго руководства не является излишней роскошью.

Если мы взглянемъ съ этой точки зрѣнія на „Учебникъ русской палеографіи“ профессора московскаго университета В. Н. Щепкина, вышедшій два года тому назадъ незадолго до его смерти и являющійся, такимъ образомъ, какъ бы его лебединой пѣснью, то мы не сможемъ отдѣлаться отъ двойственнаго или вообще смѣшаннаго впечатлѣнія.

Съ одной стороны хотѣлось бы привѣтствовать книгу проф. Щепкина какъ работу, далекую отъ простой компиляціи, какъ трудъ, написанный несомнѣнно на основаніи личнаго, непосредственнаго знакомства съ рукописнымъ матерьяломъ: авторъ любитъ и знаетъ рукописи и умѣетъ извлекать изъ нихъ нужный ему матерьялъ. Но, къ сожалѣнію, ни архитектоника всего сочиненія, ни подборъ матерьяла, ни его освѣщеніе, ни даже пріемы изложенія не таковы, которые давали бы намъ возможность чувствовать въ его авторѣ полнаго хозяина его дома.

Уже заглавіе книги вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе. Авторъ назвалъ ее „Учебникомъ русской палеографіи“, но кому же неизвѣстно, что послѣдняя есть не что иное, какъ естественное и органическое продолженіе южнославянской? Русское письмо по происхожденію своему есть не что иное, какъ письмо, изобрѣтенное Кирилломъ Философомъ для переведеннаго имъ въ 60-хъ годахъ IX ст. на языкъ македонскихъ славянъ Св. Писанія. Кромѣ того, не менѣе извѣстно, что древнѣйшія русскія рукописи, собственно говоря, представляютъ лишь копіи произведеній югославянскихъ, точнѣе древнеболгарскихъ. При такихъ обстоятельствахъ, изслѣдователь древне-русскаго письма не можетъ сдѣлать и шагу безъ самаго

близкаго знакомства съ фактами югославянской палеографіи. Конечно, Щепкину, который имѣлъ честь состоять профессоромъ московскаго университета по кафедрѣ славянской филологіи, и который самъ оказалъ незабвенныя услуги въ дѣлѣ разработки ея проблемъ, это было извѣстно лучше, чѣмъ кому-либо другому. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ пожалѣть, что онъ не использовалъ своего научнаго опыта въ этой области, и въ книгѣ, обнимающей собой 200 страницъ, посвятилъ вопросамъ югославянскаго письма не болѣе четырехъ главъ, въ объемѣ не болѣе 30 стр. Пусть это дало ему внѣшній поводъ назвать свою книгу учебникомъ русской палеографіи, а не „славянской“ или славянорусской, какъ это находимъ у его предшественниковъ, но научныя достоинства ея отъ этого врядъ-ли повысились. Не отрицая, что вторая глава, посвященная церковнославянскому языку и его азбукамъ, не лишаетъ читателя нѣкотораго представленія о древнѣйшихъ славянскихъ азбукахъ и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, все же мы должны признать, что вполнѣ ясной и отчетливой картины постепенной эволюціи русской графической техники изъ южнославянской книга Щепкина не даетъ. Правда, въ IX, гл. авторъ посвятилъ нѣсколько словъ древнѣйшимъ датированнымъ памятникамъ кириллицы и представилъ даже свои соображенія о недошедшей до насъ древнѣйшей кириллицѣ, но, перейдя въ слѣдующей X гл. къ изученію русскихъ почерковъ въ пергаменныхъ рукописяхъ, онъ не счелъ нужнымъ сопоставить эти почерки съ южнославянскими: сличеніе en regard почерка, напр., Остром. Ев. или Свят. Сб. 1073 г. съ почеркомъ Савв. кн. или Супр. рукоп. было бы весьма поучительно и на дѣлѣ бы доказало тѣснѣйшую связь русскаго письма съ южнославянскимъ, — связь, которую Щ. на стр. 98 своей книги признаетъ только теоретически.

Такимъ образомъ, южнославянскій матерьялъ въ книгѣ Щ. оказался отодвинутымъ на второй или даже третій планъ. Это отразилось и на внѣшнемъ планѣ книги: вмѣсто того, чтобы изложить судьбы южнославянской, т. е. болгарской и сербской письменности, непосредственно послѣ главы, посвященной старославянскому языку и славянскимъ азбукамъ, нашъ авторъ помѣстилъ этотъ очеркъ передъ главой, трактующей о русскихъ почеркахъ въ пергаменныхъ рукописяхъ, какъ бы въ видѣ введенія къ главѣ о югославянскомъ вліяніи въ Россіи (XI), помѣщенной передъ главой о русскихъ полууставныхъ почеркахъ (XIII). Но такое распредѣленіе матерьяла врядъ-ли можно признать удачнымъ: не говоря уже о томъ, что оно можетъ внушить читателю превратную мысль, что указанное вліяніе было фактомъ эпизодическаго значенія, самое изложеніе, при такомъ распорядкѣ, теряетъ всякое единство и стройность.

Да и вообще архитектоника сочиненія не можетъ похвалиться соразмѣрностью и гармоніей частей. Напр., IV гл., трактующая о матерьялахъ и орудіяхъ письма, слѣдуетъ не за I гл., посвященной цѣлямъ и методамъ палеографіи (какъ мы ожидали бы), а послѣ II и III главъ, разсматривающихъ вопросъ о славянскихъ азбукахъ и изводахъ; V-ая гл. о вязи, которую невозможно изучать, не получивши предварительно представленія о почеркахъ вообще, далеко отстоитъ отъ главы, посвященной изученію именно этихъ послѣднихъ; съ водяными знаками авторъ знакомитъ раньше, чѣмъ съ почерками пергаменныхъ рукописей. Конечно, спеціалистъ су-

мѣетъ разобраться въ этомъ живописномъ безпорядкѣ, но начинающіе, для которыхъ предназначена книга, врядъ ли скажутъ за него спасибо автору.

Но если на худой конецъ съ такимъ „распредѣленіемъ матерьяла“ и можно примириться, то уже никакъ нельзя закрыть глаза по пробѣлы, при которыхъ учебникъ не можетъ отвѣчать даже прямому своему назначенію. Какъ извѣстно, палеографія есть наука прикладная, — она изучаетъ внѣшнія особенности писаныхъ памятниковъ съ цѣлью опредѣлить мѣсто и время ихъ возникновенія. Но если такъ, то вопросъ объ ея источникахъ, т. е. рукописяхъ и другихъ письменныхъ памятникахъ, долженъ занимать во всякомъ учебномъ руководствѣ одно изъ первыхъ мѣстъ. Къ великому сожалѣнію, этотъ отдѣлъ въ книгѣ Щ. отсутствуетъ совершенно, и мы напрасно стали бы искать у него систематическаго обзора хотя бы только древнѣйшихъ и датированныхъ рукописей, перечня главнѣйшихъ ихъ собраній и библіотекъ, свѣдѣній относительно ихъ описаній. Оставленный безъ всякой информаціи въ дѣлѣ библіографіи рукописей, читатель лишенъ возможности узнать изъ книги Щ. что-нибудь и относительно литературы предмета, — до такой степени тщательно избѣгаетъ авторъ приводить ссылки на чужія сочиненія и вообще давать какія-либо библіографическія указанія.

Опуская необходимое, Щ. довольно часто даетъ мѣсто въ своей книгѣ тому, безъ чего можно было бы легко обойтись. Я имѣю въ виду, напр., помѣщенную въ концѣ книги „Славянскую и русскую хронологію“. Мнѣ не совсѣмъ понятно, какую цѣль преслѣдовалъ авторъ при ея составленіи. Если бы эта хронологія заключала въ себѣ перечень датъ по исторіи славянской письменности (напр., указывала бы время изобрѣтенія славянской азбуки, приводила бы даты написанія древнѣйшихъ кодексовъ, основанія типографій и т. п.), противъ нея, пожалуй, ничего нельзя было бы возразить. Но какъ разъ такихъ датъ въ ней мы почти не находимъ; большая же часть ихъ — это тѣ, которыя можно найти въ любомъ учебникѣ русской и всеобщей исторіи. Нѣкоторыя же изъ датъ (напр., 1034 г. разгромъ печенѣговъ кн. Ярославомъ, 1227 г. — смерть Чингисъ-хана, 1415 г. — сожженіе Гуса и др.) къ русской палеографіи не имѣютъ даже косвеннаго отношенія.

Но не только въ области источниковѣдѣнія и библіографіи мы замѣчаемъ въ „Учебникѣ“ Щ. существенные пробѣлы; не менѣе крупные недочеты мы можемъ отмѣтить въ отдѣлѣ палеографіи въ тѣсномъ значеніи слова. Такъ, непріятно поражаетъ въ книгѣ Щ. почти полное отсутствіе свѣдѣній о дипломатикѣ: кромѣ бѣглыхъ замѣтокъ о той или другой грамотѣ, мы не находимъ здѣсь ничего. Сравнительно много посвящая мѣста описанію начертаній отдѣльныхъ буквъ, Щ. очень мало говоритъ объ ихъ употребленіи. А между тѣмъ борьба между іотированными и неіотированными знаками, между разными видами буквъ и и ѧ и т. п. имѣетъ немаловажное значеніе для характеристики графики того или другого памятника. То же слѣдуетъ сказать относительно знаковъ препинанія, т. е. „придыханій“ и удареній. Къ величайшей досадѣ лингвистовъ, обойдены молчаніемъ въ „Учебникѣ“ Щ. нотные знаки. А историки славянской культуры, безъ сомнѣнія, посѣтуютъ на автора за то, что онъ не счелъ нужнымъ дать мѣсто въ своей книгѣ описанію различныхъ типовъ и школъ писцовъ, а также за то, что уклонился отъ разсказа объ историческихъ

условіяхъ и обстановкѣ появленія славянскаго книгопечатанія и о первыхъ славянскихъ инконабулахъ.

Что касается внутренняго освѣщенія матерьяла, то оно, по большей части, не отличается большой самостоятельностью: въ громадномъ большинствѣ случаевъ Щ. слѣдуетъ по стопамъ своихъ предшественниковъ. При этомъ онъ обнаруживаетъ иногда излишнюю довѣрчивость. Такъ, изслѣдуя вопросъ, какой изъ двухъ славянскихъ азбукъ, глаголической или кирилловской, принадлежитъ пріоритетъ, Щ. по нашему мнѣнію, совершенно справедливо высказывается въ пользу первой. Но онъ идетъ, безъ сомнѣнія, слишкомъ далеко, когда безоговорочно присоединяется къ теоріи Тэйлора и Ягича о происхожденіи глаголицы изъ греческаго курсивнаго письма. Что эта теорія имѣетъ непреодолимыя трудности, — это прекрасно показалъ нѣмецкій ученый Ralphs въ спеціальной статьѣ въ KZ (XLV, 285—287), — статьѣ, оставшейся, повидимому, неизвѣстной Щ. Кое-что спорнаго вкралось и въ другія мѣста учебника, но, въ виду его мелочности, я не стану имъ утомлять вниманіе читателя, и лишь pour la bonne bouche замѣчу, что Щ. въ своей книгѣ упорно пишетъ пергаментъ, а не пергаменъ. Какъ извѣстно, это матерьялъ получилъ свое названіе по имени малоазіатскаго города Пергама, гдѣ онъ, главнымъ образомъ, выдѣлывался. Отъ *Περγάμος* образовано прилаг. *περγαμενός*, откуда лат. pergamena въ выраженіи charta pergamena (ср. Карскій, Очеркъ, 42).

До сихъ поръ я говорилъ только о тѣневыхъ чертахъ книги Щ. Но этимъ я не хочу сказать, что она лишено достоинства. Совсѣмъ напротивъ, я первый готовъ признать, что многіе изъ недостатковъ книги Щ. съ избыткомъ искупаются богатствомъ ея фактическаго содержанія, меткостью отдѣльныхъ наблюденій и соображеній автора и замѣчательнымъ живымъ, увлекательнымъ стилемъ. Въ частности, особенно выгодное впечатлѣніе производитъ отдѣлъ о вязи (лигатурахъ) и орнаментѣ: онъ представляетъ собой итогъ многолѣтнихъ самостоятельныхъ изслѣдованій автора по даннымъ вопросамъ и содержитъ въ себѣ не одно золотое зерно, которымъ со временемъ не преминетъ воспользоваться даже спеціалистъ.

Но признавая это, мы, все-же, относимся къ труду Щ. нѣсколько сдержанно. Не только съ педагогической точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія чисто-научной, онъ безусловно уступаетъ курсамъ Соболевскаго и Карскаго, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить ихъ. А начинающій лишь въ томъ случаѣ извлечетъ изъ него надлежащую пользу, если приступитъ къ его изученію съ такимъ запасомъ свѣдѣній въ данной области, который бы позволилъ ему контролировать мнѣнія и выводы автора.

Саратовъ. *Г. Ильинскій.*

Ритмичнитѣ основи на народната ни музика отъ Добри Христовъ (Долински). Sofijský „Сборник“, Книга XXVII. 1913.

Български народни пѣсни отъ Бесарабия събралъ полковникъ Янковъ, нотиралъ Добри Христовъ (Долински). Tamtéž.

Stať, o níž lze mluviti jen pochvalně. A spolu radostně. Píseň balkánských Slovanů, ač krásy exotické, jižní bujnosti a nádhery, neobrátila

dosud náležité pozornosti sběratelů a tím méně kritických badatelů, (poněvadž tito neměli dosud ke své analysi potřebné látky). Pan Christov zaryl pojednou rýčem hezky hluboko, i když ne široko. Zabořil se do rytmiky a periodicity nápěvů bulharských. V úvodě projevuje zdravé názory: má se při museu založiti oddíl pro národní hudbu, a má se pečlivě zapisovat silami odborně vzdělanými, a sice též fonografem, a sebraný materiál má se systemisovati 1. dle taktu, 2. periodicity, 3. tonality, 4. objemu zvukového, 5. dle charakterů různých; mají se posléze sdělati dle toho i diagramy. Chce míti k tomu ovšem nejen dostatečných materiálů z celé své vlasti, ale i materiály sousedních národů, aby se zjistiti mohlo, co domácího a co cizího, což bych já raději vyslovil takto: aby se viděla vzájemnost domácích i cizích živlů.

Souhlasím plně s tvrzením p. Ch., že bulharská píseň u srovnání s ostatními písněmi slovanskými vyniká bohatstvím rytmu i tonality, na niž jsem již r. 1894 upozornil (11 tonalit jsem konstatoval).[1]

Po stručném úvodě přechází autor ihned k taktu a periodicitě, a uvádí řadu u nás nezvyklých měr: $^{5}/_{16}$, $^{7}/_{16}$, $^{8}/_{16}$, $^{9}/_{16}$, $^{10}/_{16}$, $^{11}/_{16}$, $^{12}/_{16}$, $^{14}/_{16}$ (po případě $^{5}/_{8}$, $^{7}/_{8}$, $^{8}/_{8}$). Čísla tato připouští však různé možnosti, na př. míra $^{5}/_{8}$ ♪ ♪. nebo ♪. ♪, míra $^{7}/_{8}$ ♪ ♪ ♪. nebo ♪. ♪ ♪ nebo ♪ ♪. ♪. Nejzajímavější formy poskytuje míra na prvý pohled známá, totiž $^{8}/_{8}$: ♪. ♪ ♪., jež v provedení vypadá takto: ♩♩♩ ♩♩ ♩♩♩ nebo $^{12}/_{16}$: ♬ ♬ ♬ + ♬ ♬, též ♬ ♬ + ♬ ♬ ♬ a pod.

Na všecky tyto způsoby autor uvádí doklady. Dovedu práci tuto tím více oceniti, poněvadž jsem prožil rozpaky na svých studijních cestách, když takové neobvyklé rytmy po prvé mi přišly k slechu. S počátku nevíme, je-li to nezpůsobilost zpěváka nebo náhoda. Teprve po delší zkušenosti se zjistí tradice rytmů, jež obtížně jen chápeme a do nichž ztěžka se vžíváme.

Cenné jsou poznámky při jednotlivých typech taktů i písní, kde se ukazuje na vztah bulharských písní k orientálním (tureckým i perským) živlům a neméně i řeckým a arnautským. Poměrně méně se ukazuje na písně sousedních Slovanů, ač by se naskytovalo dosti příležitosti.

Příklady uvedené vykazují kromě písní i řadu typů tanečních: pajdušku, ručenici, radomirské choro, sofijské choro, dále hry jako hajduckou, chojsatu.

Posléze přichází se k písním beztaktovým, jež se táhle pějí.

Analysující práce p. Christova značí positivní výkon, jenž mnoho prospěchu přinese dalším pracovníkům.

Za theoretickou statí následuje sbírka 215 písní besarabských, k nimž nápěvy v Sofii zapsal p. Christov a teksty podplukovník Jankov od příbuzné dámy, jež z Bolgradu do Sofie na návštěvu přišla a vynikala takovou znalostí písní, že nebylo možno pro krátkost doby vše zapsati. Je připojeno i potvrzení univ. prof. Ganeva, že zápis vykonán správně. Toho pro znalce netřeba. Věrohodnost ze zápisů samých je zřejmá. Pozorujeme tu zejména typ chora, podobný černohorskému a bosenskému, a tvoří se

---

[1]) Тоналноститѣ въ българскитѣ напѣви. Сборникъ кн. XIV.

tak veliká linie vedoucí od Adriatického moře přes Balkán a Bessarabii na Malou a Bílou Rus, kde chorovody mají rovněž podobný typ. Třebas v theorii nelze doporučovati zapisování písní od intelligence, nýbrž nutno v zásadě klásti důraz, aby se sbíralo ves od vsi, od prostého lidu, přece v praksi nebylo by rozumno pominouti příležitost tak příznivou, jako byla tato.

Na konec nutno přidati i kousek polemiky, ke kteréž jsem nucen tím spíše, když jsem s radostným uznáním a upřímným díkem stať páně Christova byl uvítal; neboť by se mohlo mysliti, že souhlasím s některými omyly.

Na str. 4 praví v předmluvě pan Ch. »I ve sborníku Kuby a Kuhače jsou bulharské, makedonské a jiné písně ...« Což, pokud mého sborníku se týče, není pravda, neboť můj sborník, bohužel musil býti dříve zastaven, nežli na bulharský a macedonský oddíl mohlo dojíti.

A ještě jednu poznámku musím si, ač velmi nerad, dovoliti.

Pan Ch., naříkaje na nedostatek materiálů, nutných — přirozeně — k vývodům povšechným, praví v předmluvě (str. 4) o písních dosud v Bulharsku sebraných a vydaných po různu ve 12 knihách »Sborníků ministerských«: Опити въ туй отношение нотирани пѣсни отъ разни краища на България и Македония; но тѣзи опити сѫ некапълно удовлетворителни, а може да серерекатъ и нѣмайки достаточни познания по ритмиката и тоналноститѣ, вършили сѫ тази важна и трудна работа безъ умение, безъ планъ, безъ система и за това не до тамъ точно. И въ сборницитѣ на Куба и Кухачъ има български, македонски и др. пѣсни, но и въ тѣхната вѣрность може да се има толкова вѣра, колкото въ материялитѣ отъ министерскитѣ сборници.

Nuže já znám ony materiály ve »Sbornících« sofijských občas otisknuté a mám o nich daleko příznivější mínění nežli p. Ch., ačkoliv jsem sám v Bulharsku zapisoval a ačkoliv — nežli jsem do Bulharska přišel — jsem zapsal na půltřetího tisíce písní a tekstů u druhých balkánských Slovanů. Vytýkati »nedostatečnou znalost rytmiky a tonality« prvým sběratelům není dosti logické, poněvadž znalost ta může býti teprve důsledkem četných sběrů a studií a nemůže tudíž předcházeti. A rovněž vytýkati pracím těm nedostatek »plánu a systemu«, není dosti místné; musíme býti vděčni každému, kdo i »bez plánu a systemu« zapíše při kterékoliv vhodné příležitosti píseň, jen učiní-li tak zvukově věrně. Tonalita, periodicita i rytmus dá se později na základě dalších studií a analysy stanoviti a omyly snadno opraviti.

Pan Ch. do řady těch, kteří bez »умение« zapisovali, staví též mne.[1]) Na žádný způsob nečiním nároků na neomylnost. Ale bude zajímati odborníka, když — jako příklad své práce zapisovatelské — uvedu dva nápěvy, jež jsou pouhými varianty písně, kterou p. Ch. pod č. 95. uvádí. Spojil jsem všecky tyto tři sourodé nápěvy, z nichž prvý je p. Christova, druhé dva moje. Z těchto dvou prvý je zapsán r. 1890 v Nikšići na Č. Hoře, druhý r. 1893 v Bosně v Čajniči. Oba byly již

[1]) Ač bulharské písně moje dosud nevyšly, jak jsem ukázal (bohdá však brzy vyjdou).

vytisknuty a sice prvý v mých Černohorských písních r. 1891 a druhý o něco později v Sarajevě v musejním časopise. Ze zápisu je zřejma fantasie lidu, jež na témž podkladu dovede na různých místech různě tvořiti a měniti, a spolu je zřejma i věrnost rytmiky i periodicity všech tří zápisů.

Bulharská

Ахъ дру - га - ри чуј - те ме - не

Černohorská z Nikšiće; zapsáno r. 1890

Aj, ka.-ko mo-žeš, bo - lan Jo - vo,

Bosenská z Čajniče; zapsáno r. 1893

Ka-ko možeš, ja - dan dra - gi,

може би за се - тенъ пжть, друга - ря ви-

jedan čas bit brez me - ne, aj, ka-ko mo - žeš bit

jedan čas bit bez me - ne, ka - ko li se

клѣт - никъ стѣ - не, че о - ста - вя ба - щинъ кжтъ

bo - - lan Jo - vo, jedan čas bit brez me - ne?

raz - go - - va - raš. kada me - ne ne gle - daš?

Mohl bych i jinými příklady posloužiti, kdyby bylo místa.

Práce sběratelská, jak p. Ch. uznává, je trudná; je proto na pováženou práci jiných šmahem odsuzovati. Sběratel, jenž málo zapisuje, má obtížnou posici: je odkázán na víru čtenářovu. U mne, jenž sebral masu písní, je situace o to snadnější, že varianty, v různých končinách sebrané a od různých zpěváků zapsané, jsou jediné správným dokladem, z něhož lze souditi, zdali práce byla dobrá či špatná. Ani doklad fonografický nemá té váhy, jako řada variantů, poněvadž není nikdy jisto, zdali zpěvák píseň pěje dobře, čímž nemyslím věrnost, týkající se každé jednotlivé noty, nýbrž věrnost tradice, v níž píseň žije. Pro mne je axiom, že píseň lidová, pravá a živá (jaká právě na Balkaně exemplárně se jeví), je organismus, jenž téměř nikdy beze změny se neopakuje, nýbrž stále se mění, ovšem v mezích svých životních zákonů.

Pan Christov je kritický duch; i jsem přesvědčen, že to, co jsem vytknul, je pouze následek upřílišnění horlivosti a dobré vůle, se kterou se chápe svého díla. Čekám dychtivě na jeho další práce.

Praha.

Ludvík Kuba.

Zprávy.

Славянская филология в России за г. г. 1914—1921.

Сказки и легенды.

Увлечение собиранием былин, на многие годы отодвинувшее на задний план собирание и изучение других видов фольклора, уже улеглось, и за последнее время сказки привлекают, пожалуй, наибольшее внимание собирателей. Самый подход к сказке существенно изменился. ,,Мифологов", как справедливо отмечают Б. и Ю. Соколовы, в сказках интересовали отголоски отдаленнейшего праисторического сознания, и Пыпин даже договорился до утверждения, что от изложения сказки должно быть отделено все, в чем выражается произвольная манера одного человека. Точно также адептов теории заимствования мало занимает подход к сказке самого сказителя. И для него дело вращается главным образом в сфере схем, отвлечений. Из изучения сказки, говорят Соколовы, очень часто выбрасываются вопросы о том, что собственно дает сказке жизнь, что служит причиной ее популярности, а также о том, какие интересы, запросы, вкусы она отражает. На среду хранителей фольклора, на художественные интересы сказителей, на то, какие сказки и песни больше всего им нравятся, и что им в них нравится, и какие рассказы и повести они слушали и читают, почти не обращалось внимания. Современный собиратель стремится по мере сил осветить индивидуальность сказочника и охарактеризовать среду его слушателей и ее эстетические склонности. Вышеназванный сборник бр. Соколовых представляет в этом отношении богатый материал. Единственное, что можно возразить собирателям, это склонность устанавливать слишком прямолинейную, упрощенную связь между личностью сказочника и его сказкой. Наши наблюдения заставляют нас настаивать на большей осторожности во избежание скороспелых выводов. Повышается требование точной записи сказки. Собиратели стремятся не исказить ее художественного облика и по возможности записывать дословно не только сказку, но и вводные замечания слушателей. Поднимается вопрос, в достаточной ли степени отвечают современным требованиям сказки Афанасьевского сборника. Мифологическая теория сказалась не только на методе записи и издания сказок, но и на отборе сказок, достойных записи. Старый собиратель с известной долей пренебрежения относился к сказкам типа фаблио, к фривольным анекдотам, где он не находил следов древних верований. Для современного собирателя все виды устных рассказов являются равноценными, мало того, сказки типа фаблио представляют для него большой интерес в силу своей исключительной живучести. Кроме сборника Соколовых, содержащего 163 сказки и рассказа, вышли из пе-

чати два сборника Зеленина: ,,Пермские сказки" и ,,Великорусские сказки Вятской губ." (Петроград 1915). Среди этих сказок особенный интерес представляют длинные сводные сказки, приближающиеся по типу к авантюрному роману 18-го века. Кроме сказок, записанных Зелениным, сюда вошли материалы из архива Русского географического общества, в частности ряд инородческих сказок. Во вступительных статьях к сборникам Зеленин дает характеристику условий бытования сказки в обеих губерниях, при чем собиратель подчеркивает большую консервативность и традиционность сказок, собранных в Пермской глуши, по сравнению со сказками Вятской губернии, сильно преобразившимися под влиянием солдатчины и фабрики. Елеонская пытается в Этнографическом Обозрении на основании Зеленинских материалов охарактеризовать отражение природы в сказке. Богатые материалы по сказке, хранившиеся в архиве Географического Общества, собраны Смирновым и опубликованы в двух томах ,,Сборника великорусских сказок" (Петроград 1917 г.). Вышло 3-ье издание ,,Русских народных сказок" Афанасьва под редакцией Грузинского и с его вступительными статьями, а также два новых издания ,,Русских народных легенд" Афанасьева, одно под редакцией Петровского (1914), другое под редакцией Шамбинаго (1914). Несколько новых записей легенд опубликовано в повременных изданиях — Шенкурские записи Богатырева в «Живой старине» (1916) и записи крестьянина Петровского у. Саратовск. губ. Заварицкого в «Этнографическом обозрении» (1916). Географическое общество выпустило в 1915 г. большой сборник малорусских легенд ,,Памятники Галицкорусской народной словесности", собранные Яворским. Гнедич посвятил один выпуск материалов по этнографии Полтавской губ., так назыв. ,,Протоколам", небольшим сатирическим рифмованным рассказам, сочиненным на местные злобы дня, а другой выпуск — крестьянским автобиографиям, представляющим главным образом бытовой интерес.

Несколько исследований посвящено бродячим сюжетам и их русским вариантам. Таковы: две большие работы казанского ученого Вальтера Андерсона ,,Роман Апулея и русская народная сказка" (Казань 1914 г.) и ,,Император и аббат, история одного народного анекдота" (т. I. Казань 1914 г.). Обе работы заключают в себе большое собрание анекдотов типа фаблио, при чем Андерсон следует в своих работах так наз. финнскому методу сравнительного изучения. Отметим, что наряду с множеством других вариантов сюжета ,,Император и аббат" Андерсон привлекает стихотворение на эту тему чешского поэта Пухмайера. Ю. М. Соколов в исследовании «Повесть о Карпе Сутулове», напечатанном в трудах Славянской Комиссии, продолжает работу, начатую покойным проф. М. И. Соколовым и вводит названную повесть в круг бродячих народных анекдотов о лукавой жене. Викентьев во вступительной статье к своему переводу египетской сказки «Повести о двух братьях» привлекает для сравнения ряд параллелей к отдельным мотивам этой сказки, в том числе и русские.

Принципиальные вопросы, выдвинутые в работе Фридриха фон-дер-Лейена „Das Märchen", вызвали обстоятельную рецензию Е. Н. Елеонской, прочитанную в Общ. истории литературы и вызвавшую

детальное обсуждение. Под влиянием работы фон-дер-Лейена написан доклад Богатырева «Сны в пересказе крестьян и в народной сказке», прочитанный в Комиссии по народной словесности (1916 г.). Там же Елеонская прочла доклад, посвященный классификации сказок. С резкой критикой существующих теорий о сказке выступил В. Б. Шкловский в статье ,,Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля'' (сборник ,,Поэтика'', Петроград 1919). Случайные совпадения сказочных сюжетов, говорит Шкловский, невозможны. Допущение заимствований не об'ясняет существования одинаковых сказок на расстоянии тысяч лет и десятков тысяч верст. Совпадения об'ясняются только существованием особых законов сюжетосложения. Этнографическая теория неточна в основании. По ней сказочные мотивы являются воспоминаниями о действительно существовавших отношениях. Шкловский полемизирует с работой В. Ф. Миллера «Всемирная сказка в культурно-историческом освещении». Сюжет об овладении землей при помощи коровьей шкуры, разрезанной на ремни для охвата возможно большего участка, Миллер об'ясняет старым обычаем измерения земли. По мнению Шкловского, в этом труде работа по выяснению ,,бытовой основы'' доведена до абсурда. Оказывается, говорит Шкловский, что обманутая сторона, — а во всех вариантах сказки дело идет об обмане, потому не протестовала против захвата земли, что земля вообще мерилась этим способом. Получается нелепость. Если в момент предполагаемого совершения действия сказки, обычай мерить землю, ,,сколько можно обвести ремнем'' существовал и был известен и продавцам, и покупателям, то нет не только никакого обмана, но и сюжета, потому, что продавец сам знал, на что шел. Не отрицая возможности возникновения мотивов на бытовой основе, Шкловский отмечает, что для создания таких мотивов обыкновенно пользуются коллизией обычаев — противоречием их: воспоминание о несуществующем больше обычае может быть использовано для построения конфликта. Далее Шкловский рассматривает на примере русской народной сказки, европейского романа, эпоса и т. п. элементарные приемы сюжетосложения (ступенчатое построение, обрамление и др.). Одновременно с Шкловским Богатырев, исходя из полемики с фон-дер-Лейеном обосновал ,,теорию необычного'', положенную в основу его докладов о народных анекдотах в Лингвистическом Кружке. Возражая фон-дер-Лейену, видящему напр. в сказке об убийстве падчерицы мачехой отражение первобытной жестокости, Богатырев высказывает предположение, что в сказку подобный мотив мог попасть лишь будучи фактом необычным, нарушением нормы. Словом, жизненный факт, лишь будучи необычным для среды, в которой возникала сказка, мог стать сказочным сюжетом. Сюда относятся, кроме фактов патологических, воспоминания о бытовых явлениях прошлого, ставших диковинными, а также сведения о бытовых явлениях другой племенной или социальной среды, непривычных для данной среды. Анализируя форму народных анекдотов, докладчик рассматривает последние, как развернутые ,,прибакулочки'' (а.-типа метатезы, в.-типа оксюморона). Аналогичны по построению, но отличаются мотивировкой сказки и легенды. Культурно-исторические выводы из анекдотов и сказок надо делать с большой осторожностью, поскольку легко принять за бытовой

факт композиционный прием. Анекдоты об инородцах отличаются от анекдотов о дураках исключительно мотивировкой. Далее Богатырев рассматривает способы построения анекдотического языка инородцев, способы анекдотического сказа и приемы сочстания нескольких анекдотических мотивов в единое композиционное целое.

Театр.

По народному театру опубликован ряд интересных материалов. Н. Н. Виноградов напечатал 4 новых текста пьесы Царь Максимилиан «Народная драма Царь Максимилиан. Тексты, собранные и приготовленные к печати Н. Н. Виноградовым» (Сб. II отд. Ак. Н. Петрогр. 1914). В предисловии к текстам академик А. И. Соболевский высказывает предположение, что Царь Максимилиан восходит к неизвестной школьной драме I пол. XVIII века. Между прочим Соболевский приводит первое по времени сообщение о постановке (солдатами) Царя Максимилиана в письме Ивана Аксакова от 26 дек. 1855 г. Кромс того, варианты Царя Максимилиана опубликованы в Историческом Вестнике 1914 г. (П. А. Мартемьянов ,,Комедия о Царе Максимилиане") в ,,Материалах для этнографии Херсонской губ." Бессарабы (Сб. II отд. Ак. Н. т. 94, 1916 г.) и в очерках Н. М. Куклина ,,Школьные типы" («Светоч и Дневник писателя" 1913 г. № 5—6). Бакрылов составил на основании всех известных ему вариантов пьесы о Максимилиане сводный текст (1921 г.). Научного значения работа Бакрылова не имеет. Алексей Ремизов переработал свод Бакрылова для современного театра (Петроград 1920 г.) ,,Получилось литературное упражнение, имеющее ценность меньшую . . . чем любая точная, стоящая доверия запись", пишет рецензент в журнале ,,Книга и Революция" (Петрогр. 1921 г. № 8—9). Ни в своей переделке, ни во вступительной статье ,,Портянки Шекспира" Ремизов не уловил композиционных приемов народной драмы. Ср. справедливую критику В. Шкловского (,,Жизнь искусства" № 267 1921 г.). Театральный отдел Наркомпроса принял к печати описание балаганных представлений в Саратове и Москве, сделанного Е. Богатыревой. Из новых исследований по Народному театру отметим: ,,К вопросу о вырождении вертепной драмы" (Изв. Одесского библиогр. О-ва т. 2, 1913 г. вып. 5), ,,Заметки о народной драме" Б. В. Варнеке (Изв. II отд. Ак. Н. 1915 г.). В Саратовском О-ве литературы и этнографии Н. Ф. Яковлев прочел доклад о народной пьесе ,,Лодка". Докладчик пытается на основании всех существующих вариантов установить первоначальный вид пьесы.

Н. К. Пиксанов поместил в журнале ,,Культура театра" (1921 г.) библиографический указатель по народному театру. Популярные работы по народному театру: статья о народном театре П. О. Морозова в роскошном изд. ,,История русского театра" под ред. Каллаша и Эфроса (Москва 1914 г.); ,,История русского театра" Варнеке (1914 г. 2-ое изд.).

Отражение в фольклоре текущих событий.

Война и революция не могли не оставить следов в русской устной поэзии, но, к сожалению, собранные материалы очень фрагментарны. По

военному фольклору имеются следующие материалы: ,,Легенды о войне", записанные Краснощековым (Ист. Вестник), статья В. Смирнова ,,Наши Враги. Война и произведения народной словесности" (Труды Костромского Научного Общества по изучению местного края, Вып. V.), анонимная статья: ,,Лубочный юмор — Уличные отзвуки на войну" (Нижегородский листок 1914 г.), рассказы и разговоры солдат, записанные сестрой милосердия Федорченко, частью напечатанные в журнале ,,Северные Записки" (Петр. 1917 г.). Ряд научных организаций — Ак. наук, Русс. Геогр. Общество, Росс. Ист. Музей — занимались собиранием солдатских писем. Сборник ,,Солдатские письма" издан Е. В. Молоствовою (Петр. 1917).

Ряд лиц, командированных Академией Наук, собирал на фронте солдатские надписи на могильных крестах, легенды, связанные с войной и т. п. Небольшая часть этих материалов опубликована в Живой Старине. Один из этих собирателей Ульянов прочел в 1918 году доклад в Этнографическом отд. О. Л. Е. А. и Э. о причитаниях и заплачках, возникших во время войны. Очень мало видимо записано и почти ничего не напечатано из разнообразного фольклорного материала, отразившего события революционных лет. Наибольший интерес представляет доклад Ю. М. Соколова в Моск. Лингв. Кр. (1920 г.) Докладчик подверг рассмотрению легенды и частушки о революции, записанные Барановым. Легенды, связанные с революцией, можно разбить на 3 основных цикла: легенды о крушении старого режима, где видную роль играет Распутин, и на которых видимо сказалась газета и городские слухи, легенды эсхатологические и легенды о вскрытии мощей. Легенды последних двух циклов являются в некоторых случаях приспособлением старых легенд к текущим событиям. На героев легенд (Николай II, Александра Федоровна, Распутин, Ленин, Троцкий) обычно переносятся характеристики традиционных сказочных и легендарных героев.

Ряд военных частушек был напечатан в Трудах Костромского Научного Общ. по изучению местного края, а ряд частушек революционного времени появился в журнале ,,Красная Новь" за 1921 г.(№ 1, статья Семеновского) и в журнале ,,Русская Мысль" за 1922 г., но по большей части эти частушки, видимо, поддельны. И самые статьи о современном фольклоре в ,,Красной Нови" и ,,Русской Мысли" погрешают против научной объективности крайней политической тенденциозностью.

Заговоры.

Новых собраний заговоров за последние годы не появлялось. Отдельные заговоры разбросаны по этнографическим изданиям. Интересны старообрядческие заговоры XIX в., извлеченные из библиотеки Казанской Духовной Академии и напечатанные в ,,Казанском музейном вестнике" (вып. 3—4 1920) в статье А. И. Никифорова ,,Музей и рукопись". Ценным вкладом в область изучения заговоров является книга Познанского ,,Заговоры, опыт исследования происхождения и развития заговорных формул" (Записки ист. фил. фак. Петрогр. Унив. 1917). Работа Познанского состоит из 5 глав: 1) Обзор исследований заговоров. 2) Мор-

фология заговоров. 3) Магическая сила слова. 4) Заговорные мотивы. 5) Песни и заклинания. Книга написана под сильным влиянием Фрезера. Основное положение: заговорная формула вышла из обряда и во многих случаях является лишь словесным описанием этого обряда. Часто автор увлекается и возводит к обряду те формулы, которые могли возникнуть без обряда или даже обусловить последний. Интересны замечания о формальныхъ особенностях заговорных формул. На одной из формальных черт заговора остановился Богатырев в докладе «Повторение в заговорах», прочитанном в Моск. Линг. Кр. в 1921 г. Ком. по нар. слов. издала работу Е. Н. Елеонской «К изучению заговора и колдовства в России» вып. I (1917). В эту книгу вошла в несколько измененном виде статья, напечатанная Елеонскою в Русском Архиве (1912, кн. IV) ,,Заговор и колдовство на Руси в 17 стол.'' и несколько новых статей. Наибольший интерес представляет собою статья о заговорах против оружия. Работа привлекает новый рукописный материал.

Верования.

Докторская диссертация Д. К. Зеленина ,,Очерки русской мифологии. Вып. I. Умершие неестественной смертью'' (Петроград 1916) заключает в себе следующие основные положения: ,,заложные'' — это особый разряд покойников, отличающийся от ,,умерших'' предков; заложные покойники тесно связаны с местом своей смерти и могилой, хотя они и обладают способностью к передвижению; они сливаются с представителями нечистой силы и вредят людям. Погребение заложных в земле вызывает холод, т. к. чистая земля гневается на помещение в ее недра нечистого трупа. Заимствованные с запада русалки слились по мнению Зеленина с существовавшими прежде на Руси поминками в честь заложных; русалки — не души умерших предков, а неудовлетворенные женщины, а также дети, погибшие неестественной смертью. На образе русалки отразились некоторые черты полудниц, леших, водяных и т. п. Все русальские и почти все весенние обряды суть в основе своей обряды поминальные. Далее Зеленин различает южнорусских русалок (красивых молодых женщин) и сев.-русских (безобразных великанш). Автор привлек в своей работе множество нового материала — рукописного, а также разбросанного по провинциальным журналам и газетам. К сожалению, остался неиспользованным вост.-галицийский материал, древне русские церковные памятники, а также ценный материал, собранный финнскими фольклористами, хотя Зеленин останавливается на верованиях соседящих с русскими финнских племен, и возводит даже эти верования к верованиям старо-русским. В. В. Богданов рецензировал диссертацию Зеленина в Этнографическом Обозрении 1916 г. № 3—4.

Две работы посвящены обряду похорон животных. Археолог В. А. Городцов в статье ,,Погребение животных в Муромских могильниках'' (Этногр. Обозр. 1916 г. № 3—4) утверждает, что современное погребение животных во Владимирской губ. представляет собою пережиток старофиннского обряда, и что первоначально погребались только священные животные. В. В. Богданов в статье ,,Древние и современные обряды

41*

погребения животных в России“ (ibidem) напротив высказывает предположение, что погребение животных не имеет ничего общего с их обоготворением и вызвано желанием оборониться от зол и бедствий, источником которых являются, по поверию, трупы.

В 1916 году вышла вторая часть труда Н. Гальковского „Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси“ (Харьков). Первый том, вышедший в Записках Моск. Археолог. Инст., представлял собой собрание текстов, второй заключает в себе обзор всех работ, посвященных названному вопросу. Параллельно автор излагает и собственные наблюдения. Один из памятников, отражающих борьбу с остатками язычества, „Слово к невеждам“ был подвергнут рассмотрению в докладе, прочитанном проф. Моск. Духовн. Ак. Смирновым в О-ве Ист. Лит. Докладчик предполагает, что „Слово“ возникло на юге России и является произведением нескольких лиц. Интересны показания „Слова“ о древнерусских обрядах — „баня мертвым“ и „мовь навем“. Пережиток аналогичного по мнению Смирнова обряда — согревания покойников сохранился до сих пор у Черемисов и Мордвы. Много материалов о старорусских религиозных переживаниях содержит в себе книга Аничкова „Язычество и древняя Русь“ (Петрогр.). Дохристианским верованиям русских и других славянских народов посвящена популярная книжка Е. Г. Кагарова „Религия древних славян“ (М. 1918), где привлечен к разсмотрению и современный обрядовый и фольклорный материал. В Изв. II А. Н. 1918, I напечатаны „Заметки по русс. мифологии“ того же автора.

Максимов прочел в 1921 году в Этн. Отд. О. Л. Е. А. и Э. доклад „Об обряде опахивания“. Докладчик собрал обширный материал и на основании его установил две разновидности обряда, из которых каждая приурочена к определенной территории. В том же заседании Б. М. Соколов прочел доклад о верованиях крестьян Ярославск. губ. Богатырев и Яковлев ознакомили Комиссию по народн. словесности с собранными материалами по верованиям крестьян Верейского у. Моск. г. В Этногр. Обозр. опубликованы материалы К. Г. Завойко „Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирск. губ.“ (CIII—CIV) и Богатырева „Верования великороссов Шенкурск. у.“ (CXI—CXII).

Материальная культура.

Русские этнографы обращают все больше внимания на материальную культуру. Из исследований по отдельным вопросам материальной культуры назовем доклад В. А. Городцова в Этн. Отд. О-ва Л. Е. А. и Э. о земельных знаках (1915 г.), статью В. В. Богданова о бирках в Этногр. Обозр. (1916 г.), статью Н. Ф. Яковлева о женском костюме Области войска Донского (там же) и доклад Зеленина в Этногр. Отд. о лаптях (1917). Росс. Геогр. О-во выпустило обстоятельную программу для собирания сведений о крестьянской одежде и постройках. Московский Археологический Институт издал в 1914 г. II вып. Этнографии Харузиной „Приемы изучения явлений материальной культуры“.

Последние годы велась интенсивная работа по описанию богатого собрания Этногр. Отд. Румянцевского Музея. Русское отделение описы-

вали Янчук, Елеонская, Мендельсон и др., инославянское отд. — акад. Сперанский и Свешников. Богатейшее собрание предметов народного бытового искусства Росс. Исторического Музея в Москве остается для публики недоступным, но в 1921 году небольшая часть этого собрания была показана на выставке русского народного бытового искусства. В связи с этим собранием Истор. Музея возникли следующие исследования: Воронова: ,,Прялки и пряничные доски, систематизация их''; Сухотина: ,,Нечто о связи песни с изобразительным искусством'' и доклад Малицкого в О-ве истории литературы ,,Повесть о царице и львице в старорусской миниатюре и на народной прялке''. На состоявшемся в Москве в 1920 г. Всеросийском с'езде по глиняной промышленности были между прочим прочитаны следующие доклады: А. В. Филиппова ,,Древнерусская черепица», ,,Изразцы в др.-русском искусстве'', ,,Изразцовая печь, как памятник искусства и быта''; Г. Л. Малицкого ,,Надписи на русских изразцах XVIII столетия»; И. Г. Голанова ,,Поговорки, загадки и прибаутки, относящиеся к глиняной промышленности''; Е. Н. Басовой: ,,Глиняная скульптурная игрушка и свистулька''.

В Казани в 1917 году открыт сев.-вост. археологический и этнографический институт с особым этнографическим отделением, издающий специальные ,,Известия''. Курсы этнографии включены и в програмну Петрогр. географического института, основанного в 1916 году и Киевского, основанного в 1917 году. В Саратове Б. М. Соколовым основан музей этнографии местного края. Большая работа по этнографии ведется за последнее время Академией материальной культуры.

Инородческий фольклор.

Богатый материал для изучения вопроса о фольклорных взаимовлияниях русских и инородцев в России дают собранные за последнее время в России произведения народной словесности разнородных племен, населяющих Россию. Академия Наук издала произведения народной словесности бурят, собранные С. Ж. Жамцарано (1914 г.), ,,Очерк шаманства у енисейских остяков'' Анучина (1914 г.), ,,V—VI вып. латышских народных песен'' Визендорфа (1915 г.), ,,Образцы народной литературы якутов'', записанные В. Н. Васильевым (1916 г.), ,,Дух, хозяин леса у якутов''. Б. М. Ионова (1916), ,,Сванские тексты'' рассказы, сказки, стихи, песни, заговоры (1917), ,,Образцы народной литературы якутов'', собранные И. А. Худяковым (1918). В 1917 году при Академии была организована Комиссия по изучению племенного состава России, выпустившая Инструкцию составления племенных карт. По инициативе Комиссии предпринят ряд этнографических поездок. В частности много фольклорного материала собрано среди кавказских племен (Рыбаковым, Шиллингом и Яковлевым). В Казани создался центр по этнографическому изучению восточных инородцев. Там вышел сборник черемисских песен, собранных Васильевым. Казанский Музейный Вестник (1920, V—VI) сообщает, что К. П. Гердт-Чайниковым обнаружен, записан и переведен обширный вотский народный эпос Докьявыл, повествующий о сотворении мира, о золотом веке, об утрате людьми

прежнего счастья, о происхождении гусель, о расселении вотских родов, о борьбе с черемисами и татарами и т. д. В ,,Известиях Архангельского О-ва изучения русского севера" за годы 1914—1919 напечатано много материалов по фольклору народностей, населяющих север России (самоедов, лопарей, корелов). Самый же вопрос о фольклорном взаимовлиянии русских и инородцев продолжал оставаться неисследованным, если не считать работы А. В. Маркова о взаимовлиянии русского и мордовского фольклора (Труды Тифлисских Высш. Женских Курсов) и нескольких замечаний кн. Н. С. Трубецкого о влиянии древне-русского стиха на мордовский стих в его докладе о стихе восточно-финнских песен в Этн. Отд. О. Л. Е. А. и Э. в 1914 г.

Прага. *Р. Якобсон.*
П. Богатырев.

Několik zpráv o práci v oboru slovanské filologie na dnešní Ukrajině.

Dostala se mi do rukou dvě čísla (1. a 4.) revue „Наука на Украине", vydávané Vědeckým výborem hlavní ukrajinské komise pro odborné vzdělání v Charkově, z r. 1922. Revue obsahuje vědecké články z nejrůznějších oborů; ve 4. č. je jich celkem čtyřicet. Kromě toho podává kroniku vědeckého života v Rusku a na Ukrajině, referáty o nových vědeckých publikacích a personalia. Většina článků je psána rusky, část ukrajinsky. V č. 4 je také několik statí z oboru slavistiky. Jsou to: 1. od L. A. Bulachovského „Падение синтетического склонения в болгарском языке" (str. 322—323). Bulachovskij vyslovuje domněnku, že semasiologické míšení pádů se v bulharštině nejprvé objevilo po předložkách; změny fonetické podporovaly toto míšení. Popud k zániku synthetického skloňování daly nové ethnické prvky v bulharském národě. — 2. „О ритме русской прозаической речи" od E. G. Kagarova (str. 324—342). Autor zkoumá rytmus ruské prosy, následuje methody Marbeho a jeho školy, analysuje zejména rytmus začátku a konce věty nebo periody; stanoví, že nejtypičtějším intervalem mezi dvěma přízvuky je pro ruštinu interval dvojslabičný, pro emocionální řeč — jednoslabičný. — 3. „Голод у народньо-поетичному освітленні" od akadem. A. Lobody. Autor slopuje, jak je líčen hlad v ukrajinském, velkoruském a běloruském folkloru. Dále přináší revue článek prof. A. J. Běleckého „Достоевский и натуральная школа в 1846 г. (str. 332—342) a I. P. Bělokonského „Памяти В. Г. Короленко" (str. 313—318).

V kronice je zajímavá zpráva o činnosti charkovských vědecko-badatelských stolic. Úkoly charkovské stolice jazykozpytu jsou: studium sociálních činitelů v životě jazyka, studium ukrajinštiny (hlavně na levém břehu Dněpru), a zkoumání židovského jazyka a jazyků jiných národnostních menšin na Ukrajině. Ředitel stolice D. K. Zelenin obíral se otázkami o vlivu posledních válek na jazyk ruský a ukrajinský, hlavně ve slovníku, dále studiem soudobých zkratek a slovním tabu v jazyce pod vlivem pověry. V ruštině a ukrajinštině takové zákazy jsou rozšířeny a poskytují poučnou látku pro zkoumání psychologie slovního tabu. V ruštině je na př. místy zakázáno užívati příslovce куда. Kromě toho Zelenin řídí práce směřující k sestavení slovníka ukrajinského spisovatele Kvitky-Osnovjanenka podle programu, vypracovaného svého času akademikem F. F. Fortunatovem a Zeleninem pro slovník k básnickým dílům knížete Vjazemského. Tiskem uveřejnil Zelenin články: „Древняя финская Весь" (v II. svazku revue „Записки Высшей Школы г. Одессы"), kde přetřásá otázku o účasti Finů v tvoření velkoruské národnosti, a „Музей Слободской Украины в Харькове" (v VII. sv. revue „Русс. Исторический журнал"). V tisku jsou: „Современная частушка" (Воронежский Историко-Археологический Вестник No. 3) a „Общий очерк этнографии великоруссов" (Районное описание России). Spolupracovník tohoto oboru Maškin zabývá se otázkou o vlivu

hromadného stěhování následkem světové a občanské války a hladu na jazyk. Ředitel sekce ukrajinské Siňavskij organisuje „Диалектологический Архив левобережья“ a vypracoval program pro sbírání dialektologických materiálů pro tento archiv. Uveřejnil „Порадник українськоі мови“. Ředitel sekce srovnávacího jazykozpytu I. G. Ritter ve svém kursu »Úvod do románského jazykozpytu« přihlíží také k otázce o románských prvcích v ukrajinštině.

K tisku připravil prof. L. A. Bulachovskij tyto práce: „Акцентологические этюды“, „Акцентологические отношения связанные с закрытым *o* в словинском“, „К болгарскому ударению“, „Очерк литературного болгарского языка“, „О вторичных циркумфлектированных интонациях в праслав. языке“.

Jiný spolupracovník stolice — Maslov — pokračuje ve svém díle „Заложные мертвецы в античном быту и литературе“, jež má býti doplňkem díla prof. Zelenina „Очерк русской мифологии“.

V referátu o činnosti stolice pro dějiny Ukrajiny kromě zpráv o pracích čistě historických jsou také některé poznámky o práci v oboru ukrajinského folkloru a literatury. Žák Potebňův Vetuchov zabýval se ukrajinskými lidovými zaříkáváními, Zelinskij hádankami, Dankovskaja pečivem vyskytujícím se při lidových obřadech, hračkami, ozdobami oken a úlohou rostlinného světa v ukrajinských lidových obřadech; kromě toho jsou zaznamenány četné práce mladých spolupracovníků stolice z oboru dějin staré i nové literatury ukrajinské.

Dále informuje nás „Наука на Украине“ o bulletinech, jež vydává výbor pro vydání děl prof. Potebni, zřízený při Ukrajinské Akademii Věd. Předsedou výboru je akademik Bagalej. Dosud vyšla dvě čísla těchto bulletinů. Bulachovskij tu uveřejnil stať „К понятию предложения“, Siňavskij stať „Що зробив Потебня для украінськоі мови“. Chystá se vydání nedávno nalezeného rukopisu Potebni o poetice Ťutčeva.

Z referátu o historicko-literární sekci Vědecké společnosti při charkovském ústavu pro lid. vzdělání, uveřejněného v 1. č. „Науки на Украине“, je viděti, že zájem o studium literární formy, jako hlavní úkol literární historie, který se šíří po celém Rusku, projevuje se také v charkovské vědecké práci. Tak zaznamenává m. j. zpráva Gabelův referát o komposici ruských bylin a Kagarovův referát o formálni struktuře starořeckých zaříkávání a modliteb. V Odese, jak vidíme ze zpráv revue, vyšla kniha prof. Volkova „Разыскания в области сюжетов и композиции русской сказки“ (od téhož autora je připraveno k tisku „Слово о полку Игореве, опыт сравнительного комментария по стилю и форме“ a „Украинская обрядовая песня Херсонской губ.“) a kniha Jiřího Šengeli „Трактат о русском стихе“ (I, 1921).

Úryvkovité zprávy přináší revue o nových historicko-literárních materiálech, jež byly vydány v Odese. Je to sborník vydaný pod redakcí Grosmana „Творчество Достоевского“ (1921), kde jsou po prvé uveřejněny četné fragmenty rukopisů Dostojevského, poznámky ženy Dostojevského k jeho dílu, několik článků o Dostojevském a podrobná bibliografie dopisů Dostojevského a vzpomínek naň. Dále byla vydána kniha M. P. Aleksejeva „Ранный друг Достоевского—Шидловский“ a mnoho materiálů, uveřejněných prof. Oksmanem: „И. С. Тургенев, исследования и материалы“ т. I (1921), „Из разысканий в области Пушкинских сюжетов“, „Константиновская легенда в Херсонщине“, „Полетаев перед судом николаевской цензуры“, „Борьба с Байроном в александровскую эпоху“.

O činnosti vědecko-badatelské stolice v Odese a o filologické činnosti v Kijevě v číslech „Науки на Украине“, která mám v rukou, není bohužel žádných zpráv. Z jiného pramene se dovídáme, že v Odese nedávno vyšel sborník věnovaný prof. B. M. Ljapunovu. Do sborníku toho přispěli Buzuk, Durnovo, Iljinskij, Karskij, Seliščev, Sobolevskij, Tomson.

V oddílu »Personalia« nalézáme zprávu o smrti akad. **N. F. Sumcova** (zemř. 15. září 1922). Nikolaj Fedorovič Sumcov narodil se 1854 r., absolvoval v Charkově gymnasium a universitu, byl tamtéž profesorem dějin ruské literatury a po revoluci dějin literatury ukrajinské, které přednášel až do své smrti. Přednášel rovněž etnografii a poslední dobu byl ředitelem sekce národopisu a folkloru při vědecko-badatelské stolici dějin Ukrajiny. Podle vlastního seznamu Sumcov napsal 836 větších nebo menších prací. Hlavní jeho

práce z oboru etnografie jsou: „Культурные переживания“, „Современная малорусская этнография“, „О свадебных обрядах“, „Хлеб в обрядах а песнях“. Hojně se zabýval legendami, apokryfy, ukrajinskými dumami и písněmi, ukrajinskými spisovateli XVII. st., Puškinem a Odojevským. V posledních létech uveřejnil pojednání o »Slově o pluku Igorevě«, „Начерк розвитку украінськоі литературноі мови“ (Харьков 1918), několik článků o Potebňovi v zmíněných bulletinech, seznam themat pro studie o Ševčenkovi s podrobnou bibliografií, připravil k tisku dějiny ukrajinského divadla XIX. st., studii o ukrajinských revolučních písních XVII. a XIX. st., studii o soudobém kultu slunce, jak se obráží v novém ruském a ukrajinském básnictví a výtvarném umění, „Начерки украінськоі философськоі думки“ a knihu „Спомини і характеристики“. Zesnulý byl dopisujícím členem Ruské Akademie Věd, řádným členem Ukrajinské Akademie Věd a mnoha ruských i zahraničních vědeckých společností. *R. J.*

По поводу одного примѣчанія. На стр. 467 въ статьѣ „Славянская филологія въ Россіи за годы 1914—1921“ г. г. Р. Якобсона и П. Богатырева я прочелъ слѣдующія строки: „Въ 1916 году Петроградское издательство „Огни“ выпустило въ свѣтъ книгу избранныхъ духовныхъ стиховъ для широкой публики подъ редакціею Е. А. Ляцкаго подъ заглавіемъ: „Русь страждущая — вѣнецъ многоцвѣтный“ съ популярной вступительной статьей редактора.“ Эти строки сопровождены примѣчаніемъ: „Ком. по нар. слов., разсмотрѣвъ книгу, признала ее недостаточно научной.“

Позвольте притти на помощь гг. обозрѣвателямъ, сдѣлавшими честь книгѣ, изданной именно для „широкой публики“ безъ претензій на „научность“, упоминаніемъ о ней въ „научномъ“ обзорѣ „славянской филологіи“, и разъяснить маленькое библіографическое недоразумѣніе. Петроградское издательство „Огни“ книги подъ приведеннымъ выше заглавіемъ ни въ 1916, ни въ другомъ какомъ-либо году не издавало. Оно издало въ 1912 году книгу подъ заглавіемъ „Былины, старинки богатырскія“, одобренную и рекомендованную въ свое время для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній компетентными учеными и педагогическими органами. Другое издательство — „Сѣверные огни“ въ Стокгольмѣ — переиздало эту книгу въ 1920 году подъ заглавіемъ „Русь страждущая, вѣнецъ многоцвѣтный“, въ значительно сокращенномъ видѣ, еще менѣе претендующемъ на „научность“, на охрану которой со столь похвальнымъ усердіемъ становятся гг. обозрѣватели. Но дѣло въ томъ, что книга эта, какъ бы о ней ни судила ученая „комиссія“, казалось бы, не должна была привлечь къ себѣ вниманія гг. обозрѣвателей: первая появилась раньше поставленной хронологической границы, вторая — издана не въ Россіи. Но не подшутила ли здѣсь простая опечатка, вкравшаяся на одну изъ страницъ стокгольмскаго изданія, гдѣ первое изданіе книги ошибочно обозначено 1916 годомъ? Если это такъ, то гг. библіографамъ слѣдуетъ рекомендовать знать книгу, о которой они приводятъ отзывъ, а не руководствоваться эмоціонально наслышкой или опечаткой. *Евг. Ляцкій.*

Josef Holeček, vynikající znalec jihoslovanského života a básnictví, z něhož již po 40 let mistrně překládá, i průkopník vzájemnosti slovanské v starším duchu slavjanofilském, počíná psáti své paměti; lze se o nich naditi že přes svou románovou formu a přes nadbytek subjektivních úvah budou, vzácným dokumentem kulturního života českého a slovanského v uplynulém půlstoletí. První samostatný díl »Pero« (Praha 1922, nákl. Pražské akciové tiskárny, Str. 478), obsahuje hlavně vylíčení studentských let jihočeského rodáka. Slavisty bude zajímati zvláště kapitola o studiích na gymnasiu v Táboře, kde byly položeny základy k Holečkovým znalostem a zálibám jihoslovanským, zvláště k chápání srbské a bulharské poesie junácké i lyrické. Hlavní zásluhu o to měli jednak srbští a bulharští studenti v Táboře (na př. Kosťa Taušanovič, Michalaki Georgiev), jednak ředitel ústavu Václav Křížek (1833—1881), sám překladatel ze srbštiny a chorvatštiny a autor první Anthologie jihoslovanské v Čechách.

Výtahy z časopisů.

Filologu biedrības raksti. I. sējums. Rīgā 1921. II. sējums. Rīgā 1922.

Въ I. томѣ этого сборника, издаваемаго латышскимъ филологическимъ обществомъ при Латышскомъ университетѣ въ Ригѣ, помѣщены слѣдующія статьи: »Par lizumniešu izluoksni« **Apsīšu Jākupa** (стр. 1—38), гдѣ дается описаніе восточнолатышскаго говора Лизонской волости, Лифл. губ., причемъ въ данной статьѣ разсматривается лишь глаголъ и неизмѣняемыя части рѣчи и дается списокъ мѣстныхъ словъ, главнымъ образомъ глаголовъ, неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ въ среднелатышскихъ говорахъ. Въ области спряженія данный говоръ сохранилъ болѣе старыя формы, чѣмъ латышскій литературный яз., напр. основы прошедшаго времени на *-ē-*, будущее время первообразныхъ глаголовъ съ корнями на *d, t, z, s* безъ вставочнаго *i* (въ 1. и 2. лицѣ обоихъ чиселъ), напр. *veššu, vessi* (: среднелат. *vedîšu, vedîsi*); для modus relativus — старыя формы part. praes. act. на *-us*, fem. g. *-uote* и нѣк. др. особенности. — Въ статьѣ »Par zilbiskām skaņām latviešu divskaņos« **A. Ābeles** (стр. 39—44) указывается, на основаніи данныхъ экспериментальнаго изслѣдованія, что имѣющіяся въ латышскомъ языкѣ дифтоническія соединенія (*ie, uo, ai, au, ar, al* и др.) противорѣчатъ традиціонному взгляду, по которому 1) только одинъ компонентъ дифтонга считается слоговымъ и 2) таковымъ является болѣе широкій, акустически сильнѣйшій элементъ. Характернымъ для латышскихъ дифтонговъ является именно то, что они представляютъ соединеніе двухъ слогообразующихъ звуковъ, причемъ акустически болѣе слабый элементъ (напр. *i* въ дифтонгахъ *ai, ei, ie*) можетъ быть даже главнымъ носителемъ слоговыхъ функцій. — »Kopš« **J. Endzelīna** (стр. 44). Латышское слово *kopš* „какъ долго, съ тѣхъ поръ какъ“ авторъ связываетъ съ вопросит. мѣстоим. *kas*, возводя *kopš* къ *komš* изъ *komeš* „съ тѣхъ поръ какъ“, съ которымъ сравниваетъ лит. *kuomèt* »zu welcher Zeit«. — **P. Šmidta:** Par zemgaliešu un sēļu tautību (стр. 45—48). Основываясь на данныхъ исторіи, этнографіи и языка, авторъ высказывается за то, что упоминаемыя въ хроникахъ балтійскія племена земигалловъ (Semigalli, Semegallen, Зимѣгола) и селовъ (Selones, Selen) могли около XII. вѣка быть болѣе или менѣе самостоятельными племенами, составлявшими въ отношеніи языка переходные діалекты между языками латышскимъ и литовскимъ, но находившимися въ болѣе близкомъ языковомъ родствѣ съ латышами, чѣмъ съ литовцами.

Во II. томѣ **J. Endzelīna:** Ko mums māca Latvijas vietu vārdi par *v* izrunu? (стр. 7—8). Основываясь на различіи въ произношеніи нѣмцами латышскихъ названій мѣстностей, начинающихся звукомъ *v*, въ восточной Лифляндіи (гдѣ лат. *v* соотвѣтствуетъ нѣм. *f*, напр. *Vestiena* »Festen«, *Vietalva* »Fehteln« и др.) и въ западныхъ областяхъ Лифляндіи и Курляндіи (гдѣ лат. *v* передается нѣмецкимъ *w*, напр. *Vainiži* »Wainsel«, *Venta* »Windau« и др.), авторъ заключаетъ, что въ XIII. столѣтіи была разница въ произношеніи звука *v* между западными говорами курсовъ и ливовъ съ одной стороны и восточными латышскими говорами съ другой: первые произносили *v* какъ неслоговое *u*, которое нѣмцы передавали своимъ (нижненѣмецкимъ) *v*, имѣвшимъ также звуковое значеніе *u̯*, вторые произносили *v* какъ спирантъ, болѣе близкій нѣмецкому глухому спиранту *f*, чѣмъ неслоговому *u*. — Въ своихъ »Piezīmes par prūšu valodu« (стр. 9—14) И. Эндзелинъ даетъ нѣсколько этимологій древне-прус.

словъ и объясненіе нѣкоторыхъ древне-прус. формъ (всего 18 случаевъ). Др.-прус. слово *sealtmeno* „иволга" авторъ связываетъ съ латыш. словомъ *zelts* „золото", гдѣ *ea* въ діалектѣ Эльбингенскаго словаря изъ *ē*, развившаюся изъ *e* при падающей интонаціи. Др.-прусск. глаголъ *gunnimai* „мы гонимъ" съ неопред. накл. *guntwei* авторъ считаетъ, вопреки Траутману, старымъ балтійскимъ словомъ (родственнымъ со славянскимъ *гънати*), въ пользу чего говоритъ родственная лит. форма *gùndyti* = лат. *gundît* »zum Bösen anreizen«; лит. *gùndyti*: **gunti* = лит. *stùmdyti* (= лат. *stumdît*): *stùmti* (= лат. *stumt*). Славянскій и балтійскій корень *gun*- м. б. контаминаціей корней *gen*- и *gu*- (откуда лит. *gujù* „быстро гоню"). Въ др.-прусск. глаголѣ *auschaudītwei* „довѣрять, полагаться" (который Траутманъ связываетъ со слав. *čuti* и *čudo*) авторъ видитъ тотъже корень, что въ латышскомъ гл. *šaut* »rasch zufahren, eine heftige Bewegung machen« и слав. *sovati*. Др.-прусск. *auschaudītwei*, подобно русск. *полагаться*, латышск. *palaisties* „довѣрять", могло также содержать корень, означающій какое-либо движеніе, т. е. могло имѣть первоначальное значеніе: опираться на того, кому довѣряютъ. Др.-прусск. гл. *attrātwei* „отвѣчать" авторъ разлагаетъ на приставку *at*- и *ratwei*, которое связываетъ съ русск. *раять*, *рай* и латышск. *rāt* „бранить, порицать". Др.-пр. глаголъ *smūnint* „почитать" авторъ считаетъ производнымъ отъ им. сущ. *smūni* »Person« (: лит. *žmónes* „люди") и имѣющимъ первоначальное значеніе: обходиться какъ съ человѣкомъ, подобно старо-серб. *човјечити се* »sich rühmen« (отъ сл. *човјек*), латыш. *sunît* »hunzen« и нѣм. *hunzen* »wie einen Hund behandeln« и др. — Въ статьѣ »K e k a t ā s i e t (l ē k t)« **K. Pētersona** (стр. 15—20) указывается на обряды и повѣрія, связанныя съ празднованіемъ въ старину Vastlavji »Fastnachtsabend« (въ разныхъ мѣстностяхъ Латвіи), заключавшемся въ пѣніи относящихся сюда народныхъ пѣсенъ и въ совершеніи соотвѣтствующихъ обрядовъ. — Въ статьѣ »O s k a ņ a p a l s m a n i e š u i z l o k s n ē« **A. Ābeles** (стр. 53—55) излагаются условія появленія краткаго *o* вмѣсто среднелат. краткаго *a* въ говорѣ Пальцмарской волости въ Лифляндіи, составляющемъ переходный говоръ отъ среднелат. къ восточнолат. говорамъ. — Въ статьѣ »P a r m ī l e s t ī b u, p r e c ī b ā m u n s k a i s t u m u t a u t a s d z i e s m ā s« **P. Šmidta** (стр. 21—52) разсматриваются вопросы о любви, сватовствѣ и понятіи красоты въ латышскихъ народныхъ пѣсняхъ. Относящіяся сюда народныя пѣсни можно, по мнѣнію автора, подраздѣлить на 3 періода: къ I пер. относятся пѣсни, въ которыхъ говорится о похищеніи и куплѣ невѣсты, и возникновеніе которыхъ можно отнести приблизительно къ XIII. и XIV. вѣкамъ, т. е. ко времени, когда латышскій народъ еще не былъ окончательно порабощенъ пришельцами-нѣмцами и неуспѣлъ еще укорениться церковный бракъ. Въ пѣсняхъ слѣдующаго періода говорится уже о свободномъ выборѣ невѣсти и жениха, но въ пѣсняхъ этого періода, какъ и перваго, чувству любви удѣлено мало мѣста. Пѣсни этого періода авторъ относитъ къ XV. вѣку. Наконецъ, въ пѣсняхъ III. пер., относимыхъ авторомъ къ XVI. вѣку, можно найти уже слѣды любовной лирики и романтизма, заимствованныхъ при нѣмецкомъ посредничествѣ изъ западной Европы. Далѣе, разсматривая выраженіе понятія красоты въ латышскихъ народныхъ пѣсняхъ, авторъ находитъ, что идеаломъ красоты какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ считался невысокій ростъ, полнота, золотистый цвѣтъ волосъ и голубые глаза. — **K. Līniņa**: P a r z i l b j u p a g a r i n ā š a n u u n s a ī s i n ā š a n u (стр. 56—59). Авторъ указываетъ на нѣкоторые случаи сокращенія долгихъ гласныхъ и дифтонговъ въ безударномъ положеніи и на нѣкоторые случаи удлиненія слоговъ подъ удареніемъ (логическимъ) въ говорѣ Бринкенгофской вол. въ югозападной Курляндіи. Удлиненіе слога происходитъ путемъ удлиненія его гласнаго звука, если слогъ открытый или оканчивается звонкимъ согласнымъ, если же слогъ оканчивается глухимъ согласнымъ или, если онъ открытъ, но слѣдующій слогъ начинается глухимъ, то удлиненіе слога происходитъ путемъ удлиненія этого согласнаго звука (напр. звука *t* въ словѣ *sit* или *sita*). Удлиненія краткаго слога не бываетъ, если слѣдующій за нимъ слогъ долгій. *А. Абеле.*

Časopis pro moderní filologii a literatury (s částí didaktickou). Ročník VIII. V Praze 1921—1922.

Slavistiky týkají se tato pojednání: **Fr. Ramovš:** Výjimečné *u* místo pravidelného *ǫ* za *ǫ* v slovinštině (str. 1—8). Jde o *u* ve slovích *muditi, sumniti, nuja, gnus* (*u* je tu již praslovanské), *snubiti, snubok* (*u* patrně etymologické), *tuńe* (asi též prvotný vokalismus), *sûpər-zûprə, sûseb-zûseb* (dodnes v doleňském nářečí; z etym. *o*, které je tu z tvaru *zôpet*<*vъzopetь*), *potuhniti* (dvě slovesa, utvořená z rozličných kořenů; ve významu »verlöschen« je kořen **tǫch-* s přikloněním vokalismu ke kořeni **duch-*, ve všech ostatních významech jde o odvozeninu od subst. *potuha* z **tuch-*), *minúti* (působením mužského participiálního tvaru *mənù*), *ganuti* (chyba tisku), *trenútən, trenútək* (ze srbochorvatštiny), *gûs* (pův. *gôs*, gen. sg. *gosî* pozměněno vlivem *kûst kostî, nûč—nočî, sû—solî* atd.), *hut* (doleňsky z *chǫtь*), *bûbən* (působením onomatopoických slov *bûnka'i, bûnk, bum bum*), *tisúč* (analogií podle gen. plur. *kóz, nóg* atd., *ó* doleňsky >*ú*), *grusiti* (analogií), *hrústati, hrustánəc* (přikloněním k onomatopoickým tvarům souznačným), *gúza* (dial. z *ǫ* a přejetím z Chorvatska), *Lobud, peruti* (zaměňováním různých přípon), *grud, nadût* (ze srbochorv.), *nadúti* (skřížením se slovesem *duti-dujǫ*), *suženj, túga, túžen, túžnost, múka, múčiti, vût, údica* atd. (ze srbochorv.). — **Fr. Trávníček:** Stč. sniti světa, s světa (8—13). Proti staršímu mínění vykládá T., že v případech takovýchto psané *světa, skály* a pod. nemusí být *s světa, s skály* a pod., nýbrž že může jíti o vazbu prostého genitivu. — **Jos. Janko:** Poznámky a příspěvky k českému slovníku etymologickému. Řada IV. (Str. 13—19, 113—124, 209—216). Etymologický výklad slov *a—aha (ahá)*. — **Viktor Novák:** Metrický rozbor Vocelova Labyrintu slávy (19—25). Jedna z kapitol autorovy studie o Vocelově Labyrintu slávy, jejíž ostatní kapitoly vyšly ve IV. ročníku revue »Nové Čechy«. — **K. Paul:** Příspěvky k vzájemnosti československo-jihoslovanské (25—32, 124—127). I. Levočští Slováci ve stycích s Chorváty. II. Jedna z překážek, proč L. Štúr nedostával povolení k vydávání slovenských novin. III. Ohlas svatby Jana Kollára mezi slovanskou mládeží v Pešti. IV. K. Havlíček a St. Vraz. — **Jovan Kršić:** Nejnovější poesie srbská se zvláštním zřetelem k poesii vlastenecké (32—38, 127—131, 205—209). Kritický přehled toho, co srbská část jihoslovanského národa vykonala v posledních letech na poli poesie lyricko-vlastenecké.— **Prokop Lang:** Slov. dvojice jelenь-olenь, lanьji (97—101, 202—205). V praslov. bylo nejprvé mask. *olenь*, fem. *olnьji*, pak mask. *olenь*, fem. *lanьji* a konečně mask. *olenь*, **jolenь* > *jelenь*, fem. *lanьji*. — **Fr. Trávníček:** K vokalisaci předložek a předpon v češtině (101—105, 198—202). O předložkách *bez, jьz, ot, roz* a *vъz*, které v češtině ukazují na dvojí tvar, bez koncového jeru i s ním. Tvar s koncovým jerem nelze vždy předpokládati před slabikou jerovou, začínající se souhláskou. Tvar bez jeru nejčastěji tam, kde následují dvě slabiky jerové (na př. *jьz-rъpъtati*). V poznámce na str. 201 se T. přidává k novému výkladu Hujerovu o těchto případech, podanému ve Sborníku filol. VII, 23—31. — **J. Menšík:** K studiu slovenštiny (str. 105 až 113). Vytýká úchylky, jež učinil J. Škultéty při vydání sebraných spisů Kukučinových od znění původního. — **K. Paul:** Neznámé dopisy Pavla Jos. Šafaříka Bart. Kopitarovi z r. 1830—1831. (Str. 193—197). Z dopisů chovaných v univ. knihovně v Záhřebě. — **V. Flajšhans:** *ahá—haha* (216—218). Dovozuje se, že starší je *haha (hahá)*, z něhož dissimilací vzniklo pozdější *aha (ahá)*, doložené od stol. XVI. — **V „Archivu literárně-historickém": P. M. Haškovec:** Z listu J. Zeyera J. Vrchlickému (str. 73—74).

V rubrice »Úvahy« posuzuje K. Paul Prohaskův »Pregled savremene hrvatsko-srpske književnosti« (str. 74—77; »Práce tato znamená cenný příspěvek k literární historii srbo-chorvatské«), Ot. Svitavský Handlovu knihu »Problem rodzaju gramatycznego« (str. 167—170; Handlův pokus »není v těžkém tomto problému slovem posledním«), M. Weingart referuje o sborníku »Prace filologiczne ofiarowane Janowi Baudouinowi de Courtenay« (str. 248—261), J. Chlumský o Ivkovićově článku »Jedan čakavski izgovor« (261—262). — V rubrice »Zpráv« M. Weingart recensuje spisek K. Meyera: »Der Untergang

der Deklination im Bulgarischen«; dále tu je Meyerova replika »Entgenung auf M. Weingarts Kritik meiner „Slavischen und indogermanischen Intonation“ im ČMF VII., S. 308 ff.« s odpovědí Weingartovou; F. Sedláček píše o britských autorech v jihoslovanské literatuře; K. Paul referuje o Francevově knížce »Polskij slavjanofil Roman Zmorskij« a vzpomíná zesnulého Tihomira Ostojiće. *J. K.*

Atheneum. Vědecký sborník. Ročník I. Svazek 2. Svět slovanský II. V Praze 1922.

Albert Pražák: Slovenská svojskost (49—65). Za základní příčinu nedorozumění mezi Čechy a Slováky pokládá P. rozdílné zpracování kultur na půdě české a slovenské. Přehlédnuv slovenskou vzdělanost, zjišťuje P. tyto osobité, od Čechů odlišné prvky slovenské myšlenky: romantickou víru v Slovanstvo vůbec a v Rusko zvlášť (ale chlad k Polákům a neuznání rusínského problému, reální vztah k Jihoslovanům), přilnavost ke křesťanské myšlence, úctu k autoritám a vůbec sklonnost k romantismu (zejména ve filologii). Pozoruhodný jest i literární vliv turecký a maďarský a vztah k Americe. Důležitou úlohu hrají odchylné poměry přírodní. — **František Tichý:** Styky větve podkarpatoruské s československou v době literárního romantismu (1850—1870; str. 65—69). Styky mezi Rusíny a Slováky datují se sice již odedávna, ale teprve události r. 1848—1849 dávají podklad cílevědomé a intensivní spolupráci Rusínů podkarpatských s větví československou (A. J. Dobrjanskij, A. Duchnovič). Celá literatura tohoto období (1850—1870) má ráz vysloveně západnický. — **Vl. A. Francev:** Začátky slavistických studií na Rusi a v Polsku. Historické paralely (str. 69—76). Výklad důležitějších momentů ve vývoji ruské a polské slavistiky na poč. 19. stol. a poukaz na význam Prahy ve vývoji a vzrůstu slavistických studií. — **A. Brückner:** Slavistika na universitách německých (76—77). — **Frant. Sedláček:** Moderní srbsko-chorvatská kritika a anglická literatura (78 až 80). — **J. Baudouin de Courtenay:** O relativnosti v oboru jazykovém. Vstupní přednáška na universitě Karlově přednesená dne 20. května 1922.[1]) Relativnost dá se konstatovati i v oboru jazykovém. Na každém kroku je patrná závislost na prostředí, v němž se konají jazykové procesy. Relativnost vidíme v oblasti výslovnostně-sluchové, v obměňování slov (v deklinaci a v konjugaci), při vyjadřování vlastnictví, zdrobnělosti, v rozlišování rodu, v oblasti písma a zejména v oblasti semantiky. Neobyčejně relativní je používání termínů jazyk, nářečí, mluva, dialekt, žargon, idiom, patois atd. Jinou relativitu znamenáme při otázce stáří slov a pak též při klasifikaci jazyků. I pojem národnosti je relativní. A tak jen dva extrémy jsou v jazykovědě absolutní: řeč individuální a jazykový celek celého lidstva. — V »Rozhledech« píše **O. Vočadlo** o ruské literatuře v Anglii. — V rubrice »Úvahy« referuje **Miloslav Hýsek** o knize Selverově »Otakar Březina« (Oxford 1921). — Bibliografie. *J. K.*

---

[1]) Prof. Baudouin de Courtenay byl v letním semestru 1922 hostem filosofické fakulty university Karlovy, kdež přednášel »Charakterystyka języka polskiego w porownaniu z innemi językami słowiańskiemi i arjoeuropejskiemi« a měl cvičení seminární, věnovaná osvětlení otázek, o nichž byla řeč v přednáškách.

Rejtřík ososbní.

Rejstřík věcný.

Rejstřík slov

1. praslovanských a církevněslovanských

2. bulharských

2. srbsko-chorvatských

4. slovinských

5. českých

6. polských

7. polabských

8. ruských

9. litevských

10. lotyšských

11. staropruských

12. staroindických

13. avestských

14. armenských

15. řeckých

16. albánských

17. latinských

18. rumunských

19. germánských

20. ugrofinských

21. Jména vlastní (osobní a geografická).

Corrigenda.

Na str. 37 ř. 5 zdola místo *crıf|tı|ız* má býti **crı**|*ftı*|**ız**.
Na str. 209 ř. 4 zdola místo Text má býti Test.
Na str: 210 ř. 2 shora místo 59 má býti 64.
Na str. 210 ř. 7 zdola místo 209 má býti 204.

Ire Année — Table des matières.

Articles: Page

Critiques et comptes rendus:

Notes et informations:

Obsah ročníku prvního.

Články:

Kritiky a referáty:

Zprávy: